W 457/13
т. 4

II-457/13

СБОРНИКЪ СТАТЕЙ,

ЧИТАННЫХЪ

ВЪ ОТДѢЛЕНІИ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ

ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

ТОМЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
(В. О., 9 лин., № 12.)
1868.

3784

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ. Санктпетербургъ, декабрь 1868 г.

Непрѣменный Секретарь, Академикъ *К. Веселовскій.*

С.С.С.Р. ИНСТИТУТ Ц.И.К.
1062/21
ВСЕСОЮЗНАЯ БИБЛ-КА
45962-48
2007041601

W 457/13
И 65/187

ѲЕОФАНЪ ПРОКОПОВИЧЪ

и

ЕГО ВРЕМЯ.

И. Чистовича.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стран.

I. Первые годы жизни и ученія Ѳеофана. Путешествіе за границей. Возвращеніе въ Россію. Учительство въ кіевской академіи. Сближеніе съ Петромъ. Ректорство въ академіи. Переписка съ Маркевичемъ 1

II. Вызовъ Ѳеофана въ С.-Петербургъ. Протесты московскихъ ученыхъ и м. Стефана Яворскаго. Посвященіе въ епископа. Ученые труды. Полемика съ княземъ Д. Кантемиромъ 24

III. Отмѣна патріаршества. Стефанъ-мѣстоблюститель патріаршаго престола 57

IV. Духовный Регламентъ и учрежденіе Сунода. Личный составъ Сунода. Распоряженіе Сунода 70

V. Стефанъ-президентъ Сунода. Протесты его. Неудовольствія. Смерть 105

VI. Ѳеодосій Яновскій. Злоупотребленіе власти и изліяніе. Ропотъ духовенства 112

VII. Ѳеофанъ. Церковно-административные и ученые труды его. Правда воли монаршей. Исторія Петра Великаго. О блаженствахъ противъ хилыхъ и лицемѣровъ. Каноническія сочиненія. Сочиненія противъ раскола. Проповѣди. С.-Петербургская семинарія. Штатъ духовный. Устроеніе монашества и монастырей. Домовое хозяйство 118

VIII. Восшествіе на престолъ Екатерины I. Заносчивость новгородскаго архіепископа Ѳеодосія 147

IX. Доносъ псковскаго провинціалъ-инквизитора на судью архіерейскаго дома, архимандрита Маркелла Родышевскаго, въ расхищеніи церковнаго имущества 154

X. Процессъ и низложеніе новгородскаго архіепископа Ѳеодосія. Дѣло Варлаама Овсянникова. Перемѣщеніе Ѳеофана на новгородскую каѳедру 159

XI. Георгій Дашковъ и Игнатій Смола 185

XII. Маркеллъ Родышевскій и Ѳеофанъ. Протесты Родышевскаго противъ Ѳеофана въ противностяхъ церковныхъ и государственныхъ. Отвѣты Ѳеофана 195

XIII. Сила Дашкова. Ревизія Сунода. Шаткое положеніе Ѳеофана. Покровительство Остермана Ѳеофану. Коронація Петра II.

СТРАН.

Толки о патріаршествѣ. Новые протесты Родышевскаго. Отвѣтъ Ѳеофана. Дѣло Носова. Письмо Ѳеофана къ Голштинскому герцогу. Свиданіе съ Маркевичами. Дѣло Каллиста Заленскаго..... 223

XIV. Событія 1730 года. Возобновленіе протестовъ Родышевскаго. Аврамовъ. Варлаамъ..... 256

XV. Высочайшій указъ и конференція Сената съ Сѵнодомъ объ устроеніи Сѵнода. Судъ надъ воронежскимъ епископомъ Львомъ Юрловымъ..... 279

XVI. 1731 годъ. Учрежденіе Кабинета и возобновленіе Тайной Канцеляріи. Пасквиль іеродіакона Іоны на Ѳеофана. Допросы.. 293

XVII. Возраженія Родышевскаго на Регламентъ Духовный и на указъ о монашествѣ.—Московскій розыскъ 313

XVIII. 1732 годъ. Отбытіе двора изъ Москвы въ С.-Петербургъ. Тетради о житіи Ѳеофана. Розыскъ переписчиковъ. Подозрѣнія заговора и мятежа. Аресты..... 335

XIX. Левъ Юрловъ, Игнатій Смола, Сильвестръ Холмскій и Дашковъ 340

XX. Изданіе Камня Вѣры. Полемика по поводу этого изданія.

1. Рибейра и католическая пропаганда въ Россіи. Ѳеофилъ Кролікъ. Евѳимій Коллети. Платонъ Малиновскій. Возраженіе Ѳеофилакта противъ Буддея, въ защиту Камня Вѣры..... 366
2. Молотокъ на Камень Вѣры. Возраженіе на Молотокъ.. 385

XXI. Подметное письмо съ пасквилемъ на Ѳеофана.

1. Подозрѣнія въ составленіи его на Аврамова и Родышевскаго. Иверское слѣдствіе..... 407
2. Грекъ Серафимъ Аріонъ. Аресты Евѳимія Коллети и Платона Малиновскаго..... 416
3. Продолженіе слѣдствія о подметномъ письмѣ. Показанія растриги Осипа. Новые аресты..... 434
4. Секретарь придворной конторы Александръ Яковлевъ. Подозрѣнія на него въ составленіи подметнаго письма. Допросы. Учитель греческой школы И. Яковлевъ. Тетради, забранныя у него. Предики Симона Кохановскаго.... 437
5. Допросы Родышевскаго о предикахъ Кохановскаго.... 448
6. Допросы Аврамова и окончаніе иверскаго слѣдствія... 451

XXII. Продолженіе розысковъ по дѣлу подметнаго письма. Новыя подозрѣнія Ѳеофана. Рѣшиловъ. Арестъ и допросы тверскаго архіепископа Ѳеофилакта Лопатинскаго..... 460

XXIII. Продолженіе слѣдствія по дѣлу о житіи Ѳеофана и о подметномъ письмѣ.

1. Іеромонахъ Макарій. Живописецъ Березинъ и устюжская партія. Никитины. Допросы и истязанія А. Яковлева. Допросы и смерть Барсова..... 494

стран.
2. Печерскіе старцы и книга Аоанасія Великаго 500
3. Хлыстъ Спиридонъ Лупкинъ 504
4. Лишенный священническаго сана Степанъ Васильевъ.. 509
5. Продѣлки новгородскихъ подъячихъ. Подметное письмо съ укоризною на Государыню и на Ѳеофана, 1733 г... 511
XXIV. XXV. XXVI. Постановленія объ устроеніи монашества.... 514
1. Зварыкинъ. Отступничество его отъ христіанства и сношенія съ нечистыми духами. Странствованіе по монастырямъ и вступленіе въ саровскую пустынь. Арестъ саровцевъ 516
2. Разборъ тетрадей Родышевскаго о монашествѣ и назначеніе слѣдователя въ саровскую пустынь 527
3. Саровскіе пустынножители. Нальникъ Іоаннъ. Строитель Іосія Самгинъ. Юродивый Тимоѳей Архиповичъ. Ефремъ Короткій, пѣснописецъ 533
4. Допросы и показанія Зварыкина. Объявленіе Самгина о великомъ злоумышленіи 543
5. Саровское слѣдствіе. Показанія берлюковскаго іеромонаха Пахомія. Берлюковское слѣдствіе 553
6. Допросы и показанія княгини Долгоруковой, графини Матвѣевой и А. В. Макарова. Слѣдствіе надъ московскою дикастеріею и synодальною конторою 559
XXVII. Комедіи при дворѣ цесаревны Елисаветы Петровны. Подозрѣнія Императрицы. Допросы регента Петрова 568
XXVIII. Взглядъ на предъидущее 571
XXIX. Церковно-административная и ученая дѣятельность Ѳеофана 577
1. Церковно-административная дѣятельность: а) по Synоду 578
б) по новгородской епархіи 583
2. Ученые труды 588
3. Переписка съ Малярдомъ 591
4. Разсмотрѣніе разныхъ сочиненій передъ изданіемъ ихъ въ свѣтъ 596
5. Стихотворныя переложенія псалмовъ и стихи на разные случаи 597
XXX. Ѳеофанъ-проповѣдникъ. Характеръ его проповѣди 603
XXXI. Ученый кругъ его времени. Князь Д. М. Голицынъ. Кантемиръ. Татищевъ. Сношенія ихъ между собою 607
XXXII. Ѳеофанъ и Академія Наукъ 617
XXXIII. Отзывы иностранцевъ о Ѳеофанѣ и нѣкоторыя черты, относящіяся къ его характеру 625
XXXIV. Школа 631
XXXV. Домовое хозяйство 638
XXXVI. Смерть и погребеніе Ѳеофана 647
XXXVII. Завѣщаніе Ѳеофана 649

СТРАН.

XXXVIII. Послѣдующая судьба лицъ, вошедшихъ или вовлеченныхъ въ процессъ съ Ѳеофаномъ.

1. Ѳеофилактъ Лопатинскій..... 653
2. Рѣшиловъ и Маевскій. Процессъ Дудина..... 657
3. Освобожденіе Ѳеофилакта, Льва, Игнатія, Маевскаго, Рѣшилова, Яковлева и другихъ лицъ..... 667
4. Ливерій (Елевоерій) Коллети и Платонъ Малиновскій. Смерть Ливерія. Ссылка Платона. Освобожденіе..... 674
5. Родышевскій. Новые допросы. Освобожденіе. Посвященіе въ епископы. Смерть..... 677
6. Аврамовъ. Ссылка въ Охотскъ. Освобожденіе. Новые проэкты. Арестъ. Допросы. Смерть въ крѣпости... 680
7. Окончаніе дѣла саровцевъ и берлюковцевъ. Ссылка въ Сибирь. Окончаніе дѣла Макарова. Возвращеніе саровцевъ. Недоразумѣнія. Новая ссылка въ Сибирь. 695

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I. Доношеніе св. Суноду архимандрита Ѳеофилакта Лопатинскаго и іеромонаха Гедеона Вишневскаго съ извиненіемъ въ несправедливомъ обвиненіи ими Ѳеофана въ неправославіи.... 705

II. Объявленіе казанскаго митрополита Сильвестра Холмскаго о Ѳеодосіѣ..... 705

III. Указъ Петра Великаго о монашествѣ и монастырях..... 709

IV. Прошеніе Варлаама Овсянникова къ князю А. Д. Меншикову изъ соловецкой тюрьмы..... 718

V. Суподскій докладъ Императрицѣ Екатеринѣ I по поводу распоряженія оберъ-прокурора Болтина о безотложномъ взысканіи съ Ѳеофана занятой имъ у Сунода денежной суммы.... 721

VI. Прошеніе Ѳеофана Императрицѣ Екатеринѣ I о распечатаніи въ новгородскомъ архіерейскомъ домѣ и въ епархіи хлѣба и денегъ, опечатанныхъ по случаю слѣдствія надъ бывшимъ новгородскимъ архіепископомъ Ѳеодосіемъ..... 721

VII. Суподскій докладъ Верховному Тайному Совѣту, съ представленіемъ кандидатовъ на праздныя архіерейскія мѣста..... 723

VIII. Регулы семинаріи преосвященнаго Ѳеофана архіепископа великоновгородскаго и великолуцкаго..... 723

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Источниками свѣдѣній о Ѳеофанѣ Прокоповичѣ и событіяхъ его времени, въ которыхъ онъ принималъ участіе, служили намъ:

1. *Vita Theophanis Procopovitsch* въ *Nordische Nebenstunden, Th. 1. Francf. und Leipzig 1776 j. ss. 251—270* — изд. Шереромъ. Эта біографія составлена въ промежутокъ времени между смертію Ѳеофана въ 1736 г. и отбытіемъ въ 1741 г., изъ Марбурга въ Галль профессора Вольфа, который въ этой біографіи значится еще марбургскимъ профессоромъ. Она имѣетъ видъ некролога и составлена кѣмъ либо изъ жившихъ въ Петербургѣ и часто посѣщавшихъ Ѳеофана ученыхъ иностранцевъ, и проникнута уваженіемъ къ его памяти. Сочинитель отъ самого Ѳеофана слышалъ сообщаемыя имъ подробности о пребываніи Ѳеофана за границей и возвращеніи въ Россію, близко видѣлъ его быть и жизнь, наблюдалъ его обычаи и порядки въ домѣ, устройство его школы, и наконецъ зналъ о его сочиненіяхъ, изъ которыхъ въ ту пору напечатаны были только немногія, а нѣкоторыя остаются ненапечатанными до сихъ поръ. Съ вѣроятностію можно догадываться, что сочинителемъ этой біографіи былъ профессоръ новоучрежденной с.-петербургской Академіи Наукъ, *Зигфридъ Байеръ*, извѣстный оріенталистъ. Онъ былъ очень близокъ къ Ѳеофану, былъ учителемъ въ его школѣ и посвятилъ ему свое сочиненіе о Китаѣ. Если принять это предположеніе, то біографія Ѳеофана могла быть написана Байеромъ вскорѣ послѣ

смерти Θеофана въ 1736 г. и не позже 1738 года—года смерти Байера.

2. Біографія Θеофана, приложенная къ Готскому изданію сочиненія Θеофана: *De processione Spiritûs Sancti.* Gotha, 1772 an. Издателемъ этого сочиненія и вмѣстѣ авторомъ біографіи Θеофана былъ Дмитрій Семеновъ—Рудневъ *), посланный въ 1765 г. вмѣстѣ съ нѣсколькими молодыми людьми за границу, въ качествѣ инспектора надъ ними и для ознакомленія съ лучшими методами преподаванія. Въ шесть лѣтъ своего пребыванія тамъ Рудневъ издалъ, одинъ за другимъ, богословскіе трактаты Θеофана изъ уроковъ, читанныхъ имъ въ кіевской академіи и, между ними, важнѣйшій „Объ исхожденіи Св. Духа." Къ этому послѣднему сочиненію Рудневъ приложилъ біографію *(Vita auctoris)* и портретъ Θеофана. Біографія эта во многомъ расходится съ Шереровой біографіей и не представляетъ такихъ подробностей, какъ та. О происхожденіи ея издатель пишетъ: „adjeci succinctam vitae auctoris narrationem, quae jam antea nescio a quo delineata erat historiaeque controversiae an. 1767 editae praemissa: hic vera eadem ipsa, paucis nonnisi mutatis, in lucem prodit."

3. *Житіе Θеофана Прокоповича*, составленное Маркелломъ Родышевскимъ, сослуживцемъ Θеофана въ кіевской академіи. Біографія эта написана съ цѣлью очернить Θеофана въ глазахъ правительства и народа, какъ еретика, и по недостатку безпристрастія не можетъ быть вполнѣ достовѣрнымъ источникомъ. Но тѣмъ не меньше сочинитель, близко знакомый съ Θеофаномъ съ самаго прибытія его въ Кіевъ и сначала даже пользовавшійся его близостію, больше чѣмъ что другой могъ знать подробности объ его жизни: и потому нѣтъ основанія пренебрегать по крайней мѣрѣ тѣми изъ сообщаемыхъ имъ свѣдѣній, которыя не стоятъ въ противорѣчіи съ другими совершенно

*) Впослѣдствіи онъ вступилъ въ монашество и былъ ректоромъ московской академіи и послѣ нижегородскимъ архіепископомъ; сконч. въ 1795 году.

достовѣрными свѣдѣніями. Это „житіе Θеофана" напечатано, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими документами, въ Чтеніяхъ въ обществѣ исторіи и древн. росс. при моск. университ., 1862 г. кн. 1, подъ общимъ заглавіемъ: „Дѣло о Θеофанѣ Прокоповичѣ".

4. *Θеофанъ Прокоповичъ* — біографическая статья въ *Словарѣ россійскихъ писателей духовнаго чина*. м. Евгенія. Евгеній пользовался Готскою біографіею Θеофана, но дополнилъ ее нѣкоторыми подробностями, заимствованными изъ другихъ, пока неизвѣстныхъ, источниковъ. Главное достоинство этой статьи состоитъ въ подробномъ перечнѣ печатныхъ и рукописныхъ сочиненій Θеофана.

5. *Epistolae illustrissimi ac reverendissimi Theophanis Procopovitsch, variis temporibus et ad varios amicos datae.* Изданы въ 1776 г. въ Москвѣ почитателемъ памяти Θеофана, кіевскимъ митрополитомъ, Самуиломъ Мисловскимъ. Всѣхъ писемъ 30. Нѣкоторыя изъ нихъ переведены на русскій языкъ и напечатаны въ *Трудахъ кіевской академіи* 1865 года.

6. *Письма* Θеофана Прокоповича, въ рукописи кіевской духовной академіи, подъ заглавіемъ: *Собраніе трудовъ преосвященнаго Θеофана Прокоповича, архіепископа новгородскаго, первенствующаго сподальнаго члена*. Сборникъ этотъ составленъ іеромонахомъ софійскаго каѳедральнаго монастыря Веніаминомъ Рубановымъ. Въ немъ 31 письмо русскія и одно латинское. Нѣкоторыя изъ нихъ напечатаны въ *Трудахъ кіевской академіи* 1865 года.

7. *Книга записная исходящимъ, за подписаніемъ преосвященнаго архіепископа Θеофана Прокоповича къ разнымъ персонамъ, письмамъ ординарнымъ, съ 1 января 1728 по 16 декабря 1729 г.* Рукопись библіотеки кіево-софійскаго собора № 602. Изъ содержащихся въ ней писемъ нѣкоторыя напечатаны, а остальныя перечислены, съ краткимъ указаніемъ ихъ содержанія, въ *Трудахъ кіевской академіи* 1865 года.

8. *Слова и рѣчи Θеофана Прокоповича*, въ 3 частяхъ Спб. 1760—1765. На концѣ 1-й части приложено „оглав-

леніе извѣстнымъ на россійскомъ языкѣ сочиненіямъ печатнымъ и письменнымъ Ѳеофана Прокоповича". Въ дополненіе къ нимъ впослѣдствіи, въ 1774 г., издана четвертая часть, заключающая богословскія сочиненія: 1) истинное оправданіе правовѣрныхъ христіанъ, крещеніемъ поливательнымъ во Христа крещаемыхъ; 2) повѣсть о распрѣ Павла и Варнавы; 3) разсужденіе о присягѣ или клятвѣ и 4) вещи и дѣла, о которыхъ учитель народу проповѣдати долженъ.

9. *Дѣла Государственнаго архива*, именно: а) *Кабинетныя дѣла*, въ которыхъ находятся письма и доношенія Ѳеофана Петру I-му и указы, распоряженія и замѣтки, Государя по церковнымъ дѣламъ; б) *переписка разныхъ лицъ съ Императрицами Екатериной I-й, Анной Іоанновной и цесаревной, впослѣдствіи Императрицей, Елисаветой Петровной;* в) *дѣла Верховнаго Тайнаго Совѣта;* г) *дѣла Тайной розыскныхъ дѣлъ канцеляріи;* д) *дѣла о Ѳеофанѣ Прокоповичѣ*. Эти послѣднія составляютъ главный источникъ свѣдѣній о процессахъ его въ Кабинетѣ, Тайной Канцеляріи и о дѣйствіяхъ Коммисій, въ которыхъ онъ участвовалъ по высочайшимъ повелѣніямъ. Нѣкоторые изъ находящихся здѣсь матеріаловъ напечатаны въ разныхъ изданіяхъ, которыя будутъ указаны въ самой біографіи Ѳеофана.

10. *Дѣла архива св. Синода* съ 1721 по 1736 годъ.

Мы не перечисляемъ здѣсь всего множества русскихъ и иностранныхъ сочиненій, сборниковъ и періодическихъ изданій, которыми мы пользовались и въ которыхъ находятся различные матеріалы о Ѳеофанѣ и современныхъ ему лицахъ и событіяхъ. Всѣ они будутъ указаны, каждое въ своемъ мѣстѣ, въ самомъ сочиненіи.

I.

Первые годы жизни и ученія Ѳеофана. — Путешествіе за границей. — Возвращеніе въ Россію. — Учительство въ кіевской академіи. — Сближеніе съ Петромъ. — Путешествіе съ Государемъ. — Ректорство въ академіи. — Переписка съ Маркевичемъ.

Ѳеофанъ родился въ Кіевѣ 8 Іюня 1681 года и, при крещеніи, названъ Элеазаромъ [1]). Отецъ его былъ кіевскимъ купцомъ или просто торговымъ человѣкомъ (mercator), и умеръ вскорѣ послѣ рожденія своего сына. Мать, оставшаяся въ крайней нищетѣ, бѣдствовала вмѣстѣ съ сыномъ и также вскорѣ скончалась. Элеазара взялъ на воспитаніе родной его дядя, намѣстникъ кіевобратскаго монастыря и ректоръ кіевской академіи, Ѳеофанъ Прокоповичъ. Дядя записалъ Элеазара въ академію, гдѣ онъ обучался русской грамотѣ и латинскому языку [2]). Но, послѣдовавшая въ 1692 году смерть дяди, въ другой разъ опротила Элеазара. Добрая судьба послала ему благодѣтеля въ одномъ кіевскомъ гражданинѣ (urbis civis, nobilis homo), съ помощію котораго онъ продолжалъ посѣщать школу до 1698 года [3]). Элеазаръ былъ лучшимъ ученикомъ въ школѣ. Съ богатыми даро-

[1]) Въ Шереровой біографіи годъ рожденія Ѳеофана показанъ 1677; днемъ рожденія названо 17 Іюня и замѣчено, что, въ честь празднуемаго въ этотъ день святаго, онъ названъ при крещеніи Елиссеемъ; въ Готской біографіи днемъ рожденія показано 9 Іюня; у м. Евгенія — 8 Іюня.

[2]) «Erat ei avunculus, cujus ope et auxilio eo usque sustenabatur, donec studium linguae latinae in eodem monasterio,— quod vulgo Fratrum societas appellatur,— auspicatus esset.» (Готская біографія Ѳеофана).

[3]) Готская біографія. — Въ Шереровой біографіи сказано, что Элеазару помогалъ въ воспитаніи кіевскій митрополитъ Варлаамъ Ясинскій.

ваніями, съ живымъ и острымъ умомъ, съ отличной памятью въ немъ соединялись прекрасная наружность, живой и привлекательный взглядъ и звонкій голосъ. За это послѣднее преимущество онъ выбранъ былъ въ регенты пѣвческаго хора [1]).

Знакомымъ съ состояніемъ кіевской академіи въ концѣ XVII вѣка извѣстно, что она, при своемъ схоластическомъ направленіи, не могла дать многаго своимъ воспитанникамъ. Однакожъ въ ней были наставники, способные возбудить любовь къ наукѣ и образованію въ своихъ слушателяхъ. Со времени Петра Могилы въ ней вѣяло свѣжимъ духомъ. Нѣкоторые наставники посѣщали польскіе университеты. Борьба съ католиками и іезуитами внесла въ сухую схоластическую науку живой элементъ, безъ сомнѣнія благотворно дѣйствовавшій на образованіе.

Элеазаръ усвоилъ себѣ лучшее, что могъ найти въ академіи — любовь къ образованію; но такъ какъ его любознательность не находила тамъ себѣ полнаго удовлетворенія, то онъ, по окончаніи философскаго курса, вслѣдъ за другими лучшими воспитанниками академіи, отправился, для продолженія своего образованія, за рубежъ — въ польскія училища [2]).

У м. Евгенія находимъ извѣстіе, что Элеазаръ, по выходѣ изъ Кіева, вступилъ въ братство Битевскаго базиліанскаго монастыря, сдѣлался уніатомъ и постриженъ въ монашество съ именемъ Елиссея. Что это былъ за монастырь, какое значеніе имѣлъ онъ въ церковномъ или ученомъ отношеніи, и почему Элеазаръ предпочелъ его другимъ уніатскимъ монастырямъ, въ которыхъ были лучшія школы — мы не знаемъ; да и свѣдѣніе это встрѣчаемъ только у одного Евгенія, который, по обычаю, не пока-

---

[1]) «Ob vocem sonoram praecentorem in choro egit: alea aliisque rebus ludicris nunquam praelitus». Это послѣднее замѣчаніе Ѳеофанова біографа сдѣлано, вѣроятно, съ цѣлію предупредить и отстранить возможныя подозрѣнія на счетъ поведенія Ѳеофана въ пѣвческомъ архіерейскомъ хорѣ, какъ средѣ, заключавшей въ себѣ немного образовательныхъ элементовъ; о чемъ замѣчено и въ сатирѣ, современной Ѳеофану, поэта Кантемира: «иль трезвыхъ видѣть пѣвчихъ въ епископскомъ домѣ»; и въ примѣчаніи къ этому стиху: «изъ ста архіерейскихъ пѣвчихъ въ епископскомъ домѣ рѣдко десятерыхъ не пьяныхъ сыщешь». (Сат. 5, ст. 230. Библіогр. Записки, т. I, стр. 666. 1858 г.)

[2]) Годомъ его отправленія за границу въ Шереровой біографіи показанъ 1694 г., у м. Евгенія 1698 г. По свидѣтельству первой онъ пробылъ за границей *около шести лѣтъ*; по показанію м. Евгенія — *три года*.

зываетъ, откуда заимствовалъ его. Но что Элеазаръ сдѣлался уніатомъ, это было въ порядкѣ вещей. Въ польскія училища не принимали никого изъ восточнаго исповѣданія, и всѣ кіевскіе коллегіаты, доканчивавшіе свое образованіе въ польскихъ училищахъ, должны были дѣлаться уніатами. Стефанъ Яворскій также былъ уніатомъ, принявши имя Станислава и, по возвращеніи въ Кіевъ, разрѣшенъ и принятъ въ церковное общеніе кіевскимъ митрополитомъ Варлаамомъ Ясинскимъ [1]).

Шереровъ біографъ Θеофана говоритъ, что Прокоповичъ, уже достаточно образованный въ наукахъ, отправился изъ Кіева сначала въ Львовъ, откуда, запасшись рекомендательными письмами отъ православныхъ епископовъ, направилъ свой путь въ Краковъ, гдѣ сдѣлался извѣстенъ нѣкоторымъ епископамъ и профессорамъ.

Маркеллъ Родышевскій, сначала пріятель, потомъ врагъ Θеофана, ничего не говоритъ ни о Львовѣ, ни о Битевскомъ мона-

---

[1]) Въ біографіи Стефана, приложенной къ Камню Вѣры, сказано: «Варлаамъ митрополитъ посла его въ Полшу для наученія». Авторъ Молотка на Камень Вѣры замѣчаетъ на это: «здѣ хотя не упоминаетъ, въ какое училище, но всѣмъ извѣстно, что въ Польшѣ нигдѣ иныхъ высокихъ училищъ нѣтъ, кромѣ езуитовъ; ибо точно показуетъ: уже наученъ бысть философіи и богословіи. И отъ сего точно видимъ, что онъ не греческаго, но римскаго закона; понеже сборище папежское жестоко запрещаетъ богословіи учить не токмо иновѣрныхъ, но и въ ихъ законѣ родившихся, ежели прежде не тяжкою клятвою утвердятъ папу имѣть за главу и ихъ ересь утверждать и защищать даже до смерти. Сейже учился сначала въ Львовѣ, лежащемъ въ Малороссіи, а потомъ въ Познанѣ въ Великой Польшѣ у езуитовъ, и тако во оный законъ езуитскій дѣйствительно вступилъ». Арсеній Мацѣевичъ, возражая на это замѣчаніе, пишетъ: «хотя Стефанъ, бѣльцомъ будучи, и у езуитовъ учился, однако когда къ Церкви, матери своей, паки возвратился, и Церковь, о чадѣхъ своихъ сострадущая и Отцу небесному сообразная, примѣромъ блуднаго сына, Стефана приняла и властію ключей Христовыхъ простила и разрѣшила». Возраженіе на пашквиль лютеранскій, нареченный Молотокъ на Камень Вѣры. Прав. Обозр. 1860 г. т. III, стр. 582). Палладій Роговскій, воспитанникъ и потомъ начальникъ московской академіи, отправившись за границу для образованія, также принялъ католичество: «азъ же, говоритъ онъ самъ, желая достигнути высшихъ наукъ, присягнулъ и тако отступство отъ благочестивыя вѣры учинихъ не сердцемъ, но едиными усты сотворихъ, наукъ ради». (Древн. Росс. Вивл. т. XVIII, стр. 159). Возвратившись въ Россію онъ принесъ раскаяніе въ своемъ невольномъ отступничествѣ и принятъ въ общеніе православной церкви. (Палладій Роговскій, въ Прав. Обозр. 1863 г. т. X, стр. 162—167)

стырѣ и о постриженіи въ немъ Ѳеофана; папротивъ онъ пишетъ, что Ѳеофанъ изъ Кіева отправился въ польскій городъ Владиміръ на Волыни, «и тамъ отъ уніатовъ постриженъ въ рясофоръ монахомъ и началъ быть гонитель на благочестивую нашу православную восточную церковь. И за сію его ревность, уніатскій епископъ, прозваніемъ Заленскій[1]), въ тамошнихъ училищахъ учинилъ его префектомъ и діакономъ поставилъ». Въ этомъ разсказѣ нѣтъ ничего несообразнаго, исключая, можетъ быть прибавки, написанной подъ вліяніемъ страсти, о враждебномъ отношеніи Ѳеофана къ православной церкви, въ бытность уніатомъ. Евгеній понимаетъ дѣло проще, что Елиссей обратилъ на себя вниманіе уніатскаго владимірскаго епископа своими отмѣнными способностями, вслѣдствіе чего и опредѣленъ былъ учителемъ поэзіи и краснорѣчія.

Чрезъ нѣсколько времени потомъ, какъ отлично даровитый и дѣятельнѣйшій изъ товарищей, онъ посланъ былъ провинціаломъ базиліанскаго ордена въ римскую академію, куда обыкновенно посылались молодые и способные монахи, для усовершенствованія въ богословскихъ и философскихъ наукахъ.

Елиссей Прокоповичъ отправился чрезъ Вѣну, Штирію, славянскія земли — Кроацію, Славонію, чрезъ Тироль, Павію, Феррару, Анкону, Бону, Флоренцію и Пизу, и, наконецъ, прибылъ въ Римъ, гдѣ принятъ былъ въ коллегію св. Аоанасія, учрежденную въ концѣ XVI вѣка папою Григоріемъ XIII, собственно для Грековъ и Славянъ, съ цѣлію католической пропаганды.

Въ коллегіи ежедневно совершалось богослуженіе на греческомъ и славянскомъ языкахъ. Питомцы имѣли отъ папы все необходимое для жизни и безплатно пользовались науками. Главнымъ начальникомъ коллегіи былъ іезуитъ. Молодые люди, по окончаніи курса наукъ, посылаемы были въ разныя страны римско-католической церкви и въ такъ называемыя partes infidelium, чтобы заботиться, по мѣрѣ силъ, о соединеніи греческой церкви съ латинскою, къ чему обязывались клятвою.

---

[1]) Левъ Заленскій, прототроній кіевской митрополіи, епископъ владимірскій, по смерти кіевскаго митроп. Кипріана Жоховскаго, въ 1693 г., получилъ отъ Яна Казиміра грамоту на администрацію митрополіи кіевской.

Прокоповичъ обучался краснорѣчію, поэзіи, философіи и изучалъ римскія древности, какъ христіанскія, такъ и языческія. Впослѣдствіи онъ отзывался съ большою похвалою объ іезуитѣ, начальникѣ коллегіи, отдавая справедливость какъ прекраснымъ свойствамъ его ума, такъ и его благодѣяніямъ. Этотъ отецъ полюбилъ его за веселость нрава, живость и игривость ума, и взялъ къ себѣ жить, отличая его особеннымъ довѣріемъ. Любопытно, что онъ находилъ въ молодомъ Прокоповичѣ по внѣшности и уму сходство съ папою Урбаномъ VIII. Сверхъ общихъ уроковъ, онъ занимался съ нимъ приватно, лаская его съ отеческою любовію, и открылъ ему доступъ какъ въ ватиканскую, такъ и въ другія городскія библіотеки. По почтенный отецъ безуспѣшно старался вовлечь его въ общество іезуитовъ, воспитателей юношества въ іезуитскихъ семинаріяхъ, или склонить къ принятію какой-либо другой духовной должности. Прокоповичъ выслушалъ полный курсъ аристотелической философіи и схоластическаго богословія, и полную систему такъ называемыхъ у іезуитовъ casuum conscientiae. Послѣднихъ онъ не одобрялъ. Съ большею охотою онъ изучалъ творенія отцовъ восточной и западной церкви и классическихъ писателей, которые всѣ имѣлъ неиспорченными (geminos, non castratos)[1]. Онъ изучалъ въ краснорѣчіи — Демосоена Цицерона и Квинтиліана; въ героической поэзіи — Виргилія; въ элегической — Овидія, въ сатирахъ — Ювенала; въ одахъ — Горація, Катулла, Сарбіевія[2]; въ эпиграммахъ — Марціала; въ исторіи — Ливія, Светонія, Саллюстія, Тацита; изъ

---

[1]) Всѣ, читавшіяся въ іезуитскихъ школахъ, изданія классическихъ авторовъ, были изданія очищенныя (castigatae). (Учебныя заведенія Литвы до присоединенія ея къ Россіи, въ Ж. М. П. Пр. 1862 г. кн. X, отд. 2, стр. 78).

[2]) *Казимиръ Сарбіевскій*, польскій іезуитъ, родомъ изъ Мазовіи (1595—1640), образовавшійся на изученіи классиковъ, преподавалъ съ блестящимъ успѣхомъ въ виленской іезуитской академіи словесныя науки, философію и богословіе. Папа Урбанъ VIII возложилъ на него лавровый вѣнокъ въ Римѣ и приказалъ включить нѣкоторые изъ его гимновъ въ бревіарій. Его лирическія стихотворенія читались, объяснялись и заучивались наизустъ по всѣхъ европейскихъ школахъ XVII столѣтія, наравнѣ съ одами Горація. (Журн. М. П. Пр. 1862 г. кн. X.: Учебныя Заведенія Литвы до присоединенія ея къ Россіи). Въ бывшихъ у насъ подъ руками семинарскихъ учебникахъ Реторики XVII ст. мы очень часто встрѣчали стихи изъ Сарбіевія.

новыхъ — Бембо [1]), Содалета [2]), Аонія, Палеарія, Латина-Латиніума [3]), и другихъ. Ѳеофанъ говорилъ впослѣдствіи, что вышепомянутый отецъ совѣтовалъ ему, какими писателями прилежнѣе заниматься, и изъ нихъ почерпать противоядіе противъ пустыхъ знаній. Занимаясь этими сочиненіями дѣлно и нощно, онъ отказывался не рѣдко отъ пищи, и до такой степени превратилъ ихъ въ свою плоть и кровь, что, казалось, овладѣлъ ихъ геніемъ. Слыша въ Римѣ, изъ устъ папы Иннокентія XII, публичныя проклятія на лютеранъ, кальвинистовъ и прочихъ схизматиковъ, подъ которыми разумѣются Русскіе, непринявшіе уніи, онъ тайно смѣялся надъ ними, какъ надъ пустымъ громомъ. А впослѣдствіи, говоритъ его біографъ, онъ открыто объявлялъ ихъ незаконными и, по праву возмездія, въ Москвѣ и Петербургѣ, въ Великій постъ, часто громилъ анаѳемою противниковъ греческой церкви. Онъ говорилъ, что нигдѣ нѣтъ столько сомнѣвающихся въ истинѣ христіанской религіи, какъ въ Италіи. Между тѣмъ онъ внимательно осматривалъ древній и новый Римъ, священные и свѣтскіе памятники новаго и прежняго времени; изучалъ форму папскаго управленія въ церковныхъ, гражданскихъ и военныхъ дѣлахъ и тонко примѣчалъ, что происходило при избраніи новаго папы Климента XI.

Вышедши изъ Вѣчнаго города, онъ посѣтилъ Лавретанскій дворецъ, откуда опять прошелъ чрезъ Болонну и прочіе, на пути лежащіе, города. Но такъ какъ австрійскія и французскія вой-

---

[1]) *Бембо*, венеціанецъ, (1470—1547), епископъ Евгубіи и Бергама, возведенный потомъ въ достоинство кардинала, извѣстенъ своею приверженностію къ классической литературѣ и особенно къ Цицерону. Собраніе его стихотвореній въ свое время пользовалось большою извѣстностію и имѣло въ Италіи многихъ комментаторовъ.

[2]) *Яковъ Садолетъ* (1478—1548), италіанецъ, современникъ Эразма и другъ Бембо, сначала секретарь Папы Льва X, потомъ епископъ Корпентрійскій и кардиналъ, посвящалъ свое перо богословію, философіи, краснорѣчію и поэзіи. Стиль его отличается изяществомъ и чистотою древнихъ римскихъ писателей. Изъ богословскихъ сочиненій его извѣстны: толкованіе на Псалмы и на посланія ап. Павла.

[3]) *Латино-Латини* (1513—1593), авторъ сочиненія Bibliotheca sacra et profana, въ которомъ онъ собралъ и изложилъ варіанты, поправки и примѣчанія къ сочиненіямъ Тертулліана и другихъ древнихъ писателей. Протестанты, впрочемъ, укоряютъ его въ порчѣ древнихъ авторовъ.

ска (по случаю войны за Испанское наслѣдство) сдѣлали дороги не безопасными, то онъ принужденъ былъ проходить окольными путями, испытывая, особенно въ зимнее время, разныя лишенія, оставаясь безъ пищи и сна; но все это онъ переносилъ безропотно съ бодростію духа и тѣла. Прошедши чрезъ Сенъ-Готардъ, онъ прибылъ къ Гризонамъ въ Ретіи и Швейцарцамъ, познакомился съ извѣстными въ наукѣ мужами и повсюду, какъ у католиковъ, такъ и у не-католиковъ, находилъ радушный пріемъ, привлекая къ себѣ своею умною, гуманною рѣчью, знаніемъ иностранныхъ языковъ, и особенно своимъ образованіемъ, и такъ плѣнялъ всѣхъ, что они, всячески его одаривши, отпускали отъ себя съ сожалѣніемъ [1]).

Прибывши въ 1702 году въ Малороссію, Елиссей, по свидѣтельству м. Евгенія, остановился въ Почаевскомъ монастырѣ, лежащемъ почти на самой границѣ Малороссіи съ Галиціей, и тамошнимъ игуменомъ Исаевичемъ постриженъ въ православные монахи, и, при этомъ постриженіи, названъ Самуиломъ. Въ разказѣ этомъ нѣтъ ничего невѣроятнаго. Почаевскій монастырь, въ ту пору, былъ еще православною обителію, и въ памятникахъ, близкихъ къ этому времени, упоминается игуменъ Іосифъ Саевичъ [2]).

---

[1]) Vita Theophanis, у Шерера.

[2]) Преосвящ. Филаретъ, въ Обзорѣ русской духовной литературы, кн. 2, въ статьѣ о Ософанѣ Прокоповичѣ, написалъ: «М. Евгеній говоритъ, что будто Ософанъ постриженъ въ Почаевскомъ православномъ монастырѣ въ православные монахи. *Этого и быть не можно.* Почаевскій монастырь еще прежде 1703 г. былъ не православнымъ, а уніатскимъ». Это не вѣрно. По извѣстнымъ намъ историческимъ памятникамъ, Почаевскій монастырь находился въ православіи съ основанія своего въ 1597 г. до 1712 г. Это доказываютъ хранящіеся въ Почаевской лаврѣ оффиціальные документы, именно: а) Привилегія Августа II, которою онъ подтверждалъ права и фундуши древняго и чудотворнаго Почаевскаго монастыря *обряда греческаго*, и, обезпечивая свободное сохраненіе *вѣры восточной древней Церкви*, отъ не запамятныхъ временъ безпрерывно и безпрепятственно въ ономъ монастырѣ содержимой, опредѣляетъ 10 т. червонныхъ денежнаго штрафа за нарушеніе какимъ быто ни было образомъ этой привилегіи. б) Манифестація, заявленная въ кременецкихъ городскихъ актахъ, 1711 г. апрѣля 29 дня за № 2610, изъ которой видно, что въ Почаевскомъ монастырѣ былъ, въ то время, еще православный игуменъ Іосифъ Саевичъ; и в) Позывъ, 1712 г. въ первый разъ Базиліанами учиненный и тогожъ года сентября 15 дня въ луцкихъ городскихъ актахъ записанный подъ № 30, въ которомъ эти новые обитатели Почаевскаго монастыря именуютъ уже свой монастырь Конвентомъ, а начальника монастыря *приложонымъ*, съ присово-

Но другіе писатели говорятъ о постриженіи Ѳеофана иначе. Маркеллъ Родышевскій, не безпристрастный свидѣтель, пишетъ, что Ѳеофанъ, «ушедши изъ Рима, самъ на себя мантію надѣлъ безъ обычнаго постриженія и пришолъ въ Кіевъ монахомъ». Арсеній Маціевичъ говоритъ, что Ѳеофанъ «изъ Рима бѣжалъ и въ базиліанскомъ платьѣ въ Кіевъ пришелъ во время архіерея кіевскаго, преосвящ. Варлаама Ясинскаго и отъ него, какъ и Стефанъ, къ церкви Божіей принятъ и разрѣшенъ. Дамаскинъ Рудневъ, авторъ латинской біографіи Ѳеофана (Готской), разсказываетъ еще проще, что онъ, послѣ трехлѣтняго пребыванія въ Римѣ, возвратился въ Кіевъ, и принятъ въ академію учителемъ поэзіи, а въ 1705 г. постриженъ въ монашество и названъ Ѳеофаномъ. Но м. Евгеній, сказавши о постриженіи его въ Почаевской лаврѣ, говоритъ, что въ 1705 г. онъ только перемѣнилъ имя, назвавшись, въ честь покойнаго дяди, Ѳеофаномъ.

Въ бытность учителемъ поэзіи, Ѳеофанъ составилъ *Щитикъ*[1]) и написалъ *Трагикомедію — Владиміръ*, представленную академистами 3-го Іюля 1705 года[2]). Эта послѣдняя замѣчательна какъ по выбору сюжета изъ русской исторіи, вмѣсто іудейской или греческой, такъ по художественнымъ достоинствамъ и, наконецъ, по той смѣлости образа мыслей, которая возвышаетъ его надъ общимъ уровнемъ идей того времени.

П. П. Пекарскій писалъ объ этой трагедіи: «произведеніе это для наблюдателя отечественнаго просвѣщенія есть явленіе, по своему времени, чрезвычайно необыкновенное и заслуживаетъ вниманіе по многимъ отношеніямъ. Сочинителю были извѣстны образцы театра, и онъ не былъ незнакомъ съ театромъ древнихъ, по

купленіемъ слѣдующихъ словъ о братіи: recenter ad unionem cum sacra ecclesia Romana zostaigeych (состоящихъ). (Дѣла Арх. Св. Синода 1831 г. № 114). г) Игуменъ Іосифъ Исаевичъ въ 1714 г. купилъ деревню Лихолетовку еще въ званіи игумена Почаевскаго и въ генеральномъ Глуховскомъ судѣ объявилъ, что купилъ ее на деньги Почаевскаго монастыря. Стало быть это время 1709—1714 гг. и было временемъ перехода Почаевской лавры отъ православія къ уніатамъ. (Черниг. Епарх. Изв. 1812 г. № 25, Прибл. стр. 581—526.)

[1]) Издана Георгіемъ Конисскимъ въ 1756 году.

[2]) Списки ея есть въ Императорской Публичной библіотекѣ (О. XIV, 2, стр. 64 и слѣд.) и въ Рум. Музеѣ № 318. Разборъ у П. П. Пекарскаго: Наука и литература въ Россіи при Петрѣ Великомъ; т. I, стр. 416—421.

крайней мѣрѣ съ трагедіями Сенеки Можно сказать, что сія трагикомедія есть первое у насъ театральное сочиненіе человѣка съ дарованіемъ. Характеры, завязка, ходъ и движеніе ее одушевляютъ. Кромѣ того, несмотря на языкъ, довольно нечистый, несмотря на тяжелую форму польскаго размѣра, въ піесѣ есть много стиховъ, которымъ, въ отношеніи ко времени ихъ произведенія, нельзя не удивляться. Въ нихъ, сквозь темноту оборотовъ или тяжесть слога, блистаетъ воображеніе, возвышенность слога, жаръ и краска поэтическія. Свобода мыслей въ сочинителѣ показываетъ человѣка, котораго идеи были выше круга идей того времени, человѣка, который имѣлъ довольно надѣянности на себя, чтобъ выражать мысли, какія въ тотъ вѣкъ и на ухо говорить иные страшились» [1]).

Въ 1706 г. Ософанъ перешолъ на классъ реторики и составилъ учебникъ *Реторики* на латинскомъ языкѣ [2]). Насмотрѣвшись на іезуитское воспитаніе и іезуитское проповѣдничество въ Польшѣ и за границей, Ософанъ, въ своей реторикѣ, съ особенною энергіей высказывается, при каждомъ случаѣ, противъ католическихъ богословскихъ авторитетовъ и іезуитскаго проповѣдничества: «не приводи мнѣ свидѣтельствъ ни Ѳомы Аквината, ни Скота, ни другихъ нечестивой секты людей; ибо ими не подтвердишь своего предмета, но осквернишь и рѣчь и слухъ вѣрнаго народа и священнаго собранія». Ѳеофанъ совѣтуетъ оратору выбирать предметы для церковной каѳедры изъ житій св. людей, особенно тѣхъ, коихъ произвела Россія, «чтобъ узнали, наконецъ, пустѣйшіе, благоговѣющіе только предъ своими баснями, враги наши, что небезплодны доблестію наше отечество и наша вѣра, и чтобы перестали, наконецъ, укорять насъ въ скудости святыни».

Замѣчательно у Ософана изображеніе іезуитовъ: «великій Павелъ давно уже сказалъ намъ, что какъ темный ангелъ, такъ и его слуги, обыкновенно одѣваются въ свѣтъ; въ самомъ дѣлѣ

---

[1]) Н. П. Гнѣдича письмо къ графу Н. П. Румянцову въ Библіогр. Запискахъ т. II, стр. 623—626. 1859 г.

[2]) Списки есть въ библіотекахъ кіевской академіи и кіевомихайловскаго монастыря (Труды кіевской акад. 1865 г. стр. 614—637), черниговской семинаріи (Филарета — Обзоръ, стр. 19; изд. 1863 года), новгородской и вологодской семинарій.

это самое поддѣльное благочестіе латинскихъ монаховъ служитъ для меня главнѣйшимъ доказательствомъ ихъ нечестія. Посмотрите на тѣлодвиженія, поступь, положеніе лица и тѣла ихъ: что̀ увидите искренняго, неподдѣльнаго, неизыскашаго? Одни представляются намъ сокровищницами кротости и любви; другихъ увидишь облеченными суровостію болѣе, чѣмъ катоновскою. Первые изъ нихъ, большею частію совершенно напрасно, называющіе себя друзьями Іисуса, показываютъ видъ, будто они пребываютъ въ любви Божіей; они всецѣло созданы для пріобрѣтенія благосклонности, являются въ общество въ черной, но изящной одеждѣ, отличаются бѣлизною кожи, — красавцы съ головы до ногъ: тихо принимаютъ веселый видъ, придаютъ лицу пріятное выраженіе, складываютъ губы по женски, поднимаютъ и опускаютъ брови, мастерски потупляютъ глаза, пріятно и часто улыбаются. А сколько мастерства въ томъ, что они имѣютъ обыкновеніе, какъ нѣкоторые протеи, почти въ одно и тоже время измѣнять свое лицо для выраженія самыхъ противоположныхъ душевныхъ движеній. Сейчасъ ты слышалъ его веселаго и забавнаго; но если попадется въ рѣчи одно словечко, сколько нибудь печальнаго содержанія, вотъ онъ и вздыхаетъ и стенаетъ и слезки капаютъ, и все это дѣлаетъ онъ съ такою нѣжностію и пріятностію, какую можно видѣть въ молоденькихъ дѣвушкахъ. Таковы-то почти всѣ свойства этого ордена; и я подозрѣваю, что лучшіе учители у нихъ тѣ, которые обучаютъ искусству кокетничать. Но часто я не могъ удержаться отъ смѣха при видѣ многихъ іезуитовъ, которымъ вовсе было не къ лицу представлять собою Купидоновъ или Веневъ. Когда они выходятъ на рынокъ и прогуливаются по городу, то несутся такимъ расчитаннымъ шагомъ, что, кажется, не идутъ, а танцуютъ. Если встрѣтятся съ кѣмъ нибудь знакомымъ, который поддался ихъ вліянію, тотчасъ оба (ибо они почти всегда прогуливаются вдвоемъ), самымъ веселымъ образомъ начинаютъ разговаривать между собою; за тѣмъ старшій, т. е. главный начальникъ чужаго спасенія, склонивши тихо голову на плечи и улыбаясь, говоритъ, пожимая руку встрѣтившагося знакомца: въ какомъ состояніи вашъ внутренній человѣкъ? Я увѣренъ, что онъ здравствуетъ, какъ нельзя лучше. За тѣмъ сообщаетъ радостнѣйшее извѣстіе, что въ Индіи нѣкоторый

могущественнѣйшій царь, со всѣмъ своимъ народомъ, сколько ни есть его, приведенъ іезуитами къ вѣрѣ во Христа. Всегда неожиданно, а часто и неблаговременно, приходятъ въ тотъ домъ, гдѣ знаютъ преданную ихъ ордену госпожу. Тамъ, послѣ пріятныхъ взаимныхъ привѣтствій, забавляютъ женщинъ многими благочестивыми шутками, хвалятъ управленіе дома, удивляются картинамъ и, увидѣвши Христа, пригвожденнаго ко кресту, вздыхаютъ съ деликатнымъ сожалѣніемъ, и движеніемъ рѣсницъ показываютъ, что они уже готовы расплакаться, но тотчасъ отворачиваются отъ чужихъ глазъ, какъ будто для того, чтобы скрыть свои слезы Часто, если есть маленькія дѣти, іезуиты, тихо лаская ихъ, дарятъ имъ небольшія иконы, или привѣшиваютъ къ шеѣ мѣдь съ изображеніемъ Игнатія (Лойолы); но самый благопріятный случай выпадаетъ имъ, если они слышатъ, что какая нибудь больная женщина лежитъ въ постели; и если больная, поддавшись ихъ льстивымъ внушеніямъ, откажетъ имъ или часть наслѣдства или большія деньги, тогда іезуиты значительно увеличиваютъ обѣщанное больной вѣчное блаженство, и, кромѣ того, подарятъ ей четки, какъ вѣрнѣйшій залогъ спасенія. Впрочемъ, чтобы не оставить безъ вниманія и бѣдныхъ, скорымъ шагомъ обходятъ и тѣ домы, въ которыхъ жаренымъ не пахнетъ.

Но такъ какъ не всѣмъ нравится эта благочестивая сантиментальность, то есть другой родъ обманщиковъ, которые, какъ будто родившись отъ древнихъ Сабинянъ, кажутся весьма суровыми; смѣются надъ всѣми приличіями свѣта и попираютъ ихъ,— немытые, грязные, съ наморщеннымъ челомъ, съ синими зубами, необрѣзанными ногтями, съ пренебреженіемъ ко всякому убранству. Весьма приличнымъ считаютъ для священнаго оратора, если онъ, во время проповѣди, непристойно разводитъ мѣшками (рукавами), пугаетъ всѣхъ суровымъ взглядомъ, кулаками и пятами бьетъ и чуть не ломаетъ каоедру. Однако ничего не можетъ быть обжорливѣе и пьянственнѣе людей этого рода».

Чтобы представить образчикъ іезуитской проповѣди, Ософанъ разбираетъ проповѣди польскаго іезуита Ѳомы Млодзяновскаго.

«Когда я вижу, что многіе чрезвычайно одобряютъ и выхваляютъ Млодзяновскаго, а молодые студенты краснорѣчія только его и ставятъ для себя образцомъ подражанія, то я считаю дол-

гомъ кратко изложить то, что я о немъ думаю: меня не смущаетъ то, что весьма многимъ не понравятся мои мысли, лишь бы я говорилъ правду. Впрочемъ, я твердо убѣжденъ, что всякій, сколько нибудь знакомый съ ораторской наукой, одобритъ мое мнѣніе. Прежде всего, если ты любуешься словами и фразой Млодзяновскаго, то ты мало смыслишь въ краснорѣчіи; о предметахъ, самыхъ святыхъ, онъ выражается площадными словами. Не болѣе обработки и въ мысляхъ. Всякій можетъ замѣтить это какъ вездѣ почти, такъ особенно въ приступахъ. Два евангелія читаны были въ одинъ день, и каждое изъ нихъ начиналось обыкновенными вступительными словами: *во время оно*. Посмотрите же, какою милою шуткою начинаетъ проповѣдникъ: «я не хочу ни съ кѣмъ ссориться — говорю я теперь евангелію. Два евангелія оспариваютъ теперь для себя мѣсто въ этомъ костелѣ... Я помирю евангелія, взявши темою моей проповѣди слова обоихъ евангелій: *во время оно*». Къ чему ведутъ эти неумѣстныя шутки, побасенки, разглагольствія?

Словамъ св. писанія Млодзяновскій даетъ смѣшныя, сумасбродныя и, большею частію, неблагочестивыя толкованія и, для подтвержденія ихъ, съ натяжкою и насиліемъ приводитъ св. отцовъ. Если въ писаніяхъ отеческихъ увидитъ что нибудь, по видимому, хоть сколько нибудь подходящее къ его остроумьишку, то постоянно извращаетъ и съ такимъ насиліемъ прилаживаетъ къ своему пустословію, что человѣкъ, незнакомый съ отеческими твореніями, можетъ заподозрить самихъ св. отцовъ въ неменьшихъ нелѣпостяхъ. О глупость нашего вѣка, которую никогда нельзя достаточно оплакать никакими слезами! Не столько меня печалитъ то, что такъ низко упалъ одинъ человѣкъ, обольщенный пустѣйшимъ блескомъ своего умишка, сколько то, что оставилъ по себѣ много продолжателей, почитателей и послѣдователей своего заблужденія. Видятъ въ немъ какъ будто какое-то искусство, а не образчикъ величайшаго невѣжества. Но скажите, есть-ли въ немъ хоть тѣнь ораторской опытности? Гдѣ искусство составлять приступы, изобрѣтенное и переданное столькими ученѣйшими наставниками, древними и новѣйшими? Гдѣ здравыя доказательства? Гдѣ движенія душевныя? Гдѣ необходимѣйшія въ священныхъ рѣчахъ заключенія? Гдѣ структура мѣрной рѣчи?

Гдѣ украшенье, блескъ, остроуміе, сила, важность, плавность? Гдѣ энергія, гдѣ важность мыслей, гдѣ единство частей? Совершенно нѣтъ никакого разнообразія, безъ котораго краснорѣчіе ничтожно. Всѣ курьйозы свои Млодзяновскій составляетъ, обыкновенно, изъ однихъ разговоровъ и вопросовъ, и притомъ безвкусныхъ: «Давидъ святой, что дѣлаешь? Любишь ли Бога? Люблю, говоритъ. Полно любишь ли Его? Люблю. Самарянка, куда идешь? Вѣроятно, повидаться съ друзьями? Но не заводой съ ведромъ. Неужели ты, самарянка, не считаешь это безчестнымъ? Неужели хочешь, чтобы другіе смотрѣли на тебя подозрительно»? Что же такое пристойная рѣчь, я думаю это не приходило ему на мысль; потому что и самые печальные предметы, наприм. страданія Христовы, не отнимаютъ у него шутливости. Если это краснорѣчіе, то пусть покажетъ намъ добрый господинъ Млодзяновскій, у какихъ авторовъ онъ научился этимъ правиламъ, какими авторитетами оно одобрено. Пусть созовутся вмѣстѣ какъ бы на соборъ— Платонъ, Аристотель, Цицеронъ, учитель Гереннія, Фабій Квинтиліанъ [1]), Гермогенъ [2]), Августинъ, также изъ новѣйшихъ Юній Мельхіоръ, Еразмъ Роттердамскій [3]), авторъ дворца (Palatium), Кипріанъ Соарій [4]), Мендоза [5]), Кавзинъ [6]), Фаміанъ Страда [7]), Понтанъ [8]), авторъ энциклопедіи наукъ, Сигизмундъ Lavxiai и безчи-

---

[1]) *Квинтиліанъ* — римскій ораторъ (24—59 гг. по Р. Х.).

[2]) *Гермогенъ*, риторъ II вѣка, писалъ о реторикѣ.

[3]) Извѣстный писатель XVI в.

[4]) *Кипріанъ Соарій*, испанскій іезуитъ († 1593 г.), авторъ реторики, долго употреблявшейся въ іезуитскихъ школахъ. — Стефанъ Яворскій ссылается на него въ одномъ своемъ письмѣ къ Іоанникію Свнотовичу: «знаю что вы очень хорошо помните сказанное покойнымъ Соаріемъ: какъ начнешь, такъ и кончишь; по этому не начинай пожаромъ, чтобъ не кончить бурею».

[5]) Діего *Гуртадо де Мендоза* († 1575 г.), родомъ испанецъ изъ Гренады, получилъ высшее образованіе въ итальянскихъ университетахъ, написалъ много сочиненій и обогатилъ эскуріальскую библіотеку рукописями древнихъ авторовъ, которыя онъ собиралъ на востокѣ и скупалъ у грековъ. Мендоза исполнялъ многія важныя порученія Карла V, между прочимъ представлялъ его лицо на Тридентскомъ соборѣ. Бутервекъ называетъ его Саллюстіемъ и Горапіемъ Испаніи (Biographie Universelle, par Michaud, T. XXVII, p. 627).

[6]) *Кавзинъ* (Caussin), іезуитъ, род. въ 1583 г.; по выбору Ришелье былъ нѣсколько времени духовникомъ Людовика XIII; скончъ. въ 1651 г.

[7]) *Фаміанъ Страда*, римской іезуитъ профессоръ краснорѣчія, ск. въ 1649.

[8]) Извѣстны *Понтанъ* — авторъ реторики и науки стихосложенія XVI в.

слѣпые другіе, издавшіе что нибудь объ этой наукѣ: кто изъ нихъ учитъ подобному краснорѣчію, скажу болѣе, кто не отвергаетъ его, какъ смѣшнаго и нелѣпаго?... Это сказано мною не по ненависти человѣческой, потому что я умѣю уважать добродѣтель и во врагѣ, ибо никогда не откажу въ краснорѣчіи Эразму Роттердамскому, Юлію Мельхіору, Страдѣ, Кавзину и другимъ потому только, что они враги наши [1])».

Въ 1706 г. 4 іюля прибылъ въ Кіевъ государь для основанія Печерской крѣпости. На другой день Ѳеофанъ сказалъ, въ его присутствіи, проповѣдь, которая обратила на него вниманіе государя. И точно это была рѣчь, давно неслыханная на церковной каѳедрѣ. Въ одушевленномъ словѣ проповѣдникъ выразилъ свои чувства по случаю радости о прибытіи юнаго, а между тѣмъ уже славнаго, государя. Тутъ нѣтъ ни отвлеченныхъ и сухихъ разсужденій, ни школьныхъ приступовъ и аргументацій, ни утомительной длиноты періодовъ: это — стройная, одушевленная и блестящая рѣчь проповѣдника, оставившаго позади себя схоластическую реторику.

Въ слѣдующемъ 1707 году Ѳеофанъ опредѣленъ префектомъ и учителемъ философіи, которую преподавалъ два года; а сверхъ того преподавалъ физику, ариѳметику и геометрію, которыя до того времени не преподавались въ академіи [2]). Но скромныя занятія учителя не наполняли его души. Его честолюбивый духъ порывался къ болѣе широкой и открытой дѣятельности. Онъ принималъ живое участіе въ тогдашнемъ военномъ и политическомъ движеніи въ Малой Россіи, и, хорошо зная мѣстность и главныхъ дѣйствующихъ лицъ, имѣлъ случай оказать услугу правительству [3]). Послѣ полтавской побѣды, когда государь возвращался

и *Понтанъ* авторъ Наставленій въ поэзіи и переводчикъ многихъ греческихъ авторовъ; ск. въ 1626 г.: — котораго изъ нихъ разумѣетъ Ѳеофанъ?

[1]) Выдержки изъ рукописной реторики Прокоповича въ Трудахъ кіевск. акад. 1865 г. стр. 614—637.

[2]) «Ab anno 1708 philosophiam docere coepit; ac non solum logicam, methaphysicam, morumque doctrinam, sed etiam physicam, arithmeticam et geometriam magno cum applausu explicuit». (Готская біографія Ѳеофана.) «Magister sive doctor philosophiae et praefectus scholarum sub Odorskio aliisque professoribus renunciatus, methodo nova, clara et facili literas, quibus omnis aetas ad humanitatem et bonam mentem excitari solet». Біографія Ѳеофана у Шерера).

[3]) Впослѣдствіи, въ 1726 году, защищая свою вѣрность русскому прави-

чрезъ Кіевъ, Ѳеофанъ сказалъ, въ его присутствіи, въ софійскомъ соборѣ всенародный на эту побѣду панегирикъ, который тогда же былъ напечатанъ въ кіевопечерской типографіи, на русскомъ языкѣ съ латинскимъ переводомъ. Въ декабрѣ тогожъ года, въ церкви кіевобратскаго училищнаго монастыря, онъ сказалъ похвальное слово князю Меншикову, и просилъ его покровительства для академіи. Этимъ положеніе его было упрочено. Меншиковъ рекомендовалъ его, чрезъ новгородскаго ландрата, Римскаго-Корсакова, новгородскому митрополиту Іову, въ архимандриты юрьевскаго монастыря. Іовъ обѣщалъ принять его, хотя не любилъ кіевскихъ ученыхъ. Въ 1710 году 23 февраля, онъ писалъ къ Римскому-Корсакову: «попеже обѣщалъ его свѣтлѣйшество прислати ко мнѣ онаго кіевскаго учителя, пореклу господина Прокоповича, о немъ же твоя милость чрезъ писаніе возвѣстилъ ми есп, яко весьма человѣкъ есть учительный и состоянія изряднаго и многихъ языковъ искусный сказатель и толкователь изрядный: его же, за толикое искусство и доброе въ православіи состояніе, отъ души пріяти желателенъ есмь и во опредѣленный опый (юрьевскій) монастырь, по закопамъ Божіимъ и по его княжему изволенію готовѣйшій есмь производитель»[1]). Однакожъ это предположеніе почему-то не состоялось и Ѳеофанъ остался въ Кіевѣ.

Въ 1711 году, во время турецкаго похода, государь вспомнилъ о Прокоповичѣ и приказалъ ему быть къ себѣ въ лагерь. Ѳеофанъ явился и, слѣдуя за государемъ, 27 іюня, въ воспоминаніе полтавской побѣды, говорилъ проповѣдь въ Яссахъ — столицѣ только что принявшаго русское подданство молдавскаго княжества[2]).

Онъ видѣлъ пораженіе русскихъ на берегу Прута и, по поводу несчастнаго сраженія, написалъ стихотвореніе, въ которомъ

тельству онъ писалъ: «еще въ прошлыхъ 1708 и 1709 годахъ, когда Мазепина измѣна была и введеный оною въ отечество непріятель, каковъ я тогда былъ къ государю и государству, засвидѣтедьствуетъ его сіятельство, князь Д. М. Голицынъ» — (Доношеніе Ѳеофана Преображ. канцел. 16 ноября 1726 г.). Но въ чемъ состояла его услуга правительству, неизвѣстно.

[1]) Переписка новгородскаго м. Іова, въ Странникѣ 1861 г., № 2, стр. 86.

[2]) Голиковъ, Дѣянія П. В. т. IV, стр. 222. Походный журналъ 1711 г. Спб 1854 года, стр. 107—108.

выразилъ надежду, что съ прутскимъ пораженіемъ еще не кончился расчетъ русскихъ съ мусульманами [1]).

---

[1]) За Могилою Рябою *)
Надъ рѣкою Прутовою
Было войско въ страшномъ бою.
Въ день недѣльный отъ полудни
Сталася часъ намъ вельми трудный,
Пришелъ Турчинъ многолюдный.
Пошли на встрѣчь казацкіе
Пошли полки Волосскіе
Пошли загоны Донскіе.
Легкій воинъ робивъ много
Да цо было было числа малого,
Не отнялъ мѣсця лихого.
Поялъ то былъ городъ близкій
Врагомъ добрый, бо былъ низкій,
Далъ бы на васъ пострѣлъ рискій.
Пришли на Прутъ коломутный:
Туже то былъ нашъ часъ смутный,
Тутъ же то былъ бой окрутный.
Стала рада уступати,
Иншаго мѣсця искати,
А не дурно пропадати.
Скоро померкъ день недѣльный,
Ажно россійскія силы
На отворотъ загремили.
Страшно гремятъ и облаки,
Да страшный тамъ Марсъ жестокій
Гремѣлъ на весь плацъ широкій,
Заря з' моря выходила,
Ажъ поганская сила
Въ тылъ обозу зашумила.
Всю ночь крики, всю ночь стуки,
Всю ночь огонь превеликій,
Всю ночь тамъ Марсъ шелъ дикій.
А скоро ночь уступила,
Большее зло наступило,
Вся армата загремила.
Не малый часъ тамъ стрѣляно,
Ажъ не скоро заказано,
На миръ — на миръ закричано.
Не судилъ Богъ Христіанства
Освободить отъ поганства,
Еще не далъ сбить поганства.

*) Рябая Могила — мѣстечко въ Молдавіи.

По возвращеніи въ Кіевъ, Ѳеофанъ опредѣленъ, по желанію Петра I, игуменомъ кіевобратскаго монастыря, ректоромъ академіи и профессоромъ богословія. Послѣднюю должность онъ проходилъ, по замѣчанію его біографовъ, съ такой славой, какой не имѣлъ ни одинъ изъ его предшественниковъ [1]). Заслуга Ѳеофана состоитъ въ томъ, что онъ оставилъ прежній, схоластическій методъ изученія и преподаванія богословія, и ввелъ новый, выработанный протестантскою богословскою наукою.

Методъ этотъ можно назвать учено-историческимъ, потому что въ основаніе изъясненія и доказательствъ церковныхъ догматовъ полагается изученіе св. писанія и церковной исторіи, между тѣмъ какъ въ схоластическомъ богословіи истины христіанскаго вѣроученія разсматривались и изъяснялись только какъ логическія понятія, безъ отношенія къ ихъ источникамъ, или же въ отношеніи только внѣшнемъ, помимо филологическаго и историческаго изученія св. писанія и церковной древности. Подборъ мѣстъ изъ св. писанія въ подтвержденіе догмата, (чему помогали такъ называемыя библейскія конкорданціи или симфоніи), выдержки изъ писаній отеческихъ, нерѣдко испорченныхъ, (къ чему служили такъ называемыя catenae patrum), наконецъ множество вопросовъ и возраженій, которые и на умъ не придутъ вѣрующему христіанину, неотуманенному школьною схоластикою, — вотъ главные пріемы схоластическаго богословствованія, подавлявшіе живую мысль, заглушавшіе въ ней всякую самодѣятельность. О филологическомъ изученіи священнаго текста, о сличеніи древнихъ списковъ и переводовъ, о критическомъ изслѣдованіи памятниковъ, объ ученомъ изъясненіи писанія, равно какъ объ изученіи отцовъ, какъ хранителей преданія, въ связи съ общимъ движеніемъ церковно-исторической жизни, и о критическомъ изученіи памятниковъ христіанской древности, въ схоластикѣ не было и помину.

Магомете, Христовъ враже,
Ащо дальній часъ покажетъ —
Кто отъ чіихъ рукъ поляжетъ.
(Рукопись новгор. семин. б-ки, № 3885).

[1]) Hanc praestantissimam scientiam ab anno 1712 ad annum 1716 docuit Theophanes, et ita docuit, ut nova ab eo inde tempore in hoc studiorum genere apud Russos exoriretur lux. Quae inter explicandum tradiderat, ea auditores sui avidissime calamo exceperunt. (Готская біографія Ѳеофана.)

Протестантство, принявши за основу богословія св. писаніе, развило у себя библейскую филологію, критику и, въ тоже время, начало изучать христіанскіе догматы въ связи съ общею церковною исторіею.

Ѳеофанъ предполагалъ составить полную систему богословія; но успѣлъ окончить только семь трактатовъ: введеніе въ богословіе; ученіе о Богѣ; о св. Троицѣ; о происхожденіи Св. Духа; о твореніи и промыслѣ; о неповрежденномъ человѣкѣ и объ оправданіи. При составленіи своихъ богословскихъ уроковъ онъ пользовался сочиненіями знаменитыхъ въ свое время протестантскихъ богослововъ — Квенштедта [1]) и Гергарда [2]).

---

[1]) *Квенштедтъ* (1617—1688) профессоръ и ректоръ виттенбергскаго университета, составилъ и издалъ систему богословія въ 4-хъ томахъ, въ 1685 г.

[2]) Іоаннъ *Гергардъ* или Герардъ (1582—1637) преподавалъ богословіе въ Іенѣ съ рѣдкимъ успѣхомъ; отъ него осталось много сочиненій.

Послѣ Ѳеофана Прокоповича, преемники его въ академіи по званію ректора и учителя богословія, опять обратились къ старинпымъ богословскимъ руководствамъ Ѳомы Аквината и схоластическихъ богослововъ. По съ 1763 г., по распоряженію кіевскаго митрополита Арсенія Могилянскаго, взяты въ руководство, въ преподаваніи богословія, уроки Ѳеофана Прокоповича. Наставники распространили и дополнили ихъ по своему усмотрѣнію, неизмѣнно однакожъ придерживаясь ихъ плана. Въ 1770-хъ годахъ явились въ печати отдѣльные трактаты Ѳеофанова богословія на латинскомъ и русскомъ языкахъ. (Объ изданіяхъ ихъ въ Словарѣ м. Евгенія и въ Обзорѣ русской духовной литературы, т. II, преосв. Филарета.)

Какая живость въ изложеніи у Ѳеофана, можно судить по слѣдующей выпискѣ изъ сочиненія его: «de processione Spiritus Sancti» о іюнскомъ соборѣ: «соборъ оный есть весьма увеселительная исторія и достойная прочтенія, если время дозволитъ. Нѣтъ ничего тамо невеселаго и непріятнаго, нѣтъ никакихъ споровъ и никакихъ преній. Но въ каждомъ засѣданіи великолѣпное зрѣлище открывается, сирѣчь, какимъ образомъ святѣйшаго папу діаконы обуваютъ, раздѣваютъ, облачаютъ, куда онъ обращается, когда онъ встаетъ, стоитъ, сидитъ? Какимъ голосомъ начинаетъ церковные стихиры? Кто говоритъ къ народу: преклонимъ колѣна? Потомъ кто вопіетъ: горѣ имѣемъ сердца. Ибо всѣ сіи церемоніймейстеры именно тамъ описываются: а сіе, какъ я думаю, знать къ великой пользѣ церкви послужитъ. Еще, сверхъ сего, повѣствуетъ исторія, что, по окончаніи каждой таковой церемоніи и послѣ каждаго папскаго тѣлодвиженія, самъ папа незнаемо что-то проповѣдываетъ, прочіи же отцы, тамо присутствовавшіи, всѣ были настоящими зрителями комедіи. Они ничего не дѣлали, ничего не говорили: толикая бо уже въ тогдашнее время обладала грубость и невѣдѣніе церковнаго правленія. На тотъ же самый соборъ вызваны два великіе противоборцы, а именно Ѳома Аквинатъ доминиканецъ и Бонавентура францискапецъ: но оный еще въ пути умеръ, а сей

Въ 1712 году Θеофанъ написалъ сочиненіе подъ заглавіемъ: *Распря Павла и Петра о игѣ неудобоносимомъ* [1]). Сочиненіе это подверглось строгой критикѣ. Ректоръ московской академіи, архим. Θеофилактъ Лопатинскій, написалъ на него опроверженіе, подъ заглавіемъ: *Иго Господне благо и бремя Его легко*, сі есть законъ Божій съ заповѣдьми своими отъ призрачныхъ новоизмышленныхъ освобождаетъ. «Вина сочиненія книжицы сея, — писалъ Θеофилактъ,— есть писаніе противничє, вносящее въ міръ россійскій мудрованія реформатскія, доселѣ въ церкви православной неслыханныя, о законѣ Божіи и оправданіи». Θеофилактъ посвятилъ свой трудъ св. церкви, вручая и свою книгу ея суду и исправленію. Но онъ былъ слишкомъ строгъ къ Θеофану, укоряя его въ послѣдованіи Лютеру и Кальвину. Споръ этотъ послужилъ поводомъ къ неудовольствію между Θеофаномъ и Θеофилактомъ, продолжавшемуся во все время ихъ жизни и окончившемуся для послѣдняго весьма плачевно [2]).

Хозяйство училищнаго монастыря было до Θеофана крайне запущено. Впослѣдствіи, лѣтъ черезъ 25, вспоминая объ этомъ, онъ писалъ: «помню я, что тамо (въ Братскомъ училищномъ монастырѣ) дѣлалося, во время младыхъ лѣтъ моихъ, при Головчичѣ и Гугуревичѣ и другихъ ректорахъ. Всѣ маетности братскія были въ полномъ содержаніи. Были времена весьма пріятныя: не было войны, не было никакихъ армейскихъ походовъ, не слыхали мы тогда, что недородъ, что голодъ; а въ братскомъ монастырѣ такая была во всемъ нищета, что и вспоминать печально; и я бы нынѣ не вѣрилъ, если бы тогда самъ не видѣлъ; житницы и погреба пусты, никакой изъ дня на день провизіи, никаковаго при-

---

въ Лионѣ — прежде разшествія собора; да и весьма благовременно; ибо что бы тамо дѣлать или съ кѣмъ спорить столь высокимъ богословамъ».

Кіевскій митрополитъ, Самуилъ Миславскій, дополнивши Θеофановы уроки, по его плану и методу, издалъ ихъ въ видѣ цѣлой системы, въ 3-хъ томахъ, Лейпцигъ 1782 г. Послѣ того, ректоръ кіевской академіи, Ириней Фальковскій, составилъ изъ нея сокращенный учебникъ и напечаталъ въ 1805 г.

[1]) Издано въ 4-й части сочиненій Θеофана въ 1774 г. и особо въ Москвѣ 1784 года.

[2]) Въ 1736 г. рукопись *Иго Господне* потребована была въ Тайн. канцелярію. Мы видѣли ее тамъ между полусгнившими бумагами страшной канцеляріи. Другой экземпляръ въ синод. архивѣ № 61.

пасу не бывало; на всякъ день пищу, и то скудную и подлую, на рынкѣ покупали, а и на оную покупку употребляли господа ректоры нѣкую часть денегъ изъ годоваго гетманскаго подаянія. А какая такой бѣдности могла быть причина? Одно только незнаніе экономіи, и не одно только незнаніе, но къ тому противные и раззорительные поступки, начальныхъ — нерадѣніе, лѣность, дреманіе, гнусность, да еще при пособіи шумныхъ дненощныхъ забавъ, а подначальныхъ — иныхъ непросыпляемое пьянство, а другихъ прилежныя кражи..... А съ 1711 года получивъ я чинъ ректорскій и потомъ тщательнаго намѣстника бл. п. Епифанія (Тихорскаго), бывшаго послѣ бѣлоградскаго архіерея, когда только объѣзжая, осмотрѣли мы села и деревни, земныя и водныя угодія, тотчасъ явилось, что братскій монастырь убогимъ называть грѣхъ, а въ немъ не быть кому сыту — стыдъ и смѣхъ великій. Что же воспослѣдовало? Хотя и превеликія армеи стояли, хотя еще не весьма и вѣрные городничіи т. е. посельскіе монахи были: однакожъ всего у насъ преизобильное было довольство и не только для своихъ, но и для подарковъ многимъ господамъ и для принятія не малыхъ и не малолюдныхъ, да еще и частыхъ, гостей. Скоро нужда явилась не одинъ вновь погребъ дѣлать и житницу великую строить, и слухъ въ народѣ носился, что въ братскомъ монастырѣ кладъ найденъ. И правда найденъ, да тотъ, который предъ очима всегда былъ, да не знаю, какъ-то его затекшіи очи не видѣли. Надѣюся, что еще въ живыхъ нѣкіи обрѣтаются, которыи по совѣсти сказать могутъ, что въ съѣстныхъ наипаче и питейныхъ припасахъ не просто чернечіе, но господскіе были достатки; да и денежныя прибыли начали показываться»[1]).

Каковъ онъ былъ въ ученомъ кругу своихъ сослуживцевъ, мы не знаемъ. Но внѣшнія сношенія его съ разными лицами и мѣстными властями показываютъ въ немъ человѣка предусмотрительнаго, оборотливаго, практическаго.

Кіевскимъ губернаторомъ, въ послѣднее время ректорства Ѳеофана, былъ князь Д. М. Голицынъ, одинъ изъ самыхъ образованныхъ людей своего времени. Одинаковая склонность сбли-

---

[1]) Письмо Ѳеофана къ кіевскому архіепископу Рафаилу Заборовскому, 8 марта 1736 г. Русскій Архивъ 1865 г. стр. 439—444.

зила его съ Ѳеофаномъ, который часто бывалъ у него, пользовался его библіотекой и, по его совѣту, перевелъ съ иностранныхъ языковъ на русскій нѣсколько полезныхъ сочиненій.

Кіевскимъ митрополитомъ былъ въ ту пору Іоасафъ Кроковскій, человѣкъ добрый, но престарѣлый. Онъ самъ мало входилъ въ дѣла, предоставивъ управленіе ими своему намѣстнику, архидіакону Іоаннкію Сѣнютовичу. Относясь съ почтеніемъ къ митрополиту, Ѳеофанъ видѣлъ настоящаго правителя митрополіи въ архидіаконѣ, льстилъ ему и заискивалъ въ немъ такъ раболѣпно, какъ будто отъ него зависѣла не только судьба его, но и самая жизнь. Вотъ одно изъ писемъ его къ Сѣнютовичу, которое производитъ именно такое впечатлѣніе.

«Къ полнотѣ милостей, которыми я такъ много и часто пользуюсь отъ вашей святыни, вы не отказались присовокупить еще одну, по поводу вчерашней прозьбы моей, съ которою я былъ такъ надоѣдливъ и почти безстыденъ. Вы были благосклонны ко мнѣ даже тогда, какъ имѣли полное право гнѣваться на меня, потому что я надоѣдаю вамъ такъ много, не имѣя на то никакого права. Но желаніе мое сбылось и вы сами не нашли его недостойнымъ. Богъ свидѣтель, что я воздаю вамъ за это величайшую благодарность, потому что, послѣ Бога, я никому столько не обязанъ, какъ вамъ. Но я не могу никогда возблагодарить достаточно. «Saepe gemente deo fert deus alter opem» — говоритъ, по своему языческому обычаю, поэтъ языческій. Это самое я давно уже испыталъ, потому что въ то время, какъ мнѣ бѣдному угрожало столько враговъ, вдругъ, по устроенію божественнаго промысла, является человѣкъ, который подаетъ помощь обуреваемому волнами: да, вы одни меня, всѣмъ ненавистнаго и всѣми оставленнаго, не только не оставляете, но еще какъ бы закрываете собственнымъ тѣломъ, въ одно время и защищаете и покровительствуете. Вы одни для меня, какъ я вижу, вмѣсто цѣлаго народа, какъ сказалъ о комъ-то кто-то изъ древнихъ [1])».

Случайность свела его съ семействомъ Марковичей, которое было въ свойствѣ съ самыми первыми малороссійскими фамиліями и играло значительную роль въ Малороссіи.

---

[1]) Госуд. арх. Дѣла о Ѳеофанѣ Прокоповичѣ.

Глава этого семейства, лубенскій полковникъ Андрей Марковичъ, пользовался почетомъ во всей Малороссіи, какъ можно заключать изъ того, что, когда по смерти гетмана Даніила Апостола, Малороссія отдана была въ управленіе шести членамъ, то однимъ изъ нихъ былъ Марковичъ. Родная сестра его была за гетманомъ Скоропадскимъ, что вводило его въ родство съ Толстыми, такъ какъ дочь гетмана была замужемъ за молодымъ Толстымъ, нѣжинскимъ полковникомъ. Сынъ его, Яковъ Андреевичъ Марковичъ, получилъ образованіе въ кіевской коллегіи, находившейся подъ управленіемъ Оеофана. Необыкновенная живость и даровитость Марковича такъ расположила къ нему Оеофана, что они сдѣлались друзьями, несмотря на разность лѣтъ и общественнаго ихъ положенія, пересылались письмами, обмѣнивались книгами, извѣщали другъ друга о своихъ ученыхъ работахъ, открывали другъ другу свои мечты и надежды. Вскорѣ по выходѣ изъ коллегіи, Марковичъ женился на дочери извѣстнаго Павла Полуботка, полковника черниговскаго, бывшаго послѣ наказнымъ гетманомъ. Оеофанъ пользовался у него гостепріимствомъ, какъ въ близкой семьѣ и былъ привязанъ къ его дому. Тутъ они мѣшали дѣло съ бездѣльемъ: читали Бекона, Декарта, Буддея, польскихъ историковъ, переводили съ еврейскаго разныя мѣста изъ библіи, сочиняли вирши, а въ веселый часъ и погуливали [1]). Между печатными письмами Прокоповича, есть нѣсколько писемъ къ Марковичу, обрисовывающихъ ихъ отношенія. «У меня такъ много дѣла, — писалъ къ нему Оеофанъ 13-го апрѣля 1716 года, — что я точно подъ гнетомъ. Отчего бы тебѣ не выдумать какого нибудь дѣла, либо какого нибудь предлога, чтобъ побывать у меня. Ты знаешь, что для меня не можетъ быть ничего дороже такого гостя» [2]). «Вотъ тебѣ кое-что по твоему требованію. Кое-что говорю, потому что ты желалъ большаго въ отвѣтъ на присланные ко мнѣ вопросы. Я написалъ тебѣ полный трактатъ объ оправданіи, написалъ поспѣшно, въ два дня. Поэтому ты не удивишся, если иное изложено сбивчиво и не строгимъ методомъ, а иного и не найдешь вовсе. Я готовлю цѣлую книгу объ этомъ предметѣ въ па-

[1]) Дневныя замѣтки малороссійскаго подскарбія, генерала Якова Марковича. М. 1859 г.

[2]) Theoph Epistola 1.

шемъ богословскомъ курсѣ; а въ какомъ мѣстѣ, можешь догадаться самъ по тѣмъ трактатамъ, которые я недавно послалъ къ тебѣ. Тамъ это изложено будетъ пространнѣе и научнымъ методомъ [1])». «Я послалъ къ тебѣ трактатъ объ оправданіи, съ казакомъ почтеннаго родителя твоего, и еще шесть книгъ: первую — богословіе Іакова, короля Англіи — (дай Богъ, чтобы, по совмѣстности съ нимъ, твоя слава также наполнила Россію, какъ его наполнила Британію); другую — апологію; третью и четвертую — математическія: они довольно легки и много въ нихъ пріятнаго; пятую — политическую: авторъ ея очень разсудительный, хотя еще молодой человѣкъ — онъ въ Лейпцигѣ домашнимъ учителемъ дѣтей нашего князя, отъ котораго я и получилъ эту книгу; шестая, наконецъ, думаю, необходимая для вашего хозяйства, на польскомъ языкѣ, называется Гиппика или о лошадяхъ [2]).»

По обычаю набожныхъ людей, Марковичъ принималъ у себя разныхъ монаховъ, во множествѣ приходившихъ въ Малороссію изъ Греціи, съ Аѳона и изъ славянскихъ земель. Ософанъ иногда предостерегалъ своего друга, чтобы онъ былъ поразборчивѣе на счетъ этихъ людей и ихъ прозьбъ. «Монахи Сербы очень понравились мнѣ; это — простые и скромные люди, истые монахи; они погостили у насъ около осьми недѣль. Прошу ваше превосходительство помочь имъ найти доступъ къ ясновельможному. Почти вслѣдъ за ними прибылъ еще монахъ Сербъ, — который выдалъ себя за архимандрита. Дрянь человѣчишка, хвастливый, легкомысленный; да онъ не замедлитъ показать себя такимъ и предъ вашими. Я бы не совѣтовалъ вамъ принимать такихъ негодяевъ [3])».

---

[1]) Epistola 2.

[2]) Epistola 3.

[3]) Homunculus ille est nequam, fastuosus, leviculus. Tales autem nebulones non suaserim fovendos. Epistola 3.

II.

Вызовъ Ѳеофана въ С.-Петербургъ. — Протесты московскихъ ученыхъ и м. Стефана Яворскаго. — Посвященіе въ епископа. — Ученые труды. — Полемика съ княземъ Д. Кантемиромъ.

Въ 1715 году Государь приказалъ Прокоповичу пріѣхать въ С.-Петербургъ. Ѳеофанъ, и всѣ въ Кіевѣ, сочли это знакомъ скораго посвященія его въ епископы. Съ какимъ расположеніемъ духа онъ встрѣтилъ это предложеніе, видно изъ письма его къ Марковичу 9-го августа 1716 года.

«Во время твоего отсутствія я былъ у тебя и пользовался твоимъ гостепріимствомъ, что было мнѣ конечно очень пріятно, хотя непріятно, что я не засталъ тебя дома и неожиданно потерялъ случай побесѣдовать съ тобою о многомъ, о чемъ хотѣлось поговорить съ пользою. Впрочемъ всякій ущербъ легко можетъ вознаградить Богъ, который устрояетъ наши дѣла лучше нашихъ расчетовъ и даже ожиданій. Живой примѣръ этого ты самъ, который, при помощи Божіей, въ короткое время, оказалъ такіе успѣхи въ богословіи, о которыхъ и помышлять не могутъ тѣ сановные монахи (mitrata illa capita), которыхъ мы въ послѣднее время видѣли вмѣстѣ не мало».

«Можетъ быть ты слышалъ, что меня вызываютъ для епископства. Эта почесть меня также привлекаетъ и прельщаетъ, какъ если бы меня приговорили бросить на съѣденіе дикимъ звѣрямъ Я завидую на добрыхъ людяхъ митрамъ [1]), саккосамъ, посохамъ, свѣщамъ и другимъ украшеніямъ этого рода: прибавьте къ этому еще большихъ и вкусныхъ рыбъ; но если я интересуюсь этимъ, если ищу этого, пусть Богъ покараетъ меня чѣмъ нибудь, еще худшимъ. Я люблю дѣло епископства, и хотѣлъ бы быть епископомъ, если бы, вмѣсто того, не пришлось разыгрывать комедіи;

---

[1]) Invideo bonis viris mitra etc. — Въ Трудахъ кіевской д. академіи (1865 г. кн. I. стр. 142) переведено: «я ненавижу лучшими силами своей души митры» и проч., что̀ измѣняетъ смыслъ и грамматически невѣрно.

ибо таково это испорченнѣйшее состояніе, если не исправитъ его божественная премудрость. Съ своей стороны я употреблю всѣ усилія, чтобы отклонить отъ себя эту честь и поскорѣй возвратиться къ вамъ; а вы помолитесь всевышнему Богу, чтобы такъ случилось. Я не кончилъ еще и богословскихъ занятій, и если бы кончилъ, то счелъ бы тогда, что исполнилъ нѣкоторое временное епископство и былъ пастыремъ, если не для многихъ, если не для кого другаго, то по крайней мѣрѣ для самаго себя. При выходѣ изъ вашего дома меня встрѣтилъ какой-то еврей, который сказалъ, что онъ хочетъ сдѣлаться христіанномъ, но не имѣлъ никакого понятія о христіанствѣ, ибо ни отъ кого ничего не слышалъ, сказалъ только, что онъ сдѣлался оглашеннымъ. Когда я спросилъ, что значитъ оглашенный? Онъ отвѣчалъ, что ему какой-то попъ перемѣнилъ имя. Вотъ тебѣ прекрасное состояніе церкви! Съ какимъ бы намѣреніемъ онъ ни просилъ того, чего проситъ, но Богъ отъ насъ требуетъ, чтобы его научить, иначе взыщетъ кровь его отъ рукъ нашихъ» [1]).

Болѣзнь удержала Ѳеофана въ Кіевѣ до осени будущаго (1716) года. Прибывши въ С.-Петербургъ онъ не засталъ тамъ государя, который былъ, въ то время, за границей. «О нашихъ дѣлахъ — писалъ Ѳеофанъ къ Марковичу по пріѣздѣ въ С.-Петербургъ, — узнай вотъ что. Путь нашъ чрезъ постоянные и весьма длинные мосты былъ весьма утомителенъ; я рѣшился плыть чрезъ Ладожское озеро, но, изнуренный морской качкой, едва помнилъ себя. Потомъ спустя шесть часовъ я вышелъ на берегъ и проклялъ это разбойничье озеро. 14-го октября я прибылъ въ Петербургъ, явился къ высочайшему господину князю и ласково принятъ имъ. Когда я, между прочимъ, хотѣлъ говорить, кому слѣдуетъ, о своемъ возвращеніи къ вамъ, то получилъ отказъ и сказано, что не могутъ и слышать объ этомъ. Равно и всѣ, которые, повидимому, расположены ко мнѣ, настоятельно просили, чтобъ я не позволялъ себѣ говорить объ этомъ въ отсутствіи пресвѣтлѣйшаго. Тотчасъ же послѣ нашего прибытія, князь послалъ въ сенатъ съ вопросомъ: что рѣшатъ обо мнѣ сенаторы. Ему отвѣчали, что они, въ скорѣйшемъ времени, напишутъ къ царскому

[1]) Epist. 5

величеству: и такъ доселѣ нѣтъ ничего опредѣленнаго. Между тѣмъ я одинъ, и какъ бы единственный, началъ *китихизаторствовать* (сказывать поученія), чѣмъ и занимаюсь» [1]).

До пріѣзда государева, (а государь возвратился черезъ годъ послѣ пріѣзда Ѳеофана въ С.-Петербургъ), Ѳеофанъ занимался сказываніемъ проповѣдей, которыя тотчасъ-же печатались и пересылались къ государю. Ѳеофанъ былъ въ нихъ больше публицистомъ, нежели церковнымъ ораторомъ, болѣе разсказывалъ и разъяснялъ, съ правительственной точки зрѣнія, политическія дѣла, нежели поучалъ истинамъ вѣры и правиламъ частной добродѣтели.

Вниманіе къ нему Меншикова, который, за отсутствіемъ государя, правилъ дѣлами государства, и слава его проповѣдей, обратили на него всеобщее вниманіе. Учитель царевича Вяземскій извѣщалъ о немъ своего воспитанника: «еще доношу, Прокоповичъ сюда пріѣхалъ и сказываетъ здѣсь казанья и велѣно ему вѣдать во Псковѣ, Нарвѣ, Дерптѣ и Ревелѣ духовныя дѣла, только какъ не благо-денно съ нимъ обойдется». Кажется, они не радовались возвышенію Ѳеофана и считали его дурнымъ предзнаменованіемъ для себя. У нихъ ужъ былъ передъ глазами невскій архимандритъ Ѳеодосій, *разрушавшій государю на вся* [2]): теперь къ нему присоединялось еще такое же новое лицо.

Кромѣ того, Ѳеофанъ занимался, въ это время, составленіемъ родословной таблицы русскихъ государей и приготовилъ ее къ печати. Эта небольшая по объему вещь стоила ему большихъ хлопотъ, потому что, для точности въ хронологическихъ показаніяхъ, нужно было перечитывать русскихъ и польскихъ историковъ и лѣтописцевъ и обсуживать, кто изъ нихъ говоритъ справедливѣе [3]). Въ 1717 г. Меншиковъ, при своемъ письмѣ, представилъ этотъ трудъ государю: «при семъ прилагаю, по прошенію Прокоповича, до вашего величества листъ, здѣсь отъ него сложенный генеологіи вашей, и ежели что изволите на оном перемѣнить, убавить или что прибавить, то прошу въ тѣхъ мѣстахъ отмѣтить и сюда опый листъ прислать, который уже бы на мѣрѣ положа,

---

[1]) Epistola XX. Труды кіев. акад. 1865 г. кн. I. стр. 149.

[2]) Устрялова, Исторія Петра, Т. VI, стр. 245.

[3]) Epistola IX.

велѣлъ такую доску сдѣлать [1])». Въ томъ же году эта роспись была напечатана на листѣ, съ лицевыми изображеніями государей.

Государь возвратился въ С.-Петербургъ 10-го октября 1717 года. Первая встрѣча его съ Ѳеофаномъ была совершенно въ пользу Прокоповича. По порученію Меншикова онъ приготовилъ къ пріѣзду государя три поздравительныя рѣчи — одну отъ лица двухлѣтняго царевича Петра Петровича, другую — отъ лица царевенъ Анны и Елисаветы, третью — отъ лица всего народа. Когда Государь вошелъ въ комнату дѣтей, то изъ помянутыхъ рѣчей первую произнесъ предъ нимъ Herzens-Kind Меншиковъ, вторую — старшая царевна Анна Петровна, третью — самъ Ѳеофанъ. Велѣдъ затѣмъ, въ воскресенье 16-го октября, онъ сказалъ Государю, въ Троицкомъ соборѣ, отъ лица всего народа поздравительное слово [2]); а 24-го октября, въ день именинъ царицы, сказалъ въ честь ея похвальное слово изъ словъ пѣсни пѣсней: «крѣпка яко смерть любы». Государь нашелъ въ Ѳеофанѣ такого человѣка, какой ему нуженъ былъ для исполненія его предпріятій въ дѣлѣ церковнаго управленія и народнаго образованія.

За нѣсколько времени передъ тѣмъ скончался псковскій митрополитъ Іоспфъ. Государь рѣшился назначить на его мѣсто Ѳеофана. Это назначеніе, судя по всѣмъ обстоятельствамъ, сдѣлано было и огласилось, хотя и не было объявлено оффиціально, въ началѣ 1718 года.

Въ промежутокъ времени между его назначеніемъ и посвященіемъ, Ѳеофанъ произнесъ въ вербное воскресенье замѣчательную проповѣдь *о власти и чести царской*, въ которой видны очень ясные намеки на положеніе дѣлъ и современныя лица. Судя

---

[1]) Голикова, Дѣянія Петра, Т. IV. стр. 592, изд. 2-е.

[2]) «Державнѣйшій государь прибылъ въ С.-Петербургъ 10-го октября — писалъ Ѳеофанъ къ Іоанникію Свнютовичу; а 16-го числа—это было въ воскресенье—я говорилъ ему съ каѳедры привѣтствіе въ церкви св. Троицы, и когда поклонился, то онъ принялъ мой поклонъ съ пріятнымъ взоромъ, при взаимномъ рукъ цѣлованіи. Возвратился съ его величествомъ достопочтеннѣйшій архимандритъ Ѳеодосій (Яновскій). Я нашелъ въ немъ честнаго и образованнаго человѣка. Онъ любитъ и ученыхъ, но предпочитаетъ простыхъ. Еще что? Слышно, что ваши ученые, равно какъ и московскіе, скоро сюда будутъ, если не помѣшаетъ что нибудь важное; а за чѣмъ — неизвѣстно.» Epistola XIX.

по этимъ намекамъ, можно догадываться, что государь уже открылъ ему свои планы объ устройствѣ духовнаго чина и что, разсуждая съ нимъ объ этомъ предметѣ, онъ, вѣроятно, дѣлалъ свои замѣчанія о главныхъ лицахъ тогдашняго духовнаго правительства.

Говоря о противникахъ царской власти въ древнее и настоящее время, Ѳеофанъ съ особеннымъ ударепіемъ останавливается на современныхъ противникахъ. «Суть нѣцыи (и далъ бы Богъ, дабы не были многіи) или тайнымъ бѣсомъ льстиміи, или меланхоліею помрачаеми, которыи таковаго нѣкоего въ мысли своей имѣютъ урода, что все имъ грѣшно и скверно мнится быти, что либо увидятъ чудно, весело, велико и славно, аще и праведно и правильно и небогопротивно; напримѣръ, лучше радуются вѣдомостьми скорбными, нежели добрыми; самаго счастія не любятъ, и не вѣмъ како то о самихъ себѣ думаютъ, а о прочіихъ такъ: аще кого видятъ здрава и въ добромъ поведеніи, то конечно не святъ; хотѣли бы всѣмъ человѣкомъ быти злообразнымъ, горбатымъ, темнымъ, неблагополучнымъ, и развѣ въ таковомъ состояніи любили бы ихъ. Таковыхъ Еллини древніи нарицали місантропи, сі есть, человѣконенавидцы. И есть давная и дивная повѣсть о нѣкоемъ таковомъ Тимонѣ именемъ, жителѣ Аѳинейскомъ: той толико болѣзновалъ сею страстію и, ненавидя добраго поведенія въ людѣхъ, толь жадно желалъ злоключенія отечеству своему, что послѣжде сшелъ съ ума, и таковый обморокъ и мечтаніе возъимѣлъ, аки бы ему подлинно нѣкто донесъ, будто аѳиняне вси хотятъ вѣшатися; тотъ часъ же радъ и веселъ въ народъ, и таковую возгласилъ проповѣдь: мужіе, рече, аѳинейстіи, есть у мене въ вертоградѣ древо великое, и много крѣпкихъ вѣтвей на немъ, да, для потребнаго на мѣстѣ томъ зданія, срубить хощу скороже; молю васъ, идите вѣшайтеся, ибо долго ждать не могу. Не обрѣтаются ли и нынѣ таковіи? Аще и не въ таковой мѣрѣ, обаче суть тако злобныи и понурыи».

Намекъ слишкомъ ясный. Государь не любилъ Стефана Яворскаго за то, что тотъ косо смотрѣлъ не на одно только его разгулье, но и на всѣ его нововведенія. На сторонѣ Стефана было много лицъ духовныхъ и свѣтскихъ.

«Помыслитъ бо кто, — продолжаетъ проповѣдникъ — и мно-

гіи мыслятъ, что не вси весьма людіе симъ долженствомъ обязаны суть, но нѣкіи выключаются, именно же священство и монашество. Се теріъ, или паче рещи, жало, но жало се змінно есть, папежскій се духъ, но не вѣмъ, какъ то досягающій и касающійся насъ; священство бо иное дѣло, иный чинъ есть въ народѣ, а не иное государство.» Опять намекъ и слишкомъ прозрачный на неподсудность церкви государству и на тѣ обстоятельства, которыми сопровождалось уничтоженіе патріаршества и учрежденіе коллегіальнаго духовнаго правленія. Ясно, что въ ту пору, когда Ософанъ говорилъ свою проповѣдь, идея Синода и коллегіальнаго духовнаго правленія, а вмѣстѣ съ этимъ введенія церкви въ общую систему коллегіальнаго управленія, уже переходила изъ области предположеній въ область фактовъ.

Но въ то время, когда Ософанъ торжествовалъ восходъ своей звѣзды въ С. Петербургѣ, въ Москвѣ составлялся противъ него протестъ съ цѣлію воспрепятствовать посвященію его въ епископа.

Виновниками этого протеста были ученые московской академіи Гедеонъ Вишневскій и Ософилактъ Лопатинскій.

Оба они были учителями въ кіевскихъ школахъ и сослужівцами Ософана. Ософилактъ былъ старше, а Гедеонъ — моложе Ософана. Въ 1705 г. Ософилактъ перешолъ въ Москву, а Ософанъ остался въ Кіевѣ. Почти въ одно время они сдѣлались ректорами — Ософанъ въ кіевской, а Ософилактъ въ московской академіи; оба были извѣстны государю, какъ самые даровитые и образованные люди въ духовенствѣ. Ософилактъ съ честію и успѣхомъ исполнялъ разныя государевы порученія. Въ 1710 г. онъ вызванъ былъ въ С. Петербургъ, вмѣстѣ съ префектомъ московской академіи, Стефаномъ Прибыловичемъ. На пути, въ Новгородѣ, они заходили къ м. Іову и произвели на него неодинаковое впечатлѣніе — Ософилактъ выгодное, а Прибыловичъ — неблагопріятное и тѣмъ еще болѣе уронилъ во мнѣніи старца кіевскія школы, уже очерненныя въ его глазахъ Лихудами[1]). Осо-

[1]) М. Іовъ писалъ объ этомъ свиданіи въ С. Петербуръ къ Я. П. Римскому-Корсакову: «префектъ, господинъ Стефанъ, былъ у насъ и отпущенъ

филактъ явился къ государю, исправилъ, по его замѣчаніямъ, составленную имъ службу о полтавской побѣдѣ и отпущенъ опять въ Москву[1]).

По долгу честнаго человѣка онъ исполнялъ свою должность самымъ добросовѣстнымъ образомъ и не уклонялся ни отъ какого труда, выходилъ ли онъ изъ его обязанностей, или возлагался на него по особенному довѣрію правительства. Когда въ Москвѣ начали распространяться лютеранскія и кальвинскія заблужденія, Ѳеофилактъ, по порученію м. Стефана, увѣщевалъ главныхъ начальниковъ этихъ заблужденій, чтобы они отстали отъ своего лжеученія и нераспространяли его въ народѣ[2]). Послѣ того принималъ дѣятельное участіе въ исправленіи славянской библіи, которое производилось, подъ наблюденіемъ м. Стефана, въ Москвѣ при тамошней типографіи: впослѣдствіи само духовное правительство отнеслось къ этому дѣлу весьма неблагодарно и несправедливо[3]). Въ 1716 г. онъ составилъ разборъ ложной повѣсти о славянскихъ апостолахъ — Кириллѣ и Меѳодіи, выписанной изъ книги Мавроурбина и 27 іюля препроводилъ, при письмѣ, къ И. А. Мусину-Пушкину[4]).

съ достодолжною честію. Благоволи на слово позвати его. Мудръ есть человѣкъ и богослова себе нарицаетъ множае паче, неже иные нѣкіи. Егдаже услышиши, самъ весьма уразумѣешь, каковы суть богословы, являющіеся въ кіевскихъ новыхъ аѳинейскихъ школахъ. Изряднаго изъ нихъ познахъ быти Лопатинскаго, яко мужъ кротокъ есть и смиренъ во всяцѣмъ своемъ состояніи, паче же во страсѣ Божіи. 1710 г. окт. 16». Странникъ, 1861 г. кн. 2, стр. 90.

[1]) Голикова, Дѣян. П. В. Т. IV, стр. 483, изд. 2-е.

[2]) Московскіе еретики въ царствованіе Петра I. Прав. Обозр. 1863 г. Т. X и XI.

[3]) Въ 1735 г. Ѳеофанъ предлагалъ Сѵноду, по случаю вновь возбужденнаго вопроса объ исправленіи слав. библіи: «всѣ сдѣланныя уже поправки вновь перевѣрить съ греческою библіею, не весьма вѣруя исправительскимъ примѣчаніямъ: могли они задремать и памятію погрѣшить». Исправленіе текста слав. библіи передъ изданіемъ 1751 г. въ Прав. Обозр. 1860 г. Т. I, стр. 487.

[4]) «На повѣсть ложную о славенскихъ нашихъ апостолѣхъ—Меѳодіи и Кириллѣ, выписанную изъ книги Мавроурбина и мнѣ присланную, отвѣтъ, каковъ возмогъ по скудоумію моему обрѣсти, посылаю, о которомъ отъ вашего сіятельства высокое разсужденіе на письмѣ видѣти желаю» 27 іюля 1716 г. (Госуд. Арх. Переписка разн. лицъ съ Мусинымъ-Пушкинымъ).

По управленію школами онъ стѣсненъ былъ самыми вопіющими нуждами. Зданія, въ которыхъ помѣщались школы, были такъ ветхи, что каждый часъ угрожали опасностію жизни и начальниковъ и учениковъ. Не смотря ни на прозьбы, ни на мольбы Ософилакта, никто не хотѣлъ принять въ нихъ участія. Наставниковъ и учениковъ безнаказанно обижали посторонніе лица[1]). Внутренняя сторона школъ была не лучше. Петръ I, задумавъ преобразованіе народа, отправлялъ молодыхъ людей цѣлыми сотнями въ чужіе края для изученія разныхъ наукъ, искусствъ и ремеслъ. Московская академія, единственное училище въ сѣверовосточной Россіи, должна была каждый годъ выдѣлять по нѣскольку воспитанниковъ для обученія наукамъ, невходившимъ въ планъ ихъ первоначальнаго воспитанія. Ближайшимъ слѣдствіемъ этого было обѣдненіе школы, потеря лучшихъ воспитанниковъ, которые могли бы впослѣдствіи быть хорошими въ ней наставниками; отдаленнымъ — потеря лучшихъ людей для церкви, — жалкая тѣмъ болѣе, что съ выходомъ лучшихъ людей на разные пути гражданской службы, естественно выдвигались впередъ, на первый планъ, лица, стоявшія въ заднихъ рядахъ по уму и по образованію; либо и того хуже — первыя мѣста по духовному вѣдомству отдаваемы были предпріимчивымъ искателямъ приключеній, азіатскимъ выходцамъ и аонскимъ «прелазатаямъ» (какъ называлъ ихъ

---

[1]) Въ 1715 г. Стефанъ Яворскій подалъ государю меморіалъ (Memoriale), въ которомъ обращалъ его вниманіе на состояніе школъ: «1) О состояніи Славено-латинскихъ школъ, понеже учителемъ и ученикомъ озлобленіе великое творится отъ сильныхъ лицъ и учениковъ біютъ безъ доложенія, кому надлежитъ, и на учительный дворъ разбоемъ и скопомъ находятъ, отъ которыхъ не малое безчестіе и разореніе чинится: а впредь бы такъ не дѣлали. 2) Школы обветшалыя и ворота раззоренные и весь дворъ школьный исправленія требуютъ. 3) Келіи учительскія деревянніи и весьма сгнили и жить въ нихъ не возможно. Былъ указъ новыя строити каменныя и — нестроено. Ученики, неимущіи сироти, въ русской школѣ не имѣютъ, почемъ учитися. Книги имъ выданы съ печатнаго двора, и нынѣ тыи книги обветшали и учитися на нихъ не возможно.» Кабин. Дѣла, II, № 24, л. 364.

«Школы здѣшнія, — писалъ Ософилактъ къ Мусину-Пушкину въ 1716 г. 27 іюля, — зѣло ветхи, и аще не будетъ къ князю Петру Ивановичу (Прозоровскому) о скоромъ подкрѣпленіи ихъ писаніе, то невозможно будетъ и ученикамъ въ школы ходить и учителямъ въ келіяхъ обветшалыхъ жити. Разореніе сіе школъ многимъ смерть, а казнѣ убыль можетъ сотворити.» (Переписка гр. Мусина-Пушкина съ разными лицами, въ Гос. арх.).

московскій архіепископъ Амвросій Зертисъ-Каменскій [1]) которые увѣрены были, что въ Россіи скрыто золотое руно, и что только иноземцы обладаютъ тайною, какъ отыскать его.

Въ самомъ дѣлѣ нельзя не сознаться, что изъ нашихъ сѣверо-восточныхъ школъ не много вышло людей, на которыхъ бы можно было указать съ такою же гордостью, какъ кіевскія школы указываютъ на Стефана Яворскаго, Ѳеофилакта Лопатинскаго, Ѳеофана Прокоповича, Симона Тодорскаго, Арсенія Маціевича, Георгія Конисскаго и многихъ другихъ. А передовые ведутъ за собою свое поколѣніе. Поэтому многія явленія церковно-исторической жизни XVIII столѣтія имѣли бы другой видъ, если бы на передовыхъ мѣстахъ были больше образованные люди, и въ церковномъ управленіи, можетъ быть, развилось бы болѣе самостоятельности и болѣе достоинства, если бы лица, стоявшія въ челѣ его, имѣли болѣе внутренней силы, а не принуждены были, сперва для полученія, а потомъ для удержанія своихъ мѣстъ, искать внѣшней опоры.

«Слышалъ я, — писалъ въ 1717 г. И. А. Мусинъ-Пушкинъ къ Ѳеофилакту, — что школы умаляются. Прошу, не изволь ихъ оставить, ибо сіе взыщется на васъ.» Этимъ, кажется, и ограничивалось все правительственное участіе къ моск. школамъ.

Ѳеофилактъ перебивался, какъ могъ, изъ всѣхъ силъ. Свѣтскихъ воспитанниковъ, которыхъ онъ готовилъ для академіи, брали у него изъ подъ рукъ; оставалась одна надежда на ученыхъ монаховъ, потому что ихъ ужъ не возмутъ ни въ медицинскія школы, ни въ академи де-сіянсъ, ни въ корабельную науку: но и эта надежда часто обманывала его. Въ 1716 году уходомъ ушолъ отъ него префектъ Ѳеофилъ Кроликъ за море учиться философіи, богословію и различнымъ языкамъ. Въ 1717 г. хотѣли взять другаго монаха, Гедеона Вишневскаго, для отправленія въ Мекленбургъ. Ѳеофилактъ всѣхъ поднялъ на ноги, чтобы удержать хоть этого образованнаго монаха. «Архіерей пріѣхалъ къ Москвѣ, — писалъ онъ къ Мусину-Пушкину 23 янв. 1717 г. — а ни кого учителей не привезъ съ собою. Аще убо Вишневскій

---

[1]) Письмо Амвросія къ Арсенію Маціевичу, въ Чтеніяхъ въ Импер. обществѣ исторіи и древн. росс. 1862 г. Кн. 2.

не будетъ удержанъ, человѣкъ молодъ и совершенный философъ и богословъ,—не возможно будетъ школамъ здѣшнимъ парящатися академіею и ученіковъ и учителей отсюда спрашивать. Благоволи убо, государь, о задержкѣ Вишневскаго послать указъ къ господину стольнику Шишкину, а о высылкѣ инаго въ Мекленбургъ писать въ Кіевъ или какъ тебя, государя, Господь Богъ наставитъ». Гедеона удержали въ Москвѣ. Такъ какъ онъ имѣетъ нѣкоторое значеніе въ нашей исторіи, то мы познакомимся съ нимъ поближе.

Вишневскій воспитывался сначала въ кіевскихъ школахъ,—потомъ за границей въ польскихъ училищахъ и получилъ отъ іезуитовъ степень доктора богословія. Возвратившись въ Малороссію, онъ поступилъ учителемъ въ кіевскую академію, въ которой ректоромъ былъ Ѳеофанъ Прокоповичъ. Надменный своими познаніями, особенно степенью доктора, онъ отнесся презрительно къ своимъ товарищамъ и къ Ѳеофану. «Вы знаете конечно,—писалъ Ѳеофанъ, впослѣдствіи, къ своимъ сослуживцамъ въ академіи, послѣ того какъ оставилъ ужъ академію, — вы очень хорошо знаете, развѣ кто нарочно закроетъ глаза, чтобы не видать истины, какъ мы честно и радушно обращались съ Гедеономъ Вишневскимъ, когда онъ былъ профессоромъ въ нашей коллегіи, несмотря на то, что онъ съ гордостію отказался отъ назначенной ему каоедры поэзіи и занялъ реторическій классъ, отнявши эту каоедру у назначеннаго на нее Іосифа Волчанскаго. — Блаженной памяти архипастырь снисходительно посмотрѣлъ на это; по любви къ миру уступили и мы этой наглости. Не неизвѣстно вамъ и то, съ какого дерзостію онъ въ нашихъ собраніяхъ поносилъ ругательствами достопочтеннаго отца Сильвестра, префекта коллегіи и тщеславился своимъ, недавно полученнымъ, іезуитскимъ докторскимъ беретомъ, то есть ослипымъ украшеніемъ, и какъ часто мы, съ кроткой душой, снисходили къ этой его надменности. Извѣстно всѣмъ и то, какъ онъ выбылъ изъ нашей корпораціи, когда черниговскій полковникъ, имѣя преувеличенное понятіе о его учености, проламывалъ, какъ говорится, камни, чтобы добыть его въ учителя реторики своему сыну; съ своей стороны и Вишневскій съ равнымъ усиліемъ стремился къ предлагаемой ему должности. Знаете также, съ какимъ сумазбродствомъ причину выбытія своего въ провинцію сложилъ онъ на насъ, какъ будто

мы выжили его; да и послѣ того подъ рукою распускалъ объ насъ разныя вѣсти. Это видѣлъ всякій, кто только нарочно не закрывалъ глазъ»[1]). Кромѣ того мы знаемъ изъ другаго источника[2]), что Гедеонъ часто спорилъ съ Ѳеофаномъ о церковныхъ догматахъ и публично обличалъ его въ неправославіи.

Прибывши въ Москву, Гедеонъ принесъ съ собою расположеніе къ Ѳеофану и поселилъ въ тамошнихъ ученыхъ, особенно въ ректорѣ Ѳеофилактѣ, предубѣжденіе противъ чистоты его ученія. Пока Ѳеофанъ оставался въ Кіевѣ, московскимъ его недругамъ не много было заботы о немъ. Но когда Государь потребовалъ его въ С.-Петербургъ, съ очевиднымъ намѣреніемъ произвесть въ епископы, то враги его встрепенулись и подняли на ноги престарѣлаго Мѣстоблюстителя.

Какія у кого были побужденія въ этомъ дѣлѣ, трудно сказать; конечно всѣ прикрывались интересами Церкви. Стефанъ съ Ѳеофилактомъ, можетъ быть, точно опасались за неприкосновенность церковнаго ученія, въ виду угрожавшей ему опасности со стороны лица, которое займетъ такой высокій іерархическій постъ. Но что касается до Гедеона, то его безпокоили вѣроятно и другія, не совсѣмъ чистыя, чувства въ отношеніи къ Ѳеофану. По крайней мѣрѣ самъ Ѳеофанъ объяснялъ образъ его дѣйствій чрезвычайною гордостію и завистливымъ характеромъ.

При этомъ не надо упускать изъ виду еще одного обстоятельства, именно вліянія Польши на судьбу русскаго просвѣщенія и даже на ходъ многихъ событій въ русской церкви XVII и XVIII столѣтій.

Всѣмъ извѣстно, что многіе русскіе, въ XVI и XVII столѣтіяхъ, получили образованіе въ польскихъ іезуитскихъ училищахъ и, по возвращеніи въ Россію, занимали учительскія должности въ русскихъ училищахъ, въ кіевской и московской академіяхъ. Какъ ни велика была любовь ихъ къ прав. церкви и какъ ни сильно было желаніе принесть посильную жертву на пользу ея — признаемъ въ нихъ самыя чистыя и святыя побужденія,

---

[1]) Epistola. 6.

[2]) «Житіе Ѳеофана Прокоповича», соч. Маркелла Родышевскаго въ Дѣлѣ о Ѳеофанѣ Прокоповичѣ. Чтенія въ Общ. ист. и древн. росс. 1862 г. Кн. I.

которыми они проникнуты были во время своего образованія: — тѣмъ не менѣе должно сознаться, что не всѣ они сохранили чистоту своего ученія, что нѣкоторые изъ нихъ прошлись духомъ католичества, увлеклись его учрежденіями, обрядами, обычаями и даже усвоили понятія, не совсѣмъ согласныя съ православнымъ догматомъ. Стоитъ припомнить смятенія, которыя волновали русскую церковь въ послѣдней половинѣ XVII столѣтія, при патріархахъ Іоакимѣ и Адріанѣ, споры между Лихудами и ихъ противниками — Сильвестромъ Медвѣдевымъ, Гавріиломъ Домецкимъ и другими, о пресуществленіи Евхаристіи, чтобы признать истину нашихъ словъ.

Явленіе это весьма понятно и весьма естественно. Какъ ни велика была въ русскихъ преданность къ церкви, но, при недостаткѣ ученаго богословскаго образованія и яснаго знанія всѣхъ пунктовъ прав. ученія, трудно было уберечься отъ вліянія неправославныхъ понятій, особливо въ такихъ пунктахъ, которые не выдавались въ рѣзкой противоположности съ православнымъ ученіемъ. Съ другой стороны іезуиты увлекали русскихъ, указывая имъ на общаго врага въ протестантствѣ и отвлекая ихъ вниманіе отъ собственнаго несогласія съ восточною церковію.

Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что люди, самые благонамѣренные и преданные своей церкви, незамѣтно пропитавшись духомъ католичества, заносили его съ собою въ русскія училища и въ русскую церковь. Не говоримъ о томъ, что они заводили порядки въ школахъ по образцу іезуитскихъ училищъ и въ преподаваніе богословія ввели католическую схоластику; въ самое богословское ученіе внесены были понятія, чуждыя православной церкви. То, что мы сказали вообще объ ученыхъ, получившихъ образованіе въ іезуитскихъ школахъ, можетъ быть примѣнено и къ дѣйствующимъ лицамъ въ нашемъ разсказѣ. Мы не смѣемъ заподозривать ни ихъ преданности церкви, ни желанія соблюсти ученіе ея во всей чистотѣ и неприкосновенности; но хотимъ сказать только, что, при недостаточномъ состояніи русской богословской науки, они не могли совершенно отрѣшиться отъ того богословія, которое слушали у іезуитовъ, которому учились въ польскихъ школахъ[1]). Само собою разумѣется, что іезуиты были очень

[1]) Авторъ Молотка на Камень вѣры пишетъ о Стефанѣ Яворскомъ, что

рады этому и охотно раздавали русскимъ почетные титулы магистра и доктора католическаго богословія; а русскіе богословы, въ простотѣ души, гордились и хвастались этими титулами, какъ великою честію.

Равнымъ образомъ и въ церковныхъ обрядахъ и вообще въ церковной практикѣ многое перешло въ русскую церковь изъ католическаго запада. Особенно малороссійскія церкви, бывшія въ непосредственномъ соприкосновеніи съ уніатскими церквами, много потерпѣли отъ этой близости, къ ущербу обрядовой чистоты православной церкви. Какъ далеко простиралось это, можно судить по одному дѣлу, которое производилось въ 1726—1732 годахъ въ Сунодѣ и въ Тайной канцеляріи, по поводу возбужденнаго вопроса о несогласіи малороссійскихъ церквей съ великороссійскими.

Нѣкто іеродіаконъ Макарій, жившій во многихъ русскихъ монастыряхъ въ Москвѣ, С. Петербургѣ и Кіевѣ, и искрестившій всю Россію, ходившій на Аѳонъ, чтобы «видѣть, въ какой силѣ тамъ состоитъ церковь», обошедшій малороссійскія церкви за Кіевомъ подъ польскимъ владычествомъ, въ 1726 г. заявилъ протестъ о несогласіи малороссійскихъ церквей съ великороссійскими.

Вслѣдствіе этого протеста, — послѣ разсмотрѣнія его присутствовавшимъ въ Сунодѣ вологодскимъ преосвященнымъ Аѳанасіемъ Кондоиди, — Сунодъ предписалъ указомъ преосвященнымъ кіевскому и черниговскому, «чтобы они въ своихъ епархіяхъ смотрѣли накрѣпко и весьма наблюдали, дабы никакого несогласія въ догматахъ церкви православной отнюдь не происходило, но во всемъ исполняемо было непремѣнно по преданіямъ св. апостолъ и богоносныхъ отецъ[1])».

онъ «весьма папежское ученіе въ кіевскихъ школахъ утвердилъ, ибо по немъ много между пшеницею терпія возрасте, которое по немъ хотя весьма ревнительнѣйшіе ректоры о истинѣ прилежно искоренить тщались, обаче еще искра въ пепелѣ крыется,- о чемъ многіе совершенно ученые, бывшіе понемъ тамо ректоры, истину сію завидѣтельствуютъ».

[1]) Дѣла Тайной канцел. 1732 г. № 76. Здѣсь же находятся подробности о путешествіяхъ этого Макарія. Въ 1717 году онъ взятъ былъ изъ московскаго богоявленскаго монастыря въ С. Петербургъ въ невскій монастырь, но, пробывъ мѣсяцовъ съ девять, уполъ въ Кіевъ, ходилъ на Аѳонскую гору и возвратил-

Чрезъ Малороссію вліяніе Польши и католичества проникало и въ Восточную Россію. До XVIII столѣтія русская церковь благопріятнѣе смотрѣла на лютеранство, нежели на католичество; но съ этого времени начинается поворотъ въ пользу католичества. *Камень вѣры* былъ рѣшительнымъ выраженіемъ этого поворота въ пользу католичества.

Феофану Прокоповичу не нравилась ни іезуитская наука въ схоластическомъ богословіи, ни католическая обрядность въ церковномъ богослуженіи и церковной практикѣ. Сдѣлавшись профессоромъ богословія, онъ выбралъ себѣ образцами не схоластическія Суммы (Summa theologiae), а лютеранскія догматики Герарда, Галлазія, Квенштедта и другихъ, и проложилъ новую тропу русскому богословію. Уроки его идутъ свѣтлой полосой въ продолженіе всего XVIII вѣка въ нашихъ высшихъ училищахъ — кіевской и московской академіяхъ. Тамъ и здѣсь скрещиваются и борятся два метода и два направленія — схоластическое и Феофаново и послѣднее, наконецъ, беретъ перевѣсъ. Его система вошла въ общее употребленіе въ школахъ, хотя, разумѣется, не могла совершенно подавить схоластики. Но мы не будемъ забѣгать впередъ событій.

Сказаннаго нами довольно для того, чтобы понять, какъ отнеслись между собою Феофанъ и московскіе ученые.

Только что Феофанъ пріѣхалъ въ С. Петербургъ, какъ въ Москвѣ составили противъ него протестъ, съ обличеніемъ въ неправославіи и съ очевидною цѣлію воспрепятствовать ему получить епископское достоинство. Государь въ ту пору былъ еще за границей; притомъ же ничего оффиціальнаго о назначеніи Фео-

---

ся въ невскій монастырь. Проживши года съ два, онъ ушолъ вторично безъ паспорта и, проходивши черезъ Великіе Луки и черезъ Польшу, жилъ за Кіевомъ въ бермацкомъ и другихъ монастырихъ; въ 1725 году пріѣхалъ въ Москву и жилъ нѣсколько времени въ богоявленскомъ монастырѣ, а въ 1726 году пошолъ въ С. Петербургъ для доноса о церковныхъ дѣлахъ, но, какъ безпаспортный, взятъ на заставѣ и отправленъ въ Тіунскую избу; вмѣстѣ съ нимъ взятъ былъ пукъ писемъ, относящихся къ его протесту. Макарій хотѣлъ было убѣжать, но былъ схваченъ и отправленъ въ спасокаменный монастырь. Здѣсь онъ сказалъ за собой государево дѣло; но какъ его показаніе оказалось неимѣющимъ важности, то Тайная канцелярія препроводила его въ Сунодъ для посылки въ какой нибудь дальній монастырь. Сунодъ отправилъ его (1 янв. 1732 г.) въ якутскій спасскій монастырь.

фана въ епископы не было извѣстно. Чтобы придать своему голосу больше силы и отстранить подозрѣніе въ личной враждѣ къ нему, протестующіе, выбравъ изъ его ученія ложныя мысли, показали ихъ греческимъ ученымъ — Іихудамъ, и просили ихъ дать свое мнѣніе. Тѣ дали отзывъ не въ пользу Ософана. «Has praedictas undecim theses,— писалъ старшій изъ Іихудовъ Іоаннпкій,— esse haereticas patet; his enim quidnam magis impium ac novum audiri posset in sancta et orthodoxa orientali ecclesia Christi? Et sic esse ipsas testans subscripsi graece et latine. Iohannicius sacromonachus et doctor Lichudes». Въ такомъ же смыслѣ засвидѣтельствовалъ и братъ его Софроній Іихудъ: «examinatas accurate dictas undecim theses inveni ipsas esse haereticas, omnis amentiae et impietatis hyperbolem habentes, et sic testans subscripsi manu propria graece ut supra, et nunc etiam et latine. Sophronius sacromonachus et doctor Lichudes» [1]).

Іоаннпкій Іихудъ скончался въ августѣ 1717 г. (89 л. отъ роду), когда Государь еще находился за границей и Ософанъ не былъ еще назначенъ епископомъ. Изъ этого можно заключить, какъ рано начали заботиться о Ософанѣ его благожелатели.

Ософанъ не былъ ни глухъ, ни слѣпъ къ тому, что вокругъ него происходило. О состояніи его духа можно судить по письму его къ Марковичу.

«Что сказать, — писалъ онъ къ нему по прибытіи въ С. Петербургъ, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ встрѣчи съ московскими учеными, — что сказать о попахъ и монахахъ и о нашихъ латышпикахъ? Если, по милости Божіей, въ ихъ головахъ найдется нѣсколько богословскихъ трактатовъ и отдѣловъ, выхваченныхъ когда-то какимъ нибудь славнымъ іезуитомъ изъ какихъ нибудь твореній схоластическихъ, епископскихъ, языческихъ, плохо сшитыхъ, попавшихъ въ ихъ потѣшную кладовую быть можетъ изъ сотаго источника, неудовлетворительныхъ и плохихъ, а хуже того искаженныхъ; то наши латышпики воображаютъ себя такими мудрецами, что для ихъ знанія ничего ужъ

[1]) Рѣшиловское дѣло. Ософанъ Прокоповичъ и Ософилактъ Лопатинскій. Спб. 1861 г. стр. 46.

неосталось. Дѣйствительно они все знаютъ, готовы отвѣчать на всякій вопросъ и отвѣчаютъ такъ самоувѣренно, такъ безстыдно, что ни на волосъ не хотятъ подумать о томъ, что говорятъ. При взглядѣ на эти личности приходится сознаться, хотя съ большимъ неудовольствіемъ, что есть люди глупѣе римскаго папы. Тотъ воображаетъ, что онъ не можетъ погрѣшать оттого, что ему присущъ Духъ Святый, и уча съ каѳедры убѣжденъ, какъ говорятъ, что изрекаетъ догматы. И наши латышщики также высоко о себѣ думаютъ, не сомнѣваясь, что проглотили цѣлый океанъ мудрости. Нѣтъ 15 тому назадъ были въ модѣ такъ называемые ораторскіе пріемы (conceptus); церковныя каѳедры оглашались тогда (увы) чудными хитросплетеніями, напримѣръ: что значатъ пять буквъ въ имени Маріи? Почему Христосъ погружается въ Іорданѣ стоя, а не лежа и не сидя? Почему въ водахъ великаго потопа не погибли рыбы, хотя не были сохранены въ ковчегѣ Ноевомъ — и многое тому подобное. И давались на подобные вопросы отвѣты весьма важные и солидные. Потомъ настала другая болѣзнь. Всѣ начали стихотворствовать до тошноты, чѣмъ въ особенности страдала новая академія — страна per conjugium тебѣ уже знакомая. Но все таки прежде мы еще на такъ тяжко болѣли. Нынѣ всѣ мы, какъ ты видишь, болѣемъ теологіею. О если бы, по твоему прекрасному примѣру, во всѣхъ возбудилась жажда знанія и изученія, вопреки тиранству предзанятаго мнѣнія. Тогда была бы надежда, что изъ тьмы возсіяетъ истина; но иное, какъ мы видимъ, совершается на дѣлѣ. Всѣ стремятся учить и почти никто нехочетъ учиться. И въ такія-то мрачныя времена, когда почти нельзя найти ревностнаго усерднаго ученика божественныхъ знаній, вотъ тебѣ безчисленное множество учителей! То есть, когда міръ достигъ высшей степени нечестія, онъ покушается выставить себя въ высшей степени святымъ. Что всего болѣе не нравится ему, такъ это оправданіе чрезъ Христа туне»[1]). Эти послѣдними словами Ософанъ намекалъ на главный пунктъ своего разногласія съ московскими учеными.

Въ маѣ 1718 г. Государь поручилъ И. А. Мусину-Пушкину

---

[1]) Epistola 20.

пригласить въ С. Петербургъ рязанскаго митрополита, для посвященія епископовъ на вдовствующіе престолы, а если онъ нездоровъ (какъ былъ слухъ въ ту пору), то чтобы онъ прислалъ сарскаго епископа. «Заслышавъ объ этомъ, Ѳеофилактъ и Гедеонъ, эти добрые люди и ревнители церкви — писалъ Ѳеофанъ къ кіевскимъ профессорамъ, — спѣшатъ въ палаты рязанскаго, возмущаютъ его покой, показываютъ выписанные (будто бы) изъ нашихъ сочиненій злые догматы и убѣждаютъ его послать эти выписки въ Петербургъ и, вмѣсто священнаго сана, приготовить намъ нѣчто худое. Медлилъ рязанскій, сочувствуя ихъ замыслу, но сомнѣвался въ успѣхѣ. Наконецъ, ужъ послѣ того, какъ сарскій епископъ отправился въ путь, посланный моими московскими неблагопріятелями гонецъ нагналъ его на дорогѣ и вручилъ ему составленный противъ насъ доносъ». Доносъ этотъ составленъ былъ въ формѣ письма отъ Стефана къ епископамъ, отправленнымъ для посвященія новыхъ епископовъ.

Въ посланіи къ епископамъ Стефанъ писалъ, что «если бы представленъ былъ на какой либо престолъ пречестный іеромонахъ Ѳеофанъ Прокоповичъ, то они должны донести Государю, что онъ имѣетъ препятствіе къ посвященію въ епископа въ ученіи своемъ, не согласномъ съ восточною церковію. Аще бы сего ученія не призналъ своимъ пречестный о. Ѳеофанъ Прокоповичъ; то обличатъ его письма, его ученикомъ въ Кіевѣ преданныя, кромѣ иныхъ свидѣтельствъ. Аще ли бы призналъ за свое оное ученіе, а глаголалъ бы согласное быти святѣй нашей восточной церкви; то должни архіереи Божіи просить благочестивѣйшаго Государя, дабы, аще намъ въ томъ не изволитъ вѣрити, благоволилъ сія его ученія послати къ святѣйшимъ патріархамъ, ради подлиннаго извѣстія, не противна ли суть святѣй церкви? А допелѣжъ о семъ извѣстіе получитъ, благоволилъ бы пресвѣтлѣйшій Монархъ поставленіе Ѳеофана Прокоповича отложить въ тое время. Аще же бы іеромонахъ Прокоповичъ признался до сего ученія, яко его есть, и слышавши яко новое и противное есть нашей святой апостольской церкви: то долженъ есть съ покаяніемъ его отрещися явно прежде поставленія, по образу, поданному преосвященствамъ вашимъ и прочая вся по обычаю исповѣдать; и о томъ бить челомъ великому Государю. И егда сіе исполнитъ,

посвятите его по царскому изволенію. Аще же бы не посему сіе сдѣлалось, азъ не повиненъ сему — вы узрите».

За тѣмъ слѣдовали самые пункты съ изложеніемъ не православнаго ученія Θеофанова[1]), и *форма отреченія*, по которой Θеофанъ долженъ былъ засвидѣтельствовать отреченіе отъ своихъ лжеученій, если признаетъ себя виновнымъ въ тѣхъ обвиненіяхъ, которыя на него показаны[2]).

«Изъ выбранныхъ артикуловъ — писалъ Θеофанъ — иные были маловажны (они принадлежали намъ, но были искажены), другіе по виду были православны, но добрыми богословами осуждены, какъ ересь. Тѣмъ не менѣе приложено было увѣщаніе послать эти догматы къ восточнымъ патріархамъ, а между тѣмъ окаяннаго Θеофана недопускать до сана епископскаго. Такимъ-то образомъ эти добрые и мудрые мужи покушались заградить уста правительственнымъ лицамъ и самому милостивѣйшему самодержцу, а меня подвергли долговременному безпокойству. Но скоро зависть обнаружилась и наше имя, безчестною изтерзанное клеветою, возсіяло въ прежнемъ блескѣ благодаря этому новому обвиненію. Безъ замедленія получилъ я предназначенное мнѣ достоинство. И хотя въ отвѣтѣ на клевету совсѣмъ не было нужды, однакожъ, чтобъ яснѣе засвидѣтельствовать свою невинность и отнять у народа поводъ къ соблазну, я далъ отвѣтъ и показалъ коротко и ясно, что нѣкоторые изъ этихъ артикуловъ ложно выдуманы,

---

[1]) Письмо Стефана къ епископамъ Алексѣю сарскому и Варлааму тверскому, вмѣстѣ съ обвинительными противъ Θеофана пунктами, напечатаны въ Рѣшиловскомъ дѣлѣ. Спб. 1861.

[2]) Азъ N. N., обрѣтеннаго въ моихъ письмахъ ученія, несогласнаго святѣй, соборнѣй, православнокаѳолической, восточной греческой церкви, и аще иное кое той же святѣй церкви противное ученіе обрящется, или свидѣтельствы иными покажется, отрицаюся и анаѳемѣ предаю, а пріемлю вся, яже сія святая, восточная, апостольская греческая церковь прежде содержала и нынѣ содержитъ. . . А понеже вышеупомянутая и прочая несогласная святѣй, соборнѣй, восточной церкви, учихъ въ Кіевѣ и писаніемъ ученикомъ и инымъ предахъ, и въ соблазнъ и въ сомнѣніе многихъ приведохъ; того ради долженъ семъ и обѣщаюся своимъ писаніемъ о отрицаніи семъ возвѣстити въ Кіевъ и всѣмъ причастникомъ противнаго моего ученія, и по силѣ моей согласнымъ церкви святѣй ученіемъ оное возражати, а православные догматы и преданія утверждати». Вполнѣ напечатана въ Рѣшиловскомъ дѣлѣ, Спб. 1861 г., стр. 47—48.

а иные хотя составляютъ мое ученіе, но ученіе православное; противное же тому — ересь. Я присовокупилъ къ этому указаніе, изъ какого побужденія вышло это обвиненіе, изъ добраго или худаго. Между прочимъ я доказалъ, что почтеннѣйшій предстоятель рязанскій никогда не видалъ моихъ богословскихъ сочиненій и, что всего удивительнѣе, онъ самъ признается, что не читалъ и самаго сдѣланнаго противъ меня доноса, хотя не усумнился подписать его собственной рукой, какъ будто самъ читалъ его. Я написалъ свой отвѣтъ на русскомъ языкѣ въ послѣдній день мая. А на другой день, то есть 1-го іюня, по повелѣнію царскаго величества, въ храмѣ св. Троицы, предъ литургіею этого праздника, я торжественно нареченъ былъ епископомъ, а въ слѣдующій за тѣмъ день, въ понедѣльникъ Пятдесятницы, въ присутствіи его величества, по церковному обряду посвященъ въ епископа псковскаго, нарвскаго и выборгскаго[1]). Чрезъ недѣлю послѣ того, въ 8 день іюня, священнѣйшій Монархъ, для засвидѣтельствованія своей благосклонности къ нашему смиренію, вмѣстѣ съ свѣтлѣйшимъ княземъ и многими министрами и сенаторами, имѣлъ у меня обѣденный столъ и удостоилъ пробыть до 6-ти часовъ. Между тѣмъ прибылъ въ Петербургъ и рязанскій, вызванный, вмѣстѣ съ другими, для извѣстнаго дѣла[2]). Здѣсь онъ узналъ, какъ мало имѣли успѣха замыслы моихъ враговъ и читалъ мои отвѣты. Смущенный и пристыженный онъ и на словахъ и на бумагѣ сознался, что вовсе не читалъ моихъ сочиненій, но что вовлеченъ былъ въ обманъ Ософилактомъ и Гедеономъ, — что они виноваты во всемъ, кричалъ, что ихъ слѣдуетъ судить. Вмѣстѣ съ этимъ онъ принялъ отъ меня, по царскому повелѣнію, мой отвѣтъ, а съ нимъ обязанность удовлетворить меня и взыскать съ доносчиковъ, потому что они не подписали своихъ именъ. Вышеупомянутому сенатору И. А. Мусину-Пушкину приказано было свести меня съ рязанскимъ для бе-

---

[1]) Оеофанъ посвященъ съ облаченіемъ въ саккосъ, что почиталось тогда особеннымъ отличіемъ для епископа, потому что, по прежнему обычаю, при патріархахъ епископы служили безъ саккоса, только въ священнической ѳедони съ омофоромъ. М. Евгенія, Словарь о писат. дух. чина, Ч. 2, стр. 298, изд. 1827 г.

[2]) О царевичѣ Алексѣѣ.

сѣды, чтобы поточнѣе розыскать поводъ къ этой печальной исторіи. Въ назначенное время, послѣ долгаго разсужденія, рязанскій архипастырь призналъ догматы, которые точно были мои, за православные и говорилъ, что онъ самъ думаетъ тоже самое, но принималъ мои слова въ другомъ смыслѣ. Наконецъ онъ открыто признался, что не читалъ не только моихъ сочиненій, но и самого этого подсунутаго ему протеста противъ меня, хотя онъ и подписалъ его собственноручно, что я и прежде, еще до его пріѣзда, показалъ въ особомъ разъясненіи. Послѣ этого разговора, знаменитый рязанскій всталъ и униженно просилъ у меня прощенія, которое и получилъ, при взаимномъ лобзаніи. Графъ П. А. Мусинъ-Пушкинъ и присутствовавшій при этомъ невскій архимандритъ поздравили насъ съ взаимнымъ примиреніемъ. Что будетъ съ клеветниками, узнаемъ послѣ»[1]).

Назначеніе и посвященіе Ософана совершены были въ самое тяжелое время для Государя, — во время суда надъ царевичемъ.

Въ С. Петербургъ вызваны были, по этому случаю, знатныя духовныя особы изъ Москвы и Кіева. Государь поручилъ имъ дать свое мнѣніе о виновномъ. 18-го іюня они представили Государю свое разсужденіе, подъ которымъ во главѣ подписались Стефанъ и Ософанъ. Разужденіе составлено было чрезвычайно искусно. Если предположить, что Государь съ опасеніемъ смотрѣлъ на Стефана въ этомъ дѣлѣ чрезвычайной важности, и надѣялся больше на Ософана, предашаго ему во всемъ; то справедливость требуетъ сказать, что Стефанъ поступилъ въ этомъ дѣлѣ сообразно съ истиннымъ характеромъ духовнаго пастыря.

Дѣятельность Ософана въ санѣ епископа, на новомъ поприщѣ и на высшемъ мѣстѣ, стала еще шире и разнообразнѣе.

Во время пребыванія Петра въ Парижѣ, въ 1717 году, Сорбонскіе богословы сдѣлали Государю предложеніе о соединеніи восточной церкви съ западною. Петръ обѣщалъ передать это дѣло на разсмотрѣніе русскихъ епископовъ и, по возвращеніи, предложилъ посланіе сорбонскихъ богословъ Стефану и Ософану съ тѣмъ, чтобы они написали отвѣтъ на него. Тотъ и

---

[1]) Epistola 6. Оправдательный отвѣтъ Ософилакта и Гедеона въ Приложеніяхъ, № 1.

другой приготовилъ свой отвѣтъ, но изъ нихъ предпочтенъ былъ Государемъ отвѣтъ Ѳеофановъ и, за подписаніемъ трехъ епископовъ — митрополита Стефана, холмогорскаго архіепископа Варнавы и Ѳеофана, отправленъ былъ къ ученымъ мужамъ Сорбонны. Сущность отвѣта состояла въ томъ, что русскіе епископы не могутъ вступить въ соглашеніе съ римско-католическими, безъ согласія восточныхъ патріарховъ. «Itaque, — говоритъ по этому поводу одинъ протестантскій историкъ христіанской церкви — theologos Parisinos spes fefellit»: и прибавляетъ: «neque enim haec conjunctio exspectanda videtur» [1]).

---

[1]) Pauli Ernesti Iablonsky. Institutiones historiae christianae. T. III. Francof: 1786. § 187. Ѳеофанъ сообщилъ копію съ письма Сорбонны извѣстному протестантскому богослову, іенскому профессору Буддею и просилъ его дать о немъ свое мнѣніе. По этому поводу, Буддей написалъ и въ 1719 г. издалъ въ Іенѣ небольшое сочиненіе, подъ заглавіемъ: Ecclesia Romana cum Ruthenica irreconciliabilis, seu scriptum aliquod doctorum quorundam Sorbonicorum augustissimi Russorum Imperatori ad utriusque ecclesiae unionem ei svadendam exhibitum, modeste expensum et animadversionibus illustratum. In 4-o. Iena 1719. «Если бы сорбонскіе богословы.— пишетъ Буддей,— немного пристальнѣе всмотрѣлись въ свойства этого великаго государя, то не увлеклись бы несбыточной надеждой (на соединеніе церквей). Между прочими добродѣтелями его далеко непослѣднее мѣсто занимаетъ особенное стараніе — искоренить невѣжество, варварство и суевѣріе въ своихъ подданныхъ. Съ свойственною ему проницательностію онъ понялъ, что не можетъ быть счастливымъ народъ, въ которомъ, при варварствѣ и невѣжествѣ, свободно разгуливаетъ суевѣріе. Мы могли бы привесть на это много доказательствъ, если бы небыло повсюду подъ рукою такъ много сочиненій, въ которыхъ писано объ этомъ». (Между прочимъ Буддей указываетъ на сочиненіе капитана Перри: Etat present de la Grande Russie). «Вмѣстѣ съ этимъ, мудрѣйшій государь не терпитъ преобладанія клириковъ (духовенства). И въ самомъ дѣлѣ, кто понимаетъ свойство религіи, тому нетрудно уразумѣть, что обязанность предстоятелей церкви заключается только въ томъ, чтобы учить и наставлять народъ и показывать ему путь спасенія. Не могло укрыться это отъ государя, который уже по опыту знаетъ, какъ вредно бываетъ для государства и правительства, когда епископы и прочіе клирики, преступивши предѣлъ, указываемый имъ писаніемъ и здравымъ разсужденіемъ, присвоятъ себѣ (мірскую) власть; потому что тогда извращается въ государствѣ всякій порядокъ: тѣ, которые должны были учить, становятся правителями, а правители — подчиненными или, по крайней мѣрѣ, зависимыми отъ воли этихъ людей, ставящихъ нерѣдко, вмѣсто права, произволъ и суевѣріе. Поэтому, не безъ причины опасаясь чрезмѣрной власти росс. патріарховъ, августѣйшій государь счелъ нужнымъ устранить ее (eam abrogandam censuit), руководясь также и тѣмъ побужденіемъ, чтобы объявить себя главою и верховнымъ правителемъ церкви

Въ день Александра Невскаго, 30 авг. 1718 г., Ософанъ говорилъ въ невскомъ монастырѣ проповѣдь въ присутствіи Государя. Подвигомъ и прозваніемъ Александра Невскаго онъ доказывалъ историческое право Россіи на Неву и Ингрію съ Карелісй, и заключилъ свою рѣчь обращеніемъ къ Государю: «егда о должностяхъ нашихъ поучаемся и ставимъ во образъ того святаго Александра Невскаго, видимъ другой образъ, живое зерцало тебя, — Александровъ, не токмо въ державѣ, но и въ дѣлѣ наслѣдничье, Богомъ данный монархо нашъ. Кто тако, якоже ты, изучилъ и дѣломъ показалъ есп артикулъ сей, еже ходити по долженству своего званія? Многіе царіе тако царствуютъ, яко простой народъ дознатися неможетъ, что есть дѣло царское. Ты единъ показалъ еси дѣло сего превысокаго сана быти собраніе всѣхъ трудовъ и попеченій, развѣ, что и препзлишше твоего званія, являеши намъ въ царѣ и простаго воина и многодѣльнаго

въ Россія. А управленіе церковными дѣлами поручилъ рязанскому митрополиту, но съ тѣмъ, чтобы онъ ничего не дѣлалъ безъ соизволенія и утвержденія государя и всегда давалъ ему отчетъ въ своихъ дѣлахъ. Это, конечно, не понравилось епископамъ и прочему духовенству, и одинъ изъ нихъ (епископовъ) открыто протестовалъ, что государь поступилъ несправедливо, присвоивши себѣ такую власть въ церковныхъ дѣлахъ. Когда государь хотѣлъ лишить его за это епископскаго званія, то возстали и прочіе. Но государь самъ нашелъ (creavit) новаго епископа, который дѣйствуя во всемъ согласно съ его волей, наложилъ того непокорнаго и строптиваго (епископа) и утвердилъ верховный авторитетъ государя въ церковныхъ дѣлахъ». — Нѣтъ сомнѣнія, что въ словахъ Буддея много преувеличеній и искажены факты; намеки его довольно прозрачны; но для насъ любопытны не подробности, а взглядъ ученаго протестанта на церковную реформу Петра и на положеніе дѣла въ сорбонскомъ вопросѣ. Ософанъ у него — «vir summus, natalium non minus et inneris, quo in aula magni principis fungitur, splendore, quam eruditione et virtute eminens». — Вскорѣ послѣ этого сочиненія явилось другое, подъ заглавіемъ: Ecclesia Graeca lutheranizans. Joh. Petri Kohlii, Lubecae, 1723. Авторъ его, Коль, разсмотрѣвши пункты согласія и несогласія греко-русской церкви съ римскою и лютеранскою, дѣлаетъ слѣдующій выводъ: «ergo graecorussica et lutherana religio facillime maximeque legitime uniuntur». Но какъ возбужденные въ началѣ XVIII в. надежды протестантовъ на полную реформу русской церкви не оправдались, то протестантскій историкъ христіанской церкви, Яблонскій, принужденъ былъ, хотя съ иронісй сказать: quamquam in quibusdam doctrinae christianae capitibus magis (graecorussica ecclesia) ad protestantes accedere videatur, negari tamen non potest, multa eam a prisci temporis superstitione trahere, iisque pertinaciter inhaerere». (Institutiones eccl. christ. T. III, p. 172—173).

мастера и многопменитаго дѣлателя. И гдѣ бы довлѣло повелѣвати подданнымъ должнал, ты повелѣніе твое собственными труды твоими и предваряешь и утверждаешь. И благословилъ довольно Вышній Царь толикое тщаніе твое толь многими на войнѣ и въ дому успѣяніи, которыхъ слава наполнитъ подсолнечную. Се, идѣже Александръ святый посѣя малое сѣмя, тебѣ превеликая угобзися нива. Гдѣ онъ трудился, дабы не безвѣстна была граница россійская, ты престолъ россійскій тамо воздвигль еси. Кратко рещи: аще бы всѣхъ князей нашихъ и царей цѣлая къ намъ пришла исторія (якоже оскудѣла), была бы то малая книжица противъ повѣсти о тебѣ единомъ, — толика сія оную и множествомъ и различіемъ и величествомъ дѣлъ превосходитъ. И не ласкательное сіе слово быти сама, надѣюся, исповѣсть зависть, истиною побѣжденная».

Въ 1719 г. 11 января, въ воскресенье, Государь посѣтилъ Ѳеофана на его подворьѣ[1]).

«Милость великаго Государя ко мнѣ, благодаря Бога, продолжается — писалъ онъ ко Марковичу 10 мая 1720 г. «Опъ подарилъ мнѣ, лично, село и два судна, одно поменьше веселъное, другое побольше парусное, въ просторѣчіи зовется бойеръ, еще новое, нарочно для меня, по приказанію его, сдѣланное, какого еще не видано здѣсь между судами по величинѣ и удобству. Кромѣ того Государь при случаяхъ оказываетъ мнѣ и другіе знаки своего благоволенія. Что касается до моихъ занятій, то вотъ сдѣлашое почти въ нынѣшнемъ году.

1) Каталогъ Великихъ Князей и Императоровъ русскихъ, начиная съ перваго государя Рюрика до нынѣ царствующаго монарха, съ краткимъ указаніемъ наиболѣе замѣчательныхъ дѣлъ ихъ и съ точнымъ обозначеніемъ года смерти.

2) Апостольская географія, т. е. географическое обозначеніе тѣхъ мѣстъ, чрезъ которыя проходили апостолы во время своихъ путешествій, какъ объ этомъ упоминается въ Дѣяніяхъ св. Луки, а также у Дорофея, котораго синопсисъ обыкновенно прилагается къ Дѣяніямъ апостольскимъ. Въ этомъ нашемъ сочиненіи опредѣляется долгота и широта каждаго мѣста и обозначается

---

[1]) Дѣянія Петра Великаго, Т. VII, стр. 403.

ими, какое носило извѣстное мѣсто въ древности, потому, что многія названія уже перемѣнились. Я сдѣлалъ это по желанію Государя, который жаловался, что не можетъ на новыхъ географическихъ картахъ найти многихъ мѣстностей апостольскихъ, по незнанію древнихъ названій, и просилъ меня разсѣять этотъ мракъ. Мнѣ помогли въ этомъ многіе иностранные писатели, сочиненія которыхъ я ужъ пріобрѣлъ, особенно Христофоръ Целларій, чрезвычайно ученый географъ, не такъ давно умершій. Сочиненьице вышло небольшое и писалось съ удовольствіемъ. Между прочимъ я сдѣлалъ въ немъ слѣдующую любопытную замѣтку: Альбанополь армянскій, гдѣ по преданію скончался мученически св. Варооломей, былъ тамъ, гдѣ нынѣ лежитъ подвластная нашему императору крѣпость Терки, на восточномъ берегу Каспійскаго моря.

3) Написалъ я также краткое изложеніе десяти заповѣдей, съ толкованіемъ Никейскаго символа и молитвы Господней. Книжка эта скоро будетъ напечатана для перваго ученія отрокамъ.

4) Наконецъ я написалъ для главной Церковной Коллегіи или Консисторіи постановленіе или Регламентъ, гдѣ содержатся слѣдующія восемь главъ: а) причины, по которымъ постоянное синодальное правленіе предпочитается управленію церкви однимъ лицомъ т. е. патріархомъ; б) правила общія для христіанъ всякаго чина; в) правила для епископовъ; г) правила для академіи, семинаріи, также для учителей и проповѣдниковъ; д) правила для пресвитеровъ, діаконовъ и проч.; е) правила для монаховъ; ж) правила для міряпъ, па сколько они подлежатъ церковному управленію; з) наконецъ правила для самихъ президентовъ и ассессоровъ коллегіи. Всѣхъ правилъ почти триста. Его величество приказалъ прочесть это сочиненіе въ своемъ присутствіи и, перемѣнивъ кое-что немногое и прибавивъ отъ себя, весьма одобрилъ; потомъ приказалъ прочитать въ Сенатѣ, гдѣ присутствовали сенаторы и шесть епископовъ: рязанскій, смоленскій, тверской, нижегородскій, корельскій и я — псковскій; кромѣ того отецъ архимандритъ Феодосій и два другихъ архимандрита. Читано было дважды въ теченіе двухъ дней и еще прибавлено нѣсколько новыхъ замѣчаній; потомъ приложили руки съ одной стороны епископы и архимандриты, съ другой сенаторы; въ заключеніе подписалъ

самъ Государь. Сдѣлано было два экземпляра этого акта: одинъ отданъ для храненія въ царскіе архивы, другой отправленъ въ Москву и другія мѣста, для подписи неприсутствовавшимъ епископамъ и главнѣйшимъ архимандритамъ. Для этого дѣла, быть можетъ, въ скоромъ времени будутъ вызваны въ Москву и ваши епископы —черниговскій и переяславскій. Когда Регламентъ, такимъ образомъ закрѣпленный общимъ подписаніемъ, возвратится, онъ будетъ отданъ для напечатанія и откроется Коллегія или постоянный Правительствующій Сунодъ, чего дай Боже.

5) Теперь я пишу трактатъ, въ которомъ изложу, что такое патріаршество и когда оно получило начало въ церкви и какимъ образомъ, въ теченіе 400 лѣтъ, церкви управлялись безъ патріарховъ и доселѣ еще нѣкоторыя не подчинены патріархамъ. Этотъ трудъ я принялъ на себя для защиты учреждаемой коллегіи, чтобы она не показалась чѣмъ нибудь новымъ и необычнымъ, какъ конечно будутъ утверждать люди невѣжественные и злонамѣренные.

6) Пишу я также особый небольшой трактатъ о мученичествѣ, разсматривая вопросъ: позволительно ли произвольно искать мученичества? И одна только казнь, безъ правоты дѣла, сдѣлаетъ ли мученикомъ? Императоръ приказалъ мнѣ написать это, сожалѣя объ ослѣпленіи фанатиковъ, которые, чтобы получить имя мучениковъ, показываютъ безразсудную ревность и съ величайшею дерзостію кидаются не только на пастырей, но и на самаго Государя изъ за перемѣны одежды, изъ за париковъ, изъ за бритья бородъ и тому подобныхъ мелочей. Слышалъ я смѣшное приключеніе. Чей-то не знаю служка, начитавшись житія мучениковъ, и самъ воспламенился ревностію къ мученичеству и не зная, какъ этого достигнуть, придумалъ такую штуку: куплю, говоритъ, старинное русское сѣдло (sella), которыя употреблять запрещено [1]), и средь бѣлаго дня проѣдусь на немъ по Москвѣ, вопреки царскому указу: авось быть можетъ попаду на казнь. Вотъ какой образъ мыслей у этихъ несчастныхъ. Это-то зло мы и хотимъ уврачевать нашимъ сочиненіемъ.

---

[1]) Сравн. Полн. Собр. Зак. Т. IV. № 2132.

7) Еще началъ я большой трактатъ о лицемѣрахъ, имѣя большой запасъ матеріаловъ по этому предмету.

Теперь кое-что о нашемъ домѣ и о библіотекѣ. Домъ, по состоянію и средствамъ нашимъ, мы отдѣлали, кажется, довольно и чисто и прилично. Библіотека у меня, сверхъ ожиданія, собралась очень большая. Кромѣ нѣсколькихъ, прежде куплешыхъ здѣсь книгъ, я пріобрѣлъ прошлымъ лѣтомъ, рублей за двѣсти, больше двухсотъ отборнѣйшихъ книгъ, частію въ Нарвѣ, частію въ Ревелѣ: всего набралось до трехъ сотъ книгъ. Послѣ того я услыхалъ, что въ псковской оружейной палатѣ хранятся книги, забранныя въ Дерптѣ, и тотчасъ же попросилъ Императора, чтобы онъ приказалъ отдать ихъ мнѣ. Государь приказалъ, и мнѣ отдано и привезено сюда до двухъ съ половиною тысячь книгъ. Только до сихъ поръ не высланы изъ Голландіи творенія святыхъ отцовъ, для покупки которыхъ, еще въ ту пору, какъ ты гостилъ у насъ, мы дали купцу 500 рублей. Когда прибудутъ и они, наша библіотека возрастетъ до трехъ тысячъ книгъ и хорошо, еслибы ты не поставилъ себѣ въ трудъ посмотрѣть ее и пользоваться ею.

Наконецъ можно сказать кое-что и о посѣщеніи нашей епархіи въ минувшемъ году. Былъ я въ Ревелѣ, въ сопровожденіи архимандрита Петра[1]) и отца Михаила. Тамошніе городской префектъ, консулъ, также суперъ-интендентъ и профессоры, земляки наши — полковники и прочіе приняли насъ весьма почетно. Посвятилъ я тамъ протоіерея и разослалъ по епархіи инструкціи для обузданія непослушныхъ священниковъ. Оттуда, чрезъ Ливонію, на пути въ Дерптъ, я посѣтилъ село Альпъ, чтобы взглянуть на семинарію, которую тамъ содержитъ баронъ Ипротъ, владѣлецъ этого и другихъ селъ: самъ онъ служитъ здѣсь въ Петербургѣ вице-президентомъ Коммерцъ-коллегіи, управляемой княземъ Голицынымъ[2]). Въ школѣ его четыре учителя и до ста воспитанниковъ, большею частію ливонцы, но есть нѣсколько и русскихъ; я увеличилъ число ихъ, пославъ туда трехъ молодыхъ людей (которые прибыли вмѣстѣ съ родителями изъ Кіе-

[1]) Судья псковскаго архіерейскаго дома.

[2]) Баронъ Ипротъ до 1716 г. ревельскій ландратъ, съ 1718 г. вице-президентъ Коммерцъ-коллегіи. Голик. VI, 440. VII, 366.

ва), для изученія греческаго, еврейскаго и латинскаго языковъ, также географіи и исторіи. Отсюда я прибылъ въ Дерптъ. Это былъ когда-то прекрасный городъ; но теперь великолѣпныя зданія его стоятъ въ развалинахъ и наводятъ тоску на путешественниковъ. Послѣ того я отправился въ раскольничій монастырь въ селѣ, называемомъ Репина мыза, гдѣ живетъ до 500 мужчинъ и столькожъ, если не больше, женщинъ. Но съ приходомъ нашимъ всѣ они разбѣжались въ лѣса, оставивъ пустой домъ, такъ что не осталось ни кого, кому бы мы могли проповѣдывать. За тѣмъ, посѣтивши Псковъ и нѣкоторыя другія мѣста, возвратился въ Нарву, а оттуда въ С. Петербургъ, проѣхавъ почти 200 миль. 10 мая 1720 г.»[1]).

Одна изъ названныхъ книжекъ, — *Первое ученіе отрокомъ*, вслѣдъ за своимъ изданіемъ въ 1720 году, подала поводъ къ разнымъ нареканіямъ[2]). Возраженіе явилось безъ имени, хотя Ѳеофанъ очень хорошо зналъ сочинителя. Это былъ валахскій господарь, князь Дмитрій Кантемиръ, недавно передъ тѣмъ принявшій русское подданство[3]). Мы изложимъ здѣсь главные пункты его возраженія, чтобы показать, какъ отнеслось общество къ своему новому учителю, и чѣмъ разнилось воззрѣніе Ѳеофаново отъ прежнихъ педагогическихъ понятій и пріемовъ[4]).

Ѳеофанъ говоритъ въ предисловіи о необходимости воспитанія, вслѣдствіе естественной преклонности человѣка ко грѣху, и о порядкѣ обученія дѣтей, — гдѣ между прочимъ совѣтуетъ сочинить для нихъ книжки съ толкованіемъ Закона Божія и Символа вѣры. «Въ Россіи были таковыя книжицы, но понеже славен-

---

[1]) Epistola 9. Труды К. Д. Ак. 1865 г., кн. 2, стр. 217—294.

[2]) «Rutheni nonnulli Catechismum hunc improbarunt, quod de cultu s. imaginum aliter docuerit, quam Iavorsky in Petra Fidei» Vita Theophanis, въ Scherer's N. Nebenstunden.

[3]) Авторъ возраженія указанъ въ одномъ изъ протестовъ Родышевскаго противъ Ѳеофана: «Доказательство Маркелла Родышевскаго на Ѳеофана Прокоповича», 1731 г.: «имѣются на книги его новоизданныя возраженія, а именно на Букварь — возраженіе покойнаго валахскаго господаря Кантеміра, на Иго неудобоносимое — Книга мерру услаждающая».

[4]) Рукоп. Имп. Публ. Библіотеки; Русск. Библ. Отд. 1, in 4-o. № 273. Заглавіе возраженія: «Мѣста призрачная въ катехизисѣ, иже отъ безъименнаго автора на славянскомъ языкѣ изданъ и *первое ученіе отрокомъ* именованъ есть».

скимъ высокимъ діалектомъ, а не просторѣчіемъ написаны, того ради лишалися доселѣ отроцы подобающаго себѣ воспитанія».

По поводу этой замѣтки, возражатель обвиняетъ его (не называя по имени) въ неправильномъ толкованіи догмата о первородномъ грѣхѣ, — будто онъ взводитъ на природу, а съ тѣмъ вмѣстѣ на Бога, вину зла; между тѣмъ самъ, больше своего противника, грѣшитъ противъ истины догмата, потому что, отрицая испорченность человѣческой природы, онъ осуждаетъ ее, за одинъ только прародительскій грѣхъ, на смерть временную и вѣчную; тогда какъ смыслъ догмата таковъ, что испорченность преемственно переходитъ отъ прародителей ко всѣмъ ихъ потомкамъ, за что они въ естественномъ порядкѣ жизни и осуждаются вѣчною правдою на смерть и погибель.

Далѣе, возражатель обвиняетъ сочинителя въ отступленіи отъ древняго обычая прав. церкви, установившаго извѣстный и принятый повсюду порядокъ ученія христіанскихъ дѣтей. «Православная Церковъ сама расположила, когда чему учить изъ писанія. Когда отрокъ 4—5 или больши лѣтъ, Христовымъ Евангеліемъ уже отрожденный, прилагается къ ученію письмепъ, долженствуетъ отъ учителя своего во первыхъ слышати имя и призываніе святаго и животворящаго креста: кресте помози ми, зане знаменіе креста есть яко Символъ вѣры православной. Второе: во имя Отца и Сына и Святаго Духа; третіе: алфавиту или азбукѣ учимы бываютъ; четвертое—изучаютъ молитву, яже глаголется св. отецъ, т. е. за молитвы св. Отецъ и проч.; пятое: Богородице дѣво радуйся. Такъ бо отъ низшаго степени къ высшимъ возводятъ умъ отроковъ. . . . Шестое — Царю небесный; седьмое: Трисвятое; осьмое — Слава Отцу. . .; девятое — Пресвятая Троице; десятое — Отче нашъ; одинадцатое — Пріидите поклонимся; двѣнадцатое — Вѣрую. Сіи убо суть основанія или (да мочь будетъ рещи) стихіи катихизиса, яже мати св. Церковь сыномъ своимъ во первыхъ къ наученію предложила. Симъ же на память изученнымъ бывшимъ, абіе присланные отроки къ ученію вечернихъ и утреннихъ молитвъ, также и всего церк. чина переходятъ. Потомъ ученья бываютъ, да поне удобно читати могутъ октоиха. Потомъ къ ученію царскихъ и пророческихъ приступаютъ псалмовъ. И сей убо чинъ есть и наставле-

піе, еже премудрѣйшая мати Церковь сыномъ своимъ отъ младыхъ (да безъименнаго автора латинскимъ реку глаголенія образомъ) ногтей предаде и уставила есть, еже долгимъ уже временемъ и отъ толикихъ вѣковъ всегда соблюдаемо толикое возымѣ употребительство, яко (свидѣтельствующей греческой, арабской, георгійской, великороссійской, малороссійской, молдовлахійской, угровлахійской, славянской за Дунаемъ сущей, болгарской, иллирической, албанской, далматской, трансильванской и всей купно православной восточной Церкви), аще бы кто нынѣ иный, кромѣ сего ученія, отрокомъ усиловался приввести чинъ, хотя благочестнымъ и ревностнымъ сіе началъ бы тщаніемъ, обаче едва или никакоже могъ бы, яко мню, избыти порока подозрѣнія; кольми паче изобрѣтатель или древняго обычая истребитель мнимъ и презираемъ былъ бы».

За тѣмъ возражатель переходитъ къ толкованію заповѣдей и начинаетъ свой разборъ съ совершенно вѣрной мысли, что не справедливо ограничивать христіанское правоученіе десятью заповѣдями и привязывать его къ древнему десятословію. «Сладкое Господа Спаса иго сладцѣ пріемляй и легкое Его бремя со усердіемъ носяй, познаетъ законъ 10-ти заповѣдей несовершеннымъ, егоже потомъ чрезъ Сына восхотѣ исполнити. Чего ради ученикъ Новаго Завѣта не удовлетворитъ благому Учителю, если скажетъ: азъ отъ юности совершихъ сія вся».

Разбирая толкованія заповѣдей, возражатель обвиняетъ сочинителя въ томъ, что, изъясняя первую, онъ заставляетъ вѣровать только въ одного Бога; изъясняя вторую заповѣдь причисляетъ къ идолослуженію поклоненіе иконамъ. «Идолослужитель есть — сказано въ ученіи отрокомъ, — когда честь Божію воздаетъ образу или подобію коей либо вещи небесной, когда кто покореніе души своея нѣкоему образу приноситъ, бояся его и надѣяся на него, яко бы нѣкую въ себѣ невидимую силу имущаго». Возражатель замѣчаетъ на это: «хотя авторъ, краткости поучаяся, непорочнымъ сіе произнесе умомъ и сердцемъ, обаче можетъ быть сумнительство, яко нѣчто болѣе въ себѣ заключаетъ, нежели елико отъ младыхъ отроческихъ умовъ могло бы поято быти. Есть сила и въ водѣ и въ мурѣ, и въ хлѣбѣ и въ водѣ, злѣ и въ мощахъ».

Сочинитель, обозначая кумиры, назвалъ ихъ образишками. «Нескладно нѣчто» возражаетъ противникъ. «По гречески бо εἰδολον хотя и въ латинскомъ simulacrum и въ славянскомъ кумира знамецуетъ, обаче не поелику образишки, но поелику кумира указуетъ, то есть идола или образъ, его же погапые язычницы латревтически, то есть по божески почитали. Нужно было идолъ протолковать кумиръ, а не образишки» [1]).

Особенный поводъ къ полемикѣ подало 7-е правило вселенскаго собора, которое сочинитель объяснилъ такъ, что «не подобаетъ почитать иконъ святыхъ истинпымъ служеніемъ, еже бываетъ вѣрою и духомъ и истиною», и что «противъ этой же заповѣди грѣшитъ тотъ, кто поклоненіе Св. Троицѣ, бываемое по латріи, воздаетъ образамъ». Возражатель сильно напалъ на сочинителя за это униженіе иконъ отнятіемъ у нихъ латріи, и заключилъ свой разборъ второй заповѣди обвиненіемъ сочинителя въ томъ, что онъ «иное сказуетъ вельми уныло и зѣло слабо».

Тонъ его, съ теченіемъ рѣчи, становится все болѣе и болѣе рѣзкимъ. Противъ толкованія четвертой заповѣди, которою внушается слушать наставленія пастыря, какъ слова самаго Бога, возражатель съ горячностью говоритъ: «не подобаетъ не вѣдѣти, яко не всякъ ученый въ церкви или въ приватныхъ предикахъ по истинѣ добрый пастырь и благочестный учитель есть; тѣмже подобаетъ искушати духа. Мнози бо быть могутъ, иже отвнѣ жезлъ и одежду пастырскую носити являются, вцутрь же суть пасмпицы, волкамъ безопасно похищати попущающіи; паче же сами, овчею прикрывшеся кожею, волцы суть. . . . Восклицаше нгогда Кикеронъ, римскаго краснословія начальникъ: o tempora, o mores. Не нетребѣ и нынѣ восклицати: о церкви, о пастырей»!

«Дѣти, сказано въ толкованіи пятой заповѣди, должны родителямъ всякимъ послушаніемъ и безъ ихъ благословенія не начинать никакого дѣла важнаго, наипаче не избирать чина житія брачнаго или монашескаго».

«Еже глаголется не избирать чина житія брачнаго,—пишетъ возражатель, — за позволеніемъ автора рекъ бы, яко неподле-

[1]) «По Кикерону (Цицерону), въ книгѣ о концахъ (de finibus), имя εἰδολον въ греческомъ языкѣ произведено есть отъ ἰδεα, сіже бытность Аристотелемъ и всѣми христіанами весьма отмещется».

жатъ сему закону. Какъ сынъ не долженъ безъ соизволенія своихъ родителей вступать въ бракъ, такъ и родители не должны принуждать взять ту, которой онъ не хочетъ, съ каковою у него ни по возрасту, ни по любленію каковое либо сходство быти показуется. Напр. аще бы родители понуждали сына своего, 17 лѣтъ суща, поятн жену 40 лѣтъ или хотя и 15—лѣтну слѣпую или съ другимъ недостаткомъ, какоей либо знаменитой въ тѣлѣ части лишенную, для богатства и высшаго рода, а онъ ни богатства, ни рода, а только жены по желанію своего сердца желалъ бы». Но возражатель недопускаетъ вмѣшательства родителей въ выборъ дѣтей, желающихъ принять монашество.

Въ толкованіи седьмой заповѣди говорится о притвореніи ложныхъ мощей, будто святыхъ. «Нерѣдко таковые явишася прелестницы, которые, прибытка ради, притворныя за святыхъ мощи пронесоша, якоже въ Москвѣ иногда случися — (что всѣмъ извѣстно есть). И ныя нѣкая сими подобная, подъ покрываломъ святости, лестцы оные простымъ людемъ утвердиша, якоже млеко пресв. Богородицы, кровь Іисуса Христа и власы брады Его, что все противно истинѣ. Возражатель сильно протестуетъ противъ этого нареканія на святыню.

Такъ какъ нѣкоторыя иностранныя слова, употребляющіяся въ толкованіи, подали поводъ къ недоразумѣніямъ, то возражатель даетъ совѣтъ, что «лучше бы греческія слова (символъ, λατρία, δουλία, υπερδουλία, προσκύνησις) оставить безъ переводу, потому что въ нѣкоторыхъ богословскихъ рѣченіяхъ славянскій языкъ страждетъ и грѣшитъ, между тѣмъ какъ по гречески они просты и ясны». — Это напоминаетъ старый предразсудокъ, по которому понятій и истинъ христіанскаго ученія нельзя выразить ни на какомъ другомъ языкѣ, кромѣ еврейскаго, греческаго и латинскаго.

Оеофанъ отвѣтилъ на этотъ протестъ письмомъ на имя неизвѣстнаго духовнаго лица, вѣроятно Аоанасія Кондоиди, жившаго у князя Кантемира.

«Преподобнѣйшій отче! Не мало дивно мнѣ, что нѣцыи сумнѣваются, (какъ я отъ вашего преподобія опогда слышалъ), о нашемъ словѣ въ наставленіи отроческомъ, гдѣ мы написали, что св. седьмой соборъ вселенскій не велитъ иконъ почитать истин-

нымъ служеніемъ и прочая. Посмотрѣли бы оные прекословцы: въ соборѣ ономъ такъ ли стоитъ? Ибо мы слово пстое собора опаго положили, и для того характеромъ крупнымъ напечатано. И если не такъ соборъ говоритъ или не такими словами, то было бы имъ для чего сумнѣваться, и моя ложь была бы явна. А сумнѣваться и прекословить подъ такимъ розыскомъ дивно вопстину; а еще дивнѣе того, если и видѣли слово соборное, а однакожъ порицаютъ насъ; понеже мы нашима очима слово тое на св. соборѣ видимъ, по двоихъ изданіяхъ еллино-латинскихъ — на римскомъ и парижскомъ и книги оныя посылаю вашему преподобію.

Да мнится мнѣ — слово греч. λατρεια устрашило ихъ, и думаютъ, что не добрѣ мы перевели λατρεια славенски служеніемъ; да вельми въ томъ погрѣшаютъ, помышляюще, что служеніе не λατρεια, но другое слово греческое δουλέια знаменуетъ, и того ради переводъ нашъ охуждаютъ». Оеофанъ защищаетъ свой переводъ, приводя многія мѣста изъ св. писанія, гдѣ слово λατρεια переведено именно служеніемъ.

«До здѣ наша рѣчь была о переводѣ слова. Еще поговоримъ и о самой вещи. Которые прекословятъ намъ здѣ, хотятъ почитать иконы святымъ служеніемъ. Что се слышу новое? Какъ же служить иконамъ? Благоволили бы намъ истолковать. Только сіе мнѣніе, яко злочестивое, отвергаетъ 7-й соборъ вселенскій.

Наконецъ вельми дивно, что прекословящіи не изволили внять, о какомъ служеніи глаголемъ мы съ соборомъ вселенскимъ. Вѣдь не нагое служенія слово положено тамъ, но съ такъ высокими прилогами, что весьма злочестивый будетъ, аще кто такое служеніе коей либо и высочайшей твари восписати дерзнетъ. Много таковыхъ словъ есть, которые сами собою ни доброе — ни злое, ни малое что — ни великое означаютъ; а когда приложимъ къ нимъ опись другими словами, покажутъ намъ или злое или доброе или малое или великое. Напримѣръ глаголъ сей: *вѣрую* самъ собою ни зла ни добра намъ не являетъ; а съ такимъ придаткомъ: вѣрую слову Божію — великое добро; а съ другимъ таковымъ: вѣрую бѣсовскому ученію — великое зло представляетъ. Подобнѣ имъ слово *имѣніе* ни малую ни великую силу показуетъ само собою; но аще рекли: имѣніе сего человѣка до 10 милліоновъ, слышу великое богатство; аще же рекли о другомъ: имѣніе его все не стоитъ 5 рублей

съ полтиною, слышу великую скудость. Такъ разсуждати подобаетъ и о служеніи. Слово сіе само собою значитъ нечто иное, токмо подчиненну быти воли чьей и повелѣнія его хранити, а не являетъ само собою, какое оное есть подчиненіе: можетъ бо и малое и великое быти. Подчиненъ есть самовольный слуга господину своему, да больше подчиненъ не свободный рабъ, каковіи прежде бывали купленніи, а у насъ въ Россіи крестьяне. И еще какъ слуга, такъ рабъ и вси прочіи больше подчинены суть власти высочайшей, все отечество управляющей. Неравность сія подчиненія и служенія не можетъ познаватися отъ единаго слова сего: слуга или служеніе, а опознователся съ прилогомъ напримѣръ таковымъ: сей служитъ сему господину самовольно, а сей приписный рабъ есть ему. Сіе ясное всѣхъ есть вѣдеціе, и отъ сего нетрудно уразумѣти можно, какое подчиненіе есть человѣка Богу.

Что больше требуютъ и что на сіе скажутъ прекословцы? Не совершенное ли поклоненіе показалъ намъ Христосъ? Аще не совершенное, то для чего не научилъ насъ совершеннѣйшему? Аще же совершенное, то какъ тое поклоненіе принесемъ къ тварямъ? Сравнимъ ли твари съ Богомъ?

Зри, преподобнѣйшій отче, какъ не добрѣ дѣется, что не сильно у насъ слово св. ап. Іакова: *не мнози учители бывайте, братія мои, вѣдяще, яко большее осужденіе пріимемъ.* Многое искусство въ томъ имѣти подобаетъ, въ чемъ кто учителемъ хощетъ быти. Но искусный долженъ есть долго и прилежно, и слова и вещь, и вещи самой естество и обстоятельства, и вся оной, тако рещи, утробы разбирать, разсуждать и проницать, когда хощетъ произнести судъ свой въ чуждемъ мнѣніи и ученіи. Не многи же обрѣтаются такъ искусніи и такъ прилежніи, ово за невеликое остроуміе, ово за не сильное въ богословіи обученіе (иногда и обѣ скудости сія случаются въ единомъ лицѣ); того ради глаголетъ Духъ Святый, да не мнози касаются дѣла учительскаго, боящеся большаго осужденія. Что бо слѣдуетъ таковому легкомысленному учительству? Первѣе распри, а въ народѣ сумнительство, потомъ и расколы и ереси и факціи; и сколько погибнетъ душъ таковыми бѣдствіи, взыщется за взятыя на судѣ Божіи. Отъ таковыхъ любопрѣтельныхъ совопросниковъ въ нашемъ семъ съ прекословцами дѣлѣ, не слѣдуетъ ли сіе, что слышавше

оное прекословіе человѣцы простіи не похотятъ отрокомъ своимъ сего толь полезнаго давать наставленія, и тако многіе отроцы въ грубости и ненаставленіи останутся, и желаніе царскаго величества и желаніе всѣхъ нелицемѣрно благочестныхъ вотще пойдетъ за положенное ученію сему препятіе прекословіемъ толь нескуснымъ и неправеднымъ; ибо вся прекословія сего сила виситъ на двоихъ невѣжествахъ — на одномъ грамматическомъ, а на другомъ богословскомъ. Грамматическое невѣжество есть незнати, что значитъ греческое слово λατρεια и какъ на славянскомъ языкѣ переводится въ писаніи; а богословское невѣжество есть незнати, что есть служеніе истиною и вѣрою и духомъ бываемое, и невѣдати, что сія служенія и поклоненія единому Богу подобающаго дефиниціи есть положена отъ самаго Христа. Съ таковымъ сугубымъ нескусствомъ какъ дерзать къ учительскому дѣлу и судить ученія богословская? Дерзая же какъ не бояться большаго осужденія? Дивлюся всѣмъ таковымъ и довольно удивитися не могу».

III.

Отмѣна патріаршества. — Стефанъ — мѣстоблюститель патріаршаго престола.

Какъ Оеофанъ по выбору Петра посвященъ въ епископа, точно также по выбору Петра, за восемьнадцать лѣтъ предъ тѣмъ, посвященъ былъ въ рязанскіе митрополиты изъ кіевскихъ ученыхъ Стефанъ Яворскій.

Судьба его въ исторіи нашей церкви чрезвычайно интересна. Онъ стоитъ на переходѣ отъ до-петровской патріаршей формы церковнаго правленія къ петровской-синодальной и стоитъ не безучастнымъ зрителемъ совершающагося перелома, по страдательною его жертвою.

Къ сожалѣнію у насъ еще мало свѣдѣній для того, чтобы

оцѣнить и охарактеризовать это замѣчательное лицо. У него много общаго съ Ософаномъ во внѣшней судьбѣ: но въ душѣ, въ убѣжденіяхъ, въ образѣ дѣйствій — все другое до противоположности. Онъ также былъ уніатомъ; также путешествовалъ и учился въ чужихъ краяхъ, скрываясь подъ чужимъ именемъ и чужимъ исповѣданіемъ; по возвращеніи изъ за границы также присоединенъ былъ къ церкви, какъ впослѣдствіи Ософанъ; также блисталъ на академической и церковной каѳедрахъ; также случайно сдѣлался извѣстнымъ царю и, по его приказанію, посвященъ во епископы. Но за этими, такъ сказать, внѣшними формами жизни, у Стефана скрывались совершенно иныя убѣжденія, нежели у Ѳеофана.

Въ 1700 г. 16 октября скончался патріархъ Адріанъ. Адріанъ еще при жизни просилъ въ помощники себѣ, желая въ тоже время имѣть преемникомъ себѣ по смерти, холмогорскаго архіепископа Аѳанасія, извѣстнаго съ хорошей стороны и Государю; на него же, по смерти Адріана, указывалъ Государю Тихонъ Стрѣшневъ [1]); но ни въ ту пору, ни теперь Государь почему то не хотѣлъ остановить своего выбора на Аѳанасіѣ [2]). Вѣроятно ему нужно было для новыхъ порядковъ и лицо новое. Экзархомъ, блюстителемъ и администраторомъ патріаршаго престола, 16 декабря 1700 г., назначенъ рязанскій митрополитъ Стефанъ.

Можно думать, что въ это время Петръ уже порѣшилъ въ мысляхъ отмѣну патріаршества, и есть преданіе, что онъ тогда же выразилъ желаніе отмѣнить это званіе. Начавшаяся Шведская война дала ему поводъ продлить переходное положеніе подъ тѣмъ предлогомъ, что ему не достаетъ душевнаго спокойствія, необхо-

---

[1]) «Кому соборную церковь вѣдать изволишь? А на Москвѣ архіереи смоленскій, крутицкій, вятскій. Прежде изволеніе твое было вѣдать холмогорскому владыкѣ: только по него не послано; изволишь ли послать»? (Устрялова Истор. Петра Вел. т. IV, стр. 535).

[2]) Аѳанасій скончался въ 1707 г. — Февраля 28-го этого года Головкинъ писалъ къ митр. Стефану изъ Жолквы, «чтобы на холмогорскую епархію выбраны были изъ духовныхъ особъ люди искусные и ученые, понеже та холмогорская епархія около морскаго порту, гдѣ бываетъ множество разныхъ народовъ иноземцовъ, съ которыми дабы тамошній архіерей могъ обходиться по пристойности политично къ чести и славѣ россійскаго государства; яко же и прежде бывшій Аѳанасій архіепископъ съ изрядным порядкомъ тамо поступалъ». (Госуд. Архив. Переписка И. А. Мусина Пушкина съ разными лицами).

димаго къ назначенію достойнаго лица на первую степень въ русской церкви. Стефанъ назначенъ былъ намѣстникомъ патріаршаго престола съ такимъ ограниченіемъ, чтобы, по важнѣйшимъ дѣламъ церковнаго управленія, совѣтывался съ другими епископами, которыхъ положено было поперемѣнно вызывать, для этой цѣли, въ Москву и представлять о послѣдствіяхъ совѣщаній на утвержденіе Государя. Это собраніе очередныхъ епископовъ изъ епархій называлось *Освященнымъ соборомъ*.

Многимъ не безъ причины казалось, что, съ отмѣною патріаршества, церковь потеряетъ свою независимость. Всѣмъ извѣстно, какъ много было недовольныхъ этимъ дѣйствіемъ Государя. Вездѣ слышанъ былъ ропотъ и появились подметныя печатныя письма, которыми выводилось изъ пророчествъ, что народился антихристъ и народъ возбуждаемъ былъ противъ Государя къ бунту [1]).

---

[1]) Въ раскольническомъ сочиненіи: *Собраніе отъ св. писанія объ Антихристѣ*, всѣ доказательства антихристова пришествія обращаются около уничтоженія патріаршества. «И той лжехристосъ нача превозноситися паче всѣхъ глаголемыхъ боговъ, сирѣчь помазанниковъ, и нача величатися и славитися предъ всѣми, гоня и муча православныхъ христіанъ, истребляя отъ земли память ихъ, распространяя свою новую жидовскую вѣру и церковь во всей Россіи; въ 1700 г. возобнови, по совершенномъ своея злобы совершеніи, новолѣтіе Іанусовское, и узаконивъ отъ онаго вести лѣтосчисленіе, а въ 1721 г. пріялъ на себя титлу патріаршескую, именовася Отецъ Отечества, якоже свидѣтельствуетъ книжка «царство мертвыхъ» (листъ 115), и глава церкви россійскія, и бысть самопластенъ, не имѣя ни кого въ равенствѣ себѣ, восхитивъ на себя не точію царскую власть, но и святительскую и Божію, бысть самовластный пастырь, единая безглавная глава надо всѣми, противникъ Христовъ, антихристъ... Якоже папа въ Римѣ, тако и сей лжехристосъ нача гонити и льстити и искоренити останокъ въ Россіи православныя вѣры, и свои новые умыслы уставляя и нова законоположенія полагая, по духовному и по гражданскому расположенію, состави многіе регламенты и разосла многіе указы во всю Россію съ великимъ угроженіемъ о непремѣнномъ исполненіи оныхъ, и устави Сенатъ и Сунодъ, и самъ бысть надъ ними главою и судіею главнѣйшимъ: и тако нача той глаголемый богъ паче мѣры возвышатися. Той же лжехристосъ сіе содѣла отъ гордости живущаго въ немъ духа, учини народное описаніе, начисляя вся мужеска пола и женска, старыхъ и младенцовъ, и живыхъ и мертвыхъ, возвышаяся надъ ними и изыскуя всѣхъ, дабы ни единъ могъ скрытися рукъ его, и обладая ихъ даньми великими, не точію на живыхъ, но и на мертвыхъ таково тиранство учини — и съ мертвыхъ дани востребова: сего и въ древнія времена бывшіе мучители не творили. И тако той лжехристосъ, восхитивъ на себя царскую и святительскую власть, и вступи на высочайшую степень патріаршескую, яко свидѣтельствуетъ о томъ изданная имъ книга

Вслѣдствіе этого, Петръ запретилъ монахамъ имѣть въ кельяхъ своихъ чернила и бумагу; настоятели монастырскіе обязаны были отвѣчать за тѣхъ, кому они позволятъ имѣть въ кельяхъ письменные матеріалы; — а типографщикъ Талицкій, обличенный въ напечатаніи помянутыхъ подметныхъ писемъ, приговоренъ былъ къ смертной казни [1]).

Власть мѣстоблюстителя, сравнительно съ патріаршею, была весьма ограничена. При самомъ назначеніи его уничтоженъ Патріаршій приказъ, а дѣла его, по челобитью разныхъ лицъ, распредѣлены по другимъ вѣдомствамъ. Черезъ полтора мѣсяца, 31-го января 1701 г., учрежденъ Монастырскій приказъ, подъ вѣдѣніемъ бывшаго астраханскаго воеводы, графа П. А. Мусина-Пушкина, съ порученіемъ въ его управленіе патріаршаго и архіерейскихъ домовъ и монастырскихъ дѣлъ и имѣній [2]). Стефану оставлены только духовныя дѣла, но и въ нихъ онъ не былъ полновластенъ. Всѣ сколько нибудь важныя дѣла шли помимо него, чрезъ Мусина-Пушкина. Въ междупатріаршество мы видимъ много назначеній на мѣста духовнаго управленія помимо Стефана, по представленіямъ Меншикова, Мусина-Пушкина, архимандрита Ѳеодосія и другихъ лицъ. Пушкинъ объявлялъ Стефану повелѣнія Государя и полновластно распоряжался дѣлами, которыя подлежали вѣдѣнію мѣстоблюстителя. Патріаршая типографія была подъ исключительнымъ вѣдѣніемъ Мусина-Пушкина: сочиненія, переводы и изданія книгъ, даже исправленіе библіи,

---

«Регламентъ Духовный», листъ 3, въ 9 пунктахъ: како и для чего уничтожи патріаршество, дабы ему единому властвовати, не имѣя ровна себя, но вмѣсто того, устави Сунодъ или синедрію, содержащую въ себѣ правленіе духовныхъ дѣлъ, имѣя въ себѣ 12 членовъ, 4 ассессора, 2 президента, 2 вице-президента, и утверди ихъ седьмоклятвенною присягою, дабы кромѣ его единаго, ни какихъ дѣлъ ни творити, но имѣли бы его единаго препысочайшею главою и судіею всея церкви; и тако, по Ипполиту, совершенъ соборъ ученикъ себѣ воспріятъ по образу 12 апостоловъ Христовыхъ, и самъ единъ безглавная глава, превозносяйся надо всѣми». (Чтенія въ Общ. исторіи и древн. росс. 1863 г. кн. 1, отд. III, стр. 53—60).

[1]) Полн. Собр. Зак. VI. № 3891.

[2]) Полн. Собр. Зак. № IV 1834. Монастырскій приказъ завѣдывалъ денежными и хлѣбными сборами и рекрутскою повинностію въ вотчинахъ патріаршихъ, архіерейскихъ и монастырскихъ; равно и расходами этихъ суммъ и сборовъ по высч. и сунод. указамъ.

которое поручено было главному надзору Стефана, шли помимо Стефана. Школы московскія, какъ, мы видѣли уже, также во многомъ зависѣли отъ Мусина-Пушкина. Наконецъ въ хозяйственныхъ дѣлахъ Стефанъ былъ ограниченъ монастырскимъ приказомъ, которому передано было управленіе патріаршими, архіерейскими и монастырскими вотчинами. Но и эта ограниченная власть съ 1712 г. становится болѣе номинальною, нежели дѣйствительною.

Первымъ поводомъ къ перемѣнѣ хорошихъ отношеній между Государемъ и мѣстоблюстителемъ послужила проповѣдь Стефана, произнесенная имъ въ 1712 году, во 2-ю недѣлю Великаго поста.

Въ 1711 году въ церковные суды введены были фискалы отъ гражданскаго правительства. Стефанъ видѣлъ въ этомъ посягательство на свободу и независимость церковнаго суда и коснулся этого предмета съ выраженіемъ непріятнаго чувства въ помянутой проповѣди. Недоброжелатели Стефана рады были случаю выставить его передъ Государемъ врагомъ государства. Петръ вознегодовалъ страшно. Стефана позвали въ Сенатъ, гдѣ съ духовной стороны былъ одинъ архимандритъ Ѳеодосій; но Стефанъ не нашелъ въ немъ поддержки [1]). Униженный и встревоженный Стефанъ просилъ Государя уволить его отъ всѣхъ дѣлъ — на покой.

«Извѣстно вашему царскому величеству, какъ я на едино повелѣніе царское оставилъ свое схимническое житіе, которое обѣщалъ Господу Богу на смертной постелѣ лежачи, и хотя ужасно мнѣ было сломати обѣтъ, однакожъ монаршей волѣ вашего царскаго величества не дерзалъ противитися, и нынѣ послушаніе свое по силѣ моей Божіею помощію управляю, и въ проповѣди слова Божія какъ могу, такъ труждаюся. Но врагъ, ненавидя добра человѣческаго, различныя мнѣ въ томъ препятствія творитъ и нынѣ сотворилъ таковымъ образомъ. Говорилъ я казанье во вторую недѣлю великаго поста о храненіи заповѣдей Господнихъ. Осма была: аще хощете и послушаете мене,

[1]) Впослѣдствіи самъ Ѳеодосій писалъ Государю, что «рязанскій архіерей гнѣвается на него (Ѳеодосія) за конференцію о поученіи, на которой изъ духовныхъ былъ только онъ, гдѣ и приразился Стефану, поборая по правдѣ».

благая земли снѣсте; аще не хощете, ниже послушасте, мечь вы полстъ, уста бо Господня глаголаху. Отъ сихъ словесъ, у Исаіи пророка написанныхъ, крычалъ я къ народу, увѣщевая ихъ, дабы хранили заповѣди Господни, аще хощутъ имѣти и на семъ свѣтѣ благополучіе и въ небѣ животъ вѣчный, страпая же ихъ отмщеніемъ Божіимъ за преступленіе заповѣдей своихъ. Были на томъ казаніи господа сенатори, которіи на завтрішній день пришли ко мнѣ, и стали мене бѣднаго обличати, укоряти и претити за то, будто на бунтъ и мятежъ народъ возмущаю, и будто я царской чести касаюсь дерзновеніемъ. А я, Богу свидѣтельствующу, ниже въ помышленіи моемъ, кольми паче въ намѣреніи, сицеваго лукаваго дѣла не думалъ. Уже тридесять лѣтъ, какъ я въ царствующемъ градѣ, по вашему монаршему указу, проповѣданіемъ слова Божія труждаюся, и вся Москва мене слушала, да и самъ ваше царское величество не едино изволилъ слушати моя убогія бесѣды; а никтоже не ощутилъ въ моихъ словахъ мятежа и молвотворства, паче же противная тѣмъ множшею глаголахъ. А господа сенатори, древле ненавидящіи мя и ищущіе душу мою изъяти, сіе лукавое дѣло на мя совѣщаша. Ставятъ мнѣ за вину то, что я говорилъ о фискалахъ, которымъ дали власть надо мною и надъ приказомъ духовнымъ съ таковою волностію, что мощно фискалу, кого хощетъ, обезчестити и обличити, и хотя того фискалъ не доведетъ, о чесомъ на ближняго своего клевещетъ, то ему то за вину не вмѣняти и слова ему за то не говорити. О семъ я говорилъ, что не подобаетъ симъ тако быти и въ архіерейскихъ судахъ фискалу быти не обычно и непристойно. Прочее же, еже глаголахъ, вся во обществѣ глаголахъ и неточію (сохрани Боже) царскія чести, но ниже меньшаго коеголи будетъ лица въ особенности не касался, и нѣсть обычно проповѣдникомъ въ особности къ лицу какому нибудь глаголати, но обще ко всѣмъ, якоже и въ Златоустаго бесѣдахъ читаемъ. Далъ я тое казанье гг. сенаторамъ, которое хотѣли, переписавъ русскимъ писаніемъ, послати къ вашему царскому величеству, лишь бы только чего лишняго не прибавили, а мнѣ запретили о семъ казаня не говорити».

«Сицево я ихъ непріятство къ себѣ видячи, яко ищутъ моей головы, умыслилъ всячески уклонитися, и обѣщаніе мое на схи-

му святую паки обновилъ, Богу тако дѣйствующу, и симъ искушеніемъ за преступленіе даннаго Ему обѣта посѣщающу мя».

«Тѣмъ же, монархо нашъ премилостивѣйшій, падше къ стопамъ вашего царскаго величества, съ слезами молюся. Отпусти мя уже къ смерти приближающагося и всегда болѣзнію одержима: не дай душѣ погибнути за преступленіе обѣщанія моего. Богъ (видитъ), яко уже, трудами изможденъ, не могу прочее сея тяжести носити и жительствовать съ такими людьми, которые о мнѣ гораздо промышляютъ. Бодетъ имъ очи милость вашего царскаго величества ко мнѣ убогому, не мило имъ смотрѣти на дворъ, который я построилъ на Пресни, не такъ для себя, яко для вашего царскаго величества, близко двухъ тысячей изпуривши; но Богъ имъ въ помочь и съ дворомъ. Мнѣ дворъ — келія, да гробъ близко предлежащій. Тѣмъ же паки и паки слезящи молю ваше монаршество, да благоволитъ мене отпустити въ донской монастырь, либо гдѣ будетъ воля и премилостивое изволеніе вашего царскаго величества. Его же семь всегда вѣрный рабъ, всегдашній богомолецъ и подножіе. Смиренный Стефанъ, пастушокъ рязанскій. 1712 г. Марта 21-го»[1]).

Государь успокоилъ Стефана. Утѣшенный мѣстоблюститель благодарилъ Государя слѣдующимъ письмомъ: «Якоже радостны бываютъ кораблепницы, по страшныхъ шумахъ водныхъ получивши ведро: тако и я, волнами печалей смущаемъ, получилъ радостную

---

[1] Государств. арх. Кабин. дѣла II, № 15, стр. 1071—1702. Тоже письмо, вмѣстѣ съ проповѣдью Стефана и отмѣтками на полѣ противъ нѣкоторыхъ мѣстъ собственною рукою Государя, въ Кабин. дѣл., отд. I, № 31, л. 1—20.

Въ тоже время Стефанъ послалъ письмо къ Кабинетъ-секретарю А. В. Макарову:

«Любовь твоя и благоприклонство ко всѣмъ творитъ мнѣ надежду, яко не посрамиши мене отъ чаянія моего, но въ печали моей настоящей даси мнѣ руку помощи и въ тяжестѣхъ сердечныхъ ослабленіе.

Написалъ я нужду мою къ самому Монарху; только въ томъ у тебе, государя моего, прошу милости, благоволи, усмотря время, прочесть предъ лицемъ монаршимъ, либо милостиво донеси на словахъ то, что тамъ написано.

А каковъ будетъ отвѣтъ, благоволи, государь, молю тя смиренно, благовѣстіемъ утѣшити мя печальнаго, буде получу на мою слезную прозьбу премилостивое монаршее соизволеніе. А я долженствую вѣчно Бога молить за тебя, государя моего, ему же семь всякихъ благъ временныхъ и вѣчныхъ недостойный богомолецъ и слуга нижайшій. Смиренный Стефанъ М. Р. 1712, Марта 21».

тишину, егда извѣстился писаніемъ его милости, господина адмирала, о премилостивомъ вашего царскаго величества на мене, раба своего, призрѣніи. Аще же сподоблюся хотя едину литеру самою монаршею ручкою ко мнѣ начертанну видѣти, то и паче возрадуюся, и всѣхъ печалей, сердце мое снѣдающихъ, забуду»[1]). Но все же Государь не показывалъ къ нему ни прежней благосклонности, ни прежняго довѣрія.

Въ 1713 г. начали распространяться въ Москвѣ кальвинскія ученія. Стефанъ, видя постоянно усиливающуюся дерзость лжеучителей, созвалъ въ 1714 г. церковный соборъ, который осудилъ ихъ ученіе, какъ еретическое[2]), а одного изъ его распространителей, дерзнувшаго публично произнесть хулу на икону св. Алексія митрополита, предалъ гражданской казни. Но поспѣшность въ рѣшеніи суда и строгость въ его приговорѣ, а главное — вмѣшательство сильныхъ иностранцевъ, возбудили противъ Стефана неудовольствіе Государя. Графъ Мусинъ-Пушкинъ, съ Стрѣшневымъ и Самаринымъ объявили ему 14 дек. высоч. указъ, чтобы быть ему въ С. Петербургъ и привести съ собою дѣло о Тверитиновѣ. Московскому губернатору въ тоже время приказано было выслать въ С. Петербургъ, на счетъ Монастырскаго приказа, Тверитинова и свидѣтелей. Стефанъ отказывался ѣхать въ С. Петербургъ, ссылаясь на болѣзнь и на то, что ему нужно ѣхать въ Нѣжинъ на освященіе церкви. Но ему при-

---

[1]) Каб. дѣла, II, № 15 л. 1075.

[2]) «Здѣсь архіерей рязанской — писалъ Макаровъ изъ Москвы въ С. Петербургъ, къ секретарю Придв. конторы А. А. Яковлеву — и прочіе всѣ духовныя персоны имѣли совѣтъ о противникахъ Церкви, на которомъ положили, что предать ихъ проклятію, что прошлаго воскресенья учинили и публично ихъ анаѳемовали, а именно Дмитрія Тверитинова, Ѳомку (которой изрубилъ въ Чудовѣ образъ чудотворца Алексѣя), Ивашку Максимова; также и сообщниковъ ихъ — Мишку Косова и Мишку Сапожника, которые нынѣ въ Санктпетербурхѣ, такожъ предали проклятію. И хотя я о дѣлахъ помянутыхъ Мишки Косова и Мишки Сапожникова, какое они сообщеніе съ помянутыми Ѳомкою и Миткою и Ивашкою имѣли, подлинно и невѣдомъ, однако, какъ я слышалъ отъ вѣрныхъ людей, что помянутые Мишка Косой и Мишка Сапожникъ великіе плуты и злодѣи, и для того надобно на нихъ смотрѣть что (бъ) они нездѣлали какой бѣды по дѣламъ тѣмъ, которые отсель изъ приказовъ забраны по ихъ доношенію. — 1711 г. 18 Окт». — (Госуд. архивъ. Дѣла Морсочникова).

казано было исполнить повелѣніе государя. Дѣло Тверитинова передано было на разсмотрѣніе Сената. 21 и 22 марта въ Сенатѣ происходили «консиліумы» по этому дѣлу, на которыхъ присутствовалъ и Стефанъ [1]). Мы не знаемъ въ подробности образа дѣйствій Сената въ изслѣдованіи этого дѣла; но, кажется, слѣдствіе оправдало виновныхъ и обвинило Стефана.

14 апрѣля онъ писалъ по этому поводу къ Государю, умоляя о прощеніи.

«Великодержавнѣйшій Царь, Государь премилостивѣйшій. Въ настоящее время великострастнаго Пятка, егда Христосъ на крестѣ гласитъ кличемъ великимъ: *Отче отпусти имъ*, — желаю себѣ и азъ подражати Христа. Сего ради къ вашему царскому величеству, аки къ общему всѣхъ насъ отцу, пришадая вопію: *отче отпусти*. Тамо Христосъ гласитъ: *не вѣдятъ бо что творятъ*; не вѣдѣхъ и азъ, яко то дѣло, еже сотворихъ, неугодно имѣло быти предъ вашимъ царскимъ величествомъ. Аще же въ невѣжествѣ согрѣшихъ, убо грѣхъ мой достоинъ есть прощенія, ибо и Павелъ апостолъ глаголетъ: *гонихъ*, рече, *по премногу церковь Божію, но сего ради помилованъ быхъ, яко въ невѣжествѣ сіе сотворихъ*».

«Невѣжество же мое — въ семъ является первое. Обличалъ на казани моемъ на Москвѣ фискаловъ о неправдѣ, того ради, яко промчеся у нихъ на Москвѣ слово, что фискали имутъ власть на всякаго доводити, и аще кому и не доведутъ, то имъ въ вину не ставится. А не вѣдалъ я того, что въ напрасномъ поклепѣ есть и на нихъ вина и, по разсмотрѣнію, наказаніе, рекше штрафъ; ибо сей указъ и воля вашего царскаго величества потомъ уже, спрѣчь въ 712 году, явился всенародѣ печатнымъ тисненіемъ въ С. Петербургѣ, а прежде сего о семъ указѣ намъ на Москвѣ не было вѣдомо».

«Второе — еретиковъ новоявленныхъ, достовѣрными доводами свидѣтельствованныхъ, по розыску и по опасному испытанію и по общему духовнаго чина совѣту, предахомъ анаѳемѣ. Сего же неощутихомъ, яко сицево дѣло, не описавшеся съ вашимъ ц. в.

---

[1]) Описаніе документовъ и дѣлъ архива св. Синода. Т. I. Спб. 1868 года. Прилож. № IV, стр. XI—XVII.

мнится быти царскія власти презрѣніе и самовластіе большому начальству неподлежащее. О сихъ обонхъ винахъ моихъ, и аще какія нѣкія суть, каюся и гласу Христову подобяся, вопію: *отче отпусти. Аще бо назрѣша беззаконіе, кто постоитъ, яко у тебѣ очищеніе есть.*

«Кая можетъ быть добродѣтель, царскому превосходству подобающая, паче сея, еже — вины отпущати. Симъ бо образомъ вы, земныя бози, уподобляетеся самому небесному Богу, аще отпущаете своимъ поддашнымъ, якоже Онъ отпущаетъ всѣмъ намъ. О сіе отпущеніе и азъ, падъ къ стопамъ в. ц. в., всесмиренно молю: *отпущайте, аще что на кого имате, да и Отецъ небесный отпуститъ вамъ.* Вашего царскаго великодержавнѣйшаго монаршества вѣрный поддашный и всегдашній богомолецъ, рабъ и подножіе, смиренный Стефанъ, пастушокъ рязанскій»[1]).

Неизвѣстно, какъ принято было это письмо Государемъ. Между тѣмъ неожиданное оскорбленіе Стефана со стороны Сената, по тому же дѣлу, снова повергло его въ печаль и уныніе. Вотъ что онъ писалъ по этому поводу къ Государю 15 мая 1715 г.:

«По твоему, великаго Государя, указу, велѣно мнѣ въ св. четыредесятницу присутствовать въ судебной избѣ при дѣлѣ, которое зачалося съ новоявленными еретиками. И я въ то время хаживалъ безпрепятно чрезъ всю седмицу крестопоклонную и никтоже мене тогда не изгонялъ. А нынѣ, мая въ 14 день, по прежнему указу, пришелъ я въ судебную избу для слушанія и вершенія тогожъ дѣла, и мене превосходительные господа сенаторы съ великимъ моимъ стыдомъ и жалемъ изгнали вонъ, и я плачущъ исходя изъ палаты судебной говорилъ: бойтеся Бога, для чего не по правдѣ судите. Сего же реченія моего сія суть вины.

1) «Книги Дмитріемъ Тверитиномъ писанныя и листъ на развращеніе народа отъ него къ писанъ и раздаванъ въ народѣ явѣ его показуютъ быти еретика. То все на судѣ уничтожено или на нѣкое время оставлено и вида тому не показано».

2) «Велятъ давать очныя ставки отвѣтчикомъ съ свидѣтелями, а въ прошломъ 205 году, имянымъ царскимъ повелѣніемъ, писана статья: велѣно во всякихъ дѣлѣхъ допрашивать свидѣте-

[1]) Кабин. дѣла, II, № 24, л. 366.

лей и вѣрить свидѣтелемъ тремъ и двумъ и одному, буде не бывало какой ссоры и вражды между отвѣтчикомъ и свидѣтелемъ. А нынѣ на оныхъ раскольщиковъ многое число священнаго и монашескаго и мірскаго чина знатныхъ персонъ свидѣтельствуютъ и ихъ неистовство письменно обличаютъ; и тѣмъ свидѣтелямъ и явному обличенію неповѣрено, а для чего, тому вида непоказано. А надлежало противъ всякаго свидѣтельства раскольщиковъ допрашивать, а они ни противо одного не выпрашиваны, и тако безъ вопросовъ намѣрено съ свидѣтельми давать очныя ставки, и тѣмъ, по мнѣнію нашему, сгала помянутому царскому нынѣшому указу противность или нарушеніе».

3) «Нѣцін отъ раскольщиковъ вишлись въ Преображенскомъ и прочихъ товарищей своихъ и учителя своего Дмитрія Тверитинова выдали; а предъ Сенатомъ всего того запершися. И тое мимо пущено и въ премѣнныхъ рѣчахъ, какъ гражданство лежитъ, перозыскивано. Сія вся высокому вашего ц. в. разсужденію подлагаю смиренный Стефанъ м. р.» [1]).

Слѣдующее письмо его къ Государю, 11 іюля того же года, показываетъ, что между ними остались недоразумѣнія.

«Великодержавнѣйшій Царь, Государь премилостивѣйшій. Якоже зашедшу солнцу свѣтъ отъемлется, тако, по отшествіи вашего царскаго величества, радость оскудѣваетъ, а паче въ моемъ сердцѣ: *свѣтъ очію моею — и той нѣсть со мною.* Вси отпущени, азъ же единъ остался, яко овча заблуждшееся скитаюся, не вѣдущъ, камо имамъ обратитися и чего держатися. Жити въ царствующемъ градѣ С. Петербургѣ, аще есть на томъ воля в. ц. в., готовъ есмь, и волѣ вашего ц. в. противитися ниже хощу, ниже могу; вѣмъ бо, яко противляйся власти, Божію повелѣнію противится; вѣмъ, яко что Царь велитъ, Богъ велитъ: сердце бо царево въ рукахъ Божіихъ. Того ради волѣ вашего царскаго величества, яко благополучному вѣтру, кораблецъ житія моего весьма пущаю, и аще жити мнѣ въ С.-Петербургѣ повелѣваеши, съ радостію повелѣніе пріемлю и въ честь себѣ ставлю при царскомъ лицѣ паче жити, нежели, яко сыну блудному, отъ лица отеческа удалятися. Точію молю всесмиренно о двѣ вѣщи: первая, да повелитъ мнѣ великодержавіе ваше

[1]) Кабин. дѣла, II, № 24 л. 365.

здѣсь опредѣлити мѣсто, идѣже бых возмогль дворишко себѣ построити или готовый какой нибудь дворъ мнѣ, по обычному своему ко мнѣ благосердію, даровати, якоже и господарю Волосскому благоизволилъ еси сію явити милость. Вторая, да, по прежнему вашему монаршему милостивому отпуску, свободно мнѣ будетъ на время поѣхати въ Нѣжинъ для посвященія церкви, въ которую все житіе мое и вси доходцы мои келейные, яко оная вдова двѣ цатѣ, изнурихъ и всю утварь церковную, сирѣчь книги, сосуды, ризы и прочая къ церковной красотѣ и служенію надлежащая, уготовахъ. А оттуда возвратившися забрать мнѣ изъ Москвы всю мою рухлядь, а наипаче сокровище мое — книги, и сюды въ царствующій градъ С. Петербургъ зимнимъ путемъ сегожъ году возвратится, устроивши на Москвѣ порядокъ въ церкви соборной и къ посвященію ставленниковъ надлежащій, такожъ и судей надежныхъ опредѣливши въ наґіаршую и въ мою епархію».

«Аще бы о возвращеніи моемъ было нѣкое сумнительство, кляпуся Богомъ живымъ, отмстителемъ всякія неправды. Кровь Христа Спасителя нашего, во спасеніе намъ изліянная, да будетъ мнѣ въ погибель, аще солгу или помышляю что о бѣгствѣ лукавое. *Камо бо пойду отъ духа твоего и отъ лица твоего камо бѣжу.* Не въ чужое государство поѣду, но ваша держава есть Богомъ данная — Нѣжинъ ли, Москва ли, Рязань, вездѣ на мнѣ власть самодержавія вашего, отъ нея же укрытися нѣсть мощно, и нѣтъ для чего укрыватися; понеже аще и предъ Богомъ грѣшенъ есмь, но предъ в. ц. в. совѣсть имамъ, слава Богу, чисту и безазорну».

«А буде и сія клятва моя, на ней же спасеніе мое лежитъ, явится вашему великодержавію невѣроятна, прошу о приставѣ какого нибудь офицера съ солдатами, съ ними же бых могль сей путь управити для всякой осторожности и вѣры. Но душа, клятвою огражденна, есть паче тѣла карауломъ стрегомаго, и ужаснѣе есть клятву преступити, нежели стражи избѣжати. А что я просился въ монастырь — и то дѣлалося отъ великихъ моихъ и нестерпимыхъ болѣзней, въ нихъ же смерть заглянула было въ очи. А нынѣ я, Божіею благодатію, свободъ отъ оной болѣзни, прошу за сей грѣхъ мой и за прочія прегрѣшенія моя милостивое прощеніе:

отпущайте, что на кого имате; да Отецъ вашъ небесный отпуститъ вамъ» [1]).

Стефанъ долго не получалъ отвѣта на это письмо, и 14 ноября послалъ къ Государю другое прошеніе, въ которомъ просилъ отпустить его въ Нѣжинъ для освященія церкви [2]).

Государь видѣлъ и явно показывалъ, что въ Стефанѣ онъ не нашелъ себѣ сотрудника, способнаго войти въ его мысли и помочь ему въ устройствѣ духовнаго чина и въ искорененіи суевѣрій, тяготѣвшихъ надъ народомъ.

Государь косо смотрѣлъ на распущенность духовенства,—на множество праздно бродящихъ поповъ и монаховъ,—на кликушъ и юродивыхъ, встрѣчавшихся на каждомъ шагу,—на множество вымышленныхъ чудесъ и ложно объявляемыя мощи святыхъ,—на недостатокъ школъ для образованія духовенства и народа и—приписывалъ все это недѣятельности мѣстоблюстителя.

Въ 1716 г., при случаѣ назначенія и посвященія новыхъ епископовъ на открывшіяся вакансіи въ астраханской и вологодской епархіяхъ, Петръ самъ написалъ дополненіе къ архіерейской присягѣ касательно безпокоившихъ его предметовъ архіерейскаго управленія и надзора, потомъ далъ оформулировать это невскому архим. Ѳеодосію, и наконецъ, вторично исправивши составленные Ѳеодосіемъ пункты, 22 января 1716 г. послалъ ихъ при указѣ Стефану [3]).

---

[1]) Кабин. дѣла, II, № 24, л. 368—369.

[2]) Кабин. дѣла, II, № 24, л. 367.

[3]) Мы приводимъ ихъ вполнѣ въ томъ видѣ, какъ они написаны Петромъ:

1) «Кто покажетъ себя явнымъ еретикомъ и разорителемъ заповѣдей Божіихъ, такихъ, по трёхъ увѣщаніяхъ, по апостолу отлучать, а не такъ какъ нынѣ для ссоръ съ собою и своими отлучаютъ всякаго таинства, и не только тѣхъ, но ихъ домовыхъ безразсудно».

2) «Съ противными Церкви съ кротостію и разумомъ поступать, по апостолу: *былъ беззаконнымъ яко беззаконенъ, да беззаконныя пріобрящу, бихъ всѣмъ вся, да всяко нѣкія спасу,* а не такъ какъ нынѣ жестокими словами и отчужденіемъ».

3) «Монаховъ содержать по ихъ правиламъ, не дая скитаться изъ монастыря въ монастырь».

4) «Церквей для прихоти не строить, дабы потомъ не пустѣли, но у довольнаго прихода».

5) «Поповъ для прибытку не умножать, ниже для наслѣдія ставить, но для паствы не лицемѣрно».

IV.

Духовный Регламентъ и учрежденіе Сунода. — Личный составъ Сунода. — Распоряженія Сунода.

Рѣшившись учредить новую форму церковнаго правленія, Государь поручилъ Ѳеофану составить уставъ духовной коллегіи, который въ 1719 году и былъ имъ написанъ подъ заглавіемъ: *Духовный Регламентъ.*

Послѣ того, 11 февр. 1720 г., Государь самъ разсматривалъ Регламентъ, исправлялъ и пополнялъ, затѣмъ отдалъ на разсмотрѣніе Сенату съ духовенствомъ, которыми онъ дважды былъ читанъ и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ объясненъ новыми примѣчаніями, наконецъ подписанъ епископами, архимандритами и сенаторами, бывшими при слушаніи и, въ заключеніе, самимъ Государемъ [1]). Послѣ того посланъ былъ для подписанія въ Москву и въ другія мѣста для подписи не присутствовавшимъ при чтеніи духовнымъ особамъ и, по окончаніи всего, изданъ въ свѣтъ.

Главное побужденіе къ учрежденію Духовной коллегіи заключалось въ томъ, что Церковь, при патріаршемъ управленіи, была независимою отъ государства, и лицо патріарха какъ бы равнялось лицу государеву. Петру казалось это отношеніе неправиль-

---

6) «Для собранія на церковное строеніе или на иную какую нужду свидѣтельствомъ и грамотою за своею рукою и печатью, чтобъ безчестія имени Божія не было отъ бездѣльныхъ тунеядцевъ». Кабин. дѣла, I, № 31 л. 21—22.

1) Въ Манифестѣ объ учрежденіи св. Сунода и изданіи Регламента, составленномъ Ѳеофаномъ, слова: *«понеже въ единой персонѣ не безъ страсти бываетъ; ктомужъ не наслѣдственная власть, того ради влящше не брегутъ»*,— равно какъ слова: *«имѣютъ же всѣ члены сея коллегіи, при вступленіи въ свое дѣло, учинить присягу, или объщаніе предъ святымъ Евангеліемъ, по приложенной формѣ присяги»*, приписаны Государемъ. Послѣ наименованія президента и двухъ вицепрезидентовъ, слова: *«четыремъ совѣтникамъ, четыремъ ассессорамъ»*, приписаны Ѳеодосіемъ, равно какъ и слѣдующая за тѣмъ статья: *«а понеже помянулось въ семъ Регламентѣ въ 1-й части въ 7 и 8 пунктахъ, что президентъ подлежати имать суду своея братіи, сіе есть тойже коллегіи, аще бы въ чемъ знатно погрѣшилъ: того ради опредѣляемъ и голосъ оному имѣть единъ, съ прочими равный»*. Кабин. дѣла I, № 31, л. 30—31.

нымъ и не безопаснымъ. А потому онъ рѣшился ввести Церковь въ общій порядокъ государственной жизни, подчинить ее общей системѣ государственнаго правленія, какъ одну изъ ея вѣтвей, и духовное правительство сдѣлать коллегіей наряду съ прочими коллегіями. Званіе патріаршее уничтожалось само собою. Члены духовной коллегіи, исключая особеннаго рода ихъ дѣлъ, становились такимижъ начальниками въ своемъ вѣдомствѣ, какъ другіе — въ своихъ управленіяхъ, даже съ тѣми же названіями президента, вицепрезидентовъ, совѣтниковъ и ассессоровъ, какъ и въ прочихъ коллегіяхъ. Вмѣстѣ съ этимъ Церковь и духовенство становились въ общую подсудность государству по всѣмъ своимъ дѣламъ и интересамъ, исключая церковныхъ догматовъ и каноновъ. Члены духовной коллегіи должны были, вступая въ эту должность, кромѣ общей присяги по церковному званію, приносить особую присягу на вѣрность Государю по званію членовъ коллегіи.

Какъ мало довѣрялъ Регламентъ образованію духовныхъ пастырей, стоящихъ даже на высшихъ степеняхъ церковной іерархіи, можно судить по слѣдующимъ статьямъ Регламента (дѣла епископовъ, §§ 1—3).

«Должны суть епископы имѣть всякъ у себя соборы селенскіе и помѣстные, и что во оныхъ заповѣдано, какъ ихъ же самихъ чину, такъ и всему клиру должное, знать гораздо, что не можетъ быть безъ прилежнаго и частаго чтенія. Должны наипаче знать степени однородства и сродства и каковыя могутъ вмѣстить въ себѣ супружество, а каковыя не могутъ. Сами бы сіе вѣдали, а не на иного кого спускались, хотя бы и былъ у нихъ искусный въ семъ человѣкъ. А понеже какъ первая, такъ и вторая вышеупомянутая ихъ должность не можетъ добрѣ знаема быть безъ прилежнаго чтенія; а будетъ ли всякъ охотникъ къ чтенію, неизвѣстно: того ради данъ будетъ всѣмъ епископамъ отъ Коллегіума духовнаго указъ, чтобы у всякаго, при его трапезѣ, чтеніе было каноновъ себѣ надлежащихъ, и развѣ тое моглобъ иногда оставится во дни великихъ праздниковъ или при гостяхъ достойныхъ, или за иную нѣкую вину правильную».

Духовная жизнь народа находилась въ такомъ положеніи, что требовала настоятельно мѣръ къ ея улучшенію. Умноженіе и повсюдное распространеніе суевѣрій, самыхъ грубыхъ,—чрезвычай-

ная привязанность къ обрядамъ и формамъ, грубость религіознаго чувства и вкуса, незнаніе самыхъ первыхъ и основныхъ понятій христіанской вѣры и правилъ христіанской жизни составляютъ характерическія черты религіозно-нравственной жизни русскаго народа того времени. Очищеніе и исправленіе ея, возможное только чрезъ наставленія образованныхъ пастырей, существенно входило въ планъ церковно-административнаго и религіозно-нравственнаго преобразованія, предпринятаго Петромъ [1]).

Ѳеофанъ выразилъ эти мысли въ церковномъ словѣ, произнесенномъ по случаю открытія св. Сунода, въ Троицкомъ соборѣ 14 февраля 1721 года, въ присутствіи Государя, при собраніи министровъ и всего генералитета.

«Коей пользы надѣятися отъ правительства духовнаго, кажется мнѣ, есть человѣка умомъ весьма ослѣпленнаго; ибо или невидитъ, или видѣти таковый не хощетъ, каковую нищету и бѣдство страждетъ христіанскій народъ, когда нѣтъ духовнаго ученія и правленія. «У насъ, слава Богу, все хорошо и не требуютъ здравіи врача, но болящіи» Но такъ себе и прочихъ льстятъ сіи окаянницы, якоже иногда во Іерусалимѣ народъ и священство крайнимъ безуміемъ и безсовѣстіемъ ослѣпленны и находящаго гнѣва Божія, по проповѣди пророка Іереміи, невѣдящіи, льстили себѣ сладкимъ льщеніемъ: *миръ миръ, и не бѣ миръ*, яко же помянутый пророкъ свѣтуетъ».

«Какій убо у насъ миръ? Какое здравіе наше? До того пришло, что всякъ, хотя бы пребеззаконнѣйшій, думаетъ себе быти честнѣе и паче прочихъ святѣйшѣе: то наше здравіе. До того пришло, что чуть не вси, бревна въ своемъ оцѣ не ощущающіи, сучецъ усматриваемъ во очесѣхъ ближняго: то нашъ миръ. До того пришло, что и пріемшіи власть наставляти и учити людей сами христіанскаго перваго ученія, еже апостолъ млекомъ напицаетъ, невѣдаютъ. До того пришло и въ тая мы времена родилися, когда слѣпіи слѣпыхъ водятъ, саміи грубѣйшіи невѣжди богословствуютъ и догматы, смѣха достойные, пишутъ, ученія бѣсовская предаютъ, и во преданіи бабіимъ баснемъ скоро вѣруется; прямое же и осно-

[1]) Объ изданіяхъ Д. Регламента и переводахъ его на иностранные языки у *П. П. Пекарскаго:* Наука и литература въ Россіи при Петрѣ В. Ч. II, стр. 519—526. Спб. 1862.

вательное ученіе не точію не получаетъ вѣры, но и гнѣвъ, вражду, угроженія, вмѣсто возмездія пріемлетъ. Таковъ миръ нашъ, такое здравіе наше».

«Видя же сіе видимъ, какъ нужное дѣло твое духовная коллегія; видимъ море купли твоей; видимъ широкую ниву жатвы твоей; видимъ пространный вертоградъ собранія плодовъ тебѣ указаннаго. Аще бо и всѣмъ мѣстнымъ пастыремъ тоежъ дѣло, тотъ же долгъ, но—часть долженства: на тебѣ цѣлое лежитъ. Инымъ мѣсто дому, тебѣ весь сей въ Россіи домъ Божій ввѣренъ. Инымъ дѣлати, тебѣ и дѣлати и, дабы правильно дѣлалось, наблюдати, наставляти и настояти подобаетъ» [1]).

Духовная коллегія, при первоначальномъ ея учрежденіи, состояла изъ президента, двухъ вицепрезидентовъ, четырехъ совѣтниковъ и четырехъ ассессоровъ.

Президентомъ назначенъ рязанскій митрополитъ Стефанъ, бывшій мѣстоблюстителемъ патріаршаго престола.

На его счетъ, или, по крайней мѣрѣ, на счетъ президента, сдѣлано было въ Регламентѣ, съ особымъ удареніемъ, нѣсколько указаній, которыхъ Стефанъ не могъ не замѣтить. «Велико и сіе, что отъ соборнаго правленія неопасатися отечеству мятежей и смущенія, яковыя происходятъ отъ единаго собственнаго правителя духовнаго. Таковому злу во соборномъ духовномъ правительствѣ нѣсть мѣста. Ибо нѣсть здѣ и на самомъ президентѣ великія и народъ удивляющія славы, нѣсть лишнія свѣтлости и позора, нѣсть высокаго о немъ мнѣнія, не могутъ ласкатели безмѣрными похвалами возносити его. Самое имя *президентъ* не гордое есть, не иное бо что значитъ, токмо предсѣдателя; не можетъ убо ниже самъ о себѣ, ниже кто иный о немъ высоко помышлятн. Еще и сіе угодіе церкви и государству отъ таковаго соборнаго правительства будетъ, что въ немъ не токмо единъ нѣкто отъ сосѣдателей, но и самъ президентъ или предсѣдатель подлежати имать суду своея братіи, то есть тому-жде Коллегіуму, ащебы въ чемъ знатно погрѣшилъ» [2]). Стефанъ, конечно, очень понималъ

---

[1]) Θеофана, Слова и рѣчи, ч. II, стр. 66—68. Спб. 1761 г.

[2]) Дух. Регл. ч. I, пунктъ 7.

значеніе этихъ намековъ и не охотно подписался подъ Регламентомъ.

При объявленіи манифеста объ учрежденіи Духовной коллегіи, 25 января 1721 г., опять сдѣлали честь президенту особымъ о немъ упомянаніемъ, что «президентъ подлежати имать суду своея братіи, сі-есть тоіяже Коллегіи, аще бы въ чемъ знатно погрѣшилъ: того ради опредѣляемъ и голосъ оному имѣть единъ съ прочими равный». Чтоже оставалось президенту? Въ чемъ его отличіе? Сидѣть выше другихъ и больше ничего.

Вицепрезидентами назначены новгородскій архіепископъ Ософанъ Яновскій и псковскій епископъ Ософанъ Прокоповичъ.

Ософанъ былъ родомъ изъ польской шляхты. По какому побужденію вступилъ онъ въ монашество, неизвѣстно. Но какая-то тѣнь лежитъ на первыхъ годахъ его монашества. Изъ недавно напечатаннаго письма къ нему новгородскаго митрополита Іова видно, что онъ въ чемъ-то оклеветалъ предъ патріархомъ симоновскаго архимандрита Варооломея, который постригъ его въ монашество и, по изслѣдованіи дѣла, посланъ былъ, какъ клеветникъ, въ оковахъ въ троицкій монастырь въ подначальство. Іовъ, бывшій въ ту пору архимандритомъ троицкаго монастыря, принялъ въ немъ участіе и освободилъ его изъ цѣпей. Сдѣлавшись потомъ новгородскимъ митрополитомъ, онъ взялъ его съ собой въ Новгородъ и опредѣлилъ хутынскимъ архимандритомъ. Въ проѣздъ Государя чрезъ Новгородъ, Ософанъ умѣлъ обратить на себя вниманіе Петра и это произвело въ его судьбѣ роковой переворотъ. Но, съ другой стороны, вниманіе Государя надмило его противъ своего архипастыря, къ которому Ософанъ, забывъ его благодѣянія, началъ относиться съ гордостію и презрительностію. Пользуясь доступностію Государя, онъ началъ обращаться къ нему съ просьбами и доносами, мстя и даже черня передъ Государемъ своего митрополита. [1]) Неизвѣстно, долго ли длились между

[1]) Письмо Ософана къ Государю отъ 27 окт. 1704 года:

«Христоподражательный Царю
извѣстно тебѣ творю.
Новагорода хутына монастыря бывшій келарь Венедиктъ Барановъ
жилъ въ томъ монастырѣ годы
и, не радѣя о обители, собралъ себѣ великіе доходы;
въ нихъ же уповая и возмогши сустою своею усвоилъ себѣ въ помѣстье

ними эти напряженныя отношенія; наконецъ Іовъ рѣшился сдѣлать ему пастырское вразумленіе. «Рукоположенъ еси — писалъ онъ къ Ѳеодосію,— и посвященъ и произведенъ, брате, на начальство духовное чрезъ меня недостойнаго во святой церкви при святѣмъ престолѣ, яко отъ самыя руки Господни (яко и есть) чрезъ худость нашу, еже быти тебѣ во всякомъ послушаніи грубости моея, якоже и обѣщался еси (не мнѣ же обѣщался еси, но Христу Богу) быти послушенъ, не на нѣкое время, но даже до смерти. И вмалѣ, тое презрѣвъ, освоеволился еси, ни мало покоренъ пребывъ, Богу попущающу по твоему зловольству, діаволю же дѣйству, исналъ еси, яко изъ корабля, не токмо на дщицу, но въ самыя свирѣпыя волны самовольства за преслушаніе отъ паствы нашея. Изторже бо тя, яко звѣзду изъ небесе, злый вселукавый сопостатъ діаволъ и, обуздавъ тя яко клячу худую, водитъ тя и на тебѣ ѣздитъ, величаяся яко на свиніи (по видѣнію св. отецъ), аможе хощетъ, дондеже въ совершенную погибель вринетъ и порадуется о погибели души твоея».

«Вѣси ли, егда и обѣщался еси, постризаяся и міра отрицаяся, терпѣти всякое оскорбленіе, тѣсноту, нужду, безчестіе, насмѣяніе, паруганіе, досаду, обиду и иная, ихъ же ни едино что коснеся тебѣ: не бо наведохъ тебѣ что сихъ, видя твое малодушество. Кая же душевная вина или порокъ, рцы ми, изрѣявшая тя отъ мене, отца твоего и пастыря, Богу самому зрящу... Научися, како отцы, въ ихъ же образъ облекохомся, искушенія терпяху... Ты же и до днѣсь ничимъ же искушался еси; но паче возгордѣвся, не искусенъ пребываеши, не сый яко монахъ начальный и послушникъ, но яко дѣтищь дракунъ, или яко (по святому Дороѳею) гни-

---

тогожъ хутыня монастыря приписной монастырь съ принадлежащимъ доходомъ, гдѣ уже пребывая пасется на стремнинахъ страстныхъ безъ всякаго страха, и похищаетъ и расточаетъ тамо монастырскія стяжанія; а про то извѣстно и архіерейству. И нынѣшняго сентября 17 дня, во время шествія Вашего изъ Новагорода, изволилъ Ты мнѣ приказать того бывшаго келаря взять въ хутынь монастырь и жить въ братствѣ: и онъ чернецъ Твоему повелѣнію учинился послушенъ и силенъ. Ктомужъ и архіерей нашъ, увѣдавъ о томъ Твоемъ повелѣніи, мнѣ взять его возбраняетъ, и меня убогаго проклинаетъ за то, аще жъ по велѣнію Твоему творю. И о семъ какъ изволишь? Вашего величества нижайшій рабъ и молитвенникъ, старецъ Ѳеодосій, архимандритъ хутынскій. 27 окт. 1704 года».

лый хлѣбъ. Видя убо азъ твое двоедушество, никогда тя чимъ искусихъ и оскорбихъ, но паче всегда благоугодная тебѣ творяхъ, работахъ тебѣ вся дни, за яже купносельникъ былъ еси мнѣ во обители святотроицкой и въ домѣ нашемъ архіерейскомъ,—не яко отецъ и начальникъ, но яко купленный рабъ; — не допустихъ тя ни о единой потребѣ тѣлесной и келейной попещися, вся тебѣ готова бяху на всякъ день, яко владыцѣ нѣкоему... Яже подобаше тебѣ послужити на мнѣ, азъ тая вся тебѣ служилъ. И сія вся въ ничто вмѣнилъ еси. Никогда отъ тебѣ получихъ ниже малѣйшую честь, не юже отцемъ, но ниже равному брату подобающую. Азъ же, отецъ, ни поне слово благоговѣйное когда слышахъ отъ тебѣ, но многащи досадная, безчестная и наглая, мужицкая, поселянская, дурацкая; много же паче нынѣ словеса претерпѣхъ отъ тебѣ не точію гдѣ-либо келейно, но и народно: коликощи яко изумленный, или яко блекотливый козелъ навопилъ еси на мя, и внѣшные человѣки своимъ злогласіемъ назвопилъ еси, яко диво нѣкое. Но да не вмѣнитъ тебѣ сія Господь, понеже не отъ тебе сія; но діаволъ пакостваше ми чрезъ тебе, иже, обуздавъ тя, исторже (яко волкъ хищникъ) отъ мене отца твоего. Аще и ты, гордяся худостію моею, не хощеши мя имѣти себѣ и звати отца и пастыря, но, благодатію Святаго Духа, отецъ тебѣ, аще послушливъ бы былъ еси и покоренъ, и есмь и буду. Нынѣ же, отрицающуся тебѣ имѣти мя отца и пастыря, кто еси и откуду?.. Скачеши, яко козелъ, высоко, но бойся, да не поползнешися глубоко. Въ толико достигълъ еси непстовство, яко положилъ еси въ гордости твоей усто твое на небо, а языкъ твой преходитъ по земли. Единъ ты человѣкъ мнишися быти, иного же ни единаго человѣка вмѣнилъ еси, но вся люди блядеши, нарицая свиніи; единаго себе мниши нѣкоего быти. Внемли, гдѣ еси и на коемъ степени житія. Уврачися, брате, отъ лютыхъ сихъ, молю тя, не вдавайся въ волю діаволю. Аще же азъ тя чимъ соблазнихъ или оскорбихъ, отдаждь ми, яко невѣждѣ сущу. Аще въ упрямствѣ своемъ сатанинскомъ пребудеши, вѣждь, яко по малѣ времени злѣ пострадеши и благодать, данную тебѣ, погубиши. Или мниши мудра быти себѣ? Никако, глаголю ти. Мудрость бо, свыше сущая, мирна, кротка, благопокорна; въ тебѣ же ни едино сихъ зрю. Но вопроси мя о себѣ: кто еси? Азъ тебѣ скажу: буй еси, ненаказанъ, грубянинъ, селчугъ не людскій, вепрь

дивій, свирѣпому звѣрю подобноправенъ еси, вельбуду гнѣвливому подражатель еси. Сими имены не тебе (понеже человѣкъ еси) зову, но непокорство и злоправіе твое, показующая тя такова достойна сихъ именъ. Отвержи отъ себѣ упрямство и непокорство, и буди благопокорливъ, и будеши истинный Феодосій архимандритъ, человѣкъ истиненъ, благъ, кротокъ, терпѣливъ, благодаренъ и *богоданный*, ошаяся отъ всякаго злоправія. Аще возмнится тебѣ сія оскорбляюща тя, обращающуся тебѣ не тебѣ вмѣнятся, но ратоборецъ діаволъ понесетъ тая, ты же ублажишися... Возложи на мя скорбь твою сію, азъ, елико могу, понесу, точію буди покорливъ и послушливъ и смиренномудръ: мало потерпи, яко мудръ нѣкій, малоумію моему, и Богъ поможетъ тебѣ. Не ненавидя тя, ниже проклиная весьма, но отъ болѣзненна сердца на обращеніе тя взывая, сія написахъ, аще послушаеши мя. Вѣмъ, яко жестокъ еси и жила желѣзна выя твоя; но есть Богъ, обращаяй въ сердца морская горы и изъ камене источаяй воды, зеленую смоковницу сушая, а сухій жезлъ зеленія, водою попаляя, а огнемъ орошая, смиренныя возвышая, гордыя же понижая. Тойжде гордую твою выю сломити и въ пятослѣчену можетъ сотворити. Умъ имущему довольно» [1]).

Въ концѣ 1707 года Іовъ отправилъ его, вмѣстѣ съ Софроніемъ Лихудомъ, въ Москву за типографіей Симеона Полоцкаго, которую онъ выпросилъ у Государя; а Государь послалъ его въ С. Петербургъ, поручивъ ему осмотрѣть церкви и духовенство новозавоеванныхъ городовъ — Ямбурга, Нарвы, Копорья и Шлиссельбурга. Въ бытность въ С. Петербургѣ онъ первенствовалъ въ нѣкоторыхъ важныхъ духовныхъ церемоніяхъ. Въ 1710 году онъ обручалъ и потомъ вѣнчалъ племянницу государеву, великую княжну Анну Іоанновну съ Курляндскимъ герцогомъ [2]).

---

[1]) Вполнѣ напечатано въ Лѣтописяхъ русской литературы и древн. изд. Тихонравовымъ, 1859 г. кн. 2, отд. III. стр. 154—159.

[2]) Въ одномъ изъ современныхъ иностранныхъ описаній этого брака говорится, что его совершилъ архимандритъ на русскомъ языкѣ; въ другомъ — что бракосочетаніе было совершено русскимъ архимандритомъ, который изъяснилъ Герцогу сущность обряда на латинскомъ языкѣ и на томъ же языкѣ спросилъ его о его согласіи. (Описаніе С. Петербурга и Кронштота въ 1711 году. Спб. 1860 г.) По свидѣтельству Берхгольца, Феодосій незналъ по-латини (Дневн. Т. II, стр. 144). Но это — невѣрно. На представленномъ Государю отъ

Въ 1712 году Ѳеодосій опредѣленъ архимандритомъ новоосно-ванпаго невскаго монастыря, для котораго выпросилъ у Госу-даря нѣсколько вотчинъ, отписныхъ отъ сергіевскаго монастыря и новгородскаго архіерейскаго дома.

Перенесши резиденцію въ С. Петербургъ, Петръ сдѣлалъ его второю столицею государства, и хотѣлъ учредить въ немъ церковное управленіе, сообразное съ его достоинствомъ. Если бы м. Стефанъ былъ въ его духѣ, Государь, безъ сомнѣнія, перевелъ бы его въ С. Петербургъ: но Стефанъ не нравился ему. Новго-родскій митрополитъ Іовъ, ближайшій и законный епископъ с. пе-тербургскаго края, былъ старъ и хворъ и, по своимъ понятіямъ, не годился для Петра. Не рѣшая этого дѣла окончательно, Петръ учредилъ въ С. Петербургѣ временное церковное управленіе, назначивши тамъ администраторомъ духовныхъ дѣлъ Ѳеодосія. Назначеніе — весьма почетное, потому что, находясь постоянно подлѣ Государя, Ѳеодосій дѣлался ближайшимъ совѣтникомъ его по церковнымъ дѣламъ и заслонилъ собою Стефана и, можно ска-зать, всѣхъ архіереевъ. Ѳеодосій скоро понялъ свое положеніе, вошелъ въ мысли Петра и сдѣлался для него необходимымъ че-ловѣкомъ. Поѣздка его съ Государемъ и Государыней за границу, гдѣ онъ былъ при нихъ почти неотлучно впродолженіи трехъ лѣтъ (1716—1718), еще больше сблизила его съ ними.

Стефану и прочимъ русскимъ архіереямъ не нравилась эта близость Государя къ Ѳеодосію, потому что они разумѣли его не съ лучшей стороны. Царевичъ Алексѣй и его приближенные счи-тали Ѳеодосія лютеранномъ и лютеранскимъ апостоломъ въ Рос-сіи. Царевичъ говаривалъ: «развѣ-де за то батюшка его любитъ, что онъ вноситъ въ народъ люторскіе обычаи и разрѣшаетъ на вся». Приближенные его выписали изъ полтавской службы стихъ, начинающійся словами: *врагъ креста Христова*, и пѣвали его къ лицу архимандрита Ѳеодосія, говоря, что когда будутъ ста-вить его въ архіереи, то пригоже будетъ пѣть это на облаченьи. А учитель царевича, Никифоръ Вяземскій съ потою оный стихъ

Синода проэктѣ письма къ восточнымъ патріархамъ объ установленіи Синода, Ѳеодосій сдѣлалъ приписку: «сочинено преосв. Ѳеофаномъ псковскимъ на ла-тинскомъ языкѣ, на которомъ и красоту лучшую имѣетъ». Кабин. дѣла, II, LVII, л. 80—83.

написалъ и говаривалъ, что я бы-де пять рублевъ далъ пѣвчимъ, чтобъ то пропѣть для того, что онъ иконъ непочитаетъ» [1]).

По возвращеніи въ С. Петербургъ, Ѳеодосій уже пользовался полною довѣренностію Государя и, по церковной администраціи, стоялъ выше всѣхъ архіереевъ. Довольно указать на одинъ докладъ его Государю, чтобы понять его могущество, а вмѣстѣ съ тѣмъ и направленіе его понятій.

Это — докладъ о крестовыхъ священникахъ и волочащихся монахахъ. «О священникахъ крестовыхъ учинить бы предѣлъ, кому держать, кому не держать; понеже отъ оныхъ многое безчиніе и унять ихъ невозможно. И ежели кому позволится крестоваго попа держать, дабы той господинъ повинен былъ приходскимъ своимъ священникамъ дать такой же трактаментъ, какой оному крестовому на годъ даванъ будетъ, и за всякое его безчиніе обязанъ бы былъ отвѣтствовать. А ежели инкому непозволится, штрафовать бы оныхъ волочащихъ поповъ чѣмъ тяжкимъ, хотя на время и до каторжской работы, дабы прочіе страхъ имѣли и безъ отпусковъ своихъ архіереевъ не волочились. На заставахъ заказать бы накрѣпко, дабы поповъ и черпцовъ, хотя и начальныхъ, которые не позваны будутъ и отъ своихъ архіереевъ не явятъ пропусковъ, къ Санктпетербургу не пропускать; такожде и нищихъ волочагъ, понеже и отъ тѣхъ не малое зло въ людяхъ бываетъ. Изъ Сената послать бы указы ко всѣмъ архіереемъ, дабы они по своимъ епархіямъ заказали накрѣпко, чтобъ безъ ихъ вѣдома изъ собственной руки, всякаго духовнаго чина какъ подначальные, такъ и начальные, въ Санктпетербургъ приходить не дерзали, а ежели не такъ, то отъ волочагъ оборонится не возможно» [2]).

Въ тоже время онъ разослалъ ко всѣмъ закащикамъ с. петербургскаго края инструкціи, какъ имъ наблюдать за церковными дѣлами въ своихъ благочиніяхъ. Отъ этихъ инструкцій вѣетъ ужъ духомъ Регламента. «Съ приходскими священники усматривать, чтобъ, въ потребахъ св. таинъ, ко всякому лицу никаковыя остановки не было и таинство св. крещенія коемуждо священ-

---

[1]) *Устрялова*, Исторія Петра Великаго, т. VI, стр. 201. 215. 218.

[2]) Кабин. дѣла, I. № 31, л. 235.

нику кому либо отправлять въ церкви, кромѣ самыя нужды больныхъ младенцовъ; понеже многіе священники, по своимъ прихотямъ ина себѣ прибытковъ и свыше подобающихъ потребъ, входятъ въ знатные домы, а по убогимъ и для самыхъ нужнѣйшихъ требъ ходить лѣнятся. Емужъ смотрѣть и провѣдывать на крѣпко бродящихъ и тайно въ домѣхъ живущихъ монаховъ и священниковъ, которые живутъ безъ указовъ»[1]).

Въ 1718 году, по дѣлу царевича, Государь приказалъ Ѳеодосію отрѣшить отъ петропавловскаго собора весь причтъ, начиная съ протопопа до церковныхъ причетниковъ, а на ихъ мѣста опредѣлить другихъ добрыхъ людей немедленно. Точно также нужны были священники для другихъ церквей С. Петербурга и ново-завоеванныхъ городовъ. И Ѳеодосій, по своему усмотрѣнію и выбору, переселялъ «доброжительныхъ и ученыхъ» священниковъ въ С. Петербургъ, нестѣсняясь ни ихъ желаніемъ, ни согласіемъ мѣстныхъ архіереевъ[2]).

Точно также онъ собиралъ со всей Россіи лучшихъ монаховъ для невскаго монастыря «въ надежду архіерейства, чтобы здѣсь жили, и можно бы знать, чтобъ такихъ не поставить, какъ тамбовскій и ростовскій были». (Полн. собр. зак. Т. V, № 3239). Это распоряженіе страшно взволновало малороссійскіе монастыри. На переселенье въ С. Петербургъ монахи смотрѣли въ ту пору, какъ на ссылку въ Сибирь, а монастыри — какъ на самую тяжкую повинность и отдѣлывались отъ нея всѣми способами.

---

[1]) Духъ Христіанина, 1863—1864 г. кн. III—IV. Прилож. стр. 17.

[2]) Письмо Ѳеодосія къ П. А. Толстому, отъ 2 дек. 1718 года:

«Сего мая 2 дня 718 получилъ я, за подписаніемъ вашего сіятельства, письмо, въ которомъ объявленъ его царскаго пресвѣтлаго величества именной указъ о отрѣшеніи петропавловскаго собору, что въ с. петербургской крѣпости, протопопа Георгія и священниковъ и діаконовъ и церковныхъ причетниковъ отъ того собору, а на ихъ мѣста о опредѣленіи другихъ добрыхъ людей немедленно, и о томъ ваше сіятельство увѣдомить. На которое вашему сіятельству доношу: противъ вышеявленнаго его царскаго величества именного указа отрѣшеніе протопопу и священникомъ и діакономъ и церковнымъ причетникомъ отъ того собору и на ихъ мѣста другихъ добрыхъ людей опредѣленіе учиню вскорѣ, и уже роспись подана давно сіятельному графу Мусину-Пушкину о доброжительныхъ и ученыхъ священникахъ, которому повелѣно, по моимъ росписямъ, отправлять. Вашего сіятельства всеблагожелательный молитвенникъ и слуга Ѳеодосій архимандритъ. Изъ монастыря невскаго». (Госуд. архив. Дѣла царев. Алексѣя. Кикинскій Розыскъ. Карт. XII. № 127).

Кому бы ни принадлежало это распоряженіе, но какъ исполнителемъ его былъ Ѳеодосій, то на него же и обрушился ропотъ монаховъ и монастырскихъ властей.

Ѳеодосій не забывалъ и матеріальнаго благосостоянія своего монастыря. Еще въ 1712 году онъ отписалъ къ нему часть вотчинъ отъ сергіевскаго монастыря и новгородскаго архіерейскаго дома. Послѣ того онъ выпросилъ у Государя указъ, чтобы обращать на строеніе невскаго монастыря келейныя вещи и деньги, оставшіяся послѣ умершихъ архіереевъ и архимандритовъ [1]). Это очень не правилось архіереямъ и архимандритамъ. Они считали это оскорбленіемъ братства, да и видѣли, что эти поборы идутъ не столько на церковное строеніе, какъ на другіе расходы.

Устроившись самъ, Ѳеодосій вспомнилъ и о родныхъ. Въ маѣ 1719 года онъ просилъ Государя о своихъ родственникахъ, чтобы дать имъ вотчины на пропитаніе [2]).

---

[1]) Письмо Ѳеодосія къ Государю, 17 апр. 1719 года:

«Всемилостивѣйшій государь! Прошлаго 1718 года доносилъ вашему величеству въ Москвѣ казанской вице-губернаторъ о келейныхъ преставльшагося Самсона митрополита астраханскаго деньгахъ, которыя вы изволили опредѣлить на строеніе въ невскій монастырь: дабы нынѣ повелѣно было собственнымъ вашего величества милостивѣйшимъ указомъ оныя деньги и прочія важную цѣну имущія вещи, по описи Михаила Чирикова, изъ Астрахани доставить въ невскій монастырь. А ежели тѣ деньги и прочія вещи расхищены или куда на не государственные расходы употреблены, или что на оныя куплено,—сыскавъ собрать и купленное прислать въ помянутой монастырь безъ утайки. Такожде и прочихъ епархій преставляющихся архіереевъ келейныя деньги и вещи собирать бы, для поспѣшенія строенія, въ помянутой же монастырь, въ помощь государственной казны, понеже суммы помянутой монастырь будетъ требовать. А изъ помянутыхъ выморочныхъ денегъ и вещей нѣкоторыя промежъ рукъ и туне пропадаютъ. Вашего величества нижайшій рабъ и всеблагожелательный молитвенникъ, Ѳеодосій архимандритъ»(Каб. дѣла, II, XLI).

Отъ 30 апр. 1719 г. письмо его къ Императрицѣ—съ прозьбою о присылкѣ въ новоначатый въ невскомъ монастырѣ огородъ сѣмянъ огородныхъ, «не ради чего иного, только чтобъ вѣрны были во всходѣ, а ежели изъ ряду взять, то опасно, чтобы земли даромъ невсходныя сѣмена не заняли.» (Госуд. арх. Собр. писемъ разныхъ лицъ къ Екатеринѣ I).

[2]) «Всемилостивѣйшій государь, благоутробно услыши моленіе раба твоего. Обличаетъ мя писаніе святое, которое глаголетъ тако: *аще кто о своихъ, паче же о присныхъ не промышляетъ, вѣры отвержся есть и невѣрнаго горши есть.* Мнѣ же иного промышленія о оныхъ нѣтъ, токмо припасть къ щедротамъ вашего величества: понеже имѣю сродниковъ ближнихъ, не яко отъ единыя крови, но отъ единыя утробы, которые обрѣталися и обрѣтаются въ службѣ ва-

Ѳеодосій и самъ по себѣ былъ запосчивъ и неуживчивъ, не умѣлъ ладить съ людьми; а своимъ надменнымъ тономъ и властительскимъ вмѣшательствомъ въ чужія дѣла онъ оттолкнулъ отъ себя всѣхъ и нажилъ себѣ враговъ всюду — между свѣтскими и духовными, знатными и простыми, въ бѣломъ духовенствѣ и монашествующемъ.

Онъ самъ пошмалъ свое положеніе и просилъ Государя уволить его отъ дѣлъ и отпустить на покой — на безмолвіе. «Всемилостивѣйше доношу вашему величеству мизерный, — писалъ онъ къ Государю, — умножишася паче власъ главы моея ненавидящіи мя туне, а причины, за которыя ненавидятъ, суть сія.

Изъ духовныхъ: 1) за приказаніе духовныхъ дѣлъ, мимо архіереевъ, въ резидующемъ семъ мѣстѣ; 2) за взятье изъ Москвы и изъ другихъ мѣсть доброжительныхъ священниковъ и діаконовъ къ санктпетербургскимъ церквамъ, по поданнымъ отъ мене реэстрамъ; 3) рязанскій архіерей за конференцію о поученіи его, на которой изъ духовныхъ, кромѣ его, былъ только я, гдѣ и приразился, поборая по правдѣ, не мало оному.

Изъ не духовныхъ: 4) за приписаніе изъ новгородской епархіи нѣкоторыхъ монастырей и сергіева монастыря вотчинъ къ невскому монастырю; 5) за взятье изъ домовъ архіерейскихъ и лучшихъ монастырей, по поданнымъ отъ мене реэстрамъ, доброжительныхъ іеромонаховъ и іеродіаконовъ, а именно: судей, келаревъ, казначеевъ, соборныхъ старцовъ и прочихъ чиновныхъ и печиновныхъ лучшихъ въ невскій монастырь; 6) за перемѣну тихвинскаго архимандрита.

Изъ не духовныхъ принципальныхъ и не принципальныхъ персонъ: 7) за крестовыхъ и прочихъ волочащихся поповъ, стар-

---

шего величества, а иные и животъ свой въ оной положили и отъ потомковъ ихъ тогожъ надѣятися мощно. А вотчинъ и помѣстій за ними, кромѣ зѣло скудныхъ ихъ усадебъ, нѣтъ ни единаго двора и живутъ въ крайнемъ мизерствѣ.

Того ради припадая молю ваше величество, всемилостивѣйше да повелится онымъ на пропитаніе дать хотя дворовъ вѣсколько крестьянъ изъ дворповыхъ или изъ выморочныхъ прочихъ помѣщиковъ въ смоленскомъ уѣздѣ, дабы я грѣшникъ, противъ моего званія, ради оныхъ моихъ сродниковъ, въ чемъ не погрѣшилъ. Вашего величества нижайшій рабъ и всеблагожелательный молитвенникъ, Ѳеодосій архимандритъ». (Кабин. дѣла, Отд. II, № XLI).

цевъ и старицъ, которыхъ предостерегалъ, чтобъ не держали; 8) за раскольниковъ, которыхъ помѣщики и не помѣщики знатные защищаютъ, и сами раскольники злорѣчатъ; 9) за Ивана Сияновна, который во флотѣ оберъ іеромонаху и другому іеромонаху обиду учинилъ, за которыхъ, по должности моей, а по прозьбѣ ихъ, просилъ сатисфакціи, гдѣ надлежитъ, которая не токмо не учинена, но и враждебно противъ оныхъ и меня поступаютъ.

Изъ всего поспольства: 10) за свѣчи по церквамъ всуе жегомыя, о которыхъ священникамъ приказывано, чтобъ чрезъ потребу не жгли[1]); 11) за пречистыя тайны, о которыхъ священникамъ приказывано, чтобъ оныхъ за лекарство аптекарское здравымъ и больнымъ младенцамъ не употребляли, но по крещеніи, причастивъ единою, оставляли бъ непричастныхъ до познанія добра и зла. И иныхъ причинъ къ помянутой ненависти набралось бы много, но не вмѣстятся на сей бумагѣ. Изъ которыхъ ненавистниковъ многіе вредятъ всякимъ злорѣчіемъ[2]), не токмо въ народъ и между собою, но и предъ вашимъ величествомъ и сумнѣваюся, негли и поврежденъ давно.

Того ради, припадая къ милосердію вашего величества, прилежно молю; да будетъ повелѣно прочее время мизернаго моего живота скончать мнѣ въ черническомъ безмолвіи, до не горше что безвинно пострадаю. Вашего величества всенижайшій, всеблагожелательный молитвенникъ, Осодосій мизерный»[3]).

Вмѣсто увольненія на покой Петръ, приказалъ поставить его въ новгородскіе архіепископы, а съ утвержденіемъ Синода назначилъ его, изъ уваженія къ его лѣтамъ и заслугамъ, первымъ синодскимъ вице-президентомъ.

---

[1]) Инструкціи Осодосія духовнымъ закащикамъ новоприсоединенныхъ городовъ въ Духѣ Христіанина, 1863—1864 г., кн. 3 и 4; прилож. стр. 15—19.

[2]) Злорѣчіе постоянно — теперь и послѣ — шло по слѣдамъ Осодосія. Въ апрѣлѣ 1722 г. пѣвчій новгородскаго архіерейскаго дома, Варѳоломей Осдоровъ, донесъ св. Синоду, что подьячій солянаго правленія Дометій Корнышевъ, увидавши запертою часовню у воскресенскихъ воротъ, спросилъ у него Осдорова: отчего она заперта? Осдоровъ указалъ на печатное объявленіе, которое наклеено было на дверяхъ часовни. Корнышевъ, прочитавши объявленіе, «началъ злословить Осодосія, причитая упраздненіе часовенъ къ единому лицу его преосвященства и имя его употребляя предосудительно». Корнышевъ поплатился за это спиною. (Дѣла архива св. синода, 1722 г. № 21).

[3]) Кабин. дѣла, II. № XLI.

Но и въ новомъ званіи онъ не снискалъ любви ни у духовенства, ни у народа. Духовенство не любило его за то, что онъ обращался съ нимъ надменно, смотрѣлъ на великорусскихъ архіереевъ съ презрѣніемъ, а прочихъ — архимандритовъ и протопоповъ ни во что не ставилъ. «Только себя любилъ, писалъ о немъ казанскій митрополитъ Сильвестръ, а братію весьма ненавидѣлъ. Еще же по остроželчію своему дисноцно вымышлялъ, какъ бы брату своему пакость сотворить, а иногда искій, кого бы и поглотити». Кромѣ того, подъ рукою, ходили слухи, что онъ бралъ съ архіереевъ и архимандритовъ дары и за это вознаграждалъ ихъ доходными мѣстами и оберегалъ отъ доносщиковъ. Народъ не могъ извинить ему его прихотливой жизни, оскорблявшей въ его лицѣ санъ епископа и званіе монаха [1]).

Петръ, безъ сомнѣнія не все зналъ о Ѳеодосіѣ, а то, что видѣлъ и зналъ, не казалось ему ни дурнымъ, ни предосудительнымъ для духовнаго лица. У него идея всегда шла впереди факта и заслоняла собою фактъ. Ему нравились понятія Ѳеодосія: что нужды, что онъ живетъ, не какъ подвижникъ? За то разумѣетъ дѣло и проводитъ хорошія понятія въ церковномъ правленіи. Ему такъ надоѣли разныя благочестивыя продѣлки старыхъ архіереевъ—въ родѣ тамбовскаго и ростовскаго,—ложныя видѣнія, вымышленныя пророчества и другія выдумки разныхъ святошъ, что онъ радъ былъ встрѣтить человѣка съ свѣтлою мыслію и живымъ взглядомъ на вещи, и держалъ и цѣнилъ его, не смотря на недостатки и неровности его личнаго поведенія, такъ, какъ онъ цѣнилъ Меншикова и другихъ.

Екатерина смотрѣла на него глазами Петра и уважала его, какъ вѣрнаго исполнителя государевой воли. Изъ писемъ къ ней Ѳеодосія видно, что онъ пользовался ея милостію и прибѣгалъ къ ея покровительству, когда замѣчалъ, что навлекъ на себя гнѣвъ Государя. Но и тутъ Ѳеодосій не могъ сдержать своей запосчивости. Въ 1721 году Государыня пожаловала ему на панагію алмазовъ, съ тѣмъ, чтобы украсить ими на одной сторонѣ Распятіе, а на другой портретъ Государя. Пожалованныхъ алмазовъ недостало на это украшеніе. Ѳеодосій обратился къ кабинетъ-се-

[1]) Объявленіе казанскаго митрополита Сильвестра о Ѳеодосіѣ въ Приложеніяхъ, № II.

кретарю Макарову и просилъ его доложить Государынѣ, чтобъ она не поскупилась на прибавку алмазовъ, потому что онъ (Ѳеодосій) въ гробъ съ собою панагіи не положитъ, а по смерти его она возвратится въ кабинетъ [1]). Конечно это не могло произвести хорошаго впечатлѣнія на Екатерину. Но, за прежнею близостію, въ продолженіе многихъ лѣтъ еще стушевывались черты грубости и запосчивости зазнавшагося монаха. Алмазы были присланы [2]), панагія сдѣлана и Ѳеодосій носилъ ее, какъ драгоцѣнный даръ Государя, на груди, на голубой лентѣ.

Въ концѣ 1721 года онъ отправился вслѣдъ за Государемъ, вмѣстѣ со всѣмъ Синодомъ, въ Москву и повсюду являлся первымъ духовнымъ сановникомъ, почтеннымъ особенною милостію Государя.

---

[1]) «Благородный и высокопочтенный господинъ Алексѣй Васильевичъ. Всемилостивѣйшая государыня царица и великая княгиня Екатерина Алексѣевна, при походѣ своемъ вынѣ въ Ригу, изволила пожаловать на обѣщанную давно невскому архимандриту панагію алмазовъ, которые отданы господину Черкасову. А, по усмотрѣнію золотыхъ дѣлъ мастера, на украшеніе обоюдное, то-есть Распятія и Персоны государевой вмѣстѣ, оныхъ алмазовъ будетъ мало и ежели-де (сказалъ мастеръ) убрать хорошенько, то на одну сторону къ Распятію или къ Персонѣ государевой надобно къ прежнимъ вдобавокъ алмазовъ на 260 рублевъ. А ежели обѣ стороны убрать равно, то надобно на 1000 рублевъ къ прежнимъ алмазамъ. А прежнихъ алмазовъ число и количество вѣдомо у помянутаго Черкасова.

А понеже оной панагіи невскій архимандритъ въ гробъ съ собою не положитъ, но останется въ монастырѣ въ сокровищѣ церковномъ, на славу царскаго величества, или можетъ, по смерти помянутаго архимандрита, до заслуженія въ такихъ же трудахъ другаго, и въ кабинетъ паки возвращена быть; того ради, помянувъ убогіе труды и многое жданіе настоящаго архимандрита, благоволите оную панагію устроить по обѣщанію, чтобъ знатна была онаго служба. Прочее пребываю вашего благородія всеблагожелательный молитвенникъ, Ѳеодосій архіепископъ новгородскій, архимандритъ александро-невскій. Изъ монастыря александро-невскаго, апрѣля 25 дня 1721 года».

P. S. «Ежели благовременно будетъ, не извольте запамятовать о отдачѣ соляныхъ прибыльныхъ денегъ невскому монастырю на строеніе, отъ промысла тогожъ монастыря»... «О архимандритахъ, которымъ быть въ коллегіи духовной, чтобъ отданы были въ ихъ диспозицію монастыри ихъ со всѣмъ, какъ были прежде описи, чтобъ о томъ изволилъ самъ всемилостивѣйшій Государь повелѣть отъ Каморъ и Штатс-конторъ коллегій президентамъ». (Кабин. дѣла, II, № 57, л. 24, 25).

[2]) Письмо Ѳеодосія къ Государынѣ, отъ 5 мая 1721 года. «Всенижайше

Берхгольцъ, записывавшій каждый день свои наблюденія, нѣсколько разъ упоминаетъ въ своемъ дневникѣ о Ѳеодосіѣ, какъ о первомъ духовномъ лицѣ, пользовавшемся довѣріемъ у Государя. Въ новый годъ (1 января 1722 г.) всѣ синодальные члены, вмѣстѣ съ прочими вельможами, обѣдали у Государя. Описывая этотъ обѣдъ, Берхгольцъ между прочимъ говоритъ: «князь Меншиковъ при немъ (т. е. при Государѣ) и послѣ него вставалъ нѣсколько разъ и ходилъ къ (новгородскому) епископу, садился къ нему и разговаривалъ съ нимъ. Говорятъ, этотъ архіерей имѣетъ большой вѣсъ у Государя и вельможъ и считается ученымъ. На шеѣ у него былъ родъ ордена на голубой лентѣ, съ изображеніемъ на одной сторонѣ распятаго Господа нашего Іисуса Христа и двухъ разбойниковъ, а на другомъ портрета Императора» [1]).

Возвратившись въ С.-Петербургъ Ѳеодосій, въ отсутствіе

благодарю вашему величеству за милостивѣйшее благоволеніе о устроеніи нагіи невскому архимандриту, которая уже начата дѣлать.

При семъ всенижайше доношу вашему величеству о дѣлахъ Салтыкова съ женою его, которые хотятъ, чтобъ дѣло по ихъ желанію было сдѣлано, а виноватаго бъ не было; ктомужъ и чести своей очень берегутъ, и одинъ другому не уступаетъ. Когда она подала челобитную на мужа въ Сунодѣ, тогда его въ Санктъ-Петербурхѣ не было; а когда онъ пришелъ, тогда она изъ Санктъ-Петербурха провалилась, а онъ безъ нее нехочетъ, противъ ея челобитья, отвѣтствовать; отъ чего не малая въ Сунодѣ трудность.

И ежели впредь такъ будутъ поступать, то намъ нечѣмъ будетъ и начать. Не изволители ваше величество увѣдомиться чрезъ царевну, герцогиню Курляндскую, о ея, Салтыковой, отъ мужа въ Митавѣ побояхъ, такожде и у доктора ея высочества, который ежели ея Салтыкову послѣ тѣхъ побоевъ пользовалъ лекарствами, секретарю нашего величества взять бы сказку за рукою онаго доктора, которая бы намъ къ рѣшенію дѣла много помогла: понеже побоевъ смертныхъ и не смертныхъ никто такъ тонко не можетъ разсуждать, какъ докторы». (Госуд. архив. Собр. писемъ разныхъ лицъ къ Екатеринѣ I).

Въ этомъ письмѣ рѣчь идетъ о разводѣ Александры Григорьевны, урожденной Долгоруковой, съ кравчимъ Васильемъ Ѳедоровичемъ Салтыковымъ. Дѣло долго длилось, не смотря на медицинское освидѣтельствованіе побоевъ Салтыковой докторомъ Бидлоо и кончилось уже въ 1730 году. Салтыкова постриглась, послѣ развода, въ нижегородскомъ монастырѣ; а мужъ ея въ томъ же году умеръ. (Подробности у Семевскаго въ книгѣ: Царица Прасковья, стр. 32—44 Спб.1861 г.).

[1]) *Берхгольца*, Дневникъ, ч. II, стр. 13. Москва, 1858. Издатель русскаго перевода Дневника Берхгольца ошибочно отнесъ этотъ разсказъ, вмѣсто Ѳеодосія, къ Ѳеофану Прокоповичу.

Государя и Государыни, бывшихъ въ астраханскомъ походѣ, навѣщалъ и ласкалъ юныхъ царевенъ, приглашалъ ихъ къ себѣ въ невскій монастырь и обо всемъ отписывалъ Государынѣ [1]). По черныя тучи начали уже застилать свѣтлый горизонтъ его счастія.

Другимъ вице-президентомъ духовной коллегіи былъ любимецъ Государя, молодой архіерей, *Ѳеофанъ Прокоповичъ*. Умомъ онъ составилъ себѣ положеніе и пріобрѣлъ довѣріе у Государя, умомъ

---

[1]) Отъ 19 іюня 1722 г. «Всепокорно доношу вашему величеству. По милостивѣйшему позволенію императорскаго величества, дражайшаго супруга вашего, я нижеименованный въ Санктъ-петербурхъ прибылъ и дражайшей санктъ-петербургской неотлучаемой хозяйкѣ визитъ приходилъ отдать; и когда ея высочеству о приходѣ моемъ доложили, тотъ-часъ вспомнить изволила: не тотъ ли-де архіерей, что ягоды приносилъ? Потомъ изволила повелѣть предъ себѣ пріити и пожаловала къ рукѣ, гдѣ я ее высочеству поднесъ книжку *О блаженствахъ*, которую принявъ изволила говорить: я-де умѣю читать и сама, и читала въ бытность мою въ кабинетѣ ея высочества: а-бецетъ-по нѣмецки, и иныхъ рѣчей много изволила говорить рѣчисто и смѣло; а благополучнаго прибытія изъ Москвы въ С.-Петербурхъ любезнѣйшихъ сестеръ изволитъ ожидать вскорѣ». (Кабин. Дѣла, II, № 61; л. 49).

Отъ 28 августа. «Нижайше доношу вашему величеству. Дражайшія отрасли ваши, благодатію Вышняго, въ добромъ здравіи и прилежномъ ученіи пребываютъ, и сего августа 28 изволили быть въ невскомъ монастырѣ всѣ, при ихъ же высочествѣ-племянникъ и племянница, и, отслушавъ литургію, изволили кушать въ настоятельскихъ кельяхъ, и юнѣйшая изволила при столѣ сидѣть на томъ мѣстѣ, на которомъ дражайшій Родитель ихъ высочествъ, бывая въ помянутомъ монастырѣ, изволитъ садиться, а прочія сестры, племянникъ и племянница, близъ ея высочества, по чину изволили сидѣть: которая презенція такъ пріятна была убогому настоятелю, какъ самаго дражайшаго ихъ Родителя. Потомъ изволили смотрѣть строенія монастырскаго, котораго не малая часть со внѣшнюю сторону въ готовности, — которое строеніе похваляя, благодарили Бога и дражайшаго родителя, и тако изволили пойти въ домъ свой. А притомъ изволили отпустить помянутаго настоятеля въ Москву, который на завтрее и отправится».

P. S. «Государыня цесаревна Наталія Петровна прежній страхъ къ духовному чину изволила отложить и, будучи въ монастырѣ, литургію слушала всю и, въ кельѣ послѣ кушанья, крылошане какъ пѣли, изволила близко къ онымъ присутствовать безстрашно». (Тамъ же, л. 50).

Отъ 30 октября. «Милостивѣйшее писаніе вашего величества, отъ 14 октября изъ Астрахани, 23 тогожъ я нижеименованный получилъ, за которое со благодареніемъ Вышнему и вашему величеству благодарствую всепокорно, — которое писаніе порадовало меня не мало, а наипаче веселитъ надежда скораго прибытія вашего величества, со вседражайшимъ Хозяиномъ въ Москву, — которое да дастъ Вышній всѣмъ вѣрнымъ въ радости видѣть, раболѣпно желаю». (Тамъ же, л. 53).

же и поддерживалъ то и другое. Государь часто приглашалъ его къ себѣ и самъ часто бывалъ у него [1]).

Во время этихъ свиданій они обсуживали вмѣстѣ вопросы, касающіеся разныхъ преобразованій въ русской Церкви и въ общемъ строѣ государства. Никто лучше его не входилъ въ духъ мыслей Государя и никто не отзывался съ такого готовностію на его различныя предположенія и преобразованія. За то Петръ и любилъ его. Ѳеофанъ былъ младшимъ изъ епископовъ. Стефанъ и Ѳеодосій были впереди его. Государь отдавалъ имъ предпочтеніе публично въ дѣлахъ службы: но Ѳеофана любилъ и цѣнилъ, какъ сподвижника, какъ одного изъ немногихъ помощниковъ, искренне преданныхъ дѣлу совершаемой имъ государственной и народной реформы.

Каковъ онъ былъ въ Синодѣ и какъ держалъ себя съ Ѳеодосіемъ? Кому изъ нихъ принадлежала инціатива тѣхъ распоряженій, которыми ознаменованы первые годы синодальнаго правленія? Нѣтъ никакого повода приписывать всего Ѳеофану. Ѳеодосій и Ѳеофанъ согласно дѣйствовали въ одномъ направленіи, и въ этомъ направленіи сходились съ Государемъ.—Съ Ѳеодосіемъ Ѳеофанъ былъ уклончивъ, уступалъ ему повсюду первенство и во всемъ преимущество. Но за то Ѳеофанъ первенствовалъ повсюду, гдѣ нужна была живая рѣчь, ораторскій талантъ и умъ, широко образованный. Въ этомъ отношеніи у Ѳеофана не было соперниковъ. Онъ стоялъ безусловно выше всѣхъ архіереевъ своего времени.

Синодальнымъ архіереямъ, въ отличіе отъ прочихъ, дозволено было имѣть шапки съ крестами стоящими, по образу греческихъ и малороссійскихъ архіереевъ и архимандритовъ [2]).

---

[1]) Голикова, Дѣянія Петра Великаго, т. IX, стр. 403. Извѣстный анекдотъ о жалобѣ Яворскаго Государю на Ѳеофана, что онъ весело проводитъ вечера съ свѣтскими, а больше съ иновѣрцами—у Голикова же, т. XV, стр. 212.

[2]) Письмо Ѳеодосія къ Государю, безъ означенія года. «Всемилостивѣйшій великій Государь. По докладу отъ мене нижеименованнаго вашему величеству, было милостивѣйшее позволеніе, чтобъ синодальнымъ архіереямъ имѣть шапки съ крестами стоящими, по образу греческихъ архіереевъ и малороссійскихъ архіереевъ и архимандритовъ. И по тому милостивѣйшему позволенію, изъ пожалованныхъ алмазовъ всеДражайшей супруги вашего величества, великой государыни нашей Императрицы, и изъ новгородской архіерейской

Совѣтниками въ Сунодъ опредѣлены были архимандриты первѣйшихъ монастырей: ипатскаго — Гавріилъ Бужинскій, симонова — Петръ Смѣличъ, высокопетровскаго — Леонидъ и донскаго — Іероѳей Прилуцкій.

Гавріилъ Бужинскій родомъ изъ польской Малороссіи [1]), учился въ кіевской, послѣ того былъ учителемъ и префектомъ московской академіи. Въ видѣ отличія за проповѣдническій даръ онъ назначенъ былъ, по высочайшему повелѣнію, флотскимъ іеромонахомъ, а при учрежденіи Сунода опредѣленъ въ него совѣтникомъ и переведенъ изъ ипатскаго въ троицкій монастырь архимандритомъ. При раздѣленіи между членами Сунода дѣлъ по родамъ ихъ, ему поручены были дѣла о школахъ и типографіяхъ и присвоено званіе «протектора школъ и типографій». Въ 1722 году, вслѣдствіе высочайшаго именнаго указа, онъ назначенъ былъ отъ св. Сунода въ коммиссію для соглашенія россійскаго уложенія съ шведскими и эстляндскими правами, по вопросамъ, касающимся до духовныхъ дѣлъ [2]). По порученію Государя онъ переводилъ много разныхъ сочиненій съ иностранныхъ языковъ на русскій и самъ сочинялъ и исправлялъ, передъ новыми изданіями, церковныя службы и каноны.

Современные иностранцы отдавали справедливость его учености и образованію [3]); а многіе русскіе укоряли его за допуще-

---

ветхой шапки устроилась съ помянутымъ крестомъ шапка, которую предложивъ, всенижайше прошу, дабы прежнее милостивѣйшее позволеніе конфирмовано было великодержавною императорскою всеградайшею десницею. Осодосій архіепископъ новгородскій и архимандритъ александро-невскій».

[1]) Родной братъ его, Прокопій Оедоровичъ Бужинскій былъ протоіереемъ въ слободскомъ Изюмскомъ полку бѣлградской губерніи.

[2]) Св. Сунодъ поручилъ ему «прилежно смотрѣть, дабы во всѣхъ исправляемыхъ и новосочиняемыхъ правахъ, до духовнаго правительства касающихся, какъ священному и духовному чину, такъ и всѣмъ всякаго званія Суноду подчиненнымъ, надлежащее охраненіе и удовольствованіе и достойное коегождо ранга содержаніе было не пренебрежено, и подобающіе респекты не были оставлены, и всякія продерзостныхъ неучтивости крѣпко были возбранены, и никакого духовнымъ передъ свѣтскими ни въ чемъ уменьшенья и неуваженья небылобы; а буде въ чемъ какое случится сомнѣніе, о томъ ему предлагать въ св. Сунодѣ обстоятельные, съ пріобщеніемъ своего мнѣнія, доклады и требовать сунодальной резолюціи». (Дѣла архива. св. Сунода 1722 г., № 26).

[3]) Фандербекъ (Михаилъ Шендь или Схендь, родомъ грекъ, докторъ философіи и медицины, бывшій врачемъ при с. петербургскомъ сухопутномъ гос-

ніе въ своихъ сочиненіяхъ и переводахъ нѣкоторыхъ мыслей, несогласныхъ съ точнымъ смысломъ православныхъ догматовъ и многихъ выраженій, оскорбительныхъ для взыскательнаго слуха. Особенно подверглось нареканію переведенное имъ на русскій языкъ Пуффендорфово Введеніе въ исторію европейскихъ государствъ. Вообще защитники старины связывали его имя съ именами Ѳеодосія и Ѳеофана, какъ главныхъ дѣятелей въ церковной реформѣ того времени.

Прочіе сунодальные совѣтники мало замѣтны среди другихъ своихъ товарищей.—*Петръ Смолинъ* былъ родомъ сербъ и пользовался благосклонностію Петра и Екатерины. Петръ самъ далъ ему изъ патріаршей ризницы панагію и позволилъ ему еще въ санѣ архимандрита носить это отличіе архіереевъ.—*Іеронимъ* высокопетровскій не извѣстенъ ни со стороны учености и образованія, ни со стороны особыхъ заслугъ для Церкви, ни твердостію и прямотою характера, ни строгостію жизни. Вскорѣ, по назначеніи въ Сунодъ, онъ произведенъ былъ въ крутицкіе архіепископы, съ оставленіемъ сунодальнымъ совѣтникомъ, по прежнему [1]).—*Іеровей Прилуцкій*, сперва донской, потомъ новоспасскій архимандритъ, мало извѣстенъ.

Въ 1722 году совѣтникомъ въ Сунодъ опредѣленъ ректоръ

питалъ, написалъ сочиненіе о состояніи просвѣщенія въ Россіи въ то время, — въ 1725 г. — и послалъ его въ Германію къ одному изъ своихъ друзей, инспектору горнаго дѣла въ Трансильваніи и секретарю княжества, Самуилу Келезеру. Сочиненіе это напечатано было въ Acta physico-medica Academiae Cesareae Leopoldino-Carolinae, въ 1727 г. — и переведено на русскій въ Сынѣ Отеч. 1842 г., кн. I) — перечисливши русскихъ ученыхъ духовнаго круга, говоритъ потомъ: «можно бы было сказать здѣсь еще объ архимандритѣ троицкой сергіевой лавры Гавріилѣ, извѣстномъ по переводу Пуффендорфа на русскій языкъ, еслибъ я только не былъ увѣренъ, что вы объ его учености знаете изъ Актовъ лейпцигскихъ ученыхъ».

[1]) Берхгольцъ, бывшій у него въ 1722 г. 26 апр., для приглашенія на обѣдъ къ голштинскаго герцогу, — въ восторгѣ отъ его любезности. «Когда я пріѣхалъ къ архіепископу крутицкому (который живетъ совершенно внѣ города въ прекрасномъ большомъ монастырѣ), онъ принялъ меня очень привѣтливо и угостилъ превосходнымъ бургонскимъ. На прощаньи архіепископъ сказалъ мнѣ, что недавно былъ у него его величество Императоръ, и въ тоже время просилъ меня упомянуть герцогу, какой отличный видъ изъ монастыря, при чемъ, если можно, и уговорить его высочество также оказать ему милость своимъ посѣщеніемъ». (*Берхольца*, Дневникъ, ч. II, стр. 204).

московской академіи, чудовскій архимандритъ *Ѳеофилактъ Лопатинскій*. Объ образѣ его мыслей и чистотѣ его характера можно судить по слѣдующему обстоятельству. Въ 1722 году Государь приказалъ выбрать епископа въ Иркутскъ. Ѳеодосій и Ѳеофанъ выбрали архимандрита кирилло-бѣлозерскаго монастыря Иринарха и, при доношеніи, представили Государю. Но Государь не утвердилъ его, поручивши Макарову сказать Ѳеодосію и Ѳеофану, что хотя Иринархъ и добраго житія, но неученый, между тѣмъ какъ въ Иркутскъ нуженъ человѣкъ ученый, для обращенія тамошнихъ народовъ [1]). Св. Синодъ сдѣлалъ новый выборъ и назначилъ двухъ кандидатовъ — кіевопечерскаго архимандрита Іоаникія Сѣнютовича и флотскаго іеромонаха Рафаила Заборовскаго. Надо сказать, что епископство въ такомъ отдаленномъ краю не слишкомъ привлекало малороссійскихъ ученыхъ монаховъ, которые привыкли видѣть своихъ собратій на высшихъ мѣстахъ церковной іерархіи въ Москвѣ и подлѣ Москвы. Еще при Стефанѣ туда назначенъ былъ Варлаамъ Косовскій, но не поѣхалъ и выждалъ себѣ тверскую епархію [2]). Вѣроятно и въ 1722 году затруднялись найти ученаго архимандрита, который бы съ охотою принялъ иркутское архіерейство. Между тѣмъ Ѳеофилактъ посмотрѣлъ на это другими глазами и, въ 1722 году, быв-

---

[1]) Кабин. дѣла I, № 31, л. 72.

[2]) М. Стефанъ въ доношеніи Государю 12 іюля 1711 г., писалъ: «нынѣ— яко уже вѣдомо есть вашему царскому пресвѣтлому величеству о смерти тверскаго архіерея Каллиста, который пріѣхалъ было въ очередную службу, и ту на Москвѣ преставился сего 1711 г. іюня 23 и погребено тѣло его въ донскомъ монастырѣ,—и нынѣ тотъ престолъ вдоветъ и того дому люди докучаютъ мнѣ, чтобъ имъ дать архіерея. А я, безъ указу вашего царскаго, велѣнія ничтоже въ семъ дѣлѣ творити не дерзаю, только о семъ извѣщаю, что иркутскій епископъ Варлаамъ досель живетъ на Москвѣ и безъ опредѣленія на Сибирь ѣхать не хочетъ. И я о томъ Сенату докладывалъ, и Сенатъ тое опредѣленіе на меня положилъ, а я, Государь, опредѣлять не могу тыя вещи, которыхъ я никогдажъ не видалъ и незнаю, въ какомъ состояніи или разстояніи суть. Да и нынѣшній архіерей сибирскій Іоаннъ Максимовичъ, въ кое время былъ на Москвѣ, такъ сказывалъ, что де онъ не хочетъ архіерея опредѣленнаго, а хощу-де такого, который бы со мною жилъ въ Тобольскѣ мнѣ въ помощь, а иркутскій епископъ не хощетъ при немъ жить, и такъ сіе разногласіе развѣ вашимъ монаршимъ указомъ смирится. И буде иркутскому не ѣхать на Сибирь, благослови Великій Государь перевесть его въ Тверь на мѣсто умершаго архіерея». (Кабин. дѣла Отд. II, № 24).

ши уже сунодальнымъ совѣтникомъ, подалъ въ Сунодъ доношеніе слѣдующаго содержанія: «Увѣдавъ я нижеподписавшійся, что его пресвѣтлѣйшаго императорскаго величества о избраніи въ Иркутскъ архіерея апостольское и, рещи возможно, самое божественное желаніе есть, и видя мало дѣлателей на оную многую жатву угодныхъ, да и просто на самое оное епископство безъ дѣла ему сопряженнаго, аки на едино тѣло безъ души взирающихъ, немногихъ охотниковъ, которые на тамошній архіерейскій санъ избраніе вмѣсто ссылки себѣ вмѣняютъ, дерзаю правительствующему св. Суноду на сіе честное и святое служеніе свою объявить охоту, надѣяся, что мнѣ сіе дерзновеніе не вмѣнится въ любочестіе, ибо симъ болѣзнующіе не иркутскаго, но иного поближе Москвы желаютъ епископства. Ктомужъ я и на Москвѣ, по милости императорской и благоизволенію св. правительствующаго Сунода, не въ голышахъ, ни въ бобыляхъ обрѣтаюсь. Не любочестіемъ убо подстрекаемый, ни иною какою страстію побѣждаемъ, но единою къ Богу и ближнему любовію подвизаемъ, отзываюся съ моею на то охотою. Уповаю бо на Всесильнаго помощь — къ доброму дѣлу всегда всякому отъ Него готова есть, — что возмогу тамо послужити сему богоугоднѣйшему его императорскаго величества намѣренію, то есть человѣческихъ душъ, кровію Христовою искупленныхъ, купно же и своему притомъ спасенію. 14 Іюня 1722 года[1])». Св Сунодъ, представивши своихъ кандидатовъ, вмѣстѣ съ тѣмъ донесъ Государю о Оеофилактѣ, что онъ объявляетъ усердную свою на помянутое служеніе охоту, несмотря на убѣжденіе Сунода, что онъ здѣсь будетъ полезенъ не меньше. Когда Государь, по видимому, медлилъ утвержденіемъ, Оеофилактъ написалъ къ Макарову просительное письмо, въ которомъ повторилъ тѣже заявленія, какъ и въ доношеніи своемъ Суноду. «Примѣръ можно взять — писалъ онъ — отъ Римлянъ, которые на таковыя служенія самыхъ лучшихъ посылаютъ; да и въ дому обрѣтаются образцы, ибо во время прошедшей войны потребенъ былъ при корпусѣ воинскомъ и походѣ фельдмаршалъ, однакожъ, ради нужды, случившейся отъ измѣнниковъ, посланъ былъ отъ корпуса въ Астрахань, а не иной кто

[1]) Кабин. дѣла II, № 61, л. 37—40.

поплоше его, который сдѣлавъ дѣло и возвратился. Тожъ возможно разумѣти и о сей духовной экспедиціи. Кромѣ сего можетъ быть нѣкакая польза и отъ близости съ Китаемъ: тамо бо посланный епископъ [1]) можетъ требовати совѣта или иного чего къ своему званію потребнаго отсюду и скорѣе чрезъ меня получитъ резолюцію» [2]). Государь однакожъ удержалъ его при Синодѣ. Въ слѣдующемъ 1723 г. Ѳеофилактъ посвященъ въ тверскіе епископы [3]).

Синодальнымъ совѣтникамъ, въ отличіе отъ ассессоровъ и прочихъ архимандритовъ, Государь дозволилъ носить золотые наперсные кресты [4]).

Синодальными ассессорами опредѣлены: греческій священникъ Анастасій Кондоиди; протопопы—троицкій Іоаннъ Семеновъ и петропавловскій Петръ Григорьевъ и угрѣшскій игуменъ Варлаамъ Овсянниковъ.

Анастасій, въ монашествѣ *Аѳанасій Кондоиди*, фанаріотскій грекъ, описалъ свою исторію въ письмѣ къ кабинетъ-секретарю Макарову, по поводу какой-то прозьбы своей къ Государынѣ въ 1726 году: «Въ Цареградѣ былъ я при святѣйшемъ патріархѣ константинопольскомъ проповѣдникомъ одинъ: изъ чего не безнадежно по Богѣ моемъ имѣлъ къ произведенію моему время. А при салтанскомъ величествѣ въ кабинетѣ былъ я, во время свѣйской войны съ россійскою короною и бытія въ Константинополѣ графа и кавалера Петра Андрѣевича Толстаго, вторымъ секретаремъ. И въ тое мою

[1]) Въ 1721 году въ Китай посланъ былъ преосвященный Иннокентій Кульчицкій, съ званіемъ епископа переяславскаго, но — непринятъ въ Китаѣ.

[2]) Кабин. дѣла II, № 61, л. 109.

[3]) Въ Кабин. дѣлахъ находятся два доношенія его Государю 1723-го года, съ прозьбами, чтобы: 1) ради пребыванія его въ С. Петербургѣ при Синодѣ отданъ былъ ему домъ рязанскаго архіерея, въ которомъ онъ имѣлъ временное помѣщеніе: 2) дана была какая нибудь мыза, отъ которой бы могъ получать дрова и сѣно: 3) отданы были ему келейныя вещи бывшаго тверскаго архіерея Варлаама, взятыя въ Синодъ; 4) позволено было ему служить въ саккосѣ, по примѣру прежде бывшихъ архіереевъ и въ виду того, что въ саккосахъ служатъ архіереи низшихъ степеней, напримѣръ холмогорскій, коломенскій и прочіе. (Кабин. дѣла II, № 65, л. 428—451).

[4]) Сравн. Берхгольца, Дневникъ ч. 2. стр. 13. — Монастыри, въ которыхъ синодальные совѣтники были настоятелями, сдѣланы синодальными монастырями. (1721 г. 2 февраля).

бытность служилъ я россійской имперіи отъ всея чистыя совѣсти въ самое нужное время свѣйскаго прихода на Украйну и въ полтавскую баталію только, что потомъ принужденъ былъ, всѣхъ моихъ имѣній лишася, лежать въ погребѣ 25 дней, тайно изъ Царяграда спастися уходомъ, и вывезенъ на фурманѣ, обязанъ какъ тюкъ товарный въ рогожкѣ, и везенъ 12 дней: ибо султанской о поимкѣ меня жестокой былъ указъ. И хотя я тогда и спасенъ былъ, однакожъ товарищъ мой грекъ, капитанъ Францышко, пойманъ и лютою за то уморенъ смертію — посаженъ на колъ».

«А о томъ, какъ о тайной моей къ россійской имперіи службѣ, такъ и о всемъ извѣстенъ его графское сіятельство, господинъ Петръ Андрѣевичъ; понеже къ нему была моя тайна приношена и вся вѣдома. И за такія мои вѣрности хотя отъ его графскаго сіятельства былъ и даренъ, но не принималъ ничего, имѣя надежду на мздовоздателя Господа Бога, разсуждая службу и бѣдствованіе мое, поборая по благочестіи, а не для награды».

«Въ то время бѣдствованія моего, секретною пересылкою господинъ графъ Петръ Андрѣевичъ приказалъ мнѣ, обнадежа высокою блаженныя и вѣчнодостойныя памяти его императорскаго величества милостію, чтобъ я какъ нибудь дошелъ Россіи. Но высокою божественною волею, превысочайшую его императорскаго величества особу получилъ видѣти къ турецкой акціи въ Молдавіи: а съ турецкой акціи съ княземъ Кантеміромъ пріѣхалъ въ Россію.»

Это было въ 1716 году. Государь поручилъ Мусину-Пушкину предложить Кондоиди: не хочетъ ли онъ вступить въ русскую службу [1])? Кондоиди согласился и поступилъ на службу въ типографію. Но онъ искалъ только выгодъ и хорошаго положенія, а не труда, а потому и не слишкомъ налегалъ на порученное ему дѣло [2]).

---

[1]) «Вчерашняго дня — писалъ гр. Мусинъ къ Поликарпову 12 іюля 1716 года — царское величество изволилъ ко мнѣ писать о греченинѣ Анастасіи, который живетъ въ Москвѣ въ домѣ Саввы Рагузинскаго, чтобъ его призвать въ службу. Того ради сыщи его и говори, хочетъ ли онъ въ службу всемилост. государя нашего и что будетъ просить въ годъ. И буде хочетъ и станетъ чего просить, о томъ отпиши ко мнѣ немедленно. А быть ему на печатномъ дворѣ у библейнаго дѣла и другихъ.»

[2]) Поликарповъ писалъ къ Мусину-Пушкину 23 декабря 1716 г. «Грекъ Анастасій въ типографское дѣло и въ школьныя науки не вступаетъ, кромѣ

«И отъ того времени,—продолжаетъ Кондоиди,—до опредѣленія моего въ Сѵнодъ, никогда его императорскому величеству дерзнулъ къ награжденію о чемъ стужить. Между же тѣмъ, трудился я въ московской академіи—училъ богословію, изъ которыхъ моихъ учениковъ иные при оной академіи учительми застали, а иные произведены въ Сѵнодъ членами и въ архіерейство».

«А въ прошломъ 1721 году его императорское величество, памятуя мою къ его императорскому величеству и ко всему россійскому государству по благочестію вѣрность, по высокой своея императорскаго величества милости, изволилъ опредѣлить меня въ Сѵнодъ, хотя и говорить по россійски мало умѣюща, по ассессоромъ, а трактаментомъ пожаловалъ совѣтническимъ.»

Трудно было представить, какая была цѣль и какая могла быть польза отъ этого назначенія, при незнаніи Анастасіемъ русской жизни и русскаго языка? — Между тѣмъ онъ насчитываетъ еще много другихъ своихъ заслугъ русскому государству.

«Вашему жъ превосходительству есть не безъизвѣстно (понеже трудъ мой въ вашей дирекціи при кабинетѣ ея императорскаго величества обрѣтается), что высокославныя и вѣчнодостойныя памяти его императорское величество изволилъ меня, нижайшаго богомольца, употреблять въ духовные секретные запросы: котораго превысочайшую волю исполнялъ такъ, елико долженствуетъ чистой совѣсти и истинному послушному рабу. И нынѣ ея императорскому величеству подобнымъ образомъ, хотя и въ маломъ рабскомъ послушаніи, обаче послужихъ и до кончины моея, яко присяжный богомолецъ, служить долженъ».

«Токмо всепокорно молю и прошу ваше превосходительство, дабы, благовременный усмотря часъ, воспомянули о мнѣ, чтобъ въ новомъ опредѣленіи я, нижайшій, за всѣ мои вышепоказанныя службы, былъ не оставленъ: ибо благодарю Бога моего, въ Россіи живу 15 лѣтъ безпорочно. За которую вашего превосходительства ко мнѣ страпному милость и величайшее благодѣяніе, долженъ отъ

библейнаго чтенія, а за труды четырьмя (стами) не доволенъ, какъ признаваю, и хотѣлъ самъ отвѣтствовать письмомъ своимъ. А старики, сіе слышавъ, огорчились, что имъ за труды многіе мзда малая. Чаю, что впредь будутъ письмами отзываться». (Переписка Поликарпова съ графомъ И. А. Мусинымъ-Пушкинымъ въ Государ. архивѣ).

всеусердія моего благодарить и выну за васъ и за всю вашу фамилію всеприлежно Бога молить» [1]).

Вышепомянутый грекъ Фандербекъ не находитъ словъ къ восхваленію его учености и проповѣдническаго дара [2]); но, по край-

---

[1]) Кабинет. дѣла II, 80 л. 106. — Еще прежде того, тотчасъ послѣ назначенія въ Сунодъ, онъ подалъ прошеніе, въ которомъ откровенно объяснялъ свои виды: «понеже всю сея церкви іерархію суду и правленію св. пр. Сунода богомудрый нашъ Императоръ вручилъ есть: чего ради и отъ всея церковныя іерархіи судей сихъ избрати премудрѣ постави въ своихъ регламентахъ. Быть же лицамъ разнаго чина—архіереомъ, архимандритомъ, игуменомъ, протопопомъ. Азъ же единымъ милосердіемъ его жъ имп. величества и благопріятнымъ изволеніемъ св. Сунода, единъ отъ судей сихъ есмь, обаче ни единаго изъ вышереченныхъ титуловъ не имѣю. Чего ради всепокорственнѣ прошу св. пр. Сунодъ, да удостоити благоволитъ мя, аще и ничтоже заслуженнаго, игуменскимъ титуломъ, обаче не по обычаю грековъ или римлянъ, иже титулъ даютъ безъ прибытка, но по обычаю россійнъ, купно дающихъ титулъ съ прибыткомъ. О чемъ же паче молю, да милостивѣйшаго нашего Императора уставленія исполнятся, ово въ подписаніяхъ да не явлюсь азъ единъ безъ титула, ово же да не возмнится мнѣ, яко ложнѣ ношу монашескія одежды. Чего ради да соблаговолите мепя удостоить монашескимъ чиномъ въ монастырѣ, по своему милостивому разсужденію.» — 7 февраля 1722 г. св. Синодъ поручилъ симоновскому архимандриту постричь его въ монашество и потомъ назначилъ толгскимъ игуменомъ. (Дѣла архива св. Синода, 1722 г. № 444).

[2]) «Не могу умолчать о красѣ нашей Греціи, знаменитѣйшемъ архимандритѣ Аоанасіѣ Кондоиди, мужѣ глубоко-ученомъ, которому мало найдется соперниковъ-эллинистовъ. Пока ученость будетъ имѣть хоть какую нибудь цѣну, онъ всегда найдетъ себѣ славу. Аоанасій образовалъ свои превосходныя способности въ италіанскихъ лицеяхъ. Лишь только онъ вышелъ изъ школьныхъ стѣнъ и началъ академическую жизнь, какъ все свое блаженство сталъ находить въ пріобрѣтеніи познаній и началъ ставить для себя священною обязанностію преподаваніе уроковъ. Сдѣлавшись профессоромъ и принявъ на себя званіе проповѣдника, онъ съ такимъ огромнымъ успѣхомъ занимался тою и другою Филологіею, что, еще бывши юношею, наполнилъ славою своею всю Грецію. Онъ всюду находилъ для себя отечество, потому что всюду приносилъ съ собою патріотическія достоинства. Патріархи и предстоятели Восточной церкви утѣшались, смотря на него. Любимый музами, ревнуемый мудрыми людьми, уважаемый великими государями, молдавскій господарь Кантеміръ принялъ его къ себѣ и, на самыхъ завидныхъ условіяхъ, поручилъ ему воспитаніе своихъ дѣтей. Отсюда онъ былъ вызванъ профессоромъ въ московскую греко-латино-россійскую академію. Великій императоръ Петръ съ богословской каѳедры перевелъ его въ Петербургъ и сдѣлалъ его членомъ св. Сунода. Сочиненія историко-церковныя и философско-богословскія, которыя онъ написалъ по порученію двора, и въ которыхъ открывается вся его ученость, можетъ быть скоро выйдутъ въ свѣтъ и непремѣнно еще болѣе увеличатъ его славу».—«Что это за сочиненія Кондоиди — спрашиваетъ преосв. Филаретъ въ Обзорѣ рус-

ней мѣрѣ, нравственная сторона его жизни совсѣмъ не соотвѣтствовала его образованію. Изъ за выгоды онъ готовъ былъ отказаться отъ всего и мы увидимъ эту сторону его души, во всей красѣ, въ процессѣ Дашкова.

Протопопъ *Петръ Григорьевъ* былъ при самсоніевской церкви, потомъ переведенъ въ петропавловскій соборъ, на мѣсто уволеннаго оттуда протоіерея, замѣшаннаго въ дѣлѣ царевича Алексѣя [1]).

Протопопъ *Иванъ Семеновъ* сначала былъ священникомъ въ Москвѣ, въ одномъ изъ лучшихъ приходовъ, потомъ взятъ въ С. Петербургъ къ троицкому собору и, при учрежденіи Сунода, опредѣленъ въ него ассессоромъ. Въ 1723 году онъ чѣмъ-то провинился передъ Петромъ и сведенъ изъ Сунода въ Тіунскую контору; въ 1725 г. онять произведенъ въ ассессоры; въ 1727 назначенъ былъ, вмѣстѣ съ чудовскимъ архимандритомъ Ѳеофиломъ Кроликомъ, въ Коммисію къ сочиненію уложенія; въ 1737 г. переведенъ въ Москву къ благовѣщенскому собору.

Іеромонахъ *Варлаамъ Овсянниковъ* имѣлъ странную судьбу. При учрежденіи Сунода онъ опредѣленъ былъ въ него ассессоромъ и вмѣстѣ оберъ-секретаремъ; 10 марта произведенъ въ игумены угрѣшскаго монастыря; въ 1722 году 1 января уволенъ отъ должности оберъ-секретаря, а въ слѣдующемъ году, за какія-то растраты, былъ арестованъ и содержался подъ карауломъ. На этотъ разъ судьба сберегла его отъ несчастія, но потомъ онъ снова подпалъ подъ судъ. Мы встрѣтимся съ нимъ еще разъ въ печальной исторіи Ѳеодосія.

Намѣреніе Петра, при образованіи Сунода, состояло въ томъ, чтобы, съ одной стороны, ввести въ церковное правленіе представителей всѣхъ классовъ духовной іерархіи, съ другой, черезъ участіе низшихъ членовъ іерархіи въ дѣлахъ и совѣщаніяхъ высшаго духовнаго правленія, приготовить хорошихъ правителей

ской духовной литературы (кн. 2. Спб. 1861 г. № 11, стр. 16—Черниговъ 1833 г. № 8, стр. 27). Если не разумѣются только занятія исправленіемъ Библіи и Слово (въ честь ап. Андрея Первозваннаго): то, не знаемъ о чемъ говоритъ Фандербекъ.

[1]) Въ Кабинетныхъ Дѣлахъ есть прошеніе его къ Государю о дачѣ ему отписаннаго на Государя двора Алексѣя Курбатова на с. петербургскомъ островѣ, въ приходѣ Успенія пресв. Богородицы. (Кабин. Дѣла II, № 65 л. 22).

для епархій. Назначеніе въ Сѵнодъ, на высшія мѣста, малороссійскихъ ученыхъ, получившихъ или кончившихъ образованіе въ польскихъ школахъ, возбуждало народные толки [1]). Назначеніе грековъ въ число сѵнодальныхъ членовъ — Кондоиди и, вслѣдъ за нимъ, Аоанасія Наусія сдѣлано, повидимому, съ тою цѣлію, чтобы имѣть въ лицѣ ихъ протекторовъ въ Сѵнодѣ для восточныхъ христіанъ. Но это назначеніе не оправдалось ни съ какой стороны. Кондоиди хлопоталъ только о деньгахъ, «чтобы было не по обычаю грековъ — честь безъ денегъ, а по обычаю русскихъ — честь съ деньгами». — Наусій ни слова не зналъ по русски. — Кто и каковъ былъ грекъ Ливерій, намъ очень извѣстно. — Когда греческимъ архіереямъ давали въ управленіе русскія епархіи, то посылали съ ними управителей, которые, вмѣстѣ съ архіереями, въ концѣ разоряли духовенство этихъ епархій [2]).

Оберъ-прокуроромъ св. Сѵнода съ 1722 по 1725 г. былъ полковникъ Болтинъ.

---

[1]) Аврамовъ, въ своихъ проектахъ, предлагая возстановленіе патріаршества, совѣтовалъ выбрать патріарха *«изъ природныхъ русскихъ, а не малороссійскихъ польскихъ людей»*, изъ которыхъ составленъ былъ Сѵнодъ. — Родышевскому солдаты, послѣ суда надъ Осодосіемъ, грозили: *«скоро всѣхъ васъ поляковъ перебьемъ»*.— Іеромонахъ троицкаго Сергіева монастыря, Викентій Черницовъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими монахами, недовольные распоряженіями архим. Гавріила Бужинскаго, кричали при всей братіи: *«что за Сѵнодъ и какой Сѵнодъ? Вси де въ Сѵнодѣ поляки.... Отселѣ ихъ всѣхъ поляковъ изгонятъ за малое время въ скорыхъ числѣхъ и изчезнутъ, яко дымъ весь»*. Сѵнодъ, по доношенію Гавріила, 8 ноября 1724 г. поручилъ изслѣдовать объ этихъ словахъ московской сѵнодальнаго правленія канцеляріи и, вслѣдствіе доношенія ея, 24 мая 1725 г., приговорилъ: іеромонаху Викентію Черницову учинить наказаніе плетьми и, для пресѣченія такой вражды, сослать въ братство въ кирилловъ бѣлозерскій монастырь, гдѣ и быть ему до кончины жизни его въ послушаніяхъ неисходну и ни въ какія начальства и монастырскіе чины отнюдь не производить. (Дѣла арх. св. Сѵнода, 1727 г. № 217). Въ Кабин. Дѣлахъ (II, № 80, л. 158) — прошеніе его къ Макарову о заступленіи предъ Императрицей о освобожденіи изъ заточенія. Викентій напоминаетъ о старомъ знакомствѣ ихъ въ Астрахани, гдѣ Макаровъ былъ съ покойнымъ Государемъ.

[2]) Въ 1722 г. назначенъ былъ въ Смоленскъ архіереемъ, бывшій архіепископъ Охридскій, грекъ Филоѳей; а какъ онъ ни обычаевъ, ни языка русскаго не зналъ, то при немъ управляющимъ поставленъ изъ невскаго монастыря іеромонахъ Лазарь Кобяковъ. Въ январѣ 1724 г. Ѳеофанъ докладывалъ Государю, что «Филоѳей въ епархіи ни какихъ дѣлъ неправитъ, но только лако-

Обозрѣвши личный составъ Сунода, мы опишемъ за тѣмъ образъ разсмотрѣнія и рѣшенія дѣлъ въ Сунодѣ и важнѣйшія постановленія его въ первое время послѣ его учрежденія.

Дѣла, подлежащія обсужденію Сунода, какъ высшей инстанціи духовнаго суда и управленія, раздѣлены были между членами по родамъ ихъ. Два члена вѣдали дѣла слѣдственныя; другіе два — раскольническія; еще двое — дѣла училищъ и типографій; наконецъ два ассессора поочередно засѣдали въ Тіунской конторѣ, завѣдывавшей церковными дѣлами столицы и вновь завоеванныхъ городовъ. Члены, завѣдывавшіе отдѣльными частями, рѣшали всѣ входящія дѣла и только важнѣйшія, требовавшія общаго разсужденія и новыхъ законодательныхъ мѣръ, вносили въ общее собраніе [1]).

мится и поступаетъ дерзко». Въ 1727 году, по поводу предъявленнаго на него женою голландскаго посланника въ Константинополѣ денежнаго иска, св. Сунодъ потребовалъ свѣдѣній о немъ отъ резидента Неплюева и, получивши ихъ, доносилъ Государынѣ, «что оный архіепископъ былъ богатъ и, по накупленію своему, будучи въ ахридонской епархіи, по требованію константинопольскаго патріарха, наложилъ на подчиненныхъ ему архіереевъ прибавочную дань, изъ которыхъ одинъ просилъ о бытіи архіепископомъ въ Ахридонѣ и обѣщалъ тое дань платить безъ прибавочнаго на подчиненныхъ расположенія; и онъ архіепископъ Филовей, ссоряся съ тѣмъ, все свое имѣніе истощилъ и, побѣдивъ того соперника, вящшія на подчиненныхъ наложилъ тяжести, — которые били челомъ на него у турецкаго суда и начли на него излишнихъ 7000 левковъ, и за то былъ въ тюрьму посаженъ, изъ которой освободился, занявъ то число левковъ у голландской посольши, которыхъ на немъ въ заплату она и требовала. Да по изслѣдованному въ Сунодѣ о немъ же архіепископѣ Филовеѣ дѣлу, явился онъ архіерей въ правильныхъ винахъ и во взяткахъ весьма подозрителенъ, и имянно: въ священный чинъ поставилъ грамотѣ неискусныхъ, въ томъ числѣ нѣкоторыхъ и безъ слушанья — 57 человѣкъ, и съ таковыхъ ставленниковъ, кромѣ указныхъ пошлинъ, взятками собралъ 783 р. 65 к., да 20 ефимковъ; до отъ образа пресв. Богородицы взялъ 489 р. 62 к., да золота 8 золотниковъ, за что, по правиламъ святымъ и по имянному указу 24 янв. 1714 г., и сана извержению повиненъ». (Госуд. архив.— Кабин. Дѣла, № LXXX, стр. 155).

[1]) Подъ вѣдѣніемъ Сунода находились: въ С. Петербургѣ — Тіунская контора; въ Москвѣ — Приказъ церковныхъ дѣлъ, Монастырскій приказъ, Канцелярія розыскныхъ раскольническихъ дѣлъ, Инквизиторскихъ дѣлъ, Типографія, Сунодальная контора и Духовная дикастерія. — Судьею въ *Тіунской конторѣ* былъ съ 1721 г. калязинскій архим. *Трифиллій*; съ 15 іюля 1723 года, съ званіемъ сунод. ассессора, троицкій протопопъ *Иванъ Семеновъ*. — Въ *Приказѣ церковныхъ дѣлъ* — судьею былъ златоустовскій архимандритъ Антоній; въ *Монастырскомъ приказѣ* — *В. Ершовъ* (изъ московскихъ вице-

По дѣламъ, подлежащимъ совмѣстному разсужденію духовнаго и гражданскаго правительствъ, Сунодъ собирался на конференціи съ Сенатомъ,—въ цѣломъ составѣ очень рѣдко; большею частію, по предварительномъ извѣщеніи Сената чрезъ секретаря или по приглашенію сенаторовъ, также чрезъ секретаря, посылалъ въ Сенатъ одного или двухъ своихъ членовъ, которые дѣйствовали именемъ Сунода.

Сунодъ имѣлъ непосредственный докладъ у Государя. Для этого не было назначено опредѣленныхъ дней. Государь принималъ, когда и гдѣ могъ — во дворцѣ, въ церкви, въ типографіи, и проч. Это продолжалось и при Екатеринѣ. Докладывалъ одинъ или два члена вмѣстѣ, смотря по роду дѣлъ и по назначенію Сунода. Государь нерѣдко самъ бывалъ въ собраніяхъ Сунода и на конференціяхъ сената съ Сунодомъ.

Изъ *распоряженій Сунода* въ первое время послѣ его учрежденія мы укажемъ только на болѣе важныя.

Въ 1721 г., 14 августа, Сунодъ предписалъ: «въ Москвѣ въ успенскомъ соборѣ и въ церкви патріаршаго дома обычнаго патріаршескимъ мѣстамъ поклоненія не творить и находящіяся въ нихъ посохи отобравъ отдать въ ризницу»[1]). — Въ томъ же

губернаторовъ. О немъ Ѳеофанъ писалъ къ Макарову: Кабин. Дѣла, II, № 61, л. 82: «собственно проситъ Сунодъ благородія вашего доложить царскому величеству о Ершовѣ, дабы его, по обѣщаніи своемъ, опредѣлить изволилъ къ дѣламъ въ Сунодъ; ибо безъ таковаго человѣка чтета не малая сдѣлается интересу государственному»; — послѣ него, съ 25 янв. 1723 г., *Кирилъ Чичеринъ*, изъ совѣтниковъ Камеръ-коллегіи; совѣтникомъ — *В. Кафтыревъ*; ассессорами — *Илья Никифоровъ* и *И. Любятинскій*. — Въ *Канцеляріи розыскныхъ раскольническихъ дѣлъ* — судьею былъ *Илліодоръ*; послѣ него, съ 1723 г., *Тобольскій*. — Въ *Канцеляріи инквизиторскихъ дѣлъ* — «первѣйшій инквизиторъ» іеродіаконъ *Пафнутій*; послѣ него съ 1723 г. — келарь саввина монастыря *Александръ Шокуровъ*. — Въ *Типографіи* — директоръ *Поликарповъ*; послѣ него съ 5 дек. 1724 г. *Г. Замятникъ*. — Въ *Московской Сунодальной конторѣ*, съ 20 марта 1723 г. — сунод. совѣтникъ, симон. архимандритъ *Петръ*, съ андроніевскимъ архимандритомъ *Діонисіемъ* и судьею *Тобольскимъ*. — Въ *Духовной вотчинной коллегіи* — сунод. совѣтникъ, крутицкій архіеп. *Леонидъ*, съ двумя архимандритами. — Кромѣ того, наблюденіе за книгопечатаніемъ поручено было, подъ вѣдѣніемъ Сунода, супер-интенденту *Зарудневу* (Полн. Собр. Зак. VI, № 4079); наблюденіе за сунодальными переводчиками, съ 23 сент. 1723 г., сунод. ассессору *Ѳеофилу Кролику*.

[1]) Описаніе документовъ и дѣлъ архива св. Сунода, т. I, стр. 536.

году 22 декабря предписано было: «изъ оставшихъ патріаршихъ мантій и одеждъ приличное къ церковному облаченію отдать изъ Сунода въ неимущія своего довольства церкви; а которыя одежды во оное церковное облаченіе не удобны, таковыя роздать сунодальнымъ членамъ и прочимъ служителямъ по разсмотрѣнію сунодальному, безъ оцѣнки и безъ денегъ»[1]). Разумѣется, это распоряженіе не простиралось на древнія церковныя облаченія и прочую церковную утварь, которая осталась неприкосновенною. При осмотрѣ патріаршей ризницы и библіотеки Голштинскимъ Герцогомъ въ 1722 году, онъ и все сопровождавшее его общество поражены были богатствомъ и великолѣпіемъ священныхъ одеждъ, церковныхъ сосудовъ, крестовъ, митръ, жезловъ и прочихъ драгоцѣнностей, составлявшихъ и до сихъ поръ составляющихъ неприкосновенное достояніе Церкви[2]). — Въ слѣдующемъ году, 12 февраля, состоялось распоряженіе о томъ, чтобы «находящіяся въ казенномъ приказѣ патріаршія серебряныя печати взять въ Сунодъ и слить въ одну массу и употребить то серебро по усмотрѣнію и опредѣленію Сунода».

Между тѣмъ слѣдовали, одинъ за другимъ, указы съ преобразованіемъ религіозно-нравственной жизни народа. — Въ 1721 году 20 марта объявленъ указъ, чтобы «обрѣтающіеся въ Москвѣ на спасскомъ мосту и въ другихъ мѣстахъ листы разныхъ изображеній и службы и каноны и молитвы, которыя сочинены и сочиняются разныхъ чиновъ людьми самовольно, письменныя и печатныя безъ свидѣтельства и позволенія, описавъ все отобрать въ приказъ духовныхъ дѣлъ и запечатавъ держать до указу. А продавцовъ допросить съ очисткою, отъ кого они ихъ получаютъ и кто сочинилъ и печаталъ эти листы»[3]). — Вслѣдъ за симъ, 17 апр. 1721 г. обнародованъ другой указъ о прекращеніи нѣкоторыхъ суевѣрныхъ обычаевъ въ простомъ народѣ. «Въ россійскомъ государствѣ по городамъ и селамъ отъ невѣжъ происходитъ нѣкоторое непотребство, а именно: ежели кто небываетъ во всю свѣтлую седмицу Пасхи у утрени, таковаго акп бъ штрафуя обли-

---

[1]) Тамъже, стр. 751.

[2]) Берхгольца, Дневникъ, ч. II. стр. 143.

[3]) Описаніе документ. и дѣлъ арх. св. Сунода т. I, стр. 163. Полн. Собр. Зак. VI № 3765.

ваютъ водою, и въ рѣкахъ и въ прудахъ купаютъ. И хотя сіе простой народъ дѣлаетъ себѣ будто за забаву праздничную, однако отъ той суетной забавы дѣлается не токмо здоровью, но и животу человѣческому тщета, ибо онымъ отъ невѣжды купаніемъ въ глубинахъ иногда людей потопляютъ или разбиваютъ, а сонныхъ и хмѣльныхъ внезапнымъ обліяніемъ ума лишаютъ; ктомужъ будто бы воспоминаютъ мерзкихъ идоловъ, въ нихъ же былъ нѣкій идолъ Купало, емуже народъ на великъ день приносили жертву онымъ купаніемъ; того ради оный богопротивный и животъ вредящій обычай весьма истребить».

Въ декабрѣ 1721 г. предписано было монастырскимъ властямъ, архимандритамъ и игуменамъ, «чтобы въ монастыри затворниковъ и хапжей и съ колтунами отнюдь не принимать и не держать». Въ слѣдующемъ 1722 г. продолжались законоположенія и распоряженія св. Сѵнода въ томъ же преобразовательномъ духѣ. Въ продолженіе всего этого года св. Сѵнодъ находился въ Москвѣ, гдѣ былъ тогда Дворъ и, въ самомъ центрѣ всѣхъ древнерусскихъ выраженій религіозной и нравственной жизни, наблюдалъ различныя проявленія суевѣрія и ложно понимаемаго благочестія. Указы св. Сѵнода, отсѣкавшіе эти наросты на религіозной вѣрѣ русскаго народа, замѣчательны даже въ историческомъ отношеніи, потому что знакомятъ насъ съ нравственнымъ уровнемъ народной жизни этой эпохи. — Января 19 состоялся указъ, которымъ запрещалось «привѣшивать къ образамъ привѣсы, т. е. золотыя и серебряныя монеты и копѣйки и всякую казну и прочаго приношенаго. Усердствующимъ на такія приношенія велѣно было изъяснять, что на монетахъ иностранныхъ таковыя лица выбиты бываютъ, которымъ при иконахъ святыхъ неподобаетъ быти; а отъ серегъ и прочихъ таковыхъ привѣсовъ иконамъ чинится безобразіе, а отъ инославныхъ укоризна и нареканіе на св. Церковь напоситься можетъ» [1]). — Февраля 22 послѣдовалъ запретительный указъ, «чтобы въ Москвѣ и въ городахъ изъ монастырей и приходскихъ мѣстныхъ церквей ни съ какими образами къ мѣстнымъ жителямъ въ домы отнюдь не ходить, подъ опасеніемъ штрафа. Если же кому

[1]) М. 1722. Полн. Собр. Зак. VI, № 3888 и 3975.

какое обѣщаніе, тотъ самъ приходилъ бы въ монастыри и въ церкви по обѣту. Также смотрѣть, чтобъ съ образами по Москвѣ, по городамъ и уѣздамъ, для собиранія на церковь или на церковное строеніе, отнюдь не ходили; и кто будутъ ходить, тѣхъ брать въ приказъ церковныхъ дѣлъ и слѣдовать. Гдѣ явятся въ домахъ чудотворные образы, слѣдовать о томъ подлинно духовнымъ управителямъ, въ которыхъ годѣхъ и какія отъ котораго образа были чудеса и кѣмъ явно; и ежели таковые образы по достовѣрному слѣдованію гдѣ явятся, и тѣ образы брать въ соборныя церкви и въ монастыри, а въ домахъ отнюдь не держать». — 23 Февраля: «во всѣхъ всероссійскаго государства монастыряхъ колоколовъ не дѣлать изъ казны монастырской, а ежели гдѣ есть разбитые, то и тѣхъ безъ повелительнаго указа изъ св. Сунода не передѣлывать и въ строеніе тѣхъ колоколовъ чрезъ собирателей — прошаковъ денегъ и прочаго не собирать и нигдѣ не просить; а ежели кто вкладчики будутъ въ тѣ монастыри колокола или иное что давать, и то принимать не запрещается; а о старыхъ разбитыхъ колоколахъ присылать въ Сунодъ донесенія»... «Въ Чудовѣ монастырѣ продается приходящимъ людемъ нѣкакой медъ, собственнымъ его чудотворцевымъ называемый; а въ церкви Василія Блаженнаго употребляется въ продажу нѣкакое масло и въ почтеніи содержится; и въ другихъ монастыряхъ и церквахъ подобныя той продажѣ бываютъ. Также во многихъ монастыряхъ и церквахъ обрѣтаются будто чудотворцевъ нѣкакихъ верги, которыя возлагаютъ, якобы для исцѣленія, на младенцевъ, но не безъ скверноприбытной выманы. И разсудивше опасно, что такимъ продажамъ быть не подобаетъ, согласно приговорили: такія продажи, яко подозрительныя и не подлежащія, весьма пресѣчь, дабы отнюдь никто ничего вышеозначеннаго, что за святыню почитается, продавать не дерзалъ, подъ лишеніемъ сана своего и подъ потерянiемъ движимаго и недвижимаго имѣнія. А верги, вездѣ обрѣтающіяся, присылать въ св. Сунодъ безъ всякой утайки, при допошеніяхъ»[1]). — Марта 28 св. Сунодъ, «имѣя совѣтный разговоръ о не полезномъ и слову Божію несогласномъ обычаѣ, который начался и утвердился отъ невѣжды и непо-

[1]) Москва, 1722. Пекарскаго, Наука и Литература, ч. II, стр. 546—547.

лезныхъ вымысловъ нѣкоторыхъ лицъ духовныхъ въ такомъ употребленіи, что предъ св. иконами, внѣ церкви стоящими (на внѣшнихъ церковныхъ стѣнахъ и на градскихъ вратахъ) вжигаются и нощію и днемъ свѣщи безъ всякаго молитвословія, а нѣкоторые невѣжды, оставивши посвященные молитвенные храмы, призываютъ предъ тѣ внѣшнія иконы невѣждъ священниковъ, и молитствуютъ на распутіяхъ и торжищахъ, гдѣ всегдашнее многонародное бываетъ собраніе, и явное чинятъ православнымъ церквамъ презрѣніе, а иноплавнымъ даютъ причину укорительнаго на благочестіе порицанія; притомъ же дошло разсужденіе и о построенныхъ на горницахъ и перекресткахъ, въ селѣхъ и въ другихъ мѣстахъ часовняхъ, которымъ быть отнюдь не надлежитъ, понеже часовни всегда правильнымъ церквамъ препятіемъ бываютъ, ибо нѣкоторые невѣжды и суевѣрцы не такъ имѣютъ прилежаніе къ церквамъ, какъ къ часовнямъ, а раскольникамъ и противному ихъ мнѣнію не малый способъ есть, ибо они, по своему невѣжественному упрямству и умовредной прелести отчуждающеся св. церквей, могутъ приходить въ тѣ часовни, аки въ нѣкоторыя свои мольбища и отправляемую тамъ по своему суемнѣнію мольбу почитать за правильную церковную службу, согласно приговорили: предъ вышепомянутыми, внѣ церквей стоящими иконами, мольбы и свѣщевожженія, тамо безвременно и безъ потребы бываемая, весьма возбранить; также и часовень отнынѣ въ показанныхъ мѣстахъ не строить, и построенныя деревянныя разобрать, а каменныя употребить на иныя потребы тѣмъ, кто оныя строилъ» [1]). Въ Москвѣ этотъ указъ произвелъ сильное волненіе. Берхгольцъ пишетъ, что онъ (указъ) очень удивилъ и поразилъ здѣшнюю чернь и многихъ старыхъ русскихъ вельможъ [2]). — Въ апрѣлѣ, по случаю переложенія въ новую раку мощей св. Кирилла бѣлоозерскаго, св. Сунодъ приказалъ объявить всенародно, «чтобъ никто ложныхъ и самомнѣнныхъ чудесъ никакими образы вымышлять и притворно ко онымъ мощамъ причитать и къ народному соблазну оглашать не дерзалъ».

---

[1]) Дѣла архива св. Сунода, 1722, № 133.

[2]) Берхгольца, Дневникъ, ч. II, стр. 192.

Вслѣдствіе имѣшаго Высочайшаго указа, послѣдовавшаго 30 апр. 1724 года, св. Сунодъ приказалъ: «о обпадежниваніи вдовыхъ поповъ и діаконовъ, которые учились въ школахъ и могутъ послужить въ проповѣди слова Божія, что ежели они вступятъ во второбрачіе, то, по отрѣшеніи священнодѣйствія, могутъ быть при архіереяхъ въ учителяхъ, и у дѣлъ въ духовныхъ совѣтахъ и управленіяхъ, послать къ сунодальнымъ членамъ и въ духовную дикастерію изъ Сунода указы немедленно» (15 іюня 1724 года.)

V.

Стефанъ — президентъ Сунода. — Протесты его. — Неудовольствія. Смерть.

Положеніе Стефана въ Сунодѣ было очень тяжелое. Его убѣжденія шли въ разладъ съ дѣйствіями Сунода. Больной физически и утомленный морально, онъ оказывалъ слабое сопротивленіе вліянію новаго духа, движенію новыхъ силъ. Протесты его о заводимыхъ Сунодомъ новыхъ порядкахъ обрушивались на его же голову, навлекая на него гнѣвъ Государя и подвергая угрозамъ новаго духовнаго правительства, несообразнымъ съ достоинствомъ ни судей, ни подсудимаго.

Поводомъ къ одному изъ этихъ протестовъ было утвержденное Государемъ распоряженіе Сунода, которымъ отмѣнено возношеніе имени восточныхъ патріарховъ въ русскихъ церквахъ. Въ подкрѣпленіе этого распоряженія Ософанъ, по повелѣнію Государя, составилъ и, въ маѣ 1721 г., напечаталъ сочиненіе: *О возношеніи имени патріаршаго въ церковныхъ молитвахъ, чего ради оное нынѣ въ церквахъ россійскихъ оставлено.* «Былъ между нѣкими — сказано въ началѣ книги — разговоръ, надлежитъ ли по долженству въ россійской церкви, при всенародномъ собраніи, возносить имя восточныхъ греческихъ патріарховъ, и нѣи приговаривали, и нѣи же отрицали». За тѣмъ Ософанъ доказываетъ,

что въ русскихъ церквахъ не слѣдуетъ дѣлать этого возношенія. Главными причинами этого онъ полагалъ то, что у Грековъ обычай поминать на эктеніяхъ патріарховъ соблюдается только въ томъ мѣстѣ, гдѣ служитъ самъ патріархъ; въ Россіи соблюдалось тоже, когда служилъ патріархъ, съ тою разницею, что «у насъ самъ патріархъ возносилъ обще имя греческихъ патріарховъ, а не архидіаконъ, какъ у Грековъ дѣлается, вѣроятно за незнаніемъ греческаго языка»[1]). Наконецъ явное и всегдашнее возношеніе можетъ дать видъ зависимости возносящаго отъ возносимаго: россійская же Церковь отдѣлилась отъ власти патріаршей съ учрежденіемъ въ ней снова собственнаго патріаршества, а потомъ св. Сунода. Но какъ у Грековъ, при патріаршемъ служеніи, архидіаконъ, въ одно время, возноситъ имена прочихъ патріарховъ; то слѣдуетъ и у насъ, при служеніи сунодальнаго президента, однажды по-достойнѣ, чрезъ протодіакона, послѣ Сунода, какъ своей правильной власти и въ имени своемъ заключающей какъ верховнаго судію — самаго Монарха нашего, возносить и имена патріарховъ. Но этого нигдѣ больше и никому иному въ россійскихъ церквахъ не дѣлать».

Стефану, въ раздраженномъ состояніи души, показалось это распоряженіе подозрительнымъ и опаснымъ для православія, какъ будто оно разрываетъ связь русской церкви съ православными восточными церквами. Въ іюнѣ 1721 года онъ прислалъ въ Сунодъ протестъ противъ этого распоряженія, съ разсужденіемъ или — какъ оно называлось у него — съ *вопросо-отвѣтами* о значеніи въ Церкви патріарховъ. Сунодъ нашелъ этотъ протестъ несправедливымъ и возмутительнымъ и опредѣлилъ: «тѣ вопросо-отвѣты, яко неважные и некрѣпкіе, паче же неполезные, но весьма противные и миръ церковный терзающіе и государственныя тишины вредительные, и покой полезный къ безпокойству возбуждающіе, и народу, силы писанія невѣдающему, возмутительные и многому смущенію виновные, одержать, до надлежащаго царскому величеству объявленія, въ Сунодѣ, подъ опаснымъ храненіемъ, дабы не точію въ публику, но и въ показаніе никому не

[1]) Только во время между — патріаршества, т. е. послѣ смерти послѣдняго патріарха Адріана и до учрежденія Сунода, вошло въ обычай возносить, во всѣхъ церквахъ, имя восточныхъ патріарховъ.

произошли. А къ нему, преосвященному митрополиту, послать изъ св. Сѵнода указъ, дабы онъ такихъ, яко зѣло вредныхъ и возмутительныхъ вопросо-отвѣтовъ, отнюдь никому не сообщалъ и въ объявленіе не употреблялъ, а ежели кому оные до сего указа сообщены, то неотложно къ себѣ возвратилъ, опасаясь не безтруднаго (буде покажетъ себя въ томъ упорна) передъ его царскимъ величествомъ отвѣта» (12 іюня 1721 года)[1]).

Стефану, безъ сомнѣнія, очень тяжело было переносить эти угрозы. Онъ видѣлъ, что два лица заправляютъ въ Сѵнодѣ всѣми дѣлами—Ѳеодосій и Ѳеофанъ. Мы незнаемъ отношеній его къ Ѳеодосію; но знаемъ, что съ Ѳеофаномъ онъ былъ въ открытой враждѣ. Стефанъ полагалъ, что положеніе дѣлъ перемѣнится къ лучшему, если бы удалось какъ нибудь удалить изъ Сѵнода Ѳеофана. Нуженъ былъ благовидный предлогъ и — Стефанъ отыскалъ его.

Въ 1718 г. скончался кіевскій архіепископъ Іоасафъ Кроковскій. Конецъ его жизни былъ довольно темный. Сначала онъ замѣшанъ былъ въ дѣло Царевича[2]). Послѣ того держалъ будто бы соборъ по поводу учрежденія св. Сѵнода и обнародованія Регламента[3]) и, по этому поводу, вызванъ былъ въ С. Петербургъ для допроса, но на пути скончался. Прошло три съ половиной года, а на его мѣсто еще никого не назначили. По состоянію края нужно было лицо и образованное и сочувствовавшее новымъ порядкамъ сѵнодальнаго правленія и преданное Государю. Стефанъ хотѣлъ выпроводить туда Ѳеофана и, въ концѣ 1721 года, прислалъ въ Сѵнодъ письмо, въ которомъ рекомендовалъ Ѳеофана въ кіевскіе архіепископы. «Еще паче надежды долготерпѣніе Божіе въ живыхъ содержитъ мя, и желаю видѣти васъ въ царствующей Москвѣ, аще Богъ подастъ силу и здравіе лучшее; аще же не возмогу, то ex vi officii mei молю вы, пречестнѣйшія сѵнодальныя лица, въ избраніи на престолъ кіевскій прилежное имѣти разсмотрѣніе, ри-

---

[1]) Дѣла арх. св. Сѵнода 1722 г., № 12. Протестъ Стефана въ рукописяхъ Царскаго, № 588: Апологія или словесная оборона о возношеніи явственномъ и воспоминаніи въ молитвахъ церковныхъ православныхъ патріарховъ и проч.

[2]) Чтенія въ Общ. ист. и древн. росс. 1861 г., кн. III, отд. II, стр. 190—201.

[3]) Записки Маркевича, ч. II, стр. 549.

blicum spectando bonum, отложше всякія привати. Той, который намѣренъ, отнюдь неудобенъ къ такъ великому дѣлу; въ монашествѣ искусенъ, но сіе недовлѣетъ, якоже сами добрѣ вѣсте; мое вотумъ отъ чистаго сердца et ex amore publici boni на преосвященнаго Ѳеофана, архіепископа псковскаго. Той, omnibus spectatis circumstantiis et ejus dotibus, вельми угоденъ есть; за его процвѣтутъ школы, епархія пріидетъ въ первобытную красоту; своеволія бродяговъ и монастырей распусту, иноковъ и всего духовнаго чина разслаба укротится; а о вѣрности къ монаршему священнѣйшему величеству не надобно много глаголать — свѣтъ россійскій видѣлъ и видитъ. Прошу убо и молю отъ усердія моего не шого кого, токмо его, и о томъ его царскаго величества прошу всесмиренно; добрѣ бы, чтобы изъ Сунода брано и на иные вдовствующіе престолы, дабы Сунодъ былъ аки seminarium архіереевъ, а на то мѣсто иныхъ набирати, яко напримѣръ пречестнаго отца архимандрита Лопатинскаго, пречестнаго отца Вишневскаго, пречестнаго брата Кролика: тіи здадутся и въ Сунодъ и на казаніе»[1]). — Но попытка не удалась и только усилила вражду между Стефаномъ и Ѳеофаномъ.

Видя постоянный гнѣвъ Государя и досаду отъ сочленовъ за несогласіе съ ними въ понятіяхъ и въ образѣ дѣйствій, а между тѣмъ изнемогая отъ застарѣлой болѣзни, Стефанъ счелъ за лучшее удалиться изъ Сунода, объяснившись напередъ откровенно съ Государемъ, котораго намѣренно вооружали противъ него его недоброжелатели. Не добившись личнаго объясненія, Стефанъ послалъ къ нему письмо съ оправданіемъ своихъ дѣйствій за все прошлое время своего правленія.

«Ожидалъ я не малое время имѣти аудіенцію у вашего царскаго величества, идѣже возмогъ бы припасть къ стопамъ вашего царскаго величества и изъ блудныхъ сыновъ возопити: *отче, согрѣшихъ на небо и предъ тобою;* но не могъ такъ благополучна времени за грѣхи моя дождатися, понужденъ есмь симъ писаніемъ моимъ, слезами, не чернилом писанным, отъ глубины сердца моего отозватися, и сію плачевную мою челобитную на милостивое отеческое лоно положити. Се только лѣтъ ра-

[1]) Описаніе докум. и дѣлъ архива св. Сунода т. I. Спб. 1868 г. Прил. XLVI.

ботаю тебѣ и николиже заповѣдь твою преступихъ и не дослужихся козляте. Шестьнадесять лѣтъ уже, отнѣлиже понужденъ есмь отъ вашея царскія, Богомъ данныя, власти въ приставникахъ быти дому Божія. Сіе послушаніе, аще и не по силѣ моей, но я, надѣяся на милость Божію и на милость вашего царскаго величества, воспріяхъ, и толикія тяжести по нуждѣ не отрекохся. Служба же моя и трудишка на семъ послушаніи единому Богу совершенно вѣдомы суть, а отчасти и вашему царскому величеству мню быти не тайны, на которыхъ силу, здравіе, бодрость, а близко того и житіе погубилъ; чувства вся, а наипаче зрѣніе потемнѣло; позѣ зѣло ослабѣша; въ рукахъ персты хирагма покривила; камень замучилъ; прочая же оскудѣнія здравія моего неприлично мнѣ являти. Обаче во всѣхъ сихъ бѣдствахъ моихъ единою точію милостію вашего царскаго величества и благопризрѣніемъ отеческимъ утѣшахся, и вся горести моя тѣмъ сахаромъ уладишася. Нынѣ же, егда вижу лице вашего царскаго величества отъ меня отвращено и милость не по прежнему, истину глаголю, яко отъ печали сокрушихся и къ болѣзнямъ болѣзнь умножися и умножатися не престаетъ. Гдѣ суть милости твоя древнія, Господи! Откуда сія измѣна? Казанье ли мое виновно есть, которое отъ непріязненныхъ людей, ищущихъ моея погибели, криво и не по правдѣ толковано есть? Или дѣло настоящее раскольническое, о немъ же, по званіи моемъ, дерзнулъ воздвигнутися и перомъ и языкомъ? Но оба сія, аще пріидутъ на праведное мѣрило, не имутъ толикія тяжести, коликую для тѣхъ тяжесть терплю на сердцѣ моемъ. Казанье мое, Богъ сердцевѣдецъ, было намѣреніемъ благимъ, къ исправленію и созиданію духовному россійскаго народа, а царскимъ лицамъ ниже помышленіе было. И оттолѣ уже по запрещенію и умолчахъ, и впредь молчати готовъ. Ей, говорити казанье трудно, а молчать зѣльми легко.—Въ дѣлѣ же раскольническомъ надѣялся я благодаретвія, а не гнѣва; понеже не безъ трудовъ мнѣ было книги противныхъ писати и съ непокоретвомъ тѣхъ братися, и толикая тщателства ко утоленію бури и къ тишинѣ Церкви Божія и всего государства воспріимати. Сія ли есть моя вина? А званіе пастырское господне? Не апостолъ ли глаголетъ: *проповѣдуй слово, настой благовременнѣ и безвременнѣ, обличи, запрети, умоли.* Не той

же ли апостолъ парпцаетъ недугъ раскольничій гангреною, яко не инако врачуется, развѣ отсѣченіемъ, поврежденное. И господинъ винограда гнѣвается ли на дѣлателя, егда изъ винограда его работникъ, по должности своей, изметаетъ терніе или отъ пшеницы плевелы»?

«Двѣ наипаче вины мои въ семъ дѣлѣ глаголются быти, якоже извѣстихся отъ правительствующихъ Сената. Первая, яко не описавшеся сіе сотворилъ. Не подобаетъ ли не описываючися пожаръ гасити и всенародный мятежъ укрочати? И описыватися есть дѣло продолжительно, а нужда не терпитъ продолженія. Довлѣетъ, мнится мнѣ, единою данная власть на храненіе словеснаго стада и на безмятежное Церкви Божія чиноправленіе. — Вторая моя вина глаголется быти, яко безъ допросу и не присущіи нѣцыи отъ Церкви святыя общимъ совѣтомъ духовнымъ отчудишася. Но и въ томъ прошу милостиваго разрѣшенія. Сіе дѣло есть не ново. На соборахъ вселенскихъ и помѣстныхъ проклинали еретиковъ и не присущихъ многайшихъ, неже присущихъ, увѣрившеся достовѣрію о ихъ ереси. И самъ Павелъ святый, отъ одного слышанія, нѣкоего Коринѳянина, имѣвшаго жену отчую, предаде сатанѣ, не присущаго себѣ человѣка».

«Что же речемъ о допросахъ? Допросы обычно бываютъ ради извѣстія истины. Аще же вопрошаемый начнетъ запиратися, ту надобѣ пыткѣ или достовѣрныхъ свидѣтельствъ. Пытка не наше есть дѣло; а достовѣрныхъ свидѣтельствъ имамы по премногу. Понеже убо въ настоящемъ дѣлѣ вси запираются — и тѣ, которые въ Преображенскомъ приказѣ съ пытки винилися; а тіи, которыхъ пытаные выдали, прежде допросовъ изъ Москвы угонзнули; и вторицею такожде, егда услышали о общемъ нашихъ совѣтѣ духовномъ, совѣтующемъ на нихъ, и въ то время на Москвѣ не явилися: какъ же ихъ было допрашивать? А хотябы избѣжавшіи допрашиваны были, тожъ бы говорили, что и здѣ и вездѣ говорятъ, вины своей въ поклепъ и напасть претворяюще. Въ такомъ случаѣ что было чинить? Какъ всенародную молву укротити? Едино точію возмнѣхомъ прибѣжище, вожде бы достовѣрными свидѣтельствы о ихъ расколѣ совершенно увѣрившеся, вершити дѣло, — еже и совершихомъ, егда не точію отъ свидѣтельствъ, но и отъ тетрадей тѣми писанныхъ, и отъ кате-

хизпсъ противниковъ нашихъ, и отъ листа, который раздавали въ народъ къ развращенію, подлинно извѣстихомся, и хотяще всенародную молву и мятежъ утолити, по общему всѣхъ изволенію, власти нашея отъ Бога и отъ васъ, Государя нашего, данныя употребити дерзнухомъ, видяще, яко въ допросахъ не инстинствуютъ, ибо, допрашиваны о вѣрѣ, всѣ написали православныя исповѣданія, а потомъ, малое время спустя, единъ отъ нихъ Осмка срубилъ икону съ великимъ всея Москвы удивленіемъ и соблазномъ, яко мощно рещи: *и потрясеся весь градъ*. Аще при двою или тріехъ свидѣтелѣхъ стаетъ всякъ глаголъ, по словеси Христову и закона: множае паче наше дѣло твердо и крѣпко имать быти, толикъ облакъ свидѣтелей достовѣрныхъ имуще».

«Но что много о семъ писати? Противу рѣчному стремленію нельзя плавати. Буди тако, якоже о мнѣ глаголется. Виноватъ семь въ неопасствѣ и дерзновеніи моемъ, — за которую вину, падши къ стопамъ вашего царскаго величества, прошу милостиваго прощенія. *Отпущайте, аще что на кого имате, да и Отецъ вашъ небесный отпуститъ вамъ*. И аще инако быти не можетъ, подлежу по воли вашей наказанію, даже и до отчужденія архіерейства отъ тѣхъ, кому вручено будетъ. То мнѣ паче всѣхъ тягчайше, яко отвращено лице вашего царскаго величества впязу, и не тако мнѣ докучаетъ нищета моя, въ ней же нынѣ обрѣтаюся, яко лишеніе прежнія милости царскія. Однакожъ, идѣже умножися грѣхъ, тамо презобилуетъ благодать, ея же яко не чаемъ, но не отчаяваемъ ожидаю, негли по сей бури паки превождѣленное возсіяетъ ведро. Вашего священнѣйшаго и великодержавнѣйшаго монаршества, вѣры православныя защитникъ, вѣрный подданный рабъ и подножіе, смиренный Стефанъ, пастушокъ рязанскій. Іюля 27-го дня 1722 года»[1]). — Чрезъ четыре мѣсяца послѣ этого онъ скончался.

---

[1]) Еще до этого протеста, въ 1721 году, Стефану сдѣлали строгій допросъ по поводу акаѳиста Алексѣю, Человѣку Божію, и канона Марку Фракескому, сочиненныхъ, еще при жизни царевича Алексѣя, какимъ-то кабальнымъ человѣкомъ князя Долгорукова, Козьмою Любимовымъ и будто-бы одобренныхъ къ напечатанію Стефаномъ. (Описаніе докум. и дѣлъ арх. св. Синода. Т. I стр. 146). Подробности этого допроса изложены въ статьѣ г. Есипова: черницъ Оедосъ. (Отеч. Зап. 1862 г. № 6).

Послѣ Стефана не было президента въ Сунодѣ. Остались два вице-президента — Ѳеодосій и Ѳеофанъ.

VI.

Ѳеодосій Яновскій. — Злоупотребленія власти и излишества. — Ропотъ духовенства.

Ѳеодосій видимо клонился къ паденію. Въ обаяніи власти и въ нѣгѣ роскоши онъ позволялъ себѣ излишества, которыя не были приличны ни сану его, ни званію.

Въ 1724 году Дворъ отправился въ Москву для коронаціи Императрицы. Ѳеодосій, который долженъ былъ совершить этотъ обрядъ, отправился въ Москву еще въ первозимье 1723 года. Распоряжаясь полновластно, онъ велѣлъ въ сунодальномъ домѣ сварить добрыхъ пивъ съ семьдесятъ варь и даралъ приказнымъ людямъ и своимъ секретарямъ, наполняя и насыщая ихъ безъ мѣры. Скучая бездѣйствіемъ, онъ завелъ въ Москвѣ ассамблеи, на которыя должны были собираться сунодальные члены и прочія духовныя власти столицы по очереди, то у одного, то у другаго, и установилъ для нихъ такія же правила, какія были для государевыхъ ассамблей [1]). Духовенству и народу не очень пра-

---

[1]) «1723 года декабря — дня, по изволенію свят. прав. Суноца вице-президента, преосвященнаго Ѳеодосія, архіепископа новгородскаго, повелѣно: свят. прав. Суноца членамъ и прочимъ Суноду подчиненныхъ Приказовъ въ судѣ засѣдающимъ персонамъ, быть въ ассамблеяхъ сего декабря съ 26 числа и съѣзды имѣть по полудни въ третьемъ часу, а кому именно, о томъ слѣдуетъ нижеподписанный реэстръ: преосв. Леонидъ, архіепископъ крутицкій; архимандриты: Петръ симоновскій, Аоанасій спасоярославскаго монастыря, Діонисій андрониковскій, Іоакимъ донской, Сергій петровскій, Кипріанъ воскресенскій, Антоній златоустовскій, Гедеонъ спасскій, Макарій игуменъ воздвиженскій, казначей іеромонахъ Филагрій, ассессоръ Анастасій Паусій, Гг. Топильскій, Чичеринъ, Кафтыревъ, Илья Никифоровъ, прокуроръ (монастырскаго приказа) капитанъ Раевскій, Алексѣй Владыкинъ, Иванъ Зарудневъ. Вице-президентъ преосвященный Ѳеодосій»... «А ежели кто и обѣдомъ трактовать

вилась эта потѣха, неприличная священному сану. Разумѣется, никто не смѣлъ протестовать вслухъ и открыто, а тайнаго ропоту было много [1]).

Оскорбляя такимъ образомъ чувства народа и духовенства, Феодосій обнаруживалъ крайнюю, до дерзости доходившую, притязательность и въ отношеніи Государя. Съ особенною настойчивостью онъ выразилъ ее въ бытность въ Москвѣ, въ апрѣлѣ 1724 года, по поводу сочиненія духовнаго штата.

По полученіи указа о сочиненіи штата духовнаго, онъ говорилъ (публично въ Сунодѣ), что «отнялъ — де милость свою Богъ отъ сего государства, понеже духовные пастыри весьма порабощены и пасомыя овцы власть надъ пастырями взъимѣли; однакожъ можетъ быть Филиппъ митрополитъ, который не щадилъ крови своея за Церковь. Да смотрѣть надобно, что̀ изгнанію Филиппову послѣдовало. Богъ самъ перстомъ показалъ какъ на фамиліи царской, такъ и во всемъ государствѣ чрезъ домовное нестроеніе и моровую язву и чуть не всего государства разореніе и премногія отъ того послѣдовавшія брани» [2]).

Въ тоже время онъ имѣлъ смѣлость прямо сказать Императору, что не одобряетъ отобранія имѣній и доходовъ духовенства, а также установленнаго, вслѣдствіе того, точнаго распредѣленія ихъ для приличнаго содержанія духовенства и назначенія излишковъ на учрежденіе школъ и больницъ, въ которыхъ былъ повсемѣстный недостатокъ. По его мнѣнію, государство отъ себя обязано было назначить имъ содержаніе, потому что принадлежащее служителямъ Церкви не подлежитъ гражданскому управленію. Императоръ, раздраженный этою дерзостью, заставилъ трепетать говорившаго [3])». Боясь публичнаго безчестія, Феодосій просилъ

изволитъ, о томъ не воспрещется. И по вышеозначенному расположенію, преосв. Феодосій, Леонидъ и прочіе были въ донскомъ монастырѣ 29 декабря Въ монастырѣ для этого ассамблеи былъ изготовленъ обѣдъ». Отеч. Зап. 1857 г., № 9, стр. 21—22.

[1]) Протестъ бывшаго казанскаго митрополита Сильвестра Холмскаго, противъ Ѳеодосія, въ Приложеніяхъ, № II.

[2]) Дѣло о Ѳеодосіѣ, въ Русск. Архивѣ 1864 г., стр. 130. Показаніе архим. Гавріила.

[3]) Записки Бассевича въ Русск. Архивѣ. 1865 г., стр. 606.

ходатайства и заступленія Императрицы предъ Государемъ [1]). Такъ какъ дѣло было предъ свѣтлымъ праздникомъ коронаціи Екатерины, то Государь простилъ его.

7 мая 1724 г. въ московскомъ успенскомъ соборѣ совершено коронованіе Императрицы. Ѳеодосій первенствовалъ при этомъ торжествѣ, какъ старшій архіепископъ [2]).

9 мая Государь приказалъ ему сочинить реляцію о коронаціи ея величества, для отсылки къ иностраннымъ дворамъ [3]). 20 мая, въ Троицынъ день, Ѳеодосій выпросился у Государя къ марціальнымъ водамъ [4]).

---

[1]) Письмо Ѳеодосія къ Государынѣ отъ 21 апрѣля 1724 года. «Всемилостивѣйшая и благочестивѣйшая великая Государыня императрица. Всенижайше доношу вашему императорскому величеству. Вчерашняго числа, въ Покровскомъ селѣ, безумiемъ моимъ, не выразумѣвъ благопотребной воли всемилостивѣйшаго Государя, прогнѣвалъ я, окаянный, его императорское величество такъ много, какъ никто больше. Того ради пребывал въ великомъ страхѣ и отчаяніи, я не имѣю въ такомъ моемъ бѣдствіи никакого способу; только дерзаю утруждать ваше величество: умилосердися великая Государыня и благоволи вручить его величеству приложенное здѣсь мое рабское прошеніе, чтобы мнѣ невозбранно было прiити и просить въ моей великой винѣ милостиваго прощенія и помилованія. Вашего величества всенижайшій и непотребный рабъ, виноватый Ѳеодосій архіепископъ новгородскій».

[2]) Во время коронованія «архіепископъ новгородскій, какъ знатнѣйшее духовное лицо, обратился къ Императрицѣ съ благословеніемъ, которое она приняла, преклонивъ колѣна на положенную передъ ней подушку. За тѣмъ онъ взялъ императорскую корону и передалъ ее Императору, который самъ возложилъ ее на главу стоявшей на колѣняхъ Императрицы. Послѣ того архіепископъ вручилъ ея величеству державу. . . . Послѣ обѣдни Императрица стала на колѣни на парчевую подушку и приняла св. Причастіе, а потомъ была помазана архіепископомъ новгородскимъ. Послѣ этого священнодѣйствія архіепископъ псковскій (Ѳеофанъ) началъ говорить проповѣдь, которая продолжалась добрыхъ полчаса. Онъ превозносилъ необыкновенныя добродѣтели Императрицы и доказывалъ, какъ справедливо Богъ и Государь даровали ей россійскую корону. Проповѣдь свою архипастырь заключилъ поздравленіемъ отъ имени всѣхъ сословій россійскаго государства». (Берхгольцъ, IV, 53, 54).

[3]) *Голикова* Дѣянія II. В. 20, 401.

[4]) Всемилостивѣйшій Государь. «Понеже, за многодѣтелемъ вашего императорскаго величества, не дошло мнѣ ниженменованному доложить вамъ о моей партикулярной нуждѣ, чтобъ мнѣ (ежели усмотрится время) съѣздить для моего скуднаго здоровія къ марціальной водѣ, того ради симъ доношу, и прилежно прошу милостивѣйшаго позволенія побывать тамъ, хотя на малѣйшее время, гдѣ мнѣ и по епархіи новгородской безъ дѣла не будетъ же. Вашего величества нижайшій рабъ и всеблагожелательный молитвенникъ, Ѳеодосій

Но непріятности уже неотступно слѣдовали за Ѳеодосіемъ. Положимъ, неизвѣстно, кто былъ тайною пружиной веденной противъ него интриги; но открытые и публичные доносы пошли изъ его же собственнаго дома.

Доносчикомъ на Ѳеодосія и докащикомъ разныхъ его злоупотребленій былъ одинъ изъ его подчиненныхъ, дворянинъ новгородскаго архіерейскаго дома, Иванъ Носовъ[1]). Въ 1724 году онъ подалъ на судью новгородскаго архіерейскаго дома, архимандрита Андроника, протестъ въ расхищеніи имъ церковнаго имущества, и просилъ изслѣдовать это дѣло. Немного дальновидности нужно было Ѳеодосію, чтобы сообразить, что это дѣло, ближе всѣхъ, касается его самого, потому что Андроникъ былъ только исполнителемъ его приказаній, и что его непужно упускать изъ своихъ рукъ, или, покрайней мѣрѣ, передавать въ свѣтскую команду. Сунодъ поручилъ изслѣдовать это дѣло монастырскому приказу, съ участіемъ сунодальныхъ дворянъ; но Ѳеодосій, предвидя, что какъ бы ни ведено было слѣдствіе.

архіепископъ новгородскій. 20 мая 1724 г. отъ Москвы». (Кабин. Дѣла, II, № 18, л. 27).

[1]) Не въ предотвращеніе ли этого доноса, или уже подъ гнетомъ чувствуемой опалы, Ѳеодосій позволилъ себѣ одно неосторожное распоряженіе по своей епархіи, которое, впослѣдствіи, вмѣнено было ему въ государственное преступленіе и бѣдственно порѣшило его судьбу. Въ маѣ 1724 годъ Ѳеодосій потребовалъ отъ всѣхъ чиновныхъ лицъ невскаго монастыря и новгородской епархіи присяги на вѣрность себѣ, по образцу присяги, предписанной членамъ духовной коллегіи. Присяга эта начиналась обыкновенною формою: «клянусь всемогущимъ Богомъ, что хощу и долженъ семъ моему природному и истинному Царю и Государю Петру Первому» и проч. Потомъ, вмѣсто словъ: «исповѣдаюже съ клятвою крайняго судію духовныя сея коллегіи быти самаго всероссійскаго Монарха, Государя нашего всемилостивѣйшаго», поставлено слѣдующее клятвенное обѣщаніе: «также и собственной моей правильной власти, великому господину, св. прав. Синода вице-президенту, преосв. Ѳеодосію архіеп. великоновгородскому и великолуцкому и архимандриту александроневскому, во всемъ по должности моей вѣренъ и весьма покоренъ быть, и все до его архіерейской чести принадлежащее по послѣдней моей силѣ умножать и охранять, и всякіе его преосвященства собственные и домовые интересы соблюдать и остерегать и защищать и тайность хранить всеусердно буду, и о противныхъ случаяхъ доносить, и всякіе вреды отвращать всеприлежно потщуся». Новгородскіе чиновные люди архіерейскаго вѣдомства подписались подъ присягой 31 мая, а намѣстникъ, судья и монахи невскаго монастыря въ ноябрѣ и декабрѣ 1724 года. (Дѣла архива св. Синода, 1725 г.).

все же оно зацѣпитъ его самого, подалъ въ Сунодъ (4 сент.) донесеніе, чтобы изслѣдованіе этого дѣла поручено было ему самому, съ кѣмъ нибудь изъ сунодальныхъ членовъ. Заявивши это, Ѳеодосій, «по обычаю, наблюдаемому въ коллегіяхъ», вышелъ изъ собранія. Сунодъ, «разсматривая прилежно и разсуждая довольно», не рѣшилъ однакожъ ничего, а положилъ имѣть конференцію съ Сенатомъ, на которую и пошли преосвященные Ѳеофанъ и Ѳеофилактъ, троицкій архимандритъ Гавріилъ и оберъ-прокуроръ Болтинъ. Въ Сенатѣ въ собраніи были въ тотъ день князь Меньшиковъ, адмиралъ Апраксинъ, канцлеръ Головкинъ, графъ Брюсъ, графъ Толстой, князь Голицынъ и генералъ-прокуроръ Ягужинскій.

На конференціи Сенатъ съ Сунодомъ положили поручить слѣдованіе этого дѣла мѣстному архіерею, а мимо его къ тому слѣдованію никого не допускать; только, для лучшаго въ томъ слѣдованіи способу и вѣрности, придать къ нему кого нибудь изъ сунодальныхъ членовъ, и быть при томъ же, когда понадобится для остерегательства, сунодальному оберъ-прокурору Болтину. Сунодъ назначилъ въ слѣдователи къ Ѳеодосію совѣтника своего, симоновскаго архимандрита Петра, съ тѣмъ, чтобы, по изслѣдованіи дѣла, объявить о немъ, съ приложеніемъ своего мнѣнія, въ св. Сунодѣ, а безъ сунодальнаго утвержденія, хотя чья и вящшая вина покажется, экзекуціи не производить и доносителей не истязовать, также освободить и жену Носова (которая содержалась подъ арестомъ въ Новгородѣ), если до нея другихъ дѣлъ не окажется.

Носовъ, видя, что главный подсудимый по его доносу, самъ же назначенъ и его слѣдователемъ, подалъ генералъ-прокурору Ягужинскому новый протестъ, въ которомъ прямо обвинялъ самаго Ѳеодосія въ расхищеніи церковныхъ вещей, да тутъ же прописалъ, что судъ надъ нимъ производится неправильно и что отъ оберъ-прокурора Болтина чинится пошаровка. Ягужинскій приказалъ арестовать Носова, а прошеніе его 16 октября принесъ въ Сунодъ для разсужденія. Сунодъ отвѣчалъ, что въ коммиссіи находится не одинъ Ѳеодосій, но вмѣстѣ съ нимъ сунод. совѣтникъ архимандритъ Петръ и оберъ-прокуроръ, и никакого послабленія ему нѣтъ. Сунодъ совѣтовалъ Ягужинскому распорядиться

съ доношикомъ за такія дерзости, «въ конторѣ его вѣдѣнія» т. е. гражданскимъ порядкомъ. Ягужинскій однакожъ этимъ не удовлетворился и ноября 2-го попросилъ синодальныхъ членовъ на конференцію въ Сенатъ. Сенаторы совѣтовали слѣдовать дѣло Носова въ Сунодѣ, а Сунодъ предлагалъ, что «этому слѣдованію въ Сунодѣ быть не надлежитъ, потому что хотя Носовъ и порочитъ Ѳеодосія, однакожъ достаточнаго повода къ отверженію его суда и яснаго доказательства не представилъ, и потому Ѳеодосія отъ того слѣдованія отрѣшить неудобно; да и самъ Носовъ, какъ у своего мѣстнаго архіерея по должности въ послушаніи, такъ не захочетъ быть подсуднымъ и въ Сунодѣ». На это сенаторы сказали, что «отбывательство того доносителя отъ Сунода уничтожить; также и на оберъ-прокурора Болтина подозрѣніе, будто лошади его для корму находятся въ новгородскомъ архіерейскомъ домѣ, хотя бы онѣ и подлинно тамъ были, оставить: потому что никакого ни отъ кого въ томъ дѣлѣ послабленія не значится». Сунодъ представилъ съ своей стороны, «что такъ какъ все цѣлое Сунода правительство во всемъ вѣроятно, потому по силѣ присяжной должности, опредѣленныхъ къ оному дѣлу членовъ безъ надлежащаго слѣдствія и безъ показанія о томъ ихъ дѣйствіи порока, отрѣшать и общее опредѣленіе отвергать по однимъ прихотямъ доносителя весьма неудобно».

Послѣ этого объявленія, Сенатъ съ Сунодомъ предложили еще о томъ подумать и для совершенной резолюціи быть опять на конференціи въ Сенатѣ 4-го ноября. Въ слѣдующемъ собраніи Сунодъ возобновилъ свои настоянія, чтобы оставить во всей силѣ прежнее опредѣленіе и основывался въ своихъ требованіяхъ на генеральномъ регламентѣ и церковныхъ правилахъ. Такъ какъ Носовъ сталъ обличать Ѳеодосія только съ тѣхъ поръ, какъ Ѳеодосій назначенъ къ нему слѣдователемъ, то его показанія и укоризны не должны имѣть никакой вѣроятности. И по святымъ правиламъ, которыя на той конференціи и читаны (IV Всел. соб. 21 прав.), такимъ клеветникамъ на архіереевъ вѣрить невелѣно. «Сенатъ, по силѣ оныхъ правилъ регламента, опредѣлилъ, чтобы о томъ, гдѣ оному слѣдованію быть, разсмотрѣніе и указъ учинить въ Сунодѣ». Сунодъ полагалъ остаться при своемъ прежнемъ опредѣленіи; но Болтинъ, «опасаясь, послѣ означенныхъ кон-

ференцій, конфузіи», словесно предложилъ, что «Носовъ, укоряя дерзко самаго вице-президента, и судомъ его не будетъ доволенъ: а поелику въ томъ дѣлѣ, хотя и безъ совершеннаго доказательства, являются однакожъ не малыя важности, касающіяся до многихъ духовныхъ и свѣтскихъ персонъ: то для лучшаго утвержденія, чтобы впредь конфузіи не было, доложить о томъ самому его императорскому величеству». Сунодъ согласился. — 1-го декабря Ѳеофанъ имѣлъ случай доложить объ этомъ Государю. Государь приказалъ слѣдовать то дѣло обще Суноду съ Сенатомъ, опредѣливъ къ тому изъ обоихъ правительствъ по одной или по двѣ персоны.

Во исполненіе высочайшей воли, на конференціи Сунода съ Сенатомъ 8-го декабря, назначены были отъ Сената графъ Толстой, князь Юсуповъ и оберъ-прокуроръ Бибиковъ; отъ Сунода — тверскій архіепископъ Ѳеофилактъ, симоновскій архимандритъ Петръ и оберъ-прокуроръ Болтинъ. Слѣдованіе положено было производить и собранія имѣть при сунодальной канцеляріи, въ особливой аудіенцъ-камерѣ, начавъ съ 9-го декабря. Но болѣзнь и смерть Государя остановили на время ходъ этого дѣла.

VI.

Ѳеофанъ. — Церковно-административные и ученые труды его. Домовое хозяйство.

Ѳеофанъ шелъ другой дорогой. Его призваніемъ была подмога Петру въ дѣлѣ преобразованія Церкви и народа, и онъ понялъ и исполнилъ его, нещадя ни трудовъ, ни усердія. Нужно ли Государю оправдать передъ народомъ и передъ свѣтомъ свой поступокъ съ Царевичемъ, отрѣшеннымъ отъ престола, онъ поручаетъ Ѳеофану написать *правду воли монаршей*.—Нужно ли оправдать отмѣну патріаршества и учрежденіе, вмѣсто него, коллегіальнаго сунодальнаго правленія, и онъ поручаетъ Ѳеофану написать это

оправданіе съ изъясненіемъ его законности изъ каноническихъ правилъ и древнихъ церковныхъ примѣровъ.—Петру не нравится въ народѣ лицемѣріе, происходящее отъ непониманія истиннаго христіанскаго благочестія, и Ософанъ пишетъ, по его порученію, книгу противъ лицемѣровъ, съ изъясненіемъ духа истинной христіанской набожности.—Государя занимаютъ раскольницкія дѣла: и Ософанъ пишетъ одно за другимъ объявленія и увѣщанія къ раскольникамъ.—Ни одной стороны его реформы, ни одного событія изъ его царствованія онъ не оставилъ безъ того, чтобы не изъяснить съ церковной каѳедры ихъ пользы и значенія. Въ послѣдніе годы жизни Петръ рѣшается преобразовать монашество русское и самъ составляетъ планъ этого преобразованія. Ософанъ изъясняетъ законность этого преобразованія изъ самой исторіи монашества и церковныхъ правилъ.—Это только перечень сочиненій, написанныхъ Ософаномъ въ три-четыре года, и то неполный. Нѣкоторыя изъ его сочиненій составляютъ, по объему, цѣлыя книги. Говоря о духѣ ихъ надо признаться съ сожалѣніемъ, что Ософанъ примѣнялся къ произволу Монарха, забывая иногда святую правду и жертвуя истинною цареугодливости [1])

Мы пересмотримъ главнѣйшія его сочиненія и политическіе трактаты для того, чтобы ознакомиться ближе съ его дѣятельностію въ этотъ періодъ.

Правда воли монаршей.

Въ 1722 году 5-го февраля обнародованъ былъ актъ о престолонаслѣдіи въ русскомъ государствѣ. Государь предоставляетъ

---

[1]) «Духовный чинъ,—писалъ князь Щербатовъ,—который не любилъ Петра за отнятіе власти, гремѣлъ въ храмахъ Божіихъ панегирики ему. Между сими Прокоповичъ, который изъ духовенства, хотя нелюбви къ Государю не имѣлъ, но бывъ совершенно ослѣпленъ честолюбіемъ, яко въ другія царствованія ясно оказалъ, выспренній свой голосъ на похвалы Государю возносилъ. Достоинъ онъ былъ многихъ похвалъ, но желательно бы было, чтобы они не отъ лести происходили, а похвалы Прокоповича, сего непостриженнаго монаха, сего честолюбиваго архіерея, жертвующаго законъ наволеніямъ Бирона, сего, иже не устыдился быть судьею Тайной канцеляріи, бывъ архипастыремъ церкви Божіей, были лестны, яко свидѣтельствуетъ собственное его сочиненіе — Правда воли монаршей, памятникъ лести и подобострастія монашескаго изволенію государскому». (Пекарскаго, Наука и литература въ Россіи при Петрѣ великомъ Ч. II, стр. 575).

себѣ въ немъ свободу назначить своимъ преемникомъ того, кого найдетъ наиболѣе способнымъ, такъ что если молодой великій князь, внукъ его величества, будетъ вести себя не такъ, какъ слѣдуетъ, и если Государь со временемъ признаетъ его недостойнымъ россійскаго престола, то можетъ, единственно по собственному усмотрѣнію, избрать наслѣдникомъ своимъ, кого заблагоразсудитъ [1]).

Въ объясненіе этого акта и въ оправданіе монаршаго произвола Оеофанъ сочинилъ, по порученію Государя, огромный трактатъ, составляющій по объему цѣлую книгу подъ названіемъ: *правда воли монаршей*. Все содержаніе этой книги направлено къ тому, чтобы, на основаніи церковныхъ и гражданскихъ правъ и изъ примѣровъ церковной и гражданской исторіи, доказать, что Государь можетъ свободно назначить себѣ наслѣдника, не стѣсняясь ни первородствомъ, ни вообще родствами. «По указу вашего величества — доносилъ Оеофанъ Государю, бывшему въ астраханскомъ походѣ — который сказанъ намъ отъ преосвященнаго новгородскаго и Петра Андрѣевича Толстаго, книжица мною сочиненная, о правдѣ воли монаршей въ опредѣленіи своихъ по себѣ наслѣдниковъ, съ печати вышла, и чрезъ сію почту посылаются вашему величеству 10 экземпляровъ. Всенижайше прошу, да благоизволитъ величество ваше извѣстить намъ волю свою: публиковать ли оную книжицу или удержать до дальшей апробаціи. Москва, 24-го августа 1722 года [2])».

Въ 1722 году Правда воли монаршей была напечатана [3]); въ слѣдующемъ 1723 году повѣщено было объ изданіи ея за границей въ Лейпцигскихъ ученыхъ актахъ, гдѣ кратко изложено и все содержаніе книги съ очевиднымъ наклоненіемъ въ пользу новоизданнаго устава и съ оправданіемъ заботливости Государя о выборѣ достойнаго себѣ наслѣдника для управленія обширнѣйшею своею имперіею [4]); а въ 1724 году она переведена на нѣмецкій языкъ и издана въ Берлинѣ.

---

[1]) Полное Собр. Зак. VI, № 3893. Берхгольца, Дневникъ, ч. II, стр. 91.

[2]) Кабин. Дѣла, II, № 61, л. 107.

[3]) Москва 1722 года, — одно изданіе гражданскимъ, другое церковнымъ шрифтомъ.

[4]) Quantum Russorum Imperator in eligendo provinciis suis amplissimis digno

По актъ Петра не только не обезпечилъ спокойствія въ государствѣ, напротивъ былъ причиною тѣхъ страшныхъ неурядицъ въ престолонаслѣдіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и въ правленіи государства, которыя волновали наше отечество въ продолженіе почти всего прошлаго столѣтія, отвлекая его отъ полезныхъ преобразованій и строенія своей внутренней жизни. На этотъ актъ ссылались всякій разъ, когда надо было оправдать произволъ въ перемѣнѣ правленія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и «Правда воли монаршей» издаваема была нѣсколько разъ.

Исторія Петра Великаго.

Какъ Петра занимала мысль, чтобы, при слабомъ или недостойномъ преемникѣ, не погибли для народа его дѣла, такъ озабочивало его опасеніе, чтобы не помрачилась для народа память его дѣлъ. Оеофанъ, входившій во всѣ думы и заботы Государя, не могъ отнестись безучастно и къ этой его заботѣ. Въ 1722 году 24-го августа онъ писалъ къ Государю, бывшему въ астраханскомъ походѣ: «что, присланнымъ нынѣ вашего величества указомъ, въ достопамятной славныхъ вашего величества дѣлъ исторіи пополнить мнѣ, нижайшему вашему богомольцу, повелѣно, то дѣломъ исполнить усердно тщуся». Извѣданная работа дала ему опытъ и случай предложить Государю совѣтъ относительно собранія матеріаловъ для исторіи текущихъ событій астраханскаго

---

herede et successore operam hucusque diligentiamque navarit, novis e Russorum regione ad nos adlatis edocti aliquoties sumus. Idem et hic libellus demonstrat, cujus in fronte statim Russorum Imperatoris edictum legentibus sese offert illud, quod contra Filium Principem die v. febr. anno 1722 Preobraschii conceptum, Moscuaeque tipis mandatum et die xi promulgatum est... Falli eos et fallere, qui in successione bene ordinanda jus primogenitorae semper spectandum esse sibi persuadeant, cum potius virtus sit spectanda... Ad quam sententiam corroborandam varia subinde argumenta et rationes ex legibus sacris aeque ac civilibus Romanorum affert noster, easque exemplis paullo uberius ex historia sacra civilique illustrat... Ex his omnibus breviter hic repetitis argumentis colligit autor vel unum illorum sibi sufficere probaturo, liberam Russorum Imperatori esse potestatem in eligendo successore herede sive ex filiis nepotibusue, sive ex cognatis, sive alia stirpe. (Acta Erudit. Lipsiae. 1723 an. mensis Aug. p. 348—353).

похода. «А понеже оная исторія не безтрудно собиралася и не безъ того, чаю, что иныя славныя и знаменитыя дѣла, невѣдѣніемъ или небреженіемъ журналистовъ, и безъ описанія оставлены суть: того ради пришло мнѣ нынѣ на мысль, дабы нынѣшнюю вашего величества походъ обстоятельно былъ описанъ, и что гдѣ знатное и къ исторіи достойное случится, не оставлено бъ было, но все бы записываю съ надлежащими обстоятельствы. А удобный къ тому способъ видится мнѣ сей, чтобы повелѣно было наблюдать всѣхъ сихъ случаевъ и дѣйствъ адъютантамъ, или кому то паче прочихъ свойственно есть, и наблюдая вся сія записывать имъ, или объявлять опредѣленнымъ на то собственнымъ журналистамъ, и тѣ записки сообщались бы обрѣтающемуся при вашемъ величествѣ въ ономъ походѣ, Лаврентію архимандриту воскресенскому, который содержать сіе можетъ и записывать будетъ безъ всякаго украшенія простымъ стилемъ, изъ чего можно будетъ, своимъ временемъ, и съ украшеніемъ исторію сію собрать, которая не забытной памяти достойна есть. О чемъ всепокорно мнѣніе мое предложивъ, предаю въ разсужденіе Государя моего милостивѣйшаго [1])».

Нѣтъ сомнѣнія, что исторія, о которой упоминаетъ Ѳеофанъ въ своемъ донесеніи Государю, есть та самая «исторія императора Петра Великаго отъ рожденія его до полтавской баталіи», которая въ 1773 и 1788 гг. издана была княземъ Щербатовымъ, съ именемъ Ѳеофана, какъ ея сочинителя. Но точно ли Ѳеофанъ былъ авторомъ исторіи, напечатанной съ его именемъ? Оригинальная рукопись, съ которой напечатана была эта исторія княземъ Щербатовымъ, до сихъ поръ цѣла и хранится въ Государственномъ архивѣ. Изъ разсмотрѣнія ея оказывается, что въ самомъ началѣ ея помѣщено нѣсколько замѣчаній, писанныхъ неизвѣстною рукою, съ собственноручнымъ мнѣніемъ противъ нихъ Ѳеофана. Вотъ эти замѣчанія: «1) въ исторіи по нынѣшнему случаю лучше переправить реляціи о дѣйствіяхъ, гдѣ самъ Государь присутствовалъ, журналомъ его собственнымъ; 2) а въ журналѣ писать лучше — мы; а что писано прежде — Государь россійскій или царское величество, то оставить, а выяснить величе-

[1]) Кабин. Дѣла, II, № 61, л. 103.

ство и дѣла его государевы въ предисловіи; 3) а гдѣ не въ бытіи его что дѣлалось, то переправить такимъ образомъ, что писалъ къ намъ генералъ тотъ-то имянемъ и потомъ дѣло; 4) договоры, трактаты и прочія приложенія въ концѣ подъ буквами, а наряду по числамъ только означить кратко».

Противъ этихъ замѣчаній слѣдуетъ собственноручное мнѣніе Феофана Прокоповича.

«На первый и второй пункты мое нижеименованнаго мнѣніе. Не кажется мнѣ быть лучше, да (бы) Исторія писана была отъ лица государева, вящ ради слѣдующихъ:

1) Что кто и самъ о себѣ пишетъ повѣсть, то (по многайшимъ честнѣйшихъ таковыхъ авторовъ обычаямъ) пишетъ не въ первомъ лицѣ — я или мы, но въ третьемъ, чего имѣемъ образы и примѣры, какъ въ священномъ писаніи въ книгахъ Исхода, Левитъ, Чиселъ и Второзаконія, которые Моисей писалъ: не говоритъ о себѣ Моисей въ своемъ лицѣ, но аки бы иной нѣкто. Такожъ Матоей и Іоаннъ евангелисты — въ Евангеліяхъ своихъ, гдѣ рѣчь имъ есть о себѣ самихъ. А изъ историковъ нѣкоихъ, Іулій Цесарь дѣла свои описуя, пишетъ въ третьемъ лицѣ, напримѣръ: Цесарь повелѣлъ (Цесарь устроилъ воинство и проч.).

2) Самому себѣ въ своемъ лицѣ оказывать дѣйствія славныя непристойно: напримѣръ о присутствіи государевѣ на баталіи пристойно такъ писать: (тогда и самъ Петръ великое показалъ мужество, ибо въ самомъ томъ огнѣ неотступно подвизался и проч.), чего говорить первымъ лицемъ (тогда и мы показали мужество и проч.) неприлично.

3) Несочиненное Государемъ слово писать подъ его лицемъ, и то кажется не нуждно: еслиже правдивое его величества сочиненіе есть, то тому быть пристойно. Феофанъ архіепископъ новгородскій.

4) Еще же и сіе на мысль приходитъ, что иногда бываетъ въ повѣствованіи отъ забвенія погрѣшеніе: какъ напримѣръ, объ одной арміи первѣе напечатано, что было воиска 40,000, а послѣ 20,000: и таковыя погрѣшенія отъ лица монаршаго ска(занные) были бы противъ высокой чести его.»

За этимъ мнѣніемъ помѣщенъ текстъ рукописи на 194 листахъ, съ поправками на первыхъ 20 листахъ Феофана Прокоповича, а съ 21-го листа — неизвѣстно чьими. Поправки Феофана

вообще не очень значительныя, касаются частію содержанія; напримѣръ листъ 14 о началѣ флота: «Зри. Справиться надобѣ, когда на ботикъ налучилъ Государь, прежде или по взятіи Азова и проч.»; — но главнымъ образомъ слога — измѣненія словъ и оборотовъ изъ церковно-славянскаго языка на русскія.

Вообще ни наружный видъ рукописи, ни собственноручныя поправки и замѣтки Оеофана на первыхъ листахъ ея, нисколько не убѣждаютъ въ томъ, чтобы эта исторія была сочиненіемъ Оеофана. Онъ просматривалъ и поправлялъ ее по порученію Государя, какъ просматривалъ, исправлялъ и дополнялъ многія другія сочиненія и переводы, присылаемыя ему Государемъ для прочтенія и исправленія [1]).

Поэтому несправедливо ставить ему въ укоръ и недостатки этой исторіи, отнесенные на его счетъ издателемъ этой исторіи, княземъ Щербатовымъ (Исторія Петра Великаго. Москва 1788 г., стр. 162) и историкомъ Петра — Устряловымъ (Исторія Петра Великаго, соч. Н. Устрялова, Т. I, стр. XXXI [2]).

О блаженствахъ противъ ханжей и лицемѣровъ.

Петръ былъ непримиримымъ врагомъ лицемѣрія и ханжества; а между тѣмъ видѣлъ въ народѣ чрезвычайное развитіе этого порока, прикрывающагося набожностію. Разумѣется, не было и не могло быть другаго способа къ искорененію его, кромѣ наставленія, образованія народа. Государя давно занимала мысль — составить такую книгу, въ которой бы, съ обличеніемъ лицемѣрія, предлагалось наставленіе о правильномъ благочестіи. Въ Меморіяхъ

---

[1]) Въ 1722 г. 24-го дек., Государь, бывши въ Сунодѣ, приказалъ перевесть на русскій языкъ книгу Аполлодора Аѳинскаго (ок. 140 г. до Р. Хр.) *о началѣ боговъ*. Сунодъ поручилъ переводъ ея Барсову. По окончаніи перевода, 19-го февраля 1723 г., Государь приказалъ написать къ ней «предисловіе» и на концѣ «объясненіе изъ христіанскихъ писаній, какъ язычники прежде познанія христіанскаго благочестія въ невѣрствіи своемъ заблуждали и каковыхъ боговъ имѣли». Оеофанъ написалъ то и другое — предисловіе и объясненіе. (Типогр. дѣла архива св. Сунода, 1722 г. № 12). — Точно также въ 1720 г. написано имъ предисловіе къ Морскому Уставу.

[2]) Десятое присужденіе Уваровскихъ премій. Отзывъ о сочиненіи г. Чистовича — Оеофанъ Прокоповичъ, составл. академ. Пекарскимъ.

или памятныхъ листкахъ Государя записано не одинъ разъ: «чтобы написать книгу о хапжахъ, изъяснить блаженство, (кротость Давидову и проч.), что не такъ, какъ они думаютъ, и приплесть къ требникамъ. А въ предисловіи явить то дѣльцомъ Ростовскаго съ товарищи [1]).

«Вытолковать, что всякому исполненіе закона есть спасеніе, а не монашество, какъ въ Регламентѣ духовномъ объявлено» [2]). Чтобъ требники переправить и въ нихъ кратко положить, что есть путь спасенія, яко 10 заповѣдей и три главныя добродѣтели и прочее, и чтобъ отцы духовные спрашивали прежде исповѣди (понеже тогда времени нѣтъ): умѣютъ ли они то и знаютъ ли силу того? А не хуже, чтобъ у каждаго такая книжка была, и когда придетъ постъ, чтобъ повинень всякій предъ отцомъ духовнымъ, буде не наизустъ, хотя по книгѣ смотря, сказать онаго» [3]).

Онъ самъ составилъ программу этого сочиненія, въ которой сдѣлалъ коротенькій обзоръ десяти заповѣдей и, не нашедши между ними заповѣди, запрещающей лицемѣріе, показалъ, что оно запрещается всѣми заповѣдями, потому что содержитъ въ себѣ грѣхи противъ всѣхъ заповѣдей.

«*Вопросъ*. Описавъ всѣ грѣхи противъ заповѣдей, одинъ токмо нахожу грѣхъ лицемѣрія или хапжества не обрѣтающійся между прочихъ вышеписанныхъ, что зѣло удивительно — чего для?

Отвѣтъ. Того ради, понеже заповѣди суть разны, и преступленіи разны — противъ каждой; сей же грѣхъ всѣ вышеписанные въ себѣ содержитъ, и такой онъ есть, что иной грѣхъ не можетъ въ себѣ имѣть его, хотябъ и хотѣлъ, а сей зѣло удобно всѣ имѣетъ.

Вопросъ. Како сей грѣхъ всѣ грѣхи въ себѣ содержитъ, а иніи не могутъ сего имѣть и которые?

Отвѣтъ. Противъ первой — грѣхъ есть атеистство, который въ хапжахъ есть фундаментомъ, ибо первое ихъ дѣло — сказывать видѣнія, повелѣнія отъ Бога и чудеса, все вымышленныя,

---

[1]) Каб. Дѣла, Отд. I, кн. 31, стран. 239.
[2]) Каб. Дѣла, Отд. I, кн. 31, стран. 58.
[3]) Каб. Дѣла, Отд. I, кн. 31, стран. 58.

которыхъ не бывало; и когда сами оное вымыслили, то вѣдаютъ уже, что не Богъ то дѣлалъ, но они; какая жъ вѣра въ оныхъ? А когда оной нѣтъ, то суть истинные атеисты.

Противъ второй — страха Божія не имущіи. О семъ же и толковать не надобно, понеже-де когда лгутъ на Бога, какой уже страхъ Божій обрѣтется можетъ.

Противъ третьей — сія равна второй; ктомужъ прилагается: святи его, спрѣчь, молися, ибо 6 дней тебѣ дано на дѣло, а седьмой на молитву; молитва же отъ хашкей пріятпаль Богу, которая въ лживыхъ чудесахъ и фарисейскихъ мечтахъ и атеистовскою совѣстію исполнена.

Противъ четвертой. Можетъ быть, что натуральныхъ отцовъ нѣкоторые и почитаютъ (но сіе на удачу), но пастырей, яже суть вторые по натуральныхъ отцы, отъ Бога опредѣлены, какъ почитаютъ, когда первое ихъ мастерство въ томъ, чтобъ по послѣдней мѣрѣ ихъ обмануть, а вяще тщатся бѣдство имъ приключить подчиненныхъ пастырей оболгаіемъ у вышнихъ, а вышнихъ — всѣяніемъ въ народѣ хульныхъ про оныхъ словъ, подвигая ихъ къ бунту, какъ многихъ головы на кольяхъ свидѣтельствуютъ.

Противъ пятой — не убіеши. О семъ всякъ изъ 4-го отвѣта можетъ выразумѣть, что оружіемъ не такъ скоро человѣка погубить можно, какъ языкомъ; и который на свѣтѣ разбойникъ столько можетъ людей погубять, какъ заводчикъ бунта, о чемъ въ 4 отвѣтѣ ясно изображено; а все то чинятъ образомъ святыни, подъ видомъ агнца, прикрывся его кожею.

На шестой — не прелюбы сотвори. Какъ бы могъ мужъ незнаемаго человѣка къ женѣ допустить, а особливо бодраго и хорошаго? А хашку еще и подъ руку пришявъ отведетъ для благословенія и пророчества и, провожая назадъ, руки выцѣлуетъ и наклапяется, считая за великую себѣ добродѣтель (что такого адскаго сыпа въ свояки себѣ пришялъ).

На седьмую — не укради. Не токмо одною рукою, но духомъ и обѣими все крадутъ.

На осьмую — не послушествуй ложно. Да въ семъ ихъ и мастерство состоитъ, какъ выше писано.

На девятую и десятую — не пожелай чего ни есть ближняго твоего. Сіе все безъ разбору, понеже чѣмъ бы имъ питаться?

Какъ слѣдуетъ, скажутъ, что явилась икона гдѣ въ лѣсу или на иномъ мѣстѣ, и явленіе было, чтобъ на томъ мѣстѣ монастырь сдѣлать или пустыню, а монастырю безъ деревень быть нельзя, какъ недавно такое дѣло было въ Преображенскомъ, что два крестьянина пришли и сказали такое явленіе, чтобъ построить монастырь и господина ихъ деревню тутъ отдать. — И тако сей грѣхъ всѣ въ себѣ содержитъ, а изъ грѣховъ прочихъ не каждый можетъ, напримѣръ: колибъ разбойникъ сталъ хапжить, ктобъ его въ артель принялъ? Когдабъ кто изъ шумящъ, кто пришелъ на кабакъ святымъ образомъ, и не сталъ бы пить и шалить съ ними, всѣ бъ отъ него побѣжали. Когдабъ охотникъ молодой до венуса пришолъ бы въ компанію дѣвицъ въ хапжескомъ образѣ, ни у одной бы дружбы не сыскалъ. Когдабъ тать такъ себя учинилъ, товарищей бы не нашолъ, понеже чаяли бъ, что ихъ искушаетъ. И тако не всякой грѣхъ можетъ хапжество употреблять при своемъ, а хапжа — все. Наконецъ Христосъ Спаситель ничего апостоламъ своимъ боятися не велѣлъ, а сего весьма велѣлъ: *блюдитеся*, рече, *отъ кваса фарисейска*, еже есть лицемѣріе» [1]).

По этой программѣ, Петръ поручилъ Ософану составить пространное изложеніе христіанскаго ученія и благочестія, съ направленіемъ его противъ хапжей и лицемѣровъ. Ософанъ написавши, представилъ его Государю, бывшему въ ту пору въ астраханскомъ походѣ. Государь отвѣчалъ 13 іюля, 1722 года: «книгу о блаженствахъ всю чель, которая зѣло изрядна и прямой путь христіанскій; только надлежитъ предисловіе сдѣлать, въ которомъ разныя толкованія неправыя хапжевскія всѣ выяснить, дабы читающій первo свой порокъ узналъ и потомъ пользу прямую и истинную. Такожъ въ концѣ силу всей книги зѣло короткою выпискою безъ толку (понеже оный уже выше писанъ) положить, дабы могъ на память оное имѣть, понеже всей книги на память не возможно имѣть и, сочиня сіе, напечатать до возвращенія нашего» [2]).

---

[1]) Кабин. Дѣла, I, № 31, л. 35—44.

[2]) Кабинет. Дѣла, II, кн. 62, стр. 795. На концѣ государева письма прибавлено: «такожъ и того, что хотѣли исправить въ исповѣдяхъ. Также, чтобъ какъ архіереи, такъ по монастырямъ и прочимъ мѣстамъ церквей не дѣлали

Кажется къ этому же сочиненію относится собственноручная замѣтка Государя, сохранившаяся въ Кабинетныхъ бумагахъ: «Впереди напечатать. Понеже многія пути спасенія не вѣдаютъ и званіе свое ни во что ставятъ, но еще и сустѣ сего міра, а не точію Божію опредѣленію приписуютъ, что и пословица есть, кто постригается — говорятъ — работалъ земному царю, а нынѣ пошелъ работать Небесному; ктому же ханжи толкуютъ розно, иные: ежели не покинешъ міра, не будешь чернецъ, не спасешься; иные: надобно по вся дни всю службу церковную слушать, или по двѣ или по три обѣдни на день; иные, когда кому въ путь ѣхать, напередъ голоса въ два или три и болѣе выговариваютъ церковную службу напередъ; иные многіе поклоны и правилы, оставя врученное имъ дѣло и домоправленіе, дѣлаютъ, полагая въ томъ спасеніе» [1]).

Въ томъ же 1722 г. книга о блаженствахъ напечатана была съ краткою, на концѣ выпискою, существенныхъ ея положеній, для заучиванья на память.

Каноническія сочиненія.

Розыскъ историческій, коихъ ради винъ и въ яковомъ разумѣ были и нарицаются императоры римскіе, какъ языческіе, такъ и христіанскіе, понтифексами или архіереями многобожнаго закона. А въ законѣ христіанстѣмъ христіанскіе государи могутъ ли нарещися епископи и архіереи и въ какомъ разумѣ? Спб. 1721. «Сему историческому розыску вину подалъ случившійся между нѣкоторыми любопытными разговоръ, понеже нѣкіихъ было мнѣніе, будто христіанскіе цари нарицаются понтифексами или архіереями христіанскаго закона, такожъ и великій Константинъ нареченъ былъ епископъ христіанскій въ томъ разумѣ, въ которомъ нарицаются церковносвященства управители; того ради честному сему любопытству послужилъ Ософанъ, послѣдуя прямую историческую истину». Результатъ изслѣдованія состоитъ въ томъ, что христіанскіе государи имѣютъ право на управленіе дѣлами Церкви, но что имъ неподобаетъ самимъ отправлять боже-

---

безъ указу изъ Синода, понеже сами извѣстны, какое то небреженіе славѣ Божіей въ нашихъ церквахъ и множествѣ поповъ».

[1]) Кабин. Дѣла, отд. I, кн. № 31, стр. 34.

ственную службу. «Пѣти же царю и пѣнія церковная слагать (ибо и сіе пѣціи въ дѣло священства царю поставляютъ) есть знаменіе храмолюбія и смиренія царскаго, а не чина священнаго».

Разсужденіе св. Сѵнода о бракахъ правовѣрныхъ съ иновѣрными. Спб. 1721. Съ 1781 г. печатается при Духовномъ регламентѣ [1]).

Мнѣніе о правильномъ разводѣ мужа съ женою. Поводомъ къ этому мнѣнію было начавшееся въ 1721 г. бракоразводное дѣло А. Г., урожденной Долгоруковой, съ кравчимъ В. Ѳ. Салтыковымъ. Ѳеофанъ писалъ, что «разводъ есть сугубый: одинъ несовершенный, или временное разлученіе супруговъ сожитіемъ, но не союзомъ, на основаніи 1-го посланія ап. Павла къ Коринѳ. гл. VII, и другой совершенный, когда супруговъ разлучаютъ не отъ сожитія только, но и отъ закона союза супружескаго. Единственнымъ поводомъ къ этому разводу можетъ быть только прелюбодѣяніе одного изъ супруговъ. —«Равно ли какъ мужъ съ женою за ея прелюбодѣяніе, такъ жена съ мужемъ за его прелюбодѣяніе развестися можетъ совершеннымъ разводомъ? Нѣцыи неравенство держатъ и точію мужеви даютъ власть отпустити жену за ея прелюбодѣяніе, а женѣ съ мужемъ разлучатися за мужнее прелюбодѣяніе не попускаютъ». Но Ѳеофанъ находитъ это несправедливымъ. «Когда невинное лице, отъ супружества отрѣшенное за прелюбодѣяніе другаго, получило свободу къ новому браку: что̀ тогда дѣлать съ лицомъ виноватымъ? Попустить ли и ему искать новаго брака? Вопросъ сей мѣста не имѣетъ тамъ, гдѣ прелюбодѣевъ казнятъ смертію, какъ и въ Ветхомъ Завѣтѣ дѣялося; но гдѣ милостивѣйшій на таковыхъ судъ положенъ и опыхъ, по нѣкоемъ тѣлесномъ наказаніи, жити оставляютъ, тамъ сей вопросъ зѣло трудный есть». Ѳеофанъ полагаетъ, что «и виноватому лицу, хотя не скоро и съ трудностію, однакожъ можно попустить свободу къ новому браку, потому что и виноватое лицо, по совершенномъ разводѣ, ни къ кому долгомъ супружества не привязано; супругъ, прелюбодѣйный въ первомъ супружествѣ, можетъ быть вѣрнымъ во второмъ; лишенный же права на вступленіе въ новый бракъ, непрестанно будетъ въ опасности грѣха блуднаго». Впрочемъ онъ полагаетъ «дѣлать это съ трудностію и не скоро, чтобы не вошло

[1]) Полн. Собр. Закон. VI, № 3,814.

между супругами безстрашіе прелюбодѣйства и нарочное поискаиіе разводовъ». Для этого онъ полагалъ бы «наказывать виновное лицо жестоко на тѣлѣ или на чести судомъ гражданскимъ; подвергать публичной церковной эпитиміи; не дозволять брака, пока несочетается бракомъ невинное лицо».—Въ одно время съ Ѳеофаномъ подалъ мнѣніе по тому же вопросу Аоанасій Кондоиди. Соглашаясь съ Ѳеофаномъ въ томъ, что и жена можетъ требовать развода съ мужемъ, онъ полагаетъ, что жена можетъ заявить это требованіе не токмо за прелюбодѣяніе мужнее, но и за біеніе.

Сочиненія противъ раскола.

Весьма важную часть распоряженій духовнаго и гражданскаго правительства этого времени составляютъ распоряженія о раскольникахъ. Въ Сунодѣ образовано было даже особое отдѣленіе по раскольническимъ дѣламъ и поручено ближайшему наблюденію тверскаго епископа Ѳеофилакта. Но важныя дѣла восходили на общее разсужденіе св. Сунода и рѣшались въ общемъ его собраніи.

Ѳеофанъ, не оставлявшій ни одного важнаго дѣла безъ того, чтобы не осмотрѣть и не обдумать его со всѣхъ сторонъ, принималъ въ раскольническихъ дѣлахъ постоянное участіе. Онъ написалъ нѣсколько увѣщаній къ раскольникамъ, которыя разосланы были отъ Сунода въ видѣ объявленій или указовъ. Таковы:

Увѣщаніе къ раскольникамъ, чтобы они безбоязненно явились въ Сунодъ для разсужденія о своихъ сомнѣніяхъ, 1722 г. [1])

Объявленіе съ увѣщаніемъ отъ Сунода о продерзателяхъ, неразсудно на мученіе дерзающихъ [2]). Поводомъ къ этому увѣщанію было упорство нѣкоторыхъ раскольниковъ, охотнѣе подвергавшихся наказанію, нежели перемѣнѣ одежды и стриженію волосъ. Св. Сунодъ предписалъ священникамъ читать это объявленіе по церквамъ въ воскресные и праздничные дни разъ въ мѣсяцъ, а во время ярмарокъ, когда бываетъ большое стеченіе народа, и предъ церквами во всеуслышаніе.

Отвѣты на предложенные изъ Приказа церковныхъ дѣлъ

[1]) Полн. Собр. Зак. т. VI, № 3391.

[2]) Тамъ же № 4053. Въ это объявленіе, по свид. м. Евгенія, вошла часть вышеупомянутаго нами трактата о мученичествѣ.

пункты о записныхъ и не записныхъ раскольникахъ (Москва, 1722 г.)

Въ 1723 году Ѳеофанъ написалъ, по высочайшему повелѣнію, *Разсужденіе о поливательномъ крещеніи* (Спб. 1724 г.), въ которомъ защищаетъ, противъ раскольниковъ, силу поливательнаго крещенія наравнѣ съ погруженіемъ. Впрочемъ Ѳеофанъ подвергся за это укоризнамъ со стороны нѣкоторыхъ церковныхъ писателей.

Увѣщаніе отъ св. Сѵнода неволждамъ (раскольникамъ). Спб. 1725 г. (Полн. Собр. Зак. VII, № 4635).

Проповѣди.

Выставляя на видъ выгоды преобразованій и нововведеній, вводимыхъ Петромъ въ русскую жизнь, Ѳеофанъ говоритъ о нихъ, съ церковной каѳедры, цѣлыя политическія рѣчи.

Въ одной изъ нихъ, въ 1716 году, онъ сравниваетъ состояніе новой, преобразованной Россіи, съ древнею, до-петровскою и не находитъ похвалъ новому ея состоянію. «Кто не видитъ, о Россіяне, насъ нынѣ такъ счастливыхъ, такъ блаженныхъ, такъ благополучныхъ быти сподобляемыхъ всещедрыми къ намъ милостынями Вышняго?»—Не рѣшаясь описывать всѣ великія дѣла Государя, проповѣдникъ, летя по слѣдамъ славы его, предположилъ указать только на нѣкоторыя, выдающіяся ярче другихъ. «Но здѣ предлежитъ намъ сугубый путь гражданскаго и воинскаго правительства. Въ который первѣе устремимся? Пойдемъ первѣе въ гражданскій, яко домашній; воинскій бо за предѣлы отечества ведетъ. А здѣ да представитъ намъ свидѣтельство памяти всепародныя, память же не престарѣлыхъ людей, но не далеко за двадесять лѣтъ вспять заходящая. Что бо была Россія прежде такъ не долгаго времени и что есть нынѣ? Посмотримъ ли на зданія? На мѣсто грубыхъ хижинъ наступили палаты свѣтлыя, на мѣсто худаго хврастія дивные вертограды. Посмотримъ ли на градскія крѣпости? Имѣемъ таковыя вещи, каковыхъ и фигуръ на хартіяхъ прежде не видѣли и не вѣдали. Воззримъ на сѣдалища правительскія? Новый сенаторовъ и губернаторовъ санъ, въ совѣтахъ высокій, въ правосудіи неумытный, желательный добродѣтелемъ, страшный злодѣяніямъ. Отверземъ статіи и книги судейскія? Колико лишнихъ отставлено, колико здравыхъ и нужнѣйшихъ прибыло вновь? Уже и

свободныя ученія полагаютъ себѣ основанія, идѣже и надежды не имѣяху; уже арѳметическія, геометрическія и прочія философскія искуества, уже книги политическія, уже обоей архитектуры хитрости умножаются. — Что же речемъ о флотѣ воинскомъ? Многая минувше, едино главнѣйшее изречемъ. На таковый сей, трудный, повый, преславный заводъ недовольно было никое же имѣніе, ни лѣсы дубравные, ни труды дѣлателей. Потребно было оружеоснымъ симъ ковчегамъ мѣсто и поле теченію ихъ подобающее: инакобы все суетно было. Здѣ же кто не видитъ, что державѣ россійской подобало простретися за предѣлы земные и на широкія моря пронести область свою. Купилъ намъ тое Самодержецъ нашъ не сребромъ купеческимъ, но маресовымъ желѣзомъ. Се уже единою погою (Россія) на землѣ, другою же стоитъ на морѣ, дивна всѣмъ, всѣмъ страшна и славна. А ты новый, новоцарствующій граде Петровъ, не высокая ли слава есп фундатора твоего? Идѣ же на помыслъ кому былъ жительства человѣческаго, достойное вскорѣ устроися мѣсто престолу царскому. По еще побѣжимъ въ слѣдъ его воинскій — и здѣ точію имена вещей нѣкихъ воспомянути можемъ. Еще отроческою рукою разори Казикермень, разруши Азовъ; возъяренъ же неправедымъ терзаніемъ Льва свѣйскаго, коль много отсѣче градовъ и крѣпостей здѣ въ Ингріи, въ Ливоніи, въ Помераніи, въ Кореліи, въ Финляндіи и въ чужихъ гнѣздахъ крыющася обрѣте, въ Митавѣ курляндской и Елбингѣ прусскомъ; дерзнувша же вегрѣтитися на полѣ ратномъ, преславно побѣди подъ Калишемъ, на Черной Напѣ, подъ Пропойскомъ, подъ Полтавою. Но и иныя побѣды прочіи пространныхъ проповѣдей достойныя суть» [1]). — Воспоминаніе полтавской побѣды въ 1717 г. дало ему случай изобразить величіе воинскихъ дарованій, славу побѣдъ и пользу пріобрѣтеній Петра для Россіи [2]).

Въ привѣтственной рѣчи Государю, по случаю возвращенія его въ Россію изъ путешествія, и въ слѣдующей за тѣмъ проповѣди 23 октября 1717 г., Оеофанъ описываетъ пользу этого путешествія для Государя и для Россіи. «Странствованіе дивно объясняетъ разумъ къ правительству и есть тое лучшая и живая чест-

---

[1]) Слова и рѣчи Оеофана, ч. I, Спб. 1760 г., стр. 99—119.

[2]) Тамъ же, стр. 143 и слѣд.

ныя политики школа. Предлагаетъ бо не на хартіи, но въ самомъ дѣлѣ, не слуху, но самому видѣнію обычаи и поведенія народовъ; дѣянія, промыслы, совѣты, суды, нравы и правительства образы. Особенно же дѣламъ военнымъ изрещи трудно, какъ изрядно обучаетъ странствованіе. Молю, да не въ грѣхъ мнѣ поставитъ кто, что о вещи, моему разсужденію не подлежащей, воспомнити дерзаю[1])». Въ 1720 г. по случаю воспоминанія полтавской побѣды, Ѳеофанъ говоритъ, въ присутствіи Государя, похвальное слово о флотѣ россійскомъ [2]). Въ 1721 г., по случаю заключенія мира между Россіей и Швеціей, описываетъ силу бывшаго непріятеля, мудрость и мужество Царя, величіе побѣды и выгоды пріобрѣтеннаго мира[3]).

Не было ни одного событія въ государствѣ, котораго Ѳеофанъ не сдѣлалъ бы предметомъ проповѣди и не изъяснилъ народу его значенія.

С. Петербургская семинарія.

Распространяя государство силою оружія, Петръ I въ тоже время хотѣлъ просвѣтить и образовать его посредствомъ ученія и науки. Извѣстны заботы и распоряженія Государя объ учрежденіи народныхъ и спеціальныхъ училищъ. Духовенство, стоящее впереди народа и руководствующее его въ нравственной жизни, тѣмъ болѣе обращало на себя вниманіе Государя.

При учрежденіи Синода предположено было учредить Академію или семинарію для приготовленія достойныхъ пастырей Церкви. Въ Духовномъ регламентѣ (въ статьѣ — домы училищные) изложены правила для этого учрежденія. Съ этихъ поръ учрежденіе Академіи было постояннымъ предметомъ заботъ Государя. Ѳеофанъ въ этомъ дѣлѣ былъ тѣмъ заботливѣйшимъ исполнителемъ его желаній, что они совпадали съ его собственными.

Въ 1721 г. Ѳеофанъ подалъ въ Синодъ допошеніе слѣдующаго содержанія. «Въ Регламентѣ правительствующаго Синода поло-

---

[1]) Слова и рѣчи Ѳеофана, ч. I, Спб. 1760 г., стр. 175 и слѣд.

[2]) Слова и рѣчи Ѳеофана, ч. II, Спб. 1761 г., стр. 45 и слѣд.

[3]) Тамъ же, стр. 71 и слѣд.

жено быть при царствующемъ С. Петербургѣ семинаріи, то есть училищному отроческому дому: и царское величество объявилъ чрезъ своего кабинетнаго-секретаря г. Макарова свое о начинаніи дѣла того благоволеніе, и подворье, на которомъ нынѣ его государева кунштъкамера, отдать на построеніе дому того намѣренъ. Прошу вашего святѣйшества подать о семъ донош̀еніе царскому величеству отъ всего Сунода, дабы сіе лѣто безъ начатія строенія помянутаго не прошло». — 15-го марта св. Синодъ представилъ объ этомъ докладъ Государю, съ приложеніемъ составленнаго Ѳеофаномъ проэкта училищнаго дома. «Искалъ я, — писалъ Ѳеофанъ въ этомъ проэктѣ [1]), — какъ могъ, прилежно мѣста, угоднаго къ построенію семинаріи». Но изъ всѣхъ мѣстъ, какія онъ осмотрѣлъ, самымъ удобнымъ оказалось то, гдѣ стоялъ домъ, бывшій Кикина, въ которомъ тогда помѣщалась Кунстъ-камера, (около Смольнаго двора, противъ Охты). Ѳеофанъ предполагалъ присоединить къ нему и бывшее тутъ же рядомъ подворье троицкаго сергіева монастыря. Замѣчательно мнѣніе его о пріисканіи учителей: «не каковыхъ ни есть, но изрядныхъ и свидѣтельствованныхъ учителей надобѣ, которыхъ *призвать бы изъ академій иноземныхъ*, съ свидѣтельствомъ знатныхъ школьныхъ и гражданскихъ властей. И понадобѣ опасатися, дабы оные дѣтей нашихъ не совратили къ своей богословіи, ибо можно имъ артикулами опредѣлить, чего оные учить будутъ должны и надсматривать, не учатъ ли нѣчто, нашему исповѣданію противное. И если не опасаются господа русскіе посылать дѣтей своихъ въ академіи иноземскія, гдѣ учители свободно свои мнѣнія предлагаютъ; то для чего бы опасаться у насъ, гдѣ они артикулами и надсмотрѣніемъ яки связаны будутъ». Ѳеофанъ предлагалъ назвать академію *Петровъ Садъ* или *Петръ-Гартенъ*, въ память о великомъ фундаторѣ, какъ и многія училища и самая аонская академія наречены отъ своихъ фундаторовъ.

31 іюня Сенатъ сообщилъ вѣдѣніемъ Суноду, что «хотя для семинаріи назначенъ домъ каменный на берегу Невы рѣки, гдѣ нынѣ Кунштъкамера, но оный еще вскорѣ не учинится, а который

[1]) Кабин. Дѣла II. № 57. л. 1—5. Напечатанъ у Пекарскаго: Наука и Литература въ Россіи при Петрѣ В. Ч. 1, стр. 561—564.

домъ на Кунштъкамеру дѣлается на Васильевскомъ острову, еще не отдѣланъ, а ученикамъ (которыхъ собрано у псковскаго архіепископа человѣкъ до 20) жить негдѣ; того для его величество указалъ, для ученія оныхъ, отдать нынѣ на время домъ б. п. государыни царевны Екатерины Алексѣевны, который подлѣ двора псковскаго архіепископа; а буде тотъ домъ занятъ изъ артиллеріи покажею, и для того велѣть очистить столько свѣтлицъ, чтобъ возможно было жить ученикамъ — человѣкамъ пятидесяти».

Ософанъ, между тѣмъ, представилъ Государю рисунокъ училищнаго дома. Государь самъ разсматривалъ рисунокъ, и потомъ приказалъ Макарову отписать въ Сунодъ, чтобы приказали заблаговременно заготовлять матеріалы; вмѣстѣ съ тѣмъ подтвердилъ свой прежній указъ, чтобы, для временнаго помѣщенія семинаріи, очистить нѣсколько свѣтлицъ въ домѣ царевны Екатерины Алексѣевны.

Сунодъ подалъ Государю докладъ о матеріалахъ; а Θеофанъ писалъ о немъ Макарову: «посылаю при семъ опись, какую написалъ архитектъ, кое число кирпича, извести и прочихъ матеріаловъ требуетъ строеніе дому семинаристскаго, по написанномъ и похваленномъ чертежу. И сіе дѣло скораго указа государева и по оному своего начинанія требуетъ, дабы намъ безъ начинанія сего не пропустить лѣта, и за долгимъ отлагательствомъ не пошло бы дѣло въ забвеніе. А дѣла сего требуетъ и сама крайняя отечества нужда и польза царскому величеству; ибо въ дому училищномъ памѣряемомъ не только богословское имѣетъ быть ученіе чину церковному потребное, но, аще благоволитъ царское величество, будетъ и юриспруденція, къ лучшему произведенію судебныхъ дѣлъ. И чего съ трудностію и не малымъ иждивеніемъ предлежитъ дѣтей нашихъ обучать въ чужихъ сторонахъ, не лучше ли было бы учить того дома множайшее число учениковъ, и съ не великимъ коштомъ. Да дѣло же сіе потребно есть и къ совершенію славы царскаго величества. Превозшелъ его величество всѣхъ всего свѣта государей храбростію, мудростію, тщаніемъ и происшедшими отъ оныхъ добродѣтелей дѣлами: конечножъ подобаетъ, дабы и въ заводѣ толь полезнаго ученія не остался отъ прочихъ; понеже вся европейскія и малыя государства нарочитыя имѣютъ ученія и оными славятся.

А откудубъ коштъ взять на дому училищнаго построеніе, еще Сунодъ, никакой казны не имѣя, не можетъ о томъ опредѣленія учинить. Просимъ благородія вашего напомянуть царскому величеству опалыя деньги, и съ оныхъ не укажетъ ли Государь выдать число нѣкое къ нуждѣ сей? А слышали мы, что его величество къ таковымъ нуждамъ намѣрилъ деньги оныя. Еще извѣстно намъ, что у смоленскаго архіерея обрѣтается нѣсколько тысячъ повѣпечныхъ государевыхъ денегъ, и онъ-де, архіерей, просилъ царскаго величества опредѣлить ему деньги оныя на строеніе церкви каменной, да ему въ томъ отказано. Просимъ мы его царское величество, да повелитъ оныя деньги отдать въ Сунодъ на строеніе семинаріи. Былъ совѣтъ въ Сунодѣ о томъ, какъ бы и гдѣ возможно нѣкое число дѣтей начать учить, покамѣстъ построится семинарія. И я отъ себя предложилъ, что сверхъ нѣсколько робятокъ, при мнѣ учимыхъ и питаемыхъ, по должеству моему потщуся очистить и угодныя сдѣлать пять избъ въ моемъ дому, гдѣ до тридцати отроковъ вмѣстить можно будетъ. Только бъ препитаніе и одѣяніе ихъ, такожъ и награжденіе учителемъ двоимъ было опредѣлено отъ царскаго величества. И не ставлено бы солдатъ у мене дотоль, доколь ученики не прейдутъ въ семинарію. Однакожъ сего дѣлать не могу, пока не вижу начатія строенія семинаріи. И о семъ какъ соблаговолитъ и укажетъ милостивѣйшій Государь»[1]).

Въ декабрѣ Государь приказалъ отпустить изъ Кабинета на строеніе семинаріи 2000 руб. Въ 1722 г. 28 февраля Сунодъ положилъ отдѣлывать, по утвержденному рисунку, недостроенныя палаты на отданномъ Суноду дворѣ князя Гагарина. Надзоръ за строеніемъ порученъ суподальнымъ ассессорамъ Оеофилу Кролику и протопопамъ троицкому и петропавловскому. Въ концѣ этого года Военная Коллегія донесла Суноду, что часть свѣтлицъ въ домѣ покойной царевны ею очищена. Св. Сунодъ приказалъ отдѣлать ихъ для пребыванія семинаристовъ. Въ 1724 г., 3-го августа, Сунодъ подалъ Государю докладъ: «откуда довольствовать учителей, учениковъ и служителей?» Но за

[1]) Кабин. Дѣла II, № 61, л. 82.

смертію Государя дѣло это осталось неконченнымъ. Домъ, назначенный для семинаріи, много лѣтъ пустовалъ, безъ ремонта и поправокъ и, наконецъ, въ 1743 г. отданъ въ вѣдомство Полиціймейстерской канцеляріи [1]).

Штатъ духовный.

Послѣ учрежденія Сунода, Петръ озабоченъ былъ штатомъ синодальнаго правленія и вообще духовнаго вѣдомства, и поручилъ составленіе его Ѳеофану. «Его величество, — пишетъ Татищевъ [2]), видя, что хотя званіе архіереевъ на три степени раздѣлили, яко митрополиты, архіепископы и епископы, но разность ихъ ни въ чемъ иномъ, какъ въ предсѣданіи и одеждахъ состояла, въ правленіи же и власти каждый въ своей епархіи равную силу имѣлъ, а нѣкоторые архимандриты никому, кромѣ Сунода, подчинены не были, называемые ставропигіи: того ради тотчасъ чинъ митрополитовъ, яко излишній, оставилъ. Его величество ни о чемъ болѣе, какъ къ просвѣщенію народа науками и къ искорененію суевѣрствъ прилежалъ, чрезъ которыя многіе неповинно въ заблужденіи гибнутъ; и хотя о училищахъ въ духовномъ уставѣ положено, но (какъ) Суноду за далекоотстоящими архіереи надзирать невозможно, замѣрился учинить пять архіепископовъ, яко великороссійскій, бѣлороссійскій, малороссійскій, болгарскій и сибирскій,—подъ ихъ смотрѣніемъ 38 епископовъ,—при нихъ, для помощи въ правленіи, а собственно къ содержанію училищъ и богадѣленъ, 48 архимандритовъ, и на всѣхъ достаточное денежное жалованье изъ ихъ собственныхъ и монастырскихъ доходовъ положилъ. Сію я роспись видѣлъ у архіепископа Прокоповича, подъ которою его величества рукою было подписано: «достальныя употребить проповѣдникамъ въ неповѣрцахъ, на прибавочныя школы и богадѣльни». И того же 1724 г., въ декабрѣ изволилъ о учрежденіи училищъ въ монастыряхъ указомъ Суноду подтвердить, по конечною его величества все оное въ забвеніи осталось» [2]).

---

[1]) Описаніе докум. и дѣлъ арх. св. Сунода, т. 1, стр. 152.

[2]) Росс. ист. Ч. I, Москва 1768 г.

Намъ не довелось нигдѣ встрѣтить ни этой росписи, ни указанія на нее. Но въ Кабинетныхъ дѣлахъ Государственнаго архива есть указаніе на одно донесеніе Ѳеофана Государю, въ которомъ онъ испрашивалъ его разрѣшенія касательно нѣкоторыхъ предметовъ, относившихся къ составленію духовнаго штата. Мы вполнѣ приводимъ этотъ документъ.

«Нѣкая, по мнѣнію моему, надлежащая къ разсужденію штата духовнаго, сія суть:

1) Монастырю троицкому сергіеву быть ли въ опредѣленіи штатскомъ. А вѣдати подобаетъ, что многіе тамо слуги лишніе суть и очередно въ вотчины посылаются вмѣсто жалованья и не безъ раззоренія крестьянъ богатятся.

2) Слышно, что многіе епископы имущее быть равное всѣмъ архіереямъ опредѣленіе слышатъ съ радостію.

3) Не надлежитъ ли выдать указу съ именнымъ нѣкіимъ указаніемъ на тѣхъ, которые репорты приходовъ денежныхъ и хлѣбныхъ ложные пришлютъ, истязавъ кто виновенъ тому, начальный ли или ихъ подначальные управители.

4) Слышится, что многіе желаютъ, дабы однажды усмотрѣнные остатки вовсе были бы опредѣлены, яко дань постоянная, дабы и съ домовъ архіерейскихъ и съ монастырей опредѣленныя деньги и хлѣбъ давано, какъ въ плодоносный годъ, такъ и въ средній и скудный.

5) Если кто тщаніемъ своимъ пріумножитъ экономіи безъ налога на крестьянъ, будетъ ли ему нѣкое, сверхъ опредѣленія, награжденіе?

6) Въ Духовномъ регламентѣ положено всякому архіерею содержать школу малыхъ робятъ и на содержаніе оной сбирать съ монастырей 20-ую долю хлѣбнаго прихода: сему впредь быть ли?

7) Собирать ли буде въ одно мѣсто денежные и хлѣбные остатки, или хранить оные по своимъ мѣстамъ, а записи были бы при Синодѣ у казначея?

8) Полезно, кажется, будетъ на всякъ годъ, по собраніи съ полей хлѣба, также и денегъ, отлучить остатки и запечатать при инквизиторахъ и репортовать въ контору синодальную. А кто

репортъ во время уреченное не пришлетъ, и то ему вмѣнить въ воровство.

9) Изъ монастырей, у которыхъ нѣтъ вотчинъ, не переводить бы монаховъ въ монастыри вотчинные, ибо то было бы съ лишнею издержкою, понеже безвотчинные монастыри, переходя къ вотчинным, ничего съ собою не принесутъ, а на нихъ расходъ умножится, но безвотчинные монастыри малые переводить въ большіе безвотчинные же».

На этомъ донесеніи Петръ написалъ: «прежде всего положить доходъ школамъ, напримѣръ столько держать учениковъ, сколько церквей въ епархіи или меньше, однакоже не гораздо, а потомъ другое [1])».

Но составленіе штата духовнаго остановилось за смертію Государя.

Устроеніе монашества и монастырей.

Заботясь о приведеніи въ лучшій порядокъ духовенства, Петръ обратилъ вниманіе на монастыри и, еще въ 1701 году, 31-го января, приказалъ боярину И. А. Мусину-Пушкину, описавъ ихъ, составить какъ имъ, такъ и церквамъ, Ружную книгу. При учрежденіи Синода, составлены были и приложены къ Духовному регламенту общія правила для монастырей и монашествующихъ. Кромѣ того Ософанъ составилъ *правила келейнаго житія для монаховъ александро-невскаго монастыря*. Но все это были мѣры частныя, палліативныя. Петръ хотѣлъ рѣшительной мѣрой преобразовать монастыри.

Въ 1724 году, 31-го января, онъ подписалъ указъ, которымъ предполагалось устроить монашество по древнимъ образцамъ, сообразно съ истинною его цѣлью, и размножившимся монастырямъ дать назначеніе, требуемое пользою государства. — Указъ этотъ составленъ самимъ Государемъ и потомъ, по его приказанію, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ пополненъ Ософаномъ [2]).

---

[1]) Кабин. дѣла I, № 31, л. 186—187. Года неноказано. Въ Кабинетныхъ дѣлахъ, въ памятныхъ запискахъ Государя, есть замѣтка, относящаяся, повидимому, къ духовному штату: «архимандритамъ быть надъ нѣсколькими монастырями, въ помощь епископамъ, а въ прочихъ—игуменамъ». (Тамъ же, л. 5[2]).

[2]) Въ 1731 году, по дѣлу Ософана съ Маркеллом Родышевскимъ, Кабинетъ

Опъ состоитъ изъ историческаго объясненія: когда и коей ради вины начался чинъ монашескій и каковый былъ образъ житія монаховъ древнихъ; и изъ двухъ опредѣленій — перваго о монахахъ и монахиняхъ, избирающихъ монашество ради единаго токмо житія уединеннаго и втораго — о желающихъ монашества для архіерейства [1]).

потребовалъ изъ св. Сунода извѣстія: чьего сочиненія книга — Объявленіе о монашествѣ? Сунодъ отвѣчалъ, что въ дѣлахъ его свѣдѣнія объ этомъ неимѣется, потому что «Объявленіе» прислано въ Сунодъ уже готовое за подписаніемъ руки блаженной памяти Государя Петра I. Кабинетъ, чрезъ князя А. М. Черкасскаго, потребовалъ извѣстія объ этомъ у Ѳеофана. Ѳеофанъ отвѣчалъ письмомъ на имя помянутаго князя. «Писаніе сіятельства вашего, сего іюля 8-го дня писанное, получилъ я сегожъ іюля 12-го дня, которымъ изволите требовать отъ меня увѣдомленія: чьего сочиненія книги: первая о монашествѣ, и другая — толкованіе о блаженствахъ, уповая, что мы о томъ извѣстны. И я о томъ, яко подлинно вѣдущій, благопочтенно сіятельству вашему симъ извѣствую. Книга «Объявленіе о монашествѣ» есть сочиненія отчасти самаго блаженныя и вѣчнодостойныя памяти Государя императора Петра I, а отчасти моего. А дѣлалось тако. Въ послѣднихъ числахъ ноября или въ первыхъ декабря, его величество, призвавъ меня въ зимній свой въ С. Петербургѣ домъ, показалъ отъ себе написанное, помянутое о монашествѣ объявленіе, гдѣ были многія мѣста оставленныя пустыя, и сказалъ, что на оныхъ мѣстахъ надлежитъ вписать изъ книгъ древнихъ свидѣтельства, а намъ-де того дѣлать нельзя; и приказалъ ему, архіерею, въ выпискахъ тѣхъ потрудиться; такожъ и что бы мнѣ архіерею прибавить разсудилось, и то приложить; и обѣщалъ сочиненное собою оное объявленіе, съ оставленными мѣстами, прислать въ домъ ко мнѣ, и скоро потомъ иною рукою списанное, чрезъ секретаря Черкасова прислалъ. И по тому его величества приказанію, выписалъ я свидѣтельства св. отецъ и древнихъ историковъ ко всякой, того требующей, писанія его величества части; особливоже о должномъ монашеству трудолюбіи всѣ мои рѣчи, со учительскими приведенными свидѣтельствы, до оныхъ словъ: *но и сія намъ довольны.* Такожъ и второе по оному объявленіи опредѣленіе, кромѣ начала и окончанія, сочинено мною. И кому не неизвѣстенъ его величества штиль или составъ слова, тому и нынѣ не трудно познать и разобрать, кои его величества рѣчи и кои не его, то есть мои. И то о князѣ: «Объявленіе.» А книга «Толкованія евангельскихъ блаженствъ» вся моего сочиненія, по именному его величества приказанію отъ мене написанная. О семъ извѣствуя, пребываю вашего сіятельства благожелательный богомолецъ и слуга, смиренный Ѳеофанъ архіепископъ новогородскій. Іюля 13-го дня 1731 года». (Государств. архив. Разр. VII. Дѣла Ѳ. Прокоповича.

[1]) Указъ 31-го января 1721 г., въ приложеніяхъ № III. Между Меморіями Петра въ Кабинетскихъ дѣлахъ есть много замѣтокъ, относящихся къ устроенію монастырей и монашествующихъ. Замѣтки эти частію послужили основаніемъ для указа, частію были дополненіемъ къ нему.

«Сверхъ нищихъ въ монастыряхъ надлежитъ быть отставнымъ солда-

Указъ этотъ не былъ разосланъ по епархіямъ, но сообщенъ въ копіяхъ только синодальнымъ членамъ и принятъ за руководство при составленіи новаго церковнаго штата, который составлялся въ Сенатѣ.

Послѣ того бывши въ Москвѣ, во время коронаціи Екатерины, Государь далъ указъ, чтобы московскіе монастыри — чудовъ и вознесенскій-поводѣвичій опредѣлить для больныхъ, старыхъ и увѣчныхъ, а перервинскій для школъ и поручилъ эти монастыри въ вѣдѣніе и управленіе лейб-гвардіи капитана Баскакова, приказавши ему составить смѣту приходовъ и расходовъ и расчислить, сколько гдѣ можно содержать больныхъ, учредить го-

---

тамъ, подкидышамъ и учить ихъ грамоты, съ нѣкоторою прибавкою, а именно: грамматика, ариѳметика 5 частей и геометрія въ мужскихъ, но лучше симъ ученьямъ быть въ особливомъ мѣстѣ подъ вѣдѣніемъ и надсмотромъ наставника, а не по монастырямъ, чего ради выведенные монастыри и годни къ тому будутъ; а въ женскихъ, вмѣсто геометріи, мастерства женскія, также хотябъ по одному монастырю, чтобъ и языки притомъ; такожъ въ тѣхъ же или въ особливыхъ пріемъ сиротамъ, у которыхъ своихъ нѣтъ, чтобъ воспитаны и выучены были, а пожитки ихъ соблюдены и прибыли, дабы по времени своего возраста все имъ вручено было [а])».

«Время, опредѣленное сиротамъ видѣться и разговаривать публично для женитьбы окажется, въ воскресные дни обѣдать вмѣстѣ и разговаривать и по обѣдѣ часъ или два, или какъ лучше изобрѣтено будетъ, или сіе отставить, дабы молодые въ службу перво употреблены были, а вмѣсто того сіе время всякому позволить входить [б])»,

«О червицахъ вмѣсто пашни — пряжа и чтобъ сею зимою начать [в])».

«Вытолковать, что всякому исполненіе званія есть спасеніе, а не одно монашество, какъ въ Регламентѣ духовномъ объявлено [г])».

«Надобно одинъ монастырь для семинаріи и выучившихся [д])».

«Старцевъ по монастырямъ убавить, а вмѣсто того положить съ монастырей пропитаніе на больныхъ и раненыхъ солдатъ и драгунъ [е])».

«Чтобы намѣстникамъ быть въ тѣхъ монастыряхъ, изъ которыхъ въ Синодѣ.»

[а]) Кабин. дѣла Отд. I, кн. 31, стр. 57.

[б]) Кабин. дѣла Отд. I, кн. 31, стр. 56.

[в]) Въ 1723 году Синодъ требовалъ изъ Кабинета вѣдѣнія: куда отправить изъ дѣвичьихъ монастырей мастерицъ и прялей, по обученіи ими въ монастырѣхъ монахинь пряденію? (Журн. 15 іюля).

[г]) Кабин. дѣла Отд. I, кн. 31, стр. 58.

[д]) Кабин. дѣла Отд. I, кн. 31, стр. 56.

[е]) Тамъ же, стр. 233.

спиталей и оставить братства [1]). Въ тоже время андреевскій монастырь обращенъ въ воспитательный домъ для подкинутыхъ младенцевъ [2]). Баскаковъ составилъ штатъ чудову монастырю и прислалъ монастырскому начальству для исполненія. Но архимандритъ, который былъ въ ту пору сунодальнымъ членомъ, подалъ протестъ, въ которомъ жаловался, что ему назначили бѣдное содержаніе и что у него отняли всякую власть надъ монастыремъ, и подчинили надзору братіи [3]).

По смерти Государя, хотя императрица Екатерина I, 16-го марта 1725 года, дала указъ Баскакову, чтобы порученныя ему б. п. Государемъ дѣла чинилъ неотложно и писалъ въ Сенатъ и Кабинетъ по прежнему [4]): но дѣло это мало по малу рушилось.

---

[1]) Кабин. дѣла I, №. 31, стр. 156. 159.

[2]) Въ августѣ 1730 г., высочайшимъ императорскимъ указомъ велѣно было андреевскій монастырь отдать по прежнему монахамъ, а колодниковъ и сиротъ выслать въ другое мѣсто. Вмѣстѣ съ этимъ Суноду велѣно было подать докадъ, сколько въ андреевскомъ монастырѣ находится зазорныхъ младенцевъ и мнѣніе, куда перевесть ихъ изъ андреевскаго монастыря? По доношенію Коллегіи экономіи, зазорныхъ младенцевъ въ наукѣ обрѣталось 75 человѣкъ въ андреевскомъ монастырѣ, при нихъ учитель русской грамоты съ помощникомъ, да навигаторъ одинъ, 14 работниковъ, 4 прачки и 1 копеистъ: Коллегія экономіи, съ своей стороны, предлагала разобрать оныхъ сиротъ и которые годятся въ службу, тѣхъ отослать въ Военную коллегію и въ Адмиралтейство; а неспособныхъ къ службѣ и малолѣтныхъ роздать для воспитанія желающимъ, потому что изъ онаго андреевскаго монастыря вывести ихъ некуда и способнаго имъ мѣста къ переведенію Коллегіи экономіи нигдѣ не обрѣтаетъ. И ежели тѣхъ сиротъ роздать повелѣно будетъ, то положенныя на нихъ казенныя хлѣбъ и деньги будутъ въ остаткѣ; а ежели особливой домъ имъ строить, то на строеніе того дому надлежитъ быть денегъ въ расходѣ не малое число». Сунодъ представилъ мнѣніе Коллегіи экономіи на высочайшее усмотрѣніе. (Проток. св. С. 1730 г. 28-го сентября).

[3]) За чудовымъ монастыремъ, по переписнымъ книгамъ 186 года, значилось 2926 крестьянскихъ дворовъ и въ нихъ 13294 мужскихъ души. Съ нихъ денежныхъ сборовъ 4725 р.; десятинной пашни 807 десятинъ; родится хлѣба, считая втрое противъ — посѣяннаго зерна, 7267 четвертей. По расчисленію Баскакова слѣдовало содержать въ чудовѣ монастырѣ отставныхъ солдатъ, нищихъ, больныхъ и увѣчныхъ 416 человѣкъ и къ нимъ служащихъ монаховъ 150, всего 556 человѣкъ, и сверхъ того за расходомъ должно было еще остаться въ экономіи хлѣба 3626 четвертей. (Дѣла архива св. Сунода, 1724 г. № 352).

[4]) Кабин. дѣла Отд. I, № 31, л. 166.

Хозяйственныя дѣла Ѳеофана, во всю бытность его псковскимъ епископомъ, были не завидны. Онъ постоянно жаловался на бѣдность, занималъ, просилъ и, еслибъ не милость Государя, то былъ бы въ самомъ жалкомъ положеніи.

Въ 1722 году, въ бытность Государя въ Москвѣ, Ѳеофанъ просилъ отдать ему домъ Александра Кикина за Никитскими воротами у Гранатнаго дома съ каменнымъ строеніемъ, отписанный въ 1718 г. на Государя. Государь пріказалъ отдать, но Сенатъ не отдалъ, потому что домъ ужъ отданъ былъ Ивану Кикину [1]). Государь пожаловалъ ему, вмѣсто того, два подмосковныхъ села-Владыкино и Озерецкое. Ѳеофанъ просіялъ-было надеждой, и съ восторгомъ писалъ къ Государю, изъ Москвы 24 августа 1722 года: «всепокорственно благодарствую величеству вашему за пожалованныя мнѣ вотчины и въ томъ великое къ убожеству моему явленное милосердіе, и обязанъ пребываю не токмо природнымъ моимъ подданствомъ, но и многими многихъ Государя моего милостивѣйшаго благодѣяній титлами, къ вѣрной и вѣчной службѣ». Но, по причинѣ хлѣбныхъ недородовъ, села сдѣлали, на первой порѣ убытокъ, вмѣсто пользы.

О состояніи хозяйственныхъ дѣлъ Ѳеофана можно судить по слѣдующему письму его къ Государю въ 1723 году. «Всемилостивѣйшій Государь! понуждаемый скудостію моею и уповая на отеческое милосердіе вашего величества, дерзаю всемилостивѣйшаго моего Государя турбовать симъ моимъ прошеніемъ. Врученная мнѣ епархія вельми скудна: денегъ собирается не многое число и по годамъ неровное, для того, что нѣкія пустоши иногда вода заливаетъ и, по раздачѣ церковнымъ и домовымъ служителямъ, мало что на нужды домашнія остается. А въ прошломъ году писано ко мнѣ изъ дому архіерейскаго, что по раздачѣ осталося денегъ рубль тридцать алтынъ и четыре деньги, что̀ я объявлялъ въ Сѵнодѣ и въ Сенатѣ въ Москвѣ. А домъ я засталъ весьма нагій и помѣтный: что можно знать изъ взятыхъ въ казну государеву денегъ по смерти покойнаго блаженныя памяти антецессора моего, Іосифа митрополита. И тако на едино хлѣбородіе нѣкакая осталась было надежда, но и того скудно: триста

[1]) Кабин. дѣла 1, № 32, стр. 551.

дворовъ, сказуетъ, на лицо насилу сыщется; моромъ пустоты много сдѣлалося. И еще чрезъ нѣсколько лѣтъ прежде мене и при мнѣ великій недородъ былъ. Еще жъ бы сносиѣйшая скудость была въ Псковѣ: но понеже жить велѣно въ С. Петербургѣ (что мнѣ благопріятно и радостно есть): то иждивеніе стало не по доходамъ: пиво, дрова, иногда даже и сѣно покупаемъ; негдѣ скотину держать, некуда лошадей выгнать. Села подмосковныя (которыя мнѣ всемилостивѣйшій Государь пожаловалъ, за что я вѣчно вашему величеству благодаренъ) мнѣ никакого доходу (кромѣ сѣна для лошадей) не показали, ради великаго прошлолѣтняго неплодствія; и понеже нужда явилася покупать лошадки и прочую скотину для навозу и другихъ потребъ, то еще и убытокъ сталася. Вся польза, какова то будетъ, еще въ надеждѣ и ожиданіи. И еслибъ ваше императорское величество не пожаловалъ мнѣ изначала нѣсколько тысячъ рублевъ, воистину бы крайняя нужда и изначала была. Нынѣ вся была надежда на сунодское вашего величества жалованье; а симъ деньгамъ было бы у меня иное мѣсто. Робятъ малепькихъ до двадцати человѣкъ учу, кормлю и одѣваю. — Да и библіотеку порядочную собираю. На тысячу шестьсотъ рублевъ уже книгъ купилъ и, если смогу, никогда куповать не перестану. И, служа прихоти моей, служу, кажется, и общей пользѣ. Никому никогда, хотя бы крайняя нужда, библіотеки продавать не мышлю, но по мнѣ будетъ тамъ, гдѣ Государь повелитъ. А нынѣ и жалованье давать не велѣно [1]). И такъ я въ самую крайнюю нужду пришелъ. Сверхъ того просилъ я у вашего величества дому Александра Кикина, и получилъ указъ отдать мнѣ домъ той, буде Александровъ описанъ; не даю жъ мнѣ отъ Сената, сказуя, что домъ тотъ отданъ Ивану Кикину. И видя нужду мою, многократно предла-

[1]) Жалованье удержано у сунодальныхъ членовъ по высоч. указу 18 апр. 1723 г. Въ томъже году, 21 декабря въ высочайшемъ указѣ Суноду изображено: «просили вы о своемъ жалованьѣ, дабы на нынѣшній годъ выдать; но понеже опое жалованье запрещено вамъ давать, пока запущенную табельную доимку выплатите, того для то жалованье надлежитъ вамъ взять по пропорціи той заплаты, напримѣръ, ежели выплатили половину доимки, то жалованье въ полы окладовъ къ тѣмъ доходамъ, которые получаютъ архіереи отъ епархій, а архимандриты и игумены отъ монастырей». (Дѣла архива св. Сунода 1723 г., № 3).

гасмую, соизволили искать иного дому опальнаго или продажнаго. И тако я на извѣстной вашего величества милости уфундовавъ упованіе, занялъ въ Сунодѣ, въ прошломъ году, три тысячи двѣсти рублевъ, надѣяся выплатить изъ жалованныхъ денегъ, упросивъ срокъ четырехъ годовъ, и купилъ домъ, хотя еще нужной пристройки требующій. А нынѣ, по предложенію г. оберъ-прокурора сунодальнаго, домогаются на мнѣ выплаты долга того, когда я ничего не имѣю, и жалованья лишенъ сталъ. Таковая и толикая нужда побѣдила природную мнѣ, хотя не потребную, трепетливость, и дерзая симъ моимъ предложеніемъ турбовать высокую Особу монаршую, слезно прошу избавить мене отъ вышепомянутаго долга и прочихъ крайнихъ скудостей, и уповаю, что всемилостивѣйшій мой Государь и отецъ не отвержетъ и мене отъ милосердаго своего призрѣнія»[1]).

Есть и другое письмо его къ Государю также съ прозьбою о пособіи въ денежныхъ затрудненіяхъ. «Всемилостивѣйшій Государь! Въ крайнихъ моихъ нуждахъ въ Кабинетѣ вашего величества вѣдомыхъ, за которыми прожить мнѣ нечѣмъ, всепокорно къ вашего величества стопамъ припадаю, и умилению всемилостивѣйшаго прошу отъ вашего величества опредѣленія». — Но неизвѣстно, было ли сдѣлано Ософану какое пособіе по этимъ его прозьбамъ.

Въ первомъ изъ приведенныхъ писемъ Ософанъ упоминаетъ о 3200 рубляхъ, которые въ 1722 году онъ занялъ въ Сунодѣ, съ разсрочкой уплаты на четыре года. Этотъ долгъ надѣлалъ ему много непріятностей. Въ мартѣ 1723 г. Болтинъ (сторожшкъ Осодосія) подалъ докладъ, чтобы требовать у него тѣхъ денегъ, не ожидая прежде опредѣленныхъ сроковъ, безъ отлагательства, и о томъ объявить ему, преосвященному, немедленно въ Сунодѣ при собраніи, и впредь напоминать съ протокольною записною неотложно, дабы оное казенныхъ денегъ въ сунодальную сумму возвращеніе исполнено было безъ упущенія. Назойливый прокуроръ возобновлялъ свои требованія аккуратно черезъ каждые три мѣсяца. Ософанъ заявлялъ свою несостоятельность въ уплатѣ долга и просилъ сунодальнаго ходатайства предъ Го-

[1]) Кабин. дѣла II, № 65, л. 134—135.

сударемъ о прощеніи ему этой суммы. Синодъ принялъ на себя, «улуча благопріятное время, просить его величество, а его преосвященнаго спрашиваніемъ непонуждать». Но до самой смерти Государя Синодъ не получилъ благопріятнаго времени для ходатайства за Ѳеофана [1]).

Смерть Петра.

Уже въ концѣ 1723 г. Петръ началъ недомогать. Для облегченія болѣзни, онъ отправился весной 1724 г., какъ и прежде дѣлывалъ, къ олонецкимъ марціальнымъ водамъ. «Но въ водахъ не было столько силы, сколько требовала лютость его болѣзни». Прибывши, послѣ того, въ Москву для коронаціи Императрицы, онъ услыхалъ, что есть другія такія же воды, недавно отысканныя на Желѣзныхъ заводахъ, въ 90 верстахъ отъ Москвы (въ нынѣшней калужской губерніи). Послѣ коронаціи Екатерины онъ отправился на эти воды, и чрезъ нѣсколько дней почувствовалъ такое значительное облегченіе, что считалъ себя совершенно выздоровѣвшимъ. Но болѣзнь только затихла, а не исчезла.

Отъ скорой ѣзды, на обратномъ пути въ С. Петербургъ, болѣзнь пробудилась съ новою силою. По временамъ она то усиливалась, то ослабѣвала, но въ половинѣ января слѣдующаго года обнаружилась съ такою силою, что не давала никакой надежды на выздоровленіе Государя. Въ городѣ и окрестностяхъ, по всѣмъ церквамъ, молились о его выздоровленіи. Самъ Государь приказалъ освободить по всему государству преступниковъ, содержавшихся въ тюрьмахъ и въ каторгахъ, исключая обиды персональныя. 25-го января Государь причастился св. Таинъ. На другой день въ половинѣ 2-го часа пополудни больной сталъ приближаться къ кончинѣ. Тотчасъ же приглашены были къ нему два архіерея, псковскій и тверской, и чудовскій архимандритъ для утѣшенія и утвержденія умирающаго. При этихъ увѣщаніяхъ Государь показалъ сильное и живое чувство благочестія. Между тѣмъ при-

[1]) Синодскій докладъ по этому дѣлу подалъ уже, по смерти Императора, Екатеринѣ, 26 октября 1725 г. (Кабин. дѣла II, № 73, стр. 43).

шелъ троицкій архимандритъ и спросилъ, не благоволитъ ли онъ еще разъ причаститься св. Тайнъ, и когда Государь знакомъ руки выразилъ свое согласіе, тотчасъ же причастили его. Въ четвертомъ часу по полуночи Государь началъ дышать замѣтно рѣже. Тверской епископъ Ософилактъ прочиталъ ему молитвы на исходъ души. Вскорѣ послѣ того, въ четверть 6-го утромъ, Государя не стало.

Народъ былъ пораженъ вѣстію о неожиданно-ранней кончинѣ великаго Царя. Плачъ былъ всеобщій. Но для близкихъ къ нему, и для Ософана въ частности, было много особыхъ побужденій оплакивать эту потерю.

VIII.

Восшествіе на престолъ Екатерины I.—Заносчивость новгородскаго архіепископа Ѳеодосія.

Въ послѣднія минуты жизни Петра I, Сунодъ съ Сенатомъ согласились, что если Божіимъ изволеніемъ Государя не станетъ, то собраться тотчасъ въ одно мѣсто и устроить все къ безопасности государства, прежде чѣмъ объявить въ народъ о смерти Государя. Какъ рѣшено, такъ и сдѣлано. Какъ только Государь скончался, генералитетъ и сунодальные члены, сколько было ихъ во дворцѣ, собрались въ одну комнату и, прежде всего, начали разсуждать о наслѣдствѣ. Ближайшее право на престолъ имѣлъ, безъ сомнѣнія, внукъ Петра, сынъ несчастнаго царевича Алексѣя Петровича, юный Петръ Алексѣевичъ; но возведеніе его на престолъ казалось опаснымъ для многихъ, замѣшанныхъ въ судьбѣ царевича, въ особенности для Меншикова, который старался объ отстраненіи царевича отъ престола.

Склонивши на свою сторону Ософана и голштинскаго министра Бассевича, и имѣя подъ рукою Бутурлина съ гвардіею, Меншиковъ, въ самую рѣшительную минуту, быстро повернулъ дѣло въ пользу Екатерины. Тактика его удалась какъ нельзя больше.

Кабинетъ-секретарь Макаровъ объявилъ, что отъ покойнаго Государя не осталось никакого завѣщанія, но что совершонное имъ короноваціе Екатерины лучше всего выражаетъ его желаніе. Когда между присутствовавшими возникли несогласія на счетъ значенія этого факта, когда начали говорить, что онъ еще не выражаетъ прямаго желанія Монарха — вручить послѣ себя престолъ Екатеринѣ: — то архіепископъ Ѳеофанъ попросилъ слова. Съ трогательнымъ краснорѣчіемъ указалъ онъ присутствовавшимъ на правоту и святость данной ими въ 1722 году присяги, которою они обязались признавать наслѣдника, назначеннаго Государемъ. Нѣкоторые возразили ему, что здѣсь не видно такого яснаго назначенія, что недостатокъ этотъ можно принять за признакъ нерѣшительности, въ которой скончался Монархъ, и что по этому, вмѣсто него, вопросъ должно рѣшить государство. На такое возраженіе Ѳеофанъ отвѣчалъ точною передачею словъ Императора, сказанныхъ въ домѣ одного англійскаго купца наканунѣ коронованія Императрицы, которыми его величество, открывая свое сердце предъ друзьями и вѣрными слугами, подтвердилъ, что возвелъ на престолъ достойную свою супругу только для того, чтобы послѣ его смерти она могла стать во главѣ государства [1]). За тѣмъ Ѳеофанъ обратился съ вопросомъ къ великому канцлеру и ко многимъ другимъ, при которыхъ сказаны были эти слова:

---

[1]) Здѣсь указывается на обстоятельство, упоминаемое въ запискахъ Бассевича. «Наканунѣ коронованія Екатерины, Петръ зашелъ, съ нѣкоторыми сопровождавшими его сенаторами, къ одному англійскому купцу, гдѣ нашелъ много знатныхъ духовныхъ особъ, между прочимъ архіепископа новгородскаго и Ѳеофана псковскаго. Великій канцлеръ также пришелъ туда. Среди угощеній хозяина разговоръ оживился и Императоръ сказалъ обществу, что назначенная церемонія гораздо важнѣе, нежели думаютъ; что онъ коронуетъ Екатерину для того, чтобъ дать ей право на управленіе государствомъ; что спасши имперію, едва не сдѣлавшуюся добычею Турокъ на берегахъ Прута, она достойна царствовать въ ней послѣ его кончины. Всѣ присутствовавшіе такъ держали себя, что онъ остался въ убѣжденіи, что никто не порицаетъ его намѣренія». (Русск. Арх. 1865 г., стр. 608—609).

помнятъ ли они ихъ? Отдавая долгъ истинѣ, тѣ подтвердили все приведенное архіепископомъ. Тогда князь Меншиковъ воскликнулъ съ жаромъ: «въ такомъ случаѣ, господа, я не спрашиваю никакого завѣщанія. Ваше свидѣтельство стоитъ какого бы то ни было завѣщанія. Если нашъ великій Императоръ поручилъ свою волю правдивости знатнѣйшихъ своихъ подданныхъ, то не исполнить ее было бы преступленіемъ и противъ нашей чести и противъ самодержавной власти Государя. Я вѣрю вамъ, отцы мои и братья, и да здравствуетъ наша августѣйшая Государыня Императрица Екатерина». Эти послѣднія слова въ ту же минуту были повторены всѣмъ собраніемъ [1]). Немедленно составленъ былъ актъ провозглашенія Екатерины императрицею, «который рѣшено было назвать не элекціею, избраніемъ (потому что она уже прежде чисто и славно поставлена была наслѣдницею), а деклараціею». По подписаніи этого акта, всѣ они отправились къ Императрицѣ, представили ей о принятомъ ими рѣшительномъ намѣреніи и поручили себя ея высокой милости. Екатерина отвѣчала въ самыхъ милостивыхъ выраженіяхъ, что благо народа будетъ единственнымъ предметомъ ея попеченія. Послѣ этого всѣ подошли къ ея рукѣ. Приказано было отворить окна. Императрица явилась народу, окруженная вельможами, восклицавшими: да здравствуетъ императрица Екатерина [2]).

Когда Бассевичъ возвратился домой, то къ нему пріѣхали иностранные министры, чтобы узнать, какъ совершилось дѣло при императорскомъ дворѣ. Бассевичъ разсказалъ все, какъ было. Иностранцы не могли надивиться, что все кончилось такъ благополучно и безъ малѣйшаго безпорядка [3]). Въ воскресенье, 31-го января, во всѣхъ церквахъ прочитали манифестъ о восшествіи на престолъ Екатерины.

До погребенія Петра время проходило въ печальныхъ церемоніяхъ панихидъ и прощанья. На погребеніе собраны были знатнѣйшіе епископы и архимандриты первостепенныхъ монастырей со всей Россіи. Осодосій первенствовалъ въ печальной церемоніи

---

[1]) *Записки Бассевича* въ Русск. Арх. 1865 г., стр. 628—632.

[2]) *Вейдемейера*, Обзоръ происшествій въ Россіи съ кончины Петра Великаго до вступленія на престолъ Елизаветы Петровны, стр. 8—19, Сиб. 1835 г.

[3]) *Берхгольца*, Дневникъ, IV, 119.

погребенія, а Ѳеофанъ произнесъ знаменитое надгробное слово: «Что се есть? что видимъ и дѣлаемъ о Россіяне! Петра Великаго погребаемъ» [1]).

Возшествіе на престолъ Екатерины было неожиданно для народа и непріятно для многихъ сановниковъ, опасавшихся, что именемъ Императрицы будетъ управлять князь Меншиковъ. Не смѣя выразить своего негодованія открыто, они начали распространять его въ подметныхъ письмахъ, которыя находимы были въ разныхъ мѣстахъ. Для успокоенія народа правительство напечатало новымъ изданіемъ и разослало по всей имперіи извѣстный актъ петровскаго царствованія — Правду воли монаршей; а для устрашенія крамольниковъ, подбрасывающихъ безъименныя письма, издало сперва указъ объ отысканіи ихъ, а потомъ, когда поиски оказались безуспѣшными, объявленіе о преданіи ихъ церковному проклятію. Послѣднее, то есть, преданіе виновныхъ анаѳемѣ сочинено было Ѳеофаномъ [2]).

Но слабая рука Екатерины не въ состояніи была держать бразды правленія обширной имперіи, особенно въ такое время, когда вошедшіе или введенные въ народную жизнь новые элементы произвели броженіе, и когда борьба разностихійныхъ началъ привела въ движеніе весь организмъ государственный. Не было недостатка въ честолюбцахъ, которые старались прибрать власть къ своимъ рукамъ [3]). Въ духовномъ кругу первыя мѣста занимали Ѳеодосій и Ѳеофанъ, главные члены церковнаго правительства. Но положеніе ихъ было неодинаково. Ѳеофанъ при возшествіи на престолъ Екатерины оказалъ ей услугу, а Ѳеодосій былъ въ числѣ лицъ, которыя не пропустили этого случая, чтобы воспользоваться подарками. По крайней мѣрѣ нѣтъ никакого повода не довѣрять свидѣтельству объ этомъ Бассевича, который былъ однимъ изъ дѣйствующихъ лицъ въ этой исторіи [4]). Да и

---

[1]) *Ѳеофана.* Слова и рѣчи, ч. II, стр. 127 и слѣд. Спб. 1761 г.

[2]) Типогр. дѣла архива св. Синода, 1722 г. № 13.

[3]) «По кончинѣ его величества (Петра I) — пишетъ Татищевъ (Рос. ист. I, 546) — нѣкоторый коварный вельможа, ко умноженію власти своей, вымыслилъ учредить Верховный Тайный Совѣтъ, которому Сенатъ и Синодъ подчинены.»

[4]) «Обѣщанія повышеній и наградъ не были забыты, а для желавшихъ воспользоваться ими тотчасъ же были приготовлены векселя, драгоцѣнныя

многое останется для насъ непонятнымъ въ дѣлѣ Осодосія, если отказать въ достовѣрности этому свидѣтельству.

Положеніе Осодосія было не прочно. Между тѣмъ онъ самъ, своею крайнею пригязательностію, своею постоянною раздражительностію и заносчивостію еще подавалъ врагамъ оружіе противъ себя.

Особенно мало сдержанности онъ показывалъ въ собраніяхъ Сунода. Главнымъ предметомъ, возбуждавшимъ въ немъ горячность и вызывавшимъ на запальчивыя слова, было вмѣшательство свѣтской власти въ церковныя дѣла и устраненіе духовенства отъ участія въ государственныхъ дѣлахъ и совѣщаніяхъ. «Съ оказіи духовнаго штата (кромѣ того, что въ Покровскѣ при Москвѣ приключилось) по полученіи прощенія многократно о неблагословеніи Божіемъ на сіе государство, ежели штатъ состоится, говаривалъ (Осодосій). На опроверженіе штата нѣкоторыя мѣста писанія о свободѣ духовенства и о довольствѣ и о преимуществѣ приводилъ, и якобы то дѣло съ неблагословеніемъ Божіимъ, съ совѣтовъ злыхъ началося [1])». «По коронаціи на Москвѣ Государыни, когда указами изъ Сунода публиковать разсуждали и разослать формы — какъ возносить ся Государыни имя, онъ говорилъ: какая-то молитва будетъ, что по указу молиться? Апостолъ Павелъ въ посланіи первомъ къ Тимоѳею, во главѣ второй, тако написалъ: молю убо прежде всѣхъ творити молитвы и прочая. Се-де *молю*, а не указую. И каковы молитвы по указу [2])». Смерть Петра была въ его глазахъ карой Божіей за присвоеніе власти надъ духовенствомъ: «вотъ-де, — говорилъ онъ въ Сунодѣ, — только коснулся духовныхъ дѣлъ и имѣній, Богъ его взялъ [3])». — «Государь-де блаженныя памяти весьма тщился ниспровергнуть сіе духовное правительство и для того насъ утѣснялъ штатами и недачею жалованья; а теперь-де смотрите отцы святые, мы живы, а онъ умре, его нѣтъ. На что ему одинъ изъ

венци и деньги. Многіе отказались, чтобъ не сочли ихъ усердіе продажнымъ, но архіепископъ новгородскій не былъ въ числѣ такихъ.» (Записка Бассевича. Рус. арх. 1865 г. стр. 624).

[1]) Показаніе чудовскаго архимандрита Ософила. Рус. арх. 1864 г. стр. 134.

[2]) Показаніе троицкаго архимандрита Гавріила. Тамъ же, стр. 131.

[3]) Показаніе чудовскаго архимандрита Ософила. Тамъ же, стр. 134.

братіи (сунодальныхъ членовъ) сказалъ: въ смертѣхъ нашихъ никогда не можемъ мы знать опредѣленія Божія, когда насъ переселятъ въ вѣчность: многажды бываетъ, что и милуя насъ переселяетъ отъ сей временной жизни на упокоеніе. На что онъ сказалъ: однакожъ [1])».

Послѣ возшествія на престолъ Екатерины, Оеодосій сдерживалъ себя еще меньше и началъ еще чаще и рѣзче обнаруживать свою горячность и притязательность въ самыхъ малыхъ вещахъ и по самымъ ничтожнымъ побужденіямъ.

«12-го апрѣля Оеодосій пріѣхалъ къ дворцовому мосту. Часовой 9-й роты, солдатъ Лунинъ, не пропустилъ его чрезъ мостъ. Оеодосій, вышедъ изъ кареты, началъ махать тростью съ угрозой: *я-де самъ лучше свѣтлѣйшаго князя* [2]). Потомъ пришедъ въ дворцовую переднюю, съ гнѣвомъ спросилъ у капитана преображенскаго полка, Бредихина: для чего они его не пускаютъ? Мнѣ-де бывалъ, при его величествѣ, вездѣ свободный входъ. Вы-де боитеся только палки, которая васъ бьетъ, а наши-де палки больше тѣхъ. Шелудивыя-де овцы не знаютъ, кого не пускаютъ [3])». Разумѣется, это доведено было до Государыни и Меншикова.

Вслѣдъ за этимъ случаемъ послѣдовалъ другой, также возбудившій горячность Оеодосія. «16-го апрѣля, во время сунодальнаго присутствія, пришелъ въ Сунодъ придворный уставщикъ и сказалъ Оеодосію, что Государыня приказала, чтобъ завтра отправить по Государѣ панихиду въ петропавловскомъ соборѣ. Оеодосій чѣмъ-то обидѣлся въ этомъ приказаніи и съ гнѣвомъ сказалъ уставщику: «на это есть чередные». Уставщикъ отвѣчалъ, что «Государыня приказала быть и сунодальнымъ, потому что сороковой день». Какъ уставщикъ вышелъ, то Оеодосій далъ полный просторъ своему гнѣву и, поднявши голову и глаза вверхъ, началъ говорить: «Боже милостивый, какое тиранство, чего цер-

---

[1]) Показаніе Оеофана и архимандритовъ Петра, Аѳанасія и Рафаила. Тамъ же, стр. 140.

[2]) *Конде* считаетъ эти неосторожныя слова Оеодосія главною причиною его погибели. (The present state and Regulations of the Church of Russia. стр. 115).

[3]) Показаніе капитана лейб-гвард. преображ. полка, Бредихина. Тамъ же, стр. 145.

ковь дождалася? Мірская власть повелѣваетъ духовной молиться. Это слову Божію весьма противно. Покажите мнѣ отцы святые, гдѣ это написано»? На это нѣкоторые изъ сунодальныхъ членовъ отвѣчали, что «можно сыскать много мѣстъ, да на что ихъ искать? Мы по своемъ Государѣ должны всегда молиться». И распорядились, чтобы въ то же время повѣстили остальнымъ, небывшимъ въ тотъ разъ въ Сунодѣ, а ему сказали: «вы какъ изволите; мы всѣ будемъ готовы и никто не отречется, чтобы по Государѣ нашемъ не желалъ служить.» Гнѣвный Веодосій отвѣчалъ: «пойду и я и буду служить, потому что боюся, чтобъ не послали въ ссылку. Только услышитъ ли Богъ такую молитву»? [1])

Приглашеніе на панихиду повторено еще разъ въ болѣе мягкой формѣ. «20-го апрѣля Государыня прислала къ Веодосію камеръ-юнкера Поспѣлова сказать, чтобы всѣ духовные были въ соборѣ Петра и Павла для панихиды по покойномъ Государѣ. Веодосій отвѣчалъ, что «мы готовы»; а потомъ сказалъ о своей обидѣ, какъ часовые не пропустили его во дворецъ, и прибавилъ: «я-де и впредь опасенъ пріѣхать ко двору ея величества для того, чтобы и впредь также не обругали часовые; развѣ-де пришлютъ, да велятъ взять неволею. Поспѣловъ отвѣчалъ, что ежели есть вамъ такая обида, надобно просить милости Государыни императрицы. По Веодосій не хотѣлъ и слышать. «Также-де было и при покойномъ Государѣ—не пропустили меня въ адмиралтейство и на то-де я не получилъ никакой сатисфакціи.» Поспѣловъ въ тотъ-же день донесъ объ этомъ разговорѣ Государынѣ [2]).

Панихида совершена была 21-го апрѣля. Государыня, бывши въ крѣпости, приказала оберъ-гофмейстеру Олсуфьеву пригласить всѣхъ служащихъ архіереевъ, и прочихъ сунодальныхъ членовъ, къ столу ея величества. По окончаніи панихиды Олсуфьевъ, приседъ къ олтарю къ южнымъ дверямъ, у которыхъ стоялъ Веофанъ, спросилъ: гдѣ преосвященный Веодосій? Веофанъ отвѣчалъ, что Веодосій стоитъ на лѣвомъ клиросѣ за столпомъ. Олсуфьевъ передалъ ему приглашеніе Государыни. Но Веодосій отвѣчалъ: «мнѣ-де быть въ домѣ ея величества не мож-

---

[1]) Показаніе Веофана и трехъ архимандритовъ. Тамъ же, стр. 140—141.

[2]) Показаніе Поспѣлова. Тамъ же, стр. 143—144.

но, нопеже я обезчещенъ». Олсуфьевъ повторилъ свое порученіе. По Оеодосіи сказалъ: «развѣ-де изволитъ прислать нарочнаго, чтобъ проводили». Олсуфьевъ донесъ объ этомъ немедленно Государынѣ. Сунодальные члены всѣ были у стола, кромѣ Оеодосія [1]).

Такая заносчивость и упрямство не могли не оскорбить Государыню. Оеофанъ воспользовался этимъ случаемъ, чтобы окончательно сразить своего опаснаго совмѣстника, и на другой же день, 22-го апрѣля, пришелъ во дворецъ и, отъ имени сунодальныхъ членовъ, сдѣлалъ Государынѣ донось на Оеодосія.

Чтобы объяснить значеніе этого Оеофанова поступка, мы должны вспомнить, что онъ находился въ это время подъ сунодскимъ судомъ, по доносу псковскаго инквизитора Савватія. Оеодосій съ Болтинымъ повернули дѣло чрезвычайно круто. Оеофану грозило безчестье, а можетъ быть — ссылка и заточеніе. Въ это самое время вдругъ представляется ему случай отдѣлаться отъ своихъ враговъ. Оеофанъ не упустилъ его и — съ этой поры сталъ на дорогу, съ которой ужъ не сходилъ до конца своей жизни.

IX.

Донось псковскаго провинціалъ-инквизитора на судью архіерейскаго дома, архимандрита Маркелла Родышевскаго въ расхищеніи церковнаго имущества.

Въ судьбѣ Оеофана Прокоповича и въ событіяхъ первой половины XVIII вѣка огромное значеніе имѣетъ малоизвѣстная личность Маркелла Родышевскаго, сначала близкаго человѣка къ Оеофану, а потомъ враждебнаго до такой степени, до какой только могутъ дойти непримиримая злоба, оскорбленное самолюбіе, обличенная неправда или, наконецъ, фанатизмъ. Онъ преслѣдовалъ и

[1]) Показаніе Олсуфьева. Тамъ же, стр. 145—146.

мучилъ Ософана съ изумительной настойчивостію, съ самоотверженіемъ почти фанатическимъ и съ искусствомъ человѣка, довольно развитаго для того, чтобы поражать непріятеля его же оружіемъ. Въ этомъ преслѣдованіи все пущено было въ ходъ—набожность и ученость, обманъ и хитрость, общественное положеніе и связи—все, что только было въ рукахъ этого хитраго противника. Впослѣдствіи онъ сталъ орудіемъ для другихъ, которые также, какъ и онъ, враждебно относились къ Ософану и, въ свою очередь, употреблялъ орудіями менѣе сильныя лица, нежелавшія силы дѣйствовать самостоятельно. Мы прослѣдимъ его исторію, чтобъ яснѣе понять образъ его мыслей и дѣйствій и его отношенія къ Ософану.

Маркеллъ, въ мірѣ Николай Романовъ Родышевскій, знакомъ съ Ософаномъ еще по Кіеву. Кажется въ одно время они были учителями въ Академіи и относились между собою, какъ близкіе люди. Маркеллъ говоритъ, вспоминая о томъ времени, что они были въ дружбѣ между собою. По довѣрію къ нему, Ософанъ разсказывалъ ему про себя такія вещи, которыя не относились къ его чести и которыми тотъ воспользовался впослѣдствіи, чтобы чернить своего пріятеля. Дружба ихъ, кажется, продолжалась не долго. Въ своемъ рукописномъ сочиненіи: «О житіи еретика Θеофана Прокоповича», Маркеллъ пишетъ, что «когда Ософанъ началъ распространять въ Академіи и за Академіею ложныя еретическія понятія, то, видя его на Церковь еретическія укоризны, кіевскаго братскаго монастыря учители — іеродіаконъ Маркеллъ Родышевскій и Гедеонъ Вишневскій, часто отъ божественнаго писанія съ нимъ спорившали и его нечестивое ученіе дерзко и смѣло обличали всенародно, а въ 1713 году въ братскомъ училищномъ монастырѣ публично обличали. И сверхъ того учитель Гедеонъ, прибывъ въ Москву, объявилъ о томъ его еретическомъ ученіи письменно преосвященному Стефану и всему Освященному Собору».

Ософанъ, несмотря на протестъ Стефана, посвященъ былъ въ епископа и, по учрежденіи, Синода назначенъ въ немъ вице-президентомъ.

Родышевскій былъ еще іеромонахомъ и, кажется, не безъ содѣйствія Ософана получилъ должность флотскаго оберъ-іеромонаха на Котлинѣ островѣ. Въ ноябрѣ 1721 г. Князь А. И. Репнинъ

требовалъ у св. Синода въ Рижскій корпусъ «изъ духовнаго чина учительнаго человѣка, который бы могъ отправлять въ церкви поученія и обрѣтающихся въ Ригѣ протопопа и священниковъ содержать въ благочиніи». Синодъ опредѣлилъ въ эту должность Маркелла[1]).

Въ 1722 году января 22 состоялось опредѣленіе: іеромонаху Маркеллу Родышевскому, который имѣлъ надъ обрѣтающимися при Котлинѣ островѣ священниками первенство и былъ при предикѣ слова Божія, быть оберъ-іеромонахомъ при Рижскомъ корпусѣ и содержаться при предикѣ жъ слова Божія.

Объ образѣ дѣйствій его въ Ригѣ можно судить по слѣдующимъ донесеніямъ его св. Синоду: отъ 5 октября 1722 года: «Что здѣ въ Ригѣ и во всемъ корпусѣ лифляндскомъ неисправлено было въ церквахъ, священникахъ и причетникахъ церковныхъ, по данной мнѣ инструкціи недремленно исправляю и уже нѣкая и исправилъ. А кромѣ прочихъ исправленій, по государеву указу, прилежнымъ моимъ тщаніемъ вездѣ здѣ крывшійся бородатыхъ раскольниковъ въ бородахъ ихъ гнѣздившійся пекельный змій съ онымъ гнѣздомъ своимъ, еже есть бородами, истребленъ и всегда истребляется, и суевѣріе всякое отъ среды изъемлется, правда же насаждается, поелико мощно; свѣчи многія угасли; чудеси попрестали; токмо одно показалось въ Митавѣ, курляндскомъ городѣ, отъ иконы пресв. Богородицы, которой лице сожженное само изцѣлилось....., а по видимому ныне слѣду такого чудеси не бывало. Могло маленько отъ свѣчи падшей почернѣти, что священникъ, вземый къ себѣ икону егда обтеръ, такъ она и стала по прежнему, и тотъ священникъ искалъ себѣ авантажу и прибыли. Такожде доношу вашему святѣйшеству, что нѣкіе обрѣтаются здѣ офицеры, которые имѣютъ по двѣ жены: одну въ Ригѣ, другую въ Москвѣ о коихъ что благоволитъ ваше святѣйшество».

Отъ 10 марта 1723 года: «Церковь новосозидаемая (въ Ригѣ) уже близъ есть совершенія и начаюся, что всекопечно сей весны докопчится. Извѣстно вашему святѣйшеству, что въ Митавѣ есть священникъ Иванъ въ духовникахъ царевны государыни Анны

[1]) Описаніе документовъ и дѣлъ архива св. Синода. Т. I. Спб. 1868 г., стр. 711—714.

Ивановны, котораго зять Иванъ разстрига, бывшій попъ св. Симеона Богопріимца въ С.-Петербургѣ, казненъ; и таковому священнику довлѣетъ ли въ духовникахъ при ея высочествѣ быть. Такожде многіи крыются раскольники въ Курляндіи и прочіи россійстіи люди, которые служатъ у нихъ курляндцовъ и ниже исповѣдуются, ниже причащаются Христовыхъ Таинъ и умираютъ безъ покаянія, и о сихъ хорошобъ писать государынѣ царевнѣ Аннѣ Ивановнѣ, дабы съ оберратами своими о семъ посовѣтовала. Обрѣтаются здѣ въ Ригѣ мужеска и женска пола люди, которые по три жены имѣли, такожде и жены по три мужа, и еще молодые суть; а понеже возбраняютъ имъ брачиться правила церковныя, того ради они блудно живутъ. И о сихъ ваше святѣйшество какъ заблагоразсудитъ, и что съ ними дѣлать прикажете, понеже мнѣ о семъ часто докучаютъ. Дерптъ подлежитъ до губерніи рижской, а священники тамошніе не надлежатъ ко мнѣ и помѣшка великая въ семъ есть. Того ради прошу, дабы тіи священники сюды надлежали».—О себѣ писалъ, что онъ такъ бѣденъ, что за присланные указы заплатить нечѣмъ. «Ей, совѣстно пишу, что полушки единой не имѣю [1])».

Рейнбенъ былъ очень доволенъ дѣйствіями оберъ-іеромонаха и доносилъ Суноду, что онъ въ званіи своемъ поступаетъ тщательно [2]); но не давалъ ему жалованья, потому что не изъ чего было дать: на флотскаго оберъ-іеромонаха ничего не положено было въ смѣтѣ полковыхъ и городскихъ доходовъ. Послѣ длинной переписки между Сунодомъ и Рейнбенымъ, Маркеллъ долженъ былъ въ іюлѣ 1724 г. выѣхать изъ Риги [3]).

Въ это время у Ѳеофана въ псковской епархіи открылось мѣсто судьи архіерейскаго дома. Ѳеофанъ взялъ къ себѣ Мар-

---

[1]) Дѣла архива св. Сунода, 1722 г., №№ 524 и 559.

[2]) Между прочимъ, указомъ св. Сунода 12-го декабря 1723 г., вслѣдствіе высочайшаго повелѣнія, Маркеллу приказано было разобрать и описать рижскую городскую библіотеку съ тѣмъ, чтобы взять изъ нея, что надобно будетъ, въ Сунодъ. Родышевскій донесъ, что въ этой библіотекѣ до 5000 книгъ разныхъ діалектовъ, но городъ не отдаетъ ее, потому что она составляетъ его собственность и соблюдается не столько къ украшенію, сколько къ пользѣ того города. (Кабин. дѣла II, № 68, л. 34).

[3]) Описаніе документовъ и дѣлъ архива св. Сунода, стр. 711—714.

келла и, съ разрѣшенія Сунода, произведъ въ архимандриты псковскаго печерскаго монастыря.

Но съ перваго жъ шага въ псковскомъ церковномъ правленіи Маркеллъ попалъ подъ слѣдствіе.

Въ началѣ 1725 года псковскій провинціалъ-инквизиторъ, іеромонахъ Савватій, донесъ оберъ-прокурору св. Сунода, Болтину, что въ псковскомъ печерскомъ монастырѣ лежатъ на полу 70 образовъ, со снятыми окладами и вѣнцами. Когда допросили объ этомъ монастырскаго пономаря, Захара Васильева, то онъ показалъ, что снималъ тѣ вѣнцы и оклады въ 1724 году по приказу архимандрита Маркелла.

Донесъ сдѣланъ на Маркелла, но касался и самаго псковскаго архіерея Оеофана, по инструкціи котораго Маркеллъ распоряжался. Какъ же Савватій отважился сдѣлать донесъ на сунодальнаго вице-президента? Дѣло объясняется просто тѣмъ, что Савватію приказано было сдѣлать этотъ донесъ. Осодосій съ Болтинымъ хотѣли отдѣлаться отъ Оеофана и сбыть его куда нибудь въ дальній монастырь. Положеніе Осодосія было въ ту пору еще довольно твердо и онъ приготовлялъ своему сопершку ту судьбу, какую самъ наслѣдовалъ.

Болтинъ объявилъ доношеніе Савватія въ Сунодѣ и, не стѣсняясь, прибавилъ, что Савватій сдѣлалъ ревизію въ псковскомъ монастырѣ по его приказанію, по дошедшимъ до него свѣдѣніямъ, что тамъ расхищена церковная собственность (9-го апрѣля 1725 года).

Оеофанъ, какъ мѣстный архіерей и сунодальный вице-президентъ, потребовалъ, чтобы доношеніе Савватія, вмѣстѣ съ описными книгами, отдано было ему для изслѣдованія и окончательнаго рѣшенія, потому что печерскій монастырь находится въ его епархіи. Въ тоже время онъ приказалъ доложить справку изъ данной протоинквизитору инструкціи, въ которой въ одномъ пунктѣ сказано: «за которою церковною персоною и архіерейскими и монастырскими служителями усмотрѣно будетъ какое преступленіе, какоебъ оное ни было: то на тѣхъ провинціалъ-инквизиторъ долженъ доносить обстоятельно высшимъ духовнымъ властямъ, то есть архіерею, а въ степенныхъ монастыряхъ архимандриту, гдѣ,

по изслѣдованіи, командиры долженствуютъ чинить за преступленіе надлежащее по указамъ наказаніе или взятье штрафа, смотря по важности вины».

Сунодъ положилъ, по силѣ этого пункта, отдать допосъ Савватія Ософану для изслѣдованія, а его, Савватія, взять въ Сунодъ и допросить обстоятельно съ подлинной очисткой.

Это было въ началѣ апрѣля 1725 года. Ософанъ видѣлъ ясно, что подкопъ сдѣланъ подъ него Осодосіемъ и Болтинымъ. Вспомнилась ему, конечно, и настойчивость ихъ въ платежѣ занятыхъ имъ въ Сунодѣ (и еще неуплаченныхъ) денегъ. Платя имъ той же монетой и, въ тоже время, оберегая себя отъ опаснаго суда и слѣдствія, онъ выдалъ ихъ Государынѣ, какъ презрителей царской власти и какъ мятежниковъ, угрожающихъ бѣдою спокойствію государства.

X.

Процессъ и низложеніе новгородскаго архіепископа Осодосія. — Дѣло Варлаама Овсянникова. — Перемѣщеніе Ософана на новгородскую каѳедру.

Содержаніе допоса Ософанова на Осодосія составляютъ тѣ непристойныя слова Осодосія, которыя, частію, мы привели выше; но главнымъ пунктомъ выставлено было одно обстоятельство, которое не имѣло гласности и извѣстно было только Ософану. Дѣло въ томъ, что на святой недѣлѣ (1725 года) сунодальныхъ чиновъ не пригласили къ царскому обѣду, между тѣмъ какъ приглашены было сенаторы. Осодосій и Ософанъ оба обидѣлись этимъ; но Ософанъ умѣлъ скрыть свою досаду, а Осодосій отъ гнѣва перешолъ къ угрозамъ. Нужно замѣтить, что это было во дворцѣ. «Будетъ еще трусить,—говорилъ Осодосій,—мало

только подождать». Это-то слово и вынесъ Ѳеофанъ наружу, сдѣлавши изъ него бунтъ и заговоръ. И какъ онъ обставилъ его? «Сначала Ѳеофану архіерею показалось оно страшнымъ; но послѣ разсуждая, что можетъ быть преосв. Ѳеодосій не о нѣкоей быть хотящей и ему извѣстной бѣдѣ то сказывалъ, но на нѣкіихъ ея величества служителей неправды и обманства тако сказывалъ (ибо о томъ прежде онъ говорилъ же), псковскій оное его слово за безстрашное вмѣнилъ. Однако скоро послѣ псковскій, услышавъ отъ другихъ сунодальныхъ членовъ, какія въ небытность его въ Сунодѣ преосвященный Ѳеодосій произнесъ *еще слова противныя и молчанія нетерпящія*, тогда и о прежнемъ его словѣ возобновился псковскому страхъ, и не могъ объ ономъ словѣ умолчать прочее, но симъ доносить».

Какіяжъ это были слова? «На прошлыхъ двухъ недѣляхъ въ сунодальной палатѣ стоючи, возымѣлъ Ѳеодосій слово съ протяженіемъ о непорядкахъ и о начинаемомъ штатѣ, что никто духовнымъ недоброжелательны, всѣ-де уклонишася вкупѣ; какого тутъ благословенія Божія ожидать. Воистину скоро гнѣвъ Божій сидетъ на Россію, и какъ станетъ междоусобіе, тутъ-то увидятъ всѣ отъ первыхъ и до послѣднихъ. И сталъ шпикать и руками посѣченіе показывать»[1]).

Ударъ былъ меткій. Черезъ три дня послѣ доноса, 25 апрѣля, приглашены были въ домъ канцлера графа Головкина адмиралъ графъ Апраксинъ, графъ Толстой и сунодальные члены: Ѳеофанъ, симоновскій архимандритъ Петръ Смѣличъ, спасскій-ярославскій Аѳанасій Кондоиди, калязинскій Рафаилъ Заборовскій. Сунодальные члены подали письменное донесеніе о томъ, о чемъ Ѳеофанъ доносилъ словесно. Нужно замѣтить, что приглашены были не всѣ сунодальные члены, а только трое, которые сдѣлали вмѣстѣ съ Ѳеофаномъ общее показаніе; другихъ, на которыхъ Ѳеофанъ, вѣроятно, менѣе расчитывалъ и между ними старшаго — тверскаго архіепископа Ѳеофилакта, въ этотъ разъ не пригласили.

27 апрѣля Государыня приказала арестовать Ѳеодосія на его подворьѣ и допросить; а благопріятствовшаго ему сунодаль-

---

[1]) Донесеніе Сунод. членовъ, въ Русск. арх. 1864 г., стр. 139.

оберъ-прокурора Болтина взять въ крѣпость и допросить о непристойныхъ словахъ Ѳеодосія. Ѳеодосій во многихъ рѣчахъ сознался, но оправдывался тѣмъ, что «говорилъ отъ глупой ревности, чаялъ что къ добру, а не отъ злобы, или къ замысламъ какимъ злымъ»; другія отрицалъ или говорилъ, что не помнитъ ихъ.

«Отъ многаго и неоднократнаго на многихъ мѣстѣхъ отъ караульныхъ солдатъ озлобленія, въ малодушіи моемъ согрѣшилъ предъ вашимъ величествомъ неумѣренными моими поступками и словами».—«По объявленію преосвященнаго Ѳеофана, архіепископа псковскаго, апрѣля 5 и никогда, въ домѣ вашего величества и нигдѣ, словъ, касающихся до высокой чести вашего величества и до цѣлости государственной, не говорилъ, и ежели говорилъ, для чего его преосвященство не засвидѣтельствовалъ при томъ времени обрѣтающимся людямъ, которыхъ была палата полна? А что сенатскіе члены на святой недѣлѣ трактованы, а синодскіе нѣтъ, то и самъ его преосвященство (Ѳеофанъ) говорилъ». — «Въ Синодѣ по разнымъ временамъ говорилъ съ прекаѳіемъ, что Синоду много противниковъ и трудъ духовныхъ персонъ вотще; а другихъ словъ истинно не помню. И ежелибъ неумѣренныя мои въ св. Синодѣ какія слова были, для чего святѣйшаго Синода слышавшіе члены тѣхъ словъ въ протоколъ не велѣли записать? Но когда увидали, за преступленіе мое, о негодованіи на мене вашего величества, тогда изволили доносить. Солдата часоваго, стоящаго на мосту при домѣ вашего величества, дуракомъ отъ помянутыхъ озлобленій назвалъ, а офицерамъ неумѣренныхъ никакихъ словъ не говорилъ; только спросилъ о непропусканіи чрезъ мостъ — былъ ли такой приказъ часовому. И хотябъ на вышеписанные пункты никакого больше доказательства не было, однако мнѣ мизерному, предъ вашимъ величествомъ согрѣшившему, и то довольно есть на осужденіе. Того ради, припадая къ стопамъ вашего величества, милостивѣйшаго прошу извиненія и помилованія и пощадѣнія»[1]).—Болтинъ показалъ, что не слыхалъ и не вѣдалъ ничего, о чемъ показывали на Ѳеодосія.

28-го апрѣля генералъ-прокуроръ Ягужинскій и князь Юсуповъ допрашивали въ Синодѣ прочихъ синодальныхъ чле-

[1]) Тамъ же стр. 162—966.

повъ — тверскаго архіепископа Ѳеофилакта, троицкаго архимандрита Гавріила, чудовскаго — Ѳеофила Кролика и петропавловскаго протопопа Петра. Всѣ они подали отъ себя письменныя показанія. «Отъ самаго начала — писалъ тверской архіепископъ,—какъ я опредѣленъ въ Сунодъ, увидѣлъ преосв. Осодосія всегда брапящаго всякаго чина людей отъ мала даже до великаго безъ всякаго выключенія, паричающаго безумными, нехристіанами, горшими турковъ и всякихъ варваровъ, аосистами, идолопоклонниками—россійскій народъ. Чему я удивлялся и началъ думать, что онъ то по своему званію и позволенію государеву и дерзновенію на его къ себѣ великую милость сіе творитъ, или на искушеніе инымъ, каковы они покажутся въ своей вѣрности къ Государю, понеже онъ то, безъ всякаго опасенія, съ великимъ дерзновеніемъ и крикомъ творилъ; и, видя инихъ молчащихъ древнѣйшихъ сунодальныхъ членовъ, и я молчалъ. Потомъ отъ частаго и непрестаннаго его суесловія стали мнѣ слова его нелюбы и слышанія недостойны и, того ради, сталъ я ихъ не слушать и аки вѣтеръ мимо ушій пускать; и когда онъ начиналъ потомъ таковыя же непотребныя нѣсни пѣти, я въ то время свои приватныя дѣла дѣлалъ или думалъ о семъ, что мнѣ потребно, или читалъ грамотки или какую книгу, или писалъ что, или вставъ ходилъ по избѣ.—Воспоминалъ многажды св. Филиппа митрополита московскаго, удавленнаго во дни царя Ивана Васильевича, за котороде убіеніе искоренилъ Богъ царское его племя, такъ что по немъ не осталось наслѣдника на царство россійское; а по преставленіи б. п. Петра Великаго прибавилъ и то, что-де за разстриженіе Варлаама Овсянникова и взятіе его за караулъ умертвилъ Богъ такожде Петра Великаго. — Доколѣ что не по его сунодальному желанію дѣлалося въ Сенатѣ или въ иномъ правительствѣ по указу государеву, или слово было о духовномъ штатѣ, онъ, архіепископъ Осодосій, сердяся говорилъ: доколѣ будетъ тиранство надъ Церковію, дотолѣ добра надѣятися невозможно. А въ Церкви монархіи нѣтъ и никогда не бывало. Болѣзнь-де Государю пришла смертельная отъ безмѣрнаго женопенстовства и отъ Божіяго отмщенія за его посяжку на духовный и монашескій чинъ, который хотѣлъ истребити. Излишняя-де его охота къ слѣдованію тайныхъ дѣлъ показуетъ мучительное его сердце, жаждущее

крови человѣческія.—Габинетъ-де раскольщикамъ прибѣжище и заступленіе» [1]).

«По смерти б. и в. д. памяти Государя, говорилъ—показывалъ архимандритъ Гавріилъ:—я-де по се время всегда думалъ, что мнѣ отъ его рукъ кончина житія будетъ; что-де въ немъ сіе размышленіе отъ того родилось, какъ де онъ, еще въ младыхъ лѣтахъ, пріѣхалъ къ Москвѣ съ шляхтою смоленскою, и приведены были въ палату и пожалованы къ рукѣ, тогда-де кланялся царю Іоанну Алексѣевичу; а какъ пришелъ до руки царя Петра Алексѣевича, тогда таковъ-де на него страхъ напалъ, что мало-де не упалъ и колѣна потряслися, и отъ того-де времени всегда разсуждалъ, что мнѣ отъ тоея же руки и смерть будетъ».—«Когда корабль Варахіилъ спущенъ былъ, тогда на кораблѣ спрашивалъ присутствующихъ синодальныхъ членовъ: для чего въ субботу въ Синодъ пріѣзжали? И отвѣтствовали, что по важному дѣлу нѣкіихъ надлежало было священства и монашества обнажить, и выговорили, что его преосвященство худо учинилъ, понеже ему о томъ докладывалъ секретарь Тайной канцеляріи; отвѣчалъ на тое: смотрите-де на тое, каково легко разстриженіе. Вотъ-де которые и Овсянникова разстригали, мало кто въ живыхъ обрѣтается» [2]).

«Милосердія Божія уже не видимъ—ничто по духовному Регламенту дѣйствуется; и какому христіанству надѣяться, все хощетъ быть тиранство: духовная власть весьма изнемогаетъ, не что турецкая хощетъ быти вѣра, но и въ туркахъ того не дѣлается; не то правится, что надлежитъ по св. Писанію; и больше нашего они могутъ и его Государя къ сему приклонить, что хотятъ; они временно и безвременно съ нимъ всегда, а намъ когда-когда приключится его видѣть; и что отъ сего будетъ—ничего добраго ждать» [3]).

По показаніямъ синодальныхъ членовъ, 30 апрѣля, сдѣлали новый допросъ Болтину, который отозвался, что все, говоримое Осодосіемъ, относится не къ царскому величеству, а къ приказнымъ, которые небрегутъ о Церкви, и къ сенаторамъ, которые

---

[1]) Показаніе тверскаго архіепископа Ософилакта. Тамъ же стр. 135.
[2]) Показаніе троицкаго архимандрита Гавріила Тамъ же стр. 130.
[3]) Показаніе Петра, протопопа петропавловскаго. Тамъ же стр. 129.

имѣютъ злобу на Сунодъ за отнятіе поповъ и что у нихъ церкви запечатаны и тѣмъ-де всю ихъ гордыню пресѣкли [1]).

Ѳеодосій между тѣмъ прислалъ ходатайства Голштинскаго герцога и, 30 апрѣля, вручилъ ему письмо къ Императрицѣ.

«Хотя великая моя вина предъ вашимъ величествомъ недостойна мене сотворила велкаго прощенія и помилованія, однако, уповая на великое вашего величества всѣмъ виновнымъ изливаемое милосердіе, симъ моимъ всенижайшимъ доношеніемъ паки безъ извиненія, ради врученія вашему величеству сего доношенія вседражайшаго зятя вашего и всей государской высокой фамиліи и ради вѣчнаго поминовенія блаженныя и вѣчно достойныя памяти императорскаго величества, всенижайше прошу всемилостивѣйшаго извиненія и помилованія. А ежели вашему величеству сумнительна прежняя и нынѣшняя къ вашему величеству убогая вѣрность и услуга рабская, то симъ доношеніемъ подтверждаю тако: что, по кончинѣ блаженныя и вѣчно достойныя памяти императорскаго величества, добрымъ и согласнымъ совѣтомъ Всевышній сдѣлалъ и всѣ вѣрные подданные вашего величества присягою утвердили, въ которой по чистой моей къ вашему величеству и къ отечеству вѣрности не остался и я убогой, но прежде всѣхъ оную учинилъ и подписалъ, то и содержать ту мою присягу до кончины жизни моей тщуся непремѣнно. И ежели я нечистою совѣстію сіе написалъ, то да будетъ на мнѣ въ семъ вѣцѣ и въ будущемъ рука Господня гнѣвная и вашего величества — наказательная». — Подано ли было это письмо Императрицѣ и какъ было принято ею, не извѣстно.

2-го мая слѣдователи — Головкинъ, Ягужинскій и Толстой пріѣхали къ Ѳеодосію для новыхъ допросовъ. Въ этотъ разъ Ѳеодосія допрашивали о словахъ, сказанныхъ 5-го апрѣля Ѳеофану въ домѣ ея величества, что «Государыня будетъ трусить, только мало подождите». Ѳеодосій показалъ, что на святой недѣлѣ былъ у него разговоръ съ тверскимъ архіепископомъ о трактаментѣ сенаторовъ въ домѣ ея величества, а сунодальныхъ членовъ на томъ трактаментѣ не было, и онъ сказалъ тѣ рѣчи отъ глупости, а не отъ злобы, въ такой силѣ, что нынѣ задобриваютъ сена-

[1]) Показанія Болтина. Тамъ же, стр. 152.

торовъ, чтобъ добрѣ дѣла управляли, а сохрани Богъ, когда въ нихъ какое несогласіе къ добру общему будетъ, тогда духовныхъ станутъ задобривать, чтобъ увѣщевали къ согласію добра общаго. А что «мало только подождать» говорилъ отъ словъ, которыя слышались, что будто цезарь намѣренъ прислать въ Россію тайно съ деньгами, которыми бы склонять здѣшнихъ министровъ въ свою партію» [1]).

Между тѣмъ осторожный и предусмотрительный Ѳеофанъ провѣдалъ, что къ Ѳеодосію ходятъ, съ позволенія полиціймейстера Девьера, посѣтители и что онъ посылаетъ судью своего развѣдывать, кто изъ сунодальныхъ членовъ и что на него показываютъ. Опасаясь, чтобы чрезъ это не потерять начатаго дѣла, Ѳеофанъ счелъ обязанностію предупредить объ этомъ Толстаго [2]).

Вслѣдствіе письма Ѳеофанова, въ тотъ же день (3-го мая) забрали всѣ письма Ѳеодосія и взяли изъ невскаго монастыря судью Головачева и нѣсколько монаховъ. Въ числѣ забранныхъ бумагъ оказалось письмо къ Ѳеодосію отъ неизвѣстнаго его доброжелателя, въ которомъ написано, что было собраніе у новоспасскаго архимандрита и въ этомъ собраніи графъ Матвѣевъ говорилъ браню о Ѳеодосіѣ за то, что онъ, во время болѣзни покойнаго Государя, издѣвался надъ нѣжностію плачущей супруги Государя и говорилъ непристойныя слова. Матвѣевъ говорилъ это при другихъ гостяхъ — Чичеринѣ, Измайловѣ, Раевскомъ и Тобольскомъ, — и ссылался на свою жену, которая подтвердила

---

[1]) Показаніе Петра, протопопа петропавловскаго. Тамъ же стр. 165.

[2]) Письмо Ѳеофана къ Толстому. «Сіятельнѣйшій графъ, Петръ Андрѣевичь, государь мой и благодѣтель особливый. Возвратяся я отъ васъ въ Сунодъ, спросилъ секретаря Герасима, бываетъ ли у архіерея новгородскаго? Сказалъ онъ, что бываетъ, да за изволеніемъ-де Антона Мануйловича И мы до справки велѣли его взять за арестъ. Когда же я сталъ при своей братіи говорить съ удивленіемъ, что если секретарю-де да ходить позволяется, то для чегожъ другимъ прочимъ и запрещать: тогда отецъ архимандритъ троицкій, отведъ меня на сторону, сказалъ: у меня де вчера былъ отъ новгородскаго архіерея судья его монастырскій (Головачевъ), спрашуя, кто наступаетъ на его архіерея: и я де спрашивалъ его, бываетъ ли у архіерея; и судья-де сказалъ, что онъ отъ архіерея и присланъ, а его-де судью пускаютъ къ архіерею караульные. Сіе доношу вашему сіятельству, пребывая доброжелательный вашь слуга и богомолецъ, Ѳеофанъ архіепископъ псковскій, 1725 г. мая 3-го». Тамъ же, стр. 148.

его рѣчи. Неизвѣстный благожелатель, скрывшій свое имя подъ буквами: Я. Г. М., упрашивалъ Ѳеодосія вступиться за свою честь и просить у Государыни сатисфакціи, дабы такому высокоумницѣ и хвастуну неслыханному тое пересѣчь и другимъ впредь неповадно бы было. Письмо адресовано было на имя Ѳеодосія, съ предостереженіемъ на пакетѣ, чтобы не распечаталъ его секретарь Ѳеодосія Герасимъ Семеновъ.

Семеновъ, старый подъячій, находился при Ѳеодосіѣ съ самаго посвященія его въ новгородскаго архіепископа; въ 1721 г., въ февралѣ, вѣроятно по желанію Ѳеодосія, онъ опредѣленъ былъ въ Сунодъ канцеляристомъ; въ августѣ того же года, по докладу и рекомендаціи оберъ-секретаря Варлаама Овсянникова, произведенъ въ секретари съ тѣмъ, чтобы «бывать въ Сунодѣ только тогда, когда президенство собраніе имѣть будутъ, а въ прочія времена быть ему при Ѳеодосіѣ для отправленія поручаемыхъ отъ его преосвященства дѣлъ».

Семенова, на другой же день, потребовали въ Тайную канцелярію; а Сунодъ сообщилъ Ягужинскому и Ушакову, что содержать его арестованнымъ при Сунодѣ не удобно, чтобы бывшіе подкомандные его, караульные солдаты, не учинили въ содержаніи ареста какого послабленія. Семенова удержали въ Тайной канцеляріи, гдѣ пошолъ розыскъ о сочинителѣ подметнаго письма.

Между тѣмъ, 8 мая, Ѳеофанъ объявилъ сунодскому секретарю Тишину высочайшій указъ, «чтобъ съ этой поры нѣсколько времени присылаемыхъ на почтѣ изъ Москвы и изъ всѣхъ мѣстъ, какъ въ сунодалную канцелярію, такъ и къ сунодалнымъ членамъ и канцелярістамъ, служителямъ и прочимъ подчиненнымъ Суноду, писемъ, какія бъ къ кому ни были, въ сунодалной канцеляріи принимая никому не раздавать, и ему Тишину и прочимъ секретарямъ и самимъ членамъ безъ другихъ членовъ не распечатывать, но объявлять первымъ сунодскимъ членамъ, при которыхъ распечатывать и осматривать, не явится ль подъ чымъ пакетомъ и другихъ сверхъ того писемъ». Тишину поручено было послать въ Ямскую канцелярію на почтовой дворъ нарочнаго и сказать, чтобъ всякія къ подчиненнымъ Суноду адресованныя письма приносили въ сунодалную канцелярію, а тамъ никому не отдавали. Черезъ день послѣ этого, 10-го мая, сдѣлано дополнительное распоряженіе,

чтобы и партикулярныя письма лицъ синодальнаго вѣдомства иначе не посылать по адресамъ, какъ за синодскою печатью, съ надписью «партикулярные» и съ платежемъ денегъ.

Мая 11-го уже подписанъ былъ указъ о Ѳеодосіѣ, съ объявленіемъ его преступленій. Указъ этотъ составленъ былъ Ѳеофаномъ, съ преувеличеніемъ и искаженіемъ многихъ подробностей суда и слѣдствія надъ обвиненнымъ. Не объявляя себя доносчикомъ на него, Ѳеофанъ сказалъ глухо, что донось сдѣланъ отъ всѣхъ синодальныхъ членовъ порознь, что̀ явно несправедливо. Неконченный процессъ по доношенію Носова также не былъ забытъ и введенъ въ приговоръ, какъ будто обслѣдованное и рѣшеное дѣло о грабительствахъ Ѳеодосія въ новгородской епархіи [1]).

На слѣдующій день, 12-го мая, публично, съ барабаннымъ боемъ, обнародованъ былъ приговоръ надъ Ѳеодосіемъ, чтобы, вмѣсто заслуженной смертной казни, сослать его въ дальный монастырь, именно въ корельскій на устьѣ Двины, и содержать тамъ подъ карауломъ неисходно.

Слѣдствіе по дѣлу подметнаго письма не открыло его виновника, но подтвердило дѣйствительность факта. Это было уже послѣ ссылки Ѳеодосія. Донесеніе изъ Москвы, съ показаніями крутицкаго архіерея и новоспасскаго архимандрита, получены были 7-го іюля,—почти черезъ два мѣсяца послѣ заточенія Ѳеодосія. Впрочемъ, кажется, этому письму можно приписать дальнѣйшее рѣшеніе судьбы Ѳеодосія [2]).

По прибытіи въ монастырь, 21-го іюня, Ѳеодосій заточенъ былъ въ одной изъ келлій подъ церковію. Узникъ просилъ себѣ духовника: архимандритъ, съ разрѣшенія Тайной канцеляріи, назначилъ къ нему въ духовники іеромонаха Іова съ подходящими инструкціями. Ѳеодосій исповѣдался со слезами, просилъ и впредь не лишать его исповѣди и причастился св. Таинъ въ церкви, въ епитрахили съ поручами. «Чинъ архіерейской съ меня не снятъ, говорилъ онъ, а только я отрѣшенъ отъ епископіи». Тайная канцелярія, получивши донесеніе объ этомъ отъ архимандрита, сочла желаніе Ѳеодосія не нужною прихотью со стороны заключеннаго

---

[1]) Проэктъ указа напечатанъ въ Русск. архивѣ, 1864 г., стр. 169—172.

[2]) Розыскъ о письмѣ у г. Есипова въ статьѣ *Черноцъ Ѳедосъ* (Отеч. Зап. 1862 г. № 6).

и приказала пріобщать его разъ въ годъ въ великій постъ, не въ церкви, а въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ содержится.

Въ тотъ же день, какъ состоялся приговоръ о заточеніи Ѳеодосія, однимъ и тѣмъ же указомъ приговоренъ былъ къ ссылкѣ въ соловецкій монастырь сунодальный ассессоръ *Варлаамъ Овсянниковъ*, игуменъ угрѣшскій. Тайная канцелярія предписывала сыскать его и держать при сунодской канцеляріи подъ карауломъ. Сунодъ послалъ въ Сенатъ совѣтника своего, симоновскаго архимандрита Петра, спросить: какая его вина? Сенатъ отвѣчалъ: «по прежнимъ его въ вышнемъ судѣ вѣдомымъ дѣламъ». На самомъ же дѣлѣ, по какимъ-то показаніямъ, его обвинили, какъ участника въ словахъ и дѣлахъ Ѳеодосія.

О «прежнихъ дѣлахъ» Варлаама мы знаемъ только слѣдующее. Варлаамъ, какъ извѣстно, былъ ассессоромъ и оберъ-секретаремъ въ Сунодѣ. Въ 1723 году, по прикосновенности къ какимъ-то дѣламъ, слѣдовавшимъ на генеральномъ дворѣ, объявленъ былъ ему, по высочайшему именному указу, арестъ при св. Сунодѣ, а Суноду приказано было, къ слѣдованію этого дѣла, назначить двухъ депутатовъ [1]. 16-го февраля потребовали его на генеральный дворъ и тамъ удержали подъ арестомъ. Овсянниковъ прислалъ въ Сунодъ извѣстіе о причинѣ его ареста. Это былъ доносъ секретаря Макара Бѣляева о упущеніи имъ многихъ сборовъ сунодальной команды. Такъ какъ дѣло касалось Синода, то собрали объ немъ нужныя свѣдѣнія. По слѣдствію оказалось, что «хотя и есть недоимка, но она произошла не отъ упущенія Овсянникова, но отъ неприсылки изъ Камеръ-коллегіи въ Сунодъ и отъ неотдачи въ сунодскую команду отъ свѣтскихъ командировъ книгъ и вѣдомостей, нужныхъ къ тѣмъ сборамъ, и отъ неприсылки требуемыхъ, къ порядочному этихъ сборовъ исправленію, офицеровъ и наредворцевъ, а Сунодомъ въ тѣхъ сборахъ чинено и

---

[1] Высочайшій именной указъ св. Суноду: «Св. Сунодъ! По дѣламъ, слѣдующимся въ генеральномъ дворѣ, касается нѣчто до ассессора Варлаама Овсянникова. Того рода объявите ему, Овсянникову, арестъ, дабы не ушолъ, и когда дѣло его будутъ слѣдовать, тогда дадутъ вамъ вѣденіе. Въ то время отправьте двухъ депутатовъ отъ себя для того слѣдованія. Петръ. 5-го февраля 1723 г. въ Преображенскомъ».

Варлаамомъ показываю все прилежное усердіе, и Бѣляевъ доносилъ о томъ весьма ложно, да и самъ во многихъ важныхъ дѣлахъ и въ интересахъ и взяткахъ явился подозрителенъ.» Сѵнодъ сообщилъ объ этомъ вышнему суду и ходатайствовалъ за своего ассессора, чтобы освободить его изъ подъ ареста, или же, если это не возможно, то хотя бы пускать до церкви и куда ему потребно будетъ. На увѣдомленіе Сѵнода, кабинетъ-секретарь Макаровъ отвѣчалъ словесно, что, по опредѣленію вышняго суда, Овсянникову дозволено ходить съ караульнымъ, куда онъ пожелаетъ. Между тѣмъ Сѵнодъ извѣстился, что его пускаютъ только въ церковь, а въ другія мѣста не отпускаютъ, и возобновилъ свое требованіе о свободномъ отпускѣ его, куда онъ пожелаетъ. Вмѣсто отвѣта послѣдовалъ высочайшій указъ св. Сѵноду: «снять съ Овсянникова священство и монашество, потому что онъ явился въ не малыхъ преступленіяхъ, по которымъ приличился къ розыску» [1]). Сѵнодъ командировалъ отъ себя, для этой плачевной церемоніи, судью тіунской конторы, протопопа Ивана Семенова. Протопопъ возвратясь объявилъ, что «онъ означенному Овсянникову въ вышнемъ судѣ, при собраніи, указъ объявилъ, священства и монашества обнажилъ, камилавку и клобукъ снялъ». Овсянниковъ содержался въ вышнемъ судѣ до смерти Государя. Екатерина, послѣ возшествія на престолъ, приказала отослать его въ св. Сѵнодъ и быть ему монахомъ по прежнему, а по дѣламъ его въ вышнемъ судѣ слѣдовать по указу (19-го марта 1725 г.) [2]). Но ему не долго пришлось пользоваться свободою. Какъ мы сказали выше, высочайшимъ указомъ 11-го мая велѣно было сослать его въ соловецкій монастырь въ братство, на неисходное житіе. «А церковное священнослуженіе отправлять ему Овсянникову, когда восхощетъ, съ вѣдома настоятельскаго позволяется безъ препятія [3]).

---

[1]) Высочайшій именной указъ св. Сѵноду: «Св. Сѵнодъ! По дѣламъ, слѣдующимся въ канцеляріи вышняго суда, игуменъ Овсянниковъ и дьяконъ Чуркинъ явились въ не малыхъ преступленіяхъ, которыми приличились они къ розыску. Того ради велите съ нихъ священство и монашество снять. Петръ. 11-го декабря 1723 г.»

[2]) Дѣла архива св. Сѵнода, 1723 г., № 266.

[3]) Дѣла архива св. Сѵнода, 1725 г., № 122.

Изъ прочихъ лицъ, арестованныхъ по дѣлу Ѳеодосія, секретарь *Герасимъ Семеновъ* сначала укрывалъ его изъ жалости; но, послѣ пытки, началъ чернить всѣхъ, чтобы самому спастись черезъ погибель другихъ.

Онъ обнаружилъ злоупотребленія Ѳеодосія въ пользованіи церковною и монастырскою собственностію. Его отвезли въ Новгородъ для доказательствъ доноса и послали туда же синодальнаго ассессора, архимандрита Іону Салынкѣева и капитана гвардіи Шушерина для осмотру и описи соборной ризницы и домовой казны и прочихъ вещей, противъ переписныхъ книгъ 1701 и 1720 годовъ. Герасимъ Семеновъ изъ подсудимаго обратился въ доказщика и присвоилъ себѣ даже не подлежащее ему право слѣдователя. 16-го іюня архимандритъ Іона доносилъ Синоду, что Герасимъ Семеновъ управителей новгородскаго архіерейскаго дома забиралъ къ себѣ на квартиру, и въ приказѣ держалъ и ковалъ, и волю свою приказывалъ исполнять; чашника монаха Герасима, у котораго хранились всѣ вещи, собранныя Ѳеодосіемъ изъ разныхъ новгородскихъ монастырей, въ оковахъ держалъ, и у него (Іоны) инструкціи требовалъ и пришедши въ его келью, при Шушеринѣ и при другихъ, поносилъ главныхъ св. Синода и за то онъ не велѣлъ пускать его въ архіерейскій домъ. Синодъ приказалъ Іонѣ сообщить объ этомъ извѣстіе въ собраніе Сената и Синода, а его — Семенова не слушаться.

Семеновъ прислалъ отъ себя въ Тайную канцелярію доносъ на своего слѣдователя, будто онъ замышляетъ на здравіе ея величества. Ушаковъ взялъ Семенова въ Тайную канцелярію для улики и потребовалъ изъ Новгорода Іону для объясненія, «понеже въ томъ есть важность». Синоду не могло нравиться, что важное духовное лицо, синодальнаго члена, по одному оговору подьячаго, арестуютъ и держатъ подъ карауломъ. 7-го іюля, въ самый день ареста Іоны, «Синодъ имѣлъ разсужденіе, что многіе люди по разнымъ дѣламъ впадаютъ въ тяжкія преступленія и, въ содержаніи ареста, отбывая вины своихъ по прежнимъ съ кѣмъ ссорамъ или кто что имъ учинилъ въ то время противно, сказываютъ на знатныхъ духовныхъ персонъ великоважныя дѣла, и тѣ знатныя персоны хотя по слѣдованію являются и невинны, однакожъ въ то время, какъ тѣ содержащіеся на нихъ покажутъ, берутся

въ преображенскую и въ тайную розыскныхъ дѣлъ канцелярію строго и содержатся подъ крѣпкими аресты, къ которымъ не токмо служителей ихъ, но и другихъ никого не допускаютъ, отчего таковымъ знатнымъ бываетъ не малая тягость и здравію и чести поврежденіе, и по разсужденіи согласно приговорили: ея императорскому величеству отъ Сунода учинить посьменный докладъ, въ которомъ мнѣніе сунодальное такое объявить, чтобъ, по такимъ дѣламъ, слѣдованіе чинить безъ продолженія времени, а ежели пельзя, то знатныхъ персонъ подъ арестомъ не держать, а отдавать на знатныя и вѣроятія достойныя поруки». По слѣдствію, за Іоною не явилось никакого дѣла; однакожъ его продержали въ Тайной канцеляріи до 23-го сентября [1]).

Семеновъ хотѣлъ очернить также и Ософана и, съ секретарскою крючковатостію, показалъ въ слѣдственной комиссіи, будто Ософанъ, еще до посвященія своего въ епископа, обличенъ былъ покойнымъ митрополитомъ Стефаномъ въ еретичествѣ, — что объ этомъ была переписка, но Ософанъ уничтожилъ ее. (Дѣло касалось тѣхъ документовъ, о которыхъ мы упомянули выше — писемъ Стефана къ сарскому и тверскому епископамъ и къ Мусину-Пушкину, объяснительной записки Ософана и оправдательнаго доношенія Гедеона и Ософилакта). Слѣдственная коммиссія потребовала извѣстія объ этомъ изъ Сунода. Сунодъ поручилъ разслѣдованіе дѣла секретарямъ; но, по изслѣдованію ихъ, оказалось, что этой переписки нѣтъ въ Сунодѣ и что по описи дѣлъ 1724 г. она значится пропавшею. Коммиссія 26-го мая, именемъ Государыни, настойчиво требовала отысканія ихъ. Трудно угадать, къ чему клонилось это дѣло, и на что нужны были коммиссіи документы, направленные противъ Ософана. Какъ бы то ни было, но Ософанъ 31-го мая предложилъ Суноду, чтобы его уволить отъ собраній для пріема лекарствъ до 7-го іюня; а 2-го іюня подалъ доношеніе, «что письма, писанныя на него митрополитомъ Стефаномъ въ 1718 г., обрѣтаются у него, но что онъ не помнитъ—отъ кого и какъ получилъ ихъ; только служитель его, келейный хартофилаксъ, сказалъ, что оные въ Москвѣ въ 1722 г. отъ оберъ-секретаря Тимофея Осиповича (Па-

[1]) Дѣла арх. св. Сунода, 1725 г., № 142.

лехина) принесены къ нему на квартиру съ предложеніемъ: положить ли письма оныя въ архивы сунодальные, и что онъ, не видя своихъ на эти письма отвѣтовъ, удержалъ при себѣ до взысканія отвѣтовъ, дабы какъ письма, такъ и его отвѣты, яко единаго дѣла части, внесены были въ архивы и въ единомъ связѣ положены. Что я отъ служителя слышалъ и воспомянулъ, того жъ часа объявилъ словесно въ Тайной канцеляріи и на письмѣ къ Толстому, а нынѣ и св. Суноду симъ объявляю. А о письмахъ оныхъ, откуда до мене достались, трудно было мнѣ не забыть, понеже того никто изъ Суноda и изъ суподской канцеляріи не токмо у меня не требовалъ, но и не вспомянулъ досель [1])». Какія были послѣдствія этихъ розысковъ, неизвѣстно.

Не успѣвши опутать Оеофана этимъ показаніемъ, Герасимъ Семеновъ сдѣлалъ на него другое показаніе, будто онъ «10-го марта сего года, будучи въ Суподѣ, при собраніи всѣхъ суподальныхъ членовъ и архіереевъ, которые къ выносу и надгробному пѣнію тѣла его императорскаго величества были сюда призваны, гнѣвался на суподскаго ассессора, протопопа петропавловскаго Петра, о постановленныхъ попомъ Миною въ петропавловской церкви излишнихъ свыше потребы шкопахъ, и въ томъ гнѣвѣ уподобляя ихъ Левину [2]), который за важную виду казненъ смертію, говорилъ крично такъ: «Государь еретикъ», что и усугубилъ, токмо имени ясно не сказалъ». Но — конецъ и этого дѣла также неизвѣстенъ.

Черни одного за другимъ суподальныхъ членовъ, Семеновъ очернилъ и суподскихъ секретарей — Дудина и Тишина. Какъ ни были обыкновенны внезапности въ то время, но арестъ ихъ, даже для того времени, былъ чрезвычайно страшенъ. Августа 18-го гвардейскій унтеръ-офицеръ Хрущевъ пришелъ утромъ въ Суподъ, спросилъ секретарей Дудина и Тишина и объявилъ имъ, что ихъ спрашиваютъ въ Сенатѣ. По выходѣ изъ Суноda, онъ приказалъ бывшимъ съ нимъ солдатамъ арестовать ихъ и отвесть въ крѣпость. Суподъ послалъ въ Тайную канцелярію своего члена,

---

[1]) Кабин. Дѣла, II, № 73, л. 123.

[2]) Разстрига Варлаамъ Левинъ, казненный въ 1722 г. за дерзкія рѣчи противъ Государя. Подробности о немъ въ статьѣ г. Есипова: Варлаамъ Левинъ. (Русское Слово 1861 года).

архимандрита Аоанасія Кондоиди, спросить о причинѣ такого самовольнаго обманнаго захвата его чиновниковъ безъ объявленія св. Суноду, и ставилъ ей на видъ, что это не въ порядкѣ вещей, что даже въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло не подлежитъ общей извѣстности, то и тогда объявляется, одному или двумъ первѣйшимъ членамъ, если не самое дѣло, то хотя то, что такія-то лица требуются, куда надлежитъ. Аоанасій Кондоиди, по возвращеніи изъ Тайной канцеляріи, объявилъ отвѣтъ Ушакова, что «какое до сунодальныхъ секретарей касается дѣло, о томъ знать св. Суноду не надлежитъ; а что они взяты обманомъ, этого приказано не было, а велѣно было взять ихъ поутру рано изъ домовъ, пока не сойдутъ въ канцелярію.» Сунодъ долженъ былъ удовлетвориться этимъ отвѣтомъ. Дудина и Тишина продержали въ крѣпости больше мѣсяца, пока Семеновъ не показалъ съ пытки, что обвинилъ ихъ ложно [1]).

Сидя въ казармѣ Герасимъ Семеновъ написалъ что-то на столѣ, и при этомъ упоминалъ Царевича. 11-го августа взяли изъ казармы столъ, на которомъ оказалось писано по латинѣ. Тайная канцелярія потребовала изъ Академіи наукъ учителя Ханенко для перевода этого письма на русскій языкъ. Что писано было — неизвѣстно. Но вслѣдъ за этимъ Тайная канцелярія усилила строгость надзора за нимъ. 13-го августа приказано было ни въ церковь и никуда на сторону его не пускать, питья хмѣльнаго никакого не давать и пищу всякую откушивать тому, кто принесетъ, и къ нему никого не допускать и быть у него на часахъ двумъ [2]).

Наконецъ состоялся приговоръ о Семеновѣ. «За то, что онъ слыхалъ отъ Оеодосія и Варлаама про ихъ императорское величество злохулительныя слова, и не только на нихъ не доносилъ, но былъ съ ними собесѣдникъ, и доносить на нихъ сталъ не добровольно, но изъ-за пытки, — казнить его смертію — отсѣчь голову».

Во время слѣдствія по дѣлу Семенова обнаружилось дѣло о присягѣ, по которой въ 1724 г. присягали на вѣрность и покорность Оеодосію, по обычаю царской присяги, въ невскомъ мона-

---

[1]) Дѣла архива св. Сунода 1725 г., № 142.

[2]) Государств. архив., Дѣло о Оеодосіѣ, л. 175—177

стырѣ и въ Новгородѣ всѣ его подчиненные, которымъ поручено какое правленіе и которые у дѣлъ обрѣтаются. Бывшіе подчиненные Ѳеодосія показали, что они присягали располагаясь тѣмъ, что Ѳеодосій въ Сунодѣ первенствующая особа и, полагая, что присяга предписывалась Ѳеодосіемъ по высочайшему повелѣнію.

Это дало еще худшій оборотъ его дѣлу. 6-го октября графъ Толстой пришелъ въ Сунодъ и принесъ форму «Объявленія» о Ѳеодосіѣ. Сунодъ, не читавши, поручилъ «разсмотрѣть ее Ѳеофану и когда отъ его преосвященства опять сообщена будетъ въ Сунодъ, то предложить собранію». Объявленіе состояло изъ описанія преступленій Ѳеодосія. 9-го сентября, по высочайшему повелѣнію, приказано было мѣстному архіепископу снять съ Ѳеодосія архіерейскій и іерейскій санъ [1]), а въ инструкціи отправленому туда, штатскому совѣтнику и лейб-гвардіи капитану лейтенанту, графу Платону Мусину-Пушкину (сыну И. А. Мусина-

---

[1]) Съ бывшаго архіерея новгородскаго Ѳеодосія — сказано въ высочайшемъ указѣ — за его злоковарное воровство, «что онъ будучи въ С.-Петербургѣ говорилалъ злохулительныя слова про ихъ императорское величество и мыслилъ впредь чинить нѣкоторый злой умыселъ на россійское государство, санъ съ него, Ѳеодосія, архіерейскій и іерейскій снять и быть ему простымъ старцемъ». И для того его Ѳеодосова архіерейскаго и іерейскаго чина лишенія. — предписано указомъ холмогорскому архіерею — дабы то было дѣйствительно исполнено, въ тотъ монастырь, гдѣ онъ нынѣ содержится, ѣхать вашему преосвященству съ опредѣленною изъ Тайной Р. Д. канцеляріи присланною на Холмогоры персоною обще и чинить все съ общаго согласія.... А по лишеніи вышеобъявленнаго Ѳеодоса архіерейскаго и іерейскаго чина, сказать того монастыря настоятелю и братіи указъ съ запискою и съ рукоприложеніемъ, дабы они отъ того времени признавали его Ѳедоса за простаго черпца, и что при немъ архіерейскихъ одѣяній и прочаго обрѣтается, описать». (Указъ св. Сунода холмогорскому архіепископу Варнавѣ, 11-го сентября 1725 г.). При снятіи сана съ Ѳеодосія приказано было прочитать ему слѣдующее: «бывшій архіерей Ѳеодосій! за важныя твои вины, что ты говаривалъ про ихъ императорское величество злохулительныя слова, сверхъ прежняго о тебѣ публикованнаго дѣла; а о той твоей хулѣ къ превысочайшимъ ихъ величества персонамъ Герасимъ Семеновъ отъ тебя слыхалъ и самъ на нѣкоторыя твои слова зло же говорилъ, и мыслили вы съ нимъ, Герасимомъ, учинить россійскому государству злой вредъ, и въ томъ онъ, Герасимъ, въ распросѣхъ и съ розысковъ и на исповѣди передъ смертью (понеже онъ казненъ) утвердилъ.—и за такое твое злохитрое воровство, по указу ея императорскаго величества, по силѣ государственныхъ прежнихъ и вновь учиненныхъ правъ, санъ съ тебя архіерейскій и іерейскій снять, и быть тебѣ простымъ черпцомъ».

Пушкина, извѣстному по дѣлу А. П. Волынскаго) приказано было посадить его въ томъ монастырѣ въ тюрьму, а будѣ тюрьмы нѣтъ, сыскать каменную келью на подобіе тюрьмы, съ малымъ окошкомъ, а людей бы близко той келы не было; пищу ему опредѣлить хлѣбъ да вода».

«Графъ Мусинъ-Пушкинъ въ никольскій корельскій монастырь пріѣхалъ 17-го октября; а Ѳеодосъ тогда былъ у обѣдни; и онъ, Платонъ, въ томъ монастырѣ искалъ крѣпкаго каменнаго мѣста, на подобіе тюрьмы, кудабъ Ѳедоса посадить, и къ тому такого удобнаго мѣста не нашелъ, кромѣ той палаты, гдѣ и прежде Ѳедосъ былъ и, покамѣстъ обѣдню пѣли, велѣлъ Платонъ у той келы большое окошко закласть кирпичемъ, и оставлено меньшее четверть аршина въ высоту и четверть въ широту, и мостъ изъ той келы выбранъ, и близко той тюрьмы жилья нѣтъ. И какъ Ѳедосъ отъ обѣдни пришелъ въ ту тюрьму, тогда Платонъ и холмогорскій архіерей, да отъ гвардіи сержантъ пришли, и архіерей санъ съ Ѳедоса архіерейскій и іерейскій снялъ, и тогда отъ Ѳедоса никаковыхъ словъ противныхъ не было. А послѣ того обыскиванъ Ѳедосъ: нѣтъ ли каковыхъ при немъ писемъ? Но нигдѣ ничего противнаго не нашлось. Платья при немъ оставлено только что на немъ, да постеля; денегъ ему ничего не дано. А оная тюрьма за тремя дверьми и замками и за печатьми, и у послѣднихъ дверей поставленъ караулъ — одинъ часовой изъ гвардіи, а другой изъ гарнизонныхъ съ ружьемъ» [1]).

Можно судить, каково было несчастному на сыромъ и холодномъ полу, въ сырой, нетопленой тюрьмѣ! Тайная канцелярія, узнавши объ этомъ, показала человѣколюбіе, приказала «подъ той тюрьмы, гдѣ содержится черницъ Ѳедосъ, прінскать другую удобную, гдѣ сдѣлать печь и наслать деревянный полъ; а печь топить съ над-

---

[1]) *Экстрактъ о разстриженіи бывшаго архіерея Ѳеодосія и о посаженіи въ тюрьму.* Гсуд. арх. Дѣло о Ѳеодосіѣ, л. 170. Донося Тайной канцелярія о вещахъ, отобранныхъ у Ѳеодосія, графъ Мусинъ-Пушкинъ писалъ: «въ календарѣ его Ѳедосовѣ явилась записка въ нѣкоторыхъ мѣсяцахъ, именно — въ генварѣ мѣсяцѣ: Богъ да ущедритъ ны и да благословитъ, да освятитъ лице свое на ны, аминь; въ февралѣ: виновно всѣмъ злымъ лакомство, тщеславіе, Государыня, еже не вѣдати писанія»....

ворья и устье печное чтобъ близъ караула было» [1]). 23-го ноября архангельскій губернаторъ Измайловъ доносилъ Тайной канцеляріи, что, по указу ея, онъ ѣздилъ въ корельскій монастырь для надзиранія имѣющагося надъ Ѳедосомъ караула, и тотъ караулъ имѣется въ добромъ состояніи, *и онъ Ѳедосъ еще живъ.*

30-го ноября, указомъ изъ Тайной канцеляріи предписано Измайлову: «когда придетъ крайняя нужда къ смерти черицу Ѳедосу, по исповѣди пріобщить его св. Таинъ въ тюрьмѣ, гдѣ онъ содержится, и при томъ быть, съ духовникомъ Ѳедосовымъ, ему, Измайлову, и для того двери отпереть и распечатать; а по причащеніи оныя двери по прежнему запереть и запечатать ему же, Измайлову, своею печатью и приказать хранить накрѣпко» [2]).

«А ежели ему Ѳедосу придетъ смерть, то съ тѣломъ его что чинить, о томъ я отъ Канцеляріи тайныхъ розыскныхъ дѣлъ прошу резолюціи» писалъ Измайловъ въ донесеніи 30-го декабря [3]). «Черица Ѳедоса,—отвѣчала канцелярія 22-го января 1726 г.,—когда онъ умретъ, тѣло его похоронить въ томъ же монастырѣ, гдѣ нынѣ содержится» [4]).

Къ концу января готова была новая тюрьма для Ѳеодосія; но какъ онъ не имѣлъ силъ перейти въ нее, то его перенесли на рукахъ. «А въ то время — писалъ Измайловъ — былъ онъ Ѳедосъ болѣнъ, а какою болѣзнію, того я признать не могъ, и оный Ѳедосъ о болѣзни мнѣ ничего не сказывалъ же, токмо по переносѣ, называя меня именемъ, говорилъ мнѣ онъ Ѳедосъ: «ни я-де черпецъ, ни я-де мертвецъ. Гдѣ-де судъ и милость»? На которыя его рѣчи сказалъ я ему съ сердцемъ, дабы онъ лишняго не говорилъ, а просилъ бы у Бога душѣ своей милости. И притомъ я его спросилъ: не желаетъ ли онъ, Ѳедосъ, духовника. И на тотъ вопросъ ничего онъ Ѳедосъ мнѣ не сказалъ и глазъ своихъ, какъ у него закрыты были камилавкою, не открылъ, и въ той тюрьмѣ я его оставилъ и запечатавъ заперъ, и тогожъ числа отъѣхалъ къ городу Архангельскому. А минувшаго 3-го февраля, т. е. въ тезо-

---

[1]) Государств. арх., Дѣло о Ѳеодосіѣ, л. 25.

[2]) Государств. арх., Дѣло о Ѳеодосіѣ, л. 11.

[3]) Государств. арх. Дѣло о Ѳеодосіѣ, л. 52.

[4]) Государств. арх. Дѣло о Ѳеодосіѣ, л. 87.

имянитство ея высочества, государыни цесаревны Анны Петровны, караульный фендрикъ Григорьевъ мнѣ репортовалъ, что оный Θедосъ, по многому клику для подания пищи, отвѣту не отдастъ и пищи не принимаетъ. Того жъ числа велѣлъ я ему. фендрику, ѣхать въ оный монастырь въ самой скорости и Θедосу въ окно кричать, о принятіи пищи, какъ возможно громко, и ежели по многому крику отвѣту онъ Θедосъ не дастъ, то на другой день тюрьму распечатавъ отпереть, и его Θедоса осмотрѣть. 5-го февраля фендрикъ прислалъ ко мнѣ нарочнаго солдата объявить, что оный Θедосъ умеръ [1]). — Измайловъ, по полученной инструкціи, приказалъ архимандриту мертвое тѣло предать землѣ; архимандритъ похоронилъ его при деревянной больничной церкви, гдѣ хоронятъ монаховъ. Но когда онъ донесъ о смерти Θеодосія Тайной канцеляріи, то получилъ (отъ 20-го февраля) указъ, чтобы тѣло умершаго Θедоса отправить въ С.-Петербургъ. «Того ради, буде у города Архангельскаго обрѣтается изъ докторовъ или изъ лекарей, который бы могъ учинить анатомію, то изъ Θедосова тѣла внутренню вынять; а ежели таковыхъ искусныхъ людей не обрѣтается, то, положа тѣло въ гробъ, засмолить и отправить въ С.-Петербургъ на почтовыхъ лошадяхъ отъ гвардіи съ урядникомъ и съ двумя солдатами изъ тѣхъ, кои были въ монастырѣ на карауле, съ подтвержденіемъ, якобы они ѣдутъ съ нѣкоторыми вещьми; и въ пути бы ѣхали не медленно со всякимъ поспѣшеніемъ, дабы распутье ихъ гдѣ не остановило и, прибывъ въ С.-Петербургъ, объявить тѣло въ Тайной канцеляріи. Буде же, паче чаянія, Θедосово тѣло погребено, и оное вынувъ изъ земли исполнить противъ вышеписаннаго. А какою онъ, Θедосъ, болѣзнію былъ болѣнъ и сколько времени былъ въ болѣзни, и во время болѣзни былъ ли онъ исповѣданъ и св. Таинъ причащенъ ли, и во время тѣхъ Таинствъ или въ болѣзни не былоль отъ него какихъ словъ противныхъ, и какъ онъ умиралъ былъ ли кто при томъ, о томъ о всемъ велѣть обстоятельно репортовать [2])».

Но 2-го марта послѣдовалъ новый высочайшій указъ, «чтобы, по прежденосланному указу, Θедоса черница мертвое тѣло отъ го-

---

[1]) Дѣло о Θеодосіѣ, л. 85—119.

[2]) Дѣло о Θеодосіѣ, л. 90.

рода Архангельскаго въ С.-Петербургъ не возить, и для того послать на встрѣчу нарочнаго курьера, велѣть погребсти въ кирилловѣ бѣлозерскаго или въ александровѣ свирскаго монастырѣ, къ которому будетъ ближе; а буде отъ города за какимъ препятствіемъ то тѣло не отправлено, и его погребсти въ никольскомъ корельскомъ монастырѣ [1]).»

Ѳеофану приказано было распорядится послушными указами изъ Сунода въ означенные монастыри о погребеніи тѣла. На другой день, 3-го марта, онъ отвѣчалъ графу Толстому: «въ александро-свирскій монастырь я пошлю указъ, а въ кирилловъ монастырь пошлется указъ изъ Сунода, понеже оный монастырь не новгородской епархіи: однако къ обоимъ мѣстамъ пошлется въ одно время утромъ, рано. Благодарствую же превосходительству вашему и объ обѣщанномъ призрѣніи къ дому архіерейскому и монастырей о рѣшеніи запечатанныхъ денегъ: сія нужда живыхъ есть и вящшая отъ нужды мертвыхъ; а я, пока живъ, одолженъ пребываю превосходительству вашему. Доброжелательный слуга и богомолецъ Ѳ. А. Н. [2])».

5-го марта Измайловъ донесъ, что, для вынутія тѣла Оедосова изъ земли, секретно посылалъ онъ тамошняго гарнизона подполковника Хрипунова и съ нимъ гарнизоннаго лекаря Альбрехта, которому велѣно учинить анатомію, и при томъ исполненіи никому (кому не надлежитъ) быть невелѣно. На запросъ объ обстоятельствахъ смерти Ѳедоса донесъ, что «какъ онъ, Оедосъ, умиралъ, то при томъ быть никому было невозможно, потому что тюрьма была, по указу, заперта и запечатана его, Измайлова, печатью [3]).

1-го марта провожатыхъ съ тѣломъ Оедоса встрѣтилъ, въ 60-ти верстахъ отъ Каргополя, кабинетскій курьеръ Матюшкинъ, и при нихъ тѣло осматривалъ въ деревнѣ тайно, наединѣ, не явится ли на томъ тѣлѣ какихъ язвъ — и того не явилось; и, осмотря, Матюшкинъ поѣхалъ къ городу, а провожатые съ тѣломъ къ С.-Петербургу поѣхали [4]).

12-го марта тѣло привезено въ кирилловъ монастырь и, по из-

---

[1]) Дѣло о Ѳеодосіѣ, л. 103.
[2]) Дѣло о Ѳеодосіѣ, л. 104.
[3]) Дѣло о Ѳеодосіѣ, л. 119.
[4]) Дѣло о Ѳеодосіѣ, л. 140.

вѣстному указу св. Сунода, погребено тогожъ числа казначеемъ іеросхимонахомъ Іоасафомъ съ братіею, при церкви Евпмьевской [1]).

Съ судьбой Ѳеодосія какими то тайными нитями связана была судьба *Варлаама Овсянникова*. Въ тотъ же день, и тѣмъ же указомъ, какъ Ѳеодосія приказано было лишить архіерейства и іерейства, рѣшена судьба и Варлаама. «Варлаама Овсянникова, — предписано указомъ св. Сунода холмогорскому архіепископу Варнавѣ 11-го сентября 1725 года, — который отъ того плута и злодѣя Ѳедоса помянутую хулу (къ превысочайшимъ ихъ величества персонамъ) слышалъ, а не донесъ, и за то его, яко сообщника, разстричь и посадить въ соловецкомъ монастырѣ въ корожню. 18-го ноября губернаторъ Измайловъ доносилъ, что бывшій старецъ Овсянниковъ у города сысканъ и 19-го октября разстриженъ и содержится подъ крѣпкимъ карауломъ, а на Соловки не посланъ за распущеніемъ [2]). 23-го ноября — что Овсянниковъ изъ Архангельска въ соловецкій монастырь, для посаженія въ корожню, посланъ и для караула послано солдатъ три человѣка [3]). — 23-го декабря, — что Овсянниковъ въ корожню не посаженъ, потому что въ ней содержится уже, присланный при покойномъ Государѣ, по указу изъ св. Сунода и Коллегіи иностранныхъ дѣлъ, малороссіянинъ Захаръ Патока, а посаженъ въ тюрьму къ школьскимъ воротамъ [4]). — 27-го февраля 1726 года Овсянниковъ потребовалъ себѣ бумаги и чернилъ, объявивъ, что будетъ писать доношеніе о важномъ дѣлѣ. Измайловъ, не имѣя инструкціи, отнесся въ Тайную канцелярію [5]). Тайная канцелярія доложила объ этомъ Императрицѣ. Государыня приказала быть этому дѣлу въ вѣденіи свѣтлѣйшаго князя Меншикова, а отъ Тайной канцеляріи вѣдомствомъ того Овсянникова во всемъ отрѣшить [6]).

---

[1]) Дѣло о Ѳеодосіѣ, л. 118.

[2]) Дѣло о Ѳеодосіѣ, л. 170.

[3]) Дѣло о Ѳеодосіѣ, л. 12.

[4]) Дѣло о Ѳеодосіѣ, л. 42. О Патокѣ — Описаніе докум. и дѣлъ архива св. Сунода, Т. I, 1868 г. стр. 304—310.

[5]) Дѣло о Ѳеодосіѣ, л. 160.

[6]) Дѣло о Ѳеодосіѣ, л. 165. Доношеніе Варлаама князю Меншикову отъ 13-го іюня 1726 года, о бѣдственномъ его положеніи въ тюрьмѣ и объ обидахъ отъ караульныхъ служителей — въ Приложеніяхъ № IV.

Но, съ перемѣной высшаго начальства, въ положеніи Овсянникова не послѣдовало никакой перемѣны. Несчастный томился въ тюрьмѣ 7 лѣтъ и скончался въ 1732 году.

Домогался или не домогался Ѳеофанъ первенства въ Сунодѣ и званія новгородскаго архіепископа, но онъ достигъ и того и другаго, и сталъ въ челѣ русской іерархіи.

Въ 1725 году, 25-го іюня, Императрица дала св. Суноду указъ, что, ея величество заблагоразсудить изволила преосвященнаго Ѳеофана, архіепископа псковскаго, перевесть на новгородскую степень; на его мѣсто, на псковскую степень — преосвященнаго Ѳеофилакта, архіепископа тверскаго, съ опредѣленіемъ его вторымъ вице-президентомъ въ Сунодѣ». Выслушавъ этотъ указъ «преосвященные Ѳеофанъ и Ѳеофилактъ предложили словесное свое св. Суноду прошеніе, чтобъ ея величеству, Государынѣ Императрицѣ, отъ св. Сунода объ нихъ доложить, понеже они на прежнихъ своихъ степеняхъ уже установились и, за присутствіемъ своимъ въ сунодальномъ правительствѣ, новыхъ по премѣненіи епархій осмотрѣть имъ вскорѣ будетъ невозможно; того ради дабы отъ ея величества, о увольненіи ихъ, паки по прежнему учинена была милостивая резолюція. О чемъ св. Сунодъ довольно разсуждая и о бытіи въ Новѣгородѣ архіереемъ, кромѣ ихъ преосвященствъ, ежели ея императорское величество благоволитъ востребовать сунодальнаго мнѣнія, совѣтовавъ, согласно приговорили: вышеозначенное ихъ преосвященствъ архіепископовъ прошеніе донести ея императорскому величеству, а о удостоеніи на степень архіерейства новгородскаго, буде ея величество отъ Сунода мнѣнія востребуетъ, назначить преосвященнаго Георгія, епископа ростовскаго и ярославскаго, да изъ сунодскихъ членовъ архимандритовъ безлично, кого ея величество заблагоразсудить изволитъ. Докладъ ея величеству, усмотря благопотребное время, учинить сунодальнымъ членамъ—Петру, архимандриту симоновскому, да Аѳанасію, архимандриту спасоярославскому и, какую резолюцію получатъ, то объявить имъ въ Сунодѣ немедленно».

Архимандриты Петръ и Аѳанасій донесли Суноду, что 1-го

мая Императрица, въ присутствіи въ лѣтнемъ своемъ домѣ, по докладу ихъ указала: «вышеозначенныхъ синодальныхъ членовъ, по силѣ прежняго указа, перевесть — преосвященнаго Ѳеофана на престолъ новгородской архіепископіи и быть ему архіепископомъ же; ему ихъ вѣдать и обрѣтающійся при С.-Петербургѣ александро-невскій монастырь, яко настоятелю, и писать ему титулъ таковымъ же образомъ, какъ писано было бывшему новгородскому архіерею Ѳеодосію; преосвященнаго Ѳеофилакта, архіепископа тверскаго, на престолъ псковской архіепископіи и быть ему архіепископомъ же. Преосвященному Георгію епископу ростовскому быть въ Синодѣ «*третимъ архіереемъ*». А о кандидатахъ къ посвященію въ тверскую и рязанскую епархіи мнѣнія ея величеству о синодальныхъ членахъ не подавать, понеже ея величеству синодальные члены вѣдомы всѣ, и кого куды пожаловать изволитъ, ожидать указу».

Ѳеофанъ въ тотъ же день (2-го іюня) подалъ Императрицѣ прошеніе, чтобы ему остаться въ прежней епархіи, а ежели того ему переведенія ея величество отмѣнить не соизволитъ, то повелѣла-бъ быть изъ оныхъ мѣстъ въ одномъ: въ новгородской епархіи или въ невскомъ монастырѣ; при томъ же, отъ имени Ѳеофилакта, просилъ о немъ, чтобы ему остаться въ прежней епархіи. Императрица согласилась оставить Ѳеофилакта въ тверской епархіи, а Ѳеофану приказала ожидать указа.

Когда Ѳеофанъ объявилъ объ этомъ въ Синодѣ, то это объявленіе смутило синодальныхъ членовъ: не произошло бы у ея величества какого мнѣнія къ синодальному правительству за неисполненіе вышеозначенныхъ именныхъ указовъ. Синодъ обратился къ кабинетъ-секретарю Макарову и просилъ его, чтобы, усмотря благополучное время, доложилъ Государынѣ объ окончательномъ переводѣ Ѳеофана въ новгородскую епархію. Макаровъ (9-го іюля) отвѣчалъ, что онъ письменнаго доклада отъ Синода принять не можетъ, потому что этотъ докладъ будетъ противъ извѣстнаго ему именнаго указа, о чемъ и св. Синодъ извѣстенъ; а усмотря удобное время, онъ будетъ докладывать о томъ ея величеству словесно.

Іюля 10-го Императрица, бывъ въ троицкомъ соборѣ у обѣдни, приказала объявить всенародно, чтобы Ѳеофану быть новгород-

скимъ архіепископомъ, а преосвященному Ѳеофилакту, изъ совѣтниковъ, вторымъ въ Сѵнодѣ вице-президентомъ, что̀ тогоѧъ числа, въ томъ же соборѣ, и было исполнено слѣдующемъ образомъ. По окончаніи литургіи, предъ молебномъ, когда ихъ преосвященства и весь священный чинъ были среди церкви въ священныхъ одѣяніяхъ, а ея императорское величество на своемъ обыкновенномъ мѣстѣ, тогда протодіаконъ Анфиногенъ Ивановъ провозгласилъ: «преосвященный Ѳеофанъ архіепископъ псковскій, святѣйшаго правительствующаго всероссійскаго Сѵнода вице-президентъ! Всепресвѣтлѣйшая и самодержавнѣйшая великая Государыня, Императрица Екатерина Алексѣевна, самодержица всероссійская, указала вашему преосвященству быть архіепископомъ Великаго Новаграда и Великихъ Лукъ». Такое же объявленіе сдѣлано было и Ѳеофилакту [1]).

---

[1]) Дѣла арх. св. Сѵнода 1725 г. № 112.—Въ 1726 году Ѳеофилактъ получилъ отъ Императрицы въ подарокъ двѣ парчи на саккосъ и благодарилъ Императрицу письмомъ: «Милостивѣйшая Государыня Императрица! Не посмѣлъ бы я ваше императорское величество писаніемъ утруждати, но превысокое вашего величества милосердіе къ вѣрнымъ своимъ подданнымъ дерзновеніе мнѣ сотворило; ктому же и не малый страхъ, да за премногую милость не явлюся неблагодаренъ. Получилъ я въ Твери отъ прещедрыя вашего величества, Богомъ укрѣпляемыя, десницы двѣ серебряныя парчи на саккосъ, за которыя, аще бы не отозвался съ должнымъ благодареніемъ, могъ бы попасть въ подозрѣніе неблагодарствія. Сими убо причинами, милосердіемъ вашимъ и страхомъ подвизаемъ, пріяхъ дерзновеніе писати къ вашему величеству, во изъявленіе достодолжнаго благодаренія, и симъ писаніемъ всесмиренно и раболѣпно благодарствую о семъ вашему пресвѣтлѣйшему императорскому величеству, и исповѣдаю, что превысокое вашего величества ко мнѣ недостойному милосердіе уподобляется солнцу сіяющему на тверди небесной. Яко же бо оное не токмо близъ, но и далече сущихъ просвѣщаетъ своими златозарными лучами: тако и вашего величества милосердіе не токмо къ близъ сущимъ, но и далече отстоящимъ простирается и всякаго досязаетъ, отъ нихъ же послѣдній азъ есмь, получившій въ Твери прещедрое подаяніе; за что—да̀ воздастъ вашему величеству мздовоздаятель Господь Богъ, и въ семъ вѣцѣ многолѣтнимъ здравіемъ и мирнымъ царствованіемъ, и въ будущемъ не увядаемымъ вѣнцемъ безсмертія—долженствую Его всемилостивое благоутробіе молити. При семъ воспоминаю вашему величеству двое дѣлъ зѣло нужныхъ тверской епархіи, которыя и обрѣтаются въ кабинетѣ вашего величества, о которыхъ изволила подать меморіалъ вашему величеству, милостивѣйшая моя патронка, благочестивѣйшая государыня цесаревна Елизавета Петровна, въ день рожденія своего; о тѣхъ милостивыя резолюціи всесмиренно прошу. Тверь 17-го марта, 1726 года». (Кабин. Дѣла, II, № 50, л. 61).

Сѵнодальный оберъ-прокуроръ Болтинъ, замѣшанный въ дѣлѣ Ѳеодосія, взятъ въ крѣпость и уволенъ отъ должности оберъ-прокурора. Ѳеофанъ остался на просторѣ и началъ расправу съ своими недругами.

Савватій не радъ былъ и доносу. Ѳеофанъ поставилъ дѣло такъ, что Савватій изъ докащика превратился въ подсудимаго. «Почему онъ писалъ къ Болтину, а не къ Ѳеофану? Не писалъ ли еще къ кому о такихъ дѣлахъ доношеніями или партикулярными письмами и буде писалъ—къ кому и чего ради?»

Дѣло длилось не долго. 16-го августа 1725 года состоялось опредѣленіе, которымъ Савватій признанъ виновнымъ въ нарушеніи іерархическаго подчиненія и не соблюденіи законныхъ формъ; но, въ уваженіе того, что просилъ прощенія, и по силѣ состоявшихся высочайшихъ манифестовъ (по случаю кончины Государя и возшествія на престолъ Императрицы), Сѵнодъ положилъ вину его простить и отослать въ братство въ какой нибудь монастырь псковской епархіи, съ увольненіемъ отъ должности провинціалъ-инквизитора.

Вслѣдъ за тѣмъ, Ѳеофанъ подалъ въ высочайшій кабинетъ и въ Сѵнодъ прошенія, чтобы не взыскивать съ него взятыхъ въ Сѵнодѣ запмообразно денегъ 3200 рублей, которыя Болтинъ взыскивалъ съ него съ непонятною настойчивостью, не давая никакой льготы [1]).

Перешедши изъ Пскова въ Новгородъ Ѳеофанъ взялъ съ собою и своего судью, Маркелла Родышевскаго, и опредѣлилъ архимандритомъ юрьевскаго монастыря [2]).

Въ Сѵнодъ, между тѣмъ, назначены новые члены. 4-го іюня вызванъ на чреду и, вмѣстѣ для присутствія въ Сѵнодѣ, горшкій архимандритъ Левъ Юрловъ. 2-го іюля назначенъ въ Сѵнодъ совѣтникомъ ростовскій епископъ Георгій Дашковъ. Ѳеофанъ пытался было отстранить Дашкова отъ Сѵнода и отклонить это назначеніе, но не успѣлъ. — Въ тоже время послѣдовалъ высочайшій указъ, чтобы сѵнодальнымъ вице-президентамъ, т. е. Ѳеофану

---

[1]) Докладъ св. Сѵнода Государынѣ, по этому предмету, въ Приложеніяхъ № V.

[2]) 27-го сентября 1725 года. Дѣла архива св. Сѵнода, 1725 г. № 133.

и Ѳеофилакту, во время священнослуженія, на шапкахъ крестовъ не носить до указу.

Съ назначеніемъ Дашкова въ Сунодъ и, по всѣмъ этимъ распоряженіямъ, Ѳеофанъ чувствовалъ, что надъ нимъ собирается гроза и — не обманулся.

4-го августа Ѳеофанъ просилъ себѣ въ Сунодѣ отпуска и паспорта въ Новгородъ для осмотра, по высочайшему повелѣнію, своей епархіи; а по возвращеніи просилъ себѣ викарія на мѣсто Іоакима, получившаго суздальскую епархію, съ тѣмъ, чтобы будущему викарному новгородскому именоваться ладожскимъ и корельскимъ.

Октября 22-го онъ презентовалъ Императрицѣ, въ знакъ сыновней любви и рабскаго подданства, серебряный сервизъ [1]).

---

[1]) «Всепресвѣтлѣйшая Государыня Императрица и самодержица всероссійская. Прошу ваше величество принять отъ дому архіерейскаго новгородскаго малое приношеніе — серебряный сервизъ, который изъ казны домовой куленъ у бывшаго архіерея Ѳеодосія. Приношу сіе въ знакъ сыновней любви и рабскаго моего поддантства. Вашего величества нижайшій рабъ и богомолецъ, Ѳеофанъ архіепископъ новгородскій. 22-го октября 1726 года». (Кабин. Дѣла, кн. LXXIII, стр. 34).

Тутъ же письмо его къ Макарову, съ прозьбою о ходатайствѣ предъ Императрицей, чтобы дозволено было распечатать денежную и хлѣбную казну въ новгородскомъ архіерейскомъ домѣ и въ новгородскихъ монастыряхъ, описанную и запечатанную капитаномъ Шушериным, во время слѣдствія по дѣлу Ѳеодосія. «Прошу ваше превосходительство разсудить, что дѣется: экономическому управленію не малая остановка, починки строенія нельзя дѣлать, наипаче гдѣ обветшалое, до запечатанныхъ денегъ, разобрано, а новое начато и остановилось; въ двоихъ знатныхъ монастыряхъ въ прошлыхъ числѣхъ отъ пожара великое учинилось разореніе, а исправить того нѣтъ чѣмъ. Пишутъ ко мнѣ архимандриты о семъ, и я высокоправительствующаго Сената и св. Сунода членовъ собранія просилъ словесно и письменно о резолюціи, и сказуютъ, что поданъ о томъ докладъ отъ нихъ въ Кабинетъ ея величества уже тому съ мѣсяцъ; просилъ я о семъ же на словахъ и ваше превосходительство, и нынѣ (не смѣя утруждать высокую ея величества особу) паки толку къ милости превосходительства вашего, и сіе вмѣсто меморіала посылаю будучи опасенъ, дабы изъ того неподалась злымъ людямъ матерія роптанія и мнѣ бы молчаніе въ вину иногда не поставлено.... 22-го декабря 1725 года». Прошеніе къ Императрицѣ о томъ же — въ Приложеніяхъ № VI

XI.

Георгій Дашковъ и Игнатій Смола.

Лицо ростовскаго архіепископа имѣетъ огромное значеніе въ исторіи Ѳеофана Прокоповича. Онъ былъ родомъ изъ дворянъ Дашковыхъ [1]) и вышелъ въ люди еще при Петрѣ. Во время бунта астраханскихъ стрѣльцовъ, въ 1706 году, Дашковъ оказалъ важную услугу Шереметеву. Фельдмаршалъ рекомендовалъ его въ особенное вниманіе Государя. «Митрополитъ здѣшней зѣло показалъ въ бунтѣ въ укрощеніе ревность. Также троицкаго монастыря соборной старецъ Дашковъ сколько въ тотъ бунтъ народу укротилъ и проходилъ какими мудрыми факціями, что никто дѣла сево изъ бунтовщиковъ знать не могъ, дивлюсь откуды такое сево мудрое произхожденіе явилось. И если бы не сево въ томъ было радѣтельное происхожденіе, конечно бъ Астрахань разорилась. Астрахань, мая 5-го дня, 1706 г. [2])».

Петръ не забылъ услуги Дашкова и, 21-го августа, писалъ къ Апраксину: «когда ваша милость въ Петербургъ поѣдешь, то изволь взять съ собою старца Дашкова, который былъ въ Астрахани [3])».

По приказу Государя, онъ опредѣленъ келаремъ въ троицкій монастырь; послѣ того былъ въ немъ архимандритомъ. Дашковъ воспользовался этимъ богатымъ, хлѣбнымъ мѣстомъ въ свою пользу, какъ нельзя лучше. Никогда не ходилъ въ общую братскую трапезу, какъ прежніе архимандриты, а завелъ свой столъ. Одной прислуги было у него человѣкъ до двадцати. Вкладовъ зо-

---

[1]) Братья его Борисъ, Андрей и Оедоръ Яковлевичи Дашковы имѣли помѣстья въ алексинскомъ уѣздѣ, тульской губерніи. Дядя ихъ, Иванъ Алексѣевичъ Дашковъ, былъ стольникомъ. Родныя сестры ихъ были—одна за княземъ Панкратомъ Давыдовымъ, другая за Андреемъ Хитровымъ. (Дѣла архива св. Синода, 1721 г., № 183).

[2]) Государ. архив. Дѣла Морсочникова. № 2, объ астраханскомъ бунтѣ 1705 г. *Голик.* Дѣян. П. В., т. II, стр. 133—137.

[3]) *Голик.* Дѣян. П. В., т. III, стр. 144.

лотомъ и серебромъ не отдавалъ въ казенный приказъ, а заводилъ на нихъ кареты, коляски, шоры, покупалъ лошадей, строилъ конюшенные дворы и держалъ до полутораста конюховъ. Съ вотчинныхъ управителей, которыхъ посылалъ безъ братскаго совѣта, бралъ взятки; а знатныхъ людей, въ которыхъ заискивалъ, дарилъ деньгами и лошадьми; родственниковъ своихъ, которыхъ у него было очень много, награждалъ хлѣбомъ и всякими припасами, лошадьми и экипажами; — племянницъ повыдалъ замужъ за монастырскихъ дворянъ, которыхъ посылалъ потомъ въ лучшія вотчины управителями. Поѣздки его къ братьямъ въ Алексинъ и въ приписные монастыри для нашего времени почти баснословны. Забравши съ собою множество всякихъ припасовъ онъ отправлялся въ путь огромнѣйшимъ поѣздомъ: бралъ съ собою до полтораста человѣкъ служителей и до двухъ сотъ лошадей. Дорогой, для ночлеговъ, разбивали палатки, около которыхъ держали караулъ отставные гвардейскіе солдаты.—Зятья и братья съ женами и дѣтьми гостили у него по цѣлымъ недѣлямъ, не отказывая себѣ ни въ какой прихоти [1]). — Въ 1718 г. Дашковъ посвященъ въ епископа ростовскаго [2]); въ 1721 году за дерзостное, весьма противное и дерзостное во многихъ нарекательныхъ терминахъ къ лицу св. Сунода, объявленъ ему выговоръ съ угрозою, что если у Сунода прощенія не испросить, то безъ должнаго за то наказанія не останется.—Въ 1725 г., по смерти Петра по именному указу Екатерины опредѣленъ въ Сунодъ «третьимъ архіереемъ» къ Ѳеофану Прокоповичу и Ѳеофилакту Лопатинскому [3]).

[1]) Описаніе докум. и дѣлъ архива св. Сунода, Т. I, стр. 13—24.

[2]) По смерти Стефана Яворскаго, Дашковъ домогался званія сунодальнаго вице-президента, либо перевода на Крутицу и писалъ объ этомъ къ сильному въ то время камеръ-юнкеру Виллиму, Ивановичу Монсу. «Понеже я, писалъ онъ, вашимъ снисхожденіемъ обнадеженъ, того ради покорно прошу, не оставьте нашего прошенія въ забвеніи: первое, чтобъ въ Сунодѣ быть вицъ-президентомъ... или на Крутицы... А что васъ такъ трудую, и въ томъ не зазрите, понеже сими числы готовятъ въ докладъ; а какъ вы не изволите упредить, то впредь трудно будетъ дѣлать, ежели кому иному сдѣлаютъ. Пожалуста потрудитесь сими часы»... (Госуд. арх. Письма разныхъ лицъ къ Монсу). Хлопоталъ Монсъ или нѣтъ, только Георгій не попалъ въ вице-президенты, потому что изъ наличныхъ вице-президентовъ ни Осодосій, ни Ѳеофанъ не возведенъ въ званіе президента.

[3]) Тѣмъ временемъ, какъ Георгій назначенъ былъ, но еще не прибылъ въ Сунодъ, посвященъ былъ въ архіереи въ Псковъ, сунодальный совѣтникъ

Дашковъ былъ изъ не ученыхъ и не любилъ ученыхъ. А такъ какъ въ духовенствѣ того времени самые ученые люди были малороссіяне, то антипатія Георгія къ ученымъ равносильна была съ ненавистью къ малороссіянамъ или, какъ звали ихъ, полякамъ [1]). Георгій, да и не онъ одинъ, убѣжденъ былъ, что они, т. е. поляки завладѣли русскою церковью и наклоняютъ ее всякій въ свою сторону—кто тянетъ къ католичеству, кто къ лютеранству. На сторонѣ Георгія была почти вся знать того времени, которая интересовалась, хоть сколько-нибудь, церковными дѣлами. Исполнители воли Петровой въ дѣлѣ церковно-административной реформы дѣйствовали съ такою поспѣшностью и съ такимъ своекорыстіемъ, что оттолкнули отъ себя даже тѣхъ не многихъ знатныхъ людей, которые были на ихъ сторонѣ при началѣ этой реформы. Паденіе Ѳеодосія — явленіе чрезвычайное, если взять во вниманіе его положеніе и значеніе при Петрѣ I,—не возбуждало ни въ комъ ни жалости, ни состраданія. Съ удаленіемъ его, тотчасъ же начинаются отмѣны многихъ постановленій Петровскаго цар-

---

калязинскій архимандритъ Рафаилъ, «съ оставленіемъ въ Сунодѣ по прежнему». Воспользовавшись этимъ, Сунодъ отправилъ своихъ членовъ—архіепископа Ѳеофилакта и архимандрита Гавріила съ докладомъ къ Государынѣ о разныхъ церковныхъ дѣлахъ и, между прочимъ, поручилъ имъ доложить: «Георгію быть ли въ Сунодѣ, понеже и безъ него уже три персоны архіерейскія суть?» Государыня подтвердила свой прежній указъ, чтобы Георгію быть въ Сунодѣ «совѣтникомъ же, какъ и Рафаилу» (23-го августа 1725 г.). Но Георгію лучше хотѣлось быть «третьимъ архіереемъ на ряду съ Ѳеофаномъ и Ѳеофилатомъ, нежели совѣтникомъ, въ низшемъ рангѣ противъ вице-президентовъ.—Вѣроятно онъ же, чтобы сравняться съ тѣми, настоялъ, чтобы свѣтскіе титулы сунодальныхъ членовъ были оставлены: «вице-президентовъ отставить, ибо тѣ чины приличны болѣе къ свѣтскимъ правленіямъ, а не къ духовнымъ». Вмѣстѣ съ тѣмъ и Суноду, по раздѣленіи его на два департамента, чрезъ образованіе при немъ Коллегіи экономіи, повелѣно именоваться, вмѣсто Святѣйшаго, Духовнымъ. (12-го іюля 1726 г., Полн. С. З., № 4919). Вскорѣ послѣ этого, 1-го января 1727 г., въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ состоялось опредѣленіе: «заняться устройствомъ сунодскихъ дѣлъ, находящихся въ безпорядкѣ». (Протоколы В. Т. С. въ Чтен. въ общ. ист. и древн. росс., 1858 г., кн. III, стр. 32).

[1]) «Бывшій ростовскій—человѣкъ не ученый и духовнымъ персонамъ, которые суть природою изъ малороссіянъ, будетъ великое изгоненіе, понеже онъ малороссійцевъ (какъ всѣмъ извѣстно) весьма ненавидѣлъ». Дѣла архива св. Сунода, 1733 г., № 152.

«Предъ Егоромъ Виргилій двухъ денегъ не стоитъ».

Кантемиръ въ 1-й Сатирѣ — на хулящихъ ученіе.

ствованія. Однимъ словомъ, со вступленія на престолъ Екатерины, началась реакція по церковнымъ дѣламъ въ пользу старины. Феофилактъ Лопатинскій, сдѣланный вторымъ вице-президентомъ въ Синодѣ (Ософанъ былъ первымъ вице-президентомъ) не имѣлъ ни достаточно энергіи, ни искусства, чтобы стать во главѣ новаго, начинавшагося движенія. Искусство состояло въ томъ, чтобы сойтись съ передовыми людьми того времени, которые, при Екатеринѣ, управляли государствомъ: у Феофилакта этого не было. Всѣ уважали его честность и прямоту, но, своею непрактичностію и патріархальностію отношеній, онъ отталкивалъ отъ себя даже тѣхъ, которые были расположены въ его пользу.

Въ эту-то пору выступилъ на сцену Георгій Дашковъ. Онъ обладалъ свѣтлымъ природнымъ умомъ, громадной волей и настойчивостію, и показалъ ихъ съ первой же поры присутствія въ Синодѣ [1]).

По поводу отобранія монастырскихъ имуществъ и назначенія ихъ, между прочимъ, въ аренду служилымъ людямъ, онъ подалъ Государынѣ энергическій протестъ, который мы приво-

---

[1]) Еще объ одной чертѣ изъ его жизни Ософанъ упоминаетъ въ разборѣ тетрадей Маркелла Родышевскаго *о монашествѣ* (въ Государ. архивѣ); но мы не могли допскаться, на что онъ намекаетъ. «Что же упомянулось, — пишетъ Ософанъ, — о лаяхъ бывшаго ростовскаго (Георгія Дашкова), въ томъ онъ злодѣяніи и давно уже былъ усмотрѣнъ и—въ недавныя времена. Давно, т. е. *въ мірскомъ чину еще*, ушедъ за страхъ казни по дѣламъ своимъ въ Польшу, голосно тамо поносилъ блаженной и вѣчно достойной памяти государей своихъ, Іоанна Алексіевича и Петра Алексіевича, какъ извѣстные о томъ повѣствуютъ, сказывая, что и дѣло о томъ было у дьяка Ивана Автомонова. А въ недавныя времена...» Недавнее-то мы увидимъ въ нашей исторіи.—За чѣмъ же Дашковъ бѣжалъ за границу и за что поносилъ государей? Когда онъ возпратился оттуда и по доброй ли волѣ постриженъ въ монашество? Это пока вопросы. Не могутъ ли служить отвѣтами на нихъ слѣдующія соображенія. У Арсеньева, въ *Царствованіи Петра II* (Спб. 1839 г., стр. 67), есть замѣтка о Георгіѣ Дашковѣ, что онъ былъ нѣкогда храбрый воинъ и сподвижникъ Шенна подъ Азовомъ (въ 1695 г.). А въ запискахъ Желябужскаго (Записки Русскихъ людей. Записки Желябужскаго, стр. 23) читаемъ: и тогожъ 7203 (1695) года измѣнилъ изъ московскаго государства Ѳедоръ Яковлевъ, сынъ Дашковъ; а поѣхалъ было служить къ польскому королю, и пойманъ на рубежѣ и приведенъ въ Смоленскъ и распрашиванъ, и въ томъ своемъ отъѣздѣ повинился. А изъ Смоленска присланъ скованъ къ Москвѣ, въ посольскій приказъ; а изъ посольскаго приказа освобожденъ для того, что онъ далъ Емельяну Украинцову двѣсти золотыхъ». Дашковъ Желябужскаго не есть ли Георгій Дашковъ?

димъ вполнѣ. «Премногомилосердая наша государыня и всероссійская, яко чадолюбивая премилостивая мати! Съ должной нашей и вѣрной рабской повинности яко самому Богу, такъ и вашему величеству служу вѣрно. Того для не могу умолчать, по моей вѣрности, чтобъ не донесть вашему величеству, понеже происходитъ отъ духовныхъ такой непорядокъ, какова нскопно не бывало. У архіереѣ, у монастырей, съ церквей собирающіеся сборы, такъ и деревни отрѣшаютъ. А опредѣляются (эти сборы) на правителей вновь опредѣленныхъ, на приказныхъ, на чужестранныхъ, на госпитали, на богадѣльни, на нищихъ. И то правда: церковное имѣніе—нищихъ имѣніе, для государственной славы. И какъ видно, что судей и приказныхъ не накормить и иностранныхъ не наградить, а богадѣленъ и нищихъ не обогатить, а домы (архіерейскіе) и монастыри, уже нидѣ и церкви, чуть не богадѣльнями стали. Такожъ архіереи и прочія духовныя бродятъ такъ, какъ бывало иностранные, или и хуже, ибо служителей и требъ до церковной службы довольства не имѣютъ и приходятъ въ нищіе. А деревенскіе священники и хуже нищихъ; понеже многихъ, изъ данныхъ денегъ, на правежахъ бьютъ, что и оплатиться не могутъ. И того бъ надлежало разсмотрѣть, чтобъ было къ государственной пользѣ, но токмо то затмилось. А мы о такихъ непорядкахъ, по нашей вѣрности, вашему величеству не донести не смѣемъ; и умолчать, какъ отъ Бога, такъ и отъ вашего величества опасны, да не явимся безотвѣтни въ день праведнаго суда Божія и да не пріимемъ лѣниваго раба воздаянія. И ежели ваше величество соизволитъ милостивно и терпѣливо сама выслушать, то, по нашей вѣрности, можемъ донести пространно къ милостивому вашего величества разсмотрѣнію. Смиренный Георгій архіепископъ Ростовскій» [1]). Пространнаго донесенія, кажется, однакожъ не было.

Очевидно, что такой человѣкъ не могъ сойтись съ Ѳеофаномъ. Хотя онъ и былъ по рангу «третьимъ архіереемъ» въ Сѵнодѣ, но ему хотѣлось быть первымъ, хотѣлось взять и власть и вліяніе въ свои руки. Онъ пользовался всякимъ средствомъ для своихъ цѣлей. По происхожденію изъ дворянъ, онъ принятъ былъ въ высшемъ обществѣ, поддерживалъ связи съ Долгорукими и другими

[1]) Кабин. Дѣла, Отд. I, кн. 31, стр. 260.

значительными лицами въ государствѣ и пользовался ихъ вліяніемъ для упроченія своего положенія. Въ духовномъ кругу онъ подобралъ себѣ партію изъ лицъ одного съ нимъ образа мыслей, большею частію ссыльныхъ или опалыхъ въ прошлое царствованіе.

Главный изъ нихъ былъ коломенскій митрополитъ *Игнатій Смола*, извѣстный какъ приверженецъ царицы Евдокіи Лопухиной и царевича Алексѣя и какъ противникъ новоучрежденнаго Сѵнода и его распоряженій. Онъ постриженъ въ монашество изъ московскихъ купцовъ[1]). Въ междупатріаршество посвященъ былъ (въ 1712 г.) митрополитомъ Стефаномъ, изъ архимандритовъ московскаго богоявленскаго монастыря, въ епископы суздальскіе; въ 1719 г. переведенъ на Крутицы, съ званіемъ митрополита и съ порученіемъ въ его управленіе патріаршаго духовнаго приказа. Это была очень высокая и почтенная должность при патріархахъ. Крутицкіе митрополиты, обыкновенно, заступали мѣсто патріарха въ случаѣ его болѣзни или смерти, и были ближайшіе кандидаты на это званіе. Учрежденіе св. Сѵнода разомъ подорвало всѣ мечты и надежды Игнатія. Онъ еще надѣялся управлять самовластно патріаршею областію и презрительно отнесся къ одному изъ распоряженій св. Сѵнода, касавшемуся, между прочимъ, и патріаршей области. Св. Сѵнодъ подвергъ его суду, и за это временное умаленіе своей чести и за нѣкоторыя противности, «изъ которыхъ явствуетъ, якобы онъ имѣетъ власть выше сѵнодальнаго правительства», ему внушено было и на будущее время «изъяснять честь св. Сѵнода безъ всякаго умаленія, и повиноватися оному во всемъ безъ прекословія, понеже оной Сѵнодъ имѣетъ честь, силу и власть патріаршескую, или едва и не большую, понеже есть соборъ[2])». Въ томъ же году, по высочайшему повелѣнію, изъ Тайной канцеляріи сообщено св. Сѵноду для изслѣдованія, что Игнатій явился виновнымъ въ дѣлѣ бывшей царицы Евдокіи Ѳедоровны Лопухиной. «Въ прошлыхъ годѣхъ, въ бытность ея царицы въ суздальскомъ монастырѣ, а его — суздальскимъ епископомъ, онъ прихаживалъ къ ней, бывшей царицѣ, на поклонъ и видалъ ее въ мірскомъ платьѣ и руку ея цаловалъ, а не допосилъ. Онъ же въ про-

[1]) Московск. любопыт. мѣсяцословъ на 1776 г. стр. 150.

[2]) Описаніе докум. и дѣлъ арх. св. Сѵнода, Т. I, стр. 220—223.

шломъ 1717 году приказалъ попу церкви Казанскія Богородицы, что въ Суздалѣ, ее, бывшую царицу, пустить пѣть всенощную, что тотъ попъ и учинилъ; да онъ же прислалъ къ ней пару возниковъ сѣрыхъ нѣмецкихъ, на которыхъ она ѣзжпвала». Игнатія вызвали въ С. Петербургъ. По изслѣдованіи дѣла, онъ оказался виновнымъ въ важномъ преступленіи а именно: «вѣдая правильную великую государыню Екатерину Алексѣевну, почиталъ за царицу монахиню Елену, и отдавалъ ей такую честь, которой весьма она отрѣшена. И хотя за то повинепъ былъ жестокому штрафованію, но его царское величество, по милости своей и ради заключеннаго съ Швеціею мира, ту вину его простилъ и повелѣлъ быть ему въ иркутской епархіи архіереемъ, и писаться епископомъ и служеніе отправлять въ опредѣленныхъ епископскому сану одеждахъ, а саккоса не употреблять и бѣлаго клобука не носить». Высочайшій указъ объявленъ ему въ Сунодѣ новгородскимъ архіепископомъ Оеодосіемъ 8 сентября 1721 г.—Игнатій подалъ государю жалобу, въ которой просилъ выслушать донесеніе Тайной канцеляріи объ его дѣлѣ, потому что въ Сунодъ не было сообщено изъ нея полнаго свѣдѣнія, а его уволить отъ иркутской епархіи. Государь согласился и, 1-го октября, пріѣхалъ въ Сунодъ для слушанія дѣла. По окончаніи чтенія, Государь уволилъ Игнатія отъ иркутской епархіи, дозволивъ ему отойти, за старостію, на обѣщаніе въ шилову пустынь. Это не только не смягчило, напротивъ еще больше раздражило Игнатія. По крайней мѣрѣ мы не знаемъ, чему другому приписать слѣдующій его поступокъ. Живя въ шиловой пустыни и пользуясь авторитетомъ по своему званію, онъ приказалъ вырвать изъ общаго помипальнаго синодика листы, «на которыхъ вписаны были имена родителей достоблаженныя памяти фамиліи его императорскаго величества». По доносу мѣстнаго инквизитора, Сунодъ приказалъ изслѣдовать это дѣло, а къ строителю послать указъ, для объявленія бывшему м. Игнатію, чтобы онъ ни въ какія монастырскія, подлежащія до настоятельскаго управленія, дѣла отнюдь вступать не дерзалъ[1]) (24 апрѣля 1724 года).

Игнатій пытался было подняться при Екатеринѣ и — послалъ къ ней прошеніе, а къ Ѳеофану письмо о возвращеніи ему

[1]) Описаніе докум. и дѣлъ арх. св. Сунода. Т. I, стр. 81—88.

епархіи и прежняго званія. «Многая радость обыде сердца наша, — писалъ онъ къ Ософану — егда получихомъ слышати дражайшія намъ новыя вѣсти, яко Богъ Вседержитель сподоби тя Великаго Новаграда и прочихъ градовъ, и изрядныя своея божественныя благодати, еже ожребствовати святыни твоей многа пароды преподобнѣ и праведнѣ, желая убо и моля отъ души преподобнѣйшаго Іерарха, Богочеловѣка Іисуса Христа, яко да помощію Его и благодатію въ день судный, яко истинный пастырь, представивши ю (паству), а за такое подвигоположеніе и трудъ началоводства духословесныя паствы, дастъ тебѣ Господъ Богъ противодостойную мзду на небесѣхъ. При семъ всепокорнѣйше прошу, отъ души моея, всемилостивѣйшаго вашего архипастырскаго заступленія ко всемилостивѣйшей великой Государынѣ Императрицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ. Послалъ нынѣ я, убогій, до ея величества прошеніе, слыша, что ея величество ко всѣмъ являетъ свое многое благоутробное милосердіе, а я, убогій, бѣдствую по неправому докладу блаженныя и вѣчнодостойныя памяти императорскому величеству бывшимъ новгородскимъ архіепископомъ Ѳеодосіемъ, не справясь съ моимъ первымъ допросомъ, которой и нынѣ въ Тайной канцеляріи именно явствуетъ. И паки всепокорнѣ молю и прошу, дабы вашимъ милостивымъ предательствомъ и заступленіемъ отъ онаго павѣта мнѣ убогому быть свободну [1]). А за ваше архипастырское снисходительное милосердіе одолжуся Его божественную благость о здравіи и спасеніи вашемъ молити вѣчно. Вашихъ архипастырскихъ молитвъ и благословенія усердно прося, недостойный черпецъ парицаюся Игнатій, и всесмиренно кланяюся. Изъ пиловы пустыни, сентября въ 11 день, 1725».

Ософанъ препроводилъ это письмо къ Государынѣ, съ слѣдующимъ донесеніемъ. «При всенижайшемъ моемъ раболѣпномъ поклоненіи, доношу вашему величеству: получилъ я, сентября 21 дня, письмо отъ бывшаго крутицкаго архіерея Игнатія, нынѣ въ пиловой пустынѣ пребывающаго, въ которомъ при поздрав-

[1]) Противъ этого мѣста рукой Ѳеофана приписано: «проситъ быть себе свободну и тѣмъ являетъ, будто онъ сосланъ и за арестомъ держится: а онъ самъ упросилъ у Государя тамошняго пребыванія, вмѣсто иркутскаго архіерейства. Куды же то освободиться хощетъ? Чаю въ Москву».

ленiи моемъ, проситъ мене о ходатайствѣ къ вашему величеству, и пишетъ, что и къ вашему величеству послалъ прошенiе; а о чемъ его прошенiе, мнѣ не извѣстилъ. По должной же моей подданной вѣрности, которая обязуетъ мене высочайшую вашего величества особу не токмо отъ злѣйшихъ навѣтовъ, но и отъ прелестныхъ обмановъ охранять всячески, объявляю вашему величеству дѣло его. Когда былъ онъ, Игнатiй, архiереемъ въ Суждалѣ, не малое показалъ на себѣ подозрѣнiе въ невѣрности къ высокославной памяти его императорскому и, собственно, къ вашему величеству. И явилося то на него въ Москвѣ, въ 1718 году, и слышно, будто онъ въ томъ тогда и допрашиванъ Иваномъ Мусинымъ (графомъ И. А. Мусинымъ-Пушкинымъ): а утасно ли, или уничтожено тогда сiе дѣло, я не извѣстенъ. А въ 1721 году, въ началѣ Сунода, въ первыхъ сессiяхъ, прислано въ Сунодъ изъ Тайной канцелярiи допошенiе на него въ вышеозначенномъ его подозрѣнiи и, по указу сунодальному, вновь онъ, Игнатiй, допрашиванъ въ Москвѣ и явился, по слѣдованiю, виноватъ: о чемъ въ Сунодѣ въ дѣлѣ его извѣстно и Петръ Андреевичь (Толстой) вѣдаетъ. А что онъ, Игнатiй, въ письмѣ своемъ, ко мнѣ присланномъ пишетъ, будто онъ обвиненъ по неправому Ѳеодосiя докладу, и то его явная ложь; ибо Ѳеодосiй не токмо не былъ къ нему враждебенъ, но и весьма благодѣтеленъ, и въ 1718 году исходатайствовалъ ему переведенiе изъ Суждаля на Крутицу и титлу митрополитскую, которой не имѣли два до него архiереи, и часто съ нимъ бесѣдовалъ наединѣ; и надѣюся, что Ѳеодосiй, переводя его на Крутицу, не вѣдалъ о его подозрѣнiи и бывшемъ допросѣ его въ Москвѣ; а переводъ ему дѣлалъ не на праздное мѣсто, но изводя изъ Крутицы на Вятку нынѣшняго вятскаго епископа Алексiя. А когда въ 1721 году вина ево. Игнатiя, какъ выше писано, стала явна, и тогда Ѳеодосiй склонилъ на милостивое ему прощенiе блаженныя и высокославныя памяти императорское величество: и милостивѣйшiй Государь вину его самъ прочелъ и выговаривалъ Игнатiю и, чего онъ достоинъ, сказалъ ему, а потомъ, прощая его, велѣлъ ему быть епископомъ иркутскимъ. Но Игнатiй, лежа у ногъ его величества, упросилъ себѣ старческаго житiя въ пяловой пустынѣ, — что̀ при всѣхъ насъ дѣлалося 1718 году, сентября 8 дня, въ Сунодѣ. И по сему

видно, что онъ, поборника своего притворяя въ гонителя, хитростно очистить себе, а ваше величество прельстить тщится. Но еще и потомъ, сѣдя уже въ виловой пустынѣ, подалъ на себе подозрѣніе въ невѣрности къ государямъ своимъ, — о томъ значится дѣло въ Сунодѣ. Того ради, по моему мнѣнію, опасаться его надлежитъ, и ходатайству за нимъ чіему нибудь не быть важну. Что предложивъ и до стопъ ногъ вашего величества повергая себе, вручаюся превысокому императорскому и матерняму милосердію. Вашего императорскаго величества нижайшій рабъ и богомолецъ, Ѳеофанъ архіепископъ новгородскій. Изъ Новаграда сентября 21 дня 1725 году. Посылаю при семъ и письмо, отъ Игнатія ко мнѣ присланное».

Ѳеофану отвѣчалъ кто-то, по всей вѣроятности Макаровъ, отъ имени Государыни: «Святѣйшій отецъ, мой же милостивый патронъ и государь! Письмо вашей святости изъ Новаграда, отъ 21 числа сего мѣсяца, чрезъ присланнаго отъ васъ дворянина Ивана Рябинина, до ее императорскаго величества, купно и съ приложеннымъ притомъ нѣкоторымъ письмомъ, исправно дошли, и по оному ея величество обо всемъ извѣстна и, за добрую вашей святости предосторожность ее въ томъ, указала васъ благодарствовать, и бывшему архіерею Игнатію указала быть, по прежнему, въ виловой пустыни неисходно»[1]). Игнатій, какъ увидимъ, недолго ждалъ лучшаго времени.

Обстановливая себя въ духовномъ кругу, Дашковъ перезвалъ къ себѣ Маркелла. Пользуясь его стѣсненными обстоятельствами, онъ надѣялся имѣть въ немъ сподручника и бойца противъ Ѳеофана по части богословской учености и докащика разныхъ злоупотребленій его въ псковской и новгородской епархіяхъ.

---

[1]) Кабин. Дѣла, Отд. II, кн. LXXIII, л. 93—97.

XII.

Маркеллъ Родышевскій и Ѳеофанъ.—Протесты Родышевскаго противъ Ѳеофана въ противностяхъ церковныхъ и государственныхъ.—Отвѣты Ѳеофана.

Въ февралѣ 1726 года, преемникъ Болтина, Баскаковъ возобновилъ дѣло по доносу Савватія на Маркелла. Предложивши Сѵноду, что Ѳеофанъ не репортовалъ не только объ исполненіи, но даже о полученіи указа по этому дѣлу, Баскаковъ поставлялъ на видъ, что Маркелла, какъ подсудимаго, не слѣдовало переводить изъ Пскова въ Новгородъ, потому что «въ присланныхъ къ бывшему оберъ-прокурору вѣдомостяхъ показано взятое изъ казны серебра и жемчугу имъ архимандритомъ не малое число. А понеже оный архимандритъ нынѣ въ новгородской епархіи, а не въ псковской, и изъ той епархіи въ Псковъ брать его къ изслѣдованію невозможно, да и того для, что, по книгамъ его, какъ серебру, такъ и жемчугу въ цѣнѣ показано съ немалой убавкой, о чемъ имѣется явное его обличеніе, которое во обличеніе ему, на отвѣты его, архимандрита, вашему святѣйшеству предложены будутъ: того ради вашему святѣйшеству симъ предлагаю, дабы соблаговолили оное дѣло взять въ Сѵнодъ и, по указамъ ея императорскаго величества, слѣдованіе и рѣшеніе учинено было безъ упущенія времени».

Какъ ни велика была услуга Ѳеофана Екатеринѣ, но видно было, что его положеніе не твердо. Противъ него былъ Меншиковъ, и въ Сѵнодѣ сидѣли его недоброжелатели. Меншиковъ открыто благопріятствовалъ Дашкову. — Дашковъ помнилъ обиды, нанесенныя ему Ѳеофаномъ и рѣшился отмстить за нихъ. Борьба пошла на жизнь и смерть.

На этотъ разъ опредѣлено было дѣло взять въ Сѵнодъ, а къ Ѳеофану послать указъ: для чего онъ по сіе время не репортовалъ Сѵноду? Ѳеофанъ отвѣчалъ: «получилъ я указъ ея императорскаго величества изъ св. правительствующаго Сѵнода 1725 г. мая 6, а справясь съ домовою конторою вѣдомо явилось, что указъ о изслѣдованіи того отъ мене въ Псковъ не былъ посы-

ланъ, а то не ради иной коей вины, токмо моимъ забвеніемъ, за случившимися тогда немалыми трудностями и конфузіями, какъ всѣмъ извѣстно, и за то ея императорскаго величества изъ святѣйшаго правительствующаго Сунода покорно прошу прощенія (29 апр. 1726 г.)». Сунодъ опредѣлилъ изслѣдовать дѣло.

Май прошелъ — такъ себѣ, между другихъ дѣлъ. Но 1-го іюня приказано было «Маркелла и Савватія выслать въ С. Петербургъ для изслѣдованія безъ замедленія, а какъ явятся, то слѣдованіе пропзвесть не отмѣнно и потомъ доложить Суноду». Маркеллъ прибылъ въ С. Петербургъ 20-го іюня. Въ Сунодѣ приготовили и зашнуровали огромныя тетради для записки допросовъ и журналовъ засѣданій.

Ѳеофанъ предчувствовалъ, что, при его тогдашнемъ положеніи, слѣдованіе къ добру не поведетъ и, какъ человѣкъ весьма наблюдательный, замѣтилъ, что Маркелла употребляютъ противъ него орудіемъ, обнадеживъ всякими милостями, Дашковъ съ товарищами.

1-го іюля былъ первый допросъ Маркеллу — шли кой-какія формальности, незатрогивавшія самой сущности дѣла. Но на другой день, 2-го іюля, Ѳеофанъ сдалъ его въ Преображенскую канцелярію.

Нельзя не сознаться въ хитрости этого маневра.

Мы не приводимъ вполнѣ допошенія его Тайной канцеляріи, потому что оно уже напечатано [1]), но укажемъ на главные пункты его.

Ѳеофанъ писалъ, что архимандритъ Маркеллъ, прибывши въ Петербургъ для отвѣта по сдѣланному на него доносу о похищеніи церковнаго имущества, нѣсколько дней казался веселымъ, говоря, что у него есть оправданіе. Потомъ нѣсколько дней къ нему не являлся и, наконецъ, пришелъ 29-го іюня въ восьмомъ часу вечера въ страшномъ испугѣ и, отведъ его въ сторону, говорилъ, что затѣвается что-то страшное, что въ прошлый понедѣльникъ (27-го іюня), какой-то солдатъ, преображенскаго или семеновскаго полка, увидя его на улицѣ на петербургскомъ остро-

---

[1]) Чтенія въ общ. ист. и древн. росс. 1862 г., кн. 1. Дѣло о Ѳеофанѣ Прокоповичѣ, стр. 34 и слѣд.

вѣ, жестоко грозился и говорилъ: будемъ де васъ Ѳеодосовщину за то, что ругаете и одираете св. иконы, съ вашими начальниками, скоро губить, и наказывалъ, чтобъ онъ (Родышевскій) помнилъ то крѣпко. Тѣже угрозы повторились и на другой день, 28 іюня, при чемъ солдатъ прибавилъ: «вотъ скоро дождемся колокола и будетъ вамъ». Ѳеофанъ старался его успокоить, но встревоженный Маркеллъ ничего не слушалъ и уговаривалъ его (Ѳеофана), чтобы онъ не выходилъ ни куда, даже и въ церковь къ обѣдни, а уѣхалъ бы куда нибудь на острова. Вмѣстѣ съ этимъ онъ сообщилъ ему, Ѳеофану, такое странное мнѣніе, о которомъ онъ здѣсь и не пишетъ, а скажетъ развѣ на словахъ. Послѣ того Маркеллъ ушелъ и скрылся не извѣстно куда.

Въ тотъ же день, говоритъ Ѳеофанъ, я сообщилъ объ этомъ псковскому архіерею и невскому архимандриту. Они полагали, что это Маркеллу пригрезилось отъ страха; а я, между тѣмъ, велѣлъ его вездѣ искать, чтобы смерти себѣ не сдѣлалъ, но цѣлый день его нигдѣ не нашли. Наконецъ почью, часу въ девятомъ, Маркеллъ явился и сказалъ, что онъ весь тотъ день проспдѣлъ на аптекарскомъ острову, спрятавшись гдѣ-то за дровами, вырылъ себѣ яму и припасъ хлѣба на случай, чтобъ и жить тамъ. Не понимая, мечтаніе это или дѣйствительный страхъ, я (30 іюня) сообщилъ объ этомъ, на другой день, одной знатной особѣ Верховнаго Совѣта. А Маркеллъ, между тѣмъ, показывалъ на себѣ страшный испугъ и, при каждомъ церковномъ благовѣстѣ, съ трепетомъ говорилъ: вотъ уже звонятъ, охъ звонятъ, будто ожидая какого-то смертнаго мятежа. Это было на Карповкѣ. — Жалѣя Маркелла я велѣлъ ему переѣхать на старый дворъ и позвалъ къ нему доктора; однакожъ вечеромъ узналъ, что онъ туда не поѣхалъ, отчего возымѣлъ я первое подозрѣніе: не притворяется ли онъ? А на другой день (1 іюля), по разнымъ примѣтамъ, я убѣдился совершенно, что онъ притворяется; отчего родился во мнѣ прямой страхъ: не знаетъ ли онъ, на самомъ дѣлѣ, чего нибудь похожаго на то, что намъ говоритъ, не распускаетъ ли онъ этого для смущенія народа и для опечаленія ея императорскаго величества? Вслѣдствіе этого я велѣлъ сыскать его и взять подъ караулъ, гдѣ онъ и держится. — И высокоучрежденной Преображенской канцеляріи доношу о семъ, заключаетъ Ѳеофанъ, для

обычнаго разсужденія и по моей къ ея императорскому величеству вѣрности; купно же и извѣстно творю, что Маркеллъ вчера въ Сунодѣ о похищеніи допрашиванъ, и хотя объ отвѣтствованіи его въ томъ дѣлѣ не вѣдаю, однакоже извѣствую о семъ, дабы Преображенская канцелярія вѣдала».

Маркелла взяли въ Преображенскую канцелярію. А Оеофанъ, 4-го іюля, подалъ въ Сунодъ репортъ слѣдующаго содержанія: «Понеже новгородскаго дому нашего бывшій судья, архимандритъ Маркеллъ, сего іюля 2-го числа взятъ въ Преображенскую канцелярію въ важномъ дѣлѣ, каково изъ оной канцеляріи слѣдованіемъ являчно; а по прибытіи своемъ онъ, Маркеллъ, въ С.-Петербургѣ чрезъ не малое время, не пребывая здѣ ни въ коемъ нашемъ домѣ, но безъ вѣдома нашего, невѣдомо какой ради причины, квартировалъ у кіево-печерскихъ монаховъ Генната и Поліена, куда и всякую свою рухлядь перевезъ, въ чемъ имѣется не малое подозрѣніе: того ради св. правительствующаго Сунода покорно прошу, дабы благоразсмотрѣніемъ его повелѣно было вышеобъявленныхъ монаховъ — чего для они того Маркелла у себя на квартирѣ, безъ объявленія о немъ, гдѣ надлежало, держали и какіе онъ, Маркеллъ, пожитки къ нимъ привезъ и оставилъ, и не отдалъ ли имъ въ сохраненіе какихъ церковныхъ драгоцѣнностей, а буде отдалъ, сколько и какихъ именно, или они про какія церковныя вещи, имѣющіяся у него, свѣдомы, и о прочемъ являчномъ къ тому,—обстоятельно со обязательствомъ допросить и по сему моему доношенію рѣшеніе учинить (4 іюля 1726 г.)».

Въ Преображенской канцеляріи началось слѣдствіе. Маркеллъ, послѣ предварительныхъ объявленій о званіи и службѣ, показалъ, что 29 іюня, будучи въ С.-Петербургѣ, приходилъ въ домъ къ преосвященному Оеофану для того, что онъ его епархіи, а страха и ужаса никакого надъ собою не имѣлъ, а думалъ только, какъ ему отвѣчать противъ сдѣланнаго на него въ интересѣ показанія. И ни въ это время, ни послѣ, онъ архіерея въ сторону не отводилъ и ничего, показаннаго Оеофаномъ, не говаривалъ и въ изумленномъ ужасѣ не былъ, и его архіерея, чтобы онъ никуда не выходилъ, не унималъ и тайно отъ него никуда не ухаживалъ. А пришелъ къ архіерею въ 3-мъ часу дня, а не въ 9-мъ, и словъ такихъ, что онъ въ тотъ день утаясь сидѣлъ на аптекарскомъ островѣ за

дровами и вырылъ себѣ яму и пришасъ хлѣба, не говаривалъ; а только двои сутки не спалъ отъ приключившейся ему болѣзни меланхоліи, о чемъ и архіерею сказывалъ. А при церковномъ благовѣстѣ показывалъ страхъ для того, что въ то время приключилась ему помянутая болѣзнь и онъ боялся, чтобъ отъ той болѣзни ему не умереть, а не для того, чтобъ ожидалъ какого смертнаго мятежа, потому что о томъ ни отъ кого ничего не слыхалъ. Эта боязнь, по показанію Маркелла, родилась у него отъ того, что прошедшаго 23 іюня былъ онъ въ александро-невскомъ монастырѣ, и головщикъ того монастыря, іеромонахъ Герасимъ, говорилъ ему: Богъ знаетъ, увидимся ль съ тобою? Въ тоже время другой іеромонахъ того же монастыря говорилъ ему: вотъ я подарилъ тебя одною лютеранскою книгою; возьми у меня такія же двѣ книги лютеранскія. По тѣмъ словамъ обоихъ іеромонаховъ онъ думалъ: *нѣтъ ли де сѵнодальнымъ нѣкоторымъ членамъ, за ихъ къ Церкви противности, такой причины?* и опасался не взялъ бъ и его Маркелла напрасно въ противностяхъ ихъ, *«понеже о противностяхъ къ Церкви на нѣкоторыхъ сѵнодальныхъ членовъ имѣетъ онъ объявить, гдѣ повелѣно будетъ»*. Эта хитрая вставка о противностяхъ сѵнодальныхъ членовъ была первымъ робкимъ заявленіемъ его противъ Ософана, поворотомъ его отъ Ософана къ Дашкову.—Да и потому приключилось ему это мнѣніе,—продолжалъ Маркеллъ,—что вечеромъ, 27 іюня, шелъ онъ съ дворяниномъ новгородскаго архіерея, Фирсовымъ, отъ пристани, что близъ Сѵнода, и за ними шелъ какой-то унтеръ-офицеръ, и вдучи бранилъ бывшаго архіерея Осдоса и говорилъ: «тотъ де Осдосъ былъ иконоборецъ»; а потомъ, поровнявшись съ ними, говорилъ ему Маркеллу: «вы де и ваши начальники такіе жъ иконоборцы и Церкви противники, понеже тому Осдосу о томъ ни о чемъ не спорили; памятуйте, что за то скаретъ васъ Богъ»; и прошедши около него Маркелла прибавилъ: «памятуй отецъ, памятуй, я тебѣ говорилъ». А къ чему онъ тѣ угрозительныя слова говорилъ, того не знаетъ. На другой день, 28 іюня, какъ шелъ онъ къ церкви Казанскія Богородицы [1]) къ вечернѣ, въ то время, не подалеку отъ той церкви, стояли сол-

[1]) Церковь Казанской иконы Божіей Матери была на петербургской сторонѣ въ посадской большой улицѣ, близъ стараго гостинаго двора.

даты преображенскаго или семеновскаго полка, и одинъ изъ нихъ, указывая на него рукою, говорилъ: «это де все Ѳедосовщина, хорошо бъ всю Ѳедосовщину истребить». Въ слѣдующій день, 29 іюня, новгородскій архіерей Ѳеофанъ, будучи у себя въ домѣ, на рѣчкѣ Карповкѣ, ходя съ нимъ Маркелломъ въ саду, говорилъ ему къ тѣмъ его словамъ о солдатскихъ угрозахъ: «Государыня Императрица благоволила мало обмилиться въ томъ, что свѣтлѣйшаго князя изволила допустить до всего, за что всѣ на него негодуютъ, такъ что и ея величеству не очень пріятно, что она то изволила сдѣлать. По истинѣ говорю, что я паипаче ея величество и на престолѣ всероссійскомъ утвердилъ, а то по кончинѣ его императорскаго величества стали было иные о томъ прекословить. А нынѣ многіе негодуютъ, а наипаче за свѣтлѣйшаго князя, что ея величество изволила ему вручить весь домъ свой, и назвалъ онъ рейхсъ-маршаломъ; а я спрашивалъ генерала Брюса, что то значитъ рейхсъ-маршалъ, и онъ толковалъ: выше всѣхъ фельдмаршаловъ, а въ нѣкоторыхъ государствахъ лице королевское содержащій; и Богъ знаетъ, что будетъ далѣе». А что будетъ далѣе и кто на ея величество негодуетъ, того архіерей ему не говорилъ, и онъ его о томъ не спрашивалъ. Еще прежде того, 20 іюня, онъ же архіерей наединѣ говорилъ ему, Маркеллу, къ разговору о свѣтлѣйшемъ князѣ: «подождать де мало, вотъ въ скоромъ «времени у насъ произойдетъ что нибудь великое». А чего ждать и что великое произойдетъ, не выговорилъ. Но тутъ же, въ разговорѣ, прибавилъ, что «про ея императорское величество говорятъ и то, что она иноземка и лютеранка». — 23 іюня онъ же архіерей у себя въ домѣ, держа въ рукахъ указъ о подметныхъ письмахъ, говорилъ ему: «это о двухъ подметныхъ письмахъ; знаешь ли ты, о чемъ тѣ письма?» Маркеллъ отвѣчалъ что не знаетъ; а архіерей продолжалъ: «тѣ письма сообщены ему одному архіерею, а въ нихъ показано, что свѣтлѣйшій князь не хочетъ того, чтобъ быть наслѣдникомъ великому князю. Вѣроятно писалъ оныя письма кто нибудь одинъ; потому что ежели бъ писалъ съ товарищи, то изъ-за обѣщанныхъ червонцевъ выдали бы того, кто писалъ; либо писалъ кто не изъ мелкой, а изъ крупной шляхты, потому что таковые обыкли другъ друга не выдавать».

Да въ 1725 году по осени, іеромонахъ богоявленскаго полоцкаго монастыря, что за рубежемъ, имени не помнитъ, говорилъ ему Маркеллу, что «оный архіерей дѣлаетъ не хорошо: посылалъ онъ іеродіакона Адама къ ея императорскому величеству, чтобъ пожаловала ему запечатанныя въ Новѣгородѣ деньги бывшаго архіерея Ѳедоса и говорилъ тому Адаму: «скажи ты Государынѣ Императрицѣ, что она оными деньгами не жалуетъ? Вѣдь я ее на государствѣ утвердилъ». Да вышеписаннаго 29-го іюня онъ, архіерей, будучи у себя въ домѣ на Карповкѣ, межъ другихъ разговоровъ, сказывалъ ему Маркеллу наедине: «когда ея императорское величество изволила смотрѣть строю, и въ то время чуть ея величество изъ оружей не убили дважды, и пулею убило человѣка, который былъ отъ нея въ полусаженѣ, изъ чего видно, что многіе ея величеству не благопріятствуютъ; только одинъ кажется вѣренъ — графъ Толстой, но и тотъ, какъ всѣ вознегодуютъ, къ нимъ же приклонится; и то захотѣлось жемачиться, да отнюдь не пристало, потому что вотъ на нее какіе замахи; а воинство муштровать — есть на то генералы, а не ея дѣло». Въ тожъ время, послѣ тѣхъ словъ, онъ, архіерей, ему сказалъ: и когда-де ея императорское величество учинила королевское высочество [1]) въ преображенскій полкъ полковникомъ, и въ то время надѣвала на себя аманское платье и тѣмъ многихъ удивила».

По показанію Маркелла, князь Ромодановскій приказалъ позвать къ допросу новгородскаго дворянина Фирсова: какой унтеръ-офицеръ и какія угрозительныя слова говорилъ имъ, когда они шли съ Маркелломъ? Фирсовъ показалъ, что когда они шли съ Маркелломъ *отъ ростовскаго архіерея* въ посадскую слободу на постоялый дворъ, гдѣ стоятъ кіевопечерскаго монастыря монахи, то противъ гостинаго двора, подлѣ дворянской слободы, встрѣтился имъ какой-то пьяный солдатъ, по мундиру—преображенскаго полка и, идучи передъ ними, избранилъ помянутаго архимандрита и говорилъ, что былъ прежде сего Ѳедосъ и раззорялъ, ересничествомъ своимъ, часовни и одиралъ образа, и оттого и самъ нынѣ пропалъ, а потомъ невдолгѣ будетъ и другой Ѳе-

[1]) Голштинскаго герцога.

досъ; — а кто и какъ невдолгѣ будетъ, того именно солдатъ не говорилъ, и пошелъ отъ нихъ вправо къ малой Невѣ, а они пошли влѣво къ гостиному двору; а на тѣ его солдатскіе слова архимандритъ, смѣясь, говорилъ ему Фирсову: слышитъ ли, что̀ солдатъ ему говоритъ? и онъ ему на то сказалъ: плюнуть, что пьяный говоритъ. Послѣ того оный архимандритъ, когда случится куда идти и услышитъ колокольный звонъ, говаривалъ ему Фирсову: вотъ звонятъ не даромъ, а что не даромъ, того не говаривалъ, и какъ изъ пушекъ выпалятъ и въ барабаны бьютъ, архимандритъ говаривалъ тѣже слова; а для чего и въ какой силѣ — не знаетъ [1]).

Такъ какъ Маркелл хотѣлъ сдѣлать еще объявленіе о противностяхъ сѵнодальныхъ членовъ, то Ромодановскій приказалъ потребовать объясненія: кто именно сѵнодальные члены и какія противности къ Церкви имѣютъ? 5-го іюля Маркеллъ представилъ Ромодановскому, въ Преображенской канцеляріи, обличеніе на Оеофана, съ подробнымъ перечнемъ его противностей православной Церкви и съ указаніемъ его сообщниковъ — Гавріила Бужинскаго, Оеофила Кролика и Давида Скалубы, въ 47 пунктахъ [2]).

Это уже не намекъ, не косвенное обличеніе, но прямой и рѣшительный доносъ правительству на Оеофана. Это первый серіозный шагъ Родышевскаго на этомъ пути — вызовъ противника. И потянется этотъ процессъ черезъ долгіе-долгіе годы, черезъ многія царствованія; вберетъ въ себя много значительныхъ событій, вытянетъ жизнь изъ тысячи лицъ, сломаетъ много полезныхъ государству людей — и кончится судомъ Божіимъ.

Оеофанъ — великій умъ, государственный мужъ, первенствующій членъ Сѵнода, превратился въ агента Преображенской канцеляріи, являясь, смотря по времени и обстоятельствамъ, то доносчикомъ, то подсудимымъ, но всегда необходимымъ ея членомъ. Надобно удивляться, какъ онъ не погибъ въ этомъ водоворотѣ честолюбій, доносовъ, интригъ,—въ водоворотѣ, который увлекъ

---

[1]) Показанія Маркелла и Фирсова напечатаны въ Дѣлѣ о Оеофанѣ Прокоповичѣ. Чтенія въ общ. ист. 1862 г., кн. I, стр. 39—44.

[2]) Подлинные пункты обвиненій напечатаны тамъ же, стр. 45—49.

Долгорукихъ, Меншикова, Дашкова, Ѳеофилакта и многое множество не столь замѣтныхъ лицъ. Какой это былъ находчивый и изворотливый умъ, какая желѣзная воля, какая настойчивость и непреклонность въ достиженіи цѣли!

18-го іюля Маркеллъ сдѣлалъ еще новыя показанія:

«Въ 1717 году, по осени, въ Москвѣ приходилъ онъ въ домъ рязанскаго архіерея Стефана, къ учителю іеромонаху Гедеону Вишневскому, который нынѣ архимандритомъ въ Москвѣ въ спасскомъ монастырѣ, что у иконнаго ряду, по давнему знакомству, и, въ то время наедшѣ, Гедеонъ показалъ ему, Маркеллу, писанные имъ своеручно пункты, которые онъ выписалъ изъ богословскаго ученія, которое ученіе издавалъ въ Кіевѣ бывшій ректоръ, а нынѣ новгородскій архіерей, Ѳеофанъ, и тѣ пункты отдалъ ему Маркеллу. И онъ Маркеллъ, усмотря въ оныхъ пунктахъ противное ученіе восточной Церкви, пришелъ въ спасскій монастырь, что у иконнаго ряду, отдалъ того монастыря архимандриту Ѳеофилакту, который нынѣ въ Твери архіепископомъ, и при отдачѣ объявилъ, дабы онъ тѣ пункты отдалъ рязанскому архіерею Стефану. И онъ тѣ пункты его преосвященству предъявлялъ. И когда состоялся указъ о посвященіи въ псковскую епархію архіерея, вышеозначеннаго Ѳеофана, и тогда оные пункты, за рукою онаго рязанскаго архіерея Стефана и прочихъ учителей, присланы къ его императорскому величеству для объявленія, что оный Ѳеофанъ, за таковое въ оныхъ пунктахъ противное восточной Церкви ученіе, недостоинъ быть архіереемъ. И оные пункты, для отвѣтствія по нимъ, отданы ему Ѳеофану, а нынѣ оные пункты и съ отвѣтствіемъ гдѣ обрѣтаются, о томъ онъ, Маркеллъ, неизвѣстенъ.

Да въ прошедшемъ іюнѣ мѣсяцѣ, въ 21 числѣ, сего года, былъ онъ, Маркеллъ, у вышеозначеннаго новгородскаго архіерея Ѳеофана, а въ тожъ число у онаго архіерея были псковскій архіерей Рафаилъ, да александровскій архимандритъ Петръ. И во время обѣда оный архимандритъ Петръ сказывалъ: «вчерашняго числа былъ у нихъ въ монастырѣ свѣтлѣйшій князь и пѣлъ молебенъ». И на то онъ, архіерей новгородскій, покачавъ головою, говорилъ: «на что Бога обманывать, онъ-де самый недобрый человѣкъ, многимъ злости дѣлаетъ, а показывается-де богомолъ и молебны

поетъ». И на тѣ его слова архимандритъ Петръ говорилъ: «такъ-де» а что «такъ» именно не говорилъ. А архіерей псковскій на тѣ ихъ слова ничего не говорилъ. И по оному всему видно, что онъ, Маркеллъ, на вышеозначеннаго архіерея Ѳеофана о противности церковной и до сего времени объявлялъ. о чемъ оный архіерей и отвѣтствовалъ.

Въ Сунодѣ, между тѣмъ, дѣло шло своимъ порядкомъ и хотя не ускореннымъ ходомъ, но все-таки шло къ одной цѣли.

Печерскіе старцы представили въ Сунодъ имущество Маркелла. Никакихъ драгоцѣнностей въ немъ не оказалось: это было старое платье Маркелла и почти негодная домашняя рухлядь. Но между рухлядью оказались епитрахиль и пелена со споротыми жемчугами. Съ хитростію это сдѣлано или спроста? Безъ всякаго сомнѣнія, съ хитростью. Старцы знали, какъ въ Сунодѣ примутъ этотъ подарокъ.

Какъ будто ничего не подозрѣвая и ни о чемъ не догадываясь, Сунодъ взялся за Маркелла и послалъ въ Преображенскую канцелярію требованіе выслать его къ допросу, а если нельзя, то дозволила бъ допросить его подчиненнымъ Суноду лицамъ. Преображенская канцелярія отвѣчала, что прислать его не можетъ, а ежели нужно снять съ него допросъ, то Сунодъ прислалъ бы обстоятельное вѣдѣніе: канцелярія допроситъ сама и пришлетъ тотъ допросъ немедленно (авг. 11; 1726 г.).

Ѳеофанъ держалъ Маркелла въ Тайной канцеляріи такъ крѣпко, что его не вырветъ оттуда никакая *духовная* сила. Пустить его въ Сунодъ значило погубить дѣло, на которое потрачено столько ума и хитрости, — значило обречь себя участи Ѳеодосія. Ѳеофанъ утопилъ бы эти пелены въ трехъ моряхъ, сжегъ бы ихъ на собственныхъ рукахъ, еслибъ можно было уничтожить ихъ и избавить Сунодъ отъ розыска — куда дѣвался съ нихъ жемчугъ?

Сунодъ послалъ въ канцелярію вопросные пункты Маркеллу.

Маркеллъ отвѣчалъ, что онъ обралъ жемчугъ съ пелены и епитрахили по приказанію Ѳеофана, который поручилъ продать

его Адаму. Что же касается до разныхъ взятыхъ имъ вещей, то онъ взялъ ихъ за жалованье, котораго не получалъ.

Бывшаго псковскаго провинціалъ-инквизитора Савватія Синодъ отпустилъ въ гдовскій монастырь, такъ какъ онъ кончилъ свои доказательства [1]).

Тайная канцелярія сдѣлала докладъ Императрицѣ о показаніяхъ Маркелла. Государыня приказала, по содержанію ихъ, взять съ Ософана объясненіе. Тайная канцелярія дала Ософану указъ 26-го октября, съ объявленіемъ, чтобы онъ отвѣтствовалъ на присланные пункты, не объявляя того никому и при себѣ не оставляя копіи. Ософанъ представилъ свои отвѣты 10-го ноября, раздѣливши ихъ на два отдѣла — первый по содержанію показаній Маркелла о непристойныхъ словахъ, второй — по обличенію его въ противностяхъ св. Церкви. Весь отвѣтъ, огромная тетрадь, писанъ Ософаномъ собственноручно.

Мы выпишемъ изъ него нѣкоторыя, особенно важныя и интересныя показанія, для того, чтобы составить понятіе, какъ объ его образѣ мыслей, такъ о томъ положеніи, въ какомъ онъ находился и о тѣхъ способахъ, какіе онъ употреблялъ, чтобы выдти изъ бѣды.

I) На пункты Преображенской канцеляріи *о непристойныхъ словахъ*.

«Когда мнѣ сказалъ страхованія своя и слова мятежная Маркеллъ, тогда, отводя его отъ онаго страха, или мечтанія, (а былъ то страхъ его притворный, какъ вскорѣ потомъ явилося), говорилъ я, что солдатъ, который будто на него и прочихъ кричалъ и угрожалъ мятежемъ и сѣченіемъ, былъ нѣкто отъ малконтентовъ [2]), которые, можетъ быть, на командировъ гнѣваются за наказаніе, или за неполученіе, чего желаютъ, или и завистію на высокія лица сѣдаются: и таковый (молвилъ я), ярости полный, увидя тебя и дѣло твое объ окладахъ иконныхъ слышавъ, ядь гнѣва своего на тебя изблевалъ. На примѣръ же малконтентовъ воспомянулъ объ письмѣ подметномъ и о выстрѣленной пулѣ на

---

[1]) Дѣла архива св. Синода, 1725 г. № 140.

[2]) Malcontent — недовольный.

экзерциціи, и приложилъ и сіе, что, можетъ быть, нѣкіи ярятся и на князя свѣтлѣйшаго за превосходство его: все же то сказалъ я вкратцѣ и не къ безчестію князя свѣтлѣйшаго и не къ поношенію ея величества, но просто къ его утѣшенію, понеже сей лукавецъ притворялъ себѣ великій страхъ и трепетъ.

Что же о конгрессѣ по смерти государевой придастъ, и то онъ обычнымъ клеветниковъ способомъ развращаетъ. Не наединѣ съ нимъ, но и при другихъ сказывалъ я, или написанную отъ меня повѣсть челъ (не упомню) о преставленіи блаженныя памяти Государя Императора и что по кончинѣ его благополучно сдѣлалося,—и то къ созиданію слушающихъ. А Маркеллъ весьма безсовѣстно и желчною злобою клевещетъ, будто я говорилъ, что утвердилъ я Государыню на престолѣ: всякъ кто меня и правъ мой вѣдаетъ, вѣдаетъ, что я не токмо высоко обо мнѣ говорить, но и слышать похвалы мои стыждуся: я же самъ не крайне ли былъ бы безуменъ, если бы не вѣдалъ, какъ и безстудное и опасное есть хвастанье, яковое врагъ сей на меня налагаетъ? Была повѣсть оная всецѣло таковая, каковая отъ ея величества апробована и нынѣ уже напечатана имѣется.

И что еще придастъ, будто сказалъ я: «и Богъ знаетъ, что далѣ имѣетъ быть», — то онъ безсовѣстно клевещетъ. Маркеллъ мнѣ такъ сказывалъ: протопопъ-де горицкому архимандриту, показуя на дворецъ государевъ, сказалъ: «вотъ-де ее уже повели»; а про себя Маркеллъ сказалъ мнѣ, что онъ изъ словъ протопоповыхъ подумалъ, что Государыня отъ мятежниковъ взята, придая съ трепетомъ и сіе: «гдѣ она нынѣ и въ живыхъ ли поне обрѣтается»? А я ему таковыхъ словъ и мечтаній жестоко возбранялъ, тако слово протопопово толкуя, что Государыня, по обычаю, въ садъ пошла, а при ней не малая ассистенція, и то-то «повели ее» значитъ. А между тѣмъ Маркеллъ зашелъ невѣдомо куда, знатно опасаяся итти со мною въ судно, какъ я ему приказывалъ. А въ поношеніи о семъ я именно не положилъ ради опасности....

О негодованіи именно чіемъ не говорилъ я, но на догадъ, что бываютъ во всѣхъ народахъ, такожъ и въ нашемъ, малконтенты, то-есть, таковыя непокойныя головы, которыя настоящимъ правительствомъ и поведеніемъ довольствоваться не хотятъ. И таковыи чего на государей своихъ ни говорятъ,—о чемъ вездѣ безчи-

сленныя исторіи. О таковыхъ малконтентахъ если сказалъ я, что Государыню помянутыми словами поносятъ, не чести ея величества коснулся я, но ихъ таковыхъ, если нѣкіи суть, злорѣчіе показалъ. Только же говорилъ ли я такія слова, и то въ силѣ той, какъ въ отвѣтѣ на первый пунктъ показано, или не говорилъ, воистину не упомню.

Для объясненія сего моего отвѣта придаю и сіе: бываютъ въ разговорахъ съ честными людьми повѣсти о малконтентахъ и о измѣнникахъ, какіе на Государя износили хулы, напр. Талицкій, Левинъ и проч., такожъ, какъ могутъ клеветать прочіе воры безъименно. И было ли когда въ моемъ разговорѣ слово о хулникахъ таковыхъ, генерально не упомню.

Указъ о подметныхъ письмахъ и въ келіи моей былъ и при церкви домовой прилѣпленъ. И что вины моей въ томъ? А Маркелла спрашивать, о чемъ оныя письма подметныя, не надобно и дурно было бы, понеже онъ не вѣдаетъ. А какъ вси прочіи, такъ и Маркеллъ и безъ моего толку зналъ изъ самаго онаго указа, что въ письмахъ подметныхъ нѣчто о наслѣдіи содержится. Однакожь я, отводя отъ ближняго догада, разсуждалъ тако, что хотя мнѣ письмо оное и не неизвѣстно, но понеже въ указѣ ономъ силы его всея не открыто, въ секретѣ содержится, кого именно касается письмо подметное,—князя ли свѣтлѣйшаго, или другихъ изъ министровъ или и самой Государыни. А клеветникъ мой таковое мое разсужденіе перешилъ на порочное мнѣ слово и князя свѣтлѣйшаго догадомъ своимъ доходилъ. Что и отъ сего явно, понеже не то въ письмѣ ономъ содержится, что онъ, акибы отъ меня слышанное, доноситъ. А о выставленныхъ червонцахъ не отъ мене онъ слышалъ, но само дѣло явно было. А мое было со многими разсужденіе, что либо одинъ нѣкто врагъ письма онаго изобрѣтатель и самъ себе не покажетъ, а если два или три, то таковыи крѣпкіи, что одинъ другаго не выдаютъ. Что я разумѣлъ о крѣпости кровныхъ или зѣло дружныхъ, а не мелкую шляхту, клеветникъ воспомянулъ къ ожесточенію на меня честныхъ людей. Было и то мое мнѣніе, что не лучше бы деньги оныя на одномъ мѣстѣ поставить, дабы вящше позвали, кто о злодѣи знаетъ, ко объявленію онаго. Въ пунктѣ о посылкѣ діакона Адама къ Императрицѣ таковымъ мене глупомъ мудрый Маркеллъ дѣлаетъ,

на каковыхъ, яко ума не имущихъ, никто не гнѣвается ни за побои, ни за лая. Нѣтъ злѣйшаго слова, какъ сія на меня клевета; а я самъ въ томъ открывался, посылая діакона къ Государынѣ съ таковымъ выговоромъ. Кто здѣ не видитъ крайняго безумія? А который когда воръ и такъ дѣлать похотѣлъ, и еслибы сдѣлалъ такъ, то никто бы его не назвалъ воромъ, но всякъ бы сказалъ, что, бѣдненькій, онъ ума лишился. Еще же и вѣдаетъ клеветникъ, что оныхъ денегъ не царицастъ Ѳеодосіевыми, и не Ѳеодосіевы бо суть, и Ѳеодосіевыхъ никакихъ въ Новѣградѣ не явилося и не показано. И изъ числа денегъ, запечатанныхъ по имянному ея величеству указу, еще въ прошломъ году, въ сентябрѣ мѣсяцѣ, дано намъ на нужды, сколько мы требовали. Какъ же не стыдится лгать, оные деньги царицая Ѳеодосіевыми и сказуя, будто я требовалъ и толь злодерзостнымъ способомъ домогался, чего и на мысли не было? Да и Адамъ живъ и здравъ пребываетъ.

Неоднократно воспоминаемъ, и не одинъ я, злой оный случай, на экзерциціи явившійся, — воспоминаемъ уже съ воздыханіемъ, прося заступленія Божія ея величеству отъ таковыхъ враговъ, каковый тотъ былъ, который пулею выстрѣлилъ, если то враждою сдѣлалъ, а не забвеніемъ и не безпамятствомъ. А Маркеллъ и тутъ лжей своихъ придалъ, гдѣ весьма бы не надѣяться. Первое лжетъ, будто я ему о семъ наединѣ говорилъ, аки бы о семъ говорить не велѣно, а намъ сама ея величество, скоро послѣ того злого случая, у стола своего изволила сказовать, всѣмъ тогда собраннымъ первѣйшимъ духовнымъ. Да и кому сіе дѣло неизвѣстно?—Второе, — лжетъ, будто я 29 іюня сіе ему говорилъ, когда я его отъ страха унималъ: что же бы сіе помогло ко утѣшенію его?—Третіе, будто изъ сего наводилъ я, что такъ много враговъ Государыни, что только единъ Петръ Андріевичъ вѣренъ. Опять меня мудрецъ сей въ глупцы жалуетъ. Отъ единаго бо вора (если враждою то сдѣлалъ) всѣхъ воровство показовать, единаго токмо вѣрнаго выключая, развѣ бы пребезумный дерзнулъ. А намъ не такъ еще, по милости Божіей, оскудалъ разумъ. Хвалимъ мы въ разговорахъ не одного, но многихъ, всякаго по своему достоинству: а хотя бы чіе и погрѣшеніе вѣдали, тщимся себѣ показовать, аки невѣдущихъ.—Четвертое, будто я и царицалъ

Государынію за ея охоту мужественную, когда я не могу оной довольно удивиться и похвалить, какъ достойно. Не рядовой же се клеветникъ, который слово похвальное передѣлать умѣетъ на ругательное. Отъ и предки мои похвальныя перетолкуетъ на хульныя. Весьма же лжетъ, что наконецъ придаетъ, будто я не дѣло Государыни почиталъ, но генеральское — муштровать воинство, что у мене ниже въ помышленіи было, ибо я не вѣдалъ и доселѣ не вѣдаю, что̀ Государыня при воинской экзерциціи дѣлаетъ, смотритъ ли только, или повелѣваетъ; едино вѣдаю, что присутствуетъ; но и что дѣло — муштровать, не весьма вѣдаю. Еще же при мнѣ и нѣкое дикое слово, аки бы отъ мене произшедшее, восписуетъ — жемачится. Что се? не польское, не малороссійское, великороссійское ли, не вѣдаю: и не только слова сего не говорю я, никогда и не говорилъ, и никто у меня не слышалъ, но и выговорить мнѣ оное не безъ трудности и, что значитъ, я не знаю.

О томъ, что Императрица парялась въ амашское платье, не въ то время и не паединѣ говорилъ я (что бо и се ли секретъ), но говорилъ, какъ исторію честную, въ собраніи, въ честь ея величества, что различными дѣйствіи является толикой власти достойная, придая и то, что мы съ архимандритомъ ярославскимъ, нынѣшнимъ уже архіереемъ вологодскимъ, тщательно искали мѣста видѣть оное ея величества дѣйствіе, да, за множествомъ народа, не получили, и что слышали позоръ опой — достойный быть удивленія. Какой же въ сей повѣсти грѣхъ мой? Догадуюся нѣчто: подумалъ Маркеллъ, что платье амашское (такъ бо онъ пишетъ) есть нѣчто не доброе, и тѣмъ повѣсть мою, аки бы высокой ея величества чести противную, опорочить надѣялся. Но я говорилъ, что Государыня надѣвала на себя платье не амашское, но амазонское, какъ и въ русскихъ газетахъ тогда же напечатано: и сіе нарѣчіе ея величества славѣ не противное, но служащее. А каковаго языка амашское и что значитъ, отнюдь не вѣдаю, и не вѣдаю такъ, какъ Маркеллъ не знаетъ, что платье амазонское.

И сія вся Маркеллъ сошилъ на меня клеветы тогда, когда я, познавъ его притворное страхованіе, а къ народному мятежному и недоброму слуху плевосѣятельное, отдалъ его въ Преображенскую канцелярію при доношеніи: и того ради, какъ сіи клет-

венные Маркелловы доносы неважные и весьма, по уложеніямъ, отметные суть, извѣстно является.

Понеже клеветникъ сей подозрѣннымъ мене въ невѣрности и недоброжелательствѣ къ ея величеству показать умыслилъ, того ради, сверхъ вышеписанныхъ истинныхъ моихъ отвѣтовъ, принуждаемый, воспоминаю, какова извѣстная моя и къ ея императорскому величеству и ко всей ея величества высокой фамиліи и ко всему россійскому государству вѣрность: ибо не токмо никто и никогда ни въ дѣлѣ, ниже въ словѣ моемъ, никакой не могъ признать противности, но и многими дѣйствіями моими должная моя вѣрность свидѣтельствована стала. Свидѣтельствуютъ о ней многія мои проповѣди и не едина книжица изданная, въ которыхъ тщательно и многократно поучаю, какъ вѣрни подданніи и послушливи должны быть государямъ своимъ; свидѣтельствуютъ иная моя сочиненія, которыми, какъ ни есть, по силѣ моей, славѣ ихъ величества послужилъ я. Тожь свидѣтельствуется и отъ прошлогодскаго дѣла о Ѳеодосіи. А еще въ прошлыхъ 1708 и 1709 годѣхъ, когда Мазепина змѣна была и введенный оною въ отечество непріятель, — каковъ я тогда былъ къ Государю и государству, засвидѣтельствуетъ его сіятельство, князь Дмитрій Михайловичъ Голицынъ. Но, паче всего, каковое о моей вѣрности свидѣтельство блаженныя и вѣчнодостойныя памяти Государь Императоръ неоднократно произносилъ, ихъ сіятельству — высокимъ министрамъ извѣстно. А о Маркеллѣ, какъ къ плутовству охотный онъ, вси вѣдаютъ, кто его изблизка знаетъ: и въ прошломъ 1718 годѣ, когда онъ тщался клеветою погубить преосвященнаго Ософилакта, тверскаго архіепископа, его величество Государь Императоръ, яко премудрѣйшій государь, и слушать не похотѣлъ. И хотя изъ таковаго отъ насъ соразсужденія, еще же и изъ оногдашняго Маркеллова мятежнаго плевосѣянія, изъ разнословныхъ его отвѣтовъ, согласнымъ моему доношенію, преосвященнаго архіепископа псковскаго свидѣтельствомъ обличаемыхъ, не трудно знать, какой вѣры достоинъ Маркеллъ; однако же я, понуждаемый толь горестнымъ на мене его злословіемъ, заключаю сіе крайнимъ совѣсти моей обязательствомъ, и если я не искренѣ вѣренъ ея императорскому величеству, дерзаю со Псаломпикомъ восклицать: «*да отпаду убо отъ рамъ моихъ тощъ, да пожнетъ*

убо врагъ душу мою и въ персть смерти вселитъ ю! Θеофанъ архіепископъ повгородскій. Своеручно писалъ октября отъ 29 ноября по 10 день, 1726 г.» [1]).

II) На пункты *о церковныхъ противностяхъ.*

Маркеллъ доносилъ на Θеофана, что онъ въ разныхъ книгахъ написалъ и поученіе сказывалъ, и разговоры непрестанно имѣлъ, и многихъ къ тому научилъ, что «*вѣрою токмо единою оправдается всякъ христіанинъ, а не дѣлами купно съ вѣрою*».

Противъ этого, изложивши православное ученіе объ оправданіи, Θеофанъ прибавляетъ: таковое мое и въ такой силѣ было и есть ученіе о оправданіи; таковое бо во всемъ священномъ писаніи, а наипаче въ посланіяхъ апостола Павла, крѣпко утверждается. И если Маркеллъ, не вѣдая силы сего ученія, оное ставитъ въ порокъ, то просто клеветникъ есть; если же, вѣдая (что болѣе надѣяться мнѣ трудно), нарицаетъ ересію, то не токмо клеветникъ, но и богохульникъ есть. Прочее и чудно и смѣшно есть, что̀ объявлять изволитъ. Въ разныхъ де книгахъ написалъ и поученіе говорилъ: будто онъ «книги мои разныя челъ», который и никакихъ не читаетъ. И не ложно могу сказать, что если бы такъ часто хлѣбъ ѣлъ онъ, какъ книги читаетъ, то въ три — четыре дни не стало бы его. А о поученіи которомъ онъ говоритъ? Я сіе на многихъ поученіяхъ проповѣдаю, да никто не споритъ. И было мое нарочитое о семъ поученіе въ 1716 г., въ праздникъ Рождества Христова, въ церкви свѣтлѣйшаго князя, при присутствіи его свѣтлости и его сіятельства адмирала и многихъ прочихъ господъ: но оное поученіе такъ всѣмъ душеполезное судилося, что скоро потомъ и печати предано. Но о коемъ-нибудь поученіи моемъ говоритъ Маркеллъ: однакоже извѣстно всѣмъ, что я поученій никогда не говорилъ, развѣ въ присутствіи множества честныхъ людей, но и самаго блаженныя и вѣчнодостойныя памяти Императора. Симъ же моимъ о оправданіи ученіемъ и при кончинѣ его величества, Богу поспѣшествующу, утверждалъ я его, и несумнѣнную показалъ на немъ Богъ надежду вѣчнаго спасенія, какъ и ея величество и вси присутствовавшіи со умиленіемъ видѣли.

[1]) Θеофанъ отвѣчалъ не на всѣ пункты. О Меншиковѣ — что называлъ его недобрымъ человѣкомъ и ханжею, ни слова. Меншиковъ напомнитъ ему объ этомъ впослѣдствіи.

Смотри же благоразсудный, какъ бѣснуется Маркеллъ: всѣхъ честныхъ людей, безъ всякаго изъятія, въ дураки ставитъ. Никто бо въ поученіи моемъ не видѣлъ ереси, а Маркеллъ видитъ. Самъ Петръ Великій, не меньше премудрый, какъ и сильный монархъ, въ проповѣдяхъ моихъ не узналъ ереси, а въ преблаженной кончинѣ своей и съ лобзаніемъ принималъ сіе мое ученіе, которое Маркеллъ ересію нарицаетъ. Извѣстно же намъ, что тотъ же монархъ двѣ проповѣди Маркелловы въ Кронштадтѣ, яко безумныя и хульныя, обличилъ, а въ моихъ не усмотрѣлъ, что̀ усмотрѣлъ Маркеллъ. Что же надлежитъ до моихъ книжицъ — въ двоихъ книжицахъ предложилъ я ученіе о оправданіи съ объясненіемъ: въ первой — о отроческомъ наставленіи — въ толкованіи символа вѣры, а въ другой — пространно о евангельскихъ блаженствахъ. Первую апробовалъ императорское величество, и какъ именнымъ указомъ его сдѣлана, такъ его жъ величества указомъ вездѣ разослана и повелѣно изъ нея учить дѣтей россійскихъ; а книжицу «о блаженствахъ» его жъ величество приказалъ мнѣ написать, а написанную самъ его величество въ Низовомъ походѣ прочелъ и на письмѣ своемъ своеручномъ прислалъ объ оной книгѣ таковое въ Сѵнодъ свидѣтельство, что въ ней показуется прямый путь спасенія, которое его величества писаніе и доселѣ хранится въ архивахъ сѵнодальныхъ. Кто жъ не видитъ, колікое Маркеллово дерзновеніе? Кто бо не видитъ, что онъ терзаетъ славу толикаго монарха? Да еще се дивно, что когда онъ допесенъ въ кражѣ церковныхъ вещей и въ злѣйшихъ мятежныхъ словахъ, тогда сталъ ревновать о добрыхъ дѣлахъ. Сказалъ бы я, что онъ покаялся, да лихо лжетъ противъ совѣсти, и не могу я вонстину умомъ объять, дабы онъ вѣрилъ быти Бога и будущій вѣкъ.

«*Онъ же вѣруетъ*, продолжаетъ Маркеллъ, *яко едино токмо священное писаніе, еже есть ветхій и новый завѣтъ — полезенъ намъ къ спасенію; а святыхъ-де отецъ писаніе имѣетъ въ себѣ многія неправости: того ради не подобаетъ св. отецъ писаніе въ великой чести имѣть и на него полагатися*».

Ложь безстудная, отвѣчаетъ Ѳеофанъ. Вси мы, чина учительскаго какъ ни есть сподобившіися, учимъ и исповѣдуемъ, что едино священное писаніе есть ученіе основательное о главнѣйшихъ догматахъ богословскихъ; пріемлемъ и преданія, опому не

противная, ибо и святіи древніи отцы тожде ясно учатъ и реченія своя священнымъ писаніемъ утверждаютъ; а святыхъ отецъ книги, хотя и во второмъ, по священномъ писаніи, мѣстѣ полагаемъ, однакоже много полезныя (а не какъ клеветникъ лжетъ, не полезныя) парицаемъ. О моемъ собственѣ къ отеческимъ книгамъ почитаніи не едино свидѣтельствуетъ дѣло мое: привожу въ проповѣдяхъ изъ книгъ отеческихъ свидѣтельства, тожъ дѣлаю въ книжицѣ «о блаженствахъ» и въ книжицѣ «правда воли монаршей», и въ книжицѣ о крещеніи и проч.; и въ библіотекѣ моей есть особливая отъ инихъ прочихъ часть всѣхъ церковныхъ учителей, авторовъ числомъ больше 600 содержащая, на которыя издержалъ я больше тысящи рублевъ. И давно уже, по силѣ, обучаюся и навыкаю вѣдать, о чемъ который отецъ святый пишетъ, дабы въ случающихся церковныхъ нуждахъ скоро можно было выписывать свидѣтельства. А Маркеллъ, подлинно вѣдаю, ни единой никогда книги отеческой и въ рукахъ не держалъ, развѣ у меня въ шкафѣ стоящія и не отверзтыя видѣлъ.

«*Святыхъ иконъ въ чести достодолжной не содержитъ, а содержитъ такъ, какъ содержатъ люторы*».

Протолковалъ бы Маркеллъ, отвѣчаетъ Ософанъ, кая честь иконамъ святымъ достодолжная, и тогда бы то или другое говорилъ на мене. А мое о чести, иконамъ святымъ подобающей, толкованіе напечатано въ наставленіи отроческомъ: и не мое самого, но всего собора седьмаго, никейскаго втораго.

«*Мнитъ*, продолжаетъ Маркеллъ, *и прочимъ сказываетъ, что водоосвященіе въ церкви суевѣріе есть и ни къ чему оное не полезно, и водокропленія не пріемлетъ*».

А для чего жъ, отвѣчаетъ Ософанъ, въ домовой моей церквѣ водоосвященіе бываетъ, и въ мою и въ прочіи келіи приходитъ священникъ съ водокропленіемъ? И я самъ, въ 1724 году, святилъ публично воду на рѣкѣ Невѣ, въ присутствіи его императорскаго величества.

«*Акаѳисты Іисусу Сладчайшему, Богородицѣ, святителю Николаю весьма бранитъ и смѣется тѣмъ, кто ихъ издалъ: и читать и содержать-де ихъ не надлежитъ, понеже никакою въ нихъ богомолія не обрѣтается, и должны-де отъ церкви отброшены быть*».

Оеофанъ отвѣчаетъ: акафисты — Іисусовъ и Богородичевъ хвалю, яко мудрѣ сочиненныя, а противное лжетъ Маркеллъ. А къ святому Николаю суть два акафиста, не вѣдаю отъ кого въ Кіевѣ сочиненные, и отъ церкви россійской не апробованные, не многимъ же и вѣдомые. И одного изъ тѣхъ акаопстовъ сочиненіе можетъ неотметно быть, а другое весьма смѣшное: что же я виноватъ? Не похвалу святыхъ отмещу, а похвалу непристойную. Нѣкто изъ латинщиковъ, Маркеллу подобныхъ, таковое усердіе свое къ Богу написалъ: «о Господи, аще бы Ты мене ангеломъ, а не человѣкомъ сотворилъ, лучше бы я Тебѣ воспѣвалъ славословіе, нежели поютъ Тебѣ святыи ангели Твои». Кто жъ ему не посмѣется, хотя и къ Богу онъ мнится усердствовать? Буди же здѣ и се извѣстно, что вся Церковь греческая доселѣ не приняла и не имѣетъ акаопстовъ, кромѣ единаго къ пресвятой Богородицѣ.

«О Минеяхъ говоритъ, что оныя преисполнены всякихъ ересей».

Клевещетъ, отвѣчаетъ Оеофанъ, будто сказую я, что преисполнены всякихъ ересей, но что нѣкія повѣсти суть, требующія учительнаго разсужденія. Есть же и правило собора св. отецъ въ Трулли, числомъ 63, которое запрещаетъ ложныя исторіи о святыхъ мученикахъ и потому узаконяетъ оберегательство.

«Прологи порочитъ и приказалъ съ прочими сунодальными членами въ Новгородѣ о тѣхъ прологахъ изслѣдовать и чернить іеромонаху Стефану Прибыловичу, который умре».

Лжетъ безстыдно, отвѣчаетъ Оеофанъ, будто я приказывалъ, и съ прочими сунодальными, исправлять прологи. Блаженныя и вѣчнодостойныя памяти приказывалъ Государь неоднократно. А Оеодосій, бывъ тогда новгородскій, на себя перенялъ и вручилъ оное дѣло Стефану Прибыловичу, противъ надежды моей. И когда, по времени, показалъ намъ Оеодосій присланные къ нему отъ Стефана нѣкіе примѣры исправленія, я, съ оныхъ примѣровъ увидѣвъ не искуство, противяся говорилъ при другихъ, чтобъ такъ невѣжливымъ исправленіемъ лучше книгъ не испортить [1]).

---

[1]) О Стефанѣ Прибыловичѣ въ Словарѣ духовн. писателей, м. Евгенія, ч. II, стр. 262, изд. 1827 г. Рукопись его: *нотаціи на прологи* съ *перспективою* къ *прологамъ* находится въ сунодальномъ архивѣ. Судя по этой *перспективѣ* т. е. по тѣмъ основаніямъ, какія онъ принялъ для исправленія прологовъ и по нѣ-

«*Чудотворца Николая многажды бранилъ и называлъ русскимъ Богомъ*», пишетъ Маркеллъ.

Оеофанъ отвѣчаетъ: да не сподобитъ мене Богъ достигнуть онаго блаженства, которое и Николай святый и прочіи угодницы Божіи получили, если не лжетъ Маркеллъ! А то правда, что плотникамъ и другимъ простакамъ, по случаю, говорилъ, дабы святаго Николая не боготворили, съ полезнымъ разсужденіемъ, для того, что память св. Николая выше Господскихъ праздниковъ ставятъ.

«*Пьяніе все церковное монаховъ и прочихъ церковно-служителей называетъ бычачьимъ рыкомъ, ни къ чему негоднымъ*».

О смѣшной накостникъ и клеветникъ безстудный! Хотя бы и правда, что я не люблю голосовъ клирошанскихъ, тожъ ли моя ересь и противъ котораго вѣры артикула? А каковое мое въ церковномъ пѣніи попеченіе, изъ домовой церкви моей всѣмъ извѣстно.

«*Монашество и черницъ желаетъ искоренить*».

Лжетъ клеветникъ, отвѣчаетъ Оеофанъ, будто я желаю монашество искоренить. Какъ мнѣ дѣлать, чего не могу? Смѣшно же весьма говоритъ «монашество и черницъ», будто черницы не монашество. Мое желаніе о исправленіи, а не о разореніи чина монашескаго, явствуетъ изъ Регламента духовнаго, гдѣ старинныя чина сего правила предложилъ я.

«*Говоритъ, что ученія-де никакаго добраго въ Церкви святой нѣтъ, а въ лютеранской-де церкви все ученіе изрядное*».

Говоримъ часто со вздыханіемъ, отвѣчаетъ Оеофанъ, не о лютеранахъ однихъ, но и о папистахъ, калвиніанахъ, арминіанахъ и о самыхъ злѣйшихъ и магометанскому злочестію близкихъ социніанахъ, что у нихъ школъ и академій и людей ученыхъ много, а у насъ мало. И сіе слово говоритъ Павелъ святый, въ первомъ ко Коринѳянамъ посланіи, въ главѣ первой, сказуя, что отъ правовѣрныхъ не многіи премудріи. И иное есть ученіе, иное же ученый человѣкъ. Ученіе церковное въ священномъ писаніи, которое содержатъ и еретики, хотя отчасти разумъ его развращаютъ,

---

которымъ примѣрамъ подобнаго исправленія, точно нельзя было ожидать отъ него ничего полезнаго для церкви православной.

тако жъ въ соборахъ правильныхъ и въ книгахъ отеческихъ. А ученый человѣкъ, который умѣетъ языки, знаетъ многія исторіи, искусенъ въ философскихъ и богословскихъ преніяхъ, хотя добраго, хотя злаго онъ исповѣданія. Моя же рѣчь есть о ученыхъ людяхъ, а не о церковномъ ученіи, въ книгахъ заключенномъ.

«Говоритъ, что надобно-де вездѣ по церквамъ быть музыкамъ ради украшенія церковнаго, которую нынѣ въ домѣ у себя уже и имѣетъ, о которой музыкѣ, что она церкви не противна, писалъ троицкій архимандритъ Гавріилъ и давалъ ему Маркеллу читать».

Гдѣ же тутъ совѣсти сыщешь? отвѣчаетъ Оеофанъ. Когда вопросы бываютъ — противна ли благочестію инструментальная, если бы въ церкви была музыка, — мои всегда постоянные отвѣты, что хотя не сама собою противна есть (ибо была въ ветхомъ завѣтѣ), но употребленіемъ въ соблазнъ развращается, чего я наглядѣлся въ Италіи, и того ради всегда хвалю, что Церковь восточная таковой музыки не имѣетъ. А онъ иное обо мнѣ клевещетъ весьма противо совѣсти своей, если нѣчто ея въ немъ осталося. А что о Гавріилѣ, нынѣ уже архіереи рязанскомъ, приложилъ, я ни отъ кого о семъ не слышалъ доселѣ: и что до мене, хотя бы онъ писалъ о томъ? Что же надлежитъ до дѣтей моихъ учащихся: учатся они и книжныхъ разныхъ ученій, а при тѣхъ и рисовать и музыки голосной и, нѣкіи, музыки инструментальной, и хотѣлъ бы я, дабы они и всякія прочія искусства и мастерства получили, для частнаго ихъ впредь воспитанія. А чтобы въ церковь ввесть музыку, не только противно моему мнѣнію есть, какъ выше помянулося, но и отнюдь невозможно не токмо мнѣ, но хотя бы кто и патріархъ былъ.

«Книгу Кормчую и въ ней многія правила отвергалъ и говорилъ: много-де въ той книгѣ лжи есть и неправедныхъ правилъ, и ть-де правила, которыя называются апостольскія, не наъ».

Не правила многая отвергаю, — отвѣчаетъ Оеофанъ, — какъ лжесловитъ, но порицаю, яко не вездѣ прямый переводъ правилъ на славянскій языкъ, а наипаче, что на многихъ мѣстахъ не самыя соборовъ святыхъ правила, но перечни ихъ, отъ Алексіа Аристена писанные, вмѣсто правилъ положилъ переводчикъ. А правила апостольскія (о которыхъ Маркеллъ не знаетъ) пріемлю за апостольскія по ученію, но не соглашенію, т. е., въ правилахъ

о нихъ ученіе апостольское, но словесъ составъ или сочиненіе не отъ апостолъ сдѣлано — что̀ вси вѣдаютъ, которые не Маркелловымъ образомъ о дѣлѣ богословскомъ обучаются.

«*Святыхъ отецъ книгу Діонисія ареопагита называлъ неправедною и говорилъ, что и самыя-де книги, изданныя подъ именемъ Василія Великаго и Златоустаго и прочихъ, лживыя*».

Трудно,—отвѣчаетъ Ософанъ,—или паче невозможно слѣпому разсуждать о краскахъ и цвѣтахъ. О Діонисіевской книгѣ издревле у церковныхъ учителей бывало преніе, какъ видимъ изъ собора православнаго, который дѣлалъ предуготовленіе вселенскому собору шестому, такожъ и отъ премудрѣйшаго патріарха Фотія, въ Библіотекѣ его. Преніе же есть не о ученіи, въ оной книгѣ написанномъ, но о творцѣ книги,—Ареопагитскій ли, или иной Діонисій сочинилъ книгу оную. И одни се, а другіи то говорятъ, безъ раздора вѣры и любви, понеже не надлежитъ до вѣры артикуловъ. И я — и другіе, по случаю, преніе о семъ предлагаемъ. Что же тутъ дѣла вѣры ревнителю, у котораго никакой вѣры нѣтъ? Еще же и то въ порокъ мнѣ ставитъ, что сказуетъ многія быть книги, подъ именами древнихъ учителей изданныя, а не ихъ прямыя — и отъ сего, какъ и отъ прочихъ злословій, его является Маркеллово слѣпое весьма дерзновеніе: ибо правда есть, исповѣдую, что я то̀ сказую. Вѣдаемъ, что святыхъ отецъ многія книги суть прямыя ихъ, которыя и Церковь пріемлетъ, но и вѣдаемъ, что многія суть подметныя, подъ именемъ сего или другаго святаго изданныя; напримѣръ: есть святаго Златоустаго толкованіе на Евангеліе Матѳеово, сущее его; есть же и другое тогожде Евангеліа толкованіе, изданное отъ нѣкоего аріанина, имущее въ себѣ хулы на Сына Божія, а именемъ Златоустаго украшенное—ложно. Суть прямыя книги св. Іустина мученика, суть и подметныя подъ именемъ его. Подобнѣ и священномученика Кипріана и Аѳанасія Великаго, и Великаго Василія, и Кирилла іерусалимскаго и Дамаскина и прочихъ — суть и прямыя и подметныя книги, и суть при насъ, и показать и доказать не трудно; ибо о разборѣ и познаніи таковыхъ прямыхъ и подметныхъ книгъ есть собственное ученіе, котораго древніе учители употребляли: напримѣръ, на соборѣ седьмомъ вселенскомъ приводила противная сторона, въ свидѣтельство себѣ, нѣкое описаніе св. Епифанія кипрскаго, а

отцы собора онаго разными доводами показывали, что оное писаніе не Епифаніево, но подметное и Епифанію притворенное. А премудрѣйшій Фотій патріархъ великую свою книгу, Библіотеку именуемую, всю таковымъ-то разборомъ наполнилъ. И что се дивно, что подъ именемъ разныхъ святыхъ многія писанія притворено: напримѣръ евангеліе Іаковле, посланіе Варнавино, евангеліе Петрово, Варооломеово, Оомино, Оаддеево, Филиппово, Никодимово и проч.? Изъ которыхъ притворныхъ, подъ именами апостольскими, книгъ многія и доселѣ обрѣтаются, но яко ложныя отъ Церкви не пріемлются, и были вымышленныя отъ разныхъ еретикъ въ разныя времена. И отъ сего довольно видѣть, какъ слѣпо смѣлъ Маркеллъ къ порицанію и клеветамъ.

«*Сказывалъ*, пишетъ Маркеллъ, *что при успеніи Богоматери апостолы на облакахъ собраны не были*».

Клевещетъ,—отвѣчаетъ Ѳеофанъ:—я нѣкогда говорилъ, что многія древнія исторіи и прочія книги погибли и до нашихъ временъ не дошли, яко, напримѣръ, и исторія о успеніи Богоматери у позднѣйшихъ писателей обрѣтается, а самой древнѣйшей, изъ которой оные взяли, уже нельзя изыскать.

«*Образы святыхъ называлъ идолами*».

Не называлъ идолами никакихъ, — отвѣчаетъ Ѳеофанъ, — но грубое мужичье рѣзное дѣло, безчестный видъ святымъ подающее, запрещаю; и не я, но Сунодъ, по имянному блаженныя и вѣчно достойныя памяти Государя Императора указу, запретилъ, не просто всякія рѣзныя иконы, но не искусно дѣланныя, для важныхъ резоновъ: и указъ тотъ сочиненъ не отъ мене, но отъ епископа тверскаго Ѳеофилакта. А я рѣзное Распятіе, понеже искуснаго дѣла есть, и въ домовой моей церквѣ имѣю.

Сверхъ написанныхъ отвѣтовъ моихъ — заключилъ Ѳеофанъ свои показанія, — еще сія вообще предаю въ разсужденіе: 1) извѣстно всѣмъ ученымъ, каковаго ученія Маркеллъ, что не токмо не челъ и не читаетъ ни священнаго писанія, ни отеческихъ, ни соборныхъ и никакихъ книгъ, но и разумѣть не можетъ и изъ латинскаго языка перевесть не умѣетъ: и когда нѣкую книжицу переводить тщался, то, между безчисленными смѣшными погрѣшеніи, и сей толкъ положилъ, который и доселѣ для забавы воспоминается. Написано было *эра троянская*, что значитъ: время истеченія лѣтъ

отъ разоренія города Трои, а онъ перевелъ: *мать троянская*. И не дивно; еще бо и въ школахъ тупость его вѣдома была. Изъ котораго его невѣжества произошло, что и въ сихъ пунктахъ своихъ нѣкіе главные Церкви святой догматы ересію переклъ. Какъ же таковой невѣжа можетъ чіе ученіе разсуждать и судить? 2) Дадимъ же ему и умѣніе и силу искусства богословскаго (которой не бывало), и если въ сорокъ седми артикулахъ моя ереси содержатся, какъ то онъ описуетъ, то я не рядовый, по мнѣнію его, еретикъ. Для чего же Маркеллъ досель молчалъ? Для чего не охранялъ Церкви отъ толь вреднаго развратника? Еще же и вящше, для чего мене не отвращался, по благословенія у мене требовалъ, и отцемъ и пастыремъ нарицалъ мене, и имя мое, яко пастырское, въ церквѣ при священнослуженіяхъ возносилъ? 3) Была бы его вина, еслибъ онъ толь многія ереси за мною вѣдавъ, не скоро, гдѣ надлежитъ, донесъ, хотя бы и свободенъ доносилъ: а то тогда уже доноситъ, когда въ важномъ дѣлѣ за арестъ уже посаженъ. А по шестому правилу святаго собора втораго вселенскаго, не важно на архіерея доношеніе того, который самъ донесенъ, покамѣстъ самъ не оправдится. 4) И въ богословскомъ моемъ ученіи представляю непобѣдимое свидѣтельство блаженныя и вѣчнодостойныя памяти Государя Императора и самаго искуснаго въ томъ монарха, который и предики мои многія напечатать, такожъ и не одну книжицу богословскую повелѣлъ и словами апробовалъ, а книжицу «о блаженствахъ» и своеручнымъ въ Сунодъ писаніемъ утвердить благоволилъ. А вопреки, Маркелловы предики (какъ и выше показалося) опорочилъ и, проповѣдать ему не пускать, указалъ. Изъ чего не трудно знать, какого вѣроятія достойны суть сплетенныя отъ него на мене каверзы. Однако же я, таковымъ безсовѣстнымъ лжесловесіемъ его огорченъ и таковый вводимый отъ него соблазнъ истребляя, съ Павломъ святымъ призываю Бога свидѣтеля на душу мою, что во всякихъ богословскихъ чтеніяхъ и разсужденіяхъ всегда съ великимъ опасеніемъ и страхомъ Божіимъ не легкомысленъ, не скоромнѣнно, но сущей истинѣ повинуюся и, плѣняя умъ мой въ послушаніе Христово, обучаюся. И если я не отъ всего сердца желаю сынамъ россійскимъ спасеннаго пути и вѣчнаго блаженства, и если Маркеллъ прямо и по совѣсти сія на мене написалъ, то да буду анаѳема отъ Христа Іисуса, Господа моего!

А на него клятва сія и на его (аще кіи суть) сообщниковъ и пособниковъ падетъ, аще не покаются. Ѳеофанъ архіепископъ Новгородскій писалъ своею рукою отъ 29 октября до 10 ноября 1726 года».

По докладу Ромодановскаго, Государыня, выслушавши эти показанія, приказала «архимандрита Маркелла Родышевскаго, за его сумнительныя продерзкія слова, держать въ с.-петербургской крѣпости отъ другихъ колодниковъ особо, подъ крѣпкимъ карауломъ, до указу. А что онъ, Родышевскій, показалъ на новгородскаго архіепископа Ѳеофана о непристойныхъ словахъ и о церковныхъ противностяхъ, и тому его показанію вѣрить не указала, потому: оный архіерей въ отвѣтахъ написалъ, подъ заключеніемъ проклятія и анаѳемы, что онъ, противъ показанія его архимандричья, непристойныхъ словъ и прочихъ не говарпвалъ и никакой противности къ Церкви святой не имѣетъ; да и потому: оный архимандритъ въ Преображенскую канцелярію взятъ по доношенію онаго архіерея въ его сумнительныхъ къ устрастію смертнаго мятежа словахъ, о чемъ оный архимандритъ хотя не во всемъ, однако же показалъ, что де былъ въ нѣкоторой боязни отъ приключившейся ему меланхоліи, чего было ему, собою разсуждая, о таковыхъ страхованіяхъ говорить и сумнѣнія имѣть, не зная подлинно, не надлежало».

Въ тоже время Государыня приказала объявить новгородскому архіепископу Ософану, что, слушавъ его отвѣты, въ которыхъ нѣкоторые противъ показанія архимандрита Маркелла и неподлинно изъяснены, слѣдовать и тому архимандритскому показанію вѣрить не указала, а впредь ему, архіерею, противностей св. Церкви никакихъ не чинить, и имѣть чистое безсоблазненное житіе, какъ всѣ великороссійскіе православные архіереи живутъ; также чтобъ и въ служеніи и въ прочихъ церковныхъ порядкахъ нимало отмѣны не чинилъ предъ великороссійскими архіереями; а если онъ въ противности святой Церкви, по чьему изобличенію, явится виновенъ, и въ томъ ему отъ ея императорскаго величества милости показано не будетъ». 8 декабря 1726 г.

Маркелла отвели въ крѣпость. Ѳеофанъ воспользовался его стѣсненнымъ положеніемъ, чтобы отдѣлаться отъ назойливаго противника. Въ свою очередь и Родышевскій, повидимому, хотѣлъ сблизиться опять съ Ѳеофаномъ, чтобы получить свободу и уѣхать куда-нибудь въ тепленькій уголокъ Малороссіи.

Безъ сомнѣнія, въ этихъ видахъ, Ромодановскій потребовалъ въ Тайную канцелярію Родышевскаго и предложилъ ему отказаться отъ своихъ протестовъ и подать повинную къ ея величеству. Родышевскому обѣщали, что его освободятъ изъ крѣпости и отпустятъ въ Малороссію.

Родышевскій написалъ: «всевысочайшимъ своимъ указомъ указала ваше величество, за мои продерзости на архіепископа новгородскаго Ѳеофана и за продерзкія на него слова, содержать здѣ въ С.-Петербургѣ въ крѣпости подъ крѣпкимъ карауломъ до указу. Всемилостивѣшая государыня! Прошу вашего императорскаго величества всепокорно, яви милостивѣйшее свое благоутробіе, ради помишовенія блаженныя и вѣчнодостойныя памяти его императорскаго величества и ради своего многолѣтнаго здравія, какъ всѣмъ обыкла великое свое являть милосердіе и множайшимъ и самыя величайшія отпущать вины, ради того и мнѣ отпустить вину мою. А я впредь представляю свидѣтеля Бога и кляпуся страшнѣйшимъ и славнымъ Его именемъ, что никакихъ словъ противныхъ на преосвященнаго новгородскаго произносить не буду; а мене прошу отпустить съ милостивымъ своимъ указомъ въ Кіевъ, въ кіево-печерскій монастырь на обѣщаніе мое». (1726 г. 10 декабря).

Ромодановскій, прочитавши челобитную, послалъ ее назадъ къ Родышевскому и велѣлъ сказать ему, что эта челобитная не годится, потому что онъ не написалъ, что обличалъ Ѳеофана въ ересяхъ напрасно. Ему велѣли переписать челобитную и написать, что приказано. Но Родышевскій, будто бы, не согласился на это и заключенъ подъ еще болѣе строгій карауль и сидѣлъ семь мѣсяцевъ.

Ѳеофанъ вполнѣ понималъ и свое положеніе и силы своего противника. «Откуду бъ пришла — пишетъ онъ въ одномъ доношеніи — и съ чего родилась толь свирѣпая шалуна сего продерзость»?

«Мнѣніе мое таковое, что хотя бездѣльникъ сей и скудепъ

въ разсужденіи, однакоже не толь онъ внѣ ума, чтобы могъ въ огонь бросаться, наипаче, что по природѣ своей зѣло трусливъ и еще къ тому не за одну вину подлежащій суду. И потому самъ онъ собою, по ярости и злобѣ, безъ всякой надежды и упованія, никогда бъ на такое страшное дѣло не отважился... Отчего несумнѣнно является, что были нѣкіи прилежныи наустители, которые плута сего къ тому привели, отводя ему страхъ показаніемъ новой нѣкоей имѣющей быть перемѣны, поваго въ государствѣ сочтенія и обнадеживая дурака великимъ высокаго чина за таковой его трудъ награжденіемъ. И хотя умные затѣйщики подлинно вѣдали, что сосудъ сей тощъ и слабъ, однако то имъ, по ихъ мнѣнію, не помѣшательно къ начинаніямъ своимъ казалось; ибо, вѣдая простаго народа немощь, что къ возмущенію его не тотъ силенъ, кто крѣпко говоритъ, но кто много и дерзко, хотя и безпутно, вракаетъ, когда лучшаго къ сторонѣ своей стряпчаго не надѣялись, судилось имъ за благо и сего бѣднаго школьника въ бирючи употребить».

Ѳеофанъ думалъ, что замышляемый имъ бунтъ въ іюнѣ мѣсяцѣ клонился къ тому, чтобы запугать Ѳеофана съ товарищами. Помните, какъ Родышевскій говорилъ со страхомъ, что солдаты хотятъ всѣхъ поляковъ, т. е. малороссіянъ, перерѣзать. Ѳеофанъ догадывался, что это — штука Родышевскаго, затѣянная его руководителями для какихъ-нибудь цѣлей и, конечно, не въ пользу Ѳеофана.

«За таковыя смутныя рѣчи, продолжаетъ Ѳеофанъ, отданъ былъ онъ въ Тайныхъ дѣлъ канцелярію и посаженъ въ крѣпость. Но что объ томъ дѣлано и сдѣлано, ничего не извѣстно. И потому видно, что онъ надобенъ».

Ѳеофанъ былъ убѣжденъ, что онъ надобенъ ростовскому архіепископу, Георгію Дашкову.

XIII.

Сила Дашкова. — Ревизія Сунода. — Шаткое положеніе Ѳеофана. — Покровительство Остермана Ѳеофану. — Коронація Петра II. — Мечты о патріаршествѣ. — Новые протесты Родышевскаго. — Отвѣтъ Ѳеофана. — Продолженіе дѣла Носова. — Письмо Ѳеофана къ Голштинскому герцогу. — Свиданіе съ Маркевичами. — Дѣло Каллиста Заленскаго.

Реакція, начавшаяся при Екатеринѣ, развернулась во всей силѣ при Петрѣ II [1]). Многія лица, заправлявшія дѣлами въ цар-

[1]) По указу Верховнаго Тайнаго Совѣта, 26-го іюля 1727 г. запрещены были и отобраны повсюду манифесты, публикованные по дѣлу несчастнаго царевича: *Правда воли монаршей* и печатныя *Священническія присяги, съ объявленіемъ про услышаніе на исповѣди злаго и нераскаяннаго намѣренія на государя или на государство*, гдѣ, между прочими примѣрами, было нѣчто и объ отцѣ императорскаго величества [a]). — По повелѣнію Петра I сочинена была особая служба св. Александру Невскому, съ намекомъ на отношенія царевича къ своему отцу. Верховный Тайный Совѣтъ 18-го сентября приказалъ отобрать ее повсюду въ synod. канцелярію, а праздникъ 30-го августа отмѣнить [b]).

Значительная часть книгъ петровскаго времени, касавшихся вѣры и церкви, напечатана въ с.-петербургской и невской типографіяхъ. У защитниковъ старины онѣ были, какъ бѣльмо на глазу. Теперь дошла очередь и до нихъ. Верховный Тайный Совѣтъ, 4-го октября, приказалъ закрыть ту и другую типографіи съ тѣмъ, чтобы церковныя книги печатались подъ вѣдѣніемъ Сунода, въ одномъ мѣстѣ — въ Москвѣ, какъ издревле бывало [c]), а указы и граж-

[a]) Протоколы Верх. Тайн. Сов. въ Чтеніяхъ 1858 г. стр. 60.

[b]) Въ 1730 г., 31-го августа, Императрица Анна дала указъ Суноду: «праздненство св. Александру Невскому 30-го августа для чего оставлено? А впредь бы отправлять его означеннаго числа и мѣсяца по церквамъ неотложно».

[c]) И чтобъ никакихъ въ печатаніи тѣхъ книгъ — сказано въ synod. указѣ — погрѣшностей и противности какъ закону, такъ и Церкви быть не могло, того, по должности своего званія, съ вящшимъ прилежаніемъ накрѣпко смотрѣть той московской типографіи директору. А ежели отъ несмотрѣнія его въ тѣхъ печатныхъ книгахъ явится каковая погрѣшность, и за то онъ, Поликарповъ, по разсужденію св. Сунода штрафованъ будетъ безъ всякаго упущенія».

Въ ноябрѣ Сунодъ положилъ подать въ Верховный Тайный Совѣтъ доношеніе, чтобы, въ отмѣну прежнихъ указовъ, дозволено было всякаго чина людей, по желанію ихъ, принимать въ монастыри и постригать въ монашество. Но этотъ докладъ Сунода не былъ утвержденъ. Спустя полтора года, въ іюнѣ 1729 г., Ѳеофилактъ посылалъ былъ въ Верх. Тайн. Совѣтъ просить

ствованіе Петра I и Екатерины сошли со сцены; новыя или прежнія опальныя выступили на сцену.

Въ маѣ 1727 г. Верховный Тайный Совѣтъ призвалъ въ свое собраніе сунодальнаго оберъ-прокурора Баскакова и приказалъ подать вѣдомости о состояніи Сунода по экономическимъ дѣламъ: 1) сколько собрано съ раскольниковъ двойнаго оклада денегъ и что въ расходѣ и на какія потребы; 2) сколько взято оставшихся послѣ умершихъ архіереевъ и архимандритовъ денегъ и вещей и куда они употреблены и по какимъ указамъ; 3) сколько взято съ кого по дѣламъ штрафовъ и что изъ того и куда издержано; 4) что, изъ оставшихся послѣ святѣйшихъ патріарховъ, въ сунодскомъ домѣ всякихъ вещей, платья и прочаго сунодальнымъ членамъ и другимъ разнаго званія людямъ роздано и кому что именно и по какимъ указамъ? Въ то же время Верховный Тайный Совѣтъ отрѣшилъ отъ должности сунодальнаго секретаря Палехина и назначилъ на его мѣсто своего кабинетъ-секретаря Черкасова, поручивши ему освидѣтельствовать съ прежними книгами и описать патріаршую ризницу, а также ризницы и прочую церковную утварь во всѣхъ московскихъ соборахъ и монастыряхъ: все ли въ нихъ находится въ цѣлости, или гдѣ что и для чего убыло? 3-го іюля, послѣ поданной Баскаковымъ вѣдомости, Верховный Тайный Совѣтъ предписалъ Суноду, чтобы оставшіяся послѣ патріарховъ панагіи, кресты и прочія вещи, которыя сунодскіе члены разобрали по себѣ и другимъ роздали, отобрать назадъ въ патріаршую ризницу [1]).

данскія книги въ С.-Петербургѣ при Сенатѣ и при Академіи наукъ, — послѣднія съ апробаціи св. Сунода.

[1]) 11-го августа 1727 г. «его свѣтлость, кн. А. Д. М., приказалъ объявить Суноду, дабы троицкаго александро-невскаго монастыря отъ архимандрита Петра обрѣтающейся у него панагіи, которая отдана изъ патріаршей ризницы, въ Сунодъ не требовать для того, что, хотя по присланному изъ Верховнаго Тайнаго Совѣта въ Сунодъ указу, таковыяжъ патріаршія панагіи отъ сунодальныхъ преждебывшихъ членовъ отобрать и повелѣно, однакожъ она и панагія помянутому архимандриту Петру дана отъ самаго высокосл. и вѣчнодост. памяти Государя Императора. Также и впредь, что до онаго александро-невскаго

о томъ же и получилъ указъ, что можно безпрепятственно постригать въ монахи только проживающихъ въ монастыряхъ и отставныхъ солдатъ, которые того пожелаютъ.

Оеофанъ былъ старшимъ въ Сунодѣ, но самый Сунодъ былъ униженъ, лишенъ довѣрія. Все вершилъ Верховный Совѣтъ [1]).

Верховный Тайный Совѣтъ назначалъ архіереевъ и архимандритовъ на открывавшіяся архіерейскія и знатныя архимандрическія вакансіи, не обращая вниманія на сунодскіе доклады и сунодскихъ кандидатовъ. Изъ этихъ назначеній, для нашей послѣдующей исторіи важно назначеніе Игнатія коломенскимъ митрополитомъ и, вслѣдъ за тѣмъ, сунодальнымъ членомъ, на мѣсто вологодскаго Лоанасія Кондоиди, и горицкаго архимандрита Льва —воронежскимъ епископомъ. Игнатію поручено было вѣдать духовенство С.-Петербурга и новозавоеванныхъ городовъ и наблюдать надъ ними всякое благочиніе, совершенно на правахъ мѣстнаго архіерея [2]).

Оеофанъ держалъ себя такъ осторожно и уклончиво, что не было никакого повода сдѣлать ему публичную непріятность, но и это не спасло его.

22-го мая онъ совершилъ обрядъ обрученія юнаго Государя съ дочерью сильнаго временщика Меншикова [3]). Но Меншиковъ не могъ простить оскорбленія, сдѣланнаго ему Оеофаномъ въ прошлое царствованіе. 21-го іюня, въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ состоялось опредѣленіе: «новгородскаго архіепископа Оеофана призвать въ Верховный Тайный Совѣтъ и объявить ему, что по дѣлу, которое взнесено изъ Преображенской тайной канцеляріи,

---

монастыря будетъ касаться, дабы прежде о томъ объявлять его свѣтлости, понеже оный монастырь въ протекціи его свѣтлости».

[1]) Для примѣра мы приводимъ въ Приложеніяхъ № VII одинъ сунодскій докладъ, съ резолюціей Верх. Тайн. Совѣта.

[2]) Въ журналѣ св. Сунода 1727 г. іюля 13-го записано: «приходилъ въ св. Сунодъ изъ Верх. Тайн. Совѣта тайный совѣтникъ Степановъ и объявилъ словесно, что Государь Императоръ повелѣлъ митрополиту Игнатію быть въ присутствіи въ св. Сунодѣ въ числѣ сунодальныхъ членовъ.

[3]) Протоколы Верх. Тайн. Совѣта въ Чтеніяхъ 1858 г. кн. III, стр. 43.—28-го мая Меншиковъ прислалъ къ Дашкову письмо, «чтобъ форму объ эктеніяхъ, посовѣтовавъ въ св. Сунодѣ, печатать противъ того, какъ сочинена предъ обрученіемъ императорскаго величества, понеже оная всѣмъ собраніемъ апробована: о благочестивѣйшемъ .... о сестрѣ его .... и обрученной невѣстѣ его, благовѣрной государынѣ Маріи Александровнѣ; потомъ о цесаревнахъ поименно, а о царевнахъ и великихъ княжнахъ безъ имени».

по доносу архимандрита Маркелла, являются важныя церковныя дѣла. А онъ архіерей, въ отвѣтахъ своихъ противъ доноса того архимандрита, *многаго не объяснилъ* и не по силѣ вопросныхъ пунктовъ отвѣчалъ, о чемъ по государственнымъ правамъ надлежало было изслѣдовать подлинно; но его императорское величество высочайше указалъ то ему оставить и чтобы онъ зналъ, что то ему оставленіе учинено только изъ высокой его императорскаго величества милости, а не по правамъ. А что оный новгородскій архіепископъ взялъ съ архіерейскаго епитрахиля и съ пелены жемчугъ, то на немъ взять и отдать въ ту епархію по прежнему, и о томъ въ Synodъ послать указъ. — Въ тоже время указомъ Верховнаго Тайнаго Совѣта приказано было архимандрита Маркелла изъ-подъ караула освободить и послать въ невскій монастырь — велѣть ему быть въ братствѣ [1]).

Когда въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ обсуживался вопросъ о воспитаніи и обученіи юнаго царя, то въ собраніе были приглашены — Дашковъ, Ѳеофилактъ и Игнатій, а Ѳеофана не пригласили [2]). Вообще видно было, что Меншиковъ благопріятствовалъ Георгію Дашкову, Ѳеофилакту и Игнатію, но не благопріятствовалъ Ѳеофану.

Къ счастію Ѳеофана онъ умѣлъ найти поддержку въ Остерманѣ, который и сберегъ его въ это, тяжелое для него, время. По предложенію Остермана онъ написалъ *Разсужденіе, какъ наставлять багрянороднаго отрока въ законѣ Божіемъ.*

Но самовластіе Меншикова и клієнтовъ его продолжалось не долго. Всѣмъ извѣстно, какими тайными, но вмѣстѣ съ тѣмъ вѣрными, путями шелъ Остерманъ къ низложенію временщика и какъ наконецъ достигъ своей цѣли.

8 Сентября арестованъ Меншиковъ. Ѳеофанъ вздохнулъ свободнѣе [3]). Разсчитывая теперь на лучшій оборотъ своего дѣла, 29 сентября онъ подалъ на высочайшее имя, въ Верх. Тайн. Совѣтъ, прошеніе объ освобожденіи его отъ уплаты за проданный жем-

---

[1]) Госуд. арх. Дѣла о Ѳеофанѣ Прокоповичѣ.

[2]) Протоколы Верх. Тайн. Совѣта въ Чтеніяхъ въ общ. истор. и древн. россійск. 1858 г., кн. III, стр. 57.

[3]) Молчаніе наше — писалъ Ѳеофанъ въ это время къ одному изъ рус-

чугъ «Получилъ я, нижайшій, присланный изъ св. сунода указъ, въ которомъ, по силѣ вашего величества указа, изъ Верховнаго Тайнаго Совѣта въ Сунодъ присланнаго, велѣно мнѣ, взятый мною изъ псковской ризницы жемчугъ въ домъ архіерейской псковской возвратить. И понеже видно, что туне гонящіи мене напастники мои, дабы мене ко угожденію вражды своей, и для нѣкоей погибельной себѣ пользы (постигнетъ бо ихъ неизбѣжный судъ Божій), опорочить, донесли о семъ коварно утаевая вину дѣла: того ради нижайшій вашего величества рабъ и богомолецъ, всепокорнѣйшимъ симъ моимъ доношеніемъ, обстоятельно отвѣтствую. Прошедшаго 1723 года, когда жалованье сунодальнымъ членамъ было удержано, пришелъ было я въ толь крайнюю скудость, что уже приходило до лишенія и дневныя пищи. И тогда въ великомъ недоумѣваніи мнѣ пребывающу, нѣкіи изъ чина духовнаго служители мои показали въ маломъ сундучкѣ жемчугъ, иной на нитках нанизанъ, а другой неизанный, къ продажѣ за настоящую нужду; который жемчугъ продать велѣлъ я, извѣстенъ о правилахъ соборныхъ, церковныя вещи продавать за нужду позволяющихъ. Но понеже продажа оная двѣсти только рублевъ принесла намъ, и тѣми деньгами содержать домъ мой (въ которомъ, кромѣ церковныхъ и мірскихъ разнаго чина служителей, не малое было число и сиротъ, учимыхъ и питаемыхъ) не на долгое время было возможно, того ради принужденъ былъ я занять у купца тысящу рублевъ: и какъ оные двѣсти рублевъ, такъ и занятую тысящу не держалъ я у себя, но велѣлъ издерживать, кому надлежитъ, на всякіе домовые нужды. А тогожъ году при концѣ его, получивъ сунодальное жалованье, оную занятую ты-

---

скихъ архіереевъ, — извиняется нашимъ великимъ бѣдствіемъ, претерпѣннымъ отъ тиранніи, которая, благодаря Бога, уже разрѣшилась въ дымъ. Ярость помѣшаннаго человѣка, чѣмъ болѣе возбуждала противъ него всеобщей ненависти и предускоряла его погибель, тѣмъ болѣе и болѣе со дня на день усиливала свое свирѣпство. *А мое положеніе было такъ стѣсненно, что я думалъ, что все уже для меня кончено.* По этому я неотвѣчалъ на твои письма и, казалось, находился уже въ царствѣ молчанія. По Богъ, воздвигающій мертвыхъ, защитникъ нашъ, Богъ Іаковль, разсыпавши совѣты нечестивыхъ и сомкнувши уста зіяющаго на насъ земнаго тартара, оживотворилъ насъ по безпредѣльному своему милосердію». (Epistola XXII. Труды кіевской акад. 1865 г., стр. 599).

сящу персональными моими деньгами заплатилъ я, за которую уплату отнюдь ничего изъ дому псковскаго не взялъ я себѣ и не правилъ. Да сверхъ того на строеніе каменнаго дому въ Санктъ Питербурхѣ псковскаго пошло персональныхъ же моихъ денегъ болѣе пяти тысящъ рублевъ. Еще же отъ начала Сунода на одѣяніе мое и на пропитаніе (кромѣ малыхъ нѣкіихъ привозныхъ припасовъ) ничтоже изъ дому псковскаго неиздержано, о чемъ и въ поданныхъ въ Верховный Совѣтъ вѣдомостяхъ значится. И тако съ барышомъ заплатилъ я псковскому дому проданный оный жемчугъ. А былъ ли тотъ жемчугъ съ епитрахиля и пелены снятъ, того я, когда велѣлъ продать, невѣдалъ, но послѣ нескоро мнѣ сказано, что еще въ осьмнадесятомъ году съ ветхаго епитрахиля и пелены, дабы осыпкою не утерялся, приказаніемъ моимъ снято, и о томъ прошедшаго 1726 году, въ Преображенскую канцелярію, при прочихъ наложенныхъ на мене клеветахъ, я отвѣтствовалъ, и въ имяномъ блаженныя и вѣчнодостойныя памяти ея императорскаго величества указѣ, каковъ въ прошломъ же году по моихъ отвѣтахъ въ оную канцелярію прислань, таковаго за проданный жемчугъ платежа на мене не положено. Сіе отвѣтомъ предложивъ, пропу милосердаго вашего величества ко мнѣ рабу и богомольцу твоему призрѣнія, дабы онаго долга весьма несущаго на мнѣ не правлено». Двѣсти рублей составляли не большую сумму для Оеофана, имѣвшаго огромные доходы. Но дѣло было не въ деньгахъ, а въ штрафѣ, въ томъ нравственномъ униженіи, какому его подвергли, заставляя уплачивать деньги.

Начались приготовленія къ коронаціи. 10 октября обнародованъ манифестъ, что коронація будетъ въ январѣ слѣдующаго года. Манифестъ этотъ сочиненъ былъ Оеофаномъ [1]). Дворъ собирался въ Москву [2]). 9-го ноября коломенскій митрополитъ Игнатій объявилъ въ Сунодѣ указъ В. Т. Совѣта, чтобъ сунодаль-

---

[1]) Протоколы В. Т. С. въ Чтеніяхъ 1858 г., кн. III. стр. 67.

[2]) Оеофану съ Оеофилактомъ велѣно было изъ Верховнаго Тайнаго Совѣта, къ назначенному входу въ Москву, сочинить эмблеммы на тріумфальныя ворота во славу коронаціи его величества. Въ октябрѣ они представили проэкты рисунковъ и надписей на нихъ, и просили послать въ Москву живописца и архитектора къ управленію столярнаго и плотничьяго дѣла. По указу В. Т. Совѣта Канцелярія отъ строеній рекомендовала П. М. Еропкина.

нымъ членамъ быть въ В. Т. Совѣтѣ для разсужденія, кого взять въ Москву къ коронаціи. На другой же день послѣ этого объявленія состоялся указъ В. Т. Совѣта, чтобы печатать книгу *Камень вѣры*, «засвидѣтельствованную и подписанную тверскимъ архіепископомъ, Ѳеофилактомъ Лопатинскимъ». Изъ этого можно догадываться, что, кромѣ Ѳеофилакта, и Игнатій *принималъ участіе* въ изданіи Камня вѣры. Не онъ ли и выпросилъ у В. Т. Совѣта позволеніе напечатать его?

Въ духовномъ кругу, по поводу этихъ церемоній, разыгрывались въ эту пору самыя смѣлыя мечты. Любимой темой этихъ воздушныхъ построеній было патріаршество. Это было pium desiderium всѣхъ приверженцевъ старины, потерянный рай, утраченный золотой вѣкъ для монашества. И чѣмъ грустнѣе, печальнѣе была потеря, уничтоженіе этого званія: тѣмъ пріятнѣе и живительнѣе была надежда на его возстановленіе.

Ѳеофанъ не думалъ и не могъ думать о патріаршествѣ, потому что всѣмъ существомъ слился съ новою формою правительства духовнаго. Для него невозможенъ былъ возвратъ къ старинѣ. Молва назначала въ кандидаты на патріаршество Ѳеофилакта и Дашкова. Но первый не обнаруживалъ ни искательности, ни честолюбія, и держался въ сторонѣ. Онъ не чуждался идеи возстановленія патріаршества, но не старался обратить ее въ свою пользу.

Тѣмъ съ большею энергіею взялся за нее Дашковъ. Онъ смотрѣлъ на нее не съ церковной и общественной, а съ личной точки зрѣнія. Для него было все равно, чему ни быть — Синоду или патріарху, только бы ему быть первымъ. Но какъ патріаршество безусловно возвышало его надъ всѣмъ духовенствомъ и давало чрезвычайный авторитетъ въ Церкви и государствѣ, а съ другой стороны, при синодальномъ управленіи, трудно было обойти Ѳеофана: то Дашковъ и взялся за возстановленіе патріаршества[1]) и задаривалъ сильныхъ вельможъ въ свою поль-

---

[1]) «Хотя патріархъ въ Россіи навсегда уничтоженъ — писалъ протоіерей московскаго архангельскаго собора Алексѣевъ въ *извѣстномъ* письмѣ къ Императору Павлу — однако послѣ были отъ нѣкіихъ архіереевъ покушенія, чтобъ

зу [1]). Мы упомянули уже о томъ, что Верховный Тайный Совѣтъ освободилъ изъ подъ ареста Родышевскаго и послалъ въ невскій монастырь. Это была предусмотрительность Дашкова. Онъ понималъ, что Ѳеофанъ есть представитель понятій и образа дѣйствій, которыя теперь подверглись опалѣ; но, въ этой области, не могъ бороться съ нимъ, потому что не имѣлъ богословской учености. Онъ вспомнилъ о Маркеллѣ, вывелъ его изъ крѣпости и употребилъ его орудіемъ для нападенія на Ѳеофана.

Это не новая связь: Родышевскій и прежде былъ орудіемъ Дашкова. Дашковъ перемапилъ его къ себѣ отъ Ѳеофана и пользовался его услугами противъ Ѳеофана еще при Екатеринѣ, но безъ успѣха. Теперь, съ перемѣною лицъ, времени, обстоятельствъ, онъ опять пустилъ въ ходъ Родышевскаго.

Родышевскому иногда наскучивала его постыдная роль. Въ интимныхъ бесѣдахъ съ близкими людьми онъ говаривалъ, что готовъ на колѣнахъ ползти къ Ѳеофану, признаться во всемъ и вымаливать у него прощеніе, да *командиръ* его запрещаетъ ему: «только сознайся, — все на тебя обрушится». Ѳеофанъ зналъ и видѣлъ все это, но молчалъ, потому что ничего нельзя было сдѣлать.

Предъ самой коронаціей Дашковъ, съ ловкостію дипломата, пустилъ въ ходъ стратагему противъ Ѳеофана, разумѣется съ помощію Маркелла. Поводомъ къ нападенію послужили книги, напечатанныя въ закрытой уже, по распоряженію Верховнаго Тайнаго

паки возстановить санъ патріаршій; а именно ростовскій Георгій Дашковъ, въ царствованіе императора Петра II-го, добивался въ патріархи и, по его происканъ, изъ Верховнаго Совѣта посланъ былъ запросъ въ святѣйшій Сѵнодъ такого содержанія: можно ли въ нынѣшнее время быть въ россійской церкви патріарху? На который запросъ отвѣтствовано изъ Сѵнода: не можно и подкрѣплено сіе отрицаніе важными резонами, тогдашнимъ сѵнодальнымъ членомъ Ѳеофаномъ, архіепископомъ новгородскимъ, сочиненными. Почему высокомѣрное Дашкова предпріятіе осталось безъ успѣха». (Русск. арх. 1863 г. стр. 705—706). Это показываетъ, что о покушеніи Дашкова возстановить патріаршество знали еще въ концѣ прошлаго столѣтія. Но что касается до упомянутаго въ письмѣ запроса В. Т. Совѣта Сѵноду: то мы не встрѣтили его ни въ дѣлахъ Сѵнода, ни въ дѣлахъ В. Т. Совѣта.

[1]) Задумчивъ какъ хотѣвшій патріархомъ стати
Когда лошади свои раздарилъ не кстати.
Кантемиръ, Сатира II, стр. 3—4.

Совѣта, невской типографіи, большею частію Ѳеофанова сочиненія, хотя въ протестѣ имени сочинителя не упоминается. Доносчикъ предлагаетъ ни больше ни меньше, какъ — собрать соборъ русскихъ пастырей для разсмотрѣнія этихъ книгъ, развращающихъ церковное ученіе, и для отлученія отъ Церкви того, кто, по изслѣдованіи, явится виновнымъ въ сочиненіи и распространеніи этихъ книгъ.

Мы приведемъ здѣсь сполна это доношеніе Маркелла [1]).

«Понеже вѣра, писалъ онъ, общее и собственное всякаго человѣка добро, и буде кто дерзнетъ вѣру вонпчтожать и ниспровергать, того ради всякъ долженъ ани за свое истое добро вступиться и оборонять оное и поборствовать по немъ добрѣ, не бояся ни изгнанія, ни смерти, хотя самой лютѣйшей, якоже о томъ въ святомъ писаніи имѣемъ собственныя повелѣнія и законы Божія.

«Обрѣтаются у насъ въ Россіи книги, новоизданніи въ разныхъ годѣхъ, начиная отъ 1722 году даже доселѣ, печатанныя въ александро-невскомъ монастырѣ, а именно: О блаженствахъ Христовыхъ, — кривотолковія О обливаніи, — Букварь съ десятословіемъ и прочіи печатніи поученія; а чіи таковіи книги суть и коего издателя и творца, того не положено имени. Да дерзнено тамъ же превысочайшимъ высокославныя и вѣчныя памяти достойнаго императора Петра Великаго ствердить оніи свои книжицы указомъ и таковымъ своимъ предлогомъ имя его опорочить преславное. А въ тыхъ книжицахъ прямыхъ много есть лютеранскихъ и кальвинскихъ ученій. И отъ вселенскихъ патріарховъ, ниже отъ всероссійскихъ архіереевъ и учителей православныхъ, не засвидѣтельствованы. И таковымъ книгамъ велѣно указомъ обучатися и въ церквахъ ихъ велѣно читать и ставленникомъ напзусть изучатися и прочимъ школьникамъ, гдѣ-нибудь школки есть въ Россіи по епархіямъ и монастырямъ. А симъ ученіемъ многіе могутъ кальвинскою и лютеранскою ересью и отъ Церкви святой отпасти, и тотъ грѣхъ претяжкій падетъ не только на церковныхъ властелинахъ, о томъ подлинно и извѣстно вѣдущихъ, но не брегущихъ о общемъ семъ и совершенномъ всѣхъ добрѣ; но и на тыхъ на-

[1]) Маркеллъ подалъ это доношеніе въ Верховный Тайный Совѣтъ.

детъ же, которіи вѣдаютъ подлинно разореніе общаго добра, еже есть вѣры святой, но недоносятъ, ни обличаютъ и изъявляютъ злая ученія и злохитрая злоковарныхъ учителей».

«Я членъ сый православной восточной вѣры и участникъ того же общаго добра, отъ чтенія увѣдавъ и познавъ великую быти въ тѣхъ вышеозначенныхъ книгахъ кальвинскую и лютерскую ересь, и убоявся страшнаго суда Божія и прещенія Господина сего: *рабъ вѣдый волю господина своего и не творяй ю* (аки бы рекъ: вѣдый о ересяхъ, но не изобличаяй оныхъ) *біенъ будетъ много*. Да не убо и я о семъ увѣдавый истязанъ буду много: того ради возраженіе краткое на оныя книжицы написавъ, Верховному Тайному Совѣту по должности моей, понеже и я участникъ православія и членъ общаго онаго добра, еже есть вѣра (чтобъ мнѣ не сказано: что тебѣ до того дѣла) совѣстію извѣщаю и доношу съ возраженіемъ, до благоволитъ милостивно приказать оныя книги вси, которыя показаны выше, собрать и, повелѣвъ собору, собранному въ Россіи отъ пастырей и учителей прямыхъ и православныхъ архіереевъ, освидѣтельствовать и потомъ, по засвидѣтельствованіи, книги оныя отъ Церкви святой отрицуть и того, кто писать и вноситъ въ Церковь таковіи соблазны дерзнулъ, соборнѣ отъ общества церковнаго отлучить, дабы Церковь учителми таковыми и ученіями не повреждалася. Вашему императорскому величеству о семъ всепокорно и праведно доноситъ нижайшій рабъ и богомолецъ архимандритъ Маркеллъ 1727 г. декабря 11 [1])».

Ѳеофанъ, повсюду имѣвшій своихъ агентовъ и доносчиковъ, провѣдалъ объ этомъ доношеніи и, прежде чѣмъ оно пошло въ ходъ оффиціальнымъ путемъ, представилъ его въ Сунодъ, какъ возмутительное сочиненіе, направленное не только противъ его чести, но и противъ св. Сунода, высочайшей власти и государственнаго спокойствія.

«Дошло до рукъ моихъ нѣкое черпца Маркелла, бывшаго ар-

---

[1]) «Буде этимъ книгамъ въ Церкви быть—писалъ Родышевскій въ «Доказательствахъ на Ѳеофана», поданныхъ въ Кабинетъ въ слѣдующее царствованіе — то уже отставить конче треба Миней-Четьи, Пролога, мѣсячныя Миней, Камень вѣры, Пращицу, Златоустаго, Ѳеофилакта, Василія, Бесѣды апостольскія и инныя книги».

химандрита юрьевскаго, письмишко (каковаго при семъ прилагаю копію), въ которомъ оный безбожною совѣстію книжицы: Толкованіе о блаженствахъ, Букварь съ десятословіемъ и О поливательномъ крещеніи, и нѣкія напечатанныя, неименно, поученія, порочитъ, аки бы ересей многихъ полныя; а письмо свое надписуетъ доношеніемъ Верховному Тайному Совѣту. И понеже оный безбожникъ, терзая всезлобно честь мою, хотя неименно, явно поноситъ и св. Сунодъ, и вредныя Церкви и государству плевелы сѣетъ, того ради усмотрѣвъ я, коликая и коль вредная безбожникъ оной въ письмѣ томъ изблевалъ пестовства, св. Суноду въ слѣдующихъ пунктахъ предлагаю».

«Пишетъ, что въ книжицахъ оныхъ многія суть лютерскія и кальвинскія ереси, въ чемъ и безуміе свое, и на всѣхъ россійскихъ духовныхъ и мірскихъ властей, паче же и на высочайшую честь монаршую, злодерзостное являетъ поношеніе. Безумецъ есть, понеже невѣдая отнюдь ученія богословскаго (или такъ оное вѣдая, какъ вѣдаетъ и прочая), показать хощетъ лютерскія и кальвинскія ереси, глупый невѣжа. Явѣ же и всѣхъ въ Россіи властей поноситъ и безуміемъ, самъ сый пребезумнѣйшій, порицаетъ: понеже бо оные книги по указу государеву, благословеніемъ св. Сунода, печатаны не единократно и по всей Россіи умножены, а доселѣ никто въ книгахъ оныхъ никакой ереси не усмотрилъ, ни архіереи, ни гражданскіе искусніи управители, ниже самъ блаженныя и вѣчнодостойныя памяти Петръ Великій: то кто не видитъ, какъ безстудный онъ всѣхъ потчуетъ, и какова себе предъ всѣми, и каковыхъ всѣхъ предъ собою быти разумѣетъ, когда никто ничего доселѣ въ оныхъ книжицахъ противнаго не усмотрѣлъ, въ которыхъ онъ не нѣкія, но многія ереси видитъ. Но и самъ онъ, многоочитый зритель, не вѣдаю, какъ то доселѣ ничего того не видѣлъ: не только бо о семъ не протестовалъ, но и многихъ ставленниковъ, умѣетъ ли толкованіе заповѣдей и блаженствъ по помянутымъ книжицамъ, свидѣтельствовалъ. А нынѣ, когда въ святотатствіи и мятежесловіи своемъ сталъ обличенъ, толь проницательной мудрости научился. Мнѣ же нѣтъ сумнѣнія, что, глупецъ сей, таковое объученіи своемъ въ школахъ относитъ мнѣніе: вси-де вѣдаютъ, что и я въ школахъ латинскихъ учился, а не вѣдаютъ, есть ли каковое разстояніе между тамо ученымъ. И по-

тому-де мощно мнѣ смѣло плевелы, на кого хотѣть, сѣять, ибо помыслятъ, что я богословъ, и могутъ къ вѣроятію склониться. И таковымъ помысломъ чествуя народъ россійскій, а себе безбожіемъ утверждая, таковая дерзость, не разсуждая того, что онъ и въ числѣ малоученыхъ есть, яко воровская полушка».

«Пишетъ пререкая, что дерзнено превысочайшымъ высокославныя памяти и вѣчныя достойнаго Императора Петра Великаго ствердить оные книжицы указомъ, и таковымъ своимъ подлогомъ имя его опорочить преславное. Въ которомъ своемъ злорѣчіи не одну ложь, но и не просто ложь, но плевелы и клеветы мятежные заключилъ. А именно первое: Сѵнодъ весь какъ ересію, такъ и смерти достойнымъ дерзновеніемъ, яко дерзнувшій порочить имя преславное Петра Великаго оклеветуетъ, понеже знаетъ онъ, что никто единъ отъ насъ, по уставленіи Сѵнода, ни книжицы, ни поученія своего, собою печатать не велѣлъ и велѣть не могъ, но сіе дѣлалось Сѵнодомъ. Второе: понеже вси правительства, приговоры своя указомъ государевымъ царицаютъ, что самое дѣлаютъ по указу же государеву; то, хотя бы иногда нѣчто погрѣшительное отъ поползновенія человѣческаго въ таковыхъ приговорѣхъ явилося, то послѣ усмотрѣнное исправляется, а въ безчестіе Государю не вмѣняется; а сей клеветникъ по мудрованію своему, не токмо Сѵноду, но и всѣмъ прочимъ правительствамъ готовъ есть безчестія государева вину наносить. Третіе: собственно же, сочиненные поученія и книжицы тіи только печатаны, которые блаженныя и вѣчнодостойныя памяти самъ Императоръ слышалъ, или челъ и печатать указалъ, что всѣмъ есть извѣстно. Собственнѣе еще, книжицу о толкованіи заповѣдей и сѵмвола вѣры и молитвы Господней, самъ его величество сочинить и сочиненную напечатать велѣлъ въ ученіе отроковъ россійскихъ; но и своихъ дѣтей дражайшихъ — внучка, нынѣ благословенно царствующаго Государя нашего милостивѣйшаго, и внучку — ея высочество, государыню нашу Наталію Алексіевну и дочерей — ихъ высочество царевенъ по оной книжицѣ учить приказалъ, и учено. Книжицу же *О блаженствахъ* не токмо самъ его величество сочинить указалъ, но и прочетъ сочиненную, прислалъ въ Сѵнодъ саморучную свою апробацію въ сихъ словахъ: «книгу о блаженствахъ всю челъ, которая зѣло изрядна и прямый путь христіанскій».

(Въ письмѣ его величества іюля 13-го дня 1722 г.). Четвертое: опять клеветникъ всѣхъ въ Россіи духовныхъ и мірскихъ порицаетъ или грубымъ невѣжествомъ, понеже никто не вѣдалъ, что печатаніе оныхъ книжицъ подложно дѣлано къ безчестію имени Петра Великаго; или невѣрностію къ Государю своему поноситъ, понеже никто во всей Россіи доселѣ не явился, кто бы таковое подложное и дерзкое имени государева безчестіе обличилъ. Пятое: если же вѣдалъ клеветникъ сей, что все то печатано по имяннымъ указамъ государевымъ, то надлежало бы ему справиться, а не дерзать говорить, чего самъ не вѣдалъ. Нынѣ же, по семъ обличеніи, что скажетъ, какъ и чимъ дерзновеніе свое выправитъ, чтожъ и кое мнѣніе свое произнесетъ и о самомъ блаженныя и вѣчнодостойныя памяти Императорѣ, который оныя книжицы и апробовалъ и печатать, и по нихъ и дражайшихъ дѣтей своихъ учить велѣлъ? Если же вѣдалъ Маркеллъ о вышепомянутомъ, то не токмо Синодъ и всѣхъ прочихъ духовныхъ и мірскихъ, но и самаго его величество Петра Великаго, злодерзостнымъ хуленіемъ явственно обноситъ. Но кто и подумать можетъ, чтобъ онъ того не вѣдалъ, видя оные книжицы не единократно печатаемые, и вездѣ чтомые, и учимые и при животѣ и по преставленіи государевомъ, больше шести лѣтъ? Но сіе будто чести государевой охраненіе написалъ для того, дабы, когда сказано ему будетъ, что печатано по указу государеву, могъ бы отговариватся, что о томъ не вѣдалъ. Но, самымъ таковымъ лукавства своего укрывательствомъ, явно оное открываетъ. Не сумнюся же, что онъ и порокъ тако наноситъ на имя Петра Великаго, помышляя въ себѣ: я-де будто не вѣдаю, что Государь печатать велѣлъ, и аки бы честь его заступаю, а другіе вѣдущіи иное нѣчто подумаютъ. И есть ему окаянному къ таковой злобѣ причина, понеже блаженныя и вѣчнодостойныя памяти Императоръ, слышавъ его богопротивныя предики, указалъ впредь ему не допускать говорить. *Можетъ же быть и по чіему совѣту сіе написалъ*».

«Между книжицами, которые ересію порицаетъ, положилъ дуракъ и книжицу *О поливательномъ крещеніи*. Сіе дѣлаетъ къ мятежу простаго народа, и весьма не надѣюсь, дабы сіе отъ себе самаго производилъ. Но какъ онъ въ семъ обезумѣлся, весьма слѣпъ есть, кто не видитъ? Ибо самъ онъ не поливательнымъ ли креще-

піемъ крещенъ; и того ради, по самаго его приговору, не есть онъ священникъ, не монахъ и не христіанинъ, понеже и не крещенъ. Еще же, если, по его мнѣнію, крещеніе поливальное не важно, то первое, во всей Малой обоихъ сторонъ Днѣпра Россіи, такожъ и въ державѣ польской, и архіереи и священники, и народъ весь православный не суть то, что суть, понеже неважнымъ крещеніемъ крещены; а однакоже и съ давныхъ лѣтъ все оныхъ греческаго исповѣданія народовъ сословіе благочестивые монархи россійстіи, такожъ и патріархи и прочіи пастыріе, имѣли за братію свою и яко братію заступали, и приходящихъ въ сообщеніе святыхъ Таинъ принимали, и въ чинъ архіерейскій производили. Но и еще отъ безумнаго мятежника сего буесловія слѣдуетъ, что нынѣ и во всей Великой Россіи, вси архіереи не суть архіереи, понеже посвящены въ санъ архіерейскій отъ архіереевъ некрещеныхъ; а потому и вси почитай священницы не суть священницы, понеже не отъ архіереевъ поставлены».

«Пишетъ же прекая, что книжицы оные ниже отъ вселенскихъ патріарховъ, ниже отъ всероссійскихъ архіереевъ и учителей православныхъ не засвидѣтельствованы. Будто всякая книга, которыхъ издревле въ Россіи сочинено и напечатано многое число, посылана была къ патріархамъ или ко всѣмъ архіереямъ россійскимъ для засвидѣтельствованія? А особно учителей православныхъ, которыхъ онъ мечтаетъ, не вѣдаю, развѣ нѣкіихъ себѣ подобныхъ. Да и лжетъ, что оные книжицы не засвидѣтельствованы; ибо кромѣ великаго свидѣтельства Петра Великаго, которое едино довольно есть, не порочилъ книжицъ оныхъ ни единъ какъ изъ synodальныхъ, такъ же и изъ прочихъ архіереовъ и архимандритовъ и учителей россійскихъ, и никто не протестовалъ на оные, но принято, и по нихъ учено и учатъ отроковъ: и то есть славное свидѣтельство; но клеветнику сему нужда злоба, и простыхъ сердецъ смущеніе, чего ради все, что ни придетъ ему на умъ, безъ совѣсти и безъ стыда, изблеваетъ».

«Оставляя же и еще нѣкія его написанныя молвы и каверзы, предлагаю, что̀ напослѣдокъ доноситъ и чего требовать изволитъ. Говоритъ, что онъ на книжицы оныя краткое возраженіе написалъ: требуетъ же, дабы Верховный Тайный Совѣтъ приказалъ всѣ оные книги собрать и повелѣлъ бы собору въ Россіи отъ па-

стырей и учителей прямыхъ и истинныхъ засвидѣтельствовать и, по засвидѣтельствованіи, и книги оные отъ Церкви отринуть, и того, кто писать и вносить въ Церковь таковые соблазны дерзнулъ, соборнѣ отъ общества церковнаго отлучить. Сія если отъ своего мозга произносить, то не дивно: природной птицѣ голосокъ; *если же по чужей дудѣ тысно пость, то мощно знать, каковый и дударь его.* Кто бо не видитъ, какъ въ сихъ словахъ клеветника безумное купно, да и вредное мятежословіе является. Имѣетъ возраженіе краткое на книжицы: Букварь, о блаженствахъ, о обличеніи и еще (какъ сказуетъ) и прочіи, и на поученія печатныя, и въ нихъ по его извѣту многіе ереси: какъ же быть на сія краткому возраженію? Сіе, отъ мене являемое, письмишко его краткое есть: а изобличенія ему кратко составить не возмогъ я. Да можетъ быть, что онъ, яко преславный мудрецъ, и не во многихъ словахъ толикую покажетъ силу, что мы и дознаться не можемъ. Требуя же собора всероссійскаго, требуетъ, дабы и учители были тамо прямые и истинные: и тѣмъ являетъ, что суть нѣкіи и не прямые и неистинные въ Россіи учители: кто же сихъ отъ оныхъ различитъ, развѣ онъ самъ? И видѣть мощно, куды дѣло идетъ. Еще требуетъ, дабы, по освидѣтельствованіи оныхъ книжицъ, и книги отринуты были, и сочинитель ихъ отъ общества церковнаго былъ отлученъ. Чудо! Еще не вѣдаетъ, каковое будетъ книжицъ тѣхъ свидѣтельствованіе, похвальное ли, или охуждающее: а уже и книгъ отверженія и писателева отлученія проситъ: вельми немилосердно. Не на единаго же писателя ищетъ толикаго осуждения, но и на тѣхъ, которыи дерзнули сія въ Церковь вносить: какъ и въ прежнихъ словахъ своихъ на тѣхъ наступаетъ, которые дерзнули печатать поминаемые отъ него книжицы. А внесъ оныя въ Церковь его величество высокославныя памяти Петръ Великій и, по его указу, святѣйшій Сунодъ и вси россійстіи архіереи».

«Сія же толь безсовѣстныя и дерзостныя Маркелловы подметы объявляя, не о моемъ безчестіи, и не о его собственномъ на мене весьма іудиномъ посягательствѣ некуся, вѣдый извѣстно, что честному человѣку отъ таковыхъ бездѣльниковъ поносиму быть, вси любомудріи и благоразсудные ставятъ въ великую похвалу, и отнюдь моего не ищу ничего, но предаю Судящему сердца человѣческая: Той и злодѣю сему, *и его сковникомъ, наустителемъ и*

потатчикомъ, за укорепіе мое, грѣшнаго, но вѣрнаго истины Его служителя, воздать неукоснитъ».

«Но, понуждаемый совѣстію долженства моего къ сохранепію единства Церкви Христовой, такожъ и всего государства, да небуду безотвѣтенъ на судѣ Божіи, внушаю святѣйшему Суноду и прилежно разсудить молю, коль вредныя и Церкви и государству плевосѣянія мещутся отъ сего мятежника. Мощно знать, какъ бѣсноватый человѣкъ сей! Видно, кромѣ другихъ его злоправій и злодѣяній, и отъ сего письмишка его, что сущій есть атеистъ; котораго же отъ него добра надѣяться, но и котораго не надѣяться зла? Не лучшіи отъ него были Аввакумы съ товарищи, которые сдѣлали расколъ безчисленнымъ душамъ пагубный и того ради вельми плачевный, но тотъ же расколъ и народу россійскому нестерпимое стыдѣніе приносящій, яко неслыханнаго безумія исполненный. А сей плевосѣятель и превосходитъ оныхъ лжеучителей въ томъ, что хотя и весьма грубый и непаученный есть, и свѣта ученій, по природной своей тупости, достать отнюдь не могъ и не можетъ, но попеже слышится, что онъ въ училищахъ былъ и самъ безстудно о томъ хвалится, можетъ у простыхъ получить о себѣ мнѣніе высокаго мудреца, яко Саулъ между пророками: и потому могутъ невѣжи удивиться расказамъ его. Отъ сего что воспослѣдствовать можетъ, нетрудно познавать. Ктому же и дерзкій есть поганецъ, и непрестанно, какъ отъ многихъ слышимъ, вездѣ суется и незаконнымъ путемъ поступаетъ: каковое бо, напримѣръ, дѣло его, что, сочиня доношеніе въ Верховный Тайный Совѣтъ, приватнымъ людямъ по рукамъ раздаетъ: и сія его шаткость подаетъ вину великаго оберегательства. И не началась ли уже пѣкая отъ него воровская факція? Попеже слышу, что службу отъ него сочиненную, надѣюся великаго смѣха достойную, дерзнули пѣть въ соборѣ троицкомъ или гдѣ въ иномъ мѣстѣ, безъ вѣдома сунодальнаго. Наконецъ и то св. Суноду внушаю, что хотя мятежесловъ Маркеллъ есть и дерзокъ и шатокъ, и безстудной и безсовѣстный: однакоже отнюдь, по моему разсужденію, не отважился бы собою таковая дѣйствовать, но *нѣкто единъ, или нѣкіи суть, которыи для интересовъ своихъ, имъ душепагубныхъ, Церкви же и государству зловредительныхъ, сего злодѣя употребляютъ къ таковому возмущенію,*

и его въ продерзостяхъ безпечальна творятъ и великими обѣщаньми дурака обнадеживаютъ. Декабря 4-го 1727 г.»

Яснѣе этого намека ничего быть не можетъ. Только что имени Дашкова не названо. Ѳеофанъ вызывалъ его на открытую борьбу. Противникъ прятался, прикрывшись незнаніемъ этого дѣла: но Ѳеофанъ этимъ не удовлетворялся. Онъ теперь понималъ свою силу. Съ паденіемъ Меншикова, Дашковъ и Игнатій отошли на задній планъ [1]).

На другой же день, послѣ Ѳеофанова предложенія, Сѵнодъ приказалъ усилить строгость надзора за Родышевскимъ, содержать его подъ крѣпкимъ арестомъ неисходно. Монастырское начальство представило, что въ монастырѣ нѣтъ крѣпкаго мѣста и что отставные солдаты не могутъ понести исправно карауловъ, и просило взять его, для осторожнѣйшаго содержанія, въ Сѵнодъ или въ другое мѣсто, куда Сѵнодъ повелитъ. Сѵнодъ остался при прежнемъ опредѣленіи.

Дашковъ прятался, а Ѳеофанъ вытаскивалъ его — волей не волей — на борьбу. 20-го Декабря онъ подалъ въ Сѵнодъ новое доношеніе съ прямымъ вызовомъ Дашкова.

Изъ Ѳеофановыхъ служителей одинъ былъ въ невскомъ монастырѣ и разговаривалъ съ Маркелломъ; а другой, бѣжавшій изъ его дома, находился въ услуженіи у Маркелла. Ѳеофанъ велѣлъ арестовать ихъ и допросить. Арестованные показали свои разговоры съ Маркелломъ и, между прочимъ, объявили, будто Маркеллъ говорилъ: «я радъ и желаю покориться его преосвященству и плачучи говорилъ: пошелъ бы де я на колѣняхъ до дому его архіерейства изъ невскаго монастыря, только бъ меня во всей моей винѣ простилъ; *да не велитъ мнѣ вышняя моя власть— преосвященный ростовскій, который вскорѣ будетъ патріархомъ, да превысокіе мои господа и милостивцы, на которыхъ и надѣюсь.* Да и объявилъ де я на предъ сего прошеніе о прощеніи преосвященному ростовскому и его архіерейство, читавъ, сказалъ: Мар-

---

[1]) «Преосвященные Георгій и Игнатій были, невѣдомо для нихъ, содержаны подъ строгимъ смотрѣніемъ «Остерманвской партіи», потому что они оба открыто показывали нелюбовь свою къ царевнамъ дома Іоанновa». *К. Арсеньевъ*, Царствованіе Петра II. Спб. 1839 г., стр. 67.

келлъ, какъ де ты подашь сіе прошеніе, то во всей винѣ самъ останешься. Хотѣлось бы мнѣ ѣхать къ Москвѣ — прибавлялъ Маркеллъ — милостивые господа мои обѣщали не оставить меня, да вотъ посадили подъ караулъ, а за что — Богъ знаетъ».

Сѵнодъ ужъ оканчивалъ свои засѣданія въ С.-Петербургѣ, а потому положено было и доношеніе Ѳеофана доложить по прибытіи въ Москву, при первомъ собраніи Сѵнода, не отложно [1]).

Дворъ отправился въ Москву 8-го января 1728 года. Ѳеофанъ встрѣчалъ Государя въ Новгородѣ и потомъ, вслѣдъ за нимъ, отправился въ Москву, гдѣ, при встрѣчѣ Государя у тріумфальныхъ воротъ, сказалъ ему привѣтственную рѣчь. Для Дашкова настала рѣшительная минута дѣйствовать. Быть или не быть патріархомъ — вотъ въ чемъ вопросъ. Какъ онъ расположилъ умы верховниковъ въ свою пользу, можно судить по тому, что даже Ѳеофанъ не сомнѣвался больше въ его патріаршествѣ. Нужно было сдѣлать противнику еще ударъ-другой. И вотъ 13-го января убѣжалъ изъ невскаго монастыря Маркеллъ, оставивши по себѣ записку, что уѣхалъ въ Москву.

Ѳеофанъ предвидѣлъ это и, предъ отъѣздомъ изъ С.-Петербурга, на крѣпко приказывалъ невскому архимандриту не пускать его никуда безъ сѵнодскаго указа. Предчувствіе его сбылось.

Въ письмѣ Родышевскій больше оправдывалъ архимандрита, нежели самъ оправдывался. «За превеликую ко мнѣ бѣдному вашего преподобія милость явленную зѣло благодарствую. А понеже получилъ я именный его величества словесный указъ — ѣхать мнѣ, по моей челобитной, въ Москву: того ради и поѣду прямо, и гнать за мною не для чего, понеже въ лицо, а не отъ лица, ѣду, и не ухожу, только отъ бѣдъ избавляюся. Ктому не собственный нѣкакій имѣю интересъ явитися ея величеству, всепресвѣтлѣйшей Государынѣ, Императрицѣ Евдокіи Ѳеодоровнѣ. А паче всего, понеже здѣшній монастырь отвсюду простъ и не загражденъ, того ради бояся, чтобъ и я такъ напрасно не пропалъ, какъ малый мой разбойнически утащенъ изъ монастыря и не вѣдать доселѣ, гдѣ подѣлся. А паипаче, какъ ваша святыня уѣдетъ

[1]) На время отбытія Сѵнода въ Москву, въ С.-Петербургъ вызванъ былъ нижегородскій архіепископъ Питиримъ и исправлялъ чреду до 1729 года. Въ 1729 году вызванъ былъ суздальскій епископъ Іоакимъ.

въ Москву, а беречь меня не кому, а который при мнѣ солдатъ караульный есть, и тому чтобъ чего не сдѣлано. Того ради, для означенныхъ прямыхъ винъ, не ухожу изъ монастыря, но, по указу, ѣду — буди вашему преподобію извѣстно, и бѣглымъ меня гласить не за что и поносить не для чего. О чемъ всепокорно доношу вашей святынѣ. А вещицы мои, которыя остаются здѣсь, прошу взять съ росписки въ казну. Да господина профессора двѣ книги греко-латинскія остаются, прошу его милости отдать: одна Аоанасія Великаго въ десть, а другая — Compendium theologiae въ полдесть. Да всепокорно прошу солдата не истязать за меня, понеже я, какъ онъ спалъ, поѣхалъ».

Архимандрита не было въ С.-Петербургѣ. Намѣстникъ Веніаминъ Фальковскій (къ слову сказать—онъ тоже былъ кліентъ Дашкова и дружилъ съ Маркелломъ) донесъ о побѣгѣ его с.-петербургской канцеляріи св Сунода, а канцелярія — въ Москву, гдѣ находился Сунодъ.

Въ Москвѣ, въ одномъ изъ первыхъ собраній Сунода, доложены были всѣ бумаги по дѣлу Родышевскаго: сданное изъ Верховнаго Тайнаго Совѣта доношеніе его о книгахъ, печатанныхъ въ невской типографіи, — доношеніе Феофана, — изъ невскаго монастыря бумаги о уходѣ Маркелла въ Москву. Но такъ какъ въ Сунодѣ сидѣлъ защитникъ Родышевскаго Дашковъ, то Феофанъ счелъ обязанностію устранить его отъ совѣщаній и распоряженій по этому дѣлу, «понеже по допроснымъ рѣчамъ того Родышевскаго собесѣдниковъ показуется, что Родышевскаго затѣйкамъ есть сообщникъ и помощникъ оный Георгій, что̀ утверждается и изъ поданнаго ему, новгородскому архіепископу, Маркеллова въ Москвѣ письмишка, сгожъ Маркелловой рукою писаннаго». Сунодъ долженъ былъ признать справедливость этого требованія и положилъ (15-го февраля), чтобы Георгію, при собраніи св. Сунода во время слушанія этого дѣла, присутствія не имѣть.

О Родышевскомъ сначала не знали, гдѣ онъ укрывается; но когда узнали, то послали изъ Сунода взять его къ допросу. Неизвѣстно, какія инструкціи даны были суподскимъ служителямъ; но Родышевскій описываетъ ихъ пегими разбойниками. «Пріѣхавши въ Москву, — пишетъ онъ, — сталъ я на квартирѣ, въ приходѣ

церкви Ильи пророка, у генерала Корчмина. А февраля 11-го наѣхали Ѳеофановы слуги (почему же Ѳеофановы?) человѣкъ съ десять, и били меня смертнымъ боемъ по головѣ палкою и топунками, и драли за волосы и вытащили изъ хоромъ, бросили въ сани и положили ницъ, и сѣли на меня человѣка съ четыре, и въ тѣхъ саняхъ били топунками и едва не удушили и привезли въ Сунодъ, и въ Сунодѣ сковали».

Въ Сунодѣ онъ держалъ себя спокойно до того дня, какъ Георгія устрашили отъ присутствія по его дѣлу. Но въ этотъ же день, 15-го февраля, Маркеллъ объявилъ за собой государево слово и переведенъ былъ въ Преображенскую канцелярію.

Вырвавши изъ Ѳеофановыхъ рукъ Маркелла, Дашковъ (потому что, безъ сомнѣнія, онъ заправлялъ всѣми дѣйствіями Маркелла) подалъ въ Сунодъ протестъ на Ѳеофана, въ которомъ укорялъ его въ противности присяжной и христіанской должности, въ недостаткѣ апостольскаго братолюбія и въ вымыслѣ подложныхъ, воровскихъ, безсовѣстныхъ показаній, приписанныхъ имъ будто собесѣдникамъ Маркелла. Дашковъ заявлялъ, что ему нанесена этимъ немалая обида и требовалъ, чтобы это дѣло разслѣдовано было законнымъ порядкомъ. Сунодъ потребовалъ отъ Ѳеофана, чтобъ онъ представилъ въ Сунодъ Маркеллово письмо и своихъ служителей, сдѣлавшихъ показаніе на Георгія.

Коронація Государя (24-го февраля 1728 года) остановила на время ходъ этого дѣла. Мечты Георгія не сбылись. Коронація обошлась безъ патріарха. Священный обрядъ этотъ совершенъ Ѳеофаномъ, первенствовавшимъ между епископами [1]). Георгій и

---

[1]) «Извѣствую преосвященству вашему — писалъ Ѳеофанъ къ своему викарному, Аарону епископу ладожскому, — что его императорское величество февраля 11-го изволилъ славный свой входъ въ царствующій градъ Москву имѣть чрезъ три врата тріумфальные, и мы, священный чинъ, въ облаченіи встрѣтили его величество у воротъ сунодальныхъ, и привѣтствованъ былъ его величество отъ моего смиренія именемъ всѣхъ духовныхъ; потомъ февраля 25-го совершилася преславная его величества коронація и я, недостойный, сподобился въ великомъ томъ дѣлѣ служить его величеству: одѣяніе императорское и корону, во имя Господне, возложилъ на него, скипетръ и державу вручилъ ему; также, при окончаніи святыя литургіи, муромъ святымъ помазалъ его величество и святыхъ Таинъ причастилъ въ алтарѣ предъ прес-то-

милостивцы его утѣшались тѣмъ, что время терпитъ, и что такого большаго дѣла нельзя сдѣлать вдругъ [2]).

Высматривая положеніе дѣлъ и лицъ, Оеофанъ не торопился исполненіемъ сунодскаго приговора. Наконецъ, 8-го апрѣля, подалъ Маркеллово «письмишко», а о служителяхъ сказалъ, что они никакого поношенія преосвященному ростовскому не нанесли, потому что показывали чужимъ, а не своимъ словомъ, и для того нѣтъ нужды допрашивать ихъ объ этомъ, тѣмъ больше, что Маркелла Родышевскаго нынѣ въ Сунодѣ не имѣется, а Вербицкаго и Тараса (служителей) нельзя допрашивать безъ очной съ нимъ ставки; да и доношеніе объ нихъ подано въ Верховный Тайный Совѣтъ, а резолюція была-ль, ему преосвященному неизвѣстно, и для того прислать оныхъ не смѣетъ». Сунодъ согласился — до присылки Родышевскаго изъ Преображенскаго приказа — не требовать ихъ отъ Θеофана.

Маркеллъ содержался въ Преображенскомъ приказѣ больше года. Новыхъ и важныхъ показаній у него не было и другаго, на его мѣстѣ, давно заслали-бъ въ Каменный или бѣлозерскій монастырь: но у него были милостивцы, которые берегли его на всякій случай. Однакожъ нужно было допросить его по формѣ. Правду сказать, Родышевскій на этотъ разъ дѣйствовалъ не находчиво и неблаговидно. Онъ выступилъ изъ своей роли обличителя Ософана въ церковныхъ противностяхъ и явился доносчикомъ въ самомъ неблаговидномъ смыслѣ этого слова. Вѣрно и онъ ужъ мало надѣялся на патріаршество Дашкова.

Онъ доносилъ, что въ 1724 году архимандритъ Гавріилъ сочинилъ книгу: «Служба о мирѣ съ Швеціей» и въ ней сдѣлалъ великое поношеніе чести царевича Алексѣя Петровича, именно въ слѣ-

---

ломъ, чиномъ и образомъ причащенія священнослужителей. Даждь ему Господи мирное и благолѣпное царствованіе». (Труды кіевск. дух. ак. 1865 года, стр. 544).

[2]) Дашковъ выпросилъ себѣ у Верховнаго Тайнаго Совѣта, изъ сунодальныхъ вотчинъ, село Пушкино съ деревнями въ московскомъ уѣздѣ, село Игнатово и сельцо Сбоево въ дмитровскомъ, и къ томужъ сельцу Игнатову сельцо Клябово въ московскомъ уѣздѣ, со всякими принадлежностями и доходами, пока онъ будетъ въ Сунодѣ. А въ тѣхъ селахъ и деревняхъ отдано 145 дворовъ и наличнаго хлѣба 1050 четв., да посѣяннаго 161 четверть.

дующихъ словахъ: «сердце Авессаломле дѣла отеческія вся возненавидѣвшее и самому ему, отцу своему, смерти желающее».—Да въ «Правдѣ воли монаршей» написано противъ наслѣдствія его императорскаго величества.—Нѣкоторымъ членомъ св. Сунода (имени его не знаетъ) учиненъ указъ въ 1726 году о подметныхъ письмахъ съ поношеніемъ чести царевича.—Здѣсь же, наконецъ, онъ показалъ о побояхъ отъ служителей новгородскаго архіепископа при взятьѣ въ Сунодъ. Тутъ слѣдовать было не чего. Въ мартѣ 1729 г. въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ состоялся указъ: «отослать его въ Симоновъ монастырь и быть ему тамъ не исходно, только въ церковь ходить не запрещать».

За процессомъ церковнымъ, какъ онъ прекратился на нѣкоторое время, начался процессъ денежный. Оеофана преслѣдовалъ еще другой противникъ, о которомъ мы упомянули выше въ дѣлѣ Оеодосія. Это — Посовъ, имѣвшій съ своими прошеніями довольно странную судьбу.

Послѣ смерти Оеодосія, коммиссія, занимавшаяся слѣдованіемъ новгородскихъ дѣлъ, подала Государынѣ докладъ: «не прикажетъ ли она передать все это дѣло новгородскому архіепископу Оеофану, такъ какъ, по имянному указу покойнаго Государя, поручено было ей слѣдовать тѣ дѣла за показанными отъ помянутыхъ доносителей на бывшаго архіерея Оедоса противностями, которыя за нимъ и явились; а теперь на его мѣсто, въ новгородскую епархію, опредѣленъ архіепископъ Оеофанъ, и по тѣмъ дѣламъ на него ничего не показано; а между тѣмъ, до кого по тѣмъ дѣламъ касается, тѣ всѣ имѣются въ его архіерейской епархіи, и всякій счетъ съ бывшими приставниками хлѣбныхъ и денежныхъ сборовъ имѣетъ быть въ его епархіи; а чего ему по дѣламъ тѣмъ въ епархіи учинить невозможно будетъ, о томъ предлагать въ Сунодъ или гдѣ указано будетъ». Государыня утвердила этотъ докладъ, поручивъ коммиссіи передать слѣдованіе по новгородскимъ дѣламъ Оеофану; а чего ему по какимъ дѣламъ учинить будетъ невозможно, о томъ предлагать въ Сунодъ (18-го марта 1726 года [1]). Другимъ указомъ (24-го марта) предписано, какъ посту-

[1]) Кабин. Дѣла, I, № 31, л. 169—171.

нить съ церковной утварью и съ разными золотыми и серебряными вещами, которыя обирали въ новгородскій архіерейскій домъ бывшій архіерей Оедосъ и судья его Андроникъ изъ соборной софійской церкви, изъ ризницы и изъ монастырей [1]). «Что нынѣ изъ тѣхъ вещей, по изслѣдованію дѣла, за продажами и за расходы имѣется на лицо, велите отдать все, что̀ откуды было взято по росписямъ имянно, съ росписками; а изъ серебра, которое есть въ слиткахъ, велите сдѣлать церковные сосуды и роздать въ тѣ монастыри или церкви, откуда то серебро взято или слито, или въ другія бѣдныя церкви и монастыри, гдѣ серебряныхъ сосудовъ не имѣется, съ совѣта новгородскаго архіепископа Ѳеофана. Саккосъ старинной, шитой золотомъ, по бѣлому атласу, съ котораго бывшій архіерей Ѳедосъ съ оплечья, съ рукавовъ и съ подолу, жемчугъ взялъ, велите по прежнему возобновить и сдѣлать на память такъ, какъ былъ, и которыя каменья и жемчугъ и прочія украшенія съ онаго сняты были, то все по прежнему положить, и сдѣлать на немъ, гдѣ прилично, надпись, что сей саккосъ испорченъ былъ бывшимъ архіереемъ Оеодосомъ, а по указу нашему паки возобновленъ [2])».

Носовъ не былъ доволенъ этимъ назначеніемъ, потому что видѣлъ ясно, въ какую сторону потянетъ новый слѣдователь. Случилось такъ, какъ онъ и ожидалъ. Ѳеофанъ защищалъ Андроника и обвинялъ Носова.

Обиженный Носовъ составилъ на высочайшее имя апелляцію, которую и собирался подать въ С.-Петербургѣ. Онъ писалъ, что «опредѣленный на мѣсто Оедоса новый архіепископъ Ѳеофанъ, желая его Носова разорить, а изъ его Ѳедосовыхъ сообщниковъ остраго церквей и монастырей разорителя, бывшаго судью, Андроника и его товарищей освободить,—не давъ тѣхъ дѣлъ въ оном собраніи привести къ окончанію въ коммиссіи,—чрезъ многое свое взысканіе исходатайствовалъ ихъ въ свои руки уже около трехъ лѣтъ, а никакова рѣшенія и до сихъ поръ не учинилъ, да

---

[1]) Опись этихъ вещей приложена къ вѣдѣнію изъ Собранія Сената и Синода въ Кабинетъ ея императорскаго величества 7-го марта 1726 г. (Кабин. Дѣла, II, № 80, л. 38 и слѣд.).

[2]) Кабин. Дѣла, I, № 31, л. 172.

и впредь по тѣмъ дѣламъ справедливаго слѣдованія и рѣшенія отъ него ожидать нельзя. Содержавъ престолъ псковскаго архіерейства и самъ онъ Ѳедосу послѣдовалъ, о чемъ показали на него бывшій той епархіи провинціалъ-инквизиторъ и судія архимандритъ Родышевскій. Какъ ревностный сообщникъ Ѳедоса, исходатайствовавъ изъ собранія высокихъ правительствъ вышеозначенныя дѣла, отдалъ ихъ для слѣдованія самимъ отвѣтчикамъ, отъ которыхъ доканщикамъ въ слѣдованіи чинены превеликія притѣсненія. Явившихся по тѣмъ дѣламъ во многихъ винахъ, вышеупомянутаго Андроника, бывшаго провинціалъ-инквизитора іеродіакона Венедикта Коптева и стрянчаго Матвѣя Качалова исходатайствовалъ къ себѣ изъ подъ караулу, будто бы напрасно арестованныхъ, и изъ нихъ Качалову, вмѣсто слѣдовавшаго ему наказанія, уже награжденіе учинено. По тѣмъ же протестамъ, съ архіерейскаго новгородскаго дому и съ монастырей той епархіи, не считая прочихъ дѣлъ, за одно свободное владѣніе вотчинъ надлежитъ взять въ государственную казну, запущенныхъ бывшимъ княземъ Меншиковымъ за взятки, болѣе 200,000 рублевъ, которыми архіерей и его домовые правители довольствуются сами. Пограбленныя чернцомъ Ѳедосомъ и его сообщниками отъ монастырей и церквей всякія вещи велѣно, именнымъ указомъ, возвратить въ тѣже мѣста по прежнему; но, не смотря на этотъ указъ, многія вещи удержаны, а пограбленныя Ѳедосомъ и ево сообщниками отъ монастырей и церквей наличныя и полученныя отъ продажи пограбленныхъ вещей деньги, вмѣстѣ съ прочими запечатанными капитаномъ Шушерпымъ, едва не всѣ употреблены имъ архіереемъ въ расходъ на непристойные монашеству роскоши, и всякими припасы въ С.-Петербурхъ и Москву забрано съ излишествомъ на сорокъ тысячь рублевъ. И ежели они впредь въ такихъ же безмѣрныхъ роскошахъ дни вѣка сего провождать будутъ, то вскорѣ домъ Премудрости Божіей до конца истощится, и развѣ что довольствовать ихъ будутъ продавая церковныя имѣнія. А вотчинные крестьяне и не родовые бобыли, отъ наложенныхъ на нихъ излишнихъ тягостей и податей, уже и по се время пришли въ скудость и раззореніе».

Съ этимъ прошеніемъ Носовъ въ 1727 году хотѣлъ ѣхать въ С.-Петербургъ; но Андроникъ съ товарищами, провѣдавъ о

его намѣреніи и согласясь съ жившимъ у Ѳеофана іеродіакономъ Адамомъ, съ которымъ имѣли всегдашнюю компанію, не дали ему исполнить этого. «22-го ноября 1727 г.—показывалъ Носовъ—въ бытность въ софійскомъ домѣ, сталъ онъ укорять Адама тѣмъ, что тотъ водитъ компанію съ Андроникомъ и его товарищами. Адамъ напалъ на него за это со множествомъ служителей, билъ и мучилъ его Носова безчеловѣчно, отчего онъ тогда былъ въ опасности жизни. Чтобы избавиться отъ побоевъ и, вмѣстѣ, чтобы по напрасномъ его убіеніи слѣдуемыя по протестамъ его дѣла не были уничтожены, онъ принужденъ былъ объявить за собою слово и дѣло. Послѣ этого объявленія держанъ и томленъ въ архіерейскомъ домѣ въ оковахъ долгое время и потомъ отосланъ въ новгородскую губернскую канцелярію, гдѣ и допрашиванъ, но токмо за похлѣбствомъ вице-губернатора князя Гагарина со архіереемъ и Адамомъ, допросъ и записка сдѣланы не со всею противъ его показанія очисткою. Изъ губернской канцеляріи отправленъ онъ былъ въ С.-Петербургъ въ Сенатъ и такимъ же опредѣленіемъ Сената, по прозьбѣ помянутаго архіерея и его домовыхъ, онъ, Носовъ, якобы за неслѣдующее къ его доказательствамъ объявленіе слова и дѣла, безъ допросу наказанъ».

Носовъ находилъ это наказаніе несправедливымъ, потому что «объявляющимъ за собою слово и дѣло должно доказать хотя одинъ изъ слѣдующихъ къ тому трехъ пунктовъ; но между этими пунктами есть пунктъ и о измѣнѣ; а архіерей Ѳеофанъ, съ домовными своими управителями, по своимъ преступленіямъ хуже измѣнниковъ, потому что, оставя истину, за правдивые его доказы всячески ищутъ напрасной ему погибели, а за Андроника и его товарищей, явившихся во многихъ преступленіяхъ, предстательствуютъ и желаютъ какъ бы ихъ отъ того повысвободить, только для своего богомерзкаго лакомства; ибо оные преступники, во время нанесеннаго ими съ Оедосомъ на святыя церкви и монастыри разоренія, угодили имъ сборомъ довольной суммы денегъ, которыя онѣ на вышеозначенныя роскоши употребили; а въ тѣхъ деньгахъ большая часть собрана была отъ продажи награбленныхъ церковныхъ имѣній, когда оные злодѣи, уничтожая раченіе блаженныя и вѣчнодостойныя памяти царевича Алексѣя Петровича, пожалованную въ николаевскій гостинопольскій монастырь церковную се-

ребряную посуду, облаченія и прочія вещи пограбили, и церковныя книги, собственною его величества рукою подписанныя, распродали. Онъ же злодѣй Андроникъ, разломавъ многія святыя церкви, изъ каменныхъ построилъ подъ кельями своими погреба питейные, а деревянные сжегъ и нѣкоторую часть изъ нихъ употребилъ въ мелышчную постройку, о чемъ въ коммисіи и самъ винился. Да за оными жъ злодѣями, Ѳедосомъ и его сообщниками, является и сженіе святыхъ иконъ, а надлежащаго потому слѣдованія не чинится за его архіерейскими къ Церкви святой противностями».

Не успѣвши подать прошеніе въ 1727 г., Носовъ подалъ его Петру II-му въ сентябрѣ 1728 года, въ домѣ доктора Бидло. Петръ отдалъ челобитную Остерману. Носовъ, бывши вслѣдъ за тѣмъ въ Преображенскомъ у Родышевскаго, разсказалъ ему о своемъ дѣлѣ и показалъ копію съ своего прошенія на Ѳеофана. Родышевскій оставилъ ее у себя. Но едва прошло послѣ того нѣсколько дней, какъ караульный капитанъ Сипягинъ, обыскивая Родышевскаго, нашелъ у него прошеніе Носова и, 5-го октября, предъявилъ въ Преображенскомъ приказѣ. Преображенская Канцелярія препроводила его за карауломъ въ Верховный Тайный Совѣтъ, а Тайный Совѣтъ въ Тайную канцелярію, гдѣ и содержался онъ нѣсколько лѣтъ.

Дѣла Носова и Родышевскаго были едва ли не послѣдними, которыя вѣдались въ Преображенскомъ приказѣ. Въ 1729 году, въ день Страстной пятницы, 4 апрѣля, подписанъ былъ указъ объ уничтоженіи Преображенской канцеляріи и о рѣшеніи, по важнымъ доносамъ, тайныхъ дѣлъ въ Совѣтѣ и Сенатѣ [1]).

При дворѣ молодаго Государя происходили въ это время страшныя интриги. Долгорукіе, занявшіе, послѣ Меншикова, его мѣсто и державшіе въ своихъ рукахъ Государя, устраняли отъ него всѣхъ, кто казался имъ подозрительнымъ, не допускали до государственныхъ дѣлъ, развлекали разными забавами и удоволь-

[1]) Протоколы В. Т. С., въ Чтеніяхъ 1863 кн. 3, стр. 103.

ствіями и, наконецъ, удаляя отъ всѣхъ, умѣли возбудить въ немъ склонность къ молодой княжнѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ, дочери кн. Алексѣя Григорьевича и сестрѣ молодаго временщика Ивана Алексѣевича. 24-го ноября всѣ высшіе чины приносили ей поздравленіе, какъ невѣстѣ государевой, а 30 ноября совершено было обрученіе ихъ новгородскимъ архіепископомъ Ѳеофаномъ.

Въ приготовленіяхъ къ празднеству бракосочетанія Государя (хотя ему было только 14 лѣтъ), Остерманъ озабоченъ былъ, между прочимъ тѣмъ, какіе приготовить вѣнцы для высокой четы и просилъ объ этомъ мнѣнія у Ѳеофана, какъ наиболѣе знакомаго съ предметами, касающимися церковныхъ обрядовъ. Ѳеофанъ отвѣчалъ, что въ разныхъ мѣстахъ православной Церкви вѣнцы употребляются различные, какъ по веществу, такъ и по устройству, и предлагалъ къ вѣнчанію ихъ величествъ приготовить вѣнцы масличные или лавровые, или и отъ разныхъ листій и цвѣтковъ съ прилученіемъ и другихъ камней; или же, если не отступать отъ русскаго обычая, подѣлать коропы императорскія съ лицами Христовымъ и Богородичнымъ, потому что въ нашихъ церквахъ употребляются вѣнцы, похожіе на царскіе [1])». Но Промыслъ, распоряжающій судьбами человѣческими, судилъ иначе. Послѣ крещенскаго выѣзда, Государь заболѣлъ горячкою, а съ 18 на 19-е января въ то число, на которое назначено было бракосочетаніе, скончался.

Описавши оффиціальное положеніе Ѳеофана въ это царствованіе, скажемъ нѣсколько словъ о его частной жизни и сношеніяхъ съ разными лицами.

Весной 1728 года, вскорѣ послѣ коронаціи Государя, въ Москвѣ получено было извѣстіе о рожденіи сына у тетки государевой, Анны Петровны, незадолго передъ тѣмъ, по происканъ Меншикова, выѣхавшей изъ С.-Петербурга въ Голштинію. Новорожденнаго назвали Петромъ, безъ сомнѣнія въ честь дѣда, Петра Великаго. Въ Москвѣ, по видимому, не обратили никакого вниманія

---

[1]) Письмо Ѳеофана къ Остерману о брачныхъ вѣнцахъ напечатано въ Москвитянинѣ 1852 г. № 22 и въ Трудахъ кіевской академіи 1865 г. стр. 611—613.

на это семейное событіе голштинскаго двора, развѣ только порадовалась сестра Анны Петровны, царевна Елизавета и небольшой кругъ ея приверженцевъ.

Впрочемъ нашелся одинъ человѣкъ, который, даже въ виду юнаго, цвѣтущаго здоровьемъ Государя, не пропустилъ между глазъ этого событія. Ѳеофанъ послалъ въ Голштинію поздравленіе съ этой радостію, хотя выразилъ его такимъ напыщеннымъ и витіеватымъ письмомъ, которое скорѣе походило на оффиціальную рѣчь, чѣмъ на интимное поздравленіе. Ѳеофанъ воспользовался этимъ обстоятельствомъ, чтобы вылить всю желчь на своего врага Меншикова, и онъ поносилъ его тѣмъ усердпѣй, чѣмъ болѣе разсчитывалъ на полное сочувствіе къ своимъ словамъ со стороны герцога и его супруги.

«Присланный вами вѣстникъ—писалъ Ѳеофанъ,—принесшій сюда увѣдомленіе о рожденіи у васъ сына, пресвѣтлѣйшаго князя Петра, исполнилъ меня такою радостію, что я не нахожу словъ для ея выраженія. Чтобы я ни сказалъ, все будетъ слабѣе моихъ чувствъ. Впрочемъ скажу, что могу, если не въ состояніи высказать того, что бы хотѣлось. Родился Петру Первому Внукъ, Второму братъ, августѣйшимъ и державнѣйшимъ сродникамъ и ближнимъ — краса и приращеніе, россійской державѣ — опора и, какъ заставляетъ ожидать его кровное происхожденіе, — великихъ дѣлъ величайшая надежда. А смотря на васъ, счастливѣйшіе родители, я плачу отъ радости, какъ недавно плакалъ отъ печали, видя васъ пренебрегаемыхъ, оскорбляемыхъ, отверженныхъ, униженныхъ и почти уничтоженныхъ нечестивѣйшимъ тираномъ. Теперь для меня очевидно, что вы у всеблагаго и великаго Бога находитесь въ числѣ возлюбленнѣйшихъ чадъ, ибо Онъ посѣщаетъ васъ наказаніями, а послѣ печалей возвеселяетъ, какъ и всегда дѣлаетъ съ людьми благочестивыми. И вотъ тебя, пресвѣтлѣйшій Карлъ, отъ самой юности твоей, какими скорбями не испытывала рука Божія! По волѣ Божіей ты сначала лишился наилучшаго родителя, вслѣдъ за тѣмъ доблестнѣйшаго дяди и нѣжнѣйшей матери. Потомъ, попущеніемъ Божіимъ, ты потерялъ наслѣдственныя владѣнія, испыталъ недоброжелательство родственниковъ и вторично лишился новыхъ тобою пріобрѣтен-

ныхъ родителей и, наконецъ, былъ почти задавленъ въ этомъ новомъ убѣжищѣ. Подобную же участь испытала и ты, пресвѣтлѣйшая Анна. Съ дѣтства до зрѣлыхъ лѣтъ ты весьма рѣдко наслаждалась лицезрѣніемъ твоихъ родителей, — слышала только, что они подвергаются ужаснымъ опасностямъ, переносятъ путевыя невзгоды, терпятъ холодъ въ лагеряхъ, подвергаясь въ жесточайшихъ битвахъ опасности за самую жизнь. Возсіяли потомъ болѣе ясные дни, обняла ты великаго родителя, обрадованнаго окончаніемъ войны и заключеніемъ счастливаго мира и, вслѣдъ за тѣмъ, торжествующаго побѣды, одержанныя въ Персіи. Вскорѣ потомъ короноваціе родительницы дало поводъ къ новой радости. Но эти радости были непродолжительны и вскорѣ, съ кончиною обоихъ родителей, обратились въ плачь, общій для всей высочайшей фамиліи и для всего народа, но для васъ съ супругомъ и дражайшей сестры особливо горестный. Послѣ такихъ жестокихъ ударовъ можно ли было, повидимому, ожидать еще болѣе жестокихъ напастей? Но васъ постигло то, что почти превышаетъ мѣру вѣроятія. Этотъ бездушный человѣкъ, эта язва, этотъ негодяй, которому нѣтъ подобнаго, васъ, кровь Петрову, старался унизить до той низкой доли, изъ которой самъ рукою вашихъ родителей былъ возведенъ почти до царственнаго состоянія и, въ добавокъ, наглый человѣкъ показалъ примѣръ неблагодарной души въ такой же мѣрѣ, въ какой былъ облагодѣтельствованъ. На это никто, кромѣ подобныхъ ему, не могъ взирать безъ слезъ, никто не могъ видѣть этого безъ боли сердца, безъ гнѣва негодованія и ужаса: а что у васъ, милостивѣйшіе государи, тогда было на душѣ, что происходило въ сердцѣ, я полагаю, вы и сами не въ силахъ то выразить.... Этотъ колоссъ изъ пигмея, оставленный счастіемъ, которое довело его до опьяненія, упалъ съ великимъ шумомъ. Что же касается до васъ, то вы можете ожидать всего лучшаго отъ того, что поставленъ въ безопасности августѣйшій вашъ племянникъ, нашъ всемилостивѣйшій Государь; но и въ вашемъ домѣ Отецъ щедротъ посѣтилъ васъ своею милостію даровавъ вамъ сына. Поздравляя васъ съ такимъ благомъ, дарованнымъ для васъ, для августѣйшей фамиліи, для многихъ царствъ и народовъ, молю всеблагаго Бога, чтобы Онъ услышалъ ваши молитвы, увѣнчалъ ваши надежды исполненіемъ, и

сохранилъ родителей и рожденнаго невредимо радостными и цвѣтущими на многія лѣта [1])».

Но Богъ не судилъ матери воспитывать сына. Черезъ два мѣсяца она скончалась отъ чахотки, развившейся частію вслѣдствіе тѣхъ обстоятельствъ, о которыхъ упоминаетъ въ своемъ письмѣ Ѳеофанъ, частію вслѣдствіе несчастнаго супружества.

Въ Москвѣ Ѳеофанъ видѣлся съ прежнимъ своимъ знакомымъ — Я. А. Маркевичемъ. Изъ записокъ послѣдняго [2]) мы узнаемъ нѣсколько подробностей объ этомъ свиданіи.

Мы выше упоминали, что тетка Я. А. Маркевича была замужемъ за гетманомъ Скоропадскимъ, а дочь Скоропадскаго за графомъ П. П. Толстымъ. Когда, послѣ неудавшагося заговора противъ сильнаго временщика, графъ П. А. Толстой сосланъ былъ въ ссылку, то Меншиковъ простеръ гоненіе на всѣхъ родственниковъ Толстаго—на Скоропадскихъ и Маркевичей. Андрей Маркевичъ былъ отставленъ отъ полка [3]). У Скоропадской [4]) приприказано было отобрать маетности, которыми она владѣла по званію гетманши. Старанія ихъ о поправленіи своихъ дѣлъ были бѣзуспѣшны, пока Меншиковъ былъ въ силѣ; но, послѣ паденія Меншикова, дѣла ихъ приняли благопріятный оборотъ. Когда Государь прибылъ въ Москву, старый Маркевичъ съ гетманшей прибыли туда же [5]). Молодой Маркевичъ отправился въ Москву впередъ еще въ декабрѣ 1727 г. и сталъ на квартирѣ у госуда-

---

[1]) Theophanis Epistola XIII. Труды кіевской академіи 1865 г. стр. 595—599.

[2]) Дневныя записки малороссійскаго подскарбія, генерала Якова Маркевича. М. 1859 г.

[3]) Послѣ отставки его въ 1727 г. Лубенскій полкъ подалъ на него прошеніе Петру II, жалуясь на его своевольство и нанесенныя полку обиды. — Еще прежде нѣкоторые изъ полка (числомъ меньшіе; а прочіе обиженные такъ были запуганы Маркевичемъ, что не смѣли и челобитствовать) подавали на него прошеніе гетману Даніилу Апостолу, вслѣдствіе котораго, кажется, онъ и былъ отставленъ. (Русск. Архивъ 1864 г., стр. 493—505).

[4]) Скоропадскій умеръ 3-го іюля 1722 года.

[5]) Письмо Ѳеофана къ гетманшѣ Скоропадской, съ совѣтомъ пріѣхать въ Москву и просить милости у Государя лично, въ Трудахъ Кіевск. Акад. 1865 г., стр. 600—602.

рева духовника, Тимофея Васильевича Надаржинскаго. Хлопоты ихъ увѣнчались успѣхомъ. Старику Маркевичу предложили мѣсто генеральнаго подскарбія, отъ котораго онъ отказывался и согласился только по настоянію россійскихъ министровъ. Ясновельможная схоронила въ Москвѣ зятя П. П. Толстаго, но выиграла дѣло. Указомъ изъ Верховнаго Тайнаго Совѣта, по приговору Иностранной колегіи, велѣно было дать ей въ пожизненное владѣніе, изъ отнятыхъ пожалованныхъ мужу ея деревень, отъ трехъ до четырехъ сотъ дворовъ [1]).

Въ бытность въ Москвѣ Маркевичъ часто видался съ Ѳеофаномъ, ѣзжалъ къ нему въ подмосковное село Владыкино, въ 10 верстахъ отъ Москвы, и записывалъ въ своей памятной книжкѣ все, что говорено было въ ихъ интимной бесѣдѣ. Ѳеофанъ разсуждалъ съ нимъ о разныхъ предметахъ ученыхъ и сельско-хозяйственныхъ, училъ его дѣлать простые барометры, садить малину, ежевику и другія ягоды, варить доброе пиво. Бесѣды ихъ длились до полночи [2]). Ѳеофанъ ссужалъ его книгами, привезенными изъ Москвы. Маркевичъ началъ учиться по французски, накупилъ себѣ книгъ и, живя въ Москвѣ, *вывернулъ* нѣсколько мѣстъ изъ библіи на славянскій діалектъ противъ еврейскаго текста [3]). Серьезныя занятія его шли въ перемежку съ разгуломъ веселой казацкой жизни. Въ дневникѣ его едва не каждый день встрѣчается замѣтка: «сей день праздновали компанію и подпяхомъ до ночи. Банкетъ былъ у насъ и куликали довольно». Ѳеофанъ рекомендовалъ его гетману Апостолу, который скоро перемѣнилъ свое надменное обращеніе съ нимъ на ласковое. Маркевичи пробыли въ Москвѣ до конца мая 1729 г. [4]).

---

[1]) Записки Маркевича, часть I, стр. 296—312.

[2]) «Ввечеру ѣздилъ до архіерея новгородскаго и тамъ забавлялся до полночи съ нимъ сидѣвши». Ч. I, стр. 308.

[3]) Записки Маркевича. Ч. I, стр. 289.

[4]) Старый Маркевичъ въ 1740 году за старостію и слабостію отказался отъ должности генеральнаго подскарбія. Сынъ его Яковъ, по восшествіи на престолъ Елизаветы Петровны, посланъ былъ отъ Малороссіи депутатомъ для ея поздравленія и присутствовалъ при ея коронаціи; въ 1762 г. уволенъ за старостію отъ всѣхъ должностей; въ 1767 г. лишился зрѣнія; скончался 9-го ноября 1770 г.

Къ этому же времени относится нѣсколько писемъ Ѳеофана къ разнымъ лицамъ по поводу смутъ, происшедшихъ въ бѣлорусской епархіи послѣ смерти епископа бѣлорусскаго Сильвестра, князя Четвертинскаго.

Обстоятельства дѣла, подавшаго поводъ къ этой перепискѣ Ѳеофана съ разными лицами, были слѣдующія. По смерти Сильвестра (скончался 18-го февраля 1728 года), граждане города Могилева и члены могилевскаго братства отправили прошеніе къ кіевскому митрополиту Варлааму Вонатовичу о принятіи ихъ въ его покровительство и о назначеніи къ нимъ намѣстника для управленія епархіей до опредѣленія новаго архіерея; вмѣстѣ съ тѣмъ они жаловались на нестроенія или продерзости архидіакона Каллиста Заленскаго, бывшаго при Сильвестрѣ администраторомъ бѣлорусской епархіи [1]). Между тѣмъ намѣстникъ могилевскаго николаевскаго монастыря, іеромонахъ Іоасафъ Ледвіевичъ, послалъ на высочайшее имя прошеніе о неподчиненіи бѣлорусской епархіи кіевскому митрополиту и объ утвержденіи намѣстникомъ этой епархіи архидіакона Каллиста. Государственная коллегія передала прошеніе Ледвіевича въ св. Сунодъ, который и назначилъ Каллиста администраторомъ бѣлорусской епархіи. Только что состоялось это назначеніе, какъ кіевскій митрополитъ прислалъ въ Сунодъ доношеніе могилевскаго магистрата и братства съ жалобами на Каллиста. Не зная на чемъ утвердиться, Государственная коллегія, по сношенію съ Сунодомъ, рѣшилась отправить въ Могилевъ довѣренное лицо — полковника Якова Швайковскаго, поручивши ему разузнать дѣло на мѣстѣ. Слѣдствіе привело къ тому, что Каллиста потребовали въ Москву для оправданія по жалобамъ могилевскаго братства. Каллистъ, по видимому, оправдался и, такъ какъ въ это время (30-го января 1730 г.) въ бѣлорусскую епархію епископомъ администраторомъ назначенъ былъ архимандритъ межигорскаго монастыря Арсеній Берло, то Каллистъ, какъ бы желая избѣжать смутъ, выпросилъ себѣ его мѣсто—межигорскую архимандрію. Этимъ однакожъ дѣло не кон-

[1]) Каллистъ, въ мірѣ Кондратъ Ивановъ, родомъ изъ купцевъ полоцкихъ, въ 1704 г. постриженъ въ монашество въ полоцкомъ богоявленскомъ монастырѣ, въ 1708 г. бѣлорусскимъ архіепископомъ Сильвестромъ посвященъ въ архимандрита.

чилось и положеніе края не умирилось. Каллистъ продолжалъ изъ Кіева возмущать бѣлорусскую епархію, согласившись съ игуменомъ минскаго монастыря, Гедеономъ Шишкою, который величалъ себя генеральнымъ намѣстникомъ бѣлорусской епархіи. Несчастный Арсеній, измученный враждебными дѣйствіями противной партіи, долженъ былъ оставить бѣлорусскую епархію; но непосчастливилось и Каллисту въ его поискахъ и погоняхъ за намѣстничествомъ. Слѣдствіе обнаружило всѣ его продѣлки, между прочимъ и то, что онъ хотѣлъ перейти, а за собой увлечь всю епархію въ уніатскую вѣру. За это, послѣ слѣдствія о его дѣлѣ въ особой коммиссіи, по лишеніи архимандритскаго сана и священнаго чина, онъ битъ былъ плетьми и простымъ монахомъ сосланъ въ Сибирь, гдѣ и умеръ [1]).

---

[1]) Письма Веофана, по поводу этихъ обстоятельствъ, въ канцлеру Головкину и къ Арсенію Берло, въ Трудахъ кіевской академіи 1865 г., стр. 603—610 По слѣдственному дѣлу о Каллистѣ (въ Госуд. архивѣ), за нимъ открылись слѣдующія вины: 1) онъ составилъ ложную духовную отъ имени Сильвестра, во время болѣзни его, клонившуюся къ расхищенію его епископскаго имущества; 2) въ письмахъ его явилось заготовленная форма письма королевскаго къ полоцкому уніатскому архіепископу о поставленіи его, Каллиста, оршанскимъ кутеинскимъ архимандритомъ, съ тѣмъ чтобы имѣть ему пребываніе въ Могилевѣ при церкви св. Николая; другая форма королевской привиллегіи о бытіи ему администраторомъ въ бѣлорусской епископіи до новаго епископа. (Каллистъ сознался, что хотѣлъ искать себѣ этого у польскаго короля); третья форма—королевской привиллегіи на генеральное въ этой епархіи намѣстничество до кончины жизни. 3) Паучалъ Ледвіевича жаловаться на Берло въ Иностранную коллегію; 4) При избраніи новаго епископа, на мѣсто Берло, участвуя въ элекціи, по виду въ интересахъ русскаго правительства, требовалъ множество подарковъ. «Сіи посылки — пишетъ Веофанъ — подали плутамъ (Каллисту и Шишкѣ) великую матерію нареканія на россійскій народъ». 5) Требовалъ, чтобы виленскіе и слуцкіе духовные, по указу кіевскаго архіерея, прибыли на элекцію. «Діавольская хитрость—пишетъ Веофанъ—чтобы потомъ и эти церкви, подвластныя кіевскому митрополиту, втянуть въ унію». 6) Когда элекція окончилась и избранъ былъ Іосифъ Волчанскій, игуменъ пустынно-николаевскаго кіевскаго монастыря, урожденецъ польскій, породы шляхетской, то выставляя свои труды и сдѣланныя во время элекціи издержки, Каллистъ и Шишка потребовали еще большей милостыни; а между тѣмъ Шишка подалъ на нее протестацію польскому правительству.

XIV.

Событія 1730 года. — Возобновленіе протестовъ Родышевскаго. — Аврамовъ. — Варлаамъ.

Юный Государь Петръ II скончался среди лучшихъ надеждъ, возбужденныхъ его живымъ умомъ и добрымъ сердцемъ и среди страшныхъ неурядицъ по всѣмъ частямъ управленія, вслѣдствіе интригъ верховниковъ, оставившихъ, за своими интересами, государственныя дѣла на произволъ судьбы. Современники, плакавшіе искренно и горько о смерти юнаго царя, оплакивали безъ сомнѣнія не дѣйствительное потерянное благо, но свои надежды, утраченныя со смертію юнаго царя. Грозныя предчувствія страшили ихъ и не обманули.

Событія, послѣдовавшія за смертію Государя, такъ извѣстны, что мы не считаемъ нужнымъ повторять ихъ. Для насъ довольно того, какъ отнесся къ нимъ Ѳеофанъ.

Тотчасъ по смерти Государя, члены Верховнаго Совѣта и нѣкоторые другіе высшіе сановники собрались въ особой комнатѣ для совѣщанія о престолонаслѣдіи. Это было въ 2 часа ночи, съ 17-го на 18-е января. Сначала князь В. Л. Долгорукій просилъ и бывшихъ во дворцѣ трехъ архіереевъ подождать немного, извѣстивши, что имѣетъ быть совѣщаніе объ избраніи новаго государя; но потомъ, возвратясь къ нимъ, именемъ Верховнаго Тайнаго Совѣта сказалъ, что всѣ члены соберутся въ десятомъ часу утра, и чтобъ въ тоже время и они изволили прибыть съ прочими сподалыными членами и почетнѣйшимъ духовенствомъ. Это значило, что присутствіе ихъ въ собраніи нашли лишнимъ. Французскій резидентъ при русскомъ дворѣ, Маньянъ, писалъ своему правительству, что это устроилъ, съ совершеннымъ презрѣніемъ къ духовенству, князь Голицынъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что оно уронило себя при избраніи Екатерины [1]).

---

[1]) Le prince Galitsyn a temoigné de ce corps (du clergé), en empechant, qu'aucun de ces membres ne soit admis dans l'assamblée des états, qui ont precédé

Утромъ собрался въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ «великій соборъ». Когда великій канцлеръ объявилъ вслухъ всѣхъ объ избраніи на престолъ курляндской герцогини Анны, то Ѳеофанъ предложилъ немедленно отслужить благодарственный торжественный молебенъ, положенный на этотъ случай. Но верховники, подъ разными предлогами, отклонили это предложеніе, положивъ совершить благодареніе Богу, когда получено будетъ согласіе отъ избранной Императрицы. «Тѣмъ, кто легко разсуждалъ — писалъ потомъ Ѳеофанъ — довольно было простаго объясненія этой медлительности: захочетъ ли Анна царствовать? Но остороженѣйшія головы глубочае нѣчто проницали и догадывалися, что господа верховные иной нѣкій отъ прежняго видъ царствованія устроили, и что на пощномъ оном многочисленномъ своемъ бесѣдованіи сократить власть царскую и нѣкими вымышленными доводами акибы обуздать и, просто рещи, лишить самодержавія затѣяли» [1]).

Верховники отправили депутатовъ въ Митаву съ предложеніемъ короны герцогинѣ курляндской съ тѣмъ, чтобы она управляла государствомъ въ подчиненіи Верховному Совѣту. Но въ то же время, тайно отъ Совѣта, отправили отъ себя въ Митаву гонцовъ — зять великаго канцлера Головкина Ягужинскій и курляндскій резидентъ въ Москвѣ Левенвольдъ. Полагаютъ, что и Ѳеофанъ, еще до возшествія на престолъ Анны Іоанновны, пользовавшійся ея милостями [2]), послалъ своего гонца съ поздравленіемъ и предложеніемъ своего содѣйствія, если Анна пожелаетъ возвратить себѣ права самодержавія [3]). Судя по характеру и по-

---

à l'élection de la nouvelle szarine, sous prétexte, qu'il etait taché d'infâmie pour avoir, par un vil intérêt, après la mort du czar Pierre I, contribué à placer sur le trône de Russie, au prejudice du légitime successeur, une femme, qui devait y être entiérement étrangère». La Cour de Russie, Berlin 1860, p. 19.

[1]) Ѳеофана — Описаніе кончины Петра II и бывшихъ послѣ оной произшествій — въ Запискахъ Дюка Лирійскаго, Спб. 1845 г., стр. 190.

[2]) Въ рѣчи къ Императрицѣ Аннѣ, при воспріятіи ею самодержавія, Ѳеофанъ говорилъ: «въ такомъ же всенародномъ благополучіи и персональное во мнѣ самомъ обрѣтается блаженство, когда того вижду и поздравляю на всероссійскомъ престолѣ, отъ котораго многократнымъ благосклонности изъявленіемъ (хотя кромѣ всякихъ заслугъ моихъ) и прежде уже обрадованъ былъ». (Спб. Вѣд. 1730, № 21).

[3]) М. Евгенія, Словарь дух. пис.—въ статьѣ: Ѳеофанъ Прокоповичъ.

слѣдующему образу дѣйствій Ософана, въ этомъ нѣтъ ничего невѣроятнаго.

Въ промежутокъ времени между отъѣздомъ и возвращеніемъ депутатовъ, совершились событія, показавшія всю непрочность замышляемаго плана. «Родился другой союзъ,—пишетъ Ософанъ,—осмоличному союзу противный. Знатнѣйшіе, спрѣчь, изъ шляхетства сносяться и совѣтовать стали, какъ бы дѣйствительно стать вопреки верховникамъ и хитрое ихъ строеніе разрушить, и для того по разнымъ дѣламъ, да ночною порою, собирались». Ософанъ самъ о себѣ пишетъ, что онъ, въ то время, всякимъ возможнымъ прилежаніемъ старался провѣдать, что̀ сія другая компанія придумала и что̀ къ намѣренію своему усмотрѣла.

Между тѣмъ пришелъ отвѣтъ изъ Митавы, принесшій согласіе Анны принять престолъ на предложенныхъ ей условіяхъ. Верховный Совѣтъ опять созвалъ въ собраніе всѣ чины для разсужденія о государственномъ постановленіи. Собраніе было удивлено новыми сообщеніями. Верховники предложили, чтобы всѣ, кому угодно, заявляли свои мнѣнія по поводу новоучреждавшейся формы правленія, но на вызовъ ихъ ни откуда не было отвѣта. Во время всеобщаго напряженнаго состоянія, князь А. М. Черкасскій вывелъ всѣхъ изъ затрудненія, попросивши времени поразсудить о томъ свободнѣе. Между тѣмъ сунодальные архіереи стали настаивать, что пора уже совершить благодарственное молебствіе. Верховники согласились, не придавая этому политическаго значенія. Между тѣмъ на молебнѣ Сунодъ приказалъ возносить имя Государыни съ полнымъ титуломъ, содержащимъ въ себѣ самодержавіе и, въ тотъ же день, разослалъ повсюду письменныя формы съ полнымъ титуломъ. Верховники поняли опасность, но ужъ не посмѣли измѣнить титула. Дворянство много спорило объ условіяхъ, ограничивающихъ самодержавіе, но не пришло ни къ какому единодушному заключенію.

10-го февраля пришло извѣстіе, что Государыня ужъ не далеко отъ Москвы. На встрѣчу ей отправлена была депутація, состоявшая изъ архіереевъ со стороны церковнаго чина и трехъ сенаторовъ — со стороны гражданскаго. Долгорукій, сопутствовавшій Императрицѣ, подозрительно смотрѣлъ на этихъ депутатовъ и зорко наблюдалъ всѣ ихъ движенія и наименованія.

Когда наступило время присяги и прошелъ слухъ, что члены Верховнаго Совѣта составили новую присягу, то Ѳеофанъ, собравши Сѵнодъ и знатнѣйшее духовенство, предложилъ имъ послать за этой новосоставленной присягой, чтобъ знать, почему присягать, потому что присяга—дѣло великое. Совѣтъ обѣщался прислать форму, однакожъ не прислалъ. Наконецъ духовенству повѣстили, что всѣ собрались въ церковь и ихъ туда ожидаютъ. Ѳеофанъ совѣтовалъ было не ходить туда, но не могъ устоять противъ общей силы.

Верховные ласково попросили духовныхъ присягнуть—первыми, потому что они пастыри всего народа и въ духовныхъ дѣлахъ предводители. Ѳеофанъ попросилъ слова и, въ общихъ выраженіяхъ, сказалъ къ собравшейся знати увѣщаніе, что присяга дѣло великое и чтобы никто безразсудно присягать не торопился. Собраніе смущено было этимъ словомъ. Потомъ Ѳеофанъ попросилъ, чтобы напередъ съ амвона прочитали форму присяги, дабы всѣ знали, на что присягаютъ. Князь Д. М. Голицынъ началъ было отклонять это предложеніе, однакожъ долженъ былъ согласиться и уступить. Такъ какъ форма составлена была робко и нерѣшительно, то не было предлога отклонять ее и всѣ присягнули.

Между тѣмъ несогласное съ замыслами Совѣта дворянство дѣлало свое дѣло. Оно рѣшилось подать Императрицѣ прошеніе, чтобы она, отвергнувъ и уничтоживъ лживое курляндское письмо, приняла опять титулъ самодержавной. Говорятъ, что Ѳеофанъ подарилъ Аннѣ столовые часы, а подъ доскою ихъ скрылъ планъ, какъ надо дѣйствовать въ рѣшительную минуту [1]). Утро слѣдующаго дня (25-го февраля) заключило собой рядъ этихъ событій. На аудіенціи, выпрошенной дворянствомъ, во главѣ котораго стояли князь Черкасскій и графъ Матвѣевъ, Императрица приказала разорвать предложенныя ей условія и вступила въ права самодержавной Государыни [2]).

---

[1]) Записки Дюка Лирійск. стр. 180—181.

[2]) Ѳеофанъ написалъ на этотъ случай стихи:

На день 25-го февраля.

Въ сей день Августа наша свергла долгъ свой ложный,
Разтерзавши на себе хирографъ подложный,

Когда все успокоилось, начались приготовленія къ коронаціи, а вмѣстѣ съ нею опять настали для Ѳеофана тревоги и безпокойства.

Ходъ событій опять ведетъ насъ къ нашему знакомцу — Родышевскому. Маркеллъ жилъ въ симоновѣ монастырѣ довольно свободно. Къ нему ходили всякіе люди съ разными приносами и онъ бывалъ у многихъ лицъ. «Въ симоновѣ монастырѣ,—пишетъ Ѳеофанъ, — былъ онъ, яко за арестомъ; а вольно было къ нему приходить, кто похотѣлъ, и ему честною коляскою выѣзжать, куда изволилъ; и, какъ слышно, опредѣлено было ему, не вѣдаю чімъ приказаніемъ, довольное и честное пропитаніе».

Какіе же теперь у него были планы и замыслы? Случайность свела его съ новыми лицами, которыя горячо взялись за его дѣло по разнымъ побужденіямъ. Это были — духовникъ Императрицы, троицкій архимандритъ Варлаамъ и бывшій директоръ типографіи, Михаилъ Петровичъ Аврамовъ. Мы познакомимся съ этими лицами, имѣющими большое значеніе въ исторіи Ѳеофана.

Аврамовъ родился въ 1681 году; десяти лѣтъ опредѣленъ былъ въ Посольскій приказъ, которымъ, въ ту пору, управлялъ дьякъ Емельянъ Украинцевъ; на осьмнадцатомъ году посланъ былъ для письма и отправленія посольскихъ дѣлъ при послѣ Матвѣевѣ въ Голландію, гдѣ, кромѣ исполненія своихъ прямыхъ обязанностей, обучался рисованію и живописному художеству «и за прилежное обученіе тамошними жителями былъ похваленъ и печатными курантами опубликованъ». При возвращеніи оттуда на кораблѣ, въ Архангельскѣ удостоился быть представленнымъ Государю и съ жалованьемъ

И выняла-скипетръ свой отъ гражданскаго ада
И тѣмъ стала Россія весела и рада.
Таково смотрѣніе продолжи намъ Боже,
Да державѣ россійской не вредитъ ничтоже.
А ты всякъ, кто ни мыслитъ вводить строй отманный
Бойся самодержавной, прелестниче, Анны.
Какъ оная бумажка, вси твои подлоги
Растерзанныя падутъ подъ царскія ноги.

Рукоп. новг. семинаріи № 3885).

отпущенъ къ Москвѣ; съ 1702 по 1711 г. находился на службѣ въ Оружейной палатѣ, въ званіи дьяка; а въ 1712 г., по имянному его величества указу, велѣно ему быть на житье въ С.-Петербургъ и перевесть съ собою изъ Москвы мастеровыхъ людей оружейной палаты. Аврамовъ назначенъ былъ цейхдиректоромъ оружейной канцеляріи и, по приказанію Петра, занялся устройствомъ с.-петербургской типографіи [1]). «За труды мои,—писалъ Аврамовъ.—отъ его величества до толика былъ пожалованъ и возлюбленъ и допущенъ до таковой милости, что чрезъ два года въ пожалованномъ отъ его жъ величества домѣ моемъ во всякую недѣлю благоизволилъ бывать у меня время довольное, и со всякимъ своимъ монаршескимъ благимъ увеселеніемъ изволилъ пріятно веселиться многократно, и съ благочестивѣйшею великою Государынею Императрицею Екатериною Алексѣевною, и съ министрами имѣлъ въ домѣ моемъ столовое кушанье съ монаршескимъ своимъ милосердымъ снисхожденіемъ и съ пріятнымъ увеселеніемъ, и всякое мое служеніе и рабское угожденіе весьма его величеству было отъ меня всегда благоугодно. И видѣвъ я толикую крайнюю его величества къ себѣ милость, первый я и одинъ докладывалъ его величеству, прося повелительнаго указа о сочиненіи полной исторіи о житіи и о премудрыхъ его величества монаршескихъ, Богомъ дарованныхъ, преславныхъ его дѣлахъ и неусыпаемыхъ трудахъ и подвизѣхъ. И получа указъ, первый я началъ и, шесть лѣтъ собирая изъ Кабинета и отвсюду надобныя къ сочиненію той исторіи вѣдомости, въ сочиненіи оной исторіи трудился съ прилежаніемъ, и паки между тѣми трудами и особливую о всѣхъ славныхъ его величества воинныхъ дѣлахъ, съ абрисами всѣхъ завоеванныхъ городовъ и баталій и прочихъ прешпектовъ, сочинилъ книгу жъ, которые мои труды были его величеству весьма благоугодны, и между своими и чужестранными министры отъ его величества оные мои труды

[1]) Въ 1721 году, съ передачею всѣхъ школъ и типографій въ синодальное вѣдомство, Аврамовъ уволенъ отъ службы типографскаго цейхдиректора и переведенъ въ Бергъ-Коллегію ассессоромъ. Но въ 1724 г. декабря 15, Государь, бывши въ с.-петербургской типографіи, для распоряженія о печатаніи переведенной съ латинскаго языка Пуффендорфовой книги: *о должности человѣка и гражданина*, приказалъ перевесть въ нее Аврамова цейхдиректоромъ по прежнему. (Описаніе докум. и дѣлъ арх. св. Сунода, Т. I, стр. 718—719). «О чемъ ему Аврамову при томъ же и самоустно отъ Государя сказано». Аврамовъ выгово-

стали быть славны [1]). И такую видя его монаршескую еще наивящшую крайнюю къ себѣ любовь и милость, паче и паче распалялся сердцемъ и душею во всякое предъ его величествомъ угожденіе. Тогда ископный всякаго христіанскаго добра завистникъ, лукавый сатана, за небрежное мое роскошное житіе, возмогъ съ лукавыми возмущенными помыслы прикоснуться сердцу моему, подъустилъ окаянный, яко бы для наивящшей его величеству рабской моей доброй послуги, надобно просить у его величества новопереведенныхъ и его величеству отъ нѣкоторыхъ якобы разумныхъ людей поднесенныхъ, Овидіевыхъ и Виргиліевыхъ языческихъ книжичищъ, для прочитанія и вѣденія изъ нихъ о языческихъ фабулахъ. И по моему прошенію тотчасъ мнѣ оныя книги изволилъ его величество пожаловать, которыя я читалъ денно и нощно съ прилежаніемъ и съ охотою, и читаніемъ ихъ обезумился, выхвалялъ тѣ книги его величеству, и выпрося о напечатаніи оныхъ у его императорскаго величества указъ, краткую изъ оныхъ одну книжицу выбравъ съ абрисами лицъ скверныхъ боговъ и прочаго ихъ сумазброднаго дѣйства, въ печать издалъ, и нѣсколько напе-

---

рилъ себѣ у Государя право: «которыя дѣла имѣютъ быть по именнымъ его императорскаго величества указамъ особливо приказаны мнѣ, чтобы по оным безъ доклада сунодальнаго отправлять было свободно». Сенатъ отказывалъ ему въ званіи директора и считалъ его только сунодальнымъ коммисаромъ въс.-петербургской типографіи; но Аврамовъ продолжалъ писаться директоромъ. (Типогр. дѣла св. Сун. 1724 г. № 19. 1725 г. № 11. 1726 г. № 7). Проэктъ Аврамова (1721 г.) объ учрежденіи *Академіи иконнаго, живописнаго и прочихъ художествъ* въ Кабин. Дѣлахъ, II, № 57, л. 48—49. № 61 л. 82.—Прошеніе его къ Государю о пожалованіи ему, — вмѣсто Крестинъ-кирхи (въ нейшлотск. уѣздѣ), бывшей въ его владѣніи съ 1716 г. и взятой въ 1721 г. назадъ къ галерному строенію, — изъ вотчинъ князя Гагарина села благовѣщенскаго въ шацкомъ уѣздѣ въ Каб. Дѣлахъ II, № 57, л. 40. Такое жъ прошеніе 4 іюля 1723 г. о пожалованіи его какою-нибудь милостію за всѣ понесенные имъ труды, особенно за устройство типографіи, въ Кабин. Дѣлахъ II, 65, л. 106. О типографіи въ его управленіе — Описаніе докумен. и дѣлъ арх. св. Сунода стр. 464—471.

[1]) Устряловъ, въ перечнѣ историковъ Петра Великаго (т. I. Предисл. стр. XXXI—XXXIV) не упоминаетъ объ Аврамовѣ, и мы не имѣемъ никакихъ свѣденій объ историографическихъ трудахъ Аврамова. Не принималъ ли онъ участія въ трудахъ своего тестя — кабинетъ-секретаря Макарова, собиравшаго, по порученію Петра, матеріалы для исторіи его царствованія. Впрочемъ Аврамовъ говоритъ, что онъ *первый* въ сочиненіи той исторіи трудился. Подождемъ, не оправдается ли современемъ претензія Аврамова на званіе перваго историка Петра Великаго?

чатавъ, велѣлъ оные въ народѣ публиковать и продавать. Таковыми, сатаною наученными, услугами отъ Бога дарованный смиренномудрый мой умъ въ оной моей жизни сталъ быть весьма помраченъ. За то всѣмъ міролюбцамъ крайне сталъ быть угоденъ, и наипаче тогда, безумный, разглашенъ отъ многихъ умнымъ человѣкомъ. Отъ таковой человѣческой тщетной славы паче и паче разгордѣвся, потерялъ отъ Бога дарованное смиренномудрое житіе и оттолѣ совершенно уже началъ жить языческихъ обычаевъ погибельное, пространное и широкое, словолюбное и сластолюбное житіе и, забывъ страхъ Божій, впалъ во всякія тѣлесныя прелестныя непотребныя міра сего непрестанныя роскошныя дѣла и забавы, въ піянство, въ ненасытный блудъ и многое прелюбодѣйство и въ прочія безумныя дѣла и злодѣйства. И въ таковой смрадной тинѣ валяяся не до конца отъ благоутробнаго Бога былъ оставленъ, но, по Его всемогущей, всещедрой, отеческой о мнѣ милости, часто иногда чувствовалъ и напоминалъ основательное отъ юности моей воздержное и смиренномудрое христіанское житіе. И таковымъ помысломъ нѣкогда совершенно умилився и опомняся, прибѣглъ тогда съ молительными горькими слезами предъ отческій, благословенный отъ родителя моего чудотворный образъ пречистыя Божія матери, именуемой Знаменія, стоящій тогда въ домѣ моемъ. И егда предъ онымъ образомъ совершенно изъ глубины сердечной сокрушился, тогда и спасающая благодать Христова совершенно коснулася заблуждующему, окаменѣнному моему сердцу. Съ сущимъ уже покаяніемъ очистилъ исповѣданіемъ окаянную мою совѣсть и, получа епитимію, сподобленъ причащенія тѣла и крове Христовы, и оттолѣ милостію Божіею паки начахъ жити во всякомъ воздержаніи, боряся денно и нощно съ плотію, съ міромъ и съ сатаною, положа тогда во умѣ моемъ твердое намѣреніе оставить міръ и всю его суету и маловременную прелестную красоту; къ тому жъ тайно на тѣлѣ моемъ пошеніемъ тяжкой и острой власяницы наипаче воюющую мою плоть до конца истинлъ и умертвилъ. Таковое мое житіе хотя укрыть предъ Государемъ и предъ всѣми людьми, часто оговаривался, яко бы имѣю чахотную тяжкую болѣзнь. Въ таковой же моей жизни аще и случались на меня отъ бѣсовъ и отъ самаго сатаны, и отъ угодниковъ его, злоковарныхъ, лукавыхъ, завистливыхъ человѣкъ

частыя нападенія: овогда разными нечистыми сонными привидѣніями смущая чистые мои помыслы, овогда и явно отстрашивая отъ заложнаго житія моего разными прелестными помыслы, колеблюще чистую мою совѣсть; иногда ночью бѣси взломали подо мною полъ свѣтлицы моея, который обычно прибитъ былъ гвоздьми прибойными; иногда же на зарѣ утренней въ свѣтлицахъ моихъ учинили страшный громъ невидимой нѣкакой тяжелой вещи катаніемъ; овогда въ банѣ мой такъ полъ и полки взломали, что и смотрѣть было удивительно, и тоя жъ ночи, увязя голову въ яличныхъ поперечинкахъ, удавили возника моего; и прочія множественныя малосносныя терпѣнію человѣческому между женою и всѣми людьми моими смущенія, унынія и пустошныя ссоры и неспокойства непрестанно наносили; но, по милости Іисусъ Христовѣ, отъ злохитраго его сатанинскаго и угодниковъ его лукавыхъ человѣкъ многаго на меня злоковарнаго нападенія сильно оборонялся трудолюбнымъ и воздержнымъ житіемъ, молитвою и постомъ. Между же всѣмъ тѣмъ, егда въ прошломъ 1716 году поднесъ его императорскому величеству генералъ Яковъ Брюсъ, при самомъ тогда отбытіи его величества въ Голландію, новопереводную атеистическую книжичищу, со обыклымъ своимъ предъ Государемъ въ безбожномъ, въ безумномъ, атеистическомъ сердцѣ его гнѣздящимся и крыющимся хитрымъ льщеніемъ, весьма лестно выхваляя оную и подобнаго ему сумазброднаго тоя книжичищи автора Христофора Гюепса, якобы оная книжичища весьма умна и ко обученію всенародному благоугодна, а наипаче къ мореплаванію весьма надобна, и таковою своею обыклою безбожною лестію умышленно окралъ Государя: которую книжичищу пришявъ Государь и не смотря, призвавъ меня, накрѣпко изволилъ мнѣ приказать для всенародной публики напечатать оныхъ цѣлый выходъ, 1200 книгъ; и по тому именному указу, по отбытіи его величества, разсмотрѣлъ я оную книжичищу, во всемъ богопротивную, вострепетавъ сердцемъ и ужаснувся духомъ, съ горькимъ слезъ рыданіемъ, палъ предъ образомъ Богоматери, бояся печатать и не печатать; но, по милости Іисусъ Христовѣ, скоро положилося въ сердцѣ моемъ, для явнаго обличенія тѣхъ сумазбродовъ-безбожниковъ, явныхъ богоборцевъ, напечатать подъ крѣпкимъ моимъ присмотромъ, вмѣсто 1200 книгъ, токмо 30 книгъ, и оныя запечатавъ,

спряталъ до прибытія Государева. Егда его величество изволилъ возвратиться изъ Голландіи въ С.-Петербургъ, тогда я, взявъ вышереченную напечатанную сумазбродную книжичищу, трепещущъ поднесъ его величеству, донесши обстоятельно, что оная книжичища самая богопротивная, богомерзкая, токмо единому со авторомъ и съ безумнымъ льстивымъ ея подносителемъ, переводчикомъ Брюсомъ, къ единому скорому угодна въ струбѣ сожженію: которую тогда его величество для разсмотрѣнія принять отъ меня изволилъ и, разсмотря, спустя съ двѣ недѣли, въ народъ публиковать ихъ не приказалъ, а изволилъ приказать оныя напечатанныя книжичищи для отсылки въ Голландію отдать сумазбродному переводчику Брюсу по многой его къ Государю докукѣ. Тогда же скоро благоизволилъ чрезъ меня, послѣдняго изверга, о заблужденіи и о лукавыхъ вымыслахъ сретиковъ Ѳеодосія, Ѳеофана, Гавріила и прочихъ ихъ единомышленникахъ объявить сицевымъ образомъ. Егда оные лестцы, вкратчися во многоутружденную его святую монаршескую душу и обольстя его, смѣло начали поносить и ругать сущее древнее благочестіе, и черезъ тетрадки и книжичищи и словесно потщались вводить свое злочестивое лжеученіе, святыя церкве съ явнымъ ругательнымъ поношеніемъ, и явно уже начали посты святые раззорять, дѣла добрая, яко ко спасенію непотребная, отвергать, покаяніе и умерщвленіе плоти, аки нѣкая баснословія вмѣнять, безженство и самовольное убожество въ смѣхъ обращать, дѣвство, аки вещь отнюдь не возможну быти, непщевать, и прочія стропотныя и узкія пути жестокаго христіанскаго житія въ стези гладки и пространны измѣнять, и тако, подъ покрываломъ имени христіанскаго, стали вездѣ осматривать и перебирать святыя мощи, ломать часовни и обирать святые образы, и обдирать ихъ привѣсы и оклады, уничтожать всѣ чудотворные образы, и прочія многія не на созиданіе истины, но на явное святыя церкве раззореніе и древняго сущаго благочестія на опроверженіе, о нихъ же всѣмъ православнымъ христіанамъ еще и тогда-жъ стало быть весьма видно, и по се время во всѣхъ благочестивыхъ сердцахъ съ сожалѣніемъ сердечнымъ о томъ суще извѣстно, обаче никто тогда за страхъ устъ своихъ отверсти могъ; егда же сущаго лютерскаго сретичества піянствомъ бѣснующійся ересіархъ Ѳеодосъ въ приходской церкви

чудотворный образъ пречистыя Богородицы, именуемой Казанскія, съ явнымъ обругавъ поношеніемъ, ободралъ съ него вѣнецъ и прочее богатое украшеніе и привѣсы, возплъ оный образъ съ собою съ самымъ ругательствомъ: — тогда я написавъ на опаго еретика съ единомышленники его, съ доказами объ ихъ лукавыхъ замыслахъ, къ Государю челобитную, не обинуяся во дворцѣ подалъ его величеству, и тогожъ дня изволилъ его величество въ новопостроенномъ домѣ генерала господина Чернышева, у котораго тогда были крестины, со мною уединительно болѣе часа, по челобитью моему, многіе имѣть разговоры, и съ сущею милосердою монаршескою своею милостію отпустить меня изволилъ, а потомъ вскорѣ, въ день торжества рожденія цесаревны Елизаветы Петровны, на старомъ почтовомъ дворѣ при мнѣ публично за столомъ его величество, гдѣ изволила тогда присутствовать и Государыня Императрица, съ покойнымъ митрополитомъ рязанскимъ Стефаномъ, при Ѳедосѣ и Ѳеофанѣ и Гавріилѣ и при прочихъ ихъ единомышленникахъ, и при прочихъ архіереяхъ и при министрахъ, изволилъ его императорское величество о чудотворныхъ образахъ и другихъ святыя церкве догматахъ имѣть многіе разговоры. И послѣ того времени оные отчаянные смѣльчаки, яко земляные кроты забився въ норы, съ излишними своими вымыслы на долгое время было утихли, а потомъ паки мало-по-малу возникли и, паче прежняго укрѣпяся, привели его величество и въ сочиненномъ имъ и отъ нихъ названномъ Духовномъ Регламентѣ подписаться и, подъ тѣмъ монаршескія руки страхомъ, духовныхъ и мірскихъ особъ, безъ разсмотрѣнія о крыющихся въ оном Регламентѣ ересяхъ, всѣхъ принудили подписаться. Тогда явно открылся съ небесе гнѣвъ Божій: во время оно, въ самое совершеніе благодарственныя о томъ службы Божіей, явно сталъ быть измѣненъ Государь въ своемъ здравіи, — опустились бо тогда лица его скранія и самый видъ лица его въ сущую скорбь измѣнился. Ей-ей не лгу, но самую истину пишу. Явно бо и моимъ сердечнымъ очамъ Богъ тогда открылъ его императорскому величеству пропешедшую во здравіи въ наказаніе перемѣну. Сего ради паче и паче многократно потомъ съ самымъ жалостнымъ сердечнымъ моимъ сокрушеніемъ, во удобное уединительное время, въ типографіи или гдѣ токмо могъ случай улучить, между раз-

говорами другихъ дѣлъ, возъимѣвъ смѣлость о цѣлости церковной, о правосудіи, о введеніи всякой правды и о лукавомъ воровствѣ оныхъ вышеречешныхъ.... подъ овчими кожами покровенныхъ еретиковъ, во осторожность его величеству неоднократно о всемъ вышеречешомъ предлагалъ, а по немъ и Государынѣ Императрицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ, словесно же и письменно о дѣлахъ благихъ доносилъ и, получа имянной ея величества по докладу моему указъ, въ поминовеніе Государя книгу Камень вѣры въ печать произвелъ. А въ державу его императорскаго величества Петра II и цѣлую письменную мою книгу *о благихъ во общество дѣлахъ* своеручно его величеству вручилъ, которая досталась въ руки лукаваго Остермана и у него до времени погасла» [1]).

Изъ этой автобіографіи Аврамова видно, что Аврамовъ былъ человѣкъ изжитый, проникнутый ревностію по вѣрѣ, но неимѣвшій образованія и необходимой подготовки для сужденія о церковныхъ дѣлахъ. Чтобы составить о немъ полное понятіе нужно познакомиться съ его проектами, которые онъ подавалъ всѣмъ государямъ, начиная съ Петра I, Петру II, Аннѣ Іоанновнѣ и Елисаветѣ Петровнѣ.

Въ проектѣ, поданномъ Петру I, Аврамовъ совѣтывалъ учредить въ Россіи государственныхъ адвокатовъ, которые бы принимали отъ просителей челобитныя и доношенія и, разсмотрѣвши ихъ, посылали въ надлежащія мѣста, набюдали, что по нимъ будетъ чиниться и ежедневно рапортовали о томъ въ высшій судъ. Высшій судъ, выслушавъ тѣ рапорты и положивъ краткую сентенцію, будетъ отправлять ихъ въ тѣ мѣста, гдѣ производится дѣло, давъ съ того опредѣленія за руками копіи. На этихъ же адвокатовъ Аврамовъ полагалъ возложить попеченіе о колодникахъ, больныхъ въ госпиталяхъ и бѣдныхъ рабочихъ.

«Мнится быти добро — писалъ онъ далѣе въ томъ же проектѣ — повелѣть во всѣмъ государствѣ всякаго чина жителямъ избирать между собою мужей смысленныхъ ежегодно, и изъ нихъ опредѣлять жребіемъ директоровъ и прочихъ имъ помощниковъ

[1]) Автобіографическія подробности объ Аврамовѣ заимствованы изъ Челобитной его императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ, находящейся въ Государственномъ архивѣ.

въ каждой дворовъ тысячѣ, которымъ въ своихъ дворѣхъ всякаго чина и пола людямъ имѣть переписныя книги, и по тѣмъ книгамъ о положенныхъ сборахъ и о всякомъ человѣческомъ правоученіи и о бѣдныхъ людяхъ о правильномъ призрѣніи ихъ имѣть попеченіе. Противъ той переписи напечатать толикое число въ малыхъ тетрадочкахъ: Славословіе Божіе, Царю небесный, Псаломъ пятидесятый, Символъ, Заповѣди Господни и церковныя кратко,— и тѣ тетрадочки разослать къ архіереямъ по епархіямъ, а имъ роздать и разослать всѣхъ церквей къ священникамъ. Начальникамъ же всѣхъ персонъ своей тысячи ежегодно представлять предъ архіереевъ въ епархіяхъ, а гдѣ не обрѣтается архіерея, то своего прихода предъ священниковъ. Имъ же каждую персону отпустить съ сущимъ благословеніемъ, отдавъ тетрадочку всякому, поучая страха Божія обучатися, и тое раздачу отмѣчать въ переписныхъ книгахъ; по которымъ тетрадочкамъ въ слѣдующій годъ предъ ними каждому отвѣтствовать. А тѣ тетрадочки всегда при себѣ имѣть всякому и тщиться читать или слушать по вся дни со вниманіемъ. За подкомандными смотрѣть накрѣпко, чтобъ были въ своихъ опредѣленныхъ дворѣхъ по вся дни съ предложеніемъ, дабы въ каждомъ домѣ, при собраніи всѣхъ домовыхъ, прочтены были вышереченные тетрадочки, о чемъ по вся дни репортовать своимъ директорамъ письменно». Наконецъ, Аврамовъ совѣтуетъ учредить школы, странноприимницы, госпитали и, для этой цѣли, предлагаетъ принять у него, съ его мѣдноплавильнаго завода, нѣсколько сотъ пудовъ мѣди и передѣлать ее въ деньги, которыми и уплачивать государственные расходы.

Послѣ Петра, Аврамовъ какъ видно изъ его автобіографіи, подавалъ такіе же проекты Екатеринѣ и Петру II. Но поданный этому Государю проектъ «попалъ въ руки лукаваго Остермана и до времени погасъ». Въ 1730 году, Аврамовъ подалъ такой же проектъ Императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ, подъ заглавіемъ: *«О должности, какъ ея императорскому величеству управлять христіанскою, боговрученною ея величеству имперіею»*. Проектъ его состоитъ изъ 27 пунктовъ, изъ которыхъ мы выпишемъ главнѣйшіе. «Въ началѣ всего, по заповѣди Христовой, настоящую присяжную страшную клятву впредь весьма оставить на-

добно, понеже о томъ и св. Златоустъ въ бесѣдахъ на дѣянія, въ правоученіи восьмомъ, пишетъ, яко клянущіеся ниже на прагъ церковный вступить суть достойны, и не клястися отнюдь, паче же Бога свидѣтеля не призывати. Наипаче же, для самаго сущаго и глубочайшаго вашего величества предъ Спасителемъ Богомъ смиренія, потребно быть въ Россіи паки святѣйшему патріарху, самому благоговѣйному мужу, *не отъ польскихъ и малороссійскихъ людей*, съ которымъ, за оное крайнее вашего величества христіанское смиреніе, безъ сомнѣнія, вся дѣла, во имя Христово, исправите въ наилучшее. Весьма надо бы имѣть вашему величеству всѣхъ дѣлъ своихъ вершенныхъ, и которыя еще замышлены быть имѣютъ и дѣйствоваться, всегдашнюю записку, что̀ въ которое время указомъ чинить повелѣно будетъ, или что впредь чинить положится, также и походы и вся повседневныя дѣйства и поступки, ради многихъ пользъ, отъ сего имѣющихъ произойти, а наипаче ради исторіи вѣчной достохвальнаго вашего царствованія. Ради записки повседневныхъ дѣйствъ вашего величества имѣть одного избраннаго и вѣрнаго человѣка, которому открывать всѣ свои намѣренія и указы. Оный бы избранный вашего величества тайныхъ дѣлъ пріобщникъ, записывая обстоятельно вся ваши повелѣнія и указы, такожде дѣйствія и провожденія повседневныя, и усмотрѣвъ время свободное вашему величеству, когда изволите упраздниться отъ дѣлъ, прочитывалъ исправно предъ вашимъ величествомъ. Праведно бы оный доносилъ вашему величеству, что̀ усмотритъ къ лучшей христіанской пользѣ, въ премудрыхъ совѣтахъ указовъ и повелѣній вашихъ изъяснялъ бы правилами Божіими и законами св. отецъ и гражданскими оные ваши указы. Во всемъ съ патріархомъ о полезномъ правленіи духовенства россійскаго сноситься и о лучшей пользѣ промышлять, чтобъ оное духовенство въ древнее ввесть благочиніе и доброе благосостояніе. И всѣ гражданскіе уставы и указы обрѣтающіеся съ нимъ разсмотрѣть прилежно, согласны ли они съ закономъ Божіимъ и церковными св. отецъ уставами, такожде и съ преданіями церковными и, буде которые не согласны, тѣ бы отставить, а впредь узаконять въ согласіи Божьяго закона и церковнаго разума».

Кромѣ этого краткаго проекта, Аврамовъ написалъ еще пространный и подалъ архимандриту Варлааму для представленія ея

величеству. — Наконецъ, по ревности своей къ похвалѣ ея величества, онъ написалъ книгу подъ заглавіемъ: *«усердіе вѣрныхъ рабовъ, немогущее внутрь сердца вмѣститься, аки огнь или источникъ воды живыя»*.

Что за лицо былъ духовникъ Императрицы — Варлаамъ?

Намъ не случалось ни читать ни слышать, чтобы это лицо заявило себя чѣмъ-нибудь со стороны ума, характера и разумнаго труда на пользу Церкви. Напротивъ, всѣ свидѣтельства выдаютъ его человѣкомъ малообразованнымъ, искательнымъ, льстивымъ, наружно-благочестивымъ, но неразборчивымъ на средства къ достиженію своихъ цѣлей. Мы не знаемъ, съ чего и какъ началась его карьера; но въ 1710 году встрѣчаемъ его переславскимъ архимандритомъ и духовникомъ Императрицы (въ ту пору еще просто) Екатерины Алексѣевны [1]).

---

[1]) Письма его къ Екатеринѣ:

1) «Отъ архимандрита Варлаама по дарованію Святаго Духа дочери моей Екатеринѣ Алексѣевнѣ благодать Божія и миръ съ благословеніемъ. Здравствуй мой свѣтъ на множество лѣтъ, за прежнія твои ко мнѣ убогому писанія челомъ бью. А и впредь о томъ же прошу, мои дорогая, да не буду лишенъ таковыя благодати прежде бывшія мнѣ отъ тебе. Дерзаю просить у милости твоея за Акулину Петровну, о чемъ прошеніе ея къ милости твоей будетъ чрезъ посланнаго; по силѣ своей трудъ милостивной изъяви къ пустотѣ ея, а за милость твою будетъ вѣчная богомолица. По семъ во охраненіе Божіе милость твою предаю и нижайшее поклоненіе полагаю. Декабря 11-го 1710 г.».

2) «Радость наша и всероссійская Государыня, благовѣрная Царица и великая княгиня Екатерина Алексѣевна! Вашего пресвѣтлаго величества милостивое писаніе къ моему странствію получилъ съ любовію душевною, февраля въ 23 день, въ которомъ, по желанію нашему, объявлено о здравіи его царскаго величества, купно же и ваше со дражайшими дѣтки и про отправленіе пути своего на Олонецъ. И за превысочайшую вашу государскую милость Богу благодарственное моленіе церковнѣ и келейнѣ принося радуюся. А впредь паки съ жаждою прошу нечто иное, токмо о здравіи вашего пресвѣтлаго величества не умедлити, да не буду лишенъ таковыя радости, въ чемъ вся Россія радостію радуется и веселіемъ веселится. Вашего пресвѣтлаго величества дненощный богомолецъ чернецъ Варлаамъ, данилова монастыря, что въ Переславлѣ, архимандритъ, поклоненіе полагаю, яко предъ самимъ лицемъ вашего величества. Марта 6-го 1719 году. — Еще вашего милосердія прошу дерзновенно о писаніи, дабы часто слышалъ ваше пресвѣтлое

Вскорѣ послѣ учрежденія Синода, Варлаамъ попалъ было подъ слѣдствіе за одно, довольно крупное дѣло, которое открылось

величество во здравіи и благополучномъ пребываніи, отъ чего не могу вспокоиться, обще и не письмами. По отъ многихъ людей которые изъ Санктпитербурха бываютъ къ намъ, того и спрашиваю: видѣлъ ли царское величество и Царицу Государыню и каковы они, государи, во своемъ здоровьѣ? Нѣтъ мнѣ на свѣтѣ больше сея радости, когда слышу васъ радующихся».

3) «Всемилостивѣйшая Государыня наша, всероссійская радость, благовѣрная Царица и великая княгиня Екатерина Алексѣевна! Иного писать до вашего величества не имѣю, но токмо всегда горитъ сердце мое, како бы слышать о здравіи всемилостивѣйшаго Государя и о вашемъ величества здравіи, купно съ любезнѣйшими дѣтьми и внучатами. Протчее же не съ сумнѣннымъ моимъ надѣяніемъ предавъ мене въ ваши государевы святые молитвы, униженно съ достодолжнымъ моимъ поклоненіемъ ко святымъ вашимъ государевымъ стопамъ, яко предъ самымъ лицемъ вашего величества припадаю. Высокобожескою вашею милостію взысканный чернецъ Варлаамъ даниловскій архимандритъ. Генваря 28-го дня 1721 года. — Не оставъ матушка въ забвеніи разореннаго пожаромъ и монастыря нашего».

4) «Всемилостивѣйшая Государыня наша, благовѣрная Царица и всероссійская заступница, Екатерина Алексѣевна. Благодарствую вашу къ себѣ высокобожескую милость чрезъ милостивыя ваши государскія посланія вашего величества. И впредь прошу, дабы нижайшій вашъ богомолецъ былъ увѣдомленъ вашею къ себѣ высокобожескою милостію чрезъ ваше государское милостивое посланіе о здравіи всемилостивѣйшаго нашего Государя и вашего величества, чего я богомолецъ вашъ отъ сердца усердно повсечастно слышати желаю. А у насъ, всемилостивѣйшая Государыня наша Царица, намъ ваше величество — радость наша и воскресенье наше. И всегда спрашиваемъ о вашемъ государскомъ здравіи, тѣмъ духовно и веселимся, когда услышимъ васъ здоровыхъ, свѣтлыхъ и благополучныхъ. Вашего пресвѣтлаго величества нижайшій богомолецъ, чернецъ Варлаамъ, даниловскій архимандритъ, лицеземное поклоненіе полагаю и Бога всегда молю. — Старицы Наталія и Ефирь благодарствуютъ за ваше государское милостивое писаніе и непрестанно Бога молятъ».

5) «Благочестивѣйшая и премилостивѣйшая великая Государыня наша, Императрица Екатерина Алексѣевна, мати всего міра. Вашему пресвѣтлѣйшему величеству, со благочестивѣйшимъ и премилостивѣйшимъ Государемъ нашимъ, Петромъ Великимъ, Императоромъ и самодержцемъ всероссійскимъ и государынями цесаревнами, желаю здравія и всякаго благополучія на многая лѣта. Благодарствую, матушка наша всероссійская, вашею государскою высокобожескою милостію ко мнѣ мизерному полученную чрезъ ваше Государское милостивое писаніе, въ которомъ извѣстихся азъ убогой вашъ богомолецъ о здравіи всемилостивѣйшаго Государя, что его императорское величество, купно и съ вами и съ любезнѣйшими вашими дѣтьми, защищеніемъ Вышняго въ добромъ обрѣтается здравіи. И азъ убогой чернецъ, высокобожескою вашею милостію взысканный, Всевышнему благодареніе съ братіею подавъ, съ молеб-

въ 1721 году, по доносу мѣстнаго инквизитора; но Государь,

нымъ пѣніемъ и съ радостными слезами. А и впредь — будущее время жизни моея вашему пресвѣтлѣйшему величеству желаю отъ сердца и отъ моей души съ прилежностію многолѣтняго здравія, во всякомъ благополучномъ пребываніи. Извѣстно чиню вашему величеству о старицѣ Есфири, бывшей мнѣ дочери по духу, которую имѣлъ за добраго человѣка, явилась бездѣлницею, яко волкъ покрыта овчею кожею, почему мнѣ за этою лестію узнать было не мочно, а нынѣ явилась змінным ядомъ; а именно не восхотѣ благословенія и удалися отъ мене, произошла на игуменство лукаво и многимъ льщеніемъ того монастыря попомъ и слугамъ и малоумнымъ старицамъ, которые на лесть учинилися склонны и, утаяся другихъ старицъ, руки приложили объ ней на игуменство къ доношенію, а за иныхъ руки прикладывали за очи. И по той заочной челобитной произошла на игуменство. А вашъ государской именной указъ, съ которымъ былъ я посыланъ въ минувшую зиму сказать имъ старицамъ на соборѣ, чтобъ въ монастырѣ своемъ старицу выбрали на игуменство добрую, окромѣ Есфири. — и та Есфирь озлобилась на меня и начала ухищрять старицъ и сказала имъ, будто я такой указъ сказалъ не по вашему милосердому повелѣнію, но самовольно. И на такихъ ихъ глупыхъ мысляхъ бѣдной чернецъ и остался съ великимъ терпѣніемъ до присланнаго отъ вашего величества милостиваго писанія. А нынѣ оную Есфирь указомъ изъ святѣйшаго Синода перевели на игуменство въ богородицкой монастырь, что въ Переславлѣ внутрь города. А по старицу Елизаветъ, о которой была отписка за моею рукою подана вашему величеству, ваше величество изволила отослать въ святѣйшій Синодъ Васильемъ Дмитріевичемъ, указомъ же синодскимъ выслали въ Москву къ произведенію въ игуменьи. Азъ же убогой старецъ претерпѣваю напасти, уповая на Бога и на вашу равнобожескую ко мнѣ милость, и не хощу мщенія за себя ни единому человѣку. Вашего величества, моего о Христѣ спасителя и хранителя, премилостивѣйшей Государыни нашей, всякихъ благъ желатель, недостойный богомолецъ, Варлаамъ архимандритъ, яко самаго Христа ноги ваша объемля кланяюся. Сентября 19-го 1723 году». (Государств. архив. Собраніе писемъ разныхъ лицъ къ Екатеринѣ I.)

6) Всепресвѣтлѣ — благочестивѣйшая и самодержавнѣйшая великая Государыня наша Императрица Екатерина Алексѣевна, матерь всего міра россійскаго. Вашему пресвѣтлому величеству купно съ любезнѣйшими вашими дѣтьми желаю здравія и всякаго благополучнаго пребыванія на многая лѣта, и прошу Всевышняго Бога какъ келейнѣ такъ и церковнѣ, со всею о Христѣ братіею, о вашемъ императорскомъ многолѣтнемъ здравіи и о любезныхъ вашихъ дѣтяхъ, а нашихъ государей премилостивыхъ. Вашего пресвѣтлаго величества прошу, прикажи порадовать малодушнаго черница — отписать едину строку о своемъ многолѣтнемъ здравіи и дѣтей вашихъ любезныхъ, чего отъ сердца по всякъ часъ слышать желаю, вашего пресвѣтлаго величества, моего о Христѣ особливаго въ бѣдахъ и напастѣхъ хранителя, премилостивѣйшія Государыни нашей, всякихъ благъ желатель, недостойный богомолецъ, Варлаамъ архимандритъ даниловскій, яко самаго

безъ сомнѣнія по ходатайству его духовной дочери, простилъ ему вину его, какъ бывшую до учрежденія Синода [1]). Въ 1726 году, 14-го іюля, Варлаамъ переведенъ въ троицкій сергіевъ монастырь [2]); а послѣ возшествія на престолъ Императрицы Анны Іоанновны получилъ отъ нея въ даръ мызу на петергофской дорогѣ (бывшую прежде дачею сестры государыниной Екатерины Іоанновны), гдѣ устроилъ церковь и небольшой монастырь, въ которомъ былъ потомъ (въ 1737 г.) и погребенъ.

Къ этому то лицу примкнулъ теперь Родышевскій. Оно было тайною пружиною всѣхъ послѣдующихъ дѣйствій Маркелла.

Христа ножки ваши объемля кланяюся. Марта въ 2 день 1726 году, Переславль». (Государств. архив., Кабинет. Дѣла, кн. 80, стр. 157).

[1]) Кантемиръ изобразилъ его, можетъ быть въ преувеличенно-рѣзкихъ чертахъ, въ Сатирѣ къ Θеоφану, архіепископу новгородскому:

Въ уголъ спрятавшись, потомъ глаза въ землю втупитъ;
Чуть слышно, что́ говоритъ; чуть, какъ ходитъ, ступитъ.
Чотки завсегда въ рукахъ; на всякое слово
Страшное имя Христа въ устахъ готово.
Молебны пѣть и свѣчи класть склоненъ безъ мѣры
И превосходство сто разъ выхваляетъ вѣры
Тѣхъ, кои церковную славу разширили
И великолѣпенъ храмъ Богу сооружили.
Душа — де ихъ подлинно будетъ наслаждаться
Вѣчныхъ благъ: слово къ чему — можешь догадаться.
О доходахъ говорить церковныхъ склоняетъ,
Кто далъ, чимъ жирѣетъ онъ, того похваляетъ.
Другое всяко не столь дѣло годно Богу
Тѣмъ однимъ легку сыскать можемъ въ рай дорогу.
Когда въ гостяхъ за столомъ, и мясо противно
И вина нехочетъ пить: да то и не дивно.
....
За всегда совѣтуетъ гнѣва удалиться, но ищетъ въ прахъ стерти
Тайно недруга; недастъ покою по смерти.
Всевидца Творца бѣднякъ мнитъ привесть въ обманство,
Кой зритъ людей правоту и зло окаянство.

(Сатиры Кантемира, изд. Смирдина, 1847 г., стр. 65—66. прим. 2, гдѣ изображаемое лицо прямо названо *Варлаамомъ*).

[2]) Высочайшій именной указъ Варлааму: «Честнѣйшій отецъ! Понеже троицкій сергіевъ монастырь нынѣ въ худомъ состояніи находится, а наипаче, какъ мы слышали, что монахамъ хлѣбъ даютъ овсяный: того ради, на мѣсто бывшаго въ томъ монастырѣ архимандрита Гавріила, который нынѣ опредѣленъ епископомъ, велѣли мы перевесть въ троицкій монастырь васъ архимандритомъ и надѣемся, что вы тотъ монастырь исправите и въ доброе состояніе приведете. 14-го іюля, 1726 г.» (Кабин. Дѣла, I, № 31, л. 180).

Придворное положеніе давало ему силу и значеніе. Многіе думали даже, какъ и самъ онъ увѣренъ былъ, что его сдѣлаютъ патріархомъ и разсчитывали на его будущее положеніе. Свиданія Родышевскаго съ Варлаамомъ сначала не были часты и разговоры не могли быть откровенны, потому что Варлаамъ былъ слишкомъ остороженъ и скрытенъ; но, на свою бѣду, вмѣшался въ ихъ дѣло Аврамовъ, одинъ изъ тѣхъ, какихъ всегда много собирается вокругъ вліятельныхъ духовныхъ лицъ, и завелъ Маркелла въ такія дебри непроходимыя, изъ которыхъ уже трудно было выбраться.

Аврамовъ бывалъ у Варлаама и толковалъ съ нимъ о современныхъ лицахъ и событіяхъ. «Приходилъ къ нему по утрамъ, до пріѣзду всякихъ властей и господъ, рано и часто, мало не по вся дни, и лошадей своихъ съ саньми оставливалъ на троицкомъ подворьѣ и вхаживалъ къ нему, архимандриту, въ келью; разговоры имѣли многажды наединѣ и въ то время всѣхъ прочихъ высылали вонъ въ другія кельи». У нихъ было много общаго во взглядахъ и въ понятіяхъ. Но одинъ былъ остороженъ и скрытенъ: другой многорѣчивъ и распущенъ; — одинъ защищенъ былъ своимъ положеніемъ и укрывался за него при всякомъ случаѣ: другой выставлялъ на видъ свою ревность къ вѣрѣ и шелъ на встрѣчу всякимъ непріятностямъ, утѣшаясь мыслію о страданіи за вѣру; — у одного извѣстный складъ понятій былъ слѣдствіемъ его неразвитости; у другаго — реакціей противъ прежней распущенности; — одинъ про себя жилъ по барски: другой тайно мучилъ себя веригами и разными лишеніями.

Аврамовъ льстилъ ему, какъ единственной надеждѣ Церкви — свѣтлой звѣздѣ, сіяющей среди всеобщаго мрака невѣрія и нечестія, — будущему патріарху, который исторгнетъ съ корнемъ лютерскія и кальвинскія ереси, распространившіяся въ народѣ и поддерживаемыя самими церковными правителями. Обоимъ оберегателямъ вѣры и благочестія Родышевскій (общій ихъ знакомецъ) казался мучепикомъ за вѣру, за святое православіе. Аврамовъ спросилъ Варлаама: «нельзя ли попросить Императрицу, чтобъ освободить Маркелла изъ подъ караула»?—«Пусть напишетъ прошеніе — отвѣчалъ Варлаамъ — а на книги, что знаетъ, изъясненіе». Аврамовъ передалъ отвѣтъ Варлаама Родышевскому и сказалъ, чтобъ онъ написалъ прошеніе съ изъясненіемъ противъ

Θеофана. Родышевскій написалъ на высочайшее имя прошеніе и отдалъ Аврамову, а Аврамовъ Варлааму.

«Имѣются предложенія мои съ пунктами о правовѣріи въ правительствующемъ Сенатѣ на новгородскаго архіерея Θеофана въ противностяхъ его къ святой Церкви, по которымъ предложеніямъ моимъ и по пунктамъ доселѣ суда не произведено, а я многажды и имань и битъ и давленъ и едва не удавленъ и кованъ, и единожды со всего не токмо монашескаго, но что ни было на мнѣ платья совлеченъ, такъ многое время сидѣлъ подъ жестокимъ карауломъ, о чемъ въ дѣлѣ въ Сенатѣ и Преображенскомъ приказѣ обрѣтается. Всемилостивѣйшая Государыня Императрица! Вашего императорскаго величества прошу, повели, великая Государыня, оное дѣло ради самаго Бога передъ самую себѣ взявъ, разсмотрѣть и мнѣ съ нимъ, новгородскимъ архіереемъ, очную ставку дать. А при сей челобитной и подобіи тѣмъ, каковіи я могъ снамятовать и подалъ на него архіерея новгородскаго, пункты предлагаются». Пункты эти почти тѣ же самые, которые мы видѣли выше въ изложеніи процесса Родышевскаго съ Θеофаномъ въ 1726 году. Но Родышевскій присовокупилъ къ нимъ реэстръ свидѣтелей, при которыхъ имѣлись отъ новгородскаго и отъ его согласниковъ и учениковъ противности церковныя.

Вмѣстѣ съ прошеніемъ и пунктами Родышевскій подалъ Варлааму на высочайшее имя прошеніе, чтобы еретическія руки Θеофана, архіерея новгородскаго, не допускать до муропомазанія и коронованія ея императорскаго величества, потому что-де втораго императора, Петра Алексѣевича, короновалъ онъ Θеофанъ и Государь-де скоро скончался; чтобъ-де и ея императорскаго величества здравіе охранить». Аврамовъ подалъ и эту челобитную Варлааму; но, подалъ ли Варлаамъ Государынѣ, неизвѣстно.

Въ одно время съ нимъ подалъ такую же челобитную Государынѣ другой противникъ Θеофана — Носовъ.

«По истинымъ моимъ объявленіямъ, бывшій псковскій архіерей, что нынѣ новгородскій же, Θеофанъ, съ общаго согласнаго совѣта съ (бывшимъ новгородскимъ архіереемъ) Θедосомъ содержавъ престолъ псковскаго архіерейства, не только тожъ чинилъ, но и превосходство во многихъ преступленіяхъ показалъ, такъ что всѣхъ онаго злодѣйствъ, кромѣ того, ежелибъ онъ самъ при-

шелъ въ чувство и объявилъ своимъ показаніемъ, и слѣдовать невозможно. Но однакожъ о извѣстныхъ, якобы уже о изслѣдованныхъ, и здѣ объявляется. Во время архіерействованія своего въ Псковѣ многія святыя церкви и монастыри, для богомерзскаго своего лакомства, псковскому архіерейскому дому приписалъ, отъ которыхъ вотчины и всякіе доходы отнялъ и къ оному дому присовокупилъ и священнослужителей отрѣшилъ и тѣмъ оныхъ безгласныхъ учинилъ. Ещежъ отъ нихъ церковныя имѣнія, всякую утварь и колокола, отобравъ распродалъ и въ непристойныя монашеству роскоши употребилъ. А колико въ бытность его во Псковѣ церквей и монастырей къ помянутому дому приписано и опустошено, о томъ имѣется извѣстіе и въ псковскомъ архіерейскомъ домѣ; токмо о забранныхъ отъ тѣхъ церквей и монастырей имѣніяхъ о вѣрностномъ отъ того дому отвѣтствіи, безъ допросовъ отрѣшенныхъ священнослужителей, надежды не имѣется, для того, что много оныхъ брано и безъ записокъ. Оныжъ же злодѣемъ, Оеофаномъ, и въ главной соборной ризницѣ со священныхъ облаченій крупный жемчугъ обранъ, который сообщникомъ его, таковымъ же церковныхъ имѣній татемъ, іеродіакономъ Адамомъ продаванъ и получаемыя деньги на общую ихъ, непристойную монашеству, роскошь употреблены: изъ каковыхъ облаченій и въ Сунодѣ епитрахиль и пелена въ лицѣ поличнаго имѣется. По его же Оеофанову велѣнію, бывшимъ при немъ судіею, архимандритомъ Маркеллomъ Родышевскимъ, собранныя отъ святыхъ иконъ привѣски отвезены въ Ригу и промѣнены на нѣсколько бутылокъ заморскихъ питей, а о количествѣ долженъ объявить помянутый Родышевскій. Въ оное жъ свое архіерействованіе во Псковѣ какъ собранному до него, такъ и при немъ родившемуся хлѣбу, чинена всегдашняя продажа, а деньги употреблены имъ въ вышесказанную роскошь; и не за долгое время переведенія его на новгородское архіерействованіе, при вышеобъявленномъ Родышевскомъ, продано хлѣба безъ мала на десять тысячъ рублевъ, и въ самое короткое время деньги употреблены въ помянутую жъ роскошь. И за вышеобъявленными злодѣйствы, оный Оеофанъ, чрезъ лукавственный свой прошекъ, на престолъ новгородскаго архіерейства произшелъ, и слѣдуемые въ собраніи высокихъ правительствъ, по протестамъ моимъ, на помянутаго

Оедоса и его сообщников дѣла, якобы безподозрительный, исходатайствовалъ для слѣдованія и рѣшенія въ свои руки, а по исходатайствованіи ввѣрилъ слѣдовать самимъ отвѣтчикамъ, которые, для своей и прочихъ товарищей своихъ выправокъ, чинили, какъ бы къ пользѣ ихъ удобнѣе. Изъ собранныхъ Оедосомъ и его сообщниками, отъ продажи награбленныхъ ими отъ монастырей и церквей имѣній, денегъ, которыя запечатаны были по именному указу, оный Оеофанъ изъ за печати едва что не всѣ похитилъ, о чемъ извѣстіе и въ высокоправительствующемъ Сенатѣ имѣется. Такожъ и описной купно съ оными деньгами хлѣбъ мало что не весь расточилъ, и получаемые денежные и хлѣбные доходы въ непристойныя монашеству роскоши тратитъ весьма необычно. О вышеобъявленныхъ его Оеофановыхъ злодѣйствахъ уже давное время извѣстіе имѣется; токмо оный, чрезъ лукавственные свои прописки, якобы безпорочный надъ духовными начальствуетъ и весьма подвизаетъ гнѣвъ Божій, который изъ сихъ самыхъ знатныхъ дѣлъ его познается. Въ прошломъ 1724 году оный Оеофанъ, съ подобнымъ злодѣемъ и еретикомъ, бывшимъ повгородскимъ архіереемъ, чернцомъ Оедосомъ, при коронаціи блаженныя и вѣчнодостойныя памяти Государыни Императрицы Екатерины Алексѣевны, допущены были до помазанія. Такожъ и при коронаціяхъ блаженныя и вѣчнодостойныя памяти его величества, Петра II, Императора и Самодержца всероссійскаго, въ 1728 г. онъ Оеофанъ въ помазаніи первенствовалъ: и изволеніемъ Божіимъ царствованіе ихъ императорскихъ величествъ было весьма маловременно. Его жъ блаженныя и вѣчнодостойныя памяти императорскаго величества, Петра II, обручалъ онъ Оеофанъ съ двумя невѣсты, но и то неисполнилось. Еще жъ блаженныя памяти государыни цесаревны Анны Петровны съ его королевскимъ высочествомъ Голстинскимъ при вѣнчаніи первенствовалъ — и ея высочества жизнь пресѣклась вскорости жъ. Того ради я всенижайшій, по ревностной моей рабской вѣрности, объявляю, дабы онаго злодѣя, за вышесказанными извѣстными злодѣйствы и прочими преступленіи, о которыхъ упомянуто въ прежнихъ моихъ объявленіяхъ и пространнѣе впредь доказательствами изъяснится, въ грядущій день радости вашего всепресвѣтлѣйшаго императорскаго величества коронаціи, къ помазанію еретическая святотат-

ствешая его рука допущена не была».—Но прошенія эти не были уважены.

28-го апрѣля (1730 г.), во вторникъ, совершилась коронація Императрицы обыкновеннымъ порядкомъ. Ѳеофанъ, какъ старшій изъ епископовъ, первенствовалъ въ церемоніи коронованія и муропомазанія Государыни [1]) и, отъ лица всего народа, сказалъ ей привѣтственную рѣчь, въ которой искусно сопоставилъ теперешнее величіе ея съ предшествовавшимъ бѣдственнымъ и униженнымъ состояніемъ, что̀ безъ сомнѣнія пріятно было Императрицѣ. Впослѣдствіи онъ много разъ говорилъ на эту тему во дни ея праздниковъ. «Кому неизвѣстны бывшія твоя доселѣ скорби? Въ лѣтахъ отроческихъ постигло сиротство, въ юношескомъ возрастѣ, еще брачнымъ, тако рещи, свѣщамъ неугасшимъ, помрачило вдовство. Ещежъ тыя слезы не осохли, а пришла нужда плакати и о злоключеніи единоутробной крови. Въ томъ же самомъ ненастіи поразилъ громъ матерней смерти — сталожъ уже другое то оспротѣніе. Да скоро и третіе послалъ Богъ по умершемъ державномъ дядѣ. А тѣсноту сердца твоего въ безчестіи и гоненіи, да еще отъ безбожнаго раба (т. е. Меншикова), которыми напишемъ шарами? И еще того не конецъ. Судилъ Богъ слышати и дражайшаго племянника въ вышняя отшествіе Богомъ вѣнчаннаго Государя нашего. И аки бы недовольно того, между всѣмъ тѣмъ — хлѣбъ за скудостію своею горькій и то не вовсе надежный, такъ что притча вдовы горлицы, на сухомъ древѣ сѣдящей, на тебѣ истину получила».—Проповѣдникъ въ самыхъ небесныхъ явленіяхъ подмѣтилъ сочувствіе съ общею настроенностію народа. «Но и самое небо, нынѣшнимъ коронаціи твоей опредѣленнымъ днемъ, тожде о тебѣ Божіе смотрѣніе, аки бы нарочно, изобразуетъ; понеже, по долгомъ изъ утра туманномъ помраченіи, какъ стала пора къ славному сему шествію, всечистымъ сіяніемъ просвѣтилось». Безъ сомнѣнія тому же поэтическому увлеченію надо приписать и сравненіе Государыни съ пророчицею Анною и восклицанія въ родѣ слѣдующихъ: «О вѣтво святая святаго корене, красото и славо всероссійская»!

---

[1]) «Архіепископъ новгородскій, въ достоинствѣ митрополита россійской имперіи, совершалъ муропомазаніе. (*Манштейна*, Записки о Россіи).

Послѣднее было покрайней мѣрѣ преждевременно. На другой день, 29-го апрѣля, Θеофанъ говорилъ ей во дворцѣ привѣтственную рѣчь отъ лица духовенства [1]).

XV.

Высочайшій указъ и конференція Сената съ Сѵнодомъ объ устроеніи Сѵнода. — Судъ надъ воронежскимъ епископомъ Львомъ Юрловымъ.

При Петрѣ Великомъ Сѵнодъ состоялъ изъ представителей какъ монашествующаго, такъ и бѣлаго духовенства. Изъ монашествующаго духовенства членами Сѵнода были, кромѣ епископовъ, архимандриты и игумены, готовящіеся на высшія мѣста въ духовной іерархіи. Но, по смерти Петра, это высшее духовное учрежденіе мало по малу потеряло свой первоначальный характеръ. Изъ сѵнодальнаго присутствія одинъ за другимъ исключены были архимандриты и игумены и совершенно устранены члены изъ бѣлаго духовенства. Сѵнодальное присутствіе составляли только четыре, а иногда даже три, архіерея. Императрица Анна рѣшилась дать Сѵноду прежнее устройство, какое онъ имѣлъ при Петрѣ I-мъ. По какому побужденію и по чьему представленію это сдѣлано, не извѣстно. Можно догадываться однако жъ, что это было не противъ желанія Θеофана, если не прямо по его представленію. Съ одной стороны это разомъ прекращало толки о патріаршествѣ; съ другой — увеличивало силу Θеофана въ борьбѣ съ опаснымъ совмѣстникомъ Дашковымъ, который забралъ въ Сѵнодѣ всю власть въ свои руки [2]).

20 мая, 1730 года Императрица дала указъ Сѵноду:—«Всѣмъ извѣстно, коимъ образомъ блаженныя памяти его императорское

---

[1]) Къ этому времени относится поданное Императрицѣ Θеофаномъ 19-го апрѣля 1730 г. письмо *Объ утѣсненіяхъ въ Австріи исповѣдающихъ греко-россійскую вѣру*, съ приложеніемъ двухъ писемъ объ этомъ предметѣ князя Кантакузина. (Напечатано въ Русск. арх. 1863 г. стр. 299—302).

[2]) Въ словарѣ м. Евгенія (ч. 2. стр. 319), между неизданными сочиненіями

величество, дядя нашъ, Петръ Великій, правительствующій Духовный Сунодъ учредилъ и регламентами принадлежащими удовольствовалъ, который тогда состоялъ въ довольномъ числѣ персонъ; а нынѣ оной Сунодъ не въ такомъ состояніи, каковъ прежде былъ. Того ради прилежно о томъ, яко о зѣло благопотребномъ дѣлѣ разсуждая, благоизволяемъ: оный Сунодъ въ доброй порядокъ привесть. Того ради повелѣваемъ Духовному правительствующему Суноду, снесшись съ правительствующимъ Сенатомъ, общимъ совѣтомъ учинить слѣдующее: первое — толикому ли числу персонъ быть въ Сунодѣ, колико положено въ Регламентѣ, или еще прибавить и по скольку и изъ какихъ чиновъ быть? Второе — персонамъ, опредѣленнымъ въ Сунодъ непремѣннымъ ли быть или перемѣннымъ, и ежели разсуждено будетъ быть перемѣннымъ, то во сколько времени перемѣнять? Третіе — выбрать кандидатовъ по имянамъ для избранія въ число, какое опредѣлено будетъ. Оное все учиня Духовному Суноду, обще съ Сенатомъ, представить намъ для конфирмаціи. А понеже нынѣ въ Сунодѣ число персонъ зѣло малое, только четыре обрѣтается, а такъ малому числу вступить въ совѣтъ съ Сенатомъ невозможно: того ради повелѣваемъ Духовному Суноду, для совѣту вышеписанныхъ дѣлъ, взять въ прибавокъ изъ духовныхъ персонъ людей къ тому достойныхъ, и прилежно стараться немедленно по вышеписанному учинить, дабы въ настоящихъ духовныхъ дѣлахъ остановки и непорядку не было [1])».

25 мая Сунодъ назначилъ въ составъ имѣющей быть конференціи съ Сенатомъ, кромѣ присутствующихъ членовъ, епископовъ Леонида сарскаго, Питирима нижегородскаго и Іоакима суздальскаго; архимандритовъ: троицкаго Варлаама [2]), новоспасскаго Ев-

---

Оеофана, показаны: 1) *Разсужденіе о присутствованіи въ Сунодѣ большему числу изъ архіереевъ* и 2) *Разсужденіе о бытіи въ Сунодѣ непремѣннымъ членамъ*, и сказано, что оба разсужденія представлены на разсмотрѣніе Суноду 20 мая 1730 года. Мы нигдѣ не видали ни этихъ сочиненій, ни иныхъ указаній на нихъ, кромѣ м. Евгенія. По совпаденію чиселъ надо полагать, что они составлены Оеофаномъ или передъ приведеннымъ ниже указомъ о преобразованіи Суноda и были поводомъ къ нему, или вслѣдъ за нимъ и были исходною точкою для разсужденій по этому предмету на конференціи Суноda съ Сенатомъ.

[1]) Дѣла арх. св. Суноda, 1730 г. № 11.

[2]) Варлаамъ ни разу не былъ въ собраніи Суноda и не подписывался подъ его протоколами.

опмія Колети, саввина сторожевскаго Доспоея, высокопетровскаго Сергія и горицкаго Иларіона; изъ бѣлаго духовенства — никого. Нѣкоторыхъ членовъ не было въ Москвѣ—къ нимъ послали указы. Наконецъ, 8 іюня, Ѳеофанъ объявилъ въ Сунодѣ высочайшій указъ, чтобы лица, назначенныя въ составъ имѣющей быть конференціи (доколѣ не пріидетъ это дѣло къ окончанію), пріѣзжали въ сунодальныя собранія на правахъ сунодальныхъ членовъ и, слушая дѣла, полагали общую съ прежними членами резолюцію и подписывали приговоры.

На другой день, 9 іюня, открылись конференціи съ Сенатомъ. «Государственный канцлеръ, графъ Головкинъ, предложилъ, чтобъ сунодальнымъ членамъ быть перемѣнными: четыремъ архіереямъ, двумъ россійскимъ, двумъ другихъ націй; четыремъ архимандритамъ и двумъ протопопамъ — всего 10 персонамъ. Конференція утвердила быть только шести архіереямъ, да пяти архимандритамъ; а протопопамъ не быть и игуменамъ не быть. Числу быть одиннадцати мѣстнымъ. Оставить чередныхъ по два архимандрита. Князь А. М. Черкасскій предложилъ съ своей стороны, что если архіереямъ быть перемѣнными, тобъ меньше четырехъ; а ежели неперемѣнными, то и больше. Преосвященный новгородскій говорилъ, что ежели перемѣнять, то по одному на годъ отпускать. Графъ Головкинъ и князь Д. М. Голицынъ также говорили, чтобы всѣхъ вдругъ не перемѣнять. Генералъ-фельдмаршалъ Трубецкой предлагалъ, чтобы перемѣнять не вдругъ и не по одному, но по третямъ. Ежели быть архіереямъ шести, то перемѣнять по два въ отпускъ. Хотя и перемѣнными быть, да обратнымъ. Сенатъ предлагалъ перемѣнять черезъ два года».

На этотъ разъ однакожъ ничѣмъ не кончили и положили принесть на конференцію проэктъ для общаго разсмотрѣнія; но въ назначенный день, 11 іюня, конференція не состоялась.

16 іюня Сунодъ посылалъ въ Сенатъ своего секретаря, В. Тишина, съ объявленіемъ, что отъ Сунода сочиняется мнѣніе, но только за нѣкоторымъ малымъ исправленіемъ не окончено; чтобъ и Сенатъ также предложилъ на конференціи проэктъ съ мнѣніемъ. Тишину объявили въ Сенатѣ, «что отъ Сената никакого проэкта предложено не будетъ, а чтобъ на будущей конференціи надлежащее мнѣніе предложено было отъ Сунода».

26 іюня сунодальные члены снова ходили на конференцію въ Сенатъ, въ которомъ тогда присутствовали: графъ Головкинъ, князь Голицынъ, Ушаковъ и Шаховскій. Изъ дѣла видно только, что Ѳеофанъ подалъ отъ лица Сунода мнѣніе, которое и принялъ графъ Головкинъ. Мы не знаемъ, въ чемъ состояло это мнѣніе и на чемъ остановилась конференція.

Между тѣмъ новый высочайшій указъ, заключившій собою разсужденія конференціи и послѣдовавшій вскорѣ послѣ ея послѣдняго собранія, совпалъ съ другими обстоятельствами, которыхъ мы не должны упустить изъ виду. Это была несчастная исторія воронежскаго епископа Льва Юрлова.

Левъ, въ мірѣ Лаврентій Юрловъ, родомъ изъ дворянъ Юрловыхъ. Отецъ его, Михаилъ Матвѣевичъ Юрловъ, въ годъ рожденія Лаврентія былъ помѣщикомъ въ нижегородской губерніи въ курмышскомъ уѣздѣ, села Семова. Лаврентій въ юныхъ лѣтахъ остался сиротою и взятъ на воспитаніе въ Москву, въ домъ боярина князя Ивана Борисовича Троекурова и воспитывался вмѣстѣ съ сыномъ его, И. И. Троекуровымъ. По достиженіи зрѣлаго возраста, онъ ходилъ вмѣстѣ съ нимъ, въ качествѣ волонтера, въ походы, два раза подъ Азовъ и подъ Ругодевъ [2]). Послѣ ругодевскаго похода, 23 лѣтъ, въ 1721 г. онъ рѣшился вступить въ монашество и, для предварительнаго испытанія себя, отправился въ троицкій сергіевъ монастырь, гдѣ и находился при архимандритахъ Иларіонѣ Властелинскомъ и Сильвестрѣ Холмскомъ, пользуясь ближайшимъ руководствомъ монастырскаго духовника, іеромонаха Георгія Дашкова, лѣтъ съ десять. Изъ троицкаго монастыря Юрловъ посланъ строителемъ въ приписной къ нему троиц-

---

[2]) У *Голикова*, въ Дѣяніяхъ Петра Великаго. (т. XV, стр. 34—37, изд. 2). разсказывается анекдотъ, какъ молодой пажъ вдовствующей царицы Марѳы Матвѣевны Юрловъ, бывши съ нею на ассамблеѣ у голландца Гонна, скрылъ серебряный кубокъ, изъ котораго пилъ Государь Петръ Алексѣевичъ, и какъ царица, жалѣя пажа и закрывая отъ гнѣва царскаго, дала ему денегъ и посовѣтовала спасаться, какъ знаетъ. Юрловъ пропалъ безъ вѣсти, а Царица приняла на себя выговоръ и гнѣвъ царскій. Между тѣмъ пристыженный и напуганный пажъ ушелъ въ монастырь и постригся подъ именемъ Льва.

кій же астраханскій монастырь, гдѣ и постриженъ въ мантію духовникомъ того монастыря, іеромонахомъ Іосафомъ, а митрополитомъ Самсономъ посвященъ въ іеродіакона и іеромонаха; въ 1716 году переведенъ въ астраханскій спасопреображенскій монастырь. По смерти Самсона, по случаю возникшихъ неудовольствій съ преемникомъ его Іоанномъ, Левъ просилъ рязанскаго митрополита Стефана о переводѣ его въ Москву, куда онъ и переведенъ для жительства, впредь до усмотрѣнія, въ донской монастырь. Въ эту пору бывшій духовникъ его въ троицко-сергіевскомъ монастырѣ, Георгій Дашковъ, посвященъ въ епископы ростовскіе. Левъ выпросился съ нимъ въ Ростовъ и жилъ при немъ нѣсколько мѣсяцевъ. Вскорѣ послѣ этого, когда, по указу Петра I-го, велѣно было изъ Москвы прислать въ новооснованный александро-невскій монастырь нѣсколько «доброжительныхъ монаховъ», Левъ посланъ былъ вмѣстѣ съ прочими и, въ бытность въ александро-невскомъ монастырѣ, находился въ кампаніи на кораблѣ Ангутѣ; по окончаніи оной, высочайшимъ именнымъ указомъ опредѣленъ архимандритомъ въ переяславскій горицкій монастырь рязанской епархіи [1]). По обычаю того времени, основанному на Регламентѣ, почетнѣйшіе архимандриты вызываемы были въ Сунодъ для присутствованія и для ознакомленія съ дѣлами епархіальнаго управленія. Переяславскій архимандритъ вызванъ былъ въ Сунодъ въ 1727 году [2]) и, въ томъ же году, произведенъ въ епископы воронежскіе, съ увольненіемъ отъ присутствованія въ Сунодѣ.

Различные слухи и толки, волновавшіе умы передъ восшествіемъ на престолъ Императрицы Анны, породили множество

---

[1]) Біографія Льва заимствована нами изъ его собственныхъ показаній; но онъ умолчалъ въ нихъ объ одномъ обстоятельствѣ, которое извѣстно изъ слѣдственнаго о немъ дѣла Въ январѣ 1724 г., по доношенію изъ Приказа инквизиторскихъ дѣлъ, онъ подпалъ подъ судъ и слѣдствіе за расхищеніе въ приписномъ къ сергіеву монастырю астраханскомъ монастырѣ питья и рыбныхъ припасовъ на двѣ тысячи рублей и, до изслѣдованія, отъ настоятельства отрѣшенъ съ тѣмъ, чтобъ имѣлъ пребываніе въ чудовѣ монастырѣ; но въ апрѣлѣ, по случаю коронаціи Екатерины, вина его прощена и велѣно ему быть въ горицкомъ монастырѣ архимандритомъ по прежнему.

[2]) 10 февраля 1727 года изъ Кабинета ея императорскаго величества въ св. Сунодъ писано, «чтобъ въ С.-Петербургъ на ваканціи быть архимандритамъ Льву горицкому, да Іоакиму донскому; а о новоспасскомъ архимандритѣ, выздоровѣлъ ли отъ болѣзни, дать знать».

безпорядковъ во всѣхъ концахъ Россіи и во всѣхъ русскихъ сословіяхъ. Приверженцы старины, ожившіе и окрѣпшіе въ царствованіе Петра II, надѣялись возвесть на престолъ бабку его, Евдокію Ѳедоровну Лопухину. Первый голосъ, при избраніи наслѣдника Петру II, былъ въ пользу царицы-инокини. Князь В. В. Долгорукій, издавна ей приверженный и близкій по дѣлу царевича, а отчасти и по своей упорной любви къ старинѣ, желалъ поднесть ей корону. Но это предложеніе отвергнуто было большинствомъ верховныхъ сановниковъ, которые предложили русскій престолъ герцогинѣ курляндской, Аннѣ Іоанновнѣ. Посланные къ ней изъ Москвы депутаты отправились 19-го января. Февраля 2-го прочитанъ былъ въ Верховномъ Совѣтѣ рескриптъ Императрицы съ изъявленіемъ ея согласія, а 3-го обнародованъ манифестъ объ ея избраніи.— 15-го февраля Императрица вступила въ столицу.

Волненія, приводившія въ движеніе столицу, отозвались въ отдаленныхъ концахъ Россіи. Туда доходили самые смутные слухи. Молва, безъ сомнѣнія, измѣняла и дополняла эти слухи по своему. Во время самаго разгара толковъ и смутъ обнародованъ былъ манифестъ о смерти Петра II и объ избраніи императрицы Анны. Въ Воронежъ пришелъ манифестъ 14-го февраля. Мѣстный вице-губернаторъ Пашковъ отослалъ его къ преосвященному Льву. Тотъ ничего не отвѣчалъ, а между тѣмъ на слѣдующій день — это было первое воскресенье Великаго поста—на извѣстномъ обрядѣ православія велѣлъ вездѣ, гдѣ надо было поминать имя Государыни, поминать «о благочестивѣйшей великой Государынѣ нашей Царицѣ и великой княгинѣ Евдокіи Ѳеодоровнѣ и о державѣ ихъ», а потомъ о благовѣрныхъ государыняхъ цесаревнѣ и царевнахъ. Такъ и самъ онъ вспоминалъ на литургіи, по принятіи св. Даровъ въ царскихъ дверяхъ. Съ того дня и въ прочіе дни воспоминаніе во всѣхъ церковнослуженіяхъ производимо было такъ же.

Пашковъ 18-го числа послалъ къ нему снова подполковника Барыкова, съ требованіемъ объявить манифестъ по обычаю и назначить, когда этому быть. Епископъ объявилъ, что «церковнаго поминовенія о Государѣ Императорѣ и молебнаго торжества о ея императорскомъ величествѣ, безъ присланнаго къ нему о томъ

особливаго точнаго указа изъ Сунода, собою чинить опасенъ, разсуждая то, что можетъ быть не сдѣлается ль впредь другой какой отмѣны». Пашковъ донесъ объ этомъ въ Москву. У Льва потребовали объясненія.

Левъ прислалъ въ Сунодъ объясненіе, что Пашковъ въ неотправленіи имъ молебна о вступленіи ея величества на престолъ клевещетъ на него напрасно, по злобѣ.

Объясненіе Льва слушано было въ Сунодѣ 20-го марта. При слушаніи его ростовскій епископъ, Георгій Дашковъ, сказалъ: «у воронежскаго архіерея съ воронежскимъ вице-губернаторомъ давняя ссора и другъ на друга пишутъ по ссорѣ. Подождать, не будетъ ли отъ губернатора какого объясненія». На этотъ разъ тѣмъ дѣло и кончилось и жизнь потекла своимъ чередомъ.

8-го іюня состоялся указъ о перемѣщеніи Льва въ Астрахань, на высшую степень, а на его мѣсто назначенъ переяславскій епископъ Іоакимъ. Но это назначеніе остановлено было самымъ неожиданнымъ образомъ, вслѣдствіе одного, повидимому, ничтожнаго обстоятельства, которымъ воспользовался Ѳеофанъ въ борьбѣ съ покровительствовавшимъ Льву, Дашковымъ.

11-го іюня къ Льву посланъ былъ изъ Москвы служитель переяславскаго епископа Іоакима (назначеннаго на его мѣсто) съ указомъ о его перемѣщеніи и прибытіи въ Москву. Левъ, прочитавши указъ, сказалъ, что онъ выѣдетъ изъ Воронежа послѣ Казанской, потому что ему хочется освятить только что выстроенную имъ въ архіерейскомъ домѣ церковь въ честь Казанской иконы Божіей матери. Ошибка Льва состояла въ томъ, что онъ не послалъ въ Сунодъ письменнаго репорта о полученіи указа. Этого было довольно, чтобы затянуть его въ дѣло. Подвели справку изъ указовъ петровскаго времени, оштрафовали его за мѣсяцъ упущенія ста рублями и послали указъ, чтобы ѣхать ему въ Москву въ самой скорости и ни въ какія епархіескія тамошнія дѣла не вступать, подъ опасеніемъ за преступленіе тягчайшаго штрафа. Это было 15-го іюля. Въ тотъ же день, въ томъ же собраніи Сунода, Ѳеофанъ предложилъ, отъ имени Государынин, запросъ: отчего дѣло Льва—по извѣстному доносу воронежскаго губернатора—до сего времени въ Сунодѣ не слѣдовано и умолчано? На этотъ вопросъ коломенскій митрополитъ Игнатій отвѣчалъ, что

объясненіе Льва доложено и слушано было 20-го марта, но при слушаніи его ростовскій епископъ Георгій Дашковъ сказалъ: «у воронежскаго архіерея съ воронежскимъ вице-губернаторомъ давняя ссора и другъ на друга пишутъ по ссорѣ. Подождать не будетъ ли отъ губернатора какого объясненія». Игнатій говорилъ, что это слышали всѣ, бывшіе въ ту пору въ Сунодѣ — тверской архіепископъ Ѳеофилактъ, оберъ-прокуроръ Баскаковъ и секретарь Тишинъ. Но по окончаніи собранія и по выходѣ Георгія, онъ Игнатій будто бы остался съ оберъ-прокуроромъ Баскаковымъ и съ секретаремъ Тишинымъ и наказалъ послѣднему, чтобы онъ, противъ архіерейскаго и губернаторскаго доношенія, сдѣлалъ выписку и отправилъ въ правительствующій Сенатъ немедленно.

Было это послѣднее сказано или нѣтъ — вотъ въ чемъ вопросъ. Какой поводъ былъ Игнатію выдумывать? Но для начала дѣла Ѳеофану довольно было и того, что его почтенные сослуживцы показали перѣшительность въ осужденіи Льва.

Черезъ пять дней 21-го іюля, въ подмосковномъ дворцовомъ селѣ Измайловѣ, Императрица вручила лично сунодальнымъ членамъ указъ о новомъ образованіи Суноца. «Указали мы нынѣ быть членамъ въ Духовномъ правительствующемъ Сунодѣ изъ архіереевъ—новгородскому Ѳеофану, крутицкому Леониду, нижегородскому Питириму, суздальскому Іоакиму; а изъ архимандритовъ—харьковскому Платону, новоспасскому (Евфимію) Колетіи, Переславля залѣсскаго горицкому Иларіону и изъ протопоповъ—успенскому Ивану [1]), благовѣщенскому Ивану жъ [2]). И нашему Духовному Суноду учинить по нашему сему указу. Анна [3])». Этимъ указомъ Дашковъ, Ѳеофилактъ и Игнатій увольнялись изъ Суноца.

Дашковъ въ это время жилъ въ своей епархіи, куда уволенъ былъ вскорѣ послѣ коронаціи. А Ѳеофилактъ простодушно разсказываетъ о себѣ, что онъ, ничего не зная, пріѣхалъ было въ Сунодъ по обычаю; но ему показали списокъ новыхъ членовъ: это значило, что надо отправляться на епархію.

---

[1]) Иванъ Максимовъ.

[2]) Иванъ Семеновъ.

[3]) Дѣла Архива св. Суноца, 1730 г., № 11.

Въ новомъ составѣ Сунода, въ числѣ сунодальныхъ членовъ, мы видимъ опять двухъ протопоповъ, какъ при первомъ образованіи Сунода въ 1721 году: московскаго успенскаго собора Ивана Максимова и московскаго жъ благовѣщенскаго Ивана Семенова. Первый—лицо новое въ Сунодѣ; а послѣдній былъ уже въ Сунодѣ ассессоромъ съ 1721 по 1723 годъ; послѣ того онъ отъ ассессорства удаленъ и опредѣленъ судьею въ Тіунскую контору; въ 1729 году перешелъ въ Москву въ благовѣщенскій соборъ и теперь снова назначенъ сунодальнымъ членомъ [1]).

Въ 1731 году 19-го января Сунодъ представилъ докладъ Государынѣ, въ которомъ ходатайствовалъ о именованіи сунодальныхъ членовъ прежними рангами, какъ было при Петрѣ I, за исключеніемъ президентскаго, и о назначеніи сунодальнымъ членамъ жалованья. Но ранги не были утверждены; высочайшимъ указомъ, состоявшимся 26-го ноября того же года, опредѣлено было только жалованье сунодальнымъ членамъ — Феофану прежнее вице-президентское (по 2,500 руб.), прочимъ тремъ архіереямъ каждому по 1,500 руб., тремъ архимандритамъ по 1000 руб., двумъ протопопамъ ассессорское по 600 руб. [2]).

Новые члены, Леонидъ крутицкій, Іоакимъ суздальскій и Питиримъ нижегородскій были покорными слугами Феофана; когда онъ не бывалъ въ собраніяхъ, они писали ему донесенія о происходившемъ въ собраніи и исполняли всѣ его приказанія. «Такихъ и выбралъ — говорилъ Феофилактъ — что слова противнаго не скажутъ».

Между тѣмъ по дѣлу Льва началось слѣдствіе. Разными тайными и явными путями собрали свѣдѣнія о всѣхъ его дѣйствіяхъ — къ кому онъ писалъ, съ кѣмъ сносился, у кого искалъ помощи и

---

[1]) Въ 1737 г., 31-го августа, онъ подалъ прошеніе объ увольненіи его, за болѣзнію, отъ присутствованія въ Сунодѣ и оставленіи при одномъ священнослуженіи въ благовѣщенскомъ соборѣ. Св. Сунодъ представилъ о немъ докладъ Императрицѣ, въ которомъ изъяснялъ, что онъ и Сунодомъ усмотрѣнъ къ присутствію конечно безнадежнымъ, ибо въ умѣ своемъ бываетъ помѣшателенъ. Императрица, высочайшимъ указомъ 15-го сентября 1737 г., приказала его отпустить, а на мѣсто его представить другаго способнаго. (Дѣла арх. св. Сунода, 1737 г., № 9.)

[2]) Дѣла архива св. Сунода, 1730 г., № 13.

защиты. Но не онъ былъ мѣтою этихъ поисковъ — черезъ него добирались до другихъ лицъ. Видя силу Оеофана въ Сунодѣ и предчувствуя бѣду Дашковъ прислалъ въ Сунодъ допошеніе о своей болѣзни и просилъ уволить его на обѣщаніе въ толгскій монастырь. «Служилъ я императорскому величеству вѣрно со всякимъ подданнѣйшимъ покореніемъ; а отъ Рождества Христова, тому другой годъ, отъ болѣзней своихъ тяжкихъ больше лежу, нежели хожу; и отпущенъ отъ ея величества указомъ въ епархію свою, а отъ болѣзни пользы не получилъ, и отъ случившагося въ Ростовѣ пожара и паки скорбь себѣ не малую возъимѣлъ; и отвезли меня въ толгской монастырь къ чудотворному образу пресвятой Богородицы, гдѣ и по нынѣ пребываю; и службу божественную напредь сего совершалъ съ трудностію, а нынѣ той совершать и ставленниковъ рукополагать не могу, отчего приходскимъ людямъ въ мірскихъ требахъ имѣется нужда. А ростовской епархіи домъ и строеніе и прочее до указу приказалъ я вѣдать домовымъ судьѣ съ товарищи. И чтобъ указомъ ея императорскаго величества повелѣно было отъ должности меня уволить и, по обѣщанію моему, быть мнѣ при чудотворномъ образѣ въ томъ толгскомъ монастырѣ, и пока духъ мой въ тѣлѣ моемъ есть — прекормить, а на мое мѣсто опредѣлить, кого ея императорское величество соблаговолитъ».—Сунодъ положилъ отрѣшить его отъ епархіи и, въ этомъ смыслѣ, подать докладъ Императрицѣ; только ни въ толгской ни въ другой какой монастырь той епархіи его не опредѣлять, «чтобы не воспослѣдовало отъ того всей той епархіи смущенія и неспокойства, съ не малымъ христіанства соблазномъ», (3-го октября 1730 г.).

Вмѣстѣ съ этимъ докладомъ поданъ былъ другой докладъ — о Львѣ. Неудовлетворившись его показаніями и считая его государственнымъ преступникомъ, Сунодъ представилъ на высочайшее утвержденіе, «чтобы бывшимъ воронежскимъ епископомъ Львомъ, за его тяжкія преступленія, розыскивать и для того лишить его всего священническаго и монашескаго чина и предать на судъ гражданскій». Государыня утвердила приговоръ. Въ собраніи св. Сунода лишили его архіерейскаго сана и монашества и отослали въ Сенатъ.

На допросахъ въ Сенатѣ оказалось, что онъ писалъ о по-

мощи къ Георгію и Игнатію. Вслѣдствіе этого велѣно было взять того и другаго въ Москву и допросить при депутатахъ съ духовной стороны. Сунодъ назначилъ отъ себя двухъ членовъ — крутицкаго архіепископа Леонида и суздальскаго епископа Іоакима (28-го октября).

Какъ производилось слѣдствіе въ гражданскомъ судѣ мы не знаемъ. Но ровно чрезъ два мѣсяца рѣшена была участь Льва и Игнатія. 2-го Декабря Сенатъ сообщилъ Суноду вѣдѣніе, что «высочайшимъ именнымъ указомъ велѣно бывшаго воронежскаго епископа Льва, за извѣстную его вину, сослать въ крестный монастырь и содержать за карауломъ въ кельѣ неисходно, и никого къ нему не допускать и чернилъ и бумаги для письма не давать. А буде къ нему отъ кого какія письма приходить будутъ, тѣ отбирать и, распечатывая, читать и отсылать къ губернатору, которому о томъ въ Сенатъ репортовать. А въ церковь допускать его за карауломъ». Въ тотъ же день рѣшена участь Игнатія. Мы выше упомянули о показаніи, какое онъ сдѣлалъ на счетъ роковаго доклада 20-го марта. Ни Баскаковъ, ни Тишинъ не подтвердили этого показанія, изъ чего слѣдователи заключили, что «говорилъ онъ коломенскій все вышеписанное затѣвая ложно» и приговорили: «за ту вину его, лиша сана архіерейскаго, послать въ свіяжскій богородицкій монастырь».

Но самымъ главнымъ лицомъ — мѣтою Ѳеофана — былъ ростовскій архіепископъ Георгій Дашковъ. Уже прежде онъ навлекъ на себя подозрѣніе въ нерасположеніи къ царевнамъ Іоаннова дома, за что Остерманова партія держала его, вмѣстѣ съ Игнатіемъ, подъ тайнымъ надзоромъ [1]). Теперь, пользуясь случаемъ, Ѳеофанъ успѣлъ выставить его предъ Императрицей, какъ человѣка противнаго ея интересамъ. Идя потомъ шагъ за шагомъ, онъ съумѣлъ намекнуть, что изъ-за подарковъ и непомѣрныхъ расходовъ, которыми онъ добывалъ патріаршество, онъ разорилъ свою епархію. Дѣло ведено было такъ искусно, что Императрица дала Суноду указъ произвесть слѣдствіе судебнымъ порядкомъ. «Понеже извѣстно ея императорскому величеству учинилось, что ростовскій архіерей Георгій въ ростовской епархіи чинилъ тамошнимъ обывателямъ

[1]) Арсеньева, Царствованіе Петра II, стр 67. Спб. 1839 года.

и монастырямъ разореніе, чего ради именнымъ своего императорскаго величества указомъ повелѣла: изъ св. Сунода въ ростовскую епархію послать указъ, дабы той епархіи духовнаго и мірскаго всякаго званія люди объявляли безъ утайки, какія кому разоренія тотъ ростовскій архіерей Георгій учинилъ безъ всякаго опасенія и страха (24-го октября 1730 г.)». Къ высочайшему указу св. Сунодъ въ своемъ указѣ прибавилъ: «ежели кто того архіерея закрывать будетъ и разоренія или взятокъ не объявитъ, а о томъ сыщется кромѣ тѣхъ персонъ — и за то они штрафованы будутъ неотмѣнно. Объявившимъ же, по взысканіи съ того архіерея, взятое у нихъ возвращено будетъ, по прежнему, неиздержанно». Для отобранія показаній посланъ клевретъ Ѳеофана и Дудина, сунодскій секретарь Павелъ Протопоповъ. Въ данной ему инструкціи особливо наказано: «ежели въ тамошнюю твою бытность что усмотрѣть можешь, особливо изъ бывшихъ подчиненныхъ тому архіерею духовныхъ и свѣтскихъ персонъ о какихъ либо подозрительныхъ поступкахъ, а паче всего о запрещеніи объявителямъ на онаго архіерея Георгія, и того прилежно примѣтить; а особливо можно то видѣть изъ сожалѣніевъ и тому близко подобнаго, и то содержать у себя въ тайнѣ для словеснаго св. Суноду доношенія».

18-го ноября получены первыя донесенія отъ слѣдователя, а на другой день состоялось высочайшее опредѣленіе, рѣшившее участь Георгія. По слѣдствію за Георгіемъ оказалась слѣдующая вина: «когда сунодальный секретарь читалъ объясненіе Льва, то ростовскій архіепископъ Георгій сказалъ, чтобъ подождать, не будетъ ли отъ губернатора какого доношенія, и что они по ссорѣ съ губернаторомъ наносятъ другъ на друга ложно. А бывшій воронежскій епископъ Левъ въ допросѣ показалъ, что онъ объ этомъ дѣлѣ писалъ въ Москву, прося заступленія и помощи у ростовскаго архіерея Георгія Дашкова и притомъ послалъ ему въ презентъ чувалъ вишныхъ ягодъ». Въ высочайшемъ указѣ, послѣдовавшемъ на докладѣ св. Сунода, сказано, что «хотя онъ Георгій по извѣстному дѣлу Льва явнымъ сообщникомъ и не явился, однакожъ не весьма въ томъ безъ подозрѣнія остался. Притомъ же онъ уже просился на покой, на келейное обѣщаніе; посему, какъ по первому обѣщанію, такъ и по его прошенію,

оставя ему епископскій санъ, быть ему въ монастырѣ харьковскомъ».

Это опредѣленіе было слишкомъ милостиво и не могло удовлетворить желаніямъ Ѳеофана. Игнатій также былъ въ монастырѣ, но потомъ опять получилъ епархію и сдѣлался членомъ Синода. Находчивый Ѳеофанъ не долго думалъ, какъ поправить дѣло. Въ высочайшемъ указѣ не сказано было, какъ содержать Георгія — на свободѣ или подъ арестомъ. Синодъ нашелъ въ этомъ затрудненіе, а Ѳеофанъ вызвался доложить Государынѣ. Въ архивахъ отыскали подходящую справку о ссыльномъ митрополитѣ нижегородскомъ Исаіи, который въ 1718 г. содержался въ кириловѣ монастырѣ и получалъ пищу противъ 4-хъ братій, но не имѣлъ права безъ вѣдома настоятеля ни писать, ни получать писемъ; настоятель обязанъ былъ тѣ и другія отбирать и присылать въ Москву. Синодъ спрашивалъ: также ли содержать Георгія или какъ иначе? Государыня 5-го декабря приказала представить ей докладъ съ мнѣніемъ. Это и нужно было Ѳеофану.

Той порой, какъ длилась эта процедура, по ростовской епархіи собраны были показанія о взяткахъ Георгія. Въ этихъ донесеніяхъ значилось: «изъ спасо-ярославскаго монастыря взято въ домъ архіерейскій десять лошадей: четыре возвращены, а остальныя тамъ и остались; изъ толгскаго — семнадцать лошадей: возвращено только четыре; изъ спасскаго ростовскаго — шесть лошадей; изъ борисо-глѣбскаго — двѣнадцать лошадей и т. д.; — съ ярославскаго подворья въ С.-Петербургѣ все перевезли въ архіерейскій домъ — экипажи, упряжь, людскую одежду, мебель, рухлядь; — мастерамъ и рабочимъ при архіерейскомъ домѣ изъ монастырскихъ крестьянъ никогда ничего не платили, даже на содержаніе ихъ требовали денегъ изъ монастырей; — по синодскому указу велѣно было съ вдовыхъ поповъ брать епитрахильныхъ денегъ по 15 коп., а указомъ ростовской консисторіи предписано собирать по 2 руб., да въ подносы ему съ судьею и секретаремъ по 30 руб.; — бурмистръ ростовскаго магистрата Одинцовъ не одинъ разъ сидѣлъ въ цѣпяхъ безъ вины, по приказанію домовой архіерейской канцеляріи, и всякій разъ откупался деньгами; — вдова одного священника жаловалась, что послѣ смерти ея мужа забрали въ архіерейскій домъ все ея имѣніе; — земскій писарь

возвращался изъ Ярославля: архіерейскіе слуги отбили у него лошадь и сказали, что приказалъ архіерей; писарь приходилъ съ прозьбою къ Георгію, принесъ двѣ головы сахару — сахаръ взяли, а лошади не возвратили. — Въ этомъ родѣ всѣ исторіи, которымъ числа нѣтъ. Въ оправданіе Георгія нельзя не сказать, что слѣдователемъ у него былъ кліентъ Оеофана и Дудина, снабженный особою инструкціею—поднять весь соръ со дна. Въ Сѵнодѣ составили экстрактъ изъ этихъ показаній и 9-го декабря представили Государынѣ.

Теперь Оеофану легко было покончить съ своимъ противникомъ. Дѣло о взяткахъ не было выведено наружу бумажнымъ порядкомъ, но безъ сомнѣнія оно окончательно рѣшило участь Георгія. 8-го декабря состоялось высочайшее повелѣніе: «за показанныя въ первомъ указѣ вины, Георгія, лиша сана, сослать немедленно подъ крѣпкое смотрѣніе въ Каменный вологодскій монастырь. Письма, какія будетъ писать или получать, отбирать у него и присылать въ правительствующій Сенатъ» [1]).

---

[1]) Въ томъ же году, 20-го ноября, не безъ участія Оеофана, лишонъ сана и сосланъ въ кириллов-бѣлозерскій монастырь, оффиціально — за неслуженіе благодарственнаго молебна о возшествіи на престолъ императрицы Анны, но главнымъ образомъ — за прежнюю близость съ Оеодосіемъ, кіевскій архіепископъ Варлаамъ Вонатовичъ. (Объ немъ въ Трудахъ кіевской академіи 1861 года: Оеофанъ Прокоповичъ и Варлаамъ Вонатовичъ и Дѣла архива св. Сѵнода, 1730 г. № 106, 1740 г. № 142 и 1742 г. № 231).

Къ этому же времени (6-го іюля 1730 г.) относится письмо Оеофана къ одному архіерею по поводу слѣдствія надъ неизвѣстнымъ архимандритомъ.

«Преосвященнѣйшій владыко! Ея императорскому величеству слышно стало, что архимандритъ N есть человѣкъ подозрительный и нѣчто затѣвалъ правительству противное: за что именный ея величества указъ о взятіи его и его писемъ забраніи къ нашему преосвященству послалъ. Но дабы сіе неправо сдѣлали, а наипаче чтобъ въ забраніи писемъ не могла статься какова утайка и уронъ, указать изволила ея императорское величество моему смиренію по пространѣе святыни вашей о томъ написать. И потому совѣтую преосвященству вашему учинить слѣдующее: 1) выбрать вамъ, кого знаете при себѣ постояннѣйшаго и ея величеству вѣрнѣйшаго человѣка изъ духовныхъ и мірскихъ, а хорошо кажется и не одного, но двоихъ, или троихъ, и учредить ихъ къ надлежащему дѣйствію, давъ имъ опаснѣйшую инструкцію и обязавъ крѣпкою сказкою, что они вѣрно поступать будутъ и оныхъ, при посланномъ отсюду офицерѣ, для исполненія указа, послать туды, гдѣ въ то время оный архимандритъ услышится. 2) Въ инструкціи положить сіе, чтобы одинъ особо ничего не дѣлалъ, но всѣ бы вмѣстѣ, что надлежитъ, исполняли

XVI.

1731 годъ. — Учрежденіе Кабинета и возобновленіе Тайной канцеляріи. — Пасквиль іеродіакона Іоны на Ѳеофана. — Допросы.

Начало и первая половина 1731 года были рядомъ смѣнявшихъ одинъ другой придворныхъ праздниковъ [1]). Роскошью и пышностью русскій дворъ превосходилъ всѣ другіе европейскіе дворы, хотя богатство нарядовъ, множество кружевъ, которыхъ не стыдились даже мужчины, и масса драгоцѣнныхъ камней не всегда соединялись съ образованнымъ вкусомъ европейскаго общества.

8-го іюня Государыня перешла въ новый лѣтній домъ, по-

Да и посланный отсюду при всемъ присутствовалъ бы и о всемъ бы вѣдалъ. 3) Всячески беречься, дабы архимандритъ, до пріѣзда посылаемыхъ по него, ни мало не могъ провѣдать. 4) И то смотрѣть, чтобы посылаемыи не къ ночи туда прибыли, но рано поутру, около всхода солнца. 5) Писемъ искать не только въ сундукахъ и въ другихъ обычныхъ тому хранилищахъ, но и въ платьѣ его и вездѣ, спрашивая близшихъ служителей и кто ему покажется особливый о томъ тайникъ. 6) Если онъ прилучится быть въ городѣ, при полученіи сего, то его тутъ же и принять; а о письмахъ, какъ тутъ же, такъ и въ монастырѣ дѣлать, какъ выше сего упомянулось. 7) Если явится при немъ человѣкъ, котораго онъ тайно куда ни есть, а наипаче за рубежъ посылать обыкъ и въ секретныхъ дѣйстіяхъ сообщника и помощника имѣлъ (и о семъ по взятіи его могутъ братія монастырская показать), и того взявъ отдать посланымъ за особливый арестъ. 6) По исполненіи указаннаго дѣла настоять, у кого надлежитъ, чтобъ никакого медленія не было, но скоро бы отправились въ Санктъ-петербургъ. И сіи, по моему мнѣнію, довольна къ исполненію ея императорскаго величества посланнаго къ вамъ указа; а надѣюсь, что преосвященство ваше, разсудивъ обстоятелства, и больше и лучше усмотришь по присяжной вашей къ ея величеству и за толикая благодѣянія премного одолженной вѣрности, и при томъ самаго меня вручаю непремѣнной вашей братской любви и молитвамъ. Преосвященства вашего доброжелательный братъ и сослужитель».

[1]) Въ Гофъ-фуріерскомъ журналѣ 1731 г. (Госуд. арх.) читаемъ: 14-го января китайскій посолъ вступалъ въ Москву съ великой церемоніей; 27-го привезенъ ко двору и аудіенціи; февраля 3-го маскарадъ во дворцѣ; февраля 26-го начались во дворцѣ италіянскія комедіи и каждую недѣлю были по два раза до 11-го апрѣля, впродолженіе всего великаго поста; марта 2-го прощальная аудіенція китайскому послу; апрѣля 28-го торжество коронаціи и банкетъ; мая 8-го прощальная аудіенція турецкому посланнику.

строенный на лѣвой сторонѣ Яузы противъ нѣмецкой слободы, который въ честь ея названъ Анненгофомъ. Ѳеофанъ сочинилъ на этотъ случай поздравительные стихи, безъ сомнѣнія поднесенные Императрицѣ [1]).

Признательная Императрица посѣтила его, съ своей свитой, на дачѣ его въ подмосковномъ селѣ Владыкинѣ. — Ѳеофанъ сочинилъ и на этотъ случай стихи, которые переложены были на музыку и пѣты въ присутствіи Императрицы [2]).

---

[1]) «О преславномъ новомъ монаршемъ дому самодержавнѣйшей россійской Императрицы Анны Іоанновны, новосельемъ ея величество поздравляя, смиренный Ѳеофанъ, архіепископъ новгородскій, нижайше воспѣлъ»:

Анна держитъ толику область широтою
Что ей не наполняетъ одна Русь собою.
Видимъ и домъ сей Анны толь чуднаго дѣла
Что такого Россія до днесь не имѣла.
Но не вмѣщаетъ въ себѣ Аннинныхъ дѣлъ славы
Ни домъ сей, ниже область Аннина державы.

[2]) Прочь уступай прочь
Печальная ночь.
Солнце восходитъ
Свѣтъ возводитъ
Радость родитъ.
Прочь уступай прочь
Печальная ночь.
Коликій у насъ мракъ былъ и ужасъ!
Солнце Анна возсіяла —
Свѣтлый намъ день даровала.
Богомъ вѣнчанна
Августа Анна!
Ты нашъ ясный свѣтъ
Ты красный цвѣтъ
Ты красота
Ты доброта
Ты веселіе
Веліе.
Твоя держава
Наша то слава.
Да вознесетъ Богъ
Силы твоей рогъ
Враги твоя побѣждая
Тебя въ бѣдахъ заступая.
Рцыте вси люди
О буди, буди [3]).

---

[3]) Въ Словарѣ митрополита Евгенія «стихи на пріѣздъ Государыни во

Но другая послѣдняя половина года ознаменовалась печальными событіями, которыя должны были непріятно дѣйствовать на Императрицу. 27-го августа скончалась, послѣ своей превратной судьбы, Евдокія Ѳедоровна Лопухина. Вскорѣ послѣ нея, 9-го октября, скончалась сестра императрицы царица Прасковья Ивановна. Ѳеофанъ сказалъ при ея погребеніи 1-го ноября приличное слово.

Бирономъ [1]), между тѣмъ, не увлекаясь праздниками, старался

Въ тоже время читаны были сочиненные Ѳеофаномъ, въ честь Императрицы, латинскіе стихи, которые самъ же онъ перевелъ на русскій языкъ.

Анна милостей тезоименита [a])
И самымъ дѣломъ имени согласна
Сущи вышняго причастница свѣта
Сущи и тѣломъ и духомъ прекрасна
Буди образомъ веселаго лѣта
Всѣхъ благъ цвѣтами и плодами рясна.
То раби твои отъ сердца желаемъ
Когда видъ лѣтній на входъ твой являемъ.
Кто же сихъ тебѣ не желаетъ съ нами
Той самъ самъ своему добру врагъ жестокій.
Ибо когда ты Вышняго судьбами
Вступила на престолъ свой высокій
Стала намъ солнцемъ, грѣющимъ лучами
Твой Всероссійскій вертоградъ широкій.
Паша жъ то нужда — Солнце несозданно
Да хранитъ свѣтъ твой, солнце наше Анно.
Храни о Боже сію въ долготу дній
Исполняя въ ней имя благодатно
И подданный сей народъ многолюдный
Просвѣщая твоимъ многократно
А врагамъ нашимъ посылай страхъ трудный
Прогоняя ихъ въ бѣгство невозвратно
Да всегда щитъ твой Россія имѣетъ
Дондеже въ мірѣ луна оскудѣетъ.

[1]) Ѳеофанъ записывалъ въ Биронѣ и пользовался его благосклонностію, какъ можно заключать изъ нѣкоторыхъ сохранившихся писемъ Бирона и жены его къ Ѳеофану. См. Десятое присужденіе Уваровскихъ премій. Отзывъ Пекарскаго о сочиненіи: Ѳеофанъ Прокоповичъ и его время, стр. 10—12.

Владыкино» и «Прочь уступай» показаны, какъ два разныхъ стихотворенія и отнесены—первые къ 1732 г., послѣдніе къ 1730 г. Между тѣмъ это—одни и тѣ же стихи и относятся къ 1730 г. А въ 1732 г. дворъ былъ уже въ С.-Петербургѣ.

[a]) *Анна*, съ еврейскаго, означаетъ *благодатная*.

захватить дѣла въ свои руки и обезпечить себя отъ окружавшихъ непріятелей. Въ ноябрѣ 1731 года, вмѣсто прежняго Верховнаго Тайнаго Совѣта, учрежденъ при высочайшемъ дворѣ и подъ предсѣдательствомъ Императрицы Кабинетъ, составленный изъ трехъ только лицъ — канцлера Головкина, вице-канцлера Остермана и князя А. М. Черкасскаго. «Съ учрежденіемъ этого совѣта — пишетъ Лефортъ — система двора получаетъ новый видъ. Подъ тремя членами его, въ существѣ дѣла, все зависѣло отъ Остермана, который дѣйствовалъ въ согласіи съ Бирономъ. Головкинъ и Черкасскій были только для имени, чтобы успокоить націю. Сенатъ, котораго сила и репутація совершенно уронены, долженъ былъ доносить Императрицѣ и получать свои заключенія только чрезъ посредство Кабинета» [1]). Вмѣстѣ съ тѣмъ все управленіе перешло въ руки иностранцевъ.

Однимъ первыхъ изъ дѣйствій Кабинета было учрежденіе престолонаслѣдія. Замѣчательно въ этомъ случаѣ довѣріе, которымъ пользовался Ѳеофанъ у Императрицы. Остерманъ и Левенвольдъ, стараясь преклонить Государыню къ прочному утвержденію престолонаслѣдія, обратились сначала къ духовнику Императрицы, архимандриту Варлааму. Варлаамъ успѣлъ только въ томъ, что Императрица начала воспитывать при себѣ въ православной вѣрѣ племянницу свою Анну Леопольдовну, но далѣе это дѣло не подвинулось. «Тогда — говоритъ Биронъ — Остерманъ обратился къ архіепископу новгородскому, который былъ въ великомъ уваженіи у Императрицы. Этотъ представилъ дѣло также въ высшей степени необходимымъ и его послушали. По прошествіи двухъ или трехъ дней, когда Кабинетъ уже началъ свои засѣданія, графъ Остерманъ втихомолку составилъ присягу касательно будущаго

Къ этому времени (началу 1732 года) относится письмо къ Ѳеофану отъ неизвѣстной, но, видимо, высокой особы. «Преосвященный архіерей! Два письма ваши — одно изъ Новгорода, другое изъ Москвы мы получили, въ которыхъ писалось, чтобъ ты въ милости нашей оставленъ не былъ; и мы какъ прежде сего къ вамъ были милостивы, такъ и нынѣ надѣйтесь, что отмѣны не будетъ, только помните нашъ приказъ объ образѣ Успенія пресвятой Богородицы, чтобы, по пріѣздѣ вашемъ туда, оное конечно было исполнено. Мы за помощію Божіею обрѣтаемся въ добромъ здравіи и пребываемъ.» — Не отъ цесаревны ли это Елисаветы Петровны?

[1]) Донесеніе Лефорта отъ 5-го ноября 1731 года.

наслѣдованія и ея императорское величество подписала ее. Тогда типографія взята была въ архіепископскій домъ и запертые тамъ типографщики должны были изготовить нѣсколько тысячъ экземпляровъ».—Послѣ того надобно было убѣдить Государыню къ избранію жениха для принцессы Анны Леопольдовны. «Такъ какъ —продолжаетъ Бпронъ—новгородскій архіепископъ успѣлъ уже въ первомъ, то имъ воспользовались также и въ настоящемъ случаѣ. Ея императорскому величеству было убѣдительно представлено, что это (избраніе жениха) въ высшей степени необходимо и что послѣ принесенія присяги все зависѣло единственно отъ Государыни. Феофана и въ этотъ разъ послушали»[1]).

Для усмиренія ропота недовольныхъ возобновленъ страшный Преображенскій приказъ подъ именемъ Тайной розыскныхъ дѣлъ канцеляріи. Начальникомъ его назначенъ А. И. Ушаковъ.

Возобновившійся процессъ Родышевскаго съ Феофаномъ, независимо отъ множества другихъ дѣлъ, доставилъ ему пищу на много лѣтъ.

Мы видѣли выше, что Родышевскій не успѣвъ отстранить Феофана отъ коронаціи Императрицы, принялся, по порученію Варлаама, за сочиненіе возраженій на изданныя имъ книги. Дѣятельнымъ посредникомъ между ними былъ Аврамовъ. Пріѣзжая къ Варлааму на троицкое подворье, Аврамовъ познакомился тамъ съ однимъ монахомъ, іеродіакономъ Іоною, который былъ чѣмъ-то въ родѣ келейника у Варлаама. Разговаривая съ нимъ Аврамовъ возбудилъ въ немъ участіе къ дѣлу Родышевскаго — что вотъ-де пятый годъ сидитъ подъ карауломъ за доносъ на Феофана о противностяхъ церковныхъ, и между прочимъ открылся, что онъ старается за него передъ Духовникомъ, чтобы какъ нибудь его высвободить. Этимъ разговоромъ Аврамовъ ввелъ его въ тайну своихъ отношеній къ Варлааму, вслѣдствіе чего оба — Варлаамъ и Аврамовъ — стали считать Іону своимъ человѣкомъ.

Разговаривая какъ-то съ Аврамовымъ о разныхъ разностяхъ и между прочимъ о покойномъ митрополитѣ Стефанѣ, Іона сказалъ, что у него есть отвѣтъ Стефана къ парижскимъ богосло-

---

[1]) Motifs de la disgrace d'Ernest Jean de Biron, въ Büsching's Magaz. T. IX p. 384—385.

вамъ о соединеніи Восточной церкви съ ихъ французскою. Аврамовъ выпросилъ прочитать его и нашелъ, что этотъ отвѣтъ написанъ сухо и что Родышевскій можетъ написать поплодовитѣе и пояснѣе. Аврамовъ сообщилъ свою мысль Варлааму, а тотъ нашелъ это дѣло современнымъ и очень важнымъ и поручилъ Маркеллу написать отвѣтъ Сорбонѣ поплодовитѣе Стефана.

Но Родышевскій, вмѣсто спора съ западными богословами, занялся своимъ дѣломъ и написалъ *Житіе новгородскаго архіепископа, еретика Ѳеофана Прокоповича*. Варлаамъ, въ ожиданіи плодовитаго отвѣта, послалъ къ Родышевскому Іону, чтобы онъ остался при немъ въ кельѣ и переписывалъ отвѣтъ съ черновыхъ тетрадей Маркелла. Между тѣмъ Родышевскій далъ ему переписать тетрадь о житіи Ѳеофана и пункты о его церковныхъ противностяхъ; кромѣ того далъ ему прочитать свои челобитныя на Ѳеофана. Ревность Родышевскаго вдохновила Іону. «Видя многое въ его челобитныхъ доказательство и смѣлость» Іона рѣшился просить Императрицу, «чтобы она дала судъ Родышевскому съ Прокоповичемъ, дабы въ народѣ сумнительства не было». Онъ написалъ донесеніе на высочайшее имя и показалъ Варлааму. Варлаамъ прочиталъ и написалъ на доношеніи: «мужайся и да крѣпится сердце твое и потерпи». А на словахъ сказалъ: «надобно объявить со временемъ, а не нынѣ». — Недовольный этою медлительностію Іона, выждавъ когда Варлаамъ ушелъ во дворецъ, разорвалъ челобитную, чтобъ не попалась въ другія руки.

Видя, что чрезъ Варлаама ничего не сдѣлаешь, Іона рѣшился дѣйствовать своими способами. Онъ дополнилъ Маркеллово *житіе Ѳеофана* разными приставками въ видѣ гимновъ, псалмовъ и молитвъ и рѣшился распространить это сочиненіе въ народѣ, «чтобы о противностяхъ архіерея Ѳеофана къ Церкви святой вѣдали и новоизданнымъ его книгамъ не вѣрили». Напрасно Аврамовъ уговаривалъ его не дѣлать этого: «Родышевской ужъ сочиняетъ про Ѳеофана двѣ книги—одну о монашествѣ, другую о правленіи царствъ. Мы вручимъ ихъ Варлааму, а онъ предложитъ Государынѣ—и тогда Ѳеофану дастся судъ съ Родышевскимъ, и противности Ѳеофановы явны будутъ и безъ его тетрадей». Іона не послушался добраго совѣта и началъ распространять въ своемъ кругу опасныя тетради. Пасквиль переходилъ изъ рукъ въ руки;

противники Ѳеофана читали его — выражаясь любимымъ словомъ Ѳеофана — «до сытости».

Между тѣмъ Аврамовъ съ Родышевскимъ привлекли на свою сторону и ввели въ интересъ своего дѣла множество лицъ всякаго званія. Въ кельяхъ Варлаама Аврамовъ всегда встрѣчалъ толпу просителей, знакомыхъ, случайныхъ посѣтителей—и всѣмъ дулъ въ уши про дѣло Родышевскаго. Заинтересованные Аврамовымъ въ пользу Маркелла пріѣзжали къ нему въ монастырь навѣстить, утѣшить, потолковать. Маркеллъ также выѣзжалъ изъ монастыря къ разнымъ лицамъ,—къ харьковскому архимандриту Платону Малиновскому, который жилъ въ ту пору въ Москвѣ [1]), къ смоленскому епископу Гедеону Вишневскому, когда тотъ пріѣзжалъ въ Москву, и къ прочимъ. Платонъ, въ разговорѣ съ Родышевскимъ, также утверждалъ его въ его протестахъ и говорилъ, что «онъ вмѣстѣ съ Ѳеофаномъ бывалъ въ Кіевѣ и подлинно знаетъ его неправое ученіе; — въ Кіевѣ есть книга Аоанасія великаго, перемаранная его рукой». Въ Москвѣ жили въ ту пору печерскіе старцы, хлопотавшіе о назначеніи имъ архимандрита. Видаясь съ Родышевскимъ и другими лицами ихъ партіи, они тоже съ своей стороны прибавляли соли къ общему

[1]) Въ 1730 г., по смерти кіевопечерскаго архимандрита Іоанникія Сѣнютовича, кіевскій архіепископъ Варлаамъ Вонатовичъ, вмѣстѣ съ кіевопечерскимъ намѣстникомъ, прислали въ Сунодъ прошеніе, съ заручною отъ всего братства, о кандидатахъ для опредѣленія изъ нихъ архимандрита въ печерскій монастырь. Кандидатами назначены были: 1) намѣстникъ, іеромонахъ Романъ Копа; 2) іеромонахъ Варсонофій, блюститель пещеры св. Антонія; 3) іеромонахъ Вассіанъ, начальникъ пещеры св. Ѳеодосія; 4) іеромонахъ Веніаминъ Фальковскій, намѣстникъ александроневскаго монастыря; 5) Платонъ Малиновскій, архимандритъ харьковскій куряжскій и 6) іеромонахъ Иннокентій Ждановичъ, намѣстникъ новопечерскаго Свинскаго монастыря. Въ прошеніи сказано, что «изъ представленныхъ кандидатовъ первые три человѣка — отъ старѣйшихъ мужей лѣтами, заслугами и житіемъ безпорочнымъ свидѣтельствованныхъ, а другіе три жъ человѣка — литераты, умомъ и житіемъ честные». Сунодъ, съ утвержденія Императрицы, избралъ въ печерскіе архимандриты харьковскаго архимандрита Платона Малиновскаго; но печерскій монастырь не доволенъ былъ этимъ назначеніемъ и не принялъ Платона. Братство печерское, повидимому, хотѣло только сдѣлать честь Платону, поставивши его въ числѣ кандидатовъ на свою архимандрію, но не желало имѣть его своимъ начальникомъ, предпочитая своего намѣстника, Романа Копу. Обиженный Платонъ переведенъ въ ипатскій монастырь и, въ утѣшеніе, опредѣленъ сунодальнымъ членомъ.

раздраженію противъ Оеофана: «вѣдаемъ-де мы обхожденіе онаго архіерея, какъ онъ въ Римѣ былъ. Да къ нему жъ и отъ папы римскаго письма бывали. Здѣсь только объ немъ ничего не знаютъ». Варлаамъ въ покояхъ у себя спрашивалъ печерскаго намѣстника Романа Копу: «правда ли, будто въ печерской библіотекѣ есть отеческія книги, перемаранныя рукою Оеофана»? Романъ сказалъ: «да, имѣются». Аврамовъ видался съ директоромъ типографіи Барсовымъ. Барсовъ — человѣкъ умный и авторитетъ въ дѣлѣ учености—разсуждалъ, что Оеофановы книги, особенно «О блаженствахъ» сочинена неправильно, потому что въ той книгѣ напечатано, будто человѣкъ можетъ спасеніе получить одною вѣрою, а Церковь наша Восточная приняла, что для спасенія при вѣрѣ необходимы добрыя дѣла.—Само собою разумѣется, что дѣло, въ которое, съ разною степенью интереса, вошло столько лицъ, не могло долго держаться въ секретѣ. Въ послѣднихъ числахъ февраля 1731 года членъ Коллегіи экономіи И. П. Тошльскій принесъ къ Оеофану экземпляръ «его житія», распространяемаго Іоной и сказалъ, что ему далъ этотъ экземпляръ отецъ его духовный, священникъ у Спаса въ Чигасахъ. Священника допросили. Онъ показалъ, что эту тетрадь прислалъ ему для прочтенія сынъ его духовный, живописецъ Романъ Никитинъ и объяснилъ обстоятельно, какъ это случилось. Романъ Никитинъ бралъ у него прочитать Духовную митрополита Стефана. Спустя нѣсколько времени священникъ послалъ за ней своего сына. Никитинъ возвратилъ Духовную, прислалъ и означенную тетрадь — не поохотится ли священникъ прочитать, что въ ней написано. Позвали къ допросу Романа Никитина. Этотъ показалъ, что ему далъ тетрадь двоюродный братъ его, іеродіаконъ троицкаго подворья Іона. Скоро обнаружилось, что «житіе» сочинялъ Родышевскій. Оеофанъ обо всѣхъ, прикосновенныхъ къ дѣлу, донесъ въ Кабинетъ, какъ о распространителяхъ возмутительныхъ тетрадей.

Но въ то время, какъ въ Кабинетѣ началось дѣло о «житіи», духовникъ Императрицы, архимандритъ Варлаамъ, представилъ ей тетради, составленныя Родышевскимъ противъ Оеофана и принесенныя къ нему человѣкомъ Аврамова. Трудно угадать, въ какомъ видѣ онъ представилъ это дѣло Государынѣ; кажется, онъ скорѣе оберегалъ себя, нежели защищалъ Родышевскаго. Какъ

бы ни было, но Кабинетъ приказалъ арестовать Родышевскаго и Аврамова.

5-го марта Ушаковъ отдалъ приказъ секретарю Тайной канцеляріи Каразинову: взявъ съ собой солдатъ трехъ человѣкъ ѣхать въ симоновъ монастырь и имѣющагося тамъ Маркелла заарестовать и изъ монастыря никуда не выпускать и къ нему никого не допускать, а книги, тетради и письма отобрать и запечатать. Директора Аврамова приказано было взять въ Сенатъ и держать подъ карауломъ «для того, что троицкій архимандритъ Варлаамъ доносилъ ея величеству, что оный Аврамовъ сказывалъ ему архимандриту: бывшій-де архимандритъ Маркеллъ Родышевскій говорилъ ему Аврамову, что въ вѣрѣ-де закона греческаго исповѣданія есть поврежденіе; да оный Аврамовъ представилъ ему архимандриту не знамо какого малаго съ тетрадьми письменными для подачи ея императорскому величеству».

Впослѣдствіи Аврамовъ писалъ объ этомъ арестѣ, что онъ «въ ту пору былъ нездоровъ, что передъ тѣмъ онъ былъ въ симоновѣ монастырѣ у Маркелла и, ѣдучи отъ него, лошадь разбила ему ногу, и для той болѣзни привезли его, Аврамова, для исповѣди къ отцу его духовному, попу церкви Гребневской Богородицы, что на Лубянкѣ; тамъ взяли его присланные изъ дворца ея величества, привезли во дворецъ и внеся въ хоромы на коврѣ спрашивали, и онъ сказалъ, что надлежитъ, и ногу его лечили и потомъ отвезли его въ Преображенское и посадили на генеральномъ дворѣ» [1]).

Ософанъ не вѣрилъ этой болѣзни или, по крайней-мѣрѣ, тому, чтобы она была поводомъ къ исповѣди и причащенію. Онъ думалъ, что Аврамовъ приготовлялся къ процессу съ нимъ, какъ къ чрезвычайному общественному подвигу или какъ къ страданію. Такъ или иначе дѣло сдѣлано и страданія (естественные и неотвратимые спутники всякаго дѣла въ Тайной канцеляріи) наступили. Розыскъ начался съ *Житія*. Такъ какъ оно вполнѣ напечатано въ Чтеніяхъ въ Императорскомъ Обществѣ исторіи и древностей россійскихъ: [2]) то мы здѣсь не будемъ перепечатывать

[1]) Донесеніе Скорнякова-Писарева изъ Охотска въ Тайную канцелярію 15-го апрѣля 1740 г. (въ Госуд. архивѣ).

[2]) Чтенія, 1862 г. кн. I. Отд. II, стр. 1—4.

его вполнѣ, а приведемъ только нѣкоторыя, болѣе значительныя мѣста.

...«Возвратившись изъ Рима въ Кіевъ, Ѳеофанъ сначала показался зѣло великій по благочестіи ревнитель, за что начали его тамо любить и такожде опредѣлили его быть учителемъ. А какъ онъ въ томъ учительствѣ утвердился, началъ кіевскихъ и малороссійскихъ жителей, дѣтей и возрастныхъ людей, приглашать къ себѣ и учить своему еретичеству и многія ереси въ народъ всѣвать и безчисленныя хулы на святую православную Церковь говорить и на обитель печерскую и на мощи святыхъ угодниковъ, и на мироточивыя главы и на освященную воду еретическій свой ядъ блевать, и священническій и монашескій чинъ злохулить и ругать, особо же святыя великомученицы Варвары мощи, бывши при гробѣ ея въ монастырѣ святаго Архистратига Михаила, нарицаемомъ златоверхимъ, хулить и поносить, за что тогда, при всемъ народѣ, явно зѣло мученъ былъ бѣсомъ. Отъ того же времени и до днесь въ разныя времена бѣсомъ мученъ часто бываетъ же. И не словеснымъ токмо ученіемъ, но и писаньми началъ въ Кіевѣ учить еретичеству, подобно кальвинскому и лютерскому и прочихъ ересей, и того его еретическаго ученія книги и нынѣ у учениковъ его и у прочихъ на латинскомъ языкѣ въ Кіевѣ: и тѣмъ его еретическимъ ученіемъ тамо многіе прельстилися; еще же книгу благочестиваго исповѣданія на латинскомъ языкѣ святаго Аѳанасія дерзнулъ чернить, и въ ней ученіе Аріево оправдать, а Аѳанасіево злорѣчить и поносить: и та книга нынѣ обрѣтается въ кіевопечерской обители, въ библіотекѣ; потомъ и другую книгу кальвинскую взявъ, на поляхъ во многихъ мѣстахъ приправливалъ, что Кальвинъ будто право учитъ, а благочестивое ученіе наше аки бы не правое: и та книга нынѣ обрѣтается во училищахъ, въ кіевскомъ братскомъ монастырѣ. И тѣ его, Прокоповичевы, означенныя на святую Церковь еретическія укоризны видя кіевскаго братскаго монастыря учитель и іеродіаконъ Маркеллъ Родышевскій, такожъ и другіе учители, Гедеонъ Вишневскій, нынѣшній епископъ смоленскій, православіе защищали и всегда съ нимъ отъ божественнаго писанія споровали и явно его злочестивое ученіе дерзновенно и смѣло обличали всенародно; а въ 1713 году, въ Кіевѣ, въ братскомъ монастырѣ, при мно-

гомъ собраніи, оные учители Родышевскій и Вишневскій его, Прокоповичево, злочестивое неправое ученіе публично обличали жъ; и сверхъ того обличенія учитель Гедеонъ Вишневскій, прибывъ въ Москву, о томъ его Θеофановѣ еретическомъ ученіи и о соблазнахъ объявилъ письменно преосвященному Стефану, митрополиту рязанскому и муромскому и всему освященному собору. А когда онъ, Θеофанъ, въ епископы поставленъ и отпущенъ въ свою епархію былъ, тогда пріѣхалъ въ Нарву и, собравъ въ церковь всемилостиваго Спаса многія иноземческія персоны, при комендантѣ Сухотинѣ, послѣ служенія своего говорилъ казанье самое еретическое и святыхъ угодниковъ Божіихъ хулилъ; такожъ во Псковѣ и во псковскомъ печерскомъ монастырѣ такое жъ еретическое казанье народу сказывалъ, и тамо монастырскія наилучшія церковныя вещи забралъ, и съ патрахели и съ пелены жемчугъ снявъ и возвратився въ Санктъ Петербургъ, началъ еретическія книги составлять и писать, содружася съ Θеодосомъ. Сей ученіемъ, а тотъ смѣлостію и дерзновеніемъ великимъ начали явно всю святую Церковь бороть и вся ея догматы и преданія разрушать и превращать и безбожное лютеранство и прочее еретичество вводить и вкоренять: и тогда весьма отъ нихъ было въ народѣ плачевное время. Учали быть вездѣ противу благочестія безопасныя бесѣды, и кто каковое хотѣлъ на Церковь поношеніе говорилъ, и всякое развратное и слабое житіе имѣти учили смѣло; и такъ тогда поносима и вопичтожаема святая Церковь со всѣми догматами своими и уставами и преданіями была, что всякое благочестивое христіанское доброе дѣло едпымъ словомъ— суевѣріемъ называемо было; и кто въ нихъ, въ еретикахъ, былъ пущій пьяница и пахалъ и сквернословъ и шутъ, тотъ званъ и вмѣняемъ въ простосердечнаго и благочестиваго человѣка и на высочайшія чести духовныя по ихъ еретическому предстательству возводимъ былъ; кто же хотя мало постникъ или воздержникъ и богомольный человѣкъ, тотъ у нихъ званъ былъ раскольщикомъ и лицемѣромъ и ханжею и безбожнымъ и весьма не добрымъ человѣкомъ, какъ видно и до нынѣ при немъ, Прокоповичѣ, во всѣхъ сообщникахъ его и въ первомъ келейномъ совѣтникѣ его, Адамѣ; а кто не таковъ, тотъ въ крайнемъ отъ нихъ гоненіи и ненависти есть, а отъ духовныхъ знатныхъ персонъ и

отъ начальствъ своихъ безвинно многіе отлучены и обезчещены, и таковымъ страхомъ чуть не весь монашескій чинъ превратили въ самое безстрашіе и слабость таковую, что многіе и до нынѣ пьянствуютъ и мясо сплошь ядятъ, и вмѣсто книгъ въ кельяхъ и въ церквахъ табакерки въ рукахъ держатъ и непрестанно порошокъ нюхаютъ. Да его жъ Ѳеофана и товарищей его, Ѳеофила Крулика, Гавріила рязанскаго, Горки (Іаврентія) и прочихъ тщаніемъ въ новоизданныхъ печатныхъ книгахъ на святую Церковь нестерпимыя хулы и многія ереси обрѣтаются. А при изданіи оныхъ книгъ былъ онъ, Прокоповичъ, въ Сунодѣ вице-президентомъ, сидя со опыми товарищи своими, кои превеликія досады и гоненія и озлобленія Церкви святой чинили. Весь россійскій благочестивый народъ плачущима очима съ болѣзнію сердца видѣлъ, и о всемъ еретическомъ злодѣйствіи довольно вѣдаетъ. Во всемъ бо государствѣ часовни разорили, иконыя святыя изъ нихъ безчестно выпесть велѣли. «А гдѣ часовенныя каменныя стѣны остались, тамо вмѣсто молитвъ и псалмопѣнія и канонов, табакомъ и порошкомъ торговать и бороды брить попустили». Чудотворныя иконы, отвсюду забравъ, на гнойныхъ телегахъ, подъ скверными рогожами въ Сунодъ, явно во весь народъ, привозили; гробы святыхъ разбивать велѣли, тѣлеса святыхъ изъ земли выкапывать велѣли и ругаяся святымъ угодникамъ Божіимъ ложными мощьми называли; а кто какія на себѣ явившіяся чудеса прославлялъ, тѣхъ жестоко наказывали; всецѣлые монастыри разорять, изъ нихъ монаховъ въ другія монастыри жить переводить; а церковныя всякія другія вещи и монастырскую казну забравъ по себѣ, на свои роскоши, на дорогіе напитки, на музыки съ танцы и на карты съ товарищи употребляли; молодымъ монахомъ жениться и молодымъ монахинямъ замужъ посягать благословляли, музыки и разныя игры и комедіи у себя завели; «по усопшихъ на могилахъ псалтирное чтеніе все оставить, а могилы всѣ съ землею сравнять велѣли: и оное злодѣйство все было отъ соимища ихъ еретическаго. Что же онъ, Прокоповичъ, мудрствуетъ и чему народъ учитъ, и въ томъ на него вышепоказанной учитель, Маркеллъ Родышевской, въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ доносилъ».

Іона, прочитавъ это «житіе», прибавилъ къ нему нѣсколько ста-

тей, въ видѣ гимновъ и молитвъ, также съ обличеніемъ Θеофана въ еретичествѣ.

«Что хвалишися еретиче, во злобѣ сильне? Возлюбилъ еси еретичество паче благочестія, испровергаеши Церковь православную еретичествы твоими. Сего ради Богъ разрушитъ тя до конца, якоже и товарищей твоихъ Θеодоса и Овсянникова; узрятъ бо благочестивые и возрадуются и рекутъ: сей еретикъ не положи призывати въ помощь Богоматерь и святыхъ угодниковъ и исчезе ко отцу своему сатанѣ».

«Минеи четіи Февраля въ 25 день, въ житіи святаго Тарасія патріарха цареградскаго, на листу 741 на оборотѣ, напечатано сице: не почитающимъ святыя иконы — анаѳема; нарицающимъ идолами иконы святыя — анаѳема; приводящимъ словеса божественнаго писанія противу святыхъ иконъ — анаѳема; отвергающимъ преданіе святыхъ отецъ, якоже отвергаше Арій, Несторій, Евтихій, Діоскоръ, нехотящимъ пріяти тая — анаѳема; глаголющимъ иконы святыя не отъ святыхъ отецъ быть преданныя — анаѳема; глаголющимъ, яко Церковь каѳолическая пріемлетъ идолы — анаѳема».

«Виждь, Прокоповичь, отъ святыхъ отецъ написано вашей братьѣ еретикамъ—вивать; и нынѣ отъ насъ тожъ тебѣ буди и съ товарищи твои, понеже прежде помянутый кіевскаго братскаго монастыря, потомъ бывый въ Новгородѣ въ юрьевѣ монастырѣ архимандритъ Маркеллъ Родышевскій въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ оными пунктами доносилъ на тебя имянно, и за правое свое дополненіе и за ревность по благочестіи и за охраненіе святыя Церкви не точію отъ архимандричества отставленъ и отъ монастыря отлученъ, и по се время страждетъ во изгнаніи и въ заключеніи въ осьмомъ мѣстѣ, и нынѣ сидитъ въ симоновѣ монастырѣ не исходно 4-й годъ, а по тѣмъ своимъ пунктамъ со усердіемъ суда и очныя ставки всечасно желаетъ; а ты еретикъ мочью своею того праваго обличителя своего чрезъ многіе годы въ тюрьмѣ уморить ищешь, думаешь въ томъ своемъ лукавомъ еретичествѣ не познанъ быти. Обличаютъ, а ты молчишь, къ отвѣту не спѣшишь, суда не просишь, только бъ больше не оглашали и неволею къ отвѣту не принуждали. Ка-бы ты въ томъ правъ былъ, то весьма бы давно самъ суда искалъ и за безчестье свое обороны

просилъ, а нынѣ, хотя малый ребенокъ еретикомъ тебя въ глаза назоветъ, какъ-то изъ подъ такой укоризны выправиться можешь»?

«Здѣ всякъ разсуждати изволитъ, кого нынѣ Россія за первѣйшаго пастыря имѣетъ, кого главнымъ преосвященнымъ архіереемъ называетъ, первымъ и главнымъ архіереемъ? Уніятами въ діаконы поставленнаго, римскаго костела присягателя, монашескій чинъ и мантію вне монастыря негдѣ на полѣ надѣть самому на себя дерзнувшаго, еретика сущаго, отъ бѣса явно и непрестанно мучимаго, Ѳеофана Прокоповича».

«Видимъ нынѣ ея императорскаго величества праведнымъ судомъ за неохраненіе чести ея императорскаго величества архіереи и изъ господъ бывшія высокія персоны каковое наказаніе по дѣламъ своимъ пріемлютъ».

«Чудо воистинну ужасно: ея императорскаго величества здравіе и достойную честь охраняютъ, а Божескую весьма презираютъ. Однако Богъ никогда поругаемъ не бываетъ. Лице бо Господне на творящія злая, еже потребити отъ земли память ихъ».

«Вѣждте извѣстно о правовѣрніи, яко всякъ, пріятствуяй еретикомъ, врагомъ сущимъ Церкве Христовой и дружбу съ ними имѣяй, врагъ есть самому Христу: яко же бо кто, содружайся врагу цареву, нѣсть другъ царевъ, но врагъ; сице содружайся врагомъ святыя Церкви нѣсть рабъ, вѣренъ Христу, но враждебенъ ему есть».

«Господи Боже нашъ, сподоби насъ праведнымъ судомъ твоимъ и правою вѣрою и ревностію по благочестіи и указамъ всемилостивѣйшей Государыни нашей Анны Іоанновны, видѣть еретика Прокоповича съ товарищи его на Красной площади или на болотѣ въ такой же славѣ, якоже видѣхомъ Ѳому цырюльника, о чемъ да прославится память его и со всѣми товарищи его въ великой успенской церкви въ православія во многія лѣта. Аминь[1])».

Родышевскому и Аврамову сдѣлали допросы: «не имѣютъ ли они какой обиды или досады отъ новгородскаго архіепископа»? Родышевскій отвѣчалъ, что собственной досады и обиды, кромѣ

---

[1]) Чтенія въ Имп. Обществѣ ист. и древн. рос. 1862 г. кн. I. Дѣло о Ѳеофанѣ Прокоповичѣ, стр. 9—11.

церковной, не имѣетъ. «Въ какой силѣ онъ написалъ о рожденіи и о житіи Ѳеофана и почему то знаетъ, и гдѣ, когда и въ чемъ они съ Гедеономъ его обличали»? Маркеллъ отвѣчалъ: «о еретичествѣ и о церковной противности Ѳеофана дерзновенно и смѣло онъ, Родышевскій, и Гедеонъ епископъ смоленскій обличали всенародно и всегда съ нимъ отъ божественнаго писанія спорили, и о томъ о всемъ показано у него, Родышевскаго, въ доказательствахъ его и въ возраженіяхъ на книги. А что онъ архіерей святыя великомученицы Варвары мощи хулилъ и поносилъ и за то мучимъ былъ бѣсомъ, о томъ въ 1713 или въ 1714 годахъ сказывалъ ему, Родышевскому, кіевской школы учитель іеромонахъ Михаилъ Рагузскій, что-де оный архіерей тѣ мощи хулилъ и поносилъ будучи въ Глуховѣ въ гетманскомъ домѣ при гетманшѣ Скоропацкой, и какъ отъ нея пріѣхалъ на квартиру свою, тогда мучимъ былъ бѣсомъ часовъ съ семь при немъ Михаилѣ и при прочихъ келейникахъ. Да въ 1718 году сказывалъ Родышевскому келейный служитель его архіерейскій, Лука Левицкій, что въ С.-Петербургѣ на певскомъ подворьѣ онъ архіерей мучимъ былъ бѣсомъ же часа съ три; да и самъ онъ архіерей ему, Родышевскому, сказывалъ, что бываетъ надъ нимъ меленколія и падаетъ на землю и, что дѣлаетъ того и самъ не помнитъ. А о житіи и о рожденіи его архіерея знаетъ онъ Родышевскій, потому что самъ жилъ въ Кіевѣ и дѣтство его архіерейское видѣлъ и слышалъ отъ тѣхъ свидѣтелей, которые въ доказательствѣ его, Родышевскаго, показаны; да и другіе многіе кіевскіе жители о томъ вѣдаютъ, въ чемъ онъ Родышевскій шлется хотя въ повальной обыскъ; да и ему Родышевскому, когда онъ съ нимъ архіереемъ былъ въ дружелюбствѣ, онъ Прокоповичъ сказывалъ, что мантію самъ на себя надѣлъ безъ постриженія и говорилъ: Богъ-де меня сохранилъ, что черпеческой діавольской одежды на меня не положили». — «Что за дружба у него съ Аврамовымъ и Іоною»? Родышевскій отвѣчалъ, что «у него дѣло церковное и другой дружбы съ нимъ нѣтъ».

Аврамовъ показалъ, какъ познакомился съ Родышевскимъ въ симоновѣ монастырѣ, разсуждалъ съ нимъ о ересяхъ Ѳеофана и передавалъ его порученія Варлааму. — «Не разсуждалъ ли онъ еще съ кѣмъ о противностяхъ Ѳеофана»? «Говорилъ съ смолен-

скимъ епископомъ Гедеономъ Вишневскимъ о книгѣ блаженствъ. Гедеонъ сказалъ ему, что въ этой книгѣ много противнаго Церкви и еслибъ писать, то можнобъ много написать». Любопытны слѣдующіе за тѣмъ вопросы: «введенныхъ обычаевъ вновшихъ, яко брадобритія, платья иностраннаго и обрядовъ разныхъ забавныхъ не ставилъ ли онъ въ противность благочестію и въ томъ, также будто въ презрѣніи Церкви, не говорилъ ли про ея величество? Аврамовъ отвѣчалъ, что «въ Москвѣ во дворцѣ, въ залѣ большомъ, усмотрѣлъ онъ, что вверху написана исторія Еллинская и въ тожъ время приключилося въ той залѣ быть троицкому архимандриту Варлааму; и онъ говорилъ тому архимандриту, что лучше бы въ оной залѣ вмѣсто языческой исторіи написать исторію Христову, или царя Давида, или-де Соломонову изъ библіи. А больше ни о чемъ о томъ онъ ни съ кѣмъ не говаривалъ и никакія дѣла и дѣйствія, отъ иностранныхъ принятыя въ Россіи, никакъ не порекалъ и ни съ кѣмъ о томъ не разсуждалъ». «Когда онъ ногу повихнулъ—прежде исповѣди или послѣ и для чего причащался въ пятницу и не дождался по обычаю субботы, и гдѣ причащался, въ церкви ли, или нидѣ гдѣ и не было ли въ томъ съ Маркелломъ согласія, чтобы увидавъ посылку скорѣе причаститься, будто готовясь къ страданію»? Аврамовъ отвѣчалъ, что «ногу сломалъ прежде исповѣди, а причащался въ той болѣзни, понеже былъ близъ смерти; и причащался въ домѣ у отца своего духовнаго на постели. А съ Родышевскимъ у него согласія не было, чтобы, увидѣвъ посылку, причаститься».

Іона также показалъ, что «ничего не имѣетъ противъ Ѳеофана, но написалъ все это отъ ревности по Церкви Божіей. Пункты, на концѣ житія Ѳеофанова, написалъ онъ Іона по ревности своей, къ поношенію новгородскаго архіерея Ѳеофана того ради, что онъ архіерей умствуетъ, будто пречистую Богоматерь и святыхъ угодниковъ Божіихъ въ помощь призывать и молится имъ не должно. Церковь проклинаетъ иконоборцовъ, а въ пунктахъ Родышевскаго показано, что онъ архіерей иконы идолами, а покланяющихся идолопоклонниками называетъ. Въ тѣхъ же пунктахъ Родышевскаго написанъ онъ архіерей противникомъ Церкви святой, и того ради онъ Іона его, архіерея, съ товарищи признавалъ за еретиковъ, а vivat ему архіерею написалъ онъ вмѣсто собор-

наго проклятія. Для показанныхъ во оныхъ пунктахъ резоновъ, онъ архіерей званія архіерейскаго недостоинъ; а о тѣхъ резонахъ онъ Іона самъ не свѣдомъ, а видѣлъ ихъ въ экстрактѣ Родышевскаго». «Долгорукіе, также и архіерей ростовскій и прочіе за вины свои сосланы; а по показанію Родышевскаго на новгородскаго архіерея указа не учинено, и потому мыслилъ онъ Іона, что объ ономъ ея величеству отъ господъ недонесено; того ради и написалъ на нихъ господъ, что Божескую честь весьма презираютъ, знатно охраняючи его архіерея; понеже еслибъ ея величеству о томъ было донесено, то, по показанію Родышевскаго, давно бы изслѣдовано было, потому что ея величество благочестивую вѣру содержитъ твердо и по вступленіи своемъ на россійскій престолъ прежде ревность возъимѣла о святыхъ Божіихъ церквахъ, нежели о гражданскихъ дѣлахъ». «А что написалъ онъ Іона такое слово: вѣждьте, и опое-де на общее лицо, дабы кому бъ оная тетрадь въ руки не пришла, тобъ оный донесъ ея величеству». «Все это написалъ онъ Іона отъ ревности своей, чтобъ за показанныя отъ Родышевскаго на архіерея Ѳеофана многія церковныя противности отлученъ былъ онъ архіерей отъ православнаго церковнаго правленія и наказанъ былъ бы, какъ и означенный цирюльникъ Ѳома за иконоборство. А вышеозначенныхъ противныхъ дѣлъ за нимъ архіереемъ онъ Іона не знаетъ, а усмотрѣлъ о томъ изъ писемъ Родышевскаго. Токмо знаетъ онъ Іона за нимъ архіереемъ то, что онъ церкви у себя въ домѣ не имѣетъ и въ мясоѣды и во всѣ посты мясо ѣстъ; а о томъ мясоястіи свѣдомъ онъ Іона отъ повара его Петра, который былъ въ домѣ его архіерейскомъ, а въ прошедшій рождественскій мясоѣдъ принятъ къ троицкому архимандриту. Да онъ же де Іона, когда бывалъ въ служеніи при немъ архіереѣ, и тогда усмотрѣлъ за нимъ противность церковную такую, что во время святой литургіи, когда причащаются служащіе священники и діаконы, и когда приступаютъ къ воспріятію тѣла и крови Господни, то по церковному уставу приступя къ нему архіерею говорятъ тако: преподаждь мнѣ преосвященнѣйшій владыко и проч. А противъ того прошенія надлежитъ ему архіерею отвѣтствовать: преподается тебѣ.... А онъ архіерей тѣхъ словъ не говоритъ и подаетъ молча; о чемъ онъ Іона объявлялъ троицкому архимандриту Варлааму».

Кабинетъ, по всему видно, не считалъ Ѳеофанъ правымъ, но, требуя отъ него показаній, давалъ ему полную свободу направлять дѣло въ какую ему угодно сторону. Ѳеофанъ старался свалить дѣло съ своихъ плечъ и придать ему видъ государственнаго преступленія. Онъ подыскалъ въ бумагахъ Родышевскаго и Іопы замыслы противъ высочайшей власти.

Въ тетради о житіи Ѳеофана написано: «Чудо воистинну ужасно: ея императорскаго величества здравіе и честь охраняютъ, а Божескую весьма презираютъ. Однако Богъ никогда поругаемъ не бываетъ. Лице бо Господне на творящихъ злая, еже потребити отъ земли память ихъ». «И оное о комъ написано—спрашивалъ Ѳеофанъ — и кто Божескую честь презираетъ?»

Въ этой же тетради написано: «вѣждте извѣстно о правовѣрніи, яко всякъ, пріятствуя еретикомъ, врагомъ сущимъ Церкви Христовы и дружбу съ ними имѣяй, врагъ есть самому Христу; яко же бо кто содружится врагу цареву нѣсть другъ царевъ, но врагъ: сице содружайся врагомъ св. Церкви нѣсть рабъ вѣренъ Христу, но враждебенъ ему есть». «И оное онъ Родышевскій о комъ и въ какой силѣ написалъ? Кто пріятельствуетъ еретикомъ и любитъ и дружество съ нимъ имѣетъ?»

Приписки эти оказались сочиненіемъ Іопы.

Кромѣ того съ бумагами Родышевскаго захвачены были бумаги одного вологодскаго подъячаго, Ивана Константинова, который, имѣя процессъ въ Сенатѣ, жилъ въ Москвѣ и, познакомившись съ Родышевскимъ, переписывалъ ему разныя бумаги, а между тѣмъ дѣлалъ для себя разныя выписки изъ печатныхъ и письменныхъ книгъ. Константинова арестовали, потому что въ выпискахъ его оказались рѣчи противныя высочайшей власти. Этотъ богословъ-подъячій вообразилъ, что когда монахи снимаютъ въ церкви клобуки, міряне тоже должны снимать — кто носитъ — парики. Считая Маркелла умнымъ человѣкомъ и авторитетомъ въ этомъ дѣлѣ, онъ сообщилъ ему о своихъ размышленіяхъ и сказалъ, что поговоритъ объ этомъ съ кѣмъ нибудь изъ архіереевъ; и ежели какой архіерей скажетъ ему Константинову, что онъ не противно мудрствуетъ, то онъ подастъ о томъ челобитную ея величеству. Маркеллъ отвѣчалъ ему: «это дѣло малое, архіереи въ это не вступятся. Они и въ настоящія церковныя дѣла по доношеніямъ

не вступаютъ». Константиновъ не унялся этимъ и составилъ челобитную ея величеству. Это бы еще не бѣда — глупость и только. Но онъ вздумалъ въ этой челобитной примѣнять пророческія слова къ царствующему дому. Напримѣръ противъ словъ пророка Исаіи: Господь Саваоѳъ отъиметъ крѣпкаго и крѣпкую, написалъ: «Императора и Императрицу». Слѣдователи засыпали его вопросами: кого и что онъ разумѣлъ? Константиновъ показалъ, что написалъ это жалѣя покойныхъ Государей Петра I и Екатерину. Въ такомъ же родѣ написалъ и о царствующей Государынѣ, что «покаяшія ради оставилъ Богъ ея величество — крѣпкую надежду».

Этого было довольно, чтобы придать преступленіямъ всѣхъ ихъ политическій характеръ. 15 мая представленъ былъ Государынѣ по этому дѣлу экстрактъ, на которомъ состоялось высочайшее опредѣленіе: такъ какъ въ бумагахъ ихъ заключаются порицательныя слова не только на Ѳеофана, но и къ высокому лицу ея императорскаго величества касающіяся: то оными іерод. Іоною и Константиновымъ *розыскивать*, не имѣютъ ли они на ея императорское величество злобы или какого мнѣнія, и не было ль у нихъ намѣренія, чтобы оными письмами какое возмущеніе учинить».

По требованію Кабинета, Сунодъ командировалъ іеромонаха Иринарха для снятія сана съ іеродіакона Іоны. Иринархъ исполнилъ это порученіе 17 мая на генеральномъ дворѣ въ Преображенской канцеляріи [1]). Въ тотъ же день разстригу, по мірскому имени Осипа, подняли на дыбу. Въ распросѣ съ подъему и съ пытки онъ показалъ, что къ экстракту Родышевскаго онъ прибавилъ многія рѣчи не къ высокой персонѣ ея величества, а къ лицу новгородскаго архіерея Ѳеофана, по ревности своей о Церкви святой, потому что отъ Родышевскаго показано на него архіерея о церковной противности; въ согласіи съ нимъ, Осипомъ, никого не было и на ея императорское величество злобы и никакого мнѣнія и намѣренія, чтобъ оными письмами какое возмущеніе учинить, у него не было».

За нимъ въ тотъ же день привели въ застѣнокъ Константинова. Въ распросѣ онъ показалъ: «выписочку изъ книгъ и прочія рѣчи выписывалъ онъ для того, что усмотрѣлъ онъ въ книгахъ

---

[1]) Дѣла архива св. Сунода, 1731 г. № 165.

Родышевскаго на новгородскаго архіерея поношенія и мыслилъ онъ, что народъ чрезъ такое ученіе отъ православной вѣры отсталъ и для того оное сочинялъ, понеже намѣренъ онъ былъ о томъ съ Родышевскимъ говорить и требовать отъ него разсужденія. И ежели бы Родышевскій обнадежилъ его, что въ означенной выписочкѣ нѣтъ ничего противнаго, то хотѣлъ о томъ подать ея величеству; только ни съ нимъ Родышевскимъ и ни съ кѣмъ разсужденія у него о томъ небыло. Написавъ съ этой выписочки челобитную, онъ отдалъ ее Родышевскому и просилъ его, чтобы онъ ту челобитную посмотрѣлъ и разсудилъ, не противно ль то? Родышевскій ту челобитную взялъ и потомъ отдалъ ему назадъ и говорилъ, что ему Родышевскому той челобитной смотрѣть нѣкогда, понеже у него и своихъ церковныхъ нуждъ много. А показанныя въ выписочкѣ и прочія рѣчи выписывалъ онъ собою къ защищенію святой Церкви и мыслилъ онъ, что въ народѣ неправосудіе и что архіереи о Церкви Божіей не радятъ, понеже видѣлъ въ письмахъ Родышевскаго противности церковныя на новгородскаго архіерея, и что ему, Константинову, не даютъ жалованья, о чемъ значится въ дѣлѣ его именно. И оное все написалъ онъ на разсужденіе ея величеству, понеже мыслилъ онъ, что отъ ея величества къ Церкви святой защищеніе будетъ и къ нему показана будетъ милость. А ежели бы Родышевскій сказалъ ему, что написанное въ той выписочкѣ къ защищенію Церкви святой не приличествуетъ, то хотѣлъ оное оставить; а никому такими письмами угрозить не хотѣлъ и не къ высокой ея величества персонѣ показанное все онъ писалъ, но въ разсужденіе, и на ея величество злобы и никакого мнѣнія онъ не имѣетъ и ни отъ кого не слыхалъ, и намѣренія такова, чтобъ оными письмами какое возмущеніе учинить, у него не было».

Этимъ пока кончилось дѣло о государственныхъ вопросахъ по первымъ пунктамъ и началось о церковныхъ противностяхъ Ѳеофана.

XVII.

Возраженія Родышевскаго на Регламентъ духовный и на Указъ о монашествѣ. — Московскій розыскъ.

Родышевскій подалъ, чрезъ Аврамова, архимандриту Варлааму прошеніе на высочайшее имя и, при прошеніи, *Возраженія на Объявленіе о монашествѣ, на Регламентъ Духовный и на книгу О блаженствахъ.*

Въ прошеніи Родышевскій писалъ: «отъ всея всеусерднѣйшія любви моей и зельнѣйшей ревности къ Богу и къ вашему императорскому величеству и ко всей высочайшей фамиліи вашей, нынѣ благополучно здравствующей и о Господѣ уже успшей, а не отъ бездѣльной и легкомысленной каковой продерзости, умыслилъ составить и уже, Божіею поспѣшествующею благодатію, составилъ, непротивно Повелителя высочайшаго (аще бы кто безстудно и ложно клеветати восхотѣлъ на меня о семъ) и благочестивѣйшаго и всѣми превысокими дѣлы своими во всей подсолнечной препрославленнаго, высокославныя и вѣчныя памяти предостойнѣйшаго Петра Великаго, Императора и самодержца всероссійскаго, ему же во вѣки вѣчная и безконечная буди вѣчная память и присносущная въ небеси радость и непрестанное веселіе; но противъ составителя и написателя книгъ: Толкованія о блаженствахъ Христовыхъ и Регламента Духовнаго и нѣкоего Объявленія о монашествѣ, на которія, — усмотрѣвъ я въ нихъ множество великое Церкви святой противоумствованія прикрытаго еретическаго, не весьма яснаго, — объяснивъ оное и возраженіе написалъ, вручая мене самаго и оныя книги самому вашему императорскоту всепресвѣтлѣйшему величеству ради разсмотрѣнія, полагаяся во всемъ въ волю вашу. О всемилостивѣйшая владычице и великая госпоже и Государыня всероссійская! Ваше величество сама что восхощеши, то со мною и со оными книгами со-

твори; и буде повелиши и болѣе что писать, то стану; буде же повелишь молчать и отнюдь ни о чемъ уже и о самыхъ написанныхъ книгахъ и не стужать и не говорить, то отнюдь никогда не стану и повелѣнія вашего величества не преступлю; а и писемъ я кромѣ сихъ и которіи уже вашему величеству отданы, ниже кому давалъ, ниже разсѣвалъ гдѣ, и не за что на мене клевстать о семъ никому; а подъ одинъ святѣйшаго Сунода судъ и въ обиду меня не давать».

Возраженія на Регламентъ Духовный и на Указъ о монашествѣ составляютъ двѣ большихъ тетради, въ нѣсколько сотъ листовъ каждая. Мы сдѣлаемъ только краткій анализъ ихъ содержанія, такъ какъ они выражаютъ понятія противниковъ реформы о состояніи Церкви и общества.

Родышевскій еще надѣялся на возстановленіе патріаршества. Безъ сомнѣнія это — остатокъ надеждъ минувшаго царствованія. Не трудно угадать, кто заинтересовалъ и поддерживалъ Маркелла въ этихъ надеждахъ. Это были Дашковъ и Варлаамъ. Первый сошелъ уже со сцены и положеніе его было теперь ни чѣмъ не лучше положенія его кліента — Родышевскаго. Мѣсто Дашкова заступилъ для Маркелла Варлаамъ, также мечтавшій о патріаршествѣ. Онъ хотѣлъ уронить во мнѣніи правительства и народа Сунодъ съ его Регламентомъ и учрежденіями, замѣнившіе собою патріаршество. Родышевскому, повидимому, поручено было опорочить личный составъ тогдашняго Сунода и доказать изъ церковныхъ правилъ и историческихъ свидѣтельствъ незаконность этой формы церковнаго правленія, не справедливо замѣнившей собою будто бы древнюю и постоянную форму церковнаго правленія — патріаршество. Родышевскій не пожалѣлъ труда и, живя въ симоновѣ монастырѣ, въ 1730 г. написалъ огромное сочиненіе противъ Духовнаго Регламента.

Начало или вступленіе къ этому разбору показываетъ направленіе, которому онъ слѣдуетъ въ самомъ разборѣ. «Вѣчная буди память Петру Великому, Императору и самодержцу всероссійскому, который всѣми образами тщался всяку правду и истину вселити въ своемъ государствѣ. Кромѣ иныхъ безчисленныхъ его добрыхъ дѣлъ, всему свѣту вѣдомыхъ, великій мо-

нархъ и приснославный и приснопамятный Государь, желая и духовный чинъ видѣти въ древнемъ хрістіанскомъ добромъ и самомъ богодухновенномъ состояніи, повелѣлъ написать Регламентъ Духовный, какъ правится чину всему духовному, который ниже бы мало разпствовалъ, но во всемъ былъ бы согласенъ догматамъ святыя восточныя православныя греческія Церкви и ученію истинному — древнему ея исповѣданію всѣхъ святыхъ седми соборовъ вселенскихъ, учителей церковныхъ и преданію соборному, такожъ апостольскому, яко и святыхъ отецъ. И на сіе усматривая мужа таковаго, который бы искусенъ былъ великой премудрости и въ вѣжествѣ святаго писанія и святыхъ соборовъ и святыхъ отецъ, самъ сущи многотруденъ и многодѣленъ и въ воинскомъ упражнялся обученіи и во многихъ бранехъ и побѣдахъ, отъ многоразличныхъ и многократныхъ разговоровъ возмнѣлъ таковаго быти отъ его величества на престолъ епископіи псковской произведеннаго Ѳеофана Прокоповича, которому надѣялся, что онъ яко въ благочестіи и рожденъ и взрослъ и внѣшняя ученія прошелъ, ктомужъ остроуменъ, имѣетъ замышленное его величествомъ дѣло добрѣ и непорочно управить по разуму святыя Церкви; и того ради повелѣлъ ему ради исправленія церковнаго, буде бы въ чомъ видѣлъ онъ неисправный чинъ духовный въ Россіи, составить Регламентъ Духовный и повѣрилъ ему, какъ бы доброму человѣку и правовѣрному мужу. Ѳеофанъ Прокоповичъ, составивъ Регламентъ оный, предложилъ многотруднѣйшему Монарху къ подписанію руки высочайшей его, который прочелъ ли или нѣтъ и повѣря совѣсти онаго Прокоповича и искусству и мнимому благочестію, приложилъ руку свою монаршую. И прочіи господа сенаторы, въ собраніи сущіи въ Сенатѣ, оный Регламентъ Духовный слышали, и понеже не духовными дѣлами, но гражданскими отягощеніи и въ нихъ упражняющіеся, ктомужъ види Монарха своего великаго, приложившаго руку, и сами приложили, вѣря такожде совѣсти его епископской, еще же епископа православнаго мнящагося быти. Духовныя лица вси такъ разумѣется, что видяще монаршеской и сенаторскихъ рукъ и иной своей братіи архіереевъ и архимандритовъ и игуменовъ приложеніе, и сами приложили; нніи же хотя и совершенно вѣдали написанная, но обаче снисходяще по повелѣнію и чести подписанію руки царской и се-

наторской, и опасающеся гнѣва и противовостанія на себя, яко человѣцы боязливыи и твердости крѣпкой духовной въ себѣ не весьма имущіи, хотя и мудрыи и учители церковныи сихъ послѣдніихъ уже вѣковъ, подписался. И сіи вси имѣютъ извиненіе и за простоту свою, яко просто, а не отъ хитрости каковой, содѣлавшіи, или ради невѣденія, или страха ради, или иной каковой ради вины не подлежатъ суду Божію и великому и крайнему правосудія Его казни; съ ними же сихъ ради винъ, паче же судебъ ради своихъ, намъ неисповѣдимыхъ, и явитъ и да явитъ Господь милосердіе свое». Но къ Ѳеофану Родышевскій относится не такъ снисходительно, угрожая ему вѣчнымъ мученіемъ.

За тѣмъ онъ разбираетъ полемически, шагъ за шагомъ, изъ страницы въ страницу, самый Регламентъ, пересыпая свой разборъ бранью и ругательствами на тогдашнихъ духовныхъ правителей — первыхъ членовъ св. Сунода. Тонъ его чрезвычайно рѣзкій. Маркеллъ обнаруживаетъ частную жизнь тогдашнихъ духовныхъ правителей и публично порицаетъ ихъ тѣмъ, что ни въ какомъ случаѣ не подлежитъ гласности и общественному сужденію, а тѣмъ больше публичному осужденію. Въ первомъ пунктѣ онъ говоритъ о присягѣ членовъ духовной коллегіи; потомъ о причинахъ замѣны патріаршества Сунодомъ; дальше о дѣлахъ подлежащихъ духовной коллегіи и дѣлахъ епископовъ; наконецъ о домахъ училищныхъ, проповѣдникахъ слова Божія и мірскихъ особахъ. Сообразно съ своею предзанятою мыслію онъ старается доказать, что патріаршество есть не только древнѣйшая, но и единственно законная форма церковнаго управленія. Подъ возраженіемъ подписался «старецъ узникъ Маркеллъ 1730 года марта 3 дня».

Отстаивая патріаршескую форму правленія противъ новоучрежденнаго Сунода, Родышевскій съ такой же горячностію отстаиваетъ древнерусскую форму монашеской жизни противъ новыхъ постановленій о монашествѣ, особенно противъ извѣстнаго указа 1724 года. Сочиненіе Маркелла составляетъ цѣлую книгу, которую можно бы назвать апологіей или защищеніемъ монашества Ѳеофанъ написалъ отвѣтъ на нее въ духѣ новыхъ постановленій о монашествѣ. Въ эпоху борьбы двухъ понятій стараго и новаго любопытно сопоставить и сравнить между собою основа-

нія, на которыхъ то и другое опиралось и опредѣлить ту форму, въ какой старое понятіе явилось въ сознаніи его защитниковъ въ переходную для него эпоху. Здѣсь выясняется передъ нами самый принципъ древнерусскаго монашества — то, что было въ немъ жизненнаго, что привязывало къ нему народъ и давало ему значеніе одной изъ важнѣйшихъ формъ народной жизни.

Маркеллъ выступаетъ на защищеніе монашества, какъ на святой и богоугодный подвигъ во славу имени Божія и начинаетъ его благоговѣйною молитвою: «помози ми Боже Спасителю мой, славы ради имени святаго твоего». Впрочемъ общій тонъ его апологіи не соотвѣтствуетъ ея благочестивому началу.

Маркеллъ раздѣлилъ свою апологію на десять статей или главъ, которыя онъ назвалъ изъясненіями.

Что есть монашество и какая должность чина монашескаго? «Монашество есть совершеннѣйшее житіе христіанское и чинъ, соединенный съ присягою или обѣщаніемъ, еже сохранити утвержденное при постриженіи власовъ и при воспріятіи собственныхъ монашеству уставленныхъ, древними святыми утвержденныхъ и ангельскимъ явленіемъ Похомію великому поданныхъ одеждъ». Высшее совершенство его состоитъ въ томъ, что монахъ обѣщается сохранить не только заповѣди Христовы, но и совѣты — нищеты, чистоты и послушанія ради Бога. «Попеже прочіе (простые смертные), пристрастившеся къ житейскому попеченію о женахъ и дѣтяхъ, о имѣніяхъ и стяжаніи сихъ и о иныхъ куплѣхъ житейскихъ и упражненіяхъ, не могутъ вси одинаковы быти, паче же не могутъ вси въ безбрачіи и нищетѣ и послушаніи Бога ради, совершеннаго и общежительнаго самаго житія получити и стяжати; и того ради самъ Богъ чрезъ Церковь свою святую умыслилъ сицевый чинъ святый и непорочный, ради вышереченныхъ винъ, по божественному своему совѣту и усмотрѣнію, уставити, паче же ради пользы великія православныхъ всѣхъ христіанъ».

Когда начался чинъ монашескій? «Вѣдати подобаетъ всѣмъ, что чинъ монашескій есть трегубый. Едини суть монахи, которые, хотя постриженія монашескаго или одеждъ не имѣютъ или не имѣли никогда, обаче дѣла или нравы монашескіе исполняютъ. И таковые были первѣе апостоли святіи, которые

самовольную Христа ради нищету воспріяли, оставивше и домы и села и отцовъ и матерей и чадъ и шедшіи по Господѣ. Таковый былъ монахъ и начальникъ всѣхъ пустынножителей и св. Іоаннъ Креститель. Былъ истинный монахъ и пустынножитель и св. Илія и Елиссей и Даніилъ и прочіе. Вторый чинъ монашескій или монахи прямѣйшіе уже были во дни еще апостоловъ святыхъ, во градѣхъ живущіе и внѣ градовъ. Отъ исторій древнихъ отеческихъ мощно вѣдать, что они и постригалися и отличныя одежды носили отъ прочихъ христіанъ. Зри списателей древнихъ о семъ въ Чети-минеяхъ и Прологахъ. Но со времени Похомія, которому ангелъ, въ образѣ великаго чина современныхъ иноковъ, далъ въ руки хартію, имущую написанные уставы иноческаго житія, началось нынѣшнее монашество въ великомъ ангельскомъ образѣ».

Коея ради вины начался чинъ монашескій? «Вѣмы, что слово сіе не монахъ греческое, но монось, славенски же знаменуетъ уединенный, то есть единъ пребывающій или въ обществѣ сицевыхъ же, яко самъ, а не какъ нѣкіи глаголютъ, что единъ токмо пребываяй безъ вида и сообщенія прочихъ... Убо сіе слово, что есть монахъ, не сильно протолковано и видно, куда оное умникомъ совѣстнымъ натягивано. По истинѣ туда клонено, чтобы отъ всѣхъ градовъ изгнать монаховъ и въ пустыя мѣста поразсылать и тамъ постригать не велѣть. И безъ того нынѣ зѣло мало охотниковъ къ монашеству обрѣтается; а когда еще отъ пахатныхъ не приимать по новому узаконенію—чего во всѣхъ вѣцѣхъ никогда же и во всѣхъ христіанскихъ благочестивыхъ странахъ и государствахъ отъ начала христіанства до селѣ не было, кромѣ гонителей на святую вѣру,—то и совсѣмъ монашество пресѣчется. Должно убо было бы прямо и праведно составлять о монашествѣ писаніе, а не хитро и коварно, какъ видно всякому со вниманіемъ чтущему, куда и въ какую сторону натягивано.

Когда и чего ради монастыри начало свое воспріяли? «Монастыри начались съ самыхъ первыхъ вѣковъ по Христѣ, яко же увѣдати мощно отъ древнихъ достовѣрныхъ исторій и историковъ и лѣтописцовъ, которыхъ ищущіи и обрящутъ».

Коея ради вины ввели монаховъ въ градъ? «Первая вина—ради добродѣтельнаго ихъ житія, дабы образъ всѣмъ христіанамъ во градахъ живущимъ могли быти и въ подражаніе; вторая — ради

молитвъ ихъ сильныхъ у Бога, ими же многія болѣзни болѣзнующихъ гражданъ съ вѣрою и благоговѣніемъ приходящихъ къ нимъ уврачевывали; третія вина, дабы далеко не искать еже на архіерейство и на самое патріаршество возводити достойныхъ, но дабы предъ очима ихъ были всегда, яко же познать удобно отъ исторій о семъ множайшихъ; такожде и на иныя знаменитыя службы и послушанія — во аввы, еже есть во архимандриты монастырямъ знаменитымъ, и во экономы, еже есть въ домостроителя великимъ еже есть соборнымъ церквамъ, и въ спропитателя сихъ же избирали, яко вѣрныхъ зѣло сущихъ и ничесоже и никоего богатства себѣ желающихъ, и на сродниковъ или родителей ждивати не имущихъ; и сихъ не ктому уже во отшельничество или самое уединенное житіе приходящихъ, но паче въ клирничество, еще же самое и главнѣйшее и честнѣйшее—и патріархами и царями и соборомъ церковнымъ ввели, и симъ, ради послуженія, отъ имѣній своихъ царскихъ и сокровищъ великія вотчины падали, дабы они, вмѣсто царей и патріарховъ и вмѣсто всего царства, всѣмъ потребная подавали — вдовицамъ, сирымъ, странныимъ, больнымъ и всѣмъ во всякихъ нуждахъ сущимъ. И сія то вина самая главнѣйшая и первая, коея ради началися быть вотчины при монастыряхъ всѣхъ, еще древнихъ и въ Греческомъ царствѣ, отъ коего и прочіи государства, паче же наше всероссійское якоже вѣру святую и уставы и законы церковные, такъ и обычаи святіи богоугодніи во всемъ воспріяли, и до днесь содержатъ и содержать весьма должны, подъ опасеніемъ гнѣва Божія и страшной ярости Его грядущей на сыны противленія. И аще сіи, еже же есть монахи, духовная сѣютъ мірскимъ, иже есть молитвы о нихъ и слезы и труды и подвиги: велико ли, аще сихъ тѣлесная пожнутъ? И давать священному чину всякому, монаху ли или клирику, еще въ Ветхомъ Завѣтѣ Божіе повелѣніе есть. Рукодѣліе же хотя всеконечно должно быть у монаховъ, обаче оное не такъ существительное есть монашеству и отъ главныхъ и первѣйшихъ должностей его преданныхъ уставомъ и законоположеніемъ отъ святыхъ отецъ и чиномъ постриженія, и не такъ привязано къ монашеству, что безъ рукодѣлія и спастися не возможно, но отъ вторичныхъ и побочныхъ вещей и должностей. Что же пишетъ о монашествѣ нѣкто составитель писанія нѣкоего, что

«святое писаніе похваляетъ трудъ и узаконяетъ, и самъ Христосъ Господь во многихъ мѣстахъ и въ день праведнаго Его Суда грозитъ муками не послужившимъ нищетѣ, и самъ идый на смерть вольную ученикамъ послѣднюю службу умовеніемъ ногъ учинилъ и чинить велѣлъ. И сія — рече — служба много не равна, но превосходительнѣйша не точію нынѣшняго монашества, но и самаго совершеннаго древняго». И кто жъ когда о томъ говоритъ, что трудъ худое дѣло, или что Христосъ велитъ служити нищетѣ и самъ послужилъ и, какъ служить, самъ образъ далъ. Что убо вси вѣдающе совершенно такъ не дѣлаютъ, какъ пишутъ и говорятъ. Первѣе должны пастыри и учители и вси наставники, тако великіи, яко и малыи, подражать пастыре-начальника Христа Спасителя и ноги нищетѣ, сущей въ лицѣ Христовомъ, умывать, и своими, а не чуждыми руками труждающеся даже до пота лица, и выработавше вся потребная давать; а прочіи, сей смиренія и добродѣтели высокій увидѣвше образъ, начнутъ и сами съ прилежествомъ и со удивленіемъ творити. Сіе-то дѣло есть самое первѣйшее — всѣхъ духовныхъ первоначалниковъ, каковыи прежде были и сами все содѣловали и прочіихъ къ тому наставляли; и воистинну будетъ Богъ начальниковъ, нетворящихъ повелѣній Его, крѣпко судить паче прочихъ, и кто отъ нихъ нищетѣ не служитъ, по крайней возможности и отъ всего сердца и души, паче же имѣніями своими, тѣмъ, чего токмо они, си есть нищіи, желати будутъ: то сицевъ нѣсть истинный ученикъ Христовъ. Что же пишетъ тотъ же издатель писанія о монашествѣ, что «хотя и добрый путь древній сей, еже есть совершеннаго монашества, но яко отъ человѣкъ уставленный; сей же, еже есть служити нищимъ, или ноги симъ умывати, есть отъ Бога повелѣнный». Весьма безъ основанія и не твердо разсужденно и написано, будто чинъ монашескій есть отъ человѣкъ уставленный. Показалося выше, что монашество истинное есть то христіанство совершенное, которое весь законъ Христовъ и совѣты Его исполняетъ всеусердно. Убо ли совершенные христіане-монахи древніе путь свой имѣли отъ человѣкъ уставленный? А правду сказать, сіе слово на Лютерство много походило и едва ли не самое оно есть, взятое отъ трактата лютерскаго о монашествѣ. Благочестивѣй-

шіе православные древніи царіе греческіи, и по нихъ вси по всѣмъ странамъ и царствамъ, по совѣту съ синглитомъ или сенатомъ своимъ, Христу Господу отъ всего любленія сердечнаго своего великую всякъ царствія своего удѣляли часть, и опредѣляли ю Богу своему Христу Господу во вся. Отъ таковаго-то чина и образа и опредѣленія и въ насъ въ Россіи содѣлалося, и пріятъ отъ Греческаго царства съ вѣрою благочестивою тогда, какъ увѣрила благочестивая великая княгиня Ольга, Елена во святомъ крещеніи нареченная, и святый великій царь Владиміръ, иже Василій, и инныи многіи россійскіи благочестивѣшіи цари и царицы, князи, княгини, боляре и иніи создатели монастырей и церквей; и оттолѣ завелся чинъ сей богоугодный и таковымъ, якоже и рѣхъ, образомъ и сея ради вины. И того ради, буде кто похощетъ или похотѣлъ уже обиду каковую монастырямъ или ихъ подданнымъ сдѣлать, то уже не имъ, но части Христовой и наслѣдію его, или во имя Его пресвятой Богородицы и святаго коего отданному, смѣло и дерзостно весьма дѣластъ; только прилежно бы того смотрѣть, яко же и прежде сматривано по всѣхъ сицевыхъ Богу посвященныхъ мѣстахъ, дабы не на сторону иную неподобающую шло потребное отъ общихъ монастырскихъ или церковныхъ Богу отданныхъ имѣній, но на самыя нужды церковныя и монастырскія необходимыя; паче же дабы всѣ иноцыи и вдовицы по всемъ государствѣ, ради удовольствованія своего, яко къ своей сущей части, отъ государственныхъ Бога ради имъ опредѣленной, довольное пропитаніе и одѣяніе, по распредѣленію благоразумному начальниковъ духовныхъ и властей, имѣли».

«Въ томъ же письмѣ о монахахъ такъ пишетъ ругательнѣ: «отъ оныхъ законовъ не мало—рече—и зла происходитъ, понеже большая часть тунеядцы суть; и понеже корень всему злу праздность есть: то сколько забобоновъ, расколовъ, но и возмутителей произошло, вѣдомо есть всѣмъ». «Который чинъ—отвѣчаетъ Маркеллъ — таковый есть на свѣтѣ, который бы не имѣлъ въ себѣ добрыхъ людей и злыхъ? Воистину не безъ порока суть и царіе и князи, владыки, епископы, вожди, воины и вси весьма властелины и чины. И сего ли ради изъ за нѣконхъ сицевыхъ, еже есть злыхъ, и добрыхъ порочить надлежитъ, и ради многайшихъ

обрѣтающихся весьма непотребныхъ людей во всякомъ чинѣ, егда ли подобаетъ ухищрять, чтобъ таковый чинъ весь перевесть или опровергнуть? А и тіи монахи, которые тунеядцами напрасно порицаемы, какъ праведно разсудить и безпристрастно, не суть тунеядцы. Первое, что отъ церквей и общества всего учинены на богомоліе за всѣхъ, и оные, понеже на сіе званы, повсядневно, хотяще или не хотяще, отъ настоятелей своихъ жестоко понуждаеми, не покоривые же и крѣпко наказуемы разными смиреніи, монашеству свойственными, на всѣхъ службахъ церковныхъ быти должны; а кромѣ сего всякъ свое въ монастырѣ дѣлаетъ отъ начальника опредѣленное послушаніе. И понеже при градахъ монастыри завелися и монахи въ клиричество уже не по древнему обычаю отшельничества введены; того ради начальники всегда должны въ служеніяхъ литургіи быть и въ крестныхъ хотя и далекихъ ходахъ и трудныхъ, на погребеніяхъ, панихидахъ и прочихъ, касающихся ихъ службахъ, со іеромонахи и со іеродіаконами своими, и наряды имѣютъ изъ соборныхъ церквей или отъ архіереевъ своихъ, и награжденія за сіе никакого не требуютъ, развѣ званый самъ по введенному уже обыкновенію наградитъ, а они того не истязуютъ. А что написано, что въ монастыряхъ простые изъ поселянъ монахи всекоечно не прилежатъ къ разумѣнію божественнаго писанія и ученія — ей, лучше они, что̀ услышатъ читаемо или сказуемо, внушаютъ себѣ и содержатъ въ сердцахъ и въ мысляхъ паче умѣющихъ грамотѣ; и напрасно клевещутъ о семъ на нихъ. Духъ Божій, идѣже хощетъ, дышетъ и Богъ всѣмъ хощетъ спастися; да и сіи сами разумъ имѣютъ же и совѣсть, и добрѣ знаютъ чего для пришли въ монастыри, еже есть учитися лучшаго житія и о прошедшихъ грѣхахъ каятися. А что хотя и вси молятся, но не такъ часто, ниже понуждаемы; сіи же по вся дни на все пѣніе церковное должны итти и въ келіяхъ молитися, и хотя хотятъ—хотя не хотятъ, однако повинны творить то, на что пришли. И сему по премногу удивлятися можно, что въ ветхомъ еще завѣтѣ, который сѣнь былъ новой благодати, какъ зѣло великія благотворенія были духовному чину отъ мірянъ, да никто о нихъ и не выговаривалъ и не роптalъ, но въ простотѣ сердца подавалися ово отъ повелѣнія Божія, ово же и отъ своего доброхотства; а и такія были подаянія, что едва ли нынѣшнія подаянія

христіанскія противъ древнихъ не сѣнь едина есть, якоже увидитъ всякъ: хотяй да чтетъ въ книгѣ Втораго Закона въ главѣ 18. Нынѣшніе же христіане, хотя что не людямъ, но Богу самому отдадутъ въ часть его собственную или Богоматери или святому которому, то больше хлопотъ и выговоровъ тѣмъ нажитъ, кто тую часть содержитъ, нежели подаянія отъ неразумныхъ; и лучше бъ было прежде не давать, нежели отдавъ, да еще Богу, да послѣ выговаривать, что̀ Богъ запрещаетъ вездѣ и весьма. Сіе же произошло наипаче отъ безсовѣстныхъ и зѣло дерзостныхъ сотворшихся въ Европѣ лжехристіанъ и лжеучителей, паче жъ лютеранъ и калвинистовъ и прочихъ, которые, весьма сотворшеся мудри о себѣ, а не о Бозѣ, начали и учить, и дерзостно отъ прежнихъ благочестивыхъ обладателей странъ и градовъ Богу отданныя имѣнія святотатски себѣ похищать и смѣло употреблять, видя, что Богъ ихъ за сіе того часа здѣ не мучитъ, оставляя въ будущую казнь и геенну огненную; прежнихъ же суевѣрцами и весьма не разумными звать за то, что Богу отдавали въ монастыри имѣнія своя. Тое-то безбожное дѣло и Богу противное, тое—глаголю—губительство нечестивое и язва душѣ, а не тѣлеса вредящая, коснулася и нашихъ странъ и начала вредить крѣпко множайшихъ совѣсти, но и самыя кровію Христовою искупленныя души. Зримъ же здѣ опредѣленія и доходы ветхозаконныя, которыя были подаваемыя ветхозаконному духовному чину, и буде не преизлишествовать, яко же должно христіанамъ, то поне подражать ихъ научимся: 1) десятина всякихъ плодовъ земныхъ; 2) десятина всякихъ скотовъ; 3) отъ различныхъ податей; 4) отъ различныхъ жертвъ; 5) подаяніе трижды въ лѣто бываемое отъ приходящихъ въ домъ Божій; 6) пѣнязное или денежное подаяніе во Исходѣ въ главѣ 30 воспоминаемое; 7) всякое первородное человѣческое и скотское подавалося священнымъ, и скотское оставалося у священниковъ, а человѣческое окуповалося пятьми сиклями; 8) левитовъ по повелѣнію Господню въ домѣхъ содержаніе и во всякомъ довольствѣ имѣніе; 9) отъ всѣхъ жертвъ и отъ всесожженія кожи священникамъ давалися; 10) отъ иныхъ жертвъ часть Богу, а другая священникамъ давалася; 11) подаяніе было отъ назореовъ; 12) искуплялися обѣщанія пятію десятьми сиклями сребренными отъ мужеска пола, а отъ женска

тридесятьми; 13) имѣли по повелѣнію Божію ветхозаконные священники градовъ сорокъ восемь и вси приходы себѣ брали отъ нихъ; 14) давали Израильтяне отъ себе и отъ обѣщанія своего домы и земли въ дѣдичное владѣніе или—сказать—во вся духовенству, отъ которыхъ были имъ великія корысти; 15) Богъ самъ уставилъ, дабы всякое освященное Богу, си есть отданное или отъ человѣкъ, или отъ скота, или отъ нивъ, не было проданное, ниже искупленное. Се какъ превеликія были въ ветхомъ завѣтѣ подаянія и доходы духовному чину и никто отъ единоплеменниковъ своихъ, еже есть Израильтянъ, отнимать никогда не дерзалъ и уставы не раззорялъ тако Божіи, яко и старческіе, и съ горячестію должное отдавали: то лѣпо ли и достойно учить или дерзать данныя отъ древнихъ царей и царицъ и всѣхъ христолюбцевъ клятвою страшною утвержденныя имѣнія, земли и отчины на церкви и монастыри, еже созидатися и поновлятися симъ, и еже монахамъ и больничнымъ и спротамъ и страннымъ питатися — отъ сихъ наданныхъ, глаголю, имѣній и отчинъ отнимать сущую уже Христу самому Богу или Его матери или каковому святому освященную часть и на мірскія изждивенія обращати, или міряпамъ каковымъ отдавать — не грѣшно ли всеконечно сіе будетъ и не дадутъ ли жестокаго отвѣта правосудію Божію вси то творити дерзающіи? Хотя бо Господь нашъ, всѣ содержай концы земли и исполненія ихъ, самъ рукою своею, благихъ нашихъ, еже есть имѣній нашихъ, и не требуетъ: однако данная себѣ во образѣ духовнаго чина или нищихъ весьма сладко пріемлетъ и сторичными небесными петлѣнными благими воздать обѣщается; отнимающимъ же часть Его лютыми грозить казньми и муками, не токмо временными, но и вѣчными».

Какъ нынѣшнихъ монаховъ исправити надлежитъ хотя по нѣкоему древнему подобію? «Монашество все нынѣшнее удобно зѣло исправится можетъ по подобію всему древнему, когда нижеписанная наставленія воспріимутся самымъ существомъ и безотлагательно и имущая правила предложатися здѣ и хранятися всеконечно повелятся. Первое и самое главнѣйшее дѣло самой верховнѣйшей власти императорской — велѣть духовному правленію всеконечно искать себѣ отъ духовнаго монашескаго чина самыхъ богодухновенныхъ, вещію же и дѣломъ искусившихся въ монашествѣ добрѣ

чрезъ многое время жизни своея монаховъ, наипаче по общежительнымъ и пустынным монастырямъ; и ихъ освидѣтельствовавъ, паче же окрестныхъ людей о нихъ совершенно спросивъ и искусивъ ихъ и о житіи ихъ испытавъ и разсмотрѣвъ довольно — таковы ли обрящутся, яковыхъ ихъ быти сказываютъ, и таковыхъ не внѣшнею мудростію всуе кичащихся, а хотя и не мудрыхъ, по богодухновенныхъ самыхъ, и не внѣшними дарами тѣлесными, яко то брадою или лицомъ или тѣломъ пригожихъ, но украшенныхъ духовными всякими благостынями — производить на самыя главнѣйшія духовныя начальства, еже есть во архіерейство и архимандріи знатнѣйшіи; и тѣхъ, которые не схимонахи, посвящать во архіереи, дабы правила отеческія не нарушены были; а которые схимонахи, тѣхъ поставлять въ архимандриты или въ наставники новоначальнымъ и младымъ всѣмъ монахамъ ради исправленія ихъ. Того ради конче смотрѣть надлежитъ, дабы таковіи люди во епископы или архіепископы или митрополиты вездѣ избираемы были. Когда убо сицевіи добрые епископы во епархіи возводимы будутъ, то всячески тщатися имутъ по всѣмъ епархіямъ своимъ исправити все монашество; паче же егда въ главнѣйшемъ самомъ духовномъ правленіи таковіи будутъ или самый главнѣйшій сицевъ человѣкъ надъ всѣми поставленъ будетъ: то и всѣхъ восхощетъ таковыхъ производить въ епископы — подобній подобнаго себѣ изыщетъ. Которые же въ семинаріи учиться будутъ у лютерскихъ учителей, а хотя и у своихъ, но уже духомъ еретическимъ одхненныхъ: то тіи весьма заражены будутъ и не назидать, но развращать всю церковь начнутъ, и хотя въ монашество постригутся, не ради монашества сіе сотворятъ, но ради надежды произведенія во архіереи или архимандриты, которое постриженіе сицевое весьма противно есть истинному монашеству. И во архіерейство, паче же въ архимандричество, не такъ потребны люди ученые, какъ богодухновенные и добродѣтельные, которые бы не такъ словомъ, какъ дѣломъ учили. Понеже всегда обыкновеніе во всей церкви восточнаго благочестія бывало и нынѣ есть, что ищутъ и возводятъ на власти высочайшія добродѣтельныхъ мужей, а не внѣшнюю премудрость имущихъ, духовной же весьма чуждыхъ; таковые бо весьма обыкли въ высокоуміе и гордость впадать и высокая о себѣ мудрствующе, паче же когда житіе

сластолюбивое и пространое зѣло ведутъ, на вся себѣ позволяютъ, прочихъ же всѣхъ уничтожаютъ и невѣждами и мужиками зовутъ, не спущая и святымъ уже мужамъ, о Господѣ преставльшимся».

Ѳеофану не трудно было отразить высказанныя въ этихъ сочиненіяхъ возраженія, подвергая въ тоже время своего противника суду и взысканію за порицаніе высочайшей власти и исходящихъ отъ нея узаконеній.

Кабинетъ спрашивалъ у Родышевскаго: «какъ онъ осмѣлился писать возраженіе на Регламентъ Духовный, зная, что Регламентъ сочиненъ и утвержденъ его и. величествомъ и всѣми архіереями»? Родышевскій отвѣчалъ, что «писалъ это для того, что Регламентъ сочинялъ новгородскій архіерей, а Государь повѣрилъ ему архіерею, а прочіе послѣдовали его величеству невѣденіемъ». Кабинетъ потребовалъ свѣденія изъ Сунода. Сунодъ отвѣчалъ, что «Регламентъ сочиненъ по именному е. и. в. указу, который въ началѣ того Регламента ясно изображенъ, а чьими трудами сочиненъ, такого вида не находится; токмо оный Регламентъ, скорописью писашный, черненъ и приправливанъ рукою преосвященнаго Ѳеофана, архіепископа велико-новгородскаго; да въ концѣ того Регламента его жъ преосвященнаго имѣется надписаніе такое жъ, какъ и въ печатномъ Регламентѣ, а именно: «сіи вся здѣ написанная первѣе самъ всероссійскій монархъ, его царское священнѣйшее величество слушать предъ собою чтомая, разсуждать же и исправлять благоволилъ 1720 году февраля 11 дня. А потомъ, по указу его жъ и. в., преосвященные архіереи, купно же и правительствующіе сенаторы, слушали и разсуждая исправляли онаго же февраля 23 дня. Также во утвержденіе и исполненіе непреложное, по приписаніи рукъ присутствующихъ духовныхъ и сенаторскихъ персонъ, и самъ его в. собственною своею рукою подписать соизволилъ. Ктому же Духовному Регламенту сочинено Прибавленіе по имянному е. и. в. указу, которое черпено и приправливано руками обрѣтавшихся въ Сунодѣ членовъ—бывшаго архіерея Ѳедоса и нынѣшняго Ѳеофана архіепископа велико-новгородскаго и бывшихъ тогда архимандритовъ— Гавріила троицкаго, который потомъ потомъ былъ въ Рязани архіереемъ и умре, Петра симоновскаго, что нынѣ александро-невскій; сверхъ же того и самъ е. п. в. въ девят-

надцати мѣстѣхъ собственною своею рукою приправливать изволилъ».

Далѣе у Родышевскаго потребовали отвѣта: для чего онъ писалъ возраженіе на объявленіе о монашествѣ? Маркеллъ отвѣчалъ—«для того, что то объявленіе все противно церкви. А составлялъ то новгородскій архіерей, что̀ призналъ онъ Родышевскій по складу рѣчей; также слышалъ и отъ него архіерея о томъ, что хотѣлъ онъ архіерей такую тетрадь сочинить». Кабинетъ просилъ изъ Сѵнода извѣстія—кто сочинилъ Объявленіе? Сѵнодъ отвѣчалъ, что «оно прислано въ св. Сѵнодъ за собственноручнымъ подписаніемъ блаженной памяти Государя Императора Петра Перваго въ прошломъ 1724 году февраля 1-го дня; а кто оное сочинялъ, въ св. Сѵнодѣ извѣстія не имѣется, да и быть невозможно, потому что оное сочинялось не въ Сѵнодѣ, но прислано туда сочиненное отъ самаго его величества». Кабинетъ поручилъ князю Черкасскому спросить у Ѳеофана: не знаетъ ли онъ—чьего сочиненія эта книга? Ѳеофанъ отвѣчалъ, что она «сочиненія отчасти самого Государя, а отчасти его архіерея, но что ему принадлежатъ только свидѣтельства св. отцовъ и древнихъ историковъ, а все прочее написано самимъ Государемъ».

Кромѣ этихъ двухъ возраженій Родышевскій написалъ еще возраженіе на книгу *о блаженствахъ евангельскихъ* — краткое показаніе зловѣрія, обрѣтающагося въ оной книгѣ. Кабинетъ потребовалъ изъ Сѵнода извѣстія о происхожденіи этой книги. Сѵнодъ отвѣчалъ, что она сочинена по указу его величества Государя Императора, а кто ей авторъ — о томъ въ Сѵнодѣ извѣстія не имѣется, имѣется только присланный отъ его величества въ святѣйшій Сѵнодъ изъ Астрахани указъ (3-го іюля 1722 г.), писанный собственною его величества рукою, съ одобреніемъ этой книги и съ повелѣніемъ сдѣлать къ ней предисловіе. Къ этому извѣстію Ѳеофанъ прибавилъ, что книга эта вся его архіерейскаго сочиненія и написана имъ по именному приказанію его величества. Государыня приказала показать Маркеллу собственноручный указъ Государя. Родышевскій отвѣчалъ, что «оное его величества письмо весьма изрядное, токмо знатно въ оной книгѣ показанныхъ противныхъ рѣчей не было внесено, а внесено послѣ, потому что еслибы тѣ рѣчи были внесены, то бы его величество

оную книгу ни какъ не позволилъ, но указалъ бы отрицать, потому что въ ономъ его величества письмѣ именно изъяснено къ пользѣ церкви, а въ книгѣ показаны многія рѣчи лютеранскія и противности православной церкви, да и напечатана книга не токмо до показаннаго его величества письма, но еще въ то время Государь и въ Низовомъ походѣ быть не изволилъ, а именно книга напечатана въ невскомъ монастырѣ въ 722 году марта въ 16-мъ числѣ, а означенное письмо изъ Астрахани писано въ томъ же году іюля 13-го дня; и ежели бы оная книга непротивная церкви св. была, то бы надлежало сочинителю той книги до отшествія его величества въ Низовый походъ, не предавъ ее въ печать, предложить для апробаціи его в.; почему видно, что къ Государю книга о блаженствахъ Христовыхъ послана была другая скорописная, въ которой показанныхъ имъ, Родышевскимъ, противныхъ церкви св. рѣчей написано не было; но однакожъ и той книги Государь до возвращенія своего печатать не указалъ, изъ чего видно, что оная книга напечатана безъ указу, отчего оной печатной книги для апробаціи къ е. в. и не послано».

Кромѣ этихъ тетрадей, частію сданы изъ Кабинета, частію при взятьѣ Родышевскаго подъ арестъ отобраны у него разныя письма и тетради, относящіяся къ его процессу, именно:

Копія съ донесенія Императору Петру II о поврежденіи вѣры христіанской. «Какое поврежденіе онъ разумѣетъ и кого въ томъ уличаетъ»? Родышевскій показалъ, что «поврежденіе вѣры христіанской учинено отъ новгородскаго архіерея Оеофана и отъ прочихъ его согласниковъ—рязанскаго архіерея Гавріила и отъ архимандрита Оеофила Крулика, также и отъ бывшаго архіерея Ѳеодоса, а какое-де поврежденіе вѣры христіанской учинено, о томъ именно показано у него Родышевскаго въ возраженіяхъ его на книги и въ доказательствахъ».

Объявленіе о книгахъ изданныхъ Оеофаномъ новгородскимъ архіереемъ, противныхъ ученію св. Церкви и сонзволеніемъ прежде бывшихъ синодальныхъ членовъ печатанныхъ.

О Ѳеатронѣ, что онъ церкви святой зѣло противныя и непзреченныя хулы на Матерь Божію и на св. Іоанна Богослова и Марію Магдалину (на страницахъ 105 и 382) содержитъ. Кабп-

нетъ потребовалъ изъ Сѵнода извѣстія объ изданіи этой книги. Сѵнодъ указалъ на ея предисловіе, въ которомъ значится, что она, по высочайшему повелѣнію, переведена съ латинскаго на славянскій діалектъ Гавріиломъ Бужинскимъ и напечатана въ александроневской типографіи въ 1724 году.

О сочиненіяхъ Пуффендорфа переведенныхъ съ латинскаго на русскій языкъ, первое—введеніе въ исторію европейскихъ государствъ; другое—о должностяхъ человѣка и гражданина. Родышевскій просилъ отрящуть послѣднюю изъ этихъ книгъ отъ церкви святой и изъ народа вывесть для того, что напечатаны въ ней многія хулы на блаженныя памяти великаго Государя Іоанна Алексѣевича. Книга эта переведена съ латинскаго на русскій языкъ въ 1719 году рязанскимъ архіереемъ Гавріиломъ, токмо о томъ переводѣ вѣдаетъ и новгородскій архіерей Ѳеофанъ; потому что онъ Ѳеофанъ съ нимъ Гавріиломъ въ то время жили въ С.-Петербургѣ на невскомъ подворьѣ вмѣстѣ, а наипаче Ѳеофанъ, будучи главнѣйшимъ въ Сѵнодѣ и зная объ этой книгѣ, нигдѣ о ней не объявилъ. Да бывшій новгородскій архіерей Ѳедосъ въ 1719 году въ С.-Петербургѣ на невскомъ подворьѣ говорилъ Бужинскому, что Государю жаловалась царица Прасковья Ѳеодоровна, что въ книгѣ Пуффендорфія, которую тотъ съ латинскаго на русскій языкъ перевелъ, обрѣтаются хулы на государя царя Іоанна Алексѣевича, и Гавріилъ тому Ѳедосу отвѣчалъ: «я не собою то написалъ, понеже написано то въ книгѣ, съ чего я переводилъ»; и Ѳедосъ говорилъ на то: «хотя ты и не самъ написалъ, да переводить тебѣ того не слѣдовало»; на это Ѳеофанъ тому Ѳедосу говорилъ, что напрасно изволилъ гнѣваться, потому что Гавріилъ не отъ себя то издалъ, но съ готовой переводилъ. А при тѣхъ словахъ былъ онъ Родышевскій, такъ какъ жилъ на невскомъ подворьѣ».—Кабинетъ потребовалъ изъ Сѵнода извѣстія объ этой книгѣ. Сѵнодъ отвѣчалъ, что «латинскій переводъ первой книги—о должностяхъ человѣка и гражданина отданъ Государемъ св. Сѵноду во время присутствія въ прошломъ 1721 году, ноября 19-го дня и указано перевесть ее на славянскій языкъ. Въ 723 году она переведена была справщикомъ московской типографіи Кречетовымъ и съ того перевода переписана и для апробаціи его величеству сообщена въ Кабинетъ въ прошломъ 724 году

октября 11-го дня и въ томъ же году, по присланному въ Сунодъ его величествомъ за собственноручнымъ подписаніемъ указу, велѣно перевесть только первый трактатъ о должности человѣка и гражданина (понеже въ другомъ—о вѣрѣ христіанской его величество пользы для народа не надѣется), и чтобъ была вятша и хорошимъ штилемъ. Сунодъ отдалъ ее для совершеннаго исправленія бывшему тогда въ Сунодѣ совѣтнику, архимандриту Гавріилу. Послѣ того, по именному его в. указу, декабря 15-го дня 724 года, велѣно ее напечатать; только въ то время она не была напечатана; а по кончинѣ его величества въ 725 году ноября 13-го дня переводъ этой книги для апробаціи поданъ былъ Императрицѣ и, по указу ея величества 2-го марта 1726 года, напечаталась въ с.-петербургской типографіи. Другая книга, называемая — введеніе въ исторію европейскую переведена на русскій языкъ, по высочайшему повелѣнію, бывшимъ префектомъ законоспасской академіи, Гавріиломъ Бужинскимъ и напечатана еще до состоянія святѣйшаго Сунода въ 718 году.

Служба о умиреніи Россіи съ Шведскимъ государствомъ. Родышевскій показалъ, что «въ этой службѣ, изданной въ 1723 г. отъ святѣйшаго Сунода и разосланной во всю Россійскую имперію, въ монастыри и церкви, находятся великія хулы блаженныя памяти государю цесаревичу Алексѣю Петровичу, а какія именно—о томъ явно въ той книгѣ, и чтобъ тое книгу истребить, понеже она противна святой церкви». Сунодъ, по запросу Кабинета, объявилъ, что благодарственная служба о замиреніи Россіи съ Шведскимъ государствомъ, вмѣстѣ съ службою св. князю Александру Невскому, сочинена по именному жъ его Государя указу 1724 года 2-го сентября, бывшимъ тогда въ Сунодѣ совѣтникомъ архимандритомъ Гавріиломъ и по силѣ того же указа напечатана въ невской типографіи.—Родышевскій объявилъ, что въ показанныхъ книгахъ противности Восточной Церкви объявлены имъ весьма кратко, чтобы не утрудить чтеніемъ; но что ежели повелѣно будетъ пространно объявить, то въ нихъ можно изъяснить многія противности церковныя.

«Сверхъ оныхъ книгъ имѣются многія другія противныя церкви святой, сочиненныя архіереемъ Ѳеофаномъ, а именно: *букварь съ толкованіемъ* десяти заповѣдей ветхаго закона; *о по-*

ливаніи; *о бракахъ*; *о понтификсѣ*; *о глобусахъ*, печатанныя по соизволенію святѣйшаго Сунода. И ежели о имѣющихся въ сихъ книгахъ церковныхъ противностяхъ повелѣно будетъ ему изъяснить, то онъ покажетъ о томъ подлинно».

Въ то же время сданы изъ Кабинета:

Доказательство Маркелла Родышевскаго на Θеофана Прокоповича. «Какъ прежде имѣлъ, такъ и нынѣ имѣю на новгородскаго архіерея подозрѣніе, что онъ истинный еретикъ, сихъ ради ниже изъявитися имущихъ винъ». Повторяются прежнія обвиненія — о постриженіи его отъ уніатовъ, о протестѣ Стефана, «на который совершенной очистки доселѣ не бывало и извѣстія о очисткѣ его въ народъ не публиковано и въ такомъ худомъ мнѣніи и донынѣ онъ пребываетъ у всего народа». «Когда его епископомъ посвятили во Псковъ и въ Сунодъ опредѣлили быть вице-президентомъ, тогда многіе указы о иконахъ чудотворныхъ и о забратіи ихъ безчестно въ мѣста пустыя, — о мощахъ святыхъ, будто не прямыхъ и не свидѣтельствованныхъ, которыхъ самъ Богъ многими чудесами отъ нихъ бывшими прославилъ, которыхъ раки разбивали и ихъ самихъ закапывали,—о непечатаніи нѣкихъ церковныхъ книгъ, а именно акафистовъ седмичныхъ—что—рече, въ нихъ много наплутано—и прочихъ, а именно что издано акафистъ Гробу Господню, Кресту, Успенію Богородицы, — о не хожденіи со кресты святыми въ ходы, — о отобраніи привѣсовъ,— о затвореніи часовень и разореніи ихъ и о прочемъ, о чемъ о всемъ указы въ Сунодѣ обрѣтающіеся и въ народъ публикованные явствуютъ: а тѣ указы онъ согласно съ черницомъ Θедосомъ и съ Гавріиломъ, что нынѣ рязанскій, и съ прочими единомышленниками своими закрѣплялъ и ни въ чемъ сему не спорилъ, но паче настояль еще, чтобъ такъ было, за что Θедосъ и въ ссылку сосланъ и указомъ публикованъ; а сообщники его, тожъ и больши содѣлавшіи, яко и сей новгородскій архіерей, уцѣлѣли». «Слышалъ я отъ него ученія и бесѣды въ разныхъ многихъ временахъ со учениками своими и учениковъ его весьма православію противныя и дѣла весьма архіерейству противныя, яко то—музыки содержаніе и великія прохлады и мясоядѣнія въ постъ и прочая, какъ епископы римскіе и пасторы люторскіе. Такожде все, что содѣловалося въ новгородской епархіи по Θеодосовымъ ука-

замъ о разореніи монастырей и церквей, то все и онъ въ своей епархіи содѣловалъ».

Реэстръ свидѣтелей, при которыхъ имѣлись отъ новгородскаго и отъ его согласниковъ и учениковъ противности церковныя. Согласниками его показаны Ѳеодосій, Гавріилъ, Ософилъ Кроликъ, Давидъ Скалуба. Многіе разговоры о чудесахъ, мощахъ, пещерахъ и о святыхъ бывали при ученикахъ его, которые выставляются свидѣтелями. Изъ посторонихъ свидѣтелями показаны — архимандритъ антоніева монастыря Іоасафъ Маевскій, невскій іеродіаконъ Евникіанъ, іеромонахъ кіевскаго братскаго монастыря Веніаминъ Григоровичъ, ученикъ кіевской академіи Терлецкій, іеромонахъ софійскаго кіевскаго монастыря Гугоровичъ, іеросхимонахъ кіевопечерскаго монастыря Романъ Копа, невскій намѣстникъ іеромонахъ Веніаминъ Фальковскій, духовникъ Тимофей Васильевичъ, печерскіе монахи Ипатъ и Полісиъ, новоспасскій архимандритъ Іероѳей. Въ февралѣ 1726 г. на троицкомъ подворьѣ, у бѣлоградскаго архіерея Епифанія, Кроликъ съ архимандритомъ Гедеономъ Вишневскимъ и съ префектомъ Платономъ Малиновскимъ и съ заиконоспасскимъ архимандритомъ Германомъ при немъ Маркеллѣ великую прю имѣли; а на другой день въ донскомъ монастырѣ, съ тѣмъ же архимандритомъ Платономъ и со мною прѣвся онъ Кроликъ, предлагая противные Церкви святой догматы, много заомудрствовалъ, а за сопротивленіе къ нему насъ бранилъ безчестно».

Въ январѣ 1732 года, состоялся приговоръ о Родышевскомъ и его сообщникахъ. «По слѣдствію дѣла о Маркеллѣ Родышевскомъ съ товарищи явилось: 1) доносилъ онъ на Ософана архіепископа новгородскаго во многихъ противностяхъ Церкви, на что никакого иного доказательства, кромѣ своей персоны, не представлялъ, чему и вѣрить не возможно; къ тому жъ многія жестокія укорительныя его персонѣ слова употреблялъ, которыя ни мало къ дѣлу не приличны, за что велѣно его содержать, вмѣсто наказанья, въ монастырѣ не исходно; 2) во время содержанія своего въ разныхъ монастыряхъ паки продерзость показалъ и такія же укоризны на него архіепископа и еще болѣе прежняго писалъ; 3) регламентъ духовный, изволеніемъ блаженныя и вѣчнодостойныя памяти Государя Императора Петра Великаго и совѣтомъ всего

освященнаго собора для порядочнаго и лучшаго духовнаго правительства ко утвержденію церкви святой и размноженію ученія учиненный, также разныя книги для исправленія и утвержденія людей въ законѣ христіанскомъ, а иныя токмо для извѣстія прежнихъ дѣлъ прилежнымъ тщаніемъ и соизволеніемъ его жъ величества отъ разныхъ учителей сочиненныя и всего Synoda разсмотрѣніемъ и благословеніемъ напечатанныя, дерзнулъ развратно и противно толковать, и не токмо тѣ всѣ, но и такія, кои съ другихъ діалектовъ переведены, и въ пользу и вѣденіе общее напечатаны, считалъ яко бы отъ одного Θеофана архіепископа сочинены и за то его жестоко въ толкованіяхъ своихъ поносилъ; 4) о тѣхъ книгахъ сказывалъ и изъ нихъ выписочки многія показывалъ и давалъ читать, которое ни къ чему иному служить, какъ ко вредительному людей отвращенію отъ ученія и вѣдѣнія полезнаго, которое имъ предается отъ духовнаго правительства, соизволеніемъ самодержавной императорской власти, въ наставленіе, чтобъ всякъ вѣдалъ волю Божію и какъ можетъ спастися и животъ вѣчный получить; а историческія читая и видѣвъ прежде происходимые случаи благопріятному житію ревновали и отъ злыхъ дѣлъ уклонялись, видя отъ чего какой плодъ происходитъ; 5) роздіаконъ Осипъ получа отъ вышеименованнаго Родышевскаго тетрадь, въ которой были писаны непристойныя поношенія и укоризны затѣйныя на Θеофана архіепископа, самъ отъ себя и болѣе прибавилъ, въ которыхъ прибавкахъ нѣкоторыя слова хоть темно написаны, однако же касаются къ поношенію высочайшей чести и власти и тѣ тетради съ прибавленіемъ своимъ давалъ другимъ честь; 6) Михайло Аврамовъ тѣ книги съ Родышевскимъ читалъ и разсуждалъ, почитая ихъ за полезныя къ защищенію Церкви, и старался о представленіи оныхъ ея императорскому величеству, яко бы по благочестію ревнуя и присланнаго отъ него келейника съ тѣми книгами проводилъ, изъ чего явна себя показалъ, что онъ тому развращенному толкованію былъ согласенъ; 7) подъячій Иванъ Константиновъ не токмо тѣ письма непристойныя у него сперва на бѣло переписывалъ, но и самъ изъ книгъ разныхъ дерзнулъ выписывать, подбирая рѣчи къ поношенію жъ высокой чести ея императорскому величеству; 8) и тако всѣми оными дѣлами противно присяги своей дерзали миръ и тишину

церковную вредить, злымъ своимъ разсѣяніемъ самодержавную ея императорскаго величества честь поносить, сочиненныя книги развращенно толковать и тѣмъ причину подавать ко обращенію людей отъ пути спасительнаго и благоправнаго житія, за что по всѣмъ государственнымъ правамъ должны быть казнены смертію. Однако жъ ея императорское величество смертію казнить ихъ не указала, а указала Маркелла послать въ бѣлозерскій монастырь, Аврамова въ иверскій монастырь; роздіакона Осипа и подъячаго Константинова, бивъ кнутомъ, послать—Осипа въ кексгольмскій валаамскій [1]), а подъячаго въ соловецкій монастыри и содержать ихъ всѣхъ въ крѣпкомъ смотрѣніи, не выпускать никуды и чернилъ и бумаги не давать; и того накрѣпко властямъ тѣхъ монастырей за ними смотрѣть, чтобъ отнюдь ничего они не писали и ни съ кѣмъ не разговаривали и ни куда не ушли, и въ томъ подписаться властямъ, кои нынѣ въ тѣхъ монастыряхъ есть, и впредь которые будутъ потому жъ подписываться, понеже, ежели что по сему упущено будетъ, или отъ содержащихся вышеписанныхъ персонъ явятся какія письма или на словахъ что не пристойное будутъ разсѣвать, и то все взыскано будетъ на властяхъ тѣхъ монастырей.

---

[1]) Валаамскій строитель, іеромонахъ Іосифъ, получивши указъ о содержаніи подъ карауломъ разстриги Осипа, послалъ въ Тайную канцелярію доношеніе отъ лица всей братіи слѣд содержанія: «понеже въ валаамскомъ монастырѣ къ содержанію означеннаго колодника не точію удобныхъ и крѣпкихъ мѣстъ и для присмотра людей, но и монастырской никакой ограды за совершенною скудостію не имѣется; тако жъ и братскія кельи строять сами хотящіи обитати и трудится во оной обители братія; да и пища братская самая нужная, но и та за совершеннымъ недородомъ хлѣба едва съ великою нуждою въ монастырѣ обрѣтается, ибо за вышеписаннымъ монастыремъ вотчинъ и крестьянъ не имѣется: того ради Канцелярію Т. Р. дѣлъ всенижайше просимъ, дабы повелѣно было означеннаго колодника перевесть, куда Тайная канцелярія своимъ высокимъ разсмотрѣніемъ милостиво заблагоразсудитъ. Января 2 дня, 1732 г.» Впрочемъ монастырю не долго пришлось тяготиться своимъ колодникомъ.

XVIII.

1732 годъ. — Отбытіе Двора изъ Москвы въ С. Петербургъ.—Тетради о житіи Ѳеофана.— Розыскъ переписчиковъ. — Подозрѣніе заговора и мятежа. — Аресты.

Остерманъ, съ самаго вступленія Императрицы на престолъ, постоянно настаивалъ, чтобы резиденцію по прежнему перенести въ С.-Петербургъ. Это настояніе исполнилось въ началѣ 1732 года.

8 января Государыня выѣхала изъ Москвы въ С.-Петербургъ. 11 ноября прибыла въ Новгородъ въ началѣ 2 часа послѣ полудня. Ѳеофанъ, уѣхавшій впередъ, встрѣтилъ ее съ крестами у Волховскаго моста и шелъ предъ ея санями до соборной церкви, гдѣ привѣтствовалъ ее рѣчью. Въ Новгородѣ Государыня остановилась въ архіерейскомъ домѣ [1]), откуда на другой день, въ 4 часа пополудни, выѣхала въ С.-Петербургъ.

Вмѣстѣ съ дворомъ переѣхала въ С.-Петербургъ Тайная канцелярія подъ названіемъ Походной, а оставшаяся въ Москвѣ называлась по прежнему Тайной. Но въ половинѣ этого года (12 августа) велѣно Тайную канцелярію взять изъ Москвы въ С.-Петербургъ, а въ Москвѣ оставить контору, которая поручена завѣдыванію Семена Андреевича Салтыкова; 29 сентября этого года приказано не именовать Тайной канцеляріи Походною, а просто Тайной розыскныхъ дѣлъ канцеляріей. Производителемъ дѣлъ въ С.-Петербургѣ былъ Хрущовъ, въ Москвѣ—Казариновъ.

Продолжая начатое дѣло о пасквильныхъ тетрадяхъ, Тайная

---

[1]) 10-го января Ѳеофанъ просилъ Императрицу письмомъ—остановиться въ новгородскомъ архіерейскомъ домѣ. «Всепокорнѣйше доношу вашему величеству, что домъ архіерейскій къ упокоенію отъ дорожныхъ трудовъ вашему величеству не неугоденъ: чистъ отъ всякой гадины и по возможности опрятенъ. И хотя толикаго гостя къ воспріятію и недоволенъ и недостоинъ; однакожъ за нужду не весьма скуденъ... Аще обрѣтохъ благодать предъ тобою, не мини меня, раба твоего». (Труды кіевской акад. 1865 г. кн. 10 стр. 260.)

канцелярія подбирала лицъ, которыя разными путями замѣшались въ это дѣло. Новой жертвой ея сдѣлались богадѣленные нищіе московской ѳедоровской богадѣльни, гдѣ былъ двоюродный братъ Іоны (разстриги Осипа), Горбуновъ, переписывавшій тетради по его порученію. Но вмѣстѣ съ нимъ позвали къ допросу и другихъ нищихъ, которые видѣли, какъ онъ переписывалъ, читали тетради или слышали какъ онъ читалъ, Якова Кузьмина и Даніилу Толбугина. Въ допросахъ старики показывали, какъ они бранивались между собою, особенно какъ бранивали Горбунова. Литературные труды его казались имъ чернокнижествомъ, а переписка тетрадей на Ѳеофана измѣною и еретичествомъ.

Горбуновъ сдѣлалъ главныя показанія, что онъ переписалъ для Іоны нѣсколько тетрадей; но гдѣ онѣ? кому онъ раздавалъ ихъ или гдѣ подбрасывалъ и съ какою цѣлію? Безъ допросовъ и показаній Осипа обойтись не могло. По этому 22-го февраля 1732 г. Походная тайная канцелярія потребовала съ Валаама Осипа [2]).

Съ прибытіемъ его дѣло нищихъ кончилось. Больше того, что они показали, отъ нихъ получить было нельзя. Поэтому 22 марта П. т. к., разобравъ ихъ дѣло, опредѣлила: Кузьмина за то, что называлъ Горбунова чернокнижникомъ и еретикомъ, бралъ у него тетрадь на Ѳеофана, читалъ и не объявилъ, бить плетьми и свободить; Даніилу Толбугина за то, что называлъ Горбунова измѣнникомъ — тоже; Горбунова бить кнутомъ и освободить; но мѣсяцъ спустя это опредѣленіе уснлили: Горбунова, послѣ кнута, велѣно было сослать въ Сибирь на серебряные заводы.

За тѣмъ пошли допросы Осипу—куда дѣлись тетради? Тутъ нельзя было вывернуться не рискуя поплатиться за это собственной кожей. А между тѣмъ ему польстили обѣщаніемъ, что если онъ откроетъ всю истину, то получитъ милость ея величества. Осипъ былъ человѣкъ увлекающійся, страстный. Обѣщанія вскружили ему голову. Онъ потребовалъ бумаги и сталъ писать съ такою ревностію за Ѳеофана, съ какою прежде писалъ противъ него. Осипъ разсказалъ уже извѣстную намъ исторію о своихъ отношеніяхъ къ Аврамову и Родышевскому.

---

[1]) 22-го февраля 1732 г.—Осипъ отпущенъ съ Валаама 7 марта.

«Видя—показывалъ онъ—многое написанное Родышевскимъ доказательство и въ челобитной его смѣлость, написалъ отъ себя доношеніе къ лицу ея величества, чтобы дать судъ Родышевскому съ Оеофаномъ; а послѣ того сочинилъ извѣстную тетрадь и рѣшился умножить ихъ и роздать письменнымъ людямъ, чтобы о противностяхъ архіерея Оеофана къ Церкви вѣдали и новозданнымъ его книгамъ не вѣрили. Аврамовъ уняалъ его, говорилъ, что Родышевскій лучше сдѣлаетъ, что онъ сочиняетъ противъ онаго архіерея двѣ книги, а именно—о монашествѣ, да о правленіи царствъ, и какъ тѣ книги окончатся, тогда вручитъ ихъ архимандриту Варлааму и онъ предложитъ Государынѣ Императрицѣ, и тогда ему Оеофану съ Родышевскимъ дастся судъ и противности его всѣ явны будутъ и безъ твоихъ тетрадей. Но онъ, не слушая тѣхъ его словъ, отдалъ тетрадь своего письма брату своему, богадѣленному нищему для переписки. Послѣ того тетради эти онъ давалъ читать и раздавалъ разнымъ лицамъ — успенскаго собора попу Петру Иванову, Переславля Залѣскаго іеромонаху Іакову, вагенмейстеру великой княжны Екатерины Іоановны Степану Колобову, директору типографіи Барсову, сунодальному поддіакону Петру, чиновникамъ разныхъ вѣдомствъ—Павлову, Муромцову, брату живописцу Роману Никитину, послалъ въ Курскъ въ знаменскій монастырь, гдѣ былъ постриженъ, къ архимандриту Михаилу двѣ тетради; остальныя сжегъ при келейникахъ Варлаама, чему очевидцемъ былъ іеромонахъ Леонидъ [1]). Походная тайная канцелярія приказала Тайной канцеляріи (въ Москвѣ) взять всѣхъ указанныхъ лицъ къ допросу, за исключеніемъ іеромонаха Іакова, о которомъ положено спросить архимандрита Варлаама. Варлаамъ отвѣчалъ, что когда онъ былъ въ его вѣдомствѣ въ солбинской николаевской пустыни переяславскаго уѣзда, то хаживалъ къ нему за милостыней, а гдѣ теперь — не знаетъ. Велѣно отыскать.

Такъ какъ въ числѣ оговоренныхъ лицъ былъ Аврамовъ, то къ нему послали унтеръ-офицеровъ для секретнаго допроса при

---

[1]) Келейники Варлаама—Младенцовъ и Поповъ нѣсколько времени содержались въ Тайной канцеляріи, потомъ были освобождены; а іеромонахъ Леонидъ, послѣ допросовъ и очныхъ ставокъ, скончался въ Тайной канцеляріи.

монастырскихъ властяхъ: гдѣ взятая имъ у Осипа тетрадь имѣется? И если истины не покажетъ, то объявить, что взятъ будетъ въ С.-Петербургъ къ очной ставкѣ съ Осипомъ.

Множество оговоренныхъ лицъ со всѣхъ сторонъ взяты были въ Москву. Варлаамъ жаловался Государынѣ, что изъ троицкаго монастыря забраны люди на 50 подводахъ, а по какому дѣлу неизвѣстно. Ушаковъ объявилъ, что они взяты за поношеніе новгородскаго архіепископа.

Когда собрались оговоренные, начали допросы. Но почти всѣ показанія были уклончивы. Одни говорили, что видѣли тетради, а не брали ихъ; другіе брали, но не читали: либо, прочитавши страницы двѣ, жгли и бросали; иные слушали, какъ читали другіе, но не вникли въ силу читаннаго; иные отдавали тетради своимъ знакомымъ, такъ что вокругъ одной тетради группировалось по нѣскольку лицъ.

Арестовали Барсова. По обыкновенной формѣ вопросовъ Барсовъ показалъ, что онъ былъ греческой школы учителемъ, а съ 1731 года находится директоромъ синодальной типографіи; Іону знаетъ онъ по родству, потому что послѣдній, до монашества, женатъ былъ на свояченицѣ его по первой женѣ и былъ діакономъ успенской церкви въ Кожевникахъ. Онъ бывалъ у него по своимъ дѣламъ. Барсовъ хотѣлъ переводить съ греческаго языка каноникъ и приходилъ къ нему, чтобы тотъ доложилъ объ этомъ Варлааму. Въ этотъ разъ Іона далъ ему тетрадь о житіи Оеофана: вотъ — говоритъ — есть у меня исторія о новгородскомъ архіереѣ; но какъ онъ увидѣлъ, что въ ней написаны бранныя рѣчи на Оеофана, то разорвалъ и бросилъ ее. Съ Родышевскимъ познакомилъ его секретарь дворцовой конторы Александръ Яковлевъ. Идя однажды въ симоновъ монастырь онъ пригласилъ и его съ собой. Тутъ онъ познакомился съ Аврамовымъ и послѣ того бывалъ у него въ домѣ для спрашиванья о невѣстѣ, которая жила подлѣ него въ сосѣдствѣ. Въ разговорахъ Аврамовъ говорилъ ему Барсову, что книга «о блаженствахъ» напечатана неправильно, на что онъ, Барсовъ, сказалъ, что не знаетъ, правильная она или неправильная. Но Аврамовъ въ своихъ показаніяхъ выдалъ его. Онъ показалъ, что Барсовъ и самъ разсуждалъ, что книга «о блаженствахъ» сочинена неправильно,

потому что въ той книгѣ напечатано—одною вѣрою можетъ человѣкъ спасенія получить, а Церковь-де наша восточная приняла, что отъ вѣры и отъ дѣлъ спасеніе получить можетъ. Въ такихъ же разговорахъ говорилъ онъ Аврамову о нищихъ, что надлежитъ подавать такимъ, которые работать не могутъ; на что Аврамовъ закрича говорилъ: надобно-де всякому милостыню давать, и онъ Барсовъ потомъ, болѣе не говоря, отъ того Аврамова вышелъ.

Казариновъ (производитель дѣлъ въ Тайной канцеляріи) спрашивалъ, какъ поступать ему при такихъ уклончивыхъ показаніяхъ и что дѣлать съ арестантами послѣ допросовъ — пересылать въ С.-Петербургъ или содержать въ Москвѣ? Ушаковъ (28-го апрѣля) послалъ къ нимъ для улики Осипа; «а тыхъ показаній нельзя повѣрить ни уликой, ни очной ставкой, тѣхъ приводить въ застѣнокъ и распрашивать съ пристрастіемъ; и хотя которые свою вину принесутъ или запираться будутъ, всѣхъ содержать въ Москвѣ подъ карауломъ, а въ С.-Петербургъ прислать выписку объ ихъ показаніяхъ».

По показаніямъ оговоренныхъ лицъ, съ очныхъ ставокъ съ Осипомъ, взяли въ Тайную канцелярію еще множество лицъ— рязскаго уѣзда попа Василья, съ троицкаго подворья іеромонаха Леонида, купецкаго человѣка Алексѣя Иванова, новгородскаго подворья пономаря Льва Иванова и дворового человѣка А. В. Макарова — Ѳедора Денисова. Присутственныя мѣста требовали взятыхъ лицъ для неупустительнаго отправленія срочныхъ дѣлъ. Казариновъ отпустилъ Барсова, Колобова, Павлова и Ѳедорова и 4-го мая получилъ за это выговоръ отъ Ушакова, потому что дѣло это не безъ важности. Отпущенныхъ приказано было взять снова въ Тайную канцелярію.

По разнорѣчіямъ Барсова, Колобова, попа Петра, іерод. Тихона, поддіакона Ѳедорова и копіистовъ Муромцова и Павлова и купецкихъ людей Кузнецова и Лощова съ Осипомъ, велѣно (30-го апрѣля) привесть ихъ въ застѣнокъ и распросить каждаго порознь съ пристрастіемъ; а 9-го мая пришло изъ С.-Петербурга такое жъ приказаніе объ Осипѣ—чтобъ имъ изъ подлинной правды розыскивать: для чего онъ, разстрига, раздавалъ тетради и не

для возмущенія-ль какого и не было ль у него въ мысляхъ раздачею оныхъ тетрадей народъ привесть въ какой соблазнъ?

Этотъ крутой поворотъ въ ходѣ дѣла произошелъ вслѣдствіе усложненія дѣла новыми обстоятельствами, открывшимися около половины 1732 года. Первымъ изъ нихъ было изданіе Камня Вѣры и возбужденная имъ полемика между католиками и лютеранами, проживавшими въ Россіи; вторымъ — подметное письмо съ пашквилемъ на Ѳеофана.

Но прежде, чѣмъ перейти къ этимъ новымъ обстоятельствамъ, мы прослѣдимъ за печальной судьбой епископовъ, разосланныхъ по разнымъ монастырямъ; потому что 1732-й годъ, въ которомъ тѣ событія только начинались, для несчастныхъ епископовъ былъ окончательно роковымъ [1]).

XIX.

Левъ Юрловъ, Игнатій Смола, Сильвестръ Холмскій и Дашковъ.

Разославши по монастырямъ своихъ недруговъ Ѳеофанъ наблюдалъ, какъ они поживаютъ въ ссылкѣ, не поднимаетъ ли кто

---

[1]) Къ этому времени, т. е. къ 1732 году, относятся:

Стихи Ѳеофана на Ладожскій каналъ, начатый при Петрѣ I-мъ и оконченный при Аннѣ. Императрица съ огромной свитой, въ 1732 году, осматривала этотъ каналъ и была чрезвычайно довольна его окончаніемъ. Ѳеофанъ написалъ по этому поводу латинскіе стихи, которые самъ перевелъ на русскій языкъ стихами жъ:

Гдѣ Петрополю вредитъ проѣздъ водный
Плодоносныя судна пожирая,
Тамъ царскимъ дѣломъ сталъ каналъ всеплодный
Принося пользы, а вредъ отвращая.
Симъ страхъ оставленъ Ладожскій безгодный,
Симъ невредимо пловутъ къ намъ блага я.
На твою, Анно, дѣется то славу,
И вода идетъ по твоему нраву.

Письма: къ гетману Даніилу Апостолу съ поздравленіемъ по поводу полученія ордена и къ великой княгинѣ Екатеринѣ Іоанновнѣ, поздравительное со днемъ ангела Анны Леопольдовны, отъ 9 декабря 1732 г. (Труды кіевск. акад. 1865 г. кн. 10. стр. 261).

рогъ, не грозитъ ли кто снова откуда бѣдой? Послѣдуемъ и мы за этими невинными и виновными страдальцами въ ихъ заключеніе и посмотримъ, какъ они переносили свою несчастную судьбу.

Левъ томился въ уединенной обители, устроенной на маломъ островку, въ заливѣ Бѣлаго моря, патріархомъ Никономъ во славу и имя креста, отчего и монастырь прозванъ крестнымъ. Кажется, онъ примирился съ своею судьбой и проводилъ скромную монашескую жизнь на ряду съ прочею братіей.

Игнатій отправленъ въ свіяжскій монастырь. О состояніи его душевныхъ расположеній можно судить по слѣдующему письму его къ одному близкому человѣку, Бѣляеву: «за многая ваша благодѣянія и неоставленія при бѣдствахъ нашихъ одолженъ есмь о вашемъ спасеніи Господа Бога молить. Нынѣ о себѣ вамъ предлагаю. Слава Богу о всемъ, еще съ живыми обрѣтаемся на земли. Наказуетъ насъ Господь отечески. Видя согнившая наши грѣховныя раны, подобающее имъ прилагаетъ врачеваніе, жжетъ напастьми, рѣжетъ печаянно находящими печальми, поитъ горестями плачевными. Се же творитъ, не да погубитъ насъ, но да исцѣлитъ. Аще бо и жестокое скорбей на наши раны возливаетъ вино, но не безъ елея, ибо невозможно инако душевнымъ исцѣлитися язвамъ. Яко же болящему потребно есть врачеваніе, сице и намъ грѣшнымъ наказаніе, по глаголу апостольскому: яко скорбяще, присно же радующеся. Писавый чернецъ Игнатій иловецъ изъ свіяжскаго богородицкаго монастыря. Февраля 1731 года».

Казанскій митрополитъ *Сильвестръ* принялъ его очень радушно и старался вниманіемъ и ласкою облегчить его горькую участь, но черезъ это навлекъ на себя такія бѣды, которыя свели его во гробъ. Такъ какъ ему суждено быть однимъ изъ важныхъ дѣйствующихъ лицъ въ нашей печальной исторіи, то мы вспомнимъ коротко и прежнюю его жизнь.

Онъ былъ родомъ изъ дворянъ *Холмскихъ*. Родной братъ его, Осипъ Дороѳеевичъ Холмскій, былъ холмогорскимъ помѣщикомъ. Сильвестръ постригся въ монашество въ Новгородѣ. Митрополитъ Іовъ опредѣлилъ его архимандритомъ сперва въ деревяницкій, потомъ въ юрьевъ монастырь; изъ юрьева онъ переведенъ

въ Москву, въ троицкій сергіевъ монастырь [1]), а изъ него въ 1708 г. въ нижегородскіе митрополиты. Въ 1719 г., по назначеніи въ Нижній Новгородъ Питирима, сдѣлавшагося извѣстнымъ своими подвигами противъ раскольниковъ, Сильвестръ переведенъ въ Смоленскъ; онъ считалъ это пониженіемъ для себя и приписывалъ его новгородскому архіепископу Ѳеодосію. Въ Смоленскѣ онъ былъ не долго. Вскорѣ онъ переведенъ былъ въ Тверь, гдѣ и былъ три года. «И того — пишетъ Сильвестръ — пятнадцать лѣтъ въ томъ же санѣ; и имѣлъ панагію и клобукъ бѣлый... Послѣ того въ 1723 году, какъ блаженныя памяти всемилостивѣйшій Государь Императоръ, по своей высокой милости, указалъ богомольца своего, меня стараго митрополита, изъ Твери перевести въ старую рязанскую митрополію, на мѣсто Стефана митрополита митрополитомъ же, помянутый изуморъ Ѳедосъ увидѣвъ, что не его избраніемъ пожалованъ, по зависти своей вымыслилъ обще съ Палехинымъ и съ Овсянниковымъ, призвавъ въ сунодальную палату велѣли сказать сказку: пожалованъ де ты въ рязанскую епархію, а ты будучи тамо митрополитомъ во время церковныя службы Бога молить за себя не вели, а пишися епископомъ: и отъ оныхъ не вѣмы, за что уничтоженъ, что и значило—данную мнѣ митрополичью честь по зависти отъяли безъ всякія причины. Каково пріятно будетъ, какъ пожалуютъ кого изъ генераловъ въ полковники, а въ духовномъ чинѣ изъ поповъ въ діаконы, а изъ офицера въ солдаты? И былъ въ Рязани три года» [2]). Съ возшествіемъ на престолъ Екатерины его перевели въ Казань архіепископомъ. Пользуясь перемѣною обстоятельствъ онъ подалъ Государынѣ прошеніе, «чтобъ за его безвинное терпѣніе удостоить его прежнимъ званіемъ митрополическимъ по примѣру, какъ и у сибирскаго Антонія митрополита такого званія не отнято». Сильвестръ подалъ въ добрый часъ. По прошенію

---

[1]) Въ Чтеніяхъ въ обществѣ исторіи и древн. россійскихъ (1861 года кн. III) напечатано письмо его къ духовнику царевича Алексѣя, Я. Игнатьеву, отъ 6-го ноября 1707 г., съ изъявленіемъ радости о возвращеніи царевича въ отечество.

[2]) Въ Кабинетныхъ дѣлахъ есть доношеніе его Императрицѣ Екатеринѣ 1724 г. объ отдачѣ ему денежной домовой казны М. Стефана, описанной и запечатанной послѣ его смерти, на разныя необходимыя постройки и расходы по архіерейскому дому. (Каб. дѣла II, № 68. л. 25).

его послѣдовалъ указъ св. Сѵноду 15 марта 1727 г.: «понеже хотя въ митрополиты посвящать впредь не велѣно, однакожъ онъ имѣлъ до того указа то званіе; а ктомужъ онъ паки на высшую степень—казанскую митрополію, на мѣсто бывшаго митрополита Тихона, возведенъ: того ради надлежитъ его архіепископа Сильвестра по прежнему удостоить митрополитомъ, токмо носить ему черный клобукъ». Послѣднее повышеніе его прямо совпадаетъ съ повышеніемъ Дашкова и Игнатія. Это значитъ, что они принадлежали къ одной партіи и имѣли при дворѣ общихъ покровителей.

Въ Казани онъ завелъ процессъ съ губернаторомъ А. П. Волынскимъ и подалъ на него пункты, обвиняющіе Волынскаго въ воровствѣ и въ грабительствѣ и въ смертныхъ убійствахъ. Смиренный доносптель былъ однакожъ не совсѣмъ правъ въ своемъ доносѣ, и Волынскій совсѣмъ не былъ такимъ злодѣемъ, какимъ хотѣлось выставить его озлобленному его противнику.

Зоркіе глаза строго слѣдили за Сильвестромъ, какъ онъ обращается съ Игнатіемъ. За предлогомъ къ доносу дѣло не стало. Въ Москву повѣщено было, что Игнатій ѣздилъ изъ свіяжскаго монастыря въ раифскую пустынь къ Сильвестру и Сильвестръ пріѣзжалъ къ нему въ Свіяжскъ. Высочайшимъ указомъ велѣно было это дѣло изслѣдовать. Оказалось, что казанскій митрополитъ показывалъ къ Игнатію почтеніе не по званію простаго черпеца, но по подобію архіерея, именно въ разговорахъ звалъ его *владыко святый*, цѣловался съ нимъ, какъ архіерей съ архіереемъ, бывалъ у него неоднократно, въ публичныхъ столахъ сажпвалъ подлѣ себя на первомъ за собою мѣстѣ, возилъ его съ собою въ разные домы и дозволялъ при себѣ благословлять людей разныхъ чиновъ. Этого мало — это всѣ видѣли и знали; а между тѣмъ это было въ такое время, когда судили за слова, сказанныя вдвоемъ шопотомъ; столъ, стѣны, стулья — все подслушивало и доносило. Такъ было и здѣсь.

Во время слѣдованія прилучился къ допросу спасскій архимандритъ Питиримъ и, между прочимъ, показалъ, что во время гощенья въ раифской пустыни, въ ту пору, когда былъ тамъ Сильвестръ, Игнатій останавливался въ квартирѣ намѣстника. Вечеромъ «ходя вездѣ» они зашли съ Сильвестромъ къ намѣстнику

въ келью. Тутъ между разговоровъ Игнатій, нагнувшись мало къ Сильвестру, говорилъ тайно: «вотъ-де лишили меня архіерейскаго сана напрасно. И ей ли.... архіерея судить!» Митрополитъ на это ничего не сказалъ.

По обычаю начался розыскъ. У Сильвестра отобрали всѣ его письма, тетради и книги. Въ тетрадяхъ оказались немалыя противности. На одной тетради, «писанной на подобіе исторіи о бѣломъ клобукѣ», сдѣлана была рукою Сильвестра приписка съ бранными намеками на распоряженіе, которымъ запрещалось русскимъ митрополитамъ ношеніе бѣлаго клобука. Сильвестръ показалъ, что онъ сдѣлалъ эту приписку «не къ поношенію чести Государыни, ниже злобствуя, но токмо укоряя Римлянъ».—На другой тетради переписанъ былъ извѣстный указъ о монастыряхъ и монахахъ, 31-го января 1724 года, тоже съ припискою, между строкъ, Сильвестра. Сильвестръ показалъ, что «сдѣлалъ то отъ неразумія своего, а не по злобѣ и не къ поношенію ея императорскаго величества».—Наконецъ у Сильвестра нашли письмо, написанное въ видѣ церковнаго манифеста, съ обвиненіемъ Оеофана въ неправославіи и нерадѣніи о церкви православной: «сынове восточныя церкве, вси православные христіане, по ревности своей, отъ всея души жалѣя, объявляемъ главную обиду святыя соборныя нашея церкви: во первыхъ первый духовныхъ дѣлъ судія присмотру о ней не имѣетъ и о полезномъ не радѣетъ и о другихъ соборныхъ церквахъ не брежетъ и по всему видно есть, что онъ не православенъ». Тутъ ужъ нельзя было укрыться. Сильвестръ признался, что все это написано о новгородскомъ архіепископѣ Оеофанѣ по злобѣ и отъ безумія, а неправославія и никакой противности церковной онъ за нимъ не знаетъ.

По окончаніи слѣдствія, 30 декабря 1831 г., доложено было обо всемъ Государынѣ и того жъ дня послѣдовалъ высочайшій указъ съ обыкновенною формулой: «хотя бывшій коломенскій архіерей (Игнатій) за новое жесточайшее преступленіе надлежалъ бы жестокому истязанію; токмо ея величество милосердуя изволила указать послать его въ николаевскій корельскій монастырь и содержать подъ крѣпкимъ карауломъ, и быть ему въ томъ монастырѣ безвыходно; а казанскаго Сильвестра послать на обѣщаніе

въ александроневскій монастырь съ тѣмъ, чтобы ему въ служеніи не быть и мантіи архіерейской и панагіи не носить». Но на другой же день послѣдовалъ новый указъ, которымъ велѣно содержать его митрополита въ невскомъ монастырѣ неисходно.

Можно было предвидѣть, что этимъ дѣло съ Сильвестромъ не кончится, потому что, живя въ невскомъ монастырѣ, онъ былъ у всѣхъ на глазахъ и могъ найти себѣ милостивцовъ. Такъ и случилось. На Благовѣщеніе (25-го марта 1732 г.) было въ невскомъ монастырѣ обыкновенное праздничное собраніе. Заточенный Сильвестръ, конечно, не упустилъ случая поговорить съ тѣмъ и другимъ о своемъ жалкомъ положеніи. Ѳеофанъ или кто другой замѣтилъ это. На третій же день послѣ праздника (28-го марта) послѣдовалъ высочайшій указъ слѣдующаго содержанія: «ея императорскому величеству извѣстно учинилось, что оный Сильвестръ въ невскомъ монастырѣ содержитъ себя не такъ, какъ надлежитъ, но употребляетъ свои коварственныя ханженства, чего было ему чинить отнюдь не надлежало; а можетъ быть, что и еще изъ того коварства надѣяться больше возможно худыхъ дѣлъ». Вслѣдствіе этого велѣно сослать его въ крыпецкій монастырь псковской епархіи.

Въ бытность въ крыпецкомъ монастырѣ, въ іюлѣ того же (1732) года, Сильвестръ сказалъ за собой государево слово и требовалъ, чтобы его съ сержантомъ Сукинымъ представили въ Москву въ Сенатъ. Походная тайная канцелярія нарядила за ними своего сержанта съ солдатами и приказала «взять ихъ изъ Пскова и вести порознь одаль другъ отъ друга, чтобы колодники между собою разговоровъ никакихъ не имѣли; а ежели паче чаянія въ дорогѣ изъ оныхъ колодниковъ учнетъ кто говорить непотребное, то велѣть записать и имѣть секретно. И для опасенія, чтобъ болѣе непотребныхъ словъ отъ нихъ не происходило, заклепать имъ ротъ.... и смотрѣть, чтобъ они себя чѣмъ не умертвили и не убѣжали. Пить имъ давать отвѣдывая сперва то сержанту самому, и на пищу давать имъ хлѣбъ, переламывая въ малые куски. Недоѣзжая до С.-Петербурга за пять верстъ, одного человѣка прислать для извѣстія въ Походную тайную канцелярію: а помянутыхъ колодниковъ вести въ Екатерингофъ и содержать тамъ до указу. Въ дорогѣ, кто они, не сказывать».

Слово и дѣло Сильвестра было не что иное, какъ жалоба на приставленнаго къ нему сержанта Сукина, который будто бы грозилъ ему, что привяжетъ его къ столбу и убьетъ. Во время утрени (когда Сильвестръ объявилъ за собою государево слово), Сукинъ, будто бы, билъ его палкой и кулаками и ругалъ всячески, и когда Сильвестръ пошелъ къ игумену жаловаться, тотъ въ догонъ билъ его до самаго игумена, а игуменъ никакой обороны не учинилъ.

Началось слѣдствіе, пошли допросы, показанія. Сильвестръ сначала «говорилъ перемѣнныя рѣчи», попросту сказать, путался, но потомъ сознался, что Сукинъ его не бивалъ, только какъ въ церкви, такъ и на паперти «тащилъ его нечестно; и такіе слова, что хотѣлъ бить, ему говорилъ, потому онъ и сказалъ за собой слово, убоясь тѣхъ угрозъ. Ктому жъ держался онъ въ томъ монастырѣ въ великомъ утѣсненіи и нуждѣ, отчего, желая освободиться изъ того монастыря, и сказалъ за собою оное дѣло напрасно».

Въ августѣ въ Псковъ командированъ былъ изъ Тайной канцеляріи преображенскій капитанъ-поручикъ Замыцкій для разбора дѣла между псковскимъ епископомъ Варлаамомъ и воеводою княземъ Солнцевымъ. Ему жъ поручено было изслѣдовать дѣло Сильвестра въ крыпецкомъ монастырѣ. Игуменъ съ братіей не подтвердили ничего, что показывалъ Сильвестръ на Сукина; а подтвердили только, что Сильвестръ кричалъ всенародно, чтобъ его везли въ Москву въ Сенатъ, что имѣетъ онъ дѣло великое.

Наконецъ 19-го октября 1732 г. въ Кабинетѣ состоялся приговоръ: «вышеозначеннаго Сильвестра, что вѣдая онъ о винѣ своей, за которую держанъ былъ въ монастырѣ за карауломъ, непмѣя оттого въ себѣ воздержанія, учинилъ еще означенную важную продерзость, кричалъ всенародно вышепоказанныя слова и въ отвѣтахъ своихъ затѣвая объявлялъ перемѣнныя рѣчи—и за то снять съ него архіерейскій санъ и лишить его іеромонашества и велѣть ему быть простымъ монахомъ, дабы отъ него впредь продерзостей болѣе не происходило; а по исполненіи онаго послать его въ Выборгъ и велѣть его содержать въ замкѣ называемомъ

Гермонъ (въ томъ самомъ, въ которомъ впослѣдствіи содержался преосвященный Веофилактъ Лопатинскій) и для караула опредѣлить капрала и четырехъ человѣкъ солдатъ. А Сукина освободить». [1]). Печальный обрядъ снятія съ него знаковъ архіерейскаго сана и монашескаго званія исполнили въ Тайной канцеляріи горицкій архимандритъ Иларіонъ съ благовѣщенскимъ протоіереемъ Іоанномъ.

Оставимъ на время этого страдальца и перейдемъ къ другимъ, мучимымъ изъ-за того же дѣла. Мы въ спасокаменномъ монастырѣ вологодской губерніи. Расположенный на островѣ Кубенскаго озера онъ представляетъ всѣ удобства для уединенія и молитвы; но люди сдѣлали изъ него острогъ для заключенія преступниковъ. Въ ту пору, къ которой относится нашъ разсказъ, въ немъ содержалось нѣсколько колодниковъ за разныя преступленія. *Георгій Дашковъ* увеличилъ собою число ихъ.

Прибывъ въ вологодскій Каменный монастырь онъ просилъ постричь его. Мѣстный епископъ Аоанасій Кондоиди донесъ объ этомъ св. Суноду; Сунодъ доложилъ Государынѣ, Государыня разрѣшила исполнить желаніе Георгія, «если онъ проситъ объ этомъ самовольно безъ принужденія». Новаго схимника назвали Гедеономъ (февр. 1731 г.).

Гедеонъ и въ схимничествѣ считалъ себя архіереемъ — благословлялъ, какъ прежде, всѣхъ, кто приходилъ къ нему. Въ ту пору подобныхъ ссыльныхъ всѣ боялись, потому что изъ-за нихъ легко было пропасть. Гедеонъ сердился на это и говаривалъ: «для чего вы меня морите? Сказали мнѣ, что и монастырь каменный; ажно не монастырь, а люди въ немъ живутъ каменные»; и въ сердцахъ браннлъ монаховъ «жидами» и «непотребными». Онъ понималъ очень хорошо, кому обязанъ своимъ заточеніемъ: «я — говаривалъ онъ — архіерейства лишенъ безвинно и содержусь и стражду здѣсь занапрасно, и сослали-де въ Каменный монастырь безвинно своя братья, а Государыня того и не вѣдаетъ: однакожъ-де она до меня милостива, токмо-де я ея величеству обнесенъ отъ своей братьи напрасно».

---

[1]) Протоколы Тайн. Р. Д. канц. 19-го октября 1732.

До Ѳеофана стали доходить темные слухи, что Георгію потакаютъ, держатъ его не только въ послабленіи, но даже въ нѣкоторомъ почтеніи, что у него бываютъ разныя лица и приносятъ ему разныя вещи. Но вѣдь такимъ способомъ можетъ снова завязаться интрига и, Богъ знаетъ, чѣмъ еще кончится? Ѳеофанъ цѣлую жизнь не считалъ безопаснымъ своего положенія. Между прочимъ таково было и время, что въ смутахъ и интригахъ низвергали одинъ другаго, чтобы въ свою очередь и себѣ ожидать такой же участи. Ѳеофанъ всѣми силами души вдался въ этотъ водоворотъ и кружился въ немъ до самой смерти. Сколько людей погубилъ онъ совершенно напрасно, измучилъ, сжегъ медленнымъ огнемъ пытки и заточенія — безъ всякаго состраданія и сожалѣнія!

Чтобы разузнать обо всемъ пообстоятельнѣй, Ѳеофанъ поручилъ синодскому оберъ-секретарю Дудину войти въ сношеніе съ кѣмъ-нибудь изъ тамошнихъ подъ строгимъ секретомъ. Выборъ Дудина упалъ на архіерейскаго вологодскаго секретаря Осипа Степанова. Дудинъ могъ судить по себѣ, что эти люди легко поддаются ласкамъ.

Ноября 12-го 1731 года, Дудинъ отправляетъ къ нему изъ Москвы чиновника съ письмомъ, въ которомъ проситъ секретаря купить для него лошадь — «нѣмецкую, вороную, которая была бы первой сродна, за что я вамъ моему государю — прибавлялъ оберъ-секретарь — отслужить самъ не облѣнюся. Мнѣ нынѣ надобенъ заводъ лошадиный, понеже я купилъ себѣ близъ Москвы деревеньку небольшую, въ которую, ежели дастъ Богъ, можно изъ канцеляріи ѣздить обѣдать, а вамъ съ нами по свидаши нашемъ всеусердно въ ней веселиться. Иного я вамъ доносить не имѣю, токмо остаюсь вѣрнымъ и послушнымъ братомъ единожды навсегда».

Въ это письмо вложена была секретная цыдулка слѣдующаго содержанія: «1) о деньгахъ малаго моего не спрашивай, ихъ съ нимъ не посылаю; 2) сей мой человѣкъ къ вамъ посланъ весьма секретно и вы съ нимъ ни о какихъ обстоятельствахъ — о чемъ въ прочихъ цидулкахъ показано — не разговаривайте, понеже онъ, зачѣмъ къ вамъ посланъ, не знаетъ, токмо сказано ему, что для покупки лошадей; 3) по полученіи сего письма, оное архіерею сво-

ему объявп, дабы онъ подозрѣнія на тебя не имѣлъ; а цыдулокъ, и ниже словесно, подъ клятвою Божіею и опасаясь гнѣва Государыни своей, ея императорскаго величества, отнюдь ему архіерею и никому не объявляй. А сія секретная коммиссія поручена тебѣ, яко вѣрной и присяжной персонѣ; и ежели покажешься исправенъ и вѣренъ, то во всегдашнее время надѣйся всякаго себѣ снисхожденія и милосердія отъ высокихъ персонъ, о которыхъ объявлять здѣсь нужды нѣтъ, а можешь и безъ объявленія о томъ выразумѣть; 4) ѣхать тебѣ, отпросясь у архіерея, или какъ лучше самъ разсудишь, смотря по обстоятельствамъ тамошняго вашего обхожденія, лошадей пріискивать купить въ немедленномъ времени, и заѣхать внезапно въ Каменный монастырь и тайно зѣло, чрезъ какія можешь обстоятельства, навѣдаться изъ разговоровъ и изъ прочаго о томъ: 1) какъ бывшій ростовскій тамъ жительство имѣетъ, такъ ли, какъ монаху и схимнику надлежитъ или поднимаетъ паки роги по прежнему злому обычаю гордости своей, и кто при немъ служитъ, также и караульщики имѣются ли и какъ содержатъ его? 2) въ церковь ходитъ ли и часто ль, и гдѣ становится, и въ чемъ ходитъ, и здоровъ ли онъ нынѣ или боленъ, и буде боленъ, давно ль и чѣмъ, и каковую пищу имѣетъ и свою или монастырскую, и какъ его прочіе тамошніе обыватели ведутъ, и какое почтеніе отдаютъ ли, или яко монаха имѣютъ, и не имѣетъ ли онъ изліишнихъ расширеній и, буде имѣетъ, какія? 3) не благословляетъ ли онъ, и архимандритъ и прочіе начальствующіе тамошніе часто ль съ нимъ видаются и къ нему приходятъ въ келью или его къ себѣ зовутъ, и какое ему почтеніе отдаютъ и какъ называютъ, и не имѣется ли къ нему въ присылкѣ писемъ отъ кого и откуда, и давно ль и часто ль письма приходятъ, и онъ къ кому и о чемъ не писалъ ли и нынѣ не пишетъ ли, и не говоритъ ли публично какихъ замашныхъ разговоровъ, и настоятель объ оныхъ письмахъ и разговорахъ извѣстенъ ли, и не писалъ ли чего о томъ тотъ настоятель къ вамъ въ Вологду, и буде писалъ — о чемъ и когда, и не имѣлъ ли тотъ бывшій изъ монастыря одинъ или съ другими кѣмъ отлученія, и буде имѣлъ — давно ль и сколько разъ, и къ кому, и зачѣмъ, и съ кѣмъ, и куда, и долго ль въ томъ отлученіи бывалъ и съ чьего позволенія, и не пріѣзжали ль кто къ нему посторонніе, и если пріѣзжали, кто и давно ль и сколько разъ

и зачѣмъ и долго ль у него бывали, и нынѣ не пріѣзжаютъ ли, и съ чьего позволенія тѣ персоны къ нему допусканы были или нынѣ допускаются, и напредь сего не присылали ль или нынѣ не присылаютъ ли къ нему какихъ припасовъ, также и прочаго, и если оныя присылки были, отъ кого и что бъ такое именно; и одинъ ли онъ бывшій ростовскій или съ прочею братіею жительство имѣетъ и въ каковыхъ кельяхъ и во скольких, и въ тѣхъ ли, которыя ему, какъ онъ привезенъ, были сперва опредѣлены, а буде не въ тѣхъ, для чего изъ нихъ вышелъ? Также и кромѣ всего вышеписаннаго и о прочемъ, что по извѣстію принадлежитъ, увѣдомляться, какъ возможно. Да притомъ же и объ архипастырѣ вы объявите подлинно истину, что нѣтъ ли и отъ него какого къ той персонѣ послабленія и снисхожденія, не опасаясь никакихъ отъ него впредь себѣ вредительныхъ причинъ, понеже до того его никакъ не допустятъ. И по исправленіи того о всемъ, какъ наипорядочнѣе, надлежитъ отписать вамъ ко мнѣ съ моимъ человѣкомъ въ немедленномъ времени, понеже сего требуется къ высокой персонѣ въ извѣстіе. И сіе имѣй за самое важное дѣло, а я къ вамъ пишу не собою, какъ вы и сами разсудить можете, и для Бога поступи опасно зѣло и трудъ свой въ увѣдомленіи вѣрный покажи, за что подлинно оставленъ не будешь».

Письмо Дудина отправлено 12-го ноября, а 25-го ноября вологодскій епископъ Аѳанасій Кондоиди писалъ къ Ѳеофану секретно, что секретарь его докладывалъ ему, будто онъ слышалъ, что въ спасокаменномъ монастырѣ бывшаго ростовскаго архіерея содержатъ весьма слабо и предлагалъ ему изслѣдовать это дѣло тайно; вслѣдствіе этого онъ призывалъ къ себѣ тамошняго архимандрита и караульныхъ унтеръ-офицеровъ и взялъ съ нихъ письменныя показанія по этому дѣлу. Но какъ такому важному дѣлу не возможно пройти безъ доклада и изслѣдованія, то онъ доноситъ обо всемъ этомъ (не въ Сунодъ, а ему)—Ѳеофану для сохраненія тайны и лучшаго исправленія. Для точности пакетъ отправленъ съ секретаремъ Степановымъ.

Надо очень слѣпо вѣрить въ честность Дудина, чтобы не увидѣть въ этомъ дѣлѣ его продѣлки. Какъ это случилось, что Аѳанасій догадался о слабомъ содержаніи Дашкова именно тогда, когда по этому предмету начался секретный розыскъ, когда воз-

ники подозрѣнія на этотъ счетъ у Ѳеофана? Случилось очень просто. Дудинъ извѣстилъ секретно Аоанасія о грозившей ему опасности и за это получилъ малу-толику деньгами и натурой. Онъ ловко пользовался своимъ положеніемъ и бралъ со всѣхъ; сколько у кого доставало силы дать,— бралъ съ архіереевъ и архіерейскихъ секретарей, съ монастырей и монастырскихъ настоятелей, съ подсудимыхъ, съ раскольниковъ, всѣхъ держалъ на оброкѣ. Бралъ-бралъ, да наконецъ и попался и поплатился за всѣ старые грѣхи.

Сообразивши всѣ показанія о Гедеонѣ, не объявляя ихъ Суноду, Ѳеофанъ сдѣлалъ докладъ Императрицѣ. Въ какомъ видѣ онъ представилъ ей это дѣло и какъ онъ вообще выставлялъ въ ея глазахъ Георгія? Мы видимъ, что его содержали и судили, какъ государственнаго преступника. За что, за какія преступленія? Безъ сомнѣнія, Государынѣ умѣли внушить, что Георгій и его сообщники не желали видѣть ее государынею. Поводъ къ этому, независимо отъ дѣла Льва, находился въ отношеніяхъ Георгія къ Игнатію, Сильвестру, но главное— къ Долгорукимъ, которые покровительствовали ему, вывели его изъ заточенія и довели почти до патріаршества. Долгорукіе были врагами Анны, — стало быть и Дашковъ — другъ ихъ — также ея врагъ. А императрица Анна была не въ такомъ положеніи, чтобы пренебрегать своими врагами — будутъ ли они свѣтскіе или духовные.

5, 6 и 9-го декабря, Ѳеофанъ объявилъ въ Сунодѣ, одинъ за другимъ, высочайшіе именные указы, которыми повелѣвалось: спасокаменскихъ архимандрита Іесея и келаря Авраамія Дамаскина взять въ Сунодъ и допрашивать противъ доношенія преосвященнаго Аоанасія; для усиленія надзора за Гедеономъ послать въ спасокаменный монастырь сержанта гвардіи съ тремя солдатами; для изслѣдованія дѣла на мѣстѣ послать въ Каменный надежныхъ людей, кого Сунодъ разсудитъ. Во исполненіе высочайшихъ повелѣній Сунодъ сдѣлалъ свои распоряженія, отправивъ, для слѣдованія дѣла на мѣстѣ, московскаго крестовоздвиженскаго монастыря іеромонаха Евсевія Леонова и вологодскаго архіерейскаго секретаря Осипа Степанова. Въ особой инструкціи имъ приказано было сдѣлать опись всему имуществу Гедеона, особ-

ливо письмамъ и запискамъ, какія онъ получалъ отъ всякихъ персонъ или къ кому самъ посылалъ; развѣдать, нѣтъ ли за нимъ какихъ поступковъ, противныхъ св. правиламъ и высочайшимъ указамъ; какъ его ведутъ тамошніе обыватели и какое почтеніе отдаютъ; принимаютъ ли за архіерея или яко монаха имѣютъ; не имѣетъ ли онъ какихъ излишнихъ расширеній и если имѣетъ, какія именно; въ церковь ходитъ ли и часто ль, и гдѣ становится и въ чемъ ходитъ; часто ли видаются съ нимъ архимандритъ и прочіе начальствующіе и къ нему ли ходятъ въ келью или къ себѣ зовутъ; не говорилъ ли онъ публично какихъ замашныхъ разговоровъ; не имѣлъ ли куда изъ монастыря отлученія — одинъ или съ другими, и если имѣлъ, давно ль, сколько кратъ, куда, къ кому, зачѣмъ и съ кѣмъ и долго ли въ томъ отлученіи бывалъ и съ чьего позволенія; не пріѣзжалъ ли кто къ нему, и кто, когда, отъ кого, за чѣмъ, на долго ли у него бывали и съ чьего позволенія къ нему допускаемы были; не присылалъ ли прежде и теперь не присылаетъ ли къ нему кто какихъ припасовъ и что бъ такое именно, и то присыльное куда онъ употреблялъ, все ли про себя или кого дарилъ; одинъ ли живетъ или съ прочею братіею, и въ какихъ кельяхъ, въ тѣхъ ли, которыя даны были ему, какъ онъ привезенъ, или въ другихъ, а буде не въ тѣхъ, для чего изъ нихъ вышелъ, съ позволенія ль настоятеля или самовольно; также и о прочемъ, что, кромѣ вышеписаннаго, по слѣдствію покажется, а къ извѣстію принадлежитъ, исправить безъ всякаго упущенія». Посланнымъ для караула солдатамъ велѣно осмотрѣть: не имѣется ль у него въ кельѣ чернилъ и бумаги, и если окажутся, то допросить, откуда они взялись, составить записку и за рукой Гедеона прислать въ Сунодъ; до тайныхъ разговоровъ ни съ кѣмъ не допускать; письма отбирать и, накрѣпко запечатавъ, присылать въ Сунодъ; ежели по какому разговору, или самъ собою, начнетъ говорить неприличныя поносительныя слова, то записывать ихъ безъ всякаго упущенія, откуда оныя начнутся и чѣмъ окончаются, и о томъ писать въ немедленномъ времени; въ церковь отъ себя не отпускать и ни съ кѣмъ говорить не позволять.

Слѣдователи дѣйствовали въ томъ же духѣ, какъ и власти, пославшія ихъ. Первый рапортъ ихъ Суноду показалъ, чего

ждать отъ нихъ Гедеону. «Пришедши въ келью, гдѣ онъ Гедеонъ жительство имѣетъ, и усмотря его Гедеона не въ схимонашескомъ образѣ сѣдяща, мы желали о подлинной его продерзости увѣдать и для испытанія подходили къ благословенію: и оный Гедеонъ не яко схимонахъ, но яко бы архіерей, насъ благословилъ рукою.... Писемъ и записокъ всякихъ осматривали со всякимъ прилежаніемъ. Книги, образы, деньги и всякія вещи описали и, кѣмъ надлежало, противъ данной намъ инструкціи, секретно слѣдовали. А при описи его скарба, увидя оный Гедеонъ тое опись и осмотръ писемъ, злобствуя говорилъ намъ нижайшимъ продерзостно, яко бы надобно намъ описать у него волосы и голову, а потомъ и въ нужникѣ учинить опись. И сколько вы чего ни ищете, сыскать у меня того не можете».

Гедеонъ думалъ, что ужъ нечего больше терять и бояться: онъ забылъ, что есть на свѣтѣ застѣнки, отъ которыхъ не защитятъ ни архіерейство, ни схимонашество. Судьба сберегла его отъ этой пытки, но все-таки унесла у него много жизни.

Секретный розыскъ слѣдователей былъ только началомъ дѣла, показалъ только, что и отъ кого можно узнать о планахъ и замыслахъ Гедеона.

Въ январѣ 1732 г. Сунодъ прибылъ изъ Москвы въ С.-Петербургъ. Въ первомъ же собраніи Ософанъ объявилъ высочайшую волю скорѣе окончить слѣдованіемъ по извѣстному секретному дѣлу. Теперь ужъ знали, кого въ чемъ допрашивать. И пошла переборка, которая много жизней совсѣмъ сломила, а другія надорвала и исковеркала. Даже издали, на разстояніи почти полуторыхъ вѣковъ, страшно представить это ужасное, мрачное и тяжелое, время съ его допросами и очными ставками, съ желѣзами и пытками! Человѣкъ не сдѣлалъ никакого преступленія: вдругъ его схватываютъ, заковываютъ въ кандалы и везутъ въ Москву, въ Петербургъ, неизвѣстно куда: за что? Когда-то годъ—два назадъ, онъ разговаривалъ съ какимъ-то подозрительнымъ человѣкомъ! *О чемъ* они разговаривали — вотъ изъ-за чего всѣ тревоги, страхи и пытки! Безъ малѣйшей натяжки можно сказать про то время, что ложась спать вечеромъ нельзя было поручиться за себя, что не будешь къ утру въ цѣпяхъ, и съ утра до ночи не попадешь

въ крѣпость, хотя бы не зналъ за собой никакой вины. Вотъ вамъ исторія, судите сами.

Когда въ С.-Петербургѣ возобновилось дѣло о Гедеонѣ, Синодъ потребовалъ къ допросу множество лицъ изъ разныхъ концовъ Россіи: однихъ приказано было привесть въ цѣпяхъ, другихъ просто подъ крѣпкимъ конвоемъ. Спасокаменскихъ архимандрита Іессея и казначея Авраамія, бывшихъ подъ арестомъ въ Москвѣ, приказано перевесть въ С.-Петербургъ, на счетъ денегъ отобранныхъ у Сильвестра и Игнатія. Изъ Каменнаго взяли послушника Аврааміева Петра Максимова. Между тѣмъ послѣдовалъ новый допосъ: караульный сержантъ нашелъ у Гедеона подъ поломъ чернильницу. Чтобы такое онъ могъ писать? По собственному характеру и по своему тогдашнему положенію Ѳеофанъ придавалъ значеніе всякой мелочи, вѣрилъ всякому несбыточному предположенію. У Георгія былъ братъ, стольникъ Андрей Яковлевичъ Дашковъ,—были сестры въ Ярославлѣ, была въ Казани племянница за тамошнимъ вице-губернаторомъ Кудрявцевымъ. Этимъ людямъ еще далеко тягаться съ Ѳеофаномъ. По связи, интриги и мало-ли что можетъ представиться напуганному воображенію? До Ѳеофана дошло, что племянница какъ-то провѣдала, куда заточили дядю (и то случайно, потому что часто родители, дѣти, братья не знали, куда заслали ихъ родственника и находится ли онъ въ живыхъ?). Жалостливая племянница послала къ нему своего человѣка съ гостинцами, а на случай дала мѣха и денегъ—не попадобятся ли Георгію. Посланный дошелъ до Георгія, отдалъ поклонъ отъ племянницы, предложилъ мѣха и деньги. Георгій не взялъ ни мѣховъ, ни денегъ. Что сказать племянницѣ? «Скажи, что изъ Синода присланъ указъ о моемъ посхимленьи и что на первой недѣлѣ поста посхимлюсь». Потомъ помолчавъ не много прибавилъ: «вотъ нѣтъ у меня такого друга, который бы попросилъ обо мнѣ царевну Екатерину Іоанновну: можетъ быть она и доложила бы Государынѣ, чтобъ меня перевели въ другой монастырь, поближе къ Москвѣ». Мальцовъ отвѣчалъ: «добро, я скажу барину»,—поклонился и отправился въ обратный путь. Эти посылки, а можетъ быть и пересылки вещей и писемъ, съ запискиваніемъ у царскихъ особъ, должны были задѣть за живое Ѳеофана.

Въ Синодѣ развернули пакетъ съ донесеніемъ о чернильницѣ и съ сверткомъ бумаги: оказалось четырнадцать дестей бѣлой бумаги, а въ срединѣ завѣщаніе Гедеона. И оно пошло въ дѣло, потому что въ немъ упомянулось имя толгскаго архимандрита Пимена, душеприкащика Георгіева: онъ долженъ знать планы и тайны Георгія.

Когда подсудимыя лица собрались, начался розыскъ. Подсудимыхъ держали подъ строгимъ карауломъ и допрашивали порознь. Если въ ихъ показаніяхъ было разногласіе, то ихъ сводили на очную ставку. Больше всѣхъ досталось бѣдному архимандриту Іессею. По всей видимости, это былъ человѣкъ честный и прямодушный, видѣвшій въ колодникѣ человѣка и человѣка несчастнаго, уважавшій падшее величіе въ самомъ паденіи его, не питавшій въ сердцѣ и не подозрѣвавшій вокругъ себя коварства и измѣны. Съ Гедеономъ онъ обходился почтительно не ради какихъ видовъ, какъ онъ показывалъ, а съ простоты своей, почитая его старость и схимопашество. Когда Гедеонъ приходилъ въ церковь, архимандритъ ему кланялся, отступя нѣсколько съ своего мѣста и цѣловался съ нимъ въ руку, въ праздники за обѣдомъ уступалъ ему первое мѣсто и въ разговорѣ называлъ его: отецъ святый, честнѣйшій отче. Совсѣмъ другихъ расположеній былъ келарь Авраамій Дамаскинъ, человѣкъ ужъ старый, изжитый, закаленный въ монастырскихъ сплетняхъ и интригахъ. Всѣми своими поступками въ отношеніи къ Гедеону онъ напоминаетъ извѣстную басню Крылова... На судѣ онъ уличалъ архимандрита на каждомъ шагу, припоминалъ ему всѣ ласковые его взгляды и привѣтливыя слова Гедеону. Бѣдный архимандритъ не выдержалъ нравственной пытки, въ болзни можетъ быть застѣночныхъ истязаній, и 1-го апрѣля 1732 г. скончался въ синодской колодничей избѣ. Къ смертному одру его пришли только два караульныхъ солдата. Имъ же поручено было заняться его погребеніемъ. Изъ оставшагося имущества — 43 копѣйки 5 алтынъ отданы за гробъ, 5 копѣекъ за гвозди, 2 алтына за свѣчи и ладонъ, 1 алтынъ за чтеніе псалтыри того дня, въ который онъ архимандритъ умеръ; остальныя 14 коп. на расходы при похоронахъ.

Показанія подсудимыхъ втянули въ дѣло новыя лица — воло-

годскаго епископа Аѳанасія и Гедеонова племянника, Кудрявцева.

Аѳанасія винили въ двухъ вещахъ: во первыхъ онъ смѣнилъ у Георгія караульныхъ солдатъ — уволилъ казенныхъ и поставилъ монастырскихъ, находившихся въ томъ монастырѣ на пропитаніи; во вторыхъ худо наблюдалъ за поскимлешемъ Георгія. Въ карауле и острогахъ вопросъ о караульныхъ солдатахъ — важный вопросъ. Исторія Гедеоновыхъ караульщиковъ имѣетъ нѣсколько варьяцій. Унтеръ-офицеръ, провожавшій Георгія до Каменнаго монастыря, возвращаясь оттуда черезъ Вологду, объявилъ Аѳанасію, что тамъ надзоръ за Георгіемъ слабъ и что нужно объ этомъ позаботиться. Аѳанасій отрядилъ въ Каменный изъ архіерейскаго дома сержанта съ солдатами и рапортовалъ объ этомъ Сѵноду. Сѵнодъ утвердилъ это распоряженіе. Мѣсяцевъ черезъ пять послѣ того, спасокаменскій архимандритъ Іессей подалъ преосвященному просьбу, въ которой жаловался, что его монастырь пришелъ отъ разныхъ колодниковъ въ крайнее раззореніе. Въ ту пору въ немъ было три арестанта: за каждымъ былъ присмотръ по три человѣка и всѣмъ шло монастырское содержаніе; между тѣмъ въ монастырѣ есть отставные солдаты на пропитаніи, которые могутъ держать караулъ надъ Георгіемъ. Архіерей согласился на это послѣднее представленіе особенно потому, что оно въ точности соотвѣтствовало высочайшему указу, которымъ предписывалось наблюдать за Георгіемъ архимандриту, а не ему архіерею. Архимандритъ, съ своей стороны, выставлялъ на видъ, что ему лучше уберечь колодниковъ съ монастырскими служителями, чѣмъ съ пришлыми солдатами. Лѣтомъ, когда озеро пересыхаетъ и зимой, когда оно замерзаетъ, возможенъ побѣгъ, да не разъ колодники и бѣгивали; но монастырскіе служители, знающіе хорошо мѣстность, изловливали ихъ: —вотъ ужъ на его памяти сбѣжалъ было Ефремъ, да пойманъ за 50 верстъ; передъ тѣмъ бѣгалъ іеродіаконъ Иліодоръ — и тотъ схваченъ. «Какъ я отъ архимандрита услышалъ это — пишетъ Аѳанасій — едва не обезумѣлъ и благодарилъ Бога отъ всего сердца моего, что и Георгію изъ-подъ караула тѣхъ караульщиковъ не учинилось побѣгу». Всѣ эти резоны Аѳанасій выставилъ въ донесеніяхъ Сѵноду, когда началось дѣло о Георгіѣ.

Но вѣдь монастырскіе служители инвалиды? Аоанасій сознается, что «они точно всѣ такіе, только зовутся, что солдаты, а должности солдатской исправлять не могутъ, ибо они суть сухи, они хромы, они слѣпы, они престарѣлы, они дряхлы, они падучею скорбію одержими, они ранени, единымъ словомъ, всѣ увѣчны; одинъ покрѣпче, Макринъ, взятъ былъ въ архіерейскій домъ для содержанія арестанта, домоваго служителя, да и того выпустилъ за двѣ копѣйки. Но эти разсужденія, когда я ихъ опредѣлялъ, клянуся живымъ Богомъ, не пришли мнѣ въ память, но отъ ревности своей заочно и безъ дальнихъ разсужденій ихъ опредѣлилъ, разсуждая, какъ бы исполнить высочайшій указъ и себя охранить. А что не спросилъ о томъ резолюціи вашего святѣйшества, и то сдѣлалъ не за какую иную причину, точію разсуждалъ, что такое дѣло времени терпитъ а ежели въ томъ отъ недоумѣнія оплошился, то всепокорно отъ вашего святѣйшества прошу прощенія. И можно опустить такую оплошность иностранному человѣку, который не родился въ такихъ страшныхъ дѣлахъ и порядковъ приказныхъ отъ своихъ родителей не слышалъ, ниже имъ въ школахъ учился. Ниже возможно думать, что я приказалъ это отъ любви ко оному Гедеону, понеже ни онъ мнѣ нѣсть родственникъ или свойственникъ, ни онъ благодѣтель или другъ, но безпримирительный врагъ и смертельный супостатъ; и никто душу свою и здравіе не положилъ за враговъ своихъ, кромѣ единаго Христа, до котораго такого божескаго примѣру не бывало и послѣ его до скончанія вѣка не будетъ. И какъ мнѣ положить въ такихъ важныхъ дѣлахъ голову свою за Гедеона, который всякими способы искалъ главу мою, о чемъ многіе извѣстны суть, а паче всѣхъ премилостивый отецъ мой и государь преосвященнѣйшій Ософанъ, архіепископъ велико-новгородскій и великолуцкій, который многократно меня оборонялъ отъ такого Амалика. Прекращая иные многіе резоны, аки бы предъ Богомъ — иже есть между вами и словеса моя слышитъ — вашему святѣйшеству обязуюся: ежели нынѣ или впредь явится, что я посѣтилъ Гедеона, по лишеніи его архіерейства, персонально или письменно, или чрезъ кого либо ни есть словесно утѣшилъ его, — единымъ словомъ, ежели я каковую любовь, благосклонность и снисхожденіе къ нему явилъ, тогда буду самоосужденъ и лишенъ не точію отъ епархіи и отъ

сана, но и отъ моего здравія. А буде сожалѣлъ или болѣзновалъ о немъ внутреннею мосю, егда слышалъ, что память его по его достоинству съ шумомъ погибе, или мыслилъ, что онъ со временемъ будетъ паки человѣкъ, то да буду проклятъ и по смерти не разрѣшенъ... И хотя архимандритъ отъ него Гедеона просилъ меня къ себѣ въ монастырь и требовалъ чрезъ него архимандрита повара и хлѣбника, также меду, рыбы и для лекарства ревеню, и я во всемъ ему отказалъ. (22-го мая 1731 г.)» Какъ ни были строги судьи, но не могли не изумиться такой сильной клятвѣ и не спросить: понимаетъ ли онъ ея силу? Аоанасій отвѣчалъ: «очень понимаю, и егда силу ея разсуждаю, весь трепещу. И какъ мнѣ не трепетать, егда между прочими читаю: и молитва его да будетъ во грѣхъ».—Въ этомъ показаніи, безъ сомнѣнія, иное нужно отнести ко времени и обстоятельствамъ, но многое принадлежитъ лично Аоанасію. Время и обстоятельства только заставили его высказаться, вызвали наружу тайну его характера.

На другой запросъ—о посхимленіи Гедеона—Аоанасій отвѣчалъ, что онъ велѣлъ посхимить его архимандриту, о чемъ и указъ послалъ къ нему 22-го февраля 1731 года. Поводомъ къ этому вопросу было подозрѣніе, возбужденное нѣкоторыми обстоятельствами, въ дѣйствительности Гедеонова схимничества. Братія не видали его въ схимонашескомъ платьѣ; архимандритъ же показалъ, что онъ при постриженіи не былъ, потому что Георгій не пригласилъ его, но что постригали его въ кельѣ духовникъ его, іеромонахъ Іосифъ, съ діакономъ Парменомъ, въ присутствіи келаря и нѣсколькихъ бѣльцовъ крылошанъ. Сунодъ спрашивалъ: въ какой силѣ данъ былъ указъ архимандриту о посхимленіи Георгія? Аоанасій отвѣчалъ, что предписалъ архимандриту самому посхимить его и въ подтвержденіе своего показанія прислалъ копію съ указа. Но въ указѣ оказалось не совсѣмъ то, что показывалъ Аоанасій [1]). Вслѣдствіе этого сдѣланъ ему новый вопросъ. «Въ доношеніи вашего преосвященства велѣно спасокаменскому архимандриту посхимить Георгія самому; а въ копіи

[1]) «По ея императорскаго величества указу и по опредѣленію, за подписаніемъ его преосвященства, велѣно, по силѣ онаго ея императорскаго величества указу, у вышеписаннаго монаха Георгія, ежели онъ пожелаетъ добровольно въ схимонашескій чинъ, взять *себѣ* письменное руки его обязательство, и по тому обязательству его Георгія посхимить».

съ указа такой рѣчи не написано;—и о томъ въ доношеніи своемъ для чего такъ ваше преосвященство написалъ?» Аѳанасій отвѣчалъ, что «хотя въ указѣ *самому* не написано, однакожъ написано *тебѣ*, а по регуламъ грамматическимъ яснѣйше есть сказать *тебѣ*, нежели *самому*, ибо *тебѣ* токмо тую персону значитъ, которой приказалъ, а не другую какую, а *самому* значитъ первую и вторую и третью персону, то есть и мене и тебе и третьяго человѣка. (31-го мая 1732 г.)».

Читатель не можетъ не замѣтить разницы въ тонѣ этого и прежнихъ показаній Аѳанасія. Теперь у него уже нѣтъ прежней робости и неумѣстныхъ клятвъ. Онъ выступаетъ смѣло и свободно разсуждаетъ съ своими судьями. Эта перемѣна произошла отъ того, что, неизвѣстно по чьему предложенію, его вызвали въ С.-Петербургъ, въ Сѵнодъ, на архіерейскую чреду: а тутъ, съ помощію сильныхъ покровителей, между которыми онъ считалъ П. И. Ягушинскаго, и при содѣйствіи Дудина (котораго, къ слову сказано, побаивался и самъ Ѳеофанъ и за котораго взялся уже убравшись съ прочими своими недругами), ему легко было отдѣлаться отъ назойливыхъ слѣдователей.

Эта сторона дѣла, однакожъ, скоро была забыта, потому что посхимленіе Гедеона, кѣмъ бы оно ни было совершено, засвидѣтельствовано было очевидцами; притомъ же и главное виновное въ упущеніи по этому дѣлу лицо уже прешло изъ этого міра на судъ Божій. Затѣмъ все вниманіе судей обратилось на другую, важнѣйшую, сторону дѣла — слабый надзоръ за Гедеономъ: кто виноватъ въ немъ и къ чему онъ клонился? Строгіе слѣдователи, сличая показанія Аѳанасія съ показаніями прочихъ колодниковъ, между прочимъ нашли разницу въ числахъ. Аѳанасій отвѣчалъ: «не всякая разнь означаетъ ложь, ибо и между духоносными евангелистами есть разнь, однакожъ, что пишутъ, истина есть. Также и я писалъ въ своемъ дополненіи, что каменскій архимандритъ приходилъ ко мнѣ 3-го августа, а опредѣленіе учинено 2-мъ числомъ, когда началось дѣло».

Но защищаясь Аѳанасій имѣлъ неосторожность задѣть одинъ щекотливый вопросъ. Оправдываясь въ удаленіи отъ Георгія казеннаго караула и въ замѣнѣ его монастырскимъ, онъ указалъ между прочимъ на то, что поступилъ согласно съ высочайшимъ

указомъ. Хитрость тутъ заключается въ томъ, что высочайшимъ указомъ надзоръ за Георгіемъ велѣно было имѣть архимандриту. Аѳанасій приставилъ было своихъ служителей, которые и утверждены сѵнодскимъ указомъ, но потомъ, по представленію архимандрита, вдругъ какъ бы опомнился, что этимъ присвоеніемъ себѣ команды нарушилъ высочайшую волю и взялъ назадъ своихъ служителей. А чтобъ быть послѣдовательнымъ, онъ донесъ Сѵноду, что указъ ихъ святѣйшества «его вышнихъ командировъ» не по именному указу состоялся. Вышніе командиры засыпали его вопросами по поводу этого нескромнаго оправданія. «Ваше преосвященство показали, что тотъ указъ не по именному указу состоялся. И потому ваше преосвященство помянутый присланный изъ св. Сѵнода указъ за дѣйствительный ли въ силѣ повелѣнія признавалъ и признаваешь, и надлежало ли вашему преосвященству по нему исполненіе чинить, а буде не надлежало, чего ради и какіе на то резоны важные имѣешь? А буде вамъ въ томъ указѣ признавалось что либо сомнительное, надлежало ли о томъ писать въ св. Сѵнодъ и требовать о сомнѣніи резолюціи, или о томъ писать не надлежало и почему? И впредь по силѣ присылаемыхъ указовъ изъ св. Сѵнода, въ которыхъ именного ея императорскаго величества указа будетъ не воспомянуто, дѣйствительное исполненіе ваше преосвященство чинить будешь ли, а ежели не будешь, для чего?» Аѳанасій нашелъ, что ему нетрудно обстоятельно отвѣчать на эти вопросы; «точію тое себѣ за продерзость вмѣняю — извинялся онъ — что поставленъ въ необходимость учить моихъ учителей тому, что давно уже знаютъ и гораздо знаютъ. Указъ вашего святѣйшества, егда сднпакой есть и мнѣ повелѣваетъ что ни есть исполнять, я почитаю той за такой дѣйствительный, крѣпкій и сильный, яко бъ былъ ея императорскаго величества именной указъ, хотя въ немъ того и не написано будетъ: того ради одиннадцать лѣтъ уже есть, какъ той всерадостно слушаю, всеусердно исполняю и даже до кончины жизни моей готовъ исполнить. А егда случится отъ непредложенія, что указъ св. Сѵнода объ одномъ и томъ же дѣлѣ несогласенъ съ именнымъ ея императорскаго величества указомъ, какъ и случилось въ нынѣшнемъ дѣлѣ, тогда сами изволите знать, яко мужіе премудріи и высоко-

разсудительній, который изъ тѣхъ двухъ указовъ надлежитъ мнѣ наибольше исполнять. Кромѣ тѣхъ сильныхъ резоновъ, вами знаемыхъ, благоволите прилежно и сія разсудить: за что на себя самовольно взять, аки бы на свою поруку, такихъ подозрительныхъ, которые, уже будучи осуждены къ вѣчной неисходной ссылкѣ, вину сердцемъ своимъ смышляютъ, какъ бы отъ таковаго неисходнаго содержанія избѣжать? Я живу на Вологдѣ, въ разстояніи 45-ти верстъ отъ Каменнаго монастыря, а ваше святѣйшество гораздо дальше: и за что намъ отвѣтствовать ея императорскому величеству и на себя слово принять, если бъ келейники Гедеоновы изъ-подъ караула отъ насъ опредѣленнаго отбѣжали?» (17-го іюля 1732 г.).

Св. Сунодъ этимъ не удовлетворился и сдѣлалъ Аѳанасію новый запросъ. «Вашему преосвященству надлежало отвѣчать: признавалъ ли тотъ указъ за дѣйствительный и исполненіе по нему чинить былъ долженъ ли или не долженъ? А ваше преосвященство обо всемъ умолчалъ, а написалъ едва не все жъ постороннее.... А между тѣмъ Сунодскаго указа за настоящій, дѣйствительный ея императорскаго величества, указъ не признаешь и тѣмъ своимъ отвѣтомъ св. Суноду приносишъ ваше преосвященство нареканіе». Вслѣдствіе этого Сунодъ требовалъ отвѣта болѣе опредѣлительнаго, «не примѣшивая постороняго и не прилагая къ лицу св. Сунода никакихъ нареканій». Аѳанасій отвѣчалъ, что «признавалъ и признаетъ и исполнялъ его до августа 1731 года; исполнялъ бы и до сихъ поръ, если бъ не увѣдомился въ слабости бывшаго надзора; а потому, во исполненіе сунодскаго указа, который былъ подтвержденіемъ и полненіемъ именнаго указа, онъ и перемѣнилъ караулъ, поручивъ архимандриту выбрать людей крѣпкихъ и надежныхъ». Вмѣстѣ съ этимъ донесеніемъ Аѳанасій подалъ на высочайшее имя прошеніе, въ которомъ, представляясь точнымъ исполнителемъ высочайшей воли, признаетъ за собою только одну вину, что не рапортовалъ Суноду о смѣнѣ караульныхъ, «оплошился, какъ человѣкъ иностранный», и проситъ въ этомъ милостиваго прощенія. (10 января 1733 г.).

Вслѣдствіе показаній дворовaго человѣка Кудрявцевыхъ, Мальцова, слѣдователи нашли нужнымъ допросить Кудрявцева съ женой. Сунодъ поручилъ казанскому архіепископу Иларіону, съ тамошнимъ губернаторомъ, графомъ Платономъ Мусинымъ-Пушкинымъ, допросить ихъ порознь, секретно, безъ всякаго послабленія и, въ случаѣ разпорѣчія, сдѣлать очную ставку. Дудинъ въ секретномъ письмѣ писалъ къ архіепископу: «ежели что станетъ губернаторъ снисходительное показывать, кромѣ правды, къ неправдѣ, въ томъ извольте смотрѣть и его отъ того, елико можете, воздерживать. И сіе изволь, ваше преосвященство, содержать секретно». Графъ рапортовалъ потомъ Сенату, что Кудрявцевъ съ женой въ ту пору были въ своей деревнѣ, но что онъ поручилъ капитану Остапкову *съ конвоемъ* взять ихъ и привезть въ Казань порознь, такъ чтобы они ни между собою и ни съ кѣмъ никакихъ разговоровъ не имѣли. На допросахъ, однакожъ, кромѣ уже извѣстнаго намъ, ничего не обнаружилось.

Когда собраны были всѣ показанія и допрошены всѣ подсудимыя лица, поданъ былъ Государынѣ докладъ, въ которомъ самымъ существеннымъ предметомъ было то, что Аѳанасій самовольно перемѣнилъ у Георгія караульныхъ служителей. Вслѣдствіе этого доклада, 20 марта 1733 года послѣдовалъ указъ изъ Тайной канцеляріи, которымъ приказывалось усилить караулъ надъ Георгіемъ, назначивъ къ этому здоровыхъ унтеръ-офицера съ солдатами изъ отставныхъ, находящихся въ вологодской епархіи на пропитаніи, съ содержаніемъ на счетъ монастыря. Архіерей признавался виновнымъ въ послабленіи Гедеону, но Государыня, по своему милосердію, ограничила его наказаніе тѣмъ, что поручила призвать его въ Сунодъ и сдѣлать ему выговоръ. Сунодъ составилъ слѣдующую форму выговора: «хотя онъ епископъ, по слѣдующемуся въ св. Сунодѣ дѣлу, виновенъ нынѣ яко бы не явился: однакожъ, по всѣмъ обстоятельствамъ признанъ въ немаломъ подозрѣніи, потому что, презирая вѣрноподданническую вѣрность, не только угождая служилъ Гедеону, который, по лишеніи архіерейскаго сана, никакой чести уже недостоинъ, но яко непотребный человѣкъ остался; а какъ видно,

сдѣлалъ это въ надеждѣ, что если онъ Гедеонъ, паче чаянія, того ареста освободится и воспріиметъ первое свое достоинство, то за слабое его содержаніе будетъ его епископа благодарить или и служить, а за крѣпкое его содержаніе станетъ мстить злобою,— чего не только самому ему думать не надлежало, но и подчиненныхъ допущать до такой мысли не слѣдовало. А ежели онъ преосвященный впредь явится или обличенъ будетъ въ слабомъ содержаніи Гедеона или въ прочихъ склонныхъ къ нему поступкахъ: и за то приметъ себѣ такое истязаніе, каковое объявилъ въ прошеніи своемъ къ лицу ея императорскаго величества и въ своихъ оправданіяхъ передъ св. Синодомъ» (21 марта 1733 г.). Вслѣдъ за тѣмъ Аоанасій возвратился въ свою епархію и присылалъ благодарность за благодарностію Дудину, которому обязанъ такимъ благополучнымъ окончаніемъ дѣла. «За трудъ и заботу, во время моего несчастія на пользу дѣлу моему вами приложенную — писалъ онъ къ нему изъ Вологды — всеусердно и всепокорно ваше благородіе благодарствую и сими какъ до знаній (sic) одолженъ, такъ и до скончанія жизни моей заочное оное ваше ко мнѣ благодѣяніе забвенно не будетъ. Болѣе не умѣю писать за прежнею скорбію, которая еще отъ памяти моей не можетъ отойти, ниже отъ сердца искорениться.» Въ другихъ письмахъ изъ Вологды и изъ Суздаля онъ выражаетъ откровеннѣе свою благодарность. «....Послѣ извѣстимъ о постройкахъ по архіерейскому дому. И чтобъ не забыть о архіерейской конюшнѣ къ вамъ писать — и она съ помощію Божіею уже распространяется и лошадки въ ней умножаются.» Дудинъ очень лакомъ былъ до хорошенькихъ лошадокъ и Аоанасій, упомянувъ о конюшнѣ, затрогивалъ въ своемъ патронѣ самую чувствительную струну. Монастыри, въ томъ числѣ и невскій и сергіевъ, служили ему овсомъ и сѣномъ, не изъ принужденія и не по требованію, а въ почетъ.

Новый тюремный начальникъ при Гедеонѣ донесъ Синоду, что у Гедеона все отобрано, но что онъ проситъ изъ запечатаннаго скарба дать ему хоть Слѣдованную Псалтырь для чтенія и молитвы, да назначить ему духовника, у котораго онъ могъ бы исповѣдаться. Синодъ и приказалъ выбрать ему въ духовники, изъ іеромонаховъ того монастыря, человѣка житія искуснаго и неподоз-

рительнаго и состоянія обходительнаго и разсудительнаго, и велѣть ему исповѣдывать его Гедеона по церковному чиноположенію, а притомъ о грѣхахъ его исповѣди смотрѣть ему прилежно, съ крѣпкимъ опасеніемъ, что ежели онъ станетъ говорить о каковыхъ важныхъ своихъ винахъ — что напредь сего мыслилъ чинить, но еще не учинилъ за какимъ-либо препятіемъ, а наипаче всего измѣну или бунтъ на Государя или на государство или злое умышленіе на честь или здравіе ея императорскаго величества и на превысочайшую ея императорскаго величества фамилію — а объявляя такое намѣреваемое зло покажетъ, что не раскаявается, но ставитъ себѣ въ истину и намѣренія своего не отлагаетъ, и не яко грѣхъ исповѣдуетъ, но паче дабы тако согласіемъ или молчаніемъ того духовника въ намѣреніи своемъ утвердился и опое, если возможно, въ дѣйство нынѣ произвелъ, — и если такъ то отъ него Гедеона учинится: и тотъ отецъ духовный долженъ именемъ Божіимъ ему Гедеону воспрещать, дабы онъ отъ того злаго своего намѣренія всеконечно отсталъ; въ случаѣ-жъ упорства его доносить Синоду. Псалтирь выдать ему съ росписко̀ю. (4-го мая 1733 г.)».

Проученный Аоанасій простеръ свою строгость къ Георгію до того, что не сталъ было пускать его даже въ церковь. Сунодъ нашелъ это преувеличеніемъ и приказалъ и пускать его въ церковь за крѣпкимъ карауломъ, съ тѣмъ чтобы онъ становился въ церкви особо отъ людей, въ удобномъ мѣстѣ, и чтобъ какъ съ нимъ никто, такъ и онъ ни съ кѣмъ, въ разговоры не вступалъ. А ежели онъ Гедеонъ проситься будетъ отъ унынія на монастырь, то его изъ кельи, въ которой онъ содержится, выпущать позволить не на долгое время. Во время того его выходу никого къ нему ни для чего не допущать и въ келью къ нему никому ходить не позволять, подъ опасеніемъ тягчайшаго штрафованія. (18-го іюня 1733 г.)».

15 іюля 1733 года покончили съ остальными подсудимыми. Капраловъ и солдатъ, за откровенное признаніе вины и за искреннія показанія, простили. Дьячка, который по просьбѣ Гедеона, читывалъ въ кельяхъ его книги и исполнялъ разныя мелкія его порученія, послѣ наказанія при синодальной канцеляріи плетьми, отослали въ Вологду въ вѣдомство провинціальной канцеляріи,

такъ какъ онъ свѣтскаго вѣдомства, а не духовнаго. Гедеоновыхъ келейниковъ, Сукина и Киселева, за то что они отлучалить отъ Гедеона и допускали къ нему разныхъ лицъ, также били плетьми и отпустили къ помѣщикамъ, съ роспискою, чтобы они о своихъ допросахъ и показаніяхъ, ни тайно, ни явно, ни съ кѣмъ не разговаривали, помѣщикамъ не объявляли и никому не сказывали.

И пошли опять въ жизни Гедеона день за днемъ, недѣля за недѣлей, мѣсяцъ за мѣсяцемъ скучной чередой. Отъ него бѣгали всѣ, какъ отъ зачумленнаго. Въ 1734 году онъ заслышалъ, что въ Вологду пріѣхалъ губернаторъ. Гедеонъ хотѣлъ воспользоваться этимъ и рѣшился на крайнее средство. Онъ приказалъ своему караульному подпрапорщику объявить губернатору, что у него есть государево дѣло и что по этому онъ долженъ видѣться съ губернаторомъ. «Отъ рожденія — говорилъ онъ — какъ Богу, такъ Государю и Государынѣ самой и государству служу вѣрно. Я и крестъ цѣловалъ и у крестнаго цѣлованія подписался, что ежели увижу какой непорядокъ, то буду доносить о немъ ему, самому Государю, и нынѣ Государынѣ. Вологодскому архіерею нельзя сказать этого, потому что онъ самъ въ подозрѣніи. Меня прячутъ, хотятъ голодомъ уморить, чтобы скрыть дѣло. Ужъ и то я весь обобранъ, лежу въ одной свиткѣ.» Губернаторъ, кажется, ограничился тѣмъ, что сообщилъ объ этомъ мѣстному архіерею. Въ маѣ пріѣхалъ въ Каменный монастырь вологодскій архіерей и спрашивалъ у Гедеона: какое онъ знаетъ за нимъ государево дѣло? Гедеонъ отвѣчалъ, что откроетъ это только самой Государынѣ. Аѳанасій донесъ объ этомъ Суноду. Сунодъ представилъ Государынѣ докладъ съ мнѣніемъ, чтобы за показанныя Гедеоновы неспокойства и подозрѣнія послать его, для такаго же подъ арестомъ содержанія, въ троицкій селенгинскій или въ успенскій перчинскій монастырь иркутской епархіи. Семи тысячъ верстъ и Сибири казалось достаточнымъ для того, чтобы скрыть всякую тайну и усмирить самую пылкую горячность. Государыня утвердила приговоръ, приказавъ отправить Гедеона въ перчинскій монастырь и содержать его тамъ до смерти неисходно и не слушать никакихъ объявленій, хотя бы о государевомъ словѣ и дѣлѣ.

XX.

Изданіе Камня Вѣры. — Полемика по поводу этого изданія.

1) Рибейра и Католическая пропаганда въ Россіи. — Ѳеофилъ Кролик. — Евгеній Колетти. — Платонъ Малиновскій. — Возраженіе Ѳеофилакта въ защиту Камня Вѣры противъ Буддея.

Въ 1728 году, съ разрѣшенія Верховнаго Тайнаго Совѣта, по засвидѣтельствованію Ѳеофилакта и подъ его наблюденіемъ, изданъ *Камень Вѣры*. Въ Лейпцигскихъ ученыхъ актахъ 1729 г., въ маѣ мѣсяцѣ, помѣщенъ былъ строгій разборъ на него съ укоризною сочинителю и Ѳеофилакту. Въ разборѣ сказано, что эта книга давно уже была написана, но Петръ I не дозволялъ напечатать ее, чтобы не обидѣть протестантовъ, о которыхъ въ ней написано много ложнаго. Сказавши потомъ нѣсколько словъ о сочинителѣ книги, поводѣ къ ея написанію и о планѣ или о составѣ ея, рецензентъ прибавляетъ, что «сочинитель Камня Вѣры питаетъ безразсудную ненависть къ лютеранамъ, равно какъ къ кальвинистамъ, усвоивши ее безъ сомнѣнія отъ католиковъ, съ которыми долго въ молодыхъ лѣтахъ обращался. Это видно изъ предисловія его къ читателю, гдѣ онъ говоритъ, что на Церковь святую возсталъ новый нѣкій Голіафъ — Мартинъ Лютеръ, понося вѣрующихъ въ живаго Бога и отрыгая разныя укоризны на невѣсту Христову — Церковь. Противникъ этотъ устремилъ свой лукъ на папу и римскую церковь; но стрѣлы его досягаютъ и до насъ. Но и этому новому Голіафу Камень Вѣры, подобно какъ древнему камень Давидовъ, да будетъ въ погибель»... «Приходятъ къ намъ въ овчихъ кожахъ, а внутри волки хищные, отворяющіе подъ видомъ благочестія двери всѣмъ порокамъ. Ибо что проистекаетъ изъ этого нечестиваго ученія? Убивай, кради, любодѣйствуй, лжесвидѣтельствуй, дѣлай что угодно, будь равенъ

самому сатанѣ по злобѣ, но только вѣруй во Христа и одна вѣра спасетъ тебя. Такъ учатъ эти хищные волки»... «Безчисленныя сочиненія нашихъ писателей опровергаютъ эти клеветы. Тѣмъ не меньше сочинитель (Камня Вѣры) не стыдится клеветать открыто, лгать нагло и обольщать неразумный народъ нелѣпыми баснями. Въ самомъ дѣлѣ онъ столько насказалъ побасенокъ (narratiuncilas) о видѣніяхъ, объ одержимыхъ духами, о чудесахъ, произшедшихъ отъ креста, иконъ, мощей, что въ умныхъ людяхъ возбуждаетъ смѣхъ, въ неразумныхъ удивленіе. Нельзя надивиться, какъ смиренный Ософилактъ, архіепископъ тверскій и кашинскій, одобрилъ эту книгу своею цензурою, между тѣмъ какъ новгородскій епископъ, мужъ ученый, благоразумный и умѣренный, призналъ ее недостойною своего одобренія. Въ угоду католикамъ, изрыгая свои гнуснѣйшія ругательства на протестантовъ, сочинитель умалчиваетъ однакожъ о спорныхъ предметахъ между римскою и русскою церковію, напримѣръ о папѣ, о чистилищѣ и о прочемъ. Да и нечего дивиться этому, потому что онъ выписалъ большею частію изъ Беллармина и другихъ римскихъ и папскихъ полемистовъ. Изъ чего можно видѣть, что имъ руководило не столько желаніе объяснить, изложить и распространить догматы Восточной церкви, сколько ненависть къ лютеранамъ и реформатамъ, которыхъ ученіе впрочемъ онъ или не знаетъ или извращаетъ». Рецензентъ предостерегаетъ русскихъ отъ этой книги, чтобы она не принесла имъ вреда, открывая врата въ ихъ святилище Римлянамъ, которые давно этого дожидались, и вмѣстѣ съ тѣмъ выражаетъ опасеніе, что на нее все таки съ жадностію накинутся тѣ, для кого вражда партіи дороже, чѣмъ истина. Въ заключеніе онъ сообщаетъ полученное имъ изъ вѣрнаго источника свѣдѣніе, что скоро выйдетъ книга І. Ф. Буддея, съ обличеніемъ и опроверженіемъ на Камень Вѣры [1]).

Вскорѣ послѣ того явилась и обѣщанная книга Буддея [2]). Въ Лейпцигскихъ актахъ тотчасъ же повѣстили объ ней, чтобы

[1]) Acta eruditorum, mens. Maji, pp. 226 — 228. Lipsiae, 1729 an.

[2]) Заглавіе ея: Epistola apologetica pro ecclesia lutherana contra calumnias et obtrectationes Stephani Javorskii, R. et M. M., ad amicum Moscuae degentem, scripta a J. Fr. Buddeo, Theologiae D. Jenae, sumtu viduae Meyer. 1729. in. 4.

обратить на нее вниманіе [1]). Протестантскій резенцентъ ея говоритъ, что она написана точно, твердо и изящно; что клеветы и нападенія Яворскаго она отразила сильно и дѣло церкви протестантской поставила превосходно. Впрочемъ она опровергла не всю книгу, а только нѣкоторыя главы ея; но и этого, по мнѣнію рецензента, довольно для обличенія клеветъ, которыя Яворскій взвелъ на протестантскую церковь. Прежде чѣмъ перейти къ самому разбору, сочинитель предувѣдомляетъ, что отъ этой книги вреда можетъ быть больше русскимъ, нежели протестантамъ, потому что Яворскій открыто льститъ католикамъ и, поддѣлывалсь къ нимъ, является несправедливымъ къ протестантамъ. За тѣмъ сочинитель разсматриваетъ одинъ за другимъ главные пункты лютеранскаго ученія, защищаетъ ихъ отъ неосновательныхъ нападеній Яворскаго и старается доказать своимъ разборомъ, что сочинитель Камня Вѣры мало интересовался истиною, а хотѣлъ только излить свое негодованіе на лютеранскую церковь [2]).

Будей умеръ 19 ноября 1729 года. Точно ли онъ былъ авторомъ этой книги, или только неизвѣстный сочинитель книги воспользовался его именемъ, чтобы скрыть за нимъ свое собственное? Русскіе, интересовавшіеся этимъ дѣломъ, убѣждены были, что сочинитель этой книги — русскій и лицо духовное, съ богословскимъ образованіемъ.

Въ то же время въ Тюбингенѣ напечатано на латинскомъ языкѣ сокращеніе всей книги Яворскаго, подъ названіемъ: Stephani Javorscii genius, ex ejus opere posthumo theosophico, Petra Fidei dicto, in epistola familiari revelatus. Сочинителемъ этой книжки, выпущенной безъ имени автора, былъ Іоаннъ Теодоръ Яблонскій, родной братъ президента Берлинской Академіи наукъ, хорошаго знакомца Ѳеофанова, Даніила Эрнеста Яблонскаго [3]). Полемическое движеніе въ кругу протестантскихъ ученыхъ, по поводу Камня Вѣры, продолжалось съ возрастающею силою.

---

[1]) Acta eruditorum, mens Octobris. pp. 465—468. Lipsiae, 1729 an.

[2]) Javorskium nihil aliud egisse, quam ut calumniandi libidinem animumque erga ecclesiam nostram iniquissimum monstraret.

[3]) Pauli Ernesti Jablonscii, Institutiones historiae christianae. Francof. 1786. T. III. p. 187.

С.-Петербургскій академикъ Бильфингеръ сдѣлалъ полный переводъ на латинскій языкъ одной главы изъ Камня Вѣры—*о наказаніи еретиковъ* и сообщилъ знаменитому лютеранскому богослову Лаврентію Мосгейму, а Мосгеймъ въ 1731 г. издалъ противъ ней въ Гельмстадтѣ академическую диссертацію подъ названіемъ: de poenis haereticorum cum Stephano Javorscio disputatio.

Между тѣмъ противъ книги Буддея, въ защиту Камня Вѣры, написалъ сочиненіе доминиканецъ *Рибейра*, бывшій тогда при испанскомъ посланникѣ въ Россіи, герцогѣ Липрійскомъ. Сочиненіе имѣло видъ отвѣта Буддею (Responsum antapologeticum) и посвящено было Императрицѣ.

Какія побужденія были у Рибейры къ защитѣ Стефана и русской церкви отъ возводимыхъ на нихъ протестантами обвиненій и клеветъ? Откуда у него взялась такая ревность къ защитѣ Восточной церкви? Дѣло это объясняется просто видами и расчетами католической пропаганды. Извѣстно, что Сорбонскіе богословы въ 1717 году предлагали Петру Великому о соединеніи церквей и, съ согласія его, писали о томъ посланіе къ русскимъ епископамъ. Отъ имени послѣднихъ составленъ былъ отвѣтъ въ двухъ редакціяхъ: одна—Ѳеофана Прокоповича, другая—Стефана Яворскаго. Первая была отправлена къ французскому правительству для передачи сорбонскимъ богословамъ, но, по неизвѣстнымъ причинамъ, получена была ими поздо и притомъ въ незасвидѣтельствованной копіи. Послѣ того въ Сорбоннѣ достали копію съ другой редакціи отвѣта, почему и явилось сомнѣніе въ подлинности первой.—Въ это время одно обстоятельство снова возродило въ Сорбонскихъ богословахъ падежду на успѣхъ прежняго замысла. Княгиня Ирина Петрова Долгорукова, урожденная княжна Голицына, супруга статскаго совѣтника князя Сергѣя Долгорукова, въ бытность свою при мужѣ своемъ въ Голландіи, перешла въ католичество и, возвращаясь въ Россію, просила отправить съ нею какое нибудь духовное лице для поддержанія ея въ новой вѣрѣ. Сорбонскіе богословы послали съ нею Жака Жюбе (Jubé), извѣстнаго подъ ложно принятымъ имъ названіемъ Лакура, съ тѣмъ чтобы онъ старался и о соединеніи церквей. 28 февраля 1727 года утрехтскій епископъ писалъ къ Жюбе: «смѣю просить васъ.... сопровождать княгиню Долгорукову въ ея отечество, чтобы слу-

жить ей руководителемъ въ духовной жизни, также обратить къ Богу (т. е. въ католичество) ея семейство; наконецъ слѣдовать во всемъ откровенію, которое Богу угодно будетъ низпослать вамъ въ Московіи для соединенія этой великой церкви съ латинскою. Знаю, что рѣшимость огромна, но мнѣ извѣстна вѣра, дарованная вамъ отъ Бога, которою вы воодушевлены». Сорбонна, съ своей стороны, дала формальное полномочіе Жюбе (24 іюня 1728 г.), кончавшееся такъ: «мы не сомнѣваемся, милостивый государь, что вы *употребите всѣ средства* для возбужденія въ почтеннѣйшихъ епископахъ русской церкви желанія обратить вниманіе на важность этого дѣла».

Жюбе прибылъ въ Москву 20 декабря 1728 г., въ самый разгаръ власти и силы при русскомъ дворѣ Петра II родственниковъ его новой духовной дочери. Жюбе былъ человѣкъ уже пожилой (ему было 54 года) и ловкій на всѣ руки. Онъ старательно выставлялъ на показъ свою безупречную жизнь, свою воздержность, наконецъ знанія, для того чтобы сильнѣе былъ контрастъ съ тѣмъ, что Русскіе привыкли видѣть у себя передъ глазами. «Этотъ достойный пасторъ—по словамъ современника—Бурсье, доктора Сорбонны—соединялъ съ вкрадчивымъ обращеніемъ манеры, способныя для привлеченія умовъ. Каждый искалъ сообщества и бесѣды съ столь любезнымъ иностранцемъ и считалъ за честь быть знакомымъ съ нимъ». Въ началѣ обстоятельства видимо благопріятствовали Жюбе. Въ Москвѣ нашелъ онъ себѣ сильнаго покровителя въ испанскомъ посланникѣ, дюкѣ де-Лиріа. До какой степени послѣдній былъ пропитанъ католическою нетерпимостью, лучше всего видно изъ того, что когда его однажды пригласили къ нашему священнодѣйствію въ кремлевскій соборъ, то онъ сомнѣвался, можетъ-ли присутствовать при богослуженіи схизматиковъ и требовалъ разрѣшенія сначала отъ своего духовника, а потомъ изъ Рима. Испанскій посланникъ, какъ только узналъ о замыслахъ Жюбе, взялся ихъ поддерживать разными происками, а для огражденія его безопасности выдалъ Жюбе (1 марта 1829 г.) письменный видъ, что онъ посольскій духовникъ. «Чтобы имѣть болѣе возможности вести удобнѣе великое дѣло—замѣчаетъ Бурсье — и составить проекты, которые могли бы быть приняты, Жюбе убѣдилъ брата княгини Долгоруковой, князя Го-

лицына, уступить посланнику свой прекрасный загородный домъ. Здѣсь, въ величайшей тайнѣ, составлена была записка, доказывавшая духовныя и мірскія выгоды отъ соединенія церквей...» Вообще Жюбе успѣлъ на столько подвинуть свое дѣло, что уже началъ совѣщаться о соединеніи церквей съ Ѳеофилактомъ Лопатинскимъ, Варлаамомъ Вонатовичемъ, Евѳиміемъ Колетти и, кажется, съ Сильвестромъ, бывшимъ епископомъ рязанскимъ. Евѳимій Колетти — по словамъ Жюбе — былъ особенно склоненъ къ его предложенію, потому что былъ врагомъ Ѳеофана Прокоповича, котораго не терпѣли и вышеозначенныя лица. Изъ словъ самаго Жюбе видно впрочемъ, что они не очень поддавались на его предложенія и что всѣхъ ихъ страшили власть и притязанія римскаго двора. Несомнѣнно только то, что Жюбе былъ въ сношеніяхъ именно съ тѣми лицами, о которыхъ начались розыски при воцареніи Анны. Жюбе приказано было выѣхать изъ Россіи въ 1731 г., потому что онъ былъ признанъ опаснымъ человѣкомъ [1]).

Такимъ образомъ можно полагать съ достовѣрностію, что виды Рибейры совпадали съ видами Жюбе. Мы упомянули уже о нѣкоторыхъ русскихъ духовныхъ лицахъ, которыхъ они до нѣкоторой степени увлекли въ свою пользу и отъ которыхъ надѣялись содѣйствія при осуществленіи своихъ плановъ. Главнымъ изъ нихъ былъ новоспасскій архимандритъ Евѳимій Колетти; но подлѣ него также знакомцемъ Рибейры выдается бывшій чудовскій архимандритъ Ѳеофилъ Кроликъ, правда, не очень расположенный къ католичеству, но обстоятельствами введенный, можетъ быть незамѣтно для него самаго, въ сѣть католической пропаганды. Поводомъ къ сближенію его съ Рибейрой было можетъ быть то, что онъ жилъ прежде за границей, гдѣ видѣлся и работалъ вмѣстѣ съ іезуитами, объяснялся на иностранныхъ язы-

[1]) Свѣдѣнія эти заимствованы изъ изданной въ 1753 г. въ Парижѣ книги: Histoire et analyse du livre de l'action de Dieu, въ III томѣ которой на стр. 275 — 528 есть Relation des démarches faites par les doctoeurs de Sorbonne pour la reunion de l'Eglise de Russie. Извѣстіе это составлено докторомъ Сорбонны Бурсье, на основаніи его личныхъ воспоминаній, подлинныхъ документовъ и разсказовъ Жюбе.

Графъ Д. А. Толстой, въ сочиненіи своемъ Le Catholicisme romain en

кахъ и интересовался иностранными событіями [1]). Первый познакомился съ Рибейрою Кроликъ, проживавшій въ ту пору безъ всякаго дѣла въ новоспасскомъ монастырѣ. Это была упавшая

Russie (Paris. 1863, I. 164, 165) говоритъ о совращеніи Долгоруковой и о Жюбе на основаніи другаго источника,—именно Histoire abrégée de l'Eglise metropolitaine d'Utrecht. Utrecht 1765. — Въ статьѣ Пекарскаго: отзывъ о сочиненіи — Ѳеофанъ Прокоповичъ (Отчетъ о десятомъ присужденіи уваровскихъ премій Спб. 1868 г.) приведены изъ архивнаго дѣла, производившагося по Суноду и Кабинету при Императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ, показанія самой Долгоруковой о совращеніи ея въ католичество и о помянутомъ Жюбе. «Въ бытность ея въ Голландіи съ 1726 года, за неимѣніемъ россійскаго священника исповѣдывалась и причащалась въ болѣзни въ томъ 1726 году, а потомъ, какъ и выздоровѣла, вторично, а въ 1727 году третично и у причастія была у римскаго ксенза Даленора, который-де жительство имѣлъ близъ Голландіи въ Гагѣ; понеже она грекороссійской вѣры съ римскимъ костеломъ никакого различія и несогласія простотою не разумѣла, и оный ксензъ въ разговорахъ сказывалъ ей, что-де какъ грекороссійская вѣра седмь таинствъ почитаетъ, также и мы тѣ таинства почитаемъ-же; а хлѣбъ-де какъ подъ двѣма видами, такъ и подъ однимъ видомъ все едино, потому что-де одна Церковь: только-де въ происхожденіи Св. Духа нѣкое имѣетъ римская съ грекороссійской церковью разнствіе. А сперва-де въ исповѣдь и причастіе вступила къ нему ксензу по такому случаю, что какъ онъ ксензъ, такъ и прочіе ксензы и другихъ вѣръ, а именно католики и люторы, по тамошнему обхожденію, въ квартирѣ у нихъ бывали неоднократно и она къ нимъ ѣзжала-жъ. И когда она въ первый разъ исповѣдывалась, и предъ тѣмъ временемъ оный ксензъ, по прежней знаемости, пришелъ къ ней княгинѣ на квартиру, объявя ей, что увѣдомился о болѣзни ея и пришелъ для посѣщенія, и притомъ по разговорамъ видя себя она, княгиня, въ тяжкой близъ смерти болѣзни, за неимѣніемъ тамо россійскаго священника, просила его, чтобъ онъ ее исповѣдалъ и причастилъ. А какъ потомъ выздоровѣла, двоекратно, по исповѣди того-жъ ксенза, причащалась въ костелѣ его Даленора, безъ публики, въ раннія мши, которыя для одной ея причастія и отправляютъ. — Римскій бѣлый попъ, который назывался Лакуромъ, изъ Голландіи пріѣзжалъ съ нею въ Россію не для содержанія ея княгини въ римской религіи, но для обученія ея дѣтей французскаго и другихъ языковъ, который и въ Голландіи ихъ, будучи для того ученія, обучалъ же. (Это показывала княгиня несправедливо, что̀ потомъ объяснено самими католиками очень обстоятельно). Она-жъ, княгиня, по довольномъ отъ св. Сунода увѣщаніи, въ приполненіе говорила: оный-де учитель при столѣ ихъ во время обѣда и ужина и о вѣрѣ, по случаямъ и времени, что какъ ихъ римская, такъ и грековосточная имѣются въ равности, разговоры имѣлъ, а никакой разни не

---

[1]) «Нѣкоторые изъ синодальныхъ членовъ — пишетъ Берхгольцъ — люди очень образованные и ученые, въ особенности архіепископы новгородскій и псковскій, и еще одинъ по имени Кроликъ, который говоритъ на многихъ языкахъ и, между прочимъ, довольно свободно объясняется по нѣмецки.» Дневникъ Берхгольца, IV, 113,

знаменитость духовнаго круга. Что было причиной его паденія, мы не знаемъ. Но для связности разсказа вспомнимъ его прежнюю исторію.

Съ 1716 по 1722 г. онъ находился за границей въ Прагѣ, для перевода Будеева нѣмецкаго лексикона на русскій языкъ. По возвращеніи въ Россію, опредѣленъ былъ въ Сѵнодъ ассессоромъ [1]) и посвященъ въ іеродіакона и іеромонаха. Въ слѣдую-

---

сказывалъ. А потомъ сказала: при столѣ-де ихъ тотъ ксензъ разговоры о вѣрѣ имѣлъ въ такой силѣ: хотя-де разность о происхожденіи Св. Духа и есть, только-де все единъ Богъ, какъ отъ Отца, такъ отъ Отца и Сына происходитъ, почему за неумѣніемъ и она тожъ разумѣла. А съ 1728 г., по пріѣздѣ изъ Голландіи въ Россію, по 1732 г., она княгиня отцевъ духовныхъ не имѣла простотою своею, а напаче отъ приключившихся ей печалей и домашнихъ суетъ безъ всякаго умысла и сумнѣнія. А какъ-де генералъ и кавалеръ графъ Ушаковъ въ 1732 году пріѣхавъ къ ней княгинѣ въ домъ, объявилъ именной блаженныя памяти Государыни Императрицы словесный указъ, что-де велѣно ее княгиню спросить: чего ради она отца духовнаго не имѣетъ и чтобъ она исповѣдалась и причастилась, а отъ ея-де императорскаго величества и священникъ пришлется, что-де она тогда-жъ и учинить обѣщалась. А потомъ того-жъ дня присланъ былъ къ ней кадетскаго корпуса іеромонахъ Лука, что нынѣ преосвященный епископъ казанскій, и объявилъ, яко она находится въ католицкомъ законѣ. На что-де она ему объявила, какъ и выше показано, что вступила въ духовность къ римскому ксензу въ болѣзни за неимѣніемъ въ Голландіи россійскаго священника.»—Княгиня по виду обратилась въ православіе, оставаясь скрытной католичкою. Въ 1746 г. 27 марта Императрица Елисавета Петровна, узнавши объ этомъ, дала именной указъ Сѵноду:... «дабы таковые отметники отъ православныя Восточныя церкви, родившіеся въ православіи и отъ правовѣрныхъ родителей, въ нашей имперіи терпимы не были, а другіе, на то смотря, отъ такой лукавой прелести остерегались» взять Долгорукову вмѣстѣ съ дѣтьми, въ Сѵнодъ для изслѣдованія и увѣщанія. Послѣ допросовъ и показаній изустнымъ повелѣніемъ Государыни приказано было князя Сергѣя Долгорукова съ сыномъ Николаемъ отослать въ саввинъ сторожевскій монастырь—перваго на годъ, а втораго на нѣсколько мѣсяцевъ; а за женою его и дочерью, княжною Анною, приказано строжайше наблюдать, чтобы онѣ исполняли всѣ обряды православной церкви. Два другіе сына, князья Александръ и Владиміръ, прибывшіе въ томъ же году изъ Парижа, по испытаніи ихъ въ Сѵнодѣ, оказались въ православно-восточной грекороссійской вѣрѣ и законѣ не тверды и сумнительны, почему и приказано было отправить ихъ для утвержденія въ законѣ къ учителямъ александро-невской семинаріи.

[1]) Въ дѣлахъ Архива св. Сѵнода есть рѣчь его къ Сѵноду при назначеніи ассессоромъ, 26 марта 1722 г. Въ Памятныхъ Запискахъ Государя (Кабин. дѣла, I, № 31 л. 80), въ слѣдъ за замѣткой о благополучномъ вступленіи русскихъ войскъ въ главный городъ Гилянскій Рящъ, неизвѣстной рукой написано: «сіе писано въ 25 день и отдано для меморіи Кролику, чтобы внесъ въ казанье, которое говорилъ того числа на благодарномъ молебнѣ 1723 года».

щемъ году, послѣ посвященія чудовскаго архимандрита Ѳеофилакта Лопатинскаго въ тверскіе епископы, Государь приказалъ посвятить на его мѣсто въ архимандриты Ѳеофила Кролика, и почти сряду за тѣмъ назначилъ его синодальнымъ совѣтникомъ. Ѳеофилъ оставался въ Сунодѣ до 16 декабря 1726 г.; потомъ отрѣшенъ отъ Сунода и велѣно ему быть при своемъ монастырѣ. Въ мартѣ 1727 г., по указу изъ Верховнаго Тайнаго Совѣта, Сунодъ выбралъ и отправилъ его, вмѣстѣ съ тронцкимъ протопопомъ Иваномъ Семеновымъ, въ Верховный Тайный Совѣтъ въ качествѣ депутатовъ съ духовной стороны къ сочиненію уложенія. Но еще до начала дѣйствій законодательнаго собранія онъ получилъ другое назначеніе. Въ маѣ 1727 года, по указу изъ Верховнаго Совѣта и, вѣроятно по происканъ Дашкова, либо Игнатія Смолы, приказано было отправить его къ русскому войску, идущему за границу на помощь цесарцамъ, «ради искусныхъ съ чужестранными духовными людьми поступковъ». Это ужъ опала. «Который указъ — писалъ Кроликъ — хотя и безъ малой печали могъ быть мнѣ, для того, что по трудныхъ долгихъ службахъ моихъ, чрезъ дальное и бывшему чину моему не зѣло приличное странствованіе, лишалъ меня хоть соразмѣрнаго, трудомъ снискапнаго и надѣяннаго домашняго при архимандріи покоя; однако яко сынъ послушанія въ исполненіи того указа подписался со всякимъ покореніемъ и радостію, что хотя въ такомъ чину, бывшую мою вѣрную службу къ блаженной памяти высокимъ предкамъ имѣлъ случай продолжать къ ново тогда Богомъ избранному и счастливо начавшему владѣніе его императорскому величеству.» Велѣдъ за этимъ послѣдовалъ другой указъ, которымъ велѣно было отрѣшить его отъ чудовской архимандріи, и отдать ее прежде бывшему архимандриту Геннадію. «Помянутый указъ — продолжаетъ Кроликъ — съ какимъ умерщвленіемъ, горестію и стыдомъ не токмо исполнять, но и слышать мнѣ прилучилося, хотя довольно изобразить трудно, ибо прежде того въ подобные короткіе походы отправляемые архіереи, архимандриты, іеромонахи и простые священники не токмо честей своихъ лишаемы не бывали, но и вящшимъ ихъ имп. величествъ призрѣніемъ снабдѣвались, а я такъ сильнымъ указомъ не въ послѣднемъ степени поставленъ безъ суда и примѣру извержепъ. Но и тотъ тяжкій указъ съ послушаніемъ я

исполнилъ во всякой терпѣливости, и якобы въ важныхъ проступкахъ уже сужденъ, обличенъ и осужденъ, уступилъ архимандрію ему, Геннадію». Вслѣдствіе перемирія между державами, вспомогательное войско не вступило за границу; а потому Ѳеофилъ остался въ Москвѣ. Чудовскій архимандритъ предложилъ ему гостепріимство въ своемъ монастырѣ: но Ѳеофилъ отказался, стѣсняясь своимъ новымъ положеніемъ передъ братствомъ, и пріютился въ новоспасскомъ монастырѣ. «И остался я — продолжаетъ Ѳеофилъ — яко гражданскі или натурально умершій безъ всякаго призрѣнія: первое въ томъ, что запрещенія мнѣ и чина священнослуженія не показано; второе, что ни кельи, ни пропитанія мнѣ не назначено, яко забвенному извергу, что и въ великихъ винахъ, не токмо духовнымъ, но и свѣтскимъ злодѣямъ по правамъ промышляется для самаго Бога и должнаго къ ближнему сострадапія. А я при немуществѣ моемъ живу и питаюся у тѣхъ, которые своимъ благосердіемъ и моимъ прошеніемъ на то подвигнуты». Тутъ-то онъ встрѣтился и познакомился съ Рибейрой, котораго и рекомендовалъ потомъ новоспасскому архимандриту Евоимію Колетти. Съ восшествіемъ на престолъ Императрицы Анны, Ѳеофилъ опять сталъ на ноги, хоть и не надолго. Высочайшимъ указомъ 16 сентября 1730 года велѣно было опредѣлить его архимандритомъ въ новоспасскій монастырь на мѣсто Евоимія, переведеннаго въ Чудовъ.

Жизнь предшественника его по новоспасскому монастырю разнообразнѣе и богаче приключеніями.

Когда царевичъ въ 1710 г. былъ за границей, то, не имѣя при себѣ русскаго священника, пригласилъ греческаго. Это и былъ *Ливерій (Елевѳерій) Колетти*, учитель греческой школы въ Але, занимавшійся кромѣ того въ тамошней типографіи изданіемъ греческихъ книгъ. Въ ту пору проживалъ въ Але «для обученія наукъ» сынъ графа И. А. Мусина-Пушкина Платонъ Мусинъ-Пушкинъ. Кажется онъ-то и рекомендовалъ Ливерія царевичу. Это было еще до сочетанія бракомъ Алексѣя Петровича. Царевичъ пригласилъ его въ Россію и рекомендовалъ И. А. Мусину-Пушкину и митрополиту Стефану для опредѣленія въ школу или гдѣ имъ будетъ потребенъ [1]). «А какъ онъ Стефану митрополиту явился, —

[1]) «И покамѣстъ его не опредѣлятъ — писалъ онъ къ своему духовнику

продолжаетъ самъ Колетти въ одномъ своемъ показаніи — и тогда оный Стефанъ митрополитъ опредѣлилъ его на обученіе поповыхъ дѣтей въ Москвѣ въ греческую школу; а потомъ — а въ которомъ году не упомнитъ — по письму государя цесаревича пріѣхалъ онъ изъ Москвы въ С. Петербургъ, откуда и отправился съ царевичемъ въ Германію. Какъ былъ царевичь въ Карлсбадѣ, въ ту пору былъ его духовникомъ. Уѣзжая изъ Карлсбада, царевичь оставилъ его въ Берлинѣ у Александра Головкина, взявши съ него обѣщаніе опять возвратиться къ его высочеству. Ливерій выпросился тѣмъ временемъ у Александра Головкина въ Венецію повидаться съ родными и провѣдать, гдѣ мать, которая была въ плѣну. По возвращеніи изъ Венеціи былъ въ Эренбергѣ, гдѣ сидѣлъ царевичь, а оттуда проѣхалъ въ Берлинъ. Изъ Берлина, по указу его величества, Петра I-го, отправленъ въ Шверинъ къ государынѣ цесаревнѣ Екатеринѣ Іоанновнѣ. Здѣсь онъ встрѣтилъ Ивана Аѳанасьева (царевичева камердинера). Аѳанасьевъ спросилъ его: гдѣ государь-царевичь обрѣтается? Ливерій сказалъ, что онъ не знаетъ. Аѳанасьевъ говорилъ ему: можно ли тебѣ царевича сыскать? Ливерій отвѣчалъ ему, что русскому человѣку сыскать невозможно; а ежели онъ поѣдетъ, то сыскать можетъ. Аѳанасьевъ далъ ему 200 червонцевъ, цифирную азбуку и письмо къ царевичу. Но царевича онъ не видалъ; а гдѣ онъ былъ, про то онъ вѣдалъ, и желалъ быть у него, да въ крѣпость не пустили. Послѣ того онъ пріѣхалъ въ Берлинъ къ Александру Головкину и сказывалъ, что царевичь обрѣтается въ Эренбергѣ; а того, что Аѳанасьевъ его къ царевичу отправилъ и далъ ему червонныхъ и цифирныя азбуки, по которымъ имъ переписываться, ему, Александру, не сказывалъ».

Все это Ливерій показалъ въ С. Петербургѣ, въ розыскѣ Тайной канцеляріи по дѣлу царевича. Но какъ его показанія являлись не совсѣмъ невинными и, главное, розныли съ показаніями Большова-Аѳанасьева, то Кабинетъ рѣшилъ 4 марта (1718 г.) лишить его священства и въ сущей правдѣ имъ розыскивать. Съ трехъ

Якову Игнатьеву — домомъ также и жалованьемъ, изволь ему дать по разсмотрѣнію денегъ; такожъ первые дни, покамѣстъ сыщетъ себѣ гдѣ жить и буде будетъ васъ просить, благоволи его у себя держать, дондеже обрящетъ мѣсто покоищу своему. Изъ Торуня, 23 янв. 1712 г.»

розысковъ (5, 8 и 11 марта) [1]) Ливерій показалъ, что у царевича, какъ онъ былъ въ бѣгахъ, онъ не бывалъ и его не видалъ, а ѣздилъ онъ, чтобы его сыскать и жить у него царевича; а думалъ уговаривать его по прежнему къ отцу. А Иванъ Аѳанасьевъ въ застѣнкѣ на очной ставкѣ его уличалъ: «посылалъ онъ Иванъ его, Ливерія, къ царевичу, чтобы онъ его сыскалъ и былъ при немъ, а не въ томъ образѣ, чтобы его возвратить, и сказывалъ ему онъ Иванъ за секретъ, что царевичь ушелъ и не возвратится, чтобъ онъ ѣхалъ къ нему и жилъ при немъ царевичѣ.» Ливерій крѣпко держался своего показанія.—Въ 1718 г. 16 марта министры приговорили: «попу Ливерію, за вышеписанныя его всѣ вины, и что онъ слышалъ отъ Ивана Аѳанасьева о царевичѣ, что онъ въ бѣгахъ и къ нему царевичу поѣхалъ, взявъ 200 червонныхъ, и цифири составлялъ съ нимъ Иваномъ обще, по которымъ хотѣлъ переписываться, о чемъ онъ съ розыску во всемъ повинился, — учинить наказаніе и сослать вѣчно въ соловецкій монастырь». Петръ прибавилъ «въ тюрьму» [2]). Исполненіе по этому указу поручено было монастырскому приказу, т. е. Мусину-Пушкину, который медлилъ отправленіемъ Ливерія цѣлые 4 мѣсяца. Ливерій въ это время нашелъ милостивцевъ; но или просить было рано, или просьбы остались безплодными, только онъ долженъ былъ отправиться въ ссылку [3]).

Милостивцы, однакожъ, нашли свое время для просьбы. Въ 1721 г., февраля 17, молодые Кантемиры, сыновья стараго князя Дмитрія Кантемира, подали Государю прошеніе отпустить къ нимъ Ливерія [4]), «понеже прежде бывый у насъ, нижайшихъ вашего царскаго величества рабовъ, учитель іерей Настасій Кон-

---

[1]) *Устряловъ*, Ист. Петра В., т. VI, стр. 182, примѣч. 22.

[2]) Государст. Архивъ. Дѣла царевича. Картонъ VII, № 118.

[3]) Рапортъ Римскаго-Юрьева графу И. А. Толстому о Ливерію. «Доношу вашему превосходительству. По имянному царскаго величества указу разстрига Ливерій въ соловецкій монастырь изъ монастырскаго приказу посланъ и велѣно его содержать въ тюрьмѣ вѣчно подъ крѣпкимъ карауломъ. А сего іюля четвертаго надесять числа писали къ Великому Государю того соловецкаго монастыря казначей съ братіею, и посланный вахмистръ въ доѣздъ за рукою написалъ: тотъ разстрига Ливерій въ томъ соловецкомъ монастырѣ принятъ и въ тюрьму посаженъ. Римскій-Юрьевъ. Москва, 1718 г. іюля 16.

[4]) Кабинетн. дѣла, отд. II, кн. 55.

долги, который училъ насъ еллино-греческаго, латинскаго и итальянскаго языковъ, высочайшимъ вашего царскаго величества изволеніемъ и повелѣніемъ взятъ въ службу вашего царскаго величества: то мы чрезъ четыре уже мѣсяца безъ всякаго ученія пребываемъ, инаго же означенныхъ языковъ совершенно искуснаго (учителя) имѣть не можемъ. И тако онаго лишены суще, припадаемъ къ высочайшимъ вашего царскаго величества стопамъ и всепокорно просимъ, дабы (аще возможно есть) милостивѣйше соизволилъ повелѣть на нашъ пароль отдать іерея Ливерія Колетія, который по указу вашего царскаго величества въ соловецкій монастырь сосланъ, понеже онъ вышереченныхъ языковъ предовольно искусенъ: и когда-либо ваше царское величество отъ насъ его востребовать изволитъ, мы всегда готовы его поставить.» [1]) Старый князь Дмитрій Кантемиръ, съ своей стороны, просилъ письмомъ кабинетъ-секретаря Макарова подать эту «супплику» дѣтей его въ удобный часъ его царскому величеству, и какое его царскаго величества отвѣтствіе будетъ, безъ увѣдомленія его не оставить [2]). Но просьба не имѣла успѣха. Ливерій оставался въ ссылкѣ до смерти Екатерины и, находясь въ заточеніи, разорвалъ всякую связь съ своимъ несчастнымъ прошедшимъ, постригся въ монашество и названъ Евоміемъ [3]).

Прошло долгихъ восемь лѣтъ до времени его освобожденія.

---

[1]) *Пекарск.* Наука и Литература при Петрѣ В. ч. I. стр. 572.

[2]) «При подобающемъ моемъ благородію вашему поздравленіи посылаю три супплики: одну дѣтей моихъ о священникѣ Ливеріи Колетіи, который по указу его царскаго величества въ соловецкомъ монастырѣ въ ссылкѣ обрѣтается; другую — мою о мызѣ; третью — брата моего; о которыхъ всѣхъ и уже предлагалъ благородію вашему и прошу въ удобный часъ оныя подать его царскому величеству. И какъ на прежде поданную мной суппліку, такъ и на сіи, какое его царскаго величества отвѣтствіе будетъ, прошу безъ увѣдомленія меня не оставить, за который благородія вашего трудъ съ возблагодареніемъ отслужить всячески обязуюсь, и притомъ остаюсь вашего благородія доброжелательный слуга Дмитрій Кантемиръ. 1721 г. февр. (Кабинетн. дѣла, II, № 55).

[3]) Впослѣдствіи Ливерій показывалъ: «въ монашескій чинъ постриженъ онъ въ соловецкомъ монастырѣ по отсылкѣ его въ тотъ монастырь спустя съ годъ и болѣе, до бытности въ томъ монастырѣ архимандрита Варсонофія, по прописію его Елевоерія, намѣстникомъ того монастыря, а имени его не упомнитъ».

Надежда на лучшую участь показалась съ восшествіемъ на престолъ сына несчастнаго царевича, Петра II. Въ этотъ разъ надежда не обманула его. Государь приказалъ освободить его изъ заточенія.

Евоимій переждалъ первое впечатлѣніе послѣ возврата изъ ссылки и, высмотрѣвши положеніе дѣлъ и лицъ, нашелъ наконецъ удобное время для лучшаго устройства своего положенія. Въ 1728 году скончался бывшій сѵнодальный ассесоръ, новоспасскій архимандритъ Іероѳей Прилуцкій. Сѵнодъ хотѣлъ было опредѣлить на его мѣсто бывшаго своего члена, архимандрита Ѳеофила Кролика; но Евоимій въ то самое время подалъ въ Верховный Тайный Совѣтъ прошеніе объ оказаніи ему милости за заслуги передъ покойнымъ родителемъ Государя, говоря прямо объ опредѣленіи его архимандритомъ въ новоспасскій монастырь — одинъ изъ первыхъ монастырей въ Россіи, гдѣ архимандритъ былъ сѵнодальнымъ членомъ [1]). Верховный Тайный Совѣтъ передалъ его прошеніе въ Сѵнодъ. Сѵнодъ, разсудивши о заслугахъ іеромонаха Евоимія, опредѣлилъ его новоспасскимъ архимандритомъ. Въ 1730 г., когда въ сѵнодальное присутствіе введены были архимандриты, Евоимій выбранъ въ сѵнодальные члены. Въ это время онъ познакомился съ герцогомъ Лирійскимъ и съ Рибейрой. Оба они пріѣзжали къ нему въ новоспасскій монастырь, а Рибейра сдѣлался у него

---

[1]) «Всепресвѣтлѣйшій и державнѣйшій великій Государь Императоръ и самодержецъ всемилостивѣйшій. Сущу мнѣ нижайшему рабу и теплѣйшему богомольцу вашего императорскаго величества, въ саксонской академіи въ градѣ Але, и тамо греческому языку учащу и греческому истинѣнію ихъ исправляющу, явися его высочество государь царевичь и великій князь, преблаженныя памяти Алексій Петровичь, родитель вашего императорскаго величества, еще исперва въ Лейпцигѣ, гдѣ слышавъ о мнѣ, послалъ и взявъ къ себѣ пребылъ при его высочествѣ отъ того времени яко духовный отецъ его высочеству не малое время. Егда же здравія ради его высочество карлсбадскія воды употреблять изволилъ, взялъ паки съ собою и изъ Санкт-Петербурга Карлсбада дондохомъ. И по употребленіи тѣхъ водъ возвращаяся, по прошенію моему, дабы съ родники моими повидатися, въ Берлинѣ оставилъ мя въ дому сіятельнѣйшаго графа Александра Гавріиловича Головкина, съ клятвою паки къ его высочеству возвратитися. Но егда возвратился изъ Венеціи въ Берлинъ, указомъ его императорскаго величества, вѣчнодостойныя памяти дѣда вашего императорскаго высочества, жити мя послали при ея величествѣ государынѣ царевнѣ Екатеринѣ Іоанновнѣ въ Шверинъ, по прошенію ея высочества. Егда же отшествіе его высочества государя царевича и вел. князя вѣчнодостойныя

своимъ человѣкомъ. Однажды, пришедши къ Евонмію, онъ принесъ съ собою Буддееву книгу съ бранью на Камень Вѣры и на Стефана Яворскаго и оставилъ ему для прочтенія. Такъ какъ въ этой книгѣ было поношеніе и ругательство на покойнаго Стефана митрополита рязанскаго и на тверскаго архіепископа, то Евонмій, желая познакомить съ нею послѣдняго (Ѳеофилакта), привезъ къ нему на подворье Буддееву книгу и сказалъ, что въ ней большое ругательство на св. церковь, на Стефана и на него.

Въ одно время съ Евонміемъ былъ у Ѳеофилакта архимандритъ Платонъ Малиновскій, который назначенъ былъ въ кіево-печерскій монастырь, но, не принятый братствомъ, остался пока въ Москвѣ, гдѣ и получилъ новое почетное назначеніе. Платонъ сказалъ, что нужно написать на эту книгу возраженіе въ защиту св. церкви. Ѳеофилактъ отвѣчалъ, что онъ будетъ писать противъ Буддея, и просилъ оставить у него Рибейрина экземпляръ его книги, надѣясь извинпться передъ нимъ при слѣдующемъ свиданіи. Вскорѣ послѣ того онъ увидѣлся съ Рибейрой на обѣдѣ у испанскаго посланника и еще разъ просилъ позволенія попользоваться его книгой, пока можно будетъ. Рибейра позволилъ съ любезностію.

«Бѣдный Стефанъ митрополитъ, и по смерти его побиваютъ камнями»—говаривалъ Ѳеофилактъ, читая Буддееву книгу. Въ раз-

---

памяти Алексія Петровича изъ С.-Петербурха случилося быти: не знаю коимъ моимъ злощастіемъ въ подозрѣніе впадохъ Петра Толстаго, яко духовникъ е. в., и въ страшномъ ономъ испытаніи мнѣ тогда бывшу, лишенъ отъ всѣхъ моихъ въ соловецкій монастырь неповинно заточенъ и въ темной темницѣ заключенъ, гдѣ и монашескій чинъ возпріялъ. А нынѣ милосердымъ указомъ вашего императорскаго величества, для многолѣтняго здравія вашего императорскаго величества и для вѣчнодостойныя памяти его высочества государя царевича и великаго князя Алексія Петровича, родителя вашего императорскаго величества, за толикихъ моихъ страданій, нѣкое милостивое опредѣленіе о мнѣ учинить онымъ, сирѣчь, милосердіемъ, имъ же ваше императорское величество обѣщался еси обидимыхъ вспомогать и притекающихъ къ вашему величеству отъ себе не отгнати и имиже и родитель вашего императорскаго величества вѣчнодостойныя памяти присно мя снабдѣлъ. И есмь вашему императорскому величеству покорный рабъ и богомолецъ Ливерій Іоанновъ сынъ, священникъ грекъ бывшій, а нынѣ въ монашествѣ Евонмій. Писалъ своею рукою въ 1720 году 14 Октомврія. Дѣла архива св. Сунода, 1728 г., № 267.

говорахъ съ довѣренными людьми Ѳеофилактъ прямо высказывалъ, что Буддеева апологія подложная, сочинена Ѳеофаномъ Прокоповичемъ и напечатана друзьями его въ Ригѣ или въ Ревелѣ.

Князь Д. М. Голицынъ, почитатель памяти Яворскаго, также просилъ Ѳеофилакта написать отвѣтъ на эту апологію. Ѳеофилактъ согласился и, по удаленіи изъ Сѵнода возвратившись въ епархію, началъ писать отвѣтъ Буддею, но дошедши до одного мѣста, приведеннаго изъ сочиненій Василія Великаго, о которомъ сомнѣвался, точно ли оно принадлежитъ этому святому отцу, остановился, не имѣя нужныхъ книгъ подъ руками. Въ это время дошло до него извѣстіе о кончинѣ рижскаго протоіерея Семена Ярмирковскаго, человѣка образованнаго, изъ воспитанниковъ московской академіи. Ѳеофилактъ зналъ, что онъ оставилъ послѣ себя хорошую библіотеку, которая не нужна его наслѣдникамъ, и рѣшился купить ее. Отправивъ по этому случаю въ Ригу калязинскаго архимандрита, Іоасафа Маевскаго, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ далъ ему и другое порученіе — привезть образчики латинскихъ шрифтовъ рижской типографіи, въ которой будто бы онъ хотѣлъ напечатать свою книгу. Вѣроятно, Ѳеофилакту хотѣлось увѣриться въ своихъ подозрѣніяхъ на счетъ мѣста изданія Буддеевой апологіи. Архимандритъ Маевскій ѣздилъ въ Ригу съ 25 ноября по 27 декабря 1730 года.

Съ помощію купленной библіотеки, Ѳеофилактъ кончилъ книгу — *Апокризисъ* или *Возраженіе на письмо Буддея*. Но какъ она написана была безъ высочайшаго повелѣнія, то онъ рѣшился просить князя Голицына, чтобы тотъ постарался о «исходатайствованіи у ея императорскаго величества позволенія писать тое книгу.» Уполномоченнымъ лицомъ для переговора съ Голицынымъ опять былъ тотъ же архимандритъ Іоасафъ Отправляя его въ Москву, гдѣ въ ту пору былъ Дворъ послѣ коронаціи Императрицы, съ письмомъ на имя князя, Ѳеофилактъ вручилъ ему пять тетрадей русскаго перевода книги и полный латинскій оригиналъ съ тѣмъ, что если Голицынъ полюбопытствуетъ узнать содержаніе всей книги, то Іоасафъ объяснилъ бы ему оное переводомъ съ латинскаго оригинала. Но, боясь всего и всѣхъ, онъ крѣпко наказывалъ Іоасафу: «не будь де и ты перекидчикомъ.» — «Какимъ перекидчикомъ?» спросилъ Іоасафъ. «Не перекинься къ новгородскому и не отдай моей книги». Іоасафъ обѣщалъ не сдѣлать этого.

По пріѣздѣ въ Москву, Іоасафъ, за болѣзнію Голицына, цѣлыя три недѣли не могъ представить ему письма и рукописи. Наконецъ князь принялъ его, хотя еще не оправился и былъ въ постели. Выслушавъ письмо, которое читалъ меньшой его братъ, князь поблагодарилъ преосвященнаго и спросилъ Іоасафа: «такъ онъ на книгу Буддея пишетъ?» Архимандритъ отвѣчалъ: «да» и положилъ на столъ тетради самаго сочиненія. Князь сказалъ, что ему читать теперь нельзя (потому что у него руки были обвязаны). Архимандритъ повторилъ просьбу Ѳеофилакта объ исходатайствованіи высочайшаго позволенія на печатаніе этой книги. Князь отвѣчалъ, что онъ самъ, за болѣзнію, стараться не можетъ, но чрезъ другихъ стараться будетъ, и въ этомъ смыслѣ поручилъ отписать къ преосвященному.

Получивъ отъ Ѳеофилакта письмо, чтобы на сырной недѣлѣ быть въ Тверь, Іоасафъ хотѣлъ еще разъ сходить къ Голицыну, чтобы развѣдать о положеніи дѣла и спросить, не будетъ ли ему угодно дать письмо къ преосвященному? На послѣднее князь отвѣчалъ, что, за болѣзнію, писать не можетъ; а на первое повторилъ тоже, что говорилъ прежде, но прибавилъ съ укоромъ, что «преосвященному скоро этого хочется. Ужъ если книга написана, то позволеніе, надѣюсь, будетъ, а тѣмъ временемъ пусть исправляетъ.» И приводилъ примѣры древнихъ св. отцовъ, Василія Великаго, Іоанна Дамаскина и прочихъ, которые, написавъ свои книги, долгимъ временемъ исправляли, а потомъ объявляли міровн. «Да и преосвященный Стефанъ митрополитъ книгу Камень Вѣры написавъ исправлялъ долгимъ временемъ, и она напечатана уже послѣ его смерти.» Прибывши въ Тверь въ субботу на сырной недѣлѣ, Іоасафъ передалъ Ѳеофилакту всѣ рѣчи Голицына.

Ясно было, что съ этой стороны не было сильнаго желанія оказать просимое содѣйствіе. Ѳеофилактъ рѣшился обратиться за помощію къ другому лицу. Это былъ архимандритъ Варлаамъ, духовникъ Императрицы. Ѳеофилактъ считалъ его человѣкомъ мужественнымъ, благочестивымъ и очень сильнымъ при Дворѣ. Онъ отправилъ къ нему того же Іоасафа съ письмомъ, въ которомъ откровенно объяснилъ свои желанія. «Изъ дальныхъ странъ пишутъ о противностяхъ нашей вѣрѣ — писалъ Ѳеофилактъ Варлааму — а мы и близъ-живущіе о св. церкви радѣнія не имѣемъ».

Въ то же время Іоасафъ уполномоченъ былъ доложить духовнику словесно, что «если Сѵнодъ не позволитъ писать ему, Ѳеофилакту, противъ той книги, то хотя бы повелѣлъ новгородскому архіерею писать противъ нее. Только онъ не надѣется, чтобы новгородскій такъ сильно сталъ писать».

По прибытіи въ Москву Іоасафъ вручилъ письмо архимандриту Варлааму на первой недѣлѣ великаго поста во вторникъ. Прочитавъ письмо, духовникъ приказывалъ ему побывать у себя въ другое время. Между тѣмъ въ тотъ же день пріѣхалъ къ нему на подворье курьеръ отъ Варлаама съ требованіемъ, чтобы онъ явился къ нему немедленно. Разными разговорами Варлаамъ задержалъ его часу до третьяго ночи, а потомъ прибыли къ нему князь Черкасскій и Ушаковъ: это была Тайная канцелярія. Варлаамъ выдалъ Ѳеофилакта. Іоасафу сдѣлали допросъ и отпустили. Вслѣдъ за тѣмъ потребовали въ Москву Ѳеофилакта.

Прибывши въ Москву Ѳеофилактъ допущенъ былъ во дворецъ и, выпросивъ разрѣшеніе писать на Буддея, сталъ было уже собираться въ Тверь, какъ явился къ нему посланный съ приказаніемъ опять явиться во дворецъ. Здѣсь Канцелярія взяла съ него сказку не только что не писать на Буддея, но и никому о той сказкѣ не сказывать подъ смертнымъ страхомъ. — «Какъ же это случилось, что сперва позволили писать противъ Буддея и обласкали, а потомъ запретили и писать и помнить объ этомъ»—спрашивалъ Маевскій у опечаленнаго Ѳеофилакта. Архіепископъ отвѣчалъ, что «въ бытность его во дворцѣ, въ полдень пріѣхалъ другъ новгородскаго преосвященнаго, князь А. М. Черкасскій и, знатно что по наговору онаго архіепископа, князь о томъ разговорилъ ея императорскому величеству. И все это препятствіе учинилось стараніемъ преосвященнаго новгородскаго».

Іоасафа напугали эти рѣчи не меньше, чѣмъ Ѳеофилакта. Отъ Двора запретили, подъ смертнымъ страхомъ, писать книгу, которая уже написана и которую онъ своими руками подносилъ и показывалъ и Черкасскому и Варлааму и Ушакову и смоленскому епископу Гедеону! Безъ сомнѣнія, узнаетъ объ этомъ и новгородскій архіепископъ, всѣхъ больше заинтересованный въ этомъ дѣлѣ! А тогда нельзя ждать ничего хорошаго. И встревоженный Іоасафъ далъ видъ, что хочетъ убраться поскорѣй въ свой мо-

настырь отъ непрошенныхъ непріятностей. Ѳеофилактъ отпустилъ его, спросилъ только, гдѣ же его тетради? Іоасафъ отвѣчалъ, что онѣ далеко заложены въ сапяхъ, но что когда преосвященный пожалуетъ къ нимъ въ Калязинъ къ троицыну дню, то онъ возвратитъ ихъ его преосвященству. Мы увидимъ послѣ, что Іоасафъ таилъ въ душѣ другія мысли.

Послѣ этого, дѣло, по видимому, затихло, но не надолго. То была тишина предъ грозою. Въ началѣ слѣдующаго года Дворъ переѣхалъ въ Петербургъ, Сунодъ тоже. Евѳимій и Платонъ оставались сунодальными членами по прежнему.

Эпизодически входятъ въ эту исторію нѣсколько лицъ, неимѣющихъ отношенія къ дѣлу Рябейры, но случайно попавшихъ въ эту сѣть.

В. К. Тредьяковскій, возвратясь изъ путешествія за границей, свелъ знакомство съ московской академіей — прежнимъ своимъ гнѣздомъ — и бывалъ у ректора Германа Концевича. Однажды встрѣтился съ нимъ въ заиконоспасскомъ монастырѣ архимандритъ Платонъ Малиновскій. Слово-за-слово: кто вы и откуда—спрашивалъ Платонъ. «Студентъ В. К. Тредьяковскій — рекомендовался пінта — бывалъ въ чужихъ странахъ, произошелъ разныя ученія, слушалъ и философію». «По разговору оказалось—говорилъ послѣ Платонъ—что эта философія самая атеистическая, яко бы и Бога нѣтъ».—Въ другой разъ Малиновскій встрѣтился съ нимъ въ Петербургѣ у невскаго архимандрита Петра Смѣлича. Въ компаніи были сунодальные члены и было пѣніе: пѣвчіе пѣли концертъ въ честь великомученицы Екатерины. Послѣ того Тредьяковскій, вынувъ тетрадь, подалъ Ѳеофану. Тотъ велѣлъ Тредьковскому прочесть ее вслухъ. «А въ ней были писаны стихи, зовомые сатиры, и въ оныхъ написана была укоризна на великороссійскихъ богословія учителей, яко бы они ничего не знаютъ; только какъ прочтутъ Камень Вѣры, то въ ученіе себѣ полагаютъ, мудрыми себя ставятъ». Малиновскій говоритъ, что и онъ слушалъ и, не смѣя протестовать, молчалъ.—Вскорѣ послѣ этого Платонъ еще разъ встрѣтился съ Тредьяковскимъ въ компаніи у священника

невской подмонастырной слободы. Въ гостяхъ были, кромѣ Платона, невскій архимандритъ Петръ, московскій донской архимандритъ Иларіонъ Рогалевскій, пріѣхавшій для посвященія въ казанскіе епископы, чудовскій—Евонмій Коллети и Тредьяковскій. Въ веселый часъ Тредьяковскій вздумалъ угостить своихъ собесѣдниковъ уже не чтеніемъ, а пѣніемъ сочиненной имъ псальмы. Малиновскій, предубѣжденный противъ піиты, разразился страшной бранью. «Ужъ не думаете ли вы, что, побывши въ чужихъ краяхъ, получили право порочить церковь православную своими ересями. Слава Богу, у насъ православная земля и православная Государыня, и за нечестіе кровь ваша еретическая прольется». Иларіонъ и Петръ уговаривали Платона успокоиться: «перестань, оставь, завтра выговоришь; тутъ ереси никакой нѣтъ; а если молодой человѣкъ въ чемъ и погрѣшилъ, то завтра пришлетъ къ вамъ псальму на домъ, поправьте, коли что найдете». Малиновскій сердился еще больше: «не его дѣло сочинять богословскія вещи, для которыхъ многіе имѣются достойнѣйшіе учители». За Платона вступился Евонмій и напалъ на Петра, что онъ ничего не знаетъ и не смыслитъ, «а то де подлинно тутъ много противности греческой православной церкви.» На другой день Тредьяковскій прислалъ свою псальму съ латинскимъ письмомъ къ Малиновскому. Тотъ, хладнокровно обсудивши дѣло, увидѣлъ, что онъ не правъ и, пріѣхавъ въ невскій монастырь къ обѣдни, благодарилъ Тредьяковскаго за письмо и просилъ прощенія, что напрасно его вчера шумно оскорбилъ, а псальма-де его никакого въ себѣ порока не имѣетъ. Въ этотъ разъ дѣло не имѣло другихъ послѣдствій; но послѣ попало въ процессъ Евонмія и Малиновскаго въ Тайной канцеляріи. Для насъ оно важно по намеку на отношеніе къ общему дѣлу церкви главныхъ ея правителей.—Это было въ мартѣ или апрѣлѣ 1732 года.

---

2. Молотокъ на Камень Вѣры. — Возраженіе на Молотокъ.

Полемика по поводу Камня Вѣры не оставила въ покоѣ и памяти сочинителя этой книги — митрополита Стефана.

Въ Россіи кто-то пустилъ бранную тетрадь, подъ названіемъ: «Разсужденіе о Камнѣ Вѣры» [1]) (по другимъ спискамъ: Молотокъ на Камень Вѣры) [2]). Кто былъ сочинитель этой тетради, не извѣстно; видно только, что онъ близко зналъ Яворскаго съ молодыхъ лѣтъ и, въ то же время, хорошо зналъ дѣла нашей церкви, ея ученіе и обряды. Тетрадь эта явилась не раньше 1731 года, судя по тому, что о Дашковѣ и его собесѣдникахъ говорится, какъ о павшихъ знаменитостяхъ и, кажется, мало была извѣстна въ то время, когда разгоралась полемика по поводу *Камня Вѣры*. По крайней мѣрѣ мы не встрѣтили ни одного указанія на нее ни въ оффиціальныхъ бумагахъ, ни въ частной перепискѣ. Но, по историческимъ и біографическимъ подробностямъ и по рѣшительному тону полемики, она важнѣе всѣхъ прочихъ сочиненій изъ этого круга.

Въ то время никто не отвѣчалъ на нее. Да и какъ было отвѣчать, когда *Камень Вѣры* былъ запрещенъ и выраженіе сочувствія къ нему и его сочинителю считалось государственнымъ преступленіемъ? Ѳеофилактъ хотѣлъ было писать противъ Буддея: Кабинетъ не позволилъ. А дѣло Рябейры и арестъ синодальныхъ членовъ за переводъ его сочиненія на русскій языкъ? Противъ Тайной канцеляріи не устоитъ никакое гражданское мужество, потому что у васъ отнимутъ характеръ страдальца за вѣру и убѣжденія и опозорятъ клеймомъ государственнаго преступника. Уже много лѣтъ спустя послѣ появленія Молотка, въ царствованіе Елизаветы Петровны, одинъ изъ почитателей памяти Яворскаго написалъ *Возраженіе на Молотокъ*, съ защищеніемъ Стефана отъ несправедливыхъ укоровъ и клеветъ его лютеранскаго автора. Но, сказать по правдѣ, защитникъ Стефана пересыпаетъ свои отвѣты такой крупной бранью, такими рѣзкими и ѣдкими выходками противъ автора *Молотка*, что его полемика приняла личный характеръ. Кромѣ того, *Молотокъ* имѣетъ еще то преимущество, что повсюду ссылается на факты и историческія указанія; напротивъ у его возражателя нѣтъ почти никакихъ

---

[1]) Рукоп. Рум. Муз., № 467.

[2]) Рукоп. Импер. Публ. Библ. по катал. Толст. Отд. IV, № 56.

свѣдѣній о томъ времени и дѣйствовавшихъ въ немъ лицахъ. Арсеній Маціевичь, авторъ Возраженія, по-видимому зналъ о Стефанѣ не больше того, сколько всякій зналъ о немъ изъ сохранившихся устно и печатно самыхъ общихъ свѣдѣній и, защищая его, онъ не опровергаетъ фактовъ, а только заподозриваетъ достовѣрность свидѣтеля. Мы изложимъ параллельно главнѣйшіе пункты этой полемики по сочиненіямъ Молотка и Возраженія на Молотокъ, такъ какъ они весьма важны для объясненія многихъ пунктовъ въ исторіи Ѳеофана и вообще для знакомства съ церковно-исторической жизнію Россіи въ первой половинѣ прошлаго столѣтія.

Авторъ Молотка начинаетъ свой разборъ съ біографіи Стефана, напечатанной въ Камнѣ Вѣры, подъ заглавіемъ: *сказаніе о творцѣ книги сея*. Онъ касается ея будто случайно, потому что раскрывши книгу прежде всего встрѣчаетъ это сказаніе; но въ сущности оно-то и было ему нужно.

1) «Сей родися въ Польшѣ отъ благородныхъ родителей шляхетской фамиліи». «Хотя сіе — пишетъ авторъ Молотка — до предлежащаго не касается и толковать бы не потребно; но первое сказаніе — неправда есть; ибо онъ, хотя имя Яворскій шляхетской въ Польшѣ фамиліи носитъ, да не шляхтичъ родомъ: отецъ его былъ и прочіе родственники нынѣ на Волыни въ польскомъ мѣстечкѣ Яворовѣ мѣщанѣ суть и называются по отечеству; а онъ, въ Кіевъ пришедъ, отъ мѣста *Яворскій* назвался. А хотя бы они съ тѣми Яворскими шляхтичами отъ единаго происхожденія были, да по правамъ того государства, ежели кто торгуетъ на аршинъ, лотъ и кварту, уже предки его тоя чести и преимущества лишаются».

2) «Отъ благочестивыхъ родителей». «Сія—по мнѣнію автора Молотка — вторая ложь; ибо довольно извѣстно, что въ Яворовѣ никакого греческаго исповѣданія не осталось, зане прежде рожденія Яворскаго унію воспріяли, и его родители уніаты были».

Маціевичъ, не имѣя самъ точныхъ свѣдѣній о родителяхъ Стефана, отвѣчаетъ на эти пункты только голословными укорами автору Молотка.

3) «Варлаамъ митрополитъ посла его въ Польшу для ученія.» «Здѣ — замѣчаетъ авторъ Молотка — хотя не упомнитъ

въ какое училище, но всѣмъ извѣстно, что въ Польшѣ нигдѣ иныхъ высокихъ училищъ нѣтъ, кромѣ іезуитовъ. Ибо точно показуетъ: «уже наученъ бысть философіи и богословіи», и отъ сего точно видимо, что онъ былъ не греческаго, но римскаго закона и сущій іезуитъ, понеже соборище папежское жестоко запрещаетъ богословію учить не токмо иновѣрныхъ, но и въ ихъ законѣ родившихся, ежели прежде не тяжкою клятвою утвердятъ — папу имѣть за главу и ихъ ересь утверждать и защищать даже до смерти. Сей же учился вначалѣ во Львовѣ, лежащемъ въ Малороссіи, а потомъ въ Познани, въ Великой Польшѣ у іезуитовъ, и тако во оный законъ іезуитскій дѣйствительно вступилъ».

Авторъ Возраженія отвѣчаетъ на это: «преосвященный Стефанъ, хотя бѣлцомъ будучи, и у іезуитовъ учился, однако когда къ церкви матери своей возвратился паки, церковь, о чадѣхъ своихъ состраждущая и Отцу небесному сообразная, примѣромъ блуднаго сына Стефана приняла и властію ключей Христовыхъ простила и разрѣшила, еже дѣлать готова не токмо своимъ сынамъ отпадшимъ, но и всѣмъ соперникамъ, еретикамъ, зловѣрникамъ, папистамъ, лютеранамъ и прочимъ.... Что же ты многократно порицаеши преосвященнаго Стефана, будто бы онъ отъ іезуитовъ посланъ въ Кіевъ съ Польши пришелъ: преосвященный же Ѳеофанъ, архіепископъ новгородскій, для чего у тебя не въ порицаніи, но паче въ похвалѣ, какъ послѣ увидится? А онъ такожъ хотя не іезуитомъ, однако базиліаномъ уніатомъ былъ, и въ Римъ сланъ — оттуду бѣжалъ и въ базиліанскомъ платьѣ въ Кіевъ пришелъ во время архіерея кіевскаго преосв. Варлаама Ясинскаго, и отъ него, какъ Стефанъ, къ церкви Божіей принятъ и разрѣшенъ. Якоже убо Ѳеофанъ въ томъ порицанія отъ тебя не имѣетъ, тако и Стефанъ имѣть не долженъ, понеже какъ у васъ ваши къ вамъ обращающіеся не порицаются, такъ и у насъ тоеже правило содержится. А паипаче для чего Мартина Лютера и Катеринки его монашествомъ папскимъ не токмо не порицаете, но и за святость пріемлете?...»

4) «Преосвященный Варлаамъ постриже его самъ». «Сіе паки неправда, но онъ пришелъ во Львовъ уже постриженъ, яко сущій волкъ въ одеждѣ овчей, яко тать, не входяй дверьми во дворъ овчій, но инудѣ прелазя; зане по уставамъ россійской церкви, а паи-

паче при патріархѣ Филаретѣ соборно уставленномъ—дабы всѣ отъ папежскаго закона пришедшіе въ восточную церковь всѣхъ предписанныхъ во ономъ ересей отреклись и проклялп, а греческой церкви уставы содержать твердо и нерушимо подъ клятвою обѣщались — точно изображено. А оный Яворскій того не учинилъ и тако татски въ восточную церковь вкрался».

«Лжеши — отвѣчаетъ возражатель — и по единому посягательству клевещеши. Ежели тебѣ недостовѣрный авторъ въ сказаніи — какъ Стефанъ отъ зарубежныхъ училищъ прибылъ въ Кіевъ: то надлежало тебѣ хотя одного отъ кіевскихъ писателей памятуховъ, а паче отъ лавры кіевскія достовѣрнаго представить свидѣтеля, тебѣ согласующаго. Но понеже сего не представилъ, того ради твоихъ рѣчей, какъ бы вракъ пустыхъ, нечего и въ дѣло принимать. При семъ удивляться или посмѣваться надлежитъ, яко ты, не нашея вѣры и церкви человѣкъ, сдѣлался церкви нашей укащикъ или уставщикъ, и указываешь, дабы папистовъ, а паче іезуитовъ по уставамъ Филарета патріарха въ церковь нашу принимали. Ежели тебѣ и твоимъ братьямъ—лютеранамъ и друзьямъ твоимъ—папистамъ показанныя уставы правы: то церковь наша готова и по тѣмъ уставамъ васъ принимать».

5. «Пріемшу ему училище уже не было нужды малороссійскимъ юношамъ искати ученія въ чужихъ краяхъ.» «Сіе весьма благонадежно говорятъ, якобы Яворскій весьма папежское ученіе въ кіевскихъ ученикахъ утвердилъ и ихъ тако совершенно философіи и богословію научилъ, что нигдѣ совершеннѣе съискать не можно. Что перваго касается — истина есть, ибо по немъ много между пшеницею терній возрасте, которое по немъ хотя весьма ревнительнѣйшіе о истинѣ ректоры прилежно искоренить тщались, обаче еще искра въ пепелѣ крыется, о чемъ многіе совершено ученые, бывшіе по немъ тамо ректоры, истину сію засвидѣтельствуютъ. Что высокости философской и богословской паки касается, въ томъ не надобно много слѣдовать, но довольно сія книга и многія его церковныя поученія, которыя еще въ памяти имѣются, не меньше же сего и о антихристѣ книга, свидѣтельствуютъ, колико онъ въ томъ совершенъ былъ; ибо и неученые, да чистое разсужденіе имущіи, разсудить могутъ. Паче же блаженныя памяти разумомъ и всѣми дѣлами вѣчныхъ похвалъ достойный Им-

ператоръ Петръ Великій, видя въ Украйнѣ многія суевѣрія отъ Римлянъ вкрадшіяся и сущее идолопоклоненіе, въ духовномъ Уставѣ части первой объявилъ, а потомъ указомъ 1720 года сентября 5 дня запретилъ въ типографіяхъ безъ апробаціи синода книги печатать, для объявленныхъ въ ономъ указѣ подозрѣній великихъ.»

«Обыкновенное въ народѣ поведеніе — отвѣчаетъ Маціевичь — когда напримѣръ свекрови ненавидима невѣстка, то что нибудь худо въ дому дѣлается—кто виноватъ? Невѣстка. Такимъ, а не инымъ образомъ и ты поступаешь, злобствуя и клевеща на Стефана преосвященнаго. Ставши бо ему въ вину и порокъ неисправность типографіи кіевопечерскія, а онъ типографомъ и справщикомъ книгъ тамъ никогда не бывалъ и власти надъ кіевопечерскимъ монастыремъ не имѣлъ, развѣ когда сталъ быть блюстителемъ престола патріаршаго, однако и въ ту пору власть его и совершенное смотрѣніе было надъ типографіею московскою; а о кіевопечерской типографіи, яко ставропигіальной и почти зарубежной тогда вмѣняющейся, дѣло до него не приходило и оттуду для апробаціи ничего къ нему не присылывано.... Что же ты съ крайнимъ уничиженіемъ дерзаешь порочити книгу о знаменіяхъ антихриста и о антихристѣ, аки бо она послѣдняго ума лишена, то уже по тому самъ ты безъ ума обрѣтаешься, а показанная книга—настоящаго богословскаго ума, общему церкви православныя вѣры исповѣданію точно согласующая. Вы же лютеране раскольникамъ въ мудрованіи о антихристѣ по всему согласуете, понеже... духовное о антихристѣ толкованіе примѣромъ раскольниковъ содержа, въ томъ только съ ними разнствуете, яко они исповѣдуютъ антихриста, воцарившагося въ Москвѣ, вы же въ Римѣ папу римскаго.

6) Авторъ Молотка отдаетъ Стефану справедливость въ дарѣ составленія и сказыванія проповѣдей. «Что до витійства касается, правда, что имѣлъ удивительный даръ, и едва подобные ему во учителяхъ россійскихъ обрѣстися могли; ибо мнѣ довольно случалось видѣть въ церкви, что онъ могъ во ученіи слышателей привесть плакать или смѣяться, къ которому движеніе его тѣла и рукъ помаваніе, очей и лица премѣненіе весьма помоществовало, которое ему природа дала. Онъ, когда хотѣлъ, то часто отъ яро-

сти забывалъ свой санъ и мѣсто, гдѣ стоялъ, — которое въ день Успенія въ успенскомъ соборѣ графу Мусину и, помнится, на новый годъ въ чудовѣ монастырѣ фискаламъ и другимъ государственнымъ служителямъ отъ него слышать случалось. Сей порядокъ въ церковныхъ поученіяхъ у папистовъ токмо употребляютъ, ибо когда они своего суевѣрнаго подложенія изъ письма доказать не могутъ, то тщатся логическими силлогизмы, то есть, рѣчеподобіями утвердить, а истинное дѣло затемнить и утапть. По которымъ его поученіямъ отъ оберъ-фискала позванъ былъ на судъ и, за неданіе надлежащаго оправданія, по слову Божію заградишася уста его (Псаломъ 30, стихъ 20), — по которому особливо въ Уставѣ духовномъ накрѣпко его величество запретилъ, дабы никто сказокъ и примѣровъ вымышленныхъ въ поученіяхъ не употреблялъ и персонально поносить никого не дерзалъ, и вся его поученія за многіе въ нихъ соблазны запрещены».

Возражатель не зналъ, на какія обстоятельства указываетъ Молотокъ, и отвѣчаетъ голословно: «ты что нибудь по злобѣ своей клевещешь». Но теперь достовѣрно извѣстно, что Стефану запрещено было говорить проповѣди. Стефанъ самъ откровенно говоритъ объ этомъ въ письмѣ къ Государю, приписывая это запрещеніе недоброжелательству министровъ. «Казанье мое, Богъ сердцевѣдецъ, было намѣреніемъ благимъ ко исправленію и созиданію духовному россійскаго народа, а царскимъ лицамъ ниже помышленіе было. И оттолѣ уже и по запрещенію умолчахъ и впредь молчати готовъ. Ей, говорити казанье трудно, а молчати вельми легко».

7) «Аще и отрицашеся отъ чина епископства». «Можетъ сіе быть, что ему совѣсть еще возбраняла клятвою противъ закона учителей его и прежде даннаго имъ обѣщанія обязаться; паче же имѣлъ причину бояться, дабы не вскрылась нечаянно его овчая кожа и не обнажилась бы волчья хитрость. Но какъ оные іезуиты никако во грѣхъ противоугожденія отцу ихъ не вмѣняютъ и страсти его презираютъ, тако и сей, разсудя, воспріялъ, и не токмо доволенъ явился, но паче потомъ крайнимъ прилежаніемъ трудился, како бы возмогъ чинъ и власть патріарха получить, для котораго дары многимъ роздалъ великіе, а инымъ обѣщалъ. Но его величество видя, что въ ономъ мѣшкѣ не заяцъ, но лисица

имѣлась, памятуя же, какой великій отъ Никона отецъ его—царь Алексѣй Михайловичъ, а отъ Іоакима онъ самъ трудъ, государство же вредъ понесли, разсудилъ лучше чинъ патріарха отставить и учредилъ Сунодъ, котораго учрежденія причины въ Уставѣ духовномъ описаны,—которому Яворскій весьма противился и чрезъ долгое время подписать отрицался, отговариваясь немощьми, иногда же яко бы неяснымъ нѣкоторыхъ пунктовъ истолкованіемъ, а паче не смѣя безъ повелѣнія отъ папы; наконецъ, побѣжденъ отъ его величества доводами изъ письма святаго и отъ прикладовъ прежде бывшихъ соборовъ, еже оные соборы надъ папами власть имѣли и оныхъ за преступленіе судили и за правильныя причины извергали, которому противитися не смѣя, съ великою горестію подписался, жалѣя, что такъ долго ожидаемаго патріаршества лишился».

«А хотя бы—отвѣчаетъ Маціевичь—благочестивѣйшій нашъ монархъ и сдѣлалъ, по благоволенію своему и усмотрѣнію высокомонаршему, вмѣсто патріарха Сунодъ: однако патріаршества совсѣмъ не отвергалъ и не уничтожалъ, понеже на апробацію о томъ къ четвероперестольнымъ патріархамъ посылалъ. И есть слѣдъ и видъ достовѣрный, яко воспріялъ-было намѣреніе, чтобы, вмѣсто Сунода, паки устроить патріарха, понеже когда Осодосъ, бывшій тогда первоначальный сунодальный членъ, новгородскій архіерей, въ соборѣ успенскомъ представлялъ его величеству, дабы мѣсто патріаршее изъ собору выбросить, таковое представленіе благочестивѣйшій монархъ съ великимъ негодованіемъ вмѣнилъ и за то жестокій напускъ Осодосу далъ, что ажъ принуждень изъ собора бѣжать, а мѣсто патріаршее, по особенному высокомонаршему разсмотрѣнію, осталося въ цѣлости, какъ прежде было, и *нынѣ настоятеля своего ожидаетъ.* А хотя и Сунодъ, вмѣсто патріарха, у насъ имѣется, однако тебѣ, врагу и сопернику церкви нашея, выторжка не обрѣтается, понеже по твоему хотѣнію не сдѣлалося, дабы какъ вашъ регентъ, такъ и пасторы ваши въ Сунодѣ присутствовали. Но какъ прежде патріархъ россійскій, такъ и нынѣ Сунодъ въ той же церкви благодатію Божіею состоитъ, въ которой четвероперестольные патріархи православно-восточные начальствуютъ.

8) «Егда возниче нѣкое мнѣніе отъ раскольниковъ о прише-

ствіи антихриста неправомудрствованное, 1703 года противъ онаго книгу написалъ и самаго начальника, Григорья Талицкаго, обличи и безгласна сотвори».—«Что до книги о антихристѣ касается, она довольно безсловіемъ, баснословіемъ, нежели писмомъ святымъ, злобою паче, нежели любовію, краснорѣчіемъ и софизмами, нежели истиннымъ христіанскимъ ученіемъ, преисполнена, яко и сей *Камень;* не вѣдущимъ токмо писанія, ни силы, можетъ быть къ суевѣрію во утвержденіе, другимъ же соблазнъ и гибель, какъ то сталось съ бывшимъ капитаномъ, а потомъ чернцомъ Левшинымъ, который паки ту ересь возобновилъ и, въ Пензѣ городѣ пришествіе антихристово проповѣдуя, изъ сея Яворскаго книги утверждалъ, яко же точно предъ судомъ показалъ, еже оною въ соблазнъ и заблужденіе приведенъ, о которыхъ словахъ самъ Яворскій, погрѣшеніе видя, простотою и недознаніемъ извинялся и просилъ прощенія, которое милостію его императорскаго величества ему отпущено. Что же до обличенія Талицкаго надлежитъ, о томъ могутъ присутствующіе тому еще свидѣтельствовать, что на преніи Яворскому Талицкій ни мало не уступалъ, но ругательно пророкомъ Вааловымъ и прочее называлъ, допелѣже, по прошенію всѣхъ собранныхъ, а паче слыша Яворскаго невозмогающа, пришедъ его императорское величество кратко явными Христовыми словами побѣдилъ и въ раскаяніе привелъ, о чемъ точно при казни онаго еретика въ объявленіи, потомъ поученіемъ отъ Яворскаго на день Петра и Павла, точно показано было».

«О побѣдѣ и о посрамленіи его, Талицкаго, отъ Государя мы не споримъ — отвѣчаетъ Арсеній — но паче утверждаемъ. О раскаяніи же слѣда никакого не имѣемъ... И хотя довольное было отъ преосв. Стефана увѣщаніе и обличеніе, однакожъ за упрямствомъ своимъ склонности и раскаянія не показалъ. А хотя же и не могъ его преосв. Стефанъ переспорить, то тебѣ здѣсь такожъ выторгать не слѣдуетъ, понеже самъ ты, надѣюсь, знаешь пословицу латинскую, что дуракъ болѣе можетъ задачей составлять, нежели мудрый отвѣтствовать. Талицкій же каковъ былъ мудрецъ, всѣмъ извѣстно, сирѣчь единъ бѣшеный мужикъ, какъ бы и прочіи раскольщики, которые, кромѣ россійской грамоты и своего безумнаго умствованія, ничего больше не знали».

«Сіе довольно извѣстно всякому — продолжаетъ авторъ

Молотка въ той-же статьѣ — что по опредѣленію отъ его царскаго величества, при порученіи Стефану патріаршескаго намѣстничества, о трехъ вещахъ наиболѣе подтверждено: 1) дабы, не жалѣя имѣнія и доходовъ дома патріаршаго, училища учредилъ и о наученіи закона христіанскаго крайне прилежалъ; 2) дабы по прошествіи малаго времени отнюдь ненаученныхъ, по малой мѣрѣ катихизиса и десяти заповѣдей, не свидѣтельствовавъ самъ, во священники не ставилъ; 3) крайне прилежалъ о проповѣди слова Божія подвластнымъ россійской имперіи идолопоклонникамъ и магометанамъ, яко остяки, вотяки, лопари, самоѣдцы, якуты, тунгусы, мордва, чуваша, черемиса, калмыки, татари и прочіе, живущіе цѣлыми городами, деревнями, провинціями; не меньше имѣть попеченіе о наученіи и припращеніи отторгшихся безуміемъ отъ церкви россійской раскольниковъ. Но что онъ въ томъ исполнилъ, всякому видимо. — Школы ни единой, не токмо нидѣ гдѣ, но ниже въ собственной ему епархіи рязанской не учредилъ.»

«А что въ царствующемъ градѣ Москвѣ учредилъ — отвѣчаетъ Арсеній — то тебѣ заслѣпило и во умъ не пришло воспомянуть?... А по тогдашнему времени, войною наше государство отягчевающему, довольно и таковое отъ преосвященнаго Стефана о производствѣ ученія тщаніе и раченіе».

«Въ Москвѣ — продолжаетъ авторъ Молотка — для наученія требующихъ посвященія опредѣлилъ нѣкоторыхъ изъ своихъ любимцевъ и надъ ними брата своего Ѳедора Яворскаго, весьма малоученаго, и къ тому малыя книжицы со истолкованіемъ токмо десяти заповѣдей издалъ; но сіи не толико для наученія, колико ради сребролюбія предпріялъ, ибо всякій, желающій священства, безъ довольныхъ на то денегъ, со всемъ его прилежаніемъ и наукою, не годился, въ чемъ всѣ посвященные при немъ слезами свидѣтельствовать могутъ; паче-же оное святокрадство свидѣтельствуютъ сами тѣ, надъ училищемъ поставленные и къ свидѣтельству бывшіе опредѣленные и братъ его; ибо въ Москву пришелъ въ самомъ убожествѣ, о которомъ самъ сей писатель жизни показуетъ, что хотя іезуиты за наученія, какъ всѣмъ извѣстно, не требуютъ, но для того и на проѣздъ въ Польшѣ Стефану недоставало, для котораго Макарій митрополитъ, промысля ему на то потребное, посла; но потомъ какое богатство собрали, деревни поку-

пили и дѣтей въ дальномъ имѣніи оставили, что всегда во злато облачаются, богатые домы, множество служителей имѣютъ и въ каретахъ разъѣзжаютъ».

«Таковажъ твоя правда о Ѳедорѣ, преосвященнаго Стефана братѣ—отвѣчаетъ Маціевичъ—будто бы онъ съ книжицъ о десяти заповѣдяхъ или съ другихъ отъ ставленниковъ взятокъ такъ обогатился, что всегда во златѣ каретами ѣздилъ и деревни покупалъ. А Государь зналъ ли о томъ или не зналъ, долженъ ты былъ показать; а кажется нельзя, чтобы не зналъ, а зная нельзя, чтобы не воспретилъ. Насмѣшка же едина — отъ показанныхъ доходовъ ставленическихъ Оедору Яворскому толико обогатиться; понеже преосвященный Стефанъ персонально доходами могъ его обогатить столько, сколько ты сказываешь,—которое обогащеніе святотатствомъ не было, понеже казны какъ церковной, такъ и государевой не касалося и, по твоимъ же сказкамъ, покупаніемъ деревень внутрь государства осталось. Невозможно архіереямъ безъ доходовъ архіерейскихъ быть [1]).»

«Колико разъ онъ—продлжаетъ Молотокъ—по прикладу апостоловъ и уставу древнихъ отецъ и соборовъ вселенскихъ стадо паствы своея надзиралъ, того спрашивать не надобно: развѣ когда, для своего увеселенія и прибытка, во градъ епархіи своей—Переяславль рязанскій съѣздилъ и поповъ перебралъ; паче-же, показавъ свою власть и преимущество, съ богатствомъ возвращался. Тако пасе стадо Христово, добрѣ разумѣвающи словеса Господня къ Петру реченная: «*паси овцы моя.*» И ктому не занамятовалъ Павла,

---

[1]) Признаться надо однако-жъ, что тутъ есть доля правды. Въ 1708 году новгородскій митрополитъ Іовъ писалъ къ троицкому архимандриту Сильвестру: «посылаю къ тебѣ нѣкоторыя вѣдомости, благоволи тыя прочитати и отнюдь никому-же являти, кромѣ удобныхъ и вѣрныхъ твоихъ совершенно. За озлобленіе и досаду и великія обиды господина превысочайшаго, іерарха святѣйшаго, митрополита рязанскаго, двѣнадцать человѣкъ въ Великій Новгородъ взяты и многіе изъ нихъ зѣло жестоко пытаны и рваны, даже внутреннимъ ихъ являтися; а съ пытокъ въ самомъ маломъ нѣчесомъ повинилися и на брата архіерейскаго многія вины и обиды себѣ въ расиросахъ сказали, въ томъ хотятъ и умертвитися. И судьямъ сіе подъ сомнѣніемъ. Чего ради хощутъ расиросныя рѣчи послать подъ разсудокъ здравый ко архіерею рязанскому, и что отъ него о нихъ разсуждено будетъ, потомъ станутъ писать къ царскому величеству». (Переписка митрополита Іова—въ Странникѣ 1861 г. кн. 2, стр. 84).

глаголюща: *«кто-бо стадо пасетъ и отъ млека его не ястъ?»* Но презрѣлъ Господа, Іезекіилемъ глаголюща: *«се млеко ядясте, волною одѣваетеся и тучное закалается, а овецъ моихъ не пасосте.* Что же покажетъ о пріобрѣтеніи раскольниковъ, развѣ нѣсколько пожегъ и изъ государства выгналъ. Какъ изъ Франціи прилежаніемъ іезуитскимъ гугенотовъ, такъ изъ Россіи раскольниковъ не токмо въ Польшу, но и къ туркамъ и татарамъ въ защищеніе басурманское многими тысящами фамилій выгнано. А о идолопоклонникахъ и магометанахъ и воспоминать нечего».

«Укоряеши преосвященнаго Стефана — отвѣчаетъ Маціевичъ — что будто-бы онъ не имѣлъ доброхотства приводить въ вѣру и крестить магометанъ и идолопоклонниковъ: а Лютеръ вашъ окрестилъ ли хотя одного жида? Да и вы, его потомки, чтобы о томъ раченіе имѣли, отнюдь слѣда не имѣется. Магометанами и идолопоклонниками васъ не порицаемъ, понеже таковыхъ варварскихъ народовъ толикое, какъ у насъ, множество въ вашихъ государствахъ не обрѣтается; жидовъ же премногое множество изыщется, которыхъ вы иногда и во академіи свои для обученія принимаете, а къ вѣрѣ ихъ не обращаете. Укоряя же преосвященнаго Стефана магометанами и идолопоклонниками признаешь, что тогдашній архіерей казанскій, по нашему прознанію Тихонъ преосвященный, представлялъ всемилостивѣйшему Государю требованіе о учрежденіи училища ради показанныхъ некрещенныхъ народовъ въ вѣру обращающихся, которое въ монастырѣ свіяжскомъ учреждено и понынѣ пребываетъ. Не безъ тщанія тако-жъ преосвященнаго Стефана въ Сибирь избранъ и по указу его величества посвященъ митрополитомъ Филоѳей Лещинскій, который довольно крестилъ и просвѣщалъ сибирскихъ некрещеныхъ народовъ. О раскольникахъ-же твое сожалѣніе великаго тебе быти не токмо нашей церкви, но и государству являетъ печальщика и доброхота; надѣюся своимъ государствамъ таковымъ образомъ не будешь доброхотствовать. Не похощеши бо ниже слышать, дабы въ вашихъ государствахъ таковые злодѣи обрѣтались, не только вѣры государственной хульники и развратители, но и воры изрядные, самосожигатели, ксему лжехристы и беззаконницы въ свѣтѣ неслыханные, дѣтоубійцы, дѣтоубивственною кровію причащающіе и волхвующіе. А ты, о таковыхъ злодѣяхъ сожа-

лѣя, нашему государству ихъ усердствуеши и дерзаеши преосвященнаго Стефана неповинно порицати, будто-бы онъ ихъ нѣсколько пожегъ и за рубежъ множество прогналъ, а они сами жгутся, или паче лжеучители ихъ, злодѣи и воры изрядные, наговорившие и околдуновавше и совсѣмъ ограбившие не татаръ, но нашего народа россійскаго, многое множество сожигаютъ; а въ скитахъ своихъ пустынныхъ, по большей части намъ неизвѣстныхъ, волю и поселеніе имуще, самовольно по своимъ прихотямъ и за рубежъ бѣгаютъ.»

«Противное-же видимъ — продолжаетъ Молотокъ — коликое попеченіе о томъ имѣлъ Петръ, не именемъ или ростомъ, но даромъ божественнымъ и его дѣлами Великій; ибо, бывъ отягченъ воинными внѣшними и внутренними неспокойствы, такожъ во исправленіи неусыпномъ гражданскихъ поведеній, не запомнилъ и о семъ (церковномъ устройствѣ), но видя Яворскаго не прилежное, но властолюбное, смотрѣніе, повелѣлъ церкви учредить и Уставомъ снабдить, въ которомъ о всѣхъ сихъ поступкахъ обстоятельно представилъ и, видя, что монахи туне чуждые труды поядаютъ, повелѣлъ изъ доходовъ монастырскихъ для перваго случая двадесятую часть на училища опредѣлить; сверхъ того, слыша отъ казанскаго архіерея требованіе ко обращенію магометанъ, охотно позволилъ всѣхъ, пріемшихъ христіанскую вѣру, отъ всякихъ податей и налоговъ уволить, а на обученіе изъ доходовъ Камеръ-коллегіи на вышепоказанное по 1000 руб. опредѣлить, какъ то указъ, 1 сентября 1720 года публиковашный, гласитъ; напаче-же въ смотрѣніе и въ лучшее употребленіе монастырскихъ доходовъ данная оберъ-прокурору сунодскому инструкція и особливые пункты, его величества рукою написашные Баскакову, свидѣтельствуютъ. И уже сіе дѣло изрядное воспріяло было начало, да съ смертію Петровою воскресоша паки Яворскаго единомышленники, яко Лопатинскій, епископъ тверскій,—Дашковъ, бывъ уже отъ Петра Перваго въ заточеніе опредѣленъ, но потомъ епископство ростовское пріятъ,—такожъ епископъ коломенскій, помощію суевѣрныхъ, паче-же Петру и отечеству рабовъ невѣрныхъ, вступя въ Сунодъ, все оное доброе сѣмя исторгнули и, по своимъ прихотямъ прилежа, о тираństвѣ папежскомъ трудились,—изъ которыхъ добрый пастырь стада кобылъ, Дашковъ, уже такъ близко былъ къ па-

тріаршеству, что никакого сумнительства къ возведенію на престолъ не осталось. Но смерть Петра Втораго и судъ Всевышняго все оно не токмо въ ничто обратилъ, но ихъ, яко онаго ростовскаго, тако коломенскаго, воронежскаго и другихъ епископовъ и собесѣдниковъ ихъ, явно обличилъ, по которому равную мзду восприяли; чего и оставшіе ихъ вспомощники ежечасно ожидать имѣютъ.»

«О монахахъ—отвѣчаетъ Маціевичь—что ты написалъ, будто они тупе чужіе труды поядаютъ? Наше монашество ничего тебѣ не виновато, понеже сколько на одного вашего пастора выходитъ, столько у насъ на содержаніе цѣлаго монастыря монаховъ, и пищи ихъ, какъ Лютеръ вашъ съ роду не кушалъ, такъ и ты не токмо кушати, но и отвѣдати не восхощеши. Казна-же монастырская хотя иногда можетъ быть и довольная, однако и отъ твоего показанія явствуетъ ей быть первѣйшей казнѣ государевой, а по семъ церковной. Іосифъ Бишгамъ, оканчивая тетрадь 1-ю о древностяхъ церковныхъ, признаетъ и крѣпко утверждаетъ, яко отъ самыхъ апостольскихъ временъ избирали на архіерейство ово аскетовъ, безженно живущихъ, ово женатыхъ съ такимъ обязательствомъ, дабы на архіерейскомъ степени дѣтей не плодили. Хотя убо нынѣшнее наше монашество, какъ и христіанство, не въ мѣру слабѣйшее противу церкви первействующія, однако тупеядствомъ называтися не можетъ; понеже какъ христіанство, такъ и монашество дѣло воплощенія Господня, и самъ Христосъ первѣйшій монахъ, Богородица же, Дѣва Богу во вся освящена и отлучена, чій образецъ, когда не монашества?... Отъ монашества такожъ происходитъ архіерейство, главизна христіанства... За монахами такожъ мѣста святыя, чудотворныя, чудесами и чудотворцами—паипаче монахами—отъ Бога прославленныя, на которыхъ отъ древнихъ боголюбцевъ и паипаче россійскихъ самодержцевъ домы Божіи воздвижены ради жертвы безкровныя.

...Не токмо преосвященнаго Стефана, но и другихъ архіереевъ песіимъ языкомъ касаешися, во время императрицы Анны по напрасному оклеветанію пострадавшихъ, отъ которыхъ единъ и нынѣ остался и при своей чести обрѣтается [1]). А по тому же

---

[1]) Бывшій воронежскій епископъ Левъ Юрловъ, скончавшіся въ 1755 г.

образцу и другіе бы въ чести своей были, ежелибъ судьбами Божіими, какъ и ты сказываеши, изгнаніе и заточеніе стражда, жизни своей не окончали. Съ таковой-же кончины ты посмѣваешися и, будто бы съ Богомъ говорилъ и судъ Вышняго въ точности узналъ, утверждаеши, яко таковая ихъ кончина за прилежаніе о тиранствѣ папежскомъ судомъ Вышняго постигла. Но по образцу оставшаго въ живыхъ архіерея, бывшаго воронежскаго, можешь и прочіихъ всякосовѣстно признать и засвидѣтельствовать, что столько къ нимъ вяжется, сколько до мертваго голосъ. Или сія твоя клевета къ преосвященному Георгію Дашкову, будто бы онъ послѣ смерти императора Петра Великаго епископомъ ростовскимъ сдѣланъ? А онъ, за живота его величества, имяннымъ монаршимъ указомъ, въ лаврѣ троицкой будучи архимандритомъ, опредѣленъ и пропзведенъ ростовскимъ архіереемъ, и въ гнѣвѣ монаршемъ Петра Великаго никогда не бывалъ, но въ милости особенной. Показаннымъ же архіереямъ, отъ тебе хулимымъ, неповинно страдавшимъ, хотя и безчестная по сего свѣтскому мнѣнію кончина, однако христіанская, въ совершенной надеждѣ жизни вѣчныя. Что же ты дерзнулъ воспретить и прочимъ нашего духовнаго чина таковою-же, какъ показаннымъ архіереямъ, кончиною: то посмотри, каковъ ты лжепророкъ въ томъ остался, и болѣзнь твоя или насмѣшка на главу тебѣ обратилась; понеже, что̀ судъ Божій и надъ вашими сдѣлалъ, всѣмъ извѣстно и чувствительно. А намѣреніе и пророчество ваше совсѣмъ во лжи и тщетѣ осталося.»

Въ изданіи Камня Вѣры за *сказаніемъ о творцѣ книги* слѣдуетъ статья: *«вина и случай написанія книги.»* Авторъ Камня Вѣры указываетъ поводъ къ составленію этой книги въ томъ, что Ѳома и его сообщники учили не поклоняться иконамъ, не призывать святыхъ и не почитать мощей, за что и преданы были гражданской казни.

Авторъ Молотка возражаетъ на это: «по монаршему указу Ѳома жестокимъ смертнымъ наказаніемъ месть воспріялъ; вины-же хотя точно не показуетъ, обаче изъ онаго видимо, что не за то, еже учили иконамъ и кресту не кланятися, мощи святыхъ не призывать и прочее, но за то, что ниже показуетъ — еже въ церкви во время моленія образъ снявъ искололъ и смятеніе

молящимся учинилъ; и хотя оный безъ извѣстія его величества казненъ, но по его велѣнія правамъ правильное по винѣ наказаніе пріялъ. Прочихъ-же къ сему наказанію присвоять не надлежитъ; понеже всѣ оные, о нихъ-же упоминаетъ, безъ всякаго наказанія на увѣщаніе церковное оставлены; держащіеся во узахъ, по разсмотрѣнію не истиннаго объ нихъ отъ Яворскаго представленія, самимъ Императоромъ освобождены. Паче-же самъ Яворскій, бывъ на обличеніи въ Сенатѣ отъ Тверитинова, со стыдомъ въ презельной злобѣ отъиде». Дѣло это точно было на разсмотрѣніи Сената и рѣшено не въ пользу Стефана.

Въ разборѣ слѣдующей статьи — *предисловіе къ читателю* — авторъ Молотка останавливается на словахъ: «верховный апостолъ Христовъ» и говоритъ по поводу ихъ: «сіе во удивленіе папы и утвержденіе власти антихриста надъ христіанствомъ полагаетъ, хотя сказать, якобы Петръ былъ высшій надъ всѣми апостолы; но письмо святое о томъ иначе показуетъ».

О причинѣ недопущенія Камня Вѣры въ печать при Петрѣ Молотокъ говоритъ, что «книгу эту не токмо самъ монархъ читалъ, но искуснѣйшимъ епископамъ отъ Синода изслѣдовать повелѣлъ, но обрѣтши ее за недостойну, паче и противну во многомъ христіанскому греческой церкви исповѣданію, уничтожилъ. И при немъ не смѣлъ ты и твои собесѣдники о томъ напоминать; но потомъ видя неученыхъ, но закоснѣлыхъ въ свирѣпостяхъ и суевѣріяхъ, собранныхъ при малолѣтномъ Императорѣ правителей, изъявъ нѣкоторыхъ, познающихъ истину, да по резону политики не могущихъ противитися, чрезъ твоихъ ангерентовъ представилъ, которую безъ свидѣтельства и сонзволенія Синода и Сената, противу онаго монарха въ печать предали».

Возражатель представляетъ дѣло иначе. — Передъ походомъ Петра въ Дербентъ, Стефанъ представилъ ему книгу, и Петръ прочитавъ приказалъ ее печатать, и дѣло началось; но, по отбытіи Петра, «соперникъ первѣйшій Ѳедосъ» потребовалъ письменнаго императорскаго указа печатать книгу; а за непмѣніемъ этого указа, равно и за препятствіемъ завистниковъ, печатаніе тогда остановилось.

Касательно же извѣстія, будто Камень Вѣры найденъ неправославнымъ, возражатель замѣчаетъ, что даже въ то время, ког-

да по происканъ *вашихъ* при императрицѣ Аннѣ запрещена была книга, и въ то время о ней ничего не опубликовано.

Въ слѣдующей статьѣ—*Предувѣщаніи*—авторъ Камня Вѣры перечисляетъ кратко догматическія и каноническія уклоненія лютеранъ отъ церкви, которыя онъ обличалъ въ своей книгѣ Авторъ предостерегаетъ своихъ читателей отъ непризванныхъ (протестантскихъ) учителей, выставляя на видъ, что они ничѣмъ не могутъ подтвердить истины своего посланничества и своего ученія, не могутъ указать у себя ни на одно чудо, отвергаютъ добрыя дѣла, сами они и народы, отъ которыхъ пришли они, нечестивы и исполнены всѣхъ пороковъ; имѣютъ новое Евангеліе, а не древнее; отвергаютъ безкровную жертву; не признаютъ церкви. «Аще послани есте отъ Бога, покажите, гдѣ поне едино чудо отъ васъ бысть?»

Авторъ Молотка отвѣчаетъ: «мы яко къ вамъ не посланніи, тако и не пріидохомъ для наученія васъ и ниже чимъ хотимъ въ вашъ законъ вступаться; но что вѣруемъ, то исповѣдуемъ чисто и ясно не для васъ, но для насъ самихъ и спасенія души нашея. А ежели кто пришелъ къ вамъ закона нашего для служенія или купечества или коего либо ремесла, оное нѣсть своевольно, но по волѣ, призыву и прозьбѣ вашего монарха. И ежели случится по вопрошенію въ разговорѣ сказать о своемъ законѣ, оное нѣсть проповѣдь. Что же требуешь знаменій и чудесъ? Мы того, яко правовѣрные не ищемъ и не требуемъ, зане самъ Господь къ просящимъ книжникомъ и фарисеомъ тако глаголетъ: «*родъ лукавый и прелюбодѣйный знаменія ищетъ, но знаменія не дастся ему, токмо знаменіе Іоны пророка*». И апостолъ сказуетъ: «*Іудеи просятъ знаменія и Еллины ищутъ премудрости; мы же проповѣдуемъ Христа распята*». Аще же хощеши знаменія видѣть, возвратися къ братіи твоей, отъ нихъ же пріялъ даръ антихристова ученія; они могутъ показать и научатъ тя, аще не доучился, чудесы и знаменіи неразумныхъ прельщати, зане имъ сіе весьма преискренне есть».

«О чудесахъ аще хощешь разумѣти — отвѣчаетъ Мацѣевичь— прочти апологію отъ преосвященнаго Ософана, когда еще былъ ректоромъ въ Кіевѣ, писанную до вашихъ учителей Королевца Прусскаго, которая апологія въ той же книжицѣ, что и о Малярр-

дѣ, отъ вашихъ же въ Вратиславлѣ напечатана. Преосвященный же Ѳеофанъ писалъ къ вамъ показанную апологію вмѣсто схимонаха Михаила кіево-печерскаго, который — отъ вашихъ же знатныхъ учителей и господъ — прибывъ въ чудотворную лавру кіево-печерскую и видя тѣлеса святыхъ не токмо чудесно нетлѣнныя, но и исцѣленій чудеса преподающія, вѣру нашу православную принялъ и, сверхъ того, и въ великую схиму постригся, въ превеликомъ монашескомъ подвигѣ — постѣ и воздержаніи даже до кончины претерпѣвая и пребывая. Отъ сихъ двухъ благоговѣйныхъ мужей, сирѣчь отъ Малярда и Михаила схимонаха, можно видѣть всякому, яко отъ вашихъ лютеранъ и кальвинистовъ не вси къ намъ приходятъ по требованію монаршему, но иные по своему доброхотству, ради единыя души своея спасенія».

«Новое Евангеліе, а не древнее имѣютъ» «Оле безумія—возражаетъ авторъ Молотка—оле сердце и уста преисполненни лжи! Како таковая вѣщати можеши? Гдѣ видѣлъ или отъ кого слышалъ, что въ нашемъ Евангеліи съ вашимъ въ принадлежащемъ до вѣры слово единое разошлось?... Вѣдаю, еже ты нѣчто слышалъ о несходствѣ, да не знаешь, о какомъ говорено. Я тебѣ скажу—о Библіи то, или о книгахъ Ветхаго Завѣта, говорено. И то правда. Оная ваша Библія — первое въ г. Острогѣ прилежаніемъ князя Константина отъ греческаго съ поврежденной аріанской и то весьма неполно переведена; и хотя о неполности ея толковать оставляю, зане не токмо многихъ стиховъ, но цѣлыхъ главъ нѣтъ; индѣ-же отъ аріанъ прибавлено, чего никогда въ еврейскомъ не было: но едино во обличеніе представляю: въ 1-мъ посланіи Іоанновѣ глава 5, стихъ 7, великой важности во обличеніе аріанскаго заблужденія, выпущенъ и нѣтъ, которымъ на первомъ соборѣ въ Никеи ясно аріанъ обличали. Потомъ со оной же Острожской, нѣчто поправя, въ Москвѣ напечатали, и оная тако-жъ весьма не исправна, и не можешь о томъ спорить, зане предисловіе оной явно о неисправностяхъ показуетъ, и требуетъ издатель, дабы впредь исправя издать, показуя вину крайней нужды къ поспѣшенію. Сіе поспѣшеніе, мню, отъ Вольдемара пришло. Сего ради вѣчно хвалимый Петръ Великій повелѣлъ исправлять, и часто словесно и письменно напоминалъ, да не могъ окончанія исправы дождаться. Причина

же умедленію оному не иное что, токмо Яворскаго собесѣдники, такіе-же іезуиты притомъ вмѣшались; и хотя явно нехотѣнія своего ко исправленію показать не смѣли, обаче всегдашними спорами и толкованіи ненужными удерживали, по смерти-же монарха весьма забвенію предали. Но ежели-бъ оное коварство тогда Императору извѣстно было, то-бъ не постыдясь золотыхъ шапокъ самихъ выправилъ».—Маціевичъ замѣчаетъ на это, что «ежели разсудить въ тонкость, то Библія у насъ и не особенно нужна. Ученый, ежели знаетъ по гречески, греческую и будетъ читать; а ежели по латынѣ, то латинскую, съ которой для себя и для поученія народу россійскую, какая ни есть Библія, будетъ исправлять. Для простаго-же народа довольно въ церковныхъ книгахъ отъ Библіи имѣется».

Авторъ Молотка сказалъ, что «у Стефана такіе-жъ, какъ онъ, и собесѣдники были». «А кто-бы то были таковые собесѣдники—спрашиваетъ возражатель—силу и власть имущіе, кромѣ сунодальныхъ персонъ, да еще началынѣйшихъ? Нельзя на другихъ подумать. Въ Сунодѣ-же былъ тогда Оедосъ съ товарищи, который каковъ былъ собесѣдникъ, какъ ты сказываешь, Яворскому, да и тотъ, что сталъ быть послѣ Оедоса, всѣмъ извѣстно, и тебѣ самому надѣюсь не закрыто».

Исторія исправленія Библіи довольно извѣстна. Изъ нея видно, что инціатива этого дѣла принадлежитъ Петру; Стефану-жъ поручено было только наблюдать за ходомъ дѣла. Но и въ этомъ отношеніи онъ не былъ ни особенно заботливъ, ни настойчивъ. Самая большая часть труда принадлежитъ Ософилакту, Поликарпову и Лихудамъ. Никого изъ нихъ мы не смѣемъ заподозривать въ неблагонамѣренности: напротивъ они трудились съ горячностію, достойною лучшей похвалы. Въ Государственномъ архивѣ есть нѣсколько писемъ Поликарпова къ Мусину-Пушкину съ увѣдомленіями о ходѣ этого дѣла, и всѣ они въ пользу честнаго труда [1]). Если Библія не была напечатана при Петрѣ, то вина не ихъ.

---

[1]) Отъ 5 дек. 1715 г. Поликарповъ писалъ къ И. А. Мусину-Пушкину: «трудящихся, государь, въ Библіи вашимъ писаніемъ я обнадожилъ, но многіе мои обѣты и увѣты въ недовѣріе ихъ введоша; а Библію истинно правимъ и читаемъ съ великимъ тщаніемъ и усердіемъ».

Впослѣдствіи, при новомъ пересмотрѣ Библіи, исправители отнеслись съ недовѣріемъ къ петровскимъ исправителямъ. Ѳеофанъ совѣтывалъ перевѣрить всѣ ихъ поправки съ греческою Библіею, не весьма вѣруя исправительскимъ примѣчаніямъ. Но они этого не заслуживали.

Если мы сдѣлаемъ изъ этой полемики общіе выводы, то увидимъ, что авторъ Молотка всѣми доводами хочетъ доказать, что Стефанъ Яворскій есть іезуитъ и іезуитскій посланникъ,

---

Отъ 8 янв. 1716 г. «Библію священную начали мы и безъ отца Лопатинскаго читать, чтобъ поспѣшить; только господинъ Николай, по обычаю его, главною (да реку—хмельною) болѣзнію остановляетъ. Уже не могу умолчать, чтобъ въ немъ не пострадать. Прикажи, государь, къ нему отписать съ пристрастіемъ, и чтобъ онъ былъ мнѣ послушенъ: своеглавенъ бо. — Ѳеолога и Іосифа за чтеніе и письмо въ Библіи милостію взыщи, ибо трудъ ихъ великъ».

Отъ 29 іюня 1716 г. «Священныя Библіи начинаемъ читать 2 Паралипоменонъ».

Отъ 12 іюля 1716 г. Мусинъ-Пушкинъ къ Поликарпову: «вчерашняго дня царское величество изволилъ ко мнѣ писать о греченинѣ Анастасіи, которой живетъ въ Москвѣ въ домѣ Саввы Рагузинскаго, чтобъ его призвать въ службу. Того ради сыщи его и говори, хочетъ ли онъ въ службу великаго Государя нашего и что будетъ просить въ годъ. И буде хочетъ и станетъ чего просить, о томъ отпиши ко мнѣ немедленно. А быть ему на печатномъ дворѣ у библейнаго дѣла и у другихъ».

Отъ 27 іюля 1716 г. Ѳеофилактъ къ Мусину-Пушкину: о библейномъ дѣлѣ и о Баронія писалъ я къ вашему сіятельству, дабы изволили приказать то, что уже переведено, переписывать на печатномъ дворѣ. По доселѣ приказа о томъ отъ вашего сіятельства не было, а потребно есть, понеже чернаго перевода не возможно мнѣ послать въ С.-Петербургъ и начать переписывать у меня некому».

Отъ 23 дек. 1716 г. Поликарповъ къ Мусину-Пушкину: «Служителямъ, государь, типографскимъ по твоему писанію полугодовое жалованье выдать я приказалъ; однако-жъ я и дьякъ еще не взяли, и просили меня о полномъ противъ прошлаго года, понеже, послѣ Николая, осталось то бремя на моей шеѣ, такъ въ книжномъ, какъ и въ библейномъ правленіи. На Николаево мѣсто изъ учителей школьныхъ никого нѣтъ, а хотя бъ и были, то не пойдутъ, ибо знаютъ ариѳметикою считать, что лучше въ школѣ брать на годъ по полутору мѣшку, нежели по полумѣшку у насъ. Однако-жъ я взялъ изъ греческихъ школъ трехъ человѣкъ учениковъ для притравки къ дѣлу и уповаю на Бога, что могутъ оные у насъ при такомъ дѣлѣ быть; а нынѣ въ писцахъ двое, да чтецъ третій. — О Іовѣ старцѣ не изволь писать: пробавитъ Богъ и безъ нихъ. И взять его, только будетъ въ дѣлѣ спона. Видѣхъ бо я великаго Іова (м. новгородскаго) плачуща отъ сего старца Іова. — Грекъ Анастасій въ типографское дѣло и школьныя науки не вступаетъ, кромѣ библейнаго чтенія, а за труды четырмя (стами) не доволенъ, какъ признаваю, и хотѣлъ самъ от-

что онъ родился отъ уніатовъ, учился у іезуитовъ и постриженъ въ монашество іезуитами, — что всѣ его намѣренія, дѣйствія и распоряженія клонились къ подчиненію русской церкви папѣ, или, по крайней мѣрѣ, къ распространенію и упроченію въ ней католичества, — что Петръ I, поручая ему патріаршее намѣстничество ошибся въ его убѣжденіяхъ и даже въ его гражданской честности; но потомъ распознавши его такимъ, каковъ онъ есть, лишилъ его своего довѣрія и, между прочимъ, не дозво-

---

вѣтствовать письмомъ своимъ. А старики сіе слышавъ огорчились, что имъ за труды многіе мзда малая, и чаю, что впредь будутъ письмами отзываться. А и старикъ учитель проситъ награжденія и при семъ послалъ письмо просительное: какъ объ немъ повелишь, также и о прочихъ библіотрудникахъ, въ чемъ есть воистину и мое объ нихъ и о себѣ стараніе».

Отъ 7 марта 1717 г. Ѳеологъ къ Мусину-Пушкину: «яви, государь, мнѣ убогому работнику вашему премногое ваше милосердіе: вели, государь, за прешедшій 1716 въ библейномъ соглашеніи, купно съ отцами и учителями и справщиками двѣма человѣки, читательный и въ правленіи писательный бывшій мой трудъ, въ пяти книгахъ 96 главъ имущихъ, яко же и прочимъ двумъ справщикамъ Ѳедору Поликарпову и бывшему Николаю, жалованье выдать всецѣлое, кое они по вашему писанію съ начала того года впередъ взяли тогда А я не впредь, но уже за прошедшій трудъ мой библейный, который явствуетъ чрезъ чтеніе и рукою моею писанный въ правленіи, прошу воздаянія. А впредь, государь, аще таковый въ чтеніи и правленіи библейный и писательный мой трудъ безмздовоздаятеленъ будетъ: мню, яко вашему сіятельству не угоденъ и прошу вашего милосердія, да повелиши мя Ѳедору Поликарпову отъ онаго библейнаго и отъ типографскаго вседневнаго волокитнаго безмздовоздаятельнаго труда свободна сотворити; понеже, государь, повсегда онъ къ обоимъ, паче инымъ, принуждаетъ. А уже и глаза отъ оныхъ весьма тупѣютъ и изнемогаютъ; а ктому еще и воздаянія противу прочихъ лишеніе терплю; и кая, государь, будетъ отъ сего крѣпость и тщаніе? Истинно, государь, отъ всегорестныя души сіе мое докучное къ вашему сіятельству предлагаю прошеніе».

Отъ 2 апр. 1717 г. Поликарповъ къ Мусину-Пушкину: «въ Библіи священной, при помощи Вышняго, уповаемъ, при страстной Спасителя нашего седмицѣ, и книгу многострадальнаго Іова окончати, въ которой и мы не мало сострадали въ неудобствѣ сенса и въ несогласіи переводовъ. А о Ездриной послѣдней, также о Товіиной и Іудиоиной книгахъ, чрезъ три письма мои прежде я доносилъ и добраго совѣта вашего общимъ гласомъ просили, но до днесь еще рѣшенія не получили. Прошу, государь, увѣдомленія о оныхъ— донесены ли».

Отъ 5 ноября 1717 г. «Библіи священныя вступаемъ, при помощи Божіи, въ пророчества, носяще на себѣ-жъ иго покойниковъ — учителя Іоанникія, Германа и Николая, утѣшаяся чаяніемъ».

лилъ печать составленную имъ въ видахъ католической пропаганды книгу Камень Вѣры, извлеченную, сообразно съ своимъ назначеніемъ, главнымъ образомъ изъ католическихъ авторовъ.

Возражатель очень мало знакомъ былъ съ біографическими подробностями о Стефанѣ, чтобы противопоставить факты фактамъ: отъ этого подъ ногами у него нѣтъ твердой почвы. Не зная, что отвѣтить противнику, онъ либо заподозриваетъ его свидѣтельства, либо прямо осыпаетъ его бранью, какъ лжеца и клеветника. Но этотъ пріемъ въ исторической критикѣ не имѣетъ цѣны. Да и нужно сказать, что хотя общая мысль Молотка невѣрна, но приводимые въ подтвержденіе ея многіе факты, разсматриваемые въ отдѣльности, не лишены историческихъ основаній.

Изъ этого однако-жъ не слѣдуетъ заключать, что авторъ Молотка совершенно правъ, обвиняя Стефана въ іезуитствѣ и въ недостаткѣ гражданской честности. Происхожденіе отъ уніатовъ, воспитаніе и постриженіе у іезуитовъ, хотя имѣли большое вліяніе на образъ его мыслей, однако-жъ не сдѣлали его ни католикомъ, ни іезуитомъ. Присоединившись къ православной церкви и ставши сперва въ чинѣ, а потомъ и во главѣ ея пастырей, онъ дѣйствовалъ съ полною любовію къ Церкви, не только не склоняя ее къ католичеству, но отклоняя отъ него всѣми способами, какъ показываетъ, между прочимъ, отвѣтъ его сорбонскимъ богословамъ. Но когда народъ возбужденъ былъ движеніемъ протестантскихъ идей и многіе увлечены были пропагандистами протестанства, Стефанъ, обличая и опровергая ихъ, естественно становился на католическую точку зрѣнія, такъ какъ протестанство возникло изъ отрицанія католичества. Для католиковъ борьба съ протестантами не новость; у нихъ уже выработаны были научнымъ образомъ спорные пункты съ лютеранами. Что-жъ удивительнаго, что Стефанъ, не имѣя ничего своего подъ руками, воспользовался готовыми средствами, какія представляла ему католическая ученость? Вообще наше богословіе, въ ту пору, когда жилъ и учительствовалъ Стефанъ, не имѣло еще опредѣленныхъ понятій о спорныхъ предметахъ между католиками и лютеранами, и было почти сплошь пересадкою католическаго богословія на русскую почву, исключая двухъ-трехъ существенно важныхъ пунктовъ,

которые уже поняты были, какъ разности, отличающія восточную церковь отъ западной.

Вообще оба противника вдались въ крайности. Авторъ Молотка несправедливо укоряетъ Стефана и единомышленныхъ съ нимъ пастырей въ католичествѣ и въ намѣреніи ввесть католическіе элементы въ русскую церковь. Защитники Стефана столько-же несправедливо укоряютъ протестанствомъ другихъ русскихъ пастырей, враждебно относившихся къ католичеству, католическо-богословской наукѣ и чрезмѣрному, доходившему до суевѣрія, уваженію къ внѣшней набожности, на счетъ живой вѣры и сообразной съ нею жизни. Это взаимное *недоразумѣніе* длится чрезъ всю эпоху борьбы двухъ направленій, начавшуюся съ реформами Петра и продолжавшуюся въ продолженіе всей первой половины прошлаго столѣтія. — Нельзя не признать также, что антагонизмъ передовыхъ *лицъ* въ томъ и другомъ направленіи имѣлъ большое вліяніе на рѣзкій тонъ ихъ полемики и на раздраженіе ихъ послѣдователей. — Но ни та, ни другая сторона не выражала или не была представительницею собственно народныхъ стремленій. Мнѣнія автора Молотка раздѣлялись всѣми знатными иностранцами въ Россіи, съ Остерманомъ во главѣ. Возраженія противника его, находя себѣ поддержку въ раздраженіи народа противъ реформы вообще и противъ преобладанія иностранцевъ въ особенности, не выражали собою убѣжденій и дѣятельно-выработанныхъ понятій цѣлаго народа, а были выраженіемъ воззрѣній только той части его, которая пассивно шла по избитой тропѣ жизни и возмущалась всякимъ нарушеніемъ ея покоя, какъ бы оно ни было законно въ виду дальнѣйшаго развитія народа.

XXI.

Подметное письмо съ пасквилемъ на Ѳеофана.

1) Подозрѣнія въ составленіи его на Аврамова и Родышевскаго. — Иверское слѣдствіе.

Въ половинѣ 1732 года, кажется въ іюлѣ мѣсяцѣ, явилось подметное письмо съ пасквилемъ на Ѳеофана. Оно состояло изъ

двухъ частей: 1) изъ пасквиля, написаннаго на нѣсколькихъ листахъ и 2) вложеннаго въ него письма отъ папы къ новгородскому архіепископу Оеофану. Письмо мы имѣемъ; а пасквиля нѣтъ. Но такъ какъ ему суждено играть большую роль въ нашей исторіи, то мы съ разныхъ замѣтокъ Оеофанова разбора, опишемъ его примѣты, соберемъ разбросанныя въ разныхъ мѣстахъ, въ допросахъ и обличеніяхъ, черты, показывающія его составъ и содержаніе.

Пасквиль начинается призваніемъ всей Россіи къ плачу: «о многобѣдная Россія, плачися, рыдай горько». Потомъ въ разныхъ мѣстахъ, сочинитель или, по выраженію Оеофана, «пасквильникъ нарекаетъ жалобы на отложеніе постовъ; говоритъ, будто нынѣ россійская церковь, ради нашихъ грѣховъ, утѣсняется отъ западныхъ ересей; пишетъ обличительныя рѣчи на нерадивыхъ пастырей; нарекаетъ на употребленіе табаку (о чемъ упомянается съ самаго начала въ заглавныхъ спискахъ); клевещетъ, будто россійскихъ архіереевъ къ нѣкоему недоброму послѣдованію принуждаютъ прещеніемъ извержения, изгнанія, другихъ же страхомъ смертнаго наказанія; пространно, хотя, по выраженію Оеофана, весьма глупо и безсовѣстно, плететъ лаи и укоризны на браки православныхъ съ иноземными; нестерпимымъ безстудіемъ клевещетъ, будто бы все приготовлено къ разоренію вѣры, и потомъ говоритъ: «тогда уже съ великимъ воплемъ восплачемся и возрыдаемъ горько, поюще пѣснь святыхъ трехъ отроковъ: благословенъ еси Господи, яко вся сія навелъ еси на насъ грѣхъ ради нашихъ». «За закопы отеческіе оные храбрые Маккавеи подвизахуся, Антіохову гордыню низложиша и вѣнцомъ мученичества украсишася». На смущеніе народа пасквильникъ вымысломъ показуетъ, будто крайнее отъ сборовъ народа разореніе. Притворяетъ плутъ словеса прелестныя, которыми разныхъ чиновъ служители будто ласкательно тѣшатъ и веселятъ Государыню, сказуя, что все въ государствѣ счастьемъ ея величества исправно и легко. На помянутыхъ ея величества служителей лаи и укоризны налагая, пасквильникъ говоритъ, будто они поставили лучше души своея—пищу и тѣла одежду и не въ Бога богатѣютъ,—рѣчь сію занимая отъ притчи онаго чревоугоднаго и о Возѣ непомышляющаго человѣка, ему-же угобзися шива. Грозитъ плутъ Го-

сударынѣ, если по умыслу ихъ не сдѣлаетъ, гнѣвомъ Божіимъ: «вскорѣ, рече, отыметъ Богъ благословеніе свое отъ тебе и пролѣетъ праведный гнѣвъ свой на тя». Пребезстудно клевещетъ пасквильникъ, оглагольствуя Государыню, будто нѣкіи служители Божіи за благочестіе неправедно озлоблены суть, и въ нихъ самъ Богъ обидимъ есть, и абіе восклицаетъ: «Богъ—отмщеній Господь, Богъ отмщеній не обинуяся есть». Авторъ пасквиля къ сочиненію виршиковъ, хотя весьма неправильныхъ, охотникъ, понеже лаи своя и началъ и окончилъ виршиками, и на страницѣ 4-й много блазней виршиками изобразилъ. Падмешныя и высокія прибираетъ рѣчи. Любитъ часто много прикладовъ изъ писанія и исторіи, такожъ изъ разныхъ писателей свидѣтельства употребляетъ. На страницѣ 9-й изъявляетъ бѣдность крестьянскую: «не знаютъ праздника, ни дня воскреснаго, ниже прибѣгнуть къ церкви Божіей».

Въ пасквиль вложено письмо, присланное будто бы изъ Рима отъ папы къ Ософану. Мы имѣемъ его въ полномъ видѣ: «Наимилшому сыну нашему О. П., писалъ Венедиктъ, зу ласки Божіей, папа стараго Рима, апостольскаго престола и нашей можности благословенство! Дзешкую за твое написаніе, полученное въ Римѣ 22 августа сего року, по которому извѣстихомся, аще и отъ союзниковъ нашихъ, что ты въ Россіи день отъ дня въ ласку царскую успѣваешь, и уже на мѣстѣ кардинала засѣдаешь. Притомъ прошу, милый сыну мой, не запомни обѣщанія своего, како входя въ школы наши, святому Петру и намъ кляпулся за отеческую свою вѣру побарать, па восточную же ратовать. Разсмотри, коханый мой, лучше не обѣцатися, нежели обѣщавшу не исправлятися. Нынѣ время благопріятно, нынѣ день надежды нашея: ибо царь московскій отеческіе свои законы поломалъ и весьма преклоненъ въ нѣмецкіе законы. Сіе содѣяся чрезъ прилежное трудолюбіе добраго нашего союзника и всей западной церкви благодѣтеля, господина Лефорта, который, за молитвами святаго костела, въ великой тогда милости у государя московскаго былъ.' И хотя едпно противно костелу учинено, но изъ того всему западу потребность и доброе поспѣшеніе произыде: егда законную свою царицу нуждою послалъ до кляштора, а въ тоя мѣсто поялъ другую отъ исповѣданія лютерскаго; и за

просьбу тоя патріарху уже въ Россіи быть не велѣлъ; сына своего, отъ свободныя рожденнаго, въ греческомъ исповѣданіи обученнаго, убилъ до смерти... Которыя три главизны въ настоящемъ дѣлѣ нашемъ великіе были помѣшатели: патріархъ сильный въ догматахъ, царица — едино тѣло, сынъ — естество любительное. Нынѣ же къ тому никто противу говорить не смѣетъ, ибо ясно слышимъ, что оный государь вѣрнаго своего служителя, нашего благодѣтеля, господина Лефорта, вписалъ въ вѣчнодостойную себѣ жалость и прошеніе его содержитъ въ неусыпной памяти, паче же другой жены своей, чрезъ которую отеческіе ему уставы тако омерзѣли, что ни слышати про тѣхъ хощетъ. А понеже улюбилъ лютеранскую вѣру, того ради и жестокаго греческаго правила, на посредствѣ нашего исповѣданія легко удержать возможно. Глупно бо намъ еще едино, какъ слышимъ, что злѣйшіе наши непріятели, патріархи восточные, въ Россіи изъ диптиковъ церковныхъ еще не выключены. Ты же пребывай и успѣвай, въ немъ же наученъ еси: потщися извѣстно твое званіе сотворити, да будетъ твое слово солью растворено Здраствуйте. Писано въ Римѣ, ноября въ 25 день 1718 року».

Откуда вышло это письмо? Какой былъ поводъ къ нему и кто его тайный авторъ? Поводомъ къ нему, кажется, было одно обстоятельство, на которое, указываетъ самъ Ософанъ въ одномъ своемъ доношеніи въ Кабинетъ или Императрицѣ, еще до появленія подметнаго письма, въ 1731 году. «Въ прошломъ 1730 году, въ осени — писалъ онъ — (когда уже ея императоское величество, изъ измайловскаго перешла въ новопостроенный въ Кремлѣ домъ) князь Кантакузинъ просилъ меня о ходатайствѣ къ ея величеству, чтобъ его заступить благоизволила отъ нѣкіихъ нападковъ бывшаго тогда посланника гишпанскаго Дуки Делиріа. И тогда онъ, князь Кантакузинъ, сказывалъ свое бывшее бѣдство, каковое претерпѣлъ онъ съ матерію своею и съ другимъ братомъ въ Цареградѣ, гдѣ родитель его казненъ смертію, и въ побѣгѣ ихъ изъ Царяграда въ Италію. Приложилъ же и сіе, что бывши они въ Римѣ, просили папы Климента одиннатцатаго рекомендаціи къ цесарю римскому Карлу шестому о милостивомъ къ нимъ призрѣніи. И показалъ два письма папы онаго, посланныя къ нимъ въ Вѣнну, 1717 года, въ февралѣ мѣсящѣ (нынѣ тому

прошло уже четырнадцать лѣтъ), въ которыхъ письмахъ папа имъ извѣствуетъ, что за нимн у цесаря вкладается онъ, только бы они приняли римскую его вѣру. Се же князь Кантакузинъ предлагалъ для того, чтобъ симъ ея величество преклонилась на милосердіе къ нему. И я ему совѣтовалъ, дабы просплъ о ходатайствѣ отца архимандрита троицкаго и тыя-жъ бы письма ему показалъ: что̀ онъ и учинилъ. А потомъ, недѣлю спустя, пришедъ ко мнѣ помянутый посланникъ гишпанскій прощаться на путь свой, сказалъ: въ дому-де ея императорскаго величества говорятъ, будто отъ папы римскаго, чрезъ его посланниковы руки, подано письмо къ Ософану архіерею, о прельщеніи Руси на унію: и то-де произошло отъ князя Кантакузина. Узналъ я, каковымъ то погрѣшеніемъ, съ вышепомянутой повѣсти на новую ложную вѣдомость передѣлалось и помысливъ, не отецъ ли архимадритъ троицкій такъ ошибся, объявилъ я о томъ архіерею нижегородскому, прося его, дабы отцу архимандриту троицкому дѣло оное объяснилъ, оберегая его отъ вящшаго погрѣшенія, буде онъ ошибся. Но архіерей оный, возвратясь ко мнѣ, сказалъ, чего и разумѣть нельзя [1])».

Стало быть еще въ бытность въ Москвѣ Дюка Лирійскаго, въ 1731 году, уже ходила молва о письмѣ папы къ Ософану. Ософанъ объяснялъ эту молву тѣмъ, что ему приписали письмо, писанное папою къ Кантакузину, въ которомъ онъ принималъ участіе. Замѣчательно, что и годъ подметнаго письма 1718-й очень близокъ къ тому же письму папы. Весьма вѣроятно, что этою молвою и воспользовался сочинитель подметнаго письма. Но для насъ, кромѣ того, важно то положеніе, которое принялъ въ немъ Варлаамъ. Когда Питиримъ, по порученію Ософана, приходилъ къ нему за объясненіемъ, то Варлаамъ «сказалъ, чего и разумѣть нельзя». Вѣроятно, Варлаамъ былъ уже на сторонѣ молвы о письмѣ отъ папы къ Θеофану.

Содержаніе пасквиля было такъ обширно, что обхватывало почти всю петровскую реформу открытымъ порицаніемъ или косвенными намеками; но особенно рельефно выражалось сожалѣніе о патріаршествѣ, съ уничтоженіемъ котораго, по мнѣ-

[1]) Государств. арх. Дѣла Волконскаго, карт. VIII (св. II. № 5, л. 140).

нію неизвѣстнаго автора, пошатнулось самое русское православіе.

Кто-бъ были эти любители старины и поклонники схороненаго патріаршества и, въ силу этихъ принциповъ или по личнымъ отношеніямъ, недоброжелатели и порицатели новгородскаго архіепископа? Ѳеофанъ пустилъ въ ходъ всю изобрѣтательность своего ума, всю изворотливость своего полицейскаго таланта, чтобы напасть на слѣды этого заговора. Онъ всматривался во все— въ содержаніе пасквиля, то есть въ тѣ предметы, о которыхъ въ немъ говорилось, смотрѣлъ на идіотизмы или особые поговорки, употребленныя въ письмѣ, всматривался въ почеркъ письма; перебиралъ въ мысляхъ разныхъ лицъ, кто въ какихъ обстоятельствахъ находился. Первою мыслію его было, что этимъ письмомъ подарила его таже партія, которая подарила *Житіемъ*, — которая находилась въ связи съ Варлаамомъ, уже заявившимъ себя на сторонѣ письма отъ папы къ Ѳеофану, и которая, наконецъ, показала сочувствіе къ Рибейрѣ. Но кто изъ этой партіи сочинялъ письмо — Родышевскій или Аврамовъ, или кто другой?

Такъ какъ Варлаамъ огражденъ былъ покровительствомъ Императрицы, то минуя его, Ѳеофанъ обратился къ сообщникамъ Іоны — автора пасквильнаго житія и къ сообщникамъ Рибейры. Изъ первой партіи подозрѣніе его упало прежде всего на Аврамова, который фанатически относился къ петровской, особенно церковной реформѣ. Кромѣ-жъ до Ѳеофана дошли слухи, что онъ содержится не очень строго, пересылаетъ письма къ разнымъ лицамъ (въ рукахъ у Ѳеофана было письмо его къ Волкову) и ищетъ себѣ милостивцевъ между знатью. Если онъ самъ не былъ сочинителемъ письма, то принималъ въ этомъ дѣлѣ какое нибудь участіе, возбуждая подозрѣніе къ дѣйствіямъ правительства. Какъ бы то ни было, онъ рѣшился походить около Аврамова и поискать, не оттуда ли упало письмецо. Все это онъ выставилъ на видъ Кабинету; а Кабинетъ отправилъ въ тверскій монастырь капитана гвардіи, Юрьева, снабдивъ его слѣдующей инструкціей: 1) ѣхать ему въ тверскій монастырь; 2) изслѣдовать тамъ, какимъ образомъ Аврамовъ содержанъ былъ, кто къ нему хаживалъ, были ли у него какіе пріѣзжіе, или хотя въ монастырѣ, во время со-

держанія его, и кто имѣнно: 3) обо всемъ томъ допросить всѣхъ старцевъ порознь, каждаго особливо и чтобъ подъ смертною казнью подписали; 4) всѣмъ старцамъ и самому архимандриту велѣть писать полууставомъ и прочее; 5) которые къ нему Аврамову хаживали, тѣхъ держать особливо; 6) его, Аврамова, допросить, гдѣ онъ извѣстное письмо писалъ, чтобъ объявилъ правду, и ежелибъ сказалъ, что на генеральномъ дворѣ, то обличить его тѣмъ, что Волкова тогда и на Москвѣ не было и писать было къ нему невозможно; 7) кто ему чернила и бумагу далъ и чрезъ кого хотѣлъ послать письмо; 8) а потомъ привезть его Аврамова самаго въ Петербургъ, такожде и тѣхъ, на которыхъ какое подозрѣніе явится.—Юрьевъ прибылъ въ тверскій монастырь 1 октября 1732 года и началъ слѣдствіе допросомъ архимандрита, братіи и караульныхъ солдатъ.

Тверскимъ архимандритомъ въ ту пору, какъ посланъ былъ туда Аврамовъ, былъ Филаретъ; но самъ ли собою, или по внушенію сверху изъ-за открывшейся слабости, онъ просился и уволенъ былъ на покой. На его мѣсто назначенъ изъ новгородскаго духова монастыря архимандритъ Серафимъ. Въ прежней службѣ его для насъ важно то обстоятельство, что онъ былъ въ юрьевскомъ монастырѣ намѣстникомъ при Родышевскомъ и, конечно, былъ на виду у Ософана. При отъѣздѣ его въ тверскій монастырь, секретарь Ософана, Бухвостовъ, предостерегалъ его «генерально общимъ лицомъ», чтобы онъ въ томъ монастырѣ имѣлъ опасность и осторожность, понеже-де тверскій монастырь сталъ быть знатный и содержатся въ томъ монастырѣ арестанты, то чтобы онъ съ ними въ оберегательствѣ поступалъ.

Между тѣмъ еще оставался въ тверскомъ монастырѣ и прежній архимандритъ Филаретъ; а потому съ него и начались допросы. Филаретъ показалъ: караульный того Аврамова, капралъ Козляковъ, доносилъ ему архимандриту, что Аврамовъ весьма боленъ и требуетъ отца духовнаго. Архимандритъ велѣлъ для исповѣди идти іеромонаху Исаіи, который у него Аврамова и былъ, и потомъ, пришедъ къ нему архимандриту, сказывалъ, что Аврамовъ требуетъ причастія, токмо онъ безъ докладу новгородскаго архіерея причастія дать ему не смѣетъ, потому что Аврамовъ

съ онымъ архіереемъ имѣетъ ссору Архимандритъ спрашивалъ іеромонаха: не говорилъ ли Аврамовъ какихъ непристойныхъ словъ, о чемъ духовникамъ при исповѣди въ чиновной книжкѣ повелѣно спрашивать? Іеромонахъ сказалъ, что не говорилъ.

Исаія показалъ, что какъ онъ, по архимандричьему приказу, пришелъ для исповѣди Аврамова, въ то время Аврамовъ былъ худъ, а о болѣзни сказалъ, что никакой въ немъ нѣтъ, токмо по закону христіанскому хочетъ онъ исповѣдаться; и онъ того Аврамова исповѣдывалъ, и послѣ исповѣди говорилъ онъ Аврамовъ, что «архіерей новгородскій Ѳеофанъ написалъ книжку не по нашему благочестію, о чемъ мы съ архимандритомъ Маркелломъ Родышевскимъ въ той книжкѣ ему спорили, и чрезъ троицкаго архимандрита ея императорскому величеству подали доношеніе, что-де онъ архіерей оную книжку сочинилъ неправильно». Исаія сказалъ: лутче-де было вамъ въ оныя дѣла не вступаться и молчать. Аврамовъ отвѣчалъ: какъ же за правду не вступаться? Потомъ просилъ, чтобъ его пріобщить Святыхъ Таинъ. Исаія сказалъ, что «ты на преосвященнаго новгородскаго архіерея писалъ, и въ томъ отъ него прощенія и благословенія не получилъ, и за тѣмъ де тебѣ причастія святаго дать я не смѣю». Аврамовъ отвѣчалъ, что онъ тому архіерею зла не хочетъ и завсегда за него Бога молитъ.

Капралъ Бѣляевъ и солдаты, которые стояли у Аврамова на караулѣ, показали, что къ Аврамову допущенъ былъ служитель иверскаго монастыря Титъ, котораго Аврамовъ просилъ, какъ онъ будетъ въ Москвѣ, сходить къ женѣ его, Аврамова, и сказать, что онъ живъ, и чтобъ прислали къ нему денегъ. Караульные солдаты признались, что Аврамовъ говорилъ, чтобъ помянутый Титъ женѣ его сказалъ, чтобъ она объ немъ была челомъ. Въ августѣ-жъ де мѣсяцѣ 1732 года просилъ онъ Аврамовъ каменщика Щапа, чтобъ онъ принесъ къ нему чернилъ и бумаги. Щапъ, по просьбѣ его, того-жъ дня принесъ ему листъ бумаги и чернилъ. Аврамовъ написалъ письмо къ Алексѣю Волкову о заступленіи его, въ которомъ письмѣ назначилъ двухъ сенаторовъ и просилъ Щапа, чтобъ онъ сыскалъ — съ кѣмъ то письмо къ Алексѣю Волкову послать. Аврамовъ просилъ его, чтобъ онъ провѣдалъ объ Алексѣѣ Волковѣ, гдѣ онъ обрѣтается? Щапъ,

спустя послѣ его просьбы нѣсколько дней, сказалъ ему Аврамову, что Волковъ взятъ по прежнему въ С.-Петербургъ, — по которымъ его словамъ онъ Аврамовъ вышеупомянутое письмо къ нему Волкову и писалъ. Въ апрѣлѣ или маѣ того-жъ года просилъ онъ, Аврамовъ, Щапа, чтобъ сыскать, съ кѣмъ ему послать въ Москву письмо къ женѣ. Щапъ сказалъ ему, что ѣдетъ въ Москву іеромонахъ тверскаго монастыря Авраамій. Аврамовъ написалъ письмо къ женѣ своей, въ которомъ просилъ, чтобъ она послала въ С.-Петербургъ человѣка и велѣла просить о заступленіи его, Аврамова, у своихъ благодѣтелей. Съ нимъ же Авраамiемъ послалъ два письма къ Алексѣю Макарову и третье къ Алексѣю Волкову о заступленіи его Аврамова. Да прошедшей зимой сказывали ему монастырскіе караульщики, что пріѣзжала въ тверскій монастырь дочь его, Аврамова, Александра, жена гардемарина Никиты Кожина; токмо ее къ Аврамову не допустили, и онъ ее не видалъ.

Къ помянутому отцу своему духовному, іеромонаху Исаіи, и къ другимъ іеромонахамъ, кто литургію служивалъ, посылывалъ караульныхъ, чтобъ за здоровье ея императорскаго величества и за фамилію на проскомидіи вынимать изъ просфоръ части; а опое чинилъ онъ, Аврамовъ, по христіанской своей должности, желая ея императорскому величеству и фамиліи здравія, и чтобъ тѣмъ умилостивить Бога, дабы ея императорское величество сотворила надъ нимъ Аврамовымъ милость. Лѣтомъ онъ Аврамовъ съ капраломъ Козляковымъ, со Щапомъ и другими караульными, въ разныя времена, раза три или четыре, ходилъ въ баню, которая внѣ монастыря на монастырскомъ острову саженяхъ въ тридцати отъ монастырскихъ воротъ.

Иверское слѣдствіе пока ни къ чему ни привело.

2 Грекъ Серафимъ Аріонъ.— Аресты Евѳимія Коллети и Платона Малиновскаго.

Въ началѣ 1732 года случилось обстоятельство, повидимому совершенно случайное, между тѣмъ оно имѣло вліяніе на дальнѣйшій ходъ разсматриваемыхъ событій, потому что открывало еще новыхъ противниковъ Ѳеофана въ другомъ лагерѣ.

Въ 1638 году въ Женевѣ изданъ былъ Новый Завѣтъ на народномъ греческомъ языкѣ, съ предисловіемъ константинопольскаго патріарха Кирилла Лукариса (лишеннаго, потомъ, патріаршества по подозрѣнію въ наклонности къ лютеранству) Но такъ какъ всѣ экземпляры этого изданія сгорѣли на кораблѣ, на которомъ везены были въ Константинополь, то заботу о новомъ изданіи взялъ на себя греческій священникъ Серафимъ Аріонъ, который въ 1703 году издалъ Новый Завѣтъ въ Лондонѣ, при пособіи тамошняго правительства. Въ предисловіе къ этому изданію внесено было много такого, что не понравилось константинопольскому патріарху; а потому изданіе подвергнуто было церковному запрещенію и почти всѣ экземпляры его сожжены на патріаршемъ дворѣ. Наконецъ, въ 1710 году, прусская королева Софія-Луиза приняла на свои издержки третье изданіе Новаго Завѣта на народномъ греческомъ языкѣ, которое и сдѣлано было въ Галле извѣстнымъ богословомъ Франкіемъ, при содѣйствіи Іос. Неймана и *Ливерія Коллети*. Множество экземпляровъ этого изданія отправлено на Востокъ, гдѣ они раздавались безденежно грекамъ [1]).

Греческой іерархіи не нравились эти изданія. Въ защиту ея выступилъ одинъ молодой грекъ, получившій высшее образованіе въ Англіи, по имени Александръ Гелладій. Въ 1714 году онъ издалъ сочиненіе, подъ заглавіемъ: *Status praesens Ecclesiae Graecae, in quo etiam causae exponuntur, cur Graeci moderni Novi Testamenti editiones in graeco-barbara lingua factas acceptare recusent* [2]). Гелладій очень близко зналъ Серафима и описалъ его

---

[1]) Pauli Ernesti Jablonski, Institutiones historiae christianae, t. III. p. 173.

[2]) Гелладій посвятилъ свое сочиненіе Петру I и приложилъ къ нему портретъ этого государя, съ греческимъ четверостишіемъ. Сочиненіе раздѣлено на 19 главъ, изъ которыхъ для нашей цѣли важны 16-я—о грекѣ Серафимѣ и 19-я—о комментаріяхъ Ливерія Коллети въ галльскомъ изданіи Новаго Завѣта. Впрочемъ сочиненіе это не заслужило большаго довѣрія въ ученой Европѣ.

жизнь со всею подробностію, съ явною цѣлію набросить на нее тѣнь, а вмѣстѣ съ тѣмъ заподозрить и его изданіе и оправдать образъ дѣйствій константинопольской іерархіи, запретившей это изданіе. Ливерія, принимавшаго участіе въ изданіи 1710 года, онъ зналъ, повидимому, не такъ близко, однакожъ сообщаетъ и о немъ нѣсколько важныхъ свѣдѣній. Для насъ, въ настоящемъ дѣлѣ, весь интересъ сосредочивается на лицѣ Евоимія (Ливерія) Коллети. Въ связи съ описываемыми дѣлами, на судьбу его имѣла вліяніе исторія вышепомянутаго грека Серафима, окончившаяся весьма печально въ 1732 году.

Въ январѣ этого года, при высочайшемъ именномъ указѣ, присланъ былъ къ Оеофану «нѣкоторый греченинъ Серафимъ», прибывшій въ С.-Петербургъ изъ Стокгольма. Оеофану приказано было допросить его и разсмотрѣть найденныя у него письма. Оеофанъ составилъ, для этого слѣдствія, коммиссію, подъ своимъ предсѣдательствомъ, изъ сѵнодальныхъ членовъ Евоимія Коллети и Платона Малиновскаго. Коммиссія составила вопросные пункты и потребовала на нихъ отвѣта у Серафима. Вопросные пункты показываютъ, съ перваго взгляда, что Серафимъ былъ уже извѣстенъ членамъ коммиссіи. Серафимъ принужденъ былъ дать очень подробныя показанія, по которымъ мы и можемъ прослѣдить за нимъ съ начала и до конца его жизни. Кромѣ того, передъ нами находится сочиненіе Геллади, съ подробною біографіею Серафима. Независимо отъ другихъ свѣдѣній, бывшихъ поводомъ къ его аресту, коммиссія также руководствовалась этимъ сочиненіемъ въ допросахъ греческаго священника.

Серафимъ показалъ, что онъ родомъ грекъ съ острова Митилены, въ мірѣ назывался Степанъ Ивановъ Погопатъ; первое образованіе получилъ на родинѣ; потомъ, для дальнѣйшаго ученія, отправленъ былъ въ Константинополь, гдѣ былъ у него вліятельный родственникъ, патріаршій архидіаконъ. Здѣсь посвятили его

Въ «Conspectus reipublicae litterariae, Heumanni, 1753 an. ed. VI Hannoverae, p. 232, о немъ замѣчено: «De hodierno litterarum statu in Ecclesia Graeca edidit anno 1714 Alexander Helladius singularem librum. Sed Graeculum hunc egegie esse mentitum, non solum ex contraria relatione Turnefortii (Acta Erud. 1719, p. 197, 201) aliorumque apparet, sed separatim etiam demonstravit Io. Matthias Gesneras. (In Miscell. Lipsiæ T. II, Obs. 30 et 50).

въ діаконы и оставили въ патріаршей школѣ. Но онъ оставался тамъ не долго. Въ концѣ 1695 года константинопольскій патріархъ Каллиникъ отправилъ отъ себя посольство въ Москву къ Государю съ поздравленіемъ по случаю взятія Азова. Серафимъ назначенъ былъ въ это посольство въ качествѣ секретаря. Впрочемъ Гелладіл передаетъ это нѣсколько иначе. Онъ говоритъ, что Серафимъ укралъ патріаршую печать и, сдѣлавши съ нея оттискъ, при помощи ея написалъ себѣ нѣсколько фальшивыхъ рекомендацій и отправился съ ними въ Москву. Съ помощію той же печати онъ выдалъ себя за священника, тогда какъ не имѣлъ никакого церковнаго сана; но владѣя этой печатью, онъ могъ выдать себя не только за священника, но даже за митрополита.

Въ Москвѣ онъ представлялся Государю и патріарху. Но какъ Государь отправлялся вслѣдъ за тѣмъ за границу, то, по рекомендаціи патріаршей, взялъ и его съ собою. Въ Нарвѣ Серафимъ заболѣлъ и отсталъ отъ государевой свиты; но, выздоровѣвши, настигъ ее въ Амстердамѣ. Изъ Амстердама, вмѣстѣ съ государевой свитой, прибылъ въ Англію, гдѣ и продолжалъ свое образованіе. Года черезъ полтора онъ возвратился въ Константинополь. Но бродячая жизнь уже вошла въ его кровь. Черезъ полгода онъ отправился въ Венецію «видѣть тамошнія академіи», изъ Венеціи во Францію, Лузитанію и наконецъ опять въ Англію, гдѣ пробылъ около пяти лѣтъ. Въ эту-то бытность въ Англіи онъ и издалъ Новый Завѣтъ. «А то изданіе — показывалъ онъ — не я своею волею зачиналъ, но по совѣту архіепископа филиппополитанскаго Неофита, бывшаго тогда въ Англіи. Въ 1702 году, когда Неофитъ привелъ меня къ архіепископу кентерберійскому, чтобы я увидѣлъ короля Вильгельма, на престолѣ сидящаго (которое его засѣданіе было уже послѣднее), въ то время тамъ же, въ парламентѣ въ верхней палатѣ, ожидая королевскаго прибытія, говорилъ мнѣ архіепископъ кентерберійскій, что много должны англичане грекамъ, потому что отъ нихъ и науку и вѣру приняли; того ради въ семъ времени въ бѣдности, въ которой греки обрѣтаются, должны взаимно мы имъ дать хотя Слово Божіе, которое отъ нихъ мы взяли, на собственномъ ихъ языкѣ. И такъ мы его благодарили; а Неофитъ сказалъ мнѣ, что за тобою теперь дѣла никакого нѣтъ, мо-

жешь оное исправить и перемѣнить турецкія и италіянскія рѣчи, чтобъ всѣмъ грекамъ внятно было. Нѣсколько дней спустя договорился я съ типографщикомъ, купилъ бумаги на свои деньги и довелъ до половины Евангелія Луки. Но въ это время случилась смерть короля англійскаго и тогда архіепископъ кентерберійскій прислалъ ко мнѣ своего секретаря и сказалъ, что онъ не можетъ обѣщаніе свое подтвердить, потому что король умеръ. Но вспоможеніе учинили добрые друзья и до конца оный Завѣтъ привели, особливо же къ сему помогли докторъ Микенъ, капелланъ принца Георгія, брата короля датскаго, да Людольфъ юнѣйшій франкофуртскій».

«Въ ту же бытность въ Лондонѣ онъ получилъ нарочно посланнаго съ письмами отъ Присяжной Компаніи (которая состояла въ призываніи европейскихъ государей къ освобожденію грековъ отъ турковъ) къ королевѣ тогдашней англійской Аннѣ, у которой съ тѣмъ посланнымъ и былъ на секретной аудіенціи и получилъ обнадеживаніе въ помощи». Но Гелладій говоритъ, что ни этой компаніи, ни порученій Серафиму отъ кого бы то ни было о ходатайствѣ передъ европейскими правительствами, вовсе не было, а что онъ, Серафимъ, пользуясь тою же печатью, составлялъ разныя бумаги для корыстныхъ цѣлей.—Потомъ онъ прибылъ въ Голландію—это показаніе Серафима. Но по разсказу Гелладія, въ Лондонѣ онъ позванъ былъ въ судъ за одно очень дурное дѣло и ночью, обривши себѣ бороду, бѣжалъ изъ Лондона. (Accusatus enim criminis violentiae virginis, nondum decem annorum intentatae). Серафимъ въ коммиссіи долженъ былъ сознаться въ преступленіи, которое сдѣлалось печатно-гласнымъ. — Но мы будемъ слѣдовать порядку его показаній.

«Въ Голландіи, по рекомендаціи россійскаго посла графа Матвѣева, онъ былъ у тамошняго министра, съ такимъ же ходатайствомъ, какъ и въ Англіи, и получилъ такое же обнадеженіе. Матвѣевъ отправилъ его съ вице-адмираломъ Крюзомъ въ Россію. 6 августа онъ прибылъ въ Нарву, гдѣ сдѣлалъ то же представленіе вице-канцлеру графу Головину и получилъ государевъ отвѣтъ: «что учинятъ прочія потенціи, я болѣе учиню обязуюсь». Изъ Нарвы, на коштѣ его величества, прибылъ въ Москву, гдѣ и дожидался прибытія Государя. Въ то же время прибылъ туда Ме-

ѳодій, митрополитъ оессалоникскій, съ такими же предложеніями, которыя сдѣлалъ на публичной аудіенціи въ домѣ графа Головина, въ присутствіи Головкина, Зотова, Мусина-Пушкина и митрополита Стефана и получилъ тотъ же отвѣтъ».

Въ эту бытность въ Москвѣ Государь спрашивалъ у него чрезъ Стефана: надобно ли перекрещивать лютеро-кальвиновъ или нѣтъ? «Мое мнѣніе о семъ не сильно—отвѣчалъ Серафимъ—но есть въ канонахъ вселенскаго собора 3-го ефесскаго: которыхъ надобно окрещивать и которыхъ не надобно» («не ефесскаго—замѣтилъ Ѳеофанъ—и не 3-го, но 2-го вселенскаго, который былъ въ Константинополѣ»). Въ другой разъ онъ предлагалъ о способѣ обращенія идолопоклонниковъ подъ державою его величества и получилъ отвѣтъ: «надо поговорить съ Рязанскимъ». Наконецъ—третій случай — вручилъ его величеству апологію эѳіопскаго императора Давида, напечатанную въ Парижѣ на латинскомъ и еѳіопскомъ языкахъ: Государь отдалъ ее Рязанскому для перевода.

Серафимъ нажилъ себѣ въ Москвѣ хорошее состояніе. «Hi enim homines (Moscovitae) — пишетъ Гелладій — «nimiam ob amorem, quo Graecos prosequuntur, largiosa eleymosina hujusmodi homines onetare solent». Онъ просилъ себѣ у Государя греческій монастырь въ Москвѣ, но за военными походами Государю некогда было войти въ его дѣло.

Этимъ не кончились сношенія его съ Россіей. «Въ 1714 году — продолжаетъ онъ— посланы мы были въ Европу и Эѳіопію. больше сорока человѣкъ, ко всѣмъ потентатамъ европейскимъ и эѳіопскимъ, о союзной единодушной компаніи грековъ, а я чрезъ Средиземное море въ острова Циклады и Спорады, въ чинѣ экзарха, для расположенія дани и распоряженія союзниковъ, какъ имъ надо поступать, чтобы не впасть въ подозрѣніе у турковъ; оттуда въ Пелопонесъ, изъ Пелопонеса въ 1715 году въ Венецію. И предлагалъ я въ Сенатѣ, чрезъ канцлера венеціанскаго, о клятвѣ патріарха константинопольскаго на грековъ, которые вступаютъ въ венеціанскую службу, что онъ то учинилъ не отъ собственнаго произволенія, но принужденъ былъ то писать по приказу визирскому, подъ страхомъ смерти. Предлагалъ также о корабельщикахъ острововъ, которые охотно желаютъ служить республикѣ;

по они, откладывая мои предложенія со дня на день, говорили, чтобы предложилъ, когда коллегія перемѣнится; и, хотя перемѣнялась неоднократно коллегія, однако отвѣта не получилъ и отправился въ Вѣну, гдѣ услышалъ о взятіи турками Морен. (Слѣдователи спросили Серафима: «не было-ль въ это время на него какихъ подозрѣній?» Серафимъ отвѣчалъ, что «во время взятья отъ турковъ Морен (въ 1715 году) какой-то архимандритъ Серафимъ пойманъ былъ отъ венеціанъ въ измѣнѣ ихъ республикѣ къ туркамъ и повѣшенъ въ Неаполѣ, и пронеслось, что это онъ Серафимъ, а онъ былъ въ Вѣнѣ»). «Въ 1720 году прибылъ я изъ Вѣны въ Польшу, гдѣ десять лѣтъ жилъ подъ именемъ переводчика восточныхъ языковъ». («Правда ли — спрашивали слѣдователи — что ты имѣлъ свой домъ и жену въ Варшавѣ?» «По законному браку жены не имѣлъ, но токмо, поелику человѣкъ мірской, имѣлъ при себѣ домостроительницъ или служанокъ»). «И писалъ изъ Варшавы много разъ къ вице-канцлеру Головину, но отвѣта не получалъ. Потомъ въ прошломъ 1731 г. чрезвычайный посолъ Ягужинскій и посланникъ Бестужевъ приказали мнѣ ѣхать въ Москву и я поѣхалъ изъ Варшавы 1-го мая 1731 года въ Стокгольмъ, для коммерціи съ компаніею Балтическою, а оттуда въ С. Петербургъ для тѣхъ же предложеній, о которыхъ писалъ изъ Варшавы, именно о признаніи Іоанна Антонія Ласкаря Комнина Палеолога, по признанію двора папскаго, по порядку времени и линіи, и двора цесарскаго за законнаго наслѣдника римской имперіи, какъ явствуетъ изъ книги его, недавно изданной подъ заглавіемъ: анакефалеосисъ и изъ привиллегій его автентическихъ, которыя при себѣ имѣетъ о вѣчномъ союзѣ съ нимъ и о помощи грекамъ на морѣ».

Но въ показаніяхъ Серафима о его похожденіяхъ былъ значительный пропускъ, именно о занятіяхъ его по отбытіи изъ Россіи въ 1705 году до 1714 года Коммиссія потребовала обстоятельныхъ показаній объ отношеніи его къ шведамъ, съ которыми Россія въ ту пору была въ войнѣ. «Послѣ полтавской побѣды — показалъ Серафимъ — когда Карлъ XII былъ въ Бендерахъ, то былъ отъ него въ Константинополь посланникъ Мартинъ Пебуеръ (Нейгебауеръ, бывшій въ Россіи учителемъ царевича Алексѣя Петровича) и просилъ визиря, чтобъ его (Серафима) отъ англійскаго посла въ Константинополѣ, у котораго

былъ Серафимъ, отрѣшить и опредѣлить къ нему Небуеру; и былъ при немъ, а потомъ, послѣ него, при шведскомъ же послѣ, полковникѣ Функѣ; а когда король возвращался въ Швецію, то Функъ умеръ, а онъ (Серафимъ) при посланникѣ Гротъ Глуренѣ посылапъ былъ отъ шведскаго двора въ Константинополь попрощаться отъ лица короля съ султаномъ, а потомъ былъ въ Демотикѣ и откланялся шведскому королю. Король звалъ его съ собою, но онъ отвѣчалъ: имѣли вы Гуго Гроція, который толь многія показалъ благодѣянія какъ въ Швеціи, такъ и во Франціи; потомъ, въ старости его, не имѣла нація частицы хлѣба къ пропитанію его, хотя онъ былъ и вѣры вашей, такъ что долженъ былъ ходить къ швейцарцамъ искать своего пропитанія (намекъ на неблагодарность шведовъ). (Ѳеофанъ замѣтилъ, что Серафимъ показалъ невѣдѣніе о Гуго Гроціѣ, съ которымъ не то дѣлалось, что онъ говорилъ). Это было самымъ важнымъ изъ всѣхъ показаній Серафима. Оно-то и было поводомъ къ его аресту. «Когда онъ въ С.-Петербургъ явился — писала коммиссія — тогда отъ разныхъ людей слухъ произшелъ, что онъ въ прошедшее шведской войны время россійскому государству зложелательствовалъ; ибо бывъ не однюжды въ Россіи и отъ блаженной памяти Государя императора Петра I немалыя благодѣянія получивъ, потомъ у короля шведскаго въ турецкомъ государствѣ секретаремъ служилъ и о томъ его императорское величество Петръ I-й былъ извѣстенъ и печалью на плута сего нарекалъ. И о семъ нынѣ ея императорское величество слыша указать изволила какъ о состояніи его, такъ и о причинѣ его пріѣзда въ С. Петербургъ изслѣдовать, паипаче и для того, что онъ и въ сіе время изъ Стокгольма пришелъ сюды».

Положеніе Серафима и образъ дѣйствій его довольно обозначились изъ его показаній: ясно, что это былъ шпіонъ, продававшій себя всякому правительству: — венеціянскому, турецкому, шведскому. Къ этому присоединилось нѣсколько побочныхъ обстоятельствъ о царскомъ происхожденіи, какое онъ себѣ усвоялъ и о его церковномъ званіи и служеніи. Серафимъ выдавалъ себя за потомка греческой императорской фамиліи. «Объявляетъ себя — писала коммиссія — аки бы фамильнымъ прозваніемъ Погоната, т. е. брадатый, какое имѣлъ Константинъ, императоръ греческій, правнукъ Иракліевъ, умершій 685 года, и причитаетъ себя къ цар-

скому роду; но это прозваніе было собственное одного императора, который пошелъ на войну въ Сицилію безъ бороды, а возвратился съ бородою, за что народъ и прозвалъ его *бородатый*, а къ потомкамъ то прозваніе не перешло: да и самъ онъ такъ не писался, понеже и вина прозванія не важная была, какъ и сынъ его Юстиніанъ Ринотметъ (безносый) не писался Ринотметомъ; какъ родъ Михаила Бальбы (прозваннаго такъ за рѣчь его несвободную) не писался Бальбою». По этому же праву происхожденія онъ назывался и писался экзархомъ спорадскихъ и цикладскихъ острововъ на Эгейскомъ морѣ и всего Средиземнаго моря.—Наконецъ также странно обозначалось его церковное званіе и служеніе. Гелладіл пишетъ, что, не имѣя никакого церковнаго чина, онъ совершалъ литургію въ Парижѣ, въ уніатской греческой церкви. Коммиссія спрашивала: гдѣ онъ совершалъ литургію и въ какихъ ризахъ и на какихъ сосудахъ? Серафимъ отвѣчалъ, что онъ служилъ въ греческомъ храмѣ, гдѣ служатъ греки православные, греки схизматики и греки уніаты. Ѳеофанъ нашелъ страннымъ показаніе о храмѣ, имѣющемъ подобное назначеніе, и эту классификацію Грековъ на православныхъ, схизматиковъ и уніатовъ и не зналъ чему приписать ее. «Гдѣ онъ бралъ ризы и сосуды?» «Потиръ и дискосъ нашелъ тамъ, а звѣзду имѣлъ съ собою. Вмѣсто фелоня употреблялъ римскій плювіалъ, а подризникъ и епитрахиль имѣлъ съ собою». «Вранье чудное. Если не имѣлъ потира и дискоса, то зачѣмъ возить съ собою звѣзду? Если имѣлъ подризникъ свой и епитрахиль, то для чего не имѣлъ и фелони, будто бы на фелонь, потиръ и дискосъ нужно особыя подводы нанимать». Patibulo dignus—говоритъ Гелладіл—non sancto habitu fuit hic homo.

По окончаніи слѣдствія, коммиссія представила мнѣніе о Серафимѣ, какъ человѣкѣ весьма подозрительномъ къ шпіонству. «Мы спрашивали о немъ — прибавила она въ своемъ донесеніи — графа Боднса и доктора Миніята, которые оба греческой націи, и его превосходительства Саввы Владиславлевича и всѣ они сказали тоже, припоминая воровства его. А что будто онъ— полномощный делегатъ всей греческой націи и собираетъ по Европѣ охотниковъ въ союзническое ополченіе на турка для осво-

божденія грековъ изъ-подъ турецкаго ига, и то все сущее плутовство». 7 іюля 1732 года, по докладу Тайной канцеляріи, состоялся высочайшій указъ: «онаго Серафима за то, что онъ по слѣдствію признанъ нынѣ къ шпіонству и къ немалому плутовству, послать въ Сибирь въ охотскій острогъ».

Серафимъ, для нашего изслѣдованія, лицо стороннее и случайное. Но процессъ его открылъ глаза Ѳеофану на его ближайшихъ недоброжелателей, обнаружилъ побужденія, которыми руководствовался Евонмій Коллети, вступая въ связь съ Рябейрой. Виновникомъ этого открытія былъ Гелладій. Оправдывая грековъ въ томъ, что они не принимаютъ изданій Новаго Завѣта на народномъ языкѣ, Гелладій разсматриваетъ всѣ три изданія — женевское, лондонское и галльское и, перечислял различные недостатки ихъ, говоритъ, что женевскій издатель (Максимъ Каллиполитанскій) не зналъ греческаго языка; лондонскій (Серафимъ) предпослалъ тексту предисловіе, оскорбительное для константинопольскаго патріарха и греческихъ епископовъ; наконецъ галльскій (Франкій) присоединилъ къ тексту примѣчанія или комментаріи *дона Ливерія Коллети*, при недостаточномъ знаніи греческаго языка, направленныя въ пользу католичества.

Кто такой донъ Ливерій Коллети? Откуда это — *донъ* — у грека? Откуда эта фамилія не греческая? Ливерій и не видывалъ Греціи, совершенно не знаетъ греческаго языка, не умѣетъ даже своего имени подписать правильно. En tibi Graecum scilicet, qui ne quidem nomen suum scribere novit. Constat igitur, Colletum nostrum non solum in Italia et natum et educatum fuisse, verum nec limites quidem Graeciae, nedum Athenas vidisse. Ясно, что нашъ Коллети нетолько родился и воспитывался въ Италіи, но никогда не видалъ береговъ Греціи и Аѳинъ. У него всѣ обычаи католическіе. Онъ наполнилъ домовую церковь графа Платона Мусина-Пушкина рѣзными образами, такъ что князь вынужденъ былъ замѣтить ему, что это римскій обычай, противный Церкви православной. Этотъ же князь говорилъ ему, чтобы онъ, входя въ церковь, не становился на колѣни предъ престоломъ, сложивши руки на груди по католически, и грозилъ удалить изъ своего дома, если онъ не оставитъ этого обычая. Но Коллети не могъ скоро отстать отъ стараго обычая и постоянно возвращался къ нему.

Nonnulli nebulones non aliam ob causam Graecum induunt nomen, quam ut majorem benevolentiam atque honorem exterorum adipiscantur.

Гелладій посвятилъ цѣлую 19 главу своей книги комментаріямъ Коллети на Новый Завѣтъ. По словамъ его они направлены въ пользу католичества. Между прочимъ онъ приводитъ одинъ перифразъ, прямо искажающій смыслъ священнаго текста въ пользу католическаго догмата объ исхожденіи Св. Духа и отъ Сына; именно въ 1-мъ посланіи къ Кор. глав. 2. стих. 16. «Мы же имѣемъ Духа Святаго, *который есть Христовъ*». — «Какой языкъ — заключаетъ Гелладій — можетъ выразить всю крайнюю горесть, которою я былъ убитъ, когда увидѣлъ, что всемилостивѣйшая государыня Софія Луиза, наша госпожа и покровительница, погубила столько издержекъ безъ всякой пользы для моего народа. Вина этого самою значительною долею должна упасть на дона Ливерія Коллети, который, изъ-за гнусной корысти, обманулъ надежды и довѣріе почтеннѣйшаго Франкія, такъ что онъ жаловался мнѣ на него съ величайшею скорбію, но было уже поздо».

Меньше, чѣмъ черезъ мѣсяцъ послѣ ссылки Серафима, именно 10 августа (1732 г.) арестовали Евонмія; а вслѣдъ за нимъ, 12 августа Платона. Изъ Москвы, кромѣ того, взяли въ Тайную канцелярію заиконоспасскаго архимандрита Софронія Мигалевича, ученика богословія Красильникова, іеродіакона Скрынницына и Евонміева келейника—Якова Вязьмина. По связи лицъ ясно, что дѣло пошло о Рибейрѣ.

Книга его издана была на латинскомъ языкѣ, подъ заглавіемъ: *Responsum antapologeticum*. На заглавномъ листѣ показано, что она напечатана въ Вѣнѣ въ 1730 году. Въ Москвѣ первый экземпляръ ея оказался у Евонмія. Гдѣ онъ взялъ его, осталось неразъясненнымъ. Самъ онъ показывалъ, что получилъ изъ испанскаго посольства. Но любопытны подробности о ея путешествіи по рукамъ русскихъ ученыхъ. Евонмій далъ ее для прочтенія сперва архимандриту Платону Малиновскому, потомъ вологодскому епископу греку Аѳанасію Кондоиди. Когда Евонмій потребовалъ книгу назадъ, то Аѳанасій не возвратилъ ее, а сказалъ, что къ нему пріѣхалъ іеродіаконъ новгородскаго архіепи-

скопа Ѳеофана Адамъ и ту книгу силой у него Аоанасія отнялъ». Это было первое показаніе Аоанасія. Послѣ онъ сознался, что самъ передалъ книгу Ѳеофану.

Евоимій принималъ участіе въ переводѣ книги на русскій языкъ; но Ѳеофанъ полагалъ, что самое (будто-бы вѣнское) изданіе было русскаго происхожденія. Онъ догадывался, что книга издана въ Россіи и притомъ послѣ отъѣзда Рибейры изъ Россіи, т. е. послѣ 1730 года.

На первыхъ допросахъ у Евоимія спрашивали: съ кѣмъ изъ чужестранныхъ министровъ и другихъ чужестранцевъ онъ имѣлъ обхожденіе и дружбу и по какому побужденію переводилъ книгу доминиканца Рибейры? Евоимій отвѣчалъ уклончиво, что у него бывалъ только гишпанскій министръ Дукъ Делирій дважды, а съ нимъ были изъ чужестранцевъ три или четыре человѣка, а кто они были—не знаетъ; но слуга его сказалъ прямо, что съ Дукомъ были секретарь его и патеръ Рибейра, которые, кромѣ того, и одни прихаживали къ нему много разъ. «О переводѣ оной книги была ему просьба какъ отъ Рибейры, такъ и отъ чудовскаго архимандрита Ѳеофила Кролика. Евоимій въ ту пору спрашивалъ у Кролика о Рибейрѣ: что это за человѣкъ? Кроликъ отвѣчалъ, что онъ и самъ не знаетъ, но что онъ принесъ показать книгу Буддея противъ Камня Вѣры, напечатанную въ Іенѣ на латинскомъ языкѣ. При этомъ онъ спрашивалъ у Евоимія: знаетъ ли онъ въ Іенѣ профессора Буддея? Евоимій отвѣчалъ, что видалъ его въ саксонскомъ городѣ Але, только знакомъ съ нимъ не былъ. Послѣ того Рибейра спросилъ: знаетъ ли Буддей русскій языкъ? Евоимій отвѣчалъ, что не знаетъ. Въ свою очередь онъ спросилъ у Рибейры: гдѣ онъ взялъ Буддееву книгу? Рибейра сказалъ, что купилъ въ Москвѣ въ Нѣмецкой слободѣ и, оставивши Евоимію свой экземпляръ для прочтенія, просилъ возвратить поскорѣе, потому что онъ сочиняетъ въ отвѣтъ этому Буддею пункты. Послѣ того, пришедши къ нему, принесъ съ собою двѣ тетради, написанныя на латинскомъ языкѣ противъ Буддея и просилъ его Евоимія, чтобы приказалъ перевесть на русскій языкъ. Евоимій отдалъ ихъ для перевода священнику церкви сорока мучениковъ, а тотъ пріискалъ къ себѣ въ товарищи ученика Краспльникова и іеродіакона Скрыницына, съ которыми они обще и

переводили Рибейрины тетради. Рибейра говорилъ, что онъ хочетъ издать свою латинскую книгу съ русскимъ переводомъ и потому спѣшитъ этимъ дѣломъ, чтобы успѣть напечатать до отъѣзда изъ Москвы». Впослѣдствіи, уличенный слугою, Евоимій сознался, что съ Рибейровыхъ тетрадей и самъ онъ переводилъ и поправлялъ переводъ вышепомянутыхъ переводчиковъ, но дѣлалъ это безъ всякаго умысла, токмо по одной ревности къ св. восточной церкви, потому что Буддей въ книгѣ своей сочинилъ многое ругательство церкви святой, а Рибейра, хотя не греческаго исповѣданія, на ту книгу много написалъ къ защищенію восточной церкви.—«Видѣлъ ли онъ, что Рибейра называетъ претендента Іакова истиннымъ англійскимъ королемъ»? Евоимій отвѣчалъ, что не помнитъ и что это не его дѣло.—«Видѣлъ ли, что въ сочиненной Рибейрою книгѣ написано, будто россійское духовенство склонно къ папежскому исповѣданію»? Евоимій отвѣчалъ, что видѣлъ, токмо онъ и самъ вѣдаетъ, что папежская вѣра склонность имѣетъ съ благочестивою вѣрою греческаго исповѣданія, а именно въ таинствахъ, въ иконахъ, въ постахъ и въ прочемъ.—Кромѣ того, найдена была переписка Евоимія съ испанскимъ посольствомъ уже по отбытіи послѣдняго изъ Москвы.—Съ другой стороны явились обстоятельства, сближавшія Евоимія съ нѣкоторыми изъ членовъ партіи, распространившей пасквильное житіе Ѳеофана и подбросившей безъименное письмо. Ѳеофану довольно было этого, чтобы не только привязать Евоимія съ его сообщниками къ этой лигѣ, но въ тоже время выставить его шпіономъ, подкупленнымъ врагами Россіи, представить вождемъ партіи, которая въ связи съ внѣшними недоброжелателями Россіи, старается взволновать государство и совратить русскую церковь въ латинство.

Послѣ допросовъ Евоимія, Ѳеофанъ донесъ Государынѣ: «Что я о проявившемся нынѣ мятежесловіи примѣчаю, о томъ всепокорнѣйше доношу вашему императорскому величеству въ слѣдующихъ пунктахъ. Которой компаніи былъ бывшій іеродіаконъ, что нынѣ разстрига Іона, нельзя помыслить, что не изъ той же компаніи или факціи были и доселѣ происходящіе подметы; понеже и матерія ихъ и намѣреніе одно, еще же и въ рѣчахъ согласіе. И потому еще того гнѣзда сверщки сѣдятъ въ щеляхъ и посвистуютъ; а далъ бы Богъ изыскать ихъ и прогнать. Вчера въ извѣстномъ

собраніи грекъ чудовскій такъ мялся и шатался и самъ себѣ прекословилъ, говоря и отговаривая, что я не падѣюсь, чтобъ мощно сыскать подобное сему безстудіе: о чемъ донесутъ вашему величеству высокопочтенные министры. А я разсуждаю, что онъ и внутренней факціи членъ и внѣшней — шпіонъ, лишь бы еще и ненанятый недешевою цѣною. Пишетъ къ нему иностранный секретарь въ словахъ весьма скрытныхъ, изъ чего знать, что пишетъ о дѣлѣ, которое свѣта боится: а онъ намъ подавалъ толки о таковыхъ дѣлахъ, о которыхъ скрытно говорить нѣтъ никакой нужды. Да и толки оные, стоя при насъ, какъ видно было, придумывалъ, да такъ какъ бы въ огневицѣ. Сказалъ же и о Рибейровой книгѣ, что его стараніемъ переведена на русскій языкъ; а то дѣлано весьма тайно, а не знать, для чего бы тайно. Обрѣтается во оной книгѣ нареканіе на Россію въ томъ самомъ, въ чемъ нарекаетъ и подметная нынѣшняя тетрадка. А отъ сего видѣть мощно, что внѣшняя нѣкіихъ иностранныхъ факція съ внутреннею злодѣевъ нашихъ компаніею имѣетъ согласіе. Въ той же книгѣ англійскій претендентъ правильнымъ королемъ нарицается, къ попошенію пастоящаго будто бы не законнаго. И понеже хотѣли книгу оную и на русскомъ языкѣ вашему величеству дедиковать: то кажется явно, что искали они сугубой себѣ оттуду пользы, чтобъ такъ и англичанъ именемъ русскихъ застращать, и народъ бы россійскій съ оною націею привесть въ междуусобное подозрѣніе и недоброхотство. И сія причина была оную книгу переводить, а коварство требовало, чтобъ переводъ тотъ тайно дѣлался. Кратко сказать, ищутъ враги Россіи и внутренней болѣзни и внѣшняго бѣдства, а тому происку служатъ и съ нашей стороны лица духовные и присяжные».

Придавши дѣлу такое огромное значеніе, Ѳеофанъ этимъ самымъ взялъ въ свои руки и Тайную канцелярію съ Ушаковымъ и Кабинетъ съ высокосіятельными господами министрами. Онъ самъ велъ все дѣло этой интриги, безъ устали, до конца своей жизни. Можно сказать, что онъ истощился въ этой интригѣ, истратился въ этихъ судейскихъ мелочахъ, размѣнялъ свой огромный талантъ на мелкую монету и пускалъ его за безцѣнокъ въ игрѣ съ Ушаковымъ и его отъ гвардіи сержантами и унтеръ-офицерами. Жалкая трата великаго дара!

Чудовскаго архимандрита приказано отвесть въ крѣпость, а Феофану отъ Кабинета поручено написать объясненіе: «въ книгѣ противъ апологіи Буддеевой на книгу Камень Вѣры не имѣется ль противностей церкви православной вѣры греческаго закона и иныхъ неприличныхъ рѣчей къ лицу ея императорскаго величества и къ поношенію и укоризнѣ россійской имперіи и тому подобныхъ». Отвѣтъ Феофана, поданный кабинетнымъ министрамъ, есть чрезвычайно хитрая вещь, разсчитанная на подозрительность Государыни и нелюбимыхъ русскими иностранцевъ. «Иностранныхъ въ Россіи мужей — писалъ Θеофанъ — ругательнѣ нарицаетъ человѣчками или людишками и придаетъ, что русское государство ихъ питаетъ, а церковный законъ ономи гнушается. Видно на кого онъ за пропитаніе иностранныхъ въ россійскомъ государствѣ нарекаетъ! Презеса петербургской академіи злодѣйствомъ опорочивъ придаетъ сію рѣчь: «и то-де не дивно; понеже вси лютераны суть, что таковая ихъ правда и вѣра въ дѣлахъ гражданскихъ». Всѣхъ сплошь протестантовъ,—изъ которыхъ многое число честныя особы и при дворѣ, и въ воинскомъ и гражданскомъ чинахъ рангами высокими почтены служатъ—неправдою и невѣрностію помаралъ, изъ чего великопочтеннымъ особамъ немалое учинилъ огорченіе. Θеофана, архіепископа новгородскаго, почтивъ титлою премудрѣйшаго, коварно порицаетъ склонностію къ протестантамъ за то, что онъ въ нѣкоемъ словѣ своемъ назвалъ Буддея зѣло ученымъ человѣкомъ. Какъ сильно ученый былъ Буддей, всему ученому свѣту извѣстно; и таковымъ его славятъ и самые ученые католики. Да Рибейра клеветникъ ставитъ въ вину—несогласныхъ въ исповѣданіи ученымъ называть. Мы многихъ и католицкаго собранія мужей, разными ученіи просіявшихъ, называемъ учеными, кромѣ таковыхъ, каковъ Рибейра мудрецъ. А Феофилакту, тверскому архіепископу, сочинилъ похвалы слѣдующія: «Θеофилактъ Лопатинскій, тверскій архіепископъ, премудрѣйшій въ школахъ и, по моему извѣстію, преострѣйшій богословъ, въ епархіи пребодрѣйшій пастырь, въ Синодѣ правдивѣйшій судія, во всей Россіи изъ духовныхъ властей прелюбезнѣйшій». Необычайная похвала, да еще тому, съ которымъ Рибейра, сколько мы вѣдаемъ, рѣдко когда и видался. Во утвержденіе того, что будто восточнаго исповѣданія люди благосклонны къ исповѣданію

римскому, пишетъ слѣдующее: «не исповѣмъ—рече—что въ Россіи случалось мнѣ и съ премудрѣйшими не малое число имѣть бесѣды, между которыми едва одного могъ бы я познать, что католикамъ онъ весьма противенъ. Мудріи греки не гнушаются латинами, но еще священнослуженія ихъ почитаютъ; яко же когда и самую я отправлялъ святую литургію въ великомъ монастырѣ троицкомъ: тогда тамо благоговѣйнѣйше предстоялъ архимандритъ со многими; о чемъ тысящекратно свидѣтельствовать буду». Не сумнѣваемся, что Рибейра какъ сіе, такъ и сего больше, по народамъ трубить хощетъ, понеже то таковымъ мотамъ обычно и свойственно; только же и то намъ не сумнительно, что у благоразсудныхъ людей лжівецъ сей нигдѣ себѣ вѣроятія не получитъ. Кто бо толь безстыдныхъ вракъ не поплюетъ? Подлинно се не рядовое вранье». Въ заключеніе своего разбора Ѳеофанъ пишетъ: «и тако по моему извѣстію является, что Рибейра своимъ или чужимъ намѣреніемъ, подъ видомъ доброхотной къ исповѣданію нашему защиты, насѣялъ многое число вредныхъ плевелъ, къ раздраженію иностранныхъ народовъ на россійскій народъ и къ междоусобной внутренней въ народѣ россійскомъ смутѣ. Приходитъ же мнѣ на мысль, что въ прежніе многіе годы, начиная съ 1700, въ Италіи и въ другихъ иноземныхъ странахъ, іезуиты и прочіе католическіе духовные учители, разсѣевали непрестанно вѣдомости, будто бы блаженныя памяти государь императоръ Петръ I-й принимаетъ или принялъ съ римскою церковію соединеніе; и ложнымъ тѣмъ слухомъ какъ греческимъ, такъ и русскимъ восточнаго исповѣданія, людямъ не малое чинили въ вѣрѣ сумнительство. Сіе же воспоминая, не могу не имѣть подозрѣнія, что не къ тому же ли намѣренію и рибейровы въ сей книжицѣ лжесоставныя объявленія устроены» [1])?

До 1734 года оба архимандрита, Евѳимій и Платонъ, считались еще сѵнодальными членами и, по указу Верховнаго Тайнаго Совѣта (1726) о членахъ неприсутствующихъ, получая половину своего штатнаго жалованья, были кое-какъ обезпечены въ необходимыхъ нуждахъ. Но въ 1734 году Сѵнодъ назначилъ въ мо-

[1]) Отзывъ Ѳеофана о книгѣ доминиканца Рибейры напечатанъ въ *Рыиловскомъ дѣлѣ*, Спб. 1861 г. *Приложенія*, стр. 17—31.

пастыри, на ихъ мѣста, другихъ архимандритовъ, а Государыня— въ Сѵнодъ другихъ членовъ. Выдача жалованья имъ прекратилась. Въ маѣ 1735 года оба архимандрита прислали въ Сѵнодъ доношенія, которыми просили выдать имъ что-нибудь въ счетъ имѣющихся у нихъ по монастырямъ пожитковъ, чтобы имъ «не умереть съ голоду и стужи». Сѵнодъ выдалъ имъ, на крайнюю нужду, понемногу. Въ іюнѣ Тайная канцелярія предложила Сѵноду, что кабинетные министры и генералъ Ушаковъ приказали: содержащагося въ Тайной канцеляріи бывшаго чудова монастыря архимандрита Евѳимія Коллети, по касающемуся до него въ Тайной канцеляріи нѣкоему важному дѣлу, священства и монашества лишить, и просила прислать для этого дѣла надлежащую духовную персону. Сѵнодъ командировалъ для этого, бывшаго при домѣ преосвященнаго Леонида, іеромонаха Герасима. Послѣ разстриженія, Евонмію приказано зваться по мірскому — Елевоеріемъ Колетіемъ.

Лишеніе сана было только приготовленіемъ къ допросамъ и истязаніямъ. Къ дѣлу о переводѣ тетрадей присоединилось подозрѣніе Оеофана въ томъ, что самая латинская книга Рибейры издана Евонміемъ. Для розыска этого дѣла еще въ 1732 году, Тайная канцелярія взяла изъ Москвы въ С. Петербургъ директора московской сѵнодальной типографіи Барсова. Независимо отъ его собственной вины по дѣлу пасквильныхъ тетрадей, въ немъ была нужда при слѣдованіи о Евонміѣ. 1 ноября 1735 года сдѣлали ему допросъ въ присутствіи Ушакова и сѵнодальныхъ членовъ — Питирима и архимандритовъ чудовскаго Аарона и симоновскаго Амвросія. Вопросы слѣдователей вертятся, главнымъ образомъ, около рибейриной книги. Имъ казалось, что книга напечатана въ Москвѣ или Ревелѣ, а не за границей, и что Евонмій подкупленъ испанскимъ посломъ. Но первое онъ рѣшительно отрицалъ, а о послѣднемъ сказалъ, что даровъ за печатаніе книги ни отъ кого не получалъ; только при отъѣздѣ герцогъ лирійскій далъ ему двѣ или три стклянницы деревяннаго масла.

Въ разспросахъ и очныхъ ставкахъ съ Барсовымъ открылось, однакожъ, что Ливерій приказывалъ Барсову именемъ св. Сѵнода доставить къ нему изъ типографіи латинскія литеры, но потомъ вскорѣ возвратилъ ихъ, объявивши, что они не нужны

что для печатанія книжицы пріискано другое мѣсто. По этому поводу онъ разсуждалъ съ Барсовымъ, что въ ревельской типографіи по латышѣ чисто печатаютъ. Ливерій отстранялъ это показаніе тѣмъ, что, спрашивая о литерахъ, онъ разумѣлъ печатаніе Синодскаго букваря; но Барсовъ показалъ прямо, что рѣчь была о рибейриной книгѣ. Платонъ Малиновскій на допросѣ и очной ставкѣ съ Ливеріемъ также показалъ, что какъ будто слышалъ отъ Колетія, что эта книга напечатана въ С. Петербургѣ.

Въ видахъ разъясненія этого дѣла, Ѳеофанъ предложилъ Синоду собрать нужныя справки. «Въ московской, кіевской и черниговской типографіяхъ справясь, каковыя имѣются въ нихъ азбуки латинскихъ литеръ, которыми печатались и печатаются латинскія книги, тѣхъ азбукъ всѣхъ, не упуская ни одной (подъ смертною казнію), литеры набравъ порядочно съ достодолжнымъ искусствомъ, дабы ясно было всякому человѣку ко чтенію и смотрѣнію, такожъ сколько ни есть по великороссійскому названію заставицъ, а по малороссійскому называнію празалокъ, которыя печатаются для украшенія въ починѣ книги, — оными литерами каждой азбуки напечатать молитву Господню: Отче нашъ (латинскимъ, а не русскимъ языкомъ: pater noster) и прочая до окончанія, и по напечатаніи прислать св. Синоду для разсмотрѣнія въ самой скорости, понеже въ томъ обстоитъ нѣкоторая не малая нужда. Архимандритамъ обрѣтающихся въ Москвѣ монастырей — андроніевскому Кипріану и спасскаго училищнаго Стефану — допросить служителей московской типографіи, которые печатаніе книгъ отправляютъ, и другихъ, бывшихъ въ нижеозначенныхъ годахъ, всѣхъ безъ всякаго изъятія, не оставляя ни одного человѣка, подъ присягою, секретнымъ образомъ, порознь, съ крѣпкимъ подтвержденіемъ, подъ опасеніемъ за лживое показаніе или утайку не токмо каковаго жестокаго наказанія, но и лишенія живота, въ надлежащемъ мѣстѣ, о нижеслѣдующемъ: въ 1728, 1729, 1730, 1731 и 1732 годахъ въ той московской типографіи или въ какомъ либо ни есть въ Москвѣ мѣстѣ, по просьбѣ чьей или по приказу бывшихъ въ тѣхъ годахъ командировъ московской типографіи, или кого изъ синодальныхъ членовъ, или другихъ, какого бы ни было званія, какъ духовныхъ, такъ и мірскихъ лицъ,—не печатаемо ли было, тайно или явно, каковой ни есть книги латин-

скимъ діалектомъ, обрѣтающимся въ типографіи или данным особливо отъ оныхъ упоминаемыхъ персонъ, или и кромѣ ихъ—сторонними, кто бы они ни были?—И буде было таковое печатаніе книги, то въ какой силѣ и отъ кого именно о печатаніи той книги тѣмъ мастеровымъ людямъ говорено было и приказывано, и просто-ль безъ запрещенія, или съ каковымъ ни есть запрещеніемъ, и для какой или каковыхъ причинъ? 3) Допросить и о томъ: въ означенныхъ годахъ таковыя книги на латинскомъ діалектѣ, каковая сочинена (противъ написанной апологіи знатнаго (иностраннаго) богословца Буддея о погрѣшностяхъ, обрѣтающихся въ книгѣ: Камень Вѣры) плутцомъ монахомъ доминиканомъ Рибейрою, бывшимъ въ Москвѣ при испанскомъ послѣ дукѣ Делиріи, печатаніе тайно или явно было ли? А именно, въ московской типографіи, въ домѣ бывшаго директора оной типографіи Барсова, или на обрѣтающемся въ Москвѣ подворьѣ ипатскаго, что на Костромѣ, монастыря, или въ чудовѣ монастырѣ, или же въ другомъ какомъ мѣстѣ? И ежели то печатаніе подлинно было: когда то именно началось и окончилось, и гдѣ изъ оныхъ мѣстъ, и чьимъ то стараніемъ собственнымъ произвожено было, а именно—Барсова ли, или бывшихъ архимандритовъ—чудовскаго Колети и ипатскаго—Малиновскаго? И каковыя сначала и отъ кого изъ оныхъ персонъ о напечатаніи той книги рѣчи говорены были—съ похваленіемъ ли оной книги, и буде съ похваленіемъ—каковымъ образомъ и за что? И не говорено-ль было отъ кого изъ тѣхъ, когда приступъ былъ къ печатанію ея, чтобъ никто о печатаніи той книги, нигдѣ, никому и ни для чего не разглашалъ, подъ опасеніемъ не малаго истязанія (по примѣру таковому, какъ печатаемы были секретно, въ нѣкоторомъ мѣстѣ, по указу ея императорскаго величества въ 1731 году, настоящія о наслѣдникѣ россійскаго престола присяги), и яко бы ту книгу тайно велѣно напечатать по указу ея императорскаго величества? И буде тако оное происходило—и отъ кого изъ тѣхъ именно, и не было ль тѣмъ мастеровымъ людямъ давано за печатаніе той книги какого награжденія, и буде было—чѣмъ и сколько и кто давалъ. И при тѣхъ допросахъ объявить имъ, мастеровымъ людямъ, съ крѣпкимъ обнадеживаніемъ, чтобъ они подлинно знали и были бъ весьма надежны, понеже имъ за напечатаніе оной книги, хотя они како-

вое за то награжденіе получили, по высоко-монаршему и милосердому ея императорскаго величества разсужденію, въ вину не причтется. А то все дѣйствіе производить въ оной московской типографіи, или спасскомъ училищномъ монастырѣ, въ особливомъ мѣстѣ, и при томъ произвожденіи того дѣйствія быть московской типографіи секретарю Дурасову». На концѣ приписано рукою Ѳеофана: «при томъ же и обыскать въ киріановыхъ домѣхъ, нѣтъ ли какихъ латинскихъ сочиненій письменныхъ, тако-жъ и печатныхъ, полныя ли будутъ, или каковые ни есть лоскутки. И оные собравъ въ одинъ пакетъ и запечатавъ прислать въ С.-Петербургъ въ св. Сунодъ, ничего и малаго не пророня и не утаевая».

Не извѣстно, какія донесенія сдѣланы были по этому требованію; по Ѳеофану довольно было показаній Барсова и особенно Малиновскаго, чтобы утвердиться въ своемъ подозрѣніи на счетъ русскаго происхожденія рибейровой книги.

Въ этомъ смыслѣ Ѳеофанъ донесъ Кабинету о результатѣ своихъ поисковъ. «Было слѣдованіе—чьимъ тщаніемъ такъ вредная книжица произведена на свѣтъ типографскимъ тисненіемъ, и гдѣ она была напечатана. Хотя же и найдены таковаго отравнаго состава продавцы, однако же досель не было извѣстно, гдѣ составъ той и въ которой типографіи, нашей ли или въ иностранной какой, напечатанъ. А нынѣ показуется, что оная Рибейрова книга имѣла быть напечатана въ московской типографіи; по намѣреніемъ извѣстныхъ того промышленниковъ, съ опаснаго на безопасное, какъ они помышляли, перемѣннымъ, напечатана она, по близкому догаду нашему, въ типографіи С.-Петербургской Академіи Наукъ, которой нашей конјектуры (догадки) имѣемъ мы и явно произнесемъ нелегкіе аргументы».

---

3) Продолженіе слѣдствія о подметномъ письмѣ.—Показанія разстриги Осипа.—Новые аресты.

Пока шло иверское слѣдствіе и переборка сообщниковъ Рибейры, Ѳеофанъ попробовалъ искать автора подмстнаго письма другимъ путемъ. Онъ предложилъ Тайной канцеляріи допросить

разстригу Осипа—кого онъ знаетъ изъ партіи Родышевскаго и Аврамова, которымъ розданы были тетради житія Оеофанова и не можетъ ли указать сочинителя подметнаго полууставнаго письма? Осипу показали подметное письмо, обѣщая милость, если откростъ сочинителя его или переписчика.

Смотря на письмо Осипъ сказалъ, «что нужно освидѣтельствовать своеручныя письма дьячка Софрона, Барсова и пѣвчаго Ивана Михайлова. Нужно бы посмотрѣть — прибавилъ онъ — въ Москвѣ въ монастыряхъ и приходскихъ церквахъ поминанья и въ торговыхъ рядахъ записи полууставнаго письма». Осипъ просилъ, чтобы его послали въ Москву для этихъ розысковъ.

Но вслѣдъ за тѣмъ, увлеченный обѣщаніями, а можетъ быть вынужденный угрозами, Осипъ разлился широкимъ потокомъ подозрѣній и оговорилъ множество лицъ. «Сыскать Родышевскаго келейника Андрея и спросить его: кто къ Родышевскому изъ Москвы въ симоновъ монастырь съ милостынею или просто для посѣщенія прихаживалъ и, сидя въ кельи его, книги или письма какія читали, и не писали-ль и не говорили-ль чего тайно, высылая его Андрея вонъ, или при немъ Андреѣ? Другой келейникъ Родышевскаго, Василій, не такъ былъ услуженъ и вѣренъ; однако вмѣстѣ съ Андреемъ харчь и книги къ Родышевскому приносили: кто отправляли харчь и книги—нѣтъ ли у тѣхъ какихъ черныхъ писемъ? Съ нимъ же Андреемъ Родышевскій посылалъ къ Аврамову челобитныя къ лицу ея императорскаго величества, которыя тотъ вручалъ къ поданію троицкому архимадриту. Когда былъ Аврамовъ въ Москвѣ на свободѣ, тогда на троицкомъ подворьѣ секретно говаривалъ много въ кельѣ архимандрита Варлаама съ бригадиромъ Дмитріемъ Порецкимъ, а наединѣ съ строителемъ софроніевой пустыни Сергіемъ, который ея императорскому величеству подносилъ яблоки и грушы въ патокѣ, стоя на троицкомъ подворьѣ; да говаривалъ же съ іеромонахомъ Іаковомъ, который нынѣ здѣсь въ С.-Петербургѣ, а о чемъ — незнаю; да въ домѣ ея императорскаго величества съ секретаремъ Александромъ Яковлевымъ говорилъ про новгородскаго архіерея при мнѣ, а о чемъ не знаю. А у него, секретаря, писанныхъ тетрадей—поученій ростовскаго архіерея есть до трехъ-сотъ. Съ тѣмъ же Іаковомъ прихаживалъ ко мнѣ въ келью торговый человѣкъ Иванъ

Щелягинъ и тетрадь сочиненную мною читалъ. Онъ же къ Родышевскому на генеральный дворъ много разъ съ милостынею прихаживалъ и подолгу у него сиживалъ.—Гребневскій попъ Степанъ Апаньевъ сказывалъ мнѣ: «я де о новгородскомъ все вѣдаю:» нѣтъ ли у него какихъ писемъ или извѣстія послѣ рязанскаго архіерея Стефана, потому что онъ его писцомъ былъ? На Покровкѣ діаконъ успенской, что въ Котельникахъ, церкви Алексѣй Апаньевъ—братъ его родной: у него бралъ я на списокъ книгу поученій ростовскаго архіерея Дмитрія и много другихъ.—У троицкаго казначея Нектарія Титова есть книга о монашествѣ.—Трехсвятительской церкви попъ Иванъ Осдоровъ большую ревность имѣетъ по св. церкви и книгъ у него много.—Подъячій чудова монастыря Николай Васильевъ, что пристаетъ у оивандскаго архіерея, искусенъ въ распознаніи полууставныхъ писемъ.—Нѣтъ ли писемъ Алексѣя Барсова у брата его, попа Степана Кириллова.—У кого пристаетъ жена стряпчаго новгородскаго архіерейскаго дома, Ивана Носова, который нынѣ содержится въ Москвѣ въ Тайной канцеляріи, нѣтъ ли тамъ какихъ писцовъ?—Въ Москвѣ на троицкомъ подворьѣ жилъ келарь Веніаминъ Ершовъ и Аврамовъ часто къ нему хаживалъ; туда же хаживалъ справщикъ монахъ Ѳеологъ и съ нимъ Аврамовымъ часто вдались и секретно говаривали: нѣтъ ли тутъ чего-нибудь?—Когда зимою въ Москвѣ былъ смоленскій архіерей Гедеонъ, то Родышевскій пріѣзжалъ ко мнѣ ночью на подворье, чтобъ представить его архимандриту Варлааму и я доложа представилъ и билъ челомъ ему словесно о своемъ заступленіи. И въ то время былъ онъ у архіерея Вишневскаго и у архимандрита Малиновскаго и у Аврамова. Съ кіевопечерскими старцами, которые били челомъ о новомъ архимандритѣ, съ Исаіемъ, также съ невскимъ намѣстникомъ Веніаминомъ и съ архимандритомъ Малиновскимъ, и свѣтскаго монастыря съ намѣстникомъ, Аврамовъ на единѣ говаривалъ о Ѳеофанѣ не въ одно время.—О письмахъ папишихъ вѣдаютъ въ Москвѣ, какъ и на Украйнѣ. Не взято ли вѣдѣнія отъ кіевскихъ старцевъ»? По показаніямъ Осипа Ушаковъ отправилъ въ Москву къ Салтыкову (8 окт.) приказъ: «послать изъ Конторы тайной канцеляріи секретно на дворы помянутыхъ лицъ и обыскать у нихъ писемъ и тетрадей и книгъ, и при обыскѣ взять сказки-жъ подъ страхомъ за необъявленіе смерт-

ной казни, не имѣется-ли гдѣ еще какихъ иныхъ писемъ или тетрадей и книгъ? И что будетъ у кого взято, прислать въ Тайную канцелярію немедленно. Церкви Варлаама хутынскаго, что въ Москвѣ, попа Іоакима,—курскаго уѣзда дворянина Владимира Перфильева, курскаго знаменскаго монастыря архимандрита Михаила, того-жъ монастыря слугу Ивана Стрянченка,—софроніевой пустыни строителя Сергія—взять въ Москву въ Контору тайной канцеляріи, и противъ показанія разстриги Осипа распросить ихъ въ чемъ надлежитъ. Также келейниковъ Родышевскаго, Андрея, да Василья, да Михаила Аврамова человѣка Николая сыскать всякимъ способомъ и навѣдываться объ оныхъ келейникахъ въ Москвѣ въ симоновѣ монастырѣ, а какъ сысканы будутъ, прислать ихъ въ Тайную канцелярію немедленно».

---

4) Секретарь придворной конторы Александръ Яковлевъ. — Подозрѣніе на него въ составленіи подметнаго письма. — Допросы — Учитель греческой школы Яковлевъ. — Тетради забранныя у него. — Проповѣди Симона Кохановскаго.

Въ числѣ лицъ, оговоренныхъ Осипомъ, былъ секретарь придворной конторы Александръ Яковлевъ. Одно несчастное обстоятельство выдвинуло его впередъ всѣхъ другихъ лицъ, оговоренныхъ по тому-жъ дѣлу.

Яковлевъ получилъ воспитаніе въ домѣ Аврама Оедоровича Лопухина, какъ и отецъ его былъ «вскормникъ» Оедора Лопухина. Это сблизило его съ дворомъ покойнаго царевича, у котораго онъ былъ подъячимъ. По переписке его съ кабинетъ-секретаремъ Макаровымъ въ 1714 году, можно заключить, что онъ былъ при дворѣ не послѣднимъ человѣкомъ. Въ 1717 году онъ былъ въ Копенгагенѣ при царицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ въ качествѣ секретаря и имѣлъ при ея дворѣ большое значеніе. «Здѣсь онъ великъ нынѣ» писалъ изъ Копенгагена Гаврило Лопухинъ къ Аврааму Лопухину. Несчастная судьба втянула его въ суздальскій розыскъ 1718 года. При арестѣ Аврама Лопухина захвачена была переписка его съ братомъ Гавриломъ Лопухинымъ. Въ одномъ письмѣ [1]) упоминалось о Яковлевѣ, что онъ дѣйство-

---

[1]) «Доношу вамъ: вчерашняго числа Александръ Андреяновъ, подъячій,

валъ въ интересахъ Лопухиныхъ. Это было поводомъ къ розыску, который обнаружилъ за Яковлевымъ какія-то важныя упущенія по расходу денежной суммы, которой у него было до 600 т. рублей. Въ 1718 году ноября 27 Государь, слушавъ докладную выписку изъ розыскныхъ дѣлъ, подъ пунктомъ о Яковлевѣ подписалъ своеручно: «въ Сибирь». А въ указѣ велѣно было сослать его въ Сибирь безъ наказанія и не отнимая у него ничего. Въ 1725 году Екатерина приказала возвратить его изъ ссылки, и по которымъ дѣламъ изъ Тайной канцеляріи онъ былъ сосланъ— простить и тѣмъ его, Александра, впредь никому не порицать и признавать его въ числѣ добрыхъ людей, и для того учинить ему публичное прощеніе. 11 ноября онъ отпущенъ изъ Тобольска, 2 марта 1726 года явился въ Тайную канцелярію, изъ которой отосланъ при доношеніи въ Сенатъ.

Ему дали прежнюю должность секретаря придворной конторы. Но Сибирь положила на него свою печать. Здоровье его было надломлено. Онъ сталъ искать утѣшенія въ религіи, въ чтеніи библіи, проповѣдей и духовно-нравственныхъ книгъ, списывалъ ихъ для себя, а изъ иныхъ дѣлалъ выписки.—Эти выписки погубили его.

Мы сказали, что на него показалъ разстрига Осипъ, какъ на любителя духовныхъ сочиненій. Впослѣдствіи онъ прибавилъ къ своимъ показаніямъ еще новые доносы, обрушившіеся грозою

приходилъ ко мнѣ нарочно и просилъ меня отписать къ вамъ, чтобъ вы изволили оставить писать къ княгинѣ Настасьѣ Голицыной (объ ней въ Исторіи Петра Великаго, *Устрялова*, т. VI, стр. 221 и въ Чтеніяхъ въ Общ. ист. и древ. рос. 1860 г. кн. I. смѣсь, стр. 145), понеже де вы и сами извѣстны о ея состояніи здѣсь и въ какомъ порядкѣ она. Многіе ея пакеты писемъ оттуда во образъ смѣха распечатываются, какъ и третьяго дни въ издѣвкахъ распечатали ея пакетъ и сыскали ваше письмо при царицѣ, а самаго не было; чего ради таковой незапности Александръ утаить не могъ и читали явно; трудности ни каковой въ письмѣ нѣтъ, однако-жъ изволь оставить къ ней писать. Вы сами извѣстны ея невоздержаніе языка; заступа или хорошее слово не присутствуетъ въ пользу заступленія, но въ самое губленіе, и всѣ здѣсь какъ могутъ пользуютъ, чтобъ она ни о комъ именно хвалу не говорила. Ежели изволишь впредь къ ней писать, изволь приписывать въ конвертахъ Петра Андреевича Толстаго или чрезъ того-жъ Александра Яковлева, понеже онъ вамъ вѣренъ *и здѣсь онъ великъ нынѣ*». (Госуд. арх. Дѣла царевича Алексѣя Петровича. — Суздальскій розыскъ).

на бѣднаго Яковлева. «Припомнилъ я—показывалъ Осипъ—какъ былъ іеродіакономъ при троицкомъ архимандритѣ Варлаамѣ, въ Москвѣ въ зимнемъ дворцѣ, въ исходѣ 1730 или въ началѣ 1731 году въ церкви случился я быть при томъ архимандритѣ, для служенія. И въ то-де время въ оной церкви передъ обѣднею Михайло Аврамовъ съ означеннымъ Яковлевымъ при немъ говорили про новгородскаго архіерея Ѳеофана о противностяхъ церковныхъ, какъ показано въ пунктахъ отъ Родышевскаго, и при томъ Аврамовъ и Яковлевъ поносили онаго архіерея, а какъ именно, того не упомню. И въ означенной же церкви въ разговорахъ о вышеписанномъ, въ одинъ случай, Михайло Аврамовъ, указавъ на меня, говорилъ помянутому Яковлеву: вотъ у него есть о новгородскомъ архіерѣ тетрадь, и ты ее видѣлъ ли? Яковлевъ сказалъ, что не видалъ. Потомъ оный Яковлевъ той тетради просилъ у меня почитать, токмо тое тетрадь тому Яковлеву я отдалъ ли, того не упомню». Яковлева арестовали 30 сентября 1732 года.

Въ распросѣ, по показаніямъ Осипа, онъ показалъ, что «съ означеннымъ Аврамовымъ о дѣлахъ, касающихся до вѣры и церкви, онъ говаривалъ; но о противностяхъ церковныхъ Аврамовъ съ нимъ ни про кого не говаривалъ. Только тотъ Аврамовъ говорилъ съ нимъ, что Маркеллъ Родышевскій на новгородскаго архіерея Ѳеофана въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ подалъ доношеніе, а о чемъ — о томъ ему не сказывалъ. Онъ же Аврамовъ того архіерея Ѳеофана поносилъ, а какъ—того онъ не упомнитъ; а онъ, Яковлевъ, никого нигѣмъ не поносилъ. Съ разстригою Осипомъ бывали у него разговоры про новгородскаго архіерея, что-де Родышевскій подалъ на него въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ доношеніе; да о тетрадкѣ сочиненной о житіи—и о поношеніи онаго архіерея; и оная тетрадка въ прошломъ 1731 году была у него, Яковлева: только оный ли разстрига, или Аврамовъ, ту тетрадь ему отдалъ, того не упомнитъ—которую онъ прочтя изодравъ бросилъ; а объ оной тетради, видя въ ней написанныя противныя рѣчи, не допесъ, и тое тетрадь изодралъ простотою своею».

«Какъ онъ познакомился съ Аврамовымъ и Родышевскимъ и съ разстригою Осипомъ»? «Съ Аврамовымъ познакомился потому, что Аврамовъ зять Макарова; а онъ, Яковлевъ, жилъ въ домѣ Ма-

карова. У Родышевскаго въ симоновѣ монастырѣ былъ онъ для посѣщенія его по тому случаю, что въ прошломъ 1730 году означенный Аврамовъ сказывалъ ему, Яковлеву, про Родышевскаго, что онъ человѣкъ умный и ученый и онъ, Яковлевъ, желалъ его видѣть, какого онъ состоянія. Съ Іоною знакомъ потому, что Іона до монашества женатъ былъ на дочери отца его духовнаго, голутвинскаго попа Егора Алексѣева».

У Яковлева отобрали всѣ книги, тетради и письма. Роковое значеніе для Яковлева имѣло «*правило къ божественному причащенію*», съ выписками на бѣлыхъ листахъ и на поляхъ изъ библіи и изъ другихъ книгъ. 3 октября въ Кабинетѣ, въ присутствіи Ѳеофана, сдѣлали ему допросъ объ этихъ выпискахъ: къ чему и на чьи лица и съ каковымъ намѣреніемъ онъ собиралъ эти выписки, «понеже многія таковыя здѣсь написаны, которыя ниже мало годятся къ его званію; да и обличенія наносятъ на нѣкихъ знатныхъ особъ?» Яковлевъ отвѣчалъ, что выписывалъ изъ книгъ и изъ проповѣдей простотою своею для памяти. Кабинетъ поручилъ Ѳеофану сдѣлать подробный и обстоятельный разборъ этихъ выписокъ.

Ѳеофанъ не замедлилъ разборомъ. Это была самая недобросовѣстная натяжка на то, чтобы обвинить Яковлева въ составленіи подметнаго письма. Разборъ состоитъ изъ двухъ частей. Въ первой показывается сходство и согласіе «алексашковыхъ выписокъ» съ рѣчами подметнаго письма. Во второй приводятся «алексашковы выписки, которыя, и безъ вышепомянаемаго сходства съ подметнымъ письмомъ, сами собою являются на превысочайшую власть хулительныя и народъ къ мятежу клонящія» [1]). Надо имѣть слишкомъ много воображенія, чтобы найти въ выпискахъ Яковлева хотя тѣнь того, въ чемъ его заподозриваетъ Ѳеофанъ. Но разборъ Ѳеофановъ убѣдилъ слѣдователей въ томъ, что Яковлевъ одинъ изъ первыхъ членовъ заговора и авторъ подметнаго письма. Въ этомъ убѣжденіи Кабинетъ 12 окт. 1732 г. рѣшилъ: Александромъ Яковлевымъ въ сходствѣ рѣчей въ имѣю-

---

[1]) Разборъ этотъ напечатанъ въ *Дѣлѣ о Ѳеофанѣ Прокоповичѣ*, ст. VI. (въ Чтеніяхъ въ Общ. истор. и древн. россійскихъ 1862 г., кн. I, стр. 81—92).

щейся у него книгѣ съ подметнымъ письмомъ, также въ переправкѣ рѣчей, выписанныхъ изъ библіи, розыскивать и спрашивать о сообщникахъ.

По приводѣ въ застѣнокъ у него потребовали положительнаго отвѣта на слѣдующіе вопросы: 1) въ какой силѣ вышеобъявленное онъ выписывалъ, и съ своей руки или собою, или съ кѣмъ о томъ совѣтывалъ? 2) объ ономъ разсужденіе какое и съ кѣмъ имѣлъ и намѣреніе у него съ другимъ и съ кѣмъ какое въ томъ было? 3) кто другіе оное вышеписанное у него читали и какое въ томъ намѣреніе имѣли? Послѣ того онъ поднятъ на дыбу и висѣлъ съ полчаса и проспалъ, чтобъ его спустить и онъ скажетъ правду. Ему сказали, что если объявитъ сущую правду, то и спущенъ будетъ. Послѣ того Яковлевъ обмеръ и весь поспѣлъ и сталъ храпѣть, почему и снятъ былъ съ дыбы, и дано ему время, чтобы пришелъ въ память. Въ безпамятствѣ онъ попросилъ бумаги и чернилъ и звалъ отца духовнаго. Но написать ничего не написалъ, а при отцѣ духовномъ утверждался, что дѣлалъ выписки простотою безъ умысла. При пыткѣ его присутствовали Остерманъ, Черкасскій и Ушаковъ.

При допросахъ Яковлева открылось, что у него жилъ греческій учитель Иванъ Яковлевъ. Тайная канцелярія приказала Салтыкову арестовать его и взять въ С.-Петербургъ, а книги, тетради и письма обыскать и, что окажется, прислать туда же. Ноября 29 онъ присланъ въ С.-Петербургъ и на допросахъ показалъ, что онъ сынъ подъячаго изъ печатнаго приказа, учился въ греческой школѣ, гдѣ познакомился съ Барсовымъ; а теперь, по рекомендаціи Барсова, живетъ въ домѣ секретаря придворной конторы Александра Яковлева и учитъ его дѣтей.

Въ показаніяхъ его не было ничего двусмысленнаго; но съ нимъ захвачены были бумаги, тетради и письма, разнообразнаго содержанія: на нихъ то и набросилась подозрительность слѣдователей. Ософанъ разсмотрѣлъ всѣ эти письма и бумаги и раздѣлилъ ихъ на три разряда. Къ первому отнесъ бумаги, непредставлявшія ничего особеннаго; ко второму — тетради и письма, «неповинныя, но нѣкоторое сумнительство наводящія» и потому требующія ближайшаго разсмотрѣнія. Сюда отнесены: 1) *тетрадь*, въ которой на трехъ листахъ написаны *родословная и пророчества*

Исаіи и нѣкоторыя историческія отрывочныя свѣденія; а на четвертомъ листѣ написано, что «Люциферовыхъ учениковъ и училища его фамиліи св. Августинъ изобразуетъ глаголя: сицеви суть надымающіи брови, напыщени сердцемъ, возвышенныя имуще перси, непреклоніи выю, иже земли убо стопами ножными касаются, всѣмъ же мѣщутся тѣломъ и тщеславятся, впредь поступаютъ, вспять же выю обращающе; вверхъ смотрятъ, на землю же ни воззрѣти могутъ, аки болѣзни нѣкоей, выю ихъ остержевающей и непреклонну творящей». А подъ тѣмъ написано о тучнѣйшемъ стомахѣ и роскошномъ человѣческомъ житіи. «Что весьма достохвальное есть наставленіе — замѣчастъ Ѳеофанъ — только куды оно намѣрено — не къ одному ли концу съ Александромъ Яковлевымъ»?

Но самыя важныя бумаги отнесены къ третьему разряду, именно: «*повьсть о юноши*, называемомъ премудромъ, который заграждаше уста препирательными словесы и никто же смѣяше съ нимъ спиратися. И какъ оный юноша пришедъ къ блаженному Епифанію и нача препиратися, и потомъ-де тотъ юноша нача трепетати и скрежетати зубы и пѣняся и потомъ-де рече, что онъ въ Оригенѣ глаголавый». «А въ извѣстномъ подметномъ письмѣ — Ѳеофана, архіепископа новгородскаго, клеветникъ парицаетъ Оригеновымъ велеречіемъ». У Яковлева спросили: гдѣ слышалъ эту повѣсть? Не помнитъ.—«*Повьсть о спасительной иконѣ*, бывшей у царя Мануила и что оный царь за наказаніе злодѣявшаго іерея зѣло отъ Бога наказанъ былъ, съ выговоромъ, дабы онъ духовныхъ судить не дерзалъ». «А сія фабула свойственную надъ всѣми царскую власть разрушаетъ и клонитъ къ народной смутѣ». У Яковлева спросили: гдѣ взялъ повѣсть о спасительной иконѣ? Списалъ у Барсова. Допросили Барсова: для чего держалъ у себя и потомъ далъ Яковлеву эту повѣсть? Барсовъ показалъ, что держалъ у себя для любопытства; а когда и для чего отдалъ Яковлеву — не помнитъ.—«*Тетрадь о дѣяніи, бывшемъ въ Константинополѣ*, отъ четырехъ патріарховъ и иныхъ многихъ архіереевъ, *о поставленіи въ Москву патріарха*». «Дѣяніе показуетъ, будто Москвѣ пельзя быть безъ патріарха. И кажется сіе напряжено, яко угодное орудіе къ народному смущенію и съ нареканіемъ письма подметнаго сходно. И долженъ же учитель сей показать, буде не самъ

онъ дѣяніе сіе вымыслилъ, гдѣ оное взялъ; а въ кормчей, гдѣ о поставленіи въ Москвѣ патріаршескаго сана пространно пишется, сего дѣянія не имѣемъ». У Яковлева спрашивали: гдѣ взялъ тетрадь о дѣяніи? Не помнитъ.—*Нѣсколько писемъ*, повидимому къ Александру Яковлеву съ извѣстіями, какой оборотъ принимаетъ дѣло его въ Сунодѣ, благодаря заступленію Барсова и Дудина. «Сказать долженъ греческій сей учитель: по вѣдѣнію или по мнѣнію его кому въ Сунодѣ зѣло друженъ Александръ и въ комъ онъ имѣетъ силу, въ нѣкоторомъ ли изъ членовъ или изъ приказныхъ служителей?» Яковлевъ показалъ, что письма писаны Александромъ Яковлевымъ по просьбѣ Барсова, бывшаго подъ арестомъ въ преображенской канцеляріи, къ архимандритамъ Платону Малиновскому и Евонмію Коллети, къ архіепископу Питириму и къ Дудину.—*Проповѣди Симона Кохановскаго*, говоренныя въ С.-Петербургѣ, въ соборной троицкой церкви, первая въ день Благовѣщенія «о званіи Божіи общемъ, какъ Богъ отъ начала міра звалъ всякаго человѣка къ познанію своему и къ покаянію»; вторая въ третью недѣлю по Пятдесятницѣ «о званіи Божіи собственномъ»,—которыя проповѣди сказываны были въ 1720 году, съ припискою по полямъ на оныхъ проповѣдяхъ ругательныхъ рѣчей Родышевскаго, въ которыхъ помянутый Кохановскій написанъ еретикомъ и лжеучителемъ. Слѣдователи заключили изъ этой приписки, что Родышевскій былъ той же извѣстной компаніи.

Проповѣди Кохановскаго получили весьма важную роль въ дѣлѣ Яковлева. Іеромонахъ Симонъ Кохановскій съ сентября 1721 г. былъ оффиціальнымъ с.-петербургскимъ проповѣдникомъ и жилъ въ домѣ Ософана Прокоповича; но недолго пользовался его расположеніемъ. Въ февралѣ 1722 г., въ бытность Синода въ Москвѣ, Ософанъ подалъ на Кохановскаго жалобу въ Сунодъ и просилъ защиты отъ обидъ этого враждебнаго брата. «Отецъ Симонъ Кохановскій — писалъ онъ — котораго я призвалъ было мнѣ на помощь, все противное надеждѣ моей показалъ: вмѣсто чаянной помощи, нечаянными мнѣ злыми поступками такъ опечалилъ, что можно было всякому, тое вѣдущему, долговременному моему терпѣнію довольно удивлятися. А когда я прошлаго 1721 года еще въ маѣ мѣсяцѣ (если помню), укротити хотя нестерпимое его свирѣпство, наказалъ онаго словесно, то хотя и скоро просилъ меня

о прощеніи, и я, простосердечіемъ прошенію его вѣруя и доброй въ немъ перемѣны надѣяся, любовь къ нему непритворно возобновилъ: однакожъ онъ вездѣ меня обносить не переставалъ и всячески тщался всѣмъ меня омерзить. Но попеже и тогда, слышавъ отъ меня жалостныя клеветѣ его выговорки, очищалъ себя многими клятвами, призывая на себя Бога отмстителя, аще бы онъ и забылъ мои благодѣянія, не то чтобъ меня безчестилъ и поносилъ: то ради я, уничтожая вся о его на меня лаяхъ повѣсти (хотя и можно было вѣрить имъ), не переставалъ его честно по прежнему содержать и обѣщался ему всякую являти помощь, при мнѣ ли похотѣлъ бы быти, или бы и отлучился отъ мене; что я и дѣломъ ему исполнялъ даже до отъѣзду моего въ Москву. А нынѣ явилъ себя, каковъ есть, въ присланномъ отъ себя письмѣ къ честному отцу Епифанію, архимандриту нѣжинскому; съ котораго письма является и дерзкое его, отца Симона, коварство, а еще въ великомъ дѣлѣ и къ высокимъ именамъ прилежащееся, и на меня, бѣднаго, нераскаянная злоба, терпѣніе мое побѣждающая, попеже и отъемлетъ надежду перемѣны его и меня устрашаетъ, чтобы мнѣ прочее молчаніемъ моимъ наносимыхъ отъ него на меня клеветъ не утвердить за истинныя. Всепокорнѣйше прошу св. правительствующій Сунодъ оборонить меня отъ такъ враждебнаго брата и его смирити по разсужденію». Сунодъ послалъ указъ къ оставшимся въ С. Петербургѣ ассессорамъ, которымъ предписалъ Симона Кохановскаго выслать за карауломъ въ Москву, ложитки опечатать, письма взять и не смотря прислать въ Москву въ св. Сунодъ. Кохановскій, при взятіи его, разорвалъ и бросилъ-было въ печь какія-то письма; но ихъ достали оттуда и передранныя послали въ Москву.

Сущность преступленія Кохановскаго составляло письмо его къ нѣжинскому архимандриту Епифанію Тихорскому, въ которомъ онъ поздравлялъ Епіоанія съ обѣщанною ему черниговскою архіепископіею и жаловался на недружелюбное обхожденіе съ нимъ Ѳеофана. «Всечестнѣйшій отецъ архимандритъ нѣжинскій, нареченный—дай Боже счастливѣ—архіепископъ черниговскій. Аще бы святыня ваша вѣдала, для чего на писаніе ваше доселѣ не отвѣтствовалъ, самъ изволилъ бы извинити меня отъ вины. Отъ 19 мая не имѣлъ времени (якъ кажутъ) и носа утерти, полъ пята мѣсяца

выбрался отъ премилостивѣйшаго (слава Богу, що збувъ) патрона своего—отъ преосвященнаго архіерея псковскаго на другую квартиру, и то насилу поспѣлъ выбраться; ледво не ледво вымотался изъ труднаго лабиринта. Благодарю Бога, что только съ носомъ да съ ушима: тако твердъ древній союзъ любви, что насилу возмогъ отъ него разрѣшитися. А за что и зъ якой причины, не лѣть нынѣ подробну глаголати; завтра вамъ все скажу, а теперь не досужно: много имамъ писати, но не все вдругъ: будетъ еще время. Нынѣ познахъ и совершенно вѣровахъ, что проклятъ всякъ, надѣяйся на человѣка и полагаяй плоть мышцу свою. (Іерем. гл. XVII). Благословенъ да будетъ Богъ, который наказуетъ насъ милостію своею и утѣшаетъ насъ въ скорбѣхъ и въ бѣдахъ нашихъ. Буди имя его благословенно во вѣки вѣковъ. Аминь».—Къ письму приложена цыдулка слѣдующаго содержанія: «мощно святынѣ вашей и удобно нынѣ и кіевскую митрополію получити, только бъ панъ гетманъ за вами до царскаго величества и до св. Сунода виесъ прошеніе. Если хощете, старайтеся чрезъ своихъ малороссійцевъ, чтобъ которые при немъ будутъ, за вами едностатнѣ просили; а я надѣюсь, что будетъ по ихъ прошенію. Прочимъ въ томъ не вѣряйтеся, а наипаче псковскому архіерею не открывайте сего своего намѣренія и ни въ чемъ на него не надѣйтеся, опасненько съ нимъ поступайте, будто вы того и не знаете, что за вами панъ гетманъ и прочіе ваши просить будутъ. А еще бы и лучше, если бы панъ гетманъ и прочіе ваши просили изъ двухъ единаго, положивши въ началѣ псковскаго, а другаго — твое преподобіе, а больше бы никого не вспоминали. То таковымъ способомъ и псковскаго бы укоптештовали, и твоей святынѣ независтный путь на помянутое мѣстцо уготовили. Потщися сотворити тако, и увидишь, что ладно будетъ. 6 дек. 1721 г.» Вслѣдъ за этимъ письмомъ отправлено другое—къ тому же Епифанію «архіерейскимъ лицомъ» съ поздравленіемъ его, какъ бы уже посвященнаго въ епископы» [1]).

Симона допросили 13 апрѣля. Онъ показалъ, что преосвящ. Ософану никакой противности не чинилъ и былъ, какъ въ пропо-

---

[1]) Описаніе докум. и дѣлъ арх. св. Сунода. Т. I. Спб., 1868 г. Прилож. № XLIV.

вѣдп слова Божія, такъ и въ прочемъ, по его приказанію во всякомъ послушаніи и содержанъ былъ въ любви и милости; развѣ только то преосвященный признастъ за противность, что во время разговоровъ съ нимъ смѣлые отвѣты и глаголы имѣлъ; или что въ бытность въ Ревелѣ, 25 марта 1720 г., сказалъ проповѣдь по прошенію адмирала Апраксина, не спесшись съ преосвященнымъ; или что служителей его наказывалъ за вины, но и въ томъ онъ имѣлъ отъ преосвященнаго гнѣвъ и укоризну, что не жестоко наказывалъ; или, наконецъ, за то, что его просилъ къ себѣ преосвященный Ѳеодосій къ дѣламъ въ новгородскую епархію. Объ избраніи Епифанія въ черниговскіе епископы онъ увѣдомился отъ сунодальныхъ совѣтниковъ и ассессоровъ, и слышалъ отъ самого же преосвященнаго Ѳеофана. А что онъ совѣтовалъ ему проситься въ Кіевъ и поставить первымъ кандидатомъ преосвященнаго Ѳеофана, это написалъ по слѣдующему случаю: въ прошломъ 1721 г., въ зимнее время, когда отъ пана гетмана былъ въ С.-Петербургѣ его гетманскій судья Жураховскій, да гетманскій слуга Быковичь и прочіе съ ними въ домѣ его преосвященства, то Быковичь отвелъ его Симона въ сторону и говорилъ отъ лица онаго судьи Жураковскаго, чтобы онъ навѣдался у его преосвященства, ежели господинъ гетманъ будетъ о его преосвященствѣ просить, чтобъ вчиненъ былъ на кіевскую митрополію, не будетъ ли его преосвященство о томъ досадовать? Симонъ, улуча время, говорилъ о томъ преосвященному Ѳеофану, на что онъ отвѣчалъ: «хотя онъ вѣдаетъ, что ему въ Кіевѣ митрополитомъ не быть, что его императорское величество отъ Сунода его не отпуститъ, однако же не безъ досады ему, что выбирали на ту митрополію въ кандидаты такихъ, которымъ быть за нѣкоторыми дѣлами не можно, а его-де преосвященство и не положили. И хотя бъ-де то и не учинилось, однако же для чести, понеже какъ зоветъ кто кого хлѣба кушать, хотя и не пойдетъ званный, однако бываетъ благодарный».—Симонъ содержался въ Москвѣ, въ златоустовскомъ монастырѣ, подъ крѣпкимъ карауломъ. 30 апрѣля онъ подалъ въ Сунодъ повинную, въ которой писалъ, что преосвященный Ѳеофанъ его простилъ, но что онъ проситъ прощенія и у св. Сунода. «А я о исправленіи бывшаго, нетерпѣливаго житія моего еще не отчаяваюсь и, елико мощно, исправляти оное и

порабощати плоть духу, помощіею Божіею обѣщался, да не како, инымъ проповѣдуя, самъ исключимъ буду». 15 мая онъ подалъ другое доношеніе, въ которомъ просилъ распоряженія о высылкѣ ему собственныхъ его изъ Петербурга денегъ на прокормленіе: «плоть окаянная ясти и пити хощетъ; а иногда и подкрѣпился бы отъ скуки, да не на що, а цп монастырскіе уже гораздо надокучили. Отъ долгой нужды и печали и бывшая болѣзнь моя петербургская паки обновляется и конецъ житія моего, по моему разсужденію, не далече. Помилуйте меня бѣднаго, ради Христа небеснаго, и простите мнѣ всякое согрѣшеніе, да и сами обрящете милость въ день праведнаго суда». 8 іюля въ св. Сунодѣ состоялось опредѣленіе, чтобъ его отъ проповѣди слова Божія отрѣшить и, вину его и отпущеніе ему сказавъ, отослать на обѣщаніе въ Кіевъ [1]).

Въ тетради, найденной у Яковлева, переписаны были двѣ проповѣди Кохановскаго, съ примѣчаніями на поляхъ Родышевскаго. «Аще тать — сказано въ первой проповѣди Кохановскаго (о званіи Божіемъ общемъ) — или хищникъ, или лихоимецъ, или какой нибудь неправедный пріобрѣтатель возвратитъ обиженному неправедно взятое: то не надобѣ о томъ много и жалѣти и сокрушатися, не надобѣ о томъ долго молитися и поститися, не надобѣ много теряти ни свѣчь, ни кадила, не надобѣ и поповъ трудити частымъ водосвятіемъ, понеже то грѣхъ зѣло короткій и весьма скоро можно разрѣшати: возврати или удовлетвори обиженному, чѣмъ еси обидѣлъ, и чистъ сталъ отъ грѣха». «Зри — пишетъ Родышевскій — что отрекаетъ еретикъ сей козподѣя. Только отдати велитъ лжеучитель, а за похищеніе и обиду наказанія духовнаго никоего не полагаетъ. Не довлѣетъ бо токмо отдати или престати отъ зла, но должно благотворити весьма, еже есть эпитиміею».

«Покаянія часть наибольшая и наисильнѣйшая — говоритъ проповѣдникъ — прошеніе милостиваго прощенія у Бога и упованіе съ несомнѣнною вѣрою на Христа, что Богъ, ради смерти Христа Сына своего, прощаетъ намъ вся наша согрѣшенія». «Упованіе по лютеранскому кладетъ — возражаетъ Маркеллъ;

---

[1]) Дѣла Архива св. Сунода, 1722 г. № 458.

—а чего жъ ради не положилъ есп, всесквернный Лютере, плодовъ достойныхъ покаянія, еже есть поста, милостыни, умерщвленія тѣла, бдѣнія, молитвъ?».

«Еще же и сіе вѣдати подобаетъ—говоритъ проповѣдникъ—что безъ благодати Божіей не можемъ не точію жалѣти и сокрушатися сердцемъ о своихъ грѣсѣхъ, и не точію не можемъ престати и возненавидѣти любимаго намъ грѣха; но ниже познати, ниже видѣти его можемъ тако, яко же знати и видѣти подобаетъ». «Сіе ученіе — писалъ Маркеллъ — прямое лютеранское и кальвинское, паче же бѣсовское; ибо благодать Божія выну дѣйствуетъ съ произволеніемъ нашимъ, его же и требуетъ весьма отъ насъ. Того ради не всякому духу вѣрити подобаетъ, но искушати, яко же сего учителя лестча и мерзка еретика».—Противъ заглавія другаго слова, въ которомъ сказано, что оно проповѣдано іеромонахомъ Симономъ, Маркеллъ написалъ: «еретикомъ; ибо и сіе слово все склонное ко мнѣнію и ученію еретическому, и по своему мнѣнію сложенное, а не утвержденное истинными истолкователями св. писанія, отцами святыми» [1]).

---

5) Допросы Родышевскаго о предикахъ Кохановскаго.

По показаніямъ греческаго учителя Яковлева, Тайная канцелярія приказала взять изъ кириллова монастыря, для допросовъ, Родышевскаго. Это было въ зимнюю пору—въ декабрѣ мѣсяцѣ. Ни у него, ни у посланныхъ солдатъ, не было теплой одежды. Тамошній архимандритъ Ѳеофилактъ сжалился надъ ними и далъ имъ четыре шубы. Декабря 8 Родышевскій прибылъ въ С.-Петербургъ..

На допросѣ о предикахъ Кохановскаго Родышевскій показалъ, что эту книгу видѣлъ онъ въ бытность въ симоновѣ монастырѣ, а отъ кого и когда онъ получилъ ее, того онъ не помнитъ; потому что, по риторской ихъ наукѣ, до держанья его Родышев-

---

[1]) О Кохановскомъ см. также у Пекарскаго: Наука и Литература при Петрѣ. Ч. I, стр. 218. 492 — 493.

скаго подъ карауломъ, бывали у него и другія разныя предики, для смотрѣнія въ нихъ слогу, каковымъ образомъ отъ кого случалось быть на предикѣ говорено, такъ какъ и самъ онъ, Родышевскій, многія предики сказывалъ; а отослалъ ли оныя, бывшія отъ Кохановскаго предики, къ помянутому Яковлеву, или самъ, въ бытность того Яковлева съ Барсовымъ у него въ симоновѣ монастырѣ однажды, отдалъ—того не упомнитъ; можетъ быть послалъ и безъ прошенія Яковлева, слыша отъ Барсова, что онъ къ чтенію предикъ имѣетъ охоту, и для того, чтобъ оный Яковлевъ видѣлъ не правое проповѣданное означеннымъ Кохановскимъ ученіе, а не для какого разглашенія; согласія съ оными Яковлевымъ и Барсовымъ никогда онъ Родышевскій не имѣлъ. А на оныхъ предикахъ рукою своею отмѣчалъ и помянутаго Кохановскаго еретикомъ и лжеучителемъ написалъ, ревнуя по благочестію; потому что, при чтеніи оныхъ предикъ, усмотрѣлъ въ нихъ того Кохановскаго тайное лютеранское мудрованіе, какъ въ тѣхъ приписках его, Родышевскаго, явствуетъ, и желая на нихъ впредь съ изъясненіемъ изъ священнаго писанія, къ обличенію онаго Кохановскаго мудрованія, написать возраженіе, которое хотѣлъ подать святѣйшему Сѵноду на разсужденіе, но токмо того не учинилъ, потому что отъ упомянутаго Яковлева, за взятьемъ его Родышевскаго подъ караулъ, оныхъ предикъ обратно къ себѣ не получилъ. И нынѣ онъ, Родышевскій, утверждается, что въ оныхъ Кохановскаго предикахъ имѣется подлинно-противное церкви святой лютеранское мудрованіе, но только въ означенныхъ приписках его, Родышевскаго, показано о томъ кратко, а ежели повелѣно будетъ, то онъ Родышевскій изъяснитъ объ оном обстоятельнѣе».

Родышевскій отказывался отъ всякаго согласія и всякихъ сношеній съ Яковлевымъ; а между тѣмъ въ бумагахъ А. Яковлева нашлось письмо, писанное къ нему отъ Родышевскаго. «Препочтеннѣйшій господинъ, господинъ секретарь придворный, Александръ Андреяновичъ, премилостивый мой патронъ! Отъ Бога данною честію вамъ, моему благонадежнѣйшему патрону, паче же церкви святой защитнику, поздравляю и за всякую милость и благодѣянія возможная вамъ, въ чемъ колико мощно будетъ, всепокорно прошу, да буде нужды вашему благородію нѣтъ

въ книжицѣ, взятой у меня, то оную всепокорно прошу». Письмо это подало поводъ къ новому подозрѣнію: что это за книжица? «И вѣрно не простая — прибавилъ Ѳеофанъ — потому что Родышевскій величаетъ Яковлева защитникомъ церкви. Допросили Яковлева. Онъ показалъ, что Родышевскій въ означенномъ письмѣ написалъ его защиткомъ церкви чего ради, того онъ не знаетъ, и защищенія церкви отъ него, Яковлева, никакого не было, понеже онъ съ Родышевскимъ и съ другими ни съ кѣмъ ни о какомъ защищеніи церкви совѣта и сообщенія не имѣлъ. Вѣрно Родышевскій чрезъ показанное письмо о милости и благодѣяніи просилъ его, Яковлева, разумѣя присылку къ нему милостыни, или для того, что въ бытность его, Яковлева, у Родышевскаго въ симоновѣ монастырѣ говорилъ ему Родышевскій съ просьбою, чтобъ о свободѣ его, гдѣ можетъ, постаралея: на это онъ, Яковлевъ, сказалъ, что стараться ему о томъ не у кого; можетъ быть Родышевскій и вторично объ этомъ чрезъ письмо свое его просилъ, чтобъ онъ стараніе о свободѣ его имѣлъ, но токмо онъ о свободѣ его, Родышевскаго, ни чрезъ кого старанія не имѣлъ и въ милостыню къ тому Родышевскому ничего не посылалъ; а о присылкѣ книжки писалъ Родышевскій, чтобъ онъ прислалъ къ нему взятую имъ у Родышевскаго книгу — казанье іеромонаха Симона Кохановскаго на день Благовѣщенія пресвятыя Богородицы, и оную книгу помнится ему онъ къ тому Родышевскому не послалъ, а удержалъ у себя для чтенія.

Не вывѣдавши ничего у Яковлева, сдѣлали опять допросъ Родышевскому. Родышевскій показалъ, что писалъ къ Яковлеву, требуя у него милости, чтобъ Яковлевъ о свободѣ его, гдѣ можетъ, постаралея; а защитникомъ святой церкви написалъ того Яковлева, ласкаясь къ нему, чтобъ лучше, ежели можетъ гдѣ, о свободѣ его попросилъ; а защищенія святой церкви никакого отъ онаго Яковлева онъ не видалъ, и о свободѣ его Яковлевъ у кого просилъ ли, того онъ не знаетъ; а о книгѣ того Яковлева просилъ, чтобъ возвратилъ ему вышепоказанныя Кохановскаго предики.

Тайная канцелярія этимъ не удовлетворилась и требовала новыхъ показаній. На этотъ разъ Яковлевъ вспомнилъ, что когда

Родышевскій держанъ былъ въ симоновѣ монастырѣ (въ 1730 г.), то онъ получилъ отъ него письмо, чрезъ келейника его, въ которомъ онъ просилъ о представленіи этого посланца, вмѣстѣ съ прошеніемъ Родышевскаго, покойной царевнѣ Прасковьѣ Іоанновнѣ, чтобъ ему Родышевскому изъ-подъ караула получить свободу, также и о неоставленіи его милостынею. Яковлевъ, взявши письмо, сказалъ, что ему до него нѣтъ дѣла и что представлять того келейника къ великой княжнѣ съ прошеніемъ онъ не можетъ: съ тѣмъ тотъ келейникъ отъ него и пошелъ. Родышевскій подтвердилъ показаніе Яковлева.

Келейникъ его Максимовъ подтвердилъ показанія Яковлева и Родышевскаго. За это вмѣшательство не въ свое дѣло Кабинетъ отправилъ его, 21 марта 1733 г., въ Военную коллегію для написанія въ солдаты и посылки въ низовый корпусъ.

---

6) Допросы Аврамова и окончаніе иверскаго слѣдствія.

Такъ какъ дѣло Родышевскаго тѣсно связывалось съ дѣломъ Аврамова и, кромѣ того, нѣкоторыя показанія Осипа и Яковлева прямо относились къ Аврамову, то Кабинетъ опять принялся за него, между прочимъ и для того, чтобы кончить иверское дѣло. Сдѣлавши сводъ всѣхъ показаній Осипа, Яковлева, іеромонаха Іакова и прочихъ на Аврамова, и не зная, какъ ихъ распутать и какое вывесть изъ нихъ заключеніе, Кабинетъ отправилъ ихъ къ Ѳеофану. Ѳеофанъ составилъ изъ нихъ вопросные пункты Аврамову и при письмѣ отправилъ въ Кабинетъ. «Извѣстное, сообщенное мнѣ, письмо по важностямъ, къ слѣдствію усмотрѣнными, означилъ я числами для скораго сношенія съ учиненными допросами. А въ письмѣ ономъ, въ самомъ началѣ его, усматриваю знатное въ показаніи годовъ погрѣшеніе, а именно: сказалъ разстрига (Осипъ), что съ 1731 г., съ октября мѣсяца, приходилъ Аврамовъ къ троицкому архимандриту Варлааму; а то—ложь, ибо тогда уже Аврамовъ за арестомъ былъ, понеже дѣло сіе объявилось 1731 года въ февралѣ мѣсяцѣ, и скоро тогда же Аврамовъ заарестованъ, и потому того-жъ 1731 г. въ ок-

тябрѣ мѣсяцѣ проѣзжаться не могъ; либо же въ годовомъ числѣ погрѣшено и вмѣсто 1730 положенъ 1731 годъ; либо Авраамовъ, выкрадуясь изъ-за ареста, часто ѣздилъ: но въ семъ не много важности. Другое, по моему мнѣнію, яко преважное и къ настоящему слѣдствію весьма нужное, примѣчаю я въ ономъ же письмѣ при числѣ 7-мъ, а именно: сказалъ разстрига, что Родышевскій сочинялъ книгу *О правленіи царствъ*, и якобы о сочиненіи такой книги слышалъ онъ, разстрига, отъ Аврамова. И сіе мнѣ кажется къобличенію автора новоподметнаго мятежнаго письма весьма нужное. И если бы книгу оную, Родышевскаго, увидѣть намъ: то увидѣли бы, надѣюсь, и по матеріи и по штилю не малое съ новоподметнымъ письмомъ сходство и соличіе, и не много-ль изъ Родышевскаго книги вошло кое-что въ письмо подметное. Того ради предлагаю при семъ мое мнѣніе, что упомянутой *О правленіи царствъ* книги надлежитъ всячески искать и у кого приличо требовать и домогаться. Смиренный Оеофанъ, архіепископъ новгородскій. Ноября 4 дня, 1732 года».

«P. S. Прилагаю при семъ и вопросы, къ слѣдованію подметнаго письма, по мнѣнію моему, потребные. О пунктахъ, вчера мнѣ ввечеру присланныхъ (по иверскому дѣлу) маленько еще мнѣнія моего подождать прошу».

«*Михаилу Аврамову допросные пункты.* Допросъ предословный, вмѣсто увѣщанія къ отвѣтамъ истиннымъ, на вопросы слѣдующіе. Понеже ты, какъ въ дѣлѣ семъ заарестованъ сталъ, не однократно покаяннаго исповѣданія и свитаго причастія требовалъ и тѣмъ являлъ ты благочестіе твое; если же оное не притворное и не лицемѣрное благочестіе твое, то долженъ ты все на слѣдующіе допросы показать по сущей правдѣ; а ежели что солжешь, то явится твое благочестіе притворное и лукавое, а совѣсть твоя безбожная, и за то самое — если явится — ты нынѣ какой казни самаго тебя достойна судишь, покажи письменно заручною сказкою».

«*Допросы по дѣлу.* 1) Въ извѣстномъ семъ, отъ васъ затѣянномъ дѣйствіи (которое въ 1731 г. явилось, а нынѣ и больше), съ кѣмъ ты входилъ въ общество и бесѣды о семъ, а напаче не сообщалъ ли ты о семъ особамъ знатнымъ, и до кого изъ знатныхъ лицъ именно ты прихаживалъ и объ семъ имѣлъ разговоры,

и какъ часто и что совѣтывали? 2) Объ освобожденіи Радышевскаго ты старался ли и у кого именно, и объ томъ, что ты ходишь къ кому и стараешься, другому кому-нибудь ты объявлялъ ли и кому именно, и какъ письменно, такъ и словесно? 3) О книгѣ печатной — Камень Вѣры — съ кѣмъ ты имѣлъ разговоры и въ какой силѣ, и могъ ли ты извѣстно узнать, что въ оной книгѣ все совершенно истинное и непогрѣшительное написано, или нѣчто ложное и противное обрѣтается; и если могъ то познать ты и позналъ, а противное твоему сужденію ясно тебѣ покажутъ, и ты за то какого наказанія судишь быть тебя достойна? Ежели ты такъ совершеннаго знанія имѣть не могъ и не можешь, паки долженъ ты показать: коей казни повинна себѣ творишь за таковое твое дерзновеніе, что ты, по нѣкоему твоему мнѣнію или догаду или по злобѣ, дерзнулъ книги судить? Тоже внушить бы ему и о сужденіи человѣкъ, кто ему правый и кто неправый учитель. 4) Объ отвѣтѣ на письмо къ французскимъ богословамъ знаешь ли ты и имѣлъ ли, или и доселѣ имѣешь ты, оный отвѣтъ и гдѣ оный нынѣ, и вѣдаешь ли ты чьего онъ сочиненія, и гдѣ и отъ кого отвѣтъ тотъ ты получилъ и каковое твое объ немъ разсужденіе, и не давалъ ли ты кому оный отвѣтъ вновь передѣлать поплодовитѣе и пояснѣе, и если давалъ, чего тебя за такъ злое коварство и вымыслы судишь быть достойнымъ? Еще же ты показать долженъ, кому ты оный отвѣтъ для передѣлки давалъ именно, и что сдѣлано и для чего, и кто еще другіе о передѣлкѣ онаго отвѣта вѣдали и что о томъ разсуждали, и знаешь ли ты, что оный отвѣтъ, а не другой какой, посланъ къ упомянутымъ богословцамъ? 5) О извѣстной тетрадкѣ съ кѣмъ ты именно, чтобъ оную объявлять кому или не объявлять, имѣлъ разсужденіе и съ каковымъ намѣреніемъ? 6) До благополучной ея императорскаго величества коронаціи сочинялъ ты каковое письмо во образъ челобитной, требуя, чтобы до того дѣйствія не допускать архіерея новгородскаго, и предлагалъ ты въ томъ письмѣ за резонъ, что будто бы Петръ II умре для полученной отъ того архіерея коронаціи; и если ты писалъ то, и съ чего о томъ печальномъ случаѣ ты вѣдалъ, что онъ сталъ отъ упомянутаго чрезъ упомянутую персону дѣйствія? Да тожъ самое письмо твое кому изъ знатныхъ и незнатныхъ особъ показывалъ или вручалъ, и

съ какимъ намѣреніемъ, и не имѣлъ ли ты о томъ откровенія и когда и въ каковый образъ? NB. Плутовство сіе весьма богопротивное—недовѣдомыя судьбы Божіи такъ толковать, аки бы ему самъ Богъ открылъ. 7) Вѣдалъ ли ты, что Родышевскій сочинялъ книги *О монашествѣ* и *О правленіи царствъ*, и что въ оныхъ книгахъ написано, и гдѣ книги оныя? 8) Челобитныя къ лицу ея императорскаго величества, тако-жъ и совѣтныя письма на малыхъ ерлычкахъ, отъ Родышевскаго къ тебѣ были-ль присланы, и ты что по тому сдѣлалъ, и челобитныя оныя, тако-жъ и малые ерлычки, гдѣ нынѣ? 9) Въ бытность въ Москвѣ смоленскаго епископа Вишневскаго ты бывалъ ли у него, и самъ ли или съ кѣмъ другимъ и съ кѣмъ именно, тако-жъ и у архимандрита Малиновскаго, и что о вышнихъ въ семъ дѣлѣ промыслахъ съ оными разговаривалъ, и кто еще у нихъ, какъ у обоихъ совокупно, такъ и у одного и другаго порознь, бывалъ съ тобою вмѣстѣ и безъ тебя, и что ты отъ оныхъ сообщеній узналъ дѣльное? 10) Гдѣ и когда видался ты съ старцами кіевопечерскими и съ которыми именно и колькратъ то было, и о чемъ разговоры у васъ были и что отъ нихъ получилъ ты вѣденія достойное? 11) Съ Александромъ Яковлевымъ давно-ль ты знаешься и въ каковыхъ дѣлахъ ты съ нимъ сообщался, и вѣдалъ ли ты о бывшемъ его въ 1718-мъ году дѣлѣ важномъ, тако-жъ и о публичномъ его наказаніи того-жъ года бывшемъ, и что ты о томъ разсуждалъ? А въ нынѣшнемъ затѣянномъ вашемъ дѣйствіи каковые ты съ оными Яковлевымъ имѣлъ разговоры и совѣты и пересылки, и каковыя ты вѣдалъ и видѣлъ его сочиненія и изъ разныхъ книгъ выписки, и самъ ты что къ тому въ помощь произносилъ словесно и письменно, и какъ часто съ оными Яковлевымъ сходился ты наединѣ или при другихъ, и при комъ именно, и что впредь дѣлать отъ васъ намѣрено было?»

Пункты допросные Аврамову къ испытанію о новоподметномъ мятежномъ письмѣ, по мнѣнію моему потребные. 1) Извѣстно, что ты на нѣкіе отъ иностранныхъ въ Россію принятые обычаи, строенія, порядки и проч. нарекалъ, рпясь, что оные и отъ ея императорскаго величества не отставлены. Долженъ же ты показать, на какія дѣла и дѣйствія именно нарекалъ ты и гдѣ, и съ кѣмъ или при комъ, и въ какой силѣ и намѣреніи? А если

въ томъ ты не повинишься, а ясно тебѣ о нареканіяхъ твоихъ докажутъ, какому осужденію повинна себя нынѣ представляешь? (Здѣсь же помнить надлежитъ о написанномъ въ большой залѣ потолкѣ, о маскаратѣ и о комедіяхъ; тако-жъ домогаться, чтобъ показалъ, въ какой силѣ писана извѣстная книжица *О правленіи царствъ* и гдѣ она нынѣ; а о той книгѣ упомянается въ первыхъ допросахъ въ 7-мъ пунктѣ). 2) О исправленіи упомянутыхъ обычаевъ (которое по вашему мудрованію потребно и нужно есть), что ты разсуждалъ и какихъ способовъ пріискивалъ, и съ кѣмъ то дѣлалъ, и что вамъ лучшее къ сему показалось, и каковымъ словеснымъ или письменнымъ увѣщаніемъ ея императорское величество отъ оныхъ обычаевъ нарядкалея ты отводить, и съ кѣмъ и отъ кого, и гдѣ письмо отъ васъ къ дѣлу сему сочиненное? 4) Угодно къ сему, кажется, выбрать нѣкія рѣчи изъ трехъ, четырехъ или и больше мѣстъ новоподметнаго пасквильнаго письма, и ему прочитуя спрашивать, когда онъ и гдѣ и отъ кого таковыя рѣчи слышалъ или чёлъ, да и самъ оныхъ не писалъ ли»?

Это—допросные пункты Аврамову о подметномъ письмѣ. Но еще неокончennымъ оставалось иверское слѣдствіе. Черезъ два дня послѣ тѣхъ пунктовъ, именно 6 ноября, Ософанъ представилъ въ Кабинетъ свое мнѣніе по дѣлу иверскаго слѣдствія и составленныхъ по нему въ Кабинетѣ вопросовъ Аврамову [1]).

---

[1]) «Присланныя ко мнѣ сего ноября 3 дня отъ вашего сіятельства допросныя рѣчи прочелъ я, для скорѣйшаго примѣченныхъ важностей взысканія, русскими числами означилъ я, и оныя къ сіятельству вашему возвратно при семъ отсылаю, предлагая мое мнѣніе, каково мнѣ отъ разсужденія упомянутыхъ рѣчей произошло, въ слѣдующихъ пунктахъ, а именно:

1) Если не было запрещенія архимандриту, монахамъ, служителямъ, а наипаче караульнымъ о содержаніи арестанта наединѣ и о подаваніи ему бумаги и чернила: то не вижу я за приходившими и служившими ему великаго подозрѣнія, понеже въ таковой свободѣ могли приходить разныя лица и безъ лукаваго умысла. А если все то запрещено было: то хотя архимандритъ прежній (Филаретъ), яко старый и головную болѣзнь (для которой и отъ архимандріи отпросился) терпящій, и не много виноватъ, но не безъ подозрѣнія прочіе, паче же начальнѣйшіе монахи; ибо, презрѣвъ указъ, разными запрещенными способами тако причинному человѣку служить никто бы не посмѣлъ, развѣ какимъ-нибудь образомъ самъ собою или изъ стороны преклоненъ на то; наипаче, что многіе изъ монашескаго и мірскаго чина различно требованіямъ арестанта угождали. Да и нѣкія дѣйствія ихъ собственному разсужденію под-

Аврамова взяли изъ иверскаго монастыря въ Тайную канцелярію. 6 ноября онъ сдѣлалъ показанія по всѣмъ вопросамъ Ѳеофана; но не объявилъ ничего, что могло бы обнаружить участіе его въ сочиненіи подметнаго письма или въ какихъ нибудь сношеніяхъ съ виновниками, которыхъ, по крайней мѣрѣ, подозрѣвали въ этомъ. Онъ сказалъ, съ какого случая началъ имѣть стараніе

лежатъ. 2) А именно: а) Духовникъ Исаія (хотя извѣстно глупенекъ) долженъ показать, почему онъ вѣдалъ—кому и въ чемъ исповѣдающійся противенъ; ибо то въ тайнѣ имѣлось: а по рѣчамъ исповѣдывающагося видимъ, что не отъ него, но отъ духовника первѣе произошло о томъ слово, яко бы то прежде вѣдающаго. б) Если же отъ кающагося то сказалось, то для чего духовникъ—вопрошенъ отъ архимандрита, не говорилъ-ли ему кающійся чего лишняго и непристойнаго, о чемъ указы гласятъ, какъ въ томъ поступать—отвѣтствовалъ, что ничего такого кающійся не говорилъ, а послѣ предъ капитаномъ Юрьевымъ сказалъ о томъ ясно. Да еще и о чтеніи цыдулокъ упомянулъ. в) Еще допросить бы духовника: для чего онъ, и кромѣ нужды исповѣданія, неоднократно къ арестанту приходилъ? г) И въ томъ да отвѣтствуетъ духовникъ: по требованію арестантову вынималъ онъ за ея императорское величество просфору просто-ль, или къ намѣренію арестанта, каково то было ясно или глухо отъ онаго-жъ арестанта? 3) Противъ сего 4-го допроса духовникова допросить и двоихъ іеромонаховъ — Питирима и Никодима. 4) Особливый, сверхъ упомянутаго Исаіи, Питириму и Никодиму допроса, учинить іеромонаху Гавріилу сей допросъ: для чего онъ, при приношеніи просфиромъ о здравіи ея императорскаго величества и фамиліи, дерзнулъ присовокуплять и имя арестантовъ? 5) О самомъ арестантѣ, что до его въ семъ господина капитана Юрьева допросѣ касается, примѣчаю слѣдующее: а) не надѣюсь, чтобы онъ арестантъ въ упоминаемыхъ здѣсь письмахъ своихъ изъявилъ нѣчто отъ себя затѣянное: однако же и до изысканія оныхъ писемъ допросить его, что писалъ. б) Вяще надѣюсь, что онъ словесно посланнымъ Титу и іеромонаху Аврааміо, а можетъ быть и другимъ еще, приказывалъ повѣстки нѣкія доносить, кому за благо судилъ, или испрашивать чего нибудь. Всего догадываюсь, что писалъ онъ въ Москву о пріятіи іеромонаха Аврамія въ богоявленскій монастырь, и потому мощно знать, что съ онымъ Авраміемъ довольно нѣчто говорилъ и можетъ быть за шпіона своего употреблялъ: и въ томъ какъ онаго іеромонаха Аврамія, такъ и самаго арестанта допросить; тако-жъ и что Титу далъ бѣлый холстинный платъ для отдачи того дѣтямъ своимъ; ибо если въ платѣ семъ нѣтъ нѣкоего колдунства, то есть нѣкій чего нибудь знакъ или сигналъ, о чемъ, по моему мнѣнію, допросить надо и Тита и арестанта. в) Паипаче же о плевосѣяніи арестанта подозрѣваю изъ частыхъ его въ баню приходовъ; ибо если онъ по прибытіи уже новаго настоятеля (Серафима) ходилъ въ баню людскую за монастырь, то не было и четырехъ недѣль, какъ онъ осморижды, (а можетъ быть и множае того) въ оной банѣ былъ. Разсудить же надо, какъ бы онъ вѣдомый исхинялъ и лицемѣръ похотѣлъ такъ часто париться, если бы подъ видомъ паренья не

о Родышевскомъ, приносилъ къ нему книги, которыя бралъ у своего тестя Макарова, и зналъ о сочиняемыхъ имъ возраженіяхъ. Съ Яковлевымъ онъ знакомъ лѣтъ съ двадцать, но никакихъ дѣлъ съ нимъ не имѣлъ. – Все это однакожъ мало оправдывало подозрѣнія Кабинета. А потому показанія Авраамова ускорили только окончаніе совершенно случайнаго въ его процессѣ иверскаго дѣла. Несчаст-

---

имѣлъ иного какого нельми себѣ нужнаго промысла. И того ради надлежатъ здѣсь допросы ему арестанту, и капралу Козлякову, и караульщику Щапу и капралу воронежскаго полка: когда въ оной банѣ бывалось и проч. г) Допросить паки арестанта, что нужда была духовнику при исповѣди сказывать о своей именно къ нѣкоторому лицу противности въ законѣ, какъ о томъ показалъ на него духовникъ Исаія. д) Не надобно кажется и того пропустить, какая арестанту причина была требовать выемныхъ по его-жъ приказанію просфоръ и оныя снѣдать: не кощунство ли се? 6) Новый архимандритъ весьма, по моему мнѣнію, подозрителенъ сталъ: а) послабленіе учинилъ арестанту въ хожденіи его за монастырь въ баню, если при немъ то началось; б) просилъ его арестантъ о позволеніи, чтобъ ему позволено было, чрезъ кого ни есть, словесно донести женѣ и дѣтямъ о его состояніи, и на то склонился архимандритъ и прислалъ къ нему Тита, въ Москву посылаемаго, какъ по видимому является; в) посылка Тита онаго не нарочная-ль къ угожденію арестантову была, а дивный объ ней разглаєія: ибо арестантовымъ отвѣтомъ показуется, что онъ посланъ былъ въ Москву, а Щапъ сказалъ, что Титъ въ С.-Петербургъ отправлялся,—развѣ и то и другое было въ одномъ почитай времени, въ августѣ и сентябрѣ. 7) Между прочими, не такъ караульщиками, какъ служителями арестантовыми, самый злѣйшій плутъ кажется быть Щапъ каменьщикъ, и чуть ли не одного его нарядомъ все дѣлалось—и приходъ женщинъ и мужиковъ съ питушками и проч. 8) Надлежитъ, кажется, нѣкаго изъ здѣсь упоминаемыхъ обстоятельствъ времена изыскивать, напримѣръ, когда началось хожденіе въ баню, когда іеромонахъ Авраамій поиелъ въ Москву и проч. И сія, если нѣчто важное имѣютъ, мои примѣчанія и мнѣнія вашему сіятельству благопочтеннѣйше предложивъ, пребываю доброжелательный вашъ богомолецъ и слуга, смиренный Ософанъ, архіепископъ новгородскій».

Дома у себя, читая экстракты Тайной канцеляріи, Ософанъ дѣлалъ замѣтки на лоскуткахъ бумаги, по латынѣ, по привычкѣ или чтобъ не выдать кабинетскаго секрета; напримѣръ, объ иверскомъ дѣлѣ: Novembr. 5. Anno 1732: Examen iniquitatis in monasterio iverensi. Tria hic potissima: 1) Confessio; 2) Balneum; 3) Multitudo faventium. Praeter horum et aliae circumstantiae. Дальше слѣдуетъ рядъ отдѣльныхъ замѣтокъ, съ указаніемъ, къ которому изъ трехъ пунктовъ относится замѣчаніе. Quid per hoc solvit Philaretes? Ter vel 4-r cum Щапо (sic) in balneo. De Tito Mosquam eunte. Litteras scribit ad uxorem et mittit cum monacho Abraamio. Rogat Abramides sacerdotes per Kozlahow (Козляковъ) et per alios custodes, ut pro Sa Mne (Sua Majestudine) prosphoras offerrent. По этимъ замѣткамъ, какъ по программѣ, онъ составилъ потомъ доношеніе въ Кабинетъ.

ный начальникъ и нѣкоторые монахи и караульные служители дорого поплатились за сдѣланное ему послабленіе въ арестѣ. Виновнѣй всѣхъ оказался иверскій архимандритъ Серафимъ [1]). Мы уже упомянули выше, что Бухвостовъ предостерегалъ его на счетъ арестанта. Однакожъ онъ какъ будто не обращалъ на это вниманія. По пріѣздѣ его, прежній архимандритъ принесъ къ нему указы: первый о присылкѣ арестанта въ иверскій монастырь, второй о перемѣнѣ у него караула. Серафимъ не принялъ указовъ, сказавъ, что уже пріѣхалъ офицеръ Юрьевъ: для чего ему прежде не показали тѣхъ указовъ? А теперь поздно, не нажить бы бѣды.

Ософанъ замѣтилъ на это показаніе: «въ какой же винѣ быть за принятіе указа? Вина великая указа не принимать. Видимое сего плутовство! Нарядился арестанту служить, да мѣшалъ тому государевъ указъ. И того ради указа того не хотѣлъ принимать». Сержантъ приходилъ спросить: какъ содержать арестанта и пускать ли въ баню? Серафимъ спросилъ: какъ прежде? «Прежде пускали». Серафимъ велѣлъ спросить у прежняго архимандрита, для того, что въ недолгое время по пріѣздѣ онъ еще не осмотрѣлся, а самъ о томъ арестантѣ въ то время и послѣ акуратно не изслѣдывалъ и указовъ не спрашивалъ за сущимъ своимъ въ короткость времени недознаніемъ и простотою. (Ософанъ замѣтилъ: «въ вину себѣ ставитъ, что указовъ не спрашивалъ за краткостью времени и недознаніемъ и простотою; а когда подавали ему указъ, не хотѣлъ принимать»). Узнаетъ ли онъ капрала по лицу? «Нѣтъ. («Сіе говоритъ онъ — писалъ Ософанъ — чтобъ ложь его обличена не была»). Серафимъ принадлежалъ къ Ософановой епархіи и потому, по взятьѣ его въ С.-Петербургъ, содержался въ Ософановомъ домѣ подъ строгимъ карауломъ. Послѣ того, какъ собранныя отъ него показанія найдены неудовлетворительными, Ософанъ безъ дальнихъ церемоній составилъ объ немъ рѣшеніе: «мая 17-го дня 1733 года, архимандрита Серафима архимандрическаго и іеромонашескаго чина лишаемъ, для того, что онъ изрядный арестанту

---

[1]) Серафимъ постриженъ въ монашество въ синодальной области ржевскаго уѣзда въ могилевской пустыни; послѣ того былъ деревяницкимъ архимандритомъ; оттуда переведенъ въ тихвинъ, изъ тихвина въ 1724 г. въ юрьевъ намѣстникомъ, изъ юрьева въ 1728 г. въ духовъ архимандритомъ же; въ 1732 году въ иверскій. Ему было 56 лѣтъ.

потатчикъ и угодникъ показался и потому ея императорскому величеству не вѣренъ, какъ видно по дѣлу сему, въ которомъ и само собою воровство его явно, и еще отговорки его лживыя и безстудныя тожъ яснѣе обличаютъ; да и сверхъ того великое егожъ государевыхъ указовъ презорство явилось, понеже онъ присѣсенныхъ и себѣ подаемыхъ ея и. в. указовъ не принялъ. Да и не первая се его къ природнымъ государямъ своимъ невѣрность. Понеже и прежде сего присланныхъ къ нему въ бѣжецкій антоновъ монастырь солдатъ, для неисходнаго ихъ тамо содержанія по имянному бл. и вѣчнод. п. государя Петра I-го указу (котораго о полученіи и исполненіи онъ Серафимъ и подписался), нарочно распустилъ съ награжденіемъ, что̀ все извѣстно изъ дѣла въ разрядѣ архіерейскомъ имѣющагося, 1722 и 1723 годовъ. По лишеніи же упомянутыхъ чиновъ, опредѣляемъ быть ему въ александровѣ-свирскомъ монастырѣ въ простомъ братствѣ. Но прежде—дѣла сего копію съ нашими примѣчаніями подать при доношеніи въ Тайную канцелярію немедленно. И если туда Серафима не востребуютъ, то послать его въ опредѣленное мѣсто». [1]) Тайная канцелярія 2 августа утвердила приговоръ Ѳеофанов. И пошелъ Серафимъ Степаномъ Савиновымъ въ свирскій монастырь въ заточеніе [2]).

Еще прежде (22-го марта 1733 года) рѣшено дѣло другихъ участниковъ этого дѣла. Духовника іеромонаха Исаію приказано бить плетьми и сослать въ дальній монастырь; капрала Козлякова и караульщика Щапа бить плетьми и освободить. А что іеромонахи вышимали части, по просьбѣ Аврамова, за здравіе ея величества, слѣдствія не производить, понеже о томъ извѣстно ея величеству. Аврамовъ остался въ Тайной канцеляріи.

---

[1]) Опредѣленіе это написано Ѳеофаномъ собственноручно, какъ все, что онъ ни подавалъ въ Кабинетъ или въ Тайную канцелярію.

[2]) Въ 1740 г. октября 23 возвращено ему прежнее званіе.

XXII.

Продолженіе розысковъ по дѣлу пасквильнаго письма. Новыя подозрѣнія Ѳеофана. — Рѣпиловъ. — Арестъ и допросы тверскаго архіепископа Ѳеофилакта Лопатинскаго.

Не добившись ничего отъ Яковлева, Ѳеофанъ перенесъ свое подозрѣніе на другое лицо, еще въ первый разъ встрѣчающееся въ нашей исторіи. Это былъ іеромонахъ *Іосифъ Рѣпиловъ*, вмѣстѣ съ которымъ привлечено къ дѣлу множество другихъ лицъ.

Жизнь и судьба этого человѣка богаты разнообразными приключеніями. Въ 1726 г. тверскій архіепископъ Ѳеофилактъ Лопатинскій, отправляясь изъ С.-Петербурга въ епархію, взялъ съ собою одного іеромонаха, по имени Іосифа, прозваніемъ Рѣпилова, проживавшаго въ ту пору въ С.-Петербургѣ безъ всякаго дѣла. Прежде онъ былъ раскольникомъ, но потомъ присоединился къ церкви и употреблялся св. Сунодомъ по разнымъ порученіямъ въ раскольническихъ дѣлахъ. Эта спеціальность сблизила его съ Ѳеофилактомъ, который завѣдывалъ въ Сунодѣ раскольническими дѣлами [1]) и, по извѣстному дѣлу о выгорѣцкихъ раскольникахъ, имѣлъ отъ Сунода порученіе составить отвѣты на раскольницкіе вопросы, предложенные выговцами Неофиту. Ѳеофилактъ думалъ, что можетъ быть ему самому придется отправиться на Олонецъ и лично говорить съ раскольниками [2]), и на-

---

[1]) При раздѣленіи дѣлъ, по родамъ ихъ, между сунодальными членами въ 1722 г. февр. 28, сунодальному совѣтнику Ѳеофилакту Лопатинскому, вмѣстѣ съ асессоромъ Аѳанасіемъ Кондоиди, поручено было вѣдѣніе раскольническихъ дѣлъ, на такихъ же основаніяхъ, какъ Гавріилу Бужинскому вѣдѣніе школъ и типографій, съ тѣмъ, чтобы о важныхъ дѣлахъ они предлагали съ своимъ мнѣніемъ на общее разсужденіе Сунода, а которыя не важны и разсмотрѣніемъ ихъ рѣшены быть могутъ, рѣшали бы безъ предложенія Суноду по св. правиламъ, государственнымъ правамъ и по содержанію присяжной вѣрности.

[2]) Во время суда надъ Ѳеофилактомъ, между прочими вопросами, ему предложенъ былъ и слѣдующій: «его преосвященство Рѣпилову таковыя рѣчи говорилъ ли: быть бы намъ на Олонцѣ и противъ раскольниковъ говорить бы на ихъ присланные отпѣты, да нынѣ время не такое?»

дѣялся, что Іосифъ будетъ ему полезенъ своею начитанностію и знаніемъ разныхъ раскольническихъ толковъ; а до той поры можетъ быть употребляемъ для обращенія раскольниковъ его епархіи. И во всемъ этомъ горько обманулся.

Рѣшиловъ былъ человѣкъ пустой и продажный, грубый и наглый проходимецъ, у котораго въ душѣ не осталось повидимому ни одного чистаго понятія, ни одного честнаго движенія. Онъ въ гроши не ставилъ монашество, хотя былъ іеромонахомъ; развратничалъ съ крайнимъ безстыдствомъ; по гдѣ нужно было, ползалъ и пресмыкался съ такимъ же крайнимъ самоуничиженіемъ. Въ монастырях (тверской епархіи), которыми онъ управлялъ съ званіемъ игумена, онъ не возбуждалъ ничего, кромѣ ненависти, своими притѣсненіями монаховъ и монастырскихъ крестьянъ, хищничествомъ и поборами. Даже снисходительный къ нему Ософилактъ долженъ былъ дѣлать ему иногда строгія внушенія и подвергать его строгимъ взысканіямъ. «Посланъ ты — писалъ ему преосвященный Ософилактъ — во святую обитель (клобуковскую) настоятелемъ въ такомъ надѣяніи, чтобъ ты въ началѣ самъ исправленъ былъ, также и врученное вамъ, какъ братію, такъ и епархіальныя дѣла духовныя, по данной инструкціи, исправлялъ: а нынѣ слышно намъ не только отъ тамошнихъ жителей, но и отъ многихъ посторонних людей, что житіе и поступки имѣешь ты весьма не добрые и правиламъ св. апостолъ и св. отецъ противные, а именно: пріѣхавъ ты въ клобуковъ монастырь и вшедъ въ св. церковь, изъ алтаря въ царскія двери въ мантіи входъ и выходъ имѣлъ, чего во всей Россіи и притомъ никому не дано, кромѣ высшихъ степеней архимандритовъ, а не всѣмъ архимандритамъ, о чемъ и въ настольной грамотѣ сего дерзать не велѣно. Также въ церковь не ходишь, только въ воскресные дни, и для того своего выхода приказываешь, чтобы звонъ былъ и безъ звону не ходишь; а въ поліелейные дни праздновать не велишь и звонъ по церковному уставу воспрещаешь; а когда служишь — и въ томъ служеніи діаконовъ не токмо руками бьешь, но и служебникомъ въ нихъ бросаешь. А издревле въ оной обители читали на повечеріи по три канона съ акаѳистомъ: ты оставилъ. О святой обители никакого радѣнія не имѣешь, только по своимъ прихотямъ все старое переламываешь; отчего, за вашими бездѣль-

пыми и излишними прихотями и расходами, святая обитель во всеконечное пришла разореніе, а паче и въ барышничествѣ твоемъ клобуковскихъ казенныхъ и собственныхъ твоихъ лошадей, чего настоятелямъ дерзать не надлежитъ. И не токмо что самъ ты и кумъ твой Суворовъ всякими вымыслами, для своихъ бездѣльныхъ корыстей, священниковъ и церковнослужителей тирански мучите; но еще по сердцу своему избрали, для бездѣльнаго своего сродства, введенскаго попа Тимоѳея, и безъ выбора того города священниковъ самовольно опредѣлили въ старосты поповскіе, который, подозрительный съ тобою въ свойствѣ, по уѣзду ѣздилъ, а для чего и по какому указу, того не объявлятъ. И не токмо священникамъ съ причетники чинитъ онъ, попъ Тимоѳей, бѣды и разоренія, но въ монастырь пріѣзжая власти ругаетъ. Паче же, что ты церковнымъ вещамъ касаешься, а именно: двѣ чаши серебряныя, которыя для соединенія божественныя службы построены, взялъ ты себѣ въ келью, а вмѣсто тѣхъ поставилъ оловянныя; да и другія церковныя вещи забираешь себѣ въ келью». Архіепископъ прощалъ ему эти вины, если онъ исправится. «Если же опять на тебя будетъ какое доношеніе, то на тѣлѣ твоемъ будетъ положеніе немалыхъ ранъ и изверженіе изъ игуменскаго сана. Да ты-жъ, разверзши свое адское горло, при многихъ знатныхъ особахъ кричишь, что въ Кашинѣ и въ уѣздѣ всѣхъ поповъ разорю, и что взятки беру для того, что у меня у всѣхъ глаза залѣплены и никого-де не боюсь». Письмо оканчивалось собственноручною приписью Ѳеофилакта: «о семъ тебя остерегаетъ Ѳеофилактъ, архіепископъ тверскій и кашинскій. Марта 19, 1729 года». И такого-то человѣка Ѳеофилактъ принялъ въ довѣренность и держалъ подлѣ себя, когда видѣлъ на каждомъ шагу измѣну.

Рѣшиловъ сблизился съ другимъ лицомъ, которое также пользовалось довѣріемъ Ѳеофилакта; это былъ ужъ нѣсколько разъ упомянутый нами калязинскій архимандритъ Іоасафъ Маевскій. Онъ былъ изъ ученыхъ: въ кіевскихъ школахъ дошелъ до реторики, слушалъ Ѳеофана, зналъ по латынѣ, но до философіи и богословія не дошелъ. По выходѣ изъ школъ постриженъ въ монашество въ Польшѣ, въ марковомъ монастырѣ, при игуменѣ Мелетіѣ Чайковскомъ; въ 1714 или 1715 г. вызванъ былъ митро-

политомъ Дороѳеемъ Кроткевичемъ въ Смоленскъ, для обученія дѣтей, и оставался тамъ до смерти Дороѳея; послѣ того выбылъ за рубежъ въ китычевскій монастырь, оттуда опять въ марковъ, а изъ маркова снова вызванъ былъ въ Смоленскъ къ преосвященному Сильвестру «для казанія предики», и жилъ при немъ крестовымъ іеромонахомъ. Въ 1718 году мы встрѣчаемъ его уже іеромонахомъ невскаго монастыря, куда, по указу Петра Великаго, велѣно было изъ малороссійскихъ монастырей присылать лучшихъ монаховъ въ надежду архіерейства. Изъ невскаго монастыря новгородскій архіепископъ Ѳеодосій Яновскій взялъ его къ себѣ и опредѣлилъ архимандритомъ антоніева монастыря. Послѣ Ѳеодосія Ѳеофанъ отпустилъ его въ Тверь, гдѣ онъ опредѣленъ (въ іюнѣ 1726 г.) архимандритомъ калязина монастыря и судьею архіерейскаго дома. По тогдашнему—это довольно почетная должность. Въ бытность судьею онъ познакомился съ Рѣшиловымъ, то есть иногда показывалъ къ нему благосклонность; потому что между ними было большое разстояніе. «Онъ знатная персона—говаривалъ Рѣшиловъ — а я червякъ, котораго всякій растопчетъ».

Въ интимной бесѣдѣ съ ними Ѳеофилактъ говорилъ много такого, что было не подъ силу ихъ соображенію и впослѣдствіи навлекло на него много бѣдъ. Съ другой стороны и эти лица, пользуясь расположеніемъ и слабостію архіепископа, позволяли себѣ много не только неприличнаго, но прямо незаконнаго.

Обоимъ вскружило голову будущее *патріаршество* Ѳеофилакта. Мечты ихъ основывались на томъ, что въ первое время послѣ Петра Великаго любители старины ожидали возстановленія патріаршества. Особенно слухи и толки увеличились ко времени коронаціи Петра II. Въ народной молвѣ въ числѣ кандидатовъ на патріаршество былъ и Ѳеофилактъ, сторону котораго держали будто-бы князь Д. М. Голицынъ и графъ И. А. Мусинъ-Пушкинъ. Ѳеофилактъ, по видимому, былъ безразличенъ къ этой молвѣ: но окружающіе его въ сладкихъ мечтахъ дѣлили ужъ почести отъ будущаго патріарха. Рѣшиловъ мечталъ о епископствѣ; но Іоасафъ обнаруживалъ меньше честолюбія: онъ желалъ только печерской архимандріи послѣ дяди своего Іоанникія Сѣнотовича. «Дай Богъ тебѣ быть епископомъ», говорилъ Рѣшиловъ Іоасафу. «Бла-

годарю Бога—отвѣчалъ Іоасафъ — хотя по милости св. Сунода въ числѣ добрыхъ людей считаюсь; ибо между прочими, какъ слышалъ, и въ кандидатахъ былъ написанъ: по того, какъ не желалъ и не искалъ, такъ и не желаю». «Каковы къ тебѣ сунодальные члены»—спрашивалъ Рѣпиловъ. «Всѣ отцы и благодѣтели». Каковъ преосвященный новгородскій? — Маевскій отвѣчалъ, что онъ «учитель его, потому что онъ подъ дирекціей его преосвященства слушалъ логику». Тутъ Рѣпилову далеко было гнаться за Іоасафомъ. «Ну такъ быть тебѣ архіереемъ — проговорилъ онъ скрѣпя сердце;—надѣюсь, что и мою старость не оставишь» «Потерпи старикъ—отвѣчалъ Іоасафъ—будемъ оба люди».

Ѳеофилактъ былъ слишкомъ простъ и до слабости довѣрчивъ къ людямъ и входилъ въ короткость со всѣми лицами, съ которыми сталкивала его судьба, не разбирая—хороши они или дурны, преданы они ему или пользуются его откровенностію для своихъ цѣлей. Переходитъ къ нему архимандритъ изъ другой епархіи судьею и казначеемъ архіерейскаго дома — и онъ вступаетъ съ нимъ въ самые откровенные и по тогдашнему опасные разговоры и, вдоволь наговорившись, спрашиваетъ потомъ, какъ будто спохватившись: да ты не предашь ли меня? Въ іюлѣ 1726 года полученъ былъ въ Тверп указъ изъ Верховнаго Тайнаго Совѣта, чтобы сунодальнымъ членамъ изъ архіереевъ не давать никакого жалованья, сверхъ архіерейскаго. Указъ присланъ на имя судьи архіерейскаго дома. Судья доложилъ объ немъ архіепископу. Ѳеофилактъ обидѣлся этимъ указомъ и вечеромъ того-жъ дня, «бывъ въ печальномъ образѣ, говорилъ ему архимандриту: вотъ-де, судья, здѣсь жить: всего бойся». «Чего вашему преосвященству бояться» спросилъ Іоасафъ. Вмѣсто отвѣта на это Ѳеофилактъ проговорилъ: «когда-бъ можно гдѣ укрыться или хоть въ Польшу уѣхать, еслибъ то можно было. Я бы радъ былъ и этому». Іоасафъ замѣтилъ на это: «ваше преосвященство человѣкъ присяжный и куда-бъ ни уѣхали, такъ сыщутъ».—Замѣтимъ, что Іоасафъ только мѣсяцъ назадъ опредѣленъ къ нему судьею изъ Ѳеофановой епархіи.—Въ тѣхъ же числахъ, передъ отъѣздомъ въ С.-Петербургъ, онъ разсуждалъ съ Іоасафомъ о своемъ содержаніи въ Петербургѣ и сказалъ къ разговору, что у него есть тысяча рублей своихъ денегъ—лежатъ у купца Корыхалова.

Іоасафъ предложилъ ему, чтобъ онъ и употреблялъ на свои нужды эти деньги до сбора казенныхъ денегъ. Ѳеофилактъ, осердясь на это, сказалъ ему: «вамъ дѣла нѣтъ до тѣхъ денегъ. У меня они положены на свою нужду. Не дай Богъ какой на меня бѣды или сошлютъ въ ссылку: то у меня есть добрый Корыхаловъ—не оставитъ».—Передъ отъѣздомъ изъ Твери въ С.-Петербургъ, въ августѣ 1726 г., Ѳеофилактъ получилъ указъ изъ Сѵнода о высылкѣ Рѣшилова. Для послѣдняго въ этомъ не было находки, потому что тутъ онъ пригрѣлся къ тепленькому мѣстечку, а тамъ Богъ знаетъ что еще будетъ. Онъ пришелъ къ Ѳеофилакту и расплакался передъ нимъ: «я желалъ бы и умереть при вашемъ преосвященствѣ, чтобъ ваши архіерейскія руки меня погребли». Ѳеофилактъ сдался на эту мольбу. «Ну, ничего. Вѣдь указы мои же братья архіереи пишутъ, а я и самъ къ нимъ ѣду». Ѳеофилактъ взялъ съ собою до Торжка Іоасафа. Дорогой разговорились о рязанской каѳедрѣ, которая въ ту пору была праздною. Ѳеофилактъ сказалъ, что онъ не желаетъ быть туда опредѣленъ и, если предложатъ ему, то будетъ отпрашиваться. «Отъ чего же ваше преосвященство не желаете»—спросилъ Іоасафъ. «Когда-бъ сперва на мѣсто батюшки моего, преосвященнаго Стефана митрополита рязанскаго, былъ опредѣленъ—отвѣчалъ Ѳеофилактъ—то радъ бы быть въ той епархіи; а теперь гоняться за преосвященнымъ Сильвестромъ (Холмскимъ) не хочу». И потомъ, вспомянувши Стефана въ самыхъ похвальныхъ словахъ, прибавилъ, что онъ «много претерпѣлъ отъ Ѳедоса, и когда-бъ та змія больше на своемъ престолѣ посидѣла, то-бъ больше скорпій высидѣла. И новгородскій архіерей Ѳеофанъ, хотя мнѣ и другъ, ихъ же лютеранскую сторону держитъ». Послѣ того спохватясь, спросилъ архимандрита: «и ты, судья мой, не ихъ ли духа»? На это архимандритъ отвѣчалъ, что «никакъ бы и думать того о немъ не изволилъ». По кончинѣ императрицы Екатерины въ Твери пронесся слухъ, что будетъ поставленіе патріарха. Іоасафъ съ Рѣшиловымъ встрепенулись при этомъ слухѣ. «А что выше — спросилъ Рѣшиловъ у Іоасафа — патріаршество или св. Сѵнодъ»? Іоасафъ отвѣчалъ: «все равно». «Для чего-жъ патріаршество отставлено, а св. Сѵнодъ учрежденъ»? Іоасафъ отвѣчалъ: «при прежнихъ патріархахъ были въ народѣ смущенія, и раскольническая ересь отъ

нихъ же патріарховъ началась, а именно при Іоспфѣ патріархѣ; потому Ѳеофанъ, будучи у его величества въ респектѣ, о томъ совѣтывалъ и регламентъ сочинилъ». Къ рѣчи о регламентѣ Іоасафъ замѣтилъ, что въ немъ все хорошо, за исключеніемъ одного, что заключили монаховъ; да и власти, ежели поступать по регламенту, не у чего быть, потому что напечатано, что кромѣ квасу въ кельѣ ничего не держать, а везѣно ходить по вся дни за общую трапезу. Лучше быть патріарху и дай Боже быть патріархомъ нашему преосвященному».

Бывши въ Твери изъ калязина монастыря въ 1727 году, Іоасафъ разсуждалъ съ Рѣпиловымъ о лютеранской вѣрѣ, а именно о не содержаніи постовъ, о непочитаніи иконъ и о исповѣданіи православной церкви. Въ томъ разговорѣ они называли Ѳеофана «лютеранскимъ защитникомъ и церемонитомъ». Іоасафъ говорилъ такъ о немъ потому, что еще будучи въ невскомъ монастырѣ, въ 1726 году, имѣлъ компанію съ бывшимъ невскимъ намѣстникомъ Варлаамомъ Голенковскимъ, да съ справщикомъ іеромонахомъ Варнавою, и слыхалъ отъ нихъ въ разговорѣ, что Ѳеофанъ содержитъ лютеранскую вѣру. Въ тоже время онъ бывалъ у жившаго въ домѣ Ѳеофана, іеромонаха Симона Кохановскаго, и Кохановскій въ разговорахъ съ нимъ разсуждалъ сходно съ лютеранскимъ исповѣданіемъ: и оттого ему показалось, что Ѳеофанъ такой-же вѣры, какъ оный Кохановскій.—Въ 1728 году, когда юный императоръ Петръ II ѣхалъ въ Москву для коронаціи, Ѳеофилактъ, отправляясь также въ Москву, былъ въ Твери, и въ разговорѣ съ Іоасафомъ упоминалъ о книгахъ Стефана Яворскаго, доставшихся ему послѣ смерти Стефана. Іоасафъ вспомнилъ о Камнѣ Вѣры и просилъ у Ѳеофилакта прочитать ее. Ѳеофилактъ отвѣчалъ, что она скоро будетъ напечатана. «Другъ мой И. А. Мусинъ-Пушкинъ старается о томъ неусыпно, а по немъ князь Д. М. Голицынъ и прочіе». Вслѣдствіе этого разговора у Іоасафа съ Рѣпиловымъ опять пробудились надежды на патріаршество Ѳеофилакта.

Въ эту же бытность Ѳеофилакта въ Твери, Рѣпиловъ переведенъ изъ Ракова [1]) въ Клобуковъ монастырь игуменомъ. Послѣ

[1]) Въ бытность въ Ракові монастырѣ Рѣпиловъ вошелъ въ преступ-

того, ввечеру, въ первыхъ числахъ января, при имѣвшейся въ келліяхъ его архіерейскихъ музыкѣ и при пѣніи, Ѳеофилактъ за чашею вина поздравлялъ Рѣпилова съ клобуковскимъ игуменствомъ и называлъ «кохапнымъ прелатомъ»; а Рѣпиловъ сперва поблагодарилъ Ѳеофилакта, потомъ, держа стаканъ въ рукахъ, сталъ на колѣни и сказалъ: «да здравствуетъ святѣйшій патріархъ всероссійскій». Ѳеофилактъ оглянулся на него прогнѣваннымъ образомъ и, окинувъ взоромъ присутствующихъ, сказалъ: «что ты бредишь»? Рѣпиловъ заговорилъ другое. Тѣмъ та рѣчь и кончилась.—Въ 1729 году, въ осеннее время, когда Рѣпиловъ, по челобитной братіи клобуковскаго монастыря и вотчинныхъ крестьянъ, позванъ былъ въ Тверь для допроса: тогда молва была всенародная, будто ростовскій архіерей Георгій у князей Долгоруковыхъ, которые тогда были въ знати, чрезъ прислугу дареніемъ лошадей ищетъ себѣ патріаршества и они къ нему добры. И съ той молвы разговаривалъ онъ, Іоасафъ, съ Рѣпиловымъ, что быть ему патріархомъ. Іоасафъ говорилъ Рѣпилову по этому поводу: «увидимъ-де, какъ онъ, Георгій, на патріаршество на лошадяхъ въѣдетъ»; и разсуждалъ что онъ—не ученый, и когда патріархомъ будетъ, то всѣ малороссійскіе ученые люди въ изгнаніи отъ него будутъ. При томъ разсужденіи сожалѣя о Ѳеофилактѣ, что противъ ихъ чаянія пошла молва о Георгіѣ, Іоасафъ говорилъ, что вѣрно вышеупомянутые покровители Ѳеофилакта не въ такомъ респектѣ у Государя, какъ Долгорукіе, и потому видится, что нашему архіерею патріархомъ не быть. — Въ томъ же году, въ Рождество, Іоасафъ пріѣхалъ въ Москву къ Ѳеофилакту и привезъ съ собою дѣло Рѣпилова, по жалобѣ клобуковской братіи и монастырскихъ крестьянъ. Въ святки онъ бывалъ у преосвященнаго. Одинъ разъ рѣчь зашла о Государѣ. Ѳеофилактъ съ сожалѣніемъ говорилъ, что Петръ II еще въ молодыхъ лѣтахъ, а наставленія добраго, какъ монархамъ принадлежитъ, дать некому; и вспомянувъ нѣкотораго своего друга Зейкона, хвалилъ его благочестіе и ученіе, и говорилъ, что

ную связь съ женою извѣстнаго В. П. Татищева, вслѣдствіе чего послѣдній просилъ Сунодъ о разводѣ его съ женою (Анною Васильевою, урожденною Андреевскою, вдовою Рѣткина), съ которой жилъ въ супружествѣ съ 1714 г. и отъ которой имѣлъ сына и дочь. (Дѣла архива св. Сунода, 1723 № 428).

онъ весьма бы надобенъ былъ въ нынѣшнее время къ наставленію государя въ добрыхъ нравахъ и благочестіи. «А нынѣ-де имѣется учитель Остерманъ, да и того Долгорукіе — чтобъ не часто ему съ его величествомъ видѣться—устранили: подъ видомъ возвышенія чести дали ему мѣсто въ Сенатѣ. А хотя-бъ-де онъ, Остерманъ, и всегда былъ при Государѣ, однако въ наставленіи благочестія нечего добраго надѣяться, потому что онъ лютеранской вѣры. Надобно бы его величеству о томъ совѣтовать, да некому. Я-бъ и радъ, да не смѣю. А св. Суноду согласиться невозможно, за тѣмъ, что преосвященный новгородскій и самъ лютеранскій защитникъ, и съ ними-жъ только знается». При этомъ вспомянулъ о живущемъ въ домѣ Ѳеофана, іеродіаконѣ Адамѣ, что-де «и Адамъ его по лютеранскимъ домамъ всегда бѣгаетъ, и у генерала Якова Брюса чуть не живетъ». На это слово о Брюсѣ онъ, архимандритъ, сказалъ, что «говорятъ, будто Брюсъ не лютеранинъ, но атеистъ»? «Они и съ такими знаются»—отвѣчалъ Ѳеофилактъ.

Въ 1730 году Ѳеофилактъ былъ въ Москвѣ на коронаціи императрицы Анны. По удаленіи изъ Сунода, въ августѣ этого года, прибылъ въ Тверь и занялся сочиненіемъ противъ Буддея. Іоасафъ ѣздилъ по порученію его въ Ригу за покупкою библіотеки Ярмирковскаго [1]). Но у опальнаго Ѳеофилакта сердце чуяло недоброе. Въ январѣ 1731 года Іоасафъ былъ у Ѳеофилакта. Архіепископъ не могъ скрыть отъ него своего безпокойства. «Спать не могу, во снѣ пугаюсь и на яву всегда боюсь». «Чего боитесь ваше преосвященство»—спросилъ Іоасафъ. «Боюсь, чтобъ кто заочно не обнесъ Императрицѣ». Іоасафъ старался успокоить его. Ѳеофилактъ отвѣчалъ: «знаю, что Императрица милостива; только женское сердце пуще мужескаго».—Весной 1731 года Ѳеофилактъ посылалъ Іоасафа въ Москву хлопотать объ изданіи книги противъ Буддея и просилъ его не сдѣлаться перекидчикомъ. Іоасафъ обѣщалъ, но потомъ предалъ своего архіерея. Въ раз-

---

[1]) Священникъ Симеонъ Ярмирковскій въ 1721 году взятъ изъ Москвы, отъ Верховой воскресенской церкви въ С.-Петербургъ и опредѣленъ въ Царское Село въ вотчину царицы Екатерины Алексѣевны; вскорѣ послѣ того «за его искусство» переведенъ въ С.-Петербургъ протопопомъ къ успенской церкви; отсюда переведенъ въ Ригу, гдѣ и скончался.

говорѣ съ нимъ, Ѳеофилактъ указалъ еще на другую книгу своего сочиненія, также противъ лютеранъ. «Преосвященный-де Ѳеофанъ блаженной памяти Государю Петру I-му поднесъ съ лютеранской стороны своихъ трудовъ нѣкоторую книжицу. Графъ П. А. Мусинъ-Пушкинъ прислалъ экземпляръ этой книжицы ему, Ѳеофилакту, и велѣлъ ему писать на нее: такъ вотъ онъ и написалъ [1])».

Въ 1731 году Ѳеофилактъ послалъ Рѣшилова, за его противозаконные поступки, подъ началъ къ Іоасафу въ калязинъ монастырь; а Іоасафъ, обманувшись въ патріаршествѣ Ѳеофилакта, представилъ Ѳеофану конію съ Ѳеофилактовыхъ тетрадей и, жалуясь на худое житье у Ѳеофилакта, просилъ Ѳеофана принять его въ свою милость. Ѳеофанъ помогъ ему перейдти въ бизюковъ монастырь. Вслѣдъ за нимъ туда-жъ ушелъ и Рѣшиловъ, выпросившись у новаго калязинскаго архимандрита будто на богомолье къ преподобному Сергію.

Старая пріязнь и здѣсь сблизила ихъ. Въ разговорѣ Рѣшиловъ говорилъ Іоасафу, что когда онъ былъ въ расколѣ, ему хотѣлось видѣть архіерея; а по обращеніи своемъ желалъ видѣть патріарха. Маевскій отвѣчалъ на это: «если ты при жизни блаженной памяти Государя Петра II не видалъ патріарха: то ужъ не увидишь». Послѣ того Рѣшиловъ спросилъ: «отчего не сбылось патріаршество Ѳеофилакта»? На это Маевскій отвѣчалъ: «быть бы ему давно патріархомъ, только скрипочки ему, да дудочки, помѣшали». И прибавилъ, что эти слова — объ охотѣ Ѳеофилакта до музыки—онъ слышалъ отъ князя Д. М. Голицына въ бытность въ Москвѣ по дѣлу архіепископа. Іоасафъ защищалъ его предъ Голицынымъ; но набожный вельможа отвѣчалъ: «полно, полно, я знаю, каковъ вашъ архіерей. Не такъ онъ живетъ какъ отецъ его, преосвященный Стефанъ митрополитъ».

Ѳеофанъ, покровительствуя Іоасафу, сначала не подозрѣвалъ

---

[1]) Ѳеофанъ, по поводу этого показанія, объявилъ въ слѣдственной коммисіи, что это наносится на него клеветнически, что такой книги Государю онъ не подносилъ. «Не оттого ли эта клевета происходитъ, что онъ въ 1718 году, по просьбѣ Мусина-Пушкина, далъ ему своихъ трудовъ книжицу Игнатіевхозавѣтнаго, которая ни какой противности здравому разсужденію благочестиваго исповѣданія не содержитъ»?

его тактики. Но когда явился пасквиль и подозрительность Ѳеофана перебирала и тѣхъ и другихъ лицъ, его мысль, видимо, не разъ останавливалась на Іоасафѣ. Ѳеофанъ догадывался, что у него съ Ѳеофилактомъ отношенія были не совсѣмъ такія, какими представилъ ихъ Іоасафъ. Зачѣмъ же онъ бѣжитъ отъ Ѳеофилакта и бѣжитъ въ бизюковъ монастырь?

Но вотъ и еще поводъ къ подозрѣнію. Собирая свѣдѣнія о Рѣшиловѣ, Ѳеофанъ узналъ, что и его въ Твери уже нѣтъ, что онъ переходилъ изъ монастыря въ монастырь и очутился тоже въ бизюковѣ монастырѣ. Здѣсь что нибудь да не такъ. Кто нибудь изъ двухъ виноватъ; но кто? Малая и почти ничтожная сама по себѣ вещь навела мысль Ѳеофана на Рѣшилова. Въ пасквильномъ письмѣ часто упоминалось слово: дикую. «Пришло же намъ, хотя и не скоро, на мысль—писалъ потомъ Ѳеофанъ—что передъ нами, аки бы пошучуя (шутя), таковаго претворенія русскихъ рѣчей на польскія употреблялъ Рѣшиловъ, а наипаче сего слова «дикую». И то такъ живо прибралось намъ на память, что на него о сочиненіи извѣстнаго пасквиля подозрѣніе стало и, по многомъ размышленіи, весьма утвердилось, что насъ и подвинуло требовать, дабы его сыскали къ дѣлу».

Теперь и дѣйствія Рѣшилова становились ясными. За чѣмъ онъ бѣжалъ въ бизюковъ монастырь, «который стоитъ на рубежѣ государства»? «А въ томъ подозрѣніе—писалъ Ѳеофанъ—не для того ли онъ туды улетѣлъ, для чего и прежде Сильвестръ Медвѣдевъ туды же прибѣжалъ и покушался, за подобное злодѣйство, казни избѣжать? По многимъ обстоятельствамъ видѣть можно, что Рѣшиловъ на рубежъ прибѣжалъ, дабы, увѣдомленъ о происходящихъ на него въ дѣлѣ пасквильномъ поговоркахъ, возмогъ себя скоро спасти переѣздомъ одной небольшой рѣки».

Утвердившись въ этомъ подозрѣніи, Ѳеофанъ придумалъ предлогъ, чтобы вытребовать Рѣшилова въ Москву, а тутъ надѣлся собрать подъ рукой нужныя справки. Synодальный секретарь Дудинъ, по порученію Ѳеофана, взвелъ на него денежный начетъ, рублей на 60. Этого было довольно, чтобы затянуть его въ дѣло. Рѣшилова привезли въ Москву и посадили подъ караулъ. Но слѣдующее обстоятельство еще болѣе усилило подо-

зрѣніе Ѳеофана на Рѣшилова. Изъ-подъ ареста онъ написалъ два слезныхъ письма: одно къ Ѳеофану, дабы онъ своимъ предстательствомъ у Сунода освободилъ его отъ платежа похищенныхъ денегъ; другое—къ александроневскому архимандриту Петру Смѣличу, чтобы онъ попросилъ Ѳеофана, премилостиваго отца, объ оказаніи ему этой милости. «И сіе его къ Ѳеофану прошеніе и ласкательство—соображалъ Ѳеофанъ—не безъ подозрѣнія. Ѳеофанъ не былъ ему врагъ, да не былъ же и знатный благодѣтель. Еще же чрезъ полныя шесть лѣтъ не писалъ онъ къ Ѳеофану и, бывъ между тѣмъ въ Москвѣ, бывалъ у Дашкова-ростовскаго, а Ѳеофану не являлся; и какъ о бытности его, Рѣшилова, въ Москвѣ, такъ и гдѣ онъ Рѣшиловъ обращался, Ѳеофанъ отнюдь не вѣдалъ. Знатно же отъ сего Рѣшилова къ Ѳеофану ласкательства, что онъ размышлялъ съ собою: не прійдетъ ли кому, чтущему письмо пасквильное, на мысль, подумать и объ немъ, яко пасквильномъ авторѣ? И понеже Ѳеофана въ письмѣ пасквильномъ не легко трактуетъ, того ради таковымъ, чрезъ письма внушаемымъ своимъ къ Ѳеофану якобы доброжелательствомъ, отводить хотѣлъ отъ себя подозрительный вышеупомянутый догадъ».

Рѣшилова привезли въ Петербургъ. Въ канцеляріи св. Сунода составили справку о перѣшенныхъ дѣлахъ, въ которыхъ онъ былъ запутанъ. Это были такія грязныя и въ тоже время важныя дѣла, изъ которыхъ одного было-бы достаточно, чтобы этого безчестнаго человѣка, нарушителя всѣхъ иноческихъ обѣтовъ, правилъ и приличій, предать всей строгости законовъ. Но не по этимъ дѣламъ привезли его въ Петербургъ.—Слѣдованіе поручено произвесть кабинетнымъ министрамъ вмѣстѣ съ новгородскимъ архіепископомъ.

Въ 1733 году октября 26 Ѳеофанъ объявилъ св. Суноду высочайшее повелѣніе: «іеромонаха Іосифа Рѣшилова, до котораго касается нѣкое особое дѣло, нынѣ отъ рожденія его и какъ отъ раскола обратился, тако-жъ и по дѣламъ въ св. Сунодѣ имѣющимся, допрашивать обстоятельно безъ замедленія».—Послѣ приличнаго увѣщанія къ откровенности, съ угрозою «за ложь жестокаго тѣлеснаго наказанія, то есть въ надлежащемъ мѣстѣ пытки, а потомъ и смертной казни», допросъ открытъ довольно любопыт-

нымъ вопросомъ: «рожденіе твое гдѣ, и отецъ твой не стрѣлецъ ли былъ, и буде стрѣлецъ, котораго полку и живъ ли, и гдѣ начальство имѣетъ и въ какомъ чина нынѣ званіи; или изъ родственниковъ и свойственниковъ твоихъ кто въ стрѣльцахъ не были-ль, и буде были, кто именно, и какъ близко въ родствѣ или свойствѣ тебѣ считались; или и самъ ты въ таковомъ стрѣлецкомъ чину не былъ ли же, а буде былъ, каковымъ образомъ отъ того чина отлучился и давно-ль и куда сперва, и не для явнаго-ль подозрѣнія и какого именно»? «Рожденіе его — отвѣчалъ Рѣшиловъ о себѣ въ 3-мъ лицѣ — въ градѣ Бѣлевѣ. Отецъ у него былъ свѣнскаго монастыря крестьянинъ и жилъ въ Бѣлевѣ на монастырскомъ подворьѣ дворникомъ и производилъ мелочную торговлю; въ стрѣльцахъ не былъ; а были въ стрѣльцахъ дяди его по матери въ давнихъ годахъ: одинъ изъ нихъ померъ, а о другомъ ничего неизвѣстно». — «Въ бытность въ расколѣ не имѣль ли на себѣ такого званія и правленія, которое приличествовало къ духовному чину, и буде имѣлъ — каковое именно и въ какой силѣ исправленіе чинилъ, и когда и какъ обратился къ православной церкви»? Рѣшиловъ отвѣчалъ, что «въ расколѣ отправлялъ священническую должность, именно обоего пола людей, крещенныхъ въ православное исповѣданіе, по раскольническому мудрованію перекрещивалъ и младенцевъ крестилъ и исповѣдывалъ и причащалъ полученными яко бы божественными дарами отъ раскольническаго учителя игумена Іова, который напредь сего былъ тверской епархіи въ Раковѣ монастырѣ и умре въ прошлыхъ годахъ; и въ монахи и въ монахини постригалъ, и мертвыхъ погребалъ, и родительницамъ молитвы давалъ, а литургіи по раскольницкому мудрованію и никакъ не служивалъ; а изъ раскольническаго заблужденія онъ обратился въ 1719 году таковымъ образомъ: когда былъ въ Керженцѣ присланный отъ нижегородскаго вице-губернатора маіоръ для переписки раскольниковъ въ двойной окладъ; то онъ, Іосифъ, пришелъ къ нему самъ-третей съ учениками своими—монахомъ Діонисіемъ и монахиней Аполлинаріей, и объявилъ, что въ двойной окладъ они записываться не хотятъ; а пусть-де насъ отправятъ къ преосвященному Питириму для разговоровъ изъ писанія. Маіоръ отправилъ ихъ. Изъясненія и увѣщанія Питирима такъ на нихъ подѣйствовали, что они всѣ трое оставили

раскольническую прелесть». Въ такомъ же родѣ и такимъ же порядкомъ допросы Рѣшилову длились въ октябрѣ и ноябрѣ 1733 года. Ѳеофанъ самъ составлялъ вопросы, читалъ показанія, сличалъ ихъ между собою и требовалъ объясненій и дополненій [1]).

Всѣ дѣйствія Рѣшилова и каждое новое показаніе утверждали его въ подозрѣніи на счетъ виновника папина письма. «По привозѣ Рѣшилова въ С.-Петербургъ — писалъ Ѳеофанъ — когда его сѵнодальный членъ первое о томъ спросилъ просто: для чего онъ въ бизюковъ монастырь пошелъ, онъ на то отвѣтствовалъ: я-де не думалъ за рубежъ изъ царства православнаго отлучиться. Изъ чего ему на мысль пришло такъ отвѣчать?» «Когда ему при министрахъ велѣно письмо пасквильное дать посмотрѣть, тогда онъ первѣе головою сталъ качать и очки съ носа моргая скинулъ; а послѣ, и одной строки не прочетъ, началъ бранить того, кто оное письмо сочинилъ, называя его проклятымъ, еретикомъ, діаволомъ».

Изъ Москвы привезенъ былъ собственный скарбъ Рѣшилова—сундукъ или ящикъ, обернутый въ клеенку. Ѳеофанъ, по соглашенію съ кабинетнымъ министромъ Черкасскимъ, вскрылъ, осмотрѣлъ и разобралъ этотъ ящикъ. Найденныя въ немъ письма, «состоявшія въ разныхъ матеріяхъ», перенумерованы цифирными литерами отъ перваго до пятнадцатаго. Ѳеофанъ взялъ ихъ къ себѣ для разсмотрѣнія и по сличеніи ихъ съ подметнымъ письмомъ представилъ въ Кабинетъ при письменномъ доношеніи, которое состоитъ изъ двухъ статей: въ первой изложено *доказательство ясное, что папино письмо—отъ нѣкоего плута вымышленное, и каковое не только не было, но и весьма быть не могло;* во второй—*примѣчанія, которыя подаютъ подозрѣніе въ сочиненіи подметнаго письма на іеромонаха Іосифа Рѣшилова.* Нѣсколько позже Ѳеофанъ подалъ въ Кабинетъ дополнительныя *примѣчанія изъ разныхъ дѣлъ и обстоятельствъ, что извѣстнаго пасквиля подметнаго авторъ или сочинитель есть бывшій монахъ, что нынѣ разстрига Иванъ Рѣшиловъ*, съ оговор-

[1]) На показаніяхъ Рѣшилова встрѣчаются собственноручныя замѣтки Ѳеофана въ слѣдующемъ родѣ: «по коронаціи ея императорскаго величества съ 4 мѣсяца посланъ онъ, по сей сказкѣ, въ старицкій монастырь; а онъ же своеручно написалъ декабря 13 дня 1733 году, будто тверскій архіерей гнѣвался за присягу. Да присягу оную назадъ относитъ до Петра II. Плутъ явственный».

кою однакожъ: *кромѣ нѣкихъ немногихъ частей, которыя кажутся выше ума его.* (Всѣ три статьи напечатаны вполнѣ въ *Рѣшиловскомъ дѣлѣ*, 1861 г. Спб. *Приложж.* стр. 5—16).[1]).

---

[1]) Любопытна эта часть дѣла по крайне тщательному разслѣдованію этой переписки. Въ одномъ письмѣ Рѣшиловъ проситъ у тверскаго архіерея денегъ на уплату похищенной суммы. «Разсужденія же достойно — пишетъ Ѳеофанъ—какъ онъ тое письмо сочинилъ. Написалъ первѣе похвалу милостыни, долгимъ многословіемъ, на подобіе предики. Да вся та похвала сочинена діалектомъ не такъ малороссійскимъ, какъ бы польскимъ, или на польскій образецъ устроеннымъ; изъ чего явно, что Рѣшиловъ въ такомъ-то діалектѣ часто и охотно упражнялся, наипаче въ перепискахъ съ тверскимъ архіереемъ. Но паче всего примѣчать надлежитъ, что нарѣчіе въ папиномъ письмѣ: *благословенство*, изъ польска, вмѣсто *благословенія*, написанное, дважды написалъ Рѣшиловъ и въ семъ своемъ милостыни похваленіи. А таковаго нарѣчія въ русской говоркѣ и малороссійцы не употребляютъ, и ни у кого мнѣ слышать, кромѣ Рѣшилова, не случалось».—«Еще же штиля Рѣшилова со штилемъ папина письма и всего пасквильнаго сочиненія сходство и согласіе слѣдующими примѣтами, кажется, не темно познаваемъ. А именно: а) Авторъ пасквиля къ сочиненію вершиковъ, хотя весьма неправильныхъ, охотникъ; понеже лапи свои и началъ и окончилъ вершиками, и на страницѣ 4 много блазней вершиками изобразилъ. А также къ вершописанію охота и у Рѣшилова. Въ одномъ письмѣ къ тверскому архіерею похвалу ему сплетаетъ сими словесы: «радуйся новый Давиде, побѣдивый Галіаѳа, не пращію, но камнемъ вѣры. Стерлъ еси супротивные супостаты, реку лютеры и кальвины, и русскіе маловѣры». И надѣяться бы больше того въ письмахъ Рѣшилова, еслибы нашлось большее ихъ число. б) Авторъ пасквиля надменныя и высокія прибираетъ рѣчи: тожъ дѣлаетъ и Рѣшиловъ въ своихъ тайныхъ письмахъ. в) Авторъ пасквиля любитъ часто много прикладовъ изъ св. Писанія и исторій, тако-жъ и разныхъ писателей свидѣтельства употребляетъ. Посмотримъ и на Рѣшилово письмо, гдѣ онъ восхваляетъ милостыню многими прикладами и свидѣтельствами; а то дѣлаетъ безъ всякой нужды; только для показанія, что онъ гораздо отъ прочихъ монаховъ отличенъ. г) Авторъ пасквиля часто слезы и плачи и вопли пишетъ: тако-жъ и Рѣшиловъ. Да и въ томъ его наипаче съ пасквильникомъ сходство, что къ изъявленію печали однихъ почитай словъ употребляетъ. Напримѣръ, въ пасквилѣ, въ самомъ началѣ: плачися, рыдай горько; и на страницѣ 7-й: восплачешься и возрыдаешь горько. Подобно и въ письмѣ къ тверскому архіерею: гласъ мой и рыданіе горькое. Опять въ пасквилѣ: со изліяніемъ слезъ; тотъ же образъ рѣчи и въ Рѣшиловомъ въ Сунодъ прошеніи: обліяся слезами молю. д) Да и въ другихъ необычныхъ, и въ народѣ нечастыхъ словахъ, пасквильнаго и Рѣшилова реченія сходны. Напримѣръ, въ письмѣ папиномъ: за вѣру поборять; и въ Рѣшиловомъ: по церкви поборствуя. И такъ лживый папа необычнымъ словомъ изобразилъ благодарствіе: вписалъ въ вѣчно достойную себѣ жалость; подобнѣ тожъ и Рѣшиловъ изобразуетъ въ своемъ къ тверскому письмѣ: сотвори со мною вѣчную память. е) Особливо примѣчаемъ, что каковымъ видомъ пасквиль изъявляетъ бѣдность крестьянскую (не знаютъ праздника, ни дня вос-

Такъ какъ въ отвѣтахъ Рѣшилова сдѣланы указанія на многихъ лицъ, то послѣдовало распоряженіе: вытребовать въ Сунодъ бизюковскаго архимандрита Іоасафа (Маевскаго) «якобы съ копіями съ жалованныхъ грамотъ, данныхъ оному монастырю; привесть въ С.-Петербургъ подъ крѣпкимъ карауломъ нѣсколько лицъ изъ тверскаго архіерейскаго дома, именно: домовыхъ дѣлъ стряпчаго Ивана Богданова, кашинскаго по духовнымъ дѣламъ подьячаго Ивана Ильина, сторожа Иларіона Еремѣева, да жившаго въ клобуковскомъ монастырѣ, при кельѣ Рѣшилова, іеродіакона Тихона. «Взявъ ихъ — наказано было солдатамъ — сковать тѣхъ людей въ ножные кандалы и, разсадя порознь, ѣхать изъ Твери денно и ночно со всякимъ поспѣшеніемъ». Калязинскому, воскресенскому, савинскому и бизюковскому архимандритамъ, у которыхъ онъ жилъ по нѣскольку времени, учинить допросные пункты, а вмѣсто сергіевскаго архимандрита, царскаго духовника Варлаама, допросить тамошняго казначея Нектарія [1]). Чрезъ нѣсколько дней (5 марта 1734 г.) потребовали въ С.-Петербургъ ризничаго тверскаго архіерейскаго дома, іеродіакона Александра Судакова.

По прибытіи въ С.-Петербургъ, Іоасафъ позванъ былъ (5-го марта) въ собраніе слѣдственной коммиссіи, состоявшей изъ кабинетныхъ министровъ, Ушакова и Ѳеофана. Въ томъ же собраніи слушаны были сдѣланные Рѣшиловымъ показанія о разговорахъ

креснаго, ниже прибѣгнутъ къ церкви Божіей): подобнѣ тому пришло на умъ Рѣшилову изобразить бѣдность свою за арестомъ (уже и въ церковь изъ узъ не испускаютъ, и святыя исповѣди и причащенія таинствъ лишихся). А се каково кажется, что авторъ пасквильный на страницѣ 8-й показуетъ одного, другаго и третьяго, именно которые клеветали на Ѳеофана, яко бы въ неправомъ ученіи, а Ѳеофилакта Лопатинскаго, который въ первомъ клеветаніи начальникъ былъ, не воспоминаетъ. Знатно, Лопатинскому пасквильникъ сей былъ подкомандный и ласкательный, и опасался, дабы отъ именованія Лопатинскаго не произошло на него подозрѣніе. И се, кажется, не безъ хитрости, что пасквильникъ чрезъ сіе лаятельное письмо свое клевещетъ на всѣхъ знатнѣйшихъ людей, будто они уклонились въ люторскую вѣру, а котораго человѣка начальникомъ того уклоненія ставитъ, того не въ лютораны, но въ паписты произвелъ, знатно для того, чтобъ не было помысла, которой онъ есть факціи и команды.

[1]) Объ Ильинѣ и троицкомъ казначеѣ Нектаріѣ Ѳеофилактъ и Варлаамъ доносили, что они уже померли—Ильинъ въ 1729 году, Нектарій въ 1734 г.; а іеродіаконъ Тихонъ находится неизвѣстно гдѣ.

насчетъ патріаршества и о произнесеніи Маевскимъ въ тѣхъ разговорахъ: «вотъ-де регламентъ духовный напечатали, да и сами того не хранятъ», и о сказкѣ, взятой съ тверскаго архіерея въ томъ, чтобъ не писать возраженія на лютеранъ въ защиту Камня Вѣры подъ лишеніемъ живота, и о написанныхъ по латинѣ у Іоасафа двухъ книжицахъ, которыя онъ хотѣлъ всюду распубликовать друзьямъ своимъ и пріятелямъ, «да вѣдать будутъ про то въ Кіевѣ и въ Польшѣ ревнители по благочестію и явленъ будетъ защитникъ ихъ лютеранскій Ѳеофанъ, архіепископъ новгородскій», и о поношеніи Ѳеофана, великоновгородскаго и великолуцкаго, и въ называніи его преосвященства церемонитомъ лютерскимъ, а тверскаго—столпомъ церковнымъ непоколебимымъ.

Іоасафъ допрашиванъ былъ по всѣмъ пунктамъ показаній Рѣшилова; но отговаривался почти отъ всего незнаніемъ, «сожалѣя»—какъ впослѣдствіи объяснялъ—«старость преосвященнаго Ѳеофилакта» и надѣясь, что такое сложное и запутанное дѣло потянется-потянется, да и замолкнетъ. На счетъ патріаршества показалъ, что при государѣ императорѣ Петрѣ II была народная молва о посвященіи въ патріарха бывшему ростовскому, и о томъ съ Рѣшиловымъ онъ говорилъ, а о посвященіи Ѳеофилакта не говаривалъ. «Зачѣмъ онъ принялъ къ себѣ въ бизюковѣ монастырѣ Рѣшилова?» «Рѣшиловъ, пришедъ ко мнѣ, объявилъ, что не знаетъ, гдѣ главы приклонить и просилъ, чтобъ ему пожить до зимняго пути, а зимой-де пойдетъ въ св. Сѵнодъ. Хотя онъ въ принятіи Рѣшилова, безъ виду, и имѣлъ сомнѣніе, однакожъ принялъ его, склонясь на его жалкое положеніе и въ томъ признаетъ себя виновнымъ. По приходѣ къ нему, Рѣшиловъ показывалъ, что былъ въ троицкомъ и воскресенскомъ монастыряхъ и въ послѣднемъ по Никонѣ патріархѣ пѣлъ панихиду». Когда ему показали извѣстное подметное письмо, Іоасафъ сказалъ, что рука не Рѣшилова, что онъ мелкимъ уставомъ не пишетъ; а въ разговорахъ «дикую» Рѣшиловъ употреблялъ ли, онъ не слыхивалъ. Впрочемъ—прибавилъ Іоасафъ—бывалъ онъ (Рѣшиловъ) въ Венгерахъ, на Подолѣ и на Волыни». Засѣданіе окончилось тѣмъ, что Ушаковъ предложилъ допросить Ѳеофилакта по дѣлу о патріаршествѣ.

7 марта Іоасафъ допрашиванъ былъ въ св. Сѵнодѣ. На вопросъ — «когда и какъ онъ познакомился съ Рѣшиловымъ» — Іоасафъ отвѣчалъ, что познакомился съ нимъ еще въ бытность его антоновскимъ архимандритомъ; потомъ онъ присланъ былъ къ Іоасафу въ калязинъ въ число братства и опредѣленъ въ конюшіе. Разговоровъ у нихъ не бывало, развѣ про народную молву, что скоро будутъ посвящать въ патріархи архіерея ростовскаго. «Въ бытность Рѣшилова въ бизюковѣ монастырѣ онъ имѣлъ съ нимъ уединенные разговоры, а именно о состояніи разныхъ кривотолковъ раскольническихъ — о христовщинѣ, поповщинѣ, безпоповщинѣ и о *его іосифовщинѣ*, которые онъ, архимандритъ, слушалъ ради единой куріозности. Рѣшиловъ говорилъ объ этомъ прилагая себѣ похвалу, сколько въ обращеніи тѣхъ раскольниковъ потрудился и сколько учинилъ св. Сѵноду прибыли; и потомъ заключилъ свою рѣчь, будто бы его за то обращеніе весь свѣтъ ненавидитъ, а больше всѣхъ имѣетъ гнѣвъ на него архіепископъ Леонидъ, который яко бы чинилъ знатнымъ раскольникамъ понаровку и закрывательство. Рѣшиловъ говорилъ, что онъ доносилъ объ этомъ св. Сѵноду и что у Леонида потребовали сказку, но онъ заперся во всемъ — такъ то дѣло и кончилось.» Въ письменномъ изложеніи этихъ показаній, 9 марта, Іоасафъ присовокупилъ, что Рѣшиловъ, бывши въ Польшѣ еще раскольникомъ, жилъ подъ протекціею польскаго князя Любомирскаго, и что въ бизюковъ монастырь онъ прибылъ съ паспортомъ отъ калязинскаго архимандрита Іосифа, выданнымъ ему на богомолье въ Москву и къ преподобному Сергію. Преемникъ Іоасафа въ калязинскомъ монастырѣ архимандритъ Іосифъ, по требованію св. Сѵнода, прислалъ объясненіе, что онъ отпустилъ Рѣшилова на богомолье къ преподобному Сергію, и съ простоты забылъ написать, чтобы онъ опять возвратился въ калязинъ монастырь.

Пока эти розыски продолжались, Ѳеофанъ объявилъ въ Сѵнодѣ словесно, что 16 марта ея императорское величество, присутствуя въ зимнемъ своемъ домѣ, именнымъ указомъ повелѣла: содержащагося при Сѵнодѣ, по нѣкоторымъ важнымъ дѣламъ, іеромонаха Іосифа Рѣшилова, за его важныя по онымъ дѣламъ разнорѣчія и склонныя къ нему важныя жъ подозрѣнія, іеро-

монашества и монашества лишить и, по лишеніи, отослать для слѣдованія въ Тайную канцелярію въ немедленномъ времени.

Іеродіаконъ Судаковъ при допросѣ 22 марта показалъ, что о взятіи Рѣшилова изъ бизюкова монастыря преосв. Ѳеофилактъ и онъ слышали, но что до этого онъ былъ тамъ, не знали. Архіерей говорилъ только въ разговорахъ: «не ушелъ бы онъ опять въ лѣса». На вопросъ:—«не говорилъ ли чего Рѣшиловъ о церковныхъ чинахъ и дѣлахъ»—отвѣчалъ, что «можетъ быть и говорилъ, да онъ того не знаетъ. Много онъ вралъ, да не все у него слушать; а что онъ вралъ, того онъ, Судаковъ, вспамятовать не можетъ».

29 марта преосвященный Ѳеофанъ предложилъ Суноду, что калязинскій архимандритъ Іосифъ далъ Рѣшилову паспортъ подозрительный, не прописавши о возвращеніи его опять въ тотъ монастырь. «Да онъ же архимандритъ является въ неслуженіи торжествъ и панихидъ, изъ чего показуется нѣкое къ фамиліи е. и. в. недоброжелательство. Да онъ же архимандритъ и постриженіе въ монашество чинилъ въ противность указамъ, и потому подозрителенъ». Савинскій архим. Антоній, у котораго проѣздомъ былъ Рѣшиловъ, на посланные ему пункты первоначальные и дополнительные, отвѣчалъ также неудовлетворительно и неосновательно. На этомъ основаніи положено было вызвать ихъ въ С.-Петербургъ для личныхъ объясненій. Апрѣля 1-го велѣно также выстребовать въ С.-Петербургъ изъ Твери секретаря архіерейскаго дома Алексѣя Давыдова, съ обыкновенными предосторожностями; а 26 апрѣля—сына его, бывшаго подъячаго тверскаго архіерейскаго дома, а въ ту пору бизюковскаго іеродіакона, Алимпія Давыдова.

Исторія этого послѣдняго довольно любопытна. Въ 1731 г. послѣ троицына дня, передъ десятой пятницей, преосвящ. Ѳеофилактъ пріѣхалъ въ калязинскій монастырь и привезъ съ собою нѣсколько человѣкъ пѣвчихъ. Калязинскимъ архимандритомъ былъ въ то время Іоасафъ. Изъ Калязина архіерей ѣздилъ въ Кашинъ для служенія и бралъ Іоасафа съ собой. Послѣ того ѣздилъ на освященіе церквей въ кашинъ и рябовъ монастыри безъ него, архимандрита. Іоасафъ съ Рѣшиловымъ ѣздили тѣмъ временемъ въ монастырское сельцо Сергіевское, версты съ три отъ монастыря и, подъ хмѣлькомъ, нарядивши въ свое монашеское платье пѣвчаго

Давыдова, любовались имъ, какъ статнымъ черпцомъ. А какъ Давыдовъ былъ не прочь отъ этого платья, то на другой же день, передъ ранней обѣдней, и постригли его, чтобы сдѣлать сюрпризъ Ѳеофилакту. Архіерей, возвратившись съ освященія церквей, изумился, увидѣвъ предъ собой такъ неожиданно и такого юнаго монаха. (Ему было только 16 лѣтъ). «На что ты, сударь мой, постригался — говорилъ преосвященный; «ты еще молодъ и совершенно монашескаго чина понести не можешь». Но дѣло ужъ было сдѣлано.—Отъ Алимпія надѣялись узнать многое, потому что онъ былъ молодъ и потому что на него падало подозрѣніе въ перепискѣ рѣпиловскаго письма. Съ нимъ потребовали всѣ его бумаги и книги всякаго званія, все что писано его рукою, не исключая и церковныхъ поминаній. А братію и начальствующихъ въ бизюковѣ монастырѣ велѣно допросить: нѣтъ ли у него, Алимпія, гдѣ нибудь книгъ и писемъ въ положеніи и все, безъ остатку, не разсматривая никому, прислать въ Сунодъ (1 мая).

Политика слѣдователей состояла въ томъ, чтобы собрать всѣ лица, прикосновенныя къ дѣлу Рѣпилова и, не давая замѣтить ни одному, что они здѣсь собраны всѣ вмѣстѣ, повѣрять показанія ихъ другъ другомъ. Содержать ихъ приказано было другъ отъ друга порознь, и никого къ нимъ ни для чего не допускать, чернилъ и бумаги не давать, съ крѣпкимъ наблюденіемъ, чтобы утечки и здравію своему поврежденія учинить они не могли. Потомъ объявлено всѣмъ, что сокрытіе чего нибудь изъ дѣйствій Рѣпилова или изъ разговоровъ съ нимъ будетъ вмѣнено имъ въ преступленіе. Каково было подсудимымъ, когда сидя за карауломъ, они должны были терзать свою память, чтобы припомнить свои разговоры съ Рѣпиловымъ за годъ, за два, а иные— и за семь и за восемь лѣтъ передъ этимъ, — когда не только скрыть, но и не вспомнить, вмѣняемо было въ преступленіе. А въ собраніи при допросахъ являются улики, говорятъ и обличаютъ языки, которыхъ не видишь и присутствія неподозрѣваешь! Легко представить, въ какое мучительное состояніе приводило это подсудимыхъ [1]).

---

[1]) Вотъ изображеніе его по оффиціальнымъ записямъ. «6 мая караульный подпрапорщикъ объявилъ, что содержащійся подъ арестомъ савинскій

Кромѣ архимандритовъ всѣ подсудимые содержались въ желѣзныхъ оковахъ. Страданія ихъ душевныя и тѣлесныя были ужасны. Іеродіаконъ Судаковъ въ концѣ апрѣля такъ занемогъ, что судьи послали къ нему доктора. Штабсъ-лекарь Флейпсъ, по осмотрѣ, пустилъ изъ лѣвой руки кровь и объявилъ въ собраніи, что та лѣвая рука отъ умноженія крови распухла, и что ее надо натирать. У Давыдова на ногахъ сдѣлались раны. Верхняго платья не давали и бѣлья не перемѣняли. Рѣшиловъ жаловался, что онъ «пребываетъ едва не нагъ». Допросы то одному, то другому продолжались почти каждый день. И съ какими увѣщаніями! «Вѣрилъ бы онъ, что за показаніе истины не былъ бы лишенъ милости; напротивъ же того вѣдалъ бы, что имѣетъ то показать чрезъ кровопролитіе, о которомъ ему нынѣ объявляется, что той крови пролитія состоять будетъ виною онъ»... «Подъ страхомъ за лживый отвѣтъ, по изобличеніи, не токмо лишенія монашескаго чина и священнаго сана, но и жесточайшаго въ надлежащемъ мѣстѣ тѣлеснаго истязанія». Хорошее увѣща-

---

архимандритъ (давшій уже показаніе 3 мая), требуетъ представленія предъ собраніе и хочетъ объявить нѣчто. Положили — допустить. На другой день явившись предъ собраніе, онъ попросилъ бумаги и чернилъ и, написавъ нѣчто, вручилъ присутствующимъ; но потомъ опять просилъ сдѣлать дополненіе, и по окончаніи его все то снова переписалъ на бѣло и сказалъ, что больше того онъ показать не знаетъ. Его отпустили. Спустя съ часъ, онъ просится опять передъ собраніе и проситъ показать ему его писаніе. И по многимъ спросамъ: чего ради онъ того посмотрѣнія требуетъ, говорилъ: не описался-ль? Вмѣсто успокоенія его стали уговаривать, чтобъ сдѣлалъ праведное показаніе. И на то, съ полчетверти часа бывъ яко въ изумленіи, сказалъ, что въ бѣломъ у него есть что-то, чего онъ въ черномъ не написалъ. У него взяли и черное, съ напоминаніемъ, что отговариваться безпамятствомъ напрасно и ему, по званію его, не должно. Архимандритъ отвѣчалъ на это, что у него меланхолія: на это объявлено, что затѣваетъ онъ то на себя ложно». Чтожъ это было за показаніе? «Въ прошломъ 1732 году, въ Москвѣ, на подворьѣ саввина монастыря въ кельяхъ былъ разговоръ о смерти императора Петра I, что болѣзнь его тяжкая была и слышно было стенаніе при дворцѣ. И то я слышалъ отъ солдатъ на Котлинѣ острову въ тѣхъ же числахъ, какъ Государь скончался». «Еще былъ разговоръ съ нимъ, Рѣшиловымъ, про св. Сунодъ, что дѣла продолжаются, а при патріархѣ якобы скорѣе отправлялись». — При дѣлѣ приложены оба показанія архимандрита и—черновое показаніе совершенно согласно съ бѣлымъ!

піе! Ософанъ самъ читалъ всѣ показанія, сличалъ, писалъ новые вопросы, сводилъ обличенныхъ на очныя ставки, не щадя увѣщаній [1]).

13 мая сдѣланъ новый допросъ саввинскому архимандриту въ домѣ Ософана. «Какая рѣчь была о вицепрезидентѣ св. Сунода и не говорено-ль было, чтобъ быть иному, а не преосвященному Ософану»? «Эта рѣчь была года съ два, когда Георгій Дашковъ, что нынѣ простой схимонахъ Гедеонъ, да Игнатій, присутствовали въ Сунодѣ. Говорено было и прежде, къ разговору о патріаршествѣ. Рѣшиловъ назначалъ патріархомъ то Георгія, то Питирима. А онъ архимандритъ на это сказалъ: что были-де патріархами троицкіе архимандриты». Потомъ увѣщаніе—значитъ приступъ къ важнѣйшимъ допросамъ. Угадывая это Антоній сказалъ: «и на Бога-де хульная рѣчь приходитъ; а на Государыню, если бы что могъ припомнить, сказалъ бы. А про патріарха-де и отцу духовному не исповѣдался». За тѣмъ возобновили прежній допросъ о словахъ про копчину Петра. «И то говорено было съ сожалѣніемъ или не сожалѣя? Про дѣла, про жизнь Петра не говорено-ль чего? О титлѣ императорской? Любилъ ли Рѣшиловъ Петра»? На это архимандритъ отвѣчалъ: «гдѣ ему любить? А о поступкахъ его говорено развѣ о славленьѣ, что оно не хорошо». Въ тотъ же день, послѣ допросовъ, Ософанъ съ Черкасскимъ приказали свозить архимандрита въ Тайную канцелярію къ Рѣшилову и спросить: знаютъ ли они другъ друга? Когда показали ихъ другъ другу, спросили сперва Рѣшилова про архимандрита, кто онъ таковъ? Смотря на него Рѣшиловъ отвѣчалъ: «въ персону кажется ему, что саввинскій архимандритъ; а подлинно онъ ли, не утверждается». Потомъ спросили архимандри-

---

[1]) Инструкція, писанныя Ософаномъ, для руководства при допросахъ, составляютъ образецъ полицейскаго таланта: «пришедъ къ (подсудимому), тотчасъ ни мало не медля допрашивать. Всѣмъ вопрошающимъ наблюдать на глаза и на все лице его: неявится ли на немъ каковое измѣненіе, и для того поставить его лицомъ къ окошкамъ. Не допускать говорить ему лишняго и къ допросамъ не надлежащаго, но говорилъ бы то, о чемъ его спрашиваютъ. Сказать ему, что если станетъ говорить: неупомню, то сказуемое непамятство причтется ему въ знаніе. Какъ измѣну, на лицѣ его усмотрѣнную, такъ и всѣ рѣчи его записывать».

та о Рѣшиловѣ: не знаетъ ли онъ, кто этой такой? Архимандритъ отвѣчалъ, что не можетъ признать (и неудивительно; потому что, вѣрно, разстрига Рѣшиловъ не много походилъ на игумена Рѣшилова). И когда ему сказали, что это Рѣшиловъ, то архимандритъ поклонясь сказалъ: «ой благодарепъ, отче святый»! Съ тѣмъ и разошлись.

Затѣмъ, почти безостановочно, пошли допросы и очныя ставки Рѣшилову, калязинскому, саввинскому и бизюковскому архимандритамъ, Давыдову съ сыномъ, подъячимъ и всѣмъ лицамъ, прикосновеннымъ къ дѣлу. Рѣшиловъ, съ своей изворотливой совѣстію, утѣшался тѣмъ, что страдаетъ за добрыя дѣла. «Вотъ-де и выслужилъ св. Суноду, ѣздячи за раскольниками и въ сборѣ денегъ, которыя и отданы: нажилъ себѣ тюрьму и бѣдность, а раскольникамъ радость. Кто-де насъ не погонитъ, то всѣ пропадаютъ — слыхалъ-де онъ отъ нихъ. Вотъ-де и ему пришло тожъ. Кабы за ними не ѣздилъ, то бы и въ тюрьмѣ не сидѣлъ и всякія нужды не видалъ». Рѣшиловъ былъ человѣкъ въ одно и то же время и дурной и болтливый. Ничего не понимая, обо всемъ разсуждалъ и со всѣми толковалъ: о солдатахъ, что они не бодры и очень не надежны, и еслибъ въ народѣ стала смута или замѣшательство, то отъ нихъ не много помощи надѣяться, объ отягощеніи народа, о недородахъ хлѣбныхъ, о иноземцахъ, находившихся въ службѣ русской, о распоряженіяхъ св. Сунода, обо всемъ. «Вотъ-де—разсуждалъ онъ съ спмоновскимъ экономомъ Серафимомъ — по указамъ св. Сунода, которые были указы напредь сего, о привѣсахъ на св. иконахъ и рѣзныхъ иконахъ, о свѣчахъ въ церквахъ и о голбцахъ, что надъ умершими, о малыхъ монастыряхъ и пустыняхъ въ приписку къ большимъ монастырямъ: за все токмо Ѳеодосій пропалъ, а ихъ святѣйшества какъ живутъ, такъ живутъ». Правду сказалъ о немъ саввинскій архимандритъ Антоній: «Рѣшиловъ какъ мелыница на весь свѣтъ мелетъ». То мечталъ онъ о епископствѣ, то о схимонашествѣ въ бизюковѣ монастырѣ. «Схимонашескій образъ онъ, Рѣшиловъ, въ бизюковѣ монастырѣ воспріять хотѣлъ ли, о томъ я нижайшій (Іоасафъ Маевскій) не знаю, и у трезваго его о семъ не слыхалъ. А напившись пьянъ онъ, Рѣшиловъ, говаривалъ, что желалъ бы онъ въ бизюковѣ монастырѣ схимонахомъ быть и ке-

лью себѣ построить. И я нижайшій оныя его Рѣшилова пьяныя рѣчи вмѣнялъ въ смѣхъ, а не въ правду».

Лицъ, прикосновенныхъ къ дѣлу Рѣшилова допрашивали объ образѣ его жизни и дѣйствіяхъ, что и когда онъ писалъ, съ кѣмъ когда видѣлся, кому что говорилъ о знатныхъ лицахъ. Напримѣръ саввинскаго архимандрита допрашивали 11 іюня (1735 года): «не говорилъ ли онъ съ Рѣшиловымъ о покойномъ генералъ-фельдцейхмейстерѣ Брюсѣ и о генералѣ Лефортѣ, что они тщатся русскихъ людей склонить и привесть на унію? Не разсуждали ль, яко бы Государыня имѣла намѣреніе выдать дочь Черкасскаго, княжну Варвару, за оберъ-гофмаршала графа Левенвольда»? Рѣшиловъ говорилъ о Черкасскомъ съ архимандритомъ Маевскимъ и, какъ водится, сдѣлалъ свое замѣчаніе: «какъ-де тому статься? понеже Левенвольдъ не славенъ, пововыѣзжій изъ Курляндіи, а князь Черкасскій изъ первыхъ». Рѣшиловъ спрашивалъ у Маевскаго объ учителѣ Зейконѣ, что былъ у Парышкиныхъ, а потомъ у государя императора Петра II, и преосвященному Ософилакту былъ великій другъ и обсылывалъ табакомъ, и банкетовали почасту; а нынѣ-де отправленъ въ свою землю, и на его мѣсто къ Государю опредѣленъ Остерманъ». Саввинскій архимандритъ, котораго спрашивали обо всемъ на свѣтѣ и «о древнихъ кесаряхъ римскихъ и о томъ, что такое атеисты, и о новопосвященныхъ и посвящаемыхъ архіереяхъ», объявилъ наконецъ, что у него отъ постоянныхъ допросовъ и отъ многаго подъ арестомъ пребыванія, нѣтъ ни ума, ни памяти. Архимандрита Маевскаго спрашивали, по содержанію пасквильнаго письма, «о прежде бывшихъ еврейскихъ и грекоримскихъ царяхъ, добрыхъ и злыхъ, о Давидѣ, Соломонѣ, Іосіи, Іоасафатѣ, Езекіи, Юліанѣ, Константинѣ, Валентѣ, — о духовныхъ дѣтяхъ Ософилакта изъ высшихъ, среднихъ и меньшихъ лицъ, умершихъ и живыхъ».

Послѣ Рѣшилова и Маевскаго важнѣйшимъ колодникомъ былъ Алимпій. 4 іюня 1735 года члены слѣдственной коммиссіи собрались у Ософана, чтобы въ его присутствіи сдѣлать допросъ подозрительному монаху. Алимпій упорно отказывался незнаніемъ. «Ни укоризненныхъ словъ о высочайшихъ особахъ, ни о томъ, что съ еретиками или съ иновѣрными въ бракъ вступили и входъ въ церковь допустили, и что постъ разрушили, въ монашескій

чинъ постригать запретили, также монахамъ юнымъ ожениться, а монахинямъ молодымъ въ замужество посягать велѣли, церкви не по старому обычаю, но шпицомъ строить и во образъ органовъ на колокольняхъ играть, а иконы на холстахъ писать приказали, ни что всѣ или кого нибудь изъ Россіи на унію приклонились, ни о письмѣ папинѣ — никогда ничего не слыхивалъ». Чего не сдѣлали увѣщанія и угрозы, того надѣялись отъ пытки. По явившимся на Алимпія подозрѣніямъ, архіепископъ Ѳеофанъ «за краткость времени, продолженія не терпящую», тутъ же именемъ св. Сунода лишилъ Алимпія іеродіаконства и монашества; а гг. министры и генералъ-кавалеръ Ушаковъ приговорили отдать его въ истязаніе въ Тайную канцелярію. Протоколъ канцеляріи объ этомъ подписанъ Ѳеофаномъ, Остерманомъ, Ягужинскимъ, Черкасскимъ и Ушаковымъ.

Всѣ вопросы клонились къ тому, чтобы убѣдиться, что Рѣпиловъ есть авторъ пасквильнаго письма и что онъ принадлежитъ къ одной партіи съ Родышевскимъ, съ распространителями латинской пропаганды въ Россіи, съ сторонниками патріаршества, съ противниками существующаго правительства, которое склоняется, по ихъ словамъ, къ лютеранству и, однимъ словомъ, съ безчисленными заговорщиками и бунтовщиками, которыхъ такое множество собрано было въ Сунодъ и въ Тайную канцелярію — съ Родышевскимъ и Аврамовымъ, съ Рибейрой, съ Ливеріемъ Коллети, съ Платономъ и проч. И наконецъ къ этой же партіи, по мнѣнію Ѳеофана присталъ, въ надеждѣ достигнуть патріаршества, тверскій архіепископъ Ѳеофилактъ Лопатинскій.

Показанія Іоасафа Маевскаго утверждали его въ этомъ подозрѣніи. Іоасафъ показалъ, что Рѣпиловъ, по пріѣздѣ въ бизюковъ монастырь, спрашивалъ его архимандрита: «гдѣ нынѣ Маркеллъ Родышевскій обрѣтается»? Іоасафъ отвѣчалъ, что «чай давно въ ссылкѣ». Рѣпиловъ спросилъ: «что его дѣла»? Іоасафъ отвѣчалъ: «протестовалъ онъ на преосв. Ѳеофана, и за то былъ въ С.-Петербургѣ подъ карауломъ и въ невскомъ монастырѣ подъ началомъ; потомъ въ Москвѣ явился и жилъ подъ началомъ въ симоновѣ монастырѣ и въ томъ симоповѣ монастырѣ, согласясь съ нѣкакимъ бригадиромъ, составили подметное письмо, про которое вѣ-

далъ попъ нѣкакой, и оный попъ Ѳеофана о томъ письмѣ извѣстилъ заблаговременно; и знатно оное письмо было дурное». Послѣ того Рѣшиловъ спросилъ его: «какъ же дѣло то кончилось»? Іоасафъ отвѣчалъ: «дѣло то захвачено и пропало». «А бригадиру тому что было?» «Чай, что и онъ пропалъ». [1]) Въ ту же бытность въ бизюковѣ монастырѣ Іоасафъ, вспомнивъ о кончинѣ Петра I, говорилъ Рѣшилову, что «такого Государя, всему свѣту славнаго и врагамъ страшнаго, въ Россіи не было. Одно только, не былъ ли онъ склоненъ къ лютеранской вѣрѣ»? Говорили о духовномъ Регламентѣ: «вотъ-де Регламентъ напечатали, да и сами того не хранятъ. По Регламенту велѣно въ домахъ архіерейскихъ имѣть школы, а тѣхъ школъ, кромѣ преосв. Ѳеофана, никто не содержитъ. По Регламенту-жъ опредѣлено архіереямъ каждый годъ посѣщать свою епархію: а того имъ учинить за присутствіемъ въ Синодѣ невозможно; благочинные-жъ хотя и ѣздятъ по епархіямъ, только себѣ собираютъ деньги» [2]).

Дѣло Рѣшилова не могло не безпокоить Ѳеофилакта. Его должно было крайне тревожить, когда пріѣзжавшіе изъ Тайной канцеляріи солдаты таскали одного за другимъ разныхъ лицъ архіерейскаго дома и его епархіи. Наконецъ дошла очередь до него самого. Въ 1735 году апрѣля 10 прискакалъ къ нему курьеръ изъ С.-Петербурга съ пакетомъ. Курьеру приказано было вручить Ѳеофилакту пакетъ и объявить ему, чтобъ онъ отвѣтъ свой своеручно подписалъ на той же бумагѣ, на которой вопросъ написанъ, и что на разсужденіе ему дается 3 часа. Во все это время курьеръ

---

[1]) Здѣсь очевидно передается въ искаженномъ видѣ исторія о тетрадяхъ «житія Ѳеофанова», которыя попали въ руки Ѳеофану чрезъ священника спасской церкви въ Чигасахъ. А бригадиръ этотъ — Дмитрій Порѣцкій, который вмѣстѣ съ Аврамовымъ бывалъ у Варлаама и разговаривалъ съ нимъ; но принималъ ли онъ какое участіе въ дѣлѣ Родышевскаго, неизвѣстно.

[2]) Въ замѣткахъ, сдѣланныхъ Ѳеофаномъ на тетрадяхъ Родышевскаго о монашествѣ, въ 1734 году, Ѳеофанъ прямо указывалъ на сходство многихъ рѣчей въ этихъ тетрадяхъ съ пасквилемъ Рѣшилова. «Оттого знать, что Рѣшиловъ или тетрадь сію челъ, или въ схожничествѣ съ симъ премудрымъ авторомъ былъ». Въ другомъ мѣстѣ: «сіи рѣчи, кажется, въ большомъ пасквилѣ обрѣтаются». «О семъ пишетъ и извѣстная пасквиль». (Тетради Родышевскаго о монашествѣ — въ Государственномъ архивѣ, въ дѣлахъ Ѳеофана Прокоповича. Показанія Маевскаго въ Дѣлахъ арх. св. Синода, 1733 года № 152).

долженъ былъ наблюдать архіерея съ глазу на глазъ, чтобы онъ въ тѣ часы никуда не отлучался, никого къ себѣ не допускалъ и тайно ни съ кѣмъ не говорилъ. Въ вопросѣ, скрѣпленномъ подписью кабинетныхъ министровъ—Остермана, Ягужинскаго и Черкасскаго, написано было: «вѣдаете ли вы какого человѣка, который бы таковыхъ рѣчей: напмлшій, коханый, благословенство, дикую и прочихъ, якобы на образецъ польскаго языка устроенныхъ, употреблять пріобыкъ?» Оеофилактъ отвѣчалъ: «отнюдь не вѣдаю.» Чрезъ нѣсколько дней, 22 го апрѣля, прискакалъ другой курьеръ съ новымъ вопросомъ: «не такъ ли иногда съ вами говаривалъ бывшій іеромонахъ, что нынѣ разстрига Іосифъ Рѣшиловъ? И въ своихъ къ вамъ письмахъ таковыхъ, будто бы польскихъ, нарѣчій не употреблялъ ли? Такожде и вы, въ вашихъ къ нему поговоркахъ и письмахъ, таковыхъ же на стать такую словъ, хотя и насмѣшкою, не произносили ль? На сіе вамъ отвѣтствовать какъ и прежде, при вручителѣ сего въ три часа«. Оеофилактъ отвѣчалъ, «что можетъ быть и говорилъ, но не помнитъ этого, потому что Рѣшиловъ жилъ не при немъ, а въ дальнемъ отъ него разстояніи».

Но какъ его отвѣты показались неполными и неудовлетворительными, то Кабинетъ потребовалъ его въ С.-Петербургъ. Св. Сунодъ съ своей стороны объявилъ, что до него касаются разныя дѣла по духовному суду; а по прибытіи Оеофилакта, взялъ съ него росписку, что безъ соизволенія св. Сунода онъ не уѣдетъ изъ С.-Петербурга, хотя бы отъ Кабинета былъ уволенъ. Оеофилактъ заарестованъ былъ на тверскомъ подворьѣ, на Васильевскомъ островѣ.

Сунодскій секретарь Мурпновъ, объявлявшій Оеофилакту указъ св. Сунода, представилъ подробное донесеніе о своемъ разговорѣ съ преосвященнымъ, то есть о томъ, что говорилъ преосвященный при слушаніи указа. «Когда преосвященный подписался, то постоявъ немного у стола, выговорилъ таковыя рѣчи, въ присутствіи приставленныхъ къ нему Кабинетомъ курьеровъ: «вотъ-де я думалъ, что лекарь пришелъ, ан-де бѣды принесъ. Дойдетъ и до васъ». Потомъ сѣлъ на постель и спросилъ у Мурпнова: «можетъ ли преосвященный крутицкій?» «Можетъ». «Кто здѣсь изъ архіереевъ?» Сунодальные члены вашему преосвященству извѣст-

ны. «Кто еще?» «Чередной». «Кто нынѣ рязанскій? Да, Алексѣй». (27 іюня).

30 мая, 26 и 29-го іюня слѣдовали допросы Ѳеофилакту. Но какъ его отвѣты опять показались неудовлетворительными и не согласными съ показаніями Рѣшилова, то коммиссія положила привесть его къ присягѣ. Указъ объ этомъ, за подписаніемъ членовъ св. Сунода и кабинетныхъ министровъ, объявленъ былъ Ѳеофилакту 7 іюля 1735 года [1]). Вмѣстѣ съ указомъ сообщена ему и форма присяги, особливо на этотъ случай сочиненная Ѳеофаномъ [2]).

---

[1]) «Поноже ты на посланные къ тебѣ четыре допроса отвѣтствовалъ весьма, повидимому, не прямо, ибо на первый апрѣля 10 и на вторый апрѣля 22 писанные сказалъ ты, что весьма не вѣдаешь, чего нельзя, кажется, было тебѣ не вѣдать; а на третій мая 30 писанный, гдѣ Рѣшилова именованнаго такожъ незнаніемъ отговаривался, чего никто не надѣялся; а въ Кабинетѣ, 26 дня іюня, первѣе въ незнаніи томъ утверждался, покамѣстъ Рѣшиловыхъ къ тебѣ и твоихъ къ Рѣшилову писемъ не показали, а по объявленіи писемъ оныхъ сказалъ ты, что забытіемъ прежде того не написалъ и твое въ томъ незнаніе показывалъ; а на четвертый вопросъ, іюня 29 тебѣ посланный, еще паче прежнихъ отвѣтовъ твоихъ отвѣтствовалъ ты (какъ по всѣмъ обстоятельствамъ и рѣчамъ того же отвѣта твоего разсуждаемъ) не совѣстно, суетно, огурно и самымъ, какъ въ прежнихъ отвѣтахъ твоихъ, такъ и въ послѣднемъ томъ, написаннымъ словамъ твоимъ не согласно и отнюдь не сходно, и потому показалъ ты самъ себя къ подозрѣнію извѣстнаго слѣдуемаго злаго умысла близкимъ: того ради, по именному ея императорскаго величества указу, высокоучрежденные кабинетные министры и сунодальные члены согласно приговорили: привесть тебя, при знатныхъ духовнаго и мірскаго чина особахъ, къ присягѣ, по приложенной при семъ формѣ. И дабы ты впредь не отговаривался малымъ къ разсужденію даннымъ тебѣ временемъ и торопкимъ домогательствомъ, дается тебѣ на разсужденіе, идти ли тебѣ къ присягѣ, или сказать, что знаешь, довольное время, а именно до десятаго числа сего іюля мѣсяца. А между тѣмъ и то тебѣ во извѣстіе предлагается, что если ты не вступая въ присягу, не скрытно и прямо покажешь, что надлежащее къ прежнимъ даннымъ тебѣ допросамъ вѣдаешь: то какъ бы ни былъ виноватъ, по благоутробному ея императорскаго величества милосердію получишь прощеніе. Если же присягою завяжешься, а послѣ съ другой какой стороны покажется, что присягалъ ты ложно: то не льстя себѣ вѣдай несумнѣнно, что каковаго суда и осужденія самъ ты признаешь достойными во лжу призывающихъ Бога свидѣтеля, таковый судъ и осужденіе съ тобою будутъ».

[2]) «Я нижеподписавшійся клянусь Богомъ живымъ, что на поданныя мнѣ, по именному ея императорскаго величества указу, допросы: первый — апрѣля 10 дня, другой — апрѣля 22, третій — мая 30, четвертый — іюня 29 дня 1735 года писанные, отвѣтствовалъ по сущей истинѣ, ничего не утаивая, но столько,

Можно было предугадать отвѣтъ Ософилакта. Посланные съ указомъ симоновскій и чудовскій архимандриты съ оберъ-секретаремъ Дудинымъ и секретаремъ канцеляріи тайныхъ розыскныхъ дѣлъ Хрущовымъ донесли Сѵноду, что Ософилактъ «прочетъ все, мало помедля, говорилъ: какъ опъ не зналь—не вѣдалъ, и ни языка-де, ни доносителя нѣтъ, ан-де вельно ему отвѣтствовать. И того отвѣтствія (говоря сердито и грубо) посланные требовали у него весьма торопко и понудительно, и такъ о требованныхъ у него рѣчахъ, — каковыхъ-де, яко недостойныхъ памяти, и что-де силы въ нихъ никакой нѣтъ, вспомнить тогда не могъ, и на умъ ему не пришло, — и не показалъ. А что нынѣ ему ея императорскаго величества указомъ повелѣвается присягу учинить, то исполнить готовъ, да и самъ онъ желалъ того; понеже совѣсть его въ томъ не зазритъ и никто въ томъ на него показать и доказать не можетъ».

Какъ совершилась присяга, приводимъ подлинный актъ, подписанный сѵнодальными членами и генералъ-адъютантомъ Ушаковымъ.

«Въ назначенный день, 10 іюля, къ члену святѣйшаго правительствующаго Сѵнода преосвященному Питириму, архіепископу нижегородскому и алаторскому, по полуночи въ седьмомъ часу, въ присутствіе прибыли: св. Сѵнода членъ, преосвященный Лео-

---

сколько зналь я и знаю, произнося, и что съ бывшимъ іеромонахомъ Іосифомъ, что нынѣ разстрига Иванъ Рѣшиловъ, и ни съ кѣмъ другимъ, какого бы то ни былъ званія, въ словесныхъ и письменныхъ на ея императорское величество нареканіяхъ, не имѣлъ согласія и сообщества, и никакихъ отъ него Рѣшилова или отъ другаго кого ни есть говоренныхъ на ея императорское величество нареканій и поношеній никогда не слыхалъ и не видалъ, и никакимъ другимъ способомъ не вѣдалъ и нынѣ не вѣдаю. Также что писанные отъ мене на вышеупомянутые вопросы отвѣты, безъ всякаго тайнаго въ сердцѣ моемъ толку и подложнаго другаго образа, прямые и истинные суть, въ такой силѣ и разумѣ, въ каковой силѣ и разумѣ писанными мною рѣчами показуются, и какъ отъ чтущихъ, такъ и отъ слышащихъ оныя разумѣются, тоже сказую по сихъ клятвенныхъ словахъ моихъ. И все то сею моею присягою предъ всевѣдущимъ Богомъ нелестно, нелицемѣрно, и не за страхъ какой, но христіанскою совѣстію утверждаю. Буди мнѣ единый Онъ Сердцевѣдецъ свидѣтель, яко не лгалъ въ отвѣтахъ и не лгу въ сей клятвѣ моей; а если лгалъ, или лгу, той же Богъ, яко праведный судія, да будетъ мнѣ отмститель. И въ заключеніе сего цѣлую крестъ и слова Спасителя моего, и рукописаніемъ моимъ сію мою присягу закрѣпляю».

нидъ, архіепископъ сарскій и подонскій, генералъ и кавалеръ лейбъ-гвардіи семеновскаго полка подполковникъ, и ея императорскаго величества генералъ-адъютантъ Андрей Ивановичъ Ушаковъ, да сѵнодальные жъ члены Ааронъ, архимандритъ чудовскій, Иларіонъ, архимандритъ новоспасскій, Амвросій, архимандритъ симоновскій. И отъ означенныхъ присутствующихъ персонъ сѵнодальный секретарь Иванъ Муриновъ посыланъ дважды къ имѣющимся при Ѳеофилактѣ архіереѣ тверскомъ кабинета ея и. в. курьерамъ съ таковыми объявленіи: впервые, чтобъ оный архіерей тверской былъ къ выходу въ церковь для исполненія повелѣннаго ему въ готовности; а вторично, дабы съ онымъ архіереемъ тѣ курьеры шли въ церковь Успенія пресвятыя Богородицы, что въ Никольской, близъ тверскаго архіерейскаго подворья (гдѣ оный тверской архіерей содержится) обрѣтающуюся. А сами оные присутствующіе поѣхали въ церковь и, по прибытіи ихъ присутствующихъ во оную церковь и по приведеніи архіерея тверскаго, по полуночи въ началѣ осьмаго часа, вытребована у него архіерея, данная ему архіерею, форма извѣстной присяги, которая имъ и объявлена, и потомъ сказано ему архіерею: если совѣсть его не зазритъ, приступилъ бы ко учиненной ему присягѣ; на сіе сказалъ архіерей Ѳеофилактъ: «готовъ и совѣсть его не зазритъ; развѣ впредь не покажется-ль, да не думаетъ того; но надобно-де объявить, что на него показано». На сіе сказано ему: «онаго, что въ присягѣ заключается, требуется у него не о будущемъ, но о прошедшемъ». И потомъ пришедъ онъ, архіерей, къ палою, гдѣ Евангеліе и Крестъ въ обычномъ мѣстѣ поставлены были, говорилъ онъ, архіерей, такое слово: «какъ-де и отвѣта у меня требовано, поступлено не право — имѣя въ рукахъ у себя мои письма, а прежде вопроса мнѣ ихъ не объявили и не показали, а объявили послѣ; а присяга сія не такъ ли мнѣ дѣлается, какъ отвѣтовъ требовано и хорошо-ль это такъ дѣлать?» На оныя ему рѣчи сказано тому архіерею Ѳеофилакту, что оную присягу ему повелѣно учинить по всемилостивѣйшему ея и. в. указу и обойтись кромѣ присяги не можно, понеже по разсмотрѣнію высокосіятельныхъ господъ министровъ и св. Сѵнода членовъ показалися о немъ не малыя важныя сомнительства, и требуется тая присяга по самому дѣлу, и если совѣсть его въ томъ не зазритъ, сомнѣвать-

ся не о чемъ; а буде въ чемъ зазритъ, разсудилъ бы». И выслушавъ оное, бывъ въ немаломъ смятеніи, какъ видно было, на оныя рѣчи сказалъ: «совѣсть его не зазритъ и готовъ исполнить». И приступя къ самому налою, положа присягу на Евангеліе, читалъ ее вслухъ присутствующимъ. И какъ сталъ ее оканчивать чтеніемъ, дважды плакалъ. И окончивъ тое присягу, поцѣловалъ слова и крестъ Спасителя нашего, отступилъ отъ налоя и подписался подъ присягою своеручно. И по подпискѣ оная присяга у него взята. И притомъ вышеозначеннымъ присутствующимъ генераломъ и кавалеромъ, лейбъ-гвардіи семеновскаго полка подполковникомъ и ея и. в. генералъ-адъютантомъ А. И. Ушаковымъ объявлено, дабы онъ, архіерей, данный ему о учиненіи означенной присяги, за руками высокосіятельныхъ господъ министровъ и св. Сунода членовъ и его превосходительства, указъ имѣлъ при себѣ въ секретѣ и какъ обрѣтающимся при немъ караульнымъ, такъ и никому иному отнюдь не объявляя и словесно о томъ ничего не произнося. Что выслушавъ, сказалъ: «извольте указъ у меня принять». На сіе ему его жъ превосходительствомъ объявлено: «его-де превосходительство того принять собою не можетъ, а имѣлъ бы оный указъ онъ архіерей, такъ какъ ему объявляется, до указу, при себѣ». На что онъ архіерей сказалъ: чинить потому такъ буду. Тѣмъ оное дѣйствіе и заключилось».

Сунодальные члены въ тотъ же день донесли Ѳеофану, въ его приморскую мызу за Петергофомъ, что «*извѣстная ему персона* присягу учинила, а какимъ образомъ, донесемъ вашему преосвященству впредь; а нынѣ, за нижеупомянутымъ случаемъ печальнымъ, времени не достало». По странному стеченію обстоятельствъ, въ тотъ же самый день случилось происшествіе, которое замѣтно обезпокоило многихъ. Вечеромъ, одинъ изъ сунодальныхъ членовъ, новоспасскій архимандритъ Иларіонъ, возвращаясь отъ преосвященнаго Питирима на свое подворье, на пути внезапно скончался. «Сказываютъ, что въ то время, не доѣхавъ до дому, противу гостинаго двора изъ коляски выпалъ, но не усмотря того служители безъ него нѣсколько и отъѣхали. И увидя то караульные солдаты, стоящіе у гостинаго двора, покойнаго архимандрита служителей вскликали и подняли его на дорогѣ, гдѣ онъ изъ коляски

выпалъ, уже умерша. И тако разсуждается, что оный смертный часъ приключился тогда отъ убою, какъ изъ коляски выпалъ, понеже на лѣвомъ вискѣ имѣется багрово». Бывшій при освидѣтельствованіи докторъ объявилъ, что убила его конечно внезапная апоплексія. Между другими, Ософанъ замѣтно былъ обезпокоенъ этимъ событіемъ; но и событіе и безпокойство скоро забылись. Архимандрита Иларіона похоронили въ невскомъ монастырѣ, въ которомъ онъ прежде былъ намѣстникомъ.

Іюля 11 синодальные члены послали къ Ософану подробное извѣстіе (актъ) о совершеніи присяги; а на другой день получили отъ него собственноручный отвѣтъ слѣдующаго содержанія: «сего 11 дня получилъ я исправно писаніе святыни вашея, которымъ изволите мнѣ повѣстить о событіи извѣстнаго дѣла: за что я всепокорно преосвященству вашему благодарствую и при семъ благопочтенно предлагаю, что таковую же дѣйствія онаго повѣсть, по моему мнѣнію, надлежитъ копіею, съ подписаніемъ рукъ святыни вашея (а хорошо бы, и съ подписаніемъ руки его сіятельства генерала Андрея Ивановича Ушакова, если можно) написать къ лицу ея императорскаго величества и прислать сюда, для вручепія ея величеству».

Августъ, сентябрь и большая половина октября прошли въ допросахъ разныхъ лицъ. Ключь ко всѣмъ домашнимъ тайнамъ Ософилакта, ко всѣмъ его дѣйствіямъ и разговорамъ, данъ былъ Рѣшиловымъ въ его показаніяхъ. За нимъ, обнадеженный милостію, ступилъ Маевскій и подтвердилъ всѣ показанія Рѣшилова, описалъ всю жизнь Ософилакта, сколько она была видна имъ, всѣ его разговоры съ ними, всѣ поступки, которыхъ они были свидѣтелями или участниками.

По всѣмъ показаніямъ Рѣшилова и Маевскаго Ософилакту сдѣланы были новые допросы и между прочимъ *секретныя*, касавшіяся государственныхъ дѣлъ. Поводъ къ разговорамъ объ этихъ дѣлахъ подавали сперва неопредѣленность относительно порядка русскаго престолонаслѣдія, потомъ издававшіяся по этому предмету постановленія съ тайными статьями. Напримѣръ у Маевскаго, а потомъ и у Ософилакта спрашивали: «говорили-ль они, что Государынѣ цесаревнѣ Елисаветѣ Петровнѣ наслѣдницею россійскаго

престола уже не быть, того ради, что, по преставленіи государя императора Петра II-го, о принятіи императорскаго россійскаго престола отъ гг. министровъ было ея высочеству предлагаемо и ея высочество, какъ слышно было, яко бы того отрещись изволила; — что принцесса Анна Леопольдовна крещена въ лютеранскій законъ; — что при сочетаніи княжны Екатерины Іоанновны съ мекленбургскимъ герцогомъ договоръ такой состоялся, дабы будущія отъ нихъ какъ мужеска такъ и женска пола дѣти крещены были по герцогѣ въ лютеранскую вѣру («судитъ Богъ П. П. Ягушинскому: все то онъ дѣлалъ», прибавлялъ будто бы Маевскій) и что для того и ея высочество, принцесса Анна (Леопольдовна) крещена въ лютеранскую вѣру, которою и по нынѣ содержитъ;— что оставшійся послѣ цесаревны Анны Петровны († 1728 г.) отъ голштинскаго герцога сынъ Карлъ Петръ Ульрикъ (впослѣдствіи императоръ Петръ III) наслѣдникомъ россійской имперіи быть не можетъ; потому что отецъ его герцогъ, имѣя наслѣдственное право на шведскій престолъ, уступилъ это право въ пользу своего сына, и что онъ содержитъ вѣру лютерскую; что кромѣ принцессы Анны наслѣдникомъ россійскаго престола быть не кому; и если кто достойный изъ высокихъ европейскихъ герцоговъ сыщется къ вступленію съ нею въ супружество: то можетъ и тотъ по самодержавной ея величества власти и изволенію быть наслѣдникомъ россійскаго престола, и хотя бы онъ былъ инаго исповѣданія, то можно въ договорахъ утвердить, чтобъ ему быть нашей православной вѣры; — наконецъ, о покойной императрицѣ Екатеринѣ что когда къ ней придешь, такъ дождешься—стопишь много, а ея не увидишь».

За тѣмъ пошли опять разные вопросы Оеофилакту по показаніямъ Рѣшилова, Маевскаго, Давыдова и прочихъ прикосновенныхъ лицъ. На вопросъ: за чѣмъ онъ взялъ съ собою Рѣшилова, которому безъ указу св. Сунода, не велѣно выѣзжать изъ С.-Петербурга, Оеофилактъ далъ отвѣтъ, сообразный съ тѣмъ, что мы сказали выше о Рѣшиловѣ. Св. Сунодъ нашелъ этотъ отвѣтъ неудовлетворительнымъ. Въ одномъ засѣданіи сунодальный секретарь словесно предложилъ, что когда передъ этимъ онъ былъ, по порученію св. Сунода, у преосвященнаго Оеофилакта, то Оеофилактъ спросилъ: «гдѣ живетъ теперь преосвященный Оеофанъ,

велѣлъ отдать ему поклонъ отъ себя и просилъ, не можно-ль его преосвященству обослать его отъ рыбы»? «На что разсуждаемо, что «къ пропитанію даются ему деньги, изъ которыхъ можно ему и рыбу покупать». «Какъ онъ произвелъ Рѣшилова въ игумена, когда онъ не его епархіи»? Ософилактъ отвѣчалъ, что «по обращеніи изъ раскола Іосифъ не приписанъ былъ ни къ какой епархіи и пришелъ къ нему, какъ овца, не имущая пастыря; хотя онъ и обманулся въ немъ, но въ то время полагалъ приличнымъ наградить его, располагая этимъ примѣромъ другихъ къ обращенію изъ раскола». И этотъ отвѣтъ найденъ неудовлетворительнымъ.

Въ избѣжаніе проволочки, рѣшено было допрашивать Θеофилакта словесно въ присутствіи Синода. На 45 вопросовъ подсудимый далъ показанія по архіерейству.

Между прочими ему сдѣланъ вопросъ: что̀, по его мнѣнію, кромѣ непреложно вѣруемыхъ въ христіанствѣ догматовъ, такожь и заповѣдей, непремѣннаго исполенія требующихъ, признается за среднее, за нужду нѣкую могущее быть отмѣненнымъ»? Ософилактъ отвѣчалъ, что «по его мнѣнію къ безразличнымъ или среднимъ вещамъ относятся: крестохожденіе, водоосвященіе, погребеніе мертвому учинить безъ церемоніи церковной, крестить больнаго за немощь безъ молитвъ единою формою: во имя Отца и Сына и Святаго Духа, и матерією, — въ нуждѣ болѣзни пріобщать св. Таинъ ядшаго, маслосвятіе, кое можно учинить и единому священнику, и прочая симъ подобная, которая если бы подробно исчислять—могутъ найтись довольно».

Дѣло его оставалось въ одномъ положеніи до смерти Ософана. Между приближенными Ософилакта ходила молва, будто духовникъ Θеофановъ совѣтовалъ ему передъ смертью помириться съ Θеофилактомъ. Но Θеофанъ отвѣчалъ съ непстовымъ гнѣвомъ: «о духъ проклятый Лопатинскій!» (*Записки Евдокимова*).

XXIII.

Продолженіе слѣдствія по дѣлу о житіи Ѳеофана и о подметномъ письмѣ.

1) Іеромонахъ Макарій.—Живописецъ Березинъ и устюжская партія.—Курская партія.—Никитины.—Допросы и истязанія Яковлева.—Допросы и смерть Барсова.

Въ промежуткахъ отъ допросовъ главныхъ лицъ, въ разныя времена допрашивали и рѣшали дѣла о виновныхъ въ меньшей степени.—Въ 1732 г. 4 октября допросили извѣстнаго переписчика Осиповыхъ тетрадей *іеромонаха Макарія*. Онъ показалъ, что ту тетрадь далъ ему Іона въ архимандричьей кельѣ, снявши съ полки. «Вотъ, говоритъ, послушай, я прочитаю». И послѣ того далъ переписать. Макарій возражалъ было, что не смѣетъ взяться за это; но Іона обнадежилъ его, что ничего за это не будетъ. Когда Макарій переписалъ одну тетрадь, Іона далъ ему за работу звѣно солепой рыбы, да кувшинъ пива, да вина двѣ чарки. Декабря 16 Кабинетъ рѣшилъ его дѣло: бить плетьми и освободить.—Въ 1732 г. 8 октября рѣшено дѣло устюжской партіи. Живописецъ *Березинъ* хаживалъ къ Варлааму, потому что писывалъ ему иконы и портреты. Разъ пришелъ онъ на троицкое подворье съ устюжскимъ купцомъ Герасимомъ Сѣдельниковымъ для покупки книгъ. Іона спросилъ его про бывшаго епископа устюжскаго Лаврентія: какъ онъ съ поддаными обходится? Сѣдельниковъ сказалъ, что не безъ труда, что-де онъ человѣкъ правный и много бьетъ безвинно. По случаю разговора о Лаврентіѣ Іона вспомнилъ о Ѳеофанѣ: вотъ-де у меня о новгородскомъ «житіе», и далъ Березину съ Сѣдельниковымъ. Березинъ прочиталъ его Сѣдельникову, а для себя снялъ копію. Сѣдельниковъ показалъ, что ничего не выразумѣлъ изъ читанной тетради. Кабинетъ рѣшилъ: Березина бить плетьми и освободить, а Сѣдельникова освободить безъ битья.—Поддьяка устюжскаго архіерейскаго дома *Попова* (*Венчика* онъ же) за то, что переписывалъ тетрадь для Березина, и товарища его *Алексѣева* за то, что читалъ эту тетрадь, бить

плетьми и освободить. — 16 декабря состоялись опредѣленія — о бывшемъ вагенмейстерѣ при домѣ Екатерины Іоанновны Степанѣ *Колобовѣ*: бить плетьми и освободить; священника *Василія Аникьева*, который бралъ у Колобова тетрадь, тоже; синодальнаго поддьякона *Петра Ѳедорова*, который бралъ тетради у Осипа, — тоже. Для учиненія имъ этого наказанія отослать ихъ въ Синодъ. Москвичей посадскихъ людей — *Кузнецова* (Секеринъ опъ же), *Донцова*, *Мартынова*, копіиста *Андрея Павлова*—тоже. Копіиста *Муромцова*, который объявилъ тетрадь самъ собою, освободить безъ наказанія.—Въ слѣдующемъ году 19 марта рѣшено дѣло курской партіи: дьячка *Сафрона Филипова* и пѣвчаго *Михайлова* освободить; слугу курскаго монастыря *Стрянченко* за то, что читалъ тетрадь, бить плетьми и освободить. Престарѣлый *архимандритъ Михаилъ* скончался въ Москвѣ подъ арестомъ. Дворянина *Перфильева* бить плетьми и освободить; строителя софроньевой пустыни *Сергія* освободить; Аврамова человѣка *Николая Аѳанасьева* освободить.—Келейника Родышевскаго *Парфенова*—въ солдаты въ низовый корпусъ.—Солбинскій *іеромонахъ Іаковъ* заявилъ свою вину такъ: «Аврамовъ на тронцкомъ подворьѣ разговоры съ нимъ раза съ два на единѣ имѣлъ такіе, что Маркеллъ-де страждетъ за допошеніе свое на новгородскаго архіерея, потому что показываетъ о ересяхъ того архіерея, которыя опъ напечаталъ въ книгахъ; въ духовномъ регламентѣ, о блаженствахъ, о покаяніи, о крещеніи; а въ книгѣ о блаженствахъ ереси напечатаны такія, что будто бы кромѣ пресвятой Богородицы, Іоанна Предтечи, дѣвственниковъ другихъ нѣтъ; такожде будто бы св. мученики мучителей не укоряли; и при томъ опый Аврамовъ разсуждалъ, что-де въ апокалипсисѣ напечатано: дѣвственниковъ будетъ запечатлѣнныхъ Господнею печатью сто и четыре тысячи; также-де апостолы Петръ и Павелъ, и архидіаконъ Стефанъ первомученикъ и прочіе святые мученики мучителей укоряли. И Родышевскій-де явные доводы на того архіерея объявляетъ. На что Іаковъ отвѣчалъ, что опъ человѣкъ темный и ничего разсудить не можетъ; пускай-де разсуждаетъ кто знаетъ. Послѣ того Аврамовъ ни о чемъ съ нимъ не разговаривалъ». — 20 марта Кабинетъ приговорилъ: бить его плетьми и сослать въ дальній монастырь въ братство.

Мы выше упоминали ужъ о двоюродномъ братѣ Іоны Романѣ Никитинѣ. Теперь дошла очередь и до другихъ *Никитиныхъ*. Въ 1732 году августа 8 взяты въ Тайную канцелярію еще два брата Никитины — Иванъ и Иродіонъ. Романъ и Иванъ были художниками и при Петрѣ обучались за границей; а Иродіонъ былъ протопопомъ московскаго архангельскаго собора. Они также обвинены были въ чтеніи и распространеніи Іониныхъ тетрадей. Къ домамъ Романа и Ивана Никитиныхъ приставили караулъ, такъ что ни къ нимъ придти, ни отъ нихъ выдти. Сначала дѣло ихъ взято было въ Кабинетъ; но 12-го сентября 1732 года сдано въ Тайную канцелярію. Разстрига Осипъ показалъ на Ивана Никитина, что онъ давалъ читать извѣстную тетрадь своему зятю по сестрѣ Томилову, а на Иродіона — что онъ читывалъ ее своимъ прихожанамъ. *Томиловъ* былъ подъячій сибирскаго приказа. Иванъ Никитинъ сознался, что давалъ ему читать извѣстную тетрадъ, когда тотъ у него больнаго ночевывалъ. А протопопъ Иродіонъ сознался, что читывалъ ее своимъ прихожанамъ отъ простоты — коммиссару Назимову, канцеляристу Денисову и Якову Чекину. 2 октября 1732 года арестовали и отправили въ С.-Петербургъ Томилова; а 9 октября изъ Кабинета приказано арестовать Назимова, Денисова и Чекина. 15 ноября Салтыковъ отправилъ ихъ въ С.-Петербургъ, вмѣстѣ съ отобранными у нихъ книгами и бумагами. Положеніе семейства Романа Никитина, разорваннаго съ цѣлымъ міромъ, было невыносимо. Въ 1733 году іюля 23 Салтыковъ доносилъ Тайной канцеляріи, что женѣ Романа Никитина стало ѣсть нечего; которые были въ домѣ припасы, оные всѣ безъ остатку употреблены въ расходъ, и нынѣ ей продать нечего и пищи получить неоткуда, въ чемъ претерпѣваетъ отъ холоду и голоду великую нужду. Тайная канцелярія 8 августа дозволила людей освободить на росписки, а жену Романа держать подъ арестомъ по прежнему; и ежели оная Романова жена пожелаетъ изъ людей своихъ послать для взятья себѣ на пропитаніе къ свойственникамъ своимъ или къ постороннимъ къ кому, и въ томъ ей позволить; тако-жъ ежели кто и къ ней пришлетъ что на пищу, то оное отдавать ей черезъ караульнаго офицера. Отъ этого положеніе дѣла не улучшилось. Люди разошлись въ разныя стороны, а жена съ дѣтьми

осталась безпомощна. Салтыковъ доносилъ еще разъ Тайной канцеляріи 30-го ноября, что она умираетъ отъ голоду и холоду. Однакожъ еще два года держали ее въ такомъ положеніи. Только въ 1735 году декабря 20-го Тайная канцелярія дозволила «жену Никитина, до которой по слѣдствію въ Тайной канцеляріи ничего нынѣ не касается, освободить впредь до указу на роспиcку».

Виновникъ несчастія Никитиныхъ, разстрига *Осипъ*, скончался въ крѣпости 25 ноября 1734 г. А колодники Никитины все еще держались въ Тайной канцеляріи. Отъ нихъ все еще ждали какой-то тайны, которая грозитъ бѣдою міру. Въ декабрѣ 1735 г. Тайная канцелярія положила—лишить Продіона Никитина протоіерейскаго званія и священства. Сунодъ командировалъ для этой печальной церемоніи тронцкаго протопопа Ивана Семенова, который исполнилъ опредѣленіе Тайной канцеляріи и снялъ санъ съ Никитина. Въ знакъ того снятія острижены у него на головѣ и бородѣ волосы.—3 января 1736 года привели его въ застѣнокъ. Несчастнаго подняли на дыбу и спрашивали съ крѣпкимъ подтвержденіемъ: для чего онъ, зазывая къ себѣ прихожанъ своихъ, читалъ имъ извѣстную тетрадь о житіи Ософана? Съ пытки онъ говорилъ: «о новгородскомъ архіереѣ Ософанѣ съ вышеобъявленными людьми разговоры онъ имѣлъ и показанную извѣстную тетрадь читалъ безъ всякаго умысла, отъ простоты своей, а болѣе все оное происходило отъ него во время того, когда случался быть онъ пьянъ». Сверхъ того Родіонъ показалъ: «о братьяхъ своихъ Иванѣ и Романѣ Никитиныхъ слышалъ онъ, а когда и гдѣ—не упомнитъ, что они напредъ сего въ давныхъ годѣхъ въ письмахъ — а въ какихъ именно, того не слыхалъ — были подозрительны, а въ какомъ подлинно подозрѣніи, того онъ не знаетъ и ни отъ кого о томъ не слыхалъ. А сперва о вышепоказанномъ о всемъ не показалъ онъ и безпамятствомъ отговаривался отъ страха въ торопяхъ, боясь въ томъ истязанія, а нынѣ о вышеозначенномъ о всемъ показываетъ онъ по чистой своей совѣсти и въ томъ утверждается». Ему дали 15 ударовъ и опять отвели въ казематъ. Изнемогая отъ болѣзни и заключенія, несчастный въ тоже время не имѣлъ достаточнаго содержанія. Онъ подалъ въ Тайную канцелярію прошеніе, чтобы ему въ счетъ

его-имѣнія дали что нибудь на содержаніе. «Недостойный именованія—писалъ онъ—прежде бывшій протопопъ, нынѣ же пребѣдный невольникъ, падъ лицеземно со слезами богоподобнаго милосердія прошу». Ему отказали.

Дѣло Никитиныхъ кончилось и судьба ихъ рѣшена ужъ послѣ смерти Оеофана. Въ 1737 году 5 ноября Государыня утвердила докладъ Тайной канцеляріи: 1) роспопу Родіона, вмѣня ему, по высочайшему милосердію, бывшіе розыски и долговременное подъ арестомъ содержаніе въ наказаніе, сослать въ Сибирь въ охотскій монастырь и содержать его въ монастырскихъ трудахъ вѣчно никуда неисходно; 2) Ивана Никитина бить плетьми и послать въ Сибирь на житье вѣчно за карауломъ; 3) Романа Никитина послать въ Сибирь, съ женою его, на житье вѣчно за карауломъ; 4) означенныхъ роспопы и братьевъ его дворы и пожитки, сколько чего у нихъ имѣется, отдать имъ на пропитаніе. 5) Томилова, учиня ему наказаніе плетьми, отослать въ Военную коллегію для написанія въ солдаты.—Иванъ и Романъ Никитины возвращены изъ ссылки 19 декабря 1740 года.

Въ томъ же (1736) году и въ тотъ же день (3-го января) привели въ застѣнокъ *Александра Яковлева*. Оеофанъ сочинилъ для него новые вопросы — все о выпискахъ на правилѣ къ божественному причащенію: 1) кто оныя въ книгахъ разныхъ пріискалъ и кто писалъ? 2) если самъ онъ Александръ то дѣлалъ, то имѣлъ ли и имѣетъ ли у себя книги тѣ, напримѣръ Маргаритъ, Ефремъ, и проч. и гдѣ нынѣ онѣ? 3) Книги, которыхъ на русскомъ переводѣ нѣтъ, напримѣръ Августина, Іеронима, Галена врача и проч., кто ему и гдѣ и когда показывалъ или изъ нихъ выписки подавалъ? 4) къ чему и на чье лицо и съ каковымъ намѣреніемъ сіи онъ выписки собиралъ — понеже многія таковыя здѣ написаны, которыя ниже мало годятся къ его званію, да и обличенія наносятъ на нѣкоторыхъ знатныхъ особъ? 5) показывалъ ли онъ кому сіи выписки и кому именно, и многимъ ли и что о томъ разсуждали? 6) списывалъ ли кто у него сіи выписки и кто именно и чего ради? 7) самъ онъ, или кто другой съ нимъ, употреблялъ ли нѣкіихъ изъ сихъ выписокъ къ нѣкоему дѣлу или къ сочиненію какихъ писемъ — показалъ бы о всемъ именно? 8) Кромѣ сихъ здѣ собранныхъ выписокъ,

не имѣлъ ли онъ и нынѣ не имѣетъ ли и другихъ еще и гдѣ? Яковлевъ утверждался на прежнемъ показаніи, что разныя выписки на правилѣ къ божественному причащенію сдѣлалъ съ простоты для памяти; а списывалъ изъ книгъ и изъ предикъ, которыя слыхалъ въ заиконоспасскомъ монастырѣ; ни у кого не видалъ такихъ выписокъ и ни къ какому сочиненію не приготовлялъ; а бумаги, чернилъ и священника послѣ первой пытки просилъ въ безпамятствѣ. Въ этотъ разъ было ему 16 ударовъ. Окончательный приговоръ о немъ состоялся, ужъ по смерти Осодана, 18-го октября 1737 года. По высочайше утвержденному приговору велѣно бить его кнутомъ и сослать въ охотскій острогъ на житье вѣчно. На пути объявлено ему, что ежели о имѣвшемся въ Тайной канцеляріи дѣлѣ станетъ что ни есть разглашать и объ этомъ донесено будетъ—и за то казненъ будетъ смертью.

Въ тотъ же день (3-го января 1736 года) привели въ Тайную канцелярію *Барсова* и спрашивали про повѣсть о иконѣ Спасителевой у Мануила царя: откуда онъ взялъ ее и для чего? Барсовъ показалъ, что не помнитъ, а имѣлъ ее за-просто; а Александру Яковлеву давалъ по простосердечію для чтенія. Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ (22-го мая 1736 года) Барсовъ скончался въ крѣпости, приготовившись къ смерти исповѣдію, причащеніемъ Святыхъ Таинъ и даже елеосвященіемъ. Тайная канцелярія приказала священнику съ причетникомъ іоанно-предтеченской церкви, что въ московской ямской слободѣ, 24-го мая похоронить его при означенной церкви. Послѣ Барсова остались малолѣтніе дѣти Антонъ и Елена, мачиха, да дочь Марья за мужемъ.

По дѣлу Барсова взятъ былъ въ Тайную канцелярію ректоръ московской академіи, заиконоспасскій архимандритъ, *Софроній Малиновичъ*. Въ показаніяхъ своихъ, на допросахъ въ Тайной канцеляріи, онъ говорилъ, что Барсовъ хаживалъ къ нему изъ-подъ караула и жаловался, что «пребываетъ въ скорби». Софроній писалъ о немъ къ шатскому архимандриту (Платону Малиновскому), прося помочь ему. Барсовъ просилъ написать также къ префекту Нероновичу и монаху Конашевичу, который взятъ въ Корпусъ. — Допросили Малиновскаго. Онъ

показалъ, что къ нему писалъ о вспоможеніи Барсову іеромонахъ запкоиоспасскаго монастыря Ософилактъ Журавскій. — Софронія допрашивали о подметныхъ письмахъ и о сношеніяхъ съ Рибейрой. «О подметныхъ письмахъ слыхалъ отъ учениковъ, а съ Рибейрой—хаживали другъ къ другу».—Въ 1733 году 20 марта состоялось рѣшеніе: «архимандрита Софронія, хотя онъ по означенному дѣлу и подозрителенъ былъ, но токмо изъ того его подозрѣнія никакихъ послѣдствій дальней важности не касается, изъ-подъ караула освободить».

---

2) Печерскіе старцы и книга Аѳанасія Великаго.

Въ ту пору, когда начиналось дѣло Аврамова и Родышевскаго, т. е. въ 1730 году, въ Москву прибыли печерскіе старцы по дѣлу печерской архимандріи. Одинъ изъ нихъ былъ Исаія, другой Иннокентій. Изъ послѣдующихъ показаній Исаіи мы узнаемъ, что онъ родился въ Малой Россіи, въ изюмскомъ полку, въ мѣстечкѣ Андреевкѣ, отъ козака Семена Петрова; въ мірѣ звался Осипомъ; учился грамотѣ въ мѣстечкѣ Сорочинцахъ лѣтъ съ пять; потомъ присталъ къ живущему тутъ сербскому нисскому епископу Рувиму и находился у него въ услуженіи лѣтъ съ пять; послѣ того, 1710 года, въ мѣстечкѣ Сосницахъ черниговскаго полка, въ преображенскомъ монастырѣ постриженъ въ монашество, а въ 1712 г. перешелъ въ кіево-печерскій монастырь уже діакономъ и принятъ тамошнимъ архимандритомъ Аѳанасіемъ Мисловскимъ; въ 1727 году посвященъ въ іеромонаха; въ 1728 году отправленъ былъ по дѣламъ въ С.-Петербургъ, а возвратившись жилъ по монастырскимъ же дѣламъ въ Москвѣ.

Въ 1730 г., 12 ноября, скончался печерскій архимандритъ Іоаникій Сѣнютовичъ. Иностранная коллегія предложила выбрать на его мѣсто изъ іеромонаховъ того же или другихъ монастырей кіевской епархіи. Кіевскій архіепископъ Варлаамъ Вонатовичъ съ лаврскою братіею представили шесть кандидатовъ и первымъ между ними намѣстника Романа Кону; но Ософанъ почему-то настоялъ, что въ печерскіе архимандриты назначили харьковскаго

архимандрита Платона Малиновскаго, который и вызванъ былъ въ Москву. Печерскому монастырю не понравилось это назначеніе. Исаія, съ свѣтскимъ намѣстникомъ Иннокентіемъ, уполномочены были хлопотать объ отмѣнѣ его. — Улучивши случай они подали Императрицѣ прошеніе, чтобъ въ печерской обители Платону архимандритомъ не быть, а быть бы Роману. Дѣло кончилось тѣмъ, что Государыня отмѣнила прежнее назначеніе и утвердила архимандритомъ Романа Кону.

Этотъ случай поставилъ Исаію въ столкновеніе съ Ософаномъ. Исаія, по праву печерской ставропигіи, дѣйствовалъ независимо и настойчиво, рѣзко относясь къ Синоду. Ософанъ этого не переносилъ и преслѣдовалъ Исаію; тотъ жаловался Государынѣ. Отмѣна синодскаго кандидата была торжествомъ для Исаіи. Романъ вызванъ былъ въ Москву и посвященъ въ архимандрита въ присутствіи Императрицы въ церкви измайловскаго дворца.—Когда онъ былъ у Варлаама, Духовникъ между прочимъ спросилъ у него: «правда ли, что въ библіотекѣ кіево-печерскаго монастыря есть книга Аоанасія Великаго, которую переправилъ новгородскій архіерей?» Кона сказалъ, что такая книга есть.

Кончивши дѣла въ Москвѣ Исаія отправился въ Кіевъ и, какъ нѣкоторымъ образомъ обязавшій архимандрита, получилъ отъ него высшую должность, сдѣланъ намѣстникомъ приписнаго къ печерской лаврѣ трубчевскаго чолнскаго монастыря. Прибывши на свое воеводство Исаія началъ распоряжаться по казачьему: на земляхъ своего монастыря завелъ двѣ слободки, населивши ихъ вольными малороссійскими людьми: одну назвалъ въ честь архимандрита Романовкой, другую въ свою честь Исаевкой. Сосѣдніе помѣщики съ ужасомъ посматривали на этого новаго вотчича. Кто провинился немного, онъ наѣзжалъ съ своими людьми и разорялъ все до остатка. Однакожъ не долго дали ему вольничать. 31 октября 1732 г. его взяли въ Тайную канцелярію. Въ инструкціи посланному за нимъ сержанту наказано было: «если онъ пріѣдетъ къ монастырю днемъ, то не доѣзжая верстъ за пять остановиться секретно у кого можетъ, а потомъ пріѣхать въ монастырь ночнымъ временемъ и взять Исаію, обыскавши всѣ его письма и бумаги». Поводомъ къ аресту было то, что живя въ Москвѣ онъ хаживалъ къ Маркеллу, съ которымъ знакомъ былъ еще по Кіе-

ву и тамъ встрѣчался съ Аврамовымъ; — бывалъ не одинъ разъ у троицкаго архимандрита Варлаама; имѣлъ разговоры съ Аврамовымъ и Родышевскимъ о новгородскомъ архіереѣ. «Однажды, какъ онъ былъ на троицкомъ подворьѣ въ кельѣ архимандрита Варлаама—а въ то время были тутъ Аврамовъ и другіе человѣкъ съ десять изъ духовнаго и мірскаго чина, которые дожидались пріѣзда архимандрита изъ дворца — въ это время невѣдомо съ чего Исаія разговорился съ Аврамовымъ о Родышевскомъ, что онъ страждетъ за доношеніе на новгородскаго архіерея, и въ разговорѣ прибавилъ: мы обхожденіе Ѳеофана знаемъ, и какъ онъ въ Римѣ былъ, да и къ нему архіерею отъ папы римскаго письма бывали — здѣсь только ничего не знаютъ. А о Родышевскомъ что толковать, хоть напрасно, хоть не напрасно страждетъ — не освободить: онъ-де архіерей человѣкъ сильный». Это дошло до Ѳеофана: — показалъ келейникъ Варлаамовъ, разстрига Осипъ. Исаію держали въ крѣпости около трехъ лѣтъ; но ни за нимъ, ни отъ него не узнали ничего больше. Наконецъ 4-го сентября 1735 года Кабинетъ порѣшилъ отправить его въ Сунодъ для ссылки въ дальній монастырь; а бумаги и письма возвратить, потому что важности въ нихъ ни какой не явилось.

Но въ Сунодѣ Ѳеофанъ сдѣлалъ на него еще новыя показанія, что онъ былъ стрѣлецъ, а не казакъ, и родился въ Москвѣ за Сухаревой башней, и что онъ въ Москвѣ виномъ торговалъ, съ чѣмъ и пойманъ былъ, а въ допросѣ этого не объявилъ. Исаія въ собраніи Сунода отвергалъ эти показанія и говорилъ, что «Ѳеофанъ загнѣвастъ то по сердцу и что въ Сунодѣ имѣется указъ 1727 г., по коему допрашивать его не должно, понеже онъ Суноду не подчиненъ—и говорилъ то съ непстовствомъ и крикомъ». Исаія точно не церемонился на слова и говорилъ въ лицо Суноду, будто по дѣлу печерской архимандріи Сунодъ обманулъ Государыню, будто и теперь, вступаясь въ гражданскія дѣла, Сунодъ берется не за свое дѣло, такъ что наконецъ спросили его: въ какой надеждѣ онъ такъ продерзостно говоритъ предъ собраніемъ св. Сунода? Въ отвѣтъ на это Исаія поклонился и сказалъ, что онъ имѣетъ показать государственную нужду по первому пункту — слово и дѣло. Сунодъ отослалъ его въ Тайную канцелярію.

Между тѣмъ Варлаамъ говорилъ всѣмъ, что Ософанъ тѣснитъ Исаію за показаніе его о книгѣ Аоанасія великаго, что—однимъ словомъ — боится въ немъ докащика. Предусмотрительный Ософанъ самъ вытребовалъ изъ Кіева эту книгу, и вмѣстѣ съ своимъ объясненіемъ представилъ въ Кабинетъ. «Какъ злобная и ложная на меня клевета и какъ безумная и безстудная клеветниковъ злоба, произнесшихъ, яко бы я Аоанасіеву книгу переправливалъ—хотя я и прежде по свидѣтельству совѣсти моея вѣдалъ, однакожъ дѣла того, отъ нихъ порицаемаго, яко давнаго и прежде двадцати лѣтъ бывшаго, обстоятельно не упомня, не могъ и сказать обстоятельно. А нынѣ книгу оную разсмотрѣвъ ясно и точно, свѣтельствамъ вашимъ предлагаю».... «Нѣкоторыя помѣтки на поляхъ съ поправками перевода съ греческаго на латинскій—изрядные, да не наши, а надѣюсь Адама Зерникова, мужа великаго. *Адамъ Зерниковъ* (доселѣ мнѣ неизвѣстно рода его, а надѣюсь чешской націи) жилъ въ Кіевѣ прежде лѣтъ 50 и написалъ великую книгу: «о исхожденіи Св. Духа на латинъ» [1]) такъ сильно, что всѣ до него и даже доселѣ, какъ изъ латинъ, такъ и изъ грековъ писавшіе о томъ, не въ иномъ возрастѣ кажутся, но аки бы малые отроки супротивъ великаго исполина». Ософанъ признавалъ своими только двѣ помѣтки, сдѣланныя для скорѣйшаго пріисканія; остальныя—Зерникова; а ему приписали ихъ приверженцы латинства для того, что въ нихъ заклю-

---

[1]) Въ Vita Theophanis (Scherer's Nebenstunden) замѣчено: «in monasterio Petscheriensi innotuit (Theophanes) Tschernikowio Borusso, qui 1695 relicta academia Regiomontana Graecam religionem et statum monasticum Kioviae amplexus, hunc in fide Graeca confirmavit, eique auctor fuit, ut librum de Processione Spiritus Sancti a Patre tantum in lingua latina satis prolixe, erudite et argute, conscriberet, qui postea 1714 a Theologiae candidato Ruthено Petropoli in linguam slavonicam versus, hactenus ineditus jacet». У Дамаскина Рудиева, издателя Ософанова трактата: De Proces. S. S., находимъ слѣдующую замѣтку о Зерниковѣ: «Adam istum Zernicavum audivi natione Polono-Borussum fuisse, in urbe Thorunio natum, qui lutheranorum primum partibus addictus erat. Deinde invito cum amicis suis certamine de Proces. S. S. nec suis, neque amicorum suorum rationibus contentus fuit. Studio autem indagandae veritatis motus, peragravit multas regiones, insignes bibliothecas excussit et omnia, quaecunque ad rem suam necessaria in bibliothecis reperit, in chartam conjecit; tandemque in Minorem Russiam sese contulit ac Graecorussicae Ecclesiae sacra amplexus, illos tractatus circa finem superioris saeculi composuit. Qui tamen nondum publicam lucem viderunt, sed manu descripti habentur in multis Russorum bibliothecis».

чается брань на латинянъ. Да и сами они не проклюсили этого 15-ть лѣтъ, а начали въ 1731 году, спознавшись съ Рибейрой». «Того ради—заключалъ Ософанъ—всепокорно прошу сіятельствъ вашихъ, да благоволите, доложа о семъ ея и. в., для защищенія общей отъ мятежниковъ тишины, по первому званія вашего долженству, и меня, вѣрнаго ея и. в. раба и богомольца, отъ тѣхъ напастниковъ по любви и милости оборонить. Ноября 8, 1735 года».

Дѣло Исаіи тянулось въ Тайной канцеляріи еще съ годъ. Наконецъ Кабинетъ рѣшилъ: «за вины его, о которыхъ явно по дѣлу, учинить, вмѣсто кнута, нещадное плетьми наказаніе и послать его въ дальній монастырь по разсмотрѣнію Сунода». Сунодъ послалъ его въ соловецкій монастырь [1]).

---

3. Хлыстъ Спиридонъ Лупкинъ

По дѣлу и по разнымъ показаніямъ Рѣшилова, Родышевскаго и другихъ лицъ, въ 1733 году взятъ былъ къ допросу экономъ симонова монастыря, іеродіаконъ Серафимъ Лупкинъ. Это былъ сынъ знаменитаго хлыстовскаго лже-христа Прокопія Лупкина. Въ ту пору, когда объ немъ возникли подозрѣнія по дѣлу Родышевскаго, онъ уже содержался въ Тайной канцеляріи по дѣлу о бывшихъ въ Москвѣ «богопротивныхъ сборищахъ».

Намъ стати нѣтъ входить во всѣ подробности этого большаго дѣла; однако не можемъ миновать того, что касается одного изъ

---

[1]) Этимъ однакожъ судьба его не кончилась. Въ 1738 году декабря 4-го въ Тайной канцеляріи состоялось опредѣленіе, что «онъ Исаія, избывая ссылки изъ соловецкаго монастыря, не токмо подозрителенъ, но и въ важной винѣ явился, и потомъ, не имѣвъ отъ продерзостей своихъ воздержанія, какъ по чину монашескому слѣдовало, болѣе къ роскоши и къ пьянству себя употреблялъ и вступилъ въ доносительства великой вѣкности, каковой по слѣдствію ни за кѣмъ не явилось: за что надлежитъ, лиша его монашества, учинить наказаніе—бить кнутомъ и послать въ Сибирь на житье вѣчно». Вслѣдствіе чего Исаія лишенъ монашества и сосланъ въ Сибирь, гдѣ и находился до 1743 года. По милостивому манифесту Императрицы Елизаветы Петровны возвращено ему монашество и священство. Исаія выпросился на обѣщаніе въ кіево-печерскій монастырь, гдѣ и скончался въ 1745 году. (Дѣла Архива св. Сунода 1742 года № 333).

хлыстовъ, занесеннаго судьбою въ нашу исторію. По взятіи въ Тайную канцелярію и по лишеніи іеродіаконскаго чина и монашескаго званія, разстрига Спиридонъ показалъ: «отецъ его Прокопій Лупкинъ какова былъ чина, тотъ онъ Спиридонъ не знаетъ. Но токмо въ прошлыхъ годахъ слыхалъ онъ, Спиридонъ, отъ матери своей, бывшей старицы Анны, что нынѣ разстрига Акулина, что оный его отецъ былъ стрѣлецъ и сосланъ былъ съ оною его матерью и съ нимъ Спиридономъ въ Пелымъ. А какимъ случаемъ онъ Спиридонъ отъ того отца своего отлучился и гдѣ жилъ, того онъ Спиридонъ за многопрошедшимъ временемъ сказать не упомнитъ. А въ монашескій чинъ онъ Спиридонъ постригся въ Москвѣ въ симоновѣ монастырѣ по желанію своему, а не по повелѣнію онаго отца своего. А въ томъ монастырѣ постриженъ и во іеродіаконы онъ Спиридонъ посвященъ архимандритомъ Петромъ (Смѣличемъ), который нынѣ обрѣтается въ александровскомъ монастырѣ. На богопротивныхъ сборищахъ и дѣйствіяхъ у того отца своего онъ Спиридонъ не бывалъ и для онаго злодѣянія съ оными отцомъ своимъ никуда не ѣзжалъ; токмо о томъ, что у онаго отца его имѣлись собранія для молитвы, онъ Спиридонъ вѣдалъ. А у бывшей старицы Настасьи, что нынѣ разстрига Агафья [1]), на сборищахъ бывалъ онъ Спиридонъ въ ивановскомъ монастырѣ до постриженія своего еще въ малолѣтствѣ раза съ два, на которыхъ были человѣкъ по двадцати и больше, а какихъ чиновъ, того онъ Спиридонъ не знаетъ. И на тѣхъ сборищахъ чинили злодѣяніе такое: тряслись и вертѣлись кругомъ; а при томъ что̀ говорили ль и другое какое злодѣяніе чинили ль, того онъ Спиридонъ за многопрошедшимъ временемъ сказать не упомнитъ же. А на тѣ сборища его Спиридона привела помянутая Агафья... А по постриженіи своемъ въ бытность въ ономъ монастырѣ чинилъ грѣхопаденіе не однажды. Какъ онъ Спиридонъ изъ симонова монастыря съ гостьми къ оному отцу своему пріѣзживалъ, и въ то время того отца своего дядею называлъ, для того что оный отецъ его—Спиридона—называлъ пле-

---

[1]) Анастасія, до монашества Агафья Карпова, была начальницей хлыстовскаго *корабля* и хлыстовскою богородицею въ ивановскомъ московскомъ женскомъ монастырѣ.

мянникомъ; а для чего оный его отецъ племянникомъ его, Спиридона, называлъ, того онъ не знаетъ». Спиридономъ приказано было разыскивать; но съ подъему и съ пытки онъ говорилъ тоже, что и выше сего показалъ.

По дѣлу о богопротивныхъ сборищахъ Кабинетъ въ 1733 году рѣшилъ: «Спиридона Лукина за важные его вины бить кнутомъ и послать въ Сибирь въ охотскій острогъ на житье вѣчно; токмо по учиненіи ему того наказанія отправить его въ св. Сунодъ для изслѣдованія по касающимся до него другимъ дѣламъ». Въ Сунодѣ касалось до него много дѣлъ: тутъ введены были показанія Рѣшилова, Родышевскаго, Малиновскаго и другихъ. На допросахъ Лукинъ показалъ, что разстригу Рѣшилова сталъ знать онъ съ 1728 года. Разъ ѣздили они съ архимандритомъ въ свою волость весьегорскую, находящуюся въ желѣзнопольскомъ уѣздѣ, и по совѣту преосв. Ософилакта заѣзжали къ Рѣшилову въ клобуковъ монастырь, гдѣ и ночевали: и въ ту бытность посторонихъ разговоровъ съ нимъ не имѣли—разсуждали только объ обыкновенныхъ монастырскихъ дѣлахъ и вотчинномъ поведеніи. Въ томъ же году Рѣшиловъ пріѣзжалъ къ нимъ въ симоновъ, и остановившись у архимандрита трактованъ былъ обѣдами и благодарствованъ за пріятіе ихъ въ Кашинѣ.—Не говорено ль чего было Рѣшиловымъ о патріаршествѣ и о св. Сунодѣ? Въ тѣ разы нѣтъ; а приходитъ ему на память, что говорено было въ образъ поношительства на св. Сунодъ въ 1732 г., когда Рѣшиловъ содержался подъ карауломъ въ св. Сунодѣ въ Москвѣ: «вотъ-де выслужилъ св. Суноду, ѣздячи за раскольниками и собирая деньги; наѣздилъ себѣ тюрьму и бѣдность, а раскольникамъ радость. Чаялъ отъ ихъ святѣйшества награжденія, а ихъ святѣйшество и въ тюрьму посадили». Говорили и о патріаршествѣ. Бывшій тутъ же пензинскій архимандритъ Никонъ прибавилъ съ своей стороны: «желали, и на словахъ просили и Бога молили (о патріаршествѣ). Тогдабъ-де одному поклониться, а не многимъ. Вотъ мое дѣло: какъ къ Москвѣ пріѣду, много бываетъ расходу — что въ дикастеріи, что въ казенномъ приказѣ, что въ Сунодѣ; всюду дать надо не малое число и лошадками и инымъ подносомъ».

Родышевскій, содержась въ симоновѣ, много разъ отпускаемъ

былъ изъ монастыря въ 1730 г. лѣтнимъ временемъ къ генералъ-адъютанту В. Н. Ржевскому и къ архимандриту Платону Малиновскому, и ѣздилъ къ первому на присылаемыхъ отъ него лошадяхъ, а къ Платону въ монастырской колескѣ *просто безъ караула*. Въ тѣ поры, когда Родышевскій ѣздилъ, онъ Спиридонъ говаривалъ архимандриту, что напрасно онъ его изъ монастыря отпускаетъ. Архимандритъ на тѣ его слова объявлялъ: «къ нему-де милостивы ея и. в. духовникъ архимандритъ Варлаамъ, князь Д. М. Голицынъ и прочіе министры—присылаютъ къ нему милостыню отъ пищи и отъ денегъ съ довольствомъ». У Платона былъ съ нимъ и онъ Спиридонъ, но о чемъ тѣ говорили между собою, не разобралъ, потому что разговоръ былъ иностраннымъ парѣчіемъ, а по-русски разговаривали только просторѣчье. И онъ, Спиридонъ, компаніи съ нимъ никакой не имѣлъ и разговоровъ никакихъ противныхъ или къ важности какой склонныхъ наединѣ съ ними не имѣлъ; только видалъ онъ не рѣдко, что пріѣзжалъ къ нему бывшій типографскій директоръ Аврамовъ многократно, въ каждую недѣлю раза по два и по три, иногда и въ одинъ день дважды, и сиживалъ у него часа по два и по три; а за чѣмъ къ нему пріѣзжалъ и какіе между собою имѣли разговоры, о томъ онъ не извѣстенъ».—Скоро однакожъ (28 мая) это показаніе пополнилось новыми подробностями. «Въ бытность его, Спиридона, въ томъ монастырѣ, Родышевскій многократно злословилъ при многой братіи преосв. Ософана, архіепископа новгородскаго, называя его еретикомъ и ласкателемъ, и будто онъ выдалъ книги неправильныя и вѣрѣ греческаго исповѣданія противныя: на которыя его, Родышевскаго, слова онъ Спиридонъ ему сказалъ, что онъ человѣкъ не ученый и въ томъ силы не знаетъ».—Пока шли розыски по дѣламъ Рѣшилова и Родышевскаго, Лупкина держали въ Сунодѣ подъ карауломъ. Тайная канцелярія медлила отсылать его въ Охотскъ, чтобы онъ впредь не понадобился въ Сунодѣ и чтобы обратнымъ вызовомъ его изъ Сибири для новыхъ показаній не затратить не малаго числа казенныхъ денегъ.

Въ 1735 году августа 1 прислано было къ нему письмо изъ Тобольска и прибавило новыхъ хлопотъ слѣдователямъ. Само собой разумѣется, что его не отдали Лупкину — его вскрыли и прочитали въ собраніи св. Суноца. «Государь нашъ, милости-

вый благодѣтель, Спиридонъ Прокофьевичь, желаемъ вашей чести отъ Бога всякаго блага о Христѣ, еже ко спасенію. А про насъ убогихъ ежели изволите напамятовать, и мы по отпускѣ сего письма остаемся здравы — Василій Дементьевъ, Тимоѳей Артемьевъ, Ульянъ Шестаковъ; а опредѣленіе намъ къ жительству въ Сибири въ г. Тарѣ и опрѣделены въ купечество, и вольный намъ пропускъ во всѣ сибирскіе города, кромѣ Москвы [1]). Въ извѣстіе вашей милости чиним о матушкѣ вашей Аннѣ Ивановнѣ: опредѣлена въ сибирскомъ же уѣздѣ въ далматовомъ монастырѣ, токмо что намъ съ ними свиданія нѣтъ того ради, что ихъ содержатъ весьма строго, а онѣ по сіе число въ добромъ здравіи пребываютъ, такожде и тетушка Александра Ивановна [2]) и Таисія Ивановна опредѣлены въ городѣ Илимску въ добромъ же здравіи. Еще вашей милости чиним извѣстіе о братѣ вашемъ Васильѣ Дементьевѣ: нынѣшняго 735 году въ великой постъ отправился на китайскую границу для торгу. А мы, убогіе, всѣ трое живемъ въ единомъ сообщеніи нераздѣльно. Покорно просимъ, государь нашъ милостивый, пріятель Спиридонъ Прокофьевичь, писать къ намъ о своемъ многолѣтнемъ здравіи, о пребываніи вашемъ и въ какой силѣ. А ежели изволишь къ намъ писать, то пожалуй пиши и посылай на почтахъ, или съ прилучившимся, хотя чрезъ Москву, только къ отданію надлежитъ въ Сибири въ г. Тобольску на базаръ купецкому человѣку Ивану Андрѣеву сыну Пашушкову, а ему пожаловать послать въ Тару купцамъ Василью Дементьеву съ товарищи; понеже оный Пашушковъ по пріѣздѣ нашемъ въ Тобольскъ явился къ намъ доброй человѣкъ и весьма пріятенъ, и всякія письма къ намъ чрезъ его приходятъ, такожде и отъ насъ». «А который вашъ скарбъ остался въ Москвѣ положенъ у добрыхъ людей, и они къ намъ пишутъ, что всѣ въ добромъ здравіи, а имянно (У а и л)». А о Таисіи Ивановнѣ объявляемъ: нынѣшняго 735 г. на святкахъ провезли ихъ мимо нашего города и она у насъ жила въ домѣ съ недѣлю. А мы въ то число прилучились всѣ въ домѣ и прочія съ нею были.

---

[1]) Извѣстная хлыстовская богородица, Акулина Ивановна, принявшая въ монашествѣ имя Анны.

[2]) Сестра хлыстовской богородицы, называвшаяся въ мірѣ также Акулиною Ивановною.

Иного до васъ, моего милостиваго благодѣтеля, писать не доволенъ, токмо единъ въ Тобольску при торгу остаюсь въ заѣздѣ, а вамъ слугою, Ульянъ Шестаковъ, іюня въ 15 день 1735 году».

Спиридону сдѣлали къ допросъ по пунктамъ. Ульяна Шестакова онъ Спиридонъ знаетъ ли? Ульяна знаю, а Шестакова не помню. Василія Деменьтьева знаетъ ли? Знаю: былъ у отца его сидѣльцемъ, и при взятьѣ его изъ Москвы держался въ коммиссіи. Тимофея Артемьева знаетъ ли? Не знаю... Знаю... въ медовомъ ряду сидѣлъ и держался въ коммиссіи. Были ль отъ нихъ письма? Не бывало. Не знаетъ ли Емельяна Шестакова? Такова имени нѣтъ, а есть Ульянъ Шестаковъ: онъ тоже держался въ коммиссіи. Потомъ читали ему письмо, и по прочтеніи спрашивали, что значатъ литеры: чье въ нихъ имя и прозваніе? Незнаю. Гдѣ имѣются келейные пожитки отца его и матери? Незнаю. Сунодъ предписалъ полиціймейстерскимъ канцеляріямъ въ С.-Петербургѣ и въ Москвѣ сдѣлать троекратное публичное съ барабаннымъ боемъ объявленіе, что ежели кто имѣетъ опаго разстриги Лупкина у себя въ поклажѣ на сбереженіе деньги, вещи или каковые пожитки или долги его, и тѣ бъ явились съ объявленіемъ безъ всякаго опасенія. Но на этотъ вызовъ никто не явился. Со всѣми этими показаніями Сунодъ отправилъ Лупкина въ Т. канцелярію для отсылки въ Охотскій острогъ [1]).

---

4) Лишенный священническаго сана (расопъ) Степанъ Васильевъ

Въ августѣ 1732 года лишенный сана священникъ Степанъ Васильевъ [2]) подалъ въ Сунодъ доношеніе: «сего августа 13 дня

---

[1]) Дѣла Архива Св. Синода, 1733 г. № 178. О дальнѣйшей судьбѣ Спиридона Лупкина въ Русск. Вѣстникѣ 1868 г. кн. 5, статья П. Мельникова: *Тайныя секты.*

[2]) Степанъ Васильевъ былъ священникомъ при церкви раѳонпцкаго дѣвичьяго монастыря новгородской губерніи; но, оставивъ церковь, убѣжалъ въ С.-Петербургъ и отправлялъ крестовую службу безъ указу; за это и за другія непотребныя дѣла онъ лишенъ былъ сана и, «по природѣ его», отосланъ въ приписный ковалевъ монастырь въ крестьянство; по оттуда бѣжалъ въ Кронштатъ, назывался священникомъ, служилъ, и когда былъ пойманъ, далъ на кронштадтскаго протопопа ложныя показанія. Въ этоже время онъ сдѣлалъ и приводимое нами показаніе, рѣшившее его судьбу.

по полудни часу въ осмомъ или девятомъ почью въ колодничей палатѣ, гдѣ я нижайшій содержуся, колодникъ распопа Петръ Іосифовъ, по многомъ со мною нижайшемъ преніи о нѣкоторыхъ церковныхъ вещахъ или поступкахъ, говорилъ такія рѣчи, «что де нынѣ, какъ Сунодъ начался, отъ Оедоса вездѣ въ Россіи архіереи и архимандриты польскіе, и во всемъ-де премѣненіе: прежде-де образамъ святыхъ свѣчь много ставили, а нынѣ-де по одной; и нищимъ Христа ради просить воспрещено». На которыя его рѣчи я нижайшій говорилъ: «оное-де творитъ св. Сунодъ не собою, но по правиламъ св. отцовъ и по указамъ блаженныя и вѣчно достойныя памяти Петра Перваго и по учиненному духовному Регламенту». На что онъ говорилъ: «не посмотрѣли-де на Регламентъ, какъ Оедоса за такія продерзости взяли». И по многимъ разговорамъ онъ же выговорилъ: «пора-де и всю Польшу отсюду вывесть». Въ тоже время караульный солдатъ, Тимофей Корнышовъ, называя меня еретикомъ и Оеодосу сообщникомъ, говорилъ; «вотъ-де и въ Москвѣ въ патріаршемъ домѣ у нихъ сочинена церковь двенадесяти апостоловъ, по подобію польскому, католицкая; мы де какъ въ Польшѣ были, всѣ-де по тому образцу церкви строены». О которыхъ рѣчахъ, какъ его распопа Петра, такъ и солдата Корнышева, въ то время за почною порою никому необъявлялъ, а на утро дневальному подъячему Боголюбову съ товарищемъ о вышеписанномъ объявилъ: по которому моему обявленію оный канцеляристъ велѣлъ мнѣ нижайшему вашему святѣйшеству доношеніемъ съ подлиннымъ изъясненіемъ, какъ было, и свидѣтельствомъ объявить. Того ради вашему святѣйшеству симъ моимъ доношеніемъ объявляю всенижайше, бояся себѣ за необъявленіе жестокаго истязанія, ежели кто донесетъ кромѣ меня, что со мною оный разговоръ былъ. Распопа Степанъ Васильевъ, 1732 году августа 16 дня».

Но это доношеніе, въ какихъ бы видахъ оно ни было сдѣлано, послужило во вредъ доносителю. Въ слѣдующемъ 1733 году Оеофанъ подалъ въ Кабинетъ донесеніе. «Между колодниками, при Сунодѣ обрѣтающимися, сидятъ два распопы, Степанъ да Петръ, самые злѣйшіе воры и не одной смерти достойные. Изъ которыхъ Степанъ прошлаго 1732 года въ среднихъ числахъ августа, подалъ доношеніе въ Сунодъ на другаго, упомянутаго Петра,

въ говоренныхъ отъ онаго Петра и солдата рѣчахъ, которыя, по моему мнѣнію, склоняются къ согласію подметнаго мятежнаго извѣстнаго пасквиля. А для чего чрезъ полугодичное число ничего о томъ въ Сунодѣ не сдѣлалось, вина есть канцелярская. Поселе сего февраля 12 дня, по нѣкоей причинѣ, впервые о томъ въ полномъ Сунода собраніи явилось. А въ упомянутыя августа числа, сказуютъ, будто доношеніе оное чтено при трохъ только членахъ, и ни какого о томъ тогдашняго опредѣленія въ протокольныхъ запискахъ не значится. Не безъ вины и то, что ворамъ, которымъ запрещено бумаги и чернила давать, свободно стало писать и подавать доношеніе безъ доклада сунодальнаго. Еще же и слѣдствіе въ тые же мѣсяца августа дни скоро произведено самою канцеляріею, а однакожъ досель никогда о томъ сунодальному собранію не предлагано. И о томъ ея императорскаго величества Кабинетъ что укажетъ? Смиренный Ософанъ архіепископъ новгородскій февраля 13 дня 1733 года».—Черезъ два дня Кабинетъ прислалъ въ Сунодъ увѣдомленіе, что 15 февраля ея величеству о томъ докладывано и ея величество изволила указать: оныхъ двухъ распоповъ и солдата, съ поданнымъ доношеніемъ и съ допросами, ежели имъ были, къ надлежащему изслѣдованію отослать въ Тайную канцелярію къ генералу Ушакову, о чемъ св. Сунодъ учинитъ по оному ея императорскаго величества указу [1]). По суду Т. канцеляріи Васильевъ битъ кнутомъ и съ вырѣзаніемъ ноздрей сосланъ въ Охотскъ въ работу вѣчно.

---

5) Продѣлки новгородскихъ подъячихъ. — Подметное письмо съ укоризною на Государыню и на Ософана, 1733 г.

Въ 1733 году явился еще новый пасквиль на Ософана. Подъячій новгородской губернской канцеляріи Осдоръ Морозовъ приказалъ другому подъячему Краснову переписать доношеніе въ Сенатъ объ иноземцѣ Меерѣ, и потомъ отдалъ ему для запечатанія. Пакетъ пошелъ по своему назначенію въ Сенатъ; но когда его вскрыли, то въ немъ, вмѣсто доношенія, оказался пасквиль на Государыню и на Ософана. Ушаковъ нарочно ѣздилъ въ Новгородъ

---

[1]) Дѣла Тайн. канц. 1733 г. № 33.

для разузнанія этого дѣла и 2 мая докладывалъ о немъ Государынѣ. Въ тоже самое время Оеофанъ, по какому то подозрѣнію, приказалъ арестовать своего секретаря Козьму Бухвостова. Мать и жена Бухвостова, заслышавши о его арестѣ, страшно перепугались. Жена заболѣла отчаянно. Мать бросилась въ Петербургъ умолять объ его освобожденіи. Оеофанъ склонился на мольбу и 13-го мая прислъ Ушакова освободить Бухвостова изъ подъ ареста.

Между тѣмъ дѣло Морозова и Краснова шло своимъ чередомъ. 24 апрѣля Государыня приказала Краснымъ розыскивать. Неизвѣстно, къ чему привелъ розыскъ; но вскорѣ послѣ него случилось обстоятельство, которое по томужъ дѣлу дало новую заботу Оеофану и Тайной канцеляріи.

По поводу ареста Бухвостова, вечеромъ 1 іюля 1733 года на житенномъ дворѣ въ Новгородѣ разговорились между собою тамошніе люди. Бывшій Ѳеофановъ дворецкій Василій Ѳедоровъ, пришедши въ келью къ житенному іеромонаху Іонѣ Свѣчину, встрѣтился тамъ съ подъячимъ Никитою Кондратьевымъ. Въ разговорѣ о разныхъ новостяхъ архіерейскаго дома, Кондратьевъ между прочимъ сказалъ, что Секретарь Бухвостовъ съ недѣлю былъ подъ арестомъ. Ѳедоровъ не нашелъ въ этомъ ничего особеннаго: «чтожъ въ томъ причины? Хоть заарестованъ былъ, да прощенъ и слава Богу». Кондратьевъ продолжалъ свое: «вѣдь онъ-де заарестованъ былъ не за себя, а за новгородскаго архіерея». Дворецкій не стерпѣлъ этихъ оскорбительныхъ для Ѳеофана словъ и заявилъ о томъ Свѣчину. Кондратьевъ, видя что дѣло плохо, началъ извиняться: «я-де говорилъ не отъ себя, а слышалъ отъ свойственниковъ Бухвостова, подъячаго Ефремова, да отъ домоваго дворянина Пустошкина». Услужливый Ѳедоровъ немедленно донесъ объ этомъ Оеофану, а Ѳеофанъ приказалъ своему судьѣ, архимандриту Андронику, разслѣдовать дѣло и на случай опечатать дворы Кондратьева, Ефремова, Пустошкина и Бухвостова. Монаха Іону Свѣчина приказано было допросить, почему онъ самъ не далъ объ этомъ знать. Назначивши къ слѣдованію этого дѣла Андроника, Оеофанъ сдѣлалъ предостереженіе на счетъ секретаря новгородскаго архіерейскаго разряда, Михаила Литвинова, чтобы его, какъ давно подозрительнаго человѣка, къ слѣдова-

шію не допускать. Ософанъ просто опасался стачки, потому что жена Литвинова была родная сестра Бухвостову.

Но домашняго слѣдованія показалось Ософану недостаточно. Онъ передалъ дѣло въ Тайную канцелярію. «Незабвенно превосходительству вашему—писалъ онъ къ Ушакову—какъ не въ давнемъ времени секретарь мой Козма Бухвостовъ, по извѣстному вамъ секретному дѣлу, впавъ въ подозрѣніе (которое мною вамъ показано), былъ нѣсколько дней за арестомъ Тайной канцеляріи. А послѣ того писано ко мнѣ изъ Новгорода, что тамо нѣкіи изъ нашихъ же служителей произнесли попосительныя на меня рѣчи, сказуя, что секретарь Бухвостовъ за арестомъ былъ не за себя, но за архіерея — меня спрѣчь, что̀ и слѣдованіемъ показалось. Имѣлось сіе дѣльцо, яко партикулярное, окончиться моею резолюціею; но приходитъ мнѣ въ разсужденіи того важный нѣкій догадъ, къ самому дѣлу извѣстному (для котораго превосходительство ваше походомъ въ Новгородъ трудился) надлежащій: а именно въ подметномъ на укоризну ея императорскаго величества письмѣ написана и на меня нѣкая клевета, вашему благородію извѣстная. Только же когда явилось тое на меня злорѣчіе, будто секретарь Бухвостовъ не за себя, но за меня заарестованъ, размышлялъ я (если помысломъ не ошибаюсь): который таковую Бухвостова арестованія причину сказалъ, вѣдаетъ о вышепомѣнованномъ подметномъ письмѣ, и если не самъ тое сочинилъ, то либо сочинителя знаетъ, либо слѣдъ въ себѣ имѣетъ. Тако ли то дѣется, я не утверждаюсь; однакожъ вашему превосходительству о семъ не повѣстить казалось моей совѣсти противно. А который дѣла сего экстрактъ присланъ мнѣ изъ Новгорода, тотъ при семъ вамъ, государю моему, сообщаю. 30-го іюля 1733 года». Тайная канцелярія арестовала Кондратьева, но ничего отъ него не вывѣдала.

Дѣло въ допросахъ новгородскихъ канцеляристовъ тянулось съ полгода, какъ одинъ подъячій подлилъ новаго масла въ огонь. Въ 1734 г. янв. 12 коммиссаръ невскаго монастыря, Василій Литвиновъ, явившись къ Ушакову, объявилъ, что, по приложной своей вѣрности, желаетъ услужить ея величе́ству, и просилъ показать ему новгородское пасквильное письмо: не узнаетъ ли онъ, чьею рукою оно писано. У него, разумѣется, спросили: почему онъ знаетъ объ

этомъ письмѣ? Литвиновъ сказалъ, что въ прошломъ году въ Кабинетѣ ея величества онъ встрѣтилъ секретаря новгородской канцеляріи Богдана Зеленина. Литвиновъ спросилъ: зачѣмъ онъ въ Кабинетѣ? Зеленинъ сказалъ, что его призывали и показывали ему подметное письмо, которое прислано изъ Новгорода въ С.-Петербургъ по почтѣ, и онъ, Зеленинъ, смотрѣлъ, а руки не могъ признать.—Литвинову показали письмо. Подумавши не много, онъ сказалъ, что пришло ему въ память подметное письмо на Якова Римскаго-Корсакова, о которомъ онъ слѣдовалъ: — оговорка въ сочиненіи его была въ ту пору на новгородскихъ дворянъ Путилова, Кушелева, Аничкова и Мордвинова. Первые трое уже умерли, а Мордвиновъ еще живъ. Кромѣ того думаетъ онъ на сына Аничкова, Григорія; и наконецъ указалъ на родственника своего, Семена Бухвостова, который съ новгородскими дворянами, съ приказными губернской канцеляріи и съ посадскими людьми, всегда дружеское обхожденіе имѣетъ и по остротѣ своей способенъ ко всякимъ дѣламъ. Семенъ Бухвостовъ былъ прежде коммиссаромъ у акцизнаго сбора на Ладожскомъ каналѣ, а теперь жилъ въ новгородской деревнѣ своей, Третьяковой, близъ рѣчки Сяси. Тайная канцелярія послала арестовать его, все въ домѣ его описать и опечатать. Но слѣдствіе ничего не открыло.

Дѣло долго длилось и наконецъ обрушилось на головы первыхъ заподозрѣнныхъ въ немъ лицъ—Кондратьева и Морозова. Кондратьева отослали въ новгородскую губернскую канцелярію для публичнаго наказанія кнутомъ; а Морозовъ, послѣ пытокъ и истязаній, въ 1735 году 11 ноября сосланъ въ Охотскъ на житье вѣчно.

XXIV.

Постановленія объ устроеніи монашества.

Частію въ связи съ ходомъ розысковъ о подметномъ письмѣ, частію независимо отъ нихъ, въ связи съ общимъ движеніемъ, возбужденнымъ церковною реформою, въ концѣ 1733 года нача-

лось огромное, около 20 лѣтъ тянувшееся, дѣло о саровскихъ и берлюковскихъ монахахъ.

Монашество издавна безпокоило гражданское и духовное правительство своею распущенностію. Слабый надзоръ за монахами и своевольные переходы ихъ изъ монастыря въ монастырь открывали просторъ всякимъ злоупотребленіямъ. Чтобы прекратить ихъ, сколько возможно, св. Сунодъ въ 1732 году 31 августа издалъ указъ, чтобы въ монастыряхъ завесть переписныя книги, въ которыя вписать всѣхъ монаховъ съ обозначеніемъ имени, мѣста и времени постриженія и посвященія въ церковныя степени, кто ихъ имѣетъ. Книги эти должны быть въ трехъ экземплярахъ: одинъ долженъ храниться въ монастырѣ, другой—въ архіерейскомъ приказѣ и третій—присылаться въ Сунодъ. Но самое важное распоряженіе состояло въ закрѣпленіи монашествующихъ въ тѣхъ монастыряхъ, въ которыхъ засталъ ихъ указъ, если только они были въ немъ не случайными посѣтителями, жившими временно по дѣламъ своего монастыря или по какой другой, уважительной надобности. На счетъ будущей администраціи монастырей въ указѣ сказано, что епархіальный архіерей можетъ переводить монаховъ изъ одного монастыря въ другой для священнослуженія, гдѣ въ священнослужителяхъ скудость, или для экономическаго управленія и для другихъ важныхъ нуждъ; но переводимый долженъ получить на это грамоту, и въ новомъ монастырѣ подлежитъ всѣмъ вышеписаннымъ правиламъ, какъ подлежалъ и въ прежнемъ монастырѣ. Вмѣстѣ съ этимъ пресѣкались и переходы монаховъ изъ одной епархіи въ другую. Монастырскій настоятель не имѣетъ права послать своего монаха безъ паспорта и позволенія своего архіерея ни за какими нуждами. Если-же для какой нужды понадобится монахъ изъ другой епархіи, то настоятель доноситъ о томъ своему архіерею, а архіерей долженъ снестись съ архіереемъ той епархіи и просить его объ отпускѣ требуемаго монаха. Въ настоятельскихъ и архіерейскихъ паспортахъ обозначать, куда посланъ монахъ и срокъ его возвращенію. Если-же посланный явится не на томъ мѣстѣ, куда посланъ или и на томъ мѣстѣ, но послѣ срока, то его почитать за бѣглеца, брать и представлять начальству. Также поступать и съ тѣми, которые безъ помянутыхъ причинъ, хотя и не въ дальныхъ мѣстахъ

безчинно бродить начнутъ, то есть пьянствуя, кощунствуя, задираясь, или въ зазорныхъ мѣстахъ квартировать или часто бывать станутъ. Настоятель не долженъ пришлыхъ монаховъ укрывать, а еслибы онъ осмѣлился на это, то старшіе братія должны доносить на него въ духовныхъ правительствахъ. Вообще братія должны держать контроль надъ распоряженіями и дѣйствіями своего настоятеля и, если-бы онъ дѣлалъ что противозаконное, доносить на него своему архіерею; если-же архіерей не сдѣлаетъ никакого распоряженія, то—св. Сѵноду. О сбѣжавшихъ монахахъ архіерей долженъ объявить указами по всей епархіи съ описаніемъ ихъ примѣтъ, и кто пойманъ будетъ, тѣхъ отсылать въ свѣтскій судъ для учиненія гражданскаго наказанія—въ вѣчное житье на сибирскіе горные заводы; если-жъ въ епархіи не окажется, то доносить въ Сѵнодъ, а изъ Сѵнода посланы будутъ о томъ указы во всѣ епархіи съ описаніемъ такихъ же примѣтъ.

Указъ этотъ, естественно, долженъ былъ встревожить весь монашескій міръ. Настоятели не могли быть спокойны, потому что постригали многихъ въ монахи противъ указовъ — несовершеннолѣтнихъ, мужей отъ живыхъ женъ, крестьянъ, неполучившихъ увольненія отъ помѣщиковъ, бѣглыхъ солдатъ, которые еще числились въ своихъ полкахъ. Какъ все это показать въ табеляхъ? Но не меньше онъ тревожилъ и самыхъ монаховъ, постриженныхъ такимъ образомъ. Если ихъ возвратятъ только въ прежнее званіе, то конечно напередъ подвергнувъ заслуженному наказанію; а можетъ статься и того хуже—пошлютъ въ Сибирь на работы. Виды не очень пріятные.

Монастыри и монахи страшно перепуганы были этимъ указомъ; потому что изъ настоятелей ни одинъ не былъ совершенно чистъ отъ незаконныхъ постриженій; а изъ братства на большую половину было постриженныхъ неправильно. И чего только они ни дѣлали, на что не рѣшались, чтобы выпутаться изъ бѣды?

---

1) Зварыкинъ.—Отступничество его отъ Христіанства и сношенія съ нечистымъ духомъ. — Странствованіе по монастырямъ и вступленіе въ саровскую пустынь.—Арестъ саровцевъ.

Одинъ изъ этого множества, самовольно надѣвшій на себя

монашеское платье, спасая себя, затѣялъ такую исторію, которая въ это страшное время убила и надломила множество жизней.

Въ 1733 году, 13 декабря, къ Іоакиму архіепископу ростовскому [1]) пришелъ саровскій монахъ Георгій, и подалъ прошеніе, въ которомъ выставлялъ себя замученнымъ совѣстію грѣшникомъ, отступникомъ отъ Христіанства, и просилъ о принятіи его въ покаяніе и объ умиреніи его души. «Въ 1724 году согрѣшилъ я окаянный, отвергся Христа, а въ 1725 году въ томъ моемъ согрѣшеніи покаялся. Отецъ духовный далъ мнѣ заповѣдь не причащаться цѣлую жизнь—до смерти, и я грѣшникъ хранилъ эту заповѣдь и по-нынѣ; только въ нынѣшнемъ 1733 году, находясь въ болѣзни при смерти, сподобленъ причастію, но запрещеніе осталось по прежнему. И я грѣшный вельми стужаемъ и спѣдаемъ отъ совѣсти моея, и едва не прихожу въ отчаяніе спасенія моего». Объяснивши свое безотрадное состояніе, Георгій просилъ Іоакима успокоить его пастырскимъ разсужденіемъ. Іоакимъ отослалъ просителя, вмѣстѣ съ его письмомъ, въ синодальную канцелярію, чтобъ взять съ него подробное показаніе. Въ канцеляріи почему-то нашли нужнымъ обыскать Георгія; однакожъ никакихъ писемъ и *кореньевъ* у него не оказалось. Послѣ того у него потребовали подробнаго и обстоятельнаго показанія.

Георгій написалъ: «отъ роду ему 26 лѣтъ, въ мірѣ звали его Григоріемъ. Отецъ его Абрамъ Никитинъ служилъ въ драгунахъ и убитъ на службѣ подъ Полтавою; послѣ смерти отца, онъ остался двухъ лѣтъ при матери своей, въ костромскомъ уѣздѣ, въ сельцѣ Погорѣлкахъ. Мать, съ помощію сосѣдняго дьячка, обучила его грамотѣ, а потомъ, съ помощію плѣнныхъ шведовъ, латинскому и нѣмецкому языкамъ и ариѳметикѣ; изъ материнскаго дому онъ уѣзжалъ гостить къ родственникамъ своимъ, чаще всѣхъ къ дядямъ—стольнику В. И. Каотыреву, къ лей-

---

[1]) Сунодъ и Тайная канцелярія, по отбытіи въ С.-Петербургъ въ 1732 г., оставили въ Москвѣ свои конторы, которыя, наблюдая и разбирая слѣдуемыя въ нихъ дѣла, за окончательнымъ рѣшеніемъ ихъ относились въ С.-Петербургъ, въ свои высшія инстанціи. Въ сунодальной конторѣ предсѣдательствовалъ ростовскій архіепископъ Іоакимъ; конторой Тайной канцеляріи завѣдывалъ графъ С. А. Салтыковъ.

тенанту гвардіи Д. С. Каотыреву и мундшенку двора его императорскаго величества И. Г. Зварыкину. Въ 1724 году пріѣхалъ онъ къ В. И. Каотыреву, въ Москву, для пріисканія мѣста, и разъ какъ-то шелъ, задумавшись, по каменному мосту чрезъ Москву рѣку. Вдругъ его останавливаетъ незнакомый человѣкъ. «О чемъ ты задумался? Ты, кажется, нездоровъ»? Зварыкинъ, вмѣсто отвѣта, спросилъ у него: кто ты такой? «Я мельникъ адмиральской вотчины» отвѣчалъ незнакомецъ. Зварыкинъ объяснилъ ему, что онъ точно нездоровъ и показалъ ему вередъ (нарывъ) на головѣ, за ухомъ, по прибавилъ, что онъ лечится и беретъ лекарства изъ аптеки. «Съ аптекой не вылечишься — сказалъ незнакомецъ; — а вотъ я знаю такого человѣка, который только присыплетъ травкой и все какъ рукой сниметъ». Послѣ этихъ словъ Григорій и пошелъ съ мельникомъ за Москву рѣку. Мельникъ привелъ его къ слѣпому старику, который, осмотрѣвъ вередъ, присыпалъ его толченой травой, а сверху положилъ пластырь. Спустя съ недѣлю, вередъ его сталъ заживать. Григорій опять пошелъ къ старику поблагодарить его. Старикъ спросилъ: «здѣшній ты или пріѣзжій»? Григорій отвѣчалъ: пріѣзжій изъ Костромы; живу у дяди и пріискиваю мѣстечко. «Хочешь-ли, чтобъ до тебя люди были добры»? Какъ не хотѣть. «Возьми ты этотъ мешечекъ съ кореньями, и носи его на шнуркѣ, гдѣ крестъ носишь».

Дядя нашелъ ему мѣсто у графа Санѣія по письменной части и для изученія геральдики. Когда графъ уѣхалъ въ С.-Петербургъ, то велѣлъ и ему пріѣзжать за собой. Передъ отъѣздомъ, Зварыкинъ зашелъ опять къ слѣпому старику и сказалъ ему, что собирается въ Петербургъ, а отъ кореньевъ пока мало пользы. «На это я скажу тебѣ вотъ что — отвѣчалъ старикъ: — коли ты ѣдешь въ С.-Петербугъ, то коренье схорони здѣсь; а какъ пріѣдешь въ С.-Петербугъ, то выйди ты ночью на первый перекрестокъ одинъ и скажи вслухъ: хочу идти къ нѣмчину Вейцу. Какъ только ты проговоришь это, тотчасъ явятся къ тебѣ двое и отведутъ къ Вейцу, а Вейцъ сдѣлаетъ тебѣ все, чего ты захочешь». Пришедши домой, онъ ночью потихоньку снялъ съ шеи коренья, положилъ въ бересту и бережно зарылъ подъ воротами въ землю; а на другой день уѣхалъ въ С.-Петербургъ. Прибывши

туда, онъ остановился на квартирѣ у одного знакомаго и, спустя день или два, вышелъ ночью на условный перекрестокъ и сказалъ заповѣдныя слова. Тотчасъ явились ему *двое*, которые сказались Вейцовыми слугами, и повели его какимъ-то садомъ къ Вейцу. Когда его привели въ домъ къ Вейцу, Зварыкинъ узналъ его и поклонился. «За чѣмъ ты ко мнѣ пришелъ»? спросилъ Вейцъ. Зварыкинъ отвѣчалъ, что его послалъ къ нему московскій слѣпой старикъ, обнадеживая тѣмъ, что Вейцъ сдѣлаетъ, что къ нему люди будутъ добры. Вейцъ отвѣчалъ, что онъ готовъ сдѣлать все, по его желанію, только съ условіемъ, если онъ отречется отъ Христа. Зварыкинъ страшно испугался этихъ словъ и хотѣлъ выдти вонъ изъ комнаты; но Вейцъ взялъ его за руку и сталъ успокоивать: «чего ты испугался, не бойся ничего; твоей братьи перебывало у меня больше тысячи, и всѣ довольны мною». Сказавши это, онъ далъ ему мешечекъ съ серебрянымъ замочкомъ: «вотъ тебѣ—говоритъ—тысяча червонныхъ, возми себѣ и употребляй на что хочешь». Пока Зварыкинъ держалъ въ рукѣ червонцы, Вейцъ развязалъ у него галстухъ и, неистово схватя съ его шеи серебряный крестъ, взялъ къ себѣ, а ему велѣлъ положить червонцы въ карманъ. «Быть ужъ такъ—сказалъ Зварыкинъ—что на этомъ свѣтѣ жить по вашей волѣ, чтобъ было за что въ будущемъ вѣкѣ муку терпѣть». Послѣ того Вейцъ велѣлъ ему проговорить за собой: «отрицаюсь Христа и покаянія и готовъ послѣдовать сатанѣ и творить волю его». Зварыкинъ написалъ эту клятву на бумагѣ, и подписалъ подъ нею свое имя кровью, которую Вейцъ пустилъ ему изъ правой руки большой булавкой. Вейцъ запретилъ ему креститься и читать молитвы; потомъ позвалъ его во внутреннія покои, велѣлъ подать напитковъ и поздравлялъ,—и пили много, такъ что Зварыкинъ напился до безпамятства и почевалъ у Вейца.

Послѣ того, живя въ Петербургѣ, онъ въ церковь не ходилъ, а только для виду ставалъ подлѣ церкви, и крестнаго знаменія на себѣ не изображалъ, а только для виду рукой махалъ. Ходилъ къ нѣмчину и бралъ денегъ, сколько ни требовалъ, и издерживалъ все на распутную жизнь. Вейцъ обучалъ его иностраннымъ языкамъ и геральдикѣ, и говорилъ: «еслибъ ты послѣдовалъ моей волѣ неусыпительно и постоянно, то я сдѣлалъ-бы тебя и знат-

нымъ и богатымъ, и далъ-бы тебѣ въ услуженіе двоихъ бѣсовъ». Григорій просилъ, чтобъ онъ далъ ему бѣсовъ. Вейцъ позвалъ бѣсовъ и приказалъ, чтобъ они во всемъ были ему послушны и, какъ онъ ихъ потребуетъ вслухъ, то-бъ явились ему въ человѣческомъ образѣ. Послѣ этого бѣсы во всемъ прислуживали ему, приносили ему пищу и питье, какихъ онъ ни потребуетъ, только не днемъ, а ночью, и ту пищу употреблялъ онъ одинъ, а тѣ бѣсы съ нимъ не ѣдали и не пили. Гдѣ они все это брали, того онъ не знаетъ; думаетъ что у Вейца. Когда посылалъ ихъ куда нибудь съ письмами, или съ словеснымъ порученіемъ, они исполняли все чрезвычайно скоро, почти въ то же время, какого требовалъ какой разговоръ. Если онъ хотѣлъ куда ѣхать, бѣсы приводили къ нему лошадей и людей; только, не доѣзжая до того мѣста, куда нужно, онъ тѣхъ лошадей оставлялъ, а хаживалъ одинъ. Онъ полагаетъ, что въ образѣ лошадей были бѣсы. Кто такой былъ Вейцъ и какъ зовутъ его, не знаетъ; бѣсы называли его княземъ.—Разъ, за обѣдомъ у хозяина дома, гдѣ жилъ Зварыкинъ, зашелъ разговоръ о священныхъ предметахъ и пробудилъ въ немъ заснувшую совѣсть. Послѣ того выпросился онъ у графа Саптія въ деревню. Въ святки 1725 года гостили они съ матерью у брата ея, В. И. Каотырева, и жили до масляницы 1726 г. Въ великомъ посту онъ исповѣдался въ своемъ селѣ и объявилъ священнику свой грѣхъ. Пробудившаяся совѣсть напала на него съ ужасною силою, такъ что онъ рѣшился вступить въ монашество. Купивши въ ряду черпеческое платье и не сказавшись матери, онъ поѣхалъ будто на богомолье въ Кіевъ и, доѣхавъ до Калуги, встрѣтился съ іеромонахомъ Іоанномъ, который назвался черкашениномъ, монахомъ богородицкой пустыни, что близь Путивля, и сказалъ, что ѣдетъ въ Кіевъ. Зварыкинъ поѣхалъ съ нимъ; по дорогой такъ заболѣлъ, что находился при смерти. Въ деревенской избѣ, гдѣ они остановились, Іоаннъ постригъ его въ монашество и назвалъ Георгіемъ; но въ Сѣвскѣ оставилъ его больнаго, а самъ поѣхалъ въ Кіевъ. Оправившись отъ болѣзни, Георгій сталъ ходить по монастырямъ и проситься на житье; но его ни гдѣ не принимали, потому что у него не было ни пасспорта, ни указа о постриженіи. Въ мартѣ 1728 года, онъ явился въ московской дикастеріи и просилъ опредѣлить его въ саровскую или флорище-

ву пустынь, гдѣ онъ бывалъ уже во время своего странствованія. Дикастерія дала ему указъ на жительство во Флорищевой пустыни. Но, не проживши года, онъ выпросился у строителя Іероѳея въ саровскую пустынь и просилъ іеромонаха Іосію (который, за отбытіемъ строителя Іоанна въ Москву, правилъ дѣлами той пустыни) принять его. Іосія согласился. Зарыкинъ оставался тамъ до 1731 г. Въ этомъ году, пріѣхавши въ Москву, принятъ былъ, по просьбѣ своихъ родственниковъ, духовникомъ Императрицы, сергіевскимъ архимандритомъ Варлаамомъ, и жилъ при его кельяхъ нѣсколько мѣсяцевъ, а потомъ опять уѣхалъ въ саровскую пустынь. Здѣсь, однакожъ, онъ не нашелъ себѣ покоя. Бывши, вскорѣ послѣ того, въ Москвѣ по монастырскимъ дѣламъ, онъ вспомнилъ о своемъ мешечкѣ, досталъ его изъ земли и взялъ съ собою; но, пришедши въ чувство, объявилъ о томъ своему духовному отцу. Духовный отецъ велѣлъ ему бросить мешечекъ въ рѣку. Но это его не успокоило. Георгій съ грустію вспомнилъ о предложеніи Вейца — дать ему способъ уѣхать въ Италію. Въ это время, взглянувъ въ окно, онъ увидалъ Вейца и старыхъ знакомыхъ бѣсовъ, которые прежде ему прислуживали. Вейцъ сталъ прельщать его льстивыми словами. Георгій, склонившись на эту приманку, просилъ, чтобъ дали ему способъ уѣхать въ Италію, или возвели его въ почетную монашескую должность. Бѣсы потребовали, чтобы онъ возобновилъ свое отреченіе отъ Христа. Зарыкинъ согласился и хотѣлъ-было кощунственно попрать икону, но явившійся старецъ возбранилъ ему. Зарыкинъ испугался и упалъ замертво. И много бѣсовскихъ страшилищъ являлось ему, и по долгу бывалъ онъ безъ памяти, и бивали и давили его бѣсы, и съ лѣстницы сталкивали и на воздухъ подымали. Все это открывалъ онъ на исповѣди отцу своему духовному, Іосіи Самгину, а съ отбытіемъ его (въ октябрѣ 1731 г.) въ берлюковскую пустынь, другому саровскому іеромонаху, Дороѳею. Теперь онъ (Георгій) находится въ Москвѣ, съ саровскимъ іеромонахомъ Іоанномъ, по монастырскимъ дѣламъ и, заявляя о своемъ грѣхопаденіи, по приказанію отца своего духовнаго, проситъ у е. и. в. милосердія, а у св. Синода милостиваго разсужденія, чтобъ повелѣно было ему окончить жизнь въ покаяніи, въ саровской пустыни, потому что онъ весь дряхлъ и скорбенъ».

Сѵнодальная канцелярія сдѣлала, по его показанію, розыскъ: кто такой слѣпой старикъ и гдѣ находится домъ, въ которомъ онъ жилъ? Но ни дома, ни старика не оказалось на томъ мѣстѣ, гдѣ Зварыкинъ показывалъ. Сѵнодальная канцелярія спрашивала у Сѵнода, какъ вести это дѣло, которое кажется не маловажнымъ? Но прежде чѣмъ получено было изъ Сѵнода рѣшеніе, Зварыкинъ сдѣлалъ новыя показанія. Онъ показалъ записку, писанную рукою берлюковскаго іеромонаха Сильвестра, по которой берлюковскій строитель Іосія приказалъ имъ—Сильвестру, ему—Зварыкину, іеромонаху Іакову, да монаху Боголѣпу, когда они жили еще въ саровской пустынѣ, отправлять церковное правило. Въ этой запискѣ, послѣ перечня святыхъ угодниковъ, которымъ полагалось по одному или по два земныхъ поклона, велѣно было класть поклонъ св. велшкому угоднику Божію Тимоѳею Архиповичу. Къ этому Зварыкинъ прибавилъ, что «названные выше монахи поспли, въ шейныхъ крестахъ своихъ, въ воску и въ платныхъ частицахъ, власы, называя ихъ святыми мощами великаго угодника Божія Тимоѳея Архиповича, и образы его у себя имѣли, написанные съ вѣнцомъ на бумагѣ. И я грѣшный клалъ поклонъ по означенному писанію».

Берлюковская пустынь находится въ московской губерніи, въ 40 верстахъ отъ Москвы, лежитъ при рѣкѣ Ворѣ, впадающей въ Клязьму, и со всѣхъ сторонъ окружена лѣсомъ. Въ ту пору, къ которой относится нашъ разсказъ, строителемъ ея былъ іеромонахъ Іосія, постриженникъ саровской пустыни. Не прошло еще трехъ лѣтъ, какъ онъ перешелъ изъ саровской пустыни въ берлюковскую, взявши съ собой іеромонаховъ Сильвестра и Іакова. Въ саровской пустыни они жили вмѣстѣ съ Зварыкинымъ, а Іосія, кромѣ того, былъ духовнымъ отцомъ Зварыкину.

Іосія и берлюковскіе монахи, заслышавши, что Зварыкинъ за какое-то показаніе содержится въ сѵнодальной канцеляріи, страшно перепугались—не открылъ бы онъ объ нихъ чего нибудь «годнаго къ истязанію». Всѣ они знали, что живутъ въ страшное время, особенно для монаховъ, что не было ничего легче, какъ попасть въ «Тайную», и нѣтъ ничего трудпѣе, какъ выдти изъ нея. А между тѣмъ знали за собою не мало грѣшковъ. У Іосіи сердце чуяло, что его сгубятъ показанія сумазброднаго Зварыкина.

кина. Онъ рвался и метался, какъ рыба, попавшаяся на крючокъ. Сердце говорило не доброе. Зварыкинъ выдастъ ихъ. Какъ спастись, какъ миновать страшной канцеляріи? Іосія ужъ не первый годъ живетъ на бѣломъ свѣтѣ. Въ запасахъ его опытности нашелся мудрый, какъ ему показалось, совѣтъ: прежде чѣмъ сдѣлаться отвѣтчикомъ, самому сдѣлать доносъ на своего противника.

Зварыкинъ говорилъ ему на духу, будто онъ хотѣлъ съ своими товарищами известь блаженной памяти Петра Перваго: не донесть-ли объ этомъ?—спрашивалъ онъ у Сильвестра.—«Чего лучше», отвѣчалъ Сильвестръ. Іосія написалъ доношеніе и поѣхалъ къ Салтыкову для поданія. Но прежде, чѣмъ явиться къ Салтыкову, онъ зашелъ къ князю Ивану Одоевскому, вкладчику берлюковскому, и разсказалъ ему о своемъ намѣреніи. Одоевскій не совѣтовалъ доносить объ этомъ: «на духу сказано и дѣло опасное». Іосія зашелъ было къ Макарову (бывшему кабинетъ-секретарю), но не засталъ его дома, поговорилъ только съ женой: та не нашлась ничего посовѣтовать ему. Такъ это намѣреніе и было покинуто. Взамѣнъ этого, Іосія рѣшился выдать Зварыкина, какъ чародѣя и безбожника. Онъ подалъ въ синодальную канцелярію доношеніе, что въ саровской-де пустыни есть бумаги, писанныя рукой Зварыкина, о его отреченіи отъ Бога и о покаяніи.

Синодальная канцелярія сообщила объ этомъ дѣлѣ конторѣ Тайной канцеляріи; а контора приказала арестовать Зварыкина, вытребовать изъ берлюковской пустыни строителя Іосію съ Сильвестромъ, Іаковомъ и Боголѣпомъ, а изъ саровской — Іоанна; да съ нимъ же взяли бывшаго въ Москвѣ саровца іеромонаха Ефрема; наконецъ, по ихъ показаніямъ, взяли еще крестьянъ Ивана и Максима Щелягиныхъ.

Контора Тайной канцеляріи отправила въ саровскую пустынь солдатъ для взятія бумагъ, на которыя указалъ Іосія. При обыскѣ въ алтарѣ, подъ поломъ, найдены слѣдующія вещи: 1) нѣсколько бумагъ, писанныхъ рукой Георгія и заключавшихъ въ себѣ его отреченія отъ Бога и покаяніе въ немъ и въ данномъ бѣсамъ рукописаніи. Одно изъ этихъ отреченій написано углемъ, другое кровью, для того, какъ показывалъ Георгій, что бѣсы стужали ему о томъ непрестанно и обѣщали произвесть его въ архимандриты новоспасскаго монастыря. 2) Разрѣшительное

письмо Іосіи Георгію во всѣхъ его грѣхахъ. Іосія показалъ, что онъ далъ его Георгію для того, чтобы онъ не пришелъ въ отчаяніе и не ушелъ изъ пустыни. 3) Тетради, писанныя іеромонахомъ Сильвестромъ о Георгіѣ Зарыкинѣ, подъ названіемъ: «повѣсть душеспасительная о бывшихъ ему видѣніяхъ Іоанна Предтечи и Тимоѳея Архіепископа». 4) Тетради о монашествѣ, сочиненія Родышевскаго. Въ кельяхъ строителя Іоанна нашли печатный манифестъ о царевичѣ Алексѣѣ Петровичѣ, 1718 г., февраля 3-го дня, и печатную жъ книгу: «правда воли монаршей, 1722 г., августа 17 дня». Іеромонахъ Іоаннъ показалъ, что обѣ книги его — купленныя, а не объявилъ о нихъ, гдѣ надлежало по указу, отъ старости своей, въ забвеніи, понеже отъ роду ему близко 70 лѣтъ (ему было 63 года).

Самымъ важнымъ дѣломъ показались тетради о монашествѣ. Они сближали дѣло Зарыкина съ дѣломъ Родышевскаго. Зарыкинъ показалъ, что въ бытность его въ саровской пустыни, Іосія и Сильвестръ читали при нихъ тетради о монашествѣ и, прочтя, Іосія говорилъ имъ: «конечно, въ Россіи не подобаетъ быть св. Сѵноду, а надлежитъ быть святѣйшему патріарху»; выборъ ихъ падалъ на архимандрита Варлаама; «а что вотчины вкладъ въ монастырь давать запрещено, и то весьма противно волѣ Божіей учинено; а во оныхъ тетрадѣхъ писано только то едино, что Господу Богу вельми угодно и всѣмъ людямъ весьма полезно, и надобно-де всякому человѣку за оное стоять крѣпко, такъ что, ежели какой случай позоветъ, и живота своего не щадить, и ежели кто постраждетъ, то съ мученики причтенъ будетъ». На это всѣ монахи единогласно сказали: «и мы за оныя тетради смерть примемъ». А Іаковъ сказалъ: «дай Боже тому спасенья, кто о семъ попекся и оныя тетради написалъ».

Откуда и какъ тетради о монашествѣ попали въ саровскую пустынь? Іосія показалъ, что въ 1730 году саровскій строитель Іоаннъ, бывши въ Москвѣ, прислалъ ихъ оттуда въ нему, съ монахомъ Аарономъ, для списыванья и наказалъ, чтобы, какъ спишутъ, прислать ихъ къ нему поскорѣе назадъ. Іосія, правившій монастыремъ въ отсутствіе Іоанна, отдалъ ихъ для списыванья Зарыкину и Сильвестру, а тѣ пригласили съ собой еще іеромонаха Ефрема и іеродіакона Оеофилакта. Послѣ того, когда онъ,

Іосія, собрался въ Москву, Сильвестръ принесъ къ нему списанныя тетради и спрашивалъ: «куда-де мнѣ дѣть ихъ — я-де вижу въ нихъ некакую непользу», Іосія отвѣчалъ ему: «коли ты видишь въ нихъ какую непользу, положи ихъ куда нибудь къ сторонѣ». Сильвестръ, не сказавши ни слова, принесъ къ нему деревянное дупло и говорилъ, чтобъ онъ, Іосія, положилъ то дупло гдѣ знаетъ, а въ томъ-де дуплѣ письма, а какія—не сказалъ. Іосія, взявши дупло, зарылъ его въ землю въ саровской церкви, въ алтарѣ подъ поломъ.

Никто изъ переписчиковъ не запирался въ своей работѣ Строитель Іоаннъ также объявилъ, что онъ взялъ тетради у Щелягиныхъ для чтенія, и смотрѣлъ ихъ сначала и въ срединѣ по немногу, а внятно не читалъ и, спустя съ недѣлю, отослалъ ихъ къ Іосіи, а по присылкѣ отъ него, опять отдалъ ихъ Щелягинымъ. Максимъ Щелягинъ показалъ, что ему тетради о монашествѣ далъ Маркеллъ Родышевскій тому года съ три или больше, какъ онъ былъ въ Симоновѣ монастырѣ у обѣдни, и послѣ обѣдни, ходя по кельямъ, подавалъ монахамъ милостыню и пришелъ, гдѣ жилъ онъ Родышевскій и подалъ ему милостыню; а Родышевскій, принявъ милостыню, далъ ему означенныя тетради и сказалъ, что «эти тетради о монашествѣ; ты ихъ прочти» И тетради онъ, Максимъ, спроста у него взялъ, и принесъ домой, а прочесть не успѣлъ. Этой порой пришелъ къ нему іеромонахъ Іоаннъ просить на монастырскія потребы и, увидавъ у него тѣ тетради, спросилъ: «какія это тетради?» Максимъ отвѣчалъ, какъ говорилъ ему Родышевскій, что это тетради о монашествѣ. Послѣ того строитель сталъ просить ихъ себѣ для прочтенія. Максимъ, не говоря ни слова, отдалъ ихъ Іоанну и просилъ только возвратить, когда прочитаетъ.

Спросили Родышевскаго: какъ онъ знакомъ со Щелягинымъ и гдѣ видѣлся съ нимъ? Родышевскій отвѣчалъ, что видѣлся съ нимъ въ Симоновѣ у сосланнаго туда изъ Кіева въ 1722 году, іеромонаха Димитрія. Кто такой этотъ Димитрій? Родышевскій отвѣчалъ, что онъ родомъ кіевлянинъ, а откуда и по какому дѣлу сосланъ былъ въ Симоновъ, того не знаетъ. Въ разговорахъ Максимъ спрашивалъ: не сочинялъ-ли онъ Родышевскій возраженія противъ двухъ изданныхъ указовъ о монашествѣ? И ког-

да онъ отвѣчалъ, что сочинилъ, то Макепмъ просилъ тѣхъ тетрадей себѣ для прочтенія. Родышевскій велѣлъ сдѣлать для него списокъ симоновскому іеромонаху Клеопѣ.

Надо замѣтить, что одинъ изъ Щелягиныхъ, Иванъ, въ это время содержался въ Тайной канцеляріи по дѣлу о пашквилѣ Іоны на Ѳеофана. Іона въ своихъ показаніяхъ объявилъ между прочимъ, что Щелягинъ бывалъ у него вмѣстѣ съ солбинскимъ іеромонахомъ Іаковомъ и читалъ извѣстное житіе Ѳеофана. Такимъ образомъ разныя нити связывали дѣло саровцевъ съ дѣломъ Родышевскаго и Іоны. Этого довольно было, чтобы зачислить ихъ въ одну преступную партію съ Родышевскимъ и Іоною.

Собравши предварительныя свѣдѣнія, контора Тайной канцеляріи донесла обо всемъ этомъ дѣлѣ Тайной канцеляріи; а Тайная канцелярія 4 апрѣля 1734 года приказала всѣхъ арестованныхъ по этому дѣлу лицъ переслать въ С.-Петербургъ, потому что ихъ дѣло важное и надлежитъ къ слѣдованію въ Тайной канцеляріи.

По взятіи колодниковъ въ С.-Петербургъ, Ушаковъ, 19 мая, приказалъ секретарю Хрущову доложить кабинетнымъ министрамъ, что при допросахъ привезенныхъ изъ Москвы колодниковъ ему быть не возможно: не изволятъ ли они присутствовать при оныхъ допросахъ? Остерманъ и Черкасскій отвѣчали, что они согласны и будутъ имѣть присутствіе въ св. Сунодѣ съ преосвященнымъ новгородскимъ архіепископомъ Ѳеофаномъ.

На другой день, 20 мая, было первое присутствіе и первые допросы колодникамъ въ св. Сунодѣ. Зварыкинъ и Іосія утверждались на своихъ прежнихъ показаніяхъ. Кабинетные министры, слушая фантасмагорію Зварыкина, спросили: не боленъ-ли онъ? Зварыкинъ отвѣчалъ, что онъ отъ бѣсовъ былъ мученъ; была у него также падучая болѣзнь; а больше никакой другой болѣзни онъ въ саровской пустыни не имѣлъ». «И теперь мучатъ его бѣсы?» «Нѣтъ; прежде мучили, а теперь нѣтъ, отстали съ 1731 г., съ праздника Покрова пресв. Богородицы». Іосія между тѣмъ упрямо утверждалъ, что въ немъ и теперь бѣсы.

У слѣдователей возникло подозрѣніе: не хитрая-ли штука эти бѣсы? Кому и на что они нужны? Зварыкинъ сталъ отъ нихъ отказываться, а Іосія тѣмъ упорнѣе защищалъ связь его съ бѣса-

ми.—Однажды, на допросѣ, спросили о чемъ-то у Іосіи: говорилъ ли онъ это Зарыкину? «Нѣтъ». Какъ же Зарыкинъ это показываетъ на него? Іосія отвѣчалъ, что Зарыкину говорилъ, въ его Іосіевѣ образѣ, бѣсъ. Спросили у Зарыкина: являлся-ли ему бѣсъ въ образѣ Іосіи? Зарыкинъ отвѣчалъ:—«нѣтъ, ни въ образѣ Іосіи, ни какого другаго монаха».— Стало быть бѣсы — хитрость Іосіи. На что и для чего они ему нужны? Что онъ хотѣлъ прикрыть ими? Идя далѣе въ своихъ подозрѣніяхъ слѣдователи пришли къ мысли, что Зарыкиновы бѣсы — выдумка Іосіи, что Іосія научалъ его прикидываться бѣсноватымъ, что все, что ни показываетъ Зарыкинъ, все это ихъ хитрость, что у нихъ — у Іосіи, Зарыкина и прочихъ сообщниковъ, — кроются какіе-то тайные замыслы.

---

2. Разборъ тетради Родышевскаго о монашествѣ и назначеніе слѣдователя въ саровскую пустынь.

Показанія саровцевъ открыли, что Маркеллова тетрадь о монашествѣ, осужденная еще въ 1731 году, ходитъ между монахами и производитъ волненія противъ распоряженій о монастыряхъ и о монашествѣ. Ѳеофанъ рѣшился покончить съ нею и написалъ разборъ этой тетради, который 4 іюня 1734 года и представилъ Императрицѣ. Цѣль этого разбора состояла въ томъ, чтобы показать, что эта тетрадь направлена къ возмущенію народа противъ правительства; а изъ этого необходимо слѣдовало, что читатели и переписчики ея суть крамольники, которые составляютъ «злодѣйскую факцію».

«При достодолжномъ моемъ нижайшемъ поклоненіи — писалъ Ѳеофанъ—одолженъ присяжною вѣрностію, доношу вашему императорскому величеству о слѣдующемъ. Въ недавнопрошедшемъ времени, превосходительный господинъ генералъ Андрей Ивановичъ, чрезъ Тайной канцеляріи секретаря Хрущова сообщилъ мнѣ копію съ книжицы о монашествѣ черница Маркелла Родышевскаго. И хотя недавно о таковой книжицѣ слышавъ, да еще опой не видѣвъ, и не сумнѣвался о томъ, что въ книжицѣ опой ничего полезнаго и крѣпкаго нѣтъ, по сущему моему извѣстію, что та головка весьма неученая, тупая, пустая, да еще и шалепая, и кото-

рой весьма прислушаетъ оное Спасителя нашего слово,—«еда объемлютъ отъ терніи грозды, или отъ рѣпіи смоквы»: однакоже таковой злой въ письмѣ ономъ продерзости, каковую нынѣ вижду, вѣкъ не падѣялся.—Письмо оное явные содержитъ въ себѣ виды и образцы знатнаго пескусства, познанія и сусловія. Да то даромъ: инако писать не моглъ таковый авторъ. Но, чего я безъ ужаса видѣть не моглъ, наполнено оное писмишко нестерпимыхъ ругательствъ и ласвъ на царствовавшихъ въ Россіи, блаженныя и вѣчнодостойныя памяти, вашего величества предковъ. Славныя и благотворныя ихъ государей нѣкіе указы, уставы, узаконенія явственно порочитъ, и яко богопротивныя отметаетъ. А между тѣмъ о монахахъ и монастыряхъ съ такъ безстуднымъ ласкательствомъ пишетъ, что всякъ не неразсудный лжесловесіямъ его удивится, развѣ бы кто отъ злобы нарочно слѣпъ быть похотѣлъ. Да и всѣмъ почитай мірскимъ чинамъ приласкивается, не инымъ, вопстину, памѣреніемъ, только чтобъ хуленія его на государей и на ихъ опредѣленіе произносимыя, вящше простому народу были пріятныя, и подвигнуть бы простыхъ человѣкъ, а наипаче не миролюбныхъ и раскольщиковъ, къ яростному негодованію. Однимъ словомъ: *письмо сіе не ино что есть, только готовый и нарочитый факелъ къ зажженію смуты, мятежа и бунта».*

Слѣдующій затѣмъ разборъ состоитъ изъ трехъ статей. Первая надписана: «*о порупаніи указовъ Петра Великаго и другихъ прежде царствовавшихъ государей генерально*». «Рядовое ли се злодерзостіе — поддапному, да еще подлому и арестанту, отвергать и бранить государей своихъ указы, да еще не просто, но долгимъ письменнымъ возраженіемъ въ народъ произносимымъ? Когда и Государи прежнихъ Государей указы отставляютъ, не какъ ни есть то дѣлаютъ, кольми паче не съ лаями и укоризненно, но съ честію ихъ предлагая нѣкая вппословія. А мы дождались временъ, въ которыя черный злодѣй перомъ марать и публично уничтожать указы государевы не усумнился». — Во второй статьѣ Оеофанъ разбираетъ подробно: *на вышепоказанный Петра Перваго указъ каковыя именно злорѣчія въ книгѣ Родышевскаго о монашествѣ написаны? Такожъ и другіе, какъ егожъ величества, такъ и предъ нимъ царствовавшихъ его величества предковъ, указы какъ опорочены?* «Трудясь, шалунъ, въ уничиженіи указа государева, потру-

дался и самъ написать о исправленіи чина монашескаго опредѣленіе, отъ государева опредѣленія, по мнѣнію его яко отверженаго, лучшее, гдѣ накопилъ таковыхъ неудобствъ, дуростей, пусторѣчій и смѣха достойныхъ разсказовъ, что кто не знаетъ, какая то пустая да шаленая головка, скажетъ, что врано то въ безмѣрномъ пьянствѣ». «Приходитъ же мнѣ на помыслъ, что есть чѣмъ поздравлять государей нашихъ, доселѣ царствовавшихъ: понеже которые доселѣ ни явились высочайшей ихъ власти и чести ругатели, вси были до дна глупы, какъ то и сей враль. Воистину такъ дѣлается не безъ особливаго Божія смотрѣнія. Однакоже какъ сей, такъ и подобные ему глупцы, не были такъ тупы и темны, чтобъ не вѣдали, коль жестокое злодѣйство — указы государей своихъ презирать, а кольми паче порочить, ругать и отметать. И того ради невозможно было никому надѣяться, чтобъ когда отважился кто нибудь выскочить на среду съ явными на государей своихъ и на ихъ указы лаями и укоризнами: а то сей *черный богатырь* дерзостно учинилъ.— Заглавіе третьей статьи: *каковые онъ къ монашескому чину и къ другимъ ласкательныя, да къ смуть уродныя, такожъ и иныя явно мятежныя рѣчи въ сей своей книгѣ разсѣялъ?...* «Пишетъ, что монастыри на предградіяхъ великихъ и малыхъ градовъ начались съ самыхъ первыхъ вѣковъ по Христѣ, якоже увѣдати мощно отъ древнихъ достовѣрныхъ исторій и историковъ и лѣтописцевъ, которыхъ ищущіи обрящутъ. Вотъ какой свѣтъ намъ подалъ! Гдѣ жъ то самъ онъ оныя исторіи и историки и лѣтописцы видѣлъ? Нѣтъ ли гдѣ полно таковыхъ книговъ, въ которыхъ и библіотеки имѣются? Не показалъ же ни стороны и дороги, куды итти и гдѣ оныхъ историковъ искать. А то слово въ слово какъ бы кто сказалъ: много корицы родится въ лѣсахъ, которыхъ ищущіи обрящутъ. Гнусный хвастунъ нарочно такъ заговорилъ, чтобъ бѣдные разсказовъ его читатели подумали, что писалъ сіе великій въ ученіяхъ мужъ, вся древнія книги въ памяти своей вмѣстившій, и таковый книжишкъ, иже износитъ отъ сокровища своего новая и ветхая. И не всуе такъ гаркнулъ: ибо не мало и се годится къ возмущенію простыхъ человѣкъ... На присягу нарекаетъ. Не велѣно-де клятися ни небомъ, ни землею, ни Іерусалимомъ, ни главою своею, кромѣ—ей—ей, ни—ни. А мы и

самымъ Богомъ—о лютѣ намъ за сіе—всегда клянемся и ротимся зѣло. Которое нареканіе неповинное было бы, если бы намѣрено было на злой въ народѣ обычай—легкомысленно и безъ всякія нужды клястися; но отъ союзниковъ его 1731 года явилось, что господа сіи, знатно чужимъ нѣкимъ умысламъ служаще, противились присягамъ, которыми подданные присягаютъ государямъ своимъ. На что мы тогда и разсужденіе о клятвѣ или присягѣ написали... Ругаетъ уставленный Сѵнодъ, сказуя, что никогда даже досель не бывало такъ, ниже гдѣ либо въ исторіяхъ писано. Опять мотъ хвастаетъ, подая вѣдать, будто бы онъ всѣ книги, всѣ исторіи прочелъ. Правда, что о сѵнодальныхъ правительствахъ нигдѣ въ исторіяхъ не написано, да въ тѣхъ исторіяхъ, которые онъ видѣлъ. Примѣчать же и здѣ надобно, что какія онъ здѣ рѣчи написалъ, такія и въ извѣстномъ пашквилѣ написаны. А если бы онъ столько лгалъ, плуталъ и кралъ, сколько онъ же исторій прочиталъ, то весьма былъ бы добрый человѣкъ...—Похваляетъ чинъ патріаршескій, да такъ скудно и студено, что сами патріархи, въ награжденіе таковой чина своего похвалы, осудили бы его на плети и на шелепы и на вѣчную ссылку; ибо онъ говоритъ первѣе, что самъ Богъ еще въ ветхомъ завѣтѣ узаконилъ патріаршество—разумѣетъ великаго ветхозавѣтнаго архіерея. О какая богословія! Слово въ слово какъ бы кто, потщався показать, что кораван къ Свѣтлому Воскресенію печеные (по нѣкоему глухому въ народѣ обычаю) суть прямыя пасхи, какъ ихъ люди простые называютъ, и что ихъ весьма должны христіаны употреблять, приводилъ бы, на доказательство того, узаконенную отъ Бога въ ветхомъ завѣтѣ пасху»...—Въ заключительной четвертой статьѣ, *но объявленіи и возраженіи знатнѣйшаго мятежесловія*, Ѳеофанъ предлагаетъ свое *мнѣніе о вышеобъявленныхъ злорѣчіяхъ*. «Двое о сихъ разсудить и другимъ къ разсужденію предложить нужда кажется: 1) откуду бы пришла и изъ чего родилась толь свирѣпая шалуна сего продерзость? 2) что остается дѣлать, дабы тайный толикаго злодѣйства корень исторгнуть и выволочь наружу и силу его испразднить? 1) Мнѣніе мое на первую потребу таковое: что хотя бездѣльникъ сей и скуденъ въ разсужденіи, однакоже не такъ онъ внѣ ума, чтобы могъ въ огонь броситься, паипаче что по природѣ своей зѣло трусливъ, а еще къ тому

не за одну вину подлежащій суду. И потому самъ онъ собою, по ярости и злобѣ, безъ всякой надежды и упованія, никогда бы на такъ страшное дѣло не отважился. Неслыханная вопстину отвага явственно на государей толь поносительныя, да и толь многія, враки пространнымъ письмомъ издавать. Сего никто бъ не посмѣлъ и внѣ государства дѣлать, боясь долгихъ рукъ царскихъ, развѣ бы обнадеженъ былъ сильною нѣкою защитою. Отъ чего несумнѣнно является, что были нѣкіе прилежные наустители, которые плутца сего къ тому привели, отворяя ему страхъ показаніемъ *новой нькоей имьющей быть перемьны, новаю въ государствь состоянія*, и обнадеживая дурака великимъ высокаго чина за таковый его трудъ награжденіемъ. И хотя умные затѣйщики подлинно вѣдали, что сосудъ сей тощъ и слабъ, однако то имъ, по ихъ мнѣнію, не помѣшательно къ начинаніямъ своимъ казалось; ибо вѣдая простаго народа немощь,—что къ возмущенію его не тотъ силенъ, кто крѣпко говоритъ, но кто много и дерзко, хотя и безпутно, вракаетъ,—когда лучшаго къ сторонѣ своей стряпчего не надѣялись, судилось имъ за благо и сего бѣднаго школьшика въ бирячи употребить. Было, чаю, и то въ разсужденіи ихъ, что гладныя собаки зѣло послушны... И самъ сей злодѣй, въ сихъ же отъ насъ обличенныхъ плевелахъ своихъ когда сказуетъ, что онъ написалъ оныя отъ всея церкви, явно показуетъ, что *былъ онъ въ числѣ нькоего немалочисленнаго сковничества.* Хотя бо и безстудно лжетъ, якобы именемъ всея церкви то сдѣлалъ, однакоже, если бы не имѣлъ многихъ товарищей, не могъ бы такъ говорить. Въ сихъ же своихъ письмахъ отвергаетъ Сунодъ, въ чемъ себѣ особливой пользы не видитъ; а патріарху быть ревностно приговариваетъ: которой чести себѣ не надѣялся, знатно же онъ другимъ нѣкіимъ тако угождаетъ, другихъ или властолюбію или раздорной похотѣ служитъ. А роптаніе за отставу чина сего извѣстно и отъ сказокъ разстриги Рѣшилова, и отъ упомянутаго подметнаго письма (котораго онъ же, Рѣшиловъ, по несумнѣнному моему мнѣнію, авторъ) и отъ допросныхъ рѣчей Рѣшиловыхъ союзниковъ. 2) Мнѣніе мое на вторую потребу состоитъ въ изслѣдованіи совѣтниковъ, укажчиковъ и помощниковъ, и другихъ въ дѣлѣ семъ сообщившихся ему, такожъ и нѣкихъ обстоятельствъ, которыя къ ясному затѣскъ показанію надобны».

Тайная канцелярія, разумѣется, испугалась Ѳеофановыхъ представленій... Въ Россіи заговоръ, и какой заговоръ — охватилъ всѣ государственныя сословія! А у нея въ рукахъ одинъ только неясный слѣдъ этого заговора, одинъ лоскутокъ ужаснѣйшихъ тетрадей о монашествѣ! Въ страхѣ, Тайная канцелярія проситъ Сунодъ (11-го іюня) отправить въ саровскую пустынь достойную вѣроятія духовную персону въ самой крайней скорости, обыскать все братство и допросить всѣхъ, кто ни есть въ той пустыни, о томъ: не имѣлъ ли кто и попышѣ не имѣетъ ли у себя и не знаетъ ли у кого инаго таковыхъ же о монашествѣ тетрадей и книгъ и прочихъ, съ непотребными вымыслы написанныхъ, писемъ, даваныхъ или оставленныхъ Іосію, и что по тѣмъ допросамъ покажется, о томъ изслѣдовать; каковыя же при томъ книги, тетради и прочія письмишки явятся, то все отобравъ прислать въ С.-Петербургъ въ самой крайней скорости. По распоряженію Сунода, московская дикастерія отправила для этого слѣдованія колоцкаго можайскаго монастыря игумена Пахомія.

Въ этихъ подозрѣніяхъ заговора, мятежа, бунта, Тайная канцелярія съ удвоенною горячностію принялась за дѣло. Всѣ читатели и переписчики тетрадей о монашествѣ стали на ея глазахъ вождями или участниками заговора и мятежа, а саровская и берлюковская пустыни—пріютами мятежниковъ. А потому слѣдствіе приняло горячее направленіе. На другой же день послѣ помянутаго распоряженія, Ѳеофанъ предложилъ Суноду разстричь несчастныхъ саровцевъ и берлюковцевъ и передать для истязанія Ушакову [1]). Сунодъ утвердилъ это предложеніе и стали Іосія — Яковомъ Самгинымъ,—Іаковъ—Иваномъ Кучинымъ, Сильвестръ—Степаномъ Викторовымъ.

---

[1]) «Сего 12 іюня его преосвященство и высокосіятельные гг. министры, по секретному важному дѣлу, которое слѣдуется ими въ Тайной канцеляріи, о саровскомъ строителѣ Іоаннѣ и берлюковскомъ Іосіи, о монахѣ Георгіѣ Зва-

3) Саровскіе пустынножители. — Начальникъ — Іоаннъ. — Строитель Іосія Самгинъ.—Юродивый Тимоѳей Архиповичъ.—Ефремъ Короткій, пѣснописецъ.

Главными виновниками въ сообщничествѣ съ факціею Родышевскаго изъ саровцевъ были: начальникъ саровской пустыни іеромонахъ Іоаннъ и строитель Іосія Самгинъ.

Что за человѣкъ былъ *Іоаннъ*? Въ табели саровскихъ монаховъ 1733 года объ немъ показано: первоначальникъ іеросхимонахъ Іоаннъ, въ мірѣ Иванъ Ѳедоровъ, арзамасскаго уѣзда, села краснаго, дьячковъ сынъ, отъ рожденія 63 лѣтъ; въ монашество постриженъ въ г. Арзамасѣ во введенскомъ монастырѣ въ 1689 г.; въ іеромонахи посвященъ въ темниковскій монастырь въ 1692 г., въ Москвѣ, преосвященнымъ Евонміемъ, митрополитомъ сарскимъ и подонскимъ. А въ саровской пустынѣ сталъ жить съ 1709 года, по благословенію преосвященнаго Стефана, митрополита рязанскаго; изъ введенскаго монастыря отошелъ онъ въ пустыню ради молвы, что тотъ монастырь посреди Арзамаса города; а въ опой пустыни желалъ онъ жить въ уединеніи, ради спасенія души своей. А вышеобъявленный введенской монастырь, хотя и скудный, токмо не для того въ опую пустынь сошелъ, но для вышеозначеннаго безмолвія; а чтобъ сообщить къ опой пустыни вотчины — намѣренія онъ не имѣлъ. Въ 1715 г., бывши въ Москвѣ и весьма заболѣвъ, посхимился онъ отъ приключившагося тогда въ Москвѣ, гороховскаго уѣзда, красногривской пустыни строителя, іеромонаха Макарія; а въ 1731 году, чувствуя въ себѣ изнеможеніе, просилъ опредѣлить на свое мѣсто въ строители другаго; и по тому его прошенію опредѣленъ строителемъ другой, и тому новоопредѣленному строителю всякое въ опой саровской

рыкинѣ, іеромонахѣ Іаковѣ и монахѣ Сильвестрѣ, разсуждали, что изъ тѣхъ плутовъ черницовъ оные берлюковской пустыни строитель Іосія, яко первый предводитель оному злѣло важному злоковарному дѣлу, и іером. Іаковъ и монахъ Сильвестръ — явились въ жестокой важности, о которой значится въ опомъ дѣлѣ (а о прочихъ ихъ винахъ по отвѣтамъ ихъ извѣстно и св. Суноду, понеже допрашиваны оные плуты при св. Сунодѣ), и по общемъ разсужденіи предложили, чтобъ снявъ съ нихъ Іосіи, Іакова и Сильвестра священническіе и монашескіе чины, отдать ихъ къ слѣдованію оной злодѣйской важности въ свѣтскій судъ».

пустыни правленіе велѣно имѣть съ согласія съ нимъ Іоанномъ. Какія послушанія несетъ? Уставъ содержитъ и находится въ разныхъ трудахъ; изъ рукодѣлій лапти плететъ и лѣстовки дѣлаетъ. О характерѣ его показанія различны. Іосія называлъ его человѣкомъ правнымъ. Іеромонахъ Ефремъ Короткой, содержавшійся вмѣстѣ съ нимъ въ Тайной канцеляріи, показалъ: «означенный строитель Иванъ мнится мнѣ состоянія не коварнаго, только начальства надъ монастыремъ крѣпко держался, и того желателенъ, чтобъ ему въ его дѣлахъ, что ему захочется, дѣлать, хотя бы не на потребу обители; а чтобъ его любили, того желателенъ; въ вещахъ, какъ-то въ книгахъ и въ другихъ, которыя при себѣ имѣетъ, въ тѣхъ братіи не податливъ; правъ имѣетъ, мнится мнѣ, тяжелый». Іоаннъ пріобрѣлъ много вкладчиковъ для своей пустыни изъ высшаго круга и, во время хожденія по дѣламъ, пользовался ихъ совѣтами и помощію. Въ числѣ этихъ лицъ были: С. И. Путятинъ, князь В. В. Долгорукій, графъ Матвѣевъ съ супругой, С. Т. Кишкинъ, С. И. Соловцовъ, Л. В. Кошкаревъ, У. М. Новосильцова, князь Одоевскій и много другихъ.

Іосія въ допросахъ показалъ о себѣ, что онъ купеческій сынъ изъ Елатьмы, въ мірѣ звался Яковомъ; девятнадцати лѣтъ, съ согласія отца, онъ удалился въ саровскую пустынь; въ 1708 году постриженъ въ ней въ монашество; а въ 1716 г., по благословенію митрополита Стефана, посвященъ въ іеромонахи. Характеръ его описали Зарыкинъ и Ефремъ въ своихъ показаніяхъ. «Іеромонахъ Іосія, когда былъ въ Москвѣ или въ Арзамасѣ, тогда показывалъ себя великаго молитвенника и во всемъ воздержника; а когда бывалъ у себя въ саровской пустыни, тогда о молитвѣ небрегъ и воздержанія ни въ чемъ не имѣлъ, и не токмо между службою церковною, но и во время ея все въ пустыхъ разговорахъ ово у себя въ кельѣ, ово въ братскихъ кельяхъ, а иногда въ монастырѣ и на паперти время препровождалъ; а иногда и въ великіе праздники, небрегуще о службѣ церковной, во время ея въ рыбной ловлѣ упражнялся; а когда богомольцы быть прилучалися, тогда веліе прилежаніе къ службѣ церковной показывалъ, а при знатныхъ богомольцахъ какъ вечерни, такъ и утрени и всенощныя пѣнія и литургію служить тщался. Да еще злобу имѣлъ велію: ежели въ чемъ ему хотя мало кто досадитъ, того

вонъ отъ себя изъ пустыни ни за что, почитай что безъ вины, отсылалъ». «Іосія имѣетъ состояніе мнится мнѣ льстивное: слово гладко, поклоны низки; коварства скоро въ немъ признать немощно, потому что, ежели хотя и мало усмотритъ человѣка, кто куда склонился, то такъ и угождаетъ; а кто бъ дѣлъ его, какія бы онъ удумавши дѣлалъ, не зазиралъ, тѣ ему пріятны. Такъ онъ обманулъ и Іоанна».

Саровскій первоначальникъ былъ чрезвычайно привязанъ къ Іосіи [1]). Несмотря на то, что Іосія оскорблялъ его публично при братіи и всякими способами подкапывался подъ него, чтобъ получить его мѣсто, Іоаннъ все забывалъ изъ-за любви къ своему духовному сыну и одному изъ первыхъ своихъ постриженниковъ. Тѣже кроткія черты характера выразились и въ отзывѣ его объ Родышевскомъ: непонравился онъ Іоанну — «языкомъ очень продерзъ». Въ 1732 году Іоаннъ отпустилъ Іосію съ заручной отъ братіи въ пустынную келью, ради упокоенія, и при немъ іеромонаха Іакова Келья эта была въ лѣсу, верстахъ въ 4-хъ отъ монастыря. Тамъ въ кельѣ, въ лѣсу, Іосія постригъ Боголѣпа, еще въ молодыхъ лѣтахъ, постригалъ и многихъ другихъ безъ разбору. Іоаннъ роптalъ за это на Іосію и сталъ-было унимать его, но Іосія началъ ему грозить: «ты — де словно какъ кошка лапою медвѣдя за

---

[1]) Въ письмѣ къ саровской братіи, извѣстившей его въ С.-Петербургѣ, въ 1727 году, о тяжкой болѣзни Іосіи, Іоаннъ не находитъ довольно самыхъ нѣжныхъ словъ, чтобы выразить свою любовь и всю горесть утраты, которой онъ опасался. «Получили мы отъ васъ, чрезъ письмо ваше, вѣдомость о крайней болѣзни Іосіи, которая по премногу, даже до смерти, душу мою возмутила и премногимъ сокрушеніемъ сердце мое уязвила. И кто нынѣ дастъ главѣ моей воду, да плачуся онаго моего возлюбленнаго и дражайшаго сына разлученія, его же Духъ Святый нашей обители породилъ, въ которомъ и недостойный въ старости своей покою и при смерти утѣшенію быти надѣялся: и се за моя безмѣрная согрѣшенія лишаюся сего. О посѣщенія Божія за моя прегрѣшенія! Еще бо отъ безмѣрныхъ скорбей моихъ и печалей душевныхъ не отру слезъ своихъ, абіе еще сугубая лютѣйшая явилась. Не получивши трудамъ моимъ желаемаго покою, се дражайшаго и любезнѣйшаго сына моего, въ которомъ воли имѣлося желаемое получити, се скоро въ пребезмѣрномъ прегорченіи сего лишенъ хощу быти. Довольно бы было къ моей немощи и старости, какъ бы не восхотѣлъ Богъ скончати мнѣ къ покою немощи моей душевной и тѣлесной, скончати сей настоящій трудъ и покой себѣ воспріяти: но изволися Богу отнимати и зракъ очію моею отъ мене — онаго дражайшаго моего

дпаешь, а какъ медвѣдь тотъ обратясь да давнетъ тебя, и духъ твой не попахнетъ».

Что заставило его выдти изъ саровской пустыни? «Не опасался ли онъ какого нибудь не малаго дѣла»—спрашивали слѣдователи? Сильвестръ показалъ, что «братія, недовольные пустынножительствомъ Іосіи, позвали его на соборъ и требовали объясненія: для чего онъ ушелъ въ пустынную келью? Іосія отвѣчалъ, что онъ пошелъ съ благословенія начальника. Іоаннъ что-то замялся на счетъ своего благословенія; пошли ссоры. Іосія собралъ вокругъ себя партію и предложилъ смѣнить Іоанна и выбрать, на его мѣсто, другаго строителя. Выборъ ихъ упалъ на іеромонаха Иринарха. Зварыкинъ или кто-то другой написалъ объ немъ челобитную. Тѣмъ временемъ пришло письмо отъ барашовскаго попа, который предлагалъ ему берлюковское строительство и—Самгинъ, не кончивъ дѣла, уѣхалъ въ Москву. Съ нимъ поѣхали Іаковъ и Зварыкинъ. Проводивши ихъ до Арзамаса, Зварыкинъ вернулся въ пустынь и сталъ разглашать, что Іосія поѣхалъ просить другаго строителя. Іоаннъ съ братіей, боясь, чтобы не дали имъ посторонняго, выбрали въ строители іеромонаха Дороѳея Замятнина, одного изъ первыхъ постриженниковъ саровской пустыни, и послали Зварыкина, съ іеромонахомъ Ефремомъ, бить челомъ въ духовной дикастеріи, чтобъ утвердили строителемъ

сына. О кто не познаетъ здѣ на мнѣ грѣшномъ пришедшаго гнѣва Божія, толь вреднымъ отъятіемъ аки бы уже нынѣ духъ отъемлющаго. О сыне мой, сыне дражайшій мой, сыне Іосіе, души моей грѣшной утѣшеніе, немощи моей и старости твердый жезлъ, безмѣрнымъ моимъ душевнымъ скорбѣмъ и печалѣмъ утѣшеніе, трудомъ моимъ покой и крѣпкое подтвержденіе. Не терпитъ бо нынѣ во мнѣ духъ мой и утроба моя твоего отъ мене разлученія. И кто нынѣ дастъ мнѣ крилѣ, да полещу и въ часъ сей къ тебѣ предстану и увидѣвъ персональнѣ, дабы хотя обрѣлъ тя, облобызалъ тя, хотя оный единъ часъ, духовно; но здѣ, ради труднаго и зѣло продолженнаго и прискорбнаго мнѣ настоящаго пути, не видѣвъ тя, по премногу жалостно съ тобою пріемлю разлученіе. Но вы, дражайшіе и возлюбленные мои отцы и братія — аще по волѣ Божіей за моя прегрѣшенія не благоволитъ Богъ его нынѣ въ живыхъ увидѣть—вы, отецъ Дороѳей и вся братія, до нашего къ вамъ въ монастырь прибытія, тѣла его не погребайте, но по отпѣтіи въ церкви надъ тѣломъ его панихиды, хотя гдѣ въ землѣ у церкви, но въ знаменитомъ мѣстѣ и пристойномъ ископайте пещеру, изъ которой возможно-бъ гробъ его паки вынуть, понеже аще благоволитъ Богъ въ обитель намъ возвратиться, то купно предадимъ погребенію тѣло его». 15-го сентября 1727 г.

Дороося и не дали посторонняго. Не смотря на всѣ эти показанія, выходъ Іосіи изъ саровской пустыни казался подозрительнымъ. Ософанъ узналъ отъ кого-то изъ подсудимыхъ, что Іосія, уѣхавши изъ саровской пустыни, жилъ нѣсколько времени въ чудовѣ монастырѣ, гдѣ былъ архимандритомъ Евопмій Коллети. Нашлись и улики въ сношеніяхъ его съ Евопміемъ. Іосія писалъ изъ чудова письмо къ одной купеческой вдовѣ Акулинѣ въ Арзамасъ, въ которомъ увѣдомлялъ ее, что Евопмій принялъ его благосклонно. По слѣдствію оказалось, что Акулина Борисова, вдова московскаго купца Рукавкина, жила въ арзамасскомъ дѣвичьемъ монастырѣ и была духовной дочерью Іосіи. Послѣдній, зная про знакомство ея съ Евопміемъ, просилъ ее написать Евопмію, чтобы онъ позволилъ Іосіи пожить въ чудовѣ монастырѣ. Евѳимій согласился. Пріѣхавши въ Москву, Іосія былъ у Евопмія: тотъ показался къ нему благосклоненъ и позволилъ жить въ чудовѣ. Іосія однакожъ не жилъ тамъ за тѣснотою, а токмо бывалъ за обѣднею. Какія заключенія Ософанъ сдѣлалъ изъ этого, мы сейчасъ увидимъ; а теперь обратимся пока къ таинственному лицу Тимооея Архиповича, который ужъ не разъ встрѣчался намъ въ этой исторіи.

Что за лицо этотъ *Тимоѳей Архиповичъ?* [1]) Іосія показалъ, что онъ почиталъ его за святаго угодника, за его прозорливость. «Въ бытность его въ Москвѣ въ одно время онъ, Іосія, обѣдалъ,

---

[1]) Татищевъ, знавшій этого юрода, говоритъ, что онъ сначала былъ подъячимъ, а потомъ началъ юродствовать. «Дворъ царицы Прасковьи Оедоровны (супруги царя Іоанна Алексѣевича, матери императрицы Анны) — пишетъ онъ — отъ набожности былъ госпиталь на уродовъ, юродовъ, ханжей и шалуновъ. Между многими такими былъ знатенъ Тимоѳей Архиповичъ, сумазбродный подъячій, котораго за святаго и пророка суевѣрцы почитали, да не токмо при немъ, какъ послѣ него, предсказанія вымышляли. Онъ императрицѣ Аннѣ, какъ была царевною, провѣщалъ быть монахиней и называлъ ее Анфисою; — царевнѣ Прасковьѣ быть за королемъ и дѣтей много имѣть; а послѣ, какъ Анна императрицею учинилась, сказывали, якобы онъ ей задолго корону провѣщалъ. Когда я отъѣзжалъ 1722 года другой разъ въ Сибирь къ горнымъ заводамъ и пріѣхалъ къ царицѣ прощеніе принять, она, жалуя меня, спросила онаго шалуна: скоро я возвращусь? Онъ какъ меня не любилъ за то, что я не былъ суевѣренъ и руки его не цѣловалъ, сказалъ: онъ руды много накопаетъ, да и самаго закопаютъ. По сколько то право, то всякому видно». (Татищева, *Рос. ист.* т. I. стр. 46).

а у кого не помнитъ, и ради стыда ѣлъ мало, хотя и думалъ, что это приличествуетъ къ лицемѣрству. Послѣ обѣда пришелъ къ Тимоѳею Архіповичу и говорилъ ему: батюшка помолись. И на то онъ Тимоѳей сказалъ: «вы-де лицемѣры» и бранилъ-де матерно. Въ другой разъ онъ пришелъ къ нему съ Зварыкинымъ для совѣта въ томъ, что Зварыкина одолѣвало отчаяніе, и по приходѣ говорилъ онъ Тимоѳею: «батюшка, помолись о насъ, мы отчаяніемъ побѣждены; а паче сей человѣкъ». И на то онъ, Тимоѳей, сказалъ: «старикъ лишняго не говори». О чемъ онъ мыслію своею разсудилъ, что о себѣ неправду тому Тимоѳею сказалъ, якобы онъ обще съ Зварыкинымъ въ отчаяніи, на что Тимоѳей и сказалъ ему: «лишняго не говори». Послѣ этихъ словъ, Тимоѳей взглянувъ на Зварыкина, говорилъ ему: «подвинься ко мнѣ». И когда тотъ подошелъ, Тимоѳей спросилъ его: «заповѣди-де ты знаешь ли— не убій, не украдь и прочее показанное въ заповѣдяхъ»? И изобразя правою рукою своею триперстное сложеніе, сталъ того Зварыкина крестить и притомъ говорилъ: «Богъ проститъ вся твоя согрѣшенія» и перекрестя трижды говорилъ же: «буди совокупленъ Отцу и Сыну и Св. Духу, Троицѣ единосущнѣй». И послѣ того онъ, Тимоѳей, закричавъ громко, сказалъ: «не украдь»; а кому то сказалъ и для чего, того Самгинъ не знаетъ. Зварыкинъ идя отъ него, дорогою разсказывалъ Іосіи: «какъ-де онъ, Тимоѳей, рукою своею крестнымъ знаменіемъ его ограждалъ, тогда онъ, Зварыкинъ, мыслію своею сказалъ: Господи Іисусе Христе, молитвами раба твоего, св. Тимоѳея, помилуй меня грѣшнаго. Въ эту-то пору Тимоѳей и закричалъ: не крадь; и потому онъ, Зварыкинъ, узналъ, что Тимоѳей обличилъ совѣсть его». Послѣ того въ бытность въ саровской пустыни, Іосія навѣстилъ однажды Зварыкина и тотъ сказалъ ему: «согрѣшилъ я, отъ Бога отвергся и рукописаніе бѣсамъ далъ, и хотѣлъ-де образъ Богоматери и животворящій крестъ потоптать и поплевать, а въ то время, какъ это въ мысляхъ своихъ содержалъ, явился ему, Зварыкину, Т. А. и закричалъ на него: «врагъ Божій, покинь и не дѣлай этого». И почиталъ онъ, Іосія, Т. А. наипаче за святаго и великаго угодника Божія.—А опый Тимоѳей какого чину былъ, того онъ, Іосія, не знаетъ; только слышалъ онъ, что былъ иконописцемъ и скончался въ 1731 году, въ маѣ мѣсяцѣ и погребенъ въ чудовѣ мо-

настырѣ, о чемъ и надпись есть на стѣнѣ. И по той надписи еще больше почиталъ его за святаго, и какъ по смерти, такъ еще и при жизни его, когда ставалъ на молитвѣ предъ святыми иконами, и тогда призывалъ въ помощь себѣ и онаго Тимооея и персонѣ его, которая у него въ кельѣ имѣлась, клалъ поклоны, какъ предъ святыми иконами. Припомнилъ онъ, что приказывалъ и другимъ, имѣющимся въ саровской пустынѣ монахамъ—Іакову, Зварыкину и прочимъ тому Тимооею молитвы приносить и поклоны класть. А Боголѣпъ, разстрига Иванъ Кучинъ, Степанъ Викторовъ и Зварыкинъ носили по приказу его, въ частицахъ платныхъ и въ воску въ крестахъ волосы Т. А., вмѣняя ихъ за мощи святыя; а волосы эти даны ему отъ Тимооея по прошенію его, а стригъ ихъ съ головы и бороды ножницами живший при немъ служитель».

Вѣра Іосіи въ Тимооея Архиповича прошла чрезъ испытанія и сомнѣнія. Знать его онъ началъ съ того случая, какъ былъ однажды въ Москвѣ въ успенскомъ соборѣ за обѣднею; вмѣстѣ съ нимъ въ той церкви былъ строитель московской богословской пустыни Петръ и, указавъ на стоящаго тутъ незнамо какого человѣка, который стоялъ яко изумленный, говорилъ ему, Самгину: «много-де таковыхъ есть покровенныхъ рабовъ Божіихъ. Я-де знаю юродиваго Т. А., который совѣсти человѣческія знаетъ». Самгинъ просилъ довесть его къ Т. А. Послѣ обѣдни строитель Петръ съ нимъ, Самгинымъ, пошли въ мясницкую улицу, въ домъ князя Меншикова, гдѣ жилъ Т. А.—По приходѣ ихъ, служитель Т. А. сказалъ имъ, что ему не время.—Спустя немного времени Самгинъ пришелъ къ нему одинъ. Т. А. лежалъ на постелѣ. Іосія говорилъ ему, Т. А., неоднократно: батюшка, помолись обо мнѣ грѣшномъ. И на то онъ, Т. А. ничего ему, Самгину, не сказалъ, токмо незнамо для чего обѣими руками своими вертѣлъ около головы подушку. И тогда стоящіе при немъ служители говорили ему объ Самгинѣ неоднократно: «батюшка, скажи отцу, что́ на пользу». И онъ на тѣ слова говорилъ: «дайте-де срокъ»; а больше того ни о чемъ не говорилъ: — съ тѣмъ Іосія и ушелъ, содержа въ мысли, что напрасно онаго Т. А. святымъ называютъ и прельщаются.—Послѣ того былъ онъ у Т. А. съ монахомъ саровской пустыни Аркадіемъ, который очень того Тимооея похвалялъ и го-

ворилъ, что онъ провидецъ — кому-де что скажетъ, то-де и сбудется. По приходѣ ихъ въ домъ, гдѣ оный Т. А. жилъ, почью, только еще съ вечера (понеже до того слыхалъ онъ, что къ оному Т. пускать не велѣно, а для чего не знаетъ) послали служителя— что время-ль къ нему придти. И оный служитель къ тому Тимоѳею ходилъ и возвратясь сказалъ имъ, что оный Т. пьянъ и кричитъ и не дастъ никому къ себѣ приступиться: знать-де что дѣвушки его напоили. — Помѣшкавъ часа съ два, послали опять. Служитель сказалъ, чтобъ шли. По приходѣ ихъ Т. А. сказалъ Іосіи: садись отецъ. И потомъ сталъ онъ говорить Тимоѳею: «помолись обо мнѣ батюшка», и сталъ у него цѣловать плечо и руки, содержа въ мысли своей, что можетъ ли онъ признать его помыслы, что онъ тогда сомнѣвался въ немъ. И тогда Т. А. говорилъ такъ: «иное имѣть во устѣхъ, а иное въ сердце». И оные его слова поставляетъ онъ, Самгинъ, за истину, понеже узналъ помыслъ его. И были у него съ часъ, потомъ пошли на квартиру свою, которую имѣли въ домѣ Ст. Путятина. Изъ саровской пустыни писалъ онъ съ монахомъ Ааропомъ въ Москву, къ княгинѣ Долгоруковой, и вложилъ въ письмо къ ней цыдулку къ Тимоѳею Архиповичу, въ которой написано было: «великому угоднику Божію, Тимоѳею Архиповичу, прибѣжище отчаянпымъ, надежда ненадежнымъ», и просилъ, чтобы помолился о Зварыкинѣ. Княгиня Долгорукова была у Т. А. и напомнила, чтобъ онъ помолился о Георгіѣ: и онъ рукою своею билъ ее въ голову и говорилъ: я объ отступникахъ не молюсь. И потому онъ признавалъ его за святаго». — «Зварыкинъ, возвратившись изъ сергіева монастыря въ саровскую пустынь съ монахомъ Сергіемъ, сказывалъ, что видѣлъ у троицкаго іеродіакона Іопы, который жилъ при кельѣ троицкаго архимандрита, образъ Святыя Троицы, высокой работы, а въ подножіи написанъ лежащій Т. А. юродивый, а съ вѣнцомъ ли онъ написанъ или безъ вѣнца, того не помню, какъ онъ, Зварыкинъ, сказывалъ». Да у него-жъ, іеродіакона Іопы, Зварыкинъ, видѣлъ и читалъ множество чудесъ, отъ Т. А. бывшихъ. Я ему, Зварыкину, говорилъ: не можно ли и намъ списать тѣ чудеса для того, что мы Тимоѳея Архиповича имѣемъ за отца себѣ? Но Зварыкинъ сказалъ: «онъ-де, Іопа, никому не дастъ списывать». По

поводу этого разсказа, Іосія съ грустію говорилъ іеродіакону Іакову, который привезъ ему изъ Москвы персону Тимооея Архиповича: «вотъ, отецъ Яковъ, мы мнили, что мы первые потщимся написать персону угодника Тимооея Архиповича, ан—перво насъ она написана. А съ персоны Тимооея Архиповича, которая была у меня въ саровской пустынѣ и привезена ко мнѣ въ берлюковскую пустынь, велѣлъ я списать малыхъ персонъ пять или шесть, подлинно не помню, всѣ съ вѣнцами, и поставлены они были въ моихъ кельяхъ и въ сѣняхъ; а списывалъ малыя тѣ персоны, по приказу моему, мальчишка Григорій, и я ему велѣлъ сказывать, ежели кто его о той персонѣ спроситъ, чтобъ онъ сказывалъ—пишетъ Іероѳимову персону».—Еще одинъ саровецъ, Ефремъ Короткой, вздумалъ прославить Тимооея Архиповича церковными пѣснями и сочинилъ въ честь его службу. «И я дерзнулъ—показывалъ онъ — безъ благословенія св. Сунода сочинять службу, какъ въ церкви обычай имѣется святымъ угодникамъ Божіимъ, юродивому Т. А. и сочинилъ, памятуется мнѣ, малую вечерню, а на большой—стихиры, также и на литіи со славникомъ и на стиховнѣ, и тропарь, да канона—незнаю чстыре, незнаю пять пѣсней; стихиры писаны на бумажкѣ, а тѣ бумажки заложены у меня въ кровлѣ, а канона часть на дощечкѣ, а дощечка положена за печью въ моей кельѣ; а спряталъ я того ради, чтобъ кто отъ братіи, приходящи, не читалъ и отъ того мнѣ, ради грубаго моего сочиненія, не было смѣху; и того ради о той моей продерзости ни строителю, ни братіи отнюдь никому неизвѣстно, а писано у меня то тайно. А вину того сочиненія я принялъ отъ похвальныхъ рѣчей разстриги Якова и другихъ, что они про него сказывали, что онъ сущій угодникъ и рабъ Божій ради его прозорства [1]); и я, вѣря ихъ словамъ, благодарилъ Бога о томъ, что онъ въ наши лѣта даровалъ такого св. мужа. А самъ я Тимооея Архиповича не видывалъ».

---

[1]) Столѣтовъ, казненный въ 1736 году, на допросахъ, между прочимъ показалъ: «говорилъ ему Балакиревъ на квартирѣ своей, что Государыня царевна Екатерина Іоанновна изволитъ сомнѣваться ѣхать въ С.-Петербургъ для того, что Архиповичъ говорилъ, что она, государыня, въ С.-Петербургѣ скончается. И онъ, Столѣтовъ, сказалъ: какой-де Архипычъ пророкъ?

Такъ какъ этотъ пѣснописецъ играетъ нѣкоторую роль въ нашей исторіи, то мы и съ нимъ познакомимся поближе. Іеромонахъ *Ефремъ*, въ мірѣ Евдокимъ Короткій, постриженъ въ монашество въ 1712 году, въ соловецкой пустыни, что на Маргузахъ, московскаго уѣзда; послѣ того жилъ въ красногривской пустыни гороховскаго уѣзда и, наконецъ, въ 1727 году перешелъ въ саровскую пустынь. Тутъ все казалось ему ново, странно, не по обычаю. Ни съ Іоанномъ, ни съ Іосіей онъ не былъ связанъ никакими узами, и потому его показанія о саровцахъ рѣзки; онъ не щадитъ слабыхъ и темныхъ сторонъ въ характерѣ и образѣ дѣйствій его новыхъ начальниковъ и братіи. Честолюбивыя мечты заходили и въ его нехитрую голову. «Въ означенныхъ тетрадяхъ (о монашествѣ) видѣлъ онъ, чтобы брать въ архіереи монаховъ изъ пустынь, и по простотѣ своей и самъ думалъ и желалъ, какъ бы ему быть архіереемъ. По рукодѣлью онъ былъ переплетчикомъ. Однажды строитель прислалъ ему книгу: Камень Вѣры въ тетрадяхъ для переплету. «И я—показывалъ Ефремъ—говорилъ ему, чтобъ ее не переплетать. И онъ, Иванъ, сталъ мнѣ говорить: чего ради? И я ему говорилъ: слышно про нихъ, что ихъ продавать заказано. Иванъ отвѣчалъ: что-жъ то, что не продаютъ? И я ему сталъ говорить: чтобъ не стали ихъ спрашивать въ монастыряхъ и не взяли бъ въ Синодъ. И онъ говорилъ: на что-де ихъ брать, они-де печатныя. И я ему говорилъ: однако надобно ее спрятать. И онъ сказалъ: какъ хочешь».

Саровецъ *Сильвестръ* также показалъ про Т. А., что считалъ его за святаго, и еще больше убѣдился въ томъ, когда бывши въ Москвѣ, увидѣлъ надъ гробомъ его въ чудовѣ монастырѣ надпись, гдѣ онъ жилъ и сколько, и тутъ же объявлено, что онъ Тимоѳей юродъ былъ міру, а не себѣ; и по той надписи я размышлялъ, что вотъ-молъ и тутъ назначено, что онъ святой, хотя и не свидѣтельствованъ.

Ѳеофанъ поручилъ оберъ-секретарю Дудину собрать свѣдѣнія о мѣстѣ погребенія Тимоѳея Архиповича. Дудинъ обратился къ секретарю московской синодальной канцеляріи Павлу Протопопову [1]).

---

[1]) «Изволь—писалъ онъ—весьма секретно справиться и учтиво поступить,

Протопоповъ увѣдомлялъ, что Архиповъ погребенъ въ чудовѣ монастырѣ, въ церкви Архистратига Михаила, по правую сторону алтаря, и надпись пзсѣчена на лещади и вмазана въ алтарной стѣнѣ; начальныя литеры паведены киноварем, а прочія чернилами; вокругъ лещади дорожникъ на подобіе столярнаго выкрашенъ мумією, а кругъ дорожника чернилами, а по угламъ шишки, наподобіе рамы. Противу той надписи на земли на могилѣ ни камня и никакого знаку не имѣется. И тотъ осмотръ и списокъ учинилъ онъ одинъ и никто того не видалъ. А кѣмъ и когда та надпись учинена, о томъ онъ спрашивать опасался, понеже велѣно ему то учинить весьма секретно, дабы никто дознаться не могъ. А повидимому та надпись сдѣлана отнынѣ около годичнаго времени—и не далѣе [1])».—Государыня приказала взять изъ саровской пустыни персону Т. А. въ С.-Петербургъ.

---

4) Допросы и показанія Зварыкина.—Объявленіе Самгина о великомъ злоумышленіи.

Оеофанъ считалъ Іосію главною пружиною зварыкинскаго дѣла и потому ему хотѣлось какъ-нибудь отвлечь отъ него Зварыкина, чтобы вывѣдать отъ послѣдняго всю правду.

3-го іюня онъ велѣлъ дать Зварыкину бумаги и чернилъ и написалъ 27 вопросныхъ пунктовъ, прибавивши, что «если нескрытно и правдиво покажетъ, то да будетъ совершенно извѣстенъ, что не токмо казни смертной, но и всякаго тѣлеснаго на-

---

дабы никто никакъ догадаться не могъ: въ чудовѣ монастырѣ, гдѣ погребено тѣло Тимоѳея Архипова, и надъ гробомъ его положено и нѣтъ ли каковыхъ отмѣнъ противу прочихъ? Также какая при гробѣ его на стѣнѣ надпись написана и кѣмъ и когда? И съ той списки формально копію, и къ намъ съ вышеписаннымъ пришли въ немедленномъ времени: ибо того требуется высокими персонами для нужнаго дѣла. 1734 года, августа 13 дня изъ Петергофа».

[1]) Точная копія съ нагробной надписи: «1731 года маія въ КѲ день при державѣ благочестивѣйшія и великія государыни нашей императрицы Анны Іоанновны, самодержицы всея Россіи, представись рабъ Божій Тимоѳей Архиповъ сынъ, который, оставя иконописное художество, юродствовалъ міру, а не себѣ, а жилъ при дворѣ матери ея императорскаго величества государыни императрицы, благочестивѣйшія государыни царицы и великія княгини Параскевы Ѳедоровны двадцать осмь лѣтъ и погребенъ въ 1 день маія».

казанія конечно избавитъ себя; ибо полное во всемъ прощеніе, по докладу нашему, ея императорское величество обѣщала ему третьяго дня.—Да не думаетъ же онъ, будто укрытіе, да еще знатное воровство, яко бы щадя братію, не грѣхъ: по воистину превеликій грѣхъ. Не надобѣ какъ своихъ, такъ и чужихъ грѣховъ самоличныхъ, душу единаго грѣшащаго вредящихъ, открывать, развѣ на исповѣди. А затѣваемыхъ отъ кого на вредъ другимъ, кольми паче государевой чести и народному тихожитію, крамолъ, клеветъ, смутъ мятежныхъ, такъ тяжелый есть грѣхъ укрывателю, какъ и самому затѣйщику,—подобнѣ, какъ бы кто вѣдая готовящихся пожаръ сдѣлать зажигателей не открылъ, или вѣдая о устроенномъ непріятельскомъ на городъ нападеніи нечаянномъ, не сказалъ бы: таковое бо молчаніе творитъ молчащаго сообщникомъ злодѣевъ въ злодѣйствѣ ихъ. И не можетъ укрыватель имѣть правильнаго покаянія и надѣяться отъ Бога прощенія и за прочіе грѣхи свои, покамѣстъ вѣдомыхъ себѣ чуждыхъ на государя или на государство умысловъ и непріязней не объявитъ, и се зѣло вящшимъ милости лишеніемъ, нежели кто отъятаго повинѣ чуждаго имѣнія не возвратитъ». «Извольте — писалъ онъ оберъ-секретарю Дудину — мое все предположеніе представить ему. Извольте о семъ сообщить, если покажется надобно, ихъ сіятельствамъ министрамъ и генералу Ушакову, паипаче ежели бы секретарь Хрущевъ опасенъ, безъ приказанія ихъ, дать бумаги и чернила Зарыкину. А о Петрѣ Петровичѣ опасѣйшаго показанія еще, кажется, непадобно. (Дано изъ мызы нашей 3 іюня 1734 года)».

Послѣ разныхъ увѣщаній и угрозъ Зарыкинъ вышелъ, наконецъ, изъ своей роли и объявилъ, что всѣ его показанія о бѣсахъ и Вейцѣ выдуманы имъ ложно. Онъ боялся, что его лишатъ монашества и накинулъ на себя маску блажнаго. Тако-жъ и о постриженіи своемъ затѣвалъ ложно; а подлинно было не такъ; но, выѣхавъ изъ Москвы, я надѣлъ на себя платье черническое самъ, идучи дорогою къ Владиміру, и пришелъ чернцемъ во Флорищеву пустынь и притворилъ себѣ велію дряхлость въ той пустыни; а потомъ изъ той пустыни вышелъ въ саровскую пустынь, и въ той пустыни также притворилъ себѣ велію дряхлость; и въ Москвѣ явився объявлялъ все ложно, дабы не былъ лишенъ

монашества, понеже слѣдованіе о монахахъ стало начинаться. Зварыкинъ ужъ не берегъ себя и просилъ только, чтобъ не жестоко былъ казненъ смертію, но чтобъ только отсѣкли ему голову.

Между тѣмъ обрекая себя на смерть онъ выдалъ головою Іосію Самгина. «Была въ саровской пустыни вдова графа Матвѣева, Настасья Ермилова, и по отъѣздѣ оставила въ той пустыни сына Алексѣя, а присмотръ надъ нимъ приказала имѣть Іосіи. Алексѣй, вмѣстѣ съ іеромонахомъ Іоакимомъ Кучинымъ, въ тамошней пустынной церкви расписывалъ клиросы. И какъ оную Настасью проводили изъ саровской пустыни, Іосія послѣ провожанія, пришедъ въ келью свою, говорилъ при нихъ Кучинѣ и Зварыкинѣ про дѣло Матвѣевой: «подавалъ-де насынокъ ея Государынѣ челобитную о помѣстномъ своемъ дѣлѣ, и та челобитная мимо вотчинной коллегіи отослана была въ Сенатъ, и въ томъ турбацію учинили — хотятъ отнять у ней четвертую часть помѣстья: а все то иноземцы сдѣлали. Вотъ наши министры и прочіе господа, *мимо достойной наслѣдницы, государыни цесаревны, избрали на престолъ россійскій эту государыню императрицу*, чая, что при ней не будутъ иноземцы имѣть большины, а цесаревну мимо обошли, мня, что при ней иноземцы будутъ имѣть большину. По Богъ, за презрѣніе достойной наслѣдницы, сдѣлалъ надъ нашими господами такъ, что только на головахъ ихъ не ѣздятъ иноземцы». Кучинъ къ слову прибавилъ: «иншто-де, какъ отъ кого ни послышишь, государыня цесаревна любезна и многіе очень сожалѣютъ, какъ-де и ты отъ многихъ слышалъ, батюшка». Зварыкинъ также не отсталъ отъ нихъ въ похвалѣ Елисаветы Петровны: «и мнѣ-де, батюшка, очень жаль государыни цесаревны, какъ мимо ея да эту государыню избрали — такъ жаль было, что едва неплакалъ; и незнаю, очень мнѣ она кажется взоромъ любезна: какова-то будетъ эта Государыня»? Іосія замѣтилъ, что эта Государыня «груба лицомъ». — Самгинъ говаривалъ объ этомъ неоднократно. Когда кто въ пустыню изъ Москвы пріѣдетъ, то онъ все спрашивалъ, что въ Москвѣ дѣлается, и потомъ въ кельѣ своей говаривалъ, кого изъ Москвы въ ссылку послали».

Послѣ этого разговора на другой или на третій день, бывши у

Іосіи, при означенномъ Кучинѣ, спрашивалъ онъ, Зварыкинъ, у Іосіи: «ежели кто помыслитъ или почувствуетъ въ себѣ такое мнительство, что правильно достойная наслѣдница оставлена, а неправильная избрана, и кто-де не пойдетъ для онаго неправильнаго избранія къ присягѣ и за то постраждетъ, что̀ такому за то будетъ»? И онъ, Іосія, на то говорилъ: «вотъ неправильное избраніе, кто ни пойдетъ за него къ присягѣ — всѣ гибнутъ; въ прежнія времена печерскіе святые за неправильныхъ государей и Бога не маливали, не боясь, что за то постраждутъ».—Онъ же, Іосія, предъ постриженіемъ Боголѣпа въ монахи говорилъ Зварыкину: «что на это смотрѣть, что нынѣ указами постригать запрещено. То тверже намъ, что въ Евангеліи написано: грядущаго ко мнѣ не изжену вонъ».—Онъ же Іосія говорилъ о новгородскомъ архіепископѣ Ѳеофанѣ, называя его ересевводителемъ, за то что вѣнчалъ царевну Анну Петровну съ голштинскимъ герцогомъ». Онъ же говаривалъ мнѣ, что «нынѣ, какъ видно, почитай всѣ знатныя персоны въ наученія страшна и различна уклонилися, и одни похваляютъ римскую, а другіе лютеранскую церковь, и ежели государыня императрица склонится куда, то прекословить не кому, понеже архіереи наши такъ обротаны, что куда хошь поведи».—Въ прошломъ 1730 г., когда ея императорское величество прибыла въ Москву, я слышалъ отъ Іосіи слова такія: «вотъ-де пророчество отца Іисуса исполнилось, что онъ пророчествовалъ о восшествіи этой Государыни на престолъ россійскій». А про Іисуса сказывалъ, что онъ былъ іеросхимонахъ анзерскаго скита и слѣпъ очами, а служилъ по вся дни литургіи и во время литургіи отверзались ему очи и все видѣлъ, а по литургіи паки слѣпъ бывалъ.—Помнится, онъ же говорилъ въ 1731 г.: «вотъ уже сочинитель нашихъ тетрадей страждетъ за нихъ, что ревнуя поревновавъ о истинѣ написалъ; и изъ насъ, ежели до кого коснется въ этихъ тетрадяхъ, что и взятъ кто будетъ куда, и ему надо одному страдать, а на другихъ не показывать». И я на тѣ его слова сказалъ: «были мы орли, а-становимся нощные нетопыри».— О письмѣ папиномъ, къ нѣкоей персонѣ въ Россію присланномъ, помнится говорилъ Іосія, что прислано было письмо отъ папы къ государю императору Петру Великому о вѣрѣ, и то письмо Государь давалъ архіереямъ рязанскому и псковскому. Рязанскій на то письмо сочинилъ свое

по подобающему какъ надлежитъ, а псковскій ни туда—ни сюда написалъ».—Говорилъ объ отягощеніи народа: «какъ-де не боготворятъ чрево, когда тирански собирая съ бѣднаго подданства слезныя и кровавыя подати употребляютъ на объяденія и пьянства и какъ, по видѣнію Ипфопта, сатанѣ жертвы не пршосятъ, когда слезные и кровавые сборы употребляютъ на потѣхи? А на все это Государыню приводятъ иноземцы, понеже у нихъ крестьянъ нѣтъ и жалѣть имъ не кого, хоть всѣ пропади». Я сказалъ было, что у иноземцевъ есть крестьяне, но Іосія говорилъ: «да хотя и есть у нихъ, да не у многихъ, а хотя-бъ и у всѣхъ были, такъ они брегутъ ли о нашихъ русскихъ крестьянахъ? Чай хуже собакъ почитаютъ. Пропащее наше государство». На это Сильвестръ сказалъ: «Богъ милостивъ, иногда по паденіи будетъ и возстаніе, да еще такое, что паче прежняго».—Вслѣдъ за тѣмъ, 9 іюня, Зварыкинъ сдѣлалъ еще одно показаніе. «Пришло мнѣ въ память еще. Неупомню кому, только при мнѣ говорилъ Іосія такія слова: слышалъ онъ, что съ противной стороны сочинена книга на Камень Вѣры и хотятъ ее подать въ Сунодъ; и ежели-де это сдѣлается и въ Сунодѣ примутъ, то уже не кто другой, но самъ Сунодъ въ вожденіи въ Россію ереси виновенъ будетъ».

По поводу показаній Зварыкина даны были вопросы всѣмъ замѣшаннымъ въ дѣло саровцамъ и берлюковцамъ. Показанія ихъ въ главномъ сходны съ показаніями Зварыкина, исключая незначительныя частности и подробности, касавшіяся монашескаго быта и личныхъ отношеній братства Но заслуживаетъ упоминанія одно показаніе Никодима. Іосія часто ѣзжалъ въ Москву исповѣдывать дѣтей духовныхъ, потому что у него много въ духовности знатныхъ персонъ. Однажды, когда онъ пріѣхалъ изъ Москвы, братія спросили, что новаго въ Москвѣ? «Да чего ждать—отвѣчалъ Іосія—война настаетъ, поляки подымаются и Государыня въ свою землю ѣхать изволитъ и напередъ ужъ всѣ богатства посланы». — Онъ же, Іосія, говорилъ: «вотъ уставлены по государяхъ панихиды и въ богатые монастыри деньги за это присылаютъ, а въ наши монастыри ничего не даютъ, не на что пшеницы на просфоры купить, да и въ отправленіи тѣхъ панихидъ напрасная намъ тягость».

Самгинъ, замѣчая по ходу дѣла, что его считаютъ главнымъ

вшовникомъ этого движенія, а Зарыкина его орудіемъ, подалъ 10 іюля пространное *Объявленіе о великомъ злоумышленіи.* Сущность этого объявленія заключается въ томъ, что Зарыкинъ есть членъ тайнаго общества, которое замышляло измѣнить въ Россіи форму правленія, возвесть на престолъ Елисавету Петровну, соединить церковь русскую съ латинскою или лютеранскою. Все это будто бы открылъ Зарыкинъ Іосіи на исповѣди въ саровской пустыни. «Зарыкинъ не монахъ, а надѣлъ только монашеское платье. Какой-то волхвъ сдружилъ его съ бѣсами, такъ что онъ можетъ дѣлать все, что захочетъ. Бывши въ Петербургѣ онъ пристalъ къ тайной компаніи, которая замышляла разныя злодѣйскія дѣла. Зарыкинъ называлъ ему двухъ членовъ этой компаніи—Бѣлова и Петра Петровича Чистова. Чистóй былъ купецъ и велъ заграничную торговлю. Въ этой компаніи придумали написать просительное письмо Петру I-му—какимъ бы образомъ россійскую церковь съ лютеранскою склонить, для того что онъ—Государь сильный, лучше сдѣластъ; а когда оспуетъ, то чтобъ его извести, для того что Государь—человѣкъ умный: хотя въ чемъ и погрѣшитъ, а послѣ скоро и осмотрится. Вейцъ, повидимому, былъ членомъ этой компаніи и обѣщалъ сдѣлать Зарыкина правителемъ россійскаго государства и говорилъ, что *и царевна уже готова.* А какая царевна и кому готова, того Зарыкинъ не сказалъ». За тѣмъ раскрываются одно за другимъ дѣствія этой компаніи. «Сказывалъ онъ Зарыкинъ, что былъ разговоръ о вѣрѣ и ссылка была на книгу, которая съ нашей стороны очень сильна; а имѣлась она въ кіевскихъ странахъ, и Государь де Петръ Первый наскоро послалъ—велѣлъ оную книгу привезть, а они съ компаніей послали, чтобъ того посланнаго, дождавшись на перевозѣ, и съ книгою въ рѣкѣ утопили. Потомъ Государю вскорѣ и кончина стала быть». — «Зарыкинъ же сказывалъ ему: когда было слѣдствіе о бывшемъ Оедосѣ архіереѣ, то у онаго слѣдствія не упомню—онъ Зарыкинъ или кто другой изъ ихъ компаніи былъ. И когда-де пришлются какіе пункты и они съ тѣхъ пунктовъ списавши копіи отдавали Оедосову келейнику, и онъ заранѣе отвѣты приготовлялъ. За это Ѳедосъ открылъ ему ларецъ, полонъ алмазовъ и прочихъ каменьевъ, и говорилъ ему, чтобы онъ, Зарыкинъ, бралъ себѣ сколько хочетъ: но онъ ничего не взялъ и думалъ,

что тѣ каменья всѣ церковные, только взялъ у него часы, которые проигралъ въ компаніи за шесть-сотъ рублевъ»[1]).—Онъ же, Зварыкинъ, сказывалъ: въ какомъ-то мѣстѣ они ножомъ искололи образъ не упомню—Спасителя или Богоматери, и о томъ прибиты были указы, что тотъ образъ исколотъ явился, и ежели виновный къ опредѣленному числу не явится, положена будетъ на него церковная клятва.—Онъ же, Зварыкинъ, говорилъ: какой-то человѣкъ Иванъ Васильевъ приговоренъ былъ къ смерти, помнится за подписку вмѣсто руки Государя Императора Петра Перваго, а къ чему, того не упомню; а они компаніей его, не упомню какимъ образомъ, тайно изъ тюрьмы освободили, и жилъ онъ, Иванъ Васильевъ, гдѣ-то въ крѣпкомъ мѣстѣ: въ землѣ были сдѣланы свѣтлицы и при немъ было служителей шесть или восемь человѣкъ: богатъ-де очень».—Онъ же, Зварыкинъ, сказалъ: изъ компаніи-де нашей одинъ отъ намѣренія нашего отмѣнился и мы де хотѣли его убить, но онъ всякими клятвами клялся, чтобъ ничего никому не сказывать.—Онъ же, Зварыкинъ, сказывалъ ему, что по пріѣздѣ въ С.-Петербургъ онъ жилъ съ мѣсяцъ или полтора въ домѣ государыни цесаревны Елисаветы Петровны, а потомъ перешолъ въ домъ графа Салтія. —«Ему, Зварыкину, Гаврило Замятнинъ другъ великой былъ, да Осипъ Дудинъ знаемъ же».—Самгинъ просилъ производить слѣдствіе объ немъ не въ Синодѣ, чтобъ удобнѣе было сыскать ту злодѣйственную компанію.

Ѳеофану многое казалось подозрительнымъ въ этомъ объявленіи. «Первое представленіе Іосіи до сего письма—писалъ онъ—за долго было, а именно за 52 дня: для чего же ни на первомъ, ни на другомъ, ни на третьемъ, ни на четвертомъ ничего не объявилъ? А пишетъ, что отъ первой ставки его сталъ разсуждать, что объявить надлежитъ. Если Вейцъ какой-то имѣлъ Зварыкина сдѣлать такимъ-то сильнякомъ и то говорилъ Зварыкинъ Іосіи, то конечно говорилъ, какъ то̀ Вейцъ имѣлъ сдѣлать. Долженъ сей доношикъ или объявитель о томъ ясно показать. Долженъ же показать, которая царевна и кому уготовлена была: а то онъ разстрига лжетъ, сказуя, что того не помнитъ. Таковыя дѣла и ли-

[1]) Дѣло Ософосія могло быть извѣстно Зварыкину потому, что дядя его В Каотыревъ былъ членомъ Коллегіи Экономіи при св. Синодѣ, близокъ былъ съ Ософосіемъ и бывалъ у него на ассамблеяхъ.

ца, если бы правда была, забвенію не подлежатъ. Что̀ придумали, какъ бы Государя преклонить, не пишетъ разстрига. А нельзя было ему, разстригѣ, толь коварному плуту, не спросить о томъ Зарыкина и Зарыкину нельзя было что ни есть о томъ не соврать передъ нимъ. Какъ имѣли Государя извести, конечно о томъ разговоръ былъ между Іосіею и Зарыкинымъ, если Зарыкинъ о томъ зломъ умыслѣ Іосіи говорилъ. И потому тутъ вопросы разстригѣ надлежатъ. Да какъ его разстригу, такъ и Зарыкина и всѣхъ прочихъ допросить: не знаютъ ли о нынѣшнихъ и недавнопрошедшихъ таковыхъ затѣйкахъ? Если же укрѣпится разстрига Самгинъ, что отъ Зарыкина якобы о томъ слышалъ, то долженъ отвѣтствовать, для чего о такомъ ужасномъ воровствѣ доселѣ молчалъ? За тѣмъ мое мнѣніе: 1) облзать разстригу сказкою, что онъ не лжетъ; 2) велѣть ему опять тогожъ дѣла объявленіе написать, не показуя сего прежденаписаннаго; 3) допросить Зарыкина».

Когда Зарыкину показали объявленіе Іосіи, онъ заперся почти во всемъ, исключая волхва и Вейца. Все, что онъ ни говорилъ Іосіи о своемъ бѣсованіи, о волхвѣ, о Вейцѣ, о кореньяхъ, о бѣсахъ — все это онъ выдумалъ на себя и обманывалъ Іосію. Но никакой компаніи не знаетъ, ни съ кѣмъ въ обществѣ не бывалъ, ни Бѣлова, ни Чистова не знаетъ, ни о какихъ дѣйствіяхъ компаніи не говаривалъ. Только имѣлись у него, Зарыкина, вирши о Ѳедосѣ, изданные послѣ ссылки его, а отъ кого не знаетъ, и что̀ въ тѣхъ виршахъ написано было, того не упомнитъ». Да имѣлся у него съ разстригою Яковомъ разговоръ о Оомкѣ [1]), какъ онъ разрубилъ образъ чудотворца Алексѣя, и за то Государь Императоръ гнѣвался на рязанскаго архіерея Стефана и не велѣлъ ему казаній сказывать. А о приводѣ его отъ бѣсовъ къ иноземцу Вейну, о отверженіи своемъ отъ Христа и въ дачѣ о томъ писемъ и потомъ о обращеніи своемъ, и о приходѣ къ нему бѣсовъ и о мученіи отъ нихъ и о явленіи ему святыхъ и о прочемъ обо всемъ объявлялъ онъ, Зарыкинъ, вымысля отъ себя притворно, въ чемъ кается по чистой совѣсти».

Зарыкинъ происходилъ изъ хорошаго рода и имѣлъ порядоч-

---

[1]) Цирюльникъ Оома, приставшій къ кальвинскому обществу въ Москвѣ и за поруганіе образа чудотворца Алексѣя казненный въ 1714 году.

ныхъ родственниковъ; но безпутная жизнь сбила его съ дороги. Онъ жилъ нѣсколько времени при дворѣ Елисаветы Петровны и, какъ всѣ окружавшіе загнанную царевну, былъ плѣненъ ея ласковымъ обращеніемъ. Въ кругу придворныхъ царевны безъ сомнѣнія бывали толки о ея несчастномъ положеніи, что она безвинно лишена престола и страдаетъ вмѣстѣ со всѣми русскими отъ иноземцевъ, окружающихъ Императрицу. Пришедши въ монастырь Зварыкинъ сообщалъ свои впечатлѣнія и слышанные толки монахамъ, и этимъ подготовлялъ себѣ бѣду, которая и постигла его по показаніямъ Самгина. Кромѣ того, какъ человѣкъ бывалый, онъ толковалъ о разныхъ дѣлахъ изъ прежнихъ царствованій Петра и Екатерины — о злодѣйствѣ московскихъ еретиковъ, изрубившихъ образъ Спасителя, о судѣ надъ Ѳеодосіемъ и о прочемъ Іосія, мало понимавшій эти толки, перепуталъ ихъ такъ, что трудно отдѣлить дѣйствительно бывшее отъ вымысловъ его фантазіи.

Теперь предъ глазами слѣдователей были два разныхъ показанія — Самгина и Зварыкина. Тотъ и другой, выгораживая себя, взводили другъ на друга важныя преступленія. Слѣдователи рѣшились допскиваться правды посредствомъ пытки. Начали съ Самгина, который казался хитрѣй и подозрительнѣй Зварыкина. По приводѣ въ застѣнокъ, 7 августа, Самгину еще разъ сдѣлали увѣщаніе, чтобъ показалъ сущую истину, и показали приготовленныя орудія, которыми въ розыскѣ будетъ пытанъ, если станетъ запираться. Послѣ того его допрашивали по содержанію показаній его и Зварыкина. Но розыскъ не привелъ ни къ чему. О компаніи онъ утверждалъ одно, что все-то говорилъ ему Зварыкинъ на исповѣди не о всемъ вдругъ, но порозно, а въ объявленіи своемъ написалъ онъ Самгинъ все по порядку, какъ отъ того Зварыкина слышалъ. А какъ бы церковь россійскую съ лютеранскою склонить и Государя Петра Перваго известь, и которая цесаревна и кому готова, и для чего онъ Зварыкина о томъ не спрашивалъ—и онъ, Самгинъ, думалъ, что то дѣло уже минувшее. А что теперь о такой опаспости въ объявленіи своемъ написалъ, и то дознаваясь собою въ такой силѣ, что были въ немъ (Зварыкинѣ) бѣсы, и что прежнее намѣреніе ихъ было (дѣйствовать) чрезъ волшебника Вейца, и потому не могутъ ли и нынѣ чрезъ

волшебство такогожъ намѣренія учинить. Но судя по словамъ Зварыкина признавалъ онъ, что царевна готова ему.—Почему онъ прежде не показывалъ этого? Потому что ему преосвященный (Ѳеофанъ) сказалъ: говори-де только о томъ, о чемъ тебя спросятъ».

Въ первыхъ числахъ августа, или въ послѣднихъ іюля, арестантовъ—11-ть человѣкъ—перевели изъ С.-Петербурга въ Ораніенбаумъ, чтобы Ѳеофану, во время отдыха на приморской дачѣ, можно было распутывать этотъ узелъ по предметамъ «не пущей касающейся до нихъ важности, о чемъ персонально условлено у него съ кабинетными министрами». Августа 13 онъ вытребовалъ въ Ранбовъ восемь ямскихъ подводъ для привоза къ нему арестантовъ и отвоза отъ него на мѣсто ихъ обыкновеннаго пребыванія, кажется въ заливѣ, на кораблѣ [1]). Послѣ того арестантовъ опять перевезли въ С.-Петербургъ. При чрезвычайномъ усложненіи дѣла, затрудняясь одинъ его производствомъ, Ѳеофанъ подалъ Государынѣ докладъ, чтобы дали ему помощниковъ [2]). 16 августа Государыня утвердила докладъ, приказавши дѣлать съ арестантами, что надлежитъ.

Самгина пытали въ другой разъ; но такъ какъ онъ съ двухъ

---

[1]) Преосвященный архіепископъ великоновоградскій и великолуцкій! Сего августа 12 дня отъ вашего преосвященства, чрезъ секретаря Хрущова, сообщено къ намъ на разсужденіе, что для произведенія о содержащихся въ Ранибомѣ извѣстныхъ вашему преосвященству арестантахъ, о непущей касающейся до нихъ важности, о чемъ персонально вашему преосвященству отъ насъ было донесено, потребно для привоза оныхъ арестантовъ къ допросу, тако-жъ и для отвозу ихъ для содержанія по прежнему, ямскихъ восемь подводъ, или не оставить ли онаго произведенія до прибытія въ С.-Петербургъ; но токмо-де оные арестанты въ Ранибомъ уже завезены: того-де ради безъ изслѣдованія возвращать тѣхъ арестантовъ видится не можно. И по оному вашего преосвященства разсужденію, для вышепоказаннаго, ямскихъ восемь подводъ съ ямщиками, сего августа 13 дня, въ Ранибомъ отправлены, велѣно имъ явитца у стоящаго въ Ранибомѣ лейбъ-гвардіи подпорутчика Шишкина, и когда оные арестанты отъ вашего преосвященства къ вопросамъ востребуютца, то ихъ отвозить на оныхъ подводахъ, о чемъ къ оному подпорутчику ордеръ, такожъ и на платежъ за прогоны изъ Тайной канцеляріи денегъ двадцать рублевъ послано. Вашего преосвященства всепокорнѣйшіе слуги: Андрей Остерманъ, Князь Алексѣй Черкасской. Августа 13-го 1734 года. С.-Петербургъ.

[2]) По извѣстному вашему величеству слѣдующемуся въ Ранибомѣ, ск-

розысковъ утверждался, что Зварыкинъ подлинно говорилъ ему означенныя слова, а о написанныхъ отъ него, Зварыкина, въ собственноручномъ письмѣ важныхъ непристойныхъ словахъ не винился, то рѣшено было дать ему очную ставку съ Зварыкинымъ, и когда Самгинъ розыскиванъ будетъ въ третій разъ, то тогда привесть въ застѣнокъ и Зварыкина; и ежели Самгинъ съ третьяго розыска утверждаться будетъ на прежнемъ своемъ показаніи, тогда изъ подлинной правды розыскивать и имъ Зварыкинымъ. 31 августа Зварыкина лишили монашескаго сана.

---

5) Саровское слѣдствіе. — Показанія берлюковскаго іеромонаха Пахомія. — Берлюковское слѣдствіе.

Въ Сунодѣ свѣдѣнія о главныхъ и побочныхъ лицахъ этого дѣла пополнялись новыми показаніями, которыя не только не ослабляли, но еще болѣе усиливали на ихъ счетъ подозрѣнія духовнаго и гражданскаго правительства.

Саровскій слѣдователь, колоцкій игуменъ Пахомій, допросилъ все братство и тружениковъ саровскихъ, пересмотрѣлъ всѣ кельи, обшарилъ всѣ углы, погреба и чердаки, и представилъ въ московскую сунодальную канцелярію всѣ письменныя тетради и письма, какія только нашлись. — Сунодальная канцелярія разобрала эти тетради и прислала въ Сунодъ тѣ, которыя казались ей подозрительными [1]).

Θеофанъ, разсмотрѣвши часть этихъ бумагъ, сдалъ ихъ 23 августа въ Сунодъ, съ объясненіемъ, что «разсмотрѣть всего не

ретному дѣлу, по общему ихъ сіятельствъ господъ министровъ со мною согласію, надлежитъ арестантовъ тѣхъ, о нѣкоторыхъ указамъ противныхъ причинахъ и другихъ обстоятельствахъ, спрашивать нынѣ *здѣсь*, а чтобъ мнѣ чинить то не одному, изволили ихъ сіятельства господа министры согласовать о присутствіи со мною при томъ архимандритамъ. Того ради не изволитъ ли ваше величество повелѣть прибыть сюда архимандритамъ — чудовскому и ипацкому».

1) Между прочимъ найдена тетрадь съ выпискою изъ проповѣдей Θеофилакта Лопатинскаго, а на оборотѣ написано: «воспомяни душе моя преподобнаго Архиппа!»

успѣлъ, а нынѣ разсматривать невозможно, потому что отъ е. и. в. повелѣно ему для нѣкотораго дѣла имѣть присутствіе съ высокосіятельными господами министрами. А изъ разсмотрѣннаго покажется подозрѣніе по допросу монаха Сергія о чтеніи нѣкіихъ тетрадей, что увидя Іосія говорилъ: сіе-де дѣло не твое.— И чтобъ изволили то все нынѣ разсмотрѣть и ему преосвященному о послѣдующемъ сообщить».

Въ Сунодѣ возникло подозрѣніе о книгахъ, тетрадяхъ и письмахъ, которыя удержаны московской сунодальной канцелярісй, какъ не заключающія въ себѣ ничего сомнительнаго.—«Напримѣръ одна книга о естествѣ; а каково то естество, не показано; ибо естествъ довольно. Также о книгѣ: «еже не подобаетъ ясти въ церкви» не значится, съ чего та книга списана; и если изъ книгъ, то разсужденію подлежитъ къ неважности; а ежели отъ себя, или же изъ книгъ, да съ своими непотребными прилоги, то подлежитъ слѣдствію».— Сунодъ приказалъ всѣ книги и тетради прислать въ С.-Петербургъ.

Въ сентябрѣ взятъ былъ въ С.-Петербургъ для допроса изъ николаевской солбинской пустыни монахъ Пахомій.—Прикосновенность его къ дѣлу заключалась въ томъ, что онъ былъ духовнымъ отцомъ княгини Долгоруковой, подписался за нее подъ прошеніемъ объ опредѣленіи Іосіи строителемъ въ берлюковскую пустынь и самъ постригся у Іосіи въ берлюковской пустыни.

Пахомій показалъ, что былъ онъ священникомъ въ Москвѣ, при воскресенской барашевской церкви, и оставивъ свой приходъ постригся въ монашество; а о томъ постриженіи указа не имѣлъ, только предъ отходомъ въ монастырь приходилъ къ преосвященному Іоакиму, архіепископу ростовскому, и объявилъ ему о своемъ намѣреніи; на что его преосвященство сказалъ ему: «Боже помози». При отходѣ отъ церкви ни ризницы, ни утвари церковной никому не поручалъ, а ушолъ тайно, и указа не требовалъ, опасаясь, что по силѣ запретительныхъ указовъ его не постригутъ. Онъ думалъ было постричься въ саровской пустыни, къ чему располагала его строгая жизнь тамошней братіи; но Іосія отсовѣтывалъ ему въ этомъ—что строитель-де іеромонахъ Іоаннъ человѣкъ правной и все обращается за приказными хлопотами, и бываетъ года по два и больше въ отлучкахъ изъ монастыря, а

правительство монастыря и братства имѣлъ все я. И ежелибъ Богъ далъ мнѣ въ какомъ монастырѣ мѣсто, тобъ-де я во всемъ непремѣшно противъ саровской пустыни чинъ содержалъ».—Съ этихъ словъ Пахомій и началъ стараться объ опредѣленіи Іосіи въ берлюковскую пустынь, ѣздилъ къ братіи и взялъ отъ нихъ въ пользу его заручную. Послѣ того Пахомій и самъ постригся въ этой пустыни. Но, взглянувши на Іосію поближе, онъ разочаровался въ его аскетическихъ добродѣтеляхъ.—Іосія не служилъ ни царскихъ молебновъ, ни панихидъ: «наше-де пустынное дѣло». Съ разными хитростями принималъ и постригалъ монаховъ: «онъ принималъ къ себѣ монаховъ, яко постриженныхъ въ иныхъ монастыряхъ; а какъ я увѣдомился, что они пострижены отъ него строителя, говорилъ ему: для чего онъ самъ постригаетъ, а сказываетъ, что пострижены въ другихъ монастыряхъ? И онъ мнѣ говорилъ: ты внимай себѣ и своему спасенію, а отца не подзирай и наготы его не обнажай». Когда велѣно было подать о монахахъ сказки, то сказки тѣ сочинялъ Сильвестръ, а ему Пахомію давали переписывать—и въ тѣхъ сказкахъ писано все неправда. А которые изъ бѣльцовъ просились у него постригаться, онъ въ тѣ сказки писалъ ихъ монахами, къ которымъ сказкамъ они и руки монашескимъ именемъ прикладывали. Много такихъ, которые еще и женъ имѣютъ.—Когда онъ говаривалъ объ этомъ Іосіи, тотъ отвѣчалъ: «ничего, у насъ вкладчики хороши». А вкладчиками были архим. Варлаамъ, кн. Одоевскій и другіе знатные люди.—Да въ великій постъ, послѣ церковнаго правила, пришелъ я къ нему въ келью, и онъ на іеромонаха Никодима весьма кричалъ и упоминалъ, что онъ общества монастырскаго не хранитъ, имѣетъ положенныя на сбереженіе деньги въ мірѣ: «или-де отдай ихъ кому, или въ монастырь привези. Ты жъ возмущаешь братство и хвалишь саровскую пустынь». Когда онъ, Пахомій, вышелъ, то слышно было, что строитель Никодима билъ и отъ тѣхъ побой онъ лежалъ съ недѣлю и больше, и рукою не владѣлъ недѣли съ три. Когда Пахомій сказалъ, что онъ будетъ доносить обо всемъ начальству и что съ нимъ согласны монахи Иринархъ и Никодимъ, то онъ всѣхъ ихъ выгналъ изъ монастыря, а ему Пахомію, вспомнивши Хама и Іуду, сказалъ: «бѣсъ тобою овладѣлъ, что ты все подзирасшь за отцомъ».—Однажды Іосія послалъ его въ троицкій и въ

другіе монастыри, и по просьбѣ дозволилъ ему заѣхать и въ саровскую пустынь, но при томъ говорилъ: «какъ ты станешь близко подъѣзжать къ саровской пустыни, и ты всѣ чувства свои огради крестнымъ знаменіемъ и весьма сіе наблюдай, чтобъ-де тебя не обошли вкругъ, а больше берегись монаха Георгія: онъ такой, что ежели не сможетъ самъ чего учинить, то другому дастъ щепочку и тою щепою обойдутъ вокругъ человѣка и умъ станетъ не свой». — Когда Іосія, пріѣхавъ изъ саровской пустыни, стоялъ у меня въ домѣ, то купецкій человѣкъ Степанъ Дмитріевъ привелъ къ нему мужика—называли Иванъ юродивый: Іосія держалъ его въ горницѣ дня съ три. И оный юродивый все юродствовалъ и приходилъ ко мнѣ въ горницу, гдѣ я жилъ и домочадцевъ моихъ юродствуя билъ. И когда сдѣлался строителемъ, онаго юродиваго привезли они къ себѣ въ монастырь, и онъ пророчествовалъ, кто его спрашивалъ изъ монаховъ. И самъ строитель ему, Ивану, крестяся молился и другимъ молиться велѣлъ» [1]).

Тѣмъ временемъ, какъ въ Тайной канцеляріи производилось слѣдствіе объ Іосіи, четыре берлюковскіе монаха подали въ московскую сунодальную канцелярію донесеніе, что они пострижены въ монашество Іосіей, а по указамъ или безъ указовъ того не знаютъ. — Сунодальная канцелярія приказала лишить ихъ монашества, а въ пустынь назначила слѣдствіе, поручивши его особой коммиссіи, составленной изъ владимірскаго рождественскаго архимандрита Павла, срѣтенскаго игумена Евсевія Леонова и совѣтника коллегіи экономіи И. Топильскаго.

Слѣдствіе это любопытно для исторіи монастырской жизни въ прошломъ столѣтіи.

Во первыхъ о пустыни. — Она имѣетъ какое-то апокрифическое происхожденіе. По дѣламъ оказалось, что на основаніе ея, въ между-патріаршество, данъ указъ за рукою архим. Антонія, когда онъ былъ казначеемъ въ сунодальномъ домѣ, купецкому человѣку Вуколу Мартынову, а строителемъ опредѣленъ, по то-

---

[1]) Объявленіе Пахомія св. Суноду 16 сентября 1734 года.

мужъ указу, іеромонахъ стромынскаго монастыря Діодоръ. Послѣ этого Діодора и слѣдовавшаго за нимъ Сераніона, опредѣленъ строителемъ іеромонахъ Никифоръ, родомъ изъ крестьянъ, постриженникъ богословской пустыни. Въ опредѣленіи его принимала участіе царица Евдокія Осодоровна. За самовольное постриженіе монаховъ онъ содержался подъ карауломъ въ московскомъ духовномъ приказѣ; потомъ изъ-подъ караула бѣжалъ и укрывался сперва въ саввиномъ сторожевскомъ монастырѣ; потомъ пробрался въ С.-Петербургъ, содержался нѣсколько времени подъ карауломъ въ невскомъ монастырѣ, битъ плетьми и сосланъ подъ арестъ въ богословскую пустынь. — Преемникъ его Іосія дѣйствовалъ въ томъ же духѣ, постригалъ безъ указу и женатыхъ. Вотъ какія показанія читаемъ у многихъ берлюковцевъ. «Монахъ Макарій сказалъ—родомъ онъ изъ Смоленска, польской паціи, сапожниковъ сынъ, женатъ на дочери кадашевца Ѳомы Иванова, дѣвкѣ Агафьѣ, которая и нынѣ жива.... о чемъ онъ и говорилъ строителю, но онъ въ томъ ему не спорилъ». «Монахъ Іустъ родомъ изъ вотчины стольника Дохторова, и по возрастѣ женился, и женясь жилъ въ Москвѣ, а въ 1732 году данъ имъ съ женою отъ помѣщика увольнительный пашпортъ на постриженіе: мужъ отправился въ берлюковскую пустынь, а жена въ Хотьково. Іосія, безъ постриженія, велѣлъ надѣть на него полное монашеское платье и назвалъ Іустомъ. Прочіе постриженники Іосіи всѣ пострижены безъ указовъ, большею частью въ кельѣ, а не въ церкви и безъ увольнительныхъ видовъ отъ своихъ общинъ.—Самгинъ показалъ, что онъ отважился на это отъ простоты своей. «Изъ монастыря въ міръ ѣздилъ мало, и такимъ безумнымъ своимъ въ монастырѣ сидѣньемъ до такой бѣды себя довелъ, что указовъ истинно не читывалъ, только опасался о постриженіи монашескомъ, что о томъ указы вѣдалъ, но и въ томъ окраденъ былъ:— простоты ради мнилъ, что указамъ о постриженіи есть какая перемѣна, потому что слышалъ, что въ троицкомъ монастырѣ постригаютъ. Также согрѣшилъ окаянный простотою своею—держалъ въ пустыни бѣльцовъ нѣсколько человѣкъ — а держалъ не за бѣглыхъ. Первый Степанъ, отецъ Боголѣпа, который, пришедши въ монастырь сказывалъ, что онъ желалъ постричься и жену имѣетъ. А въ то время указы и застали, чтобы въ мона-

стыряхъ сдѣланы были зашнурованныя книги и табели и монахи-бъ всѣ были написаны; а помнится мнѣ указы тѣ были въ 33 году, и боясь тѣхъ указовъ, что впредь нельзя будетъ пришлыхъ монаховъ принимать, а жить мнѣ не съ кѣмъ, по желанію Степана написалъ его въ табель монашескимъ именемъ, и другаго съ нимъ, купецкаго-жъ человѣка, Григорія Дмитріева женатаго, по желанію его; третій записанъ въ табель безъ постриженія Ѳедоръ Семеновъ холостой, да Яковъ Семеновъ, да Григорій—малой лѣтъ шестнадцати. Такъ они и подписались въ табели монашескими именами». Отправляя новопостриженныхъ къ посвященію въ іеромонахи и іеродіаконы, Самгинъ приказывалъ имъ дѣлать ложныя показанія. Вотъ правдивый разсказъ Боголѣпа: «изъ новопостриженныхъ посвящены только двое—я, да другой Никодимъ. Я въ саровской пустынѣ постриженъ, а Никодимъ въ берлюковской пустынѣ. Никодима посвящалъ архіерей ростовской Іоакимъ въ іеромонахи, а меня въ іеродіаконы. Меня научилъ Іосія сказку сказать: скажи ты села Кужендѣй, церкви Воскресенія Христова поповъ сынъ. Когда я спросилъ, какъ попа-то назвать? Такъ онъ сказалъ мнѣ: хоть отца-то скажешь своего, а лѣтъ двадцать четыре. Я такъ и сказалъ. А Никодимъ-то какъ сказку-то сказалъ, я не знаю, а архіерея просилъ Іосія-то, чтобы насъ посвятилъ».

Еще одно случайное показаніе Пахомія въ Тайной канцеляріи набросило мрачную тѣнь на берлюковцевъ и гнѣздо ихъ. «Въ прошломъ 1733 году, января противъ 19 числа, въ берлюковской пустыни, кромѣ бывшаго строителя, что нынѣ разстрига Самгинъ, другихъ іеромонаховъ никого не приключилось». Ѳеофану это показаніе явилось страннымъ. Онъ написалъ на немъ: «о томъ, что кромѣ строителя другихъ іеромонаховъ въ пустыни не приключилось (хотя то къ настоящему дѣлу, кажетца, и не надлежитъ) допросить Пахомія и другихъ, гдѣ бываютъ іеромонахи и монахи, когда ихъ въ монастырѣ и въ почи нѣтъ, да еще и всѣ вдругъ отлучаются; а и безъ показанія ихъ покажуется; что та пустыня видъ только монастыря имѣла, а была пристанище бродягамъ и прелестнымъ лицемѣрамъ».

Вслѣдствіе этихъ показаній и допесенія берлюковской коммиссіи, въ Сунодѣ (17 января 1735 г.) состоялось опредѣленіе:

монаховъ и тружениковъ берлюковской пустыни разослать куда указы повелѣваютъ, московское подворье берлюковской пустыни продать и деньги отдать въ монастырь, куда изъ оной пустыни церковную утварь и прочее церковное имѣніе отдать велѣно будетъ [1]).

---

6. Допросы и показанія княгини Долгоруковой, графини Матвѣевой и Макарова. — Слѣдствіе надъ московскою дикастеріею и synodальною конторою.

По показаніямъ саровцевъ и берлюковцевъ привлечены были къ допросу княгиня Долгорукова, графиня Матвѣева и А. В. Макаровъ съ женой.

Княгиня Марья Долгорукова была вкладчицей саровской и берлюковской пустыней, присылала туда разныя цѣнныя вещи изъ церковной утвари и каждый годъ четвертей по пятидесяти ржи и яроваго хлѣба, рыбы, масла и проч., изъ своихъ арзамасскихъ вотчинъ, бывшихъ недалеко отъ саровской пустыни. Кажется она была несчастлива въ домашней жизни [2]) и потому вдалась въ набожность, ѣздила по монастырямъ, зазывала къ себѣ монаховъ и юродивыхъ, почитала Тимоѳея Архиповича и хаживала къ нему за совѣтомъ и благословеніемъ. Монахи поддерживали въ ней это расположеніе, равно выгодное для нихъ и для ихъ пустынней. Августа 23 велѣно было арестовать ее въ Москвѣ, хотя бы она и болѣзнь имѣла, и приставить къ дому ея караулъ, а служителей всѣхъ забравъ допросить: какой у нихъ святой мужъ живетъ, и потомъ вести въ С.-Петербургъ. По прибытіи въ С.-Петербургъ ее помѣстили на преображенскомъ островѣ въ домѣ Маріота, подъ карауломъ. Она была такъ больна, что не могла встать съ постели. Въ показаніяхъ ея однакожъ ничего важнаго не явилось, кромѣ знакомства съ монахами и юродивыми. Между прочимъ любопытно, что Іосія говорилъ ей, будто юродивый Иванъ

---

[1]) Дѣла архива св. Синода, 1735 г., № 151.

[2]) Въ бытность Самгина въ Москвѣ она жаловалась ему, что «люди ихъ клевещутъ на нее мужу въ домовыхъ дѣлахъ, отъ чего происходитъ между ними раздоръ; да и отъ свойственниковъ своихъ она также ненавидима чрезъ клевету людей».

сказалъ ему, что мужъ ея умретъ, а онъ жилъ послѣ того два года.

Допросили *графиню Матвѣеву*, вдову графа А. Матвѣева, Изъ словъ ея оказалось, что у ней былъ пасынокъ А. М. Аргамаковъ, бывшій прапорщикъ л.-гв. преображенскаго полка и что она просила у него четвертаго жеребья съ тѣмъ, чтобы отдать эту часть въ саровскую пустынь.

Наконецъ, несчастная судьба вовлекла въ этотъ процессъ еще одного человѣка, изъ сподручниковъ Петровыхъ, доживавшаго свой вѣкъ въ удаленіи отъ двора, бывшаго кабинетъ-секретаря *А. В. Макарова*. На него въ эту пору собрались, одна за другой, много бѣдъ, съ разныхъ сторонъ, и докапали его еще не старую жизнь. Въ 1733 году онъ поручилъ ассесору Стечкину сдѣлать опись имуществу брата своего покойнаго И. В. Макарова. Послѣ этой описи какой-то канцеляристъ Василій Калининъ сдѣлалъ на Макарова доносъ, будто онъ приказывалъ Стечкину запечатать важныя государственныя бумаги — письма Петра, царевича Алексѣя, Меншикова и, между прочимъ, приходорасходныя книги по Кабинету 1708 — 1710 годовъ: «а дѣлалъ то закрывая свое воровство». Нарядили слѣдствіе изъ трехъ гвардейскихъ офицеровъ. Макаровъ оправдался почти по всѣмъ пунктамъ, исключая приходорасходныхъ книгъ, да и на этотъ счетъ подозрѣніе держалось только тѣмъ, что въ Кабинетѣ не оказалось расходныхъ книгъ за означенные годы. Коммиссія, по окончаніи слѣдствія, присудила доносителя за ложный доносъ бить кнутомъ, а расходныя тетради взыскать съ Макарова, принуждая его къ этому держаніемъ въ коммиссіи (9 марта 1734)[1]).—Между тѣмъ въ это время завязался узелъ другаго процесса, бѣдственно кончившагося для Макарова. Одинъ изъ берлюковцевъ, разстрига Степанъ Викторовъ, дѣлая разныя показанія въ Тайной канцеляріи по зварыкинскому дѣлу, между прочимъ написалъ, что Самгинъ, собираясь подать

[1]) Въ поданномъ Императрицѣ (1 іюня 1734 г.) разборѣ тетради Родышевскаго о монашествѣ, Оеофанъ писалъ, намекая на Макарова: «обрѣтается нѣкто здѣ, который намъ сказалъ, что нѣкто изъ вельможъ, силенъ бывшій, а нынѣ ссылочный, во дни силы своея уничижая указы Петра Перваго, говорилъ, будто онъ имѣетъ поданное себѣ письмо, на указы Петра Перваго возразительное. И если то было, то не мню, чтобы иное какое было, кромѣ сего обличаемаго отъ насъ письма».

въ Тайную канцелярію объявленіе на Зварыкина, заходилъ къ Макарову посовѣтоваться, но не засталъ его дома и поговорилъ только съ его женой.

Тайной канцеляріи, особенно Феофану, показалось весьма важнымъ, что въ эту исторію вошло лице, знавшее многіе государственные секреты и, не смотря на свое униженное положеніе, все еще значительное въ обществѣ. Для настоящаго процесса это тѣмъ важнѣе, что Макаровъ былъ тесть Аврамова, и что у него нѣсколько времени жилъ Александръ Яковлевъ, на котораго также было подозрѣніе въ составленіи пасквильнаго письма. Викторову сдѣлали допросъ: не говорилъ ли ему чего Самгинъ о Макаровѣ? Викторовъ показалъ, что Самгинъ говорилъ ему о Макаровѣ, что къ похвалѣ его относится, и притомъ объявлялъ, что и Государыня Императрица, когда еще не была здѣсь въ Россіи, писала къ нему письма, помнится просительныя, а какія именно, не выговаривалъ; и Макаровъ надѣялся, какъ Государыня прибудетъ въ Россію, быть при ней: анъ-де вотъ куда опредѣлили. И какъ Государыня изволила прибыть, то письма тѣ, которыя къ нему писала, приказала у него Макарова всѣ отобрать къ себѣ. Самгинъ подтвердилъ это показаніе.

Допросили Самгина. Онъ объявилъ, что ему выхвалялъ Макарова покойный Степанъ Путятинъ. «Макаровъ-де человѣкъ умный и милостивый и всѣмъ былъ приступенъ, когда былъ въ силѣ, а нынѣ-де не такъ; мы надѣялись-было, что онъ останется въ прежней силѣ при дворѣ Государыни, а вышло не такъ». Для чего жъ не такъ? спрашивалъ Самгинъ. «Для того — отвѣчалъ Путятинъ — что нынче при домѣ ея величества больше все иноземцы».

Макаровъ былъ въ ту пору президентомъ Коммерцъ-коллегіи и жилъ въ С.-Петербургѣ. Тайная канцелярія приставила къ дому его караулъ и вслѣдъ затѣмъ, 29 ноября 1734 года, отправила въ Москву офицера Извольскаго забрать имѣвшіяся въ тамошнемъ его домѣ письма, каковы бъ они ни были, и привезть въ С.-Петербургъ. Извольскій въ точности исполнилъ порученіе. Съ Макарова и жены его взяли сказку, что никакихъ пожитковъ и писемъ, кромѣ тѣхъ, которые запечатаны, нигдѣ больше нѣтъ и на сохраненіе никому не отданы. Такую жъ сказку взяли и съ ихъ

служителей. И долго-долго суждено было довѣренному лицу Петра I-го оставаться въ заключеніи и дѣлать въ Тайной канцеляріи показанія обо всемъ, что только онъ могъ припомнить изъ своихъ разговоровъ о государственныхъ лицахъ и дѣлахъ.

По показаніямъ Викторова и Самгина потребовали объясненій отъ Макарова и жены его. «Говорилъ ли онъ Самгину, что о Зварыкинѣ идетъ въ Сунодѣ дѣло»? Макаровъ показалъ, что, наоборотъ, Самгинъ ему говорилъ, что «вотъ-де въ Сунодѣ пошло дѣло о Зварыкинѣ и просилъ попросить за него ростовскаго архіерея, чтобъ его, Самгина, не оставилъ». Жена Макарова показала, что по просьбѣ Самгина просила за него совѣтника Коллегіи экономіи Топильскаго, а тотъ обѣщалъ попросить Сунодскаго секретаря Протопопова.—«Говорилъ ли Макаровъ Самгину объ отобранныхъ у него письмахъ Государыни?» Говорилъ, какъ отцу духовному къ прославленію имени ея величества.

Ѳеофанъ въ тонкость разобралъ показанія Макарова и его жены, сличилъ ихъ между собою, выписалъ разности и составилъ новый рядъ допросовъ.

«По моему мнѣнію не право и не по совѣсти и не такъ, какъ дѣлалось, онъ Алексѣй (по фамиліи его Ософанъ не называетъ) отвѣтствовалъ: нѣкія рѣчи его съ сгожъ рѣчами и съ рѣчами жены его не сходны; а другія самому дѣлу и природному въ разговорахъ обычаю не сличны и противны, что въ слѣдующихъ примѣчаніяхъ показуемъ». «Такъ глухо и сухо отвѣтствуетъ, какъ въ дѣлѣ быть не могло. Понеже нельзя было не спросить, кто онъ Зварыкинъ родомъ и чиномъ и гдѣ обрѣтается, и въ чемъ не добрый или подозрѣнный. А по образу отвѣта его нигдѣ и никогда не бываютъ такъ загадочные и полунѣмые разговоры, а паипаче между дружными и взаимно себѣ нужными людьми.... И то противно природному человѣческому любопытству: какъ бы онъ Іосію не спросилъ именно о богоотступничествѣ или ереси Зварыкиновой. Сказуетъ, будто онъ нигдѣ ни у кого Іосіи заступленія не искалъ: а тамъ же мало ниже (скоро забывъ прежнія свои рѣчи) говорилъ, что онъ заступленія Іосіи у ростовскаго архіерея просилъ, которое его противорѣчіе есть весьма дивное.—Отвѣтствуя (на 6-й вопросъ) чудную плутню произноситъ. Первѣе говорилъ, будто онъ Іосія никогда и ни для чего о присыланныхъ

къ нему изъ Курляндіи письмахъ не сказывалъ; а послѣ тамъ же придастъ, что-де можетъ быть сказывалъ о присыланныхъ оттуду письмахъ для прославленія ея императорскаго величества. Да и то развратно, понеже присланные оттуда письма оныя никакой славы не дѣлаютъ посылающему: знатно отъ смущенія онъ сіе сказалъ: гдѣ кромѣ явственнаго несогласія и то дико—какъ отцу духовному. Будто бы и рѣчи неподозрительныя и тайности не-требующія, но еще къ славѣ государевой произносимыя, сказывать кому опасно, развѣ отцу духовному.—Жена Алексѣева Прасковья сказуетъ, что Іосія просилъ мужа ея, чтобъ попросить Ивана совѣтника, а оный бы попросилъ секретаря, чтобъ по дѣлу его не оставилъ. Да не сказуетъ, дѣлалъ ли то мужъ ея по прошенію Іосіи, но говоритъ, что она сама просила онаго совѣтника. И то кажется плутня.—Въ томъ же ея отвѣтѣ сказано, что и самъ Іосія къ оному совѣтнику хаживалъ и прашивалъ, а о чемъ и что получилъ—будто она не знаетъ и отъ Іосіи не слыхала, не слыхала жъ и отъ совѣтника. И тому ея отвѣту трудно вѣрить, для того: знала она, что Іосія къ совѣтнику хаживалъ и прашивалъ, и потому знала, что неоднократное было его хожденіе и прошеніе. Какъ же бы она не спросила Іосіи, и какъ же бы онъ ей не сказалъ, за чѣмъ ходитъ и чего проситъ? Нельзя такъ быть въ разговорахъ, да еще съ человѣкомъ любимымъ и заступленія требующимъ.—Изъ тогожъ отвѣта является паки, что солгалъ Алексѣй, когда говорилъ, будто о заступленіи Іосіи не искалъ. Сказуетъ, будто она о курляндскихъ письмахъ Іосіи не сказывала и о томъ разговоровъ не имѣла и ничего о томъ ни въ какомъ памѣреніи не разсуждала: а послѣ придастъ, что объ отобраніи писемъ оныхъ Іосіи говорила и молитвы его, яко въ печали обрѣтаясь, требовала. Показываетъ, будто бы она о бывшей надеждѣ своего мужа и объ лишеніи ея отъ мужа своего не слыхала: которая ея сказка отнюдь вѣры недостойна; ибо если мужъ ея сказывалъ о томъ Іосіи, то какъ бы не говорилъ женѣ своей вѣрной и любимой.—Что осталось дѣлать съ извѣстными отвѣтчиками? Мое о томъ мнѣніе слѣдующее. Что Зварыкинъ на Іосію показалъ страшное, а кажется по всему вѣроятное, надѣюсь то Іосія отъ сей шайки почерпнулъ, отъ одной или отъ другой стороны, или отъ обоихъ. И потому надлежитъ Алексѣя о всемъ томъ,

что знатнѣйшее на Іосію показано, допросить именно. Что они говорили между собою о престолонаслѣдіи? Что о войнѣ польской и вывозѣ богатства? Что о передѣлкахъ малыхъ серебряныхъ денегъ на рублевики? Что о книгѣ исправленія монашескаго и о порицаніяхъ въ ней написанныхъ на блаженныя и вѣчно-достойныя памяти великихъ государей Алексѣя Михайловича и Петра Перваго? Что о Сунодѣ и патріархіи? Надлежитъ, кажется, произнести и нѣкіе изъ пасквиля извѣстнаго, по моему нетрепетному мнѣнію—Рѣшилова, пункты. Сверхъ всего того при всякомъ допросѣ спрашивать каждаго изъ нихъ: одинъ ли съ однимъ говорилъ то и то, или другіе нѣкто были при этомъ? Допросы эти послать бы куда надлежитъ къ дѣйствію; а между тѣмъ тутъ допрашивать допросами, на которые Алексѣй и другіе отвѣтствовали, Іосію, что нынѣ разстрига Самгинъ, потому что допросъ ему въ этомъ отложенъ былъ до полученія отвѣтовъ Алексѣевыхъ.—Допросить Алексѣя и жены его еще о слѣдующихъ: что съ Іосіею говорили (или и съ другимъ кѣмъ) о воинствѣ россійскомъ, яко бы уже слабомъ и въ какой силѣ? Что о скудости народа и о недородѣ хлѣбномъ? Что о смерти и погребеніи государя Петра Перваго? Что о титулѣ императорскомъ? Что о возкѣ по Волгѣ корабельныхъ матеріаловъ? О всемъ томъ вышеписанномъ, что говорили и съ другимъ іеромонахомъ Іосифомъ Рѣшиловымъ и когда и въ какой силѣ»?

Ложь. Плутня.... Чудная плутня.... И все это о человѣкѣ, который не былъ изобличенъ, а только подозрѣвался въ преступленіи, или точнѣе въ связяхъ съ преступниками, — о человѣкѣ, который, пользуясь довѣріемъ Государей Петра Перваго, Екатерины и Петра Втораго, имѣлъ на своей сторонѣ несомнѣнную заслугу и нѣкоторое право на довѣріе и уваженіе къ нему общества, — наконецъ о человѣкѣ, которому противникъ его лично обязанъ былъ многими одолженіями и услугами во время силы его при Государяхъ! И теперь все это забыто. Бывшій кабинетъ-секретарь, андреевскій кавалеръ, довѣренное лицо Петра и Екатерины и попалъ въ плуты и лжецы.

Очевидно, что его подозрѣвали въ связи съ шайкой Самгина и Рѣшилова, думали, что саровцы и берлюковцы и Рѣшиловъ увлечены и дѣйствуютъ въ пользу какого-то волненія, какой-то пе-

ремѣны, а Макаровъ, знавшій кабинетныя тайны, былъ ихъ оракуломъ, заправлялъ ихъ образомъ мыслей и дѣйствій. Въ своихъ подозрѣніяхъ Осоѳанъ опирался еще на то, что Макаровъ былъ тесть Аврамова, хотя и слабаго по натурѣ и по характеру, но самаго неотвязчиваго противника Осоѳанова, и у него жъ Макарова жилъ нѣсколько времени секретарь дворцовой конторы Александръ Яковлевъ, котораго подозрѣвали въ сочиненіи пасквильнаго письма на Осоѳана и который въ ту пору содержался въ Т. канцеляріи. У Яковлева нашли выписки, которыя «ниже мало годятся къ его званію, да и обличенія наводятъ на нѣкихъ знатныхъ особъ». Что удивительнаго, что въ головѣ Осоѳана все это стягивалось въ одинъ узелъ, и что Макаровъ, знавшій хорошо положеніе лицъ и событій, казался ему, если не главной пружиной заговора, то однимъ изъ его участниковъ.

Наконецъ дошла очередь и до московской дикастеріи и synодальной канцеляріи, которыя также показались не совсѣмъ чистыми въ дѣлѣ Іосіи и Зарыкина.

Духовная дикастерія опредѣлила Іосію въ строители берлюковской пустыни безъ надлежащихъ справокъ объ немъ и о прежнемъ бѣжавшемъ строителѣ Никифорѣ. Судья, архим. Аввакумъ Львовъ, показалъ, что сдѣлалъ это упущеніе отъ простоты своей; но Пахомій вывелъ наружу домашнюю тайну: онъ повинился, что купилъ два ведра ренскаго, да три четвертныя водки—вино далъ архимандриту Аввакуму, а водку секретарю съ подъячими; прочіе протори и хлопоты по дѣлу несъ купецъ Клюевъ. Въ дѣлѣ оказались подчистки и поправки въ годѣ и числѣ такого рода, что нельзя было объяснить ихъ иначе, какъ поддѣлкой. Аввакума взяли въ Тайную канцелярію и держали три года въ казематѣ петропавловской крѣпости. Наконецъ, разобравши дѣло, Тайная канцелярія опредѣлила: такъ какъ Аввакумъ учинилъ то съ простоты своей, то бить его, вмѣсто кнута, плетьми и сослать въ монастырское братство, куда Synодъ назначитъ.

Подозрѣнія шли еще дальше. Когда у берлюковцевъ спросили: почему узнали они, какое показаніе сдѣлалъ Зарыкинъ въ synодальной канцеляріи, Викторовъ отвѣчалъ, что Іосіи узналъ объ

этомъ отъ ростовскаго архіерея Іоакима и отъ секретаря Топильскаго. Тайная канцелярія заподозрила образъ ихъ дѣйствій, но передала слѣдованіе о нихъ св. Суноду.

Въ суподскихъ дѣлахъ оказалось, что Іосія переведенъ въ берлюковскую пустынь съ нѣдома Іоакима. Онъ же посвятилъ въ Бараши, на мѣсто Пахомія, который постригся въ берлюковской пустыни, другаго, безъ слѣдствія о бѣжавшемъ священникѣ. Кромѣ того, по распросамъ Зварыкина, Самгина и Викторова оказалось, что Іоакимъ велъ ихъ дѣло медленно, заставлялъ Сильвестра перечеркивать и переправлять и переписывать поданныя имъ допошенія на Зварыкина. Оеофану показалось, что Іоакимъ также принимаетъ въ мятежномъ дѣлѣ участіе: но какое и по какимъ побужденіямъ?—Синодъ поручилъ изслѣдовать это дѣло коломенскому епископу Веніамину [1]).

Ростовскій архіерей показалъ, что Іосія пріѣзжалъ къ нему на подворье и въ разговорѣ сказалъ, что «есть-де у насъ монахъ, а ему сынъ духовный, и имѣетъ въ себѣ волшебство. Я спросилъ

---

[1]) Съ какою строгостію велось это дѣло, можно видѣть изъ слѣдующаго указа Веніамину: «По полученіи сн императорскаго величества указа, въ тожъ самое время, не промедля ни мало, ѣхать намъ изъ Коломны въ Москву. Въ тое самое время, какъ ваше преосвященство въ Москву пріѣдете, какъ сей, такъ и пріобщенный при семъ къ суподальному члену, Іоакиму, архіепископу ростовскому послушный ея императорскаго величества указъ его преосвященству въ суподальномъ домѣ, въ келье казначея Филагрія, наединѣ объявя, требовать, чтобы его преосвященство обо всемъ написалъ правдивый, по архіерейству, подъ лишеніемъ онаго, отвѣтъ: какъ и когда и при комъ, и какимъ образомъ и для чего и чрезъ кого, и за чьимъ согласіемъ подлинно все оное происходило — объясня въ немъ каждую строку и рѣчь отъ слова до слова, съ подписаніемъ притомъ имени своего, въ томъ же самомъ времени, безъ всякаго упущенія и отлагательства.—Допросить о томъ же суподальскаго секретаря Протопопова и дикастерскаго члена Топильскаго, каждаго порознь, подъ лишеніемъ за ложныя показанія живота.—Все вышеписанное отправлять тебѣ преосвященному епископу не взирая ни на какія пристрастія, вспоминая всегда показанную къ тебѣ ея и. в. милость. А когда въ отправленіи сего дѣла покажешь себя исправнымъ, безъ всякаго подозрѣнія и ласкательства, то впредь уповай, ваше преосвященство, за то отъ ея и. в. къ себѣ показующіяся милости. Въ которомъ мѣсяцѣ и числѣ и въ которомъ часу, предъ полуднемъ или послѣ полудня, и гдѣ сей ея и. в. указъ получите, и съ того времени, какое ваше дѣйство начнется, о всемъ томъ имѣть вашему преосв. своеручный журналъ».

Обнадеженный начинающеюся милостію ея и. Веніаминъ былъ точенъ до нетерпѣливости.

его: какое? И онъ разстрига сказалъ: временно бѣсуется и мучаетъ его крѣпко зѣло; мы и въ цѣпяхъ его держали и къ стѣнѣ приковывали и заклинательныя молитвы читали надъ нимъ, и онъ-де разстрига Григорій говорилъ намъ: какъ хочу-де, меня ни что не удержитъ; мнѣ служатъ нѣкоторыя дѣвы, не можете видѣть; какъ-де имъ что велю, то и дѣлаютъ, и куда пошлю для чего — и они мнѣ сказываютъ. Да онъ же, разстрига Григорій, въ духовности сказывалъ, что сатанѣ пріобщился и Христа письмомъ отвергся». Слыша это Іоакимъ велѣлъ Іосіи подать письменное объявленіе. Недѣли черезъ двѣ послѣ этого пришелъ къ нему берлюковскій монахъ и сталъ просить, чтобъ въ духовности прислушать за нимъ тяжкіе грѣхи, потому что онъ въ отчаяніи: это былъ Зварыкинъ. Іоакимъ принялъ его ласково, выслушалъ и велѣлъ принесть письменное объявленіе о своихъ грѣхахъ, а больше съ нимъ ничего не говорилъ: «понеже я имѣлъ страхъ не малый, чтобъ какости мнѣ никакой не сдѣлалъ». Послѣ того Іосія опять пришелъ къ Іоакиму съ Сильвестромъ (Викторовымъ),

---

«Полученъ мною въ Коломнѣ указъ декабря 5 числа, въ 5-мъ часу пополуночи» — доносилъ онъ св. Суноду «Тогожъ числа съ Коломны поѣхалъ въ Москву во 2-мъ часу пополудни. Тогожъ числа послалъ сунодальнаго діакона Павла, дабы его преосвященство, Іоаким ъ ростовскій и ярославскій, изволилъ пріѣхать въ сунодальный домъ, въ келью отца казначея, іеромонаха Филагрія. Но той посылкѣ его преосвященство пріѣхалъ въ сунодальный домъ тогожъ 6 числа; въ кельи казначейскія вышелъ въ 4-мъ часу въ началѣ пополудни; въ томъ же часу присланный ко мнѣ указъ его преосвященству объявилъ и съ того самаго времени его преосвященство отвѣтствіе началъ писать; а какъ ударило пополудни 8 часовъ, не окончивъ отвѣтствія, запечаталъ я своею печатью и оставилъ у казначея, а его преосвященство и я поѣхали на свои подворья». «7-го числа въ 6-мъ часу пополуночи паки пріѣхали въ тѣже казначейскія кельи, и началъ его преосвященство тотъ отвѣтъ писать, и какъ заблаговѣстили къ обѣдни, неоконченный отвѣтъ взялъ я къ себѣ, и пошли въ соборъ къ обѣдни, и отслуживъ обѣдню пѣли съ прочими всякаго званія церковнослужителями благодарный молебенъ». «По отпѣтіи молебна, въ 1-мъ часу пополудни, паки вошли въ тѣжъ кельи и началъ его преосвященство тотъ же отвѣтъ писать. А какъ заблаговѣстили къ вечерни, его преосвященство пересталъ писать и сказалъ, что утро предлежитъ его преосвященству имѣть служеніе въ соборѣ; такожде и въ понедѣльникъ отвѣту писать не соизволитъ, понеже намѣренъ быть въ служеніи. И я такой неоконченный отвѣтъ паки запечаталъ своею печатью и отдалъ казначею, іеромонаху Филагрію, а сами разъѣхались ко своимъ подворьямъ: только весьма медленно изволитъ писать».

и когда Іоакимъ напомнилъ ему, чтобы подалъ допошеніе на монаха, замѣченнаго въ волшебствѣ, Іосія отвѣчалъ, что онъ и самъ теперь въ Москвѣ. Іоакимъ приказалъ арестовать его, а объявленіе сдалъ въ Сунодальную канцелярію. Гдѣ теперь Сильвестрово допошеніе и не изодрано-ль, того онъ не знаетъ; только отъ него такого приказу не было, чтобъ его изодрать. Секретарь Протопоповъ показалъ прямо, что Іоакимъ прежнія два допошенія разодралъ, и что Зварыкинъ потомъ жаловался, что его повели къ суду не по какому нибудь доносу, а по его собственному признанію на духу. «И то — прибавилъ Протопоповъ — что преосвященный то Зварыкино самовольное показаніе превратилъ въ допошеніе отъ другаго, показалось мнѣ непорядочно и яко бы составленное».

Разсмотрѣвши отвѣтъ Іоакима Ѳеофанъ написалъ: «по мнѣнію моему надлежитъ отвѣтъ преосвященнаго ростовскаго, въ дѣлахъ и рѣчахъ здѣ показуемыхъ, сообщить изъ Сунода въ Тайную канцелярію, для вторичнаго о томъ допроса разстригѣ Викторову. 11 января 1735 года». 25-го февраля показаніе Іоакима отправлено въ Тайную канцелярію — и больше съ нимъ, кажется, не было судебныхъ переговоровъ [1]).

XXVII.

Комедіи при дворѣ цесаревны Елизаветы Петровны. — Подозрѣнія Императрицы. — Допросы регента Петрова.

Знала ли цесаревна Елизавета Петровна, что ея именемъ пугаютъ и держатъ въ страхѣ императрицу Анну и что оно играетъ такую печальную роль въ Тайной канцеляріи?

---

[1]) Въ 1735 году выдавалось содержащимся въ Тайной канцеляріи колодникамъ кормовыхъ: Маркеллу Родышевскому, іеросхимонаху Іоанну, іеромонаху Ефрему, іеродіакономъ: Боголѣпу и Ѳеофилакту, Максиму и Ивану Щелягинымъ и Александру Яковлеву по 3 копѣйки на день; разстригамъ Самгину, Кучину, Викторову и Зварыкину по 4 копѣйки; Протопопову, Родіону Никитину, Посову, Ивану Яковлеву, Роману и Ивану Никитинымъ, Барсову и Аврамову по 2 копѣйки на день.

Иное, можетъ быть, знала; но многаго и не могла знать; да и о томъ, что слышала, принуждена была давать видъ, что не слышитъ и не знаетъ, и наполняла свои досуги — а у нея было ихъ много — *комедіями*.

Въ 1735 году, повидимому, *она* писала къ Ософану: «дѣлаю я комедію, въ которую надобны будутъ три человѣка, чтобы умѣли пѣть только; а нынѣ у меня пѣвчихъ хорошихъ пѣтъ, а надѣюсь, что у васъ изъ молодцовъ нарочитыхъ выбрать можно: того ради на то время прикажите изъ своихъ пѣвчихъ самыхъ хорошихъ голосовъ выбрать троихъ, и буде они съ вами, то оттуда (вѣроятно—съ приморской мызы) прислать ихъ сюда; а буде здѣсь, то пришлите съ симъ ѣздовымъ въ домъ свой указъ, чтобъ ихъ привезли ко двору немедленно, чтобъ они къ назначенному времени могли обучиться тому, что имъ пѣть будетъ надобно. А по окончаніи комедіи я ихъ, пожаловавъ, назадъ къ вамъ пришлю»[1]).

Одна комедія надѣлала однакожъ ей непріятностей. Въ 1735 году 17 апрѣля генералъ Ушаковъ объявилъ въ Тайной канцеляріи, что ея и. в. указала: «дому ея высочества, благовѣрной государыни цесаревны Елизаветы Петровны, регента пѣвчаго Ивана Петрова взять въ Тайную канцелярію, и какія въ квартирѣ его есть письма и тетради и книги скорописныя и уставныя—для разсмотрѣнія всѣ забрать въ Тайную канцелярію».

Ушаковъ, на другой день, самъ пошелъ въ его квартиру. Петрова не оказалось дома. Жена его объявила о мужѣ, что онъ съ вечера поѣхалъ при ея высочествѣ на загородный ея высочества дворъ, который близъ смольнаго двора. Ушаковъ сдѣлалъ въ домѣ обыскъ и, запечатавъ всѣ найденныя бумаги, взялъ въ Тайную канцелярію, а для взятья Петрова послалъ сержанта семеновскаго полка Бѣляева

Петровъ еще спалъ, когда прибылъ къ нему сержантъ для арестованія его. По взятьѣ и по приводѣ его въ Тайную канцелярію, сержантъ сдалъ его подпоручику Дубровину, который тотчасъ же обыскалъ его карманы и нашелъ въ нихъ два небольшія письма и тетрадку. *Первое* письмо, писанное полууставомъ, надписывалась: «о возведеніи на престолъ россійскія державы»; *второе* — писан-

---

[1]) Госуд. арх. Бумаги Волконскаго, св. VI, карт. 13, шк. 9.

ное по малороссійскому, заключало въ себѣ «явленіе», въ которомъ упоминалось о принцессѣ Лаврѣ; въ *тетрадкѣ* писано «о пощеніи въ нѣкоторыя пятницы и о гаданіи философскомъ».

18 апрѣля Императрица приказала отослать ихъ къ новгородскому архіепископу, поручивъ ему разсмотрѣть и забранныя у Петрова книги. Ѳеофанъ возвратилъ ихъ 3 мая съ мнѣніемъ, чтобы о первомъ письмѣ допросить: до котораго лица то написано и пѣніемъ дѣйствовано и когда и гдѣ? Второе — часть то комедіи: гдѣ-жъ она была, кто сочинялъ, кто принцесса Лавра и вся исторія или фабула откуда выпята? Тетрадка показалась не заслуживающею вниманія.

Императрица приказала составить въ Тайной канцеляріи вопросы по этому донесенію и объявить Петрову истокмо подъ страхомъ жестокаго наказанія, но и подъ смертною казнію, чтобъ онъ по тѣмъ пунктамъ отвѣтствовалъ самою сущею правдою, не скрывая за собою и за другими ничего.

Въ первомъ письмѣ написано: «ни желаніе, ни исканіе, но Богъ владѣяй всѣми—Той возведе тя на престолъ россійскія державы. Тѣмъ сохраняема, Тѣмъ управляема, Тѣмъ и покрываема буди во вѣки». До котораго лица написано и пѣніемъ дѣйствовано ль и гдѣ и когда именно? Кто оное компоновалъ и когда и гдѣ и съ чьего позволенія? Петровъ показалъ, что это написано къ прославленію ея и. величества, а кто оное компоновалъ, того онъ не знаетъ; только въ нынѣшнемъ 1735 году, спустя съ недѣлю послѣ тезоименитства ея величества, цесаревна говорила ему, что на тезоименитство е. в. во дворцѣ пѣвчіе пѣли концертъ весьма хорошій и рѣчи складныя. Петровъ обѣщалъ спросить тотъ концертъ у придворнаго регента іеромонаха Герасима, а потомъ, увидѣвшись съ нимъ, выпросилъ у него только рѣчи, потому что нотъ въ тотъ разъ у него не было, и объявилъ цесаревнѣ. Государыня цесаревна сказала, что оныя рѣчи скомпонованы хорошо. Герасимъ показалъ, что оныя рѣчи скомпонованы и съ нихъ тотъ концертъ написанъ былъ имъ Герасимомъ ко дню возшествія ея и. в. на престолъ, тогда и нѣтъ.

Второе письмо — «явленіе» выписано изъ комедіи, составленной въ Москвѣ въ 1730 или 1731 г. фрейлиною государыни цесаревны, что нынѣ за камеръ-юнкеромъ Петромъ Шуваловымъ,

Маврою Егоровною, дочерью Шепелевою; а по чьему приказу ту комедію она сочиняла и въ какой силѣ о принцессѣ Лаврѣ написано, того онъ не вѣдаетъ; токмо признаваетъ онъ, что о принцессѣ Лаврѣ упомянулось въ той комедіи въ образѣ богини. Означенная комедія имѣлась не малая, а именно въ той комедіи написанныя рѣчи говорены было отъ персонъ около тридцати; а означенное явленіе (Юпитеръ — богъ) было у него одного: какъ во время той комедіи придетъ ему говорить, то по тому явленію онъ и говаривалъ. Тѣ комедіи бывали въ домѣхъ у государыни цесаревны въ Москвѣ въ Покровскомъ и въ С.-Петербургѣ на Смольномъ дворѣ. Дѣйствіе исполняемо было при государынѣ цесаревнѣ имъ Петровымъ и другими пѣвчими, такожъ и придворными дѣвицами, для забавы государыни цесаревны; и посторонихъ, кромѣ придворныхъ, никого на тѣхъ комедіяхъ не бывало. А откуда оная комедіянская фабула вынята, того онъ не знаетъ».

9 мая Государыня приказала Петрова изъ Тайной канцеляріи освободить, объявивъ ему указъ подъ страхомъ смертной казни: о чемъ въ Тайной канцеляріи спрашиванъ и что въ распросѣ своемъ показалъ, чтобъ о томъ разговора ни съ кѣмъ не имѣлъ, никому не разглашалъ, такожъ и государынѣ цесаревнѣ объ ономъ ни о чемъ отнюдь не сказывалъ».

Въ 1742 года 2 марта, Елизавета, бывши уже императрицей, встрѣтивши въ одномъ докладѣ указаніе на это дѣло, полюбопытствовала взглянуть на него и приказала представить его себѣ. Конечно не веселыя воспоминанія пробудились въ ея душѣ.

XXVIII.

Взглядъ на предъидущее.

Вотъ мы уже при концѣ жизни Ософана, а между тѣмъ еще далеко до окончанія его процессовъ. Остановимся немножко и оглянемся на положеніе дѣлъ и лицъ. — Что за странная судьба выпала на долю Ософана повсюду возбуждать непріязнь противъ себя? Сдѣлавшись профессоромъ въ Кіевѣ онъ тотчасъ же под-

вергся непріятностямъ отъ своихъ товарищей, которые не давали ему покоя ни дома, ни въ обществѣ. Непріятности продолжались и послѣ того, какъ онъ сдѣлался ректоромъ академіи. Государь приглашаетъ его въ С.-Петербургъ къ посвященію въ епископа: только что огласилось намѣреніе Государя, какъ противъ Ѳеофана поднялась чуть не вся Москва, съ патріаршимъ мѣстоблюстителемъ во главѣ, и заявила протестъ противъ посвященія его въ епископа. Первое печатное сочиненіе его — Букварь—встрѣчено было въ обществѣ очень враждебно. Ту же судьбу имѣли и всѣ другія его сочиненія. Друзья его дѣлались его врагами. Люди, которыхъ онъ ласкалъ и которымъ покровительствовалъ, при первомъ случаѣ становились въ ряды его недоброжелателей и выдавали его правительству своими доносами, или роняли его въ обществѣ, бросая тѣнь на каждый его поступокъ, черня каждый шагъ его жизни.

Что это за безпокойный характеръ, который всѣхъ отталкивалъ отъ себя, всѣмъ былъ непріятенъ, всѣхъ вооружалъ противъ себя. Нѣтъ сомнѣнія, что причиною раздраженія, которое Ѳеофанъ всюду возбуждалъ противъ себя, была разность его принциповъ съ принципами или привычнымъ строемъ жизни большинства людей, съ которыми онъ сталкивался. Но самая эта разность въ принципахъ условливалась особымъ складомъ его ума и всѣмъ ходомъ его образованія, которые создали изъ него особый типъ и придали ему тотъ характеръ, съ которымъ онъ является въ исторіи.

Внѣшнимъ поводомъ для большинства недоброжелателей Ѳеофановыхъ къ неудовольствію противъ него были тѣ нововведенія, въ которыхъ онъ былъ главною дѣйствующею причиною и которыя стали на перекоръ старому привычному теченію жизни.

Самымъ важнымъ изъ нихъ была замѣна патріаршества Сѵнодомъ. Не Ѳеофану принадлежитъ это нововведеніе, но онъ былъ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ въ осуществленіи идеи Государя—организовалъ Сѵнодъ и составилъ для него уставъ. Съ канонической точки зрѣнія патріаршая и сѵнодальная формы церковнаго правленія равно законны; но на сторонѣ народа и духовенства была вѣковая привычка къ одноличному управленію въ церкви. Казалось, что съ уничтоженіемъ патріаршества церковь теряла свое достоинство и лишалась представителя. Званіе патріарха да-

вало особый видъ всему іерархическому строю. Подъ главнымъ начальствомъ патріарха, составъ высшей іерархіи образованъ былъ изъ митрополитовъ, архіепископовъ и епископовъ: при равенствѣ епископскаго достоинства, каждое званіе имѣло свою особую іерархическую постановку, свой кругъ правъ и свои внѣшнія отличія. Теперь же эти отношенія измѣнялись. Составъ Синода образованъ былъ изъ лицъ всѣхъ степеней іерархіи. Былъ случай, что въ него введено было лицо, непмѣвшее никакой церковной степени (Ѳеофилъ Кроликъ уже въ званіи синодальнаго члена посвященъ былъ въ іеродіакона и іеромонаха). Званіе митрополита оставлено только за тѣми, кто уже имѣлъ его. Общія коллегіальныя начала государственнаго правленія примѣнены были сполна и къ Синоду. Какъ коллегія онъ имѣлъ своего президента, вицепрезидентовъ, совѣтниковъ, ассесоровъ, оберъ-секретаря и проч Все это было, по меньшей мѣрѣ, непривычно для глаза, привыкшаго къ прежнимъ формамъ управленія. Въ частности уничтоженіе патріаршескаго званія непріятно было для монашествующихъ, изъ среды которыхъ избирался патріархъ. Какъ патріаршеское званіе давало почетъ всему монашескому сословію, такъ уничтоженіе его лишало цѣлое сословіе этого почета; а для епископовъ казалось оскорбительнымъ, что въ составъ Синода назначены члены и низшихъ степеней іерархіи, до сихъ поръ служебно къ нимъ относившіеся. Далѣе неизвѣстно, было ли въ самомъ дѣлѣ намѣреніе посадить въ Синодъ и лютеранскихъ пасторовъ и сдѣлать его высшею административною инстанціею какъ для православной русской церкви, такъ и для находящихся въ Россіи неправославныхъ христіанскихъ исповѣданій (на что намекаетъ Арсеній Маціевичъ въ Возраженіи на Молотокъ); но то вѣрно, что при Петрѣ, въ первое время Синода, вѣдѣнію его подлежали лютеранскія церкви въ Россіи и ихъ пасторы.

Сочиненный Ѳеофаномъ и, послѣ прочтенія въ совмѣстномъ собраніи высшаго духовенства и Сената, утвержденный Государемъ уставъ духовной коллегіи подъ названіемъ «Духовнаго Регламента», затрогивалъ самыя чувствительныя и больныя стороны въ жизни народа и духовенства. Свидѣтельствованіе мощей, житій святыхъ, чудесъ, акаѳистовъ, запрещеніе вновь строить церкви безъ разрѣшенія Синода, закрытіе часовенъ, запрещеніе хожде-

ній по домамъ съ иконами — все это должно было тяжело дѣйствовать на народное чувство и на духовенство. Архіереямъ не могло не показаться обиднымъ, что ихъ заставляли поурочно читать книгу правилъ.

Нововведенія эти сами по себѣ тяжелы были для народа и духовенства и раздражали ихъ противъ Ѳеофана, котораго вмѣстѣ съ Ѳеодосіемъ, считали главнымъ виновникомъ этихъ нововведеній. Но Ѳеофанъ увеличивалъ это раздраженіе тѣмъ, что относился къ прежнимъ формамъ церковной жизни съ нескрываемою пропасью, съ какимъ-то враждебнымъ чувствомъ, и выражалъ свое неудовольствіе ими при каждомъ случаѣ.

Значительная доля недовольныхъ принадлежала монашествующимъ, которые, сверхъ общихъ распоряженій, раздражены были указомъ 30 января 1724 года. Этимъ указомъ монастыри отдавались подъ богадѣльни и училища, обращались въ воспитательные домы для зазорныхъ младенцевъ и въ инвалидные домы для призрѣнія старыхъ и увѣчныхъ солдатъ.

Недовольные этими нововведеніями взвели на Ѳеофана обвиненіе въ лютеранствѣ и старались повсюду выставить его лютераниномъ, а образъ его дѣйствій—совращеніемъ русской церкви въ лютеранство. Но самое строгое разсмотрѣніе его сочиненій не откроетъ въ нихъ ничего, противнаго православной церкви.

Разсматривая обвинительные пункты Маркелла Родышевскаго, съ обвиненіемъ Ѳеофана въ неправославіи, и отвѣты на нихъ Ѳеофана, легко видѣть, что въ образѣ мыслей Ѳеофана нѣтъ ничего противнаго церкви, несогласнаго съ ея ученіемъ. Но онъ отдѣлялъ предметы и вопросы науки и исторической критики отъ строго опредѣленнаго ученія церкви, и не хотѣлъ освящать именемъ православія различныхъ обычаевъ частію индифферентныхъ, частію противныхъ церкви, какихъ было много въ до-петровской Руси. Вотъ нѣсколько примѣровъ въ подтвержденіе нашихъ словъ. Маркеллъ доносилъ на Ѳеофана, что онъ не признаетъ подлинности апостольскихъ правилъ: «тѣ правила, которыя называются апостольскія — не ихъ». Ѳеофанъ отвѣчаетъ: «правила апостольскія пріемлю за апостольскія по ученію, но не по согласненію, т. е. въ правилахъ оныхъ ученіе апостольское, но словесъ составъ или сочиненіе не отъ апостолъ сдѣлано: что всѣ вѣдаютъ,

которые не Маркелловымъ образомъ о дѣлѣ богословскомъ обучаются».—«Святыхъ отецъ книгу Діонисія ареопагита называлъ неправильною и говорилъ, что и многія-де книги изданы подъ именемъ Василія Великаго и Златоустаго и прочихъ ложныя». «Трудно—отвѣчаетъ Ософанъ—или паче невозможно слѣпому разсуждать о краскахъ и цвѣтахъ. О Діонисіевой книгѣ издревле у церковныхъ учителей бывало преніе. Преніе же есть не о ученіи, въ оной книгѣ написанномъ, но о творцѣ книги—ареопагитскій ли или иной Діонисій сочинилъ книгу оную. И одни се, а другіе то говорятъ безъ раздора вѣры и любви, понеже не подлежитъ до вѣры артикуловъ».—«Чудесамъ святыхъ, напечатанныхъ въ книгахъ, не вѣритъ и говоритъ: мнѣ-де книга критика вѣрить не велитъ». «Говорю и не я одинъ—отвѣчаетъ Ософанъ—что лицемѣры иногда притворяютъ св. иконамъ чудеса, о чемъ многія обличенія суть и недавно на судѣ сунодальномъ явилось. И архіереи, поставляемые обѣщаніемъ клятвеннымъ, одолжаютъ себя смотрѣть, дабы иконамъ святымъ ложныхъ чудесъ не притворяли».—Обширная ученость давала ему опоры, которыхъ не имѣли его противники. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что Ософанъ по богословской учености и исторической критикѣ стоялъ едва-ли не выше всѣхъ современныхъ ему русскихъ богослововъ.

Могутъ возразить, что Ософанъ высказывалъ свои настоящія убѣжденія при разныхъ случаяхъ въ разговорахъ съ разными лицами, которые и подали поводъ противникамъ обвинять его въ лютеранствѣ; но былъ столько уменъ, что умѣлъ замаскировать эти убѣжденія, когда, по доносу Маркелла, позвали его къ отвѣту. Конечно, могло быть и такъ, но могло быть и не такъ. Когда кого обвиняютъ въ недостаткѣ или неправильности убѣжденій на какой-нибудь счетъ, и когда обвинитель выдастъ за вѣрное, что обвиняемое имъ лицо именно такъ думаетъ, какъ онъ доноситъ, а послѣднее говоритъ, что оно думаетъ совсѣмъ не такъ и, кромѣ открытаго выраженія своихъ убѣжденій, указываетъ въ подтвержденіе своихъ словъ на всѣмъ видимые и всѣмъ извѣстные факты: то кому изъ нихъ вѣрить? Безпристрастіе должно расположить скорѣе въ пользу обвиняемаго, нежели въ пользу доносчика и обвинителя.—Стóитъ прочитать заключеніе оправдательной записки Ософана, чтобы убѣдиться въ искренности его оправ-

даній и чистотѣ его убѣжденій. А если еще открывается, что побужденія у доносчика были не совсѣмъ чисты и что его доносы выходили не изъ ревности о вѣрѣ и благѣ церкви, а изъ угожденія врагамъ обвиняемаго лица: то по безпристрастному суду они лишаются всей своей силы.

Но то, что мы разсматривали до сихъ поръ, касается только свойства реформъ, возбудившихъ въ народѣ и духовенствѣ неудовольствіе противъ Ѳеофана и вызвавшихъ съ разныхъ сторонъ протесты противъ этихъ реформъ и противъ главнаго дѣятеля въ нихъ — Ѳеофана. Но есть еще другая сторона въ этомъ дѣлѣ, именно образъ дѣйствій Ѳеофана въ отношеніи къ своимъ противникамъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что Ѳеофанъ выказалъ здѣсь много темныхъ сторонъ своего характера. Но чтобы судить объ этомъ безпристрастно, нужно имѣть въ виду тѣ обстоятельства, въ которыхъ Ѳеофанъ находился во все время своей жизни, послѣ смерти Петра I. — Онъ одинъ выносилъ на своихъ плечахъ введенныя Петромъ въ русскую церковь преобразованія. Извѣстно, что имъ угрожала самая печальная судьба. Оберегая себя Ѳеофанъ оберегалъ вмѣстѣ съ тѣмъ общее церковное дѣло. Къ чести его надо сказать, что при противныхъ обстоятельствахъ онъ не перемѣнилъ своихъ убѣжденій. —При Екатеринѣ, Петрѣ II и Аннѣ онъ весь тотъ же, что былъ и при Петрѣ I.—Конечно, нельзя нравственно оправдать его постоянныхъ апелляцій къ Тайной канцеляріи: но ему оставалось выбирать одно изъ двухъ—или погибнуть гдѣ нибудь въ Охотскѣ, Соловкахъ, также какъ погибли тамъ Ѳеодосій, Георгій Дашковъ и другіе, или — обороняться тѣмъ же оружіемъ, какимъ пользовались противъ него его противники. Конечно непохвальное дѣло запугивать Государыню бунтами и революціями, и держать въ страхѣ, слѣдовательно подъ своею властію, министровъ: но мало пріятнаго и помѣняться ролями и судьбою съ своими противниками. И нельзя не признать, что только владѣя такимъ обширнымъ, гибкимъ и изворотливымъ умомъ, каковъ умъ Ѳеофана, онъ не только самъ уцѣлѣлъ и сохранилъ свое положеніе во время тѣхъ постоянныхъ смутъ, какія волновали государство и церковь въ первой половинѣ прошлаго вѣка, когда погибли Меншиковы, Долгоруковы, Голицыны, Остерманы и многое мно-

жество другихъ лицъ, но и сберегъ дѣло Петра отъ постоянно грозившаго ему уничтоженія.

Нѣтъ сомнѣнія, что другое время дало бы иное направленіе тому великому дару, какой имѣлъ Ѳеофанъ. При болѣе высокомъ или, по крайней мѣрѣ, болѣе спокойномъ состояніи общества, вмѣсто того, чтобы растрачивать время на процессы въ Тайной канцеляріи, онъ употребилъ бы его на пользу Церкви, болѣе сообразно съ образомъ христіанскаго пастыря. Но какъ сынъ своего вѣка онъ несетъ на себѣ и его болѣзни. При чтеніи процессовъ Ѳеофана съ разными лицами, съ неудержимой силой бьетъ въ глаза хаотическое состояніе тогдашняго общества, въ которомъ бродятъ разнородные, никѣмъ не направляемые, элементы, и которое открывало полный просторъ для игры не сдерживаемыхъ страстей, честолюбій, интригъ. На церковныхъ дѣлахъ вполнѣ отразилось это неустроенное состояніе тогдашняго общества. И тамъ и здѣсь, подняться съ самыхъ низкихъ ступеней общества до самыхъ высшихъ и также скоро упасть съ высоты, какъ легко было подняться на нее — въ ту пору — дѣло самое обыкновенное, хотя въ тоже время самое не естественное, которое свидѣтельствуетъ о неустроенномъ состояніи общества. Ѳеофанъ, лучше чѣмъ кто нибудь, понималъ духъ своего времени и пользовался имъ съ искусствомъ, въ которомъ ему не было равнаго. Поэтому и вѣрная историческая оцѣнка его дѣятельности можетъ быть сдѣлана только въ виду состоянія тогдашняго общества, и при томъ съ точки зрѣнія на него, какъ на государственнаго дѣятеля, хотя ближайшей сферою его были церковныя дѣла.

XXIX.

Церковно-административная и ученая дѣятельность Ѳеофана.

Процессы Ѳеофана съ разными лицами до сихъ поръ заслоняли для насъ его церковно-административную и ученую дѣятельность. Между тѣмъ было бы несправедливо думать, что вся жизнь его, послѣ смерти Петра Великаго, поглощена была Тайной канцеляріей.

1. Церковно-административная дѣятельность.

а) По св. Сѵноду.

Церковно-административная дѣятельность Ѳеофана сосредоточена была въ высшемъ русскомъ церковномъ управленіи — въ св. Сѵнодѣ. Но выдѣлить изъ нея то, что принадлежитъ собственно Ѳеофану, довольно трудно; потому что всѣ распоряженія Сѵнода закрѣплялись и утверждались всѣми присутствовавшими въ немъ членами. Мы укажемъ только на нѣкоторые факты изъ его дѣятельности по св. Сѵноду.

Въ 1725 году 25-го августа Ѳеофанъ словесно предлагалъ Сѵноду: «извѣстился онъ, что въ Малой Россіи подъ мѣстечкомъ Черницами, обрѣтается конница, то есть ключь или колодезь; да въ серебрянскомъ монастырѣ береза, отъ которыхъ нѣкакіе будто были чудеса; также изъ Польши въ кіевопечерскій монастырь присланъ образъ, чудотворнымъ вмѣняемый:—чтобъ о томъ въ св. Сѵнодъ для лучшаго увѣдомленія взять подлинное на письмѣ извѣстіе». Св. Сѵнодъ потребовалъ этого извѣстія изъ помянутыхъ мѣстъ.

Между письмами Ѳеофана есть много относящихся къ его церковно-административной дѣятельности:

1) Къ преосвященному Продіону черниговскому, 14-го марта 1728 г., о разводномъ дѣлѣ Миклашевскаго: «Совѣтую преосвященству вашему не подавать на себя матерій клеветанія, дабы кто не помыслилъ, что мы не правиломъ апостольскимъ, но образомъ Сѵмоновымъ въ пастырскомъ дѣйствіи поступаемъ; понеже отлагаемое надолзѣ въ явственномъ дѣлѣ рѣшеніе не иное въ мысляхъ человѣческихъ возбуждаетъ мнѣніе. Что же, когда удержанное мною нынѣ прошеніе привлечется впредь до Сѵнода нуждею? Опасаться воистину подобаетъ, дабы помянутое подозрѣніе не вышло за рубежи епархіи вашей и повсюду бы не распространилось» [1]).

Къ нему же отъ 14 февраля 1730 г. «Въ минувшемъ 1728-мъ году просилъ я чрезъ письмо мое у преосвященства вашего его милости пану Миклашевскому съ его женою въ дѣлѣ разводномъ управы, и если явится жена виновата въ томъ, что на ся показуютъ, а мужъ простить того ей не похощетъ, то учинить бы имъ

[1]) Труды кіевск. академіи 1865 г. Т. 2. стр. 544.

разводъ совершенный, то есть невинной сторонѣ мужевѣ позволить за себя понять другую. Явилася жъ вина жены, какъ и грамота ваша свидѣтельствуетъ, а мужевѣ не дано позволеніе къ другому браку, какъ самъ сказуетъ, да и въ вашей грамотѣ не положено. Для чегожъ бы такъ, не трудно мнѣ дознаться. Школярики, латинною губы примаравшіи, о такомъ будто церковномъ законѣ вамъ набаяли. Да то они пошептомъ слышали отъ ересей папежскихъ, а наша греческая церковь всегда за таковую вину, разрушившии первый бракъ, благословляла другой сторонѣ невинной, и латинъ, какъ и въ прочихъ, такъ и въ семъ артикулѣ, намъ противныхъ отвергла, о чемъ и изъ Флоренскаго соборища знать можно. Да и отъ васъ здѣ показанніи Василія Великаго и проч. правила о совершенномъ разводѣ говорятъ: и нельзи иначе, понеже слово Господне въ Евангеліи ясно о томъ опредѣляетъ: а толки папежскихъ сумудрцевъ за упрямство безумны, и ихъ же хотя и сожженной совѣсти противны суть. Да бѣда, что панове школярики, что ни услышатъ отъ папежскихъ поговорокъ, высоко ставятъ и мнятъ быти непогрѣшительное:—сумазброды и неуки, невѣдующіи не токмо священнаго писанія (которое и что есть не знаютъ), но и самаго того ремеслишка, которымъ хвалятся—какъ то и въ самой сей вашей грамотѣ челобитную нарекли апелляціею, не вѣдая силы вокабулярной; ибо апелляція есть отъ нижайшаго не право рѣшившаго суда позовъ до высшаго, о чемъ какъ древніе, такъ и нынѣшніе, законоучители согласно придаютъ, и въ таковой силѣ соймы судебные парѣчія сего употребляютъ. Будто же латинщики ваши и латинской церкви догматы вѣдаютъ, какъ и слѣпорожденный различія красокъ: ничего не бывало. Горестно же мнѣ, что ваше преосвященство слушаешь таковыхъ мудрецовъ, помышляя—что сѣро, то и волкъ; а лучше бы послушать слова основательнаго» [1]).

2) Къ преосвященному Льву воронежскому, отъ 14-го марта 1728 г., съ ходатайствомъ за бахмутскаго протопопа: «Имѣется епархіи вашей протопопа бахмутскаго дѣло съ нѣкими его супернки, которое было и въ Сунодѣ и отослано въ вашу епархію на разсужденіе настоящаго пастыря. Сказуютъ же, что протопопъ

[1]) Труды кіевск. акад. 1865 г. Т. 1, стр. 309.

правъ, а противная его сторона виновата, но будто вопреки дается и виноватые въ покои пребываютъ, а протопопъ не токмо управы лишенъ, но еще и гнѣву подлежитъ и терпитъ гоненіе. Просятъ же у моего смиренія стужить преосвященству вашему ходатайствомъ и милостивой къ помянутому протопопу просить у васъ благосклонности. Благонадежень я, что преосвященство ваше и на честь свою, и на лице обидимое, и на самое дѣло посматривая, изволишь сотворить то, что непорочно и достохвально покажется, въ чемъ и моего прошенія не отринешь» [1]).

3) Къ кіевскому архіепископу Варлааму Вонаговичу, отъ 13 апрѣля 1728 г., съ ходатайствомъ въ пользу батуринскаго сотника въ его тяжебномъ дѣлѣ съ черницомъ Іоанномъ Богомолевскимъ [2]).

4) Къ преосвященному Продіону черниговскому, отъ 20 іюня 1728 г., съ увѣщаніемъ не слишкомъ тягаться съ своими пасомыми изъ-за церковныхъ земель [3]).

5) Къ нему же, отъ 5 сентября, съ ходатайствомъ за стародубскаго протопопа Подгурскаго: «Хотя нѣчто и виноватъ есть отецъ Подгурскій (чего я и вѣдати не хощу), не надѣюся, дабы толикая была его вина, которая бъ весьма отрѣвала милостивое прощеніе. Имѣетъ яже, по милости Божіей, и дарованія, которыхъ какъ презирать немедленно, просто, такъ и въ прошеніи помилованія забывать не подобаетъ. Сверхъ прошенія моего извѣствую преосвященству вашему, что къ отцу Подгурскому великій благосклонности аффектъ имѣетъ ясневельможный, да и съ нашей братіи судятъ его быть всякаго респекту достойна, и слыша, что немилостивымъ къ нему преосвященство ваше показался, сожалѣютъ и удивляются. Сіе же извѣствуя вторично, третично и многообразно прошу святыню вашу, дабы явился къ его честности благоувѣтливъ, снисходителенъ и весьма милостивъ, дабы вамъ и у многоважныхъ лицъ не потерять доброй о васъ репутаціи, которой потеряніе не малую бъ вамъ со временемъ шкоду могло сдѣлать. Молю же всепокорственно святыню вашу: не

---

[1]) Труды кіевск. акад. Т. 2, стр. 546.

[2]) Тамъ же стр. 547.

[3]) Труды кіевск. акад. 1860 г. Т. 2, стр. 255—256.

такъ посматривай на наустителей, которые мало о чести и пользѣ того думаютъ, кого они наущаютъ, иногда же и подъ видомъ доброжелательства нарочно пакостятъ; но паче посмотря на высокихъ персонъ разсужденія, такожъ и на прошенія и ходатайство и смиренія нашего, побереги и своего имени предъ честнымъ свѣтомъ, нашаче въ дѣлѣ не Божія интереса, и гдѣ обращеніе милости вашея Богу пріятно будетъ» [1]).

6) Къ преосвященному Епифанію бѣлгородскому, отъ 15-го марта 1729 г., съ просьбою простить и удостоить прежнимъ мѣстомъ святогорскаго архимандрита Митрофана [2]).

7) Св. Суноду предложеніе, отъ 26-го марта 1729 г., о допросныхъ пунктахъ рязанскому архимандриту по дѣлу о пролитіи св. тайнъ [3]).

8) Къ преосвященному Аѳанасію вологодскому, отъ 16 декабря 1729 г., съ просьбою прекратить непріятныя отношенія къ баронамъ Строгоновымъ [4]).

9) (Вѣроятно) къ преосвященному Продіону черниговскому, съ упрекомъ за присылку гостинцевъ: «По долженству благодарствую преосвященству вашему за присланные гостинцы: только же и прилежно прошу, чтобы впредь святыня ваша не изволили себя убыточить и меня обременять тако необычными посылками. Я за долгъ званія моего, какъ и прочимъ всѣмъ, паче же братіи моей архіереямъ, такъ и вашему преосвященству всегда готовъ служить, и чести и интересу, не внѣ предѣлъ святыя правды. То если бы я за то требовалъ (сверхъ милостиваго государева жалованія) и отъ особенныхъ персонъ возмездія, продажныя были бы мои дѣйствія, которыя производить по званію долженствую, что̀ въ мірскихъ дѣлахъ нарицается мздоимство, вредъ толь губительный государствамъ, а въ дѣлахъ нашихъ духовныхъ именуется симонія, зло тысящекратно отъ церкви святой проклятое, яко весьма богопротивное и духовному Христову тѣлу неисцѣльную язву творящее. Хотя жъ и знаю, что преосвященство ваше не тѣмъ намѣреніемъ, но отъ братской къ смиренію моему любви

---

[1]) Труды кіевск. акад. 1865 г. Т. 2, стр. 556.

[2]) Тамъ же, стр. 561.

[3]) Тамъ же, стр. 561.

[4]) Тамъ же, стр. 562.

своихъ мене даровъ сподобляешь, однакоже совѣсти моей рождается непокойство и добрымъ людямъ соблазнъ, а злымъ и ненавистнымъ клеветъ матерія. Кромѣ же того, если бы и случилось дѣло, святынѣ вашей нуждное, да правильное, я уже, яко за пріятіе даровъ подозрѣнный, къ помоществованію въ томъ буду недѣйствительный, и дѣйство мое станетъ не важное» [1]).

10) Къ нему же (вѣроятно): съ ходатайствомъ за архіерейскаго намѣстника, искавшаго примиренія съ своимъ пастыремъ [2]).

11) Къ нему же (вѣроятно): «Присланное отъ преосвященства вашего о умѣренныхъ и гораздо отъ прежняго меньшихъ въ домъ вашъ отъ клира собираемыхъ поминахъ, какъ зѣло ясно разсѣянную на васъ клевету изобличило, такъ мене довольно обрадовало. *Сама неправда себе:* и будь благословенъ Богъ, оскорбляющій насъ попущеніемъ за грѣхи наша, и утѣшающій за неисчетную къ намъ милость Свою. Еще и нѣчто другое симъ временемъ привнеслося; но уже какъ легшему пороку подлежащее, такъ и не такъ жестокую приносящее горесть. Въ недавнемъ времени приходили ко мнѣ три знатные господа, которые повѣствуя, будто NN, по чьемусь навѣту впалъ въ гнѣвъ преосвященства вашего, и лишенъ мѣста страждетъ въ заточеніи, просили мене о прилежное къ преосвященству вашему письменное ходатайствовать, дабы милостивымъ вашимъ благопремѣнительствомъ возвращенъ былъ онъ и къ отеческому вашему и къ своему мѣсту и чину. И если не толикое онаго преступленіе, чтобъ весьма опасно было возставить его на прежнее, покорно прошу преосвященства вашего, аще что и согрѣшилъ, простить ему. Извѣстно отъ кого онъ и какъ неправильно на опое мѣсто возведенъ: но когда уже преосвященство ваше, низложивъ его, паки возведешь, возведеніе неправильное уничтожено, а отъ васъ правильное учинено будетъ, и NN бывъ прежде чуждая, отселѣ станетъ ваша креатура» [3]).

Къ антіохійскому патріарху, 1735 г., отъ св. Синода съ извѣстіемъ о назначеніи ему отъ Государыни опредѣленной милостыни [4]).

---

[1]) Труды кіевск. акад. Т. 1, стр. 301.
[2]) Тамъ же, стр. 302.
[3]) Тамъ же, стр. 303.
[4]) Труды кіевск. акад. 1865 г., Т. 3, стр. 270.

б) По новгородской епархіи.

Въ 1725 г. Ософанъ выпросилъ, въ помощь себѣ, по управленію епархіальными дѣлами, викарнаго, по примѣру того, какъ былъ въ Новгородѣ викарный при Іовѣ митрополитѣ.

Въ концѣ 1727 г. Ософанъ просилъ, чтобы изъ пиловой пустыни Аарона Еропкина взять опять въ корельскіе епископы. Верховный Тайный Совѣтъ утвердилъ представленіе Ософана. Ааронъ помѣстился въ юрьевѣ монастырѣ и, къ неудовольствію Ософана, тотчасъ же началъ процессъ о возвращеніи юрьеву монастырю отъ архіерейскаго дома вотчинъ этого монастыря. «Дважды получилъ я—писалъ къ нему Ософанъ—отъ преосвященства вашего писанія: одно извѣствующее о вашемъ изъ С.-Петербурга въ Новгородъ возвращеніи, а другое недавно чрезъ отца Серафима намѣстника, въ которомъ, при изъявленіи вашей ко мнѣ любви и доброжелательства, предлагаешь, преосвященство ваше, свое намѣреніе просить, гдѣ надлежитъ, дабы отъятыя отъ монастыря юрьева нѣкія вотчины возвращены; и понеже сказуютъ, что тыяжде вотчины были вѣдомы и въ домѣ архіерейскомъ, того ради прошу вашего преосвященства потерпѣть на время, покамѣстъ справкою о дѣлѣ томъ мене изъ разряда увѣдомятъ. Правдѣ мѣшать не буду, однакожъ долженствую ясно и чисто знать о дѣлѣ, дабы мнѣ предъ Богомъ и людьми не впити въ вину передѣнія; такожъ и не нарушенъ былъ бы между (нами) миръ братскій, который законоположникъ любви—Богъ—одолжаетъ хранить; взаимное братолюбіе—паче всякихъ прибыльныхъ интересовъ, чего отъ вашей святыни надѣяся, пребываю». Москва, 1728 г. 5 марта [1]).

«Извѣстно есть—писалъ къ немужъ Ософанъ 10-го іюня—что вотчины оныя, которыхъ возвращеніе требуется блаженныя и вѣчнодостойныя памяти Государя Императора именнымъ указомъ, были приписаны къ дому архіерейскому, и не просто, но для содержанія и воспитанія подкидышовъ и другихъ сиротъ и нищихъ. Въ прошломъ же году нѣкіи монастыри, а въ нынѣшнемъ—и монастырь юрьевскій, въ лицѣ преосвященства вашего востребовали оныхъ вотчинъ, всякъ своихъ въ свое по прежнему владѣніе. Благоволи же разсудить преосвященство ваше, какимъ бы правед-

[1]) Труды кіевск. акад. 1865 г. Т. 2, стр. 543.

нымъ способомъ оныя вотчины къ прежнимъ мѣстамъ возвратить мощно.... А къ тому иного пути лучшаго не вижу, только дабы одни оные монастыри, отъ которыхъ отписаны были на гошпитали вотчины, а потомъ бы имъ возвращены, или и всѣ нашея епархіи обители обложить погодною данію по пропорціи или размѣру до столькихъ, изъ чего мощно бы содержать гошпитали по прежнему. Однакожъ сдѣлать бы то съ таковымъ оберегательствомъ, дабы съ крестьянства отнюдь никакихъ вновь не требовать сборовъ, ибо то было бы милостивому государеву дупликату противное. Сіе если статься можетъ, то и прошеніе монастырей о вотчинахъ пойдетъ правильное безъ утайки важныхъ обстоятельствъ въ лицѣ чистомъ и неподозрѣнномъ, и блаженныя и вѣчнодостойныя памяти Государя Императора уставленіе пребудетъ нерушимо, когда домы сиротскіе въ непремѣнномъ содержаніи останутся. И если сей мой способъ преосвященству вашему покажется пристойный и полезный (а иного усмотрѣть отнюдь не могу), то благоволите сообщить о семъ и отцамъ архимандритамъ писаніемъ, о согласіи вашемъ извѣстить мнѣ, — и какимъ дѣйствіемъ произвесть въ дѣло и не надобно ли всѣхъ архимандритовъ и игуменовъ на совѣтъ созвать, и о томъ отъ насъ послать указъ,—мнѣніе свое предложить не укоснете» [1]).

Отъ 30 авг. 1728 г.: «Писаніе преосвященства вашего къ моему смиренію, которымъ на мое къ святынѣ вашей письмо объ олонецкихъ юрьева монастыря вотчинахъ изволите, аки бы, отвѣтствовать, толико меня удивило, что долго не могъ я и придумать, какъ бы то умомъ объять, да и доселѣ въ великомъ недоумѣніи пребываю. Изволите предлагать жалостно, что совѣта о дѣлѣ томъ съ прочими монастырями сдѣлать не можно скоро, попеже нѣкіи архимандриты въ отлучкѣ. Сіе же-то весьма мнѣ дивно: ибо какова крайняя того нужда, которая васъ не допускаетъ на время подождать? Конечно, пришло юрьеву монастырю оскуденіе и толикое, что безъ скоропостижнаго вотчинъ возвращенія всей братіи нестерпимый и смертоносный гладъ настоитъ. А какъ же чрезъ пятнадцать лѣтъ безъ оныхъ вотчинъ монастырь юрьевъ питался? Въ прошломъ 726 году мы, на прошеніе преосвященства вашего, мона-

[1]) Тамъ же, стр. 548—550.

стырь, къ монастырю юрьевскому до насъ ещѣ приписанный, отрѣшивъ учинили свободнымъ; а то творя не надѣялися мы монастырю юрьеву тщеты и обнищанія, какъ то и не было. Отъ чего же нынѣ имѣлъ бы оный монастырь алченъ быть и жаждень, если скоро не получитъ вотчинъ, имянымъ указомъ государевымъ къ богоугодному дѣлу обращенныхъ? Не недивно и то, что преосвященство ваше прежде требовалъ приписанный монастырь отъ монастыря юрьева отрѣшить, что мы и сдѣлали, и отъ того какой ни есть монастырю юрьеву учинился ущербъ: а нынѣ изволите тщаться, какимъ ни есть способомъ юрьевъ монастырь снабдѣвать. Я же недостойный пастырю что: врагъ ли я монастырю юрьеву? Но совѣсть мнѣ моя свидѣтельствуетъ, что какъ ко всѣмъ прочимъ, такъ и ко оной святой обители содержу отческое призрѣніе, желая благословенія Божія во всяцѣхъ, имъ требуемыхъ, во первыхъ же въ нуждахъ спасительныхъ. Не вижу убо никакой оному монастырю толикой тяжести, которой бы и на малое время не могъ поднять безъ помощи олонецкихъ вотчинъ. Развѣ могъ бы показать кто на лицо преосвященства вашего, которому не токмо потребно, но и должно есть честное содержаніе? Но и сіе слышалъ бы я не безъ удивленія, понеже преосвященство ваше въ томъ же монастырѣ пребывалъ не одинъ годъ и, не владѣя именуемыми здѣ вотчинами, не терпѣлъ крайней скудости и нигдѣ о томъ не предлагалъ. Не могу же не удивляться, какъ то люди коварные и злобные могутъ святыни вашей сердце подвигнуть къ отверженію любви нашего смиренія — любви же, глаголю, каковая отъ десяти лѣтъ не могла быть преосвященству вашему неизвѣстна, а нынѣ уже знатно и явственно засвидѣтельствовала о себѣ. Если въ сердцѣ святыни вашея не таилося нѣкое къ моему недостоинству противодушіе, яко вамъ аки бы иностранному (каковымъ многіе легкомысленные и малосовѣстные человѣцы болѣзнуютъ, не вѣдая силы онаго слова апостольскаго: *о Христе Іисусѣ нисть Іудей, ни Еллинъ*): то таковому, да такъ внезапному, преложенію довольно чудиться не могу, наипаче же если то правда, что въ допросахъ своихъ показалъ Неофитъ черничника, будто преосвященство ваше писалъ къ нему, дабы и несмотря на соизволеніе наше подавать о вотчинахъ доношеніе. Сіе знатнаго небратолюбія знакъ

есть, если не лжетъ мерзкій плутецъ. Прочее прошу преосвященство ваше лучшее обо мнѣ возъимѣть мнѣніе и таковое, каковаго всенародно вѣдомая любовь моя къ вамъ заслужила, а не каковое влагаютъ вамъ гордые, безумные и безсовѣстные молвовожды, весьма въ томъ отцу ихъ діаволу подобные [1])». Въ 1730 году Ааронъ, за болѣзнію и старостію, просился и былъ отпущенъ на обѣщаніе въ нилову пустынь [2]). Въ 1734 г. Ѳеофанъ взялъ къ себѣ викарнымъ грузинскаго архіепископа Іосифа, который и помогалъ ему въ управленіи епархіей до самой его смерти.

Въ 1727 г., бывшій въ низовомъ походѣ оберъ-іеромонахъ *Давидъ Скалуба*, который оттуда опредѣленъ былъ на калмыцкую линію, просился куда нибудь въ послушаніе. Ѳеофанъ взялъ его къ себѣ, объявивши, что въ епархіи его есть не одно мѣсто, настоятеля требующее (20-го февраля), и вслѣдъ за тѣмъ опредѣлилъ его архимандритомъ въ монастырь Антонія Римлянина. По Давиду въ тягость была настоятельская должность. Года черезъ два онъ сталъ просить Ѳеофана объ увольненіи его въ послушаніе въ какой нибудь изъ малороссійскихъ монастырей [3]). Ѳеофанъ отправилъ его въ Черниговъ съ рекомендательнымъ письмомъ къ тамошнему епископу Продіону Жураховскому. «Честнѣйшій отецъ архимандритъ, чрезъ котораго сіе мое къ преосвященству вашему письмецо посылаю, желая себѣ затишнѣйшаго по трудахъ пристанища, заблагоразсудилъ искать того, и надежду возъимѣлъ обрѣсти у вашей святости. О чемъ я извѣстився, сопослѣдствую ему къ вамъ симъ моимъ о немъ свидѣтельствомъ. Есть родомъ отъ честнѣйшихъ обывателей кіевскихъ, и потому, яко земокъ, одолжаетъ насъ къ своему любле-

---

[1]) Тамъ же, стр. 551.

[2]) Дѣла арх. св. Синода 1730 г. № 100.—Ааронъ скончался въ 1740 г., приявши въ схимѣ имя Аланія. (Дѣла арх. св. С. 1740 г. № 146).

[3]) «Сего іюля 23 (1728 г.) оный архимандритъ Давидъ письменно мнѣ предложилъ—писалъ Ѳеофанъ въ доношеніи Синоду 24 іюля—что нынѣ самъ себѣ онъ разсудилъ къ такому (настоятельскому) послушанію быти не угодна, и по природѣ своей признаваетъ себя удобнѣйша жить въ монастырѣ подъ началомъ, нежели къ монастырскому строенію. И требовалъ оной архимандритъ, дабы уволить его въ отечество его въ Малую Россію». (Дѣла арх. св. Синода, 1728 г. № 246.)

нію. Но еще и вящшее того имѣетъ достоинство, понеже мужъ есть довольнымъ ученіемъ и постояннымъ житіемъ и не малыми въ святой церквѣ и во отечествѣ прислугами достохвальный. Въ государевой академіи московской многіе въ разныхъ ученіяхъ труды чрезъ многолѣтнее время изнурилъ; потомъ въ нижнихъ походахъ, проповѣдію слова Божія и верховнымъ походоваго священства правительствомъ, не токмо безпорочное, но и многополезное званіе свое показалъ: которые—и другіе иные—пречестные его таланты понудили мене просить его преподобіе въ новгородскій монастырь Антонія Римлянина во архимандрита. И хотя прошенію моему не отрекъ—изволилъ принять чинъ тотъ и пробылъ въ немъ съ два года, однакожъ много видя природѣ и нравамъ своимъ несогласій, яко тихомирный и миролюбный отпросился отъ непокойной чести, изволяя въ тишинѣ служить Богу, нежели начальствовать въ смущеніи духа, и намѣреніе воспріялъ требовать въ томъ призрѣнія къ себѣ у вашего преосвященства. Провождаю же честность его симъ моимъ писаніемъ и смиренно прошу святыни вашея, да благоволишь милостиво принять его и мѣстнымъ честнымъ почтить, яко всякой чести мужа достойнаго, и таковаго, который вящшее мѣсту отъ себе сотворитъ, нежели себѣ отъ мѣста получитъ украшеніе» [1]).

Въ 1727 г. 3 сентября, Ѳеофанъ писалъ къ канцлеру Головкину съ просьбою отмѣнить распоряженіе о взятіи находящагося въ С.-Петербургѣ новгородскаго подворья для казенныхъ надобностей. «Вчера въ вечеру услышалъ я, будто отъ вашихъ сіятельствъ Верховнаго Тайнаго Совѣта приказано, дабы мы новгородское наше подворье очистили для содержанія тамо нѣкоей коллегіи. И если бы такъ было, то дивно; ибо оное подворье, чрезъ многіе годы аки разоренное, недавно перестроенное и чисто сдѣланное не малымъ дому архіерейскаго иждивеніемъ, имѣло бъ отнято быть отъ дому невѣдомо для чего. Да на томъ же подворьи больше года имѣетъ себѣ постой преосвященный Христофоръ, митрополитъ грузинскій, и тамъ же квартиру дали мы призванному изъ петербургской академіи профессору для рисованія церемоніи его импе-

---

[1]) Въ Трудахъ кіевской академіи, 1865 г., Т. I, стр. 297—330 это письмо не вѣрно отнесено къ лицу Маркелла Родышевскаго, вмѣсто Давида Скалубы.

раторскаго величества, гдѣ уже сполгода пребываетъ: и въ томъ мнѣ казалось, что есть какая нибудь прислуга наша къ чести государственной. Вчерашняго же дня, по требованію вашего сіятельства, отвели мы тамъ же квартиру архидіакону могилевскому; да на томъ же подворьи имѣютъ квартированія пріѣзжающіе новгородскіе архимандриты и нынѣ одинъ живетъ, а недавно два жили; еще же и ризничій съ ризницею и стрянчій съ семьею своею тамъ же, хотя не безъ трудности, вмѣщаются; къ тому же и мой пріѣздъ для случающихся ставленниковъ и другихъ церковныхъ служеній бываетъ. Знатно же, что кто простосердечіе ваше къ занятію подворья нашего склонялъ, вся тамо обрѣтающіяся нужды лестно утаилъ и показалъ оной домъ, аки бы пустой и праздной. Можетъ быть то глянуто на мой на Чистомъ Прудѣ домъ: да справиться же и освидѣтельствовать, какъ мы тамъ пространно живемъ, гдѣ кромѣ меня и церковные многи служители, и дворяне, и конюхи, и контора, и колодники, и домовые разнаго званія и разныхъ нуждъ слуги. Сія предлагая, всепокорно прошу давняго моего благодѣтеля, сіятельства вашего, призрѣть на меня, паче же на домъ Премудрости Божіей, и отъ таковаго угнетенія, согласно съ прочею братіею вашею, высокими министрами, охранить насъ. И надѣюся несомнѣнно, что совѣсть ваша, узнавъ вышепомянутыя нужды, на то, что Богу и правдѣ Его не противно, приговоритъ» [1]).

---

2. Ученые труды.

О многихъ сочиненіяхъ Ѳеофана, написанныхъ при Петрѣ I-мъ и послѣ смерти Петра I-го, мы имѣли случай упоминать въ разныхъ мѣстахъ нашего изслѣдованія. А потому здѣсь перечислимъ только тѣ его сочиненія, о которыхъ намъ не пришлось упомянуть въ другихъ мѣстахъ.

Догматическія сочиненія. Повѣсть о Царствіи Божіи.—Катихизисъ или краткое ученіе христіанское молодому отроку, въ разговорной формѣ.—*Краткое ученіе отрокамъ о причастіи Тѣла и Крови Господней.—Разговоръ селянина и гражданина съ дьяч-*

---

[1]) Труды Кіевск. акад. 1865 г. Т. 2, стр. 555.

комъ.—Разговоръ Тектона съ купцомъ.— Всѣ эти сочиненія остаются доселѣ въ рукописи.—Въ Шереровой біографіи Ософана есть указаніе, что по его желанію переведена на русскій языкъ (Симономъ Тодорскимъ), книга Іоанна Арндта: *Объ истинномъ христіанствѣ;* переводъ напечатанъ въ Галлѣ въ 1735 г.[1]).—*Наставленіе священнику на докладъ его словесный о необычайномъ грѣхопаденіи его духовнаго сына.* Рки.—*Разсужденіе о Безбожіи.* М. 1774 г. Въ этомъ сочиненіи Ософанъ разсматриваетъ: I, философскія системы, ведущія къ атеизму: скептическій атеизмъ, догматическій, особенно аристотелевъ; стоическій, эпикуровъ и стратоникова и, наконецъ, атеизмъ «новопроявившагося въ Голландіи безбожника Венедикта Спинозы»; II догматы атеистскіе; III причины и способства къ атеизму; IV свойства; V плоды атеизма и VI обличеніе атеизма.

Апологетическія сочиненія. Въ *Miscellanea Sacra* Th. Procopovitch (Breslavia 1745 г.) напечатаны сочиненія Ософана: *Апологія* или защищеніе вѣры, въ видѣ письма къ лютеранскимъ богословамъ, писавшимъ къ печерскому монаху Михаилу Шію, на его къ нимъ письмо о вѣрѣ восточной церкви.—*Апологія* въ защиту св. кіевскихъ мощей отъ нареканій на нихъ въ книгѣ Гернія: Kiowia subterranea (Königsb. 1675). Апологія эта переведена на русскій языкъ и напечатана въ Москвѣ (1786 и 1799). *Orationes asceticae*, или монашескія проповѣди: русскій переводъ ихъ напечатанъ въ Христіанскомъ Чтеніи 1826 года.

Экзегетическія сочиненія. Біографъ Ософана у Шерера говоритъ, что Ософанъ весьма озабоченъ былъ исправленіемъ Славянской Библіи, и съ этой цѣлью началъ даже учиться у жившихъ въ его домѣ обращенныхъ евреевъ еврейскому языку; но за разными недосугами и болѣзнями не могъ окончить этого дѣла, передавши его архіепископамъ тверскому, вологодскому, нижегородскому, невскому архимандриту Стефану Калиновскому и прочимъ ученымъ мужамъ [2]). Къ этому свѣдѣнію можно присовокупить, на основаніи оффиціальнаго источника, что въ маѣ 1735

[1]) Библіогр. зап. Т. III, 1861 г., стр. 36.

[2]) Фонъ-Гавенъ также пишетъ (Reise in Russland, s. 19): «одно время очень надѣялись, что при помощи Ософана будетъ издана вся Библія на русскомъ и славянскомъ языкахъ и съ примѣчаніями».

г. начато было уже печатаніе Библіи на васильевскомъ островѣ, на подворьѣ Оеофана, гдѣ временно помѣщена была для этой цѣли типографія. Въ 1736 г. 10 августа, Оеофанъ представилъ Сѵноду свои предположенія объ успѣшномъ окончаніи начатаго дѣла, въ которыхъ, между прочимъ, предлагалъ всѣ сдѣланныя прежними исправителями поправки вновь перевѣрить съ греческою Библіею, не весьма вѣруя исправительскимъ примѣчаніямъ. («Могли они задремать и памятію погрѣшить»). Но меньше, чѣмъ черезъ мѣсяцъ послѣ этого, Оеофанъ скончался и дѣло, хотя не остановилось, но лишилось главнаго руководителя [1]).—М. Евгеній упоминаетъ о составленныхъ Оеофаномъ толкованіяхъ на пророка Исаію и на псаломъ 140 [2]).

Историческія.—Изслѣдованіе о флорентинскомъ соборѣ (Examen concilii Florentini). Объ этомъ сочиненіи упоминаетъ Дамаскинъ Рудневъ въ перечнѣ писателей, приложенномъ къ трактату: de processione Spiritus Sancti, но замѣчаетъ: «num illud hodie existet manuscriptum, an prorsus perierit, nihil certi dicere possum. Ego enim opusculum hoc nunquam vidi».

По свидѣтельствамъ автора Шереровой біографіи Оеофана и Страленберга Оеофанъ написалъ *церковную исторію* (или только часть ея), въ которой описалъ ученіе и священные обряды, бывшіе въ православной восточной церкви до Константина Великаго, и показалъ происхожденіе различныхъ суевѣрныхъ обычаевъ и обрядовъ [3]).

Въ 1725 году Оеофанъ написалъ *Повѣсть о смерти Петра Великаго*. Спб. 1726 г. Самъ же авторъ перевелъ ее на латинскій языкъ, давши ей заглавіе: *Lacrymae Roxolanae*, подъ которымъ она и напечатана была, вмѣстѣ съ его надгробнымъ словомъ на смерть Петра, въ Ревелѣ и въ Гамбургѣ 1726 года.

---

[1]) *Исправленіе текста Слав. Библіи передъ изданіемъ 1755 г.* статья П. Чистовича въ *Прав. Обозр.* 1860 г., ч. I, стр. 486.

[2]) Словарь рос. пис. дух. чина, въ статьѣ: Оеофанъ Прокоповичъ.

[3]) «In historia ecclesiastica, quam composuit, non vero edidit, doctrinam et ceremonias sacras in orthodoxa primitiva ecclesia graeca ante tempora Constantini Magni usitatas recenset». (Vita Theophanis въ Scherer's Nordische Nebenstunden. Сравн: Das Nord und östliche Theil von Europa und Asia, von Stralenberg. Stockh. 1750. s. 277.)

Въ 1730 году—*О вступленіи на престолъ Императрицы Анны.* Спб. 1737 г. — *Благодарственное моленіе по случаю возшествія ея на престолъ и коронаціи.* Спб. 1734 г.

Ософанъ занимался и *русскими древностями.* Татищевъ говоритъ о немъ, что онъ въ испытаніи древности показалъ великое тщаніе [1]). Онъ же упоминаетъ о сочиненіи Ософана *Объ Амазонкахъ*, поднесенномъ отъ сочинителя въ 1724 г. Государю [2]). Но кромѣ этого указанія нѣтъ никакихъ другихъ извѣстій объ этомъ сочиненіи. Татищевъ же пишетъ, что ему извѣстно, что въ Новгородѣ у діакона архіерейскаго есть древній лѣтописецъ, изъ котораго онъ видѣлъ у архіерея Прокоповича выписку о счисленіи древнихъ вѣковъ, денегъ и мѣръ, также грамоту Ярославлю о вольности Новгородцамъ, но котораго онъ нигдѣ въ манускриптахъ не нашолъ [3]).

Противъ раскола—О присягѣ или клятвѣ. Спб. 1734 г.—*Показаніе великаго антихриста*—сочиненіе 1735 и 1736 г., оставшееся неоконченнымъ. Въ опроверженіе раскольничьихъ толковъ о явленіи антихриста то въ лицѣ Петра, то въ лицѣ Бирона, авторъ въ 1-й части хотѣлъ разсмотрѣть отличительныя черты антихриста по указаніямъ св. писанія; а во 2-й части приложить эти черты къ нашѣ. Но написано только 6 главъ и начата 7 первой части [4]).

---

3. Переписка съ Малярдомъ.

Лѣтомъ 1733 года прибылъ въ С.-Петербургъ англійскій

---

[1]) Росс. ист. ч. 1, стр. 41. Москва, 1768 г.

[2]) «Нашъ архіепископъ Прокоповичь о Амазонкахъ, что были славяне, со многими отъ древнихъ доводы книжицу сочинилъ и е. и. в. Петру Великому въ 1724 году поднесъ. О томъ, что они были славяне, онъ пространно доказывалъ, что мнѣ не весьма памятно и книжицы оной ни въ кабинетѣ, ни въ библіотекѣ его величества не отыскано, токмо вѣдаю, что черная въ его письмахъ осталась». (Росс. ист. ч. 1, стр. 436, 438.)

[3]) Росс. ист. ч. 1, стр. 41. Въ обзорѣ сочиненій Ософана у М. Евгенія и Филарета, у Пекарскаго (Наука, ч. 2, стр. 576) и въ перечнѣ сочиненій Ософана—въ Собраніи его словъ и рѣчей, ему приписывается *Повѣсть о Кириллѣ Меводіѣ*, напечатанная при Мавроурбиновой исторіи славянъ, переведенной на русской языкъ Савною Рагузинскимъ (М. 1722 г.). Но эта повѣсть составлена не Ософаномъ, а Ософилактомъ Лопатинскимъ.

[4]) М. Евгенія — Слов. дух. пис. и Филарета — Обзоръ. Ч. 11, стр. 117. Харьк. 1863 г.

пасторъ Михаилъ Францискъ Малярдъ и изъявилъ желаніе присоединиться къ православной церкви. Желая испытать его убѣжденія на счетъ религіозныхъ предметовъ, Ѳеофанъ написалъ къ нему въ сентябрѣ 1733 года письмо, въ которомъ просилъ его изложить свои понятія о спорныхъ пунктахъ у православной церкви съ римлянами и протестантами, какъ то о происхожденіи Св. Духа, о первенствѣ римскаго епископа, о предопредѣленіи, о призываніи святыхъ, о почитаніи иконъ, о чинѣ епископскомъ и о нуждѣ его наслѣдія, о чистилищѣ, о тайнѣ Евхаристіи. «Сія суть—писалъ Ѳеофанъ—о нихъ же васъ спрашиваемъ; не такъ, что болше сихъ не имѣется—надѣемся, но понеже что оныя отъ прочихъ нужнѣйшія, особливо къ отомщенію больше пристойныя быть видятся намъ. Которыя-же на каждое изъ сихъ преданій нашей греческой церкви имѣются доказательства, противниковъ же тоя выключенія и ихъ отрицовенія,—чимъ такожде съ какой либо противной стороны наболыше насъ здѣсь уличаютъ, и отъ насъ яко уличенія опровергнутися законно долженствуютъ,—ежели вы, мужъ ученѣйшій, ясно и рѣшительно тое намъ, въ чемъ уповаемъ, показать не отягчитеся (вкратцѣ токмо, въ которыхъ больше силы имѣется, собравъ)—дѣло воистинну, какъ превысокому вашему, которое открываете, намѣренію, такъ и нашему пристойное учините ожиданію: откуды не только ваше къ намъ пришествіе особливо правдивое и благочестивое и ни единому подозрѣнію не причастное докажете, но неотмѣнно и насъ самихъ, къ которымъ приходите, какъ самимъ приходомъ утверждаете, равно крѣпкими православнаго ученія оборонами подкрѣпить имѣете».

Малярдъ отвѣчалъ на это письмо пространнымъ разсужденіемъ, въ которомъ старался выказать какъ свое образованіе богословское, такъ и свою ревность къ православной церкви. «То, что отъ меня ваше преосвященство въ письмѣ вашемъ, недавно ко мнѣ присланномъ, требуете, нахожу столь правдивымъ и истинымъ, что съ охотою моею на всѣ члены въ вѣрѣ содержащіеся, помощію Божіею, отвѣщать буду. Однакожъ прежде начинанія моего, не за непристойное уповаю вашему преосвященству обо всемъ ясно предъявить, что, когда я просвѣщенъ бывши божественною благодатію разсудилъ, что церковь англійская епископская, которой былъ я пасторомъ, есть новая церковь, какъ и про-

чія протестанскія церкви, и римскую никакъ не выключая, хотя старшую предъ тѣми, но мнящую греческой церкви (что одно къ доказательству ихъ неправды довлѣетъ): тогда представилъ себѣ воспріять православную вѣру, и прочее время жизни моей въ ней скончать, чтобы и Богу угодить и спасеніе мое достигнуть возмогъ. Но прежде нежели совѣта востребовалъ, заранѣе самъ разсудить, которыя то суть погрѣшенія какъ протестантской, такъ и римской церкви».

Изложивши свои понятія о разностяхъ православной церкви съ протестантскою и римскою церковью, онъ пишетъ: «хотя я не великое число заблужденій ихъ предложилъ, но очень довольно о тѣхъ разсудилъ, что надобно отъ толикія ереси спастися. Послѣ того, какъ г. Вароломей Кассано о вашей церкви меня увѣдомилъ, что она весьма того не содержитъ, что я въ протестантской и римской неопровергалъ, на которое ему отвѣтствовалъ: убо греческая единая есть правдивая церковь; — который меня вторично увѣрилъ, что та есть первенствующая и мать римской церкви, которая противъ ея взбунтовала: понеже она греческая церковь ничего не прибавила, или бы ученіе, которое отъ Христа Спасителя и Апостоловъ приняла, нѣчто уменшила; римская же Христову церковь премѣнила и нарушила; а протестанская въ своей реформаціи заблудила, какъ ясно ему доказалъ — которыя его слова по премногу мнѣ угодныя стали. Уже бо давно сердце мое чуяло и нудило меня къ сему, что церковь греческая правдивая есть Христова церковь. Бога убо молилъ повседневно, толикое видѣвши несогласіе и раздѣленіе между церквами христіянскими, да явитъ мнѣ волю свою, которую бы могъ на земли исполнить. Да кратко скажу: Даніилово пророчество пишетъ, что «царствіе Христово во вѣкъ пребываетъ». Святый же Лука повѣствуетъ: «царствію Христову конца не будетъ». Между прочимъ на разумъ меня наставили, чтобъ я изъ тѣхъ двухъ церквей, а именно протестантской и римской, никоторую не призналъ за правдивую Христову церковь, понеже она пятагонадесять вѣку началася, сія же въ шестомъ, сильной ради власти, отъ Фоки императора папѣ порученной, настала. Наконецъ ежелибъ та и другая правдивыя были церкви, то не было ни единой истинной Христовой церкви на земли прежде сложенія римской церкви, ниже

прежде сочиненія протестантской. А вышереченное святое писаніе о будущемъ Христовомъ небесномъ царствѣ ни по какому образу не разумѣется, понеже въ такомъ смыслѣ и царствіе праведныхъ вѣчное имѣетъ быть; но здѣсь паче о будущемъ Христовомъ царствіи въ церкви, которая не воспріиметъ прекращенія, доколѣже свѣтъ стоитъ. Подобнымъ образомъ и во ономъ мѣстѣ святаго апостола Петра, на немъ же подтверждаетъ, дабы святое писаніе тайно не переводили: то есть переводъ и сила писанія до уединеннаго человѣка не надлежитъ, но токмо до церкви. Откуду ясно усмотрилъ заблужденія лютерская и кальвинская; понеже Лютеръ и Кальвинъ уединенные были люди, которые святое писаніе по мнѣнію и разсужденію своему и въ пользу своей реформаціи переводили — потому переводъ ихъ ложный быть вмѣнилъ; вящше же какъ самая церковь имъ въ томъ прекословитъ; но и потому церкви ихъ суть ложныя, что оныя уединенныхъ человѣковъ перевода послѣдовали. Также и папа: поелику наединѣ злѣ противнымъ образомъ греческой церкви святое писаніе переводилъ, которая была первенствующая и православная. Римская же церковь—подражательми тоя называлися, иже оную въ переводѣ и приговорахъ, къ вѣрѣ касающихъ, послѣдовали; отъ уединеннаго убо человѣка переводъ приняли, ему же всяко не надлежало святое писаніе переводить, хотя и по сущему и собственному его смыслу толковать, но развѣ церкви святой о переводѣ того предлагать, чего папа учинить никогда не хотѣлъ. Отсюда слѣдуетъ: какъ протестантская, кальвинская и лютеранская, такъ и римская, не сущія суть церкви, по вѣ церкви, которая есть токмо греческая... Особливо могъ бы я, преславнѣйшій архіепископъ, въ сихъ матеріяхъ довольнѣйшимъ быть, но краткости ради въ шисьмахъ оное не служитъ (не удобно); кромѣ того что никакихъ богословскихъ книгъ и иныхъ историческихъ, къ вѣрѣ принадлежащихъ, съ собою не привезъ, ниже такожде всѣ тѣ мѣста выбралъ, которыя бы могъ изъ святаго писанія, изъ вселенскихъ соборовъ и святыхъ отцевъ и церковной исторіи, и изъ прочихъ книгъ выписать, чтобъ лучше предложенная могъ доказать; понеже изъ оныхъ книгъ ни единыя съ собою не взялъ, хотя въ Лондонѣ библіотеку мою весьма довольную оставилъ, да не вмѣнилъ бы кто мнѣ, что еретическія книги въ сіе государство съ собою привезъ

къ прельщенію христіанъ православныхъ, или дабы оными иногда послѣ въ такой конецъ имѣлъ употребить. Особливо же доношу: для того нашаче оныхъ съ собою не взялъ, чтобъ обхожденіе мое не было откуды подозрительно и объ немъ самомъ не мыслилъ злое; или по смерти моей, ежелибъ по пріѣздѣ моемъ въ городъ сей отъ жизни моей представился, въ руки бы нѣкоторыхъ христіанъ могли попасть, которые ими могли бы на зло потребить... Симъ образомъ надѣялся купно съ вѣрующими въ небѣ съ Богомъ и Спасителемъ нашимъ, съ преблагословенною Дѣвою и со всѣми блаженными духами въ будущемъ царствовать. Хотя подъ вечеръ въ виноградъ Господень пришелъ, то есть въ Его святую церковь въ послѣдніе годы и при концѣ живота моего пришелъ: но понеже отъ святаго Евангелія научаемся, чрезъ притчу о господинѣ, который въ виноградъ свой нѣкихъ дѣлателей хотя и подъ вечеръ призвалъ, обаче равную съ тѣми воспріяли мзду, которые въ виноградъ его отъ утра призваны были; понеже Богъ и хотѣніе доброе, какъ самое дѣло пріемлетъ» [1]).

Въ слѣдующемъ 1734 году 13-го февраля преосвященный Ософанъ словесно объявилъ въ Сунодѣ, что ея и. величество безъ докладу его преосвященства изволила объявить ему преосвященному, чтобъ того пастора, по желанію его, принять въ законъ православнаго исповѣданія. Вмѣстѣ съ тѣмъ Ософанъ предложилъ Суноду копію съ письма къ нему русскаго посланника въ Лондонѣ, князя Антіоха Кантемира, въ которомъ онъ сообщалъ свѣденія, собранныя о Малярдѣ. Кантемиръ извѣщалъ, что «Малярдъ есть одинъ изъ французовъ, которые изъ отечества за утѣсненіе своей религіи убѣжали, которыхъ обыкновенно называютъ Fransois refugiés. По пріѣздѣ его въ Лондонъ онъ назначенъ былъ къ одной тамошней парохіи министромъ, получая пропитаніе изъ суммы, назначенной отъ королевы Анны на дачу чужестраннымъ убогимъ протестантамъ. Распорядители оной суммы учинили ему, какъ многимъ другимъ, обиду въ раздѣленіи надлежащихъ имъ денегъ. Сей Малярдъ писалъ противъ нихъ и въ печать издалъ книжицу, за которую, такъ какъ непріятели силыѣе его, по-

[1]) Латинскій текстъ этого письма въ Theophanis Procopovitsch: Miscellanea Sacra, variis temporibus edita. Broslavia, 1745 an. Русскій переводъ въ рукоп. Румянц. муз. № 467, л. 69.

терялъ мѣсто и пропитаніе, для чего принужденъ былъ здѣсь доставать себѣ хлѣбъ, уча французскому языку. А что онъ не претендентовой партіи, то явно изъ изданныхъ отъ него книгъ, которыя дедикованы нынѣшней королевской фамиліи. А какой секты былъ въ здѣшней религіи, того вѣдать не можно. Долговъ же никакихъ здѣсь не оставилъ и пороку на него никто не сказываетъ. Чтоже касается епископовъ, которые трактовали о соединеніи вѣры, они безсумнительно суть претендентовой партіи, изъ такихъ, которыхъ здѣсь non iurati называютъ, то есть которые нынѣшнему королю въ вѣрности не присягаютъ, претендента за истиннаго короля почитая. Сіе по приказу вашего преосвященства описавъ, смѣлость пріемлю съ моей стороны донести, что вышеупомянутый Малярдъ, если подлинно желаетъ быть пріобщенъ къ нашей церкви, то опое здѣсь ни мало въ противность принято не будетъ, какой бы партіи онъ ни былъ, понеже доброе согласіе между императорскимъ и королевскимъ величествомъ и маловажность человѣка никакого подозрѣнія оставить не могутъ. А если онъ какіе о соединеніи церкви представленія чинитъ, то оные за химерическія почитать должно, потому что здѣсь меньше всего о религіи думаютъ».

Ректоръ московской академіи архимандритъ Стефанъ Калиновскій и кадетскій іеромонахъ Лука Конашевичъ, которымъ Синодъ поручилъ удостовѣриться въ искренности его желанія, донесли, что по усмотрѣнію и испытанію ихъ Малярдъ желаетъ присоединиться не ради какого прибытка, но ради одного спасенія своей души. Вслѣдствіе чего Малярдъ и былъ присоединенъ къ православной церкви по чину ея, 9 іюня 1734 года. Воспріемниками его при таинствѣ міропомазанія были генералъ-адъютантъ Ушаковъ и жена коменданта Мошкова [1]).

4. Разсмотрѣніе разныхъ сочиненій передъ изданіемъ ихъ въ свѣтъ.

Въ «Историческихъ бумагахъ XVIII вѣка» [2]) между прочимъ напечатано письмо Оеофана къ Бирону (5-го іюня 1735 года),

---

[1]) Дѣла архива св. Синода 1731 года № 319.—Преосв. Филаретъ въ «Обзорѣ русской духовной литературы» догадочно приписываетъ Оеофану отвѣты на 46 вопросовъ о вѣрѣ, предложенные Менандромъ Гумбертовымъ въ 1726 году.

[2]) Русская Бесѣда 1860 года, кн. 2, отд. II, стр. 195.

въ которомъ говорится, что онъ безъ русскаго, знающаго французскій языкъ, не въ состояніи просмотрѣть и дать отзывъ о русскомъ переводѣ «Граціана, придворнаго человѣка». Биронъ отвѣчалъ: «Ваше преосвященство чрезъ письмо свое изволите отъ меня требовать французскаго и русскаго языка знающаго въ помощь вашему преосвященству для освидѣтельствованія оной книги, которая отъ меня прислана. Но понеже я тѣмъ ваше преосвященство не утруждаю, ибо тогда взявъ смѣлость, послалъ ее токмо для того, чтобъ ваше преосвященство въ свободное время изволили ее просмотрѣть, какое оно достоинство въ себѣ имѣетъ, и по здѣшней ситуаціи можно ли ее напечатать для употребленія и выдать въ народъ, и будетъ ли въ ней польза. Ежели же ваше преосвященство изволите усмотрѣть, что хотя и не все содержитъ въ себѣ хорошее, а отчасти нѣчто годится и ничего противнаго не имѣетъ, то за тѣмъ при достальномъ, въ чемъ усмотрится сумнѣніе или недостатокъ концепту, покорно прошу трудъ свой показать и положить ремарки. А чтобъ свидѣтельствовать ее съ французскимъ языкомъ, въ томъ я нужды не нахожу. При чемъ все оное отдаю вашего преосвященства во благое разсужденіе и имѣю надежду, что сіе мое требованіе за противно принять не изволите. Остаюсь всегда вашего преосвященства всепокорный и доброжелательный слуга».

Переводчикъ «Граціана, придворнаго человѣка» Сергѣй Волчковъ оставилъ извѣстіе, что и другой его переводъ съ французскаго, подъ заглавіемъ «Миръ душевный», также былъ одобренъ Ософаномъ и поднесенъ императрицѣ Аннѣ [1]). — Едва-ли не всѣ вообще произведенія на русскомъ языкѣ, предназначавшіяся къ печати во времена императрицы Анны Іоанновны, посылались на предварительный просмотръ новгородскаго архіепископа. Извѣстно, что по приказанію двора, въ Академіи наукъ должны были сочиняться фейерверки и иллюминаціи съ подробными описаніями ихъ. Одно такое описаніе, именно на фейерверкъ 28 января (день рожденія Императрицы) 1736 года, было возвращено въ Академію съ приписками рукою Ософана. Тамъ, противъ мѣста, гдѣ описывалось, что въ Римѣ, въ день рожденія Августа, возносились об-

[1]) Десятое присужденіе наградъ гр. Уварова, стр. 23. Спб. 1868.

щія моленія къ богамъ, Прокоповичъ написалъ на полѣ: «И хотя оное римское молебствіе было весьма суетное, яко отъ злочестія къ несущимъ богомъ простираемое, которое мы, евангельскою истиною просвѣщены, ругательнѣ отвергаемъ, однакоже подаетъ намъ примѣръ должнаго поддапныхъ къ Государямъ своимъ доброжелателства и благодарствія. (Hoc interponere necesse est, ne homines malevoli causam hinc arripeant criminandi, quasi nos ethnicam politheiam probemus: quod scelaratissimis facere solenne est)». Потомъ, при словахъ, что въ Римѣ, въ день рожденія Августа, говорили, что «твердымъ ясенемъ плодоносная виноградная вѣтвь содержится», Ѳеофанъ замѣтилъ: «necessarium videtur citare hic ad marginem auctores, apud quos talia acta et dicta leguntur». Далѣе, въ выраженіи: высочайшая милость... *позволяетъ* намъ наше паки оживленное радостное чувство рѣчію представить, Прокоповичъ поправилъ: *возбуждаетъ* насъ.

---

5. Стихотворныя переложенія псалмовъ и стихи на разные случаи.

Стихотворенія Ѳеофана свидѣтельствуютъ о многосторонности и богатствѣ его дарованія, хотя далеко не могутъ равняться съ другими его произведеніями. Онъ писалъ стихи по латынѣ и потомъ нѣкоторыя самъ же перевелъ на русскій языкъ стихами силлабическаго размѣра. Конечно они составляли не столько трудъ, сколько забаву и развлеченіе въ трудахъ, и имѣютъ интересъ болѣе біографическій, нежели эстетическій.

Біографъ Ѳеофана у Шерера говоритъ, что онъ составилъ нѣсколько священныхъ гимновъ и пѣсней, что эти духовныя пѣсни положены были на музыку и пѣвались питомцами его школы для собственнаго увеселенія и удовольствія посѣтителей Ѳеофана [1]). Нѣкоторые изъ этихъ гимновъ сохранились до настоящаго времени.

1) О суетный человѣче, рабе неключимый
Какъ то ты далеко бродишь мечтаньями твоими?
А незапно день послѣдній
Разрушитъ твой животъ бѣдный....

---

[1]) Sacros hymnos et cantiones morales, a se compositas, pro suo, hospitum et alumnorum honesto et proficuo oblectamento, concentibus musicis figuratis, ad morem hodiernum ornari et aliquoties decantari jussit.

2) Кто крѣпокъ на Бога уповая
Тотъ недвижимъ смотритъ на вся злая....

3) *Преложеніе 90 псалма: Живый въ помощи Вышняго.*

Вемъ себи въ помощь Вышняго предавый
Живетъ подъ кровомъ Божьей державы....

4) *Рѣчь Господня къ рабу малодушному:*

Не бойся ни мало, когда Я съ тобой
Не смотри на страхъ, когды ты со Мной.
О сердце трепетное перестань дрожати
При сей благодати.

5) *Преложеніе псалма 36: Не ревнуй лукавнующимъ.*

Кто любитъ Бога, не ревнуй лукавымъ,
Ниже завиди грѣшникамъ неправымъ....

6) *Преложеніе псалма 72: Коль благъ Богъ Израилевъ.*

Аще изъ земли престанутъ рѣки истекати
И начнутъ моря брегъ свой великій преступати
И падши небо землю покроетъ всю звѣздами
Воздухъ въ огнь прешедшъ возьярѣетъ молніями:
То ниже тогда благость Вышняго многомощна
Предастъ праведна въ руцѣ грѣшнаго безпомощна.... [1]).

Кромѣ духовныхъ стихотвореній Ософанъ писалъ много стиховъ въ разнообразныхъ формахъ — одъ, сатиръ, эпиграммъ и проч. [2]).

Мы уже привели нѣсколько стихотвореній Ософана въ разныхъ мѣстахъ его біографіи, и потому здѣсь укажемъ только на тѣ, о которыхъ упомянуть не было особаго повода по связи лицъ и ходу событій.

---

[1]) Это и предъидущее стихотворенія въ рукописи новгородской библіотеки поставлены на ряду съ сочиненіями Ософана; но въ сборникахъ Сатиръ и прочихъ сочиненій Кантемира они помѣщаются на ряду съ стихотвореніями этого автора. Можетъ быть они составлены были Кантемиромъ для школы Ософановой и пѣвались его питомцами. — Стихотворенія: «О суетный человѣче» — «Кто крѣпокъ на Бога уповая» — «Вемъ себи въ помощь Вышняго предавый» и «Коли дождуся весела недра» помѣщены въ *Письмовникѣ Курганова* на ряду съ прочими духовными пѣснями и, судя по указанію на двукратное повтореніе нѣкоторыхъ стиховъ, вѣроятно взяты съ голоса или, по крайней мѣрѣ, собирателю былъ извѣстенъ ихъ напѣвъ. (Письмовникъ Курганова, изд. 1796 г., ч. 2, стр. 54—59).

[2]) Composuit quoque varia poëmatum genera — odas plures ad imitationem Horatii..., in deam Febrin, cum qua tunc temporis laboravit hypochondria,... Sa-

1) *О Станиславѣ Лещинскомъ, дважды отъ короны польской отверженномъ.*

Извѣстна превратная судьба польскаго короля Станислава Лещинскаго, два раза восходившаго на престолъ и два раза лишавшагося престола. Ософанъ описалъ эту превратность его судьбы въ стихотвореніи, которое примѣнилъ къ имени его, сблизивши ихъ съ однимъ событіемъ изъ Римской Исторіи. Когда римляне, на войнѣ съ сабинянами, бѣжали съ поля сраженія, то царь ихъ Ромулъ молился Зевсу, чтобы остановилъ ихъ, и когда богъ, внявъ молитвѣ, исполнилъ ее, то Ромулъ почтилъ Юпитера прозваніемъ остановителя — Jupiter Stator. Стихотвореніе Ѳеофана написано въ 1734 году.

Что слава Станислава богомъ своимъ славитъ
Станиславъ бо въ имени будто славу ставитъ.
Сама она не въ одномъ показала дѣлѣ
Въ какой—то Станислава ставитъ силѣ.
Не такъ, какъ въ бѣгствѣ Римскій полкъ остановился.
Когда о томъ Іовишу король ихъ молился.
Она не прочь избѣгнуть, но будто съ тобою
Жить хотѣла влекома разною мандю,
И дважды не отъ дому, но въ домъ твой бѣжала
И внутрь внить торопясь не дошла и стала.

2) *Запорожецъ кающійся:*

Что мнѣ дѣлать, я не знаю
А безвѣстно погибаю;
Забрелъ въ лѣсы не проходны
Въ страны гладны и безводны.
Атаманы и гетманы,
Попалъ я въ ваши обманы.
Пропадить вы за пороги
Лишь бы не сбиться съ дороги
Не впасть бы мнѣ въ сильны руки
Не принять бы страшной муки.
Иду же я на путь прежній
Подъ кровъ мнѣ зѣло надежный.
Прогнѣвилъ я Самодержца
Съ малоразсуднаго сердца.

---

tyras contra corruptos seculi mores, contemptores bonarum artium, contra insulsos poëtas aliosque frigidos scriptores». (Vita Theophanis въ N. Nebenstunden).

Да мой же въ томъ разумъ твердый
Что Богъ и Царь милосердый.
Государь гнѣвъ свой оставитъ
И Богъ мене не оставитъ

3) *О трудѣ въ сочиненіи лексиконовъ* (Переводъ Скалигеровой эпиграммы):

Если въ мучительскія осужденъ кто руки
Ждетъ бѣдная голова печали и муки,
Не вели томить его дѣломъ кузницъ трудныхъ
Ни посылать въ тяжкія работы мѣстъ рудныхъ:
Пусть лексиконъ дѣлаетъ — то одно довлѣетъ,
Всѣхъ мукъ роды сей единъ трудъ въ себѣ имѣетъ.

4) *Къ лихорадкѣ въ лихорадкѣ:*

О лихорадко, тебе за богиню
Повѣйно чтили древніе народы,
Знать то вѣдая твою благостыню.
Но мнѣ бѣдны суть твои приходы,
Всего терзаешь образомъ различнымъ.
Се хладъ наводишь, се жаръ зловинонный
И грызеніемъ ехидинѣ приличнымъ
Лютѣ пронзаешь составъ мой члесовный.

5) *Марціалъ кн.* IV. *Епиграмма 21:*

Говоритъ, что Бога нѣтъ, Целій богомерзкій
И небо пустымъ мѣстомъ зоветъ злодѣй дерзкій
А тѣмъ утверждается въ догматѣ нечистомъ
Что хорошо разжился, какъ сталъ асеистомъ.

6) *Къ портрету Петра Великаго.*

In effigiem Petri Magni.

Haec facies Petri est, toto qui inclaruit orbe
Inclytus, ut nostras fortiter auxit opes.
Pulchra quidem, sed cui par majestate decoris
Inque alio potuit pulchrior esse viro.
Ast animi faciem, reges qua excelluit omnes,
Nulla manus potuit pingere, nulla potest.
Res pace et bello spectator congere gestas
Hae animi quaedam sunt simulacra sui.

7) *Къ портрету Императрицы Екатерины.*

In effigiem Catharinae Augustae Imperatricis.

Cernis ut innato radiet Catharina decore,
Quam dominam et matrem Russia jure vocat.
Eximias animi dotes si cernere possis

Possis foemineo corpore nosse virum.
Nec satis hoc dictum est, laudes superemiuet omnes,
Quascunque in somnis cudere musa potest.
Sola huic par laus est, Magnus quod censuit ipsam
Dignam se et dignam Petrus honore suo.

Expetitur conjunx Petro Catharina Secunda,
Nomen idem regum, quod fuit ante, manet.
Ne timeas varios, o felix Russia, casus,
Maxima constantis pignora sortis habes.

8) *Безъ заглавія:*

Cernis, ut in tristi spectator papa theatro etc.

9) *Безъ заглавія:*

Numen in auguriis (A. N.) sic disquiritur etc.

10) *Ad lectorem incumbentem libro Kwiatkewitz.*

Non tibi vana fluent lustranti haec otia lector etc. [1]).

Въ Miscellanea Sacra, изданныхъ архимандритомъ Давидомъ Нащинскимъ въ Бреславлѣ въ 1745 г., помѣщены между прочимъ: а) латинская *Ода Императору Петру II-му*, на путешествіе его въ Москву для коронаціи. б) *Описаніе мѣстоположенія Кіева*, латинскими стихами. в) *Элегія къ ученику*, съ увѣщаніемъ о соблюденіи непорочности жизни. г) *Монашеская элегія* отъ лица сына къ отцу, отклонявшему его отъ монашеской жизни [2]).

---

[1]) Мы не приводимъ стихотвореній №№ 8, 9 и 10 въ полномъ ихъ составѣ, потому что не имѣемъ подъ руками точныхъ ихъ списковъ.

[2]) Г. Максимовичъ приписываетъ Ѳеофану малороссійскіе стихи противъ ляхолюбія и ляхолюбцевъ, напечатанные въ кіевскихъ епархіальныхъ вѣдомостяхъ 1865 г. № 18, подъ заглавіемъ: «школьные стихотворные опыты въ кіевской академіи 1719 1720 г.» (Выписки изъ нихъ въ Вѣсти. Европы 1866 г., кн. 2. Литер. хрон. стр. 60 — 61). Ни за, ни противъ этого сказать ничего нельзя, неимѣя никакихъ данныхъ; но для разъясненія вопроса замѣтимъ, что Ѳеофана съ 1716 года не было въ Кіевѣ и что въ 1719 — 1720 г. онъ занятъ былъ, по порученію Государя, весьма спѣшными и важными дѣлами, касавшимися церковной реформы.

XXX.

Ѳеофанъ-проповѣдникъ. — Характеръ его проповѣди.

Какъ проповѣдникъ Ѳеофанъ имѣетъ огромную заслугу. Онъ преобразовалъ русскую церковную проповѣдь, выведши ее изъ схоластической отвлеченности и сблизивши съ жизнію, съ нуждами народа, съ потребностями времени и обстоятельствъ. Онъ произвелъ эту реформу научно и практически: научно—посредствомъ наставленій и правилъ; практически — своимъ примѣромъ и вліяніемъ на современныхъ проповѣдниковъ.

Схоластическая проповѣдь есть ученая диссертація на избранную тему. Всѣ ея положенія и доказательства раскрываются по внутренней связи и логическому соотношенію мыслей, безъ вниманія къ той средѣ, для которой назначается проповѣдь, ко времени, мѣсту, лицамъ и обстоятельствамъ, въ которыхъ и среди которыхъ она произносится. Такая проповѣдь могла быть сказана и выслушана съ равнымъ интересомъ во время Кирилла Туровскаго, Іоанна Грознаго, въ петровское и во всякое время. Она можетъ быть прекрасною въ смыслѣ художественнаго построенія, но безплодна для жизни. Она не затронетъ сердца и ничего не прибавитъ къ нравственному улучшенію народа.

Понимая значеніе церковной проповѣди для народа, Ѳеофанъ старался вывесть ее изъ школьной замкнутости и обратить къ жизни, къ народу. Къ этому направлены его «Наставленія проповѣднику» — во введеніи къ богословской системѣ — въ статьѣ Регламента «о проповѣдникахъ слова Божія» и—въ отдѣльномъ сочиненіи: «Вещи и дѣла, о которыхъ духовный учитель народу христіанскому проповѣдовать долженъ» [1]).

«Проповѣдали бы проповѣдники твердо, съ доводовъ священнаго писанія, о покаяніи, о исправленіи житія, о почитаніи властей, паче же самой высочайшей власти царской, о должностяхъ всякаго чина. Истребляли бъ суевѣріе, вкореняли бъ въ сердца людскія страхъ Божій. Словомъ рещи: испытовалибъ отъ св. писа-

[1]) *Сочиненія Ѳеофана.* Ч. IV. Москва, 1774 г. и особо—Москва, 1781 г.

нія, что есть воля Божія, святая, угодная и совершенная, и то говорили бъ».

Регламентъ вмѣняетъ проповѣднику въ обязанность имѣть у себя и прилежно читать книги св. Златоустаго, лучшаго истолкователя св. писанія и самаго практическаго изъ отцовъ греческой церкви и предостерегаетъ отъ польскихъ проповѣдниковъ, называя ихъ «легкомысленными козподеншками».

Измѣняя направленіе проповѣди, Ософанъ въ тоже время старался измѣнить манеру сказыванья проповѣдей, освободить ее — или лучше проповѣдника—отъ неумѣренныхъ жестовъ, кривляній и вообще всякой аффектаціи. «Безумно творятъ проповѣдницы, которые брови свои поднимаютъ и движеніемъ рамень являютъ гордое, и въ словѣ нѣчто такое проговариваютъ, отъ чего можно познать, что они сами себѣ удивляются. Не надобно проповѣднику шататься вельми, будто въ судиѣ веслом гребетъ. Не надобно руками вспляскивать, въ боки упираться, смѣятися, да ненадобѣ и рыдать; но хотя бы и возмутился духъ, надобѣ велико мощно ушимать слезы. Вся бо сія лишняя и неблагообразна суть и слышателей возмущаютъ».

Наставленія о внѣшнихъ качествахъ проповѣдника безъ сомнѣнія основаны были на личныхъ наблюденіяхъ Ософана надъ современными ему проповѣдниками. Даже лучшіе проповѣдники петровскаго времени страдали этими недостатками въ сочиненіи и сказываніи проповѣдей. Стефану Яворскому нельзя отказать ни въ силѣ воображенія, ни въ глубинѣ чувства, ни въ легкости и нѣкоторой граціи языка: [1]) но всѣ его проповѣди суть школьныя сочиненія на избранную тему, не имѣющія никакого отношенія къ жизни; а въ сказываньи проповѣдей онъ позволялъ себѣ движенія, именно осуждаемыя въ Регламентѣ [2]).

Вводя проповѣдь въ связь съ жизнію, Ософанъ вмѣстѣ съ тѣмъ

---

[1]) Авторъ Молотка на Камень вѣры говоритъ о Стефанѣ: «что до витійства касается, правда, что имѣлъ удивительный даръ и едва подобные ему въ учителяхъ россійскихъ обрѣстится могли»; но тутъ же прибавляетъ, что «онъ могъ въ ученіи слушателей привлечь и плакать или смѣяться, къ чему движеніе его тѣла и рукъ, помиганіе очей и лица премѣненіе весьма помоществовало. Онъ когда хотѣлъ, то часто отъ прости забывалъ свой санъ и мѣсто, гдѣ стоялъ».

[2]) «Неизданныя проповѣди Стефана Яворскаго». И. Чистовича. Спб. 1867 г.

сдѣлалъ ее современною. Онъ старался ввесть въ народное сознаніе дѣла Петровы, объяснить народу пользу и необходимость предпринимаемыхъ имъ преобразовательныхъ мѣръ и значеніе и цѣну его побѣдъ, и пробудить въ немъ сочувствіе къ великимъ дѣламъ Государя.

Петръ, съ первой встрѣчи съ Ѳеофаномъ, съ первой его проповѣди, оцѣнилъ его талантъ и угадалъ, чѣмъ онъ можетъ быть для него и для народа, какъ проповѣдникъ. И ни одно изъ событій петровскаго царствованія, ни одна изъ одержанныхъ имъ побѣдъ, ни одна изъ важныхъ реформъ его правленія, не прошли безъ того, чтобы Ѳеофанъ не отозвался на нихъ словомъ съ церковной каѳедры. Конечно эти слова похожи иногда на панегирики: но не забудемъ, что они произносились и составлялись подъ свѣжимъ вліяніемъ совершавшихся событій, въ виду лицъ, которыя принимали въ нихъ непосредственное участіе, и въ виду съ одной стороны всѣхъ трудностей, съ которыми соединено было каждое такое событіе, а съ другой—всѣхъ напряженнѣйшихъ усилій, употребленныхъ для его совершенія. По крайней мѣрѣ одушевленія, которое проникало всѣ его проповѣди петровскаго времени, нельзя относить къ лести придворнаго проповѣдника: въ этомъ нельзя упрекнуть Ѳеофана. Онъ только переводилъ на языкъ словъ то, что говорили самыя дѣла, понятныя небольшому кругу передовыхъ людей эпохи и непонятныя для большинства, частію предубѣжденнаго противъ Петра, частію неразвитаго и тупо относившагося ко всему, что выходило за предѣлы ихъ узкаго пониманія, замкнутаго въ кругу привычной обрядности.

Можно сказать, что Ѳеофанъ стоялъ въ главѣ проповѣдническої школы петровскаго времени. Вокругъ него группировались духовные ученые, которые и въ проповѣди усвоили его направленіе и его пріемы. Это были: Гавріилъ Бужинскій, Ѳеофилъ Кроликъ и Симонъ Кохановскій. Они также были провозвѣстниками дѣлъ Государя и новыхъ понятій, хотя не съ такой силой дарованія, какъ Ѳеофанъ. Бужинскій, еще бывши оберъ іеромонахомъ во флотѣ и сопутствуя Государю въ походахъ, говорилъ много проповѣдей въ его присутствіи по случаю разныхъ событій, бывшихъ въ его царствованіе: на побѣды при Полтавѣ и Гангудѣ, на взятіе Шлиссельбурга, на основаніе новой столицы и проч. Выше

мы упоминали уже о проповѣдяхъ Симона Кохановскаго съ обличеніемъ недостатковъ старой русской жизни—«ханжества, лицемѣрія, суевѣрія и наружнаго благочестія, основаннаго на мужицкой напаче и на бабской богословіи и сказкахъ бездѣльниковъ». Тонъ его проповѣдей очень рѣзокъ. Его полемика переходитъ въ открытую иронію и злую сатиру на невѣжество и суевѣріе простаго народа. Рѣчь его груба и наполнена выраженіями, неприличными въ церковной проповѣди. — Государь самъ поручалъ современнымъ проповѣдникамъ говорить въ проповѣдяхъ о своихъ дѣлахъ [1]) и предлагалъ даже составить сборникъ проповѣдей, говоренныхъ по случаю его побѣдъ [2]).

Гомилетическія наставленія и проповѣди Ософана имѣли много послѣдователей и подражателей, но съ другой стороны встрѣтили не мало противниковъ и порицателей.

Родышевскій, возражая на статью Регламента о проповѣдникахъ, пишетъ: «въ Регламентѣ написано, что проповѣднику, проповѣдая слово Божіе, не надобно рыдать, но, хотя бы и возмутился духъ, надобно слико мощно унимать слезы. Вся бо сія линіяя и неблагообразна суть и слышателей возмущаютъ. Павелъ великій апостолъ и учитель глаголетъ въ дѣяніяхъ гл. 20: «сего ради будите помнающе, яко три лѣта нощь и день непрестанно уча со слезами едпаго коегождо васъ». И не говорилъ самъ и никто о немъ и тогда и послѣ не поносилъ его, и линіимъ сего не нарицалъ, что онъ плакалъ, и неблагообразнымъ; а тѣмъ, что онъ плакалъ, наставлялъ паче слушателей своихъ словесъ, а не возмущалъ: то и проповѣднику плачущемуся и наставляющему народъ со слезами и со умиленіемъ сіе недолжно бы быть поносимо, но паче похваляемо».

---

[1]) Въ меморіяхъ Петра есть замѣтка: «полковникъ Шиповъ посланъ былъ съ частію войскъ въ Гилянь, который прибылъ туда счастливо и тамъ безъ всякой противности принятъ отъ жителей и вступилъ въ главный городъ Гилянскій Рящъ». Вслѣдъ за этимъ приписка: «сіе писано въ 25 день и отдано для меморіи Кролику, чтобы внесъ въ казаніе, которое онъ говорилъ того числа на благодарномъ молебнѣ». (Кабин. дѣл. отд. I, кн. 31, стр. 80).

[2]) Пекарскаго, *Наука и литература въ Россіи при Петрѣ В.* Ч. I. стр. 492—494.

XXXI.

Ученый кругъ его времени.—Князь Д. М. Голицынъ.—Кантемиръ.—Татищевъ.—Сношенія ихъ между собою.

Стоя во главѣ проповѣдниковъ петровскаго времени, Ософанъ былъ вообще однимъ изъ передовыхъ дѣятелей новаго образованія. Онъ былъ душою небольшаго кружка лицъ, которые вводили въ общество новыя образовательныя начала и прокладывали ему новые пути.

Еще въ Кіевѣ Ософанъ познакомился съ *княземъ Д. М. Голицынымъ* «разумнѣйшимъ человѣкомъ своего времени» по выраженію кн. Щербатова. Поводомъ къ этому сближенію было вѣроятно то, что Голицынъ давалъ академическимъ ученымъ книги для перевода съ иностранныхъ языковъ на русскій. Ософанъ перевелъ также одну книгу съ латинскаго языка [1]). Впослѣдствіи они разошлись съ Голицынымъ въ убѣжденіяхъ и во взглядахъ на вещи и лица. Голицынъ былъ почитателемъ Стефана Яворскаго до конца его жизни и содѣйствовалъ изданію Камня Вѣры, конечно противъ желаній Ософана. Въ событіяхъ 1730 года Голицынъ и Ософанъ принимали равное участіе, но шли къ разнымъ цѣлямъ. Успѣхъ оправдалъ дѣло Ософана, а Голицынъ погибъ въ шлиссельбургской крѣпости.

Въ 1729 г. молодой князь *Антіохъ Кантемиръ* написалъ первую сатиру: «на хулящихъ ученіе». Одинъ изъ пріятелей князя выпросилъ ее прочитать и показалъ Ософану, считая его по его убѣжденіямъ и по степени образованія лучшимъ судьею и цѣнителемъ подобныхъ произведеній. Ософану очень понравилась сатира. Онъ привѣтствовалъ начинающій талантъ извѣстнымъ ободрительнымъ посланіемъ.

Не знаю, кто ты, пророче рогатый,
Знаю, коликой достоинъ ты славы.

---

[1]) Пекарскаго, *Наука и литература при Петрѣ В.* Ч. I. стр. 2. стр. 257—230.

Да почто-жъ было имя укрывати?
Знать тебѣ страшны сильныхъ глупцовъ нравы.
Плюнь на ихъ грозы. Ты блаженъ трикраты
Благо, что Богъ далъ умъ тебѣ здравый.
Пусть весь міръ будетъ на тебя гласливый
Ты и безъ счастья довольно счастливый.
Объемлетъ тебя Аполлонъ великій,
Любитъ всякъ, кто есть таинствъ его зритель,
О тебѣ поютъ парнасскіе лики.
Всѣмъ честнымъ сладка твоя добродѣтель,
И будетъ сладка въ будущіе вѣки
А я нынѣ сущій твой любитель.
Но сіе за верхъ славы твоей буди,
Что тебя злые ненавидятъ люди.
А ты какъ началъ тещи путь преславный,
Коимъ книжные текли исполины,
И перомъ смѣлымъ мещи порокъ явный
На нелюбящихъ ученой дружины,
И разрушай всякъ обычай злонравный
Желая доброй въ людяхъ перемѣны
Кой плодъ ученый не единъ искуситъ
А дураковъ злость языкъ свой прикуситъ [1]).

Благодарный поэтъ посвятилъ Ософану одну изъ своихъ сатиръ—3-ю—написанную имъ въ 1730 г. и посвященную изображенію человѣческихъ страстей [2]). Къ сатирѣ присоединены были стихи, выражающіе чувства поэта къ Ософану.

Устами ты обязалъ меня и рукою,
Далъ хвалу мнѣ сыше мѣры, заступилъ не мало.
Сатирику то забыть никакъ не пристало,
Иже неблагодарства страсть хулитъ трубою.
Нѣтъ, по силы воздавать дани равномѣрны
Въ знакъ благодаренія узы запрещаютъ.
Пріими убо сія: хоть и не блистаютъ
Дары изяществомъ, однакъ знаки воли вѣрны.

---

[1]) Ософилъ Кроликъ также привѣтствовалъ молодаго поэта латинскими стихами.

[2]) Въ примѣчаніяхъ къ сатирѣ сказано, что Ософанъ предложилъ Кантемиру вопросъ: «почему въ людяхъ, подобныхъ тѣломъ и душою, различныя находятся страсти»? Но справедливѣе сказать, что Кантемиръ предложилъ Ософану этотъ вопросъ, описывая въ III сатирѣ разные нравы людей и заимствуя черты для своихъ описаній изъ окружавшей его дѣйствительности.

Сатира начинается и оканчивается обращеніемъ къ Ѳеофану и разсыпаетъ ему похвалы щедрой рукою.

Дивный первосвященникъ, которому сила
Высшей мудрости тайны всѣ открыла,
И всѣ твари, что міръ сей отъ вѣкъ наполняютъ
Показала, изъяснивъ, отъ чего бываютъ,—
Ѳеофанъ, которому все то далось знати,
Здрава человѣка умъ что̀ можетъ поняти.
Скажи мнѣ, можешь бо ты: всѣмъ всякаго рода
Людямъ, давши тѣло тожь и въ немъ духъ природа,
Она имъ разныя надѣлила страсти,
Которыя одолѣть уже не въ ихъ власти,
Или другой ключь тому ручью искать нужно?

Потомъ частью подъ вымышленными, частью подъ собственными именами, сатирикъ описываетъ разныя людскія страсти и наконецъ заключаетъ свою сатиру:

Да не пора-ль, муза моя, губы
Прижавъ кончить нашу рѣчь? Сколь наши ни любы
Намъ рѣчи, мѣру въ нихъ знать здравый смыслъ насъ учитъ.
Всякому лишно-долга рѣчь уху наскучитъ.
И должно помнить тебѣ, съ кѣмъ идетъ мнѣ слово:
Ѳеофана чаешь ли не имѣть много
Дѣла, развѣ выспаться, до сыта покушать
И, поджавъ руки, стихи мои слушать.
Пастырь о стадѣ своемъ прилежный радѣетъ
Недремно спасенія сѣмя чисто сѣетъ
И раститъ примѣромъ онъ такъ, какъ словомъ, тщится.
Главный надъ церковью правитель садится
Не напрасно близъ царя. Церковныя славы
Пристойно защитникъ онъ, изнѣженны нравы
Исправлять пастырей и хвальный чинъ вводитъ.
Воля намъ Всевышняго ясна ужъ исходитъ
Изъ его устъ и ведетъ въ истинну дорогу,
Неусыпно черпаетъ въ источникахъ многу
Чистыхъ мудрость; потекутъ прелестны
Намъ струи; труды его безъ конца различны....

Извѣстны также стихотворное посланіе Ѳеофана къ Кантемиру, во время преслѣдованія его (Ѳеофана) Дашковымъ, и утѣшительный отвѣтъ Кантемира.

Плачетъ пастушокъ въ долгомъ ненастьи:

Коли дождусь я весела ведра
И дней красныхъ,
Коли явится милость прещедра
Небесъ ясныхъ?
Ни съ какихъ сторонъ свѣта не видно
Все ненастье.
Нѣтъ и надежды. О много-бѣдно
Мое счастье.
Хотяжъ малую явитъ отраду
И поманитъ
И будто нѣчто польготитъ стаду—
Да обманетъ.
Дрожу подъ дубомъ; а крайнимъ гладомъ
Овцы таютъ,
И уже весьма мокротны хладомъ
Исчезаютъ.
Прошелъ день пятый, а водъ дождевныхъ
Нѣтъ отмѣны.
Нѣтъ же и конца вопзей плачевныхъ
И кручины.
Потщися Боже насъ свободити
Отъ печали.
Наши насъ дѣды къ Тебѣ вопити
Научали [1]).

На эту пѣснь Кантемиръ отвѣчалъ утѣшительнымъ посланіемъ къ Ѳеофану (Epodos consolatoria ad oden Pastoris Pimini, sortem gregis sub tempestatem deplorantis).

На горахъ нашихъ Пимине славный
Сѣдинами!
Ни свирѣлью тебѣ кто равный
Ни стадами.
На рожку ль поешь иль на сопѣли
Хвалу Богу,
Стихомъ ли даешь промежду дѣлы
Радость многу;
Забывши травы, къ ней же изъ млада
Научены

[1]) Это стихотвореніе находится въ рукописи Императорской Публичной Библіотеки (XIV, Q., 6).

Стоятъ и овцы и козлищъ стада
Удивлены.
Сенька и Ѳедька когда пѣснь пѣли
Предъ тобою [1]),
Какъ не мазаны двери сирыпѣли
Вѣтчиною.
Славному млека и волны зѣло
Когдась вору
Лошадей столько въ мысли не было
И Егору [2]),
Сколько есть овецъ въ твоей оградѣ
Въ лѣтнемъ зною.
Мококо свѣжо при твоемъ стадѣ
И зимою.
Ты же былъ гораздъ и волковъ бити
Изъ пищали
Бѣда не могла тебѣ вредити
И печали.

. . . . . .

Не забудь и намъ пастушкамъ малымъ
Помогати

---

[1]) П. С. Тихонравовъ видитъ въ Сенькѣ намекъ на Симеона Полоцкаго (*Библіогр. Зап.* Т. I, стр. 67), а Пекарскій въ Ѳедькѣ—на Поликарпова. (Тридцать четвертое присужденіе Демидовск. наградъ, стр. 135. Спб. 1866).

[2]) Соперникъ Ѳеофана, Георгій Дашковъ. Кантемиръ былъ имъ чѣмъ-то обиженъ и не скупился при случаѣ вставить слово на его счетъ, какъ напримѣръ въ 1-й сатирѣ:

«Предъ Егоромъ Виргилій двухъ денегъ не стоитъ».

(Дашковъ не любилъ ученыхъ и учености).

Или въ 3-й сатирѣ:

«Задумчивъ, какъ хотѣвшій патріархомъ стати
Когда лошади свои раздарилъ не кстати».

(Въ примѣчаніи къ этому стиху прямо поименованъ Дашковъ).

У Ѳеофана также есть стихи на счетъ Дашкова, съ намекомъ на его искательство патріаршества:

Nobilium antistes vesanus amor equorum
Qui mirari unquam nil nisi novit equos
Nunc jam donat equos, proceros dum praestat avaros
Quos sibi propicios conciliare studet.
Donat equos, brutisque datis veneranda supremi
Munera Pontificis vanus equiso rogat.
Nec vero mirum est, cupit hoc quod cultor equorum
Dum tibi Consul equus, Roma profana fuit.

Не дай Егора другомъ нахалымъ
Нападати.
У меня мало было козлятокъ:
Ты извѣстенъ,
Сей былъ моея паствы начатокъ
Не корыстенъ;
Но и сихъ Егоръ и его други
Отгнали
Млеко и волну вороги туги
Всю раскрали.
Ужъ трижды солнце вкругъ обѣжало
Путь свой бѣлый,
Я не имѣю льготы ни мало
Весь унылый.
Лишенъ и старца, лишенъ хижины,
Лишенъ нивы,
Межъ пастушками брожу единый
Несчастливый.

Кантемиръ также, какъ Оеофанъ, принималъ участіе въ событіяхъ 1730 года. Онъ пристalъ къ партіи консерваторовъ существующаго порядка, во главѣ которой были Оеофанъ, князь Черкасскій и князь И. Ю. Трубецкой [1]). Ему, какъ литератору поручена была редакція прошенія къ Императрицѣ о принятіи самодержавія. Императрица приняла прошеніе и пожаловала Черкасскому и Трубецкому андреевскія ордена, а Кантемиру съ братьями тысячу тридцать крестьянскихъ дворовъ.

Какъ Оеофанъ въ проповѣдяхъ, такъ Кантемиръ въ сатирахъ, вооружаются противъ недостатковъ современнаго общества, такъ что между проповѣдями и сатирами можно провесть довольно

---

[1]) Кантемиръ былъ въ родствѣ съ Трубецкимъ. Дочь И. Ю. Трубецкаго была за мужемъ за покойнымъ отцомъ Кантемира, княземъ Дм. Кантемиромъ, скончавшимся въ 1723 году. Впослѣдствіи она вышла за мужъ за принца Гессенъ-Гомбургскаго, Людвига Вильгельма, и была статсъ-дамою при Елизаветѣ. Съ легкой руки П. А. Полеваго, стали считать князя И. Ю. Трубецкаго и Гессенъ-Гомбургскаго принца передовыми людьми своей эпохи въ дѣлѣ просвѣщенія. По тотъ и другой были недалеки по этой части. Герцогъ Лирійскій отзывается невыгодно объ умѣ Трубецкаго. Екатерина относила почтеніе, оказываемое принцу, къ родству его съ Трубецкимъ: «а самъ по себѣ онъ ничего не значилъ». (Записки Екатерины, стр. 7).

но полную параллель [1]). Тотъ и другой показывали народу необходимость и пользу разныхъ отраслей знанія, осмѣивали ханжество и суевѣрія, изъясняли пользу путешествій и внушали религіозную терпимость въ отношеніи къ иноземцамъ и выгоду отъ обращенія съ ними. Переходное время ихъ представляло два типа враговъ просвѣщенія и совершаемыхъ въ духѣ его преобразованій: упорныхъ невѣждъ и недоученыхъ прогрессистовъ и цивилизаторовъ, считавшихъ за существенное одну лишь внѣшность, одинъ лоскъ европейца. Первыхъ, разумѣется, было несравненно больше по численности и силѣ, нежели послѣднихъ, и на нихъ-то направляютъ Ѳеофанъ свои поученія, Кантемиръ — свою сатиру. Но и другой классъ враговъ просвѣщенія также подпалъ подъ ихъ перо [2]).

Къ этому же кругу образованныхъ лицъ принадлежалъ *В. Н. Татищевъ*. Русскій душею, складомъ ума и характера, онъ расходился съ Ѳеофаномъ во многихъ убѣжденіяхъ, но тяготѣлъ къ нему какъ человѣкъ образованный къ человѣку высшаго ума и образованія. Умъ и образованность сближаетъ людей, имѣющихъ не только различныя, но и противоположныя убѣжденія, если только они честно слѣдуютъ своимъ убѣжденіямъ, не выставляя ихъ на показъ и не скрывая за ними какихъ нибудь эгоистическихъ стремленій. Напротивъ это столкновеніе различныхъ взглядовъ и убѣжденій полезно и благотворно тѣмъ, что возбуждаетъ новые вопросы, открываетъ въ предметѣ новыя стороны, выясняетъ и упрочиваетъ самыя убѣжденія, и образуетъ между ними точки соприкосновенія и сближенія.

Одинъ изъ разговоровъ съ Татищевымъ былъ поводомъ Ѳеофану къ сочиненію разсужденія: *О книгѣ Соломоновой нарицае-*

---

[1]) Какъ это и сдѣлалъ Дудышкинъ въ *Отечеств. Запискахъ*. 1848 г. № XI, въ разборѣ сатиръ Кантемира, по поводу смирдинскаго изданія ихъ.

[2]) Кантемира, *Сатира* II, стр. 167 и слѣд.—*Слова и Рѣчи*—Ѳеофана, ч. II, стр. 245. Списокъ сатиръ Кантемира, съ собственноручною подписью Ѳеофана: «ex libris Theophanis archiepiscopi Novogradensis» находится въ Софійской Библіотекѣ—въ С.-Петерб. Дух. Академіи.—Письмо Кантемира къ *пріятелю*,— по догадкѣ Аванасьева (Библіогр. Зап. Т. I. 1858 г. стр. 593)—*Ѳеофану Прокоповичу*—не могло быть писано къ Ѳеофану, потому что его въ то время (въ 1742 г.) уже не было въ живыхъ.

мой пѣсни пѣсней [1]). Въ предисловіи къ нему Ософанъ говоритъ о поводѣ къ сочиненію ея слѣдующее: «Въ недавнопрошедшее время въ приключившейся намъ негдѣ бесѣдѣ дружеской, когда были разсужденія о Христовой церкви, между многими священнаго писанія словесы къ дѣлу тому приведенными, произшелось нѣчто и отъ книги Соломоновой, глаголемой *Пѣсни пѣсней*. Нѣкто отъ слышащихъ (г. Василій Никитичъ Татищевъ, тайный совѣтникъ и астраханскій губернаторъ) по внѣшнему виду, казалось, человѣкъ не грубый, поворотя лице свое въ сторону, ругательнѣ усмѣхнулся, а когда и далѣ еще, понижнувъ очи въ землю съ молчаніемъ и перстами въ столъ долбя, претворный видъ на себѣ показывалъ; вопросили мы его съ почтеніемъ: что ему на мысль пришло? И тотчасъ отъ него нечаянный отвѣтъ получили: «давно—рече—удивлялся я, чѣмъ понужденные не токмо простые невѣжи, но и сильно ученые мужи, возмечтали, что пѣснь пѣсней, есть книга священнаго писанія и слова Божія? А по всему видно, что Соломонъ, разжизаяся похотію къ невѣстѣ своей, царевнѣ египетской, сія писалъ, какъ то у прочихъ, любовію зжимыхъ, обычай есть; понеже любовь есть страсть многорѣчивая и молчанія нетерпящая: чего ради во всякомъ народѣ ни о чемъ иномъ такъ многія пѣсни не слышатся, какъ о плотскихъ любезностяхъ». Симъ отвѣтомъ такъ пораженное содрогнулось въ насъ сердце, что не могли мы придумать, что сказать. А понеже онъ и еще повторялъ тожде свое злорѣчіе, мы ему съ кротостію предложили, что надѣемся такъ доказательнѣ честь и силу книги сея, яко сущаго слова Божія, объяснить, что онъ, если совѣсти своей невоспротивится, о нынѣшнемъ смѣхѣ своемъ восплачется. Онъ, то слышавъ, съ прилежаніемъ просилъ насъ, дабы мы обѣщаваемаго дѣла исполнить не забыли. Знать то ни мало не надѣялся, чтобъ мы нѣчто важное и сильное о семъ произнести могли. Того ради мы обѣщаніемъ опымъ одолжены, тщимся то уже совершить».

Въ свою очередь и Татищевъ не оставался безучастнымъ къ бесѣдамъ Ософана. Въ своей исторіи онъ часто, и съ большою

---

[1]) Москва. 1774 г. Въ заглавіи сказано, что это разсужденіе написано «противъ не искусныхъ и малоразсудныхъ мудрецовъ, легко о книгѣ сей помышляющихъ».

похвалою, ссылается на указанія и замѣтки Ѳеофана. «Нашъ архіепископъ Прокоповичъ—пишетъ онъ въ одномъ мѣстѣ—какъ былъ въ наукѣ философіи новой и богословіи толико ученъ, что въ Руси прежде равнаго ему не было. По природѣ острымъ сужденіемъ и удивительно твердою памятью былъ одаренъ» [1]). Подъ вліяніемъ одной бесѣды съ нимъ, Татищевъ написалъ «разговоръ о пользѣ наукъ», который завѣщалъ, какъ дорогое наслѣдіе, своему сыну. Въ заключеніе своей замѣчательной *духовной* сыну, онъ говоритъ: «наконецъ, какъ я тебѣ уже ничего завѣщать не имѣю болѣе, но токмо для тебя о тебѣ самомъ и что тебѣ нужно къ разумѣнію, слѣдующимъ «разговоромъ» награждаю, который прошлаго 733 г. будучи здѣсь, по случаю разговора съ князь Сергіемъ Долгоруковымъ началъ, чрезъ разговоръ съ архіепископомъ новгородскимъ Ѳеофаномъ Прокоповичемъ и съ князь Алексѣй Михайловичемъ Черкасскимъ, яко же съ нѣкоторыми профессоры академіи, разсуждалъ, продолжая и тебѣ тѣмъ пользу принести» [2]). Въ этой духовной онъ совѣтуетъ сыну читать на ряду съ твореніями знаменитыхъ отцовъ и учителей церкви сочиненія Ѳеофана Прокоповича—истолкованіе десяти заповѣдей и блаженствъ, которое за катихизисъ, а малый Букварь—за лучшее правоученіе служить могутъ [3]).

Во взглядахъ у него много сходнаго съ Ѳеофаномъ. Совершенно согласно съ его образомъ мыслей, Татищевъ пишетъ въ духовной, что «пологи и житія святыхъ въ Минеяхъ-Четыхъ надобно читать такому, кто довольно въ письмѣ святомъ искусился и могъ бы довольно разсудить; ибо хотя въ нихъ многія исторіи въ истинѣ оскудѣваютъ и неразсуднымъ соблазны къ мнительству о всѣхъ, въ нихъ положенныхъ, подать могутъ: однакожъ тѣмъ не огорчевайся, но разумѣй, что все оное къ благоуханному наставленію предписано и тщися подражать дѣламъ ихъ благимъ». Между прочимъ онъ совѣтуетъ сыну, послѣ достоточнаго ознакомленія съ своимъ (православнымъ) закономъ, изучать творенія писателей католическихъ, лютеранскихъ и кальвинскихъ, чтобы, встрѣчаясь

---

[1]) Татищева, *Россійская исторія*, кн. 1, стр. 436. Сравн. стр. 41 и 134. Москва, 1868 г.

[2]) *В. Н. Татищевъ и его время*, соч. Нила Попова, стр. 554, примѣч. 110.

[3]) *В. Н. Татищевъ*: стр. 209.

въ обществѣ съ людьми этихъ вѣроисповѣданій и вступая въ разговоры съ ними, не быть ими обманутымъ; но не совѣтуетъ вступать въ споры съ единовѣрцами, чтобъ не подать людямъ о себѣ злаго мнѣнія. Въ примѣръ онъ указываетъ на самаго себя. «Я хотя о Богѣ и правости божественнаго закона никогда сомнѣнія не имѣлъ, ниже о томъ съ кѣмъ въ разговоръ или преніе вступалъ; но потому, что я нѣкогда о убыткахъ, законами человѣческими въ тягость положенныхъ, говаривалъ, отъ несмысленныхъ и безразсудныхъ, невѣдущихъ Божьяго закона и токмо человѣческіе уставы противу заповѣданія Христова чтущихъ, не только за еретика, но и за безбожника почитанъ и не мало невиннаго поношенія и бѣдъ претерпѣлъ» [1]. «Съ хвалящими вольности другихъ государствъ и ищущими власть монарха уменьшить никогда несогласуйся, понеже оное государству крайнюю бѣду нанести можетъ, о чемъ тебѣ исторіи нашего государства ясные приклады показать могутъ, какъ то нѣкоторые и предъ немногими лѣты безумно начинали».

Извѣстно, что Татищевъ участвовалъ въ событіяхъ 1730 г. Когда Верховный Совѣтъ предложилъ дворянству представить свои соображенія о лучшемъ образѣ правленія, составилось много кружковъ. Въ одномъ изъ нихъ дѣйствовалъ Татищевъ. Въ духѣ политики, внушаемой своему сыну, онъ составилъ и подалъ мнѣніе о несправедливомъ присвоеніи верховниками власти избирать государя и издавать законы и о неприкосновенности монархической самодержавной власти. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ представилъ соображенія, принятыя наибольшимъ числомъ дворянства, объ устройствѣ Сената и изданіи новыхъ законовъ, объ учрежденіи народныхъ училищъ, о улучшеніи быта духовенства и купечества и объ учрежденіи правильнаго престолонаслѣдія. —Наконецъ, Татищевъ принималъ участіе въ подношеніи Императрицѣ адреса о принятіи ею самодержавія. Императрица была довольна образомъ его дѣйствій и назначила его церемоніймейстеромъ при своей коронаціи [2].

---

[1]) Попова, *В. Н. Татищевъ*, стр. 210.

[2]) В. Н. Татищевъ, П. Попова, стр. 66—133. О письмахъ Татищева къ Ѳеофану Прокоповичу упомянуто въ Сборн. II Отд. Акад. Наукъ, Т. 2, V. Спб. 1868 г.

Такъ всѣ перечисленные нами передовыя лица своей эпохи принимали участіе въ смутныхъ событіяхъ 1730 года, но каждый по своему заявилъ свои политическія убѣжденія.

XXXII.

Ѳеофанъ и Академія Наукъ.

Съ самаго открытія Академіи Наукъ, Ѳеофанъ отнесся съ особеннымъ участіемъ къ обществу ея членовъ.

Какъ только сдѣлалось извѣстнымъ, что для образованія русскихъ при Академіи учреждается гимназія, Ѳеофанъ обратился къ лейбъ медику *Блюментросту*, назначенному президентомъ Академіи, съ прозьбою принять туда нѣсколькихъ молодыхъ людей [1]).

Въ 1723 году приглашенъ былъ въ Академію изъ Марбурга профессоръ *Христіанъ Вольфъ*. Въ Германіи, именно въ Галлѣ, была враждебная ему партія, во главѣ которой стоялъ извѣстный пістистъ *Франке* [2]). Надо полагать, что она хотѣла воспрепятствовать переходу его въ здѣшнюю Академію и надѣялась достигнуть этого, выставивши Вольфа предъ русскимъ духовенствомъ какъ атеиста. Академія спѣшила успокоить Вольфа, завѣряя, что главный представитель здѣшняго духовенства, Ѳеофанъ епископъ псковскій, имѣетъ о немъ наилучшее понятіе. «Г. Блументростъ, первый лейбъ-медикъ его царскаго величества — писалъ къ Вольфу Шумахеръ 5-го мая 1724 года — сообщилъ мнѣ письмо вашего благородія отъ 1-го марта, изъ котораго видя несправедливый поступокъ противъ васъ пістистовъ, я огорченъ тѣмъ болѣе, чѣмъ болѣе убѣжденъ, что это обвиненіе есть не что иное, какъ грубая клевета, которой не повѣритъ ни одинъ честный человѣкъ, и потому ваше благородіе можете быть увѣрены, что если г. Франкъ сдѣлаетъ попытку отнестись къ здѣшнему духовенству, которое теперь съ особенною горячностію старается привесть религію въ разумное состояніе и освободить отъ

---

[1]) Theophanis Epist. XVII.

[2]) Августъ Германъ Франке, профессоръ богословія въ Галлѣ, род. въ 1663 года, ум. въ 1727 года.

всякихъ суевѣрій, то онъ принятъ будетъ очень худо, особенно въ такое время, когда его кредитъ, прежде пріобрѣтенный чрезъ извѣстныя хитрости, готовъ здѣсь упасть, а остроумная ученость и разумные принципы вашего благородія у здѣшняго духовенства находятся въ величайшемъ уваженіи. Я не безъ основанія пишу это, но мое собственное разсужденіе въ этомъ дѣлѣ меня къ тому понуждаетъ. Когда нашъ всемилостивѣйшій Государь изволилъ прочитать посвященіе вашего благородія въ извѣстной ассамблеѣ, и изволилъ похвалить васъ и сказалъ при этомъ, чтобы вы сюда прибыли, то духовенство при этомъ открыто выразило свое удовольствіе; а что оно сдѣлало это не въ угоду Государю, но по собственному побужденію и изъ добраго желанія, это извѣстно потому, что епископъ псковскій, человѣкъ ученый и очень умный, которому мы обязаны за многіе добрые порядки въ Синодѣ и за духовный Регламентъ, неоднократно частнымъ образомъ говорилъ о вашемъ благородіи съ большимъ уваженіемъ, и какъ любитель физическихъ экспериментовъ, желаетъ вашего присутствія и руководства. Слѣдовательно съ этой стороны ваше благородіе можете быть спокойны и надежны, и относительно вашего пріема не имѣть никакихъ опасеній [1]).

Въ февралѣ 1730 года Ѳеофанъ послалъ при письмѣ къ профессору академической гимназіи *Гроссу* десять русскихъ, вѣроятно изъ своей школы, желая доставить имъ высшее образованіе. «Посылаю къ тебѣ моихъ русскихъ—писалъ къ нему Ѳеофанъ—обнадеживаясь твоимъ обѣщаніемъ, что ты не откажешь въ содѣйствіи образованію ихъ. Я слѣдую въ этомъ дѣлѣ примѣру Василія Великаго, который послалъ нѣкогда своихъ каппадокіянъ къ Ливанію: случай одинаковый, но мой жребій и мои надежды превосходнѣе; потому что хотя я ниже Василія, но Ливаній мой несравненно выше. Тотъ софистъ только и имѣлъ одно достоинство, что былъ софистомъ; но онъ не былъ человѣкомъ съ хорошими качествами, и лучшіе изъ его учениковъ—и первый между ними Златоустъ—осуждали и осмѣивали его. Между тѣмъ твоя многосторонняя ученость, отличное преподаваніе, любезность пра-

---

[1]) *Briefe von Christian Volff aus den Jahren 1719 — 1753* S. Petersb. 1860. Ss. 173—176.

ва, привлекательное обхожденіе, непритворная скромность и другія прекрасныя качества располагаютъ въ твою пользу, любезнѣйшій братъ, не меня только, но всѣхъ, кто умѣетъ цѣнить доблесть. И если я почитаю тебя, достойнѣйшій мужъ, какъ брата, то ты меня еще больше утвердишь въ этомъ расположеніи, если — чего и надѣюсь — постараешься быть отцомъ для тѣхъ, которыхъ я считаю какъ бы своими дѣтьми. Выборъ наукъ, которыя могутъ быть имъ полезны, предоставляю твоему благоразумію. Впрочемъ мнѣ будетъ весьма пріятно, если тебѣ угодно будетъ посовѣтоваться объ этомъ напередъ со мною. 25 февраля 1730 года» [1]).

Въ 1730 году профессоръ Академіи, бывшій въ тоже время учителемъ въ школѣ Ософана, *Сигфридъ Байеръ*, посвятилъ Ософану свое сочиненіе, подъ заглавіемъ: Museum Sinicum. Въ посвященіи онъ писалъ между прочимъ: «хотя васъ на этой степени занимаютъ теперь несравненно важнѣйшія заботы о священнѣйшихъ вещахъ, однако вы никогда не возобновляете въ памяти занятій древностями безъ того, чтобы они вамъ недоставили пріятнаго о нихъ воспоминанія, а во мнѣ не возбуждали удивленія. Мнѣ казалось, что я нахожусь въ Греціи и въ тамошнихъ поэтическихъ и риторскихъ или философскихъ школахъ, всякій разъ, какъ только вы начинали о нихъ рѣчь. Я часто смотрѣлъ на васъ, какъ на нѣкоего Климента, или Кирилла, или Евсевія, когда вы опровергали басни древнихъ народовъ или нелѣпѣйшія мнѣнія философовъ; точно также вы какъ будто вводили меня въ Римъ или въ какой другой городъ Италіи, славный священными или гражданскими памятниками; и когда со мною возобновляли въ памяти многое изъ всякаго вѣка, мнѣ казалось, что я внимаю далеко передъ другими образованнѣйшему человѣку какъ въ словесныхъ наукахъ, такъ и въ высшихъ искусствахъ. Съ какимъ удовольствіемъ я слушалъ васъ всякій разъ, когда вы описывали мнѣ памятники древняго времени, которыя вы видѣли въ Римѣ и прочей Италіи, и въ особенности состояніе учености, и разсказывали о прочихъ вашихъ путешествіяхъ и о своемъ, такъ сказать, курсѣ въ занятіи науками. Какое разнообразіе и обиліе! Въ повѣствованіи какая память о вещахъ, какая сила въ размышленіи и съ ве-

---

[1]) *Туманскаго*, Россійскій магазинъ, ч. III. стр. 470—473.

личайшею важностію соединенная воспріимчивость духа, какая легкость въ изъясненіи, какая способность въ разсужденіи и какое изящество какъ римскаго, такъ и итальянскаго языка, какая, наконецъ, пріятность и грація во всей рѣчи, во всемъ.»

Ѳеофанъ отвѣчалъ на это посвященіе письмомъ отъ 14 февраля 1731 года: «относительно письма вашего ко мнѣ, въ которомъ вы говорите, что посвящаете мнѣ Sinica, прежде всего я дивлюсь тому, что оно не доставлено мнѣ; только когда я отъ почтеннѣйшаго г. Гросса, который и самъ мнѣ пріятель и другъ и въ обращеніи съ которымъ я не трачу, а пріобрѣтаю время, я узналъ, что она читана вашимъ г. президентомъ и, по желанію вашему, исправлена и возвращена вамъ, я порадовался, что дѣло идетъ хорошо. Теперь я съ нетерпѣніемъ ожидаю выхода въ свѣтъ этого сочиненія, чтобы оно и мнѣ пролило столько желанный свѣтъ, особенно теперь, когда прибыли сюда послы этого народа, которыхъ и я надѣюсь имѣть своими гостями. Такимъ образомъ изъ обѣщаннаго труда, въ которомъ безъ сомнѣнія нѣтъ недостатка ни въ чемъ, что для меня потребуется, я пріобрѣту о китайскихъ дѣлахъ свѣдѣнія, которыя въ обращеніи съ ними могутъ выказать меня не совсѣмъ бѣднымъ относительно иностраннаго образованія — что нѣсколько польститъ и моему тщеславію; а между тѣмъ я совершенно убѣжденъ, что это принесетъ хоть какую нибудь пользу и нашимъ христіанамъ» [1]).

Байеръ потерялъ единственнаго сына, котораго желалъ сдѣлать наслѣдникомъ своей профессіи. Ѳеофанъ писалъ къ нему, утѣшая его въ этой потерѣ: «не сказанно, думаю, твое горе о томъ, что твою отрасль похитила лютая смерть. Признаюсь я, что это не малая потеря для дома твоего: нѣтъ болѣе утѣхи, нѣтъ надежды, нѣтъ красоты. Но напрасенъ потокъ нашихъ слезъ; его воспрещаетъ великій честно окончившій жизнь, а въ особенности твой сынъ, котораго сама смерть сдѣлала блаженнымъ и котораго судьба избавила отъ безчисленныхъ бѣдствій. Избѣгъ онъ печальныхъ перемѣнъ и несчастныхъ случаевъ, которыми, какъ грязью, полна наша мутная жизнь. Чего лучше? Проникъ онъ въ горніе чертоги и торжествуетъ не испытавши битвы, но завладѣвъ крѣпо-

---

[1]) *Theophanis Epistolae.* Ep. XI.

стію. Мужайся Сигфридъ, помышляя объ этомъ въ сердцѣ своемъ, не позволяй горю одолѣвать тебя. Пусть тотъ, кто своею смертью, какъ острою стрѣлою уязвилъ тебя, пусть онъ же порадуетъ твое сердце своею участью [1]).

Сохранился еще отрывокъ письма Ѳеофана къ Байеру, безъ извѣстію котораго года: «По этому усерднѣйше прошу и умоляю тебя, почтенный мужъ, не поставь въ трудъ увѣдомить меня, кто этотъ Іосифъ, откуда онъ, какой націи, религіи, секты? Относительно учености его, весьма рѣдкой и основанной на первоначальныхъ источникахъ, я не сомнѣваюсь, такъ какъ онъ хранитель ватиканской библіотеки (а этимъ мѣстомъ всегда почти пользовались люди ученѣйшіе) и притомъ твой другъ, а при такомъ дальнемъ разстояніи дружба связывалась, разумѣется, не иными узами, какъ только наукою. Потомъ, какимъ образомъ я сдѣлался извѣстенъ ему? Это не удивляетъ меня послѣ того, какъ наши русскія дѣла начали принимать блестящій видъ, и даже наши ученые, между которыми и я составляю малую часть, могли послужить предметомъ любопытства, какъ нѣкоторыя диковинны (monstra); но для меня интересно знать, по имени только, или по чему особенному я сдѣлался ему извѣстенъ. Наконецъ, если онъ иной религіи, чѣмъ папа, или даже сокровенный католикъ, все таки удивительно, что онъ хранитель ватиканской библіотеки; впрочемъ это до васъ не касается. Если же онъ папистъ, то я не могу повѣрить, чтобы онъ могъ серьезно и искренно любить меня; ибо эти люди, по причинѣ своего суевѣрія, пылаютъ крайнимъ фанатизмомъ, и быть не можетъ, чтобы я, представившій множество доказательствъ своего отвращенія отъ папизма, не былъ, хотя по имени, извѣстенъ ему и другимъ. Опасаюсь, не хотятъ ли обмануть меня ласкательствомъ» [2]).

Въ 1728 г. Ѳеофанъ написалъ «мнѣніе, какимъ образомъ и

---

[1]) *Труды кіевской академіи.* 1865 г. Т. 3, стр. 268—269.

[2]) Тамъ же, стр. 270. Можетъ быть рѣчь идетъ объ *Іосифѣ Бингамѣ*, родомъ англичанинѣ, бывшемъ ватиканскимъ библіотекаремъ и извѣстномъ своимъ сочиненіемъ: Origines ecclesiasticae 9 vol. Бингамъ род. въ 1668 г. ум. въ 1723 г. Байеръ, до пріѣзда въ Россію, былъ также съ 1717 г. библіотекаремъ въ Кенигсбергѣ, что могло сблизить его съ Бингамомъ.

порядкомъ надлежитъ багряпороднаго отрока наставлять въ христіанскомъ законѣ». Это сочиненіе Ѳеофана произвело чрезвычайно хорошее впечатлѣніе на иностранцевъ. «Составленный Ѳеофаномъ планъ преподаванія богословія великому князю—писалъ Бассевичъ—заслуживаетъ удивленія и можетъ быть образцовымъ во всякой религіи» [1]). Въ 1731 г. 5-го августа *Шумахеръ*, управлявшій Академіею въ отсутствіе президента Блюментроста, писалъ къ академику Гроссу, находившемуся тогда въ Москвѣ: «наставленіе «pro porphyrogenito puero» его преосвященства будетъ напечатано согласно сообщенной вами инструкціи. Хотѣлось бы только знать, разрѣшатъ ли издать его на нѣмецкомъ языкѣ? Это такое произведеніе, которое много бы доставило удовольствія иноземцамъ» [2]). Тотъ же Шумахеръ, вслѣдъ за тѣмъ—25-го октября 1731 г.—писалъ къ В. Н. Татищеву: «наставленіе, какъ обучать Государя въ христіанскомъ законѣ, будетъ въ большемъ почетѣ. Я бы ничего такъ не желалъ, какъ дозволенія его преосвященства, архіепископа, перевесть намъ на нѣмецкій языкъ и напечатать произнесенныя имъ доныиѣ проповѣди. Я убѣжденъ, что онѣ произвели бы сильное впечатлѣніе за границею, а нашей книжной торговлѣ доставили бы не малую прибыль» [3]).

Петръ I-й бывши въ Данцигѣ и осматривая музей Брейнія, просилъ его представить ему свѣдущаго въ наукахъ человѣка, который бы могъ предпринять ученое путешествіе по обширной Россійской Имперіи и описать хранящіяся въ ней сокровища. Брейній указалъ на *Даніила Готтліба Мессершмидта*, который и отправился въ 1717 году въ С.-Петербургъ, а въ 1719 году въ Сибирь, гдѣ пробылъ восемь лѣтъ. Въ 1727 году онъ возвратился изъ путешествія по Сибири, привезши съ собою богатое собраніе рѣдкихъ растеній и сѣмянъ и множество рѣдкостей разнаго рода, которыя всѣ достались кунсткамерѣ. Но на возвратномъ пути изъ Россіи на родину, въ 1729 году 27-го октября несчастный ученый потерпѣлъ кораблекрушеніе, потерялъ все свое имущество и снова вернулся въ Петербургъ,

---

[1]) *Записки Бассевича, въ Русск. архивѣ.* 1865 г. (стр. 621).

[2]) Тридцать четвертое присужденіе Демидовскихъ наградъ, стр 141. Спб. 1866 г.

[3]) Тамъ же.

гдѣ до самой кончины въ 1735 году получалъ пособіе отъ Ѳеофана [1]).

Въ 1734 году поступилъ къ Ѳеофану домашнимъ врачемъ *Георгъ Вилгельмъ Стеллеръ*, получившій основательное образованіе въ германскихъ университетахъ. Какъ видно, онъ очень нравился Ѳеофану и пользовался его уваженіемъ [2]). Въ 1736 году Академія предполагала отправить, въ помощь Гмелину и Миллеру, еще нѣсколькихъ ученыхъ въ путешествіе по Сибири. Ѳеофанъ рекомендовалъ къ тому своего доктора *Стеллера*, основательно образованнаго въ медицинѣ и естественныхъ наукахъ, которыя онъ изучалъ въ университетахъ лейпцигскомъ, галльскомъ и іенскомъ. Академія, исполняя желаніе архіепископа [3]), послала Стеллера въ сибирскую экспедицію съ званіемъ адъюнкта. Въ 1741 году онъ сопровождалъ Беринга во время путешествія его по берегамъ Ледовитаго моря, Камчатки и Японіи, потерпѣлъ кораблекрушеніе, выброшенъ былъ на Беринговъ островъ, гдѣ зимовалъ, а оттуда возвратился въ Камчатку. Въ 1745 году онъ предпринялъ обратное путешествіе въ Россію, но 12 ноября 1746 года скончался на пути, въ Тюмени, уѣздномъ городѣ тобольской

---

[1]) Pallas, *Neue Nordische Beyträge*. III. 97—104. Рихтера, *Исторія медицины въ Россіи*. Москва, 1820 г. Ч. III, стр. 153—155.

[2]) Въ рукописи новгородской семинарской Библіотеки (№ 3885) есть латинскіе стихи Ѳеофана: In moram Stelleri medici

Dum bonus aegroto quaerit medicamina Steller
Lenta morte animam squalidus aeger agit.
Ducitur et funus, lacrimae et siccantur amicis,
Riteque legatae distribuuntur opes.
Omnis Stellerum condemnat turba moratum,
Haerens, cur equidem, nescio, salus amat.
Tum redit et medicus, faciesque irascit ipsis
Praevertit reditum quod fera parca suum.

«Между тѣмъ какъ добрый Стеллеръ пріискиваетъ больному лекарства, печальный больной тихо умираетъ. Совершается и погребеніе и у друзей уже осыхаютъ слезы; законнымъ порядкомъ дѣлится скопленное имущество. Весь народъ осуждаетъ запоздавшаго Стеллера, страстно—а почему не знаю—вступаясь за здоровье. Наконецъ приходитъ и врачъ, сердясь, что лютая смерть предупредила его возвращеніе».

[3]) Входящія письма канцеляріи Академіи Наукъ, 1736—1739 годовъ л. 4

губерніи. Спутникъ его, Крашенинниковъ, передалъ его рукописи Академіи. Не смотря на преждевременную кончину свою этотъ ученый блистательно оправдалъ рекомендацію о немъ Ѳеофана. Кромѣ сочиненія: Beschreibung von der Lande Kamtschatka, dessen Einwohner, deren Sitten, Nahmen, Lebensart und verschiedenen Gewohnheiten (Francfurt und Leipzig 1774), и многихъ другихъ сочиненій, Стеллеру обязана наука двумя важными сочиненіями: одно о Rhytina (морской коровѣ) Stelleri, нынѣ уже несуществующемъ млекопитающемъ, и другое о морскихъ животныхъ Берингова острова, прежде чѣмъ онъ испыталъ на себѣ вліяніе человѣка [1]).

Въ 1734 году академикъ *Гольдбахъ* представилъ проэктъ о составленіи исторіи Академіи Наукъ и здѣсь доказывалъ, что, прежде осуществленія его на дѣлѣ, необходимо написать историческій обзоръ просвѣщенія и заслугъ на этомъ поприщѣ духовенства въ Россіи при Петрѣ Великомъ до учрежденія ученаго общества. При этомъ Гольдбахъ заявилъ, что никто не въ состояніи лучше исполнить это, какъ Ѳеофанъ, «qui nostra studia jam dudum paterno amore prosequitur et omni genere benevolentiae adjuvat» [2]).

Въ январѣ 1736 года Прокоповичъ письмомъ просилъ тогдашняго президента Академіи Наукъ, *барона Корфа*, прислать къ нему академическаго гравера, такъ какъ намѣревался напечатать что-то небольшое въ похвалу Императрицѣ. Корфъ отправилъ къ нему Вортмана и академическаго нотаріуса Тидемана при слѣдующемъ письмѣ: «Преосвященнѣйшій господинъ архіепископъ. По письму вашего преосвященства, вчера ко мнѣ присланному, съ полною готовностію посылаю вамъ лучшаго изъ академическихъ скульпторовъ, поручивши ему съ возможнымъ стараніемъ и усердіемъ исполнить ваши приказанія. А я, съ своей стороны, какъ весьма благодаренъ за изъявленную вами особенную благосклон-

---

[1]) Рихтера, Исторія медицины въ Россіи. Ч. III, стр. 288. Историческое Обозрѣніе трудовъ Академіи Наукъ на пользу Россіи, К. Веселовскаго. Спб. 1865. стр. 20.

[2]) Записки Академіи Наукъ. Т. VII. Прилож. № 4, стр. 28—29.

ность ко мнѣ — что и Академіи пріятно — такъ ничего больше не желаю, какъ только получить возможность выразить иными и болѣе важными заявленіями, какъ много я почитаю высокія дарованія и дивныя доблести, коими ваше преосвященство, къ великой пользѣ и славѣ этого государства, украшаете величайшее достоинство (званіе) въ церкви» [1]).

Въ августѣ 1736 года Ософанъ присылалъ въ Академію за грегоріанскою зрительною трубою, которая, по произведеніи нѣсколькихъ опытовъ, была возвращена въ академическую обсерваторію [2]).

XXXIII.

Отзывы иностранцевъ о Θеофанѣ и нѣкоторыя черты, относящіяся къ его характеру.

Шереровъ біографъ Θеофана говоритъ о немъ, что онъ «охотно принималъ у себя иностранцевъ православнаго исповѣданія — грековъ, славянъ, венгровъ, поляковъ, грузиновъ,—странниковъ съ Ливана и Аоона,—несчастныхъ, вслѣдствіе неблагопріятныхъ обстоятельствъ, безъ собственной ихъ вины потерявшихъ имущество и нуждавшихся въ помощи,—художниковъ и студентовъ, ищущихъ пособія, которыхъ рекомендовалъ знатнымъ русскимъ, непрашивая помощи, и которымъ самъ помогалъ щедрой рукой и отпускалъ снабдивши всѣмъ необходимымъ для жизни. Нуждающимся, которымъ за долги грозило тюремное заключеніе, давалъ взаймы деньги, и если тѣ не могли уплатить ихъ, прощалъ долгъ безъ ропота. Въ урочные дни раздавалъ милостыню бѣднымъ обоего пола. Огромныя средства, которыми онъ располагалъ, давали полный просторъ его щедрости. Но онъ не могъ равнодушно видѣть хапжей, сусвѣровъ, святошъ, лицемѣровъ—преслѣдовалъ ихъ всячески и подвергалъ наказаніямъ. Въ его время еще

---

[1]) Исходящія письма въ архивѣ акад. канц. 1736—1737 г.

[2]) Протоколы Академіи наукъ за 1736 годъ.

была въ ходу астрологія; но онъ говаривалъ: sapiens dominabitur astris».

«Библіотека его возрасла наконецъ до 30 тысячъ томовъ лучшихъ изданій. Пользуясь ея сокровищами самъ, онъ охотно давалъ книги и другимъ и вообще своими знаніями—плодомъ внимательнаго чтенія и наблюдательности — онъ охотно дѣлился съ другими учеными людьми, которыхъ часто приглашалъ къ себѣ къ обѣду или вечеромъ къ ужину, когда по окончаніи дневныхъ занятій можно было вздохнуть свободно. Это были своего рода аттическіе вечера (noctes atticae), съ которыхъ великій выносилъ что нибудь умное (nemo, nisi doctior, egressus)».

«Онъ никогда не позволялъ снять съ себя портрета. Но, по смерти его, императрица Анна приказала художнику срисовать его лицо и вырѣзать на мѣди. Въ кругу близкихъ лицъ, мѣшая шутку съ дѣломъ, онъ былъ геніально остроуменъ, такъ что собесѣдники съ жадностію ловили и старались запомнить его изреченія, апологи, притчи». «Они стоятъ того — говоритъ его біографъ—чтобы ихъ собрать и напечатать».

«Одинъ старый епископъ, получившій воспитаніе въ Россіи, за веселой чашей, говорятъ, сказалъ какъ-то, что пока мы пробавлялись родною пищею и родными напитками, были и здоровы и крѣпки, не знали ни болѣзней, ни лекарей; а какъ узнали заморскія утѣхи, какъ начали пить венгерскія, рейнскія, французскія, испанскія, эрмитажныя, бургондскія, шампанскія и прочія еретическія вина, то узнали и подагру и хирагру и каменную болѣзнь и головокруженіе, и чахотку, а многіе и умираютъ въ цвѣтѣ лѣтъ. Ѳеофанъ замѣтилъ на это, что если другія страны даютъ лучшіе плоды и лучшую пищу, то отчего не принять ихъ съ благодарностью изъ руки Господа, Творца всѣхъ странъ?» «У него была поговорка: uti boni vini non est quaerenda regio, sic nec boni viri religio et patria».

«Особенное уваженіе Ѳеофанъ имѣлъ къ сочиненіямъ Буддея, съ которымъ, равно какъ со многими другими учеными Германіи и Англіи, былъ въ перепискѣ. О философіи Вольфа, надѣлавшей въ его время много шуму, говорилъ, что она годится для начинающихъ, а не для ученыхъ».

«Иностранцы, упоминавшіе объ немъ въ своихъ сочиненіяхъ,

Яблонскій, президентъ берлинской академіи наукъ, Фришъ, ректоръ берлинскій, Байеръ, профессоръ с.-петербургской академіи наукъ, Бильфингеръ тюбингенскій, аббатъ Мосгеймъ, Пфаффій, Коль, Мартини и Страленбергъ—всѣ отозвались о немъ съ похвалою. Томасъ Консе, пасторъ англиканской церкви въ Россіи, въ изданной имъ на англійскомъ языкѣ книгѣ о состояніи русской церкви, подтверждаетъ все, что мы выше о немъ сказали» [1]).

Датскій путешественникъ фонъ-Гавенъ, видѣвшій Феофана въ послѣдній годъ его жизни, говоритъ о немъ: «по знаніямъ у него мало или почти нѣтъ никого равныхъ, особенно между русскими духовными. Кромѣ исторіи, богословія и философіи, у него глубокія свѣдѣнія въ математикѣ и неописанная охота къ этой наукѣ. Онъ знаетъ разные европейскіе языки, изъ которыхъ на двухъ говоритъ, хотя въ Россіи не хочетъ никакого употреблять, кромѣ русскаго, и только въ крайнихъ случаяхъ объясняет-

---

[1]) Томасъ Консе былъ съ 1718 года пасторомъ англиканской факторіи въ С.-Петербургѣ. Въ 1728 году Консе возвратился въ Англію и въ 1729 году издалъ въ Лондонѣ сочиненіе подъ заглавіемъ: The present state and Regulations of the church of Russia, London. 1729. Послѣ краткой исторіи русской церкви, въ которой онъ доказываетъ необходимость и важность церковной реформы, сдѣланной въ царствованіе Петра I, онъ помѣстилъ въ своемъ изданіи Духовный Регламентъ въ переводѣ на англійскій языкъ, повѣсть о смерти Петра Великаго, сочиненную Феофаномъ и нѣсколько словъ Феофана (на погребеніе Петра I, похвальное Петру Великому и на погребеніе императрицы Екатерины), на которыя онъ смотритъ, какъ на сокращенную исторію Петровыхъ дѣяній;—слово Гавріила Бужинскаго въ день годичнаго поминовенія Петра I 28 января 1726 года въ переводѣ на латинскій и англійскій языкъ;—элегію Стефана Яворскаго къ своей библіотекѣ и—объясненіе нѣкоторыхъ русскихъ церковно-іерархическихъ названій (архимандритъ, игуменъ, настоятель, іеромонахъ, протопопъ, акаѳистъ и пр.). Между прочимъ здѣсь напечатано письмо барона Гюйссена къ Консе изъ Москвы отъ 12 сентября 1728 года, въ которомъ тотъ писалъ: Archiepiscopo Novogrodiensi, *amico nostro et patrono comuni*, fasciculum tuum, quamprimum occasio dabitur eum conveniendi, tradam, una cum quaestionibus, quas nobis dilucidandas misisti. Nullus dubito, quin desiderio tuo satisfacturus sit. Консе спрашивалъ, какъ видно изъ письма Гюйссена, объ Острогѣ, острожскомъ изданіи Библіи и оригиналахъ этого изданія, объ исправленіи Библіи при Петрѣ В., о раздѣленіи Евангелій и Посланій на зачала и почему не раздѣлены на такія жъ зачала книги ветхаго завѣта и апокалипсисъ. Reverendissimus Nowogorodiensis et Twerensis — оканчивалъ свое письмо Гюйссенъ — in praediis suburbanis, longius hinc dissitis, morantur. Expecto responsum vel in scriptis, vel coram a Novogrodiensi, cui fasciculus tuus per domesticos illius transmissurus». (The Prefac. XIX—XXII).

ся на латинскомъ, въ которомъ не уступитъ любому академику. По гречески и еврейски онъ также понимаетъ хорошо, и въ самой глубокой старости охотно занимается ими, оказывая любезное предпочтеніе тѣмъ, кто знакомъ съ этими языками. Ѳеофанъ былъ особенно вѣжливъ и услужливъ съ иностранными литераторами и вообще съ иноземцами» [1]).

Къ характеристикѣ Ѳеофана могутъ служить также: 1) извѣстный анекдотъ (записанный у Шгелина и потомъ у Голикова съ словъ Г. П. Теплова). Ѳеофанъ—имѣлъ у себя лучшую, какая только быть тогда могла, музыку инструментальную и вокальную. Иностранные министры, находя удовольствіе искать въ немъ дружества, часто посѣщали его и были угощаемы пышнымъ столомъ: такія пирушки продолжались иногда за полночь. Знаменитый сей человѣкъ, пользуясь этимъ, проникалъ въ самые секретнѣйшіе ихъ планы и сообщалъ оные монарху: почему и было ему весьма угодно таковое сего архіерея обращеніе. Но такое провожденіе времени, особливо съ иностранными, не нравилось другимъ архіереямъ, и преимущественно митрополиту Стефану Яворскому, который и жаловался на то Государю.—Одинъ изъ архіереевъ узнавши однажды, что помянутые иностранные министры ужинаютъ у Ѳеофана, донесъ о томъ его величеству. Государь сказалъ на это: хорошо, поѣдемъ батюшка къ нему съ тобою и увидимъ правда ли то, и назначилъ для этого самую полночь. Въ назначенный часъ Государь съ тѣмъ архіереемъ, въ простыхъ саняхъ, безъ всякаго шуму, прибылъ къ самымъ дверямъ Ѳеофановой залы. Слышатъ звуки музыки и — пирующихъ. Государь съ архіереемъ вошли въ собраніе. Случилось такъ, что хозяинъ въ то самое время держалъ въ рукѣ кубокъ вина; но увидя Государя, давъ знать, чтобы музыка замолкла и поднявъ руку, громогласно произнесъ: се женихъ грядетъ въ полунощи и блаженъ рабъ, его же обрящетъ бдяща, недостоинъ же, его же обрящетъ унывающа. Здравствуй всемилостивѣйшій Государь! Въ туже минуту подносится всѣмъ присутствующимъ по такомужъ бокалу вина и всѣ пьютъ за здоровье его величества. Государь, обратившись къ сопровождавшему его архіерею, сказалъ: «ежели хотите, то можете остаться

[1]) Von Haven, Reise in Russland, S. 19—22.

здѣсь; а буде не изволите, то имѣете волю ѣхать домой, а я побуду съ столь пріятной компаніей» [1]).

2. Юмористическое письмо Ѳеофана къ лекарю Яну Говію [2]).

«Высокоблагороднѣйшему господину, Яну Говію, нашему давнему любимому камерату и милостивому благодѣтелю—здравіе и веселіе. За показанную вашу прибывшимъ намъ въ Кронштадтъ благосклонность премного благодарствуемъ. Что же касается до вашего въ погребъ сошествія, понеже нужда нашего скораго отъѣзда словесно предложить высокоблагородію вашему нашего о томъ разсужденія не допустила, того ради симъ всепокорнѣйше предлагаемъ. Вся сила разсужденія въ томъ, которому бы случаю оное ваше подземныхъ посѣщеніе было подобное, и что̀ бы знаменовало? Приходило намъ на мысль прекраснаго Іосифа въ ровъ отъ завистной братіи заключеніе: но сіе тому дѣлу не подобно, понеже вы никакихъ словъ къ чести вашей, а и нашей зависти, не сказывали. Подумали мы и о Іереміи, всажденномъ въ яму: да ваше высокоблагородіе ничего намъ страшнаго пророчествовать не изволили. Помышлялось и о Даніиловомъ таковомъ же страданіи: да и то сюды не прилично; ибо и отъ вашей стороны не было ослушанія, и отъ другой кого либо повелѣніи, тогдашнему дѣлу подобныхъ. Еще же сверхъ того, какъ Іосифово, такъ Іереміино и Даніилово бѣдство̀ происходило отъ чуждаго мучительнаго насильства: а ваше преклоненіе отъ вашего же произвола сдѣлано. А о паденіи ровокопателей, о которыхъ упоми-

---

[1]) Голикова, *Дѣянія Петра В.* Т. XV, стр. 212.

[2]) Лекарь *Янъ* или *Іоганъ Гови* (Hovy), голландецъ, принятъ въ русскую службу адмираломъ Корнеліемъ Крюйсомъ въ 1697 году (въ числѣ другихъ пятидесяти лекарей) и сначала служилъ во флотѣ при Крюйсѣ, а потомъ, за веселость нрава, получилъ мѣсто лейбъ-хирурга при Петрѣ I-мъ, пользовался его особеннымъ расположеніемъ и находился при немъ неотлучно, даже во время персидскаго похода. Чтобы дать своему лейбъ-хирургу случай нажиться, Петръ I-й, послѣ заключенія нейштадтскаго мира, послалъ его въ Архангельскъ съ извѣстіемъ объ этомъ: тамъ его приняли съ чрезвычайными почестями, угощали на счетъ жителей и такъ богато одарили деньгами, что возвратившись онъ благодарилъ царя за эту милость. Послѣ смерти Петра I-го, онъ былъ главнымъ лекаремъ С.-П.-б. адмиралтейской госпитали и умеръ почти 80 лѣтъ отъ роду, въ 1743 году, не утративъ до смерти необыкновенной своей веселости. (*Исторія медицины* въ Россіи, *В. Рихтера*. Ч. III, М. 282, стр. 181. — Штелина, *Анекдоты Петра В.* Москва, 1786 г., стр. 550).

пается въ псалмѣ 7 стихъ 16 и 8, въ притчахъ въ главѣ 26 стихъ 27, и въ главѣ 28 стихъ 10, и у екклесіаста въ главѣ 10 стихъ 5 или 8 (хотя и того не миновали прилежно о томъ разсуждающи), запретило намъ долго и помышляти ваше со всѣми обхождительство, не токмо не коварное, но весьма простосердечное и ко всякому благоувѣтливое, мирное, любовное, терпѣливое, тихое, смиренное, кроткое, сладкое, не желчное, не злобное и проч. и проч. И такъ, не нашедше подобія въ св. писаніяхъ, принуждены мы были таковымъ попеченіемъ привинкнуть и ко внѣшней исторіи, и увидѣли скоро у преславнаго римскаго историка Тита Ливія въ книзѣ дѣло, яко бы сему сличное. Повѣствуетъ онъ, что въ нѣкое время явилась незапно въ Римѣ глубокая и страшная пропасть; а по сказкѣ премудрѣйшихъ богослововъ имѣло римскому государству нѣкое не малое несчастіе приключиться, и отвратить оное инако будто бы не возможно было, развѣ самопзвольнымъ знатнаго какого римлянина въ пропасть оную самаго себя вверженіемъ; и тогда-де изрядпѣйшій ковалеръ Курціусъ, украспвъ и вооруживъ себя, какъ ему лучше возможно было, на лошади въ оную бездну вскочилъ, и въ тотъ часъ бездна затворилась и Римъ сталъ безъ печали. И изъ сего думали мы, что (понеже казалось намъ ваше оному стремленію весьма подобное) имѣло быть либо хозяину, либо гостямъ его, нѣкое не легкое злоключеніе, да мужественнымъ вашимъ въ глубину поскокомъ отвратилось. Ради мы было стали и вашему благородію за таковое спасеніе благодарить готовились: но когда потомъ разсмотрѣли, что о томъ, кое имѣло быть, да не сдѣлалось, яко о неизвѣстныхъ судьбахъ, говорить христіанское ученіе запрещаетъ: того ради и сего мнѣнія мы отстали. Прочее, что̀ бы значило ваше въ погребъ сшествіе, не можемъ ничего инаго придумать, только слѣдующее: или вы, государь нашъ, изволили таковымъ дѣйствіемъ показать намъ, не по достоинству нашему, но по природному вашему смиреномудрію, нижайшій поклонъ, или хотѣли вы отвѣдать, во всемъ ли сообщается съ вами хозяинъ, что въ погребѣ имѣетъ. Если же и симъ догадомъ нашимъ ошибаемся, то покорно просимъ высокоблагородіе ваше показать намъ самую истинную того причину; а мы въ томъ только пребываемъ

извѣстны, что сего 1734 года февраля 6-го дня высокоблагороднѣйшій господинъ Янъ Говій былъ въ погребу, и остаемся высокоблагородія вашего доброжелательные слуги и богомольцы. Въ подлинномъ подписался его преосвященства новгородскаго лекарь по нѣмецки, за новгородскаго и казанскаго архіереевъ и архимандрита александроневскаго, попеже они грамотѣ не учились, по ихъ прошенію руку приложилъ. 1734 года, 10-го февраля». (Государств. архив. Опись дѣлъ Волынскаго. Реэстръ V. св. 3, стр. 299).

XXXIV.

Школа.

Въ 1721 г. Ософанъ завелъ при своемъ домѣ школу, въ которую онъ принималъ сиротъ и бѣдныхъ дѣтей всякаго званія. Это была лучшая школа того времени какъ по внутреннему устройству, такъ и по достоинству доставляемаго ею образованія. Назначеніемъ мѣста для ея помѣщенія Ософанъ по видимому старался осуществить правило Духовнаго Регламента объ училищныхъ домахъ. Тамъ сказано: «мѣсто академіи не въ городѣ, но въ сторонѣ, на веселомъ мѣстѣ угодное, гдѣ нѣсть народнаго шума, ниже частыхъ оказій, которыя обычно мѣшаютъ ученія и находятъ на очи, что похищаетъ мысли молодыхъ человѣкъ и прилежать ученіямъ не допускаетъ». Мѣсто карповской школы совершенно удовлетворяло этимъ требованіямъ—представляло всѣ удобства для занятій и въ тоже время не развлекало взоровъ сторонними предметами. Въ школѣ преподаваемы были: законъ Божій, славянское чтеніе, русскій, латинскій и греческій языки, грамматика, реторика, логика, римскія древности, ариѳметика, геометрія, географія, исторія и рисованіе.

Учителями въ школѣ были датчанинъ Адамъ Селлій съ 1722 по 1725 г.; профессоръ академіи наукъ Теофилъ Сигфридъ *Байеръ* и иностранецъ Георгій Фридрихъ *Федоровичъ* [1]). Старшіе воспитан-

---

[1]) Федоровичъ былъ прусскій подданный и, судя по его фамиліи, вѣроятно

ники школы, дошедши до высшихъ классовъ, обучали младшихъ учениковъ школы и получали за это хотя небольшое жалованье.

Ѳеофанъ написалъ для своей школы инструкцію, отзывающуюся нѣсколько іезуитскимъ духомъ. Она прочитывалась вслухъ всѣхъ воспитанниковъ 1-го числа каждаго мѣсяца [1]).

Для развлеченія учениковъ Ѳеофанъ завелъ въ школѣ вокальную и инструментальную музыку. Послѣдней обучались желающіе у наемнаго мастера и потомъ сами обучали своихъ младшихъ товарищей. Это нововведеніе не нравилось нѣкоторымъ ригористамъ того времени. Какъ въ духовной школѣ учить музыкѣ? — «Хорошо ли—писалъ Родышевскій—не противно ли церкви святой и ученію ея написано въ XX-мъ пунктѣ о семинаріи, гдѣ дѣти будутъ священства и монашества ради учится, дабы въ праздные дни была при столѣ ихъ музыка, или гласы мусикійскихъ инструментовъ? «И сіе, рече, не трудно; ибо перваго только нанять мастера, а отъ него наученные охотные семинаристы должны будутъ и иныхъ паучати на свое мѣсто тупе. И сія регулы — рече — воспомянутыя служатъ ко увеселенію учащихся». Сему быти Златоустъ святый жестоко запрещаетъ; возбраняютъ и соборы апостольскіе и вселенскіе» [2]).

Біографъ Ѳеофана (у Шерера) говоритъ, что Ѳеофанъ не только позволялъ, но самъ завелъ въ школѣ сценическія представленія [3]).

происходилъ изъ онѣмечившихся прибалтійскихъ славянъ; онъ служилъ нѣкоторое время оберъ-аудиторамъ флота, а въ 1760 году принятъ въ Академію Наукъ профессоромъ юриспруденціи существовавшаго тогда при ней университета и здѣсь принадлежалъ къ малочисленнымъ сторонникамъ Ломоносова; изъ Академіи уволенъ въ 1770 году. (*Десятое присужденіе Уваров. наград*, стр. 15. Спб. 1868). Между печатными письмами Ѳеофана есть одно — къ Генриху Готлибу Натцію, лютеранскому пастору въ Петербургѣ—(«при нѣмецкой киркѣ за Зимнимъ его величества дворцомъ». Дѣла архива св. Синода, 1721 года. № 245)—который прислалъ къ нему молодаго человѣка въ учители латинскаго языка. Ѳеофанъ проситъ Натція доставить ему свѣденія о его отечествѣ, родителяхъ, характерѣ и способностяхъ. (Theophanis Epistolae. Epist. XIV. 22 мая, 1734 года). Не объ Ѳедоровичѣ ли была рѣчь въ этомъ письмѣ?

[1]) Инструкція — въ Приложеніяхъ № VIII.

[2]) *Возраженіе на Регламентъ Духовный* въ рукописи Государ. архива.

[3]) Comedias sive ludos scenicos aliasque honestas recreationes non tantum indulsit, sed praecepit.

Законоучители кадетскаго корпуса, іеромонахъ Лука Конашевичъ (впослѣдствіи архіепископъ казанскій) и іеродіаконъ Варлаамъ Скампицкій (впослѣдствіи епископъ вятскій), бывшіе вѣроятно законоучителями въ школѣ Ософана, дарили питомцевъ его школы деньгами. Ософанъ написалъ на этотъ счетъ два небольшихъ юмористическихъ стихотворенія.

Къ іеромонаху и діакону кадетскимъ, когда они деньгами питомцевъ подарили:

Pressi pavperie nostros ditastis alumnos,
Quos sancta argentum lex vetat accipere.
Utque abitu vestram rem vestra pecunia lesit,
Sic illis aditu noxia factu sua est.
Phoebe dece, quod sit plagae medicamen utrique?
Nummorum ex reditu, non nisi, Phaebus ait.

Сами бѣдни сверхъ нашихъ питомцевъ дарили,
Которымъ не брать наши правила учили.
И какъ вамъ ваши деньги вредны при отходѣ
Такъ онымъ вредны стали при оныхъ приходѣ.
Скажи, о солнце, какое обоимъ лекарство надо?
Говоритъ: развѣ деньги отослать отрада.

— —

Рано Лука въ сундукъ кладетъ руку
Изъ пустаго черпаетъ . . . . . .
. . . . . .
Много даешь, а мало имѣешь — вси знаютъ.
Повѣрь мнѣ Лука, что ты дѣлаешь противно.
Прежде самъ разбогатѣй, потомъ дать не дивно.

Изъ переписки Ософана видно, что онъ посылалъ своихъ учениковъ, для усовершенствованія въ наукахъ, въ гимназію при Академіи Наукъ. Въ 1730 г. посланы были къ профессору Гроссу: Илья Кеплапдеръ, Михайло Живицкій (Vives), Иванъ Меньшой, Иванъ Волиовъ, Яковъ Одноглазый (Monoculus), Яковъ Воронковъ, Григорій Тепловъ, Петръ Тулуповъ, Симеонъ Сѣдякъ (Sedens) и Алексѣй Колумелла [1]).

Всего обучалось въ его школѣ, во время пятнадцатилѣтняго ея существованія, до 160 юношей. Мы имѣемъ списокъ учениковъ только за послѣдній годъ школы.

---

[1]) Туманскаго, *Росс. магазинъ*. Ч. III, стр. 471.

Михаилъ Кивицкій.
Григорій Тепловъ.
Трофимъ Ульяновъ.
Яковъ Мултьянскій.
Иванъ Моисеевъ.
Степанъ Савицкій.
Ѳедоръ Свѣтлой.
Степанъ Гулевичъ.
Василій Несторовъ.
Ульянъ Калмыкъ.
Максимъ Богдановъ.
Андрей Тишкъ.
Семенъ Котельниковъ.
Семенъ Романовъ.
Николай Николаевъ.
Андрей Кривцовъ.
Иванъ Калмыкъ.
Несторъ Дмитріевъ.
Герасимъ Степановъ.
Александръ Андреевъ.
Игнатій Самсоновъ.
Яковъ Петрулинъ.
Петръ Тулуповъ.
Яковъ Звѣревъ.
Иванъ Сычъ.
Прокопій Макарьевъ.
Алексѣй Флоровъ.
Наумъ Покуска.
Сергѣй Львовъ.
Алексѣй Чижъ.
Николай Горкавецкій.
Иванъ Ивановъ.
Никита Савельевъ.
Григорій Павловъ.
Максимъ Горкавецкій.
Степанъ Дмитріевъ.
Иванъ Дмитріевъ.
Антонъ Калмыкъ.
Алексѣй Протасовъ.
Иванъ Андреевъ.
Иванъ Львовъ.
Иванъ Черницовъ.

По смерти Ѳеофана школа его поступила въ вѣденіе Кабинета. Въ 1738 году 22-го марта Кабинетъ представилъ о ней докладъ Императрицѣ слѣдующаго содержанія: «прошлаго 1736 года, сентября 8-го дня, преосвященный новгородскій архіерей Ѳеофанъ умре; а при жизни своей онъ, архіерей, особливымъ своимъ тщаніемъ, собирая сиротъ, учредилъ для наукъ оныхъ семинарію и содержалъ оную весьма въ добромъ порядкѣ со многимъ иждивеніемъ своего персональнаго имѣнія. При кончинѣ же жизни своей оный архіерей всему оставшемуся по немъ собственному его иждивенію написалъ реестръ, положа всему примѣромъ цѣну, и во всемъ томъ послѣ себя учредилъ наслѣдниками вышеозначенныхъ изъ сиротъ семинаристовъ въ разсужденіи томъ, что когда изъ тѣхъ семинаристовъ кто, по окончаніи наукъ, опредѣлится куды къ дѣламъ, дабы оный тѣмъ данным ему награжденіемъ могъ себѣ озаводиться постройкою

двора и завестись домомъ, чтобъ отъ скудости не оставилъ своей науки. Токмо изъ того реестра основательное завѣщаніе сочинить и подписать, за тяжкою болѣзнію, не могъ, по присутствующихъ притомъ нижегородскаго архіерея Питирима и другихъ духовныхъ (которые къ тому оставшему по немъ реестру подписались) просилъ, чтобъ они по тому его желанію о исполненіи приложили свое тщаніе и чтобъ оныхъ награждать, смотря по ихъ прилежности и произведеніи въ наукахъ, тогда, какъ по окончаніи наукъ опредѣлятся къ дѣламъ. Того ради ваше императорское величество не соизволите ли повелѣть, въ разсужденіи помянутаго покойнаго архіерея Ѳеофана вѣрной и ревностной къ вашему императорскому величеству его службу, и особливо, что онъ такъ добропорядочно изъ спротъ семинарію содержалъ и не мало ихъ обучалъ въ пользу государственную, по вышеупомянутому его желанію всемилостивѣйше повелѣть: платье и прочія его вещи персональныя и оставшія за отдачею въ невской монастырь, излишнія книги, и собственные его дворы—первый деревянный близь р. Карповки; второй приморской каменной; третій въ Москвѣ каменной же распродать, ибо изъ оныхъ на Карповкѣ деревянный и нынѣ требуетъ не малой починки, а когда долѣе стоять будетъ, то отъ бо́льшаго поврежденія къ починкѣ немалаго иждивенія требовать будетъ; а московскій въ прошедшій пожаръ погорѣлъ. А полученныя за то деньги отдать въ особое смотрѣніе, кому ваше императорское величество повелѣть соизволите, съ такимъ опредѣленіемъ, чтобъ оный тѣ деньги по наилучшему своему усмотрѣнію употребилъ отдачею въ проценты. Изъ которыхъ денегъ когда кто изъ семинаристовъ, по довольномъ обученіи, опредѣлится къ какимъ дѣламъ, то оными на постройку домовъ, и чтобъ они могли озаводиться и не были бъ по своимъ наукамъ въ бѣдности, чинить награжденіе по разсмотрѣнію; также употреблять и тѣмъ семинаристамъ, которые нынѣ въ семинаріи въ невскій монастырь отошлются, а монастырскихъ доходовъ иногда не достанетъ. А четвертый его каменный на адмиралтейской сторонѣ дворъ, котораго на покупку деньги ваше императорское величество ему пожаловать соизволили, не соизволите ль всемилостивѣйше пожаловать къ исакіевской церкви служителямъ, ибо оная церковь строена изъ казны; а близь той церкви деревяннаго строенія строить не

указано, а каменнаго построить служители не въ состояніи. И о томъ ваше императорское величество что всемилостивѣйше указать соизволите. При томъ подписано: К: Алексѣй Черкасскій. На подлинномъ подписана резолюція такова: учинить по сему и оное все поручить въ смотрѣніе и управленіе нашему тайному дѣйствительному совѣтнику, князю Черкасскому; а на петербургскомъ острову дворъ приписать ко дворцу». «При томъ подписано собственною ея императорскаго величества рукою тако: Анна. Марта 22 дня 1738 году».

Того же числа и года послѣдовало такое распоряженіе въ императорскомъ Кабинетѣ: «понеже по именному ея императорскаго величества указу, за собственноручнымъ ея величества подписаніемъ сего марта 17 дня данному Кабинету, по которому повелѣно семинаристамъ, которые содержались въ домѣ покойнаго архіепископа новгородскаго Ѳеофана, всѣхъ розобрать и которые изъ нихъ въ совершенныхъ лѣтахъ и въ высшія науки поступить не могутъ, то такихъ опредѣлить къ дѣламъ по разсмотрѣнію, а достойныхъ къ обученію высшихъ наукъ перевесть въ семинарію невскаго монастыря, а неспособныхъ оставить: и по силѣ того высочайшаго повелѣнія о помянутыхъ семинаристахъ разсматривано и рѣшено опредѣлить ихъ по нижеписанному росписанію, а именно: Ивана Иванова, Якова Осипова, Григорья Теплова, для обученія той семинаріи другихъ семинаристовъ на время, за совершенными лѣтами, которые далѣе наукъ продолжать не могутъ, къ дѣламъ. Мартина Ильина сына Шепна, Петра Михайлова, Трофима Ульянова отослать въ медицинскую канцелярію къ архіатеру для опредѣленія по ихъ наукамъ, о которыхъ отъ него, архіатера, и допошеніемъ требовано. Якова Юрьева — въ инженерный корпусъ въ мастеры живописнаго дѣла, понеже онъ другому не учился. Прокофья Макарьева въ Новгородъ въ архіерейской домъ въ школу въ учители россійской грамотѣ и пѣнія, ибо онъ въ обученіи латинскаго языка не понятенъ. Максима Васильева, Алексѣя Васильева—въ вѣдомство Канцеляріи отъ строеній въ живописцы, понеже они кромѣ того иныхъ никакихъ наукъ не обучались. Ивана Моисѣева—въ Комерцъ-коллегію въ канцеляристы. Ивана Стефанова сына Сыча, Стефана Васильева сына Савицкаго, Василья Алексѣева, Семена Романова, Николая Степанова сына

Горканицкаго, Степана Грека, Николая Грека, Андрея и Наума Тимофѣевыхъ, отпустить въ домы къ отцамъ ихъ, ибо отцы объ отпускѣ оныхъ просятъ, что оные на ихъ пждивеніи далѣе науки продолжать могутъ. А достальныхъ—Алексѣя Фролова, Ѳедора Алексѣева, Сергѣя Львова Ростовцева, Ульяна Калмыка, Алексѣя Протасова, Наума Еремѣева, Ивана Иванова, Семена Кирилова Котельникова, Максима Иванова, Ивана Львова Ростовцева, Андрея Емельянова, Ивана Дмитріева, Герасима Степанова, Ивана Калмыка, Антона Калмыка, Нестера Дмитріева, Григорья Павлова, Никиту Савельева—отослать, для дальпаго и лучшаго оныхъ обученія, въ семинарію въ невскій монастырь, гдѣ ихъ обучать и довольствовать во всемъ такъ, какъ при вышеупомянутомъ архіереѣ Ософанѣ. И хотя они въ оной семинаріи жить должны, однакожъ для нихъ отвесть особые покои, чтобъ они какъ въ житьѣ, такъ и въ пищѣ, отъ прочихъ тамошнихъ семинаристовъ были отмѣнены. И съ ними жъ отослать употребляемую для ихъ всю оловянную и мѣдную посуду, такожъ и бѣлье въ невской же монастырь. Подлинное подписали: Андрей Остерманъ. К. Алексѣй Черкасскій».

Объ отосланныхъ въ невскую семинарію въ 1741 году послѣдовалъ высочайшій указъ изъ Кабинета: «понеже оставшіеся послѣ бывшаго Ософана архіепископа новгородскаго семинаристы отосланы въ троицкій александроневскій монастырь, изъ которыхъ, какъ извѣстно, многіе лѣтами уросли, и за тѣмъ уже ихъ къ дальнѣйшимъ наукамъ употреблять невозможно: того ради въ Кабинетѣ разсуждено оныхъ семинаристовъ св. Суноду разсмотрѣть, и кого изъ нихъ куда по способности опредѣлить надлежитъ, объ ономъ представить въ Кабинетъ». Вслѣдствіе этого разбора трое отпущены въ Малороссію къ отцамъ. Иванъ и Сергѣй Ростовцевы, Иванъ Дмитріевъ, Герасимъ Степановъ, Антонъ и Иванъ Калмыковы остались въ семинаріи. Андрей Емельяновъ выпросился въ кіевскія школы. Алексѣй Соловьевъ, Несторъ Дмитріевъ и Ѳедоръ Свѣтлый отпущены въ новгородскую семинарію. Протасовъ и Котельниковъ—въ Академію Наукъ для продолженія образованія [1]).

---

[1]) Дѣла архива александроневской лавры—1741 г. № 3841 и 1745 г. № 4996.

Нѣкоторые изъ воспитанниковъ Ѳеофановой школы пріобрѣли извѣстность на ученомъ, административномъ и другихъ поприщахъ общественной службы. *Богдановъ* былъ учителемъ въ московской академіи и потомъ справщикомъ въ московской синодальной типографіи († 1743 года). *Г. Н. Тепловъ*—съ 1740 года переводчикъ, съ 1741 года адъюнктъ Академіи Наукъ, для которой, по порученію президента ея, бывшаго его воспитанникомъ, графа Разумовскаго, составилъ новый Регламентъ. Впослѣдствіи былъ статсъ-секретаремъ при императрицѣ Екатеринѣ II и сенаторомъ († 1779 года). *А. П. Протасовъ* (сынъ рядоваго л. г. семеновскаго полка) и *С. К. Котельниковъ* (сынъ рядоваго л. г. преображенскаго полка), продолжавшіе ученіе въ Академіи Наукъ, были потомъ дѣйствительными членами ея и Россійской Академіи.—*Степанъ Савицкій*, придворный діаконъ, былъ законоучителемъ въ академической гимназіи, а съ 1742 г. придворнымъ проповѣдникомъ [1]).

Шереровъ біографъ Ѳеофана говоритъ, что лучшіе изъ его воспитанниковъ посылаемы были въ разныя мѣста государства для учрежденія школъ и для обращенія инородцевъ въ христіанство.

XXXV.

Домовое хозяйство.

У Ѳеофана было два дома въ С.-Петербургѣ: деревянный на аптекарскомъ острову на рѣчкѣ Карповкѣ, давшій названіе улицѣ — *архіерейской*, сохраняющееся и до сихъ поръ; — каменный на адмиралтейской сторонѣ [2]);—приморская дача (мыза) между

---

[1]) Въ 1744 году *Савицкій*, вмѣстѣ съ другимъ придворнымъ проповѣдникомъ, священникомъ *Евстафіемъ Могилянскимъ*, уволены отъ сказыванія проповѣдей при дворѣ. Савицкій — между прочимъ — и по тому побужденію, что читалъ свои проповѣди не наизусть, а по написанному.—Могилянскій, по высочайшему повелѣнію, опредѣленъ въ Полтаву протоіереемъ къ церкви Воскресенія Христова. Послѣ нихъ оффиціальнаго проповѣдника при дворѣ не было до 1753 г., до назначенія въ эту должность учителя московской академіи, іеродіакона *Гедеона Криновскаго*.

[2]) Въ 1735 г. 6-го мая, по высочайшему именному указу, велѣно было вы-

Петергофомъ и Ораніенбаумомъ (на мѣстѣ, занимаемомъ въ настоящее время Собственною дачею Его Величества), состоявшая изъ каменнаго дома и угодій, въ число которыхъ входило и мѣсто, занимаемое нынѣ дачею ея императорскаго высочества, в. к. Маріи Николаевны: здѣсь помѣщалась семинарія; — домъ въ Москвѣ на Мясницкой улицѣ и домъ въ подмосковномъ селѣ Владыкиномъ. «У него (Ософана)—писалъ иностранецъ фонъ-Гавенъ— сильная страсть къ постройкамъ, которыя хотя опустошаютъ его казну, за то очень кстати въ Петербургѣ, гдѣ такъ много не застроенныхъ мѣстъ. Еще за нѣсколько дней передъ смертью онъ показывалъ одному лицу проэктъ и чертежъ дома, который предполагалъ строить и просилъ сдѣлать на него свои замѣчанія [1]). Біографъ его у Шерера замѣчаетъ о немъ: «architecturae cum fuisse studiosissimum atque peritum demonstrant varia palatia cum hortis, quae Mosqua, Petropoli in Carpovka et prope Petroviam ingeniose extruxit, quin et templa, quae sacris vestibus, stolis, horologiis et imaginibus tam sculptis, quas pictis docenter ornavit».

Большую часть года (обыкновенный петербургскій зимній сезонъ) Ософанъ жилъ на Карповкѣ. Домъ его окруженъ былъ лѣсомъ и имѣлъ прекрасные виды. Ософанъ такъ дорожилъ этими видами, что когда лейбъ-медикъ Ригеръ предположилъ провесть въ лѣсу двѣ аллеи: то Ософанъ просилъ его не направлять ихъ къ его дому, но провесть въ сторонѣ. «Мнѣ не деревьевъ— писалъ онъ къ Ригеру—жаль, но прекраснаго вида» [2]).

На рѣчкѣ, подлѣ его дома, стоялъ цѣлый маленькій флотъ, состоящій изъ судовъ разной величины и устройства для рѣчныхъ прогулокъ Ософана. Впрочемъ, по мелководью Карповки, рѣчное катанье было не всегда удобно. Зато въ хорошую воду Ософанъ ѣзжалъ на своей баржѣ или на яхтѣ въ Сѵнодъ, въ невскій монастырь, въ прирѣчные дома и, по заливу, до своей приморской мызы.

лать Ософану на покупку двора 5000 р., изъ доходовъ сѵнодальнаго казеннаго приказа. Это было послѣ пожара, во время котораго обгорѣлъ каменный домъ его на адмиралтейской сторонѣ.

[1]) Von Haven's—*Reise in Russland*, s. 22.

[2]) Epistola XVI.

Въ 1723 году, 11 марта, Ѳеофанъ взялъ къ себѣ изъ спасскаго училищнаго монастыря *іеродіакона Адама*, въ помощь для домоваго хозяйства и для надзора за учениками [1]). Этотъ Адамъ былъ фактотумомъ Ѳеофана и исполнялъ всѣ возможныя его порученія. Родышевскій считалъ его такимъ же лютеранином, какимъ—по его понятію—былъ самъ Ѳеофанъ. Ѳеофилактъ Лопатинскій также говорилъ о немъ, что онъ «только для виду православный, все по лютеранскимъ домамъ бѣгаетъ и у Брюса (отъявленнаго атеиста) чуть не живетъ».

Адамъ скончался въ 1734 г., за два года до кончины Ѳеофана. Признательный Ѳеофанъ составилъ въ честь его эпитафію латинскими стихами, и самъ же перевелъ ее на русскій языкъ.

Новопреставльшемуся іеродіакону Адаму эпитафіонъ.

Ridebas o Adam, curas mundi hujus inanes,
Tu quoque stultitiae pars aliquanta suae,
Scilicet ut vanos multi sectentur honores
Seque hac, ante diem, tabe sitique necent.
Utque alii insomnes ducant noctesque diesque
Quo sibi pestiferae conglomerentur opes.
Utque etiam dominos, qui pregensant saepe potentes
Nil miserum, quod agant, nil sibi turpe putent.
Cuncta haec ridebas. Sed coelum raptus in altum
Majore irrides, extenuaque joco.
Nos vero ereptos plures tibi plangimus annos
Sed quia et hoc rides, pangere desinimus.

Ita lugens canebat emulus ejus et commilito, Samuel Tezka, seminarii Theophanei cultor.

Смѣялся ты Адаме, коль міръ суестрастный,
И самъ его дурости бывъ нѣчто причастный,
Какъ сей и той жарко праздныхъ честей жаждетъ
И отъ сего смертную въ сердцѣ болѣзнь страждетъ.
А другій и дни безъ сна проводитъ и ночи,
Какъ бы злата кучами повеселить очи.
А кто мощнѣйшихъ господъ за ножки хватаетъ,
Тотъ ничего и въ бѣдность и въ стыдъ не вмѣняетъ.
Ты жъ то ругалъ. Позванъ же въ небесныя горы
Еще смѣшнѣе началъ ругать наши здоры.

[1]) Не должно смѣшивать его съ Адамомъ Селліемъ, занимавшимся обученіемъ въ Ѳеофановской школѣ въ 1722—1725 гг.

А мы плачемъ о тебѣ горько, неутѣшно,
Что на тебя нашла смерть такъ рано, такъ спѣшно.
Да ты сталъ и на сіе смѣхотворно врякать
И мы уже по тебѣ перестаемъ плакать.
Тако воспѣлъ съ плачемъ другъ его и подражатель
Самойло Теска, Оеофановой семинаріи смотритель.

Экономомъ архіерейскаго дома былъ іеромонахъ *Герасимъ*, котораго Оеофанъ и весь домъ его ублажили юмористическими стихами за приготовленіе хорошаго солоду.

За хорошій солодъ благодарскіе экономy.

1) *Отъ Ильи* [1]).

Честный отецъ Герасимъ
Чимъ мы тебя украсимъ
За хлѣбецъ твой питейный
Обиходецъ келейный?
Кто пьетъ его, тотъ пляшетъ
Да и рукою машетъ.
А я хоть отвѣдаю,
Что дѣлать невѣдаю.
Хвалятъ тебе вси явно
Хотя не весьма славно.
Благодаренъ же и я
Вѣрный твой другъ Илья.

2) *Отъ Самаю.*

Бѣжитъ прочь жажда, бѣжитъ и печальный голодъ,
Гдѣ твой, отче экономъ, находится солодъ.
Да и чудо онъ творитъ дивнымъ своимъ вкусомъ:
Пьянъ я, хоть обмочусь однимъ только усомъ.

3) *Отъ учителя.*

Солодъ твой, о экономъ, кажется садъ Посвъ
И сей бо даетъ напой, лучшій всѣхъ напоевъ.
Но тамъ отецъ насмѣшкѣ, а сынъ подпалъ гнѣву:
А твоему порокъ той не прилежитъ пиву.
И честенъ ты за сіе, не боишься срама,
Не какъ онъ обруганный отъ мерзкаго Хама.

[1]) Илья Ксиландеръ, изъ учениковъ Оеофановой школы, по должности—*интенданть* его дома. Но какія прямыя обязанности скрывались за этимъ наименованіемъ—не знаемъ.

4) *Отъ малыхъ дѣтей.*

Гдѣ ты, о бородушка,
Залучилъ ты солодушка,
Какова здѣсь не было?
Такъ-то пріятенъ зѣло.
Гдѣ-сь ты ѣздилъ далеко
Гдѣ птичье молоко?
Понеже слово въ слово
Такъ сладко и здорово.

5) *Отъ Неймана жида.*

Беретъ меня на сіе питейцо оскома:
А то есть честный промыслъ отца экопома.
Люблю сладко пріятно
Въ ротъ течетъ невозвратно.
Коли бъ прадѣды наши такого достали,
Въ пустыни на Моисея вѣкъ бы не роптали,
По взявшись за боки
Всѣ бъ подпялись вскоки.
Горько было бѣднымъ имъ, а намъ сладко пить.
Хвалитъ тебя батюшка въ карповской пустынѣ,
Хвалитъ самъ архіерей,
Кольми паче я еврей.

6) *Отъ дворянъ.*

За честь твоего солоду
Лобзаемъ твою бороду
Батюшка нашъ кормитель.
Никто не можетъ сказати
Въ какой стала благодати
Твоя къ намъ добродѣтель.
Когда трудовъ твоихъ пиво
Что имѣется за диво
Прилежно разсуждаемъ,
Новгородскія шалыги,
Которую пьютъ ярыги,
Весьма забываемъ.
Да то чудо весьма странно,
Что хотя и непрестанно
Пивцо то съ бочки льется
И течетъ по вся недѣли,
А намъ еще и доселѣ
Дивно какъ не припьется.

Солодъ новгородскаго архіерейскаго дома и приготовляемое изъ него пиво извѣстны были всей знати по своей доброкачественности [1]). Въ слѣдственную коммиссію объ А. П. Волынскомъ, между множествомъ лицъ, взятъ былъ и Герасимъ для объявленія, какіе онъ дѣлалъ подарки Волынскому. Герасимъ показалъ между прочимъ, что однажды, какъ онъ былъ у Волынскаго, послѣдній спросилъ его между разговоромъ: «говорятъ, у васъ хорошій солодъ?» Герасимъ счелъ это за намекъ извѣстнаго рода и послалъ ему 15 четвертей солоду [2]).

Денежные доходы и хлѣбные и прочіе сборы съ принадлежащихъ Ософану и новгородскому архіерейскому дому селъ и деревень были очень велики. Въ 1733 году въ с.-петербургской конторѣ новгородскаго архіерейскаго дома въ присылкѣ было денегъ 11,109 руб.; въ 1734 г.—11,153 руб.; въ 1735 г.—9,814 р. 69 коп. Хлѣба (муки ржаной, пшеничной, гречневой, гороховой, солоду, крупъ гречневыхъ, ячныхъ, овсяныхъ, толокна, овса), въ 1733 году въ приходѣ: 3063 четверти $3^1/_2$ четверика; въ 1734 году—4684 четверти $2^1/_2$ четверика; въ 1735 г.—4420 четвертей 4 четверика.

Все, получаемое въ приходѣ, поступало въ расходъ. Мы укажемъ на нѣкоторыя статьи расхода денегъ и хлѣба по архіерейскому дому за одинъ изъ тридцатыхъ годовъ. — На покупку для архіерейскаго дома свѣжей рыбы, бѣлужины, осетрины, осетровыхъ тёшекъ и спинокъ копченыхъ, раковъ, икры черной,

---

[1]) Въ бумагахъ Императрицы Анны (въ Государственномъ архивѣ) мы встрѣтили письмо отъ одной знатной дамы (вѣроятно жены Бирона) къ Ософану, съ благодарностію за доставленіе ей такого пива, противъ котораго она нигдѣ не могла достать, и съ изъявленіемъ желанія, чтобы онъ и впредь не оставлялъ ее этой присылкой. Письмо это писано, по видимому, въ 1732 году, въ началѣ января. «Преосвященный господинъ, г. архіерей новгородскій! За всѣ показанныя вашего преосвященства въ бытность нашу здѣсь (въ Москвѣ) къ намъ благопріятства, а особливо въ неоставленіи присылкою для меня и мужа моего толь препряднаго пива, противъ котораго я еще нигдѣ не могу достать, покорно благодарствую; и въ надеждѣ вашего преосвященства всегдашней къ намъ благосклонности прошу, дабы и въ Питербурхѣ, куда ея и. в. заутра намѣрена путь свой отсюда продолжать, ежели понадобится, также соизволили приказать онаго изъ дому своего по нѣскольку отпускать, когда я присылать буду. Весьма я благонадежна и есмъ всегда» (безъ подписи).

[2]) Изъ дѣла о Волынскомъ въ Государственномъ архивѣ.

визиги, угрей, уструсей, анчоузовъ, и въ дачѣ поварамъ на учрежденіе осетра припасовъ, 628 руб. 88 к. На покупку про архіерейскій домъ сенту, пантоку, решпвину, бургунскаго, мушкателю, фронтеніаку, шикардону, бѣлаго и краснаго ренскаго и оглопскаго, пива аглинскаго, любскаго и висмарскаго, водки гданской и сивухи украйнской — 509 руб. За купленныя для архіерейскаго дома новую баржу и два гуербома, за поправку яхты, торшихоута и лодокъ — 314 руб.

Жалованья домовымъ служителямъ въ годъ 1086 рублей и хлѣба 764 четверти 5 четвериковъ. Изъ чиновныхъ и служебныхъ лицъ архіерейскаго дома выдавалось жалованье — ризничему, управителю, дворецкому, священнику, дьячку, интенданту, учителю, секретарю, 2 канцелярістамъ, 4 копіістамъ, лекарю, кухмистеру (200 р.), садовнику, яхтенному, 3 матросамъ, баржаному, 8 гребцамъ, конюшему, 2 кучерамъ, 2 конюхамъ, 2 шорникамъ, 3 малярамъ, 2 рѣщикамъ, 10 столярамъ, токарю, каменщику, 2 погребнымъ, 2 поварамъ, приспѣшнику, скатерному, портному, 3 сторожамъ, огородному, скотницѣ, мызнику.

На покупку, въ питомство людямъ, разной живности и живыхъ быковъ 950 рублей. На покупку для свѣтскихъ людей курительнаго табаку и трубокъ 10 руб. 98 коп.

Мы показали приходъ и расходъ только по с.-петербургскому дому. Всего же по архіерейскому дому, въ приходѣ денегъ было: въ 1733 году 13,823 руб.; въ 1734 году 14,680 руб.; въ 1735 году 13,180 рублей. Хлѣба въ 1733 году 12,567 чет.; въ 1734 году—12,386 чет.; въ 1735 году—14,839 четвертей.

Кромѣ того въ новгородскій архіерейскій домъ изъ разныхъ домовыхъ мѣстъ получалось разныхъ столовыхъ, копюшенныхъ и прочихъ припасовъ въ годъ: лососей 1500, сиговъ копченыхъ и вялыхъ 2100, икры 11 пудовъ, дробной рыбы 6 бочекъ. Всѣ эти припасы перевозились въ С.-Петербургъ для архіерейскаго дома. Изъ 20,000 пудовъ сѣна половина отправлялась въ С.-Петербургъ.

На содержаніе домовой архіерейской конторы въ С.-Петербургѣ собиралось особо по $^3/_4$ коп. съ души, со всѣхъ крестьянъ, бывшихъ за монастырями (41,594 души) и градскими церквами (315 душъ) новгородской епархіи — всего до 512 руб.

Госпитали для престарѣлыхъ, увѣчныхъ и сиротъ, заведенные

митрополитомъ Іовомъ, поддержпвались и при Ѳеофанѣ. Въ вѣдомости 1736 года перечисляются набережные госпитали — два госпиталя на волховскомъ мосту у Чуднаго креста,—два за Теговскими воротами,—на Торговой сторонѣ у проѣзжихъ воротъ, и знаменскіе госпитали. Во всѣхъ госпиталяхъ въ этомъ году было 88 человѣкъ мужескаго пола, 162 женскаго, обоихъ 247: въ томъ числѣ 1 со времени митрополита Корнилія—больше 35 лѣтъ, 12 со времени митрополита Іова больше 30 лѣтъ, 34 больше 25 лѣтъ, 21 больше 15, 18 больше 10 лѣтъ пользовались призрѣніемъ богадѣленъ.

Ѳеофанъ принималъ у себя многихъ знаменитыхъ лицъ, посѣщавшихъ С.-Петербургъ и Москву. Мы упоминали выше о пріемѣ китайскихъ пословъ. Въ 1734 году посѣтилъ его принцъ Беверпскій, впослѣдствіи супругъ Анны Леопольдовны. Въ томъ же году онъ угощалъ у себя Гданскихъ депутатовъ.

Въ 1730 году посѣтила его Императрица въ подмосковномъ селѣ Владыкинѣ; а въ 1733 году — въ приморской мызѣ за Петергофомъ. Ѳеофанъ сочинилъ на случай этого высочайшаго посѣщенія стихи на латинскомъ языкѣ, съ русскимъ, по обычаю, переводомъ.

In adventum augustissimae Russiarum Imperatricis Annae Ioannidis, cum nos in maritima villa nostra visitaret.

Parva quidem villa, hacc parvos est nacta colonos
Sev vernas, humilem sev tuearis herum.
Magna tamen facta est, quando te Maxima Princeps
Excipit in gracilem, sorte favente, sinum.
Magnus honor ruri est, magna est haec gloria nobis
Tanti dignatis sors quibus est hospitis ore frui.
Augeat ergo Tui Numen fastigia regni,
Quae facis aspectu rura beata Tuo.

На приходъ е. и. в. Анны Іоанновны, когда насъ въ приморской мызкѣ нашей посѣтить изволила.

Малое се жилище и жители малы
Хотя бъ и съ хозяиномъ въ оцѣнкѣ пристали.
Но стала быть деревня велика и славна,
Когда прибылъ дражайшій гость, Анна державна.
Драгая жъ то честь мѣсту, счастье наше драгое
Видѣть очи свѣтлыя гостя таковаго.
Богъ же Ей да умножитъ царство всемогущій
Когда входомъ Ей славны и сельскія кущи.

XXXVI.

Смерть и погребеніе Ѳеофана.

Чрезвычайные труды и постоянное напряженіе душевныхъ силъ изнурили здоровье Ѳеофана и были причиною его преждевременной смерти.

Преосвященный Ѳеофанъ скончался, на карповскомъ своемъ подворьѣ, въ 1736 году 8 сентября въ 4 часа 24 минуты по полудни, на 55 году жизни, сохранивъ до послѣдней минуты полное сознаніе [1]). При кончинѣ его находились синодальные члены: преосвященный Питиримъ, архіепископъ нижегородскій, и архимандриты — александроневскій Стефанъ Калишовскій и новоспасскій Никодимъ Сребницкій. По преставленіи тѣло его убрано было во все архіерейское церковное облаченіе, а поверхъ всего облаченія надѣтъ наперсный животворящій крестъ.

На другой день (9 сентября) въ св. Синодѣ состоялось опредѣленіе: 1) по покойномъ преосвященномъ Ѳеофанѣ въ новгородскомъ архіерейскомъ домѣ и епархіи той отнынѣ чинить достодолжное поминовеніе, какъ и по прежде преставльшихся архіереяхъ отправляемо было, неотмѣнно; и чтобъ оное всемѣрно было исполнено, того смотрѣть накрѣпко обрѣтающимся въ новгородской архіерейской консисторіи и разрядѣ управителямъ; 2) новгородскаго архіерейскаго дома церковныя, домовыя, епархіескія и персональныя покойнаго преосвященнаго всякія вещи, по полученіи указа того жъ времени безъ напмалѣйшаго промедленія, обрѣтающимся въ новгородской архіерейской консисторіи и разрядѣ правителямъ и новгородскаго архіерейскаго дома экономy и домовымъ секретарямъ самимъ всѣмъ тщательно все осмотрѣть и описать, и явившееся въ наличности хранить въ приличныхъ мѣстахъ съ крайнимъ наблюдательствомъ во всякой цѣлости, дабы ничему ни малѣйшей траты приключится не могло; 3) новгородскую епархію

---

[1]) Говорятъ, будто Ѳеофанъ, чувствуя приближеніе кончины, приставилъ ко лбу указательный палецъ и произнесъ: «о, главо, главо! разума упившись, куда ся приклонишь»? (Москвитян. 1842 г. кн. 1, стр. 91).

и архіерейскаго дома служителей духовными и прочими дѣлами, до предбудущаго архіерея, вѣдать и управлять консисторскимъ и разрядными правителямъ, экономy и секретарямъ, безъ всякаго пристрастія и склоненія къ неправдѣ, но какъ добрымъ и повѣреннымъ персонамъ надлежитъ; 4) все церковное и личное имущество, оставшееся въ домахъ, находящихся въ С.-Петербургѣ, на васильевскомъ и с.-петербургскомъ островахъ, на адмиралтейской сторонѣ и въ приморскомъ домѣ — сѵнодальнымъ членамъ, новоспасскому архимандриту Пикодиму съ благовѣщенскимъ протопопомъ Іоанномъ, описать и отдать казенное, домовое и епархіеское, секретарю Козмѣ Бухвостову, а персональное—питомцамъ его преосвященства Ильѣ Ксиландру, да Семену Сидѣльцу, съ расписками и съ объявленіемъ беречь до предбудущаго распоряженія; 5) въ находящихся въ Москвѣ новгородскомъ архіерейскомъ подворьѣ и персональномъ его преосвященства домѣ, также въ селахъ *Владыкинѣ* и *Озерецкомъ*, отъ московской сѵнодальнаго правленія консисторіи кому пристойно и вѣрить возможно, при обрѣтающихся тамъ служителяхъ, все осмотрѣть и описать и наблюдать до будущаго распоряженія.

Сентября 11 въ св. Сѵнодѣ генералъ-маіоръ и членъ Военной коллегіи Измайловъ объявилъ высочайшую волю, «чтобы тѣло покойнаго архіерея Ѳеофана завтрешняго дня изъ дому его преосвященства вынести, перевезть черезъ Неву на литейную пристань, а отъ той пристани сухимъ путемъ препроводить въ невскій монастырь, и тамо совершить по его преосвященствѣ надгробное чинопослѣдованіе, а по совершеніи того отправить тѣло его преосвященства въ Новгородъ водянымъ путемъ».

Въ то же время объявленъ высочайшій указъ, о предписаніи управителю новгородскаго архіерейскаго дома, чтобы «которые были того дому служителями, то оные бъ не разошлись никуды, а были бъ всѣ при томъ домѣ; а особливо тѣ ребята, которые въ домѣ его учились, чтобъ оные учились по прежнему и были бъ содержимы въ таковомъ же довольствѣ, какъ и при живомъ архіереѣ. А учителю или надзирателю, который къ нимъ приставленъ, приказать, чтобъ онъ ихъ обучалъ и смотрѣлъ за ними нелѣпостно».

Церемоніалъ погребенія соотвѣтствовалъ высокому положенію и заслугамъ почившаго архипастыря. Утромъ 12 сентября, въ день

погребенія, къ тѣлу покойнаго собрались всѣ синодальные члены и все столичное духовенство. Послѣ литіи гробъ поставленъ былъ на погребальную колесницу и въ сопровожденіи всего духовенства и воспитанниковъ семинаріи везенъ былъ до Невы. Сто человѣкъ гренадеръ, опредѣленныхъ отъ городовой канцеляріи, и синодальные приказные служители, разстоявшемъ другъ отъ друга на сажень, несли восковыя свѣчи. У синодальной пристани гробъ поставленъ былъ на погребальную баржу и перевезенъ на противоположную сторону къ мануфактурной пристани; потомъ съ тою же церемоніею везенъ былъ мимо Литейнаго двора, по перспективной улицѣ, къ тріумфальнымъ воротамъ. Здѣсь встрѣтилъ процессію духовникъ ея величества, тронцкій архимандритъ Варлаамъ, съ придворнымъ духовенствомъ. По прибытіи къ невскому монастырю гробъ встрѣченъ архимандритомъ Стефаномъ съ братіею и внесенъ въ благовѣщенскую церковь. Преосвященный Питиримъ совершилъ литургію, за которой присутствовали государственные министры — князь Черкасскій и Шафировъ.

По окончаніи погребенія гробъ поставленъ былъ въ нарочно приготовленный деревянный черный футляръ и вынесенъ на стоявшее у пристани Черной рѣчки траурное судно, для отвезенія въ Новгородъ, и отправленъ въ путь. Для служенія панихидъ и чтенія Евангелія при гробѣ отправлены были бѣжецкій архимандритъ Макарій, домовый архіерейскій духовникъ іеромонахъ Іоакимъ и священникъ поволадожской соборной церкви Евдокимовъ; а «для всякаго въ пути безопаснаго провожденія» новгородскаго казеннаго приказа секретарь И. Верещагинъ.

18 сентября въ 5 часу вечера погребальное судно прибыло въ Новгородъ и остановилось въ виду антоніева монастыря. Утромъ на другой день все духовенство собралось у антоніева монастыря на берегу Волхова для печальной встрѣчи почившаго пастыря. Тѣло съ торжественностію было поднято и поставлено въ антоніевской паперти. 20 сентября тѣло перенесено въ софійскій соборъ съ обычною церемоніею, а послѣ литургіи, которую совершалъ архіепископъ Іосифъ, погребено въ южной сторонѣ софійскаго собора, подлѣ тѣла Іова митрополита.

XXXVII.

Завѣщаніе Ѳеофана.

Одръ умирающаго архипастыря окружали довѣреннѣйшія лица духовнаго сана. Чувствуя приближеніе смерти, Ѳеофанъ объявилъ имъ свое завѣщаніе, которое съ словъ его написано было однимъ изъ приближенныхъ, но котораго онъ не успѣлъ скрѣпить своею подписью «за тяжкою своею болѣзнію и за конечною при смерти невозможностію». Вручая преосвященному Питириму реестръ своихъ наслѣдниковъ, онъ въ особенности просилъ объ учащихся дѣтяхъ—дать имъ способы продолжать образованіе и поручить ихъ людямъ, достойнымъ довѣрія, пока они сами придутъ въ совершенный возрастъ и разумъ. Безъ сомнѣнія эти-то дѣти и составляли все его утѣшеніе въ жизни. Онъ набралъ ихъ изъ простаго состоянія и воспитывалъ на счетъ каоедры, жертвуя многимъ и изъ собственнаго достоянія. Такъ какъ они были не изъ фамильныхъ, то онъ самъ давалъ имъ прозванія сообразно съ усмотрѣнными въ нихъ склонностями, или по наружности, или по случаю какому нибудь. У него были и Барашко, и Бурмистръ, и Сурикъ, и Утенокъ, Алхимистъ, Сычъ, Свѣтлой, Орѣшко, Типикъ и пр.: и этихъ-то сиротокъ (большею частью) онъ воспиталъ и сдѣлалъ своими наслѣдниками.

Вотъ его завѣщаніе.

«Во имя Отца и Сына и Св. Духа.

Остаются послѣ насъ персональные наслѣдники въ слѣдующихъ *статьяхъ*.

Первая: интендантъ Илія Ксиландеръ и жившій при келліи питомецъ Семенъ Ивановъ; *вторая:* Михайло Павловъ, Иванъ секретарь, Яковъ Осиповъ и Мартиніанъ Шенинъ; *третья:* Григорій Барашко, Петръ Бурмистръ, Иванъ Сурикъ, Алексѣй Утенокъ; *четвертая:* Яковъ Алхимистъ, Иванъ Сычъ, Оедоръ Свѣтлой; *пятая:* Трофимъ Ульяновъ, Серіѣй духовный отецъ, Ульянъ Калмыкъ, Павелъ Калмыкъ и Василій Орѣшко; *шестая:* Иванъ Калмыкъ, Никита Савельевъ, Антонъ Калмыкъ и Андрей

Типикъ; *седьмая*: Иванъ Андреевъ, Прокофій Макарьевъ, Несторъ Дмитріевъ, священникъ карповской церкви, пономарь и дьячекъ той же церкви. На повседневную праздничную службу и на всякія въ тую церковь потребности и убранства церковные во весь годъ. На достройку приморской мызы. Служитель Иванъ Степановъ».

Въ дѣлѣ архива св. Синода о смерти преосвященнаго Оеофана находятся слѣдующіе реестры его недвижимаго и движимаго имущества.

1) Реестръ персональнымъ его преосвященства домамъ и библіотекѣ.

1) Въ Москвѣ, на мясницкой улицѣ, домъ каменный по доходу въ 7000 р.; 2) въ С.-Петербургѣ деревянный домъ близъ Карповки 9500; 3) приморскій домъ каменный 5000; 4) домъ каменный погорѣлый на адмиралтейской сторонѣ по теперешнему виду въ 1000 р.; 5) библіотека 4500 рублей.

2) Реестръ персональнымъ его преосвященства вещамъ и домочнымъ деньгамъ.

1) 149 картинъ, писанныхъ масляными красками, въ 500 р.; 2) трость морская съ камешками алмазными; 3) стѣнные часы 40; 4) сфера мѣдная 150; 5) четверо солнечныхъ часовъ—100; 6) два глобуса—50; 7) деньги съ персональныхъ московскихъ вотчинъ домочные съ 1732 года—1180 р.; 8) съ села Ильенъ хлѣба 86 четвертей, денегъ 100 р.; 9) выходныхъ три лошади—70 рублей [1]).

Сентября 20 предъявилъ право на долю въ имѣніи преосвященнаго Оеофана домовый служитель его Великодный. Въ прошеніи, поданномъ св. Синоду, онъ объяснилъ, что «по собственноручному опредѣленію покойнаго преосвященнаго Оеофана велѣно ему, по женидьбѣ его, давать изъ персональныхъ его прео-

---

[1]) На подлинномъ завѣщаніи по статьямъ приписано такъ: «1736 г. сентября 8 числа, по прошенію преосвященнаго Оеофана, архіепископа новгородскаго, сіе завѣщаніе и нижеписанные реестры Питиримъ, архіепископъ нижегородскій, подписалъ своеручно. При ономъ преосвященнаго Оеофана, а. и., прошеніи были и слышали архимандриты александроневскій Стефанъ и новоспасскій Иакодимъ».

«При томъ-же преосвященный Оеофанъ просилъ ихъ, дабы изъ вышеписаннаго учинено было награжденіе и духовнику его преосвященства, исакіевскому протопопу Василью Терлецкому».

священства доходовъ на всякій годъ (съ ноября 1734 года) до пяти лѣтъ, по 120 рублей и хлѣба ржи по 15 четвертей, да изъ казенныхъ доходовъ денегъ по 15 руб. и хлѣба по 15 четвертей. А ежели-бы, по волѣ Божіей, опое пятилѣтнее время предварилъ конецъ жизни его преосвященства, получать ему, до истеченія пятилѣтняго срока, все то изъ персональныхъ его преосвященства пожитковъ». Великодный представилъ копію съ собственноручнаго опредѣленія Ѳеофана, изъ которой видно, что преосвященный опредѣлилъ своему питомцу, въ день вступленія его въ бракъ, эту помощь по своей отеческой милости.—«Только жъ опредѣленіе сіе — сказано въ царственной запискѣ Ѳеофана — не просто, но въ слѣдующихъ договорахъ заключается, а именно: 1) чтобы онъ служилъ намъ въ экономическихъ дѣлахъ, въ чемъ ему отъ насъ указано будетъ, радѣтельно и вѣрно и не забывалъ-бы, отъ кого и каковъ принятъ онъ и воспитанъ; 2) брачное съ женою свое сожитіе проводилъ-бы въ постоянной и неложной любви, честно и нескверно; тожъ внушаемъ и женѣ его Параскевѣ, и не было-бы имъ никогда причины до развода; 3) подаянія нашего, здѣ опредѣляемаго, употреблялъ-бы на нѣкій честный и правильный промыслъ, а не расточалъ-бы бездѣльно и безумно; 4) жилъ-бы трезвенно и въ страхѣ Божіи, и со всѣми кротко и неблазненно обходился-бы и прилежно-бы опасался, чтобы ни отъ кого на него не только управы судебной не требовано, но и напраснаго нареканія не было, и для того твёрдилъ-бы и женѣ своей твердить приказывалъ-бы христіанскія наставленія, каковыя отъ насъ питомцамъ нашимъ написаны и другіе, что и напечатаны; 5) Юстину Григорьевну, жены его бабку, почиталъ-бы вмѣсто матери и всякое возможное пропитаніе и потребное здравію ея вспомоществованіе чинилъ-бы, опасаясь и малаго ей оскорбленія. И если вышеписанные договоры исполнять онъ будетъ: то и опредѣленное наше ему благодѣяніе исполнять будемъ. А ежели онъ Иванъ знатно договорныя сія завѣщанія наши нарушитъ, то самъ-же онъ и отъ опредѣляемыхъ симъ благодѣяній отщетитъ себя». Св. Сѵнодъ приказалъ отпускать ему показанное содержаніе по прежнему, какъ было при преосвященномъ Ѳеофанѣ.

Въ ноябрѣ 1736 года изъ Кабинета объявленъ высочайшій

указъ, чтобы всѣ тѣ деревни, которыя были новгородскому архіерею Ѳеофану на собственную его персону пожалованы, или инымъ какимъ образомъ къ нему пришли, отписать на ея императорское величество, и изъ оныхъ шгерманландскую приписать ко дворцу, а прочія отдать въ тѣ мѣста, гдѣ оныя до отдачи помянутому архіерею были вѣдомы».

Въ 1737 году высочайшимъ именнымъ указомъ, даннымъ св. Суноду 27 октября, велѣно оставшіяся послѣ покойнаго архіепископа Ѳеофана книги отдать, съ подлиннымъ описаніемъ, въ александровскій монастырь, которыя убравъ содержать въ томъ монастырѣ въ особливыхъ палатахъ, не смѣшивая съ другими монастырскими книгами [1]).

Пока длилось дѣло по завѣщанію, самое имѣніе тратилось и расхищалось. Самое большое усердіе въ этомъ дѣлѣ показалъ интендантъ Ѳеофанова дома, бывшій воспитанникъ его, Илья Ксиландеръ, въ ту пору уже семейный человѣкъ и имѣвшій деревеньку. Послѣ смерти Ѳеофана ему поручено было отъ Сунода завѣдывать всѣми дѣлами по дому и по школѣ, вести приходы и расходы. Ксиландеръ воспользовался этимъ случаемъ, чтобы обратить кое-какія неприбранныя вещи въ свою собственность [2]). Другіе также приложили руки. Генералъ маіоръ Измайловъ, составлявшій съ майоромъ Перфильевымъ описи имѣнію, также взяли себѣ кое-что изъ цѣнныхъ вещей. Князь Черасскій велѣлъ принесть къ себѣ 5—6 масляныхъ картинъ.

Наконецъ, ужъ спустя 4 года послѣ смерти Ѳеофана, вспомнили, что пора исполнить завѣщаніе. Государыня дала указъ *Тайной канцеляріи* (странный выборъ душеприкащика): «оставшіе послѣ покойнаго новгородскаго архіепископа Ѳеофана пожитки лежатъ въ разныхъ мѣстахъ многое время и гніютъ напрасно, а иныхъ бывшій при немъ служитель Илья Борисовъ къ себѣ захвативъ утаилъ,—которые по учиненному онаго архіепископа завѣщанію надлежитъ роздать наслѣдникамъ, въ томъ завѣщаніи написаннымъ. А понеже упомянутыхъ вещей каждому по пропор-

---

[1]) Дѣло архива св. Сунода, 1736 г. о смерти Ѳеофана.

[2]) Въ реестрѣ вещей, захваченныхъ Ліею, показаны: органикъ маленькой орѣховый, заморская кровать съ завѣсами, ароматникъ фарфоровый въ золотой оправѣ и пр. Илья сознался, что утаилъ ихъ.

ціи раздѣлить невозможно, того ради указали мы оные его пожитки (кромѣ св. образовъ, книгъ и инструментовъ), въ томъ числѣ и отъ Ильи Борисова (Ксиландера) взявъ, собрать въ одно мѣсто и оцѣня продать аукціоннымъ обыкновеніемъ, и взятые за нихъ деньги, справясь съ вышеупомянутымъ завѣщаніемъ онаго архіепископа, по росписанію раздать наслѣдникамъ его, кому сколько по пропорціи той продажи надлежитъ. И повелѣваемъ нашей канцеляріи конфискацій учинить по сему нашему указу. А образа св. раздать по церквамъ, а книги для обученія школьниковъ въ невской семинаріи, а инструменты въ Де-Сіансъ Академію. Анна. Сентября 6. 1740 года».—Въ апрѣлѣ 1741 года всѣ пожитки Ѳеофана «аукціоннымъ обыкновеніемъ проданы и во опредѣленныя мѣста розданы, а взятыя за нихъ деньги какъ показаннымъ въ завѣщаніи онаго покойнаго Ѳеофана архіепископа наслѣдникамъ, бывшимъ въ семинаріи семинаристамъ, такъ и другимъ на поминовеніе души его, по росписанію его преосвященства, съ надлежащими расписками розданы». Ризница его и домъ на Карповкѣ пожалованы преемнику его, новгородскому архіепископу, Амвросію Юшкевичу.

XXXVIII.

Послѣдующая судьба лицъ, вошедшихъ или вовлеченныхъ въ процессъ съ Ѳеофаномъ.

1. Ѳеофилактъ Лопатинскій.

Дѣло Ѳеофилакта, — разосланныхъ по монастырямъ епископовъ, — Маркелла Родышевскаго — и прочихъ лицъ, вовлеченныхъ въ процессъ съ Ѳеофаномъ, не кончилось со смертію Ѳеофана; потому что, съ нимъ не умерла систематическая, неустанная, ничего нещадившая вражда противъ принциповъ, выражаемыхъ и защищаемыхъ названными лицами. Представительницею и какъ бы живымъ выраженіемъ, осуществленіемъ этихъ принциповъ, была *Елисавета*, русская всѣмъ складомъ своей души, дочь Велика-

го Государя, одно воспоминаніе о которомъ приводило въ движеніе всѣ струны русскаго сердца. Народъ и во главѣ его духовенство во все царствованіе Анны не могли забыть оскорбленія, нанесеннаго имъ чрезъ предоставленіе полной власти иностранцамъ. Бирономъ и Остерманъ, съ своей стороны, не могли простить этого народу и духовенству и старались задавить силою всѣ — гдѣ бы ни возникали — проявленія русскихъ симпатій къ надеждѣ русскаго народа — дочери Петра. Ѳеофанъ только пользовался ими, какъ орудіемъ для своихъ цѣлей. Но и послѣ его смерти его, враждебная сила, направленная противъ его недоброжелателей и враговъ, осталась и продолжала свое дѣло съ своею обычною настойчивостію.

Всѣ арестованные по подозрѣніямъ Ѳеофана содержались въ крѣпости, за исключеніемъ Ѳеофилакта, который хотя и жилъ на своемъ подворьѣ, но не смѣлъ ни выдти, ни выѣхать безъ караульныхъ солдатъ. Въ декабрѣ 1736 года изъ Кабинета передали дѣло его въ Тайную канцелярію, а вслѣдъ за тѣмъ и его самаго перевели въ крѣпость. 1737-й годъ прошолъ сравнительно спокойно и заключенные уже возъимѣли было надежду, что скоро наступитъ конецъ ихъ страданіямъ, какъ вдругъ разразилась надъ ними нежданная гроза.

Къ винѣ Ѳеофилакта ничего не прибавилось послѣ смерти Ѳеофана; а между тѣмъ въ декабрѣ 1738 года, подъ вліяніемъ смутныхъ обстоятельствъ того времени — заговора Долгорукихъ и казни Волынскаго — состоялось объ немъ въ Кабинетѣ ужасное опредѣленіе. — «По слушаніи взнесеннаго изъ Тайной канцеляріи экстракта изъ дѣлъ о тверскомъ архіепископѣ Ѳеофилактѣ Лопатинскомъ разсуждено, что помянутый архіерей Ѳеофилактъ, по обстоятельству производимаго съ прочими о немъ дѣла, явился въ важныхъ винахъ; но при слѣдствіи нетокмо о тѣхъ своихъ винахъ не принесъ чистой повинной, но коварно въ томъ себя закрывалъ; ибо вѣдая, что имѣлъ онъ съ монахомъ Осипомъ, нынѣ разстригою Ивапомъ Рѣшиловымъ, письменную корреспонденцію, къ тому же и персонально съ нимъ непристичныя рѣчи, каковы въ тѣхъ ихъ письмахъ явствуютъ, говаривалъ, и отъ Рѣшилова слыхалъ — на посланные къ нему имянные указы съ явною безсовѣстною лжею объявлялъ, что того будто бы не бывало; но когда тѣ его безсовѣстные отвѣты письмами Рѣшилова явно были

обличены, тогда никакого уже оправданія онъ не принесъ, кромѣ отговорки, что прежде не объявилъ онъ якобы отъ безпамятства; когда и потомъ, сверхъ онаго, по слѣдствію о происходимыхъ отъ него важныхъ непристойныхъ словахъ и нареканіяхъ явно показалось, — онъ и въ томъ въ отвѣтахъ вину свою скрывалъ, паче же присягою предъ всемогущимъ Богомъ съ клятвою себя въ ономъ утверждалъ и ни о чемъ на себя и на другихъ не показалъ и въ томъ подъ присягою своеручно подписался; но послѣ того по отвѣту его явно означилось, что оную присягу учинилъ онъ умышленно ложно, дабы тѣмъ закрыть нижеобъявленныя вины свои; ибо самъ онъ, Ософилактъ, показалъ, что по словеси апостольскому всякому прекословію кончина клятва есть, и потому думалъ, что оною учиненною имъ присягою дѣло о немъ кончилось; но по слѣдствію въ Тайной канцеляріи онъ явно явился въ злоумышленныхъ, непристойныхъ и продерзостныхъ разсужденіяхъ и нареканіяхъ, въ чемъ самъ винился въ распросѣ. За оныя важныя вины надлежитъ лишить его архіерейства и всего священнаго и монашескаго чина, и за надлежащимъ карауломъ послать его въ Выборгъ и содержать тамъ въ замкѣ, называемомъ Германъ, до смерти его никуда не исходно, подъ крѣпкимъ карауломъ, не допуская къ нему никого, такожъ бумаги и чернилъ ни для чего ему отнюдь давано бъ не было, и для караула опредѣлить изъ выборгскаго гарнизона унтеръ-офицера и солдатъ шесть человѣкъ, выбравъ добрыхъ и надежныхъ людей безпремѣнно, которымъ отъ него никуда не отлучаться и никому ни о чемъ отъ него чрезъ тѣхъ караульныхъ сообщаемо бъ отнюдь не было, и въ томъ во всемъ имѣть крѣпкое смотрѣніе выборгскому оберъ-коменданту самому; а во время содержанія онаго Ософилакта на пропитаніе давать ему по гривнѣ на день изъ доходовъ выборгской провинціи. А имѣющуюся въ Твери въ домѣ архіерейскомъ онаго Ософилакта библіотеку и весь собственный его скарбъ, описавъ, взять въ Тайную канцелярію, и потомъ доложить объ этомъ въ Кабинетѣ; а взятыя въ Тайную канцелярію у купца Ивана Корыхалова собственныя, помянутаго Ософилакта, деньги оставить на случающіеся въ Тайной канцеляріи по секретнымъ дѣламъ расходы».

Измученный допросами и очными ставками, Ософилактъ близокъ былъ къ смерти. Обезпокоенный этимъ оберъ-комендантъ

выборгской крѣпости, генералъ маіоръ Быковъ, требовалъ иструкціи, какъ поступить съ нимъ въ крайнемъ случаѣ? Тайная канцелярія предписала: «для исповѣди онаго Лопатинскаго и по достоинству для сообщенія св. Таинъ, священника къ нему допустить, токмо оному священнику, прежде допущенія его къ Лопатинскому, объявить, дабы онъ, кромѣ надлежащей исповѣди, другихъ постороннихъ никаковыхъ разговоровъ отнюдь не имѣлъ, и о дѣлѣ его, по которому онъ сосланъ, у него не спрашивалъ. А если, паче чаянія, оный Лопатинскій умретъ, то мертвое его тѣло похоронить въ городѣ при церкви по обыкновенію, какъ мірскимъ людямъ погребеніе бываетъ, безъ всякой церемоніи».

Страданія Ѳеофилакта этимъ не кончились. Въ маѣ 1739 года послѣ того, какъ разослали всѣхъ лицъ, прикосновенныхъ къ его дѣлу, нашелся еще доносчикъ на него, бывшій иподіаконъ тверскаго архіерейскаго дома, Гурій Лукинъ. Обиженный въ чемъ-то Ѳеофилактомъ онъ нашелъ теперь удобное время выместить на немъ свою обиду и указалъ на близкихъ къ нему и пользовавшихся его довѣріемъ лицъ—иподьякона Никифора Семенова и келейника Петра Иванова, что они все должны знать про Ѳеофилакта: а келейникъ, кромѣ того, мастеръ писать полууставомъ. Тайная канцелярія приказала взять оговоренныхъ въ С.-Петербургъ, а въ домахъ ихъ все обыскать и забрать въ Тайную канцелярію. Въ Выборгъ положено было послать секретаря Тайной канцеляріи, Хрущова, съ приказомъ снова накрѣпчайше распросить Лопатинскаго (14 мая, 1739 года).

Неизвѣстно, какія вѣсти привезены были изъ Выборга. Но меньше чѣмъ черезъ двѣ недѣли (25 мая 1739 года) состоялось высочайшее повѣленіе взять Лопатинскаго снова въ Тайную канцелярію. Все это дѣлалось съ величайшимъ секретомъ. Въ народѣ никто не зналъ навѣрное, что онъ живъ: всѣ говорили, что завезенъ куда-то въ ссылку и тамъ умеръ.—Ѳеофилактъ оставался въ крѣпости до 31 декабря 1740 года.

Въ одно время съ Ѳеофилактомъ рѣшена участь монаха *Аліпія* котораго Рѣпиловъ съ Маевскимъ шутя постригли въ монашество. Въ 1736 году 16 іюня, послѣ предварительныхъ допросовъ въ Сунодѣ, его лишили монашества и передали въ Тайную канцелярію. Тайная канцелярія приказала допрашивать его съ ды-

бы. Несчастный висѣлъ на дыбѣ, съ изломанными руками, пока не далъ показанія на семьдесятъ шесть вопросовъ. Въ заключеніе пытки, продолжавшейся едва не цѣлый день, дано ему двѣнадцать ударовъ. Въ 1738 году 13 декабря Государыня подписала приговоръ Тайной канцеляріи, рѣшившій его участь: «разстригу Александра Давыдова, который, по приказу помянутаго Ософилакта, переписывалъ у него набѣло сочиненное имъ возраженіе (противъ Буддея) и постриженъ въ монахи въ противность св. правилъ, Духовнаго Регламента и указовъ, сослать въ Сибирь на житье вѣчно, за надлежащимъ карауломъ».

---

2. Рѣшиловъ и Маевскій.—Процессъ Дудина.

Рѣшиловъ, какъ мы уже знаемъ, свалилъ все съ своихъ плечъ на головы Θеофилакта и Маевскаго. Болтливость однакожъ не спасла его отъ истязаній Тайной канцеляріи. Его пытали нѣсколько разъ. Во все время истязаній онъ содержался въ крѣпости, получая на содержаніе по 3 коп. въ сутки.

Маевскаго держали сначала подъ карауломъ въ Сунодѣ. Несчастный думалъ, что этимъ и кончится его дѣло. «Сунодъ — говаривалъ онъ — стращаетъ меня Тайной канцеляріей; но Государыня не велѣла отсылать меня въ Тайную канцелярію». Въ этой надеждѣ онъ жилъ довольно весело; зазывалъ къ себѣ сосѣдей изъ колодниковъ же, сунодскихъ канцеляристовъ, пѣвчихъ: «и пивали и пѣвали». Выпивши, Маевскій «и пооретъ и покричитъ не вѣсть что» (показаніе Аввакума): все съ рукъ сходило. Но дошли и до него печальные дни.

Исподоволь знакомили его съ Тайной канцеляріей. Въ 1736 году 14 апрѣля Θеофанъ писалъ къ Дудину: «сего числа пополуночи въ 12 часу былъ у меня превосходительный г. генералъ и кавалеръ А. И. Ушаковъ и требовалъ, дабы, по нѣкоей важной винѣ, Маевскаго изъ св. Суноца отдать на время его превосходительству въ Тайную канцелярію. Того ради благородіе ваше извольте онаго Маевскаго, когда отъ его превосходительства потребуется, въ помянутую Тайную канцелярію отослать, а для

отвезенія его, дабы о немъ никто не зналъ, будетъ стоять у Синода домовая паша покрытая коляска». Вскорѣ послѣ того, 7 мая, лишили его священства и монашества [1]), а 10 іюня въ Кабинетѣ состоялось опредѣленіе: «такъ какъ Маевскій по дѣлу остался въ важномъ подозрѣніи и по слѣдствію о нѣкоторомъ извѣстномъ подметномъ письмѣ признается весьма подозрительнымъ, то изъ подлинной правды розыскивать имъ, и при розыскахъ о сочиненіи и о подкидываніи имъ (вмѣстѣ съдругими, о которыхъ рѣчь будетъ ниже) объявленнаго подлиннаго письма и въ говореніи нѣкоторыхъ словъ (о которыхъ мы знаемъ изъ дѣла Рѣшилова) спрашивать накрѣпко».

Рѣшиловъ ужъ довольно оговорилъ его. Не успѣлъ Іоасафъ отдѣлаться отъ его паговоровъ, какъ судьба послала ему другаго доносителя, который навлекъ на него и на многихъ другихъ лицъ, запутанныхъ въ это дѣло, ужаснѣйшія страданія.

Въ 1735 году посадскій человѣкъ въ городѣ Вышнемъ Волочкѣ, Михаилъ Сердюковъ, привелъ къ бывшему у розыскныхъ дѣлъ прапорщику Зыкову малороссіянина Василія Козьменку, уличеннаго въ забраніи подъ его (Сердюкова) имя у разныхъ людей товару и денегъ и въ кражѣ нѣкоторыхъ вещей. Паспорта у Козьменки не оказалось: вмѣсто того нашелся бѣлый листъ, запечатанный дворцовою петергофскою печатью. По приводѣ къ розыскнымъ дѣламъ, Козьменка не сознался ни въ кражѣ, ни въ забраніи денегъ на имя Сердюкова, но по уличеніи бѣлымъ листомъ, сознался въ нѣкоторыхъ преступленіяхъ. Жилъ онъ въ Петергофѣ у инспектора Петра Арнарда Арнардера писаремъ и, улучивъ минуту, приложилъ на двухъ бѣлыхъ листахъ городскую петергофскую печать, съ тѣмъ, чтобы въ случаѣ нужды, воспользоваться ими для написанія фальшивыхъ паспортовъ, и на одномъ уже и написалъ, подведши подъ руки его, Арнардера, и другихъ чиновниковъ. Изъ-подъ караула какъ-то удалось ему убѣжать, но онъ снова былъ пойманъ и повинился во всемъ. Вышневолоцкая розыскныхъ дѣлъ канцелярія присудила имъ розыскивать: но предъ пыткою Козьменка сказалъ за собою «слово и дѣло». Это была обыкновенная уловка подсудимыхъ, ко-

[1]) Дѣла арх. св. Синода 1736 г. № 48.

торые хотѣли отдалить пытку, объявивъ за собою государево слово. Слово его состояло въ томъ, что онъ знаетъ «о письмахъ за высокими персонами, которыя письма пристойны къ возмущенію бунта». Обо всемъ этомъ онъ хотѣлъ объявить въ Тайной канцеляріи.

Въ 1731 или 1732 году — показалъ онъ потомъ — прибылъ онъ въ Тверь и пришелъ къ архимандриту Іоасафу. Тутъ встрѣтилъ его келейникъ Іоасафа, племянникъ его, Андрей Масалаевъ и привелъ къ архимандриту. Козьменка тоже былъ родственникомъ Маевскаго. Архимандритъ угостилъ его хлѣбомъ-солью. Вечеромъ, сидя за ужиномъ, Іоасафъ говорилъ бывшему тутъ іеромонаху Исаіи: «кого еще искать? Онъ (Козьменка) сдѣлаетъ намъ это лучше (Масалаева) Андрея». Для Козьменки этотъ разговоръ былъ пока загадкою. Но дня чрезъ два Масалаевъ объяснилъ ему, что архимандритъ хочетъ сдѣлать ему порученіе: не можетъ ли онъ написать письмо полууставомъ? «Для чего жъ — могу сдѣлать». Исаія выразилъ было сомнѣніе: можно ли на него надѣяться? Но Маевскій сказалъ: «надѣйся на него, все равно какъ на меня, проносу не будетъ, потому что онъ еще впервые въ великой Россіи и никого не знаетъ». Послѣ этихъ рѣчей Маевскій и Исаія стали говорить ему: «перепиши ты намъ письмо полууставомъ, за что мы тебя наградимъ; только когда ты станешь такое письмо писать, не моги ты никому объявить, иначе погубишь себя и насъ». «Что это за письмо?» — спросилъ Козьменка. «А такое письмо, которое надобно потихоньку во дворецъ ея императорскому величеству снесть»—отвѣчали ему. «Въ какую силу»—спросилъ Козьменка. Исаія въ перѣшимости спросилъ у Маевскаго: «сказать ему или нѣтъ?» Маевскій отвѣчалъ: «вѣдь я сказывалъ тебѣ, что его не опасайся». Послѣ этого Исаія объявилъ, что «это письмо надо тихонько поднимуть, потому что въ немъ писаны важныя и великія государственныя дѣла. Какъ станешь писать, то и самъ увидишь. У насъ есть и свой писецъ, только его руку многіе знаютъ». Козьменка отвѣчалъ: «такого письма я писать не буду, давайте кому хотите». Маевскій и Исаія стали его упрашивать: «пожалуй напиши, вѣдь твое какое дѣло—написалъ, да и поѣхалъ въ Малороссію, а мы дадимъ тебѣ на дорогу 30 руб. денегъ, а если хочешь, то и напередъ возьми». Не смо-

тря на это обѣщаніе, Козьменка сталъ настойчиво отказываться. Тѣ въ свою очередь сказали ему: «какъ ты хочешь, мы это такъ тебѣ сказали, у насъ есть и свой писецъ, и безъ тебя напишетъ; а ты только не болтай объ этомъ никому — мы съ тобой пошутили». Съ тѣмъ Козьменка и ушелъ. Пришедши на другой день къ архимандриту, онъ постучалъ въ переднюю дверь — заперто; зашелъ со двора въ другія двери и, войдя въ переднюю, увидѣлъ, что Масалаевъ при свѣчѣ пишетъ что-то на большомъ листѣ. Тотъ, заслышавъ шаги, погасилъ свѣчу и написанный листъ спряталъ за себя, а на него закричалъ: «что тебя такъ рано принесло? Развѣ ты не знаешь, что еще всѣ спятъ? И заспуть-то отцу архимандриту не дадите. Ступай, придешь въ другое время». Заслышавъ эту перебранку, архимандритъ вышелъ изъ спальни и закричалъ на Масалаева: «что ты тутъ расшумѣлся, дѣлай свое дѣло». «Я было и сталъ дѣлать, да Козьменка помѣшалъ». «А для чего не заложилъ дверей на крюкъ?» «Заперты были, да онъ въ задніе прошелъ». Послѣ этого архимандритъ сказалъ Козьменкѣ: «ты впредь не учись такъ дѣлать: коли заперто, такъ подожди». По разговору оказалось, что Козьменка пришелъ за своимъ дѣломъ, собирался въ С.-Петербургъ и просилъ на дорогу денегъ. Архимандритъ далъ денегъ и провизіи на дорогу, а къ слову прибавилъ: «не болтай, о чемъ просилъ тебя Исаія: вѣдь онъ смѣялся».

Козьменкѣ показали роковое полууставное письмо. Глядя на него, Козьменка сказалъ, что это «писалъ Масалаевъ, только отъ своего почерка много скрадывалъ. Развѣ не писалъ ли онъ вмѣстѣ съ Жуковымъ (тверскимъ канцеляристомъ), потому что Жуковъ переписывалъ Маевскому кой-какія бумаги». Позвали къ допросу Масалаева. Масалаевъ сначала ни въ чемъ не сознался, сказавъ, что за давнопрошедшимъ временемъ не помнитъ; но по приводѣ въ застѣнокъ, съ подъему на виску, сказалъ, чтобъ его спустили и дали подумать. Его спустили. Масалаевъ сталъ припоминать. «Предъ Маевскимъ судьею тверскаго архіерейскаго дома былъ архимандритъ Александръ—онъ ужъ умеръ; но послѣ него остался племянникъ Стефанъ Миссовъ, который писывалъ Маевскому уставомъ разныя латинскія задачи: не писывалъ ли онъ, по приказу Маевскаго, чего-нибудь другаго? Больше ничего сказать за собою не знаетъ». Миссовъ былъ бѣдный школьникъ, котораго

Маевскій (какъ сироту) отдалъ въ школу въ Москву, содержалъ и принималъ къ себѣ на каникулы. Миссовъ показалъ, что онъ переписывалъ для Іоасафа Ѳеофилактовы проповѣди и латинскія тетради въ защиту «Камня Вѣры» противъ Буддея. Съ школьника что̀ взять? Высѣкли и отпустили. За Жуковымъ тоже ничего не нашли и отпустили.

Но въ то время, какъ пытали этихъ прислужекъ Маевскаго, ему самому доставалось больнѣе всѣхъ. Все, что̀ ни показывали на него, не казалось прочнымъ до тѣхъ поръ, пока онъ самъ во всемъ не признается. Ушаковъ велѣлъ привесть его въ застѣнокъ. Во время розыска Маевскій сознался, что Козьменка точно былъ у него въ Твери и приключился въ такую пору, когда Ѳеофилактъ озабоченъ былъ сочиненіемъ противъ Буддея и хотѣлъ писать къ царскому духовнику Варлааму, чтобы тотъ выпросилъ ему позволеніе писать, да еще велѣлъ сыскать нѣкотораго писца въ Москвѣ, котораго онъ, Маевскій, и сыскалъ, только имени его не упомнитъ. Тутъ къ слову и спросилъ онъ у Козьменки: «не мастеръ ли онъ писать полууставомъ и не возмется ли переписать сочиненную имъ, преосвященнымъ, книгу?» Когда же Козьменка отказался, то онъ наказывалъ ему никому не говорить объ этой книгѣ, потому что этого дѣла никто не знаетъ.

Тайной канцеляріи это объясненіе показалось недостаточно. Маевскаго привели въ застѣнокъ въ третій разъ. Съ розыску онъ показалъ, что съ Козьменкою была у него рѣчь о письмѣ со словъ Ѳеофилакта. Написавши книгу противъ Буддея, Ѳеофилактъ собирался написать письмо къ племяннику покойнаго митрополита Стефана, Яворскому, и попросить его: «не можетъ ли черезъ жену свою, урожденную Козловскую, и жившую при домѣ царевны Екатерины Ивановны, выпросить позволеніе на изданіе той книги? Въ этой силѣ онъ и говорилъ, что письмо надо отнесть во дворецъ».

Показанія Маевскаго по видимости сходились съ показаніями Козьменки и Ясинскаго, однакожъ по существу шли въ разныя стороны. Кто жъ правъ и кто виноватъ? Тайная канцелярія рѣшила еще разъ попытать допощиковъ, а ужъ потомъ, если они останутся при своихъ показаніяхъ, приняться за Маевскаго съ Масалаевымъ окончательно. Козьменку и Ясинскаго (бывшаго

Исаію) привели въ застѣнокъ; оба утверждались на своихъ прежнихъ показаніяхъ. Стало быть Масалаевъ и Маевскій скрываютъ дѣло.

Ушаковъ объявилъ Маевскому въ послѣдній разъ, чтобы онъ ни начто не надѣялся и, оставя свои вымышленныя отговорки, принесъ чистую повинную. Маевскій утверждался на прежнихъ показаніяхъ. «Послѣ того, по прошествіи четверти часа, Маевскій поднятъ на дыбу и вожень по спицамъ три четверти часа; а съ подьему на дыбу и съ вожденія по спицамъ говорилъ тоже, какъ выше показано, и въ томъ утвердился. И по прошествіи трехъ четвертей часа усмотрѣно по состоянію его, Маевскаго, что въ себѣ слабъ сталъ и болѣе по спицамъ не вожень и съ дыбы спущенъ» (16-го ноября 1736 г.).

Послѣ передачи въ Тайную канцелярію, Маевскій и другіе подсудимые содержались въ крѣпости, отдѣльно другъ отъ друга, каждый въ своемъ казематѣ [1]). Въ крѣпости колодники не видывали другъ друга, развѣ на очныхъ ставкахъ. Но до крѣпости, въ сунодальномъ караулѣ, они жили свободнѣе и хаживали другъ къ другу. Но даже случайное вмѣшательство въ эту печальную исторію, одно прикосновеніе къ кому-нибудь изъ дѣйствующихъ лицъ, навлекало подозрѣнія въ соучастіи и потомъ страданія на множество лицъ.

Изъ процесса Рѣпилова мы узнаемъ сосѣдей и пріятелей Маевскаго по караулу. Тутъ были всякіе люди — чиновные и не-

---

[1]) Казематы считались по нумерамъ (1, 2, 3 и т. д.), а нумера по мѣстностямъ: отъ васильевскихъ воротъ,—на монетномъ дворѣ,—отъ монетнаго двора, — въ Старой Трезинной, — подъ Флагомъ (въ одномъ изъ этихъ нумеровъ содержался Давыдовъ)—отъ Флага—у Невскихъ воротъ (содержался Барсовъ), у Ботика,—у Петровскихъ воротъ. По другой записи 1735 г. встрѣчаемъ другія названія: въ старой аптекѣ, въ старой Тайной, у кронверкскихъ воротъ (содержался Коллети), въ банѣ (содержался Родышевскій), противъ магазейновъ. Кормовыя деньги отпускались разно: Ѳеофилакту по 10 к. въ день, Колетію по 6 к., Родышевскому по 4 к., Маевскому, Рѣпилову и Аввакуму по 3 коп, Масалаеву и Яснискому по 2 к. Деньги эти, какъ и все содержаніе канцеляріи, заимствовались изъ отписнаго имѣнія у лицъ подсудимыхъ въ Тайной канцеляріи. Изъ этихъ же денегъ содержались канцелярія и заплечный мастеръ.

чиновные: высокопетровскій архимандритъ Аввакумъ Львовъ, торопецкій небинскій архимандритъ Авраамій, пиловскій игуменъ Авраамій, да съ Вѣтки раскольницкій казначей монахъ Павелъ. Всякій разсказывалъ свое горе. «Вотъ я здѣсь страдаю—говорилъ торопецкій архимандритъ — по дѣлу попа Луки: завязался съ торопецкими посадскими людьми, руку прикладывалъ, а къ чему — самъ не вѣдаю». Тутъ не было интереса для разговоровъ, когда самъ виновный мало зналъ вину свою; ктому жъ онъ былъ большой постникъ, вина не пилъ, а пилъ только квасъ и воду.—Пиловскій игуменъ пастригъ молодыхъ монаховъ. Сунодъ велѣлъ разстричь ихъ. Въ братіи произошло смятеніе. Въ ту пору въ пиловской пустынѣ жилъ на покоѣ бывшій корельскій епископъ Ааронъ: братія бросились къ нему съ просьбою—написать прошеніе Императрицѣ. Ааронъ написалъ. Государыня отдала прошеніе Ѳеофану—и пошла переборка.—Раскольничій монахъ Павелъ жаловался на бѣглаго архимандрита Епифанія, который Сунодомъ назначенъ былъ въ ссылку и убѣжалъ въ расколъ. Все у нихъ было мирно и спокойно, пока не пришелъ этотъ Епифаній. «Приняли его — нажили бѣды: нашли русскіе офицеры и солдаты, все забрали и церковь сожгли. Епифаній ужъ умеръ, да и насъ погубилъ». — Все это — дѣла не общаго интереса. Ближе всѣхъ подходилъ къ Маевскому архимандритъ Аввакумъ. Онъ былъ судьею въ московской дикастріи и не одинъ разъ уже былъ подъ судомъ. Теперь онъ попалъ подъ судъ за медленное производство дѣла о воскресенскомъ архимандритѣ Мельхиседекѣ и, подъ арестомъ, свелъ дружбу съ Маевскимъ: одинаковое горе сблизило ихъ. Аввакумъ, живя въ сосѣдней палаткѣ съ Маевскимъ, слыхалъ, когда, бывало, поведутъ его въ собраніе, и жалѣя говаривалъ: «опять повели, совсѣмъ затаскали». Когда Маевскій возвращался изъ собранія, Аввакумъ выражалъ ему свое сожалѣніе: «да долго ль, батюшка, намъ здѣсь животъ свой мучить?» «Богъ вѣсть—отвѣчалъ Маевскій. «Скоро ли конецъ вашему дѣлу?» Куда конецъ, высоко несутъ и ищутъ не знамо чего, развѣ только мучениковъ надѣлаютъ, а что сыщутъ — Богъ вѣсть». «И тверскій архіерей здѣсь? У васъ одно дѣло?» «Одно — по доносу Рѣшилова; все за «Камень Вѣры». «Слышалъ, слышалъ — говорилъ Аввакумъ—ужъ не говори». И махнетъ рукой. Аввакумъ хвалился, что къ нему

милостивъ Леонидъ, епископъ сарскій, и что онъ надѣется чрезъ его стараніе скоро получить свободу. Маевскій отвѣчалъ на это съ грустью, что у него нѣтъ защитника, а Ѳеофанъ впрямь заѣстъ его за то, что наговорилъ на него Рѣпиловъ. Судьба однакожъ поровняла ихъ. Въ 1736 году 23-го іюня Аввакума лишили монашества и съ мірскимъ именемъ Алексѣя Львова отправили въ Тайную канцелярію. Три года держали его въ казематѣ, мучили допросами и очными ставками, а можетъ быть и чѣмъ похуже. Наконецъ, разобравши дѣло, рѣшили 1739 года августа 8: «такъ какъ противнаго умысла и злости за нимъ не оказалось, а все учинилъ онъ (т. е. разговаривалъ съ Маевскимъ про его бѣду) съ простоты своей, то бить его за это, вмѣсто кнута, плетьми и сослать въ монастырское братство, куда Сунодъ назначитъ».

Заходили къ Маевскому и сунодскіе чиновники-канцеляристы. Маевскій не скупился, угощалъ ихъ водкою и пивомъ. Всѣ они попали потомъ въ Тайную канцелярію за эти посѣщенія. Больше всѣхъ пострадалъ канцеляристъ Якимъ *Филиппов*. Онъ переписывалъ дѣло Маевскаго, а потому неудивительно, что Маевскій за нимъ ухаживалъ; а тотъ былъ человѣкъ семейный: жена, малые ребятишки.... Онъ сообщалъ Маевскому о ходѣ дѣла, о показаніяхъ Рѣпилова, въ чемъ онъ винится и въ чемъ запирается, какіе вопросы будутъ дѣлать ему, и когда будутъ очныя ставки. Иногда предупреждалъ его: «поопасись, не пей вина; сегодня тебѣ будетъ съ Рѣпиловымъ очная ставка». А бороться съ Рѣпиловымъ на очной ставкѣ было трудновато: тотъ напускался какъ звѣрь и не давалъ спуска никому. Вологодскій архіерей Амвросій, пріѣзжая домой изъ собранія, говаривалъ своему келейнику, племянницу Маевскаго: «ну, Андрей, Рѣпиловъ совсѣмъ загонялъ твоего дядю». Непонимая нѣкоторыхъ вопросовъ, Маевскій спрашивалъ у Филиппова: «умилосердись, скажи Бога ради, о какомъ это нашемъ письмѣ часто спрашиваетъ меня новгородскій архіепископъ?» Не знаю—отвѣчалъ Филипповъ—у насъ такого письма въ коммиссіи не имѣется и намъ не отдано: развѣ не хранится ль у секретаря Мурзинова? Да они спрашиваютъ, сами не знаютъ чего». За эту фамильярность и непозволительную откровенность съ колодникомъ Маевскимъ, Филипповъ пытанъ былъ въ застѣн-

кѣ, вписѣлъ на дыбѣ и получилъ не одинъ десятокъ ударовъ; наконецъ 9 іюля 1738 года вышло ему рѣшеніе изъ Кабинета: «бить кнутомъ нещадно и сослать съ женою въ Иркутскъ, на житье вѣчно».

Вина Филиппова упала значительной долей на сѵнодскаго *оберъ-секретаря Михаила Дудина*, который посвященъ былъ во всѣ тайны этого дѣла. Огромный процессъ Дудина, производившійся въ Сѵнодѣ и потомъ въ Тайной канцеляріи, сплетается изъ такого множества отдѣльныхъ дѣлъ и разныхъ нитей, что нѣтъ возможности разобрать, что̀ въ немъ главное и что̀ побочное, съ чего онъ начался и что̀ вошло въ него потомъ при разслѣдованіи дѣла. Личныя отношенія съ Ѳеофаномъ играютъ и здѣсь не послѣднюю роль. Ѳеофанъ показывалъ ему довѣріе, чтобы пользоваться разными мелкими и крупными его услугами по сѵнодскимъ дѣламъ, смотрѣлъ сквозь пальцы на его грѣшки [1]), даже льстилъ ему въ трудныя времена и пересылалъ подарочки.... Дудинъ, въ свою очередь, ловко исполнялъ его порученія и, понимая значеніе его въ Сѵнодѣ, бралъ все больше и больше смѣлости, помыкалъ прочими членами, располагалъ сѵнодскими дѣлами по своему усмотрѣнію, держалъ на откупѣ монастыри, обдѣлывалъ дѣла провинившихся архіереевъ и архимандритовъ, наживался, тучнѣлъ и мало-по-малу изъ канцелярскаго писца превратился въ разжирѣвшаго барина. Забывшись и зазнавшись, Дудинъ началъ обманывать и Ѳеофана въ дѣлахъ, на которыя тотъ истрачивалъ всю свою жизнь. Обманъ не могъ итти далѣе. До Двора стали доходить слухи, что служитель ростовскаго архіерея Іоакима, Никифоръ, обираетъ епархію. Государыня поручила Ѳеофану развѣдать объ этомъ поискуснѣй, безъ обиды для епископа, пока не откроется вины съ его стороны. Ѳеофанъ поговорилъ съ Дудинымъ. Тотъ сначала сказалъ, что въ Ростовѣ у него нѣтъ никого знакомаго, а потомъ просилъ позволенія написать къ своему брату, служившему при-

[1]) Въ концѣ 1731 года Дудинъ предлагалъ словесно св. Сѵноду, что послѣ бывшаго казанскаго архіепископа Сильвестра остались двѣ лошади, которыя уже и въ лѣтахъ немалыхъ: чтобъ повелѣно было дать ему тѣхъ лошадей для съѣзду до С.-Петербурга. Сѵнодъ дозволилъ. По пріѣздѣ въ С.-Петербургъ, Дудинъ докладывалъ снова: «куда тѣхъ лошадей употребить». Ѳеофанъ дозволилъ держать у себя до указу, но указа не послѣдовало.

казнымъ при суздальскомъ архіерейскомъ домѣ: братъ все развѣдаетъ о Никифоровѣ и къ нему отпишетъ. Ѳеофанъ согласился. Что же сдѣлалъ Дудинъ? Рука руку моетъ, говоритъ пословица: а рука Никифорова очень ему знакома и дорога. Онъ послалъ къ брату письмо и проектъ его отвѣта о Никифоровѣ. Прежде ему сходили съ рукъ подобныя продѣлки. Теперь это не удалось. А какъ уличили въ одномъ, добрались и до всего. Тутъ вплелось и рѣшиловское дѣло и, по важности, въ числѣ преступленій Дудина поставлено на первомъ мѣстѣ: «имѣвшееся въ Сунодѣ великоважное извѣстное о разстригѣ Иванѣ Рѣшиловѣ дѣло, которое велѣно ему Дудину содержать въ особливомъ своемъ смотрѣніи и секретѣ, не только въ такомъ секретѣ онъ, Дудинъ, не содержалъ, но безъ приказанія собою допустилъ къ произвожденію онаго дѣла сунодальныхъ служителей, которымъ ни письменно, ни даже словесно, не было подтверждено, чтобы содержать это дѣло въ особливомъ секретѣ: изъ которыхъ допущенныхъ имъ, Дудинымъ, служителей, бывшій канцелярист Якимъ Филипповъ разстригѣ Маевскому сказывалъ о нѣкоторой матеріи того дѣла, и о томъ, въ чемъ Рѣшиловъ съ розыску не винится, какъ о томъ по слѣдствію ясно показалось». Дудина судили и пытали страшно. Со всѣхъ сторонъ, изъ всѣхъ мѣстъ, потребованы были, съ угрозою, счеты взяткамъ: кто, когда, сколько и за что̀ далъ ему деньгами и вещами — все вывели наружу. Дудинъ въ иномъ запирался, а во многомъ прямо сознавался. «Я не просилъ, давали въ почетъ, я и бралъ». По дѣлу однакожъ оказалось, что не всѣ давали добровольно, многіе уступали настойчивому требованію. Въ 1738 году 4 декабря состоялся въ Кабинетѣ указъ, рѣшившій судьбу Дудина. «За показанныя вины его [1]) учинить ему политическую смерть, бить пуб-

---

[1]) Въ экстрактѣ Тайной канцеляріи перечислены слѣдующія вины Дудина: 1) дѣло о Филипповѣ; 2) самовольная отписка нѣкоторыхъ монастырей изъ епархіальнаго въ сунодальное вѣдомство, или въ ставропигіи, и отказъ дать объясненіе въ этомъ по требованію Сунода; 3) продѣлка по дѣлу Никифорова; 4) извѣщеніе двухъ архимандритовъ, чтобъ заранѣе убавляли монастырскаго хлѣба, избытками котораго предполагалось снабдить крестьянъ на прокормленіе и на посѣвъ въ неурожайномъ 1734 году; 6) сокрытіе доноса члена коллегіи экономіи Топильскаго на секретаря Щепина; 6) протестъ на нижегородскаго епископа Питирима (нашелся въ бумагахъ Дудина); 8) приказъ произ-

лично кнутомъ нещадно и послать его въ вѣчную ссылку въ Сибирь за надлежащимъ карауломъ. Вотчину его въ Московскомъ уѣздѣ, село Аристово, отдать въ вѣдомство Коллегіи экономіи, а дворы, продавъ настоящею цѣною, заплатить изъ нея долги, кому чѣмъ онъ долженъ былъ». Жена его скончалась во время процесса. Сыновья отданы на воспитаніе въ невскую семинарію; но остались еще двѣ дочери въ совершенномъ возрастѣ.

---

3. Освобожденіе Ѳеофилакта, Льва, Игнатія, Маевскаго, Рѣшилова, Яковлева и другихъ лицъ.

Въ 1740 году скончалась Императрица Анна. Государемъ провозглашенъ былъ племянникъ ея — младенецъ Іоаннъ — подъ попечительствомъ родительницы, Анны Леопольдовны.

Однимъ изъ славныхъ дѣлъ правительницы была амнистія невинно ссыльныхъ въ прошлое царствованіе. 13-го ноября 1740 года обнародованъ высочайшій указъ: «какъ для поминовенія ея императорскаго величества, такъ и для многолѣтняго его императорскаго величества здравія и благополучнаго государствованія, всѣмъ духовнымъ, военнымъ, статскимъ и другимъ чинамъ, которые за неисправленіе должностей своихъ и за непорядочные поступки въ противность высочайшимъ указамъ и за другія вины (кромѣ важнѣйшихъ по первымъ двумъ пунктамъ, и воровъ и разбойниковъ, и смертоубійцъ и похитителей многой казны государственной) осуждены на смерть или въ каторжную работу, или куда въ ссылку, или кому какое градское наказаніе учинить и чиновъ лишить повелѣно — оными всѣмъ такія учинен-

---

водить родственнику своему, секретарю московской сунодальной канцеляріи, Протопопову жалованье, равное съ сунодальными секретарями не по штату; 9) содержавшагося въ желѣзахъ въ сунодальномъ арестѣ борисоглѣбскаго архимандрита Пафнутія за взятки освободилъ изъ желѣзъ, а потомъ, за взятки, произвелъ въ волоколамскій возницкій монастырь въ архимандриты; 9) бралъ взятки деньгами и вещами съ разныхъ лицъ духовныхъ и свѣтскихъ, до которыхъ въ Сунодѣ касались дѣла: объявленныхъ взятокъ деньгами сосчитано слишкомъ 7000 руб.

ныя ими вины всемилостивѣйше прощены, и отъ наказанія ссылки и штрафовъ освободить повелѣно».

Св. Сунодъ, въ которомъ первымъ членомъ по смерти Ѳеофана, былъ вологодскій епископъ Амвросій Юшкевичь [1]), вспомнилъ о своихъ страдальцахъ. И наступило точно воскресеніе мертвыхъ. Сотни, тысячи людей, безъ вѣсти пропавшихъ и считавшихся умершими, ожили снова. Со всѣхъ отдаленныхъ мѣстъ Сибири потянулись освобожденные страдальцы на свою родину, или въ мѣста прежней службы,—кто съ вырванными ноздрями, кто съ отрѣзаннымъ языкомъ, кто съ перетертыми отъ цѣпей ногами, кто съ изувѣченными отъ пытокъ руками и изломанной спиной.

Трудно сказать изъ какого званія было больше опальныхъ и ссыльныхъ. Проповѣдники слѣдующаго царствованія, свободно говорившіе передъ Елисаветой о дѣлахъ минувшаго царствованія, приписываютъ эти опалы ненависти Бирона, Остермана, Миниха, Левенвольда и прочихъ нѣмцевъ-лютеранъ къ русской вѣрѣ и русскому народу, и старавшихся, будто бы, истребить самый корень восточнаго благочестія, и потому считаютъ, что больше всѣхъ терпѣли духовные — архіереи, священники и монахи [2]).

---

[1]) Амвросій Юшкевичь, «за утѣсненіе отъ Польши» взятъ въ 1734 году, по высочайшему повелѣнію, изъ виленскаго святодухова монастыря въ С.-Петербургъ и посвященъ въ симоновъ монастырь въ архимандриты; изъ симонова переведенъ въ ипатскій и назначенъ сунодальнымъ членомъ; въ 1735 году сентября 17 посвященъ въ епископы въ Вологду; въ 1740 году переведенъ въ Новгородъ.

[2]) «Доселѣ дремахомъ—говорилъ одинъ проповѣдникъ [a])—а нынѣ увидѣхомъ, что *Остерманъ и Минихъ съ своимъ сонмищемъ вползли въ Россію, яко эмиссаріи діавольскіе*, имъ же, попустившу Богу, богатства, слава и честь желанная приключишася: сія бо имъ обѣтова сатана, да подъ видомъ министерства и вѣрнаго услуженія государству россійскому, еже первѣйшее и дражайшее всего въ Россіи, православіе и благочестіе неточію препратятъ, но и до корня истребятъ»... Амвросій Юшкевичь говорилъ съ церковной каосдры, что Елисавета «преславная побѣдительница избавила Россію отъ враговъ внутреннихъ и сокровенныхъ. Такіе-то всѣ были враги наши, которые, подъ видомъ будто вѣрности, отечество наше раззоряли, и смотри, какую дьяволъ далъ имъ придумать хитрость. Во первыхъ на благочестіе и вѣру нашу православную наступили; но такимъ образомъ и претекстомъ, будто они не вѣру, но непотребное

---

[a]) Кириллъ Флоринскій, законоспасскій архимандритъ и ректоръ московской академіи. *Лѣтописи русской литературы и древности.* Изд. Н. Тихонравовымъ, 1859 г. кн. 2.

Θеофилактъ освобожденъ изъ крѣпости 31-го декабря 1740

и весьма вредительное христіанству суевѣріе искореняютъ. О, коль многое множество подъ такимъ притворомъ *людей духовныхъ*, а наипаче ученыхъ, истребили, монаховъ поразстригали и перемучили! Спроси жъ за что? Больше отвѣта не услышишь, кромѣ сего: суевѣръ, ханжа, лицемѣръ ни къ чему негодный. Сіе же все дѣлали такою хитростію и умысломъ, чтобъ во вся въ Россіи истребить священство православное и завесть свою нововымышленную безпоповщину. Разговору большаго у нихъ не было, какъ токмо о людяхъ ученыхъ: о Боже! какъ-то несчастлива въ томъ Россія, что людей ученыхъ неимѣетъ и ученія завесть не можетъ! Незнающій человѣкъ ихъ хитрости и коварства думалъ, что они то говорятъ отъ любви и ревности къ Россіи; а они для того нарочно, чтобъ гдѣ нибудь сыскавъ человѣка ученаго, погубить его. Былъ ли кто изъ русскихъ искусный, напримѣръ, художникъ, инженеръ, архитектъ, или солдатъ старый, а наипаче ежели онъ былъ ученикъ Петра Великаго: тутъ они тысячу способовъ придумывали, какъ бы его уловить, къ дѣлу какому нибудь привязать, подъ интересъ подвесть, и такимъ образомъ или голову ему отсѣчь, или послать въ такое мѣсто, гдѣ надобно необходимо и самому умереть отъ глада, за то одно, что онъ инженеръ, что онъ архитектъ, что онъ ученикъ Петра Великаго. Подъ образомъ будто храненія чести, здравія и интереса государства, о коль безчисленное множество, коль многія тысячи людей благочестивыхъ, вѣрныхъ, добросовѣстныхъ, невинныхъ, Бога и государство весьма любящихъ, въ Тайную похищали, въ смрадныхъ узилищахъ и темницахъ заключали, гладомъ морили, пытали, мучили, кровь невинную потоками проливали! Кратко сказаніе—всѣхъ добрыхъ, простосердечныхъ, государству доброжелательныхъ и отечеству весьма нужныхъ и потребныхъ, подъ разными претекстами губили, раззоряли и во вся искореняли, а равныхъ себѣ безбожниковъ, безсовѣстныхъ грабителей, казны государственныя похитителей, весьма любили, ублажали, почитали, въ ранги великіе производили, отчинами и денегъ многими тысячами жаловали и награждали». — «Со смертію Петра и Екатерины — говорилъ Дмитрій Сѣченовъ въ присутствіи Императрицы [а])— наступили частыя и вредительныя перемѣны, и видя то, противницы наши, добрую дорогу, добрый ко утѣсненію насъ сыскали способъ: показывали себя, аки бы они вѣрные государству слуги, аки бы они оберегатели здравія государей своихъ, аки бы они все къ пользѣ и исправленію Россіи промышляютъ; а какъ прибрали все отечество наше въ руки, коликій ядъ злобы на вѣрныхъ чадъ россійскихъ отрыгнули, коликое гоненіе на церковь Христову и на благочестивую вѣру воздвигли: ихъ была година и область темная: что хотѣли, то и дѣлали. А во первыхъ пытались благочестіе отнять, безъ котораго бы мы были горшіи турокъ, жидовъ и араповъ. А такъ то они думали, какъ-де благочестіе у нихъ отнимемъ, тогда де и сами къ намъ вѣру приложатъ, и сами вслѣдъ намъ пойдутъ, и такъ по всей Россіи предтечей антихристовыхъ разослали, вездѣ плевельныя ученія разсѣвали, толико повредили, что многи мало-

[а]) Дмитрій Сѣченовъ, архимандритъ свіяжскаго монастыря (впослѣдствіи митрополитъ новгородскій). *Лѣтописи русской литературы и древности.* Изд. Н. Тихонравовымъ, 1859 г., кн. 2.

года [1]). «Всѣ удивились этому—пишетъ одинъ изъ современниковъ [2])—потому что его уже считали мертвымъ, а онъ еще вдругъ явился живымъ». Послѣ такихъ страданій и по лишеніи знаковъ архіерейскаго сана, онъ снова принялъ ихъ съ почтеніемъ отъ св. Сунода. Когда изъ казармы взяли его на новгородское подворье и очистили отъ загрубѣвшей на немъ грязи, тогда самъ преосвященный Амвросій, архіепископъ новгородскій, со слезами участія снова возложилъ на него знаки монашескаго и архіерейскаго чина. Посѣтила его и цесаревна Елисавета Петровна и спрашивала: знаетъ ли ее? Онъ сказалъ: «знаю, что ты искра Петра Великаго». Цесаревна, отвернувшись, прослезилась и пожаловала ему на лекарство триста рублей. Но больной уже такъ, что не могъ почти говорить, ни на постели перевернуться, онъ на томъ же подворьѣ скончался 1741 года 6 мая, и 8 числа погребенъ въ невскомъ монастырѣ [3]). Амвросій, архіепископъ новгородскій, писалъ къ тверскому епископу Митрофану, «дабы усопшаго въ Бозѣ Ософилакта архіепископа вписалъ съ прочими православными архіереями въ диптихъ».

Современники, русскіе и иностранцы, отзываются съ величайшимъ почтеніемъ объ умѣ и особенно о нравственномъ характерѣ Ософилакта. «Преподобный сей архіерей—пишетъ объ немъ Евдокимовъ—истинно преподобный, ибо согласовалъ жизнь съ сло-

---

душніи возлюбиша тьму паче свѣта, возлюбиша паче славу человѣческую, нежели славу Божію, ищущіи въ нихъ милости. Отъ насъ изыдоша, но не бѣша отъ насъ... А наипаче коликое гоненіе на самыхъ благочестія защитителей, на самыхъ священныхъ таинъ служителей? Чинъ духовный—архіереевъ, священниковъ, монаховъ—мучили, казнили, разстригали: непрестанныя почты, и водою и сухимъ путемъ, куды? за чѣмъ? — монаховъ, священниковъ людей благочестивыхъ въ дальные сибирскіе города, въ Охотскъ, въ Камчатку, въ Оренбургъ отвозятъ; и тѣмъ такъ устрашили, что уже и самые пастыри, самые проповѣдники слова Божія, молчали и устъ несмѣли о благочестіи отверзти. И правда, духъ бодръ, а плоть немощна: не всякому-то благодать мученичества посылается».

[1]) Вслѣдъ за Ософилактомъ освобождены изъ крѣпости 534 полусогнившихъ экземпляра Камня Вѣры, въ томъ числѣ двѣ оригинальныя письменныя книги. Въ тоже время (высочайшимъ указомъ 26 декабря 1740 года) разрѣшено впредь оныя по потребѣ печатать и продавать въ народъ.

[2]) Учитель Евдокимовъ: *Каталогъ тверскихъ архіереевъ. Ркп.*

[3]) Противъ гробницы его въ западной стѣнѣ лазаревской церкви вдѣлана плита съ надписью его званія и имени.

вомъ и ученіемъ апостольскимъ (1 посл. къ Тим. гл. III). Упражняясь въ проповѣди слова Божія, онъ сочинялъ книги противъ раскольниковъ и иновѣрцевъ—лютеранъ и кальвинистовъ. Нравомъ былъ кротокъ, снисходителенъ и доступенъ. И сколько былъ кротокъ, столько жь и нестяжателенъ. Купивши мызу Степаново, въ 40 верстахъ отъ С.-Петербурга, на свои келейныя деньги, онъ отдалъ ее потомъ въ тверской архіерейскій домъ. До лишнихъ строеній и банкетовъ никогда не былъ охотникъ, развѣ по нуждѣ. Былъ милостивъ къ неимущимъ. Во время голода, при крайней дороговизнѣ хлѣба, онъ своими келейными деньгами ссужалъ своихъ бѣдныхъ крестьянъ и раздавалъ имъ хлѣбъ даромъ. Когда же минуло голодное лѣто и настало обильное, принесли къ нему записныя книги, кому сколько дано было хлѣба, и докладывали: не прикажешь ли этотъ хлѣбъ отобрать? Преосвященный Ѳеофилактъ, взявъ книги, бросилъ въ печь, въ огонь».—«Ученый кругъ—писалъ грекъ Фандербекъ [1]) — уважаетъ Ѳеофилакта Лопатинскаго, епископа тверскаго. Этотъ человѣкъ самаго многосторонняго образованія, знатокъ греческой литературы, которою занимался съ усердіемъ и большимъ успѣхомъ.... А его непоколебимая честность во всѣхъ обстоятельствахъ жизни напоминаетъ собою золотой вѣкъ. Однимъ словомъ, если бы можно было изобразить добродѣтель, то онъ былъ бы ея портретомъ».

Въ силу того же манифеста святѣйшій Сунодъ потребовалъ извѣстія изъ Тайной канцеляріи и о другихъ страдальцахъ—епископахъ: Георгіѣ Дашковѣ, Сильвестрѣ Холмскомъ, Игнатіѣ и Львѣ — гдѣ они находятся и въ живыхъ ли обрѣтаются? Тайная канцелярія отвѣчала, что двое ужъ скончались: Сильвестръ въ Выборгѣ, въ крѣпости, 31 мая 1735 года, Гедеонъ—въ Перчинскѣ, 17 апрѣля 1739 года. Остальные двое, Левъ и Игнатій, находились еще въ живыхъ и томились—первый въ новгородскомъ крестномъ, послѣдній въ никольскомъ корельскомъ монастырѣ. Святѣйшій Сунодъ подалъ (21 апрѣля 1741 года) всеподданнѣйшій докладъ объ отпущеніи имъ ихъ винъ, за которыя они заточены были, оставляя прочее въ особливое усмотрѣніе Государя.

---

[2]) Praesens Russiae litterariae status. Русскій переводъ: *нынѣшнее состояніе словесности россійской*—въ Сынѣ Отечествѣ, 1842 г.

Между тѣмъ высочайшій указъ 13 ноября 1740 года проникъ и въ корельскую даль, дошелъ и до старца Игнатія. Обрадованный, онъ подалъ прошеніе архангельскому епископу Варсонофію, чтобы по силѣ высочайшаго указа освободить его изъ заточенія и «ради древней старости и скорби его» послать его на обѣщаніе въ нилову пустынь, гдѣ онъ и постриженіе принялъ. Въ августѣ о томъ же поступило прошеніе и отъ Льва. Грустно смотрѣть на подписи страдальцевъ: «бывшій коломенскій митрополитъ, а нынѣ чернецъ Игнатій. Бывшій воронежскій епископъ Левъ, что нынѣ разстига Лаврентій». 21 октября 1741 г. объявлено высочайшее повелѣніе, которымъ дозволено Льва и Игнатія освободить изъ заточенія и опредѣлить въ монастыри простыми монахами. Св. Сунодъ хотѣлъ отличить ихъ отъ прочей братіи и приказалъ отпускать имъ содержаніе противъ прочихъ монаховъ впятеро.

25 ноября 1741 года вступила на престолъ Елисавета. 15 декабря объявленъ былъ манифестъ, которымъ всѣ, какъ духовные, военные и статскіе, такъ и другихъ чиновъ люди, впадшіе въ вины (исключая государственныхъ и уголовныхъ) избавлялись отъ наказанія и ссылокъ и штрафовъ. Св. Сунодъ нашелъ справедливымъ просить милости и для своихъ страдальцевъ — архіереевъ: «хотя они явились и въ важной винѣ, но ужъ довольно за то наказаны». Сунодъ просилъ имъ, «яко довольно уже пострадавшимъ, возвратить только архіерейскій санъ, въ которомъ бы они могли и жизнь свою окончить».

Докладъ святѣйшаго Сунода еще не былъ поданъ, какъ отъ архангельскаго архіепископа присланъ рапортъ, что Игнатій скончался 25 декабря 1741 года, только что получивши вѣсть о своемъ освобожденіи.—О Львѣ святѣйшій Сунодъ доложилъ словесно Государынѣ 19 апрѣля. Императрица дозволила возвратить ему архіерейскій санъ. При объявленіи указа, 22 апрѣля, возложена на него панагія и прочіе знаки архіерейскаго сана. Старецъ жилъ послѣ того еще четырнадцать лѣтъ, на покоѣ, въ московскомъ знаменскомъ монастырѣ, гдѣ и скончался 28 января 1755 г. [1]).

---

[1]) Дѣла архива св. Сунода. 1727 г. № 85. 1731 г. № 261 и 1755 № 157. Письмо Льва къ родственникамъ въ Русск. Арх. 1868 г. стр. 1062.

О прочихъ содержавшихся въ крѣпости преступникахъ по Рѣшиловскому дѣлу состоялся высочайшій указъ (20-го декабря 1740 года), которымъ повелѣвалось: «*Маевскому*, *Рѣшилову*, *Якову Ясинскому*, *Василью Козьменку* и *Масалаеву*, хотя и виновны явились, вины ихъ отпустить и разослать ихъ въ разные монастыри, именно разстригъ: Маевскаго, Рѣшилова и Ясинскаго въ братство, а Козьменку и Масалаева на прошпаніе, и быть имъ въ тѣхъ монастыряхъ неисходно». Тайная канцелярія, по обычаю, обязала ихъ подпиской: «о чемъ они въ Тайной канцеляріи спрашиваны и что на то показали, о томъ имъ разговоровъ ни съ кѣмъ никогда не имѣть и ни подъ какимъ видомъ отнюдь не разглашать; а ежели они о томъ съ кѣмъ имѣть будутъ разговоры, или хотя мало о чемъ станутъ разглашать, и въ ономъ отъ кого будутъ обличены, и за то учинена имъ будетъ смертная казнь». Св. Сунодъ послалъ Козьменку въ Каменный, а Масалаева въ кирилловъ новоезерскій монастырь.

Давыдовъ ужъ сланъ былъ въ Сибирь и потому не попалъ въ этотъ указъ. Сунодъ и Тайная канцелярія забыли о немъ. По манифестъ правительницы возвратилъ его изъ ссылки (15 декабря 1741 года).

О *Филипповѣ* провѣдалъ преосвященный Иннокентій, епископъ иркутскій, и въ 1742 году 16 января прислалъ въ Тайную канцелярію донесеніе, что «въ домѣ его архіерейскомъ, за новость епархіи, имѣется въ приказныхъ служителяхъ нужда и въ отправленіи епархіскихъ дѣлъ остановка, а увѣдомился онъ, что въ вѣдомствѣ его живетъ бывшій сунодскій канцелярисгъ Якимъ Филипповъ, сосланный за вины». Тайная канцелярія передала это донесеніе въ Сунодъ. Иннокентій содержалъ его съ женою и малыми ребятишками, ради имени Божія, на своемъ коштѣ.

Дудинъ возвращенъ изъ Тобольска, по манифесту Елисаветы Петровны, 10 февраля 1741 года. Ему дозволено жить въ Москвѣ или гдѣ пожелаетъ.

Въ іюлѣ 1740 г. подалъ на высочайшее имя прошеніе сынъ *Александра Яковлева* объ освобожденіи изъ подъ ареста его отца. «Отецъ мой—писалъ онъ—въ прежнихъ годѣхъ взятъ по неизвѣстному дѣлу въ Канцелярію тайныхъ розыскныхъ дѣлъ и гдѣ имѣется—о томъ я не извѣстенъ. Прошу явить милость и освобо-

дить его изъ подъ ареста». По этому прошенію Яковлевъ возвращенъ (10 марта 1741 году) изъ охотскаго острога въ Москву или куда пожелаетъ.

---

4. Ливерій (Елевеерій) Коллети и Платонъ Малиновскій. — Смерть Ливерія. — Ссылка Платона. — Освобожденіе.

Какая судьба была Ливерія Коллети и Платона Малиновскаго послѣ Ѳеофана? Оба они содержались въ крѣпости. Ливерій — въ казематѣ у кронверкскихъ воротъ. По записной книгѣ кормовыхъ денегъ мы встрѣчаемъ его въ 1736, 1737 и 1-го декабря 1738 года. За тѣмъ съ 1739 года имя его не упоминается между заключенными. Стало быть онъ скончался въ декабрѣ 1738 или въ январѣ 1739 г.

Платонъ Малиновскій не чувствовалъ себя ни въ чемъ виновнымъ и точно не былъ виновенъ. Надежда утѣшала его мыслью о скоромъ освобожденіи. Неизвѣстная, высокопоставленная особа поддерживала въ немъ эту надежду. Въ 1738 году августа 3-го онъ писалъ къ этой особѣ (по видимому къ одному изъ кабинетныхъ министровъ — къ Остерману, Вольнскому, Черкасскому, или, можетъ быть, къ Ушакову, такъ какъ ни къ кому другому изъ крѣпости писать не позволили бы; судя по названію генераломъ, вѣроятно — къ послѣднему): «вчерашняго дня, о чемъ я словесно докладывалъ ваше превосходительство, о томъ же получилъ себѣ приказъ — все то подать на письмѣ къ дополненію поданнаго отъ мене въ 1735 году въ высокій ея императорскаго величества Кабинетъ духовнаго дѣла. Но когда я послѣ самъ съ собою довольно о томъ думалъ, и совершенно вспомнилъ, что о всемъ томъ въ самомъ дѣлѣ духовномъ уже показано отъ мене, разсудилъ я быть лишнее о томъ же и нынѣ подавать письменно: и потому въ показанное дополненіе ничего здѣсь не приношу. Едино токмо крайняя моя убѣждаетъ мене нужда трудить ваше превосходительство всепокорнѣйшимъ прошеніемъ о томъ: довольно и самому вашему превосходительству извѣстно, что уже шесть лѣтъ содержусь подъ карауломъ кромѣ всякія моея вины, а

свидѣтель тому самъ Богъ и совѣсть моя; да и по дѣлу уже явилась неповинность моя, *о чемъ я и отъ вашего превосходительства имѣлъ счастіе слышать, что въ свободѣ моей только остановилось за докладомъ ея императорскому величеству.* Того ради всепокорнѣйше прошу, ради самаго Бога, показать со мною, неповинно страждущимъ, въ скорѣйшемъ докладѣ ея императорскому величеству высокую свою милость. А покамѣстъ счастливаго сего многомощнымъ вашимъ милостивымъ предстательствомъ дождусь по тому дѣлу крайняго рѣшенія, прошу всепокорно приказать меня отпустить на мою квартиру по прежнему, ибо въ томъ никакія важности не находится: что я здѣсь подъ карауломъ, то и тамъ такими же мѣрами содержанъ буду. А по слабости здравія моего, ежели долго мнѣ содержаться въ крѣпости, то непремѣнно отъ одинаго здѣшняго тяжелаго воздуху и отъ другихъ безпокойствъ, могу прійти въ неисцѣлимую болѣзнь, а особливо головную, понеже я уже давно тѣмъ безмѣрно страждy, о чемъ вси знающіи мене извѣстни. Что когда все, особливымъ вашимъ ко всѣмъ бѣднымъ милосердіемъ, я получу желаемое, то и васъ, и наслѣдія вашего Богъ, всѣхъ милосердыхъ любитель, желаемыя вами вѣчная и временная сподобитъ получити блага. О семъ прося пребываю и пребывать по жизнь мою долженъ. Вашего превосходительства всегдашній богомолецъ и слуга, нижайшій архимандритъ Платонъ Малиновскій».

И послѣ такихъ надеждъ и обнадеживаній, чрезъ четыре мѣсяца послѣ письма, въ одинъ день съ Ософилактомъ Лопатинскимъ, Платонъ лишенъ архимандрическаго сана, священства и монашества [1]) и, подъ именемъ Павла Малиновскаго, сосланъ въ Сибирь [2]).

---

[1]) Для снятія сана съ Платона Малиновскаго посыланъ былъ изъ Сунода находившійся при Кипріанѣ, епископѣ вятскомъ, іеромонахъ Индисъ.

[2]) Въ 1739 году января 15 графъ Салтыковъ доносилъ Ушакову изъ Москвы, что присланные для ссылки въ Сибирь колодники: бывшій оберъ-секретарь св. Сунода Дудинъ, канцелярист Якимъ Филиповъ съ женою, М. Аврамовъ, да разстриги: Александръ Давыдовъ, Яковъ Самгинъ, Григорій Зварыкинъ, Иванъ Кучинъ, Евдокимъ Короткой, *Павелъ Малиновскій*, монстной канцеляріи камеринъ Бѣликовъ съ женою, въ Сибирь и въ Оренбургъ въ показанныя мѣста отправлены изъ Тайной конторы подъ надлежащимъ карауломъ на ямскихъ подводахъ, всѣ порознь.

Что жъ значили всѣ эти обнадеживанья Платона скорымъ выпускомъ изъ крѣпости и благопріятнымъ окончаніемъ дѣла? То, что лицо, къ которому писано это письмо, или не хотѣло, или не могло исполнить своихъ обѣщаній. Ушаковъ, сильный въ исполнительной части, въ бойнѣ и пыткахъ, имѣлъ мало значенія въ совѣтѣ кабинетныхъ министровъ. Тутъ всѣмъ вертѣлъ хитрый и жестокій Остерманъ, какъ это до очевидности ясно изъ показанія Волынскаго (16 апрѣля 1740 года) по поводу извѣстнаго письма его къ Государынѣ, съ котораго начался судъ надъ нимъ: «оный графъ Остерманъ къ ея императорскому величеству токмо одинъ свою вѣрность показываетъ, а другихъ уничтожаетъ въ томъ, что по дѣламъ кабинетнымъ, по общимъ его Волынскаго съ княз. Алексѣемъ Черкасскимъ, тако жъ и по предложеніямъ отъ генерала Ушакова о дѣлахъ Тайной канцеляріи, разсужденіямъ, что ни предлагаемо ими было, по большей части не такъ имъ графомъ Остерманомъ поступано было, что тѣ ихъ разсужденія яко бы негодны, но только его надлежащее разсужденіе, и показывалъ себя только якобы одинъ онъ ея императорскому величеству вѣрность имѣетъ».

Послѣ возшествія на престолъ Елисаветы Петровны и милостиваго указа ея о невиноссылныхъ, иркутскій епископъ Иннокентій взялъ Малиновскаго, за неимѣніемъ учителей, въ школу и ходатайствовалъ предъ духовнымъ и гражданскимъ начальствомъ о возвращеніи ему прежняго сана, поелику онъ «о лишеніи священномонашества всегда пребываетъ въ унылости». Сунодъ, по сношеніи съ Тайной канцеляріей, разрѣшилъ возвратить ему санъ и прежнее званіе, и опредѣлить его въ какой нибудь пристойный московскій монастырь. Но унылость до того изнурила всѣ его силы, что, прибывши въ Москву, онъ просилъ св. Сунодъ освободить его отъ всякаго начальства и уволить въ кіевопечерскій монастырь на уединенное житіе: «примѣчая по вся дни не малую во всемъ тѣлѣ моемъ здравія слабость и умножающуюся болѣзнь, и къ всякому правительству неудобство, разсудилъ я въ себѣ, по совѣсти христіанской, неудобоносимыхъ не касатися, но на уединенное токмо проситься житіе». Однакожъ это желаніе его не исполнилось. Въ 1742 году онъ былъ посвященъ въ епископа сарскаго. Въ 1748 г. Государыня поручила спросить у него: не же-

лаетъ ли онъ быть московскимъ архіереемъ? Платонъ отвѣчалъ: «по высокомонаршему вашего императорскаго величества повелѣнію, изволилъ писать ко мнѣ преосвященный Симеонъ, епископъ псковскій, требуя письменнаго отъ мене извѣстія — первое: о нынѣшнемъ здравія моего состояніи, второе — ежели-де приключившаяся немощь не препятствуетъ — желаю ли я быть архіереемъ московскимъ? На что съ глубочайшею покорностію отвѣтствуя, воспріемлю дерзновеніе вашему императорскому величеству всеподданѣйше представить: что касается до болѣзни моей, то я больше въ безнадежіи остаюсь, дабы мнѣ впредь возможно быть могло придти въ совершенное здравіе, и (понести) епаршескія всякія тяжести: послѣдовательно не только при московской, но и при крутицкой епархіи быть не желаю, а ежели бы за старостію моею и неудобносцѣльною болѣзнію окончати прочее жизни своя на обѣщаніи моемъ въ лаврѣ кіевопечерской, ежели бы въ томъ воля божественная и я бы возмогль быть пожалованъ высокоматернею вашего императорскаго величества монаршею милостію, о которой рабски прося, и повергая себе къ погамъ Государыни моея, на ту едину по Бозѣ уповаю. Мартъ, 1748 года». Однакожъ въ слѣдующемъ мѣсяцѣ онъ переведенъ былъ въ Москву, гдѣ послѣ шестилѣтняго правленія скончался, 14 іюня 1754 года.

---

5. Родышевскій — Новые допросы. — Освобожденіе. — Посвященіе въ епископы. — Смерть.

Въ маѣ 1738 года Остерманъ сдалъ въ Тайную канцелярію выписки, которыя чернецъ Родышевскій сдѣлалъ изъ книги Баронія, съ пришесками покойнаго архіепископа Ософана, и попосительное письмо на Государевъ указъ о монашествѣ, также съ примѣчаніями Ософана. Въ примѣчаніяхъ Ософана значилось слѣдующее: «выписалъ онъ (Родышевскій) изъ Баронія много, что ему показалось годное къ ласканію духовныхъ, а паипаче монаховъ, тако жъ ко умаленію чести державныхъ властей и указовъ ихъ уничтоженію. Изъ котораго набору хотя онъ нѣкія находки и

къ своему, на государевъ о монашествѣ указъ, поношенію приточилъ, однакожъ много еще не употребленныхъ при себѣ оставилъ. Знатно, намѣренъ былъ новыя еще на государей укоризны сошивать: да, или смотря на времени состояніе не посмѣлъ, или за наставшимъ плутовства его объявленіемъ не успѣлъ. Здѣсь же мы не всѣ вынятыя имъ изъ Баронія лепестки, но нѣкія изъ нихъ знатнѣйшія, и вящше ему къ попранію державныхъ властей угодныя, предлагаемъ, которыми ясно покажется, что онъ не на нѣкіихъ рядовыхъ писателей, но на самыхъ россійскихъ государей досады пронзносить, мятежныя въ народѣ плевелы разсѣвать, самимъ бѣсомъ смутнымъ, или отъ возъярепныхъ тѣмъ человѣкъ наущенъ, дерзостно затѣвалъ» [1]). «Надобно же сыскать, гдѣ оныя книги Баронісвы, изъ которыхъ онъ сіи выписки выпималъ. А какъ самъ онъ сказуетъ, что писалъ онъ нужныя къ вѣдѣнію вещи, то сказать онъ долженъ, для чего вещи сіи нужныя? Для чего, напримѣръ нужно ему вѣдать, что Опорій запретилъ иновѣрнымъ при дворѣ у себе служить? Что христіане ругали нечестиваго царя? Что Уаленъ монаховъ мучилъ? Что Костантинъ далъ всякому волю отдавать имѣнія своя церкви? Что духовные осужденныхъ на смерть отнимали? Что константинопольскій клиръ всѣмъ народомъ обладалъ и кесарямъ былъ страшный, и проч?

По содержанію этихъ примѣчаній составлены были вопросные пункты Родышевскому. Кабинетные министры 11 января 1739 года рѣшили допрашивать его въ Тайной канцеляріи, въ присутствіи Ушакова и сподалыныхъ членовъ—Амвросія, епископа вологодскаго и Стефана, епископа псковскаго.

«Для чего написалъ онъ на указъ о монашествѣ»? Маркеллъ отвѣчалъ, что ему поручилъ это именемъ ея величества архимандритъ Варлаамъ и обнадежилъ за это всякими милостями.

«Для чего сдѣлалъ выписки изъ Баронія»? По порученію Варлаама, что надо де вѣдать древнее преданіе о должности благочестивыхъ царей и прочихъ правовѣрующихъ христіанъ. Варлаамъ далъ ему это порученіе чрезъ Аврамова. «Откуда же выписывать»,

---

[1]) Выписки эти, съ примѣчаніями Ѳеофана, напечатаны въ Чтеніяхъ, 1862 года, кн. 1, стр. 53—59.

спрашивалъ онъ у Аврамова. Аврамовъ отвѣчалъ, что не знаетъ, и совѣтывалъ сходить къ Варлааму. Маркелъ пошелъ къ Варлааму. Архимандритъ прочиталъ ему кое-что изъ Максима Грека, а на вопросъ его *откуда*, ничего не сказалъ. Послѣ того самъ онъ спросилъ: «развѣ изъ новопереведеннаго Баронія»? Варлаамъ отвѣчалъ: «изрядно, очень хорошо. Пиши поскорѣй, для представленія ея величеству». Кромѣ того Варлаамъ сказалъ ему, что онъ докладывалъ о немъ Государынѣ и ея величество приказала въ нынѣшній (1730 или 1731 годъ) великій постъ дѣло его съ новгородскимъ разсмотрѣть и совершить вскорѣ. Послѣ того ему приказано было, на основаніи этихъ выписокъ, написать къ лицу ея величества челобитную, которую онъ и послалъ къ Варлааму съ Аврамовымъ.

«Для чего писалъ о патріархахъ?» Маркеллъ отвѣчалъ, что Варлаамъ говорилъ ему: «подожди мало, когда-де Богъ дастъ и ея величество соизволитъ указать быть у насъ, какъ-де и надѣемся, что патріарху быть, тогда оный Феофанъ архіепископъ къ рукамъ приберется, а теперь-де онъ очень силенъ и кто-де съ нимъ контру ни возьмѣетъ, то все-де онъ переломаетъ и не кому-де съ нимъ нынѣ тягаться, для того, что онъ первенствующій архіерей». Къ тому же онъ Маркеллъ слышалъ, что въ Россіи патріархомъ будетъ Варлаамъ и уповалъ, что чрезъ это будетъ содѣйствовать скорѣйшему его произведенію. Ясно, что Маркеллъ дѣйствовалъ по внушенію, и опираясь на силу царскаго духовника, Варлаама. Теперь ужъ онъ самъ не скрывалъ этого и не прикрывался ревностью о православіи.

По особому счастью, его не сослали въ Сибирь. Маркеллъ содержался въ Тайной канцеляріи до смерти императрицы Анны. Въ 1740 году 19-го декабря, вслѣдствіе милостиваго манифеста правительницы, высочайшимъ указомъ велѣно было освободить его изъ Тайной канцеляріи и отослать въ Сунодъ для опредѣленія въ монастырь, въ который Сунодъ разсудитъ. Сунодъ отправилъ его къ новгородскому архіепископу Амвросію. Маркеллъ просилъ возвратить вещи, отобранныя у него въ 1726 году. Оказалось, что онѣ проданы были по оцѣнкѣ за 14 рублей. Ему выдали за нихъ деньги [1]).

[1]) Дѣла архива св. Сунода 1732 г. №№ 148 и 149.

Амвросій опредѣлилъ Маркелла по прежнему архимандритомъ юрьева монастыря и ректоромъ новгородской семинаріи, а въ 1742 году просилъ Сунодъ о посвященіи его въ епископа корельскаго, викарія новгородской епархіи. Маркеллъ посвященъ 10 января 1742 года, но, измученный страданіями, скончался въ концѣ тогожъ года (29 ноября) и погребенъ въ юрьевѣ монастырѣ [1]).

Въ одной изъ проповѣдей, говоренныхъ въ придворной церкви (22 марта 1742 года) Маркеллъ съ утѣшеніемъ говорилъ о томъ, что Императрица повелѣла освободить изъ заключенія, вмѣстѣ съ колодниками, и книгу Камень Вѣры, «мозги ихъ (враговъ вѣры) и челюсти сокрушающую». Здѣсь же, обращаясь къ Императрицѣ говорилъ: «утоли скверные ихъ языки, гробы ихъ гортани затвори, устнѣ съ языкомъ хульнымъ заключи; а и снять ихъ отъ мѣста не худо» [2]).

---

6. Аврамовъ. — Ссылка въ Охотскъ. — Освобожденіе. — Новые проэкты. — Арестъ. — Допросы. — Смерть въ крѣпости.

Въ ноябрѣ 1738 года изъ Тайной канцеляріи поданъ былъ въ Кабинетъ экстрактъ объ Аврамовѣ. Кабинетъ разсуждая, — что «Аврамовъ напредь сего явился въ немаловажныхъ преступленіяхъ и видя высочайшую милость, по которой освобожденъ отъ смерти, будучи въ содержаніи въ иверскомъ монастырѣ, неимѣя въ себѣ воздержанія, дерзнулъ отцу своему духовному о своемъ дѣлѣ продерзостно разглашать и потомъ писалъ къ разнымъ лицамъ, прося о заступленіи и свободѣ; къ тому жъ по слѣдствію явилось, что, и прежде начинанія о немъ дѣла, многіе продерзости отъ него происходили» — опредѣлилъ: «за всѣ эти вины, и дабы впредь продерзостей отъ него не происходило, послать его въ охотскій острогъ на житье за надлежащимъ карауломъ, и при посылкѣ объявить указомъ, чтобъ онъ о томъ дѣлѣ и ни о чемъ къ тому

---

[1]) *Чтенія въ общ. ист. и древн. россійскихъ.* 1858 г. кн. 2, смѣсь стр. 97.

[2]) Филарета, *Обзоръ рус. дух. лит.* Кн. 2, стр. 36. Черниг. 1863 г.

касающемся отнюдь ни съ кѣмъ не токмо разговоровъ и разсужденій не имѣлъ, но ни чрезъ что никому не сообщалъ, и ежели объ ономъ будетъ онъ съ кѣмъ разговоры и разсужденія имѣть, или продерзостно о чемъ разглашать, и за то безъ велкія пощады казненъ будетъ смертію. А которое недвижимое имѣніе ему пожаловано, то оное все нынѣ описать на ея императорское величество, а собственное его и женино оставить женѣ и дѣтямъ его на пропитаніе. А чтобъ дѣти его мужеска полу праздно не шатались, сыскавъ въ Москвѣ Тайной канцеляріи въ контору, годныхъ написать въ солдаты; а которые явятся къ опредѣленію въ солдаты негодны, тѣхъ опредѣлить, какъ о таковыхъ указы ея императорскаго величества повелѣваютъ» Опредѣленіе Кабинета утверждено Императрицей 13-го ноября 1738 года [1]). Аврамовъ говорилъ впослѣдствіи, что при ссылкѣ никакой вины ему не объявили. «И посадя въ сани повезли, а куда не сказали, и привезли къ Москвѣ, и державъ на Москвѣ нѣсколько дней и не давъ ему взять изъ двора ни платья, ни денегъ, повезли дальше, а куда не сказали, и наконецъ привезли въ Охотскъ черезъ перемѣнныхъ караульщиковъ. И нынѣ въ Тайной канцеляріи не такъ поступаютъ, какъ прежде поступали, кого хотя въ маломъ дѣлѣ приведутъ, то оберутъ и крестъ сшмутъ, а изъ его денегъ даютъ ему на пропитаніе по грошу на день, а кто познатнѣе, тому по алтыну» [2]).

Главнымъ командиромъ Охотска былъ въ ту пору Скорняковъ-Писаревъ, извѣстный по суздальскому розыску, въ которомъ онъ исполнялъ самыя щекотливыя порученія Петра I-го [3]). Аврамовъ съ нимъ не сошолся, но подружился съ капитаномъ морскаго флота А. И. Чириковымъ. Онъ писалъ объ немъ своей женѣ въ самыхъ изысканно-нѣжныхъ выраженіяхъ. «Объявляю тебѣ свѣтъ мой, что я, по милости Іисусъ Христовѣ, за молитвами и предстательствомъ родшія Его Богоматери, не-

---

1) Пекарскаго, *Наука и литература при Петрѣ В.* Ч. 1, стр. 506—507.

2) Донесеніе Скорнякова-Писарева изъ Охотска 15 апрѣля 1740 года о словахъ, говоренныхъ Аврамовымъ. (Дѣла Государств. архива объ Аврамовѣ).

3) Устрялова, *Исторія Петра В.* Т. VI, глав. VII.

бесныхъ силъ и всѣхъ святыхъ, получилъ здѣсь по дару Его божественному, любезныхъ отцовъ мнѣ и благодѣтелей, и сладчайшую, вселюбезнѣйшую вседражайшую мнѣ съ дѣтушками матушку, а имянно духовную мою радость, батюшку—морскаго флота капитана, благороднаго господина Алексѣя Ильича Чирикова, матушку же—Богомъ благословенную любезную его сожительницу, Парасковію Яковлевну, съ драгайшими ихъ дѣтками; и охоцкаго главнаго командира, Григорья Григорьевича Скорилкова-Писарева: пожалуйте мои свѣты, молитеся о нихъ ко Господу Богу, да по щедротамъ милости и милосердію своему, какъ духомъ, такъ и видѣніемъ, обще всѣхъ насъ сподобитъ и удостоитъ жить въ заповѣдяхъ Его святыхъ въ ономъ мѣстѣ временно и вѣчно». «Прошу мой свѣтъ — писалъ онъ въ другомъ письмѣ — посланную мою при семъ письмѣ челобитную, молясь Богу, какъ онъ Господь Богъ вразумитъ, посовѣтовавъ съ любезными нашими дѣтьми и съ милостивыми нашими сродниками, и съ друзьями, чрезъ кого будетъ возможно, подать всемилостивѣйшей великой Государынѣ нашей Императрицѣ. А наплучшій къ тому кажется способъ: въ началѣ просите милосердаго моего отца А. Макарова и прочихъ сродниковъ нашихъ и благодѣтелей, чтобъ они, кто изъ дѣтей нашихъ съ тою челобитною въ С.-Петербургъ для подачи поѣдетъ, писали бъ съ прошеніемъ ко всѣмъ своимъ и нашимъ милостивцамъ и благодѣтелямъ, изъятію же къ оберъ-секретарю Никорину, чтобы онъ приложилъ трудъ свой и попеченіе—просить милосердую къ намъ и ко всѣмъ спротамъ благородную госпожу Анну Осдоровну Юшкову, да чрезъ ея предстательство и предводительство всемилостивѣйшей Государынѣ Императрицѣ подать челобитную. А для ѣзды, и на всякія издивенія и убытки, пожалуй не жалѣй села новоуспенскаго: какъ возможно изволь кому отдать во владѣніе или заложить; а отъ меня съ радостію на него крѣпость готова». «Пожалуйте не оставьте меня—писалъ онъ къ зятю Никитѣ Кожину и къ дочери—и любезную мою Анну Дмитріевну матерь вашу, и общихъ нашихъ дѣтокъ во святыхъ своихъ молитвахъ, и ко общему нашему житію во всякихъ нуждахъ. Аще и разно живемъ, но по милости Іисусъ Христовѣ не разлучно духомъ: при семъ прилагаю и къ вамъ, мои свѣты, копіи съ прежняго письма моего и съ челобитной, каковы и нынѣ послалъ я къ любезной

моей сожительницѣ. Прилагаю же и къ вамъ сего ради, да общее соединенное, согласное, и любовное о мнѣ стараніе, и труды, какъ васъ Богъ наставитъ, приложите: пожалуйте другъ другу помогайте, и другъ друга тяготы носите, и тако исполните законъ Христовъ. Впрочемъ покорно всѣхъ васъ прошу, ищите милостивой къ намъ любви морскаго флота пребывающаго при здѣшней экспедиціи благороднаго господина, моего премилосердаго отца, Алексѣя Ильича Чирикова, у сродниковъ его и благодѣтелей; а имешно чрезъ кого посланные отъ меня чрезъ его благородіе письма и челобитную получите, аще лицомъ къ лицу, аще и письменно: то съ покорнымъ прошеніемъ до ихъ милости пишите и попечится ихъ милость въ любовь къ себѣ привесть».

Сближаясь съ Чириковымъ, Аврамовъ все больше и больше расходился съ Скорняковымъ-Писаревымъ. Эти два человѣка—Чириковъ и Скорняковъ-Писаревъ—различно смотрѣли на многія вещи, особенно въ области нравственнаго міра: вслѣдствіе этого и отношенія ихъ къ Аврамову были неодинаковы. Чириковъ съ набожностію и вниманіемъ выслушивалъ его «хапжескія бредни», а Скорняковъ-Писаревъ смѣялся надъ его видѣніями. Столкновенія эти были поводомъ къ тому, что Скорняковъ послалъ на Аврамова доносъ въ Тайную канцелярію, въ которомъ описалъ всѣ его поступки. Мы выпишемъ изъ него то, что можетъ характеризовать Аврамова во время его пребыванія въ Охотскѣ. «Онъ, Аврамовъ, яко всѣмъ вѣдомый старый хапжа, притворя себѣ благочестіе и показывая себя святымъ, сдружился великою дружбою съ подобнымъ себѣ хапжею жъ, капитаномъ Чириковымъ, и его—Чирикова—въ именины благословилъ иконою пресвятыя Богородицы, именуемыя казанскія, которую онъ, Чириковъ, съ великою радостію, яко отъ святаго мужа, принялъ; и сдружася онъ, Аврамовъ, съ нимъ, Чириковымъ, предлагалъ ему (для своего лакомства, и чтобъ ему въ Охотскѣ довольное пропитаніе имѣть безъ своего коштту даромъ), чтобъ въ Охотскѣ построить странноприимницу, а ему бъ надъ нею надзирателемъ быть. По которому его предложенію, онъ, Чириковъ, и капитану командору Берингу предлагалъ; и по тому Чирикова предложенію, велѣлъ онъ, Берингъ, въ помощь той странноприимницы отдать ему, Чирикову, изъ пожитковъ умершаго экспедичнаго іеромонаха Антонія сто рублей

денегъ, и писалъ онъ Чириковъ, въ канцелярію охотскаго порта, чтобъ тѣ деньги приняты были Аврамовымъ; и хотя я тѣ деньги принять велѣлъ ему, Аврамову: однакожъ тѣ деньги, вѣдая его старое ханжество и лакомство, не на строеніе странноприимницы издержать велѣлъ, а на пропитаніе убогихъ и больныхъ, записывая въ расходъ въ шнурованную книгу, — которыхъ онъ издержалъ сорокъ пять рублевъ, а ни одной копѣйки въ расходъ въ книги не записалъ. Онъ же Аврамовъ, яко обычай плутамъ и ханжамъ, сказывалъ явно всѣмъ чудо такое: ея де императорское величество указала ему Аврамову успенскаго большаго собору мѣстной Спасовъ образъ почистить, которой де отъ старости и отъ пожаровъ повредился; и онъ де, Аврамовъ, собравъ въ Москвѣ лучшихъ иконописцевъ, и взявъ тотъ образъ въ патріаршую палату, велѣлъ тѣ поврежденныя мѣста вырѣзать и вырѣзавъ вновь налевкасить, и по левкасу написать то, что въ которомъ мѣстѣ написано было. И иконописцы де написали и подвели такъ, какъ прежде было, и узнать де нельзя, что вновь писано. И захотѣлося де ему, Аврамову, и весь тотъ образъ поповить: и онъ де велѣлъ старую олиѳу счистить; и какъ де ту олиѳу ножемъ скребли и стали накладывать краски: то де краски цвѣты своя измѣнять стали, и не могли де никакъ угодить, чтобъ привесть, какъ сперва тотъ образъ написанъ былъ, понеже де того поповленія Господь Богъ учинить не благоволилъ.—И видя я, что онъ то чудо притворное объявляетъ, сказалъ ему, что то не чудо, понеже всякіе краски положенныя на бѣлое обыкновенно въ собственномъ своемъ цвѣтѣ являются, а положенныя на другія краски обыкновенно жъ собственные свои цвѣты измѣняютъ, и, положа краски на бумагѣ, то ему и практикою довелъ, и за то на него кричалъ, чтобъ онъ такихъ вымышленныхъ ложныхъ чудесъ въ народъ не разглашалъ и простыхъ людей не прельщалъ.—Да онъ же, Аврамовъ, домогался чрезъ друга своего Чирикова, чтобъ онъ, Чириковъ, Берингу предложилъ, чтобъ Берингъ писалъ въ Кабинетъ ея императорскаго величества: которые тунгусы и якуты въ Охотскѣ крестились, тѣ будто крестился его, Аврамовымъ, приводомъ и стараніемъ, а тѣхъ якутовъ и тунгусовъ не одинъ онъ, плутъ, приводилъ къ крещенію, но многіе служивые люди приводили своихъ работишковъ и прочихъ многихъ; и лучшаго пѣшаго князца

Челыка крестилъ я, и на него смотря, жена его и дѣти съ женами и прочіе многіе, какъ пѣшіе, такъ и оленные тунгусы, крестилися. И какъ о томъ его домогательствѣ увѣдомился я, тогда призвавъ его, Аврамова, въ канцелярію, за то кричалъ на него и порученные ему на милостыню деньги велѣлъ ему принесть въ канцелярію. И онъ, плутъ Аврамовъ, о томъ разжаловался подобному себѣ плуту, другу своему Чрикову и Плаутину [1]), и что я объ ихъ Чриковыхъ и Плаутина худыхъ поступкахъ (о которыхъ именно сибирскому приказу въ рапортѣ написано) при немъ Аврамовѣ говорилъ, то онъ все имъ сказалъ; и за то они, Чриковъ и Плаутинъ, согласяся и умыслі воровски, велѣли меня позвать въ гости къ штурману команды моей, Авраму Дементьеву, о которомъ явно, что и онъ въ томъ ихъ воровскомъ умыслѣ съ ними былъ, за то, что я его на публичной женщинѣ, Ивана Картмазова метресѣ, жениться не допустилъ; и какъ къ нему, Дементьеву, пришелъ и сѣлъ на стулъ противъ его, Чрикова, и онъ, Чриковъ, примѣтався словами (а какими, о томъ именно объявлено въ рапортѣ моемъ сибирскому приказу) называя меня плутомъ и выбраня, ударилъ въ лицо кулакомъ, и ухватя за волосы, какъ онъ, Чриковъ, такъ и Плаутинъ, били меня смертнымъ боемъ, наклоня за волосы въ глаза и въ лобъ ногами обутыми въ сапоги носками, и тѣми побоями разбили у меня лѣваго глаза бровь и вѣко и подъ глазомъ скулъ, отчего тѣмъ глазомъ и нынѣ за пухотою не смотрю, и между глазъ лобъ разбили до крови, и волосовъ многое число выдрали, и ежели бъ не приключился при томъ поручикъ Маркъ Бобановской, то бъ они меня и до смерти прибили; а штурманъ Дементьевъ, яко моей команды человѣкъ и хозяинъ, и видя что нагло они Чриковъ и Плаутинъ нападчи на меня смертно бьютъ, никакой помощи мнѣ не подалъ, и потому и паче стало явнѣе, что онъ въ томъ воровскомъ умыслѣ согласникомъ былъ; да и когда я освобожденіемъ Бобановскаго изъ избы вышелъ, тогда онъ, Дементьевъ, ко мнѣ не вышелъ, и остался въ избѣ съ ними Чриковымъ и Плаутинымъ. И вышедъ я изъ штурманской избы, велѣлъ плута Аврамова взять за карауль и письма у него обрать».

---

[1]) Кто такой Плаутинъ—не знаемъ. Скорняковъ-Писаревъ писалъ о немъ, что онъ Аврамову свой по женѣ.

«Въ письмахъ его явилась молитва, какой я ни въ какой книгѣ не видалъ, писанная его Аврамова рукою тако: «Господи Іисусе Христе, единородный безначальнаго Твоего Отца, рекль еси пречистыми Твоими усты, яко безъ Мене не можете творити ничесоже. Господи мой, Господи, вѣрою объемъ въ души моей и въ сердцѣ Тобою реченная, припадаю къ Твоей благости, помози мнѣ грѣшному сіе желанное мною начеть о Тебѣ самомъ и совершити». А какое опъ дѣло намѣренъ начинать и совершить, того не вѣдомо, и сія молитва зѣло сумнительна. И найдено жъ письмо, въ которомъ написано: «во славу пресвятыя, единосущныя, животворящія и нераздѣльныя Троицы, Отца и Сына и Святаго Духа, грядетъ во всю вселенную велпкая слава и милость Божія и неизреченныя щедроты сладчайшія любве Іисусъ Христовы. Успѣвай, успѣвай, успѣвай и царствуй въ православной вѣрѣ и надеждѣ». «Да сыскапы жъ выписки изъ книгъ о благихъ дѣлахъ, которыя, по его плутовскимъ словамъ, къ дѣлу его приличны. И по тѣмъ выпискамъ безъ сумнѣнія явно видно, что опъ, Аврамовъ, не токмо словесно, но и письменно толковавъ невинность свою, и будто опъ терпитъ ссылку, яко исповѣдникъ, объявлялъ или объявлять намѣренъ былъ всѣмъ того для, чтобъ видя его, Аврамово, безвинное за вѣру исповѣдническое терпѣніе, давали ему деньги, платье и прочее, какъ Чириковъ далъ уже ему двѣ пары платья, шубу и десять рублевъ денегъ, а Плаутинъ десять же рублевъ, и прочіе сдавали больше двадцати рублевъ, ибо у него явилось денегъ больше сорока рублевъ; а попеже всѣмъ добрымъ людямъ извѣстно, что никакимъ инымъ образомъ такъ мочно у простаго народа вымапивать деньги, какъ притворнымъ благочестіемъ, и показывая себя молитвепникомъ, какъ опъ плутъ Аврамовъ въ Охотскѣ себя называлъ, и какъ такіежъ воры и плуты въ присутствіи моемъ въ Тайной канцеляріи являлися, а именно: разстрига Демидъ, Михайло Босой и архимандритъ александрова свирскаго монастыря [1]):—и для вышеобъявленнаго его,

---

[1]) Демидъ—бывшій суздальскій епископъ Досиѳей—казненный за участіе въ заговорѣ царицы Евдокіи противъ Петра. Михайло Босой—по тому же дѣлу сосланъ на галеры въ вѣчную работу. Устрялова, *Исторія Петра В.* Т. VI, глава VII.

Аврамова, держать въ Охотскѣ я не смѣлъ, дабы отъ него о вышеупомянутомъ разглашенія не произошло и иныхъ бы какихъ хапжинскихъ воровствъ не учинилъ, а я бъ безвинно не погибнулъ, послалъ его, Аврамова, при семъ рапортѣ скована за крѣпкимъ карауломъ въ якутскую воеводскую канцелярію, и сей репортъ написалъ я своею рукою съ великою нуждою, смотря однимъ глазомъ, того для, чтобъ никто не зналъ, для чего онъ, Аврамовъ, въ Тайную розыскныхъ дѣлъ канцелярію послапъ, и черный рапортъ, писанный моею же рукою, сжегъ, того для, чтобъ въ Охотскѣ о томъ никакого извѣстія не осталося. 15 апр. 1740 г.» [1]).

Вслѣдъ за этимъ донесеніемъ, Скорняковъ, на другой день, отправилъ новое по поводу найденной у Аврамова, при отсылкѣ его въ Якутскъ, книжки о блаженствахъ. «При самой посылкѣ изъ Охотска плута и хапжи Михаила Аврамова, сыскана у него, Аврамова, схороненная въ сумкахъ книжка о блаженствахъ, о которой онъ говоритъ, что будто въ ней напечатано подъ видомъ меда ядъ змѣинъ, и въ ней закладки положены, а на какихъ мѣстахъ, то изволитъ усмотрѣть Тайная розыскныхъ дѣлъ канцелярія, которыхъ закладокъ я не перемѣнялъ; а отъ кого онъ, Аврамовъ, ту книгу взялъ, о томъ я его не спрашивалъ, дабы, по какому онъ дѣлу послапъ, не разгласилося; и тое книжку, и книжкужъ исповѣданія вѣры, вытянутую у него изъ той же сумы со многими закладками, при семъ доношеніи въ Тайную розыскныхъ дѣлъ канцелярію послалъ. И по сему уже явпѣе объявляется, что онъ, Аврамовъ, ту книжку о блаженствахъ и выписки о благихъ дѣлахъ съ Чириковымъ толковали, ибо онъ, Аврамовъ, Чирикова въ письмѣ къ женѣ своей такъ возвышалъ, будто онъ, Аврамовъ, по милости Іисуса Христа и по дару Его божественному, за молитвами и предстательствомъ родшія Его Богоматери и небесныхъ силъ и всѣхъ святыхъ, получилъ его, Чирикова, себѣ духовную радость и отца; а духовная радость не иное что, только то, что онъ, Аврамовъ, толковалъ ему, Чирикову, книги, которыхъ и у Чирикова много накуплено, а не для инаго чего, только для лицемѣрства, чтобъ видѣли у него много книгъ и почитали бы его за

---

[1]) Донесеніе Скорнякова-Писарева въ Госуд. архивѣ, въ дѣлахъ объ Аврамовѣ.

святаго; а онъ, Чириковъ, не токмо что книжный разумъ богословскихъ книгъ толковать умѣетъ, но и псалмовъ въ часовникѣ, яко деревенскій изъ Москвы незнающій неукъ, проговорить по просодіямъ не умѣетъ, а говоритъ такъ, какъ говорятъ дураки, живущіе за Окою сельскіе церковные дьячки. И какъ Чириковъ его, Аврамова, принялъ къ себѣ въ великую дружбу, то надѣюся, что онъ, Аврамовъ, денно и ночно толковалъ ему, Чирикову, изъ книгъ кривотолки, и за то онъ, Чириковъ, конечно его, плута Аврамова, за святаго почиталъ. Понеже какъ я у него, Чирикова, на святой недѣлѣ былъ и сказывалъ ему при немъ, Аврамовѣ, о его, Аврамовой, прежней челобитной—о переносѣ изъ троицкой санктпетербургской церкви изъ алтаря образа Богородицы Казанской въ церковь Казанской Богородицы на старое мѣсто—и упоминалъ въ челобитной его, Аврамова, враки: тогда онъ, Чириковъ, зѣло на меня осердился и въ лицѣ перемѣнился; и какъ онъ, Аврамовъ, разсердился жъ, изъ избы его вышелъ, тогда онъ, Чириковъ, мнѣ говорилъ: мнѣ-де кажется, что Аврамовъ добрый человѣкъ и, прибывъ-де въ Охотскъ, трижды причащался и мѣста-де себѣ высшаго, хотя-де онъ статскій совѣтникъ былъ, не ищетъ, а не какъ-де Пденисперъ и Чемудоровъ. И какъ я ему сказалъ, что онъ обманывая его и образомъ Казанской Богородицы на именины его, Чирикова, благословилъ, что ему дѣлать было не прилично, то онъ мнѣ отвѣчалъ: онъ-де, Аврамовъ, человѣкъ добрый и послѣднее свое отдастъ; а то онъ, Чириковъ, яко ослѣпленный дуракъ, не могъ разсудить, какъ онъ, Аврамовъ, лицемѣрно его обманываетъ: отдалъ образъ цѣною въ рубль, а съ него взялъ, кромѣ запасу платьемъ, обуви и деньгами рублевъ на семдесятъ».

Путешествіе Аврамова въ Якутскъ, невѣдомо для него самого и для власти, отправившей его въ эту экспедицію, было началомъ возврата его на родину. Въ мартѣ 1741 года поданъ былъ правительницѣ экстрактъ объ Аврамовѣ, съ мнѣніемъ Тайной канцеляріи. «Хотя онъ, по силѣ имянныхъ 1732 и 1739 годовъ указовъ, за вины его, о которыхъ въ означенномъ экстрактѣ явствуетъ именно, въ ссылку и посланъ былъ, и хотя тамъ противъ Указа въ разговоры онъ о тѣхъ дѣлахъ и вступалъ, однакожъ важныхъ причинъ изъ того не произошло, и при томъ все это учинено имъ было до состоявшихся высочайшихъ милостивыхъ указовъ; къ то-

му же Маркеллъ Родышевскій, отъ котораго все то дѣло сперва произошло, равно и дворяшинъ Иванъ Носовъ, который также о подобныхъ дѣлахъ показывалъ, по милостивѣйшемъ указѣ свобожденъ: вслѣдствіе чего не соизволитъ ли ея императорское величество всемилостивѣйше указать помянутаго Аврамова нынѣ изъ-подъ ареста свободить и позволить ему жить въ своихъ деревняхъ? — Правительница утвердила мнѣніе Тайной канцеляріи.

Съ восшествіемъ на престолъ Императрицы Елисаветы Петровны, Аврамовъ снова выступилъ съ проэктами. Сначала онъ подалъ Императрицѣ краткое доношеніе, а въ ноябрѣ 1749 года пространную челобитную, въ которой, описавъ свои заслуги покойному ея родителю, предлагаетъ ей наставленія, какъ она должна царствовать для славы имени Божія. Упомянувши въ предисловіи о прежеподанномъ краткомъ доношеніи, онъ проситъ, «чтобы ея величество дозволила доношеніе это ему единому предъ собою прочесть и въ тайности изволила отъ него выслушать». Потомъ онъ предлагаетъ свои наставленія «о исправленіи изнемогающаго въ православной вѣрѣ и о просвѣщеніи непросвѣщеннаго народа во всей вселенной». Аврамовъ совѣтуетъ сочинить и напечатать для всенароднаго спасенія о любовной мирной должности пункты и разослать и роздать всѣмъ тупе. Умножить епархіи и въ нихъ архіереевъ, также въ городахъ и селахъ — святыхъ обителей и приходскихъ церквей и при нихъ іеромонаховъ и бѣлыхъ священниковъ. Учредить во всемъ государствѣ вездѣ при 3000 окружныхъ дворахъ пространныя странноприимницы и къ нимъ тысячныхъ и прочихъ начальниковъ, которымъ имѣть старожиламъ и пришельцамъ переписныя книги и за ними смотрѣть, всѣ ли находятся въ любви христіанской. Утвердить закономъ, чтобы всѣмъ исповѣдываться четыре раза въ годъ и выдавать за это награды — первостатейнымъ по 9, другимъ по 6 и 5 рублей. Исповѣдь должна совершаться по древнимъ книгамъ. Размножить миссіонеровъ для просвѣщенія язычниковъ святою вѣрою; а какъ для этого нужны деньги, то Аврамовъ предлагаетъ проэктъ о монетѣ, чтобы собрать всю ходячую монету въ государствѣ, положить на ней государственный штемпель и поднять ея курсъ на нѣсколько процентовъ, такъ что правительство, не прибѣгая къ займу и къ новому выпуску монетъ, пріобрѣтетъ отъ возвышенія курса значительный капиталъ.

Когда денегъ станетъ много, то выкупить крестьянъ, ссужать деньги торговымъ людямъ для оборотовъ, построить во всѣхъ селахъ и деревняхъ каменныя церкви, и вывести все каменное строеніе, чтобъ пожары были не такъ опустошительны, сдѣлать запасные хлѣбные магазины и проч. О противникахъ, которые пайдутся въ развратной жизни, доносить великому архіерею. Священники должны ходить въ домы своего прихода не меньше, какъ разъ въ недѣлю, и наблюдать, не ссорятся ли мужъ съ женою, слушаются ли дѣти родителей и слуги господъ. При ея императорскомъ величествѣ быть единому наиглавнѣйшему тайному дѣйствительному совѣтнику и именоваться ему государственнымъ правдохранителемъ. Потомъ Аврамовъ предлагаетъ о немедленномъ окончаніи книгъ: Библіи, Кормчей и прочихъ, о составленіи исторіи родителей ея величества и государствованія ея величества. Тяжебъ и исковъ не начинать безъ совѣта и благословенія отца духовнаго. Собрать духовный соборъ для разсмотрѣнія церковныхъ дѣлъ и окончанія всѣхъ предначертаній Петра Великаго. Чтобъ министры и прочія особы чрезъ корреспондентовъ вывозили себѣ изъ другихъ государствъ золотые и серебряные сервизы, а за оные платить бы товарами: ревенемъ, поташемъ, смолою, саломъ, юфтью и хлѣбомъ. Устроить тюрьмы съ разными отдѣленіями и разсажпвать преступниковъ по разнымъ камерамъ, чтобы одни у другихъ не учились дурному. Такъ какъ въ судьяхъ главное — благочестіе, то отдать ихъ для паученія въ монастырскія обители монахамъ: въ теченіи трехъ мѣсяцевъ держать ихъ подъ карауломъ и къ 30 узникамъ опредѣлить одного наставника, лучшаго изъ монастырскихъ монаховъ, чтобы онъ наблюдалъ за нравственнымъ воспитаніемъ судей. Послѣдніе должны вести жизнь монашескую, ходить въ церковь ко всякой службѣ, утромъ и вечеромъ класть по 300 поклоновъ, а днемъ читать Библію, Камень Вѣры, Четп-Минеи и Прологи. Такъ какъ путешествія съ религіозными цѣлями въ ту пору въ Россіи были весьма распространены, то Аврамовъ совѣтуетъ подчинить ихъ надзору духовныхъ властей и предлагаетъ сдѣлать, вмѣсто письменныхъ паспортовъ, мѣдные гридорованные круги, тяжеловѣсные, съ надписью, чтобы не было подлѣлки, и разослать ихъ къ епархіальнымъ архіереямъ для раздачи желающимъ странствовать и милостынею питаться: и таковыхъ от-

пускать въ божественный путь съ радостію, безъ задержанія; а въ работы и рукодѣлія, аще который господинъ на то не позволитъ, таковыхъ не отпускать. Кто изъ нихъ постригется въ монашество, о таковыхъ отнюдь не имѣть взысканія, но быть имъ свободнымъ. «Таковыя истинныя правила христіанскія, съ помощію всемогущаго Бога, могутъ охранять насъ убогихъ отъ неусыпныхъ коварнаго сатаны тончайшихъ льстивыхъ его подлоговъ; понеже часто и съ праваго пути забѣгаетъ лестно окаянный, показуя, якобы и на созданіе дѣлъ благихъ радѣетъ. И подъ такимъ зловымышленнымъ своимъ воровскимъ вкратчися покрываломъ, всеспасительное узаконенное истинное Христово и святыя Его церкви ученіе опровергаетъ и до конца, хитрецъ, искоренить желаетъ. И не токмо въ распутное, но и въ самое атеистическое житіе ввергнуть радѣетъ, какъ въ началѣ прельстилъ и обольстилъ иностранцевъ: первѣе вкоренилъ въ нихъ многое и безмѣстное упованіе на благодать Божію и, подъ тѣмъ покрываломъ, утвердилъ въ нихъ легкое единою вѣрою спасеніе. По сему же и у насъ, по ихъ примѣру, подъ покрываломъ правосудія, ввелъ хитрецъ законопреступную присягу и по оной всѣваетъ ложь и неправду, и житіе тщеславное и распутное, и всякое непостояиство; подъ указомъ о бѣглыхъ, выкралъ льстецъ ближайшее и наилучшее человѣку монашеское спасеніе, и спасающую милостыню и всесвятое страннопріимство, и многая уже ввелъ льстецъ своя лжеученія. Усилился же окаянный льстецъ за самовластную настоящую нашу слабость и небреженіе. Первѣе, подъ покрываломъ правосудія, ввелъ хитрецъ законопреступную присягу и по оной вкоренилъ ложь и неправду и всякое непостояиство. Подъ попечительною ревностію о цѣлости государственнаго состоянія, выкралъ, проклятый воръ, сущее покаяніе, еже есть второе крещеніе. Подъ сыскапіемъ раскольщиковъ и самую страшную обругалъ святую Евхаристію и научилъ на серебрѣ продавать Духа Святаго. Подъ наилучшимъ полицейскимъ распорядкомъ научилъ Христа ругать и обижать въ образѣ нищихъ, и богоугодное раздѣленное христіанское погасилъ страннопріимство. Подъ многимъ и безмѣстнымъ упованіемъ на благодать Божію ввелъ хитрецъ блудъ и прелюбодѣйство, пьяиство и опроверженіе святаго поста и монашескаго душеспасительнаго житія; и подъ такимъ тончайшимъ злоумышленнымъ покры-

валомъ, свободно уже вводитъ во всемъ неправое, тщеславное, слабое, распутное, сластолюбное и славолюбное, языческихъ обычаевъ погибельное житіе, которое и между иностранцами испервa, подъ таковымъ же многаго и безмѣстнаго упованія на благодать Божію покрываломъ, ввелъ окаянный хитрецъ свободно. Посмотримъ на настоящее ихъ житіе и узнаемъ и разсудимъ: не отъ лукаваго ли его совѣта сія дѣла ихъ и прилично ли христіанамъ попускать явно, чрезъ печатныя атеистическія книжицы, низводить въ небытіе Творца своего и Бога, и облыгать вся Его божественная творенія, дѣла и содѣйствія, въ уничтоженіе и въ поруганіе всего священнаго писанія, и прочія беззаконныя печатать и разсѣвать богопротивныя книжичищи, яко же изъ гюйгенсовой и фонтенелевой печатныхъ книжичищъ [1]) сатанинское коварство явно есть видимо, въ нихъ же о сотвореніи міра такъ напечатано: мірозрѣніе или мнѣніе о небесно-земныхъ глобусахъ и украшеніи ихъ,—которыхъ множественное число быти описуетъ, называя странными древнихъ языческихъ лживыхъ боговъ именами; землю же съ Коперникомъ около солнца обращающуюся и звѣзды многія толикими же солнцы быти; и особыя многія луны, во многихъ глобусахъ, быти утверждаютъ, и на оныхъ небесныхъ свѣтилахъ, и во всѣхъ множественныхъ описанныхъ отъ нихъ глобусахъ, таковымъ же землямъ, яко же и наша, быти научаютъ, и обитателей на всѣхъ тѣхъ земляхъ, яко же и на нашей землѣ, быти утверждаютъ, и поля, и луга, и пажити, и лѣса, и горы, и пропасти, и моря, и прочія воды, и звѣри, и птицы, и гады, и всякое земледѣліе, и рукодѣліе, и музыки, и дѣтородные уды, и рожденіе и все прочее, яже на нашей землѣ, тамо быть доводятъ. И между тѣмъ всѣмъ о натурѣ воспоминаютъ, якобы натура всякое благодѣяніе и дарованіе жителямъ и всей даетъ твари: и тако вкратчися хитрятъ вездѣ прославить и утвердить натуру, еже есть жизнь самобытную».—Это сочиненіе Аврамова для насъ важно и потому, что сообщаетъ всѣ тѣ біографическія подробности объ Аврамовѣ, которыя мы привели выше.—Разсказавши о всѣхъ прежнихъ проэктахъ своихъ и страданіяхъ за нихъ, Аврамовъ говоритъ, что «аще

---

[1]) О книгахъ Гюйгенса и Фонтенеля у Пекарскаго: Наука и литература въ Россіи при Петрѣ В., ч. I стр. 282—283 и 511.

Господь мой благоволитъ возложить на мя такія же страданія, готовъ есмь до послѣдняго моего конечнаго часа съ Его Божіею всемогущею помощію потому жъ съ радостію и радостотворнымъ горящимъ моимъ сердцемъ трудъ и страданіе радостно понести». Для подтвержденія своихъ наставленій, Аврамовъ разсказываетъ, какія онъ имѣлъ видѣнія. «Вѣмъ такого человѣка прежде двадесяти семи лѣтъ: егда напечатались вышереченныя богопротивныя атеистическія книги, тогда азъ пришелъ въ великій страхъ предъ Богомъ и печаль, и внезапу сталъ быть во изступленіи, и увидѣлъ надъ собою разводящееся небо, и извнутрь онаго якобы огненное на главу мою посыпалось угліе, а потомъ и явно внутрь сердца моего вселися тогда духъ, и съ той минуты наружно всѣмъ стало явно, что лице и все тѣло мое такъ стало румяно и красно, и началъ огнемъ дышать и пыхать, и восхищенъ, якобы на небо, и увидѣлъ небесныя силы. Послѣ того разслабли во мнѣ всѣ кости и всѣ члены и все тѣло такъ стало слабо, что я лежалъ два мѣсяца неподвиженъ». Но конецъ концовъ всѣхъ наставленій — возстановленіе патріаршества.

Аврамовъ подалъ свою челобитную 21 ноября 1749 г. Случилось, что около этого же времени подалъ Государынѣ «Противные доклады» *Петръ Калачовъ*, отставной капитанъ азовскаго пѣхотнаго полка, бывшій въ правленіе Анны Леопольдовны въ ссылкѣ за приверженность къ Елисаветѣ и въ 1743 г. возвращенный изъ Камчатки. Мы не знаемъ, какіе онъ подавалъ доклады, но Тайная канцелярія нашла въ нихъ сходство съ челобитною Аврамова, въ которой также оказались нѣкоторые пункты, укоризненные для царскаго величества. Пункты эти слѣдующіе: «за исправленіе божественныхъ повелѣній Аврамовъ предлагаетъ запретить входъ церковный: отъ тогожъ запрещенія не исключенъ и самъ той, иже діадиму на себѣ носитъ. Клятву вѣщающимъ—не ступати на праги церковные, и самому тому, иже діадиму на себѣ носитъ. Православнымъ царямъ и священникамъ исполняти божественныя преданія, а не исполняющимъ казни бываютъ. Книга Кормчая въ настоящее сіе лютое волненіе потребна на горящихъ церковь. Какъ только Великій Государь подписалъ духовный Регламентъ, тогда же, во время святыя литургіи, перемѣну въ здравіи своемъ имѣлъ».—Калачовъ уже содержался въ Тайной канцеляріи. Туда же

взяли и Аврамова и спрашивали въ застѣнкѣ съ пристрастіемъ: не имѣлъ ли онъ въ сочиненіи той своей книги какого злаго намѣренія, и не было-ль у него съ кѣмъ какого согласія и противнаго разсужденія, и по написаніи не показывалъ ли онъ ту книгу кому другому? Аврамовъ отвѣчалъ, что писалъ свою книгу съ сущей простоты своей, желая ея императорскому величеству спасенія, а злаго умысла никакого не имѣлъ и нынѣ не имѣетъ; сочинялъ и переписывалъ книгу самъ и совѣту и разсужденія объ ней ни съ кѣмъ не имѣлъ; говорилъ только на исповѣди отцу духовному, что намѣренъ ту книгу подать ея императорскому величеству. Священникъ отвѣчалъ: если это не противно церкви святой, то Богъ тебѣ въ помощь, подавай. Въ Тайную канцелярію взяли священника церкви Гребневской Богородицы въ Москвѣ—Степана Ананьина. Священникъ показалъ, что Аврамовъ точно его сынъ духовный, но ни о какомъ сочиненіи своемъ ему не объявлялъ. Вслѣдствіе этихъ показаній Тайная канцелярія положила мнѣніемъ, что «хотя Аврамовъ за сочиненіе противныхъ книгъ, которыми утруждалъ ея императорское величество, и подлежитъ жестокому наказанію, но какъ онъ тѣ противныя книги сочинялъ съ сущей простоты своей и находится въ престарѣлыхъ лѣтахъ, то учинить его отъ наказанія свободна; а дабы отъ него впредь такихъ противныхъ сочиненій происходить не могло, послать его въ пристойный монастырь, гдѣ велѣть содержать его подъ крѣпкимъ присмотромъ до кончины живота его никуда непсходна, а ежели онъ пожелаетъ принять монашескій чинъ—и въ томъ ему позволить». Но, можетъ быть, вслѣдствіе болѣзни Аврамова, это опредѣленіе не было исполнено. Аврамовъ содержался въ Тайной канцеляріи, въ такъ называемомъ безвѣстномъ отдѣленіи. Наконецъ, въ 1752 г. 24 августа караульный солдатъ этого отдѣленія, Кошелевъ, донесъ Тайной канцеляріи, что находящійся въ вѣдомствѣ его арестантъ Михаилъ Аврамовъ сего числа волею Божіею умре. Тайная канцелярія приказала похоронить его, по священному чиноположенію, въ Колтовской, у преображенской церкви.

7. Окончаніе дѣла саровцевъ и берлюковцевъ. — Ссылка въ Сибирь. — Окончаніе дѣла Макарова. — Возвращеніе саровцевъ. — Недоразумѣнія — Новая ссылка въ Сибирь.

Дѣло несчастныхъ саровцевъ и берлюковцевъ кончилось также ужъ по смерти Ѳеофана, въ томъ направленіи, какое далъ ему Ѳеофанъ. Они признаны государственными преступниками и осуждены съ строгостію, отличавшею тѣ ужасныя времена.

Раньше другихъ кончилось дѣло побочныхъ лицъ. Мы упоминали выше объ *іеросхимонахѣ Димитріи*, котораго Щелягины видали съ Родышевскимъ, и объ *іеромонахѣ Клеопѣ*, который, по порученію Родышевскаго, переписывалъ тетради о монашествѣ для Щелягина. 30 апрѣля 1734 года, Тайная канцелярія предписала московской конторѣ: собрать свѣдѣнія объ іеромонахѣ Димитріѣ — откуда онъ сосланъ былъ въ симоновъ монастырь и за какую вину и въ которомъ году, и въ бытность въ томъ монастырѣ съ кѣмъ и какое обхожденіе имѣлъ, и почему освобожденъ и куда отпущенъ? А іеромонаха Клеопу взять въ контору Тайной канцеляріи, и при взятьи обыскать у него писемъ и книгъ, и что по обыску явится, разобрать и разсмотрѣть и распросить съ немалымъ подтвержденіемъ: по какому случаю и давно-ль онъ свелъ знакомство съ Родышевскимъ, и много-ль копій снялъ съ сочиненныхъ имъ статей о монашествѣ, и кому роздалъ и для чего, и по онымъ копіямъ что приказывали чинить? По розыскамъ оказалось, что іеромонахъ Димитрій ушелъ въ путивльскую молчанскую софроніевскую пустынь, гдѣ и скончался [1]). Но досталось бѣдному строителю, который принялъ его въ свою пустынь. Въ 1731 г. Тайная канцелярія положила отослать его въ Суподъ, съ слѣдующимъ рѣше-

---

[1]) Строитель софроніевской пустыни іеромонахъ Сергій Самойловъ, показалъ, что принялъ его въ 1729 г., признавая по его словамъ и по смиренству, что онъ житія хорошаго и постный мужъ. Димитрій говорилъ, что его знаетъ троицкій архимандритъ Варлаамъ; а принять совѣтовалъ Иванъ Щелягинъ, который видѣлся съ нимъ, Сергіемъ, на ярмаркѣ въ Кролевцѣ. Въ 1731 году, подговоря Онуфрія, Димитрій ушелъ съ нимъ неизвѣстно куда. Послѣ разныхъ спросовъ узнали, что они поселились въ черниговской губерніи, въ двухъ верстахъ отъ монастыря Ериловичи въ лѣсу, близъ желѣзной руды, на рѣчкѣ Сухой Виръ, на землѣ Семена Лизогуба, верстахъ во 100 отъ Вѣтки. Отсюда они хотѣли убѣжать въ Польшу. Сергій умолялъ ихъ не ходить и возвратиться въ софроніеву пустынь. Димитрій скончался въ 1731 году.

нѣмъ: «софроніевой пустыни строителя Сергія — за то, что онъ бѣглаго іеросхимонаха Димитрія принялъ къ себѣ въ софроніеву пустынь, и когда Димитрій изъ той пустыни бѣжалъ и сдѣлавъ себѣ въ лѣсахъ келью, жилъ, то не только не объявилъ, но еще далъ письмо, будто они съ монахомъ Онуфріемъ отпущены имъ изъ софроніевой пустыни, — лиша монашескаго сана, бить плетьми нещадно и сослать въ дальній монастырь, въ которомъ содержать его неисходно въ братствѣ, и впредь не токмо въ настоятели, но и до іеромонашества не допускать. Онуфрія Пряжникова сыскали въ Черниговѣ. По розыску оказалось, что онъ выпросился у отца на ярмарку въ Кролевецъ, взялъ 500 р. денегъ, да съ ними и бѣжалъ въ софроніеву пустынь, гдѣ на другой же день и постригся, опасаясь, чтобы отецъ не помѣшалъ: а охоту къ постриженію возъимѣлъ отъ Четьихъ-Миней.

Клеопы въ симоновѣ не оказалось: онъ былъ опредѣленъ строителемъ въ приписную къ симонову монастырю великовражскую пустынь нижегородской губерніи. По взятіи въ контору Тайной канцеляріи, Клеопа показалъ, что онъ сынъ смоленскаго мѣщанина, по мірскому имени Кондратій Дмитріевъ, что онъ хотѣлъ учиться въ школахъ и для того пришелъ въ Москву, но встрѣтившись съ игуменомъ бѣжецкой добрыиской пустыни, іеромонахомъ Рувимомъ, уѣхалъ съ нимъ въ пустынь и постригся въ монашество; изъ пустыни перешелъ въ симоновъ монастырь, познакомился тутъ съ Родышевскимъ и переписывалъ ему спроста разныя тетради. Такъ какъ другихъ подозрѣній за нимъ не открылось, то въ 1735 г. 26 августа состоялся объ немъ приговоръ: «за вину его, о которой явно по дѣлу, учинить ему наказанье, бить плетьми нещадно и послать въ пристойный монастырь, по разсмотрѣнію Сунода». Сунодальная канцелярія послала его въ сѣвскій спасскій монастырь, запретивъ ему «іеромонашеское дѣйствовать, людей и трапезы благословлять» [1]).

Въ 1738 году, декабря 13-го, по доношенію Тайной канцеляріи, состоялся высочайшій указъ, рѣшившій участь саровцевъ

[1]) Дѣла архива св. Сунода 1735 года № 174.

и берлюковцевъ: разстригу *Якова Самгина*, вмѣсто смертной казни, бить кнутомъ и, съ вырѣзаніемъ поздрей, сослать въ Камчатку, въ работу вѣчно; разстригу *Ивана Кучина* бить кнутомъ и сослать на сибирскіе казенные желѣзные заводы въ работу вѣчно; разстригу *Степана Викторова* отослать въ Военную коллегію, для написанія въ писари; разстригу *Зварыкина*, вмѣсто смертной казни, сверхъ бывшихъ ему розысковъ, бить кнутомъ нещадно и, съ вырѣзаніемъ у него поздрей, сослать въ охотскій острогъ въ работу вѣчно; *іеромонаха Ефрема*, за важныя его вины, по лишеніи іеромонашества, бить кнутомъ нещадно и сослать въ Оренбургъ въ шахты вѣчно; *іеродіакону Гоголѣну*, за вины-жъ его, лиша монашескаго чина, вмѣсто кнута, учинить нещадное наказаніе плетьми и отослать въ Военную коллегію, для написанія въ солдаты. По разстриженіи, приказано имъ называться мірскими именами: Ефрему — Евдокимомъ Короткимъ, Гоголѣну—Борисомъ Степановымъ.—*Никодиму* и *Пахомію*, за то, что слыша они отъ бывшаго строителя той пустыни іеромонаха Іосіи, нынѣ разстриги Якова Самгина, важныя и непристойныя разсужденія, и вѣдая Никодимъ объ одномъ, а Пахомій о трехъ неотправленныхъ Самгинымъ молебнахъ, на него не доносили и о томъ молчали, закрывая его, Самгина, къ тому же и въ прочихъ винахъ и подозрѣніяхъ они явились, о чемъ явно по дѣлу,—учинить жестокое наказаніе, вмѣсто кнута бить плетьми нещадно, и послать къ неисходному жительству въ дальніе монастыри, въ которые св. Сунодъ заблагоразсудитъ. А что они въ монахи постриглись безъ указу своевольно, и за оное чему имѣютъ быть они достойны, оставить на разсужденіе Сунода. По разсмотрѣнію Сунода, Никодимъ отправленъ къ новгородскому, а Пахомій къ вологодскому архіереямъ, для опредѣленія въ дальніе монастыри ихъ епархій [1]). — Саровскій первоначальникъ, *іеросхимонахъ Іоаннъ*, четыре года содержался въ крѣпости, получая кормовыхъ по 2 к. на день. Послѣдняя выдача ему была 16 дек. 1737 г. Послѣ этого имени его не упоминается, на ряду съ прочими, въ расходной

---

[1]) Никодимъ сосланъ въ бѣжецкій монастырь, въ которомъ и оставался до смерти Императрицы Анны; въ 1741 году, марта 9, былъ освобожденъ и опредѣленъ въ московскій чудовъ монастырь.

книгѣ денежной казны: стало быть онъ скончался между 16 декабря 1737 года и 1 января 1738 года; но, судя по ходу дѣла, скончался не насильственною смертію. По показанію самого Іоанна, въ годъ смерти, ему было 67 лѣтъ [1]). Гдѣ онъ погребенъ, изъ дѣлъ Тайной канцеляріи не видно.

Невинность *Макарова* въ дѣлѣ саровцевъ и берлюковцевъ доказана была его собственными показаніями, всѣмъ ходомъ дѣла и показаніями берлюковцевъ съ очныхъ ставокъ и пытокъ. «Самгинъ въ распросѣ до третьяго розыска утверждался: Алексѣю-де Макарову и женѣ его Прасковьѣ о показанныхъ отъ него, Самгина, и ни о какихъ важныхъ дѣлахъ онъ, Самгинъ, не сказывалъ, и ни о чемъ о томъ съ ними, такожъ и они съ нимъ, Самгинымъ, не разсуждали, и согласія ни въ какихъ важныхъ дѣлахъ не имѣли и ни какихъ важныхъ дѣлъ отъ нихъ, Макарова и жены его, онъ не слыхалъ». Но Тайная канцелярія все еще подозрѣвала что-то и продолжала держать Макарова и семью его подъ домашнимъ арестомъ.

Въ 1737 году января 11-го, онъ подалъ Государынѣ прошеніе объ окончаніи его процесса. «Содержимся мы, бѣдные, съ женою и съ дѣтьми, за крѣпкимъ арестомъ, тому уже третій годъ, и не только къ намъ кого, но и насъ до церкви Божіей не допускаютъ, а пожитки мои, и жены, и дѣтей, и племянниковъ моихъ, оставшихся въ спротствѣ послѣ брата моего, всѣ запечатаны и письма забраны; отъ чего, чрезъ продолжительное время, запечатанное платье и другія тлѣнныя вещи въ нижней палатѣ отъ сырости гніютъ; деревнишки наши посторонніе не только нападками своими разоряютъ, но, видя насъ въ такой бѣдности, отнимаютъ напрасно. Всемилостивѣйшая Государыня Императрица, умилосердися надъ нами бѣдными, горькихъ слезъ и печалей наполненными! Повели, всемилостивѣйшая Государыня, для приходящихъ пре-

---

[1]) Издатели описанія саровской пустыни (Общежительная саровская пустынь: записки, собранныя іером. Авелемъ, 2 изд. Москва, 1860 г.), приложили къ описанію портретъ Іоанна, въ схимѣ, съ подписью внизу: скончался въ 1737 году 4-го іюля, на 81 году. Оба числа невѣрны. У нихъ же самихъ въ текстѣ описанія, на 22 стран., сказано объ Іоаннѣ: «житія его въ сей маловременной жизни было шестьдесятъ семь лѣтъ». Это вѣрно.

славныхъ торжественныхъ дней рожденія и тезоименитства вашего императорскаго величества и для своего императорскаго величества многолѣтняго здравія и благополучнаго на всероссійскомъ престолѣ пребыванія, по дѣлу моему милостивое рѣшеніе учинить. Вашего императорскаго пресвѣтлаго величества всеподданнѣйшій и всенижайшій рабъ, Алексѣй Макаровъ, съ женою и съ бѣдными дѣтьми. 11-го января 1737 года».

Чрезъ полгода послѣ этого прошенія (11 сентября) Остерманъ, безъ сомнѣнія по приказанію Государыни, велѣлъ объявить «письма Макарова» Ушакову. Ушаковъ велѣлъ положить ихъ въ удобное мѣсто: на этотъ разъ тѣмъ и ограничилось движеніе дѣла. Еще черезъ полгода (31 января 1738 г.) Остерманъ приказалъ секретарю Тайной канцеляріи Хрущову, съ кабинетнымъ секретаремъ Пуговичниковымъ, разобрать и разсмотрѣть «письма Макарова» и, если явится въ нихъ каковая важность, или какіе покажутся имъ сомнительны, тѣ, отобравъ и описавъ поименно, доложить ему немедленно. Въ письмахъ не оказалось никакой важности, а дѣло опять затянулось. Наконецъ, уже по окончаніи дѣла о саровцахъ и берлюковцахъ, поданъ былъ въ Кабинетъ желанный экстрактъ о Макаровѣ (27-го сентября 1740 года). Какое было окончаніе дѣла, не знаемъ. Судя по послѣдующей перепискѣ, знаемъ однакожъ, что Макаровъ былъ освобожденъ и въ томъ же 1740 году скончался.

Въ 1741 году сынъ Макарова, поручикъ Петръ Макаровъ, съ согласія мачихи своей, вдовы Прасковьи Юрьевой, просилъ возвратить ему изъ Тайной канцеляріи взятыя у отца его письма, записи, векселя и крѣпости. Тайная канцелярія возвратила всѣ, исключая сомнительныхъ, которые положила хранить при дѣлѣ. Чтожъ это были за сомнительныя письма? Исторія Петра Великаго, письма Императрицы Анны къ женѣ Макарова изъ Митавы и нѣсколько писемъ графа Матвѣева и жены его объ увеличеніи содержанія графини Матвѣевой при курляндскомъ дворѣ.

Манифесты правительницы и Императрицы Елисаветы Петровны возвратили изъ ссылки и заточенія и саровскихъ и берлюковскихъ страдальцевъ.

Въ 1741 г., декабря 15, Кабинетъ увѣдомилъ Тайную канцелярію, что ея императорское величество всемилостивѣйше соизволила указать черица, который былъ попомъ въ Москвѣ у Воскресенія въ Барашахъ, именемъ Петръ, а въ черпецахъ названнаго *Пахоміемъ*, изъ ссылки, куда онъ посланъ, свободить и вину его простить. По сунодальнымъ дѣламъ оказалось, что онъ сосланъ былъ, въ 1738 г., въ кириловъ новоозерскій монастырь вологодской епархіи, и что, вслѣдствіе общихъ указовъ 1740 г., уже возвращенъ былъ ему іеромонашескій чинъ. По уваженію того, что Государыня принимала въ немъ участіе, Сунодъ поручилъ мѣстному епископу спросить его, не пожелаетъ ли онъ перейти изъ кирилова монастыря въ другой, по своему выбору? Эта новая милость не застала его въ живыхъ: онъ скончался за три дня до полученія сунодскаго указа (17-го января 1742 года).

Въ 1742 г., 13 мая, по ордеру генералъ-фельдмаршала графа Ласси, велѣно было: писаря кронштадтской гарнизонной канцеляріи, *Степана Викторова*, который былъ монахомъ берлюковскаго монастыря и за нѣкоторое погрѣшеніе, въ 1734 году, написанъ въ военную службу въ писари, вслѣдствіе высочайшаго указа 15 декабря 1741 года, изъ военной службы выключить, и для возвращенія ему прежняго монашескаго чина отослать въ Сунодъ при доношеніи. Куда онъ былъ послѣ того опредѣленъ Сунодомъ, не извѣстно.

Въ 1743 г. января 27, саровскій строитель Дорооей съ казначеемъ Филаретомъ, подали въ Сунодъ на высочайшее имя прошеніе о бывшихъ саровцахъ — *іеромонахѣ Ефремѣ*, *іеродіаконѣ Ѳеофилактѣ*, *монахѣ Ааронѣ*, да о переселившихся изъ той пустыни въ берлюковскій монастырь *іеромонахахъ — Іосіи и Іаковѣ и іеродіаконѣ Богольтѣ*, взятыхъ по нѣкоторому дѣлу въ Тайную канцелярію въ 1734 году: «дабы повелѣно было высочайшимъ в. в. указомъ, возвратить ихъ по прежнему въ нашу пустынь, и изъ нихъ іеромонаха Іосію (Самгина) опредѣлить, вашего и. в. указомъ, на мое строительское мѣсто, во оной пустынѣ строителемъ, того ради, что я нижайшій, за старостію своею и дряхлостію, въ строительствѣ болѣе быть не могу; а онъ, іеромонахъ Іосія, въ томъ строительствѣ быть достоинъ и той нашей пустыни обще-

жительный уставъ въ настоящемъ сохраненіи ненарушимо содержать можетъ, ибо онъ постриженъ въ той нашей пустыни и жительство имѣлъ долговременное въ добродѣтельномъ житіи и безпорочно». Сунодъ потребовалъ свѣдѣній изъ Тайной канцеляріи. Тайная канцелярія отвѣчала, что Самгинъ, Кучинъ и Короткій значатся въ *вѣчныхъ* ссылкахъ—Самгинъ въ Камчаткѣ, Короткій—въ Оренбургѣ, Кучинъ—на сибирскихъ казенныхъ желѣзныхъ заводахъ; бывшій іеродіаконъ Боголѣпъ, а по разстриженіи Борисъ Степановъ,—въ кронштадскомъ гарнизонномъ полку въ солдатахъ, и въ прошломъ 1739 году въ январѣ мѣсяцѣ (какъ онъ поданнымъ доношеніемъ 1741 года апрѣля 29 объявилъ) вступилъ въ брачное сочетаніе. Бывшіе саровской же пустыни іеросхимонахъ Иванъ и іеродіаконъ Ософилактъ, будучи въ Тайной канцеляріи подъ карауломъ, померли. Тѣмъ дѣло и кончилось. Сунодъ, по причинамъ, которыя сейчасъ же и объяснятся, не вошелъ въ дальнѣйшее объ нихъ ходатайство.

Прошло еще два года. Дѣло и затихло было, но не ожиданно поднялось снова. Мы встрѣчаемъ нашихъ старыхъ знакомыхъ въ московской сунодальной конторѣ, тамъ же, гдѣ встрѣтили ихъ въ первый разъ одиннадцать лѣтъ назадъ.

Въ 1745 году 7 февраля, московская сунодальная контора донесла св. Суноду, что въ ней явились, съ данными изъ сибирской губернской канцеляріи паспортами, бывшіе въ берлюковской пустыни строитель іеромонахъ Іосія, да іеромонахъ Іаковъ, нынѣ же растриги Яковъ Самгинъ, да Иванъ Кучинъ, и просятъ возвратить имъ іеромонашескіе чины и опредѣлить въ монастырь въ братство; ибо-де, въ прошломъ 1744 году, доносителю на нихъ монаху Георгію Зварыкину, монашество возвращено и опредѣленъ онъ въ саровскую пустынь.—Контора, не имѣя свѣдѣній—въ какихъ винахъ они явились и подлинно ль Зварыкину возвращено монашество,—потребовала изъ саровской пустыни извѣстія: подлинноль и по какому указу, возвращено Зварыкину монашество; а изъ Сунода просила разрѣшенія, какъ поступить съ сибиряками-саровцами. Чтобы они «не шатались праздно», въ ожиданіи этой резолюціи контора отослала ихъ пока въ донской монастырь.

Какіе сны снились этимъ несчастнымъ? Вотъ доплыли они,

послѣ бурь и крушеній, до берега; вотъ видѣется и родной домъ— честная ихъ обитель, гдѣ проведено столько лѣтъ, — съ которою связано столько воспоминаній. Съ сердечнымъ замираніемъ они хотятъ ухватиться за берегъ. Но какая-то невидимая рука отталкиваетъ ихъ. Невыразимое отчаяніе охватываетъ сердце. Еще одно послѣднее усиліе... Нѣтъ и нѣтъ.

Сунодъ, выслушавъ донесеніе московской конторы, потребовалъ извѣстія изъ Тайной канцеляріи: вины Самгина, Зварыкина и Кучина, за которыя они были истязуемы и сосланы въ ссылки, не касаются ль къ важнѣйшимъ первому и второму пунктамъ, и слѣдуетъ ли отпустить имъ эти вины на основаніи общей амнистіи— высочайшихъ всемилостивѣйшихъ указовъ?

Предсѣдателемъ Сунода былъ въ ту пору крутицкій архіепископъ Платонъ,—самъ бывшій въ Сибири и въ Камчаткѣ,—тотъ самый, котораго, подъ именемъ Павла Малиновскаго, мы видѣли въ нашей исторіи наряду съ Самгинымъ и Зварыкинымъ. Стало быть запросъ этотъ не былъ проволочкой. Сунодъ уже вспоминалъ объ этихъ несчастныхъ по смерти императрицы Анны; да видно еще свѣжи были преданія ея царствованія.

Не умирающій *генералъ*, въ то время уже *графъ*, *Ушаковъ* отвѣчалъ, что «они, вмѣсто смертной казни, отправлены на работы *вѣчно* — и о свободѣ ихъ изъ ссылокъ въ Тайной канцеляріи не токмо указу, но и извѣстія не имѣется; а потому, взявъ ихъ, Самгина и Кучина, изъ донскаго монастыря, а Зварыкина изъ саровской пустыни, въ контору Тайной канцеляріи, по сношенію съ московской сунодальной конторой, снять съ Зварыкина монашество, ежели оно подлинно ему возвращено, и отправить изъ той конторы всѣхъ троихъ, на ямскихъ подводахъ, немедленно въ Сибирь, по прежнему, а именно: Самгина — въ Камчатку, Зварыкина — въ охотскій острогъ, Кучина — на сибирскіе казенные заводы, въ работу — вѣчно: и ту всю отправку учинить на коштѣ сибирскаго губернатора, потому что вины этихъ растригъ, за которыя они наказаны и въ ссылки посланы, состоятъ по важнымъ двумъ пунктамъ, и свободѣ за тѣ свои важные вины они не подлежатъ; а потому сибирскому губернатору, не имѣя изъ Тайной канцеляріи точнаго указа объ ихъ свободѣ, и освобождать ихъ собою не надлежало; за что подлежалъ оный губернаторъ штрафу, но вмѣ-

сто того учинить на его счетъ означенную обратную ихъ въ Сибирь отправку. 22 марта 1745 года».

Сунодъ сдѣлалъ исполнительное распоряженіе, чтобъ разстригъ Самгина и Кучина отдать въ контору Тайной канцеляріи немедленно; съ Зварыкина снять напередъ монашескій чинъ и безъ всякаго удержанія отдать тудаже. У саровскаго настоятеля потребовали отвѣта: по какому указу возвращено Зварыкину монашество? Строитель отвѣчалъ, что Зварыкину, въ 1744 г., возвращено монашество по указу московской дикастеріи. Дикастерія, — сколько ужъ вынесла она изъ-за этихъ саровцевъ и берлюковцевъ во время перваго слѣдствія — дикастерія отвѣчала, что она дозволила Зварыкину жить въ саровской пустыни по прежнему и возвратила ему монашество, увѣрясь его паспортомъ, въ которомъ, за подписью сибирскаго губернатора Сухарева сказано, что Зварыкинъ изъ ссылки освобожденъ и отправленъ въ Москву, по силѣ высочайшаго указа 1741 года 15 декабря, и велѣно ему явиться въ духовной дикастеріи. Судя по этому паспорту чаятельно было, что объ увольненіи его изъ ссылки тобольская губернская канцелярія имѣла особливый указъ, по которому и возвратила ему свободу и, давъ пастортъ, мимо всѣхъ мѣстъ, велѣла явиться въ духовной дикастеріи. Духовная жъ дикастерія поступила потомъ съ нимъ такъ, какъ со всѣми возвращаемыми изъ ссылокъ, возвратила ему прежнее мѣсто и прежнее званіе; но на всякій случай, дикастерія просила у св. Сунода милостиваго прощенія (28 мая 1745 года).

Во время этой передряги, этихъ страховъ и пересылокъ, одинъ несчастный—Зварыкинъ—10 марта скончался. Что сталось съ прочими, не знаемъ [1]). Въ 1747 году саровская пустынь возобновила свои напоминанія объ освобожденіи бывшаго *іеромонаха Ефрема Короткаго* и возвращеніи въ саровскую пустынь по прежнему. Московская сунодальная контора отнеслась въ Тайную канцелярію съ вопросомъ: вины Ефрема, за которыя онъ разстриженъ и истязанъ и въ ссылку посланъ, къ отпущенію ему и свободѣ его изъ оной ссылки по содержанію высочайшихъ указовъ, слѣдовательны ль? Тайная канцелярія ничего не отвѣчала на этотъ указъ;

---

[1]) Дѣла архива св. Сунода 1743 г. № 186.

только чрезъ восемь лѣтъ (6 апрѣля 1755 г.), не извѣстно по какому поводу, дала знать св. Суноду, что 7 мая 1752 г. послѣдовало разрѣшеніе освободить Короткаго изъ ссылки, и что 1 сентября онъ прибылъ изъ Оренбурга въ С.-Петербургъ и явился въ Тайную канцелярію. Здѣсь, кромѣ паспорта, онъ предъявилъ аттестатъ, выданный ему изъ оренбургской крѣпости, за руками штабъ и оберъ-офицеровъ, въ которомъ написано, что предъявитель, во всю бытность свою въ оренбургской крѣпости, исполнялъ должность дьячка и пономаря, и по должности своей велъ себя благочинно и добропорядочно, ко всему по надлежности прилагалъ тщательное стараніе и ни въ какихъ подозрѣніяхъ и въ другихъ неблагочиніяхъ не бывалъ. Сунодъ поручилъ рязанскому епископу Димитрію возвратить ему монашескій чинъ и потомъ, 2 мая 1755 года, отправилъ къ суздальскому епископу, для опредѣленія въ саровскую пустынь по прежнему [1]). Братія выбрали его своимъ строителемъ.

---

[1]) Дѣла архива св. Сунода 1747 г. № 136.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I. Доношеніе св. Сѵноду архимандрита Ѳеофилакта Лопатинскаго и іеромонаха Гедеона Вишневскаго съ извиненіемъ въ несправедливомъ обвиненіи ими Ѳеофана въ неправославіи.

Мы нижеподписавшіеся смиренно св. Сѵноду симъ нашимъ писаніемъ объявляемъ, что въ прошлыхъ годѣхъ предложенныя отъ насъ преосвященному Стефану, митрополиту рязанскому, богословскія пропозиціи изъ богословіи и иныхъ писемъ преосвященнаго Ѳеофана, архіепископа псковскаго, взятыя отъ насъ, въ помянутой богословіи не всѣ были читаны. Такожъ подъ совѣстію исповѣдуемъ, что мы оныя пропозиціи вышеупомянутому преосвященному митрополиту безъ всякаго челобитья на кого и доношенія и не съ намѣреніемъ обиды чьея и помѣшательства къ степени архіерейской, но просто въ разсужденіе, предложили. А понеже произошло изъ того на насъ мнѣніе, акибы ковъ на преосвященнаго архіепископа сочинившихъ: того ради, сіе исповѣданіе ему принося, прощенія у него просили и получили. Но дабы весьма отъ насъ помянутое отошло мнѣніе, просимъ всепокорнѣйше, при семъ нашемъ исповѣданіи, и весь святѣйшій правительствующій Сѵнодъ подати намъ милостивое прощеніе.

Архимандритъ Ѳеофилактъ. Іеромонахъ Гедеонъ Вишневскій.

II. Объявленіе казанскаго митрополита Сильвестра Холмскаго о Ѳеодосіѣ [1].

Бывый развращенный, зависти и самолюбія исполненный, невскій архимандритъ и новгородскій архіерей, яко хищный волкъ прокрался въ овчей кожѣ; только себя любилъ, а братію весьма ненавидѣлъ; еще

[1] Объявленіе это находится въ рукописи, въ дѣлахъ архив. св. Сѵнода, 1731 г. № 292, л. 86—91.

онъ же, по острожелчію своему, дненощно вымышлялъ, какъ бы брату своему пакость сотворити, а иногда искій—кого бы и поглотити. Уже о такомъ строптивомъ нововоставшемъ Оранцышкѣ прекращу говорити.

Онъ же, Оранцыщка, будучи въ Москвѣ, оставя церковныя службы и монашеское преданное правило, уставилъ у себя самлеи (ассамблеи) съ музыкою, и тѣшился въ карты, шахматы, и въ томъ ненасытно забавлялся, якобы вмѣсто всенощнаго пѣнія себѣ вмѣнялъ, и другихъ къ тому понуждалъ. И бывшимъ въ Москвѣ архіереямъ, также въ московскихъ монастыряхъ архимандритамъ и послѣднимъ маломощнымъ игуменамъ и воздвиженскому, сочиня вседневную роспись, велѣлъ самлеямъ быть съ различными потѣхами: и то-де-міру не будетъ въ тягость.

Да онъ же, Оранцышка, на московскомъ подворьѣ велѣлъ послушнику своему Тарасу съ колокольни старинные колокола продать, чтобъ не мѣшали ему во всю ночь въ шахматы играть, потомъ довольно спать. Онъ же въ палатахъ особливую себѣ нѣмецкую баню сдѣлалъ новымъ проводомъ, чтобъ ни у кого такой не было, все потаенно.

Онъ же собою, безъ указу благочестивыя и вѣчнодостойныя памяти его императорскаго величества, въ Дмитровѣ городѣ старинный борисоглѣбскій монастырь приписалъ къ себѣ вовсе съ вотчинами и съ крестьяны и со всѣми угодьи, а старцовъ того монастыря велѣлъ выбить вонъ безвременно, и оный монастырь разорилъ, безстрашникъ, занапрасно.

Да онъ же, яко сущій бѣсноватый, будучи въ Москвѣ въ 723 году, на память великаго святителя Алексѣя митрополита, въ чудовѣ монастырѣ во время литургіи, въ алтарѣ кричалъ бѣшенымъ своимъ голосомъ: «ризничій чудовскій, принеси ко мнѣ Алексѣя чудотворца образъ, который носятъ въ крестномъ хожденіи». И паки онъ же кричалъ нелѣпымъ гласомъ: «ризничій, подай ножъ» и, взявъ ножъ, святителя помянутый образъ положа на лавку, съ гнѣвомъ говорилъ хульныя слова: «нѣкто де безумный золотой сей окладъ приложилъ»; и рѣзалъ проволоку, едва смогъ, однако развращенный онъ желаемое получилъ, золотую цату оторвалъ чеканной работы и положилъ себѣ въ карманъ нагло при всѣхъ: и о томъ дерзновеніи съ плачемъ всѣ зрящіе удивились его похабству.

Онъ же, строптивый Оранцышка, какъ получилъ милость въ Сѵнодѣ судіею засѣдать, и вымысля наглостію своею, распечатавъ патріаршу ризницу, разобравъ всякую святѣйшихъ патріарховъ рухлядь, похитилъ себѣ лучшія портищи, рясы теплыя, мѣхи старинные соболіи подъ бархатомъ и подъ атласомъ, и старинныя объяри, лейбереки, луданы большой руки, мѣхи старинныхъ чернобурыхъ лисицъ, часы золотые и иныя портищи, дарилъ своихъ совѣтниковъ и прочихъ нескудно, и Овсянникова дарилъ же: много вещей исхитилъ.

Также они вымыслили послѣ умершихъ архіереевъ келейную всякую рухлядь къ себѣ забирать; подобно съ лучшихъ и знатныхъ архимандритовъ къ себѣ обирать же: и лучшія вещи и оставшія деньги дѣлятъ по себѣ и того ради обогатились. О таковыхъ писаніе глаголетъ: веселя-

щуся сердцу цвѣтетъ лице. Возникли у нихъ кареты дорогія и возки золотые.

А мы побѣдные утѣсненные днепощно плачемъ: различно велятъ секретарямъ и канцеляристамъ намъ русскимъ досаждать и накости чинить, а своихъ черкасовъ снабдѣваютъ и всяко охраняютъ. Еще же по ихъ велѣнію строптивые никвизиторы различныя намъ накости содѣваютъ, а именно: они себѣ жалованье опредѣляютъ не малое и берутъ повольно, а на насъ алтыны и копѣйки взыскиваютъ и безъ милости требуютъ и убытчатъ.

Онъ же, Оедосъ, въ Москву прибылъ въ первозимье и велѣлъ въ сѵнодальномъ домѣ сварить добрыхъ пивъ въ семьдесятъ варь и дарилъ приказнымъ людямъ, и своихъ секретарей наполняютъ и насыщаютъ всяко.

Онъ же, бывый новгородскій, разоритель, вымыслилъ съ келейнымъ своимъ секретаремъ Герасимомъ [1]), похитилъ себѣ, послѣ смерти Стефана митрополита вскорѣ, на Преснѣ дворъ съ садами и съ прудами, въ которыхъ прудахъ въ разныхъ годѣхъ, при бытности Стефана митрополита, покупной рыбы разныхъ родовъ пущено многое число. Онъ же взялъ послѣ Стефана митрополита лучшую карету себѣ рублей въ двѣсти и вящше. При томъ же домѣ взялъ цѣлую слободку бобылей, семей съ шестнадцать. И до нынѣ по свою погибель напрасно владѣлъ, понеже Стефану митрополиту оный пресненской дворъ сталъ со всякимъ заводомъ тысячь въ шесть и вящше, а строилъ все на домовыя казенныя деньги; притомъ и хлѣбныхъ запасовъ издержано многое число, а платы намъ за этотъ дворъ и за прочее ничего не далъ и уплаты не учинилъ.

Онъ же, лукавецъ, Θедосъ, вымышленно похитилъ въ Москвѣ, на Романовѣ дворѣ, бывшаго протопопа Якова Игнатьева домъ — палаты новыя, зданіемъ господственно, и отдавалъ въ наемъ посацкимъ повольною цѣною охотникамъ, а на годъ бралъ найму рублей по семидесятъ и по осмидесятъ.

Онъ же, сребролюбецъ, бывый невскій архимандритъ, владѣлъ въ Москвѣ иверскимъ подворьемъ и по вся годы отдавалъ въ наемъ армянамъ и смольнамъ и русскимъ разныхъ чиновъ людямъ, а плату бралъ себѣ въ келью.

Ему же, гордому фараону, многіе архіереи и архимандриты присылали въ даръ лучшіе и не малые гостинцы повсягодно: кіевскій, сибирскій, нижегородскій и греческій дарили, чтобы всегда въ милости его были, а именно: ѳивандскому грекенину за богатые дары отдалъ совсѣмъ вологодское подворье въ Москвѣ.

Се и себя не пожалѣлъ: и о себѣ объявляю. Какъ я посланъ былъ изъ Нижняго въ Смоленскъ отъ его вымышленнаго навожденія, и въ то

---

[1]) Герасимъ Семеновъ, секретарь Θеодосія.

время проспался я, черезъ его ходатайство, изъ Смоленска въ С.-Петербургъ. И какъ я прибылъ, и онъ ко мнѣ лукавецъ на квартиру пріѣзжалъ, и я отъ келейныхъ своихъ вещей его дарилъ различными вещами. Еще въ невскомъ монастырѣ, въ его жъ кельѣ, взялъ онъ архимандритъ у меня пятьдесятъ червонныхъ келейныхъ монхъ, и обѣщалъ меня впредь миловать и охранять, и вмѣсто охраненія позесталъ на меня свирѣпо и метнулъ жестоко мнѣ, а за что — не знаю, и накости несносныя чинилъ, и такъ озлился, якоже левъ рыкалъ, и искалъ меня поглотити и другихъ возмутилъ на мя накости чинить. И о всемъ дивно, откуда сему такая львиная свирѣпость и гордость и братоненавидѣніе; а видомъ онъ кажется яко же изуморъ: и такъ озлился и сокрушилъ, едва нынѣ живъ остаюсь; и убытковъ и изъяновъ, и разоренія, онъ ненавистникъ много мнѣ учинилъ, а именно доправилъ съ меня напрасно денегъ тысячу четыреста рублевъ, отчего я и до нынѣ одолжалъ.

Еще во время свою бѣду и горькое страданіе хощу объявити. Какъ блаженныя памяти всемилостивѣйшій Государь Императоръ, по своей высокой милости, указалъ богомольца своего, меня стараго митрополита, изъ Твери перенести въ старую рязанскую митрополію, на мѣсто Стефана митрополита, митрополитомъ же, а помянутый изуморъ Осдосъ увидѣвъ, что не его избраніемъ пожалованъ, по зависти своей вымыслилъ, обще съ Палехинымъ [1]) и съ Овсянниковымъ, призвавъ въ сунодальную палату, велѣли сказать сказку: пожалованъ де ты въ рязанскую епархію, и ты, будучи тамо митрополитомъ, во время церковныя службы Бога молить за себя не вели, а пишися епископомъ: и отъ оныхъ не вѣмы за что уничтоженъ, что и значило — данную мнѣ митрополичью честь по зависти отняли безъ великія причины. Каково пріятно будетъ, какъ пожалуютъ кого изъ генераловъ въ полковники, а въ духовномъ чинѣ изъ поповъ въ діаконы, а изъ офицера въ солдаты? А кольми паче всякому напрасныя обиды терпѣть весьма горько? А оный новый Оранцышка, не положа Бога помощника себѣ, упова на лукавство свое и на потаенное богатство, на серебряные слитки и на сервизы и на червонцы: и серебро съ нимъ да будетъ ему въ погибель.

Онъ же, злой сосудъ и самый накостникъ, вымысля съ подобными себѣ, сп. отецъ и первѣйшихъ законодавцовъ, преосвященныхъ святѣйшихъ московскихъ митрополитовъ и святѣйшихъ нашихъ патріарховъ, преданія и законы нарушилъ и разорилъ, а которые благословенные были намъ исконно всѣмъ архіереямъ положенные предѣломъ умѣренные и уравнительные за службу и за труды доходы, какъ за поставленіе во діаконы и въ попы и со всякаго ставленника указное число брали... на

---

[1]) Тимоѳей Палехинъ, съ 1 января 1722 года, былъ сунодскимъ оберъ-секретаремъ, на мѣсто уволеннаго отъ этой должности іеромонаха Варлаама Овсянникова.

сголь—и то все онъ строптивый ненавистникъ исказилъ; и отеческіе уставы повредилъ, и насъ помянутыми доходцы нынѣ и впредь напрасно изобидѣлъ, также при насъ и священнослужителей и іеродіаконовъ и подъдьяконовъ и пѣвчихъ всѣхъ онъ окаянный весьма ослезилъ, а себѣ заморскій богатый сервизъ соорудилъ.

Онъ же, изуморъ, забывъ страхъ Божій и смертный часъ, будто отъ великаго ума блядословилъ и говорилъ поносительно и ругательно: какіе де были россійскіе патріархи? Они-де были...

Онъ же отчаянный Яновскій честныхъ отцевъ преосвященныхъ митрополитовъ—Іова Новгородскаго ругалъ и поносительно лаялъ, и по смерти его персону раздиралъ и на огнѣ сожигалъ... На митрополита рязанскаго... различно безчествовалъ и лаялъ... накости ему до смерти чинилъ. О таковыхъ Спаситель Іисусъ говоритъ: горе, горе соблазны творящимъ... Великій святитель... пишетъ: аще... единаго кого изъ малыхъ соблазнитъ, лучше бы де на выю его жерновый камень обѣсити и въ пучину морскую извергнути отраднѣе де было бы.

А онъ, злочестивецъ Яновскій, онъ же шаленый козелъ, кому подобенъ, что многіе соблазны предъ народомъ безстыдно творилъ и на накость многимъ оскорбленіе чинилъ, и святыхъ угодниковъ и святѣйшихъ іерарховъ различными хулы ругалъ? И по всему онъ подобенъ древнимъ еретикамъ: Арію безумному и Несторію гнусному.

III. Указъ Петра Великаго о монашествѣ и монастыряхъ [1]).

Святѣйшій Сунодъ!

Какое мы опредѣленіе учинили о монастыряхъ и объявленіе людемъ, для чего оное учинено, то слѣдуетъ ниже сего.

Объявленіе.

Когда и коей ради вины начался чинъ монашескій, и каковый былъ образъ житія монаховъ древнихъ, и како нынѣшнихъ исправить хотя по нѣкоему древнихъ подобію надлежитъ.

Хотя въ регламентѣ духовномъ о монахахъ уже изъясненіе, и како оныхъ содержать, опредѣлено, но кратко, понеже тогда аще и о всемъ ко исправленію была нужда, но вящая была о верховной *архіерейской* [2])

---

[1]) Указъ, данный св. Суноду, за подписаніемъ руки его величества, 31-го января 1724 г.

[2]) Курсивныя слова вписаны Ѳеофаномъ. Собственноручные государевы проэкты и поправки этого указа, равно какъ собственноручныя же вставки Ѳеофана, въ Кабин. Дѣл. Отд. I, кн. 31 л. 45—148.

власти, которую, примѣромъ папы римскаго, противно повелѣнія Божія, распространять нѣкоторые тщались, въ чемъ великую тягость истины желатели въ семъ понесли исправленіи, и съ помощію Божіею исправили, опредѣлили и постановили. Нынѣ же, имѣя способное время при расположеніи правильно всѣхъ дѣлъ въ государствѣ, и о семъ чинѣ пространно объявя людемъ такожъ расположить и установить должно есть, для пользы вѣчной и временной людемъ, и изрядства обществу.

Во-первыхъ, святѣйшій Синодъ не правое мнѣніе (которымъ нашъ народъ весь заражонъ былъ) о Христовомъ словѣ: аще кто оставитъ отца или матерь, и прочее на монашество приводимое, правымъ и лепымъ доводомъ отвергли, яко отъ еретиковъ начало свое воспріемлющее, и прямой толкъ онаго словеси изъяснили, еже въ регламентѣ духовномъ лепѣе видѣти мочно. Нынѣ, прежде расположенія о монашествѣ, падлежитъ людемъ изъяснить: когда и отъ кого, какимъ образомъ и для чего сей чинъ уставленъ или начатъ монашества; такожъ и монастыри коея ради вины начало свое воспріяли.

Былъ чинъ еще у евреевъ чину монашескому нѣчто подобный, паричаемый назорси (числъ глава 6); но по обѣщанію на время, а не вѣчный и ниже присягою обязанный; въ христіанствѣ же зѣло благословныхъ ради винъ начался, а потомъ въ какую убыль обществу, отчасти же въ соблазнъ и поношеніе инославнымъ произошелъ, разумнымъ явно есть, а прочимъ здѣ покажемъ.

Во-первыхъ надлежитъ разумѣть, что есть монашество—слово и гдѣ оное употребляли, и мочно-ль нездѣ оное употреблять монашество.

Слово сіе монахъ греческое есть, славянски же единенный, то есть единъ пребывающій, безъ вида и сообщенія прочихъ.

Можетъ имя монашество и обществу многой братіи служить: попеже отъ гражданскаго сожительства отлучено есть.

Въ началѣ христіанства двухъ ради винъ воспріять былъ: первое отъ людей уединенія по совѣсти желающихъ и безо всякія страсти или мнѣнія, яко бы невозможно въ мірѣ спастись (ибо по семубъ мнѣнію не точію добрые властители и прочіе чины свѣтскіе, яко отъ Бога званные, отъ царства Божія отвержены, но и пастыри церковные первыхъ трехъ вѣковъ по Христѣ живущіе и сами апостоли, яко не въ монашествѣ живущіе, отлучены-бъ быть падлежали, *«ибо во времена апостоловъ ниже слыдъ монаха обрѣтался, глаголетъ Златоустый въ словѣ 25 на посланіе къ Евреомъ»*, но ради токмо природной къ тому склонности; которымъ паче всего уединеніе любимо есть—сіе житіе избирали. Другіе же ради мучителей и гонителей ради христіанскія вѣры тогда бывшихъ (*яко же пишетъ Созоменъ въ книгѣ 1 исторіи въ главѣ 12, и Никифоръ Каллистовъ въ книгѣ 8, въ главѣ 39*) укрывались и не волею, хотя соблюсти душу свою, право толкуя слова Спасителя Христа, еже оставити все Его ради. По сей нуждѣ и тако истинные монахи были, попеже не точію что отъ людей не требовали, но ниже хотѣли, дабы ихъ люди

видѣли или слышали о нихъ (*по свидѣтельству Созомена и прочихъ*). Пребывали-жъ въ Палестинѣ, во Египтѣ, Африкѣ и прочихъ зѣло теплыхъ мѣстахъ, и овощи для пропитанія натуральныя, кромѣ трудовъ человѣческихъ, довольно имущіе, и тако, кромѣ книгъ, ниже одѣянія имъ было потребно, ниже храмины и прочая; однакожъ и трудилися своими рукама и нужду свою, елико имъ отъ самородныхъ земныхъ плодовъ не ставало, отъ трудовъ своихъ исполняли «*о чемъ много свидѣтельствуютъ древнихъ пустынножителей повѣсти Ѳеодорита, въ книзѣ Филовей нарицаемой, Іоанна Моска, Палладія въ Лавзійской исторіи и прочихъ*». Монастырей же отнюдь не имѣли, но жили каждый уединенно, какъ выше писано.

Монастыри же начало свое приняли сей ради нужды. Когда начались ереси въ церкви, тогда приходящіи въ пустыню монахи нѣкоторые, отъ незнанія, были оными ересями заражены; вышереченные монахи хотя и уединенны были, однакожъ по случаю бывало, что другъ друга видали и пользы ради бесѣды имѣли,—гдѣ, сію новину видѣвъ, начали печальны быть, что такое зло на свѣтѣ явилось [1]), и которые изъ нихъ искусные были, начали думать, какъ бы сему злу помочь, изыскали сей доброй способъ, чтобъ сего ради не жить уединенно, но обще, и имѣть наставниковъ, дабы такія ереси, такожъ и сумнѣнія братіи, разрѣшены и успокоены быти могли: и тако и сіе тогда зѣло доброе дѣло было, *которое кромѣ иныхъ наипаче устроилъ Василій Великій, какъ выше именованной ради вины* (*по свидѣтельству Сократа, въ книзѣ 4, въ главѣ 21*), *такъ и иныхъ ради благословныхъ винъ, яко же пишетъ о немъ историкъ церковный Руфинъ въ книзѣ 2, въ главѣ 9; но вящше всѣхъ самъ Василій показуетъ то въ правилахъ монашескихъ, въ отвѣтѣ на 7 вопросъ, гдѣ пространно многими доводами утверждаетъ общежительство паче пустыннаго уединенія и показуетъ, что весьма уединенное житіе зѣло опасное есть и многія бѣдствія душѣ наводитъ.* Монастыри же не видѣ гдѣ, но въ тѣхъ же пустыняхъ имѣли, и такимъ же правиломъ яко и уединенные жили, не требуя прочихъ трудами туне насыщатися. Мѣста бо. монастырямъ приличныя, суть отъ градовъ и прочихъ мірскихъ поселеній удаленныя: *тако монастырь Васильевъ былъ въ пустынѣ, Понтѣ нарицаемой, и Златоустый святый, гдѣ ему рѣчь приходитъ говорить о монахахъ, всегда ихъ нарицаетъ горными поселянники и въ горахъ живущими: въ словѣ 43 на Бытіе и въ словѣ 73 Матѳея, и въ трехъ книгахъ на хулителей монашества и прочихъ мѣстахъ.*

А яко монастыри оные не требовали чуждыми трудами насыщатися, безъ числа имѣемъ свидѣтельствъ. Златоустый, въ словѣ 73 на

---

[1]) Противъ этого мѣста на полѣ рукой Петра помѣчено: «Написать причины, кто и гдѣ перво началъ и которой ради ереси».

Матѳѣя, пишетъ, что монахи не токмо самихъ себя трудами своими питали, но и многихъ странныхъ упоѣевали, и больныхъ принимая упокоевали, кормили и служили имъ. Василій Великій въ правилахъ монашескихъ, въ отвѣтѣ на вопросъ 37—о должности трудовъ монашескихъ, крѣпко ушверждаетъ и извинсніе псаллопѣнія уничтожаетъ, и отмѣщетъ. А въ отвѣтѣ же на вопросъ 42 глаголетъ, что монахи должны снабдѣвать убогихъ отъ трудовъ своихъ, и не тако себя ради яко же нищихъ ради, трудится. Святый же Исидоръ Пелусіотъ въ посланіи 49 къ Павлу Киновіарху, у котораго много было братіи, но праздно живущихъ, съ ругательствомъ пишетъ и яко вещь, весьма дикую и званію своему противную, поноситъ. Чтемъ и у Сократа, историка церковнаго, въ книгѣ 4, главѣ 18, что нѣкій изъ древнихъ святыхъ монаховъ таковую пословицу издалъ, что монахъ праздный есть тать лестный. Вѣдаемъ же, что во сто лѣтъ отъ начала чина сего произошли было монахи лѣнивые, которые желая отъ чуждыхъ трудовъ питатися, сами праздни суще, защищали свою лѣность развращаемымъ отъ себѣ словомъ Христовымъ (воззрите на птицы небесныя, яко ни сѣютъ, ни жнутъ, ни въ житницы собираютъ, и Отецъ вашъ небесный питаетъ я: не вы ли лучши есте маловѣры): но суемудріе ихъ скоро обличено отъ прямыхъ монаховъ, яко же извѣстно изъ отечниковъ древнихъ. А въ Аѳрикѣ Августинъ, преславный учитель, собственную издавъ книгу на таковыхъ бездѣльниковъ, весьма опровергалъ ихъ лестное ученіе; ибо ученіе ихъ вводило въ церковь нестертимую сресь, понеже вышеупомянутое слово Господне въ томъ только наставляетъ насъ, дабы мы въ нашихъ трудахъ и промыслахъ не имѣли крайняго упованія, но уповали бы и трудящеся на отеческій о насъ промыслъ Божій; трудится же онымъ словомъ не запрещаетъ Христосъ, ибо на многихъ мѣстѣхъ святое писаніе сіе не токмо полваляетъ, но и узаконяетъ. А наипаче самъ Спаситель Христосъ во многихъ мѣстѣхъ и въ день праведнаго Его суда грозитъ муками не послужившимъ нищетѣ, и самъ, идый на смерть, ученикамъ послѣднюю службу умовеніемъ ногъ учинилъ и чинить велѣлъ; и сія службы есть много неровна, но превосходительнѣйшая не точію нынѣшняго монашества, но и самого совершеннаго древняго; ибо хотя и добрый путь древніе сей имѣли, но яко отъ человѣкъ уставленный, сей же отъ Бога есть повелѣнный, и если бы оныхъ лѣности учителей послушали христіане, то отвергли бы писаніе священное, всѣмъ человѣкомъ по званію своему трудится повелѣвающее. И понеже слово оное Господне (воззрите на птицы) не къ однимъ монахамъ, но ко всѣмъ человѣкомъ изречено, то, если бы оныхъ суемудрцовъ толкованіе было пріятно, всѣмъ бы человѣкомъ не подобало дѣлать, тако пришла бы нужда всѣмъ самовольнымъ гладомъ погибнуть. И много бы можно о семъ какъ изъ священнаго писанія, такъ и изъ книгъ святыхъ отецъ собрать доводовъ, но сія намъ довольны. Что же потомъ произошло, когда греческіе им-

ператоры, покинувъ свое званіе, ханжить начали, тогда нѣкоторые плуты къ онымъ подошли [1]) и монастыри не въ пустыняхъ уже, но въ самыхъ городѣхъ и въ близь лежащихъ отъ оныхъ мѣстахъ строить начали и денежные помочи требовали для сей мнимой святыни; еще же горше яко и не трудитися, но трудами другихъ туне питатися восхотѣли, къ чему императоры паче своей должности, въ чемъ было имъ трудитися надлежало, сею мнимою святынею или обмануты отъ оныхъ, или сами къ тому какой ради страсти весьма склонны явились, и великую часть погибели самимъ себѣ и народу стяжали, какъ исторіи цареградскія повѣствуютъ, что на одномъ каналѣ отъ Чернаго моря даже до Царя-города, который не болѣе 30 верстъ протягивается, съ 300 монастырей. Что же по другимъ мѣстамъ оныхъ было, всѣ съ великими доходы. И тако какъ отъ прочаго несмотрѣнія, такъ и отъ сего въ такое бѣдство пришли, что когда турки осадили Царь-городъ, ниже 6000 человѣкъ воиновъ сыскать могли.

Сія гангрена зѣло было и у насъ распространяться начала подъ защищеніемъ единовластниковъ церковныхъ, яко же и у римлянъ, какъ выше писано; но еще Господь Богъ прежнихъ владѣтелей такъ благодати своей не лишилъ, какъ греческихъ въ неразсмотрѣніи сего излишества, которые во умѣренности оныхъ держали. *Ибо когда стали было вотчины продасать и отдавать разными образы въ монастыри, тогда оное престережено ради вышеписанныхъ причинъ, и во время дѣланія Уложенія въ 7157 году оное запрещено, какъ явствуетъ въ томъ Уложеньи въ 17 главѣ, а именно въ 42 пунктѣ, чтобъ никто вотчинъ своихъ въ монастыри и никому изъ духовныхъ не давали и не продавали ни подъ какимъ видомъ. Такожъ и духовнымъ запрещено вотчины покупать, или какимъ нибудь видомъ брать, подъ штрафомъ отнятія такихъ вотчинъ безденежно. Въ 43-мъ: чтобъ пошедшіе въ монашество мужеска и женска полу, никто собственныхъ своихъ вотчинъ въ монастыри не давали и сами оными не владѣли. Въ 44-мъ: а которые и въ монашествѣ ужъ до того времени мужеска и женска полу бывшіе, имѣли собственныя свои вотчины и владѣли ими, и онымъ запрещено жъ тѣмъ указомъ ихъ собственными вотчинами владѣть и за собою имѣть.*

Сіе изъясня, надлежитъ уже приступить, какимъ образомъ въ семъ дѣлѣ поступить и опредѣленіе учинить должно.

Во-первыхъ, могутъ ли у насъ монахи имя свое дѣломъ исполнить? Но сего весьма климатъ сѣверныя нашея страны не допускаетъ, и безъ трудовъ своихъ или чужихъ весьма пропитатися не могутъ, какъ то всѣмъ есть извѣстно.

---

[1]) Впослѣдствіи редакція этого мѣста измѣнена Петромъ: «когда къ греческимъ императорамъ нѣкоторые ханжи подошли, а паче къ ихъ женамъ». И на полѣ противъ этого мѣста написано рукою Петра: «ежели возможно сыскать, при комъ началось — вписать».

Сего ради надлежитъ разсуждать: когда невозможно такихъ имѣть, то 1) имѣется-ль нужда въ нынѣшнемъ монашествѣ и какая; 2) аще имѣется, то какъ ихъ прямыми монахами студености ради климата содержать. *На первое:* имѣется нужда въ монашествѣ *трехъ ради винъ.*

1) Ради удовольствованія прямою совѣстію оное желающихъ.

2) Для архіерейства, понеже обычаемъ вошло древнимъ не быть, кромѣ что изъ монаховъ, хотя прежде съ триста лѣтъ по Христѣ не монахи были *и многія чудеса на соборахъ явили.*

3) *Примѣра ради апост. Павла, который хотя обрѣзаніе и отрѣшалъ всячески, но ученика своего Тимоѳея обрѣза іудей ради на мѣстѣ ономъ.*

Но понеже, какъ выше писано, такимъ образомъ, какъ древніе были, въ здѣшнихъ краяхъ никакоже стужи ради содержать возможно, то надлежитъ искать способу, какимъ-бы образомъ иной путь предъ Богомъ угодный и предъ людьми не постыдный и не блазненный былъ. Понеже нынѣшнее житіе монаховъ точію видъ есть и поносъ отъ иныхъ законовъ, не мало же и зла происходитъ, понеже большая часть тунеядцы суть, и понеже корень всему злу праздность и сколько забобоновъ раскольныхъ и возмутителей произошло, всѣмъ вѣдомо есть такожъ; ктомужъ у насъ почитай всѣ изъ поселянъ: то что оные оставили явно есть, — не точію не отреклись, но приреклись доброму и довольному житію, ибо дома былъ троеданникъ, то есть дому своему, государству и помѣщику, а въ монахахъ все готовое; а гдѣ и сами трудятся, то токмо вольные поселяне суть, ибо токмо одну долю отъ трехъ противъ поселянъ работаютъ. Прилѣжатъ же ли разумѣнію божественнаго писанія и ученія? Всячески нѣтъ; а что, говорятъ, молятся, то и вси молятся. «*И сію отговорку отвергаетъ Василій святый, какъ выше показано*».

Чтоже прибыль обществу отъ сего? Во истину токмо старая пословица: ни Богу ни людямъ; понеже большая часть бѣгутъ отъ податей и отъ лѣности, дабы даромъ хлѣбъ ѣсть. Находится же иной способъ житія празднымъ симъ не праздный, но Богоугодный и не зазорный, еже служити прямымъ нищимъ, престарѣлымъ и младенцамъ. Ибо на многихъ мѣстѣхъ святое писаніе сіе не токмо похваляетъ, но и узаконяетъ. А наипаче самъ Спаситель Христосъ во многихъ мѣстѣхъ и въ день праведнаго Его суда грозитъ муками непослужившимъ нищетѣ. И самъ идый на смерть ученикамъ послѣднюю службу умовеніемъ ногъ учинилъ и чинить велѣлъ: и сія служба есть много не равна, но превосходнѣйшая не точію нынѣшняго монашества, но и самаго совершеннаго древняго; ибо хотя и добрый путь древніе сей имѣли, но яко отъ человѣкъ уставленный, сей же отъ Бога есть повелѣнный. Опредѣленія же два такимъ образомъ учинить должно.

Первое—для удовольствованія немощной совѣсти; второе—для архіерейства и прочихъ учителей церковныхъ.

Опредѣленіе 1.

Первымъ единаго токмо житія уединеннаго по совѣсти желающимъ.

1) Солдатъ отставныхъ, которые трудится не могутъ, и прочихъ прямыхъ нищихъ, росписать по монастырямъ, по доходамъ, опредѣляя число нищихъ, и устроить гошпитали по регламенту.

2) Монаховъ же опредѣлять для служенія онымъ къ трети—къ двумъ одного, къ другимъ двумъ третямъ—къ тремъ или четыремъ одного, или лучше къ другой трети — къ тремъ, къ третей — къ четыремъ одного, смотря—которые труднѣе болѣзни имѣютъ болѣе служащихъ; а которые легче и у старыхъ — меньше служащихъ, или какъ за благо изобрѣтено будетъ, съ примѣру регламента о гошпиталяхъ: возрастомъ же не моложе тридцати лѣтъ.

3) Которые монахи останутся за числомъ служенія, такимъ отвесть монастырскія земли, дабы сами хлѣбъ себѣ промышляли; а когда упалыя мѣста будутъ у служащихъ, то вписывать изъ сихъ, которыя съ земли питаться опредѣлены, а на убылыхъ, кои опредѣлены съ земли питаться, не принимать и не постригать; а когда уже нашенныхъ не будетъ, то на упалые мѣста въ служенье опредѣленныхъ принимать и постригать [1]).

4) Имѣть двѣ поварни, одну свѣтскимъ, другую монахамъ.

5) Монахамъ служащимъ келей особливыхъ не имѣть, но чулапы въ тѣхъ же больницахъ.

6) Клирошанъ особливыхъ не имѣть, но священникамъ и дьякопамъ пѣть не служащимъ.

7) Священникамъ и дьякопамъ раздѣлить нищихъ для надзиранія, по два къ нѣсколькимъ, дабы когда одному череда божественной службы или запеможетъ, другой непрестанно надзиралъ и доносилъ настоятелю.

8) Настоятелю необходимо дважды въ день пересмотрѣть лазаретъ, перемѣняя времена, дабы не знали когда будетъ.

9) Жалованья и пищи ни кому не имѣть кромѣ общества, и оттоль казначею давать потребная, кому что по уставу.

10) Служкамъ быть для приказныхъ дѣлъ и въ прикащикахъ, а не лишнимъ.

11) Старцовъ по селамъ держать, а для надзиранія посылать за служками старыхъ, и не часто.

12) Исходъ изъ монастыря крѣпче положить, а именно свободный выѣздъ настоятелю, келарю, казначею для нужд монастырскихъ, а по селамъ для надзиранія опредѣлить старыхъ непремѣнныхъ, не болѣе 4

---

[1]) Равнымъ же образомъ и монахинь за числомъ служащихъ содержать, а питаться имъ рукодѣліемъ, вмѣсто пашни, а именно пряжею на мануфактурные дворы, и быть неисходнымъ во особливыхъ монастыряхъ; пѣнію въ церквахъ быть на хорахъ, какъ и о сиротскихъ монастыряхъ помянуто, дабы приходящіе ихъ не видали, чего ради сдѣлать рѣшотки частые на хорахъ.

человѣкъ въ большомъ монастырѣ, а въ прочихъ по пропорціи; прочимъ же монахамъ весьма выѣзду отсѣчь: ибо когда оставили міръ, уже возвращаться во оный не надлежитъ.

О монахиняхъ.

13) Монахиняхъ въ служеніи нищихъ равное жъ опредѣленіе, яко монахамъ, своего пола. Такожъ нѣсколько монастырей опредѣлить, гдѣ всѣхъ сиротъ обоего пола принимать обоихъ сортовъ, то есть безъ призрѣнія послѣ родителевъ оставшихъ и подкидышей или явленныхъ такихъ, которыхъ воспитывать мужескаго до 7 лѣтъ, а потомъ отсылать въ школы опредѣленныя, а женскаго пола обучать грамотѣ, такожъ слѣдующихъ мастерствъ—пряжи, шитья, плетенья кружевъ (для чего надлежитъ выписать изъ Брабандіи сиротъ, которые выучены въ монастырѣхъ). И въ сихъ дѣвичьихъ монастыряхъ, гдѣ сироты опредѣлены, сдѣлать ходы съ улицъ къ церквамъ, которые на воротахъ, дабы туды приходили слушать пѣнія а не на монастырь, и сдѣлать хоры для пѣнія въ тѣхъ монастырѣхъ, гдѣ сироты опредѣлены; а въ прочихъ женскихъ монастыряхъ лутче попамъ и дьякопамъ пѣть.

14) Такожъ возращеннымъ до 7 лѣтъ мужескаго пола надлежитъ особливыя жилища опредѣлить (понеже въ монастырѣхъ имъ быть не прилично), къ чему выведенные монастыри угодны будутъ. И опредѣленіе училищъ учинить сиротамъ, гдѣ обучать, сверхъ вѣры и заповѣдей Божіихъ, цифири и геометріи.

Опредѣленіе 2.

Для архіерейства и прочихъ.

1) Сего для надлежитъ учинить семинаріи, которымъ быть въ двухъ мѣстѣхъ. Здѣсь устроить домъ такой; а на Москвѣ или старый спасскій или иной монастырь, а лучшебъ кажется въ Кремлѣ, яко не людное мѣсто есть.

2) А которые выучатся и лѣтъ смыслу достойныхъ будутъ, такихъ постригать (сіе кажется противно правдѣ; да буде иного способу не сыщется, лучше изъ двухъ золъ легчайшее выбрать) и отсылать въ невскій монастырь; также нынѣ пока такими заведутся, искать хотя неученыхъ, но писаніе вѣдущихъ и доброй совѣсти людей изъ монаховъ и изъ свѣтскихъ въ монахи, и опымъ уже иной путь опредѣлить предъ другими монахи, понеже сіи не для монашества, но ради ученія людемъ и такимъ церковныхъ опредѣляются; монашество же имъ по нуждѣ править только, а къ сему служенію не нужное, и ежели возможно, то облегчить ихъ во обѣщаніи.

Оеофанъ измѣнилъ этотъ 2 пунктъ и дополнилъ его слѣдующими до 15 включительно. *Обученные въ семинаріи до исполненія тридцати лѣтъ должны учить въ томъ же дому дѣтей, въ которомъ сами изучились.*

3) *По тридесяти лѣтахъ, которые похотятъ монашества (ибо иные пойдутъ въ бѣлое священство), тѣхъ принять въ невскій монастырь и три лѣта дать имъ для искуса, содержать въ послушаніи, да такожъ, которое не весьма бы отлучало ихъ отъ книгъ чтенія и прочихъ учительскихъ экзерцицій*, ибо тѣмъ, которыхъ производить въ учителей изъ монаховъ, невозможно монашескаго правила всего исполнить, но довольно настоящаго имъ дѣла учиться, а ученымъ исполнять народу ученіе [1]).

4) *Постриженнымъ назначать по очереди говорить предики въ трапезѣ, хотя до десятократнаго проповѣданія.*

5) *Потомъ, тако проповѣдать въ трапезѣ пріобыкшимъ, велѣть поочередно-же предиковать въ церкви невскаго монастыря, такожъ и въ церкви семинаріи с.-петербургской, по воскреснымъ днямъ и по праздникамъ.*

6) *По десятомъ-же въ оныхъ церквахъ проповѣданіи, велѣть имъ по очередно проповѣдать и въ церквахъ соборныхъ с.-петербургскихъ и московскихъ гдѣ оные учились* [2]).

7) *А понеже поочередное проповѣданіе не часто очередію придетъ (наипаче, если предикаторы оные до десяти и больше человѣкъ будутъ) то надлежитъ и собственные труды имъ задавать, напримѣръ книги переводить, и трактаты о вещахъ, вѣдѣнія достойныхъ, сочинять.*

8) *Сверхъ того на всякій день опредѣлить предъ полуднемъ два часа, а по полудни два жъ, въ которые часы должны всѣ входить въ общую монастырскую библіотеку и въ чтеніи исторій учителей древнихъ и въ прочихъ упражняться, и что покажется памяти достойное — записывать.*

9) *Всѣмъ указать собственную ихъ должность — знать законы царскіе, и правила древнихъ соборовъ, и силу ихъ и употребленіе.*

10) *По архимандритѣ быть собственному таковыхъ монаховъ надсмотрщику и директору, человѣку ученому, который-бы и переводы и трактаты осматривалъ, исправлялъ и свидѣтельствовалъ, такожъ и кто что въ библіотекѣ читаетъ и записуетъ, вѣдалъ-бы, и всѣхъ оныхъ чтеній, переводовъ и сочиненій, имѣлъ-бы у себя реэстръ.*

11) *Тотъ-же директоръ репортовалъ-бы архимандриту о всякомъ монахѣ своего вѣдомства, какъ прилежно трудится, или лѣнится, какъ совершенъ или не достаточенъ, каковыхъ нравовъ и житія, чего изъ котораго надѣятися, и сообщалъ-бы архимандриту реэстры трудовъ ихъ.*

12) *Написать собственныя наказанія и смиренія различнымъ ви-*

---

[1]) Приписано Петромъ.

[2]) Тоже.

намъ приличныя—лѣности, ослушанію, ссорамъ, пьянству и прочая, и по докладу директорскому архимандритъ-бы наказывалъ.

13) *Написать правило общее сіе, что есть-ли который изъ ученыхъ монаховъ такъ развращенъ покажется, что по многимъ наказаніямъ не исправленъ и весьма сана пастырскаго не достоинъ явится, то въ монастырь простой, къ служенію больничному, посланъ будетъ во вся.*

14) *Таковымъ-же монахамъ подобаетъ давать пищу и питіе, такожъ и одѣяніе, ничто отъ прочихъ неученыхъ лучшее.*

15) *И изъ оныхъ монаховъ трудами, искусствомъ, и добронравіемъ достойныхъ явившихся по свидѣтельству архимандрита и директора, избирать въ знатныхъ монастырей архимандриты, въ директоры монастыря невскаго и семинарійныхъ с.-петербургскаго и московскаго домовъ; такжде и въ архіереи. Но какъ въ архіереи, такъ и въ архимандриты и директоры не производить никому безъ доклада въ Сѵнодъ, а и Сѵноду о томъ доносить* намъ [1]).

И что надлежитъ добраго содержанія гошпиталовъ, и ученія сиротъ, лишняго принимапія въ монахи, и кто противъ сего станетъ выходить изъ монастырей, тобъ паблюдали и свѣтскіе градоуправители, дабы все вышеписанное перваго опредѣленія было по сему, дабы другъ другу монахи не поманили.

IV. Прошеніе Варлаама Овсянникова къ князю А. Д. Меншикову изъ соловецкой тюрьмы.

Высокопревосходительнѣйшему господину генералъ-фельдмаршалу и высшему кавалеру, и прочая, и прочая, свѣтлѣйшему князю Александру Даниловичу. *Доношеніе.* Указъ ея императорскаго величества, за подписаніемъ вашей высококняжей свѣтлости руки, гвардіи сержантомъ Иваномъ Губинымъ въ соловецкомъ монастырѣ, я нижайшій сего 19 іюня 726 получилъ и доношу.

По указу ея императорскаго величества, декабря въ первыхъ числахъ 725 года, архангелогородскаго гарнизона поручикомъ Яковомъ Козловскимъ я, нижайшій, въ соловецкомъ монастырѣ посаженъ въ тюрьму, въ которой свѣта нимало не имѣется, и къ оной придѣланъ двустѣнный придѣлокъ для нужды, въ которомъ двѣ двери съ замками, гдѣ и оставшей рухляди моей малое положено, въ томъ числѣ ряса суконца топкаго французскаго чернаго цвѣта, на астраханскомъ овчинномъ черномъ мѣху

---

[1]) Въ рукописи Ѳеофана было: царскому величеству.

кафтанъ байберековый, книжица полууставомъ кіевская, туфли новые, и отданъ подъ караулъ архангелогородскимъ гарнизоннымъ солдатамъ, за ефрейтора Никифору Чистюнину, Мартыну Гаврилову, Андрею Кирилову, которымъ оными поручикомъ тюрьму приказано топить, и въ оный придѣлокъ пускать, какъ изъ прочихъ тюремъ въ такіе жъ придѣлки колодниковъ пускаютъ, непремѣнно.

При входѣ въ опую тюрьму, просилъ я келаря Осодосія, дабы мнѣ дана была къ тюремному сидѣнью приличная изъ монастырскихъ одежда, которую и получилъ, а вмѣсто того просилъ я его, келаря, дабы велѣлъ взять въ монастырскую казну помянутые рясу и кафтанъ мои, которые поручикъ имъ, солдатамъ, отдать велѣлъ; и по отъѣздѣ онаго поручика отъ монастыря, чрезъ вся полгода просилъ я ихъ, солдатъ, много, дабы они въ казну рясу и кафтанъ отдали, которыхъ они, проча себѣ знатно, и по сіе число не отдаютъ, да и оный келарь для взятья тѣхъ кафтана и рясы, какъ я слышалъ отъ онаго Чистюнина, присылалъ монаха, прозваніемъ Вологду, и къ себѣ ихъ, солдатъ, призывая говорилъ, дабы отдали, и то все они уничтожили.

При отъѣздѣ отъ монастыря, оный поручикъ того придѣлка у дверей, взявъ ихъ солдатскіе фузеи вывѣсилъ и приказалъ стоять имъ, солдатамъ, на часахъ. И по отъѣздѣ онаго поручика, они, солдаты, не имѣя надъ собою команды, тогожъ дня тѣ свои фузеи взявъ отнесли къ себѣ на квартиру, и марта по 3-е число никогда на часахъ не стояли.

Заключа отъ предѣлка опую тюрьму во всю зиму не топили, и отъ превеликой подъ здѣшнимъ градусомъ стужи многократно былъ при смерти, и въ тотъ придѣлокъ, хотя и многое мое къ нимъ было прошеніе, и для нуждъ генваря по 17-е число не выпускали.

По отъѣздѣ же онаго поручика отъ монастыря, заключа меня въ тюрьмѣ, изъ того придѣлка изъ нихъ, солдатъ, оные книжицу полуставъ и туфли изъ-подъ своего караула похитили, и какъ я за пеимуществомъ моимъ въ сыску той моей пропажи съ плачемъ и съ земными поклоны прошеніе мое имъ, солдатамъ, предложилъ, тогда солдатъ Мартынъ въ тюрьмѣ при своей братьѣ говорилъ: буде полтину дашъ, то оная книжица отыщется и отдана будетъ сего часа, что ему отъ меня и обѣщано отдать. И изъ тюрьмы-де того жъ часа съ Чистюнинымъ пошедъ, опять въ тюрьму возвратился, и опую книжицу онъ, Мартынъ, принесъ и за просьбою товарищей своихъ отдалъ мнѣ безденежно. Потомъ, спустя время недѣли съ двѣ, просилъ я онаго Мартына, дабы и пропащіе туфли отыскалъ, которые обѣщалъ отыскавъ отдать, просилъ четырехъ гривенъ, которыхъ и по сіе время не отдалъ.

Въ посланной имъ, солдатамъ, инструкціи, хотя со мною говорить имъ и не велѣно, токмо они приходя въ тюрьму разговоры имѣли, а больше склонные ко взяткамъ, а иногда поносныя и угрозительныя слова говорили и что быть имъ безпремѣнно, себя фалили, а Чистюнинъ и Мартынъ и бить хотѣли, токмо отъ того прошеніемъ и поклонами свободу

получилъ. Оные же говорили: «хотя-де офицеръ священника для духовности и приказалъ пущать, токмо ни при смерти твоей не пустимъ, потомъ однажды пустили. Потомъ, въ другіе ихъ приходы въ тюрьму, просилъ ихъ, дабы, по приказу поручика, тюрьму топили и въ придѣлокъ двери отперли и въ тюрьму приходя поносныхъ и угрозныхъ словъ мнѣ не говорили, а больше просилъ онаго за ефрейтора Чистюпина, и онъ мнѣ сказалъ: «ребята наши говорятъ, надобно тебя помучить, надѣемся вымучить рубли по два—три человѣку, а когда то получимъ, тогда приказъ офицерскій исполнять будемъ непремѣнно». И на оные его, Чистюпина, слова я отвѣтствовалъ, что толикаго числа денегъ у себя не имѣю. Только къ прежнему ихъ съ меня взятку—тремъ рублямъ, взяли еще по рублю человѣку, именно: Чистюпинъ декабря 23, въ январѣ Мартынъ 4, Андрей 16-го чиселъ. И взявъ оный взятокъ, въ придѣлокъ двери отперли 17 января, и былъ не запертъ по 20-го февраля, а онаго 20 февраля для полученія себѣ намѣреннаго взятку, они, солдаты, паки отъ того придѣлка и по сіе число заключили, отъ чего злѣ стражду.

И 27 февраля, не претерпя ихъ отъ пребезмѣрной стужи мученія и угрозныхъ словъ, просилъ я ихъ, солдатъ, дабы даны мнѣ были перо, чернила и бумага, написать къ господину архангелогородской губерніи губернатору о нужномъ дѣлѣ доношеніе: и въ старости и отъ нихъ, солдатъ, во устрашительствѣ моемъ молвилъ о важномъ дѣлѣ простотою моею, и тогожъ часа опамятовался, и онаго Чистюпина просилъ я много, дабы они важности не писали, понеже я важныхъ дѣлъ не имѣю и ни за кѣмъ не знаю, а написали бъ о нужномъ дѣлѣ.

Ежели бы важное дѣло имѣлось, или за кѣмъ зналъ, то бы просилъ написать доношеніе, когда надлежитъ, въ высокоправительствующій сенатъ, или въ Тайную розыскныхъ дѣлъ канцелярію, или въ Преображенскій приказъ, гдѣ о такихъ дѣлахъ слѣдуется, а не въ губернскую канцелярію.

И во ономъ у ея императорскаго величества, для поминовенія блаженныя и вѣчнодостойныя памяти его императорскаго величества Петра Великаго, императора и самодержца всероссійскаго, и для ея императорскаго величества многолѣтняго и благополучнаго здравія, прошу милостиваго проценія. Высококняжей свѣтлости, насъ падшихъ милостиваго государя, о помянутомъ доноситъ нижайшій рабъ, бывшій старецъ Овсяниковъ, и о помилованіи молю. Соловецкій монастырь, 19 іюня 726 [1]).

---

[1]) Госуд. Арх. Кабин. Дѣла, Отд. II № 62, стр. 910.

V. Синодскій докладъ Императрицѣ Екатеринѣ I по поводу распоряженія оберъ-прокурора Болтина о безотложномъ взысканіи съ Ѳеофана занятой имъ у Сунода денежной суммы [1]).

Въ прошломъ 1722 году октября 10 дня, по допошенію сунодальнаго вице-президента, Ѳеофана архіепископа псковскаго (что нынѣ новгородскій), дано ему, для показаннаго его тѣмъ допошеніемъ въ деньгахъ неимущества и ради приключившихся его нуждъ, заимно изъ сунодальнаго казеннаго приказа, три тысячи двѣсти рублей, которыя опредѣлено паки въ сунодальную казну возвратить съ него по расчисленію въ четыре года. А марта 11 дня 1723 г. по сунодальному опредѣленію, а по предложенію бывшаго оберъ-прокурора Болтина, велѣно оные заимодавные деньги возвратить, не ожидая прежде опредѣленныхъ сроковъ, безъ отлагательства, которыя отъ него въ Сунодъ и требуются. И о тѣхъ деньгахъ предложилъ онъ Суноду письменно, что нужда ему была просить высокославныя и вѣчнодостойныя памяти у императорскаго величества въ Москвѣ дому, на что и милостивѣйшее его величества благоволеніе было, и хотя для нѣкихъ причинъ не отданъ ему прошеный домъ, однакожъ отъ Сената обѣщано дать опальный или заплатить продажный домъ. На такомъ основаніи онъ уфундованъ, пріискалъ продажный домъ, и понеже видя, что обѣщаніе сенатское продолжается, просилъ у Сунода оной заемной суммы и къ отдачѣ сроку; а нынѣ-де онаго долгу скоро и безсрочно выплатить невозможно, о чемъ его величеству и суплику подалъ, отъ Сунода же просить благопотребнаго вашему величеству о немъ ходатайства. Того ради о означенныхъ деньгахъ, по оной его императорскому величеству поданной его архіерейской супликѣ, требуетъ Сунодъ отъ вашего величества милостиваго рѣшенія.

Вашего императорскаго величества нижайшіе рабы и богомольцы: Ѳеофилактъ, архіепископъ тверскій. Георгій, епископъ ростовскій. Петръ, архимандритъ александроневскій. Гавріилъ, архимандритъ Троицы-сергіева монастыря. Ѳеофилъ, архимандритъ чудовскій.

Октября въ 26 день 1725.

VI. Прошеніе Ѳеофана Императрицѣ Екатеринѣ I о распечатаніи въ новгородскомъ архіерейскомъ домѣ и въ епархіи хлѣба и денегъ, опечатанныхъ по случаю слѣдствія надъ бывшимъ новгородскимъ архіепископомъ Ѳеодосіемъ [2]).

Всепресвѣтлѣйшей, державнѣйшей великой Государынѣ Императрицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ, самодержицѣ всероссійской.

Всепокорное прошеніе.

По многократномъ моемъ словеспомъ предложеніи, которымъ наше

---

[1]) Кабин. Дѣла, Отд. II., кн. LXXIII, л. 43.

[2]) Кабин. Дѣла, Отд. II, кн. LXXX, л. 93.

величество принужденъ я былъ утруждать, о запечатанныхъ въ дому и епархіи моей деньгахъ, и объ описуемомъ хлѣбѣ, еще для лучшей информаціи тожъ и на письмѣ докладаю, слѣдующими пунктами:

I. По сказкѣ, какъ слышу, бывшаго секретаря Герасима (будто много денегъ изъ казны дому архіерейскаго новгородскаго украдено и утаено) посланъ капитанъ Шушеринъ, имѣя при себѣ и объявителя, онаго Герасима, сыскать оныя деньги: и потомъ вашему величеству донесено, что будто таковыхъ краденыхъ и утаенныхъ денегъ сыскано многое число и, какъ славили, шестьдесятъ тысящъ.

II. А то все есть ложно: ибо не шестьдесятъ, но двадцать три тысящи рублевъ обрѣтено, и тѣ деньги не въ одномъ дому архіерейскомъ, но и тоей епархіи въ монастырѣхъ обрѣтены: и деньги тіижде не крадены, но наличные, въ книгахъ записанные, на жалованье и всегдашнія нужды издержуемые, и не аки бы утаенные и найденные, но вопрошающимъ, гдѣ сколько есть, показанные. И таковые-то деньги, яковые и во всѣхъ прочихъ епархіяхъ и монастыряхъ и церквахъ, и у прочихъ людей обрѣтаются. А что Герасимъ показать обѣщалъ, того ничего не сыскано, хотя и съ немалымъ прилежаніемъ искано.

III. Тожде все солгано и о хлѣбѣ: ибо и хлѣбъ не краденый и не таеный, но явный и употребляемый, и не единаго архіерейскаго дому, но и епархіескихъ монастырей, пеннымъ и краденымъ названо.

IV. Извѣстився же я о всемъ отъ моихъ приказныхъ, поданными мнѣ, на вопросы отъ меня предложенные, отвѣтами, доносилъ словесно вашему величеству: и ваше величество приказала оставить все оное по ложнымъ сказкамъ творимое исканіе и отдать деньги и хлѣбъ дому архіерейскому и монастырямъ, яко не пенное ихъ имѣніе.

V. Но по имянному вашего величества указу ничего еще не сдѣлано: и для чего такъ, что за неплаченные повсегодно одиннадцать тысящъ, которые платить изъ новгородской епархіи отъ 1706 году велѣно, и на то скоро подань будетъ изъ разряду архіерейскаго отвѣтъ, которымъ будетъ показано, что больше двухъ сотъ шестидесяти тысящей епархія новгородская за новгородскую провинцію заплатила: какой суммы не отдано, ни за другія подати не зачтено епархіи.

VI. Еще же и часть ризницы архіерейской въ невскомъ монастырѣ запечатана, и мнѣ оной доселѣ не отдано.

Всемилостивѣйшая великая Государыня, прошу вашего величества о подтвержденіи милостиваго вашего указу, и да повелитъ державство ваше на письмѣ указъ послать къ Петру Андрѣевичу и прочимъ. Вашего императорскаго величества нижайшій рабъ и богомолецъ Ѳеофанъ, архіепископъ новгородскій.

VII. Сѵнодскій докладъ Верховному Тайному Совѣту, съ представленіемъ кандидатовъ на праздныя архіерейскія мѣста [1]).

Прошедшаго февраля 9-го дня сего 1727 года, высокославныя и вѣчнодостойныя памяти ея императорскому величеству отъ Сѵнода поданъ со мнѣніемъ докладъ о посвященіи въ праздныя епархіи во архіереи изъ архимандритовъ, а именно: въ астраханскую, въ устюжскую, въ воронежскую; а въ переяславскую о переведеніи архіерея: на которой докладъ отъ ея императорскаго величества указу въ Сѵнодъ не получено, а въ тѣхъ епархіяхъ безъ архіереевъ обстоитъ нужда.

А понеже въ прошедшемъ времени, отъ ея жъ высокославныя и вѣчнодостойныя памяти императорскаго величества, самоустно сѵнодальнымъ членамъ объявлено, чтобъ написаннаго въ вышеупомянепномъ докладѣ въ кандидатахъ, для посвященія въ устюжскую епархію во архіерея, Кирилла, архимандрита александровпрскаго, нынѣ и впредь въ такое архіерейскаго сана достоинство не производить: того ради нынѣ, по мнѣнію сѵнодальпому, въ тѣ праздныя епархіи, признаваются быть достойны архіереями нижеозначенные. Въ Астрахань: Левъ, архимандритъ горицкій; Ааронъ, архимандритъ богословскій изъ Рязани. Въ Устюгъ: Іерофей, архимандритъ новоспасскій; Іоакимъ, архимандритъ донской. Въ Воронежъ: Арсеній, архимандритъ прилуцкій съ Вологды; іеромонахъ Ларіонъ, намѣстникъ александроневскій. Въ Переяславль: Варлаамъ, епископъ коломенскій; а въ Коломну — Ааронъ епископъ корельскій. И о томъ отъ вашего императорскаго величества всепокорно Сѵнодъ требуетъ резолюціи. Мая 17 дня 1727 г.

Резолюція Верховнаго Тайнаго Совѣта: коломенскаго перевесть въ Астрахань; на Коломну Игнатія; на Воронежъ горицкаго архимандрита; на Устюгъ астраханскаго; въ Переяславль донскаго архимандрита. Быть по сему. Петръ.

VIII. Регулы семинаріи преосвященнаго Ѳеофана архіепископа великоновгородскаго и великолуцкаго.

Уставъ, что надлежитъ знать и дѣлать ученикамъ по днямъ и по часамъ.

I. Въ простые дни поутру вставать въ 6-мъ часу; въ 7-мъ убираться честно; галстукъ, камзолъ, башмаки и чулки чтобъ чисты были; голова чтобъ расчесана; потомъ молиться. 8—9 первѣе изученное вчера греческое протвердить, а потомъ латинскаго и русскаго языка обучаться; 10 гулять; 11 рисовать; 12 обѣдать.

---

[1]) Госуд. Арх. Дѣла Верховн. Тайн. Совѣта.

II. По полудни 1-й гулять; 2 и 3 латинскаго и русскаго языка паки обучаться; 4 и 5 рисовать; 6 и 7 инымъ голосной, инымъ инструментальной обучаться музыкѣ на перемѣну; 8 грамматики еллинскаго языка; 9 гулять и вечерять и потомъ молиться и ложиться. Во вторникъ и четвертокъ по обѣдѣ гулять.

III. Во всякій день при трапезѣ читать чтеніе отъ св. писанія, тѣмъ которые могутъ читать точно, по тридневнымъ чередамъ. А чтеніямъ быть слѣдующимъ: а) въ воскресные дни Дѣянія апостольская да прочитаются; б) въ понедѣльникъ, вторникъ, среду и четвертокъ книги историческія, начиная отъ Бытія; в) въ пятокъ и субботу Притчи Соломоновы. И читать по опредѣленнымъ статьямъ всякую статью до конца.

IV. При трапезѣ никому ни съ кѣмъ ничего ни тихо ни въ голось не говорить и никакимъ образомъ не соглашаться и не раздражаться, но внимать чтенію.

V. Если что въ чтеніи покажется кому недоумѣнное, тобы онъ выписалъ для памяти; а во время свободное предлагалъ намъ для протолкованія.

VI. Когда время идти въ церковь, и шлибы всѣ вмѣстѣ, первѣе малые, и по нихъ большіе, такожъ и изъ церкви.

VII. Во дни воскресные предъ литургіею читать съ книги одному, а прочимъ слушать толкованія заповѣдей, и одну заповѣдь отправить однимъ чтеніемъ. А по литургіи малымъ ребятамъ совопрошаться отъ заповѣдей, двоимъ отъ одной, а другимъ двоимъ отъ другой слѣдующей, и тако въ одно время отправлять по двѣ заповѣди очередно.

VIII. Во дни господскіе предъ литургіею, тронмъ одному по другомъ, наизустъ проговорить повѣсть краткую, богословскую. И сіе очередно дѣлать по тронмъ на праздникъ.

IX. Въ гуляніи внѣ дому всѣмъ быть вмѣстѣ и единому отъ другихъ далѣе пятидесяти саженъ не отлучаться, дабы одни другимъ въ случаѣ помощи, и одни другихъ о обхожденіи и нѣкоемъ (сохрани Боже) припадкѣ свидѣтельствовать могли.

X. Играніи употреблять безбѣдныя и незлообразныя; напримѣръ въ городки палками не играть; на крагли метать пули не выше двоихъ аршинъ; по сторонамъ игры тоей близко не стоять, побѣдителямъ на побѣжденныхъ не садиться и ничего непристойнаго дѣлать не велѣть; въ свайку никому отнюдь не играть.

XI. Когда которому нужда будетъ изыйти изъ дома куды ни на есть (блізко или далеко), тогда докладывать намъ, а въ небытности нашей первому, кто будетъ изъ служебной фамиліи, и требовать позволенія. И во всей этой отлучкѣ, даже до возвращенія въ домъ, былъ-бы при немъ одинъ изъ слугъ нашихъ, дворянинъ или иной кто служитель. А того соприсутствующаго не понть. И по возвращеніи намъ, или въ не присутствіи нашемъ, кому пристойно представить для освидѣтельствованія, что онъ не пьянъ.

XII. А если кто противъ вышеположенному одиннадцатому артикулу дерзнетъ учинить, то всякъ изъ дѣтей нашихъ, да и прочихъ, кто о томъ знать можетъ, долженъ намъ объявить, подъ жестокимъ за умолчаніе наказаніемъ.

Дополненіе къ вышепомянутымъ регуламъ.

XIII. Ничего не говорить и не дѣлать, что бы другому могло быть къ раздраженію и подать причину къ ссорамъ, лаямъ и дракамъ.

XIV. Если который досаждать словомъ или дѣломъ учнетъ другаго, то другой досады за досаду не отдавалъ-бы, но предлагалъ-бы о томъ тотчасъ кому изъ большихъ, а послѣ при томъ же, которому предлагалъ, допосилъ-бы директору.

XV. Скверныхъ и стыдѣнію подлежащихъ словъ никто-бы отнюдь не произносилъ, кольми паче не писалъ отнюдь, ни собою сочиняя, ни выписуя; такожъ не показывать студнаго мигапія и никакимъ тѣлодвиженіемъ не изображать того, что срамно есть. И если нѣчто таковое учинитъ, то всякъ видѣвшій или слышавшій тотчасъ долженъ повѣстить директору и будетъ бездѣльному таковому не обычное наказаніе. А кто о томъ не повѣститъ, и тотъ жестоко наказанъ будетъ.

XVI. Никогда двоимъ (и въ гуляньѣ), ниже троимъ не отлучаться отъ прочихъ въ сторону и тайно съ собою ничего не говорить, но говорить явно и въ слухъ прочихъ. И сіе кто усмотритъ, доносить долженъ тѣмъ, какъ и выше въ XV пунктѣ показано.

XVII. Но и въ компаніи съ другими одному ничего отнюдь въ ухо другому не шептать. И сіе всякъ усмотрѣвъ долженъ скоро доносить.

XVIII. Одинъ съ другимъ писемцами-бъ не пересмлались, и если сіе учинитъ, то хотя-бъ что доброе писалъ, жестоко яко бездѣльникъ наказанъ будетъ. Тожъ получитъ и тотъ, кто отъ одного до другаго переносить или передавать письменно будетъ.

XIX. Никому никуды въ сторону писемъ, не объявивъ ихъ прежде директору, не посылать. Такожъ и кому откуду, хотя отъ родителей письма присланы будутъ, не распечатывать и не читать, но не распечатанныя подавать директору, и когда онъ распечатавъ и прочитавъ отдастъ, тогда читать можно.

XX. Никому у себе особо не держать и не имѣть съѣстныхъ и питейныхъ припасовъ (кромѣ нѣкіихъ фруктовъ, и то отъ насъ подаваемыхъ и на малое время), кольми паче водки и простаго вина. И сего преслушаніе почитаемъ мы за великое злодѣйствіе.

XXI. Никому у себе не держать денегъ; но еслибы откуду получилъ, то тотчасъ объявилъ-бы директору и деньги отдалъ-бы ему въ сохраненіе. И еслибы имъ явилась нужда, то о нуждѣ той сказывалъ бы директору. А если кто сему противное учинитъ, ожидать ему великаго наказанія.

XXII. Никому не вязаться и не входить въ дружбу и компанію съ дворянами, приказными, конюхами и прочими домовыми служителями.

XXIII. Никому не говорить про людей честныхъ и сановитыхъ, чтобъ могло быть со умаленіемъ чести ихъ, хотя-бы то и явно всѣмъ было и обносилось бы въ народѣ слухомъ.

XXIV. Никому, когда и по нашему приказанію предоставлено питіе будетъ, не пить жарлочно и жадно, и таковаго злообразія весьма хранитися, кольми паче не пить до пьяна и не шумѣть.

XXV. Что въ вышеположенныхъ регулахъ или правилахъ написано, то всякому прилежно и тщательно хранить, ожидая за преступленіе жестокаго наказанія и не надѣяся оправдатися никаковыми отговорками.

Сей уставъ всякаго мѣсяца въ первый день, предъ начинаніемъ обѣда, прочитывать при собраніи всѣхъ, дабы впредь никто не могъ не вѣдѣніемъ извиняться.

Быть служебной очереди такъ.

1) Понедѣльно проходить нижеименованную службу должны: Трофимъ, Иванъ Великодный, Петръ Косминъ, Мартынъ Шешнь, Яковъ Алхимистъ, Яковъ Воронко, Семенъ Сидѣлецъ, Стефанъ Яковлевъ, Михайло Петровъ, Прокопій Макарьевъ; а Тимоѳей Харханьелъ, какъ его время придетъ, двѣ недѣли сряду служить долженствуетъ.

2) А очередная служба заключается въ слѣдующихъ пунктахъ: а) рано въ установленное время трещоткою всѣхъ будить, и кто долго, то есть за четверть часа не встанетъ, записывать; б) воду для умыванія ставить, и для того были бы къ тому шесть ведеръ на особомъ мѣстѣ готовыя и всегда чистыя; а воду приносить приставамъ Зайцу и Харину; в) имѣть при себѣ ключь отъ шкафа, въ которомъ утиральники, и утиральники выкладывать, а по умовеніи просушивъ, въ шкафъ замыкать; г) смотрѣть о всемъ, что въ уставѣ содержится, исполняется ли, и если кто не по уставу дѣлаетъ, записавъ намъ доносить; д) во время обѣда стоять или похаживать тихо, такъ ли всѣ себя держатъ, какъ въ уставѣ написано; е) кромѣ времени гулящаго запрещать шумѣть и смотрѣть, чтобъ весьма было тихо и всякъ бы у своего дѣла былъ; а о прочихъ и объ уставѣ нерадящихъ изъ большихъ — намъ доносить, а малыхъ, доложась Пліи Борисова, лозою наказывать; ж) на дворѣ, когда малые гуляютъ, смотрѣть, чтобъ небыло игръ запрещенныхъ и всякихъ поступковъ непристойныхъ или опасныхъ; з) о больныхъ имѣть раченіе, какъ въ уставѣ объ нихъ опредѣлено; и) приставамъ приказывать очищать, какъ надлежитъ, избы и столовую посуду мыть.

О больныхъ.

1) Ежели который изъ учениковъ заболитъ, тотчасъ лекаря звать, ни мало времени не пропуская, и намъ немедленно повѣщать чрезъ нижеименованныхъ дѣтей.

2) Ивану Большому по вся дни рано осмотрѣть и въ голосъ спросить,

всѣ ли въ здравіи, и если явится который болень, послать единаго изъ малыхъ—Стараго или Барашка или Бурмистра и проч. повѣстить нѣкоему изъ келейныхъ, который тотчасъ посылалъ бы по лекаря.

3) Буде мы въ отлучкѣ не близко, писать къ намъ; буде же не взыщется, или за чимъ прибыть не можетъ нашъ домовый лекарь, посылать по лекаря въ посокомію.

4) Лекарю домовому по вся дни рано приходить въ домъ нашъ и о здравіи дѣтей въ ихъ же избахъ спрашивать.

5) Лекарь, вѣдая больнаго, долженъ истинно намъ донести, каковая именно болѣзнь.

6) Буде болѣзнь таковая, каковой лекарямъ самимъ, не доложась доктора, лечить государевымъ указомъ запрещено, то долженъ лекарь до г. доктора доѣхать и опредѣленія отъ него, или и рецепта, требовать.

7) Буде потребуется покупать лекарство изъ аптеки, и расходчикъ въ дому не случится, то на свои деньги лекарь купить долженъ, чтобъ не присутствіемъ расходчика не оттоваривался и удобнаго времени не уронилъ; а потомъ расходчикъ, увѣдавъ о купленныхъ лекарствахъ, безъ отлагательства возвратить лекарю деньги долженъ съ росписною.

8) Что по своему или по докторскому разсужденію больному прикажетъ дѣлать лекарь, напримѣръ: на вѣтеръ не выходить, въ теплѣ себя содержать, соленаго и кислаго не пить и проч. то больной хранить весьма долженъ;—хранить ли, или ни, смотрѣть очередному и елико можетъ отъ запрещеннаго удерживать, и въ томъ очередному пособлять должны и прочіе, очередѣ подлежащіе.

9) Что больному ѣсти и пити опредѣлить лекарь, о томъ очередный расходчику сказывать долженъ и смотрѣть, дабы то, а не иное что было.

10. Буде болѣзнь случится кому заразливая, близкимъ вредящая, напримѣръ оспа, очередный долженъ докладывать намъ и нашимъ служителямъ, чтобъ скоро усмотрѣно мѣсто больному особливое [1]).

---

[1]) Рукоп. новгор. семин. Б-ка. № 3885. Труды кіевск. акад. 1866 г. Т. 2, стр. 77—84.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

ИМЕНЪ И ПРЕДМЕТОВЪ, УПОМИНАЕМЫХЪ ВЪ КНИГѢ: ѲЕОФАНЪ ПРОКОПОВИЧЪ И ЕГО ВРЕМЯ.

А.

Ааронъ, архим. чудова мон., присутствуетъ при допросѣ новоспасскаго архим. Евѳимія Коллети, 131, и присягѣ Ѳеофилакта Лопатинскаго, 489.

Ааронъ, монахъ саровской пустыни, 524, 540.

Аарон Еропкинъ, епископъ корельскій, викарій новгор. Переписка его съ Ѳеофаномъ Прокоповичемъ о возвращеніи юрьеву монастырю отъ архіерейскаго дома вотчинъ, 583—584. Письмо его къ Ѳеофану съ просьбою объ увольненіи въ нилову пустынь и увольненіе, 584—586. Принятіе схимы и смерть—586, п. 2. Упоминается 663.

Аввакумъ Львовъ, архим., судья духовной дикастеріи. Арестъ его по дѣлу саровскаго строителя Іосіи, показанія его, наказаніе и ссылка въ монастырское братство, 565. Упоминается 663.

Августъ II, король польскій, 7, п. 2.

Авраамій, архим. торопецкій небинскій, упом. 663.

Авраамій, иловскій игуменъ, 663.

Авраамій Дамаскинъ, келарь спасокаменскаго мон. 351, 354, 355.

Авраамій, іером. иверск. мон. 456.

Аврамова, Александра, дочь М. П. Аврамова 415.

Аврамовъ, Мих. Петр., директоръ с.-петербургской типографіи. Проэктъ его о возстановленіи патріаршества, 98, п. 1. Упом. 256. Автобіографія, его 261—267. Разные его проэкты 267—270. Протесты его противъ Ѳеофана, 274 — 279. Упом. 297, 298, 299, 300. Арестъ его—301. Показанія при допросѣ 307 — 308. Упом. 333. Ссылка въ иверскій монастырь—334. Упом. 336, 337. Секретный допросъ, 337—338. Упом. 407. Подозрѣніе на него въ составленіи подметнаго письма съ пасквилемъ на Ѳеофана, 412 — 413. Иверское слѣдствіе, 313—415. Продолженіе его, 434—437. Допросы Аврамова, окончаніе иверскаго слѣдствія и оставленіе Аврамова въ Тайной канц., 451—459. Упом. 484, 495, 500, 507, 561, 565, 568, п. 1. 678, 679. Приговоръ Кабинета и ссылка Аврамова въ Охотскъ. Письма его къ женѣ, 680 — 683. Доносъ на него главнаго командира Охотска, Скорнякова-Писарева, 683—687. Новый доносъ его же, 687—688. Экстрактъ о немъ, съ мнѣніемъ Тайной канцеляріи, поданный правительницѣ, 688. Челобитная Имп. Елизаватѣ съ проэктомъ, 689. Смерть въ крѣпости 694.

Адамъ, іеродіаконъ при домѣ Ѳеофана Прокоповича, 201, 204, 207, 247, 276, 303, 426, 468; смерть его и эпитафія ему, составлен. Ѳеофаномъ, 640—641.

Адріанъ, патріархъ, 35, 58.
Академіи: Кіевская—1, 8, 17. Дурное хозяйство ея при ректорахъ Голопичѣ и Гугуревичѣ; поправленіе его Оеофаномъ, 19.
Московская: доношенія Стефана Яворскаго и Оеофилакта о худомъ состояніи зданій и обидахъ, наносимыхъ ученикамъ, 31, 32.
Академія Наукъ, 224, 429, 434. Сношенія Оеофана съ Академіей Наукъ и академиками, 617—625. Гимназія при Академіи Наукъ, 617, 618.
Акулина Иванова, хлыстовская лже-богородица, мать хлыста Спиридона Лупкина, упом. 505, 508.
Акулина Иванова, сестра хлыстовской лже-богородицы. Упом. 508.
Александръ Невскій, св. вел. кн. русскій. О возстановленіи праздника въ честь его въ С.-Петербургѣ при Императрицѣ Аннѣ, 223.
Александръ Судаковъ, іеродіаконъ, ризничій тверскаго архіерейскаго дома, 475, 478, 480.
Александръ Шокуровъ, келарь саввина монастыря, инквизиторъ, 100.
Алексій, митроп. московскій. О поруганіи иконы его изувѣромъ Ѳомою цирюльникомъ, 64.
Алексѣй, Божій человѣкъ, св. Упом. объ акаѳистѣ ему, 111.
Алексѣй, епископъ вятскій, 193.
Алексѣй, епископъ сарскій. О письмѣ къ нему Стефана Яворскаго, 41.
Алексѣй Михайловичъ, царь русскій, 392, 564.
Алексѣй Петровичъ, царевичъ, сынъ Петра I-го, 97, 118, 243, 247, 330, 375, 379, п. 1, 380, п., 524, 560.
Алексѣевъ Василій, ученикъ школы Ѳ. Прокоповича, 636.
Алексѣевъ Егоръ, голутвинскій священникъ, 440.
Алексѣевъ, протоіерей московск. архангельскаго собора. Упом. письмо его къ Импер. Павлу I-му, 229.
Алексѣевъ, поддьякъ устюжскаго архіерейскаго дома. Арестъ и освобожденіе его, 494.
Алексѣевъ Ѳедоръ, ученикъ школы Ѳ. Прокоповича, 637.
Алимпій Давыдовъ, іеродіаконъ бизюковскаго монастыря, вовлеченный, по оговору Іосифа Рѣпникова, въ дѣло о подметномъ письмѣ; постриженіе его въ монашество, арестъ его, 478—479. Допросы, лишеніе монашества и истязанія въ Тайной канцеляріи, 483—484. Ссылка въ Сибирь, 656—657. Возвращеніе изъ ссылки, 673.
Алхимистъ Яковъ, ученикъ школы Ѳеоф. Прокоповича, 649.
Албрехтъ, лекарь. 178.
Амвросій Зертисъ-Каменскій, московскій архіепископъ, упом. 32.
Амвросій Юшкевичъ, архим. симоновскій, потомъ еписк. вологод. и архіеп. новгородскій. Пожалованіе ему ризницы и дома на Карповкѣ, принадлежавшихъ Оеофану, 653. Упом. 431, 489, 668, 678, 679.
Ананьевъ Алексѣй, дьяконъ успенской, что въ Котельникахъ, церкви, 436.
Ананьевъ Степанъ, священникъ московской гребневской церкви, 436.
Андреевъ Александръ, ученикъ школы Оеоф. Прокоп. 634.
Андреевъ Иванъ, ученикъ школы Ѳ. Прокоп. 650.
Андрей, келейникъ Родышевскаго,—435, 437.
Андроникъ, архим., судья новгород. архіер. дома. Доносъ на него Носова о расхищеніи имъ церковнаго имущества 115. Упом. 245, 246, 248. Назначеніе его слѣдователемъ по дѣлу объ оскорбительномъ для Ѳеофана Прокоповича разговорѣ людей новгородскаго архіерейскаго дома, 512.
Аникѣевъ Василій, священникъ, 495.
Анна, королева Англіи, 419, 595.
Анна Іоанновна, Императрица. Упом. о бракѣ ея съ курл. герцог. 77. Упом. о ней: 156, 157. Объ указѣ ея св. Сѵноду касательно празднованія дня Александра Невск. 223. Обстоятельства вступленія ея на престолъ, 258. Упом. 267. Проэктъ, поданный ей Аврамовымъ. 268. О мызѣ, подаренной ею духовнику Варлааму, 273. Указъ объ устроеніи Сѵнода, 279—280. Упом. 283. Указъ о новомъ составѣ Сѵнода, 286. Стихотворенія Ѳеофана въ честь ея по случаю переѣзда ея въ новый лѣтній домъ, 294—295. Его же стихотвореніе на окончаніе ладожскаго канала, 340. Упом. 351, 371, 368, 401, 468, 597. Стихотвореніе, въ честь ея, Оеофана по случаю посѣщенія его въ селѣ Владыкинѣ, 645. Указъ, данный Тайной канц. объ исполненіи завѣщанія Оеофана, 652—653. Упом. 654. Смерть ея, 667.
Анна Леопольдовна, правительница. Упом. 296, 297, 340, 492. Указъ объ амнистіи преступникамъ и невиннossыльнымъ въ царствованіе Импер. Анны, 667—668.

Анна Петровна, дочь Петра I, супруга герцога голштинскаго. Привѣтственная рѣчь ея отцу, по возвращеніи его изъ путешествія, 27. Поздравительное письмо къ ней Ѳеофана по случаю рожденія ею сына, 250, 252. Упом. 277, 492, 546.

Антоній, архим. златоустовскій судья приказа церк. дѣлъ, 99.

Антоній, архим. казначей сунодск. дома, 556.

Антоній, архим. саввина монастыря, привлеченъ къ слѣдствію по дѣлу Іосифа Рѣшилова, 478. Допросъ, показанія и очная ставка съ Рѣшиловымъ въ Тайной канц. 481—483.

Антоній, митр. сибирскій, 342.

Аполлинарія, керженская раскольница-монахиня, ученица Рѣшилова. Упом. 472.

Апостолъ, Даніилъ, гетманъ Малороссіи, 253, 340.

Апраксинъ, адмиралъ, 116, 160, 185, 446.

Артамаковъ, Алексѣй, пасынокъ гр. Матвѣева, упом. 560.

Аристенъ, Алексій, 216.

Аристотель, греч. философъ. Упом. 13.

Арій, еретикъ. Упом. 302, 709.

Аркадій, монахъ саровской пустыни. Упом. 539.

Арндтъ Іоаннъ. Упом. о книгѣ его, переведенной на русскій языкъ Симономъ Тодорскимъ, 589.

Арнардъ-Арнардеръ, Петръ, инспекторъ петергофск. дворца. Упом. 658.

Арсеній Берло, архим. межигорскаго монастыря; назначенъ епископомъ-администраторомъ бѣлорусской епархіи, 454. Интрига противъ него Каллиста и Гедеона Шишки; оставленіе епархіи, 255. О письмахъ къ нему Ѳеофана, 255.

Арсеній Маціевичъ. Упом. 3, п. 1, 8, 32. Возраженіе его на «Молотокъ на Камень Вѣры» 386—407. Упом. 573.

Арсеній Могилянскій, митроп. кіевскій. 118, п. 2.

Арсеньевъ, Конст. Ив. Упом. 289, п. 1.

Артемьевъ, Тимофей, тарскій купецъ. Упом. 508, 509.

Аѳанасій, архіеп. холмогорскій. Упом. 58.

Аѳанасій Великій. Упом. 217, 299, 302. О книгѣ Аѳанасія В. въ кіевософ. библіотекѣ, 501, 503.

Аѳанасій Кондоиди, (въ мірѣ Анастасій) греч. священникъ; прошеніе его о постриженіи въ монашество 96. Іеромонахъ, сунодальный ассесоръ, архим. спасоярослав. монастыря, наконецъ епископъ вологодскій. Разборъ, по порученію Сунода, протеста іерод. Макарія, о несогласіи малороссійскихъ церквей съ великороссійскими, 36. Свѣдѣнія о прежней его службѣ, 93. Отзывъ о немъ Фандербека, 96. Упом. 98, 160, 173, 224, 347, 350, 351, 356. Допросы и объясненія его по дѣлу Георгія Дашкова, еп. ростовскаго, во время заключенія его въ вологодскомъ Каменномъ мон. 356—361. Выговоръ ему отъ Сунода, 362. Сношенія съ оберъ-секрет. Дудинымъ, 363. Упом. 377, 425, 460, п. 1, 581.

Аѳанасій Мирославскій, архим. кіевопечерскаго мон. Упом. 500.

Аѳанасій Наусій, грекъ, ассесоръ св. Сунода, 98.

Аѳанасьевъ Иванъ, камердинеръ царевича Алексѣя Петровича, 376, 377.

Б.

Байеръ, Теофилъ-Сигфридъ, профессоръ Академіи Наукъ и учитель школы Ѳеофана Прокоповича. Посвященіе имъ Ѳеофану сочиненія его «Museum Sinicum», 619—620. Письма къ нему Ѳеофана, 620—621. Упом. 627, 631.

Балакиревъ, упом. 541, п. 1.

Бальба Михаилъ, греч. императоръ. Упом. 423.

Бароній. О выпискахъ изъ его церковныхъ лѣтописей Маркелла Родышевскаго, 677, 678, 679.

Барсовъ Алексѣй, директ. сунод. типографіи. Упом. 300, 337. Арестъ его по дѣлу о подметномъ пасквильномъ письмѣ на Ѳеофана и его показанія, 338—339. Очныя ставки съ Евоиміемъ Коллети, 431. Упом. 433, 434, 435, 436, 441, 442, 443, 449, 494. Новые допросъ Тайной канцел., показанія его и смерть, 499. Упом. 500, 568, п. 1. Малолѣтные дѣти его Антонъ и Елена, 499.

Барашко, Григорій, ученикъ школы Ѳеоф. Прокоп. 649.

Барыковъ, подполковникъ, 284.

Баскаковъ, капитанъ гвардіи, составляетъ штаты монастырей, 141—142; оберъ-прокуроръ св. Сунода, послѣ Болтина, 195, 397; требуются отъ него въ Верх. Т. Сов. вѣдомости о состояніи Сунода по экономическимъ дѣламъ, 224. Упом. по дѣлу Льва, еп.

воронежскаго, 286; по дѣлу козлов. митроп. Игнатія, 289. Упом. 397.
Бассевичъ, голшт. министръ. Упом. 148, 149, 150, 622.
Бембо, венеціанецъ, епископъ, кардиналъ. Упом. 6.
Бенедиктъ (XIII), папа Римскій. Подметное отъ имени его письмо къ Ѳеофану, 409—410.
Берхгольцъ, кам.-юнкеръ. Упом. 86, 90, п. 1, 372, п. 1.
Березинъ, живописецъ; вовлеченъ въ дѣло о подметномъ письмѣ къ Ѳеофану. Арестъ его, показанія его въ Тайн. канц., наказаніе плетьми и освобожденіе, 494.
Берингъ, упом. 683, 684.
Бибиковъ, оберъ-прокуроръ Сената, участвуетъ въ конференціяхъ Сената съ Сунодомъ объ устроеніи Сунода 118.
Бидлоо, докторъ, упом. 248.
Бильфингеръ, с.-петербургскій академикъ; перевелъ на лат. языкъ главу изъ «Камня вѣры» о наказаніи еретиковъ, 368, 627.
Бингамъ, Іосифъ. Упом. 398, 621.
Биронъ, герц. курляндскій. Упом. о немъ 295, 296, 297, 591, 596. Письмо его къ Ѳеоф. Прокоповичу, 597. Письмо жены его къ Ѳеофану, 643. Упом. 654, 668.
Блюментростъ, лейбъ-медикъ, президентъ Академіи Наукъ. Письмо къ нему Ѳеоф. Прокоп. о принятіи нѣсколькихъ молодыхъ людей въ академическую гимназію, 617. Упом. 622.
Бобановскій Маркъ, поручикъ. Упом. 585.
Богдановъ, Максимъ, ученикъ школы Ѳеофана Прокоповича, 634, 638.
Богдановъ, Иванъ, стряпчій тверскаго архіерейскаго дома, вовлеченъ въ дѣло о подметномъ письмѣ, 475.
Боголюбовъ, подъячій. Упом. 510.
Боголѣпъ, монахъ берлюковской пустыни. Упом. 522. Арестъ его, 523. Упом. 535, 539, 546, 557, 558, 568, п. 1. Вступилъ въ пупружество 701.
Болтинъ, полковникъ, первый оберъ-прокуроръ св. Сунода. Упом. 98. Участіе въ конференціи Сунода съ Сенатомъ по дѣлу Ѳеодосія Яновскаго, 116—117. Настаиваетъ на взысканіи долга съ Ѳеоф. Прокоповича, 145. Упом. 158, 159. Заключеніе въ крѣпости 161. Допросъ, 163, 164. Упом. 183.
Бонавентура, францисканецъ, 18, п. 1.
Босой, Михайло, сосланъ на галеры за участіе въ заговорѣ царицы Евдокіи противъ Петра I. Упом. 686.
Боцисъ, графъ, грекъ. Упом. 423.
Бредихинъ, капитанъ преобр. полка. Упом. 152.
Брейній, директоръ музея въ Данцигѣ, рекомендовалъ Петру I-му Мессершмидта для путешествія по Россіи, 622.
Брюсъ, Яковъ Вилимовичъ, 264, 265, 468, 483.
Буддей, проф. іенскаго университета; авторъ возраженія на Камень Вѣры. Упом. 367, 368, 369, 373, 380, 381, 382, 383, 526, 433, 468. Уваженіе къ нему Ѳеофана 626.
Бужинскій, Прокопій Ѳедоровичъ, братъ Гавріила Бужинскаго, протоіерей слободскаго изюмскаго полка, бѣлоградской губ. 89, п. 1.
Бурмистръ, Петръ, ученикъ школы Ѳеоф. Прокоповича, 649.
Бутурлинъ, упом. 148.
Бухвостовъ, Семенъ, коммисаръ у акцизнаго сбора на ладожскомъ каналѣ. Арестъ его по дѣлу о подметномъ письмѣ съ пасквилемъ на Государыню и Ѳеофана Прокоповича; опись и опечатаніе его дома, 514.
Бухвостовъ, Козьма, секретарь новгород. архіерейскаго дома. Упом. 413, 458. Подозрѣнія на него Ѳеофана и арестъ его; освобожденіе по просьбѣ жены и матери, 512. Упом. 513. Сдача на сохраненіе ему казеннаго, домоваго и епаршескаго имущества, оставшагося по смерти Ѳеофана, 647.
Бѣляевъ, Макаръ, секр. Сунода, 168, 169.
Бѣляевъ, капралъ, служитель иверскаго мон. 414.
Бѣляевъ, сержантъ семеновскаго полка; назначеніе его для взятія регента пѣвческаго хора цес. Елизаветы Петровны, Ивана Петрова, 569.
Быковъ, генералъ-маіоръ, оберъ-комендантъ выборгской крѣпости, во время заключенія въ ней архіеп. Ѳеофилакта Лопатинскаго. 656.

В.

Варлаамъ Вонатовичъ, архіеп. кіевскій. Упом. 254. Сосланъ въ кириллобѣлозерскій мон. и лишенъ сана, 292, п. 1. Прошеніе въ Сунодъ съ представленіемъ кандидатовъ въ кіево-печерскіе архимандриты по смерти Іоанникія Сѣнютовича, 299, п. 1. О совѣщаніи его съ Якомъ Жюбе о соединеніи церквей, 371. Упом. 500, 580.

Варлаамъ Левинъ, разстрига, казненный въ 1722 г. 172

Вараамъ Овсянниковъ, игуменъ угрѣшскаго мон., ассессоръ и оберъ-секретарь Сунода, 93, 97. Прикосновенность къ дѣлу Ѳеодосія Яновскаго, 159. Упом. 162, 163, 166. Арестъ его; лишеніе священства и монашества; возвращеніе дух. сана и права совершать богослуженіе, 168—169. Заточеніе и смерть въ соловец. мон. 179—180. Упом. 342. Прошеніе къ князю Меньшикову изъ соловецкой тюрьмы 718.

Варлаамъ, архим. троицкій. Духовникъ Императрицы Анны. Упом. 260, 269. Свѣдѣнія о немъ, 270 — 273. Письма его къ Екатеринѣ и сатира на него Кантемира, 270—273. Союзъ его съ Родышевскимъ и Арамовымъ противъ Ѳеофана, 273 — 278. Назначеніе на конференцію Сунода съ Сенатомъ, 280. Упом. 296, 297, 300, 301, 308, 309, 314, 337, 338, 382, 383, 411, 412, 435, 436, 439, 451, 475, 494, 592, 503, 507, 521, 524, 555, 648, 678, 679.

Варлаамъ Голенковскій, намѣстникъ невскаго монастыря, 466.

Варлаамъ Ясинскій, митр. кіевскій, 1, п. 3, 8, 388.

Варлаамъ Косовскій, епископъ тверскій. Упом. 41, п. 1.

Варлаамъ Скамницкій, законоучитель въ кадетскомъ корпусѣ, 633.

Варнава, архіеп. холмогорскій, 44.

Варнава, іеромонахъ, справщикъ, 466.

Варсонофій, іеромонахъ, блюститель пещеры св. Антонія. Представленъ былъ кандидатомъ въ кіевопечерскіе архимандриты, 299, п. 1.

Варсонофій, епископъ архангельскій 672.

Варфоломей, архим. симонова монастыря 74.

Варѳоломей Кассано, 593.

Василій, свящ. рязскаго уѣзда. Арестъ его, 339.

Васильевъ, Алексѣй, ученикъ школы Ѳ. Прокоповича, 636.

Васильевъ, Максимъ, ученикъ школы Ѳ. Прокоповича, 636.

Васильевъ, Николай, подъячій чудова мон. 436.

Васильевъ, Степанъ, священникъ, лишенный сана, (распопъ). Свѣдѣнія о немъ 509, п. 1. Донесеніе его Суноду о разговорѣ съ нимъ распопа Петра Іосифова и солдата Корнышева о церковныхъ дѣлахъ, 509—510. Подозрѣнія на него Ѳеофана Прокоповича; наказаніе и ссылка въ Охотскъ, 510—511.

Вассіанъ, іеромонахъ, начальникъ пещеры св. Ѳеодосія. Представленъ былъ въ числѣ кандидатовъ на кіевопечерскую архимандрію, 299, п. 1.

Вейцъ, нѣмчинъ. Неизвѣстное, вѣроятно вымышленное лицо. Упом. въ дѣлѣ Зварыкина, 518, 519, 520, 521, 548, 549, 550.

Великодный, Иванъ, домовый служитель Ѳеофана Прокоп. Прошеніе его Суноду о продолженіи ему пенсіи по завѣщанію Ѳеофана, 650—651.

Венедиктъ Барановъ, келарь хутынскаго монаст. 74, п. 1 и сл.

Венедиктъ Коптевъ, іеродіаконъ 246.

Веніаминъ, епископъ коломенскій, назначается для отобранія показаній отъ Іоакима, еп. ростовскаго по дѣлу Зварыкина и саровскихъ старцевъ, 566. Указъ ему изъ Сунода—тж. п. 1. Донесеніе его Суноду, 567, п.

Веніаминъ Григоровичъ, іеромон. кіево-братскаго мон. 332.

Веніаминъ Фальковскій, іером., намѣстникъ александронев. монастыря. Представляемъ былъ въ кіево-печерскіе архимандриты 299, п. 1. Сторонникъ Дашкова и Родышевскаго, 241. Упом. 332.

Верещагинъ, секретарь новгородскаго казеннаго приказа. Сопровождаетъ гробъ Ѳ. Прокоповича въ Новгородъ, 648.

Верховный Тайный Совѣтъ, запрещаетъ Правду Воли монаршей, службу св. Александру Невскому и закрываетъ невскую и с.-п.-б. типографіи, 223. Разрѣшаетъ постригать въ монахи отставныхъ солдатъ, 223. Требуетъ вѣдомостей о состояніи Сунода, отрѣшаетъ оберъ-секр. Палехина и назначаетъ Черкасова, 224. Назначаетъ и переводитъ архіереевъ и архимандритовъ, 225. Принимаетъ сторону Дашкова и Родышевскаго противъ Ѳеофана, 226—230, 241. Совѣщанія въ Верх. Тайн. Сов. по случаю кончины Петра II. 256—259. Закрытіе его, 296. Упом. 374, 379, 430, 439, 587.

Веселовскій, К. С. Упом. о сочиненіи его: «Историческое обозрѣніе трудовъ Академіи Наукъ на пользу Россіи». 624, п. 1.

Викентій Чернцовъ, іером. троицко-сергіева монастыря. Наказаніе его и

ссылка въ кириловъ бѣлозерскій монаст. за поношеніе св. Сунода. 98.
Викторовъ, Степанъ. См. *Сильвестръ берлюковскій іером.*
Владыкинъ, Алексѣй, 112, п. 1. Участвуетъ въ ассамблеяхъ Ѳеодосія Яновскаго.
Воиновъ, Иванъ, ученикъ школы Ѳ. Прокоповича, отправленный въ академич. гимназію. 633.
Волковъ, Алексѣй, 412, 414, 415.
Волчковъ, Сергѣй, переводчикъ Граціана, 597.
Вольфъ, Христіанъ, марбургскій профессоръ. Приглашается въ петерб. Академію Наукъ. Письмо къ нему Шумахера. 617—618. Отзывъ Ѳеофана о его философіи, 626.
Волынскій, Арт. Петр. Упом. 175, 343, 631, 654, 674.
Воронковъ, Яковъ, ученикъ школы Ѳ. Прокоповича, отправленный въ академич. гимназію, 633.
Вортманъ, скульпторъ, 624.
Вязьминъ, Яковъ, келейникъ новоспасскаго архим. Евѳимія Колдети. Арестъ его, 425.

Г.

Гавріилъ Бужинскій, архим. ипатскаго, потомъ троицкаго монастыря, совѣтникъ св. Сунода, протекторъ школъ и типографій 89 90, 202, 460, п. 1. Переводчикъ Пуффендорфа, 329, 330. Епископъ рязанскій, 216. Слово его въ день годичнаго поминовенія Петра В. 627. Показанія его противъ Ѳеодосія 151, 162, 163. Родышевскій обвиняетъ его въ переводѣ книгъ, вредныхъ для церкви, 304, 328, 329.
Гавріилъ Домецкій, упом. 35.
Гавріилъ, іером. иверскаго монастыря, 456, п.
Гедеонъ Вишневскій, ректор. москов. акад., еписк. смоленскій. Протестъ его противъ Ѳеофана, 29—32. Свѣдѣнія о немъ 33—34. Упом. 40, 42, 112, 155, 171, 203, 299, 302, 303, 308, 332, 383, 436. Извиненіе въ протестѣ на Ѳеофана 705.
Гедеонъ Шишка, игуменъ минск. монастыря. Интриги его противъ Арсенія Берло, 255.
Гедеонъ Криновскій, іеродіаконъ, учитель московской академіи, назначенъ придворнымъ проповѣдникомъ 638, п. 1.
Геладій, Александръ, ученый грекъ, авторъ сочиненія о греческой церкви 416, 420, 423, 424.
Геннадій, архим. чудовскій, 374, 375.
Георгій Дашковъ, епископъ ростовскій, назнач. совѣтникомъ въ Сунодъ 180, 183, 184. Прежняя служба его: 185—190. Сила его въ Сунодѣ при Петрѣ II-мъ, 223; приглашается въ Верх. Т. Совѣтъ, 226, 279, 282, 283. Ищетъ патріаршества 224—230. Ѳеофанъ устраняетъ его изъ Сунода при слушаніи дѣла о Родышевскомъ 239, 224. Преданіе суду и ссылка въ Каменный вологодскій мон. 289 — 292. Упом. 314. Принятіе схимы 347. Дальнѣйшая судьба его; преслѣдованія со стороны Ѳеофана, новое слѣдствіе и ссылка въ нерчинскій монастырь 347, 365. Упом. 374, 397, 399, 467, 471, 481, 576, 609, 611, ц. 2. Смерть его: 271.
Георгій Конисскій, архіеписк. бѣлорусскій, 32.
Георгій, саровскій монахъ. См. *Зоармскій Григорій.*
Герасимъ, экономъ архіерейск. дома Ѳ. Прокоповича. Юмористическія стихотворенія къ нему Ѳеофана, за приготовленіе хорошаго солоду, 641—642. Упом. 643.
Герасимъ, іером. при домѣ преосвящ. Леонида, 431.
Герасимъ, іеромонахъ, регентъ придворнаго хора. Упом. 570.
Гергардъ, протестантскій богословъ, профессоръ богословія въ Іенѣ, 18.
Германъ, архим. заиконоспасскаго монастыря, 332.
Гермогенъ, риторъ II вѣка, 13.
Гмелинъ, ученый путешественникъ по Сибири. 623.
Гнѣдичъ, П. Н. Отзывъ его о трагикомедіи Ѳеофана «*Владиміръ*», 8.
Голиковъ, анекд. у него о Львѣ Юрловѣ, 282, п. 2, и о Ѳеофанѣ 628, 629, п. 1.
Голицына, Пастасья, княгиня, 438, п.
Голицынъ, кн. Дм. Мих. кіевскій губернаторъ. Упом. 20, 116, 210, 256, 259, 281, 282, 381, 382, 466, 469, 507, 576. Объ отношеніяхъ его къ Ѳеофану Прокоповичу 607.
Головачевъ, судья невск. мон. 165.
Головинъ, графъ, вице-канцлеръ, упом. въ дѣлѣ о бѣлорусской епархіи, 419, 420, 421.
Головкинъ, графъ, канцлеръ. Упом. 116, 160, 164, 257, 281, 282, 296, 375; письмо къ нему Ѳеофана Прокоповича, 587—588.

Головчичъ, ректоръ кіевской акад., 19.
Гольдбахъ, академикъ. Представляетъ проэктъ о составленіи исторіи Академіи Наукъ, 624.
Гоппъ, голландецъ. Случай съ Л. Юрловымъ у него на ассамблеѣ, 232, п. 2.
Горбуновъ, богадѣленный нищій, переписчикъ пасквилей на Ѳеофана, 336.
Горканецкій, Михаилъ, ученикъ шк. Ѳ. Прокоповича, 634.
Горканецкій, Николай, ученикъ школы Ѳ. Прокоповича, 634, 636.
Грекъ, Николай, ученикъ школы Ѳ. Прокоповича, 637.
Григорій, послушникъ берлюк. пустыни, списывавшій иконы юродиваго Тимофея Архиповича, 511, 558.
Григорій XIII, папа римскій, 4.
Григорьевъ, Петръ, протопопъ петропавловскій, synod. ассесоръ, 93, 97, 162, 165, п. 1. 172.
Гроссъ, профессоръ академическ. гимназіи. Письмо къ нему Ѳеофана Прокоповича, 618—619. Упом. 622.
Гротъ-Глуренъ, шведскій посланникъ въ Константинополѣ, 422.
Гуго-Гроцій, 422.
Гугуревичъ, ректоръ кіевской академіи, 19.
Гугуревичъ, іером. соф. кіевск. монастыря, 332.
Гулевичъ, Степанъ, ученикъ школы Ѳ. Прокоповича, 634.
Гумбертовъ Менандръ, 609, п. 1.
Гюйгенсъ, Христофоръ, сочинитель атеистической книги, 264.
Гюйссенъ, баронъ, письма его къ пастору англиканской церкви въ Россіи, Томасу Консе, 627, п. 1.

Д.

Давидъ Нащинскій, архим., издатель сборника «Miscellanea sacra». 602.
Давидъ Скалуба, оберъ-іером. въ низовомъ посадѣ, потомъ архим. новг. антоніева монастыря. Упом. 202, 332. Рекомендательное письмо о немъ Ѳеофана Прокоповича къ епископу черниговскому Иродіону Жураховскому 586—587.
Давыдовъ, Алексѣй, секретарь тверскаго архіерейскаго дома, 478, 480, 492.
Давыдовъ, Панкратъ, князь, зять Георгія Дашкова, 185.
Даленоръ, римск. ксендзъ, духовникъ совратившейся въ католичество И. П. Долгоруковой, 372, п.
Дамаскинъ Рудневъ, авторъ латинской (готской) біографіи Ѳеофана, 8, 503, п. 1.
Дашковъ, Андрей Яковл., стольникъ, братъ Георгія Дашкова, 185, п. 1, 354.
Дашковъ, Борисъ Яковл., братъ Георгія Дашкова, 185, п. 1.
Дашковъ, Иванъ Алексѣевичъ, стольникъ, дядя Георг. Дашкова, 185, п. 1.
Дашковъ, Ѳедоръ Яковл., братъ Георгія Дашкова, 185, п. 1.
Девіеръ, полиціймм. Упом. 165.
Дементьевъ, Аврамъ, штурманъ охотской команды. Упом. 685.
Дементьевъ, Василій, тарскій купецъ. Упом. 508, 509.
Демидъ, разстрига, бывшій суздальск. епископъ Досиѳей. Упом. 686.
Денисовъ, канцеляристъ, арестованъ по дѣлу о подметномъ письмѣ къ Ѳеофану, 496.
Дикастерія Духовная, въ Москвѣ, сост. въ вѣдѣніи св. Synoda, 99, п. 1. Слѣдствіе надъ нею, 565.
Димитрій, митр. ростовскій. 116, 436.
Димитрій, іеромонахъ, сосланный изъ Кіева въ симоновъ монастырь. Упом. 525.
Діодоръ, іеромонахъ стромынскаго монастыря, первый строитель берлюковской пустыни, 557.
Діонисій Ареопагитъ. Упом. 217, 575.
Діонисій, архим. андроніева монаст. Упом. 100, п. Участвуетъ въ ассамблеяхъ Ѳеодосія Яновскаго 112, п. 1.
Діонисій, керженскій раскольническій мон., ученикъ Рѣшилова. Упом. 472.
Дмитрій Сѣченовъ, архим. свіяжскаго мон., (впослѣдствіи митроп. новгородскій) 669, п.
Дмитріевъ, Григорій, купецъ. Упом. 558.
Дмитріевъ, Иванъ, ученикъ школы Ѳ. Прокоповича, 634. 637.
Дмитріевъ, Несторъ, ученикъ школы Ѳ. Прокоповича, 634, 650, 637.
Дмитріевъ, Степанъ. Тоже.
Дмитріевъ, Степанъ, купецъ. Упом. 556.
Долгорукій, кн. Алексѣй Григ. 249.
Долгорукій, кн. В. В. Упом. 534, 584.
Долгорукій, кн. В. Л. 256, 258.
Долгорукій, кн. Ив. Ал. 249.
Долгорукова, княжна Екат. Алексѣевна, невѣста Импер. Петра II, 249.
Долгорукова, Анна, дочь кн. Сергѣя Долгорукова, 373, п.
Долгорукова, княгиня Ирина Петровна, урожд. княжна Голицына; совращеніе ея въ католичество. 369—370.

Долгорукова, Марья, княгиня. Показанія ея по дѣлу Зварыкина и саровскихъ и берлюковскихъ старцевъ, 559—560.

Долгоруковы, Александръ и Владиміръ, дѣти кн. Сергѣя Долгорукова: отправлены къ учителямъ ал.-невск. семинаріи для утвержд. въ правосл. вѣрѣ, 373, п.

Долгоруковъ, Николай, сынъ кн. Сергѣя Долгорукова, сосланъ въ саввинъ сторожевскій мон. 373, п.

Долгоруковъ, Сергѣй, князь, статскій сов. 369. Сосланъ въ саввинъ сторожевскій мон. 373, п. Упом. 576.

Дороѳей, іеромонахъ саровской пустыни, 521, 537.

Дорофей Кроткевичъ, митрополитъ Смоленскій, 463.

Досифей, архим. саввина сторожевскаго мон. Назначенъ въ составъ конференціи Сената съ Сунодомъ объ устроеніи Сунода, 281.

Дохторовъ, стольникъ. Упом. 557.

Дубровинъ, подпоручикъ, 569.

Дудинъ, сунод. оберъ-секретарь. Упом. 172, 290, 292, 348, 350, 358, 362, 363, 443, 470, 542, 544, 549. Арестъ его, судъ, пытки, ссылка въ Сибирь и конфискація имущества 663—667. Возвращеніе изъ ссылки, 675.

Дурасовъ, секр. московской типографіи, 434.

Дюкъ Лирійскій, испанскій посланникъ, 257, п. 1. 259, п. 1. 370, 379, 410, 411, 426, 433, 612, п. 1.

Е.

Евдокимовъ, священникъ новоладожской соборной церкви, сопровождаетъ гробъ Ѳ. Прокоповича въ Новгородъ. 648.

Евдокимовъ, учитель тверск. сем. Отзывъ его о Ѳеофилактѣ Лопатинскомъ, 670—671.

Евдокія Ѳедоровна Лопухина, царица. 190, 240, 284, 295, 557, 686. п. 1.

Евгеній, митр. кіевскій, 2, 4. 7, 279, 294, 590, 591.

Евникіанъ, іерод. невскаго мон. 332.

Евсевій Леоновъ, іером. московскаго крестовоздвиж. мон. Упом. 351. Назначенъ слѣдователемъ въ берлюковскую пустынь, 556

Евфимій, митроп. сарскій и подонскій, 533.

Евфимій Коллети, въ мірѣ Ливерій, (Елевферій). Путешествіе его за границей съ царевичемъ А. П. Арестъ, лишеніе священства и ссылка въ соловецкій монастырь 376, 377. Постриженіе въ монашество 379. Архимандритъ новоспасск. мон. и членъ Сунода, 379, 280, 286, 371. Сношенія съ Рибейрой, 379. Участіе въ изданіи Новаго Завѣта на народномъ греч. языкѣ, 416. Назначенъ членомъ слѣдственной коммиссіи по дѣлу Серафима Аріона, 417. Арестъ, 425. Исключеніе изъ Сунода, лишеніе священства и монашества, 431. Слѣдствіе, допросы и показанія, 431—434. Упом. 443, 537. Смерть въ крѣпости, 674.

Екатерина I, Императрица. Упом. 100, 141, 142. Возшествіе ея на престолъ, 147—149. Упом. 150, 152, 182, 191, 192, 195, 223, 224, 230, 256, 261, 267, 268, 270, 271, п. 3, 4, 5, 272, п. 6. 277, 342, 378, 437. 438, 465, 468, 492, 551, 565, 576, 627, 669.

Екатерина Іоанновна, великая княжна, 337, 340, 354, 376, 492, 495, 541, п. 1, 661.

Елизавета Петровна, цесаревна, потомъ Императрица. Упом. 27, 250, 266, 267, 296, п. Указъ ея св. Суноду касательно отступниковъ отъ православія, 373, п. Упом. 386, 491, 545, 548, 549, 551, 568. Письмо ея къ Ѳеофану Прокоповичу о присылкѣ пѣвчихъ для участія въ комедіи, 569. Упом. 571, 612, п. 1, 653. Посѣтила Ѳеофилакта, по освобожденіи его изъ крѣпости, 670. Вступленіе на престолъ и манифестъ о дарованіи прощенія преступникамъ, 672. Проповѣди въ ея царствованіе 668—670.

Емельяновъ, Андрей, ученикъ школы Ѳ. Прокоповича, 637.

Еннатъ, печерскій монахъ, 332.

Епифаній Тихорскій, архим. нѣжинскій, 20, 332, 444, 581.

Епифаній, бѣглый архимандритъ, 663.

Еремѣевъ, Наумъ, ученикъ школы Ѳ. Прокоповича, 637.

Ершовъ, В., московскій вице-губернаторъ, потомъ судья монастырскаго приказа, 99.

Ершовъ, Веніаминъ, келарь троицкаго подворья, 436.

Ефремъ, арестантъ Камен. вологод. мон. 356.

Ефремъ Короткій, (въ мірѣ Евдокимъ), іеромонахъ саровской пустыни, 524, 534, 541. Прежняя жизнь его, 542. Ссылка въ Оренбургъ; возвращеніе 704, 704.

Ж.

Живицкій, Михаилъ, ученикъ школы Ѳ. Прокоповича, 633, 634.

Жуковъ, тверской канцелярист. Оговоръ его Козьменкою. Допросы и освобожденіе, 660—661.

Жураковскій, гетманскій судья, 446.

Жюбе Жакъ, (извѣстный также подъ вымышленнымъ именемъ Лакура), духовникъ принявшей католичество княгини И. П. Долгоруковой. Пребываніе его въ Москвѣ и совѣщанія съ русскими духовными о соединеніи церквей, 369—371.

З.

Замятнинъ, Григ., директоръ сунод. типогр. 100, п., 549.

Замыцкій, капитанъ-поручикъ преображен. полка, командированъ для разбора дѣла между псковскимъ еп. Варлаамомъ и воеводою княземъ Солнцевымъ, 346.

Зарудневъ, суперъ-интендентъ: ему поручено наблюденіе за иконописаніемъ, 100, п.

Зварыкинъ, Григорій, въ монашествѣ Георгій; монахъ саров. пустыни; показанія его объ отреченіи отъ Христа и сношеніи съ бѣсами 521. Розыски сунод. канцеляріи и показанія Зварыкина, 522—523. Доносъ на него саровскаго іеромон. Іосіи; арестъ Зварыкина и берлюковскихъ и саровскихъ старцевъ. Розыски конторы Тайной канцеляріи, 523 — 525. Пересылка Зварыкина и другихъ арестованныхъ въ Петербургъ; допросы въ Сунодѣ, показанія Зварыкина, 526—527. Упом. 534, 526, 538. Новые допросы и показанія Зварыкина, 544—553. Лишеніе сана 553. Упом. 565, 566, 568. Ссылка въ Сибирь. Возвращеніе изъ Сибири; смерть, 701, 704.

Зварыкинъ. И. Г., придворный мундшенкъ. Упом. 518.

Звѣревъ, Яковъ, ученикъ школы Ѳ. Прокоповича и потомъ начальникъ архива св. Сунода, 634.

Зейконъ, упом. 467, 483.

Зерниковъ, Адамъ, Чехъ, авторъ книги: «О исхожденіи Св. Духа противъ латинянъ» 503.

И.

Ивановъ, Иванъ, ученикъ школы Ѳ. Прокоповича. Упом. 634, 646.

Ивановъ, Максимъ, ученикъ школы Ѳ. Прокоповича, 637.

Ивановъ, Петръ, свящ. успенскаго собора, 337.

Ивановъ, Семенъ, ученикъ школы Ѳ. Прокоповича. Упом. 649.

Иванъ, юродивый. Упом. 556, 559.

Игнатій Смола, митроп. коломенскій, 190. Біогр. его 190—194. Упом. 226, 228, 239, 285, 286, 291. Ссылка въ свіяжскій монастырь и дальнѣйшая судьба его, 341—345. Упом. 374, 481. Освобожденіе его, возвращеніе архіерейскаго сана и смерть, 672.

Игнатьевъ, Яковъ, духовникъ царевича А. П. Письма къ нему царевича о Евфиміѣ Коллети, 376.

Ижоринъ, оберъ-секретарь. Упом. 682.

Извольскій, офицеръ. Поручено ему забрать бумаги и переписку А. В. Макарова, 561.

Измайловъ, ген.-маіоръ, членъ военной коллегіи, 165, 177, 178, 179, 647, 652.

Иларіонъ, архіеп. казанскій 362.

Иларіонъ, архим. горицкій. Назнач. въ конференцію Сената съ Сунодомъ, объ устроеніи Сунода, 281. Членъ Сунода 286. Упом. 347.

Иларіонъ, архим. новоспасскій, членъ Сунода. Присутствуетъ при присягѣ Ософилак. Лопатинскаго, 489. Смерть его, 490. Погребеніе, 491.

Иларіонъ Властелинскій, троицкій архим. 282.

Иларіонъ Рогалевскій, московскій донской архим. 385.

Иннокентій Ждановичъ, іеромонахъ, намѣстникъ новопечерскаго свѣнскаго мон. Представляемъ былъ въ кандидаты на кіевопечерскую архимандрію, 299.

Иннокентій Кульчицкій, (св.) епископъ переяславскій. Назначеніе его въ Китай, 93, п. 1.

Иннокентій, печерскій старецъ, 500.

Иннокентій, еписк. иркутскій. Принимаетъ къ себѣ ссыльнаго Филиппова, 673. Покровительствуетъ ссыльному же Платону Малиновскому, 676.

Иринархъ, архим, кирилло - бѣлозерскаго монастыря. Представленъ былъ въ иркутскіе епископы, но неутвержденъ, 91.

Иринархъ, іером. саровской пустыни, 536, 555.

Иринеи Фальковскій, ректоръ кіевской академіи, 19, п.

Иродіонъ Жураховскій, епископъ черниговскій. Письма къ нему Осо-

фана Прокоповича, 578, 579, 580, 581, 582.
Исаевичъ, игуменъ почаевскаго монастыря, 7.
Исаія, (въ мірѣ Осипъ) печерскій старецъ, намѣстникъ чолнскаго монастыря; арестъ его, заключеніе въ крѣпость; доносъ на него Ѳеофана Прокоповича; дерзость его въ присутствіи Сунода и отсылка въ Тайную канцелярію, 500—502. Наказаніе плетьми и ссылка въ соловецкій монастырь, 504. Перемѣна мѣста ссылки на Сибирь; возвращеніе изъ ссылки и смерть его въ кіево-печерскомъ монастырѣ, 504.
Исаія, іером. иверскаго мон., духовникъ Аврамова. Упом. 413, 414, 456, 457. Наказаніе и ссылка въ дальній мон. 459.
Исаія Ясинскій, іером. тверскаго архіерейскаго дома. Упом. 659—660.
Исаія, митроп. нижегородскій, 29.

I.

Іаковъ, (Иванъ), Кучинъ, іеромонахъ саровской, потомъ берлюковской пустыни. Упом. 522. Арестъ его, 523. Лишеніе монашества и передача на истязаніе въ Тайную канцелярію 532. Упомомин. 535, 550, 568, п. 1, 701, 702.
Іаковъ, іером. Переславля-залѣсскаго мон. 337.
Іаковъ, іеромонахъ солбинскій. Упом. 435, 451. Показанія его и ссылка въ дальній монастырь, 495. Упом. 526.
Іерофей, архим. донской, потомъ новоспасскій, совѣтникъ св. Сунода 89, 90. Упом. 332, 379.
Іерофей, строитель флорищевой пустыни. Упом. 521.
Іессей, архим. спасо-каменскій, 351, 354, 355, 356.
Іисусъ, іером. анзерскаго скита, прозорливецъ, 546.
Іоакимъ, патріархъ, 35, 392.
Іоакимъ, архим. донскаго монаст. 112. п. 1.
Іоакимъ, архіеп. ростовскій, предсѣдатель сунодальной конторы. Упом. 517, 554. Показанія его при слѣдствіи надъ духовн. дикастеріею, 566—568. Упом. 665.
Іоакимъ, еписк. переяславскій, 285.
Іоакимъ, епископъ суздальскій. Назначенъ въ составъ конференціи Сената съ Сунодомъ объ устроеніи Сунода, 280. Членъ Сунода, 286. Назначенъ депутатомъ при допросѣ Льва, еп. воронежскаго, 289.
Іоакимъ, іеромонахъ, при домѣ Ѳеофана. Сопровождалъ гробъ его въ Новгородъ, 648.
Іоанникій Сѣнютовичъ, архидіак., намѣстникъ кіевской митрополіи. Письмо къ нему Ѳеофана Прокоповича, 21. Назначаемъ былъ кандидатомъ въ епископы иркутскіе, 91. Упоминается 500.
Іоаннъ Алексѣевичъ, Царь русскій, 168, 329, 537, п. 1.
Іоаннъ, (въ мірѣ Иванъ Ѳедоровъ), строитель саровской пустыни, іеромонахъ. Упом. 521. Арестъ его, 523. Свѣдѣнія о его жизни, 533—534. Письмо его къ саровской братіи по поводу болѣзни Іосіи, 535. Упом. 554, 568, п. 1. Смерть его.
Іоаннъ, іером. богородицкой пустыни, 520.
Іоаннъ Максимовичъ, архіерей сибирскій, 91.
Іоаннъ, митроп. астраханскій, 283.
Іоасафъ, іером. астраханскаго троицкаго мон. 283.
Іоасафъ, іеросхимонахъ, казначей Кириллова мон. 179.
Іоасафъ Кроковскій, митр. кіевскій, 21, 107.
Іоасафъ Ледвіевичъ, іеромон. могил. николаевскаго мон. 254, 255, п. 1.
Іоасафъ Маевскій, антоніевскій и потомъ калязинскій архим. Упом. 332, 381, 382, 383. Свѣдѣнія о немъ 462—463. Отношенія его къ Ѳеофилакту, архіеп. тверскому 463—466. Близость и разговоры съ Рѣпиловымъ, 463—469. Порученіе ему отъ Ѳеофилакта объ исходатайствованіи позволенія писать противъ Буддея, 468. Подозрѣнія на него Ѳеофана, по дѣлу о подметномъ письмѣ. 469—470. Слѣдствіе, допросы и его показанія, 475—475. Упом. 478, 483, 484, 485, 491, 492, 656. Допросы его въ Тайной канцеляріи, 657—658. Новый оговоръ его Козьменкою, 658—660. Пытки, 661—662. Заключеніе въ крѣпости, 662—664. Освобожденіе и отсылка въ монастырское братство, 673.
Іовъ, митр. новг. Меньшиковъ рекомендуетъ ему Ѳеофана, 15. Упом. 29, 77, 78, 341, 583, 648.
Іовъ, раскольничій игуменъ, 472.
Іона Свѣчинъ, іеромонахъ новг. архіерейск. дома, 512.

Іона Сальникѣевъ, архим., сунод. ассессоръ, производитъ слѣдствіе въ Новгородѣ по дѣлу Ѳеодосія, 170—171.
Іона, въ мірѣ Осипъ, іеродіаконъ троицкаго въ Москвѣ подворья; пасквили его на Ѳеофана, 297—300. Дѣло объ этомъ въ Кабинетѣ, 300—308. Показанія Іоны, 308—309. Лишеніе сана и пытка, 311—312. Ссылка на Валаамъ, 334. Возвращеніе для новыхъ допросовъ, 336. Новыя показанія и очныя ставки съ оговоренными имъ лицами, 337—339. Упом. 412, 427. Подозрѣнія на него по дѣлу подметнаго письма и пасквиля, 434—437. Упом. 451, 494. Смерть его, 497. Упом. 540.
Іосифъ, архіеп. грузинскій, викарій новгородскій, 586. Совершаетъ погребеніе Ѳеоф. Прокоповича, 648.
Іосифъ, архим. калязинскаго мон. 475.
Іосифъ Волчанскій, учитель кіевск. акад. 33, 255.
Іосифъ, іером. волог. Каменнаго мон., духовникъ Дашкова, 358.
Іосифъ, митроп. псковскій 27—143.
Іосифъ, строитель валаамск. мон. 334.
Іосифъ Рѣшиловъ, іеромонахъ, бывшій раскольникъ. Ѳеофилактъ Лопатинскій, архіеп. тверскій, беретъ его изъ Петербурга въ свою епархію и назначаетъ игуменомъ въ Кашинъ, 460. Непристойныя поступки его и увѣщанія Ѳеофилакта, 461—462. Сближеніе съ калязинскимъ архим. Іоасафомъ Маевскимъ; ихъ бесѣды, 462—464. Назначеніе игуменомъ клобуковскаго мон. 466. Посылка его за противузаконные поступки подъ начало къ Іоасафу въ Калязинъ мон.; Рѣшиловъ уходитъ въ Бизюковъ мон., 469. Подозрѣнія на него Ѳеофана въ составленіи подметнаго письма; арестъ его, допросы и показанія 470—473. Разсмотрѣніе Ѳеофаномъ его бумагъ и писемъ, 473—474. Оговоръ Рѣшиловымъ разныхъ лицъ, допросы ихъ, 475—477. Лишеніе Рѣшилова сана и отсылка въ Тайную канц. для дальнѣйшаго изслѣдов. 477—478. Очныя ставки его съ оговоренными имъ лицами 482—483. Упом. 484, 485, 487, 488, п. 491, 492, 493, 504, 506, 654, 656, 657, 658, 662, 664, 666. Прощеніе и отправленіе его въ монастырское братство, 673.
Іосія Самгинъ, саровскій старецъ, потомъ берлюковскій строитель. Упом. 521, 522. Арестъ его при Сунодѣ 523. Упом. 524, 525. Очныя ставки его съ Зварыкинымъ, разнорѣчія и подозрѣнія слѣдователей, 526—527. Лишеніе монашества и передача на истязаніе въ Тайную канцелярію, 632. Свѣдѣнія о немъ, 534—537, Показанія его объ юродивомъ Тимоѳеѣ Архиповичѣ, 537—547. Объявленіе его о великомъ злоумышленіи, 548—549. Допросы и показанія подъ пыткою, 551—552. Новая пытка; очная ставка съ Зварыкинымъ, 553. Упом. 557. Показанія на берлюковскомъ слѣдствіи, 557—558. Новый допросъ и показанія Самгина 561, 568, п. 1. Освобожденіе изъ крѣпости и отсылка въ монастырь на пропитаніе, 673.
Іустъ, берлюковскій монахъ, 557.

К.

Кабинетъ. Учрежденіе его и составъ, 296. Производится въ немъ дѣло о Родышевскомъ, іерод. Іонѣ и о подметномъ письмѣ, 311, 326, 328, 410, 428, 440, 451, 455, 457, 473, 486, 489, 494, 510, 654, 658, 666; о богопротивныхъ сборищахъ, 506. Докладъ его Императрицѣ объ оставшейся по смерти Ѳеофана школѣ, 634—636 и распоряженія по полученіи о томъ указа, 636—637.
Кавзинъ, іезуитъ, духовникъ Людовика XIII, 13.
Казариновъ, секретарь Тайной канцеляріи, 301, 335, 389.
Калининъ, Василій, канцелярист, 560,
Каллиникъ, патріархъ константинопольскій, 418.
Каллистъ, архіеп. тверскій. Доношеніе М. Стефана о смерти его Государю Петру I-му, 91.
Каллистъ Заленскій, въ мірѣ Кондратъ Ивановъ, архидіаконъ, назначенъ администраторомъ бѣлорусской епархіи; жалобы на него митрополита кіевскаго; слѣдствіе; вызовъ въ Москву; оправданіе; назначеніе межигорскимъ архимандритомъ; интриги его противъ бѣлорус. еп. Арсенія Берло; новое слѣдствіе, лишеніе монашества и священнаго чина; ссылка въ Сибирь и смерть его, 254—255.
Калмыкъ, Антонъ, ученикъ школы Ѳ. Прокоповича, 634, 637, 649.
Калмыкъ, Иванъ, ученикъ школы Ѳ. Прокоповича, 634, 649.
Калмыкъ, Павелъ, ученикъ школы Ѳ. Прокоповича, 649.
Калмыкъ, Ульянъ, ученикъ школы Ѳ. Прокоповича, 634, 637, 949.

Кантакузинъ, князь. 410, 411.
Кантемиръ, Антіохъ, князь. Сатирич. отзывъ его о Варлаамѣ, архим. троицкомъ, 273. Упом. 595, 599, п. 1. Стихотвореніе къ нему Ѳеофана, 907—608. Благодарственное стихотвореніе его къ Ѳеофану и отрывки изъ посвященной ему сатиры. 658—609. Стихотворное посланіе къ нему Ѳеофана во время борьбы съ Дашковымъ и отвѣтъ Кантемира, 610—612. Участвуетъ въ событіяхъ 1730 г. 612. Характеристика его. 612—613. Сообщаетъ свѣдѣнія о Малярдѣ, 595.
Кантемиръ, князь Дмитрій, Валахскій господарь. Упом. 2, п. 1. Возраженіе его на «Первое ученіе отрокомъ», 50—54. Упом. 377, 378.
Канцеляріи: Инквизиторск. дѣлъ, въ Москвѣ, подъ вѣдѣніемъ св. Сѵнода, 99, п. 1.
Преображенская, 242, 348, 311. Донесеніе Ѳеофана преобр. канц. о Родышевскомъ, 197—201. Родышевскаго доносъ на Ѳеофана въ противностяхъ церковныхъ, 202. Отвѣтъ Ѳеофана, 205—219. Указъ Петра II о закрытіи преображ. канцеляріи, 248.
Розыскныхъ раскольническихъ дѣлъ, въ Москвѣ, подъ вѣдѣніемъ св. Сѵнода, 99, п. 1.
Тайная розыскныхъ дѣлъ. Учрежденіе ея въ Москвѣ, 297. Переводится въ С.-Петербургъ, съ названіемъ походной, 335. Переименовывается Тайною, а московская—конторой, 335.
Карлъ Петръ Ульрихъ, сынъ голштинскаго герцога и царевны Анны Петровны, послѣ—Императоръ Петръ III. Упом. 249, 492.
Кафтыревъ, В. И., совѣтникъ монастырскаго приказа, стольникъ. 100, 517, 518, 520, 549, п. 1.
Кафтыревъ, Д. С., лейтенантъ гвардіи. Упом. 518.
Квенштедтъ, протестантск. богословъ, ректоръ и профессоръ виттенбергскаго университета, 18.
Кикинъ, Александръ, 343, 144.
Кикинъ, Иванъ, 143, 144.
Кипріанъ, архим. андроніевскаго мон. 332.
Кипріанъ Жоховскій, митр. кіевскій, 4, п. 1.
Кириллъ Флоринскій, заиконоспасскій архим. и ректоръ московской академіи. 668, п. 3.
Кириллъ Лукарисъ, константинопольскій патріархъ, 416.
Кириллъ и Меѳодій (св.), просвѣтители Славянъ. Ложная о нихъ повѣсть и разборъ ея Ѳеофилактомъ Лопатинскимъ, 30.
Климентъ XI, папа Римскій. 6, 410.
Кожинъ, Никита, гардемаринъ, зять М. П. Аврамова, 415, 682.
Козьменка, Василій, малороссіянинъ. Показанія его на Іоасафа Маевскаго и его служителей 658—661. Ссылка въ Каменный мон. 673.
Колобовъ, Степанъ, вагенмейстеръ великой княжны Екатер. Іоанновны. Упом. 337, 339, 495.
Колумелла, Алексѣй, ученикъ школы Ѳ. Прокоповича. 633.
Коль, академикъ, авторъ сочиненія: «*Ecclesia Graeca lutheranizans*». 45, 627.
Константиновъ, Иванъ, вологодскій подъячій, 310. Показанія его, 311, 312, 333, 334.
Конторы: Придворная, 64, п. 2. Тяунская, въ С.-Петербургѣ, сост. подъ вѣдѣн. св. Сѵнода. 99, п. 1.
Корнышевъ, Дометій, подъячій солян. правл. 83.
Корфъ, баронъ, президентъ Академіи Наукъ. Письмо къ нему Ѳеоф. Прокоповича, 624—625.
Корыхаловъ, Иванъ, купецъ. Упом. 655.
Косой, Михаилъ, изувѣръ. Отлученіе его отъ церкви за оскорбленіе святыни, 64, п. 2.
Котельниковъ, Семенъ, ученикъ шк. Ѳ. Прокоповича. 634, 637.
Красильниковъ, ученикъ моск. акад. Арестъ его по дѣлу Евфимія Колети, 425. Участіе въ переводѣ сочин. Рибейры противъ апологіи Буддея на «Камень Вѣры» 426.
Красновъ, подъячій новгородской губернской канцеляріи. Подозрѣніе на него въ составленіи пасквиля на Государыню. Розыски и пытка, 512.
Крашенинниковъ, спутникъ въ путешествіяхъ доктора Стеллера, доставившій Академіи Наукъ, по смерти Стеллера, его рукописи. 624.
Кречетовъ, справщикъ московской типографіи, 329. Перевелъ на славянск. языкъ книгу Пуффендорфа: «О должностяхъ человѣка и гражданина».
Кривцовъ, Андрей, ученикъ школы Ѳ. Прокоповича. 634.
Ксиландеръ, Илья Борис., ученикъ школы Ѳ. Прокоповича, а потомъ ин-

тендантъ его дома. Отправленіе его въ академическую гимназію, 633. Порученіе ему набл̀юденія за имуществомъ, оставшимся по смерти Ѳеофана 647. Упом. 649, 632, 653.
Кудрявцевъ, казанскій вице-губернаторъ, зятъ Дашкова. Упом. 354, 356, 362.
Курбатовъ, Алексѣй, 97, п. 1.
Кучинъ, Иванъ. См. *Іаковъ*.
Кушелевъ, новгородскій дворянинъ. Оговоренъ коммиссаромъ невскаго монастыря Литвиновымъ по дѣлу о подметномъ пасквилѣ на Римскаго-Корсакова, 514.

Л.

Лаврентій, Горка, епископъ устюжскій. Упом. 494.
Лазарь Кобяковъ, іеромонахъ невскаго монастыря, 98.
Лакуръ, см. Жюбе.
Левенвольдъ, курляндскій резидентъ въ Москвѣ, 257, 296. 483, 668.
Левъ Заленскій, уніатъ, прототроній кіевской митрополіи, епископъ владимірскій, 4.
Левъ Юрловъ, архим. горицкій, потомъ епископъ воронежскій. Упом. 183, 279; свѣдѣнія о его жизни, 282—287. Слѣдствіе надъ нимъ 287—289. Заключеніе въ крестный мон., 341. Письмо къ нему Ѳ. Прокоповича 579—580. Освобожденіе его, возвращеніе ему сана, пребываніе на покоѣ въ московскомъ знаменскомъ монастырѣ и смерть его, 672.
Леонидъ, род. изъ Калуги, архим. высокопетров., потомъ епископъ крутицкій, совѣти. св. Сунода, 89, 90, 431; присутствуетъ въ дух. дикастеріи, 100, 286—289; назнач. въ составъ конференціи Сената съ Сунодомъ объ устроеніи Сунода, 280. Присутствіе при присягѣ Ѳеофилакта Лопатинскаго, 489. Упом. 477, 664.
Леонидъ, іером., 337, 339.
Лефортъ, упом., 409, 410, 483.
Ливерій, грекъ, см. *Евѳимій Колласти*.
Литвиновъ, Василій, коммисаръ невскаго монастыря, упом. въ дѣлѣ о новгор. пасквилѣ на Государыню и Ѳеофана, 513. Показанія его, 514.
Литвиновъ, Михаилъ, секретарь новгородскаго архіерейскаго разряда. Упом. 512, 513.
Лихуды Іоанникій и Софроній, учители, греки, присоединяются къ противникамъ Ѳеофана, 38. Упом. 403.
Ломоносовъ, М. В. Упом. 632 *).
Лонцовъ, московскій посадскій. Арестъ его, 339. Наказаніе и освобожденіе, 495.
Лопухинъ, Абрамъ Ѳед. 437.
Лопухинъ, Гаврило, 437.
Лопухинъ, Ѳед. 437.
Лука Конашевичъ, іером. кадетскаго корпуса, послѣ епископъ казанскій. Посылается для исповѣди княгини И. П. Долгоруковой, 373. Назначенъ въ число испытателей въ искренности обращенія къ православію пастора Малярда, 596. Учитель въ школѣ Ѳеофана и стихи къ нему Ѳеофана, 633.
Лукинъ, Гурій, иподіаконъ твер. ар-

*) При упоминаніи здѣсь имени М. В. Ломоносова можно замѣтить, что о покровительствѣ, оказанномъ ему Ѳеофаномъ въ бытность его въ Заиконоспасскомъ училищѣ, упоминается только въ одной, очень коротенькой и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ мало замѣчательной, біографіи Ѳеофана, напечатанной въ *Соревнователѣ просвѣщенія и благотворенія* (Труды Вольнаго общества Росс. словесности) 1819 г. ч. VI, стр. 233, съ подписью А. Р. Поводомъ къ напечатанію этой біографіи было сообщенное митр. Евгеніемъ въ редакцію этого журнала и потомъ напечатанное въ оном письмо Ѳеофана въ Глуховъ къ нѣкоему Обидовскому, оригиналъ котораго, засвидѣтельствованный Тепловымъ, хранится въ библіотекѣ кіевской академіи. При этомъ случаѣ м. Евгеній самъ хотѣлъ написать біографію Ѳеофана, но ненаписалъ (*Переписка м. Евгенія съ Г. Р. Державинымъ и Хвостовымъ*, изд. Академіею Наукъ, 1868 г. стр. 174—178). Кому принадлежитъ напечатанная біографія Ѳеофана, неизвѣстно. Между тѣмъ фактъ покровительства Ѳеофана Ломоносову непредставляется невозможнымъ по крайней мѣрѣ съ той стороны, что во время ученія Ломоносова въ Заиконоспасскомъ училищѣ Ѳеофанъ могъ увидѣть его и оцѣнить его дарованія, такъ какъ онъ, вмѣстѣ со всѣмъ Синодомъ, находился въ Москвѣ съ 1729 по 1732 годъ и, по своей склонности къ учащемуся юношеству, конечно посѣщалъ Заиконоспасское училище. Другихъ, болѣе достовѣрныхъ свѣдѣній объ этомъ, мы нигдѣ невстрѣтили.

хіер. дома. Донось его на архіеп. Θеофилакта Лопатинскаго, 656.
Лупкинъ Прокопій, хлыстовскій, лжехристосъ, 504.
Лупкинъ, Спиридонъ (въ монаш. Серафимъ) хлыстъ, (іерод. симон. мон.) Арестъ его по дѣлу о богопротивныхъ сборищахъ въ Москвѣ; привлеченіе къ дѣлу о подметномъ письмѣ къ Θеофану Прокоповичу; лишеніе сана и монашества: допросы и показанія его, 504—506. Допросы и показанія въ Сунодѣ; письмо къ Лупкину изъ Тобольска; показанія его по поводу этого письма; ссылка въ Охотскій острогъ, 506—509.
Любомирскій, польскій князь, протекторъ Рѣпнилова, 475.
Лубятинскій, II. ассессоръ монастырскаго приказа, 100, п.
Людвигъ Вильгельмъ, принцъ гессенъ-гамбургскій, 612, п. 1.
Лютеръ Мартинъ, 366, 388, 396, 398, 595.
Львовъ Иванъ, ученикъ школы Θ. Прокоповича, 634.
Львовъ Сергѣй, ученикъ школы Θ. Прокоповича, 634.

М.

Мавроурбинъ авторъ ложной повѣсти о Кириллѣ и Меѳодіѣ. Упом. 591, 30, п. 4.
Мазепа, гетм. Малороссіи, 210.
Макарій, игуменъ воздвиженскій, 112.
Макарій, монахъ берлюковской пустыни, 557.
Макарій, іеромонахъ, строитель красногривской пустыни. Упом. 533.
Макарій, іеродіаконъ. Протесты его о несогласіи малороссійскихъ церквей съ великороссійскими, 36.
Макарій, іеромонахъ, переписчикъ пасквильныхъ тетрадей іеродіакона Іоны; допросы и показанія его; наказаніе и освобожденіе, 494.
Макарій, архим. бѣжецкій. Сопровождаетъ гробъ Θ. Прокоповича въ Новгородъ, 648.
Макаровъ, А. В., кабинетъ-секретарь при Петрѣ В. Письмо къ нему Стефана Яворскаго, 63, п. 1. Упом. 85, 91, 92, 148, 169, 180, 184 п. 1; 194, 339, 378, 415, 437, 456. Привлеченъ къ дѣлу саровскихъ и берлюковскихъ старцевъ; арестъ его, показанія его и его жены, 560—562; отзывъ о нихъ Θеофана Прокоповича, 562 — 564. Упом. о немъ 565, 682. Письмо его къ Импер. Аннѣ изъ подъ ареста. Освобожденіе. Смерть, 698, 699.
Макаровъ, И. В. братъ А. В. Макарова, 560.
Макарьевъ, Прокопій, ученикъ школы Θ. Прокоповича. Упом. 634, 636, 650.
Максимовичъ, писатель. Приписываетъ Θеофану Прокоп. малороссійскія стихотворенія противъ ляхолюбія и ляхолюбцевъ, 602.
Максимовъ, Иванъ, протопопъ московскаго успенскаго собора. Назначенъ членомъ св. Сунода, 286, 287.
Максимовъ, Иванъ, изувѣръ. Отлученъ отъ церкви за оскорбленіе святыни, 64, п. 2.
Максимъ Каллиполитанскій, женевскій издатель Новаго Завѣта на греч. языкѣ, 424.
Малиновскій, Павелъ. См. «Платонъ Малиновскій.»
Малярдъ, Михаилъ Францискъ, англійскій пасторъ. Упом. 402. Переписка его съ Θеофаномъ Прокоп., 591—595. Присоединяется къ церкви православной, 595—596.
Манштейнъ, 278.
Маньянъ, франц. резидентъ при русскомъ дворѣ, 256.
Маркевичъ, Андрей, лубенскій полковникъ, одинъ изъ шести членовъ, которымъ было вверено управленіе Малороссіи по смерти гетмана Даніила Апостола, 22, 252, 253.
Маркевичъ, Яковъ Андреевичъ, другъ Θеофана Прокоповича. Знакомство его съ Θеофаномъ 22; письмо къ нему Θеофана, 24, 25, 26, 38, 39—43. Свиданіе Θеофана съ Маркевичами въ Москвѣ, 252, 253.
Маркеллъ Родышевскій (въ мірѣ Николай Романовъ), іеромонахъ, упомин., 3, 34, 38, 50, 154. Свѣд. о службѣ его, 155—158. Упом. 183, 188, 194. Протесты его на Θеофана въ противностяхъ церковныхъ и государственныхъ. Заключеніе Родышевскаго въ невск. мон., 195—222. Упом. 226, 230, 235, 237, 238, 239. Бѣгство изъ невск. мон. и отсылка въ симоновъ монастырь; новые протесты, 260. Союзъ его съ архим. Варлаамомъ и Аврамовымъ противъ Θеофана, 273—279. Возобновленіе процессовъ съ Θеофаномъ, 297—298. Сочиняетъ «Житіе Θеофана Прокоповича», 298. Арестъ Родышевскаго, 301. Упом., 302, 304, 305. Показанія при допросахъ, 306—307. Упом., 309—310. Возраженіе его

на Духовный Регламентъ и указъ о монашествѣ, 313—327. Показанія при допросѣ о возраженіи на указъ, 327. Разныя сочиненія и письма Маркелла, сданныя въ тайн. канцелярію; допросы о нихъ и его объясненія, 327—332. Ссылка его въ кирилловъ-бѣлозерскій мон., 334. Упомин., 336, 337, 407; подозрѣніе на него со стороны Ѳеофана въ составленіи подметнаго письма, 412. Иверское слѣдствіе, 413—415. Продолженіе его, 434—437. Допросы и показанія Родышевскаго о предикахъ Кохановскаго, 448—451. Упом., 484, 485, п. 1., 495, 500, 504, 506, 507. Привлеченіе его къ дѣлу Зварыкина и показанія его, 525—526. Упом., 527. Разборъ его тетради о монашествѣ Ѳеофаномъ, 527—531. Упом. 535, 568, п. 1, 574, 575, 606. Отзывъ его на счетъ обученія музыкѣ въ школѣ Ѳеофана и вообще въ дух. училищахъ, 632. Упом. 640. Передача Остерманомъ въ тайную канц. выписокъ, сдѣланныхъ Родышевскимъ изъ книги Баронія; допросы и показанія его. Освобожденіе изъ тайной канцеляріи и отсылка въ Синодъ для опредѣленія въ монастырь. Опредѣленъ архим. юрьева мон., и ректоромъ новгор. семинаріи; епископъ корельскій; проповѣдь его; смерть и погребеніе, 677—680.

Маркъ Фраческій, святой зап. церкви. Упом. о канонѣ ему кабальнаго человѣка кн. Долгорукова, Козьмы Любимова, 111, п. 1.

Мартини, иностранный ученый, 627.

Мартыновъ, московскій посадскій. Арестъ его, наказаніе и освобожденіе, 495.

Мартыновъ, Вуколъ, купецъ, 556.

Марфа Матвѣевна, царица, 282, п. 2.

Масалаевъ, Андрей; келейникъ и племянникъ Іоасафа Маевскаго. Оговоръ его Козьменкою. Показанія его, 659—661. Ссылка въ кирилловъ новоезерскій монастырь, 673.

Матвѣева, Настасья Ермилова, вдова графа Матвѣева. Упом., 545. Показаніе ея по дѣлу саровскихъ и берлюковскихъ старцевъ, 560.

Матвѣевъ, графъ, 165, 259, 419, 534.

Медвѣдевъ, Сильвестръ. Упом., 35, 470.

Мелетій Чайковскій, игуменъ маркова мон., 462.

Мельхиседекъ, воскресенскій архимандритъ. Упом. 663.

Меньшиковъ, князь Александръ Даниловичъ, рекомендуетъ Ѳеофана новг. м. Іову въ юрьевскіе архимандриты, 15. Показываетъ вниманіе къ Ѳеофану, 26, 27, 86. Присутствуетъ въ Сенатѣ при слушаніи дѣла о Ѳеодосіѣ, 116. При Екатеринѣ правитъ дѣлами государства, 148, 152. Доношеніе ему Варлаама Овсянникова изъ солов. тюрьмы, 179, 718. Недоброжелательствуетъ Ѳеофану, 195. Дочь его обручена съ Петромъ 2, 295—226. Покровительствуетъ Дашкову и Игнатію, 239. Паденіе его, 226. Ѳеофанъ вспоминаетъ о притѣсненіяхъ отъ него голштинскому герцогу и его супругѣ, 278. Упом. 539, 560, 576.

Меньшой Иванъ, ученикъ школы Ѳ. Прокоповича, 633.

Мессершмидтъ, Даніилъ Готлибъ, данцигскій ученый, приглашенъ Петромъ 1-мъ путешествовать по Россіи; путешествіе по Сибири; кораблекрушеніе на возвратномъ пути на родину и возвращеніе въ С.-Петербургъ; пособіе ему отъ Ѳеофана, 622—623.

Меѳодій, митроп. оессалоникскій, 420.

Микенъ, докторъ, капелланъ Георгія, принца датскаго, 419.

Миллеръ, академикъ, путешественникъ по Сибири, 623.

Мина, с.-петерб. петропавловск. соб. свящ., 172.

Миніятъ, докторъ, грекъ, 423.

Миссовъ, Степ., москов. школьникъ. Упом. 660—661.

Митрофанъ, епископъ тверск. Письмо къ нему Амвросія, архіеп. новгородскаго, о внесеніи въ диптихъ почившаго тверск. архіепископа Ѳеофилакта, 670.

Митрофанъ, архим. святогорскій; письмо о немъ Ѳеофана Прокоповича къ Епифанію бѣлгородскому, 581.

Михайловъ, пѣвчій, 495.

Михайловъ, Петръ, ученикъ школы Ѳ. Прокоповича, 636.

Михаилъ, архим. знам. мон. въ Курскѣ, 337, 437, 495.

Михаилъ Шій, печерскій монахъ. Авторъ письма къ лютеранскимъ богословамъ «О вѣрѣ восточной церкви.» Упом., 402, 589.

Мишка, сапожникъ, изувѣръ. Преданіе его анаѳемѣ за оскорбленіе святыни, 64, п. 2.

Млодзяновскій, Ѳома, польск. іезуитъ, знаменитый проповѣдникъ. Отзывъ о его проповѣдяхъ Ѳеофана Прокоповича, 11—14.

Могилянскій, Евстафій, протоіерей, придворный проповѣдникъ, 638, п. 1.
Моисеевъ, Иванъ, ученикъ школы Ѳ. Прокоповича, 634.
Монастыри:
Александроневскій. Ѳеофанъ написалъ для него уставъ, 139. Находится подъ протекціею Меньшикова, 224—225. Сильвестръ Холмскій посланъ туда въ заключеніе, 945, 463, 505.
Андреевскій, московскій, назначается для зазорныхъ младенцевъ, 142.
Андроніевскій, 332, 432.
Анзерскій, 546.
Берлюковская пустынь. Основаніе ея и первые строители, 557. Слѣдствіе въ оной, 558. Приговоръ Синода о разсылкѣ въ разныя мѣста монаховъ берлюк. пустыни и продажѣ московскаго ея подворья, 558—559.
Бизюковъ, 469, 470, 475.
Битевскій, базиліанскій, 2.
Богословская пустынь, 57, 539.
Богословскій, рязанскій, 723.
Богородицкій, женскій, переяславскій, 272.
Бѣжецкій, 648.
Борисоглѣбскій, 667.
Владимірскій, рождественскій, 556.
Воздвиженскій, 557.
Введенскій, арзамасскій, 533.
Вознесенскій, новодѣвичій, 141.
Валаамскій, 334.
Воскресенскій, ново-іерусалимскій, 475, 663.
Высокопетровскій, 112, 281.
Горицкій, 281, 286, 723.
Даниловскій, переяславскій, 270—273.
Донской, 90, 385, 723.
Духовъ, 458.
Знаменскій, курскій, 337.
Ивановскій, москов. женскій, 505.
Иверскій. Заключеніе въ немъ Авраамова, 334. Слѣдствіе Юрьева въ иверскомъ монастырѣ по дѣлу Авраамова, 413. Окончаніе слѣдствія, 455—458.
Ипатскій, 99, 381, 463, 469.
Калязинскій, 462, 464, 475.
Кириловъ бѣлозерскій. Заключеніе Родышевскаго, 334, 441, 91.
Клобуковскій, 461, 466, 475.
Колоцкій, можайскій, 532.
Красногривская пустынь, 533.
Крестный. Заключеніе въ немъ Льва еп. воронежскаго, 341.
Крестовоздвиженскій моск. 351.
Крыпецкій псковскій. Заключеніе въ немъ Сильвестра митр. казанскаго, 345.
Марковъ, 462.
Межигорскій, кіевскій, 254.
Могилевская пустынь, 458.
Новоспасскій, 379, 489, 490.
Пѣжинскій, 434.
Пензенскій, 506.
Перервинскій, назначается для школъ, 141. Выборъ архимандрита, 289.
Переславскій, залѣсскій, 337.
Печерскій, кіевскій, 332, 500.
Почаевскій. Основаніе его православными и дарственныя ему записи; совращеніе въ уніатство, 9, 8.
Раковъ, 466.
Рябовъ, 478.
Саввинъ сторожевскій, 281, 373, 475, 483.
Саровская пустынь. Основаніе ея и первые начальники, 533. Слѣдствіе въ оной, 533.
Святогорскій, харьковскій, 581.
Свѣнскій новопечерскій, 299.
Симоновъ, 437. Экономъ его — хлыстъ Серафимъ Лупкинъ, 504, 506.
Солбинская николаевская пустынь, 554.
Софроніева пустынь, 435, 437, 495.
Спасокаменный, вологодскій. Заточеніе въ немъ Георгія Дашкова, 347, 351.
Спасскій, казанскій, 343.
Спасскій, училищный моск., 203, 384, 425, 432, 499.
Толгскій, 355.
Тихвинскій, 458.
Троицкій Сергіевъ, 89; о худомъ состояніи его, 273, 283, 451, 475, 481.
Трубчевскій Чолнскій, 501.
Угрѣшскій, 93, 169.
Чудовъ. Сколько было за нимъ крестьянъ, 141—142. Погребенъ въ немъ юродивый, Т. Архиповичъ. Предназначался подъ больницу, 141, 431.
Юрьевъ, 458.
Монашество. Указъ Петра В. 1724 г. объ устроеніи монашества, 139, 709. Сунодскій указъ о лучшемъ устроеніи монашествующихъ, 515. Возраженія М. Родышевскаго на указъ о монашествѣ, 337. Разборъ Ѳеофана тетрадей Родышевскаго о монаше-

ствѣ, 527. Случаи незаконнаго постриженія въ монашество, 557.
Морозовъ Ѳедоръ, подъячій новгородской губернской канцеляріи. Привлеченъ къ дѣлу о пакетѣ, посланомъ изъ Новгорода въ Сенатъ съ пасквилемъ на Государыню и Ѳеофана, 511. Розыскъ, 512. Ссылка въ Охотскъ, 514.
Мосгеймъ, Лаврентій, протест. богословъ. Диссертація его противъ главы изъ Камня Вѣры «о наказаніи еретиковъ» 369, 627.
Мошкова, жена коменданта, воспріемница Маляра при присоединеніи его къ прав. церкви, 596.
Мултьянскій, Яковъ, ученикъ школы Ѳеоф. Прокоповича, 634.
Муриновъ, секретарь св. Сунода, 486. 487, 489, 664.
Муромцовъ, копіистъ синод. канц. Упом. 337. Арестъ его, 339. Освобожденіе, 495.
Мусинъ-Пушкинъ, Ив. Ал., графъ, бывшій астрах. воевода, потомъ сенаторъ и начальникъ монаст. приказа. Письмо его къ Ѳ. Лопат. о школахъ, 32; упом. 39, 42, 43, 60, 61, 64, 94, 171, 375, 377, 391, 403, 404, п. з. 405 п. 466, 469.
Мусинъ-Пушкинъ, Платонъ Ив., графъ, капит. лейт., впосл. казанскій губернаторъ. Упом. 174, 176, 193, 362, 375, 424.

Н.

Надаржинскій, Тимоф. Вас., духовникъ Петра В. 253, 332.
Настасья, хлыстовская старица, впослѣдствіи разстрига *Анафья*. Упом. 505.
Наталья Петровна, государ. цесаревна. 87.
Натцій, Готлибъ, лютеранскій пасторъ въ Петербургѣ. Упом. 632.
Небуеръ (Нейгебауеръ) Мартинъ, учитель царев. Алексѣя Петр., впослѣд. шведск. посланникъ въ Константинополѣ, 421, 422.
Нейманъ, еврей въ домѣ Ѳеофана, 641.
Нектарій Титовъ, троицкій казначей, 436, 475.
Неофитъ, архіеп. Филиппопольскій 418.
Несторовъ, Василій, ученикъ школы Ѳ. Прокоповича, 634.
Никитинъ, Иванъ, художникъ. Арестъ его по дѣлу о подметномъ письмѣ, 496. Наказаніе и ссылка въ Сибирь, 498. Возвращеніе изъ ссылки, 498. Упом. 568.
Никитинъ, Родіонъ, протопопъ моск. арханг. собора. Арестъ его по дѣлу о подметномъ письмѣ, 496. Показанія его, лишеніе сана и ссылка въ Охотскій острогъ, 496—498. Упом. 568.
Никитинъ, Романъ, живописецъ. Упом. 300, 337, 496, 497. Сылка его съ семействомъ въ Сибирь по дѣлу о подметномъ письмѣ. Возвращеніе изъ ссылки, 498. Упом. 568.
Никифоровъ, Илья, ассессоръ монастырскаго приказа, 100.
Никифоръ, іеромонахъ, постриженникъ богословской пустыни, строитель берлюковской пустыни. 557.
Никодимъ, іером. иверскаго мон. 456.
Никодимъ, монахъ саровскій. Показанія его противъ Іосіи, 547. Упом. 555, 558.
Никодимъ Сребницкій, архим. новоспасскій, членъ св. Сунода, присутствуетъ при кончинѣ Ѳ. Прокоповича. 641. Упом. 647, 650.
Николаевъ, Николай, ученикъ школы Ѳ. Прокоповича. 634.
Никонъ, архим. пензенскій. Упом. 506.
Никонъ, патріархъ, 341, 392, 476.
Ниротъ, баронъ, лифляндскій помѣщикъ, владѣлецъ с. Альтъ и основатель въ немъ семинаріи; вице-президъ. коммерцъ-коллегіи, 49.
Новосильцова, У. М. Упом. 434.
Носовъ, Иванъ, дворянинъ новгород. архіер. дома. Доносъ его на судью архіер. дома архим. Андроника, 115. Слѣдствіе, 116, 117, 118. Упом. 167. Доносы его на Ѳеофана Прокоповича; содержится въ оковахъ въ архіерейск. домѣ; допросы въ губернской канцеляріи; отсылка въ Сенатъ, наказаніе, отсылка въ Тайную канцел. и содержаніе въ оной, 244—248. Новый доносъ его на Ѳеофана 275—278. Упом. 436. О порціонныхъ ему деньгахъ во время ареста, 568.

О.

Одинцовъ, бурмистръ ростов. магистрата, 291.
Одноглазый, Яковъ, ученикъ школы Ѳ. Прокоповича, 633.
Одоевскій, Иванъ, князь; вкладчикъ берлюковской пустыни, 523, 534.
Олсуфьевъ, об.-гофм. двора Екатерины I-й, 153, 154.

Орѣшко, Василій, ученикъ школы Ѳ. Прокоповича. 649.
Осиповъ, Яковъ, ученикъ школы Ѳ. Прокоповича, 636, 649.
Осипъ, разстрига. См. *Іона*, іерод. въ мірѣ *Осипъ*.
Осипъ. См. *Исаія*, печерскій старецъ.
Останковъ, капитанъ. Арестуетъ казанск. вице.-губернатора Кудрявцова, 362.
Остерманъ, графъ. 226, 248, 249, 267, 289, 296, 335, 407, 441, 468, 483, 484, 486, 552, п. 1, 576, 637, 654, 668, 674.

II.

Павелъ I, Императоръ. Письмо къ нему протоп. моск. арханг. соб. Алексѣева, 229.
Павелъ, архим. владимірск. рождеств. мон. Назначенъ членомъ слѣдствен. коммисіи въ берлюковской пустыни, 556.
Павелъ, монахъ съ Вѣтки. Упом. 663.
Павловъ, Андрей, копіистъ. Упом. 337. Арестъ его 339. Наказаніе и освобожденіе его по дѣлу о подметномъ письмѣ, 495.
Павловъ, Григорій, ученикъ школы Ѳ. Прокоповича. 634, 637.
Павловъ, Михайло, ученикъ школы Ѳ. Прокоповича. 649.
Палехинъ, Тим., сунодал. оберъ-секр. 171, 172. Уволенъ отъ этой должности по распоряженію В. Т. Сов. 224.
Палладій Роговскій, ректоръ моск. академіи, 3.
Парменъ, діаконъ волог. Камен. мон., 358.
Парфеновъ, келейникъ Маркела Родышевскаго, отданъ въ солдаты въ Низовый корпусъ по дѣлу о подметномъ письмѣ, 495.
Патока, Захаръ, малороссіянинъ, 179.
Пафнутій, архим. борисоглѣбскій, 667.
Пафнутій, іеродіак., первый инквизиторъ, 100.
Пахомій, игуменъ колоцкаго можайскаго мон. Назначенъ слѣдователемъ въ саровскую пустынь, 532.
Пахомій, монахъ берлюковской пустыни. Показанія его 534, 556, 558, 565.
Пашковъ, воронѣ. вице-губернаторъ, 284, 285.
Перфильевъ, Владиміръ, дворянинъ курскаго уѣзда. Упом. 437. Наказаніе и освобожденіе его, 495.
Перфильевъ, майоръ, присутствуетъ при описи имѣнія покойнаго Ѳ. Прокоповича. 652.
Петровъ, Иванъ, регентъ пѣвческаго хора цесаревны Елизаветы Петровны. Арестъ его, допросъ, показанія и освобожденіе, 569—571.
Петрулинъ, Яковъ, ученикъ школы Ѳ. Прокоповича. 634.
Петръ 1-й Великій, Импер. Всеросс. Назначаетъ Ѳеофана игуменомъ кіевобратск. монастыря и ректоромъ академіи, 17. Отправляетъ молодыхъ людей за границу, 31. Предложеніе ему сорбоннскихъ богослововъ о соедин. церквей, 43. Упом. 57, 58, 60, 66, 70, 72, 78, 83, 84, 88. Благосклонность къ Петру Смѣличу, архим. симон. монастыря, 90. Составляетъ планъ о преобразован. монашества, 119. Исторія Петра В., писанная Ѳеофаномъ, 121—124. Поручаетъ Ѳеофану составить изложеніе христіанскаго ученія противъ ханжей и лицемѣровъ, 127. Смерть Петра В. 146—147. Упом. 148, 149, 150, 151, 162, 163, 187, 188, п. 1, 223, п. 1, 224, 231, 235, 261. 262, 267, 279, 280, 282, п. 2, 283, 287, 313, 314, 327, 332, 340, 366, 369, 376, 377, 390, 396, 399, 400, 402, 403, 405, 416, 422, 430, 439, 463, 469, 480, 481, 484, 510, 523, 528, 546, 548, 549, 551, 560, 564, 573, 576, 577, 588, 590, 591, 605, 606, п. 1. 622, 624, 627, п. 1, 629, 654, 669, 686.
Петръ II-й, Импер. Всеросс. Первое время его царствованія 223. Обрученіе его съ дочерью Меньшикова 225. Разсужденія объ ученіи его 226. Коронація его 242. Склонность его къ княжнѣ Долгоруковой 298, 249. Смерть 249. Упом. 267, 275, 284, 370, 379, 398, 467, 476, 483, 564, 602.
Петръ III-й. См. Карлъ Петръ Ульрикъ.
Петръ Могила, митроп. кіевскій, 2.
Петръ Смѣличъ, сербъ, архим. симонова и потомъ александрон. мон. Совѣтникъ св. Сунода 89, 90. Присутствуетъ въ моск. сунод. конторѣ 100. Докладываетъ импер. Екатеринѣ объ отказѣ Ѳеофана и Ѳеофилакта отъ ихъ новыхъ епархій, 180. Петръ I-й жалуетъ ему панагію, 224.
Петръ, архим., судья псковскаго архіерейск. дома, 49.
Петръ, строитель московской богословской пустыни. Упом. 539.
Пименъ, архим. толгскій, душеприкащикъ Георгія Дашкова, 355.
Питиримъ, архіеп. нижегородск., наз-

начен членомъ св. Сунода 280, 287. Присутствуетъ при кончинѣ Ѳ. Прокоповича, 646. Первенствуетъ при отпѣваніи его, 648. Ѳеофанъ вручилъ ему реэстръ наслѣдниковъ, 649. Упом. 240, 342, 650, 666.

Питиримъ, іером. иверскаго мон. 456.

Питиримъ, архим. казанск. спасскаго мон. 343.

Платонъ Малиновскій, архим. харьковскій, членъ Сунода, 286. Сношенія его съ Родышевскимъ и Евѳиміемъ Коллети, 299, 332, 380, 384, 385, 415. Назначенъ членомъ слѣдств. коммиссіи по дѣлу Серафима Аріона, 417. Арестъ его, Малиновскаго, 425. Исключеніе изъ членовъ Сунода, лишеніе священства и монашества, 431. Слѣдствіе; очная ставка съ Евѳиміемъ Коллети, 431—432. Упом. 433, 436, 443; допросы и показанія его въ Тайной канц. 499 — 500. Упом. 501, 506, 507; прошеніе его объ увольненіи изъ-подъ ареста 674—675; лишеніе священнаго сана и монашества и ссылка въ Сибирь подъ именемъ *Павла Малиновскаго*, 675. Взятъ Иннокентіемъ еп. иркутскимъ въ школьные учители. Возвращеніе сана. Епископъ сарскій, архіепископъ московскій. Смерть его, 676—677.

Плаутинъ. Упом. 685.

Плещеевъ, судья канц. розыскныхъ раскольн. дѣлъ, 100.

Покуска, Паумъ, ученикъ школы Ѳ. Прокоповича, 634.

Поліенъ, печерскій монахъ, 332.

Поликарповъ, директоръ типографіи. Письмо его къ графу И. А. Мусину-Пушкину, 94, п. 2. Упом. 403, 404, 405, 611.

Полуботокъ Павелъ, полковникъ черниговскій, послѣ наказн. атаманъ, 22.

Поповъ, онъ же Венчикъ, поддьякъ устюжскаго архіерейск. дома. Арестъ его по дѣлу о подметномъ письмѣ. Наказаніе и освобожденіе, 494.

Порецкій, Дмитрій, бригадиръ. 435, 485, п. 1.

Поспѣловъ, кам.-юнк. 153.

Прасковья Іоанновна, царевна, 451.

Прасковья Ѳедоровна, царица, супруга царя Іоанна Алексѣевича, 329, 537.

Прибыловичъ, Стефанъ, префектъ московской академіи. 29, 214.

Приказы:
Монастырскій, 60, 99, п. 1.
Патріаршій: объ уничтоженіи его, 60.
Посольскій, 260.
Преображенскій, 243, 248.
Церковныхъ дѣлъ, 99, 1.

Прозоровскій, князь Петръ Ивановичъ, 31, п. 1.

Протасовъ, Алексѣй, ученикъ школы Ѳ. Прокоповича, 634, 637.

Протопоповъ, Павелъ, секретарь московской сунодал. канцелярій. Упом. 290. Доставляетъ свѣдѣнія о могилѣ и надгробіи юрода Тимоѳея Архиповича, 542—544. Письмо къ нему Дудина, 542, п. 1. Упом. 667.

Пустошкинъ, дворянинъ новгородскаго архіерейскаго дома, 512.

Путиловъ, новг. дворянинъ. 514.

Путятинъ, С. И. 534, 561.

Пуффендорфъ, 329.

Р.

Рагузинскій Савва Владисл., 423.

Раевскій, капитанъ, 112, 165.

Рафаилъ Заборовскій, флотскій, іеромонахъ, представляемъ былъ въ иркутскіе епископы, 91. Калязин. архим. и синод. совѣтникъ, 160; посвященъ въ епископы въ Псковъ 186; письмо Ѳеофана къ кіевск. архіеписк. Раф. Заб. о хозяйствѣ кіевскаго братскаго мон., 19, 20.

Репнинъ, кн. А. И., команд. рижскимъ корпусомъ, 155, 157.

Ржевскій, В. И, генералъ-адъютантъ, 507.

Рибейра, доминиканецъ, бывшій въ Москвѣ при испанскомъ посланникѣ, пишетъ въ защиту Камня Вѣры, 369; цѣли католической пропаганды, 371; знакомство его съ русскими духовными, 372, 379; розыски о мѣстѣ напечатанія его книги, 425, 426, 431, 432; переводъ ея на русскій языкъ, 427. Упом. 500, 504.

Ригеръ, лейбъ-медикъ, 639.

Римскій-Корсаковъ, новгородскій ландратъ, 15, 514.

Римскій-Юрьевъ: рапортъ его графу Толстому по дѣлу о Евѳиміѣ (Ливеріѣ) Коллети, 373.

Романъ Копа, іеросхим. и потомъ архим. кіево-печерскаго мон., 299, 332, 501.

Романовъ, Семенъ, ученикъ школы Ѳ. Прокоповича, 634, 636.

Ромодановскій, князь, управл. преобр. приказомъ, 201, 202, 220, 221.

Ростовцевы, Иванъ и Сергѣй, ученики школы Ѳ. Прокоповича, 637.

Рукавкина, Акулина Борисова, вдова проживавшая въ арзамасскомъ дѣвичьемъ мон., 537.
Рябининъ Иванъ, дворянинъ, 194.

С.

Савватій, іерод. инквизиторъ псковскій. Доносъ его на Маркелла Родышевскаго 154—158. Преданъ суду, 183. Возобновленіе дѣла по доносу его на Родышевскаго, 195—196.
Савельевъ, Никита, ученикъ школы Ѳ. Прокоповича, 634, 637, 649.
Савиновъ, Степанъ; см. Серафимъ.
Савицкій, степанъ, ученикъ школы Ѳ. Прокоповича, 634, 636. Придворный проповѣдникъ, 638.
Салтыкова, Александра Григорьевна, урожденная Долгорукова; о разводѣ ея съ мужемъ, 86, 129.
Салтыковъ, Васил. Ѳедоровичъ, кравчій. О разводѣ его съ женою, 86, 129.
Салтыковъ, Семенъ Андреовичъ, завѣдывавшій конторою тайной канц. въ Москвѣ, 335, 436, 496, 497, 517, 523.
Самаринъ. Объявленіе имъ Стефану Яворскому вызова въ Петербургъ по дѣлу Тверитинова, 64.
Самгинъ, Яковъ; см. *Іосія Самгинъ*.
Сампсонъ, митр. астраханскій, 81, п. 2, 283.
Самсоновъ, Игнатій, ученикъ школы Ѳ. Прокоповича, 634.
Самуилъ Миславскій, митроп. кіевскій, 19, п.
Сантій, графъ. Упом., 518, 549.
Сарбіевій, (Казиміръ), польскій іезуитъ, профессоръ виленской іезуитск. академіи, 5, п. 2.
Свѣтлой, Ѳедоръ, ученикъ школы Ѳ. Прокоповича, 634, 637, 649.
Селлій, Адамъ, датчанинъ, учитель школы Ѳ. Прокоповича, 631, 640, п. 1.
Семеновъ, Герасимъ, секрет. Ѳеодосія Яновскаго. Арестъ его, 166; показанія его на Ѳеодосія 170. Казнь, 173.
Семеновъ, Іоаннъ, протопопъ с.-петербург. троицкой церкви, синодальный ассесоръ, 169, 286, 374, 497, перев. въ Москву къ благовѣщ. собору, 97; снова назначенъ синод. членомъ, 286. Увольненіе отъ Синода, 287. Присутствуетъ при снятіи сана съ Варлаама Овсянникова 169 и Сильвестра Холмскаго, 347, и при описи оставшагося послѣ Ѳеофана имущества, 647.
Семеновъ, Никифоръ, иподьяконъ тверскаго архіерейскаго дома, 656.
Семинарія С.-Петербургская, 133—137.
Сенатъ правительств. Слѣдствіе надъ Стефаномъ Яворскимъ, мѣстоблюстителемъ патріаршаго престола, 65. Конференціи съ Сунодомъ по дѣлу о Ѳеодосіѣ Яновскомъ, 116—118, и объ устроеніи Синода, 280—282.
Серапіонъ, іеромонахъ, строитель берлюковской пустыни, 557.
Серафимъ Аріонъ (въ мірѣ Степанъ Ивановъ Погонатъ). Издалъ Нов. Завѣтъ на народномъ греческ. языкѣ, 416. Присланъ къ Ѳеофану для допросовъ, 447. Показанія Серафима, 417—422. Арестъ его; ссылка въ Сибирь въ Охотскій острогъ, 422—424.
Серафимъ, (въ мірѣ Степанъ Савиновъ) архим. духова мон., потомъ иверскій, 413. Слѣдствіе надъ нимъ за послабленіе арестанту Аврамову; лишенъ сана и сосланъ въ александро-свирскій мон., 458—459.
Серафимъ Лупкинъ, см. *Лупкинъ Спиридонъ*.
Сергій, архим. высоко-петровск. мон., участвуетъ въ ассамблеяхъ Ѳеод. Яновскаго, 112. Назначенъ въ составъ конференціи Сената съ Сунодомъ объ устроеніи Сунода, 281.
Сергій, монахъ саровской пустыни, 540.
Сергій, строитель софроніевой пустыни, арестъ его, 435, 437; освобожденіе, 495.
Сердюковъ, Михаилъ, посадскій человѣкъ г. Вышняго Волочка, 658.
Сильвестръ, берлюковскій іеромонахъ 522. Арестъ его, 523. Лишеніе сана, 532. Показанія его, 536. Упом. 542, 547, 555, 560, 568, п. 1.
Сильвестръ Холмскій, митроп. нижегородскій, потомъ еп. смол., тверскій, рязанскій и наконецъ казанскій митр. Протестъ его противъ Ѳеодос. Яновскаго, 84; упом. 113, п. 1; 282; свѣдѣнія о его службѣ, 341—345; ссылка въ александро-невскій мон., переводъ въ крыпецкій мон.; судъ надъ нимъ, лишеніе сана и заключеніе въ замокъ Германъ въ Выборгѣ, 345—347. Упом., 371, 403, 465, 665, п. 1. Смерть его, 671.
Сильвестръ, Святополкъ, кн. четвертинскій, епископъ бѣлорусскій, 254.

Симеонъ, епископъ псковскій. Упом. 677.

Симеонъ Полоцкій, 77, 611.

Симонъ Кохановскій, іеромонахъ, с.-петербургскій проповѣдникъ. Свѣдѣнія о немъ; отношенія его къ Ѳеофану; письма къ архим. Епифанію Тихорскому, 443—445. Допросы его и показанія, 445—446; содержаніе подъ карауломъ въ московскомъ златоустовскомъ мон.; повинная его Суноду; запрещеніе говорить проповѣди; отсылка на обѣщаніе въ Кіевъ, 446—447. Упом. 448, 449, 450, 466, 605, 606.

Симонъ Тодорскій, 32, 589.

Синодъ. Учрежденіе его, 70. Проповѣдь Ѳеофана при открытіи Сунода, 72. Первоначальный составъ Сунода, 73. Важнѣйшія распоряженія Сунода въ первое время послѣ его учрежденія, 99; недовольство великорусскихъ архіереевъ, монаховъ и мірянъ, за введеніе членами въ Сунодъ изъ малороссійскихъ ученыхъ, 98, 707. Нареканія раскольниковъ на синодъ, 59. Раздѣленіе его на два департамента и переименованіе въ Духовный Сунодъ, 187. Дѣла его въ безпорядкѣ, 187. Униженное состояніе Сунода при Петрѣ 2-мъ, 223. Ревизія Сунода, 224. Указъ импер. Анны о лучшемъ устроеніи Сунода, 279. Указъ ея же о новомъ составѣ Сунода, 286. Представленіе Сунода о присвоеніи синод. членамъ прежнихъ званій и рангова, 287. Назначеніе жалованья синод. членамъ, 287. Учрежденія бывшія подъ вѣдѣніемъ Сунода, 99. Сунод. контора въ Москвѣ, 99. Жалованье удержано у синод. членовъ за недоимку, 144.

Скорняковъ-Писаревъ, командиръ Охотска, 301, п. 1, 681, п. 2.

Скоропадскій, гетманъ Малороссіи, 22.

Скрыпицынъ, іеродіаконъ. Арестъ его по дѣлу о подметномъ письмѣ къ Ѳеофану Прокоповичу, 425. Участіе въ переводѣ сочин. Рибейры, 426—427.

Содалетъ, Яковъ. Итальянецъ, сначала секретарь папы Льва X, потомъ епископъ и кардиналъ, 6.

Соловцовъ, С. И. Упом., 534.

Соловьевъ, Алексѣй, ученикъ школы Ѳ. Прокоповича, 637.

Солнцевъ, князь, псковскій воевода, 346.

Софія-Луиза, прусская королева, 416, 425.

Софроній Мигалевичъ, архим. заиконоспасскаго мон., ректоръ московской академіи. Арестъ его по дѣлу о подметномъ письмѣ, 425. Допросы и показанія въ Тайн. канц. и освобожденіе его, 499—500.

Спиноза Бенедиктъ, еврей, изв. философъ, 589.

Станиславъ Лещинскій, король польскій. Стихотвореніе о немъ Ѳеофана Прокоповича, 600.

Степановъ, Герасимъ, ученикъ школы Ѳ. Прокоповича, 634, 637.

Степановъ, Осипъ, вологодскій архіерейскій секретарь, 348, 350, 351.

Степанъ Кирилловъ, попъ. Прикосн. къ дѣлу о подметномъ письмѣ къ Ѳеофану и пасквилѣ, 436.

Стефанъ Калиновскій, ректоръ моск. акад. 432, послѣ невскій архимандр., сотрудникъ Ѳ. Прокоповича по исправленію славянской библіи, 589. Назначенъ для бесѣды съ Малярдомъ, 596. Присутствуетъ при кончинѣ Ѳ. Прокоповича, 646. Упом. 650 п. 1.

Стефанъ Яворскій, обучавшійся за границей подъ видомъ уніата; присоединенъ къ православной церкви, 3, 8; митрополитъ рязанскій и мѣстоблюститель патріаршаго престола, 57—60; Намеки на него въ проповѣди Ѳеофана, 28. Наблюдаетъ за исправленіемъ слав. библіи, 30; меморіалъ его Петру В. о состояніи моск. акад. 31. Протестуетъ противъ посвященія Ѳеофана въ епископы, 34. Отзывъ иностранца Буддея о его управленіи патріаршествомъ, 45. Неудовольствіе противъ него Государя, 61. Осуждаетъ противниковъ церкви 64 и навлекаетъ тѣмъ новый гнѣвъ Государя, 65—62. Президентъ Сунода, 70—74. Протесты его въ Сунодѣ, 105—110. Допросы его по поводу одного акафиста, 111. Смерть его, 111. Упом. 171, 190, 203, 266, 283, 297, 309, 342, 368, 365—407, 420, 436, 466, 469, 533, 334, 550, 604, 627, 628.

Стеллеръ, домашній врачъ Ѳеофана Прокоповича, посланъ въ сибирскую экспедицію; сопровождаетъ Беринга въ путешествіи по берегамъ Ледовитаго моря; смерть его на обратномъ пути въ Россію, 623. Латинское стихотвореніе къ нему Ѳеофана Прокоповича, съ русскимъ переводомъ, 623, п. 2. О его сочиненіяхъ, 624.

Стечкинъ, ассесоръ, 560.

Столѣтовъ, казненный въ 1738 г. О разговорѣ его съ Бадакиревымъ, 541, п. 1.
Страленбергъ. Упом. о немъ въ исчисленіи ученыхъ трудовъ Ѳ. Прокоповича, 590. Упом. 627.
Стрѣшневъ, Тихонъ, 58, 64.
Сурикъ, Иванъ, ученикъ школы Ѳ. Прокоповича, 649.
Сычъ, Иванъ, ученикъ школы Ѳ. Прокоповича, 634, 649.

Сѣдельниковъ, Герасимъ, устюжскій купецъ, 492.
Сѣдякъ Семенъ, ученикъ школы Ѳ. Прокоповича, 633, 647.

Т.

Таисія Иванова, хлыстовская старица. 508.
Талицкій, Григ., типографщикъ, казненный при Петрѣ В. 60, 207, 393.
Тарасій, патріархъ цареградскій, 305.
Татищевъ, В. Н., астраханскій губернаторъ и авторъ «Россійской Исторіи». Упом. 150, п. 3, 537, п. 1, 591. Ходатайствуетъ о разводѣ съ женой, 467. Сношенія съ Ѳеофаномъ Прокоповичемъ; участіе въ событіяхъ. 1730 г. 613—616. Упом. 622.
Тверитиновъ, Дмитрій, изувѣръ. Отлученіе его отъ церкви за оскорбленіе святыни, 64. Упом. 400.
Тепловъ, Григорій Никол., ученикъ школы Ѳ. Прокоповича, послѣ статсекретарь при Екатеринѣ II и сенаторъ, 628, 634, 636, 638.
Терлецкій, Василій, протопопъ исакіевскаго соб. Духовникъ Ѳ. Прокоповича, 650.
Терлецкій, ученикъ кіевской академіи, 332.
Тидеманъ, нотаріусъ при Академіи Наукъ, 624.
Тимофѣевъ, Андрей, ученикъ школы Ѳ. Прокоповича, 637.
Тимофѣй Архиповичъ, расколоучитель, юродивый. Упом. 522, 524. Свѣдѣнія о немъ 537—541. Упом. 559.
Типикъ, Андрей, ученикъ школы Ѳ. Прокоповича, 634, 649.
Типографіи: кіевопечерская 432. Невскаго монастыря и с.-петербургская. Закрытіе послѣднихъ, 223. Возраженіе Радышевскаго на книги, напеч. въ невской типографіи, 231. Московская 432, 434. Патріаршая, 60. Ревельская 432. С.-Петербургской Академіи Наукъ: въ ней напечатана книга Рибейры, 431. Черниговская, 432.
Тихонъ, митроп. казанскій, 343, 396.
Тихонъ, іеродіаконъ клобуковск. мон. 475.
Тишинъ, секр. Синода, 166, 172, 281, 286, 289.
Томиловъ, подъячій сибирскаго приказа, 496. Отсылка его въ военную коллегію, для сдачи въ солдаты. 498.
Толстой, гр. Петръ Андреевичъ. Второй секрет. при посольствѣ въ Константинополѣ, 93, 94, 116, 118, 160, 164, 165, 174, 178, 193, 201, 252.
Толстой, графъ Д. А. Авторъ сочиненія: «Le Catholicisme romain en Russie». (Paris 1863). Свѣдѣнія о совращеніи княгини И. П. Долгоруковой въ католичество, 371—372, п. 1.
Томасъ Консе, пасторъ англиканской церкви въ Россіи. 627, п. 1.
Топильскій, судья въ канц. розыскныхъ раскольн. дѣлъ, 100, 165, 300, 556, 566, 666, п. 1.
Тредьяковскій, Вас. Кирил. 384, 385.
Трифиллій, архим. каляз., судья тіунской конторы, 99, п. 1.
Троекуровъ, кн. И. Б., 282.
Трубецкой, князь Н. Ю., 281, 612 и тж. п. 1.
Тулуповъ, Петръ, ученикъ школы Ѳ. Прокоповича, 634.

У.

Уваровъ, графъ Сергій Семеновичъ, 597, п. 1.
Украинцовъ, Емельянъ, дьякъ посольскаго приказа, 260.
Ульяновъ, Трофимъ, ученикъ школы Ѳ. Прокоповича, 634, 649.
Урбанъ VIII, папа Римскій. I—5.
Устряловъ, Н. Г., историкъ Петра В., 681, п. 3, 686, п. 1.
Утенокъ, Алексѣй, ученикъ школы Ѳеофана, 649.
Ушаковъ, А. И., графъ, начальникъ Тайной канцеляріи, 166, 170, 282, 297, 301, 339, 373, 383, 428, 431, 436, 441, 475, 476, 484, 489, 490, 491, 511, 512, 513, 524, 526, 544, 569, 596, 657, 661, 662, 678.

Ф.

Фандербекъ, (Михаилъ Шендъ или Схендъ), 89—90, п. 3—96. Отзывы его объ Аѳанасіѣ Кондоиди 96 и Ѳеофилактѣ Лопатинскомъ, 671.

Ѳедоровичъ, Георій-Фридрихъ, прусскій подданный, учитель школы Ѳ. Прокоповича, 631.
Филагрій, іеромонахъ, 112, п. 1, 566, 567, п.
Филаретъ, Гумилевскій, архіеп. черниговск. упом. 7, п. 2, 9, п. 2, 18, п. 2, 591, п. 3 и 4, 596, п. 1.
Филаретъ, патріархъ, 389.
Филаретъ, архим. иверскій, 413, 465, п. 1.
Филипповъ, Якимъ, канцелярист.; арестъ его по дѣлу Маевскаго; ссылка въ Иркутскъ, 664—665; принятъ въ домъ Иннокентія, еписк. иркутскаго, 673.
Филиппъ, митр. моск. (св.), 113—162.
Филофей Лещинскій, митр. сибирскій, 396.
Филофей, грекъ, прежде архіепископъ охридскій, потомъ смоленскій, 98, п. 2.
Фирсовъ, дворянинъ новгородскій 199, 201, 202.
Флейпсъ, штабсъ-лекарь, 480.
Флоровъ, Алексѣй, ученикъ школы Ѳ. Прокоповича, 634, 637.
Фонъ-Гавенъ, авторъ книги «Reise in Russland» 589, п. 2. Мнѣніе его о Ѳеофанѣ, 627—628. Упом. 639.
Фотій, патріархъ, 217.
Франке, Августъ Германъ, профессоръ богословія въ Галлѣ, піэтистъ. Изд. Нов. Завѣта на греч. языкѣ 416, 424. Недоброжелательствуетъ Вольфу, 617.
Фришъ, ректоръ берлинскій, 627.
Функъ, шведскій полковникъ, посланникъ въ Константинополѣ, 422.

Х.

Ханенко, учитель Академіи Наукъ, 173.
Хитровъ, Андрей, зять Дашкова, 185.
Холмскій, Осипъ Дорофѣевичъ, холмогорскій помѣщикъ, братъ митрополита Сильвестра Холмскаго, 341.
Хрущовъ, дѣлопроизводитель Тайной канц. въ С.-Петербургѣ, 335, 527, 544. 656.

Ч.

Чекинъ, Яковъ. Арестъ его по дѣлу о подметномъ письмѣ, 496.
Челыкъ, пѣшій князецъ тунгузскій. Упом. о крещеніи его, 685.
Черкасская, Варвара, дочь князя Черкасскаго. Упом. 483.
Черкасскій, князь А. М., кабинетъ-министръ, 258, 259, 281, 296, 327, 383, 441, 483, 484, 486, 552, п. 1. 612, 636. 637, 648, 652, 674.
Чернцовъ, Иванъ, ученикъ школы Ѳ. Прокоповича. 634.
Чижъ, Алексѣй, ученикъ школы Ѳ. Прокоповича. 634.
Чириковъ, А. И., капитанъ флота. Упом. 681, 682, 683, 684, 685, 686, 687, 688.
Чириковъ, Михаилъ, 81.
Чичеринъ, Кириллъ, судья монастырскаго приказа, 100, п. 165.
Чуркинъ, діаконъ, 169.

Ш.

Швайковскій, Яковъ, полковникъ, посылается въ Могилевъ для слѣдствія по жалобѣ кіевскаго митрополита на архидіакона Каллиста. 254.
Шеинъ, Мартинъ Ильинъ, ученикъ школы Ѳ. Прокоповича, 636.
Шепелева, Мавра Егоров., фрейлина цесар. Елизаветы Петровны, впослѣдствіи графиня Шувалова. О комедіи ея, 571.
Шереметевъ, Б. П., фельдмарш., 185.
Шереръ, издатель біографіи Ѳеофана, 1, п. 1, 33.
Шиповъ, полковникъ. 606, п. 1.
Шишкинъ, подпоручикъ л. гв. 552, п. 1.
Штелинъ. Упом. 628, 629, п. 2.
Шумахеръ. Письмо его къ марбургскому профессору Вольфу, по поводу приглашенія послѣдняго въ петербургскую Академіи Наукъ, 617—618 Упом. 622.
Шушеринъ, капитанъ, 246.

Щ.

Щелягины, Иванъ и Максимъ, торговые люди, 436, 523, 525, 526, 568.
Щепинъ, секретарь коллегіи экономіи. Упом. 666, п. 1.

Ю.

Юрловъ, Михаилъ Матвѣевичъ, помѣщикъ нижег. губ., отецъ Льва Юрлова (въ мірѣ Лаврентія), епископа воронежскаго, 282.
Юрьевъ, капитанъ, слѣдователь по по дѣлу Аврамова въ иверскомъ монастырѣ, 412, 456, 458.
Юрьевъ, Яковъ, ученикъ школы Ѳ. Прокоповича, 636.

Юстиніанъ, Ринотметъ, сынъ греч. импер. Константина, 423.
Юсуповъ, князь, 118—161.
Юшкова, Анна Ѳедоровна. Упом. 682.

Я.

Яблонскій, Даніилъ Эрнстъ, президендъ Берлинской Академіи Наукъ, 368, 627.
Яблонскій, Іоаннъ Теодоръ, авторъ сокращенія книги «Камень вѣры» на латин. языкѣ. 368.
Яблонскій, протестантскій историкъ христіанской церкви, 45, п.
Яворскій, Ѳедоръ, братъ Стефана Яворскаго, 395.
Ягужинскій, ген. прокуроръ. 116, 117. 161, 164, 166, 257, 358, 121, 484, 486,
Яковлевъ, Александръ Андреяновъ, секретарь придворной конторы. Письмо къ нему кабинетъ-министра А. В. Макарова, 64, п. 2. Упом. 338, 435. Свѣдѣнія о немъ, 437—439; арестъ его, допросы и показанія, 439 — 441. Письмо къ нему Маркелла Родышевскаго 449—450; показанія при допросѣ, 450—451. Упом. 454, 460. Новые допросы и ссылка въ Охотскій острогъ, 498 — 499. Упом. 561, 565, 568, п. 1. Возвращеніе изъ ссылки, 674.
Яковлевъ, Иванъ, греческій учитель. Арестъ его по дѣлу о подметн. письмѣ; показанія его, 441—443. Упом. 448, 449, 568, п. 1.
Янъ Говій, лекарь. Юмористическое письмо къ нему Ѳ. Прокоповича, 629—631. Свѣдѣнія о немъ 629, п. 2.
Ярмирковскій, Семенъ, рижскій протоіерей. Покупка его библіотеки Ѳеофилактомъ Лопатинскимъ, 381, 486.

Ѳ.

Ѳеодосій Яновскій, архіеп. новгор., вице-презид. Сунода. Свѣдѣнія о его жизни, 74—87. Злоупотребленіе власти и излишества, 112. Ропотъ духовенства. Сочиненіе духовн. штата. Возбуждаетъ гнѣвъ Государя своею притязательностію, 113. Ходатайствуетъ у Императрицы о прощеніи; прощеніе; первенство въ служеніи при коронаціи Им-цы. Отъѣздъ Ѳеодосія къ марціальнымъ водамъ, 414. Доносы на Ѳеодосія и слѣдствіе надъ нимъ 115 — 118. Упом. 150. Дѣйствія его въ Сунодѣ 151—152. Горячность его при приглашеніи на панихиду по Петрѣ В. 152 — 153. Отказъ на приглашеніе къ столу Им-цы, 153 —154. Доносъ Ѳеофана на Ѳеодосія 160. Арестъ Ѳеодосія 160. Ходатайство герц. голштинскаго и письмо Ѳеодосія къ Государынѣ, 164. Розыскъ о письмѣ неизвѣстнаго къ Ѳеодосію, 166. Объявленіе приговора о ссылкѣ его въ солов. мон. 167. Дѣло о незаконной присягѣ на вѣрность Ѳеодосію отъ его подчиненныхъ, 174. Судъ, лишеніе сана, заключеніе въ тюрьму, болѣзнь, смерть и погребеніе его, 175 —179. Упом. 181, 184, 192, 193, 199, 210, 214, 265, 275, 277, 303, 328, 329, 331, 332, 342, 392, 400, 402, 446, 463, 510, 548, 550, 551, 574, 576.
Ѳеологъ, монахъ-справщикъ, 463.
Ѳеофанъ Прокоповичъ, намѣстникъ кіево-братскаго монастыря, ректоръ кіевской академіи, 1.
Ѳеофилактъ, архим. кириллова бѣлозерскаго мон. 448.
Ѳеофилактъ Жураховскій, іеромонахъ заиконоспасскаго монастыря, 500.
Ѳеофилактъ, іеродіаконъ саровскаго монастыря, 524, 568, п. 1.
Ѳеофилактъ Лопатинскій, учитель кіевскій, ректоръ москов. академіи, 29. Протестъ противъ Ѳеофана, объ игѣ неудобоносимомъ. Вызванъ Петромъ В. въ С.-Петербургъ, 30; опровергаетъ заблужденія лжеучителей московскихъ, 30; пишетъ противъ Мавроурбина о просвѣтителяхъ славянскихъ, 30; представленія его о худомъ состояніи моск. школъ, 31; протестъ его противъ Ѳеофана, 40. совѣтникъ св. Сунода, 92; изъявляетъ желаніе потрудиться въ званіи епископа въ Иркутскѣ, 91; тверскій епископъ, 93; показанія его о Ѳеодосіѣ, 162, 163; извиненіе его въ обвиненіи Ѳеофана въ неправославіи, 171, 705; отказывается отъ псковской епархіи, 180, 182; посылается отъ Сунода съ докладомъ къ Императрицѣ, 187; второй вицепрезидентъ въ Сунодѣ, 188; присутствуетъ въ Верх. Т. Совѣтѣ, 226; кандидатъ на патріаршество, 229; уволенъ изъ Сунода, 286; пишетъ противъ Буддея въ защиту Камня Вѣры, 366; запрещено ему писать это защищеніе и упоминать объ этомъ, 366—384; принимаетъ къ себѣ Рѣшилова, 460—462; разговоры съ Іоасафомъ Маевскимъ, 469—466; присутствуетъ при коронаціи Императрицы Анны,

468. Допросы ему по дѣлу Рѣшилова и показаніямъ Іоасафа Маевскаго, 462—469. Устраненіе его изъ Синода, 468. Вызовъ въ С.-Петербургъ для допросовъ и допросы, 485 — 490. Арестъ его, 654. Ссылка въ Выборгъ, 654—655. Вызовъ изъ Выборга и допросы, 656. Освобожденіе. Смерть его и погребеніе, 669—670. Отзывы о немъ современниковъ, 670—671.

Ѳеофилъ Кроликъ. Біографія его 573. Учитель московск. акад., выпрашивается за границу для образованія 32, 373. Synod. совѣтникъ 364; показанія его о Ѳеодосіѣ 162; сообщникъ Ѳеофана 202, 304, 328, 332; чудовскій архимандритъ 374; отрѣшенъ отъ Синода и отъ архимандріи 374 — 375; сношенія его съ Рибейрой 379, 426. Упом. 573, 605, 606.

Ѳома, цирюльникъ, изувѣръ, изрубившій въ Чудовѣ образъ чудотворца Алексія. Отлученіе его отъ церкви 64; казнь его, 550.

2007041601